Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

5.

(Содержаніе Р. Архива 1884 г. см. на обор.).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

Библиотека "Руниверс"

Въ Конторѣ Русскаго Архива получать можно полное годовое изданіе шести книгъ 1884 года со всѣми приложеніями. Цѣна съ пересылкою 9 рублей.

Письма Екатерины Великой къ И. И. Неплюеву.—Достопамятный разговоръ Екатерины Великой съ княгинею Дашковой (1793).—Жертва ревности князя Потемкина.—Записки Московскаго мартиниста сенатора И. В. Лопухина.—Письмо князя Адама Чарторыжскаго къ Н. Н. Новосильцову (1812).—Страницы прошлаго. Ѳ. И. Тимирязева, съ портретомъ И. С. Тимирязева.—Письма императора Николая Павловича къ гр. А. Х. Бенкендорфу.—Императоръ Николай Павловичъ и Петербургскіе старообрядцы.—Ночь съ 17 на 18 Февраля 1855 года. Разсказъ доктора Мандта.—Воспоминанія Григорія Ивановича Филипсона.—Разсказы изъ недавней старины И. С. Листовскаго.—Воспоминанія Е. П. Самсонова.—Изъ забытыхъ стихотвореній.—Некрологи (Н. П. Розанова, А. Ѳ. Томашевскаго, А. И. Кошелева).—Пушкинъ и Великопольскій. Три новыя письма Пушкина со стихами.—Изъ писемъ Ѳ. В. Чижова къ художнику А. А. Иванову. — О Мятлевскомъ ожерельѣ. — Генеологическая замѣтка (дѣти князя Г. Г. Орлова). Д. К.— Изъ бумагъ князя И. А. Шаховскаго (Передвиженія войскъ при Павлѣ).—Память о 1812 годѣ въ обсерваторіи Московскаго Университета. — Очерки военныхъ сценъ 1812—1814. Записки князя Николая Борисовича Голицына.—1812-й годъ. Письмо графа С. Р. Воронцова къ герцогинѣ Девонширской.—Старообрядческій богадѣленный домъ въ городѣ Судиславлѣ (1828).—Русскій человѣкъ К. С. Безносиковъ. Статья И. С. Листовскаго.—Записки композитора Алексѣя Ѳедоровича Львова.—А. С. Пушкинъ. (1816—1837). По документамъ Остафьевскаго Архива и личнымъ воспоминаніямъ. Статья князя П. П. Вяземскаго.—А. С. Пушкинъ и С. С. Хлюстинъ. Ихъ переписка. (1836).—Письмо А. С. Пушкина къ П. Я. Чаадаеву съ опроверженіемъ „Философическихъ писемъ“ (1836).—А. С. Хомяковъ о сельской общинѣ.—Изъ писемъ А. С. Хомякова къ А. Н. Попову. — Н. Э. Лясковскій. Его біографія, написанная его сыномъ В. Н. Лясковскимъ.—Изъ шуточныхъ стихотвореній недавней старины: а) церемоніалъ погребенія поручика Кузмина. б) Соболевскій про пѣвца Гулака-Артемовскаго.—Разсказы и анекдоты про Петра Великаго. — Императоръ Александръ Павловичъ въ Кіевѣ. — Достопамятная черта въ частной жизни Сперанскаго (Дочь Маріанны Злобиной). — Изъ воспоминаній о моемъ дѣтствѣ. А. П. Марковой (Кернъ).—Стихи С. А. Соболевскаго про А. П. Кернъ.—Неизданное мѣсто изъ Записокъ Н. А. Греча (о младенцѣ Александрѣ Николаевичѣ).—Письма Николая Павловича къ графу Ѳ. В. Сакену вслѣдъ за воцареніемъ. -- Переписка вел. князя Константина Павловича съ графомъ А. Х. Бенкендорфомъ. 1826—1828.—Письмо Жуковскаго о преподаваніи Александру Николаевичу свѣдѣній о бывшей Польшѣ (1829).— Московская холера 1830 года (по письмамъ Кристина къ графинѣ С. А. Бобринской). — Старинная афиша маскарада въ Михайловскомъ дворцѣ (1844).— Обозрѣніе Кіевской, Подольской и Волынской губерній за двѣнадцать лѣтъ Бибиковскаго управленія, съ послѣсловіемъ издателя. — Къ исторіи отмѣны крѣпостнаго права. (Негласные комитеты при Николаѣ Павловичѣ). — Рѣчь императора Николая Павловича Петербургскому дворянству (1851).—Изъ Записокъ стараго Преображенца.—Похороны Польскаго митроп. Фіалковскаго (изъ Записокъ современника-очевидца.—Солдатская пѣсня 1861 года. Воспоминанія А. Л. Зиссермана. (Осень 1856 года).—Острое слово Н. А. Безобразова.—Булгаринъ въ Ревелѣ (письмо П. В. Нащокина къ С. Д. Полторацкому).—Архивная справка (Достоевскій и Тургеневъ).— Стихи Некрасова про **.—Шуточные стихи М. П. Погодину.—Легенда (Везомый паромъ, а не паромъ). Стихи С. А. Соболевскаго.—Письма А. С. Хомякова къ Н. М. Языкову, къ графинѣ А. Д. Блудовой и другимъ лицамъ.—Письма къ А. С. Хомякову: а) брата его Ѳедора Степановича, б) Ф. Ф. Вигеля, в) В. А. Жуковскаго.—Письма Ф. Л. Кристина къ знакомой ему дамѣ на Французскомъ языкѣ. Въ особомъ приложеніи.—А. М. Веневитинова. Некрологъ.

Приложены портреты Великаго Князя Константина Павловича, Лопухина, Лясковскаго, Тимирязева, Хомякова и его пріятелей. Особою книгою: Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя двадцать лѣтъ этого изданія.

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885.

2.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1885 году „Руссій Архивъ“ выходитъ 12 разъ въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу, съ особымъ счетомъ страницъ.

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Чтò пройдетъ, то будетъ мило.

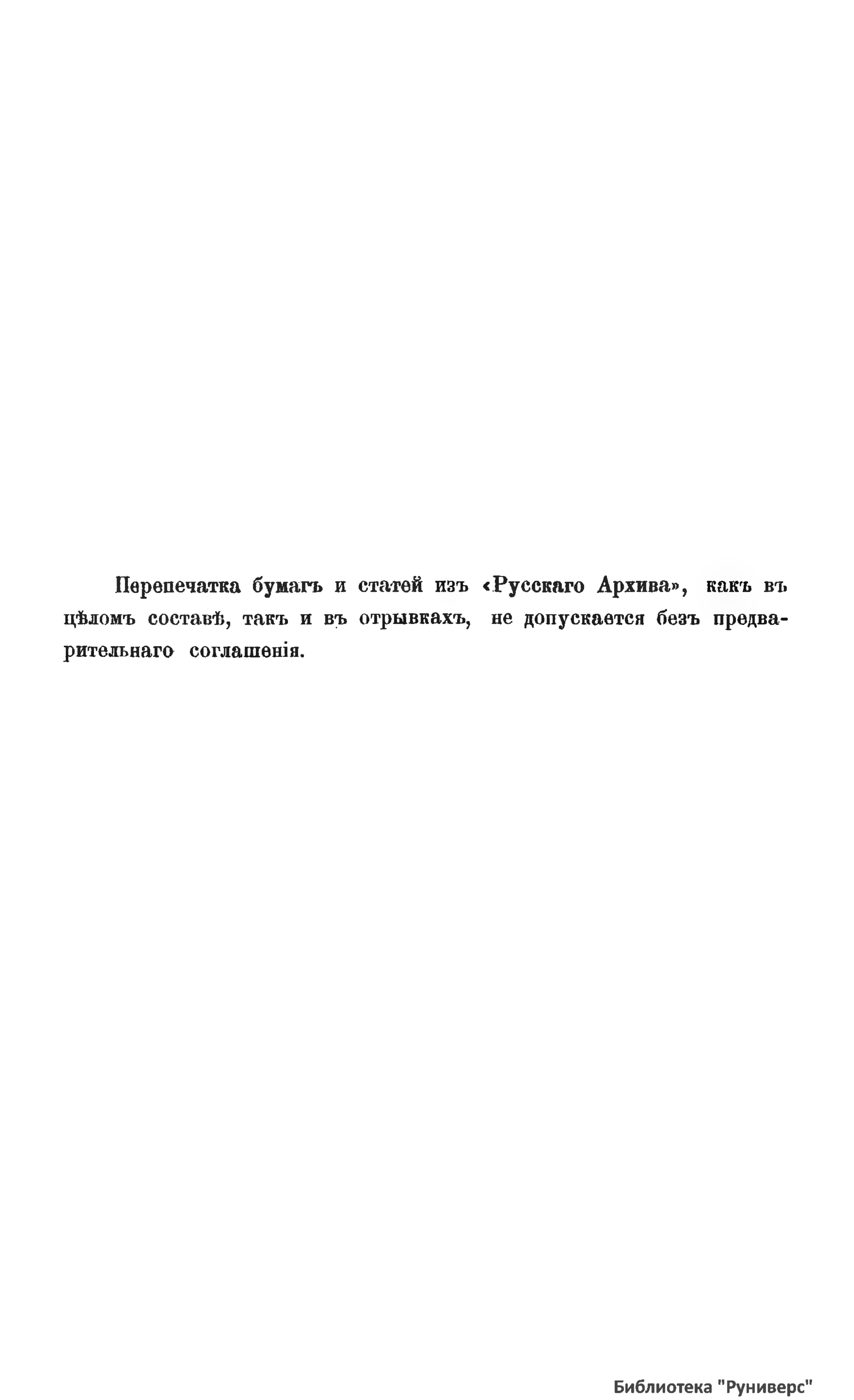
Пушкинъ.

1885.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

Библиотека "Руниверс"



Перепечатка бумагъ и статей изъ «Русскаго Архива», какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и въ отрывкахъ, не допускается безъ предварительнаго соглашенія.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ ГРАФА ДМИТРІЯ НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТАГО.

Скончавшійся на 78-мъ году отъ роду, 14 Марта 1884 года, графъ Д. Н. Толстой принадлежалъ къ числу достопамятныхъ людей Русской земли, и мы признательны вдовѣ его за позволеніе обнародовать нижеслѣдующія выдержки изъ его Записокъ, къ сожалѣнію не конченныхъ. Живой умъ и дѣятельное сердце постоянно влекли его къ участію въ современной жизни и, нѣсколько разъ принимаясь за свою автобіографію, онъ покидалъ ее для какого нибудь другаго труда, который болѣе занималъ его. Богословіе, исторія, археологія, языкознаніе и внутренняя политика были предметами его долгихъ и всегда самостоятельныхъ наблюденій и разслѣдованій. Многихъ людей вывелъ онъ на плодотворную дѣятельность; немало дѣльныхъ сочиненій по вышеназваннымъ предметамъ одолжены ему своимъ починомъ. Человѣкъ глубокой вѣры, но безъ малѣйшей тѣни ханжества и непрошеннаго наставничества, онъ въ тоже время былъ многосторонне образованъ. Его уважали и любили отъ крестьянской избы и монастырской кельи до дворцовъ и министерскихъ палатъ, и лишь стойкость нрава помѣшала ему занимать первенствующія должности. Долго не позабудется имя такого вѣрнаго сына церкви и такого истинно-Русскаго человѣка, какимъ былъ графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой. П. Б.

I.

28-го Марта 1872 г. [1])

Давно и многіе совѣтовали мнѣ приступить къ составленію записокъ о моей жизни, и я уже не разъ начиналъ ихъ. Первые мои годы до 14-тилѣтняго возраста описаны мною еще въ сороковыхъ годахъ и напечатаны въ тоже время въ «Иллюстраціи», изд. А. П. Башуцкимъ, въ какомъ именно году не помню [2]), подъ заглавіемъ «Автобіографія

---

[1]) Писано въ Сергіевомъ Посадѣ.

[2]) 1848 г., № 33.

Библиотека "Руниверс"

обыкновеннаго человѣка». Гораздо позже, уже по выходѣ моемъ изъ департамента полиціи исполнительной, описано мною служеніе мое въ должности директора этого департамента, но не доведено до конца и брошено во множествѣ другихъ моихъ бумагъ въ селѣ Толстыхъ. Нѣкоторое время службы моей также записано въ особо переплетенной книгѣ, озаглавленной: «Diariuš», и находящейся въ моей Знаменской библіотекѣ. Это описаніе ведено въ формѣ дневныхъ записокъ и заключаетъ въ себѣ нѣсколько мѣсяцевъ изъ моей Рижской жизни [3]). Но всѣ эти попытки были отрывочны, не имѣли продолженія и принесены въ жертву моей лѣни.

Жизнь моя сама въ себѣ не представляетъ ничего особеннаго, развѣ только то, что я провелъ ее безплоднѣе многихъ другихъ. Неутѣшительныя, стало быть, будутъ для меня многія воспоминанія, и по самолюбію я не долженъ былъ бы рѣшаться на изложеніе ихъ въ этой тетради. Но, съ одной стороны, настоянія моихъ друзей, а съ другой—совершенное отсутствіе всякой дѣятельности заставляютъ меня рѣшиться на этотъ трудъ, особенно при мысли, что эти строки со временемъ будутъ прочтены, если не съ пользою, то, надѣюсь на милость Божію, съ любовію, моимъ сыномъ, котораго я люблю больше всего на свѣтѣ...

Я родился 12-го Марта 1806 года въ с. Знаменскомъ, Толстые тожъ, Рязанской губерніи, Данковскаго уѣзда [4]), отъ отца графа Николая Ѳедоровича и матери гр. Натальи Андреевны, урожденной княжны Львовой. Семейство наше состояло изъ пяти сестеръ и трехъ братьевъ; я былъ самый младшій. Не буду я расхваливать здѣсь моихъ родителей: всякая похвала имъ отъ нѣжно любившаго ихъ сына могла бы показаться преувеличенною или пристрастною, чего я не отрицаю. Скажу однакоже, что, насколько я могу отвлечься мысленно отъ всякаго пристрастія, мнѣ кажется, что они были люди строго благочестивые, добрые и несомнѣнно честные. Насъ они любили нѣжно, а мы, можно сказать, боготворили ихъ. Гостепріимство составляло главную черту отца, любовь къ человѣчеству и невозмутимыя кротость и доброта сердца—матери. Кого-кого не жило въ нашемъ домѣ? Кто не

[3]) Напечатано въ статьѣ „Прибалтійскій край“. Изъ дневника Русскаго чиновника (1845—1846). Русскій Архивъ 1881 г. III, 85.

[4]) Покойный графъ такъ любилъ это помѣстье, что за нѣсколько лѣтъ до кончины испросилъ себѣ право прибавить его названіе къ своему имени и подписывался: „Графъ Толстой-Знаменскій“. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

находилъ въ немъ пріюта? Кромѣ неизбѣжныхъ гувернера и гувернантки жилъ у насъ танцовальный учитель, Полякъ, выписанный изъ Москвы на четыре мѣсяца и прожившій въ нашемъ домѣ слишкомъ сорокъ лѣтъ. Онъ и умеръ у насъ. Жилъ Нѣмецъ управляющій, жила Голандка-экономка, жили нѣсколько странниковъ, отставныхъ офицеровъ и т. п. Эти послѣдніе постоянно смѣняли другъ друга, тогда какъ первые и померли у насъ; впрочемъ, нѣкоторые и изъ послѣднихъ нашли себѣ вѣчный пріютъ подъ сѣнію нашей приходской церкви. Наконецъ, постоянно пребывали шуты и дураки, неизбѣжная принадлежность всякаго барскаго дома того времени, наравнѣ съ псовой охотой, хоромъ музыкантовъ и пѣвчихъ. Прислуга была, разумѣется, крѣпостная и составляла человѣкъ сорокъ мущинъ и столько же женскаго пола. Къ ней же относились, хотя стояли гораздо выше, изъ мущинъ—дворецкій, камердинеръ отца и казначей или буфетчикъ, а изъ женщинъ домовая ключница, барскія барыни и отставныя мамы и няни. Всѣ они имѣли особый столъ и свою особую прислугу.

Образъ жизни у насъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ мѣстныхъ дворянъ. Родители радушно принимали гостей, и сами по временамъ ѣзжали къ сосѣдямъ. Старшія дѣти почти всегда ѣздили съ ними; бирали иногда и насъ. Что̀ касается до меня, это не составляло для меня особеннаго удовольствія: я нигдѣ не встрѣчалъ такого большаго и хорошо содержимаго сада, какъ у насъ, и нигдѣ не рѣзвился такъ какъ дома.

Мы ежегодно, обыкновенно лѣтомъ, ѣзжали въ Задонскъ. Туда привлекало отца благоговѣйное чувство къ памяти преосвященнаго Тихона, и тамъ же былъ погребенъ родной братъ отца графъ Степанъ Ѳедоровичъ. Сборы въ это путешествіе всегда были очень продолжительны, и самая поѣздка длилась всегда не менѣе недѣли, хотя Задонскъ отъ насъ отстоитъ всего только на сто верстъ. Поѣздъ былъ предлинный: карета для матери, другая для сестеръ съ гувернанткой, коляска для отца, коляска для братьевъ съ гувернеромъ (я и младшія сестры помѣщались съ матерью), дрожки, брички (тарантасовъ тогда не знали) для женской прислуги, фургонъ для постелей, другой для кухни и палатокъ. Все это тянулось почти шагомъ; рысь допускалась только подъ изволоки. Мы останавливались въ полѣ, близъ селеній, чтобы можно было запастись провіантомъ и фуражемъ. Если погода благопріятствовала и мѣстоположеніе нравилось, отецъ послѣ обѣда ложился отдыхать, потомъ пили чай, ужинали и ночевали. Бывало и такъ, что на другой день выѣзжали въ дальнѣйшій путь послѣ обѣда. Для насъ эти путешествія были праздникомъ.

Библиотека "Руниверс"

По пріѣздѣ въ Задонскъ, мы останавливались въ гостинницѣ, помѣщавшейся внутри самаго монастыря, и тотчасъ же отправлялись въ церковь и потомъ въ палатку преосвященнаго. Она помѣщалась подъ алтаремъ, и туда сходили нѣсколькими ступенями внизъ. Въ срединѣ, подъ сводами, стоялъ надгробный саркофагъ Тихона, на которомъ сверху было чеканное вызолоченное его изображеніе во весь ростъ. Здѣсь, во вракѣ, разгоняемомъ лампадами и свѣчами, служили панихиду по усопшемъ. Заунывное погребальное пѣніе, прерываемое воплями бѣснующихся кликушъ, производило на меня сильное, потрясающее впечатлѣніе: я страшно боялся и съ нетерпѣніемъ ожидалъ выхода оттуда на свѣтъ Божій.

Мы были знакомы со всѣми монахами и знали по имени каждаго. Пріѣздъ нашъ былъ радостью и для нихъ, и для меня. Они были всегда очень довольны угощеніемъ отца и его подарками, а я просфорами и вишнями, которыми они меня угощали.

Я уже сказалъ, что родители мои были люди благочестивые. Они жили по старинному и воспитывали насъ въ томъ же духѣ. Посты у насъ содержались строго; по Средамъ и Пятницамъ ѣли постное. Наканунѣ праздниковъ и воскресныхъ дней служили всенощную. Отецъ хорошо зналъ церковный уставъ и самъ пѣвалъ на клиросѣ. Съ раннихъ лѣтъ пріучилъ онъ меня читать и канонаршить стихиры. Помню, что въ награду за хорошее мое поведеніе отецъ приготовилъ мнѣ подарокъ въ мои имянины. Недѣли за двѣ до дня Св. Димитрія (21-го Сентября), онъ началъ учить меня на распѣвъ Апостолъ святителямъ. Такъ какъ по малолѣтству я не могъ держать въ рукахъ большую книгу Апостола, то мнѣ сдѣлали маленькій складной аналой, и я на немъ прочелъ въ церкви, въ день своихъ имянинъ, Апостолъ къ Евреямъ, оставшійся и доселѣ у меня въ памяти: «Братіе, повинуйтеся наставникамъ вашимъ и покоряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ» и пр.

Между тѣмъ время шло. Старшіе братья подростали, и наступала пора выходить изъ родительскаго дома. Это было чрезвычайно тяжело для отца, который любилъ насъ безгранично и особенно старшаго моего брата Александра, который вообще былъ любимцемъ всей семьи. Другой братъ Иванъ былъ тѣлосложенія слабаго и вообще болѣзненнаго, а потому не могъ и помышлять о военной службѣ, куда теперь готовился старшій. Сборы были продолжительны; братъ нетерпѣливо ждалъ отъѣзда: его привлекала новость его положенія, а главное Москва, гдѣ стоялъ полкъ, въ который хотѣли его опредѣлить, и военный мундиръ, составлявшій въ то время идеалъ блаженства каждаго дворянскаго недоросля. Братъ Иванъ, уже пріученный къ мысли о недо-

Библиотека "Руниверс"

ступности для него военной службы, не могъ однако побѣдить въ себѣ чувство зависти счастью Александра; а я, сознавая, что еще слишкомъ малъ для военной службы, оправдывалъ свою зависть будто бы желаніемъ учиться и поступить въ университетъ, не понимая самъ, что это за учрежденіе и думая, что тамъ можно начать учиться чуть-ли не съ азбуки.

Наконецъ наступило время отъѣзда. У насъ въ то время гостила тетка, родная сестра отца, Варвара Ѳедоровна Дохтурова: съ нею отпустили брата въ Москву и снабдили его рекомендательнымъ письмомъ къ родственнику нашему Василію Никаноровичу Шеншину, квартировавшему въ Москвѣ, гдѣ у насъ было немало и другихъ родныхъ, съ которыми однакоже мы были незнакомы, такъ какъ далѣе Задонска изъ дому не выѣзжали. Тяжела была эта первая разлука. Мать рыдала, отецъ видимо былъ разстроенъ, и мы всѣ плакали. Плакала и прислуга не только потому, что видѣла плачущихъ господъ, но по неподдѣльной любви и привязанности ко всѣмъ намъ, что тогда было не рѣдкостью. Братъ прощался со всѣми и каждымъ и уѣхалъ полный волненія и горя. Для меня это была первая печаль, которую испытывалъ я въ моей жизни; долго я не могъ утѣшиться...

Описывая впечатлѣнія и событія этого періода моей жизни, я едва не забылъ упомянуть о событии всемірнаго значенія—о войнѣ 1812 года; но самый этотъ пропускъ въ моей памяти доказываетъ, какъ слабы были впечатлѣнія, какія оставила во мнѣ эта знаменитая эпоха нашей исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ было тогда всего шесть лѣтъ, и у меня остались въ памяти только непосредственныя мои воспоминанія: ходъ общихъ событій, тѣ или другія потери были для меня недоступны. Не могу однакоже сказать, чтобы я былъ совершенно равнодушенъ къ войнѣ; безпрестанные о ней разговоры, разсказы о храбрости нашихъ войскъ, и особенно разсказъ о подвигѣ генерала Раевскаго, пошедшаго въ бой съ двумя сынами-юношами, сильно дѣйствовали на младенческое мое воображеніе, и я не разъ видѣлъ во снѣ, что своеручно убилъ Наполеона, имя котораго было предметомъ всеобщей ненависти.

Хотя однажды, въ бесѣдѣ съ сосѣдомъ, отецъ мой, указывая на меня, игравшаго въ той же комнатѣ, сказалъ шутя: «вотъ и онъ будетъ говорить, что былъ современникомъ настоящихъ событій»: со всѣмъ тѣмъ я долженъ теперь отказаться отъ личныхъ воспоминаній. Помню только, какъ ежедневно чрезъ нашу деревню съ одной стороны на соединеніе съ арміей шли иррегулярныя войска Башкиръ и Киргизовъ, а съ другой—гнали толпы военноплѣнныхъ. И тѣхъ и другихъ отецъ принималъ съ обычнымъ гостепріимствомъ. Офицеры обѣ-

Библиотека "Руниверс"

дали за нашимъ столомъ; нижнихъ чиновъ угощали на дворѣ предъ нашими окнами. Одинъ изъ военноплѣнныхъ Французовъ, капитанъ Паганъ (Pagan) жилъ въ то время въ нашемъ домѣ. Онъ оставилъ самыя свѣтлыя о себѣ воспоминанія и въ послѣдствіи, по возвращеніи въ отечество, будучи комендантомъ Киберонской крѣпости въ департаментѣ Морбиганскомъ, онъ не забывалъ насъ и былъ съ нами въ перепискѣ. На него, на гувернера нашего Итальянца Маркіо, на танцмейстера Поляка и на управляющаго Нѣмца было возложено угощеніе плѣнныхъ, каждаго по его національности. Странно, что эти угощенія, какъ я хорошо помню самъ и знаю отъ старшихъ меня, не возбуждали ни малѣйшей непріязненности въ крестьянахъ, которые толпами, особенно въ первое время, стекались посмотрѣть на нихъ. Они даже оправдывали ихъ говоря: «вѣдь не своей волей шли, Бонапартъ гналъ». Когда подумаешь, что тягость тогдашней войны не могла не ощущаться каждымъ изъ нихъ, которые, кромѣ усиленныхъ рекрутскихъ наборовъ, только что поставили ратниковъ изъ девяти десятаго и несли тягостные поборы въ видѣ податей, фуража и провіанта для проходящихъ партій: то невозможно не отдать справедливости тому добродушію и любовности, которыя составляютъ отличительную черту Русскаго народнаго характера.

Возвращаюсь ко времени разлуки нашей съ братомъ Александромъ. Это было, помнится, въ 1818 году. Здоровье отца, уже и прежде начавшее клониться къ упадку, теперь видимо слабѣло. Онъ не могъ уже ходить безъ палки, а иногда долженъ былъ прибѣгать къ пособію слуги, который водилъ его подъ руки. Разлука съ любимымъ сыномъ и измѣняющее здоровье сильно дѣйствовали и на моральную его сторону, и онъ, отличавшійся прежде стойкостью и веселостью характера, теперь становился часто унылымъ и задумчивымъ. Я помню, что во время служившихся у насъ всенощныхъ, онъ при чтеніи въ Евангеліи отъ Іоанна словъ Спасителя Петру: «Егда бѣ юнъ, поясашеся самъ и хождаше, аможе хотяше; егда же состарѣешися и воздежеши руцѣ твои, инъ тя пояшетъ и ведетъ, аможе не хощеши», воздѣвалъ руки, и слезы навертывались на глаза его!

Понятно, что, при такомъ положеніи хозяина, домъ нашъ рѣже посѣщался гостями; притомъ же нѣкоторые изъ пріятелей переселились въ Москву, другіе отошли въ вѣчность; авторитетъ отца въ уѣздѣ начиналъ ослабѣвать. Нашелся человѣкъ, который воспользовался безпомощностью старика, уже одною ногою стоявшаго въ гробу, и беззащитностью женщинъ и дѣтей, чтобы нанести ему безнаказанно оскорбленіе, ничѣмъ не заслуженное. Это былъ нѣкто Василій Николаевичъ Анохинъ, дворянскій засѣдатель Данковскаго Земскаго Суда.

Библиотека "Руниверс"

Онъ и прежде былъ вхожъ въ нашъ домъ. Служа сначала простымъ подъячимъ, онъ, конечно, не бывалъ у насъ далѣе прихожей, въ которой между прислугою имѣлъ даже пріятелей. Потомъ, дослуживъ до класнаго чина, онъ вздумалъ доказать свое дворянское происхожденіе. Тогда это было не трудно—нужно было только представить въ депутатское собраніе свидѣтельство отъ нѣсколькихъ почетнѣйшихъ дворянъ о томъ, что онъ принадлежитъ къ этому сословію. Я помню, что отецъ мой первый подписалъ о немъ такую бумагу. Разъ признанный дворяниномъ, онъ вскорѣ добился выбора въ засѣдатели. Въ одно прекрасное утро является онъ къ намъ въ домъ въ сопровожденіи артилерійскихъ солдатъ, взятыхъ имъ изъ квартировавшей въ Данковѣ роты, полицейскихъ служителей и толпы понятыхъ, и объявляетъ, что прибылъ для поимки недоимочныхъ считавшихъ за нами рекрутовъ. Съ крикомъ и буйствомъ входитъ онъ къ намъ, ставитъ къ дверямъ отца часовыхъ съ обнаженными тесаками и такихъ же у всѣхъ входовъ нашего дома, и начинается по всѣмъ комнатамъ ловля прислуги. Оскорбленный до глубины души отецъ едва переноситъ ударъ, отчаявшаяся мать въ обморокѣ, мы въ слезахъ и вопляхъ, прислуга кричитъ, рыдаетъ и прячется. Наконецъ, нападеніе окончилось; торжествующій засѣдатель, забравъ съ собою и заковавъ въ кандалы бывшихъ своихъ друзей, камердинера моего отца, буфетчика и любимаго кучера, съ которымъ прежде игрывалъ въ карты, снялъ осаду и часовыхъ и уѣхалъ въ городъ. О глубинѣ и степени прочувствованнаго нами оскорбленія, въ настоящее время невѣроятнаго, можно судить по тому, что я и теперь, на разстояніи болѣе пятидесяти лѣтъ отъ происшествія, неравнодушно пишу эти строки.

По отъѣздѣ Анохина, когда мы успѣли нѣсколько успокоиться, первою заботою отца было распоряженіе о посылкѣ въ Рязань очередныхъ рекрутъ для замѣны взятыхъ засѣдателемъ. Возвратившіеся люди были страшно обезображены выбритыми лбами до половины головы съ уха на ухо, что̀ видѣлъ я тогда въ первый еще разъ.

Какая же причина побудила Анохина къ его неслыханному поступку? Это осталось для насъ загадкою. Говорили, будто бы въ какой-то городской компаніи новоиспеченный дворянинъ очень расхвастался своимъ величіемъ. Кто-то замѣтилъ ему: «здѣсь-то ты боекъ, а вотъ у графа въ домѣ тише воды, ниже травы». Чтобы доказать противное, онъ сдѣлалъ вышеупомянутую вылазку. Давно уже умеръ и онъ, оставивъ весьма значительное состояніе, нажитое игрой, единственной дочери своей Софьѣ Васильевнѣ, по второму замужству Апрѣлевой. Остающіеся въ живыхъ члены нашего семейства и я находимся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Какъ она, такъ и мужъ

Библиотека "Руниверс"

ея люди весьма почтенные. Отвратительная продѣлка ея отца была совершена имъ до ея рожденія, и я думаю, что она объ этомъ никогда ничего и не слыхивала. Господь да проститъ ему сдѣланное имъ зло и да упокоитъ душу оскорбленнаго имъ моего отца!

Между тѣмъ воспитаніе наше шло безо всякой системы или плана. За недостаткомъ въ деревнѣ учителей намъ преподавалъ *всѣ* науки бывшій танцмейстеръ, Полякъ Викентій Лаврентьевичъ Новаковскій. Онъ училъ насъ по-французски, языкъ который самъ едва разумѣлъ и притомъ съ сильнымъ Польскимъ произношеніемъ; онъ же обучалъ географіи, всеобщей исторіи и ариѳметикѣ, по первымъ случившимся учебникамъ. Въ этомъ курсѣ заключался весь кругъ наукъ, намъ преподававшимся. Существованіе другихъ едва-ли даже подозрѣвали.

Въ это время я былъ уже мальчикомъ лѣтъ 13-ти, и вотъ что я зналъ: я умѣлъ читать по-французски, не понимая ни одного слова; учился Французской грамматикѣ и рѣшительно не умѣлъ приложить ее къ дѣлу; потребности Русской грамматики не сознавалось вовсе. Былъ знакомъ нѣсколько съ географіей, имѣлъ отрывочныя понятія и свѣдѣнія изъ древней исторіи, зналъ кое-какъ первыя четыре дѣйствія ариѳметики. За то я былъ вполнѣ знакомъ съ кругомъ церковнаго богослуженія, основательно зналъ Священную Исторію и Катехизисъ; прочелъ Св. Писаніе Новаго и отчасти Ветхаго Завѣта, всѣ Четьи-Минеи, Патерикъ Печерскій и нѣкоторыя сочиненія Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Макарія Египетскаго, Ефрема Сирина, Лѣствичника и друг. Познавательныя мои способности развивались несомнѣнно, но развивались односторонне и въ направленіи вполнѣ аскетическомъ.

—

Пріѣздъ къ намъ Московскихъ гостей и сближеніе съ ними произвели огромный переворотъ въ нашей жизни: они уговорили отца переѣхать въ Москву. Сколь ни тяжело было старику оторваться отъ привычекъ цѣлой жизни, но многія серіозныя соображенія относительно дѣтей заставили его разстаться съ мирной деревней, гдѣ онъ счастливо прожилъ тридцать лѣтъ сряду.

Когда рѣшеніе это сдѣлалось намъ извѣстнымъ, радости нашей не было конца. Москва!... Какъ много значенія заключалось для насъ въ этомъ словѣ! Сколько ни напрягалъ я своего воображенія, я никакъ не могъ себѣ образно представить этого города. Я воображалъ себѣ Москву обширнымъ селеніемъ и непремѣнно окруженнымъ гумнами, какъ у насъ, въ нашихъ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ. Меня особенно интересовали мостовыя, которыхъ я никогда не видывалъ. Я слыхалъ, что они вымощены камнемъ и представлялъ себѣ ихъ въ видѣ мозаики; мнѣ разсказывали, что при ѣздѣ на нихъ изъ подъ

Библиотека "Руниверс"

подковъ выскакивали искры, и мнѣ вспоминались сказочные богатыри на коняхъ, у которыхъ «изъ подъ копытъ полымя пышетъ».

Въ Москвѣ приготовили намъ квартиру въ домѣ моего двоюроднаго брата гр. Николая Степановича Толстаго, который самъ въ немъ не жилъ, потому что служилъ въ Ревелѣ. Домъ этотъ былъ гдѣ-то у Прѣсненской заставы и, чтобы попасть туда, намъ пришлось проѣхать черезъ всю Москву. Нечего и говорить, что на каждомъ шагу я встрѣчалъ предметы и удивленія и восторга. Красивые, особенно каменные, богатые и великолѣпные дома, множество церквей, разнообразіе вывѣсокъ, о которыхъ я не имѣлъ дотолѣ понятія и которыя представлялись мнѣ чѣмъ-то въ родѣ картинной галлереи, золотыя главы и кресты на храмахъ, гипсовые львы на воротахъ, безпрестанно встрѣчавшіеся экипажи, извощики, народъ, все это переносилось предъ моими глазами какъ картинки волшебнаго фонаря. Я не забылъ выглянуть изъ окна нашей кареты внизъ на улицу, чтобы увидѣть давно желанную мостовую, но увы! улица была покрыта снѣгомъ. Мнѣ особливо казалось непонятнымъ, что, не смотря на снѣгъ, мы ѣхали на колесахъ, и всѣ Московскія кареты также были на колесахъ.

На другой день я выпросился идти гулять. Хотя я охотнѣе взялъ бы извощика, но на это нужны были деньги, а у меня ихъ не было, и я пошелъ пѣшкомъ въ сопровожденіи одного изъ нашихъ слугъ. Мы съ Прѣсни дошли до конца Тверской, и я не чувствовалъ усталости. Все, что видѣлъ я вчера проѣздомъ, такъ сказать en gros, сегодня разсматривалъ я en détail, и это еще болѣе усиливало впечатлѣнія, подъ обаяніемъ коихъ я находился. Но вотъ мы идемъ мимо оконъ, на которыхъ разставлено множество блестящихъ вещицъ, цѣлыя вазы изъ чистаго хрусталя, наполненныя какими-то разноцвѣтными зернами (dragées), расположенными въ нихъ въ видѣ затѣйливыхъ узоровъ; множество картонажей, игрушекъ, разнаго рода сластей и печеній заманчиво расположены на зеркальныхъ этажеркахъ окна: это кондитерская Педотти. Искушеніе было слишкомъ велико! Посовѣтовавшись съ своимъ аргусомъ и получивъ отъ него великодушно предложенный пятачекъ сер. (что по тогдашнему курсу составляло 21 коп. на ассигнаціи), мы робко вошли въ кондитерскую, и раздавшійся надъ дверью звонокъ также не остался мною незамѣченнымъ. Если выставленная въ окнѣ часть богатствъ ея оказалась для меня неотразимо соблазнительной, то легко понять, какое впечатлѣніе произвела на меня ея внутренность. Все въ ней блестѣло, лоснилось, свѣтилось... Мнѣ кондитерская показалась какимъ-то великолѣпнымъ чертогомъ, чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ сказочныхъ палатъ, о которыхъ, бывало, слыхалъ я отъ няни. Не вышелъ бы отсюда! Но позволятъ ли еще мнѣ

Библиотека "Руниверс"

оставаться здѣсь безъ дѣла? Какъ бы просто не выгнали непрошенаго гостя? Предупредительный вопросъ хозяина: «Что̀ вамъ угодно?» еще болѣе утвердилъ меня въ этой мысли. Да и отвѣчать было не легко. Чего спросить? И на сколько хватитъ моего пятачка? Тутъ выручилъ меня мой провожатый. Хотя онъ тоже въ первый разъ былъ въ Москвѣ и сроду не видывалъ кондитерскихъ, но все же былъ несравненно смѣтливѣе меня. Онъ указалъ на какой-то пирожокъ, съ виду напоминающій куриное яйцо и спросилъ о цѣнѣ: цѣна оказалась ровно 5 коп. сер., это было безѐ, которое я тутъ же и съѣлъ съ величайшимъ наслажденіемъ.

Не долго, хотя не помню сколько времени, прожили мы на Прѣснѣ и потомъ переѣхали на Поварскую въ приходъ Ржевской Божіей Матери, въ домъ Лаухиной. Первое время было занято пріемомъ родныхъ, которыхъ какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны оказалось весьма почтенное количество, и уплатою имъ визитовъ. Свиданія эти были родственны и привѣтливы, но не скажу, чтобы основали какія нибудь прочныя и искреннія связи, за исключеніемъ весьма немногихъ личностей. Да и трудно было сближеніе. Съ одной стороны строй нашихъ деревенскихъ понятій не ладилъ съ ихъ образомъ мыслей, а съ другой ихъ столичныя манеры казались намъ претензіями и даже надменностію. Въ свою очередь и они вѣроятно видѣли въ насъ закоснѣлую деревенщину, въ чемъ они часто и были правы. Послѣ нѣсколькихъ приглашеній на обѣдъ, которыя были для насъ далеко не привлекательны, особенно по отношенію къ туалету сестеръ моихъ, мы окончательно сдѣлались домосѣдами, поддерживая для приличія знакомство неизбѣжными, расчитанными визитами. Старшія мои сестры, какъ молодыя и притомъ очень красивыя дѣвицы, выѣзжали иногда съ матерью на балы въ Благородное Собраніе, которое тогда было во всемъ блескѣ и посѣщалось лучшимъ Московскимъ обществомъ. Трудно было доставать билеты; но дядя мой гр. Ѳедоръ Андреевичъ Толстой (отецъ графини Закревской, извѣстный библіофилъ и собиратель Русскихъ древностей) былъ однимъ изъ старшинъ собранія. Онъ всегда давалъ намъ билеты для старшихъ внизъ въ залу, а для меня, котораго онъ очень ласкалъ, на верхъ, на хоры.

За исключеніемъ этихъ выѣздовъ жизнь наша въ Москвѣ скоро вошла въ прежнюю свою деревенскую колею. Мы жили по-деревенски, окруженные многочисленною дворнею, въ числѣ которой былъ даже сказочникъ, который спалъ въ комнатѣ моего отца и на которомъ лежала обязанность, когда отецъ ложился почивать и камердинеръ га-

Библиотека "Руниверс"

силъ огонь, громко разсказывать сказки, которыхъ онъ зналъ наизустъ множество, до тѣхъ поръ, пока отецъ заснетъ.

У насъ уже никакихъ учителей и гувернеровъ не было, и жилъ только поселившійся съ нами окончательно Викентій Лаврентіевичъ Новаковскій съ своею дочерью, дѣвочкою моихъ лѣтъ. И тотъ и другая уже давно присоединились изъ католичества къ нашей церкви и сдѣлались вполнѣ членами нашего семейства. Гувернантки при сестрахъ также не было; для старшихъ была она уже не нужна, а за двумя меньшими присматривали старшія.

Между тѣмъ здоровье отца слабѣло все болѣе, и онъ видимо клонился къ могилѣ, чего впрочемъ въ семействѣ или не замѣчали, или старались обманывать себя надеждою. Домашнимъ докторомъ нашимъ былъ Филиппъ Ивановичъ Пфеллеръ, одинъ изъ тогдашнихъ знаменитостей столицы. Отецъ съ трудомъ и только съ помощію слуги могъ ходить по комнатамъ; электрическое лѣченіе принесло ему временное облегченіе, но силы скоро слабѣли. Консиліумы не приносили пользы. Въ это время посѣтилъ насъ докторъ-Французъ, по имени Канту́ (Cantou), который когда-то лечилъ отца еще у насъ въ деревнѣ. Онъ былъ изъ числа Французскихъ военноплѣнныхъ, женился на одной помѣщицѣ нашего уѣзда и остался въ Россіи. Мы всѣ были очень рады его видѣть. Осмотрѣвъ отца, онъ нашелъ, что у него водяная и предложилъ нѣкоторыя средства. Когда онъ уѣхалъ, и мнѣніе его мать сообщила Пфеллеру, этотъ очень разсердился, назвалъ Француза невѣждою, коноваломъ и т. п. Леченіе отца продолжалось по прежнему методу. Въ послѣднихъ числахъ Мая 1820 года отецъ былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ. Страшно и теперь вспоминать то отчаяніе, въ какомъ находилось все наше семейство! Мать была въ обморокѣ, сестры и мы всѣ рыдали. Отецъ былъ безъ памяти въ своей комнатѣ, куда меня не пускали. Тотчасъ послали за священникомъ; приходскаго не нашли и пригласили священника отъ церкви Бориса и Глѣба, неподалеку отъ нашего дома. Онъ, найдя больнаго въ безпамятствѣ, затруднился сподобить его причащенія Св. Таинъ; но старшая сестра наша Анна, въ полномъ смыслѣ слова красавица, любившая, какъ и всѣ мы, отца безъ памяти, бросилась къ нему въ ноги и, обливаясь слезами, умоляла причастить умирающаго по «глухой исповѣди», и добрый священникъ исполнилъ эту просьбу. Его теперь, конечно уже нѣтъ на свѣтѣ; да упокоитъ Господь его душу, и да будетъ милостивъ къ нему, сотворшему намъ милость! Я успѣлъ какъ-то при всеобщей суматохѣ вбѣжать въ комнату отца. Онъ сидѣлъ въ креслахъ; голова склонилась на грудь, и руки лежали на поручняхъ кресла. Бѣлые, блестящіе какъ серебро его волосы едва отличались

Библиотека "Руниверс"

отъ блѣдности его благороднаго лица. Глаза были закрыты. Я бросился къ нему въ ноги, прильнулъ губами къ рукѣ и обливалъ ее слезами.... Меня скоро вывели, посадили въ карету и отвезли къ моему двоюродному брату графу Владиміру Степановичу Толстому. Онъ и добрѣйшая его жена Прасковья Николаевна (ур. Сумарокова) приняли меня чрезвычайно сочувственно. Они старались всячески развлекать меня, о чемъ также хлопоталъ ихъ 6-ти или 7-милѣтній сынъ Миша, отдавая мнѣ всѣ свои игрушки. Но все это только сильнѣе заставляло меня чувствовать мое несчастіе. Мысль, что можетъ быть въ эту самую минуту отца уже нѣтъ на свѣтѣ и я остался сиротою, терзала меня; я плакалъ безутѣшно и не могъ успокоиться. Такъ прошелъ цѣлый день, и только на другой меня привезли домой, когда отецъ пришелъ въ память и получилъ снова употребленіе языка; хотя это было послѣднею вспышкою догорающей лампады, со всѣмъ тѣмъ въ семействѣ снова начала возникать надежда. Врачи говорили, что если онъ перенесетъ благополучно 9-й день, то можетъ остаться въ живыхъ. Что̀ до меня, видя отца хотя слабымъ, но самосознательнымъ, я успокоился вполнѣ. Накануне роковаго дня его кончины я пришелъ къ нему прощаться, отходя ко сну, что̀ всѣ мы дѣлали ежедневно. Онъ по обычаю благословилъ меня и поцѣловалъ, давъ облобызать свою руку. Увы, это было его послѣднее предсмертное благословеніе! Обильно было оно своими дарами на всю мою жизнь и, быть можетъ, ему и молитвамъ моей матери обязанъ я лучшимъ моимъ сокровищемъ: привязанностію къ церкви и—Господу поспѣшествующу—пребыванію въ ея лонѣ. Да снидетъ оно чрезъ меня и на моего сына, да управитъ жизнь его въ правилахъ вѣры и научитъ оберегать и сберечь честное имя его и моего отца!

2 Іюня 1820 г. родитель мой предалъ духъ свой Богу. Я не буду описывать отчаяніе, въ какое ввергнуто было все наше семейство; оно понятно будетъ для всякаго, кто имѣетъ сердце и кто любилъ своихъ родителей. Меня увезли изъ дома къ моей теткѣ графинѣ Александрѣ Николаевнѣ Толстой и продержали тамъ до того времени, пока отпѣли тѣло отца и отвезли для погребенія въ нашу деревню, гдѣ мы всегда жили. Тѣло его сопровождалъ братъ Александръ, который не только пламенно любилъ его, но боготворилъ. Проѣздомъ чрезъ Рязань онъ успѣлъ получить негласное позволеніе преосв. Сергія на погребеніе его внутри приходской церкви. За нѣсколько верстъ до селенія крестьяне встрѣтили печальную колесницу и на себѣ привезли ее до церкви, гдѣ тѣло было погребено въ ногахъ тѣла его отца, а моего дѣда, графа Ѳедора Ивановича, строителя самой

Библиотека "Руниверс"

Оставаться въ домѣ Лаухиной было для матери слишкомъ тяжело: все въ немъ слишкомъ живо напоминало страшную нашу потерю. Скоро нашли другой домъ, наняли и переѣхали туда.

Нанятый нами домъ принадлежалъ г-жѣ Пустороелевой и находился близъ Арбата, въ приходѣ Николы на Пескахъ, на Собачьей площадкѣ. Мы жили въ немъ по прежнему, съ тѣми же доморощенными понятіями, съ какими пріѣхали изъ деревни. Главная отличительная черта нашей жизни заключалась въ полнѣйшей праздности и въ совершенномъ отсутствіи какихъ-либо опредѣленныхъ занятій. Пустоту нашей жизни наполняли посѣщенія близкихъ знакомыхъ и родныхъ. Чаще другихъ посѣщала насъ Наталья Сергѣевна Павлова, урожденная Гурьева, которая по матери своей, графинѣ Толстой, доводилась намъ внучатной сестрой. Это была очень милая и любезная, еще довольно молодая вдова, большая причудница и оригиналка. У нея была одна дочь Пашенька (Прасковья Дмитріевна), миловидная дѣвочка моихъ лѣтъ, чрезвычайно живая, рѣзвая и большая шалунья [1]). У ней жила гувернантка m-lle Рейтернъ, и къ ней ходили нѣкоторые учителя. По этому примѣру пригласили учителя и къ намъ. Не знаю почему, изъ всѣхъ предметовъ преподаванія выбрали только рисованіе. Я былъ очень этимъ доволенъ, потому что страстно любилъ живопись и сохраняю доселѣ убѣжденіе, что если бы мнѣ дано было вполнѣ художественное образованіе, то изъ меня бы вышелъ замѣчательный художникъ.

Семейство Константина Владимировича Ржевскаго и родной его сестры Натальи Владимировны Бейеръ, также внучатные наши родственники, были тоже самыми къ намъ близкими. У нихъ въ то время жила Марья Аѳанасьевна Дохтурова [2]) и занималась преподаваніемъ рисованія. Дружба ея ко мнѣ продолжалась, и она постоянно развивала кругъ моихъ понятій. Вполнѣ передовая дѣвушка, она все болѣе и болѣе сближалась съ даровитѣйшими людьми того времени и отличалась начитанностію, особенно Нѣмецкихъ философовъ, господствовавшихъ тогда безраздѣльно въ нашей интеллигенціи. Вліяніе ея на меня было неотразимо... Отыскали съ помощію нашихъ родственниковъ пансіонъ, содержавшійся Французомъ Auger de S-t Vincent и отдали меня. Въ пансіонѣ было не болѣе 6—8 воспитанниковъ; курсъ ученія былъ составленъ по программѣ весьма незатѣйливой, и главнымъ преподавателемъ былъ самъ содержатель. Преподаваніе велось на Французскомъ языкѣ, который я понималъ очень плохо и на ко-

---

[1]) Мать графа Дмитрія Андреевича Толстаго. П. Б.

[2]) Двоюродная сестра автора. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

торомъ самъ объясняться не умѣлъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ успѣхи мои не могли быть быстрыми; потребны были терпѣніе и настойчивость, чтобы такое воспитаніе принесло какіе-нибудь плоды. Ихъ не оказывалось, и меня взяли домой послѣ, кажется, двухъ-трехъ мѣсяцевъ пребыванія въ пансіонѣ. Для дальнѣйшаго образованія моего и двухъ меньшихъ сестеръ пригласили того же m-r Auger преподавать намъ Французскій и г. Сушарда Нѣмецкій языкъ по билетамъ. Это продолжалось впрочемъ недолго и также не принесло никакой пользы. Мать рѣшилась ѣхать на лѣто въ деревню.

Весело было мнѣ въ деревнѣ! Большіе сады, рощи, совершенная, безконтрольная свобода дѣлали меня вполнѣ счастливымъ. Умственное развитіе не останавливалось, благодаря любви моей къ чтенію. Послѣ отца осталась довольно значительная библіотека, хотя очень разнообразная и безъ особеннаго выбора; но данное мнѣ сначала религіозное направленіе и какое-то чутье при выборѣ книгъ для чтенія спасли меня отъ вредныхъ послѣдствій подобнаго рода умственныхъ занятій. Братъ Александръ былъ любитель псовой охоты и часто ѣзжалъ въ поле. Я не раздѣлялъ этой наклонности; но праздность познакомила меня съ другой, ястребиною охотой. Я пріобрѣталъ ястребовъ и по цѣлымъ ночамъ вынашивалъ ихъ на рукѣ. Охотиться съ ними я не ходилъ ни разу. Мнѣ жалко было безоружной перепелки, на которую накидывалась хищная птица; но меня интересовало прирученіе дикаго ястреба, который изъ вольной птицы дѣлался послушнымъ орудіемъ моей воли. Бывало, пустишь его поиграть въ небѣ; онъ весело рѣетъ по воздуху, описывая то плавные круги, то разрѣзывая прямое пространство. Вотъ онъ поднялся высоко, высоко.....; но я только свистнулъ, и онъ, послушный знакомому звуку, уже у меня на рукѣ и кровожаднымъ клювомъ приводитъ въ порядокъ свои перья и охорашивается.

Такой образъ жизни не могъ однакоже продолжаться; мнѣ минуло 16 лѣтъ, и нужно было подумать о службѣ, разумѣется, военной, потому что статская была не мыслима для юноши хорошаго дома. Жить безъ службы, не имѣть чина, цѣлый вѣкъ подписываться «недорослемъ изъ дворянъ», позорнѣе этого ничего нельзя было придумать. Рѣшено было записать меня въ гвардію, и для этого обратились къ тому же родственнику, который нѣкогда содѣйствовалъ опредѣлить на службу брата Александра. Василій Никаноровичъ Шеншинъ выслалъ намъ программу наукъ, изъ которыхъ слѣдовало держать экзаменъ для поступленія въ гвардейскую юнкерскую школу. Должно признаться, что воспитаніе мое еще было такъ ограничено, что я не только былъ не знакомъ съ ними, но о существованіи нѣ-

Библиотека "Руниверс"

которыхъ предметовъ не имѣлъ даже никакого понятія и названія ихъ слышалъ въ первый разъ въ жизни. Нужно было меня приготовить, и для этого мнѣ нужно было ѣхать въ Москву. Родственница наша Наталья Сергѣевна Окунькова согласилась дать мнѣ пристанище въ своемъ домѣ. Это было въ 1822 году.

Окунькова была та самая Н. С. Павлова, о которой я говорилъ выше сего. Только что выдавъ свою Пашеньку за графа Андрея Степановича Толстаго, она и сама вышла за мужъ за Ѳедора Васильевича Окунькова. Еще не успѣло смолкнуть благочестивое негодованіе родственниковъ, произведенное симъ первымъ бракомъ (потому что графъ Андрей Степановичъ, также какъ и я, приходился внучатнымъ братомъ матери своей жены), какъ этотъ второй возбудилъ новые толки и пересуды: находили, что непристойно было матери выходить за мужъ послѣ дочери; что она была уже слишкомъ стара для брака (ей было лѣтъ 38), а главное, чего никто не прощалъ, что Окуньковъ былъ только губернскій секретарь. Уваженіе къ чинамъ и презрѣніе къ статской службѣ было тогда такъ сильно, что противъ этого послѣдняго обвиненія никто не возражалъ, и съ нимъ соглашались даже люди, самые расположенные къ Натальѣ Сергѣевнѣ. Носи Окуньковъ хотя и не высокій, но военный чинъ, его бы охотно приняли въ родство; но теперь бракъ этотъ принимали какъ mésaillance. Въ тоже время и тоже впечатлѣніе произвела свадьба моей двоюродной племянницы графини Александры Григорьевны Салтыковой, вышедшей за Павла Ивановича Колошина, молодаго человѣка высшаго образованія и солидныхъ достоинствъ, отличавшагося любезностію и блескомъ свѣтской образованности, бывшаго въ родственныхъ связяхъ со многими аристократическими фамиліями. Кругъ родныхъ его молодой жены ставилъ ему въ укоръ его чинъ—титулярнаго совѣтника!

Я пріѣхалъ въ Москву уже зимою. Окуньковы приняли меня очень родственно. Они занимали квартиру на Большой Прѣсненской улицѣ. Деревянный домъ ихъ былъ, что́ называется, средней руки, и меня помѣстили въ залѣ, устроивъ мнѣ кровать за ширмами. Мнѣ было очень совѣстно; я не могъ не видѣть, что стѣснялъ ихъ; но, благодаря ихъ внимательному и радушному обращенію, я скоро у нихъ освоился и сдѣлался какъ бы членомъ семейства. Окуньковъ былъ очень красивый молодой мужчина, замѣчательно высокаго роста и атлетическаго сложенія: черные какъ смоль волосы и бакенбарды окаймляли его открытое, широкое и слегка рябоватое лицо. Онъ принадлежалъ къ братству франкъ-масоновъ. Рѣчь его всегда была таинственна и иносказательна, и онъ старался щеголять ею, въ особенности предъ профанами. Не получивъ особеннаго образованія, онъ

Библиотека "Руниверс"

отъ природы былъ весьма не глупъ, хотя никогда не обладалъ практическою премудростію вѣка сего. Человѣкъ безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, въ имѣніи жены онъ нашелъ себѣ положеніе, и оно, повидимому, казалось ему неистощимымъ богатствомъ, хотя въ сущности едва ли превышало 200—300 душъ. Въ немъ господствовали двѣ наклонности: щегольской туалетъ и игра въ карты. Все это сдѣлалось для меня понятнымъ въ послѣдствіи; тогда Окуньковъ казался мнѣ совершенствомъ, и я, по цѣльности еще моей натуры, съ увлеченіемъ принялъ его образцомъ для подражанія.

Кромѣ Окунькова и его жены въ домѣ жила родная сестра перваго, молодая вдова Александра Васильевна Лихарева. Очень красивая и стройная брюнетка, она была умна и очень наклонна къ мечтательности. Образованностію она не отличалась, и я не знаю, училась ли она когда-нибудь даже по-французски, что̀ въ тогдашнее время было принадлежностію каждаго мало-мальски образованнаго человѣка; по-русски она рѣшительно никакъ не умѣла не только въ грамматическомъ, но даже и въ каллиграфическомъ отношеніи. Мы были съ нею очень дружны, потому что, не смотря на амфигурическую ея и масонски-таинственную рѣчь, заимствованную отъ брата, она была очень добрая и благородная женщина, умѣвшая вмѣстѣ съ братскою привязанностію внушить къ себѣ полнѣйшее уваженіе; я доселѣ храню какъ къ ней, такъ и къ ея брату, глубокую благодарность и благодарю Бога, не лишившаго меня этого чувства.

Кругъ знакомства Окуньковыхъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, кто къ намъ ѣзжали, былъ немногочисленъ. Чаще другихъ посѣщали насъ Петръ Густавовичъ Шитъ и Яковъ Христофоровичъ Венкстернъ. Оба были масоны. Первый былъ очень добрый Нѣмецъ, аккуратный и честный; втораго, не смотря на его Шведское имя, національность осталась мнѣ неизвѣстною. Онъ былъ человѣкъ свѣтскаго образованія и усвоилъ себѣ манеры высшаго общества. Бесѣда его была умна и оживленна; онъ не поддавался тому таинственному, одностороннему и монотонному направленію, которымъ отличались разговоры масоновъ вообще и которое, признаюсь, наводило на меня невыносимую тоску. Вдовецъ послѣ двухъ браковъ, отъ которыхъ осталось немало дѣтей разнаго возраста, онъ предложилъ руку Александрѣ Васильевнѣ и скоро на ней женился.

Между тѣмъ хозяйка дома, жена Окунькова, сдѣлалась нездорова. Сначала это приписывалось беременности, чему подавало поводъ постоянное увеличеніе живота; но потомъ увидали, что ошибались: болѣзнь оказалась водянкою. Докторъ ѣздилъ по два раза въ день, часто назначались консиліумы; но все оказалось напраснымъ. Больная скончалась. Мужъ казался очень огорченнымъ. Похороны справлены были

Библиотека "Руниверс"

великолѣпно, съ архіерейскимъ служеніемъ, и надъ усопшей воздвигнутъ богатый памятникъ.

Смерть Натальи Сергѣевны разрывала повидимому всякую связь между мною и ея мужемъ, который самъ по себѣ не только не былъ мнѣ вовсе роднымъ, но даже лично не зналъ ни моей матери, ни сестеръ, ни братьевъ, а съ Московскими моими родными, начиная съ графа Андрея Степановича, былъ болѣе чѣмъ въ холодныхъ отношеніяхъ. Со всѣмъ тѣмъ онъ не только ни въ чемъ ко мнѣ не измѣнился, но еще настоялъ, чтобы я попрежнему оставался жить у него.

Къ цѣли однакоже, для которой послали меня въ Москву, для приготовленія ко вступленію въ гвардейскую школу, приближался я медленно или, лучше сказать, не приближался вовсе. Правда, вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, я пригласилъ бывшаго содержателя пансіона m-r Auger давать мнѣ уроки Французскаго языка; но это не могло принести плодовъ, такъ какъ, по недостатку денегъ, въ которыхъ я постоянно нуждался, я взялъ только всего десять уроковъ, за которые заплатилъ 60 р. асс. Въ такомъ положеніи Окуньковъ принялъ во мнѣ живое и благодѣтельное участіе. Онъ познакомилъ меня съ двоими братьями-масонами, изъ которыхъ одинъ не только имѣлъ рѣшительное вліяніе на всю мою жизнь, но былъ моимъ постояннымъ благодѣтелемъ и руководителемъ. Я говорю о Степанѣ Алексѣевичѣ Масловѣ. Онъ былъ въ то время секретаремъ при начальникѣ Московской Медицинской Академіи знаменитомъ Г. И. Фишерѣ фонъ-Вальдгеймѣ. Вторымъ былъ Иванъ Ѳедоровичъ Калайдовичъ, родной братъ извѣстнаго археолога Константина Ѳедоровича. Окуньковъ объяснилъ имъ мое положеніе, недостаточность моихъ матеріальныхъ средствъ и успѣлъ возбудить ко мнѣ участіе этихъ благородныхъ и почтенныхъ ученыхъ. Оба они согласились давать мнѣ уроки по уменьшенной цѣнѣ, Масловъ—логики и словесности, а Калайдовичъ математики, съ тѣмъ чтобы я ѣздилъ къ нимъ въ опредѣленные часы. Кромѣ меня у Маслова были другіе слушатели: два брата Соймоновы и двое кн. Голицыныхъ, тоже родныхъ братьевъ. Всѣ они платили по 10 р. асс. за урокъ; съ меня было положено брать по семи. Съ теченіемъ времени и съ нѣкоторыми съ моей стороны успѣхами Масловъ очень полюбилъ меня, и я болѣе и болѣе къ нему привязывался. По уплатѣ мною за первыя десять лекцій, Масловъ уже отказался брать съ меня деньги и училъ меня безплатно. Мало этого, онъ снабжалъ меня не только книгами, необходимыми для продолженія курса, но и другими, чтеніе которыхъ должно было обогащать мой умъ, а главнсе давать нравственное направленіе моей практической жизни. Вмѣсто того, чтобы ограничить свой курсъ даннымъ предметомъ, Масловъ предпринялъ полное, коренное мое воспитаніе. Подчинивъ меня силою превосходства вполнѣ сво-

Библиотека "Руниверс"

ему вліянію, онъ примѣромъ своей высоконравственной жизни заставилъ и меня, на сколько я могъ, подражать себѣ. Я полюбилъ трудъ, потому что видѣлъ его постоянно за дѣломъ; я получилъ омерзѣніе ко лжи и хвастливости, къ которымъ уже имѣлъ постыдную наклонность, благодаря средѣ, въ коей дотолѣ находился, потому что видѣлъ въ Масловѣ примѣръ олицетворенной скромности. Словомъ, если Господь возрастилъ во мнѣ что-нибудь доброе, то сѣмена этому были брошены Масловымъ. Его публичная дѣятельность извѣстна, и имя его перейдетъ въ исторію тѣхъ учрежденій, для коихъ онъ трудился. Съ моей стороны, я во всю жизнь питалъ къ нему глубокую благодарность и сыновнюю привязанность. Теперь, когда ему 79-й годъ, а мнѣ уже минуло 66, и теперь при свиданіи съ нимъ я храню къ нему чувства робкаго ученика предъ учителемъ...

Масловъ былъ секретаремъ только что учредившагося въ Москвѣ Общества Сельскаго Хозяйства. Предсѣдателемъ былъ военный генералъ-губернаторъ князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ; другими членами администраціи Общества были графъ Петръ Александровичъ Толстой, князь Сергій Ивановичъ Гагаринъ, Григорій Ивановичъ Фишеръ - фонъ-Вальдгеймъ, Гусятниковъ, Масловъ и пр. Все это были что̀ называется тузы въ аристократическомъ или ученомъ мірѣ. Въ моей скромной обстановкѣ въ домѣ Окунькова я ихъ никогда вблизи и не видывалъ. Масловъ, чтобы поощрить меня къ полезной дѣятельности и показать образцы высшаго общества, рѣшился меня съ ними сблизить, на сколько позволяли это мои лѣта и мое положеніе. Сдѣлавъ меня членомъ-корреспондентомъ Общества, онъ предложилъ меня въ библіотекари. Совѣтъ утвердилъ меня въ этомъ званіи. Такимъ образомъ у меня была уже публичная дѣятельность, было занятіе (составленіе систематическаго каталога) требовавшее по крайней мѣрѣ на первое время усидчиваго труда и внимательности. Продолжая свою заботливость о моемъ воспитаніи, Масловъ постепенно пріучалъ меня къ труду. Сначала онъ заставлялъ меня докладывать Обществу нѣкоторыя бумаги въ своемъ присутствіи; потомъ нарочно уѣзжалъ въ деревню, или сказывался больнымъ, и я, исправляя его должность, уже самостоятельно велъ засѣданіе. Все это меня очень занимало и давало мнѣ въ моихъ собственныхъ глазахъ нѣкоторое значеніе.

Такъ продолжалось до лѣта 1825 года, когда засѣданія Общества прекращались, и большинство членовъ разъѣхались по деревнямъ. Я также поѣхалъ къ матери въ наше любимое Знаменское.

Не буду описывать моего деревенскаго пребыванія; это было бы повтореніемъ уже не разъ мною сказаннаго. Жили мы до осени, до глубокой осени.... Вдругъ газеты приносятъ намъ вѣсть о кончинѣ

Библиотека "Руниверс"

Государя въ Таганрогѣ.... Извѣстіе это, особенно въ деревнѣ, произвело одуряющее впечатлѣніе; не вѣрилось ни слухамъ, ни газетамъ. Всѣмъ казалось это тѣмъ болѣе невозможнымъ, что о болѣзни Государя ничего не было извѣстно. Огорченіе народа было глубоко и искренно; любовь его къ царямъ высказалась во всей силѣ, любовь наслѣдственная, коренная, потому что для особенной привязанности къ Александру I не было видимой причины. Правда, что, благодаря высокой стойкости народа и Русскому самопожертвованію, Русской любви къ церкви и отечеству, въ его царствованіе Россія, освободивъ Европу отъ ига Наполеона I, заняла видное мѣсто между державами; но чѣмъ же воспользовалась она для самой себя? Личное великодушіе Государя подарило Франціи издержки войны, усилило Австрію, освободило и обезпечило Пруссію важными территоріальными пріобрѣтеніями, учредило Священный Союзъ, весь обратившійся въ пользу Германскихъ государей, возстановило Польшу, хотя не въ прежнихъ границахъ, но въ видѣ самостоятельнаго государства со своимъ войскомъ и конституціею, а Россіи въ лицѣ трехъ сословій, духовенства, дворянства и купечества, выданы бронзовые кресты и медали! Вотъ и все. Собственно же народъ не получилъ и этого.

Едва только успѣли привести насъ къ присягѣ новому императору Константину Павловичу, имя котораго уже возносилось на ектеніяхъ, какъ газеты сообщили намъ другое извѣстіе: Константинъ отказался, Николай вступилъ на престолъ, и въ С.-Петербургѣ бунтъ. Такъ называли тогда попытку первой политической революціи въ Россіи... О революціяхъ у насъ не имѣли понятія, хотя бунты были извѣстны и прежде: съ этимъ именемъ ближе всего связывалось воспоминаніе Московскаго бунта во время чумы (въ царствованіе Екатерины Второй). Можно по этому представить, какое впечатлѣніе произвело на насъ это извѣстіе.

Я не стану говорить о возмущеніи 14 Декабря 1825 г. Подробности его нынѣ извѣстны со всѣхъ сторонъ; донесеніе слѣдственной коммиссіи и рѣшеніе верховнаго суда были тогда же напечатаны; записки разныхъ декабристовъ, уцѣлѣвшихъ послѣ каторги и ссылки, теперь читаются всѣми. Исторія со временемъ скажетъ объ этомъ событіи свое послѣднее слово. Тогда оно произвело въ общей массѣ провинціальнаго населенія потрясающее впечатлѣніе. Всѣ обвиняли заговорщиковъ: посягательство на ограниченіе царской власти и на перемѣну образа правленія казалось намъ не только святотатствомъ, но историческою аномаліею; а народъ, видя, что заговорщики исключительно принадлежали къ высшему сословію, призналъ дворянство

Библиотека "Руниверс"

измѣнниками *), и это прибавило еще одну рѣзкую черту къ той затаенной враждѣ, которую онъ питалъ уже къ помѣщикамъ. Передовые люди и столичная интеллигенція одни только сочувствовали несчастнымъ безумцамъ, патріотическая затѣя которыхъ, рожденная изъ подражанія Западу и лишенная всякаго знакомства съ коренными условіями народной жизни и нашей исторіи, а потому чуждая практическаго примѣненія, принесла столько жертвъ и надолго отдалила возможность какой бы то ни было либеральной реформы въ Россіи. Что̀ сдѣлалъ бы Николай безъ встрѣчи на первомъ же шагу своего царствованія этого возмущенія, остается вопросомъ; но позволительно и теперь заключать, особенно изъ его личнаго характера и изъ исторіи его царствованія, что 14 Декабря 1825 года дало этому Государю совсѣмъ иное направленіе.

Вскорѣ мы возвратились въ Москву. Тамъ высшее сословіе, или лучше сказать, люди высшаго образованія, смотрѣли на это событіе иначе, чѣмъ въ провинціи. Кромѣ весьма естественнаго сочувствія къ либеральнымъ идеямъ, многія, весьма многія семейства лишились своихъ лучшихъ членовъ, которые, по прямому или косвенному участію въ заговорѣ, или даже по тѣснымъ связямъ съ обвиняемыми, были взяты, отвезены въ Петербургъ и томились въ крѣпости, находясь подъ слѣдствіемъ. Изъ моихъ личныхъ знакомыхъ были увезены Павелъ Ив. Колошинъ и Ив. Пущинъ. Вообще Москва того времени носила характеръ какой-то грусти, какой-то боязни и недовѣрчивости....

Изъ числа горячо сочувствовавшихъ была кузина моя Марья Аѳ. Дохтурова. Натура живая и страстная, она не только была способна къ увлеченіямъ, но увлекала съ собою и другихъ, сколько-нибудь способныхъ проникаться высокимъ и прекраснымъ. Поклонница Байрона, Ламартина, Пушкина, она была какъ бы жрицею свободы и умѣла собрать вокругъ себя нѣсколько молодыхъ людей болѣе или менѣе способныхъ къ увлеченіямъ, но умныхъ и благородныхъ. Въ послѣдствіи подъ ея вліяніемъ развивались Станкевичъ, Грановскій, Бѣлинскій и др.; но въ описываемую мною эпоху они были еще дѣти и едва ли поступили еще въ гимназію. Вліяніе ея на меня было неотразимо.

---

*) Важное историческое показаніе, которымъ подтверждаются стихи Ѳ. И. Тютчева:

Народъ, чуждаясь вѣроломства,
Поноситъ ваши имена.

(См. Р. Архивъ 1881, II, 340). Въ иныхъ городахъ и селахъ приходилось везти ссыльныхъ декабристовъ вскачь и опрометью, потому что въ нихъ кидали грязью, снѣгомъ и даже каменьями, и это дѣлалось нашимъ простонародьемъ, которое вообще славится милосердіемъ къ частнымъ преступникамъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Скоро было получено извѣстіе о рѣшеніи дѣла въ верховномъ судѣ. Приговорены пятеро къ висилицѣ, остальные къ каторгѣ, кто безъ срока, кто на 20, 15 и пр. лѣтъ; нѣкоторые къ крѣпости и другаго рода наказаніямъ. Понятно впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ! Не смотря на дѣятельныя приготовленія къ коронаціи, она не могла изгладить въ обществѣ того грустнаго настроенія, которое невольно вспоминалось въ семьяхъ, болѣе или менѣе близкихъ къ преступникамъ, а чрезъ нихъ во многихъ другихъ домахъ. Справедливость требуетъ однакоже замѣтить, что общественный смыслъ обвинялъ заговорщиковъ и сознавалъ правосудіе приговора, а вмѣстѣ съ тѣмъ безразсудность всего замысла.

Посѣщеніе лекцій Маслова мною продолжалось и, не смотря на увлеченія Дохтуровой, его вліяніе на меня не ослабѣвало и служило мнѣ сильною охраной. Революціонная проповѣдь Дохтуровой дѣйствовала сильно на мое воображеніе и принадлежала вполнѣ къ области фантазіи; рѣчь Маслова, строго-логическая, разумно-либеральная и возвышенная, живымъ чувствомъ религіи говорила моему уму и сердцу. Это двойственное вліяніе раздвоило внутренно меня самаго: съ одной стороны, я не только не сочувствовалъ правительству, но смотрѣлъ лично на Государя, какъ на тирана, который своему личному гнѣву принесъ столько жертвъ; а съ другой—сознавалъ въ немъ представителя государства и отсюда мою личную обязанность служить ему, какъ верховной главѣ Русскаго народа. Я охотно пошелъ бы въ службу, но ни за что̀ на свѣтѣ не принялъ бы никакого придворнаго званія.

Между тѣмъ Государь, августѣйшее семейство, дворъ и проч. прибыли въ Москву для коронаціи. Прибытіе гвардіи и появленіе иностранныхъ мундировъ дипломатическаго корпуса, дотолѣ невиданныхъ нами, очень насъ интересовало. Государь, не въѣзжая въ городъ, остановился въ Петровскомъ дворцѣ со всѣмъ дворомъ. Церемоніальный въѣздъ долженъ былъ отправиться по Тверской; здѣсь по всей улицѣ, гдѣ только позволяло мѣсто, были устроены ложи и скамьи для зрителей; окна домовъ также продавались по баснословнымъ цѣнамъ. Въ объявленный для шествія день, все наше семейство отправилось къ нанятому окну смотрѣть изъ него на церемонію, кромѣ меня. Я остался одинъ дома; это была жертва принципа: я не хотѣлъ участвовать при встрѣчѣ *деспота!*.... Не нужно говорить, что не только *деспотъ*, но даже никто изъ нашей семьи не замѣтилъ моего отсутствія; тѣмъ не менѣе мнѣ казалось, что я совершилъ нѣчто въ родѣ подвига. Таково было мое легкомысліе! Не смотря на мои 19-ть лѣтъ, въ характерѣ моемъ и во взглядѣ было еще много, очень много дѣт-

Библиотека "Руниверс"

скаго, неустановившагося, незрѣлаго!... Вслѣдствіе этого смѣшнаго самообольщенія и желая выдержать мой характеръ, я не видалъ ничего относящагося до коронаціи и жилъ въ Москвѣ какъ будто въ другомъ городѣ. Разъ только, во время великолѣпной иллюминаціи, когда Иванъ Великій горѣлъ разноцвѣтными огнями, а Кремлевскія стѣны и вся крѣпость были залиты свѣтомъ шкаликовъ, я рѣшился идти въ Кремлевскій садъ. Зрѣлище въ самомъ дѣлѣ великолѣпное. Густыя толпы народа едва позволяли двигаться по саду. Неглинная была запружена экипажами въ нѣсколько рядовъ; все шумѣло, все было въ радостномъ движеніи, праздничная суматоха была повсюду— одинъ я былъ мраченъ. Я представлялъ себѣ пять висѣлицъ и тѣхъ несчастныхъ, которые на нихъ погибли за благо Русскаго народа. При этомъ, конечно, я воображалъ себя героемъ и ставилъ себя выше всей *этой презрѣнной толпы!* Съ такими мыслями моя прогулка не могла мнѣ доставить удовольствія, и я поспѣшилъ вырваться изъ толпы. Когда я вышелъ на Знаменку, чтобы идти домой, темная улица показалась мнѣ великолѣпною; и въ самомъ дѣлѣ, переходъ отъ толпы, шума и блеска иллюминаціи въ тишину и безлюдство широкой улицы, освѣщаемой полнымъ свѣтомъ луны, былъ истинно поразителенъ. Въ поэтическомъ настроеніи я любовался тихимъ сіяніемъ полной луны, мерцаніемъ яркихъ звѣздъ и ясностью темносиняго неба. Отвратительною и гадкою казалась мнѣ блистательная иллюминація съ ея разноцвѣтными огнями и съ заревомъ стоявшей надъ нею копоти. Шумъ и толкотня ликующаго народа, предпочитающаго кукольную забаву искусственнаго освѣщенія этой красотѣ величественной природы, казались мнѣ неизъяснимымъ и непростительнымъ дурачествомъ. Я забывалъ, что самъ такъ часто, и прежде, и послѣ видалъ эту величественную красоту, и смотрѣлъ на нее безучастно!...

Между тѣмъ мой добрый геній, мой покровитель Масловъ не переставалъ обо мнѣ заботиться. По случаю коронаціи всѣ части государственнаго управленія сосредоточились въ Москвѣ и не только имѣли своихъ представителей въ лицѣ министровъ и главноуправляющихъ, но нѣкоторыя имѣли при себѣ цѣлыя учрежденія и дѣлопроизводство. Коммиссія прошеній, столь необходимая во время коронаціи, когда народъ, полный надеждъ и вѣры къ новому царю, смѣлѣе обращается къ нему съ личными просьбами, оставалась однакоже въ С.-Петербургѣ; потому что въ самое это время, по случаю открытія лихоимства между ея чиновниками, статсъ-секретарь у принятія прошеній П. А. Кикинъ находился въ немилости. Въ Москвѣ былъ учрежденъ временный комитетъ прошеній подъ предсѣдательствомъ князя А. А. Голицына изъ пожалованныхъ новыхъ статсъ-секретарей Лонгинова и Блудо-

Библиотека "Руниверс"

ва. Первый, которому предоставлено управленіе и канцеляріей комитета, поступилъ изъ секретарей императрицы Елисаветы Алексѣевны, только что предъ тѣмъ скончавшейся въ Бѣлевѣ, по пути въ Москву изъ Таганрога, а второй изъ дѣлопроизводителей слѣдственной коммиссіи и верховнаго суда, учрежденнаго надъ мятежниками. Канцелярія комитета состояла изъ двухъ чиновниковъ, бывшихъ въ комитетахъ Императрицы: Густава Адольфовича Шверина и Ильи Ем. Ходовскаго. Нужное для дѣлопроизводства число чиновниковъ предположено было временно набрать въ Москвѣ. Масловъ, бывшій въ связяхъ съ Шверинымъ по масонству, поступилъ въ нее одинъ изъ первыхъ и опредѣлилъ туда же и меня.

Канцелярія помѣщалась въ домѣ, занимаемомъ Лонгиновымъ, гдѣ-то около Кузнецкаго моста и Лубянки. Когда я поступилъ въ нее, тамъ было уже много чиновниковъ. Большинство ихъ принадлежало почтовому вѣдомству и было прикомандировано княземъ Голицынымъ, который былъ главноуправляющимъ почтовымъ департаментомъ. Въ числѣ временно поступившихъ, подобно Маслову, былъ С. Д. Нечаевъ, бывшій предъ тѣмъ директоромъ Тульской гимназіи и прежде того еще поэтомъ и литераторомъ; онъ принадлежалъ къ масонскимъ ложамъ. Знакомство мое съ нимъ, начатое здѣсь, продолжалось во всю жизнь до его смерти. Здѣсь же познакомился я съ Пальчиковымъ, получившимъ воспитаніе въ Царскосельскомъ лицеѣ. Это была самая симпатичная, привлекательная личность, съ какими не часто приводилось мнѣ встрѣчаться въ жизни.

Я, не смотря на мои 19-ть лѣтъ, былъ еще до того неопытенъ, можно сказать, до того дитя, что не только дичился всѣхъ и страшно конфузился при каждомъ новомъ знакомствѣ, но смотрѣлъ на канцелярію какъ на школу, а на старшихъ чиновниковъ, какъ на гувернеровъ. Меня заставили дѣлать выписки изъ всеподд. просьбъ для доклада комитету, которому было предоставлено рѣшать ихъ отъ имени Государя. При этомъ принято за правило не отказывать прямо никому, но и ничего не рѣшать окончательно, а объявлять просителямъ, что по ихъ просьбамъ высочайше повелѣно то-то и то-то; а это «то-то и то-то» состояло въ передачѣ просьбъ въ надлежащее вѣдомство или указаніе, чтобы просили по порядку. Всѣ мы, начиная отъ старшаго, какъ бы въ родѣ правителя канцеляріи, Шверина и до послѣдняго меня, не имѣли понятія ни о законахъ, ни о службѣ, ни о компетенціи государственныхъ учрежденій. Можно себѣ представить, какіе куріозы должны были происходить отъ такихъ дѣльцовъ. Вотъ примѣръ. Ко мнѣ доставлена жалоба Тамбовской помѣщицы, вдовы генералъ-маіора Циммермана на 8-й департаментъ Сената по дѣлу

Библиотека "Руниверс"

объ имѣніи, оставленномъ ей мужемъ. Просьба была голословная и безъ приложенія копіи съ рѣшенія Сената. По сдѣланной мною выпискѣ, комитетъ, вѣрный правилу не давать прямыхъ отказовъ никому, объявилъ, что ей по высочайшему повелѣнію предоставлено просить «по порядку». Но какой это порядокъ и кого надобно было просить послѣ отказа Сената? Комитетъ безъ сомнѣнія самъ этого не вѣдалъ. Тамбовскіе юристы долго ломали надъ этимъ головы и, наконецъ, рѣшили, что это значитъ просить формою суда, и указали просительницѣ на Уѣздный Судъ. Уѣздный Судъ, понявъ точно также эту резолюцію комитета и имѣя въ виду высочайшее повелѣніе объявленное вдовѣ Циммерманъ, рѣшилъ дѣло въ ея пользу, не смотря на то, что при первомъ своемъ рѣшеніи высказался противъ нея. «Высочайшее повелѣніе» очевидно играло здѣсь важную роль, ибо заставило судъ «не стѣсняться прежнимъ рѣшеніемъ». Также точно поступила и Гражданская Палата, куда по аппелляціи противниковъ было перенесено дѣло; она также, «не стѣсняясь прежнимъ рѣшеніемъ», бывшимъ противъ г-жи Циммерманъ, постановила новое въ ея пользу. Только Сенатъ догадался, наконецъ, въ чемъ дѣло. Когда къ нему поступила аппелляція на палату, онъ «не стѣснился» высочайшимъ повелѣніемъ и рѣшилъ дѣло по существу и по справедливости. Г-жа Циммерманъ, конечно, этимъ не удовлетворилась и принесла новую всеподданнѣйшую жалобу; но она поступила уже въ Коммиссію Прошеній, гдѣ лучше знали дѣло, чѣмъ въ комитетѣ и тамъ оставили безъ уваженія по неосновательности. Всю эту исторію узналъ я изъ этой послѣдней жалобы, попавшей въ мои руки, когда я служилъ уже въ Коммиссіи Прошеній.

Помню я, что первая бумага, попавшая въ мои руки въ Москвѣ, была просьба полковника Хошоутовской Калмыцкой орды князя Тюменева. Этотъ кочевникъ просилъ о ненарушимомъ охраненіи ихъ вольностей и обычаевъ. Онъ началъ свою просьбу словами: «Одно изъ величайшихъ заблужденій правительствъ состоитъ въ томъ, что они стремятся устроивать благосостояніе своихъ подданныхъ по своимъ, а не по понятіямъ народа». Истина конечно элементарная, чуть непошлая; но по моей неопытности она сильно поразила меня, особенно высказанная ханомъ Калмыцкой кочующей орды, такъ что я и доселѣ не забылъ этой фразы.

Наконецъ, 22 Августа совершилась коронація. Я, все еще вѣрный моимъ впечатлѣніямъ, не былъ въ Кремлѣ и не видалъ ничего. Московскіе гости начали разъѣзжаться. Передъ отъѣздомъ Государя начали у насъ готовить представленія къ наградамъ. Я по моей наивности не только ничего не желалъ, но даже не понималъ своихъ

Библиотека "Руниверс"

заслугъ: мнѣ казалось что двухъ-трехъ-мѣсячныя занятія въ канцеляріи не стоили ровно ничего. Пока тянулось дѣло объ этомъ представленіи, я продолжалъ ходить въ канцелярію. Дѣла было немного, да и то по большей части взваливалось на чернорабочихъ чиновниковъ почтамта; цвѣтъ канцеляріи, молодые люди высшаго полета, занимались бесѣдами и разными новостями и анекдотами. Литература въ то время была въ большомъ ходу. Прощеніе Пушкина и возвращеніе его изъ ссылки составляли самую крупную новость эпохи. Между нами чуть не товарищъ Пушкина, Пальчиковъ, выпущенный изъ Лицея нѣсколькими выпусками послѣ него *), приносилъ намъ новые стихи Пушкина, и мы пользовались ими чуть не изъ первыхъ рукъ.

Въ концѣ Сентября намъ объявили, что канцелярія закрывается и ст.-секр. Лонгиновъ отправляется въ С.-Петербургъ вслѣдъ за отъѣздомъ Государя. При этомъ каждому изъ насъ выдали свидѣтельства о занятіяхъ нашихъ въ канцеляріи за подписомъ ст.-секретаря и за его печатью. Вскорѣ затѣмъ вышли и награды: чины, ордена, подарки. Я былъ произведенъ въ чинъ 14 класса съ повелѣніемъ опредѣлить меня на службу. Я былъ чрезвычайно радъ и тому, и другому. Въ семействѣ нашемъ это было торжествомъ. Моя добрая мать, можно сказать, не помнила себя отъ радости, а я такъ гордился моимъ чиномъ, что свысока смотрѣлъ на брата Ивана, который хотя и былъ записанъ въ Сенатѣ, но по болѣзни служить не могъ и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ долженъ былъ взять отставку съ чиномъ канцеляриста. По ходатайству С. А. Маслова, Лонгиновъ согласился опредѣлить меня къ себѣ и обѣщалъ извѣстить меня объ этомъ изъ С.-Петербурга.

Когда дворъ и всѣ Петербургскіе гости уѣхали изъ Москвы, жизнь ея пошла прежней чередою. Кратковременная моя служба при комитетѣ прошеній доставила мнѣ нѣсколько знакомствъ. Посѣщая ихъ, я знакомился съ другими. Сидя однажды въ театрѣ, я заговорилъ въ антрактѣ съ моимъ сосѣдомъ, который, судя по костюму и по манерамъ, принадлежалъ къ хорошему обществу. Онъ говорилъ очень умно и выказалъ много вкуса и образованности. Отъ сужденія о дававшейся піесѣ разговоръ перешелъ на литературу. Собесѣдникъ мой и здѣсь говорилъ какъ знатокъ; оказалось, что онъ и самъ занимался словесностью и писалъ стихи. Мы познакомились: онъ назвалъ себя «Волковъ».

Отст. поручикъ Платонъ Григ. Волковъ служилъ въ гвардіи и получилъ воспитаніе у іезуитовъ, гдѣ въ его время воспитывались сыновья нашихъ вельможъ, Строгановы, Протасовы, Гагарины и др.

*) Кажется, двумя.

Библиотека "Руниверс"

Волковъ былъ очень красивъ собою, вкрадчивъ, уменъ и обладалъ положительнымъ дарованіемъ, какъ стихотворецъ; онъ особенно отличался какъ переводчикъ. Въ С.-Петербургѣ въ свое время онъ былъ вхожъ въ лучшіе домы и женился на граф. Бѣлинской, родной сестрѣ графини Бобринской. Въ Москвѣ онъ жилъ въ домѣ сей послѣдней, что у Страстнаго монастыря. Я по его вызову поѣхалъ къ нему. Это былъ вполнѣ барскій домъ, великолѣпно отдѣланный, съ роскошною мебелью и ливрейною прислугою. Волковъ, какъ хозяинъ, былъ еще любезнѣе, чѣмъ какъ собесѣдникъ; онъ угостилъ меня гастрономическимъ завтракомъ, превосходно сервированнымъ и напоилъ меня отличнымъ виномъ. Знакомство наше утвердилось. Волковъ ѣздилъ ко мнѣ, я къ нему; мы сдѣлались друзьями. Въ 19 лѣтъ дружба скачетъ на почтовыхъ, и мы уже говорили другъ другу «ты». Не знаю, что нашелъ во мнѣ Волковъ; для меня онъ казался особенно привлекателенъ своимъ умомъ и свѣтскою образованностію. Немалую долю привлекательности въ моихъ глазахъ имѣло его «литераторство». Я и самъ писывалъ стихи *); но онъ ихъ «печаталъ!» До того времени я былъ знакомъ изъ литераторовъ только съ Ник. Фил. Павловымъ, напечатавшимъ свое стихотворство—переводъ «Маріи Стюартъ»; теперь литературное мое знакомство умножилось. Мы съ Волковымъ сдѣлались неразлучны.

Между тѣмъ я получилъ увѣдомленіе отъ Шверина, съ которымъ, благодаря Маслову, я сблизился болѣе другихъ, что Лонгиновъ назначенъ ст.-секретаремъ у принятія прошеній и принимаетъ меня въ свою канцелярію. О жалованьѣ не говорилось ни слова, но меня приглашали въ С.-Петербургъ. Сборы были непродолжительны. Я собрался ѣхать вмѣстѣ съ Никол. Алексѣев. Татищевымъ, который только что передъ тѣмъ записался на службу въ военное министерство. Тогда до С.-Петербурга еще не ходило и дилижансовъ, и шоссе еще не было окончено. Мы рѣшились ѣхать на почтовыхъ, въ перекладныхъ санях, разумѣется, на половинныхъ издержкахъ. Передъ отъѣздомъ я посѣтилъ Александра Сем. Крюкова, отца Марьи Ал. Лонгиновой, съ которымъ былъ уже знакомъ по Обществу Сельск. Хоз-ва. Жена его Прасковья Алекс-на, урожд. княжна Черкаская, очень бойкая женщина, вполнѣ владѣвшая мужемъ, и дочь Анна Алекс—на, оставшаяся въ дѣвицахъ по уродливости, очень меня обласкали, хотя и не безъ тона покровительства, какъ будущаго подчиненнаго ихъ зятя. Они предложили мнѣ письма къ Лонгиновымъ и по Московскому обычаю

*) Нѣкоторые изъ этихъ стиховъ сохранились въ тетрадяхъ графа Д. Н. Толстаго.

Библиотека "Руниверс"

хотѣли воспользоваться «оказіей», чтобы доставить туда посылку. И то и другое было вручено мнѣ вскорѣ.

Послѣ великолѣпнаго прощальнаго обѣда даннаго мнѣ Волковымъ, я распростился съ матерью и, получивъ на отъѣздъ 300 р. асс., вмѣстѣ съ Татищевымъ отправился въ С.-Петербургъ. Эта дорога была для меня первымъ, довольно продолжительнымъ и самостоятельнымъ путешествіемъ на почтовыхъ и притомъ на перекладной. Несясь на лихой тройкѣ по Валдайскимъ горамъ, я потерялъ данную мнѣ Крюковыми посылку. Можно представить то отчаяніе, въ какомъ я находился. Какъ покажусь я на глаза Лонгиновой! Все это, особенно при моей застѣнчивости, ужасно меня тревожило. На первой же станціи я поручилъ смотрителю розыскать мою потерю и далъ ему въ видѣ наградныхъ денегъ тому, кто отыщетъ, около 20 цѣлковиковъ, что по тогдашнему курсу составляло слишкомъ 80 рубл. ассигн. Не нужно прибавлять, что деньги эти, составлявшія чувствительный ущербъ въ моихъ финансахъ, пропали безъ пользы, и посылка не отыскалась.

Въ С.-Петербургѣ мы остановились въ гостинницѣ Варварина (нынѣ уже не существующей) въ Большой Мѣщанской улицѣ. Въ тотъ же день, еще не являясь къ Лонгиновымъ, я отправился искать себѣ квартиру, которую и нашелъ въ Галерной у какой-то Нѣмки, заплативъ нѣсколько рублей задатку.

На другой день я отправился на Моховую, гдѣ въ домѣ Чистаго, жилъ Н. М. Лонгиновъ, а внизу помѣщалась канцелярія. Это было утромъ. Н. М. сидѣлъ въ столовой комнатѣ за утреннимъ чаемъ въ кругу семейства, состоявшаго изъ жены и троихъ дѣтей-мальчиковъ. Марья Александровва была лѣтъ 30; старшему сыну Александру было лѣтъ 10—11, второму Дмитрію 9 и меньшему Михаилу лѣтъ 5 или 6. Приняли меня чрезвычайно ласково; но я былъ очень сконфуженъ сдѣланнымъ мнѣ привѣтствіемъ на Французскомъ языкѣ, на которомъ я тогда не только не говорилъ, но и понималъ очень плохо. Я подалъ хозяйкѣ дома письмо отъ ея родителей и извинился какъ умѣлъ въ потерѣ посылки; оказалось, что это было домашнее варенье. Начались шутки; мнѣ приписывали, что я не потерялъ, а самъ съѣлъ его и т. п.; но мнѣ дорого обошлись эти нѣсколько фунтовъ варенья.

Послѣ чая Лонгиновъ взялъ меня въ кабинетъ. Тамъ онъ распросилъ меня о моихъ средствахъ; я отвѣчалъ, что надѣюсь получать изъ дому по 2000 р. асс. въ годъ. «Этого очень достаточно», сказалъ онъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ мнѣ явиться къ правителю канцеляріи Н. Петр. Иванову и заниматься подъ руководствомъ его помощника Ив. И. Фундуклея. Жалованья мнѣ назначено было 200 р. асс. въ годъ. Вниманіе моего добраго и почтеннаго начальника ко

Библиотека "Руниверс"

мнѣ не ограничилось этими первыми распоряженіями о моей службѣ; онъ предложилъ мнѣ нанять квартиру на верху того же дома, въ которомъ жилъ самъ, приказалъ своему дворецкому ѣхать со мною въ гостинный дворъ и купить нужную мебель. Такимъ образомъ, поселившись въ одномъ домѣ съ Лонгиновыми, въ квартирѣ, имѣвшей внутреннее сообщеніе съ его комнатами, я какъ бы сдѣлался членомъ его семейства. Мнѣ было предложено обѣдать у него, когда мнѣ угодно; но я по застѣнчивости пользовался этимъ сколько можно рѣже. Квартира моя состояла изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ въ одной была устроена перегородка для моей спальни изъ прихожей. Маленькія эти чистенькія комнатки, обставленныя новою, краснаго дерева мебелью, приводили меня въ восторгъ. Какое-то невыразимое чувство довольства при видѣ своего *home* дѣлало меня счастливымъ.

Скоро, не смотря на мою застѣнчивость, я свыкся съ канцеляріею и сблизился, безъ разбора, со многими, если не совсѣми, ея чиновниками. Первымъ знакомствомъ моимъ былъ только что выпущенный изъ Царскаго Лицея Степанъ Ивановичъ Смирновъ. Мы сошлись съ нимъ съ перваго раза, и дружба наша не прерывалась до конца его жизни, когда онъ умеръ уже старикомъ, окруженный женою и дѣтьми, составлявшими отраду его жизни. Быть можетъ, мнѣ не случиться встрѣтиться съ нимъ въ этихъ Запискахъ, и потому я посвящу нѣсколько строкъ его памяти.

Смирновъ, сынъ нашего консула въ Голландіи (измѣннически зарѣзаннаго во время нашей войны съ Французами) и матери Англичанки, урожденной Месонъ (miss Masson). Онъ былъ милый, умный и очень оригинальный человѣкъ. Семейство его состояло изъ матери старухи, не говорившей ни слова по-русски и очень плохо объяснявшейся по-французски, и 4-хъ сестеръ, изъ коихъ старшая, которой я лично не зналъ, тотчасъ по выпускѣ изъ института, уѣхала въ Америку, чтобы обвѣнчаться съ своимъ двоюроднымъ братомъ, съ которымъ по обоюдному согласію родителей была обручена еще чуть ли не съ пеленокъ и котораго никогда не видывала. Остальныя три сестры, Елена, Луиза и Анна, также воспитанныя въ институтѣ, жили при матери; меньшой сынъ Иванъ учился въ какомъ-то корпусѣ*). Кромѣ этихъ лицъ, въ семействѣ жилъ пріѣхавшій изъ Индіи отставной капитанъ Мéсонъ, родной братъ г-жи Смирновой, замѣчательный живописецъ животныхъ въ родѣ Поль-Поттера, самъ Смирновъ (мой сослуживецъ) и баронъ Розенъ, товарищъ его по Лицею....

*) Это внуки и правнуки извѣстнаго Лондонскаго священника Я. И. Смирнова. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

II.

12 Марта 1864 г. *).

Сегодня минуло мнѣ 58 лѣтъ! Возрастъ этотъ даетъ себя чувствовать и безъ помощи календаря. Старческіе недуги, ослабленіе чувствъ и общій упадокъ силъ ясно говорятъ мнѣ, что я болѣе уже не дѣятель, что я сошелъ съ гражданской сцены безвозвратно и что время, которое Богу угодно будетъ даровать мнѣ еще на землѣ, должно быть обречено полному бездѣйствію. Такое положеніе было бы очень тяжело для человѣка, привыкшаго къ постоянному труду, еслибы не воспоминанія, которыхъ, благодаря образу всей моей жизни, у меня запасъ немалый. Итакъ, достигнувъ до настоящаго положенія блаженнаго покоя, я скажу стихами Пушкина:

«Дай оглянусь.....»

Оглянусь не на всю жизнь, не на всю ту разнообразную дѣятельность, которую Господь послалъ на мою долю. Долго было бы излагать воспоминанія о свыше 10-ти лѣтней службѣ моей въ Коммиссіи Прошеній, гдѣ я былъ производителемъ дѣлъ 1-й экспедиціи и гдѣ у меня были въ производствѣ дѣла 1-го и 4-го департаментовъ Сената, рано и одновременно познакомившія меня съ администраціею и судомъ. Не буду воспоминать о службѣ по временному управленію Царствомъ-Польскимъ, гдѣ я, во все продолженіе войны 1831 г., былъ правителемъ канцеляріи при графѣ Строгановѣ и велъ дѣла по военно-гражданскому управленію цѣлаго края. Пятилѣтнее управленіе мое въ качествѣ директора Нижегородской ярмарки дало мнѣ способъ близко познакомиться съ состояніемъ нашей внутренней и отпускной въ Азію торговли. Управленіе секретной канцеляріей Остзейскаго ген.-губернатора могло бы также доставить обильный запасъ воспоминаній, тѣмъ болѣе, что время моего служенія въ Ригѣ было необыкновенное, и дѣла, мнѣ порученныя, не имѣли антецедентовъ и производились не на основаніи канцелярскихъ справокъ. Послѣдующее за тѣмъ служеніе при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, многочисленные разъѣзды по всѣмъ концамъ Россіи, ревизіи губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, занятія въ качествѣ производителя дѣлъ по

---

*) Этотъ второй отрывокъ писанъ графомъ Толстымъ въ селѣ Знаменскомъ, когда онъ находился въ полной отставкѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Остзейскому комитету, учрежденному для улучшенія быта тамошнихъ крестьянъ, такіе же труды и по многимъ другимъ комитетамъ; служба въ званіи вице-директора сначала хозяйственнаго, а потомъ полицейскаго департамента, наконецъ, бытность губернаторомъ въ трехъ губерніяхъ: все это представляетъ такой запасъ воспоминаній, что его достало бы на томы и не могло бы помѣститься въ томъ краткомъ очеркѣ, который я началъ писать.—Итакъ, оглянусь только на последнее время; вспомню о послѣдней моей дѣятельности въ званіи директора департамента полиціи исполнительной.

Извѣстно то жалкое, можно сказать, антигосударственное направленіе чиновничьяго міра, которое, вскорѣ послѣ Крымской войны возникнувъ въ С.-Петербургѣ, все болѣе и болѣе распространялось и начинало уже проникать въ провинціи. М. вн. дѣлъ Ланской, безъ собственнаго вѣдома, былъ какъ бы главою этого направленія. Никогда не отличавшійся особенными государственными способностями, этотъ впрочемъ благородный и добродушный старецъ, память котораго я глубоко уважаю, попалъ во главу управленія министерствомъ въ то время, когда крестьянскій вопросъ дозрѣвалъ въ высокой мысли Государя, и разрѣшеніе его становилось все болѣе необходимымъ. Не мѣсто здѣсь разсматривать, въ какой мѣрѣ были патріотичны стремленія главныхъ его дѣятелей; когда-нибудь, въ другомъ трудѣ, если Богъ продлитъ жизни, я постараюсь подробнѣе опредѣлить характеръ и дѣятельность промоторовъ и такимъ образомъ воздать suum cuique *). Здѣсь упомяну только, что явный и рѣшительный толчокъ крестьянскому дѣлу былъ данъ (притомъ совершенно случайно) Назимовымъ, и за нимъ Ланскимъ. Первый поводъ къ тому подало Литовско-польское дворянство и, конечно, не въ пользу Русскаго патріотизма. Но таковы судьбы Россіи! Нерѣдко, планы, замышляемые ея врагами, обращаемы были благимъ Провидѣніемъ въ ея же пользу. Такъ и здѣсь. Кто сразу становятся первыми дѣятелями гражданской реформы? Вѣдь были же и прежде люди, ясно понимавшіе несовременность положенія крѣпостныхъ крестьянъ и искренно желавшіе уничтоженія этого безобразнаго права (Бибиковъ, Киселевъ, Л. Перовскій), но не успѣвшіе ничего сдѣлать. И вотъ на мѣсто ихъ судьба выдвигаетъ людей второстепенныхъ достоинствъ, и они хотя чужими руками, но совершаютъ великое дѣло. Такъ буія міра избра Господь, да премудрыя посрамитъ.

---

*) Это сдѣлано покойнымъ въ его статьѣ „Дай оглянусь". Р. Арх. 1881 г. кн. II, стр. 174.

Библиотека "Руниверс"

Крестьянская реформа была слишкомъ громаднымъ событіемъ для того, чтобы не основать разомъ двухъ враждебныхъ лагерей въ обществѣ. Одни были искренними сторонниками этого дѣла и видѣли въ мирномъ его разрѣшеніи источникъ дальнѣйшихъ нашихъ успѣховъ въ политическомъ развитіи государства. Большинство этой партіи состояло изъ дворянъ-помѣщиковъ, и по условіямъ Петербургской жизни, почти не было тамъ замѣтно. Другая партія, многочисленная, сильная, несокрушимая въ С.-Петербургѣ, имѣвшая и въ провинціи своихъ единомышленниковъ, состояла исключительно изъ чиновниковъ, литераторовъ и журналистовъ. Я не погрѣшу, назвавъ ее красною. Остальная часть лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, состояла изъ помѣщиковъ, которые видѣли въ немъ только экономическую сторону, и потому были крайне недовольны и раздражены, и изъ крестьянъ, которые хотя были сначала упоены, можно сказать, до восторга манифестомъ, но постепенно разочаровались въ своихъ надеждахъ и, охладѣвая, начинали поговаривать о неудовлетворительности данной имъ «воли».

Чиновничья Петербургская партія торжествовала. Въ рукахъ ея были всѣ средства: общественное мнѣніе, внутренняя и заграничная журнальная пресса, м—во вн. дѣлъ. Послѣднее болѣе и болѣе принимало мѣры и дѣлало распоряженія съ очевидною цѣлію раздражить дворянъ. И цѣль начинала достигаться: губернскія собранія дворянъ одно за другимъ выражались враждебными правительству манифестаціями. Въ губерніяхъ начали обнаруживаться неповиновенія крестьянъ, переходившія въ открытыя волненія.

Въ это время я управлялъ Воронежскою губерніею, хотя моя просьба объ отставкѣ уже давно послана была въ Петербургъ. 8 Апрѣля 1861 г. я телеграфировалъ министру вн. дѣлъ о возмущеніи слишкомъ 10 тысячъ душъ крестьянъ въ Бобровскомъ уѣздѣ. Я писалъ, что ѣду на мѣсто самъ, беру съ собою присланнаго для объявленія манифеста свиты Е. И. В. генерала-маіора Мердера и приму самыя энергическія мѣры, чтобы сразу уничтожить всякія попытки къ нарушенію общественнаго порядка.

Такая рѣшимость не могла понравиться министерству, или вѣрнѣе той партіи, которая дѣйствовала его именемъ, и 9-го Апрѣля всемилостивѣйше уволенъ я отъ службы; Мердеръ вызванъ въ С.-Петербургъ по дѣламъ коннозаводства, а на наши мѣста назначены г.-м. Чертковъ 25-ти или 26-ти-лѣтній юноша и фл.-ад. Офенбергъ. Распоряженія мои тогда же были описаны въ «Колоколѣ» съ приличными комментаріями, какъ это дѣлается всегда, когда г. Герцену нужно затмить вредную для его направленія истину. Не мѣсто здѣсь описывать

Библиотека "Руниверс"

тѣ мѣры, какими министерство постоянно вліяло на губернаторовъ во все это время. Скажу только, что съ одной стороны готовая уступчивость начальниковъ губерній, лишенныхъ всякой самостоятельности, а съ другой—дѣятельность чиновничьей партіи, руководившей министерствомъ, дошли до того, что даже тѣ представленія губернаторовъ, которыя шли съ мѣстъ ихъ управленія и носили наружность ихъ собственной инициативы, были внушаемы имъ изъ Петербурга. Такъ, когда губернаторы, вслѣдствіе предоставленнаго имъ Государемъ права, представили избранныхъ ими членовъ отъ правительства въ губернскія присутствія, министерство не утвердило ихъ, а указало на тѣхъ лицъ, которыхъ выбрало само, и губернаторы представили ихъ въ видѣ кандидатовъ. Понятно, какъ этотъ способъ былъ удобенъ для той партіи, которая смотрѣла на все крестьянское дѣло только какъ на средство къ достиженію задуманныхъ цѣлей.

Въ это время Ланской получилъ другое почетное назначеніе, Милютинъ—званіе сенатора съ безсрочнымъ отпускомъ за границу, а министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ Валуевъ.

Такое назначеніе было принято съ восторгомъ всѣми, кто искренно былъ привязанъ къ престолу и отечеству. Назначеніе это обѣщало много. Валуева не знали; но знали, что онъ не принадлежитъ ни къ какой партіи; знали, что назначеніе его не было слѣдствіемъ интриги, а истекало изъ личнаго выбора Государя, и ожидали отъ него многаго. Я зналъ Валуева. Я сблизился съ нимъ въ такомъ еще возрастѣ, когда сближенія бываютъ чисты и безкорыстны. Не буду говорить о его недостаткахъ, отъ которыхъ не свободенъ ни одинъ человѣкъ въ мірѣ; скажу только о томъ, что онъ соединялъ въ себѣ все, что̀ составляетъ условія благороднаго человѣка. Онъ глубоко преданъ Государю, горячо любитъ отечество, обладаетъ умомъ свѣтлымъ и образованнымъ, вполнѣ владѣетъ собою и умѣньемъ вести себя, пишетъ и говоритъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, работаетъ быстро и неутомимо, имѣетъ доброе, любящее сердце и проникнутъ чувствомъ справедливости и правосудія. Таковы личныя его качества. Немудрено, если съ такими достоинствами, которыхъ онъ не можетъ не сознавать въ себѣ, слышимыя имъ отъ окружающихъ лицъ восхваленія принимаются имъ за чистую монету; немудрено, что эгоистическія ихъ выраженія любви къ нему и преданности мало по-малу представляются ему въ видѣ искренней привязанности. Но я опередилъ мои воспоминанія.

Въ это время я жилъ въ деревнѣ. Я написалъ къ Валуеву и предложилъ ему мое сотрудничество. Безъ самовосхваленія скажу, что я руководствовался искреннимъ желаніемъ помочь ему всѣми силами

Библиотека "Руниверс"

моихъ слабыхъ способностей и моей огромной опытности. Всякая эгоистическая цѣль была чужда моему поступку. Вступленіе въ службу не только не поправляло моихъ финансовыхъ обстоятельствъ, которыя были не въ цвѣтущемъ положеніи, но еще болѣе разстроивало ихъ. Понятно, что человѣку съ семьей нельзя жить въ С.-Петербургѣ на пять тыс. рублей директорскаго жалованья, а при опредѣленіи въ должность директора поденныхъ денегъ не дается. Нужно было обзавестись всѣми потребностями жизни, пріобрѣсти мебель, завести экипажъ; я рѣшился пожертвовать послѣдними моими средствами, чтобы помогать человѣку, котораго любилъ искренно, въ его многотрудныхъ обязанностяхъ на пользу отечества. Валуевъ разумно принялъ мое предложеніе, и я въ Августѣ 1861 года назначенъ директоромъ департамента полиціи исполнительной.

Проѣзжая чрезъ Москву, я нашелъ тамъ крайнее раздраженіе противъ правительства. Правда, взгляды Московскаго общества были трезвѣе тѣхъ, которые я въ послѣдствіи нашелъ въ Петербургѣ; но и здѣсь умы были взволнованы до того, что предсказывали неминуемое и близкое паденіе правительства и даже назначали сроки его существованію. Въ Москвѣ есть у меня много близкихъ знакомыхъ; они предсказывали мнѣ, что я ничего въ Петербургѣ не подѣлаю. Они остроумно сравнивали Петербургъ съ угарною комнатою, войдя въ которую всякая самая свѣтлая голова одурѣетъ и лишится ясности взгляда. Увы, они отгадали, но не совсѣмъ. Я дѣйствительно ничего не сдѣлалъ, но не одурѣлъ, а вышелъ изъ этой комнаты на чистый воздухъ. Но я опять забѣгаю впередъ.

Въ Петербургѣ я нашелъ не то, что̀ мнѣ представляли въ Москвѣ. Я нашелъ полное разложеніе общества. Съ одной стороны полнѣйшее бездѣйствіе полиціи при крайне-маломъ ея числѣ. (Такъ напримѣръ въ С.-Петербургѣ, въ 3-й Адмиралтейской части, гдѣ считается болѣе 60-ти тыс. осѣдлыхъ жителей, 110 тыс. кв. саж. незастроеннаго пространства, до пяти тыс. лавокъ и другихъ торговыхъ заведеній, куда Гостинный, Апраксинъ и Щукинъ дворы, а также гулянье по Невскому проспекту привлекаютъ ежедневно почти все народонаселеніе столицы, было всего 54-ре человѣка нижнихъ полицейскихъ чиновъ, изъ коихъ въ три смѣны находилось на лицо на службѣ только 18-ть человѣкъ). Съ другой—всесовершенная разнузданность нравовъ: вопреки закона, опредѣляющаго время открытія и закрытія трактировъ, харчевенъ, кабаковъ и т. п., заведенія эти не запирались по цѣлымъ ночамъ. Извѣстные въ Петербургѣ шпицбалы не только не скрывали своихъ отвратительныхъ оргій, но еще поощрялись полиціею. Безнравственность администраціи дошла до того, что искали въ

Библиотека "Руниверс"

этихъ постыдныхъ учрежденіяхъ союзника противъ политическихъ замысловъ людей неблагонадежныхъ. Ослѣпленіе было такъ велико, что спасеніе отечества видѣли въ его деморализаціи! При такихъ обстоятельствахъ я вступилъ въ управленіе департаментомъ полиціи.

Хотя я и прежде былъ знакомъ съ этимъ департаментомъ по службѣ моей въ немъ вице-директоромъ, однакоже я захотѣлъ ближе съ нимъ познакомиться и убѣдиться, на сколько его рутина удалилась отъ мысли законодателя, лежавшей въ основаніи его учрежденія. Съ этою цѣлію я, еще до вступленія въ должность, занялся подробнымъ изученіемъ исторіи его учрежденія и того, что̀ указано о немъ въ Сводѣ Законовъ; но занятія эти остались безполезными. Сводъ Законовъ, указывая съ излишними даже подробностями предметы вѣдомства департамента, ни слова не говоритъ ни о цѣли его учрежденія, ни о той, къ которой онъ долженъ стремиться. Правда, въ законѣ видны тѣ дѣла, которыя поступаютъ въ департаментъ, но эти дѣла точно также могли поступать въ какую-нибудь центральную управу благочинія или въ главную почтовую контору, и государственная администрація едва ли бы замѣтила эту разницу. Законъ, регламентируя дѣятельность каждаго чиновника отъ писца до начальника отдѣленія, опредѣляя форму и количество графъ и заголовковъ каждой канцелярской книги, остался нѣмъ во всемъ, что̀ касалось живой и разумной дѣятельности департамента: однимъ словомъ, законъ имѣлъ въ виду многосложную административную, или правильнѣе канцелярскую, машину и устранялъ все, что̀ составляетъ существенное условіе разумной силы и свободной дѣятельности человѣка.

Понятно, что такое положеніе не могло удовлетворить меня, привыкшаго давать себѣ отчетъ во всемъ, что̀ я дѣлалъ. Вступивъ въ должность, я пригласилъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ отдѣленій и предложилъ имъ вопросъ: для чего учрежденъ департаментъ? Отвѣта не было; да и не могло быть, потому что его, какъ я уже сказалъ, не было въ законѣ, а всякій отвѣтъ внѣ его составилъ бы только личное умозаключеніе отвѣчающаго. Я просилъ указать мнѣ, чѣмъ ознаменовалось 50-лѣтнее существованіе департамента въ Россіи? Тоже молчаніе, потому что безъ назначенія имъ совѣтниковъ Губернскаго Правленія и полицеймейстеровъ Россія и не знала бы о его существованіи. Я, наконецъ, просилъ по крайней мѣрѣ указать мнѣ, какое изъ губернскихъ правленій въ Имперіи лучше и какое напротивъ самое неудовлетворительное, но и на это съ точностію показаній не получилъ. Не смотря на огромную переписку со всѣми губерніями, на безчисленное множество срочныхъ и несрочныхъ вѣдомостей, столь обременительныхъ для провинцій, въ департаментѣ не было самыхъ

Библиотека "Руниверс"

нормальныхъ, самыхъ элементарныхъ свѣдѣній ни о наличномъ составѣ городскихъ и земскихъ полицій, ни объ отношеніяхъ ихъ къ пространству территорій и къ числу жителей, ни о состояніи мѣстъ заключенія и т. п. Вѣдомости о происшествіяхъ, столь необходимыя для наблюденія за бдительностію и правильностію дѣйствій полиціи, составляющія главный элементъ для надзора и направленія ея дѣятельности, въ департаментѣ не получались. Онѣ составляли предметъ вѣдомости департамента общихъ дѣлъ и служили тамъ только матеріалами для запоздалыхъ нумеровъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, котораго никто не читалъ. Всѣ дѣла внутренней политики были изъ департамента взяты и переданы въ особую канцелярію министра, а законодательные вопросы по предпринятымъ реформамъ вѣдомства департамента полиціи разработывались въ земскомъ отдѣлѣ. Между тѣмъ чиновники работали много, много исписывалось бумаги, и *текущее дѣлопроизводство* шло безукоризненно. Вся эта работа была похожа на дѣятельность бѣлки въ ея колесѣ. Столько же труда, столько же безсознательности и столько же пользы! Хозяйственная часть департамента находилась не въ лучшемъ положеніи: я принялъ кассу съ передержкою канцелярской суммы (если память мнѣ не измѣняетъ) до семи тыс. рубл., которую долженъ былъ покрыть экономіею изъ будущихъ поступленій.

Желая осмыслить службу мою въ департаментѣ, я просилъ министра сказать мнѣ, въ чемъ заключается его программа. Это было нужно не только для меня, но и для каждаго члена министерства: только подъ этимъ условіемъ можетъ быть сохранено единство дѣйствій отдѣльныхъ частей, только тогда директоры могутъ принести пользу и быть дѣйствительными сотрудниками министра. Но просьба моя осталась безуспѣшною, и я до сихъ поръ не знаю, чего хочетъ министръ внутреннихъ дѣлъ... Правда, Валуевъ, отношенія съ которымъ у меня были самыя пріятныя, удостоивалъ меня конфиденціальныхъ разговоровъ, въ которыхъ высказывалъ мнѣ свои виды и стремленія; но это были скорѣе desideria, чѣмъ твердо предположенный путь. Я могъ имъ болѣе или менѣе сочувствовать, но директоръ не имѣетъ права принимать ихъ въ руководство.

Отношенія мои съ министромъ, какъ я сказалъ уже, были самыя пріятныя. Его внимательность и снисходительность ко мнѣ были въ самомъ дѣлѣ необыкновенны. Онъ нерѣдко своею любезною добротою сглаживалъ угловатости моего характера и умѣлъ и предпочиталъ всегда болѣе обращаться къ моему сердцу, не оскорбляя моего самолюбія. За то я не только былъ ему преданъ, какъ начальнику, но ежедневно болѣе и болѣе къ нему привязывался. Я не знаю, какого

Библиотека "Руниверс"

труда не принялъ бы на себя для министра, чего не сдѣлалъ бы для Валуева! Между тѣмъ, осматриваясь вокругъ болѣе и ближе, я не могъ не замѣтить, что растлѣніе администраціи было въ сущности гораздо серьезнѣе того, о которомъ сказано мною выше. Въ Петербургѣ уже существовало (подобно тому, какъ въ послѣдствіи было въ Варшавѣ), рядомъ съ открытымъ, оффиціальнымъ законнымъ правительствомъ, другое, хотя не подпольное, какъ у Поляковъ, но не менѣе сильное и гораздо болѣе для себя безопасное. Это лига чиновниковъ. Во всѣхъ министерствахъ, во всѣхъ вѣдомствахъ находились чиновники того самаго направленія, которое господствовало въ крестьянскомъ дѣлѣ, въ самой тѣсной между собой связи. Они дружно шли къ предположенной себѣ цѣли и не впускали въ правительство никого, съ направленіемъ себѣ враждебнымъ; если же и случится кому-нибудь (какъ было со мною) вступить въ него безъ ихъ вѣдома, то они употребляли всѣ усилія скорѣе сбыть съ рукъ подобнаго непріятнаго гостя, и ни одна его иниціатива, ни одна мысль не получала осуществленія, коль скоро выступала изъ круга собственнаго вѣдомства. Эти чиновники управляли Имперіей нерѣдко безъ вѣдома министровъ, которыхъ они заваливали пустячной работой, и такимъ образомъ вырывали у нихъ, такъ сказать, на лету подписи, благопріятныя ихъ видамъ. Владѣющіе замѣчательными способностями, не лишенные если не науки, то образованія, дружно стремящіеся къ задуманной цѣли, они составляли силу, и притомъ силу разумную, сознающую самоё себя, и господствовали въ Петербургѣ, можно сказать, самовластно. Иниціатива всѣхъ преобразованій, разработывающихся доселѣ, имъ принадлежитъ. Духъ, господствовавшій во всѣхъ задуманныхъ ими реформахъ, можно бы назвать анархическимъ, еслибъ они смѣли яснѣе его выразить; но я назову его духомъ разложенія и стремленія не къ огражденію самодержавія, не къ возбужденію самоуправленія, а къ ослабленію правительства, какъ правительства (conditio sine qua non) и къ возбужденію самоуправства. Всѣ безчисленные комитеты, занимавшіеся реформами, открыто стремились къ ослабленію и даже уничтоженію всякой административной силы. Расчитывая на возбужденіе страсти въ массахъ, они не иначе, даже оффиціально, не отзывались о всякомъ распоряженіи губернской власти (о центральной говорить еще пока не смѣли) какъ объ «административномъ произволѣ»: это было у нихъ terme consacré. Полицію, столь необходимую въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ, будь оно самодержавною монархіею или управляйся президентомъ, они стремились ослабить до возможности, унизить до омерзенія; служившая имъ журнальная пресса бросала въ нее грязью безнаказанно. Стóитъ припомнить тотъ шумъ, который былъ поднятъ

Библиотека "Руниверс"

по случаю заарестованія на одну ночь Псковскимъ полицеймейстеромъ человѣка безпаспортнаго, чтобы понять направленіе того времени *).

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, съ выходомъ Милютина, такихъ чиновниковъ осталось мало. Я разумѣю чиновниковъ, руководящихъ, потому что лицъ «мелкой сошки» съ этимъ направленіемъ и потомъ въ немъ осталось довольно. Главными были Соловьевъ и Г. Перваго я зналъ прежде мало, а послѣдняго близко. Во времена Перовскаго, когда въ министерствѣ была цѣлая фаланга людей дѣйствительно способныхъ, онъ принадлежалъ къ числу людей бездарныхъ, безсознательно увлекающихся высшимъ направленіемъ лицъ, болѣе или менѣе даровитыхъ. Такъ въ это время онъ былъ отголоскомъ Як. Ханыкова. Добрый Г. былъ незамѣтнымъ. Теперь я нашелъ его въ числѣ «передовыхъ людей» (техническое названіе, принятое чиновничьимъ правительствомъ для своихъ агентовъ) и во главѣ разныхъ реформъ, предпринятыхъ для блага Россіи. Мнѣ пришлось повторить стихъ Грибоѣдова: «Бываютъ на землѣ такія превращенія!»

Соловьевъ человѣкъ другаго рода. Работая по крестьянскому дѣлу съ особеннымъ остервененіемъ противъ помѣщиковъ, вредя имъ всѣми силами души и воли, онъ возбудилъ къ себѣ общую ихъ ненависть. Самолюбивый въ высшей степени, онъ и въ этомъ чувствѣ видѣлъ свою иллюстрацію и, какъ сказано въ писаніи: «не восхотѣ благословенія и возлюби клятву». Собственно, способности его не превышаютъ посредственности; но одаренный неуклончивостію, постоянствомъ направленія и энергіею воли, онъ былъ особенно вреденъ и для Валуева, подвергая его постоянно и умышленно общественному негодованію, и для дѣла, возбуждая столкновенія и вражду между двумя сословіями, интересы которыхъ были ввѣрены его администраціи.

При вступленіи моемъ въ министерство, Соловьевъ сразу понялъ, что находитъ во мнѣ противника. Онъ и не ошибся. При первой же возможности я говорилъ Валуеву о неудобствѣ оставлять въ рукахъ Соловьева управленіе крестьянскимъ дѣломъ вопервыхъ, потому, что односторонность его взглядовъ была слишкомъ извѣстна, а вовторыхъ, потому, что опасно оставлять у него въ рукахъ то дѣло, въ которомъ онъ участвовалъ еще въ редакціонныхъ коммиссіяхъ и тамъ постоянно отличался крайностію своего направленія; что, при разборѣ просьбъ, возникающихъ изъ свойствъ Положеній 19 Февраля, Соловьевъ становится судьею въ собственномъ дѣлѣ, и что, нако-

---

*) Это былъ арестъ извѣстнаго собирателя народныхъ пѣсенъ П. И. Якушкина. Кто помнитъ образъ его жизни и самую наружность, тотъ согласится, что этотъ добрѣйшій въ сущности человѣкъ легко могъ возбудить подозрительность полиціи. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

нецъ, нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ стремиться провести теперь тѣ мѣры, которыя были отвергнуты редакціонными коммиссіями. Валуевъ отвѣчалъ, что онъ вопервыхъ, не признаетъ Соловьева достаточно геніальнымъ, чтобы опасаться его вліянія, и вовторыхъ, находитъ неудобнымъ смѣнять его сейчасъ по вступленіи въ управленіе министерствомъ, тѣмъ болѣе, что такая смѣна дала бы неминуемый и вредный оборотъ крестьянскому дѣлу. Нельзя не согласиться, что Валуевъ былъ правъ и смотрѣлъ на дѣло ясно. Я былъ успокоенъ.

Между тѣмъ дѣла внутренней политики были день ото дня хуже. Государя въ Петербургѣ не было. Подъ вліяніемъ чиновничьей партіи, возникала другая, уже крайне красная. Доселѣ Герценъ и Огаревъ были апостолами революціи и читались въ столицѣ почти публично; теперь доморощенные демагоги нашли ихъ устарѣвшими и начали издавать свои подпольные листки. Вскорѣ появились и прокламаціи вполнѣ зажигательныя. Онѣ ходили по городу, ихъ разносили по домамъ, всовывали въ карманы проходящимъ, и полиція не открывала виновныхъ. Она и не могла открыть при томъ малочисленномъ составѣ, о которомъ я уже упоминалъ, и при такомъ оберъ-полицеймейстерѣ, какъ Паткуль.... Всѣ эти явленія, столь недавно совершившіяся, кажутся теперь невѣроятными! Дѣйствительно, сколько нужно было увѣренности въ безнаказанности, чтобы рѣшиться предпринять напримѣръ изданіе журнала подпольнаго? Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ вѣрить, что всѣ эти листы, тысячами разбросанные въ столицѣ и разосланные по губерніямъ, печатались ручными станками. Да еслибы это было и такъ, такихъ станковъ потребовалось бы множество. Какъ же не знали о ихъ существованіи? Какъ, наконецъ, не знали, когда и кому провезены они чрезъ таможню? *)

Общественное мнѣніе столицы волновалось. Молодежъ; которой вообще нравится всякая удаль и которая преимущественно въ Петербургѣ воспитана подъ вліяніемъ разлагающихъ началъ, ex cathedra преподаваемыхъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, сочувствовала безпорядкамъ. Начались такъ называемыя студенческія исторіи; а въ Петербургѣ и въ Москвѣ студенты произвели публичныя демонстраціи. Ихъ оставили дѣйствовать свободно, а потомъ ночью перехватали по квартирамъ и посадили въ крѣпость. Назначены слѣдственныя коммиссіи, судебныя преслѣдованія, которымъ не было видно

*) Въ Зимнемъ дворцѣ, въ день Святой Пасхи, когда начали разгавливаться, на приборахъ, лежали прокламаціи, спрятанныя въ салфеткахъ. Кромѣ покойнаго графа Д. Н. Блудова (который о томъ разсказывалъ намъ осенью 1863 года) ссылаемся на многихъ современниковъ, доселѣ здравствующихъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

конца. Въ тоже время начиналъ проявляться тотъ украинофильскій сепаратизмъ, который нынѣ уже развился безвозвратно.

Всѣ эти событія не могли быть для меня безразличными, особенно въ качествѣ директора департамента полиціи; а между тѣмъ департаментъ былъ совершенно отстраненъ отъ всякаго производства дѣлъ политическихъ, которыя (какъ я сказалъ уже) велись въ особой канцеляріи министра. Валуевъ первый признавалъ это несвойственнымъ и говорилъ мнѣ, что всѣ эти дѣла будутъ переданы мнѣ по принадлежности. Передачи этой однако не послѣдовало. Я не знаю настоящей причины этому; но, судя по другимъ даннымъ, вправѣ предполагать, что министру показалось удобнѣе ввѣрить ихъ человѣку безъ собственныхъ воззрѣній и не слыхать тѣхъ рѣзкихъ возраженій, которыя я иногда позволялъ себѣ въ интересахъ какъ дѣла, такъ и самого Валуева. Отстраненный такимъ образомъ отъ дѣла существенной важности, имѣвшаго огромное вліяніе на общество, служившаго корнями раздора между публикой и правительствомъ, дѣла, для котораго собственно я принялъ званіе директора департамента, я предался усердно занятіямъ по текущимъ дѣламъ департамента, занятіямъ безплоднымъ и утомительнымъ, которыя одинъ изъ начальниковъ отдѣленій департамента удачно назвалъ водотолченіемъ.

Чтобы по возможности не возвращаться болѣе въ этихъ воспоминаніяхъ къ департаментскому дѣлопроизводству, я скажу здѣсь въ главныхъ чертахъ все, что̀ мною сдѣлано въ бытность мою директоромъ.

Я уже сказалъ, что въ департаментѣ не было самыхъ элементарныхъ свѣдѣній о главныхъ предметахъ его вѣдомства. Не находя въ законѣ указанія на цѣль учрежденія департамента, я долженъ былъ искать его въ теоріи. Такимъ образомъ мнѣ было ясно, что для того, чтобы сколько-нибудь имѣть возможности наблюдать за дѣйствіями полиціи въ Имперіи, чтобы имѣть хотя слабое вліяніе на *ея* дѣятельность, на охраненіе внѣшняго порядка въ городахъ и селеніяхъ и на обезпеченіе внутренняго спокойствія, нужно прежде всего знать силу, которою располагаешь и отношеніе этой силы къ предмету, на который призвана она дѣйствовать. И я занялся собираніемъ нужныхъ для того свѣдѣній. Я оставилъ моему преемнику не только свѣдѣнія о наличномъ числѣ и составѣ полицій, но и объ отношеніи ихъ къ территоріи и народонаселенію, по колику полученныя мною сдѣдѣнія это позволили. Я собралъ самыя подробнѣйшія и вѣрнѣйшія свѣдѣнія, какъ о количествѣ мѣстъ заключенія, такъ и о ихъ помѣстительности, состояніи, средствахъ содержанія и способахъ ремонтированія. Если я не успѣлъ (такъ какъ всѣ затребованныя мною свѣдѣнія не

Библиотека "Руниверс"

были еще вполнѣ получены въ департаментѣ до выхода моего въ отставку) изъ этихъ источниковъ сдѣлать руководство, то ничто теперь не мѣшаетъ нынѣшнему директору прямо приступить къ этому труду, ибо источники и самый планъ готовы.

Занятія департамента въ мое время были значительно усилены передачею въ него дѣлъ, дотолѣ не принадлежавшихъ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ. Такъ въ него переданы изъ министерства государственныхъ имуществъ дѣла объ Оренбургскихъ Киргизахъ. Нисколько незнакомый съ краемъ, знавшій о Киргизахъ только по книгѣ Левшина, я былъ очень затрудненъ этими дѣлами. Напротивъ, начальникъ того отдѣленія, куда онѣ поступили, принялъ ихъ весьма равнодушно и на мои тревожныя сомнѣнія отвѣчалъ спокойно, что дѣла пойдутъ такъ же, какъ шли въ министерствѣ государственныхъ имуществъ. Но я не могъ смотрѣть такъ спокойно на предстоящее мнѣ дѣло. Я не могъ безъ всякой прежде взятой мысли, безъ всякой программы, приняться за управленіе краемъ съ болѣе 17 тыс. миль пространствомъ и съ населеніемъ около одного милліона душъ. Поэтому, по порученію моему составлена г. Вигелемъ (этотъ замѣчательный трудъ, равно достойный вниманія какъ администратора, такъ и ученаго, какъ я слышалъ, пропалъ безъ послѣдствій, и самъ авторъ долженъ былъ выйти въ отставку) историческая монографія объ администраціи Киргизовъ. Такимъ образомъ я познакомился съ идеей, которая руководила правительствомъ по этому предмету. Дѣйствительно, пока Киргизы были въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, управленіе ими было разумное: это министерство стремилось поселить въ нихъ убѣжденіе, что принадлежать Россіи для нихъ выгоднѣе, чѣмъ тянуть къ Бухарѣ или Хивѣ. Съ той же поры, когда этотъ народъ поступилъ въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ, всякая мысль изсякла изъ управленія, и дѣла Киргизовъ подчинились той мертвящей рутинѣ, которою отличается дѣлопроизводство нашихъ департаментовъ вообще.

Я хотѣлъ возстановить разумное направленіе въ управленіи Киргизами, хотѣлъ, предоставляя мѣстному начальству полную свободу дѣйствій въ разрѣшеніи мѣстныхъ интересовъ, оставить за министерствомъ обязанность вести этотъ народъ къ цѣли, которую бы оно сознательно избрало. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ логическомъ безпорядкѣ, какой былъ употребляемъ съ Киргизами мѣстными генералъ-губернаторами, достаточно напримѣръ сказать, что графъ В. А. Перовскій находилъ вреднымъ допускать ихъ до осѣдлости, а настоящій генералъ-губернаторъ Безакъ призналъ удобнымъ ввести между ними положеніе о крестьянахъ 19-го Февраля 1861 года! Генералъ-

Библиотека "Руниверс"

губернаторъ Западной Сибири, Гасфортъ распространялъ между Сибирскими Киргизами магометанство, «какъ переходную религію къ христіанству»! Вообще должно со стыдомъ и прискорбіемъ сознаться, что мы не умѣемъ вести ввѣренныя намъ племена къ ихъ естественной цѣли, къ развитію гражданственности. Такъ напримѣръ мы не позаботились о распространеніи христіанства между Киргизами и допустили мусульманскую проповѣдь свободно утвердить между ними исламизмъ: Киргизы сдѣлались магометанами подъ Русскимъ скипетромъ; но и теперь еще между ними и Башкирами остается болѣе 60-ти тысячъ идолопоклонниковъ.

Составленная г. Вигелемъ монографія довольно близко знакомила департаментъ съ управленіемъ этого края; я снабдилъ ее нужными картами и между прочимъ замѣчательною картою Ханыкова. Она погибла во время бывшаго въ зданіи министерства пожара. Съ помощію этихъ средствъ я составилъ подробную программу для управленія Киргизами. Главною задачею я постановилъ: а) введеніе между ними осѣдлости, какъ средства къ гражданственности; б) усиленіе и лучшій надзоръ за существующими уже училищами; в) согласованіе разнообразныхъ воззрѣній на этотъ народъ какъ въ Оренбургскомъ уѣздѣ, такъ и въ Сибири посредствомъ единожды опредѣленной и твердо охраняемой системы; г) постоянное направленіе къ этимъ цѣлямъ мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ, въ отвращеніе столь часто и столь разнорѣчиво предпринимаемыхъ каждымъ изъ нихъ *опытовъ* надъ этимъ несчастнымъ народомъ. Словомъ, мнѣ хотѣлось поставить главныхъ начальниковъ края въ извѣстность, чего хочетъ правительство, чего требуетъ отъ нихъ государство. Моя программа была вполнѣ одобрена министромъ. Но хотя она и указывала общій путь центральнаго управленія, со всѣмъ тѣмъ затрудненія, истекающія изъ отсутствія живаго познанія края и народа, не уменьшались. Поэтому я старался привлечь къ этому не только способныхъ и образованныхъ дѣятелей, но и близко знакомыхъ съ краемъ, съ обычаями и нравами его жителей. При содѣйствіи Самарскаго губернатора Арцымовича, бывшаго нѣсколько лѣтъ правителемъ канцеляріи Оренбургскаго генералъ-губернатора, я пригласилъ и опредѣлилъ управляющимъ Киргизскими дѣлами чиновника Ситникова, который съ университетскимъ образованіемъ соединяетъ практическое знаніе дѣла, бывши нѣсколько лѣтъ начальникомъ Киргизскаго отдѣленія въ канцеляріи генералъ-губернатора. Такимъ образомъ мною дано было прочное и правильное основаніе этой части департаментской дѣятельности.

Мнѣ тѣмъ пріятнѣе были всѣ эти заботы, что онѣ находили сочувствіе въ министрѣ, который продолжалъ быть ко мнѣ неисто-

Библиотека "Руниверс"

щимо милостивъ. Онъ удостоивалъ меня полнаго довѣрія и нерѣдко сообщалъ мнѣ свои сокровенныя мысли. Такъ, въ концѣ 1861 г., онъ далъ мнѣ для прочтенія собственноручную свою всеподданѣйшую записку о современномъ положеніи нашего духовенства, удостоенную многими отмѣтками Государя. Взгляды Валуева на церковь, положенные въ этомъ трудѣ, не могутъ выдержать строгой критики; въ нихъ замѣтно отсутствіе близкаго знакомства не только съ каноническимъ правомъ, но и съ исторіей и главнѣйшими основаніями Русской церкви. Совсѣмъ тѣмъ, отдавая полную справедливость доброму и святому стремленію Валуева, я возвратилъ ему записку безъ всякихъ замѣчаній и съ полнымъ и искреннимъ сочувствіемъ къ цѣли. Эта записка дала поводъ къ учрежденію впослѣдствіи особаго присутствія по дѣламъ духовенства, въ которомъ Валуевъ предложилъ мнѣ мѣсто управляющаго дѣлами. Я тѣмъ охотнѣе на это согласился, что надѣялся на самомъ дѣлѣ исправить нѣкоторые промахи или ошибочныя воззрѣнія на дѣло, вошедшіе въ записку Валуева, которая должна была служить основаніемъ всему дѣлу. Съ этою цѣлію я составилъ планъ историческаго труда, въ которомъ желалъ развить всю исторію церковной администраціи въ нашемъ отечествѣ. Я показалъ въ немъ, какъ упадало значеніе духовенства по мѣрѣ усиленія у насъ Европейской цивилизаціи, какъ правительство (при Аннѣ) довело уничтоженіе духовенства даже до тѣлеснаго наказанія архіереевъ безъ всякаго надъ ними суда, какъ положеніе клира день ото дня становилось хуже, какъ, наконецъ, безвозмездный отъемъ церковныхъ имѣній окончательно лишилъ его всякихъ матеріальныхъ средствъ. Я показалъ также всю затруднительность положенія духовенства, поставленнаго между нашими образованными классами и народомъ, которыхъ требованія столь діаметрально противоположны, и на удовлетвореніе которыхъ и тѣ и другой имѣютъ неотъемлемое право. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ оказалось ясно, что та замкнутость клира, дѣлающая изъ него касту, въ которой его обвиняютъ, была неотразимымъ слѣдствіемъ его безпомощнаго положенія. Униженное и нравственно и граждански, съ трудомъ находящее себѣ пропитаніе, кѣмъ могло пополняться наше духовенство, кромѣ собственнаго потомства? Кто согласился бы посвятить своего сына на служеніе церкви, когда положеніе священноцерковнослужителя не только не заключало въ себѣ ничего привлекательнаго, но подвергало его всякаго рода лишеніямъ?

Мнѣ хотѣлось, чтобы трудъ, составленный по моей программѣ, могъ служить содержаніемъ перваго доклада присутствію, которое въ то время было только задумано и безъ сомнѣнія не могло открыться прежде года. Тогда главные вопросы выразились бы сами собою, и

Библиотека "Руниверс"

исторія пришла бы на помощь настоящему. Времени по моему расчету было довольно, тѣмъ болѣе, что я указалъ въ программѣ всѣ источники, которые должны были много облегчить трудящагося. Однакоже понятно, что я, при управленіи департаментомъ и при другихъ моихъ занятіяхъ, о которыхъ упомяну еще, не могъ принять на себя этого труда, и рекомендовалъ для него П. И. Мельникова, который не былъ занятъ ничѣмъ по министерству и соединялъ въ себѣ всѣ условія къ прекрасному исполненію моей мысли. Министръ на это согласился и передалъ ему мою записку.

Независимо отъ сего, я, по совѣщанію съ духовными лицами и по соображенію и съ практически извѣстнымъ мнѣ положеніемъ духовенства, особенно сельскаго, составилъ предварительно около 100 вопросовъ, которые намѣревался въ свое время предложить присутствію, а также занялся приготовленіемъ синоптическихъ таблицъ, въ которыхъ наглядно должны были высказаться противорѣчія церковнаго права съ гражданскимъ, и тѣ преимущества и права, которыми пользуется наше духовенство сравнительно съ духовенствомъ иностранныхъ исповѣданій въ Россіи. Къ этимъ таблицамъ я присоединилъ и тѣ ограниченія въ общихъ правахъ, которымъ подчинено православное духовенство. Хотя время учрежденія задуманнаго присутствія еще было очень отдаленно, однако министру угодно было приказать мнѣ составить проектъ Высочайшаго повелѣнія объ его открытіи. Я воспользовался этимъ, чтобы включить въ него извѣстныя условія о ненарушимости каноновъ св. Апостолъ, соборовъ и св. отецъ. Этотъ проектъ былъ одобренъ министромъ и остался въ его кабинетѣ. Въ немъ мнѣ предоставлялось званіе управляющаго дѣлами присутствія.

Я забылъ сказать прежде, что первый возложенный на меня трудъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ столицу и еще до вступленія въ управленіе департаментомъ, былъ пересмотръ проекта новаго полицейскаго устава. Этотъ проектъ принадлежалъ къ числу тѣхъ коренныхъ преобразованій, которыя придуманы тѣмъ чиновническимъ правительствомъ, о которомъ я говорилъ выше, и которыя доселѣ разрабатываются въ С.-Петербургѣ, не смотря на измѣнившееся направленіе въ Россіи. Онъ начертанъ особой коммиссіей, въ большинствѣ составленной изъ «передовыхъ людей», подъ предсѣдательствомъ Милютина. Мысль, лежавшая въ его основаніи, могла бы быть выражена словами: «огражденіе общества отъ полиціи и полиціи отъ губернатора». Сколь анархично это основаніе, столь же непрактично, чтобы не сказать нелѣпо, было его развитіе. Отсутствіе всякаго знанія практической жизни и потребностей народа и всецѣлая подражательность иноземнымъ, особенно

Библиотека "Руниверс"

Французскимъ, учрежденіямъ были очевидны въ каждомъ параграфѣ. Чтобы яснѣе высказать всю неосновательность проекта, приведу въ образецъ штаты: въ Астрахань, напр., назначалось 18 полицейскихъ чиновниковъ, а въ Вильну 9; въ разрядахъ, на которые предполагалось раздѣлить уѣздные города. Скопинъ былъ отнесенъ къ первому, а Коломна или Брестъ-Литовскъ ко второму. Я и доселѣ не понимаю, чѣмъ руководствовались тутъ эти «передовые люди»!

Проектъ этотъ уже былъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, но при назначеніи Валуева министромъ внутреннихъ дѣлъ Государю было угодно приказать возвратить этотъ уставъ для соображеній новаго министра.

Мнѣ приказано было: а) разсмотрѣть проектъ и представить на него мои замѣчанія, сколь возможно скорѣе и отнюдь не далѣе трехъ недѣль; и б) замѣчаній дѣлать по возможности менѣе, чтобы не дать повода Гасударственному Совѣту возвратить весь проектъ въ министерство для новой редакціи. Въ помощь для этого труда мнѣ дали П. Тр. Китицына, который своими практическими свѣдѣніями и знаніемъ губернскаго дѣлопроизводства дѣйствительно былъ чрезвычайно полезенъ.

Представляя наши замѣчанія, я оговорился, что они относятся только къ тому, что помѣщено въ проектѣ и молчатъ о томъ, чего тамъ нѣтъ и что должно было бы быть въ немъ непремѣнно; а такихъ пропусковъ было немало. При этомъ я заявилъ, что составленные коммиссіею штаты ни въ какомъ случаѣ не должны подлежать окончательному утвержденію, такъ какъ, вопервыхъ, неудобно было министерству принимать на себя отвѣтственность въ непогрѣшимомъ распредѣленіи суммъ по каждой полиціи отдѣльно, и напротивъ цѣлесообразнѣе предоставить это мѣстному губернатору, отпустивъ ему всю сумму, причитающуюся на губернію; вовторыхъ, равно было бы опрометчиво, если бы министерство, согласно представленному коммиссіею проекту, приняло на себя распредѣленіе всѣхъ вообще чиновниковъ въ каждую полицію и такое распредѣленіе подвергнуло утвержденію въ законодательномъ порядкѣ, и, наконецъ, въ третьихъ, штаты коммиссіи составлены такъ поверхностно, распредѣленія сдѣланы такъ опрометчиво, что не заслуживали никакого довѣрія со стороны людей, сколько-нибудь знакомыхъ съ Россіей. Въ заключеніе, присовокупивъ, что я уже не ручаюсь, всѣ ли городскія и земскія полиціи вошли въ эти штаты, я полагалъ испросить только утвержденіе Государственнаго Совѣта на отпускъ суммы, предположенной на усиленіе полиціи, во всемъ ея размѣрѣ и, составивъ на основаніи

Библиотека "Руниверс"

болѣе серьезныхъ данныхъ нормальные штаты, предоставить окончательное ихъ распредѣленіе начальникамъ губерній.

Между тѣмъ довѣріе и расположеніе министра ко мнѣ нисколько не уменьшались. Вступивъ вновь на службу съ твердымъ намѣреніемъ помогать Валуеву по мѣрѣ силъ моихъ, я, съ его дозволенія, не ограничивался предметами только моего вѣдомства. Все по моему мнѣнію, что́ касалось пользы правительства, я сообщалъ министру или при личныхъ свиданіяхъ, или краткими замѣчаніями, писанными большею частію карандашемъ и не имѣвшими ни малѣйшаго характера оффиціальности. Такимъ образомъ между нами установилась небольшая, конфиденціальная переписка, у меня сохранившаяся и могущая служить объяснительными документами настоящихъ воспоминаній *).

Къ числу главнѣйшихъ неудовольствій помѣщиковъ противъ правительства относилось запрещеніе барщиннымъ крестьянамъ выкупать съ пособіемъ отъ правительства землю, отведенную имъ въ пользованіе. Это запрещеніе истекало изъ того соображенія редакціонныхъ коммиссій, что первый выкупъ земли безъ спеціальной ея оцѣнки и съ пособіемъ отъ правительства въ оброчныхъ имѣніяхъ носитъ, такъ сказать, гарантію въ вѣрности погашенія ссуды въ томъ обстоятельствѣ, что если крестьяне отбывали оброкъ помѣщику въ установленной закономъ нормѣ, то нѣтъ причины къ опасенію, чтобы они не были исправны къ правительству при взносѣ погашенія въ уменьшенномъ противъ оброка размѣрѣ, и второе, что положеніе оброчныхъ крестьянъ несравненно лучше барщинскихъ: то слѣдовало ожидать, что эти послѣдніе поспѣшатъ перейдти на оброкъ, и такимъ образомъ съ одной стороны пріобрѣтутъ средства скорѣе сдѣлаться собственниками, а съ другой предоставятъ своимъ помѣщикамъ возможность воспользоваться тѣми суммами, какія правительство выдаетъ въ пособіе при выкупѣ и которыя такъ необходимы при первоначальномъ устройствѣ новаго хозяйства помѣщиковъ.

Нельзя не согласиться, что эти соображенія редакціонныхъ коммиссій были вполнѣ логичны; но на дѣлѣ, какъ извѣстно, они не оправдались: крестьяне отказались отъ всякихъ сдѣлокъ съ помѣщиками и остались на барщинѣ въ ожиданіи *новой воли*, отправляя при томъ барщину совершенно небрежно, въ явное разореніе помѣщиковъ.

Я подалъ по этому случаю особую записку министру, въ которой подробно доказывалъ необходимость права выкупа на всѣ вообще имѣнія. Валуевъ раздѣлилъ мои воззрѣнія и приступилъ къ разра-

*) Переписка эта находится между бумагами покойнаго графа Д. Н. Толстаго.

Библиотека "Руниверс"

боткѣ этой мысли по собственнымъ соображеніямъ. Въ приведеніи въ исполненіе этого предположенія Валуевъ встрѣтилъ огромныя препятствія «видимыя и невидимыя» для него. Послѣднія были важнѣе; они истекали изъ той чиновничьей партіи, о которой я уже сказалъ свое мнѣніе и во главѣ которой въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ стоялъ Соловьевъ, а ему приходилось приводить въ исполненіе эту мысль Валуева. Дѣло очевидно клонилось къ умиротворенію двухъ сословій, къ развязкѣ крестьянскихъ и помѣщичьихъ столкновеній и, по моему, не могло быть по вкусу этой партіи, которая именно въ этой борьбѣ находила союзника для своихъ видовъ. Партія эта во всѣхъ вѣдомствахъ и министерствахъ возстала противъ Валуева, какъ одинъ человѣкъ, и направила къ тому своихъ начальниковъ. Такимъ образомъ Валуевъ въ видимыхъ акколитахъ своихъ встрѣтилъ невидимыхъ противниковъ, а въ числѣ ихъ Соловьева, который въ кабинетѣ министра казался усерднымъ исполнителемъ его предположеній.

Валуевъ, какъ извѣстно, выигралъ дѣло; но оно вслѣдствіе всѣхъ этихъ препятствій замедлилось крайне долго, и потому не отвратило тѣхъ демонстрацій противъ правительства, которыя спѣшили одна за другою выражаться въ губернскихъ дворянскихъ собраніяхъ, начиная съ Петербургскаго, и которыя министръ естественно не могъ отклонить. Будь принята правительствомъ мѣра до зимы, ни одно дворянское собраніе не выразилось бы такъ враждебно, какъ теперь. Такъ справедлива старинная пословица: gouverner—c'est prévoir» *). Какъ бы то ни было, однакоже Валуевъ въ этомъ дѣлѣ оказалъ много твердой воли, умѣнья, желанія добра, доходившаго до гражданской доблести, и исторія администраціи должна будетъ отдать ему полную справедливость. Что касается до меня, я торжествовалъ. Никому въ свѣтѣ не говорилъ я, что первоначальная мысль принадлежала мнѣ; я торжествовалъ за Валуева, котораго любилъ и добрая слава котораго была такъ близка моему сердцу. Дѣйствительно, общественное мнѣніе, сильно поколебавшееся вслѣдствіе какъ разныхъ неурядицъ, такъ и интригъ чиновничьей партіи, внезапно перемѣнилось въ пользу Валуева. Отдавали справедливость его гражданскому мужеству, сознавали его способности и не сомнѣвались въ его искреннемъ стремленіи къ общему благу; повторяю: я торжествовалъ.

Между тѣмъ, еще во время уличныхъ безпорядковъ, производимыхъ студентами, когда оберъ-полицмейстеръ, ген.-губернаторъ и въ особенности министръ народнаго просвѣщенія теряли головы, Валуевъ

*) Править значитъ предвидѣть.

Библиотека "Руниверс"

оказывалъ не только много дѣятельности, но и умной и проницательной энергіи. Должно сожалѣть, что все это происходило въ отсутствіи Государя, и Валуевъ встрѣтилъ тогда много препятствій, которыя при Царѣ, безъ сомнѣнія, не были бы на столько стойки. Министромъ народнаго просвѣщенія былъ тогда графъ Путятинъ, честный и добродушный морякъ, проникнутый глубоко религіею, но мало знакомый какъ съ устройствомъ, администраціей и духомъ нашихъ учебныхъ заведеній, такъ еще менѣе съ придворною интригою. Безспорно, что онъ былъ не на своемъ мѣстѣ; но онъ искренно желалъ блага Россіи и преуспѣянія, здраваго просвѣщенія народу. Главное затрудненіе въ положеніи министра народнаго просвѣщенія у насъ всегда было то, что вся цензура была ему подчинена. Преслѣдованіе съ его стороны всякаго нарушенія цензурныхъ правилъ возбудило противъ него неудовольствіе ученаго сословія, которое безпощадно клеймило его именемъ «гасильника». Сознавая неловкость такого положенія, графъ Путятинъ обратился къ Валуеву и просилъ помочь ему. Было рѣшено, что цензура раздѣлится на двѣ части—предупредительную и карательную. Первая по прежнему будетъ находиться въ вѣдомствѣ министра народнаго просвѣщенія, а послѣдняя перейдетъ къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Съ возвращеніемъ Государя въ столицу графъ Путятинъ былъ смѣненъ и на мѣсто его назначенъ Головнинъ. Дѣло о цензурѣ приняло дѣятельный ходъ, и высказанная выше мысль была скоро приведена въ исполненіе. Карательная половина цензуры поступила въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Не мѣсто здѣсь распространяться, въ какой мѣрѣ самая основная мысль этой двойственной цензуры была непрактична; опытъ доказалъ уже ея несостоятельность. Скажу только, что согласіе на это министра внутреннихъ дѣлъ изумило общественное мнѣніе столицы. Никто не понималъ, какъ могъ не видѣть Валуевъ, что, принимая на себя эту обузу, онъ становится въ самомъ дѣлѣ главнымъ охранителемъ интересовъ Головнина.... Но Валуевъ зналъ, что̀ дѣлалъ; послѣдствія оправдали его. Въ эту минуту я отдавалъ почтительную дань его поступку: онъ не хотѣлъ измѣнить слову, которое далъ графу Путятину. Немногіе повѣрятъ искренности этого убѣжденія; но я, который знаю Валуева давно, я увѣренъ, что онъ сдѣлалъ это, по крайней мѣрѣ въ минуту перваго впечатлѣнія, по чувству рыцарской чести.

Когда эта новая отрасль поступила въ министерство, Валуевъ предложилъ мнѣ принять всю эту обузу въ мое личное завѣдываніе. Больно мнѣ этого не хотѣлось, и я долго, долго отказывался. Я видѣлъ, вопервыхъ. всю несостоятельность мысли этого учрежденія, а

Библиотека "Руниверс"

вовторыхъ, ту безпрерывную заботу, которую она мнѣ навязываетъ въ ущербъ главнымъ моимъ занятіямъ. Министръ настаивалъ съ тою доброю ко мнѣ любезностію, которая характеризовала всѣ его ко мнѣ отношенія. Я видѣлъ, какъ самъ онъ сознательно принялъ на себя главное участіе въ опасной отвѣтственности за книгопечатаніе; я вспомнилъ, что главнымъ побужденіемъ моего вступленія въ службу было желаніе помогать Валуеву, сколько могу, и рѣшился принять. Такимъ образомъ занятія и труды мои усилились въ огромномъ размѣрѣ.

Почти въ это же время замѣщена была вакансія товарища министра, остававшаяся праздною со времени удаленія Милютина. Назначенъ тайный совѣтникъ Тройницкій. Такое назначеніе удивило всѣхъ, какъ въ городѣ, такъ и въ министерствѣ. Не менѣе другихъ былъ изумленъ самъ Тройницкій, который не скоро могъ убѣдиться въ дѣйствительности своего назначенія. Въ самомъ дѣлѣ, г. Тройницкій не имѣлъ никакого права и никакихъ заслугъ въ министерствѣ, въ которомъ онъ находился не болѣе шести лѣтъ. Прежняя его служба преподавателя какого-то предмета въ Одесскомъ лицеѣ конечно не могла сообщить ему ни знанія дѣла, ни опытности въ государственной администраціи; а занятія его, какъ редактора Одесскихъ газетъ, не могли служить ручательствомъ въ его политическихъ способностяхъ. Ученая репутація его была еще болѣе проблематической и основывалась на изданіи двухъ-трехъ статистическихъ сборниковъ, которые не выходили бы изъ разряда компиляцій, еслибъ не заключали въ себѣ насильственныхъ выводовъ....

Мнѣ было больно это назначеніе, потому что въ городѣ осуждали Валуева и приписывали этотъ выборъ опасенію, которое будто бы онъ имѣлъ, чтобъ это мѣсто не занялъ графъ Шуваловъ (Петръ Андреевичъ), который могъ бы стремиться самъ въ министры. Я защищалъ Валуева всегда и вездѣ, и дѣлалъ это тѣмъ съ большею искренностію, что сохраняю и донынѣ убѣжденіе, что такого разсчета у него не было. Валуевъ доказалъ, особенно въ моихъ глазахъ, какъ мало дорожилъ онъ интересами личнаго честолюбія въ виду пользы отечества. Самому себѣ я объяснялъ это назначеніе услужливостію Тройницкаго...

Когда чины министерства представлялись новому товарищу министра, я первый поѣхалъ къ нему въ полной парадной формѣ, желая тѣмъ доказать, какъ я уважаю всякой выборъ министра. Но если я былъ способенъ на это заявленіе, то это потому, что оно было моментально; тамъ, гдѣ потребовалось послѣдовательное поведеніе въ томъ же духѣ, натуры моей не хватило. Тройницкій, какъ всякой parvenu *), скоро ослѣпился своимъ неожиданнымъ возвышеніемъ и надулся

Библиотека "Руниверс"

чрезвычайно. Онъ даже въ понятіяхъ своихъ смѣшалъ свое іерархическое положеніе съ общественнымъ и, кажется, сталъ считать себя аристократомъ. Въ моихъ глазахъ онъ сдѣлался смѣшонъ до крайности, и я не скрывалъ этого. Я не уважалъ его....

Между тѣмъ личныя дѣла мои призывали меня въ Дрезденъ. Съ нѣкотораго времени, благодаря союзу чиновничьей партіи, служащіе ѣздятъ за границу на казенный счетъ. Это обыкновенно дѣлается въ видѣ командировокъ для собранія такихъ свѣдѣній, какія легко можно пріобрѣсти у Исакова за два-три рубля. Я всегда чувствовалъ глубокое отвращеніе къ этому ёрничеству и потому не употребилъ этого способа, и, несмотря на скудость моихъ собственныхъ средствъ, отпросился въ 28 дневной отпускъ, на свой счетъ.

По желанію министра, я писалъ къ нему почти съ каждаго этапа. Я сообщилъ ему мои замѣчанія объ опасности, какую я находилъ въ томъ, что, начиная отъ Вильны, всѣ члены инженернаго и телеграфнаго вѣдомства, а также служащіе на желѣзной дорогѣ—Поляки. Я писалъ также о вредѣ, который неминуемо долженъ истекать изъ того, что всѣ станціи на томъ же пространствѣ имѣютъ надписи на одномъ Польскомъ языкѣ, даже безъ Русскаго перевода, и приводилъ въ примѣръ Пруссію и Австрію, гдѣ всѣ эти надписи сдѣланы понѣмецки, даже съ умышленнымъ искаженіемъ Польскихъ именованій. Мнѣ казалось, что употребленіе исключительно Польскаго языка у насъ поддерживало въ жителяхъ идею Польской самостоятельности и даже господство Польской народности надъ Русскою, по крайней мѣрѣ въ этомъ краѣ, тѣмъ болѣе, что надписи эти не могли быть сдѣланы безъ воли правительства, которое какъ бы освящало своимъ авторитетомъ тѣ вредныя убѣжденія, о какихъ я упомянулъ. Я не знаю, призналъ ли министръ эти свѣдѣнія пригодными, но и теперь убѣжденъ въ вѣрности и нѣкоторой ясности моего взгляда на это дѣло, тѣмъ болѣе, что все это было въ Маѣ 1862 года.

Въ назначенный срокъ я возвратился и нашелъ въ развалинахъ домъ нашего министерства и большое число улицъ города вмѣстѣ съ двумя главными его рынками: Щукинымъ и Апраксинымъ дворами. Это было слѣдствіемъ поджоговъ. Въ этихъ случаяхъ Государь выказалъ всю чувствительность своего благороднаго сердца, всю доброту своей чистой души. Онъ принялъ самое горячее участіе въ общественномъ бѣдствіи: самъ присутствовалъ на всѣхъ пожарахъ, открылъ обильный

---

*) Выскочка.

Библиотека "Руниверс"

источникъ пособія погорѣвшимъ, и не разъ на глазахъ его видѣли слезу искренняго участія.

Дѣло было ясно. Подпольные дѣятели, не смотря на всю безнаказанность своихъ преступныхъ изданій, не смотря на то, что прокламаціи ихъ являлись все болѣе и болѣе дерзкими, не произвели въ сущности никакого серьезнаго впечатлѣнія на народъ. Одно только правительство дѣйствовало нерѣшительно и, такъ сказать, исподтишка, употребляя по большей части для сего III-е Отдѣленіе, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ предавая заподозрѣнныхъ суду. Такой образъ дѣйствія съ одной стороны придавалъ болѣе дерзости, а съ другой—должно признаться, распространялъ и въ здравой части общества убѣжденіе, котораго не скрывали, что правительство не только слабо, но и недальновидно. Такое убѣжденіе, разумѣется, было какъ нельзя болѣе съ руки злоумышленникамъ. Не успѣвъ ничего сдѣлать своими прокламаціями, они рѣшились на поджоги, чтобы доказать всю неспособность правительства, которое не умѣетъ охранять жителей даже отъ матеріальной опасности.

Я сообщалъ это воззрѣніе министру, присовокупивъ, что массы уважаютъ только силу, что если сочувствіе Государя къ несчастнымъ вполнѣ высоко и свято, то этого еще недостаточно для успокоенія столицы: нужно, чтобы жители видѣли, что имъ не только сострадаютъ, но заботятся объ нихъ и охраняютъ, и притомъ имѣютъ для того и средства, и силу. Я предложилъ учредить по улицамъ разъѣзды вооруженной силы, чтобы одновременно импонировать и злоумышленникамъ, и народу, ободряя послѣдній и устрашая первыхъ.

Мнѣ пріятно вспомнить, какъ ясно смотрѣлъ на это дѣло Валуевъ. Онъ не только согласился со мною, но сознавалъ, что правительство должно воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы возстановить свой авторитетъ, столь сильно поколебленный въ послѣднее время. Онъ угадалъ то противоположное видамъ злоумышленниковъ впечатлѣніе, которое пожары должны были произвести на общественное мнѣніе. Валуевъ воспользовался этимъ событіемъ, чтобы усилить полицію столицы людьми гвардейскаго корпуса и исходатайствовалъ себѣ открытіе кредита въ 300 тыс. рубл. для этой цѣли. Въ тоже время онъ принялъ дѣятельное участіе какъ въ преслѣдованіи злоумышленниковъ, такъ и въ пресѣченіи имъ способовъ къ ихъ преступной дѣятельности. Если мѣры принятыя для сего были неуспѣшны, въ этомъ виноватъ не министръ внутреннихъ дѣлъ, который не былъ главнымъ распорядителемъ въ этомъ дѣлѣ.

Библиотека "Руниверс"

Отношенія мои съ Валуевымъ повидимому были столь же хороши, какъ и прежде. По крайней мѣрѣ я, не смотря на то, что былъ буквально заваленъ работой, продолжалъ попрежнему сообщать ему все, что по моему мнѣнію казалось полезнымъ для него, и представленія мои, если и не всегда были осуществляемы, то принимались благодушно.

Въ Іюлѣ или Августѣ этого года министръ вздумалъ съѣздить въ Дуббельнъ. Въ отсутствіе его товарищъ долженъ былъ стать во главу министерства. Валуевъ зналъ мои къ нему отношенія и съ тою добротою, которой я никогда не забуду и которая только ему одному свойственна, изъявилъ мнѣ желаніе, чтобы я сблизился съ Тройницкимъ. Мнѣ этого не хотѣлось; но я не знаю, чего бы въ то время не сдѣлалъ для Валуева, и я согласился. Я исполнилъ это и по возвращеніи Валуева былъ до глубины души тронутъ выраженіемъ его дружбы, оцѣнившей мой поступокъ.

Здѣсь я долженъ вспомнить о самомъ пустомъ въ самомъ себѣ случаѣ, имѣвшемъ однакожъ весьма важное и благопріятное для меня послѣдствіе. Прощаясь съ министромъ при его отъѣздѣ, я взялъ лежавшій у него на столѣ «списокъ чинамъ первыхъ четырехъ классовъ гражданской службы». Онъ посмѣялся надъ этимъ, говоря, что не знаетъ, какое употребленіе сдѣлаю я изъ этихъ томиковъ. Ложась спать, я, за сигарою, пробѣгалъ этотъ списокъ и не могъ не замѣтить, что большинство Петербургскихъ чиновъ получили или аренды или земли, между тѣмъ почти всѣ они были много моложе меня и службою и лѣтами. Употребивъ болѣе 30 лѣтъ на службу, во всѣхъ отношеніяхъ честную и добросовѣстную,и не пріобрѣтя никакого обезпеченія на старости, кромѣ права на пенсію въ 280 р., я ясно увидѣлъ, что дѣйствовалъ крайне безразсудно и что, какъ я тогда выразился, былъ совершеннымъ дуракомъ. Я написалъ объ этомъ Валуеву въ Дуббельнъ и получилъ отъ него доброе, дружеское письмо, въ которомъ онъ обѣщалъ исходатайствовать мнѣ землю при первой возможности.

Первое выраженіе начинавшейся холодности ко мнѣ министра было спустя нѣкоторое время по возвращеніи его изъ Дуббельна. Я пришелъ къ нему, когда онъ собирался куда-то ѣхать. На вопросъ: зачѣмъ? Я отвѣчалъ, что хотѣлъ сообщить ему нѣчто о коммиссіи губернскихъ учрежденій, въ которой былъ членомъ. Валуевъ сказалъ, что готовъ слушать. Дѣло было не въ кабинетѣ, а въ передней, гдѣ находился правитель его канцеляріи Шидловскій. Мнѣ было больно,

Библиотека "Руниверс"

что Валуевъ, который могъ бы отложить объясненіе со мною до другаго раза, хотѣлъ сдѣлать это при третьемъ лицѣ. Съ другой стороны, мысль, что если я попрошу другаго времени для моего доклада, то Шидловскій можетъ подумать, что я намѣренъ говорить о чемъ-нибудь такомъ, чего при немъ я сказать не смѣю, побудила высказать все, что̀ составляло предметъ доклада. Валуевъ выслушалъ меня съ видимымъ нетерпѣніемъ и сказалъ: «Съ чего же вы взяли, что я этого не вижу и что я поступаю не такъ, какъ вы думаете?» Я отвѣчалъ, что мнѣ только это и нужно, и откланялся.

На другой день я написалъ Валуеву, что я вступилъ въ службу съ цѣлію ему помогать, что если голосъ правды ему докучливъ, то онъ можетъ меня выгнать изъ министерства, но молчать не заставитъ, ибо это обезсмыслило бы всю мою дѣятельность. Въ отвѣтъ я получилъ самую добрую записочку, въ которой онъ писалъ мнѣ между прочимъ: «Сохрани Богъ, чтобы голосъ вашъ умолкъ; но согласитесь, что нужно же и мнѣ хотя когда-нибудь слышать голосъ одобренія».

Теперь мнѣ было ясно, что я наскучилъ Валуеву тѣми откровенными замѣчаніями, которыя я дозволялъ себѣ для пользы дѣла и чести министра. Я долженъ сознаться, что, не смотря на мои лѣта, я и доселѣ сохранилъ свѣжесть моихъ привязанностей, а къ Валуеву я былъ привязанъ искренно и горячо. Я рѣшился щадить его самолюбіе, но продолжать прежній образъ поведенія неуклонно.

Признаюсь, не смотря на интриги, я не повѣрилъ серьезной перемѣнѣ къ себѣ Валуева; мнѣ ручался въ этомъ его умъ. Я думалъ: не можетъ же не видѣть онъ, что у меня станетъ на столько ума, чтобы расчесть, что противоположный образъ поведенія былъ бы несравненно выгоднѣе для личныхъ моихъ интересовъ, и что если я этого не дѣлаю, то ясно, что предпочитаю общественные интересы моимъ. Итакъ я продолжалъ относиться къ министру попрежнему, и онъ повидимому не лишалъ меня своего довѣрія. Я попрежнему занимался по предметамъ, имъ лично мнѣ поручаемымъ и не входившимъ въ составъ дѣла департамента, что̀ отнимало у меня немало времени и на что я нисколько не жаловался, желая постоянно быть полезнымъ Валуеву.

8-го Сентября 1862 года назначено въ Новгородѣ открытіе памятника тысячелѣтію Россіи. Валуевъ предложилъ мнѣ ѣхать туда. Холодность дворянства къ правительству еще продолжалась. Валуевъ опасался, что пріемъ Государя отъ дворянства будетъ несимпатиченъ; ему хотѣлось, напротивъ при каждомъ случаѣ стараться примирять сословія съ правительствомъ. Онъ поручилъ мнѣ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ и по возможности направить Новгородское общественное мнѣніе.

Библиотека "Руниверс"

Новгородское дворянство, какъ извѣстно, приняло Государя съ восторгомъ, дало въ честь его великолѣпный балъ и поднесло адресъ, дышущій самыми вѣрноподданническими чувствами. Нужно знать однакоже, что наканунѣ пріѣзда Государя это самое дворянство, собравшись въ залѣ благороднаго клуба, положило не подавать никакого адреса и не давать бала; но я не припишу себѣ послѣдовавшей перемѣны. Нѣтъ; она произошла вопервыхъ, отъ того глубокаго чувства любви и преданности къ Монарху, которое, благодаря Бога, еще доселѣ твердо коренится въ душѣ всего Русскаго дворянства и вовторыхъ, отъ той обаятельной симпатичности, которою обладаетъ Государь. О немъ можно сказать словами Цезаря: Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!

Я не забуду самой первой встрѣчи Государя на пристани Волхова, куда долженъ былъ пристать пароходъ высокаго гостя. Длинная пристань, вдававшаяся съ берега въ рѣку до самаго фарватера, была обита краснымъ сукномъ. Правая сторона ея была занята шпалерою гвардіи, подъ командою Великаго Князя Николая Николаевича, съ которымъ была тутъ же и Великая Княгиня съ малолѣтнымъ сыномъ. Лѣвая сторона пристани покрывалась чиновниками и дворянствомъ съ своимъ губернскимъ предводителемъ во главѣ. Всѣ были въ мундирахъ. Дворяне, повидимому, были вѣрны одушевлявшему ихъ еще наканунѣ чувству; по крайней мѣрѣ, многіе сверхъ мундировъ были задрапированы фантастическими плащами и вмѣсто форменныхъ шляпъ имѣли на головахъ какія-то диковинныя шапки. Ихъ тѣлодвиженія, позы, словомъ все выражало людей недовольныхъ и какъ бы сознающихъ свою самостоятельность.... Послѣ нѣсколькихъ часовъ ожиданія показался, наконецъ, царскій пароходъ. Войско стало въ порядокъ; по массамъ народа, покрывавшимъ оба берега Волхова, стѣны Кремля и Софійскую «звонницу», пробѣжало, какъ электрическая искра, то движеніе, которымъ выражается напряженное вниманіе толпы. Я смотрѣлъ на дворянъ; мнѣ хотѣлось уловить то первое впечатлѣніе, которое произведетъ на нихъ присутствіе Государя. И что же? По мѣрѣ приближенія парохода, лица ихъ оживлялись; на нихъ выражалось не одно простое любопытство; нѣтъ, въ глазахъ виднѣлась любовь. Многіе, смотря на пароходъ, крестились, и крестились не изъ трусости; всѣми овладѣвало чувство любви, радости, восторга!

Такова вообще оппозиція нашего дворянства! Разстроенное крестьянскою реформою въ своемъ экономическомъ быту, оно находится въ болѣзненномъ положеніи и, пока не излѣчатся нанесенныя ему язвы, оно не можетъ не ощущать того тревожнаго неудовольствія, которымъ пользовались люди, желавшіе въ мутной водѣ ловить рыбу. Про-

Библиотека "Руниверс"

никнутое этимъ болѣзненнымъ чувствомъ, оно собиралось на выборы въ губернскіе города. Тамъ это чувство возрастало по мѣрѣ сближенія дворянъ между собою, по мѣрѣ возможности передавать другъ другу свои жалобы, и этимъ пользовались агитаторы. Тѣ изъ сихъ послѣднихъ, которые хотя считались принадлежавшими къ мѣстному дворянству, но въ сущности состояли изъ бюрократовъ и литераторовъ, спѣшили изъ столицъ на выборы, раздражали тамъ массу и подсовывали готовые адресы, враждебные правительству, которые та подписывала не читая и безсознательно, съ единственною цѣлію выразить только свое неудовольствіе, истекавшее изъ затруднительности положенія каждаго. Забавнѣе всего, что каждый, подписавъ такой адресъ, возвращался домой, храня въ душѣ единственную надежду своего спасенія на правительство. Такова была и отчасти есть и доселѣ оппозиція Русскаго дворянства!..

Возвратясь въ Петербургъ, я не скрылъ отъ министра моего взгляда на это, и онъ раздѣлилъ его. Странно, и для меня необъяснимо понынѣ, почему Валуевъ, стремившійся искренно къ примиренію правительства съ дворянствомъ, не только терпѣлъ при себѣ Соловьева, но и подписывалъ такія распоряженія, которыя очевидно имѣли единственною цѣлію раздраженіе этого сословія. Быть можетъ, что, сознавая свои достоинства, которымъ я отдаю полную справедливость, Валуевъ думалъ, что онъ одинъ даетъ направленіе дѣлу, и Соловьевъ уже отрекся всесовершенно отъ своего личнаго направленія, подчиняясь несокрушимой волѣ министра? Но такое убѣжденіе было бы совершенно возможнымъ, еслибъ Валуевъ могъ заниматься исключительно земскимъ отдѣломъ; у министра однакожъ такъ много дѣла и такъ мало времени, что дотолѣ пока вся машина, или лучше система нашего государственнаго управленія не измѣнится, ни одинъ министръ не можетъ поручиться, что не сдѣлаетъ распоряженія діаметрально противоположнаго своимъ видамъ.

Вскорѣ дворъ сталъ собираться въ Москву, гдѣ Государю угодно было провести вмѣстѣ съ Императрицею часть зимняго сезона. Министръ предложилъ мнѣ ѣхать туда и стараться, сколько можно, разъяснить въ понятіяхъ тамошняго общества истинное положеніе дѣлъ и стремленій правительства.

Я нашелъ, что въ Москвѣ, какъ и вездѣ, общество раздѣлялось на три части: небольшое число людей серьезныхъ, которые, ясно смотря на дѣло и понимая его, довольствуются скромнымъ и умѣреннымъ выраженіемъ своего мнѣнія; нѣсколько больше число «запѣвалъ», изъ которыхъ одни раздражены неудачами по службѣ, другіе убытками и разстройствомъ въ хозяйствѣ, третьи, наконецъ, увлечены сло-

Библиотека "Руниверс"

волюбіемъ; напослѣдокъ «хоръ» или толпа готовая повторять то, что̀ слышитъ отъ коноводовъ, и въ настоящемъ случаѣ, какъ составленная изъ лицъ болѣе или менѣе страдающихъ экономическимъ разстройствомъ, повторявшая эти слова съ восторгомъ и остервененіемъ. Безстыдство коноводовъ простиралось до того, что они выдавали за совершившіяся распоряженія правительства такія мѣры, которыя или имѣлись въ С.-Петербургѣ въ виду, какъ предположенія, или были выдуманы на досугѣ, и толпа имъ вѣрила!.... Впрочемъ одно достовѣрно: неудовольствіе въ Москвѣ было общее. Оно выражалось и между купечествомъ; оно слышалось въ литературныхъ кружкахъ всѣхъ оттѣнковъ и школъ.

Старый Москвичъ, я имѣлъ тамъ множество знакомыхъ. Я старался бывать вездѣ: и въ клубахъ, и въ театрѣ, и въ частныхъ кружкахъ, и въ обществѣ литераторовъ, ученыхъ и художниковъ. Имя Соловьева въ особенности между дворянами было ненавидимо, и на него указывали какъ на обвиненіе противъ правительства. Говорили, что держать его во главѣ крестьянскаго дѣла значило оказывать явное, открытое пренебреженіе къ общественному мнѣнію; что настоящее правительство болѣе ретроградно, чѣмъ какое-либо, потому что прежде общій голосъ принимался въ уваженіе. Вспоминали о Сперанскомъ, о Барклаѣ. Обо всемъ этомъ я писалъ Валуеву, который желалъ внимательно прислушиваться къ общественному мнѣнію, вѣрный своей идеѣ примиренія.

Изъ уваженія къ истинѣ я долженъ сказать, что голосъ мой въ Москвѣ не былъ вопіющимъ въ пустынѣ, не смотря на сильныхъ противниковъ, съ которыми пришлось мнѣ бороться. Въ этомъ много помогла мнѣ честность моего поведенія, поселившая нѣкоторую довѣренность къ моему слову.

Пребываніе Высочайшихъ особъ въ Москвѣ составило полное торжество правительства: всѣ, если не забыли своего болѣзненнаго положенія, то по крайней мѣрѣ были до того подъ обаяніемъ чарующей доброты Государя, что готовы были отдать за него свою жизнь.

Во все это время министръ по большей части жилъ въ Москвѣ, отъѣзжая по временамъ въ Петербургъ. Онъ дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, и производимое имъ въ Москвѣ впечатлѣніе было то же, какое производитъ онъ всегда и на всѣхъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло: онъ очаровывалъ любезностію, краснорѣчіемъ, добротою. Я былъ совершенно доволенъ моимъ положеніемъ, не смотря на значительные расходы, сопряженные съ жизнію въ Москвѣ, расходы, которые я долженъ былъ производить безвозвратно изъ моего кармана.

Библиотека "Руниверс"

Вдругъ въ Москвѣ разнесся слухъ, что правительство намѣрено въ предстоявшій рекрутскій наборъ взыскать съ помѣщиковъ деньги, тѣ, которыя нѣкоторые изъ нихъ получили съ крестьянъ за освобожденіе отъ рекрутской повинности во время крѣпостнаго состоянія. Слухъ этотъ выдавался за достовѣрный; неудовольствіе дворянства снова начинало оживляться; вожаки подняли головы и упрекали Государя въ двоедушіи и неискренности. Я поспѣшилъ къ министру, который въ это время готовился къ отъѣзду въ Петербургъ. Слухъ оказался основателенъ. Валуевъ находилъ эту мѣру нравственно-справедливою и высказывалъ всю гнусность продажи помѣщиками такихъ увольненій на счетъ личности другихъ крестьянъ, признавая это злоупотребленіемъ. Я согласился, что такое поведеніе помѣщиковъ было безнравственно и никогда не предоставлялось имъ по закону, но возражалъ однакоже, что эта торговля отнюдь не безобразнѣе другихъ отвратительныхъ поступковъ, совершившихся въ силу крѣпостнаго права, которые однакоже, какъ бывшіе до изданія Положенія 19 Февраля 1861 г., по силѣ онаго преданы забвенію и вмѣняемы быть не могутъ; что самая эта торговля, какъ бывшая въ то еще время, нынѣ по закону преслѣдуема быть не можетъ; что распоряженіе о взысканіи денегъ этихъ не достигнетъ даже цѣли, потому что у помѣщиковъ денегъ нѣтъ; что, наконецъ, эта мѣра уничтожитъ весь результатъ пребыванія въ Москвѣ Государя и самого министра и снова возбудитъ то неудовольствіе, которое только что начинало слабѣть. Валуевъ оставался при первой мысли, но сдѣлалъ нѣкоторую уступку, предложивъ какое-то mezzo termine, и уѣхалъ въ С.-Петербургъ.

Меня крайне огорчило это обстоятельство, тѣмъ болѣе, что оно лишало мой голосъ не только всякаго авторитета въ обществѣ, но даже довѣрія. Я понималъ, откуда шелъ ударъ. Чиновничья Петербургская партія хотя и старалась увѣрить другихъ, что правительство сильно и могущественно, что вся физическая сила, состоявшая въ большинствѣ осчастливившихся дарованіемъ свободы крестьянъ на его сторонѣ, и что за симъ неудовольствіе дворянства безсильно и безопасно, но сама этому не вѣрила. Она понимала, что невѣжественная масса, легко возмущаемая страстью, никогда и нигдѣ не можетъ служить прочною опорою для правительства и, напротивъ, составляетъ самый удобный и горючій матеріалъ для агитаторовъ; что лучшее обезпеченіе общественнаго порядка составляютъ собственники, въ особенности собственники поземельные, привязанные всѣми интересами жизни къ родной почвѣ. Она понимала, что такими охранительными собственниками у насъ помѣщики, которые кромѣ матеріальнаго имущества владѣютъ относительно большею образованностію,

Библиотека "Руниверс"

чѣмъ другія сословія; что только въ возбужденіи неудовольствія и раздраженіи этого класса могла надѣяться найти себѣ мимовольныхъ союзниковъ. Сближеніе ихъ въ Москвѣ съ правительствомъ было крайне непріятно для этой партіи, и вотъ она пустила въ ходъ мѣру, которая не могла не раздражить экономически растроенное дворянство, во-первыхъ потому, что была принята въ противность буквальнаго запрещенія закона преслѣдовать всякое дѣйствіе помѣщика, совершенное въ силу крѣпостнаго права до изданія Положенія 19 Февраля, и вовторыхъ потому, что наносила сильный ударъ разстроеннымъ и безъ того финансамъ помѣщиковъ. Должно признаться, что средство было разсчитано вѣрно!

Чрезъ нѣсколько дней Валуевъ по обычаю возвратился въ Москву. Онъ привезъ мнѣ радостное извѣстіе, что предположенная мѣра отмѣнена; что по соглашенію съ военнымъ министромъ рѣшено за всѣ проданныя рекрутскія росписки выдать зачетныя квитанціи. Такимъ образомъ помѣщики остались не затронутыми, ограждавшій ихъ законъ ненарушимымъ, права крестьянъ огражденными, правосудіе свято соблюденнымъ, а правительство явилось великодушнымъ и высокимъ. Сообщая мнѣ это, министръ присовокупилъ, что по сему случаю онъ имѣлъ (какъ онъ тогда выразился) съ Соловьевымъ «чувствительное объясненіе»; что Соловьевъ плакалъ, просился въ отставку, но министръ остался непреклоннымъ. Всегда вѣрный своему доброму направленію, Валуевъ прибавилъ, что ему жаль Соловьева. «Мы за это утѣшимъ его лентою къ новому году,» сказалъ онъ. Дѣло было въ Декабрѣ; ждать оставалось недолго: всего двѣ-три недѣли. Я не вытерпѣлъ. Награждать человѣка, который былъ предметомъ ненависти цѣлаго сословія, когда правительство стремилось къ примиренію, и притомъ награждать внѣ законнаго порядка, какъ награждаютъ за необыкновенную заслугу и тотчасъ по возвращеніи Государя въ С.-Петербургъ, значило подливать масло въ только что потухавшій огонь, значило не только дразнить Московское общество, но и открыто презирать его мнѣніемъ. Я высказалъ все это министру, который успокоилъ меня, сказавъ, что награда эта будетъ отложена до Пасхи.

Въ это время состоялось Высочайшее повелѣніе объ открытіи присутствія по дѣламъ духовенства. Оно было формулировано по моей редакціи; условіе о неприкосновенности каноновъ было въ немъ сохранено безъ всякаго измѣненія; я назначался управляющимъ дѣлами, но независимо отъ сего прибавлено безъ моего вѣдома, что завѣдываніе и начальство надъ канцеляріею предоставлялись оберъ-прокурору Сvнода. Нужно знать, что когда за годъ передъ симъ я согла-

Библиотека "Руниверс"

сился на принятіе званія управляющаго дѣлами присутствія, я сдѣлалъ это изъ чистаго усердія къ дѣлу церкви. Я тогда же заявилъ, что по этому званію не приму ни жалованья, ни награды, потому что не намѣренъ продавать церкви моего труда. Я ожидалъ, что положеніе мое, какъ управляющаго дѣлами, будетъ не только независимо, но что мнѣ будутъ предоставляемы доклады Государю по журналамъ присутствія, какъ это принято въ служебной нашей практикѣ во всѣхъ комитетахъ, журналы которыхъ восходятъ на Высочайшее утвержденіе. Всѣ эти виды мои истекали не изъ чувства самолюбія, а изъ сущности самаго дѣла. Кто сколько-нибудь знакомъ съ управленіемъ нашей церкви, тотъ не можетъ не знать, что главный недугъ ея заключается въ самой системѣ именно этого управленія. Я хотѣлъ привести въ моихъ докладахъ факты, свидѣтельствующіе объ упадкѣ духовенства вслѣдствіе исторически сложившихся причинъ; изъ нихъ было бы ясно, что безъ устраненія сихъ послѣднихъ никакое улучшеніе въ клирѣ немыслимо. Я зналъ, что духовные члены первѣе всего обратятся къ государственному казначейству и въ душѣ радовался, что оно не можетъ удовлетворить ихъ требованію. Недостатокъ государственной казны лучше всего долженъ былъ по моему мнѣнію обратить присутствіе на путь внутреннихъ преобразованій сvнодальнаго управленія, какъ на единственное средство улучшенія клира и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи, указываемое совокупно и канонами, и исторіею нашей церкви. Я думалъ, что важность предмета, вызывающая равно важныя мѣры, быть можетъ, укажетъ даже на необходимость собора. Можетъ быть, планы мои должны быть признаны мечтами; но подобныя мечты одушевляютъ дѣятеля, сообщаютъ ему то постоянство и стойкость, которыя называются энергіею. И вотъ состоявшееся Высочайшее повелѣніе разрушило всѣ мои виды...

Я былъ огорченъ до глубины души, но не выказалъ этого передъ министромъ. Я только скромно сказалъ ему, что, согласившись служить подъ начальствомъ Валуева, я чрезъ это не давалъ согласія подчиняться Ахматову или князю Урусову, а потому долженъ отказаться отъ участія въ дѣлахъ присутствія. Министръ совѣтовалъ этого не дѣлать теперь, а выйти послѣ нѣсколькихъ засѣданій. Такой совѣтъ былъ еще чувствительнѣе для моего самолюбія. Мало того, что мною распорядились безъ моего вѣдома, меня даже не считали нужнымъ, и выбрасывали какъ орудіе никуда негодное! Я скрылъ мое неудовольствіе и рѣшился остаться. Я думалъ еще, что постоянство труда и направленія все-таки сдѣлаютъ свое. Я надѣялся, что Валуевъ, при искреннемъ желаніи добра церкви, не смотря на обнаруживающееся

Библиотека "Руниверс"

ко мнѣ охлажденіе, первый подастъ мнѣ руку помощи, и тотчасъ, по возвращеніи въ Петербургъ, принялся за работу.

Прежде всего я составилъ тѣ вопросы, о которыхъ уже упомянулъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Я раздѣлилъ ихъ на три главныя категоріи: 1) о матеріальныхъ средствахъ и нуждахъ приходскаго духовенства; 2) о тѣхъ ограниченіяхъ въ гражданскихъ правахъ, которыя оно признаётъ наиболѣе для себя стѣснительными, и 3) о тѣхъ правахъ или преимуществахъ, согласныхъ съ духомъ нашего общаго законодательства, которыхъ пріобрѣтеніе оно считало бы для себя особенно полезнымъ.

Зная антагонизмъ, существующій между бѣлымъ и монашествующимъ духовенствомъ, имѣющимъ въ лицѣ епархіальнаго и училищнаго начальства огромное вліяніе на духовенство приходское, я предлагалъ разослать эти вопросы на разсмотрѣніе сего послѣдняго въ мѣстныхъ собраніяхъ подъ предсѣдательствомъ благочинныхъ, съ тѣмъ чтобы отвѣты были изъяты изъ-подъ вліяній мѣстныхъ архіереевъ и консисторій. Духовные чины и самъ оберъ-прокуроръ, противодѣйствія которыхъ, признаюсь, я очень опасался, одобрили какъ вопросы, такъ и способъ ихъ разсмотрѣнія. Наканунѣ засѣданія я представилъ ихъ министру, который, вопреки моихъ надеждъ, объявилъ мнѣ категорически, что на мѣстные съѣзды духовенства, онъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, согласиться не можетъ. За симъ, разсмотрѣвъ проэктъ вопросовъ, онъ ¾ изъ нихъ нашелъ излишними и предложилъ мнѣ представить присутствію остальные, лишенные всякаго значенія и теперь уже всѣмъ извѣстные, какъ повсемѣстно разосланные.

Прискорбно было для меня это возраженіе со стороны, отъ которой я не чаялъ. Исключенные вопросы были серьезно мною обдуманы, повѣрены людьми специальными, одобрены, какъ я сказалъ уже, духовными членами, и перехерены при одномъ поверхностномъ чтеніи! Способъ разсылки ихъ измѣненъ, и присутствіе осуждено получать отвѣты духовенства чрезъ уста епархіальнаго начальства.

Возвратясь домой, я написалъ къ Валуеву записку, полную одушевленія; я говорилъ ему о тѣхъ надеждахъ, которыя не я только, но все приходское духовенство на него возлагаетъ; я умолялъ его измѣнить свое рѣшеніе. Въ отвѣтъ получилъ я записку, написанную очень сухо, что Валуевъ, возбудивъ одинъ всё это дѣло, будетъ умѣть и вести его, а мнѣ предоставляетъ внести докладъ мой по моему усмотрѣнію, оставаясь самъ при выраженномъ воззрѣніи. Я видѣлъ, что всякая надежда на успѣхъ была потеряна; что, внеся мой первоначальный проэктъ, я не поправлю дѣла, потому что мнѣ было бы жé-

Библиотека "Руниверс"

стоко проти́ву рожна̀ пра́ти, и представилъ его въ томъ видѣ, въ какомъ вышелъ онъ изъ-подъ карандаша Валуева.

Съ этой минуты мнѣ было ясно, что Валуевъ перемѣнился ко мнѣ окончательно. Послѣдствія ежедневныя убѣждали меня въ этомъ. Друзья мои торжествовали: Тройницкій, во время оно бывшій со мною вѣжливымъ до излишества, чтобы не выразиться рѣзче, теперь принялъ какой-то насмѣшливо покровительственный тонъ; Соловьевъ разыгрывалъ роль великодушнаго друга! Всё это огорчало меня тѣмъ болѣе, что и самъ министръ не скрывалъ своей перемѣны. Такъ, при докладахъ департамента, онъ почти не слушалъ ихъ, казался разсѣяннымъ, не обращалъ вниманія на мои объясненія и, напротивъ, внимательно выслушивалъ моего вице-директора, давая рѣшенія согласно съ его взглядами. Когда мнѣ случалось приходить къ нему съ предложеніями какихъ-либо общихъ мѣръ, онъ едва удостоивалъ меня выслушиванія и не только не принималъ ни одной, но даже и не возражалъ на нихъ. Между тѣмъ были такія, которыя заслуживали по крайней мѣрѣ вниманія. Приведу себѣ на память одну мысль, оставленную, какъ и всѣ подобныя, безъ послѣдствій.

Въ эпоху, къ которой относятся настоящія строки, только что начинался сепаратизмъ Малороссовъ, который теперь достигъ до огромныхъ размѣровъ. Я подалъ записку министру, въ которой, изложивъ опасность, угрожающую намъ возможнымъ усиліемъ этого возникавшаго врага, предлагалъ не дѣйствовать исключительно полицейскими средствами, арестами и ссылками, а прибѣгнуть къ прессѣ. Указавъ на главныхъ коноводовъ этой партіи въ Галиціи, я говорилъ, что они пока еще не слишкомъ компрометированы, возвратъ ихъ возможенъ, если только ловко приняться за дѣло; но позже это будетъ немыслимо. Я предлагалъ свои услуги и изъявлялъ готовность ѣхать съ этою цѣлію во Львовъ. Смѣю сказать, что мысль эта была практически вѣрна. Исполненіе ея не требовало со стороны правительства никакого пожертвованія, препятствій быть не могло; но она осталась безъ послѣдствій. Валуевъ какъ бы въ шутку со мною соглашался; не разъ даже, смѣясь, спрашивалъ: когда я поѣду во Львовъ? И только! Между тѣмъ событія оправдали мои опасенія. Сепаратическія стремленія Малороссовъ развились окончательно; передовыя личности этого племени компрометировались безвозвратно; Галицкія газеты, имѣющія столь сильное вліяніе на наши южныя провинціи, наперерывъ печатаютъ противъ насъ самыя враждебныя статьи, повторяемыя во всѣхъ Славянскихъ журналахъ; Польская интрига торжествуетъ, а Московскія Вѣдомости пришли къ необходимости совѣтывать министру принятіе репрессивныхъ, коерситивныхъ мѣръ.

Библиотека "Руниверс"

Вспомню еще объ одной предложенной мною мысли. Тотчасъ по составленіи коммиссіи для занятій по судебной реформѣ, я обратилъ вниманіе Валуева на то направленіе, какимъ отличались призванные къ тому законодатели. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе ошибочности самыхъ началъ, принятыхъ въ основаніе реформы, я обратилъ вниманіе министра на то, что это дѣло задумано въ ту печальную эпоху, когда правительство путемъ постоянной снисходительности начинало лишаться авторитета и когда неблагонамѣренные люди не только было основали подпольную прессу, но отваживались даже на уличныя демонстраціи; что вліяніе эпохи должно непремѣнно отразиться на предстоящую реформу, какъ на результатъ того времени; что члены коммиссіи всѣ проникнуты недоброжелательствомъ къ административной власти и подъ видомъ свободы суда стремятся связать ей руки; что назначеніе главныхъ областныхъ судей, съ огромнымъ жалованіемъ, съ іерархическими преимуществами, равняющимися сенаторскимъ, и съ вліяніемъ на пять губерній, совершенно уничтожаетъ значеніе губернатора, особенно той губерніи, гдѣ будетъ имѣть пребываніе такой судья; что, наконецъ, если такое назначеніе необходимо, то не менѣе необходимо для охраненія правительственнаго авторитета назначить въ эти губерніи генералъ-губернаторовъ. Замѣчаніе мое о направленіи членовъ коммиссіи было тѣмъ основательнѣе, что они, приглашая въ качествѣ экспертовъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, исключили изъ нихъ министерство внутреннихъ дѣлъ кромѣ медицинскаго департамента, котораго они миновать не могли; а между тѣмъ, по тѣсной связи судебнаго слѣдствія съ полицейскимъ и по необходимости въ употребленіи полиціи при исполненіи судебныхъ рѣшеній, они безцеремонно и безъ вѣдома министерства распорядились ею въ своихъ проектахъ такъ, что полиція, еслибы проекты эти прошли, вдругъ очутилась бы въ прямой зависимости отъ прокуроровъ. Всё это я считалъ долгомъ высказывать министру, не смотря на то, что ясно видѣлъ, что онъ ничего *моего* уже не принималъ въ уваженіе.

Быть можетъ, взгляды мои были ошибочны. Признаюсь, что съ ними можно не соглашаться; но думаю и теперь, что они по самому свойству своихъ предметовъ заслуживали вниманія. Они брошены были какъ пустой хламъ.

Въ концѣ Декабря 1862 г. вышло новое положеніе о городскихъ и земскихъ полиціяхъ. Со времени отсылки въ Государственный Совѣтъ тѣхъ замѣчаній на первоначальный проектъ, о коихъ я говорилъ выше, я ничего не зналъ о ходѣ этого дѣла. Я сказалъ уже, что тогда же докладывалъ министру, что штаты всѣ составлены ошибочно, и что руководствоваться въ этомъ случаѣ трудами коммиссіи было не-

Библиотека "Руниверс"

возможно. Каково же было мое удивленіе, когда я получилъ новое положеніе о полиціи съ размѣромъ суммы, исчисленной по этимъ штатамъ! Оказалось, что министру угодно было поручить Соловьеву, помимо департамента полиціи, вести все дѣло о штатахъ, а онъ работалъ, не взявши даже ни одной отъ меня справки, такъ что я рѣшительно ничего объ этомъ не зналъ. Оставляя въ сторонѣ оскорбленіе моего служебнаго самолюбія, я былъ поставленъ въ самое затруднительное положеніе, будучи обязанъ приводить въ исполненіе невозможное.

Чтобы имѣть точное понятіе о неудовлетворительности самыхъ началъ, на которыхъ были основаны эти штаты, нужно знать, что наши реформаторы, находясь съ одной стороны въ необходимости увеличить содержаніе чиновниковъ по крайней мѣрѣ до разумной цифры, представляющей возможность существованія, а съ другой—не имѣя для сего достаточныхъ источниковъ, вообще прибѣгаютъ къ мѣрѣ, обращенной ими въ принципъ: къ сокращенію наличнаго состава служащихъ лицъ и къ увеличенію содержанія на счетъ упраздненныхъ должностей. Такое правило, впервыя приложенное къ дѣлу въ морскомъ министерствѣ, если и можетъ быть принято, то неиначе какъ подъ условіемъ удовлетворительности остающагося числа чиновъ для безостановочнаго хода дѣлъ, что вообще безъ радикальнаго измѣненія цѣлаго механизма государственной администраціи едва ли возможно; въ противномъ случаѣ этотъ способъ улучшенія содержанія чиновниковъ обратится въ *Тришкинъ Кафтанъ*. Это случилось и съ штатами полиціи, о которыхъ я говорю. Правда, содержаніе ея увеличено, но наличный составъ ослабленъ до крайности. Наемныя канцеляріи, при ограниченности суммъ для сей цѣли, оказались хуже коронныхъ, которыя, подчиняясь служебнымъ законамъ, были воздерживаемы страхомъ наказанія и дурною аттестаціею, лишавшею ихъ возможности продолжать службу, тогда какъ наемныя, содержаніе которыхъ хотя обходится казнѣ дороже, но все же не достигаетъ размѣра, который бы могъ привлечь въ нихъ людей нравственныхъ и вполнѣ благонадежныхъ, подвергаясь суду на основаніи общихъ законовъ, требующихъ чтобы воръ воровалъ или зажигатель поджигалъ непремѣнно при свидѣтеляхъ, остаются увѣренными въ безнаказанности, и случаи кражи ими документовъ уже теперь нерѣдкость. Такимъ образомъ употребленный правительствомъ излишній расходъ на улучшеніе полицій въ сущности обращенъ на усиленіе содержанія почти исключительно частныхъ праставовъ, потому что содержаніе исправниковъ и другихъ чиновъ въ сравненіи съ ними весьма незначительно.

Библиотека "Руниверс"

Новымъ закономъ министру внутреннихъ дѣлъ предоставлялось, не выходя изъ общей, утвержденной на всю полицію суммы и строго держась размѣра содержанія, назначеннаго для каждаго чина нормальными штатами, распредѣлять по собственному усмотрѣнію какъ число чиновниковъ исполнительныхъ, такъ и количество канцелярской суммы на каждую полицію отдѣльно, относя сію послѣднюю къ тому или другому изъ трехъ разрядовъ, которые указаны въ нормальныхъ штатахъ. Эта работа, сама собою довольно копотная, была чрезвычайно затруднительною по тѣмъ поверхностнымъ и невѣрнымъ источникамъ, которыми руководствовалась коммиссія и которые приняты были Соловьевымъ въ основаніе при исчисленіи штатныхъ суммъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи новыхъ штатовъ оказалось, что, кромѣ того, что наличное число полицейскихъ чиновъ было очень уменьшено, нѣкоторые города были вовсе не приняты въ расчетъ и пропущены въ спискѣ, а число членовъ полицій отъ сословій, содержаніе коихъ относилось къ общимъ вновь указаннымъ источникамъ, вовсе не было исчислено. Такимъ образомъ новые штаты представляли совершенную путаницу, которую распутать было суждено мнѣ. Пустить въ ходъ штаты въ томъ видѣ, въ которомъ я ихъ получилъ, конечно было бы легко; но, кромѣ огромныхъ затрудненій на мѣстѣ, меня останавливало въ этомъ и личное мое самолюбіе. Никому конечно не пришло бы въ голову, что штаты мною подписанные составлены Соловьевымъ, а потому весь этотъ сумбуръ былъ бы приписанъ мнѣ; этого мнѣ не хотѣлось.

Чтобы имѣть при распредѣленіи содержанія полицій и ихъ канцелярій данныя болѣе вѣрныя нежели тѣ, которыми руководствовался Соловьевъ, я раздѣлилъ всѣ губерніи по группамъ, которыя по экономическимъ своимъ условіямъ представляли наиболѣе между собою сходства, а потому на содержаніе чиновника требовали одни и тѣже суммы. За симъ, въ отношеніи числа полицейскихъ чиновъ, я между этими группами сдѣлалъ подраздѣленія на основаніи количества народонаселенія, пространства мѣстности и развитія торговыхъ и другихъ сношеній. Далѣе, чтобы не сдѣлать какихъ-либо ошибокъ, которыя были бы обязательны для мѣстныхъ губернаторовъ, я предположилъ во 1-хъ предоставить имъ, руководствуясь составленными для каждой мѣстности штатами, какъ нормою, увеличивать или уменьшать составъ и канцелярскія суммы полицій одну на счетъ другой по дѣйствительной въ томъ надобности, и во 2-хъ войдти въ концѣ года съ особымъ представленіемъ въ министерство, еслибъ и за симъ гдѣ либо потребовалось увеличеніе числа исполнительныхъ чиновниковъ. Но чтобы не поставить министерства въ затрудненіе при такомъ представленіи губернаторовъ и дать ему средства къ удовлетворенію могущихъ от-

Библиотека "Руниверс"

крыться потребностей, я предположилъ отнимать отъ опредѣленнаго штатами числа чиновъ и канцелярскихъ суммъ 10%, и пополнивъ ими тѣ полиціи, которыя были пропущены Соловьевымъ, имѣть остальные въ запасѣ. Всѣ эти предположенія были утверждены министромъ, и я занялся приведеніемъ ихъ въ исполненіе постепенно, отсылая утверждаемые министромъ штаты къ губернаторамъ по порядку составленныхъ группъ.

Между тѣмъ, за нѣсколько недѣль до описываемаго мною времени, когда еще охлажденіе ко мнѣ Валуева не было столь явнымъ, онъ въ видѣ участія къ моему положенію предложилъ мнѣ въ частной бесѣдѣ званіе сенатора. Хотя для меня было ясно, что меня хотѣли, что называется, «сбыть», однакоже я не высказалъ этого и отвѣчалъ только, что предпочитаю настоящую мою должность сенаторской. Я надѣялся не на возстановленіе прежнихъ интимныхъ моихъ отношеній къ Валуеву, но на то, что все же могу быть полезнымъ; мнѣ было совѣстно бросить дѣло, когда, какъ мнѣ казалось, содѣйствіе мое было не лишнимъ. Я заблуждался, и министръ скоро вывелъ меня изъ этого заблужденія, не только не принимая, какъ я сказалъ уже, ни одного моего предложенія, но и не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Такимъ образомъ я скоро убѣдился, что голосъ мой былъ фальшивою нотою въ хвалебномъ концертѣ, которымъ окружающіе Валуева его угощали; что я не только не могу принести ни малѣйшей пользы дѣлу, но еще скорѣе повредить ему: ибо я видѣлъ, что было достаточнымъ моего слова, чтобы предлагаемая мѣра была оставлена, которая безъ того была бы приведена въ исполненіе. Оставаться въ такомъ положеніи было бы по моимъ понятіямъ нечестно, и я рѣшился воспользоваться первымъ случаемъ для моего увольненія. Случай скоро представился; его возбудилъ самъ Валуевъ.

Послѣ обычнаго доклада департамента, я остался на нѣкоторое время у министра для бесѣды. Валуевъ заговорилъ о моихъ трудахъ, о томъ, что я усталъ и что время мнѣ отдохнуть. Я вполнѣ согласился. Онъ снова предложилъ мнѣ сенаторство, какъ почетное увольненіе. Я отвѣчалъ, что лучшаго ничего желать не могу; но мнѣ хотѣлось бы получить это назначеніе послѣ полученія обѣщанной мнѣ земли, такъ какъ, выйдя изъ министерства, я уже буду навсегда лишенъ всякой возможности къ такой наградѣ. Валуевъ затруднялся исходатайствовать и то и другое одновременно, и потому, въ видахъ облегченія для меня обѣщанной награды, предложилъ принять пока званіе члена совѣта министра. Было очевидно, сколько нетерпѣливо ему хотѣлось разстаться со мною, какъ съ директоромъ; и съ моей стороны было бы безразсудно усиливаться оставаться въ моей долж-

Библиотека "Руниверс"

ности. Но быть членомъ совѣта я не желалъ и согласиться не могъ, потому что этотъ способъ употребляется съ директорами, которыхъ выгоняютъ, а я не только не считалъ себя въ этомъ положеніи, но не хотѣлъ и другимъ дать даже повода думать, что мною недовольны. Кромѣ того, въ совѣтъ, въ послѣднее время, были назначены члены съ двусмысленною репутаціей, а попасть въ эту категорію я согласиться не могъ. Я отвѣчалъ, что предпочитаю быть пока причисленнымъ къ министерству; что чрезъ это будетъ очевидно, что я оставилъ департаментъ по собственному желанію, ибо въ противномъ случаѣ вышелъ бы прямо въ отставку. Министръ не согласился; онъ хотѣлъ увольненіе мое сдѣлать почетнѣе и придумалъ званіе «состоящаго при лицѣ министра». Я изъявилъ на это согласіе; но, возвратясь домой и обдумавъ это предложеніе, въ тотъ же вечеръ поспѣшилъ заявить ему, что, предоставляя устройство моего положенія собственному его усмотрѣнію, долженъ однакоже оговориться, что состояніе при лицѣ министра низводитъ меня въ положеніе чиновника особыхъ порученій и вовсе не представляется почетнымъ. Отвѣта на эту записку я не получалъ.

Послѣ этого объясненія, рѣшившаго выходъ мой изъ департамента, отношенія мои съ Валуевымъ сдѣлались гораздо пріятнѣе. Казалось, ему было легче, что онъ уже, такъ сказать, развязался со мною, и были случаи, въ которыхъ онъ по прежнему даже обращался ко мнѣ съ довольно откровенными бесѣдами. Такъ въ началѣ вспыхнувшаго въ Варшавѣ мятежа, онъ, разговаривая со мною объ этихъ обстоятельствахъ, высказывалъ нѣкоторое удовольствіе, что иностранныя державы оставляютъ намъ полную свободу дѣйствія, не вмѣшиваясь нисколько въ Польское дѣло. Съ своей стороны я не измѣнилъ ни правдивости, ни искренности моихъ объясненій. Я сказалъ, что въ дѣлѣ Польскаго мятежа, какъ и во всякомъ другомъ вопросѣ, есть два средства, выборъ которыхъ въ рукахъ правительства. Если ему угодно будетъ продолжать идти путемъ либеральнаго прогресса, то прежде всего нужно вывести изъ царства наше войско, щадя кровь его, поставить его въ видѣ кордона на границѣ Имперіи и предоставить конгресовую Польшу ея судьбѣ. Если же правительство намѣрено удержать этотъ край въ прежней связи съ Россіей и произвести въ немъ либеральныя реформы прочно и плодотворно, то прежде всего слѣдуетъ прогнать изъ Варшавы Велепольскаго съ братіею, назначить туда Русскихъ чиновниковъ, словомъ «натянуть канву» и потомъ вышивать по ней какія угодно будетъ фигуры. Средины между этихъ двухъ путей я не допускалъ. Я говорилъ, что Европейскіе кабинеты не вмѣшиваются въ Польское дѣло потому, что признаютъ за нами ту обя-

Библиотека "Руниверс"

занность, которая лежитъ на каждомъ правительствѣ—собственными средствами прекращать внутренніе безпорядки, но что если мятежъ продолжится два-три мѣсяца, то Европа начнетъ намъ предписывать законы.

Министръ былъ видимо недоволенъ этимъ объясненіемъ; оно повело къ новой размолвкѣ, къ дальнѣйшему охлажденію.

Чрезъ нѣсколько дней я получилъ записку отъ Валуева; онъ извѣщалъ меня конфиденціально, что предварилъ Государя, что я нездоровъ, и что состояніе моего здоровья, быть можетъ, не позволитъ мнѣ продолжать службу въ званіи директора. Государь, продолжалъ Валуевъ, изъявилъ объ этомъ сожалѣніе и изволилъ согласиться на пожалованіе мнѣ 4 т. дес. земли въ Самарской губерніи. Участіе обожаемаго мною Государя утѣшило меня болѣе самой награды. Но обдумывая далѣе мое положеніе, я не могъ не быть вполнѣ благодарнымъ Валуеву за пожалованіе земли, которая существенно поправила мои разстроенныя дѣла. И теперь и тогда я сознавалъ, что поступокъ его былъ великодушенъ. Правда, ему хотѣлось сколь можно скорѣе со мною разстаться; правда и то, что, по *моимъ* понятіямъ, я не прегрѣшилъ передъ нимъ и всегда желалъ быть ему полезнымъ, что служилъ честно, работалъ неутомимо. Но правда также, что въ глазахъ Валуева я былъ кругомъ виноватъ; ему казалось, что возраженія мои внушены мнѣ желаніемъ быть ему непріятнымъ, и при такомъ взглядѣ потребно много благородства, чтобы сдѣлать добро тому, кого считаешь своимъ недоброжелателемъ.

Я поспѣшилъ лично изъявить ему мою благодарность. Дѣло было въ началѣ Апрѣля; онъ сказалъ мнѣ, что приказъ о моемъ увольненіи долженъ состояться 17 числа. Я напомнилъ ему о званіи сенатора, и это было тѣмъ легче исполнить, что министръ юстиціи заявилъ ему о своемъ на это согласіи; но Валуевъ нашелъ, что двѣ награды вмѣстѣ для меня невозможны...

Библиотека "Руниверс"

О ДЕКАБРИСТѢ КОРНИЛОВИЧѢ.

Письмо главнокомандующаго на Кавказѣ барона Г. В. Розена къ шефу жандармовъ графу А. Х. Бенкендорфу.

Марта 9-го 1834. (Тифлисъ).

На почтеннѣйшее отношеніе вашего сіятельства отъ 22-го Января № 291, симъ отвѣтствовать честь имѣю, что, при всей готовности моей исполнить ваше, милостивый государь, желаніе въ отношеніи рядоваго Корниловича и вмѣстѣ быть сему несчастному полезнымъ, мѣра преступленія его извѣстна мнѣ весьма поверхностно изъ отношенія ко мнѣ дежурнаго генерала Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, въ коемъ изъяснено токмо то, что онъ изъ числа государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ приговоромъ верховнаго уголовнаго суда къ различнымъ наказаніямъ и содержался въ С.-Петербургской крѣпости. Присланъ же онъ ко мнѣ при особомъ отношеніи его же г. дежурнаго генерала съ нарочнымъ по высочайшему повелѣнію фельдъ-егеремъ подъ строгимъ присмотромъ. Послѣ сего, при всемъ хорошемъ поведеніи рядоваго Корниловича, безъ особеннаго какого-либо отличія я не осмѣливаюсь ходатайствовать о переводѣ его въ саперный Кавказскій баталіонъ, въ Тифлисѣ квартирующій, гдѣ онъ можетъ не такъ скоро имѣть случаи къ военному отличію, какъ въ Царскихъ Колодцахъ по случающимся набѣгамъ Лезгинъ на Кахетію. Что же относится до литературныхъ его занятій, то я полагаю, что онъ можетъ имѣть болѣе для сего времени тамъ, гдѣ нынѣ находится, нежели въ Тифлисѣ, гдѣ одна гарнизонная служба и другія развлеченія отнимутъ у него много времени; а между тѣмъ переводъ его на службу въ большой городъ неминуемо послужитъ поводомъ и другимъ, по давности здѣсь службы болѣе его на таковыя снисхожденія право имѣющимъ, ходатайствовать о томъ же, тогда какъ изъ всѣхъ тѣхъ, которые найдены виновными верховнымъ уголовнымъ судомъ, никого на постоянной службѣ въ Тифлисѣ не находится: ибо пребываніе ихъ въ главномъ мѣстѣ Закавказскаго края было бы весьма обременительно сколько для начальства, равно и для секретной военной полиціи, какъ по многолюдству города, такъ и по неизвѣстности о правилахъ и нравственности многихъ прибывающихъ сюда изъ разныхъ мѣстъ чиновниковъ, частію и иностранцевъ. А между тѣмъ, и молодые люди всѣхъ службъ и даже націй могутъ изъ одного любопытства искать съ ними знакомства и даже связей. Впрочемъ, если

Библиотека "Руниверс"

Корниловичъ, по мѣрѣ уголовнаго преступленія своего понесъ уже достаточное наказаніе, то настоящее безукоризненное его поведеніе заслуживаетъ особеннаго вниманія. Но ходатаніе о семъ я принять на себя еще не осмѣливаюсь, и тѣмъ болѣе между подобными ему есть подъ моимъ начальствомъ и такіе, которые, служа противъ непріятеля, остаются донынѣ въ одинаковомъ съ нимъ положеніи. Въ окончаніе имѣю честь увѣдомить, что, согласно съ почтеннѣйшимъ отношеніемъ вашимъ, я приказалъ, по содержанію письма Корниловича, вами, милостивый государь, ко мнѣ препровожденнаго, объявить ему, что я не нахожу еще возможнымъ удовлетворить просьбы его; а между тѣмъ и увѣрить, что усердіе по службѣ и настоящія его занятія не останутся безъ вниманія начальства.

(Съ черноваго подлинника, сохранившагося въ бумагахъ барона Г. В. Розена, любезно доставленныхъ въ Р. Архивъ сыномъ его барономъ Дмитріемъ Григорьевичемъ).

ГАРИБАЛЬДИ ПРО РУССКІЙ НАРОДЪ.

Въ Ноябрѣ 1860 года я совершенно случайно познакомился съ полковникомъ пограничной стражи Фонъ-Дитмаромъ, старымъ холостякомъ, лѣтъ 65. Онъ не задолго передъ тѣмъ возвратился изъ-заграницы. Мнѣ рѣдко случалось встрѣчаться съ такимъ восторженнымъ старикомъ. Онъ бралъ заграничный отпускъ подъ видомъ лѣченія въ Эмсѣ, въ дѣйствительности же, чтобы побывать въ Италіи и «поклониться» Гарибальди, для чего даже «выучился по-итальянски». Гарибальди тогда осаждалъ Казерту, небольшую крѣпостцу недалеко отъ Неаполя. «Наше свиданіе», разсказывалъ мнѣ полковникъ Фонъ-Дитмаръ, «продолжалось всего нѣсколько минутъ. 9-го Октября рано утромъ я подъѣхалъ къ лагерю Гарибальдійцевъ и спросилъ, можно ли видѣть генерала. «Вонъ генералъ»,—указали мнѣ. Гарибальди сидѣлъ, въ своей исторической рубашкѣ, на камнѣ, и быстро раздавалъ какія-то приказанія двумъ ординарцамъ. Передъ нимъ стоялъ небольшой столикъ, на которомъ лежали портфель, зрительная труба и раскрытый планъ, должно быть, Казерты. Я былъ въ полной парадной формѣ съ орденами. Когда Гарибальди отпустилъ ординарцевъ, я подошелъ къ нему и сказалъ: «Новый Баярдъ и великій народный герой! Позволь старому раненому Русскому полковнику поклониться тебѣ». Гарибальди крѣпко пожалъ мнѣ руку и отвѣчалъ: «Я уважаю Русскихъ и вашего великаго Императора, освободителя рабовъ». Въ это время подбѣжалъ, должно быть, адъютантъ и что-то сказалъ генералу на ухо. Я понялъ, что надо прекратить свиданіе, къ величайшему моему горю, и попросилъ Гарибальди дать мнѣ что-нибудь на

Библиотека "Руниверс"

Caserta 9 Ottobre 1860

Ammiratore del Popolo
Russo e del Grande
Emancipatore dei Servi —

G. Garibaldi

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

память. Онъ вынулъ изъ портфеля свой фотографическій портретъ на небольшомъ лоскуткѣ пергамента и далъ мнѣ. «Подпишите ваше великое имя», попросилъ я. Гарибальди вырвалъ листикъ изъ записной книжки и написалъ:

„Caserta, 9 Ottobre 1860.

Ammiratore del populo Russo e del Grande Emancipatore dei servi, G. Garibaldi» *).

Въ восторгѣ Дитмаръ поцѣловалъ у Гарибальди руку.

*

Чрезъ нѣсколько дней, когда я зашелъ къ Дитмару, онъ мнѣ показалъ эти портретъ и автографъ Гарибальди.

Тогда издавался въ Петербургѣ еженедѣльный Нѣмецкій листокъ «Montagsblatt». Въ двухъ первыхъ Январскихъ нумерахъ 1861 года этого листка появился разсказъ Дитмара объ его путешествіи за границею, прерывающійся на пріѣздѣ его въ Казерту. Цензоръ вычеркнулъ описаніе свиданія съ Гарибальди и не дозволилъ помѣстить портретъ его и автографъ. Дитмаръ обратился въ цензурный комитетъ, предсѣдателемъ котораго тогда былъ генералъ Н. В. Медемъ, который и посовѣтовалъ Дитмару не хлопотать далѣе о разрѣшеніи напечатать безъ пропуска окончаніе разсказа. Дитмаръ не послушался благоразумнаго совѣта и пошелъ выше...

Въ среднихъ числахъ Февраля, возвратившись домой, я нашелъ у себя на письменномъ столѣ свертокъ и записку слѣдующаго содержанія:

«Сохраните самое дорогое для меня: портретъ Гарибальди и его автографъ. По всей вѣроятности я буду преданъ военному суду, и вполнѣ это заслужилъ: въ моемъ восторженномъ поклоненіи Гарибальди, я, старый солдатъ, совершенно забылъ, что, находясь на службѣ, не имѣлъ права быть у кондотьера-бунтовщика, какимъ наше правительство пока еще считаетъ великаго героя, освободителя своего народа.... Но я страшусь, что у меня произведутъ обыскъ и отнимутъ мое сокровище, мою святыню. Убѣдительнѣйше прошу васъ сберегите ее... Если я не потребую обратно, то дѣлайте съ нею что̀ хотите. Фонъ-Дитмаръ».

Больше мнѣ не пришлось видѣться съ Дитмаромъ. Мѣсяца три или четыре спустя, я прочелъ въ газетахъ, что «полковникъ пограничной стражи Фонъ-Дитмаръ увольняется въ отставку по прошенію и съ пенсіею полнаго оклада». Послѣднія свѣдѣнія о Дитмарѣ я полу-

*) Т.-е. „Казерта, 9 Октября 1860. Почитатель Русскаго народа и великаго освободителя рабовъ. Ж. Гарибальди".

Библиотека "Руниверс"

чилъ отъ I. Н. Шатилова, которому собственно и обязанъ моимъ знакомствомъ съ нимъ и который встрѣтился съ нимъ въ послѣдній разъ въ 1867 году на водахъ въ Германіи. Теперь, конечно, Дитмара уже нѣтъ въ живыхъ, и потому я считаю себя въ правѣ доставить въ «Русскій Архивъ» этотъ любопытный автографъ, лестный для каждаго Русскаго человѣка.

Н. Вессель.

Москва, 8-го Марта 1885.

*

Извѣстно, что Гарибальди, въ своей ранней молодости, служа на Итальянскихъ купеческихъ корабляхъ, нерѣдко бывалъ въ нашихъ южныхъ приморскихъ городахъ, гдѣ ссыпалъ хлѣбъ на суда и имѣлъ случаи знать Русскій народъ. Родной дядя Итальянскаго героя, того же фамильнаго имени, былъ Генуэзскимъ консуломъ у насъ въ Керчи, гдѣ и теперь его помнятъ. Къ нему ѣзжалъ будущій освободитель Италіи. По самому внѣшнему виду нашего народа Гарибальди могъ убѣдиться, что, не смотря на крѣпостное право и суровое правленіе, въ Русскомъ человѣкѣ, рабскаго, сравнительно съ другими, и тогда было очень мало. С. Т. Аксаковъ имѣлъ полное право, обращаясь къ Руси, сказать въ прекрасныхъ стихахъ своихъ (по поводу такъ называемыхъ Назимовскихъ рескриптовъ):

Съ плечъ твоихъ спадаетъ бремя.
Докажи, что не рабой
Прожила ты рабства время,
А смирялась предъ судьбой.

(Газета Парусъ, 1859). Кстати приведемъ и ту строфу изъ этого стихотворенія, которая въ то время не попала въ печать:

Въ церковь ли пойдешь съ смиреньемъ,
Иль, начавши кабакомъ,
Всѣ свои недоумѣнья
Порѣшишь ты топоромъ?

Не забудемъ, что случай съ Дитмаромъ относится ко времени до 19 Февраля 1861 года. Россія жила подъ тяжкимъ деспотизмомъ выжидательности. Отмѣна крѣпостнаго права казалась рѣшенною, но не объявлялась, будучи во внутренней, негласной, но тѣсной связи съ тѣмъ что̀ тогда готовилось въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ крестьянскій вопросъ для лицъ вліятельныхъ имѣлъ еще больше значенія, нежели въ остальной Россіи. Рядъ мѣсяцевъ проходилъ въ томительной неизвѣстности. Рожденіе Великой Княжны Анастасіи Михайловны (16 Іюля 1860 г.) дало поводъ Хомякову къ одной изъ послѣднихъ его остротъ: „Ну теперь скоро, скоро; самое имя показываетъ; Великая Княжна будетъ имянинница въ день Св. Анастасіи *Узорѣшительницы*“. Понятно, что цензура не могла пропустить Дитмару статьи его, хотя и на Нѣмецкомъ языкѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

О фельдмаршалѣ князѣ Барятинскомъ.—О Лермонтовѣ.

„Новый Энциклопедическій словарь“, издаваемый профессоромъ Березинымъ (вып. 3-й, стр. 498), такъ изложилъ біографію фельдмаршала князя Барятинскаго: „Барятинскій, князь Алекс. Ивановичъ, Русскій генералъ-фельдмаршалъ (1814†1879), въ званіи начальника генеральнаго штаба Кавказской арміи князя Бебутова, содѣйствовалъ побѣдѣ при Кюрюкъ-Дара; въ 1856 году, въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи, въ три похода покорилъ всѣ Кавказскія племена, взялъ укрѣпленный аулъ Ведень и горную крѣпость Гунибъ, а вмѣстѣ съ ней и Шамиля, и такимъ образомъ покончилъ Кавказскую войну и покореніе Кавказа; въ 1862 году, по болѣзни, сложилъ съ себя званіе главнокомандующаго и намѣстника Кавказскаго; умеръ въ Москвѣ отъ удара“.

Въ Январьской кн. „Историческаго Вѣстника“ 1885 г. (Критика и Библіографія стр. 193) г-нъ С. Ш., справедливо упрекая „Энциклопедическій Словарь“ въ неосновательности жалобъ на отсутствіе у насъ добросовѣстныхъ сотрудниковъ и проч., о біографіи князя Барятинскаго отозвался слѣдующимъ образомъ: „Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ нѣсколько ошибокъ. Во первыхъ, князь Барятинскій никогда не былъ начальникомъ генеральнаго штаба, и такого званія не существовало и не существуетъ въ Русской арміи; вовторыхъ, онъ не покорилъ въ какіе-то три похода „*всѣ*“ Кавказскія племена и не покончилъ Кавказскую войну, потому что окончательное покореніе Кавказа совершилось *гораздо* (?) позже, при его преемникѣ; въ третьихъ, князь Барятинскій умеръ не въ Москвѣ, а въ Скерневицахъ (?), гдѣ жилъ безвыѣздно (?) и не отъ удара, а отъ сложной болѣзни, которою страдалъ много лѣтъ“.

Да, нельзя сказать, чтобы мы были очень внимательны и тверды въ знаніи своего, роднаго, не только давно минувшаго, но даже современнаго. Одинъ, въ Энциклопедическомъ Словарѣ, помѣщаетъ какихъ-то нѣсколько куріозныхъ словъ, вмѣсто біографіи Русскаго фельдмаршала, покорителя Восточнаго, отчасти и Западнаго Кавказа; другой, критикуя перваго, ограничивается указаніемъ нѣкоторыхъ ошибокъ и дѣлаетъ самъ такія же ошибки.

Князь Барятинскій умеръ 25 Февраля 1879 года *не въ Скерневицахъ*, гдѣ онъ вовсе не жилъ постоянно, *а въ Женевѣ*, гдѣ пребывалъ немало времени, и не отъ какой-то сложной болѣзни, а отъ ожиренія сердца; стра-

Библиотека "Руниверс"

далъ же онъ долго подагрой. Тѣло его было привезено въ Россію и погребено въ родовомъ склепѣ, въ селѣ Деревенькахъ Курской губерніи. Нынѣ царствующій Государь Императоръ изволилъ туда ѣздить для присутствованія при погребеніи; при этомъ находились и особыя депутаціи отъ Кавказа. Покойный былъ шефомъ знаменитаго Кабардинскаго пѣхотнаго полка, которому навсегда и оставлено названіе пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго полка.

Онъ покорилъ Кавказъ не въ три похода, а въ три года: прибывъ въ концѣ 1856 главнокомандующимъ, онъ 25-го Августа 1859 взятіемъ Гуниба и плѣненіемъ Шамиля покончилъ съ войной на Восточномъ Кавказѣ, длившеюся около 80-ти лѣтъ. (Укрѣпленный аулъ Ведень взятъ не княземъ Барятинскимъ, а генераломъ Евдокимовымъ). Затѣмъ въ 1860 и 1861 г. его же распоряженіями уже было обезпечено и покореніе Западнаго Кавказа. Заслуги во всякомъ случаѣ немаловажныя, и Русскій Энциклопедическій Словарь могъ бы посвятить своему фельдмаршалу больше мѣста и пріискать лучшій источникъ для его біографіи, тѣмъ болѣе, что такому, относительно малозначущему человѣку, какъ Саксонецъ Бейстъ, извѣстному угрозою Славянамъ Австріи „прижать ихъ къ стѣнѣ“, отведенъ въ „Словарѣ“ цѣлый столбецъ.

Указывая на ошибки, г-ну С. Ш. слѣдовало бы ужъ указать и на то, что князь Барятинскій былъ начальникомъ не генеральнаго, а главнаго штаба Кавказской арміи, что арміи князя Бебутова никогда не было и если уже называть арміи по именамъ главнокомандующихъ, то тогда была армія князя Воронцова, а послѣ Муравьева; Бебутовъ же только корпусомъ командовалъ на Азіятско-Турецкой границѣ.

—

Въ Мартовской книжкѣ того же „Историческаго Вѣстника“ г-нъ П. А. Висковатый, подъ заглавіемъ „Рѣчка Смерти“ *), разсказываетъ эпизодъ изъ Кавказской жизни Лермонтова.

Нѣтъ неблагодарнѣе дѣла, какъ разочаровывать людей, увлекающихся какою-нибудь поэтическою фантазіею. Но у меня слабость, родъ недуга, не пропускать ничего, что̀ пишется о Кавказѣ безъ указанія на ошибки, неправильности, вымыслы. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, г. Висковатый, вѣроятно подъ вліяніемъ прелестныхъ стиховъ Лермонтова, поэтизируетъ и въ прозѣ... Но что̀ можно допустить въ поэтическомъ произведеніи, гдѣ фантазіи, вымыслы, гиперболы и т. п. воспроизводятся прелестными стихами, въ очаровательныхъ образахъ, то не у̀ мѣста въ статьѣ описательной, претендующей на передачу дѣйствительно случившагося.

Со времени того дѣла съ горцами, которое Лермонтовъ описалъ столь извѣстнымъ стихотвореніемъ „Валерикъ“, прошло 45-ть лѣтъ; почти столь-

*) Дѣйствительно-ли Валерикъ, въ переводѣ съ Чеченскаго на Русскій языкъ, значитъ рѣчка смерти—не знаю; боюсь, что это одна изъ фантазій.

Библиотека "Руниверс"

ко же со смерти самого поэта. Неужели не пора Русскому образованному обществу, особенно людямъ пишущимъ и печатающимъ, на столько ознакомиться съ Кавказомъ, съ этою немаленькою, дорогою частью Русскаго государства, чтобы перестать распространять объ немъ фантазіи и повторять избитыя фразы à la Марлинскій, возбуждающія въ знающемъ читателѣ смѣхъ?

Не вдаваясь въ подробный разборъ всего написаннаго г. Висковатымъ, коснусь лишь вкратцѣ нѣкоторыхъ строкъ.

На первой же страницѣ говорится о пестрой группѣ людей въ разнородныхъ костюмахъ,—очевидное подражаніе Пушкинскому: „Какая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній!“ Если эта группа состояла изъ милицій, среди которой могли быть жители Дербентскаго и Кубинскаго уѣздовъ, Шамхальства и мѣстные горцы, то, во первыхъ, такихъ рваныхъ Черкесокъ, *„едва прикрывающихъ наготу тѣла“*, не могло быть; потому что туземцы весьма одарены тактомъ приличія, и на службу въ Русскій отрядъ, въ такомъ видѣ, ни одинъ не явится, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ; все же заплату положитъ, но наготы тѣла не покажетъ: это стыдно.

„Шемаханскіе шелки рядомъ съ рубищами“, быть можетъ, прекрасно въ стихахъ; но, презрѣнной прозой говоря, это также вѣрно въ дѣйствительности, какъ слѣдующая строка на первой же страницѣ; „Роса еще не высохла, и капли ея сверкали на *кустахъ кизила, увитаго дикимъ виноградникомъ?*“

Помилосердуйте, Бога ради, гдѣ же въ Грозной, на берегу Сунжи, дикій виноградъ и увитый имъ кизилъ? Это на южномъ склонѣ Кавказскаго хребта, въ Мингреліи, Гуріи, части Имеретіи и Абхазіи, такія благословенныя мѣстности есть; а около Грозной въ наши времена, т.-е. въ сороковыхъ, пятидесятыхъ годахъ, единственный виноградъ можно было видѣть на базарѣ, привезенный изъ Червленскихъ садовъ, по стольку-то копѣекъ за фунтъ, да и то очень рѣдко, потому что сообщеніе было весьма трудное и опасное. Дальше опять подражаніе Пушкинскому: „Какая смѣсь“. Тутъ, разсказываетъ г. Висковатовъ, были Татары-магометане (развѣ есть Татары *не*-магометане?), Кабардинцы, казаки, люди всѣхъ (?!) племенъ и вѣрованій, встрѣчающихся на Кавказѣ; были и такіе, что *сами забыли, къ какой принадлежатъ народности*“.

Вѣдь что хорошо и умѣстно въ шайкѣ разбойниковъ, описанной такими стихами какъ „Братья-разбойники“, то въ отношеніи отряда Русскихъ войскъ выходитъ по меньшей мѣрѣ неумѣстнымъ. Какой же начальникъ уѣзда пошлетъ по распоряженію властей милиціонеровъ-бродягъ, не помнящихъ родства? Какой отрядный штабъ допуститъ въ вѣдомости о частяхъ войскъ подобный безпорядокъ? Команда охотниковъ или партизановъ, формировавшихся иногда при отрядахъ изъ *людей отъ всѣхъ частей входившихъ въ составъ отряда*, а не зря, кто бы ни явился безъ всякаго вида, также какъ всякая рота или эскадронъ, вели списки людямъ. Я самъ былъ начальникомъ такой команды партизановъ въ 1850 году, на

Библиотека "Руниверс"

Лезгинской линіи, гдѣ бывало гораздо больше разноплеменныхъ милицій въ отрядѣ, чѣмъ въ Чечнѣ; ну, и хорошъ бы я былъ допустивъ въ составъ команды людей, „забывшихъ, къ какой народности они принадлежатъ!“ Такой бродяга могъ бы измѣнить и передать непріятелю свѣдѣніе, грозящее гибелью всей командѣ, не рѣдко двигавшейся ночью, вдали отъ отряда и т. п.

„То былъ родъ партизанскаго отряда, продолжаетъ г. Висковатый, *сформираваннаго храбрецомъ Дороховымъ*“. Какъ это сейчасъ видно штатскаго писателя, но желающаго quand même изображать какой-то couleur local, но не дѣйствительный, а созданный фантазіей. Храбрецъ Дороховъ былъ выслужившійся изъ разжалованныхъ прапорщикъ, и такихъ, даже еще храбрѣйшихъ прапорщиковъ и подпоручиковъ въ каждомъ полку были десятки; но въ печать проникали одни Дороховы, потому что это были люди изъ Петербургскаго бомонда, говорившіе по-французски; всѣ пріѣзжавшіе на Кавказъ графы и бароны ихъ знали, выслушивали ихъ разсказы о партизанахъ, рѣзнѣ кинжалами и проч.; большинство легкомысленно имъ вѣрило и послѣ распространяло, кто въ салонахъ, кто въ литературѣ, кто въ рисункахъ. Никакой прапорщикъ никакихъ отрядовъ *на яву* формировать не могъ. Только начальникъ отряда, или мѣстный командующій войсками генералъ въ правѣ совершать подобныя формированія, назначить начальника команды и отдать объ этомъ приказъ по отряду. Въ случаѣ раны, болѣзни или отпуска, новый начальникъ команды будетъ опять же командующимъ войсками назначенъ; а г. Висковатовъ, не знающій этихъ порядковъ, пишетъ, что „раненный *Дороховъ передалъ* начальство надъ своею отборною командою охотниковъ *такому же какъ и самъ безстрашному удальцу Лермонтову*, и выборъ съ точки зрѣнія головорѣза Дорохова, былъ какъ нельзя болѣе удаченъ“. Итакъ, головорѣзъ прапорщикъ Дороховъ, какъ нѣкій неограниченный монархъ, самъ избиралъ себѣ наслѣдника, и выборъ палъ на безстрашнаго удальца Лермонтова. Между тѣмъ, Лермонтовъ въ этомъ году впервыя попалъ въ жаркое дѣло съ непріятелемъ и потому едва-ли имѣлъ случай показать свое безстрашіе и удальство, если не считать его дуэли за эти качества.

Ахъ, господа, слава Лермонтова, какъ поэта, такъ велика, что вы окажете его памяти величайшую услугу, оставивъ въ покоѣ его безстрашіе, удаль, жизнь одинаковую съ охотниками, между которыми были „непомнящіе родства“, и вообще зачисленіе въ головорѣзы à la Дороховъ!

Лермонтовъ въ своихъ Кавказскихъ поэмахъ самъ достаточно фантазировалъ. Въ лицѣ горца Хаджи-Абрека, напримѣръ, онъ изобразилъ героя,—продуктъ Европейской цивилизаціи двадцатыхъ, тридцатыхъ годовъ,—что въ сущности не совсѣмъ подходяще; ибо такихъ горцевъ, которые несутся во всю прыть, чтобы отрубить голову дѣвѣ, никогда быть не могло, и даже для самой пылкой фантазіи этого много... Но вѣдь это поэма, вымыселъ, а прелесть стиха, прекрасныя картины природы, заставляютъ забыть всякія трезвыя разсужденія. Тутъ имѣешь дѣло съ художественнымъ произведе-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ, испытываешь эстетическое наслажденіе, стихи льются какъ музыка, слушаешь своего рода симфонію, и собственное воображеніе уноситъ читателя въ какую-то прелестную даль, на снѣжныя вершины, къ какимъ-то Лезгинамъ, говорящимъ такими прекрасными стихами, какъ:

Увы, я старъ! Мои сѣдины
Бѣлѣе снѣга той вершины;
Но и подъ снѣгомъ иногда
Бѣжитъ кипучая вода!...

Но намъ, смиреннымъ прозаикамъ, описателямъ былаго, имѣющимъ дѣло съ читателями историческихъ сборниковъ, нужно держаться земли, а не улетать за облака, на снѣжныя вершины....

Вообще рѣшаюсь „смѣть свое сужденіе имѣть" и долженъ сознаться, что на мой взглядъ всѣ Кавказскія поэмы Лермонтова слабѣе его другихъ произведеній именно потому, что онѣ ужъ слишкомъ грѣшатъ противъ географіи, этнографіи и исторіи Кавказа. Знающему человѣку рѣшительно нельзя удержаться отъ улыбки при чтеніи такихъ мѣстъ (а ихъ очень много), которыя обнаруживаютъ совершенное незнаніе края, его вѣрованій, нравовъ, обычаевъ, характера населяющихъ его племенъ и проч. За то гдѣ поэтъ, кромѣ своего геніальнаго дарованія, обладалъ еще и знакомствомъ съ избраннымъ сюжетомъ, онъ и далъ неподражаемое произведеніе, какъ пѣсня о купцѣ Калашниковѣ. Для меня эта пѣсня, да еще многія мелкія стихотворенія, въ родѣ „Когда волнуется желтѣющая нива", или „На смерть Пушкина", далеко, далеко выше всѣхъ Хаджи-Абрековъ, Измаилъ-беевъ. Конечно, какъ я уже и говорилъ, стихи прелестны, картины природы неподражаемо-художественны, хотя тоже грѣшатъ иногда преувеличеніями, но въ цѣломъ эти Кавказскія поэмы много теряютъ по отсутствію, хотя бы снисходительной вѣрности съ дѣйствительными мѣстными условіями.

Возвращаюсь къ разсказу г. Висковатаго. Онъ не знаетъ, напримѣръ, что отрядъ ген. Галафѣева дѣйствовалъ въ Чечнѣ, и непріятелемъ нашимъ были Чеченцы, а не Черкесы, жившіе на Западномъ Кавказѣ, ничего общаго съ Чеченцами и горцами Восточнаго Кавказа не имѣвшіе.

Разсказъ о томъ, какъ Лермонтовъ *на бѣломъ конѣ бросался на штурмъ* непріятельскихъ *заваловъ*, совершая актъ бѣшеной храбрости, оставляемъ въ сторонѣ, чтобы не тревожить памяти поэта... Не думаю, чтобы онъ объ этомъ кому-нибудь писалъ или разсказывалъ, развѣ въ видѣ шутки.

Но вотъ что хорошо: г-нъ Висковатый приводитъ слѣдующую выписку изъ донесенія ген. Галафѣева, любившаго и почитавшаго *состоявшаго при немъ* поэта. „Тенгинскаго полка поручикъ Лермонтовъ, во время штурмовъ непріятельскихъ заваловъ на р. Валерикѣ, *имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ его успѣхахъ*, что́ было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятеля, скрывавшагося за деревьями и кустами; но офицеръ этотъ, несмотря ни на какія опасности, исполнялъ воз-

Библиотека "Руниверс"

ложенное на него порученіе съ отличнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ (значитъ, ѣздилъ въ тылъ доносить генералу о ходѣ дѣла?) и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ завалы".

Опытные военные люди безъ моихъ разъясненій поймутъ, что значатъ подобныя реляціи о состоящихъ при начальствѣ и исполняющихъ адъютантскія обязанности—передавать приказанія, извѣщать о ходѣ дѣла и т. п. Конечно, очень часто и этого рода порученія сопряжены съ опасностью, да ей подвергаются всѣ находящіеся въ дѣлѣ; но разъ оказывается, что Лермонтовъ состоялъ при начальникѣ отряда, какъ большинство Петербургскихъ волонтеровъ, пріѣзжавшихъ для участвованія въ дѣлахъ противъ горцевъ, слѣдовательно онъ былъ не во главѣ головорѣзовъ, унаслѣдованныхъ отъ Дорохова, и долженъ былъ *наблюдать*, а не дѣйствовать, такъ что прибавленіе въ реляціи „однимъ изъ первыхъ ворвался въ завалы" не совсѣмъ удачная риторическая фигура, каковыми сплошь и рядомъ наполняются реляціи.

Не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ, тѣмъ болѣе, что самъ Лермонтовъ и не думалъ хвастать своими подвигами, а стихотвореніе „Валерикъ" оказывается написаннымъ въ формѣ письма къ любимой женщинѣ, и въ немъ онъ ни однимъ словомъ не намекаетъ даже о своихъ подвигахъ. Г-ну же Висковатому почему-то хочется непремѣнно навязать поэту роль отчаяннаго храбреца, головорѣза. Никто не сомнѣвается въ мужествѣ Лермонтова; да и почему онъ долженъ былъ бы составить исключеніе изъ общаго правила: еслибы потребовалось, онъ, какъ и всякій офицеръ пошелъ бы впереди своей команды на штурмъ, на явную смерть. Но измышлять подвиги, которыхъ онъ очевидно не совершалъ, о которыхъ никому не говорилъ, выходитъ какъ будто оправдывать его отъ подозрѣній въ недостаткѣ мужества, или, считая недостаточною славу поэта, желать увѣнчать его военными лаврами. Нуждается онъ въ нихъ?...

Напрасно также привелъ г. Висковатый отрывокъ изъ письма Лермонтова къ другу Лопухину. Мало-ли что въ увлеченіи минутою писалось къ друзьямъ, 45-ть лѣтъ тому назадъ, да еще съ Кавказа въ Москву! Спросите любаго военнаго человѣка, что скажетъ онъ, прочитавъ такія слова: „дѣло довольно жаркое продолжалось *шесть часовъ сряду;* насъ было всего двѣ тысячи пѣхоты, а ихъ до шести тысячъ, *и все время дрались штыками*". Шесть часовъ дрались штыками!! А это напримѣръ: „у насъ убыло 30-ть офицеровъ и 300 рядовыхъ, а ихъ *600 тѣлъ осталось на мѣстѣ*. Кажется, хорошо!" Шестьсотъ тѣлъ на мѣстѣ, да еще въ дѣлѣ, въ которомъ насъ сильно пощипали, и мы должны были отступить, сказавъ спасибо, что дешево отдѣлались. Потери въ 600 человѣкъ въ одномъ дѣлѣ, вообще для горцевъ, случились за все время Кавказской войны можетъ быть дватри раза, и даже будучи побиты, вынужденные бѣжать, они успѣвали большую часть своихъ убитыхъ уносить, такъ что на мѣстѣ оставалось немного тѣлъ; а на Валерикѣ *мы отступили* и считать *оставшіеся на мѣстѣ трупы* физически не могли. Все это такія же поэтическія вольности,

Библиотека "Руниверс"

какъ то, что: *„кровь текла струею* дымной по каменьямъ“, что *„рѣчка покраснѣла отъ крови“*, что *„цѣлый часъ* въ оврагѣ *пахло кровью“* и т. д. Такъ принято писать, особенно стихами; но для серіознаго человѣка это лишено всякаго значенія, а г. Висковатый, повидимому, принимаетъ все за звонкую монету.

Еще одно замѣчаніе. Разсказывая о портретахъ, рисованныхъ барономъ Паленомъ, г. Висковатый упоминаетъ генерала Фрейганга. Это ошибка, такого генерала на Кавказѣ не было; былъ Фрейтагъ, Робертъ Карловичъ, извѣстный боевой генералъ, въ послѣдствіи генералъ-квартирмейстеръ дѣйствующей арміи въ Варшавѣ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о приложенномъ къ статьѣ г. Висковатаго рисункѣ проекта памятника Лермонтову въ Пятигорскѣ.

Что это за фигура? Что за безусый, слезливо-печальный ликъ не то чиновника, не то госпитальнаго врача? Неужели талантливый скульпторъ Опекушинъ не придумаетъ ничего болѣе правдиво напоминающаго нашего великаго, безвременно погибшаго юношу-поэта? Г-нъ Висковатый грѣшитъ, силясь превратить Лермонтова въ какого-то отчаяннаго головорѣза, рѣжущагося съ Черкесами грудь съ грудью; а г. Опекушинъ (если рисунокъ переданъ вѣрно) кидается въ другую крайность, изображая поэта какимъ-то инвалидомъ. И то, и другое выходитъ смѣшно.... Пусть скульпторъ обратится къ многочисленнымъ портретамъ Лермонтова, выберетъ, по указанію знавшихъ его, лучшій и затѣмъ придастъ всей фигурѣ и костюму болѣе соотвѣтствующій правдѣ видъ, т.-е. болѣе военный, офицерскій тѣхъ временъ, когда всѣ Кавказскіе офицеры носили Черкескія шашки и сюртуки безъ эполетъ, но съ контрпогонами; даже бурку накинуть на плечо было бы нелишнее, для большей Кавказской оригинальности.

Однимъ словомъ, фигура Лермонтова должна изобразить поэта-воина, пылкаго, немного разочарованнаго, немного озлобленнаго, со взглядомъ полумечтательнымъ, полусаркастическимъ, какимъ мы всѣ себѣ его представляемъ по его твореніямъ. Задача можетъ быть и трудная, но и достойная талантливыхъ скульпторовъ. Такъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, хотя, само собою, не выдаю своего взгляда за непогрѣшимый.

А. Зиссерманъ.

Апрѣль 1885 г.

Библиотека "Руниверс"

АВТОБІОГРАФІЯ А. О. ДЮГАМЕЛЯ.

VIII *).

Еще до моего прибытія въ Петербургъ (1837) я узналъ, косвеннымъ путемъ, что Императоръ назначилъ меня своимъ представителемъ при Тегеранскомъ дворѣ на мѣсто графа Симонича. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда, Императоръ соблаговолилъ принять меня въ аудіенціи, во время которой Его Величество обрисовалъ въ общихъ чертахъ образъ дѣйствій, котораго я долженъ былъ держаться въ отношеніи къ Персидскому правительству, и я считаю моимъ долгомъ привести отъ слова до слова разговоръ, происходившій по этому случаю между мною и Императоромъ.

Императоръ.—Какъ ваше здоровье? Какъ вынесли вы Египетскую жару и за тѣмъ переѣздъ въ нашъ сѣверный климатъ.

Я.—Вообще, Ваше Величество, я чувствовалъ себя хорошо; климатъ въ Египтѣ не дуренъ; однако въ концѣ концевъ онъ разслабляетъ физическія силы.

Императоръ.—Чтó скажете вы мнѣ о будущности Египта?

Я.—Я считаю будущность этой страны необезпеченной. Ибрагимъ—человѣкъ здравомыслящій, и чтò бы о немъ ни разсказывали, я считаю его вполнѣ способнымъ продолжать дѣло его отца; но, къ несчастію, его здоровье совершенно разстроено, его смерти можно ожидать со дня на день, а всѣ остальные сыновья Мегмета-Али слишкомъ молоды, и страна слишкомъ мало съ ними знакома, такъ что они едвали будутъ въ состояніи взять въ руки бразды правленія.

Императоръ.—Стало быть, вы допускаете, что послѣ смерти Мегмета-Али и Ибрагима Египетъ можетъ распасться на части. Въ такомъ случаѣ не сдѣлается ли онъ добычею Французовъ или Англичанъ?

Я.—Я думаю, что соперничество между Франціей и Англіей никогда не допуститъ ни одну изъ этихъ странъ до завладѣнія Египтомъ. Эта страна, вѣроятно, снова подпадетъ подъ владычество Порты, если какая-нибудь доселѣ неизвѣстная намъ личность не вздумаетъ снова разыграть въ свою собственную пользу роль Мегмета-Али.

Императоръ.—Между Египетскимъ населеніемъ не замѣтно ли желанія возвратиться подъ владычество Порты?

---

*) См. первую книгу Р. Архива сего года, стр. 179 и 489.

Библиотека "Руниверс"

Я.—Нѣтъ, Ваше Величество. Египтяне до того отупѣли, что не въ состояніи имѣть какое-либо мнѣніе. Но въ Сиріи совсѣмъ другое дѣло. Такъ какъ жители этой провинціи ничего не выиграли отъ перемѣны повелителя, то они сожалѣютъ о томъ, что когда-то желали успѣха Египтянамъ, и я полагаю, что Турецкая армія нашла бы тамъ приверженцевъ.

Императоръ.—А для которой нибудь изъ христіанскихъ державъ есть ли какія-нибудь вѣроятности удержаться въ Сиріи? Вѣдь коли Турція развалится, кому-нибудь изъ насъ придется завладѣть святыми мѣстами, такъ какъ оставлять ихъ въ рукахъ мусульманъ крайне неприлично.

Я.—Я полагаю, что христіанская армія нашла бы слабую поддержку въ Сиріи, потому что мусульмане тамъ въ огромномъ большинствѣ и никогда не будутъ равнодушно смотрѣть на утвержденіе христіанъ въ самомъ сердцѣ Азіи. Различіе религій создало въ этомъ отношеніи пропасть между Азіатцами и Европейцами, и та христіанская держава, которая взялась бы управлять мусульманскимъ населеніемъ, встрѣтила бы самыя серьёзныя препятствія.

Императоръ.—Побѣды Паскевича въ Малой Азіи отозвались ли чѣмъ-нибудь въ Египтѣ и въ Сиріи?

Я.—Чтó касается Египта, то страна слишкомъ отдалена отъ театра войны; но въ Сиріи взятіе Эрзерума произвело впечатлѣніе.

Императоръ.—Боялись насъ, или желали намъ успѣха?

Я.—Я полагаю, что боязнь была преобладающимъ чувствомъ.

Императоръ.—Однако, Мегметъ-Али, должно быть, разсчитываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на насъ.

Я.—Безъ всякаго сомнѣнія. Онъ всего больше боится Англіи, которая можетъ сжечь его эскадру, лишь только этого пожелаетъ. Относительно этой державы онъ находится въ такомъ же положеніи, какъ между молотомъ и наковальней, такъ какъ ему грозитъ со стороны Индіи такая же опасность, какъ и со стороны Средиземнаго моря. Я полагаю, что Мегметъ-Али всего больше расположенъ къ Франціи, которая всегда относилась къ нему доброжелательно; но поддержку со стороны Россіи, по причинѣ нашего вліянія на Порту, онъ безъ сомнѣнія предпочелъ бы всякой другой, такъ какъ она была бы для него и самой безопасной, и самой полезной.

Императоръ.—Вамъ, вѣроятно, извѣстны мои намѣренія относительно васъ?

Я.—Да, Ваше Величество; мнѣ сообщилъ ихъ вице-канцлеръ.

Императоръ.—Вамъ предстоитъ прекрасная роль въ Персіи. Вы должны держаться тамъ прямаго и откровеннаго образа дѣйствій и

Библиотека "Руниверс"

пользоваться тѣмъ вліяніемъ, которое принадлежитъ намъ по праву но при этомъ не становиться въ непріязненныя отношенія къ Англичанамъ. И у насъ и у Англичанъ одни и тѣже интересы въ Персіи И мы и они желаемъ сохранить теперешній порядокъ вещей и укрѣпить, насколько это будетъ возможно, правительственную власть для того, чтобъ предотвратить распаденіе Персидской монархіи, которое имѣло бы послѣдствіемъ множество затрудненій. Англичане,—надо въ этомъ сознаться,—дурно себя вели въ послѣднее время. Такъ напримѣръ, они хотѣли завести консуловъ въ портахъ Каспійскаго моря тогда какъ по трактатамъ это право принадлежитъ однимъ намъ. Впрочемъ у Англичанъ нѣтъ никакихъ торговыхъ интересовъ на Каспійскомъ морѣ, и заведеніе ихъ консульствъ въ этой странѣ не имѣло бы иной цѣли, кромѣ заведенія интригъ. Поэтому Персидское правительство ничего не хотѣло объ этомъ слышать, а мы также этому воспротивились. Вотъ тотъ пунктъ, въ которомъ вы никогда не сдѣлаете уступокъ; но, помимо этого, я желаю, чтобъ вы жили въ самомъ добромъ согласіи съ Англійской миссіей. Мѣшайтесь какъ можно меньше во внутреннія дѣла страны, а если къ вамъ обратятся за совѣтомъ, отвѣчайте то, что̀ вамъ подскажетъ ваша совѣсть, то, что́ вы найдете полезнымъ для страны. Вотъ приблизительно тѣ инструкціи, которыя я могу вамъ да̀ть, такъ какъ всѣхъ случайностей предвидѣть невозможно. Управленіе въ Персіи гнусное. Теперешній шахъ имѣетъ передъ собою будущность, такъ какъ онъ молодъ; но, съ другой стороны, онъ невѣжественъ, очень жестокъ и подчиняется вліянію каждаго. Все это, какъ вы видите, не обѣщаетъ хорошаго. Экспедиція противъ Герата была предпринята вовсе не по нашему желанію; но когда намъ сказали, что дѣло идетъ о наказаніи мятежниковъ, мы отвѣчали, что ихъ слѣдуетъ наказать. Англичане воображаютъ совершенно противное; они полагаютъ, что наше вліяніе сказывается во всемъ, что́ происходитъ на Востокѣ, и вы должны доказать вашимъ откровеннымъ образомъ дѣйствій неосновательность этихъ нелѣпыхъ поклёповъ.

Я.—Но, Ваше Величество, вѣдь не одной Персіи грозитъ распаденіе; къ несчастію, весь Востокъ находится въ такомъ же положеніи.

Императоръ.—Это правда, и я искренно объ этомъ сожалѣю, потому что я поступаю добросовѣстно, между тѣмъ какъ иные, быть можетъ, этому радуются въ надеждѣ извлечь какія-нибудь выгоды изъ такого порядка вещей. Дѣйствительно, ничто такъ не соотвѣтствуетъ выгодамъ Россіи, какъ безсиліе, въ которомъ находятся въ настоящее время Турція и Персія. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что въ Пер-

Библиотека "Руниверс"

сіи есть баталіонъ, составленный изъ Русскихъ перебѣжчиковъ. Когда я посѣтилъ Закавказскія провинціи и эмиръ Низамъ пріѣхалъ ко мнѣ съ привѣтствіями вмѣстѣ съ сыномъ шаха, я потребовалъ выдачи этихъ дезертёровъ и объявилъ, что если мое требованіе не будетъ исполнено въ теченіе шести мѣсяцевъ, моей миссіи приказано будетъ выѣхать изъ Тегерана. Эмиръ Низамъ самъ говорилъ мнѣ, что число этихъ перебѣжчиковъ доходитъ до двухъ тысячъ. Съ тѣхъ поръ этотъ батальонъ какъ будто растаялъ, такъ какъ рѣчь идетъ уже только о 400 солдатахъ; очень можетъ быть, что когда наши дезертёры узнали, что я требую ихъ выдачи, ими овладѣлъ страхъ, и они разбѣжались. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что дезертёрамъ удается укрываться и избѣгать правительственнаго надзора въ странѣ, такъ дурно управляемой какъ Персія; но я не хочу, чтобъ изъ нихъ составляли подъ самымъ нашимъ носомъ правильно организованные отряды, которые могутъ служить поощреніемъ и приманкой для всякаго солдата, который вздумаетъ дезертировать. Мы въ скоромъ времени получимъ извѣстіе или о томъ, что Персидское правительство исполнило мое требованіе, или о томъ, что наша миссія выѣхала изъ Тегерана согласно съ данными мною приказаніями. Если наши дезертёры будутъ намъ возвращены, вамъ придется наблюдать, чтобъ впредь не могли быть организованы подобные отряды.

Я.—Я отъ кого-то слышалъ, что этотъ батальонъ изъ дезертёровъ всегда считался ядромъ Персидской арміи.

Императоръ.—Конечно. Ихъ называютъ непобѣдимыми. Ими командуетъ бывшій унтеръ-офицеръ Черниговскаго полка, поселившійся въ Персіи болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, женившійся на Персіянкѣ и извѣстный подъ именемъ Самсунъ-хана.—Теперь вамъ приблизительно извѣстно, въ чемъ состоятъ мои инструкціи. Въ заключеніе я вамъ скажу, что я былъ доволенъ и очень доволенъ тѣмъ, какъ вы исполнили вашу задачу въ Египтѣ, и я надѣюсь, что вы будете точно также держать себя на новомъ мѣстѣ, на которое я васъ назначаю.

Я.—Ваше Величество, я постоянно буду стараться оправдать ваше довѣріе.

Императоръ.—Въ этомъ я увѣренъ. Прощайте, до свиданія.

Однако прежде, чѣмъ приступить къ описанію моей дипломатической дѣятельности на этомъ новомъ поприщѣ, я считаю нужнымъ возвратиться къ предшествующимъ событіямъ, какъ для того, чтобъ выяснить отношенія, существовавшія до того времени между Россіей и Персіей, такъ и для того, чтобъ познакомить читателя съ тѣми важными затрудненіями, которыя возникли между Тегеранскимъ дворомъ

Библиотека "Руниверс"

и Британскимъ правительствомъ и устраненіе которыхъ было главною задачей моей миссіи.

Еще въ царствованіе Петра Великаго, лежавшія вдоль береговъ Каспійскаго моря Персидскія провинціи перешли подъ владычество Россіи; но впослѣдствіи эти провинціи были переуступлены Персіи, и только съ первыхъ годовъ текущаго столѣтія, послѣ того, какъ владычество Россіи утвердилось на Югѣ отъ Кавказскихъ горъ, наши сношенія съ Персіей становились все болѣе и болѣе частыми.

Но въ этихъ сношеніяхъ не было ни искренности, ни доброжелательства, такъ какъ Тегеранскій дворъ постоянно заявлялъ притязанія на верховную власть надъ Грузіей, Мингреліей, Имеретіей и въ особенности надъ мусульманскими ханствами, находившимися на южномъ склонѣ Кавказскихъ горъ. Недовольные и перебѣжчики изъ нашихъ Закавказскихъ провинцій находили гостепріимное убѣжище при дворѣ шаха и отравляли отношенія между Россіей и Персіей, границы которыхъ къ тому-же не были съ точностью установлены.

Въ первые дни царствованія императора Николая, князю Меншикову было приказано отправиться къ шаху, чтобъ увѣдомить его о вступленіи Его Величества на престолъ и чтобъ миролюбиво уладить пререканія, безпрестанно возникавшія на границахъ двухъ державъ.

Но въ то время, какъ князь Меншиковъ исполнялъ порученіе, которое было возложено на него изъ вѣжливости и имѣло цѣлію упрочить дружественныя отношенія между двумя сосѣдними государствами, Персы, съ безпримѣрнымъ вѣроломствомъ и безъ предварительнаго объявленія войны, неожиданно напали на принадлежащую имперіи территорію, въ безразсудной увѣренности, что никакая сила не будетъ въ состояніи устоять противъ непреодолимаго мужества тѣхъ варваровъ, изъ которыхъ они незадолго передъ тѣмъ организовали регулярную армію подъ руководствомъ Англійскихъ инструкторовъ.

Не смотря на то, что мы не ожидали этого нападенія и не были приготовлены къ войнѣ, успѣхи Персовъ были незначительны.

Паскевичъ, замѣнившій генерала Ермолова въ главномъ командованіи Кавказской арміей, выступилъ противъ непріятеля со всѣми находившимися подъ рукой военными силами, напалъ на Персовъ близъ Елисаветполя и разбилъ ихъ на-голову. За тѣмъ онъ приступилъ къ осадѣ Эривани, считавшейся однимъ изъ оплотовъ Персидской монархіи и принудилъ эту крѣпость сдаться на капитуляцію.

Паскевичъ не ограничился этими первыми успѣхами. Армія, которою онъ командовалъ, была немногочисленна, но она была воодушевлена воинственнымъ пыломъ и рвеніемъ. Онъ въ свою очередь пе-

Библиотека "Руниверс"

решелъ черезъ Араксъ, вторгнулся въ Адербейджанъ и занялъ Таврисъ.

Эти быстрые и блестящіе успѣхи совершенно смутили шаха и его министровъ и принудили ихъ просить мира во избѣжаніе новыхъ несчастій. Переговоры открылись въ Туркменчаѣ и сначала велись медленно, но наконецъ миръ былъ заключенъ 22 Февраля 1827, и этотъ мирный договоръ до сихъ поръ служитъ руководствомъ для нашихъ сношеній съ Персіей.

Вскорѣ послѣ того, случилось неожиданное и пагубное происшествіе, отъ котораго война едва не возгорѣлась вновь: фанатическое населеніе умертвило въ Тегеранѣ Русскаго уполномоченнаго Грибоѣдова и всѣхъ членовъ дипломатической миссіи. Эта катастрофа была отчасти вызвана надменнымъ образомъ дѣйствій и непомѣрною требовательностью нашего уполномоченнаго, который постоянно обнаруживалъ желаніе унизить шаха и его министровъ [1]). Чаша была полна, и было достаточно одной капли, чтобы она переполнилась черезъ край. Этой каплей было повелительное требованіе выдать нѣсколькихъ женщинъ, которыя были Русскими подданными и которыхъ Персы увели въ плѣнъ во время своего нашествія, а за тѣмъ размѣстили по гаремамъ высшихъ сановниковъ. Послѣ раздражительныхъ переговоровъ, эти женщины были намъ возвращены.

Что̀ тогда произошло въ помѣщеніи посольства, никому неизвѣстно; но положительно вѣрно то, что тѣ самыя женщины, цѣпи которыхъ мы хотѣли разорвать, сожалѣли о своемъ мнимомъ рабствѣ. Выйдя на терасу дома, въ которомъ жилъ Грибоѣдовъ, онѣ огласили воздухъ своими отчаянными воплями. Образовавшееся вокругъ дома сборище увеличивалось съ каждой минутой, и народная толпа, страсти которой были раздражены до крайности, кончила тѣмъ, что устремилась на убійство.

Не смотря на сопротивленіе нѣсколькихъ казаковъ, состоявшихъ на службѣ при нашемъ уполномоченномъ, его домъ былъ разрушенъ до основанія; чернь жаждала крови, и ни одинъ человѣкъ не спасся отъ общей рѣзни [2]).

Кажется несомнѣннымъ, что правительство шаха не было совершенно безучастнымъ въ этой народной демонстраціи; но оно едва-ли желало заходить такъ далеко и было поставлено въ затруднительное положеніе тѣмъ, что̀ совершилось на его глазахъ.

---

[1]) Несчастный Грибоѣдовъ не однимъ высокомѣріемъ приготовилъ гибель себѣ и лицамъ своего посольства. П. Б.

[2]) Кромѣ И. С. Мальцова. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Шахъ послалъ одного изъ своихъ внуковъ, Хозрева-мирзу, въ Петербургъ съ порученiемъ передать его извиненiя и выразить глубокое сожалѣнiе о совершившейся въ Тегеранѣ печальной катастрофѣ. У насъ сдѣлали видъ, будто находятъ достаточнымъ такое призрачное удовлетворенiе, потому что не желали имѣть на рукахъ въ одно время двѣ войны.

Въ мусульманскихъ странахъ восшествiе каждаго новаго монарха на престолъ всегда сопровождается, благодаря многоженству, смутами и политическими потрясенiями. Перспектива такихъ потрясенiй была тѣмъ болѣе тревожна для Персiи, что у Фетъ-Али-шаха было нѣсколько сотъ дѣтей. По его желанiю, Россiя и Англiя признали его преемникомъ Аббаса-мирзу, который не былъ самымъ старшимъ изъ его сыновей. Но, вслѣдствiе непредвидѣнной роковой случайности, Аббасъ-мирза умеръ прежде своего отца, и эта преждевременная смерть снова поднялъ уже рѣшенный вопросъ.

Однако, такъ какъ и Россiя и Англiя были одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы въ Персiи не возникла анархiя, то эти двѣ державы условились возвести на престолъ, послѣ смерти Фета-Алишаха, старшаго сына Аббаса-мирзы, Магомета-мирзу, который, благодаря этому соглашенiю, и наслѣдовалъ безъ всякихъ препятствiй своему дѣду подъ именемъ Магомета-шаха, не смотря на то, что у него было множество соперниковъ въ дядьяхъ его, воображавшихъ, что они имѣютъ одинакiя съ нимъ, или даже болѣе вѣскiя, права на престолъ.

Въ то время уже всѣ убѣдились въ томъ, что для обезпеченiя внутренняго спокойствiя и порядка въ Персiи необходимо, чтобы кабинеты Лондонскiй и Петербургскiй, заинтересованные болѣе всѣхъ другихъ дѣлами этой страны, держались одной и той-же политической системы, и это убѣжденiе считалось нашимъ кабинетомъ за аксiому. Поэтому, только вслѣдствiе исключительныхъ обстоятельствахъ и вслѣдствiе того, что въ Тегеранѣ былъ Русскимъ уполномоченнымъ человѣкъ, державшiйся идей, которыя были совершенно противоположны нашей традицiонной политикѣ, возникло то положенiе вещей, которое я нашелъ, прибывъ въ Персiю.

Исключительныя обстоятельства, о которыхъ я только что упомянулъ, касаются политическаго положенiя Афганскихъ племенъ, которое, въ теченiи двухъ столѣтiй, подобно кошмару, лежитъ тяжелымъ гнетомъ на Персидскомъ правительствѣ.

Афганцы свергли съ престола династiю Софiевъ, которая царствовала въ Персiи не безъ славы, и за тѣмъ, въ теченiи 70 лѣтъ, держали въ страхѣ эту несчастную страну съ безпримѣрною жесто-

Библиотека "Руниверс"

костью. До сихъ поръ видны слѣды опустошеній, которыя они производили на своемъ пути. Многія изъ разрушенныхъ ими деревень никогда не могли возстать изъ развалинъ, и даже въ городѣ Испагани есть нѣсколько пустынныхъ кварталовъ, въ которыхъ живутъ одни шакалы и которые свидѣтельствуютъ о свирѣпомъ варварствѣ завоевателей.

Въ то время, когда я прибылъ въ Персію, Афганистанъ былъ раздѣленъ на три, независимыя одно отъ другаго, княжества или ханства. Братья Баракзеи, свергнувъ съ престола главу старинной династіи, шаха Шуджу-эль-Мулька, царствовали—Достъ-Магометъ-ханъ въ Кабулѣ, Когендилъ-ханъ въ Кандагарѣ, между тѣмъ какъ Гератъ оставался подъ властію потомка древнихъ мѣстныхъ владѣтелей Камрамъ-шаха. Отсюда возникли глухое соперничество и глубокая вражда между владѣтелями Кабула и Кандагара съ одной стороны и владѣтелемъ Герата съ другой.

Въ послѣднее время, Персидскій шахъ поддерживалъ сношенія съ двумя братьями Баракзеями въ надеждѣ овладѣть, при ихъ содѣйствіи, Гератомъ, на который Персидское правительство предъявляло старинныя права, которымъ давно желало завладѣть и обладаніе которымъ считало необходимымъ для безопасности восточныхъ границъ своихъ. Въ Азіатскихъ странахъ, безпрестанно дѣлающихся жертвами различныхъ переворотовъ, никогда не бываетъ недостатка въ предлогахъ для объявленія войны, и Магометъ-шахъ отправился во главѣ своей арміи осаждать Гератъ.

Русскій уполномоченный графъ Симоничъ не только не отговаривалъ Персидское правительство отъ этого безразсуднаго предпріятія, онъ сдѣлалъ болѣе того: онъ, со всей своей миссіей, сопровождалъ шаха до самыхъ стѣнъ Герата и помогалъ ему своими совѣтами и деньгами.

Британское правительство, недовѣрчиво слѣдившее за интригами, которыя затѣвались въ Афганистанѣ, полагало, что экспедиція противъ Герата предпринята по внушенію Россіи и будетъ первымъ шагомъ къ завоеванію Индіи; поэтому оно обратилось къ Персидскому правительству съ настоятельными предостереженіями и протестами, а когда убѣдилось, что его протесты остаются безъ послѣдствій, Англійскій флотъ завладѣлъ, въ видѣ отместки, островомъ Каракомъ, лежащимъ въ Персидскомъ заливѣ.

Около того-же времени, и какъ-бы съ намѣреніемъ дать новую пищу подозрѣніямъ и раздражительности Британскаго правительства, графъ Симоничъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что желаетъ завязать торговыя сношенія, отправилъ въ Кабулъ поручика Виткевича. Тогда, при

Библиотека "Руниверс"

дворѣ эмира Доста-Магомета-хана завязалась борьба изъ-за вліянія между Витковичемъ и тѣмъ извѣстнымъ путешественникомъ Бёрнсомъ, который погибъ такимъ печальнымъ образомъ. Бёрнсъ былъ посланъ въ Кабулъ генералъ-губернаторомъ Индіи для того, чтобъ узнать о намѣреніяхъ Доста-Магомета-хана и расположить его къ Англичанамъ.

Наконецъ, какъ будто всего этого было недостаточно, чтобъ испортить отношенія между Россіей и Англіей, графъ Симоничъ имѣлъ неосторожность поручиться отъ имени Россіи за прочность договора о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ, заключеннаго между Персидскимъ шахомъ и Когендилъ-ханомъ.

Этого было слишкомъ достаточно, чтобъ подложить подъ порохъ огню и ускорить взрывъ. Поэтому Британскій уполноченный, сэръ Джонъ Макниль внезапно прекратилъ дипломатическія сношенія съ Тегеранскимъ дворомъ. Онъ выѣхалъ изъ Персіи со всѣмъ персоналомъ посольства и въ тоже время, по заранѣе обдуманному плану, генералъ-губернаторъ Индіи лордъ Аукландъ отправилъ сильную экспедицію на Кабулъ и на Кандагаръ съ цѣлію наказать братьевъ Баракзеевъ за ихъ мнимое сообщничество съ Россіей и съ Персіей и снова возвести на Афганистанскій престолъ престарѣлаго Шуджу-эль-Мулька, который уже много лѣтъ жилъ въ Индіи на Англійской пенсіи.

Это былъ первый актъ той драмы, запутанныя нити которой мнѣ приходилось разматывать.

Графъ Симоничъ былъ родомъ изъ Далмаціи. Онъ служилъ во Французской арміи и былъ взятъ въ плѣнъ во время кампаніи 1812 года. Послѣ заключенія мира, онъ поступилъ въ Русскую службу и командовалъ полкомъ въ битвѣ при Елисаветполѣ, гдѣ былъ раненъ довольно серьезно. Я не знаю, благодаря чьему вліянію онъ былъ назначенъ, послѣ Грибоѣдова, на постъ Русскаго уполномоченнаго въ Персіи; но можно положительно утверждать, что нельзя было сдѣлать болѣе неудачнаго выбора.

Симоничъ былъ ярый Бонапартистъ, такой ярый, какихъ я рѣдко встрѣчалъ, и онъ въ высшей степени раздѣлялъ всѣ предубѣжденія и личную ненависть знаменитаго плѣнника, жившаго на островѣ Св. Елены,—то есть, другими словами, отъ всей души ненавидѣлъ Англичанъ. Въ его пріемной гостиной въ Тегеранѣ висѣла на стѣнѣ только одна литографія, та хорошо всѣмъ извѣстная литографія, на которой тѣнь Наполеона изображена двумя пнями съ надписью: «Я оставляю царствующему въ Англіи дому въ наслѣдство позоръ моей смерти». Повѣсить эту литографію на видномъ мѣстѣ въ томъ самомъ са-

Библиотека "Руниверс"

лонѣ, въ которомъ онъ принималъ визиты Англійскаго посланника, значило не имѣть никакого такта и нарушать всѣ приличія.

Сэръ Джонъ Макниль, далеко превосходившій графа Симонича личными достоинствами, также былъ раздражительнаго характера, и передъ его глазами безпрестанно вставалъ грозный призракъ Россіи, готовящейся вторгнуться въ Индію.

Было-бы трудно найти двухъ людей, менѣе способныхъ жить въ согласіи, и я могу рѣшительно утверждать, что если бы Симоничъ остался еще одинъ годъ на своемъ посту въ Персіи, онъ непремѣнно довелъ-бы дѣло до войны между Англіей и Россіей.

Графъ Нессельроде какъ будто предчувствовалъ, какія политическія затрудненія Симоничъ можетъ создать для императорскаго кабинета, и уже съ Августа 1837 года назначалъ меня на его мѣсто. Но огромное разстояніе, которое мнѣ приходилось проѣхать, и различныя семейныя дѣла не позволили мнѣ немедленно вступить въ отправленіе моихъ обязанностей, между тѣмъ какъ Персидскія дѣла приняли серьезный оборотъ именно въ теченіе 1838 года и прежде нежели я прибылъ на мѣсто моего назначенія.

Я зналъ, что отправляюсь въ Персію на нѣсколько лѣтъ и что я не найду тамъ никакого общества; поэтому, чтобъ предохранить себя отъ угрожавшаго мнѣ одиночества, мнѣ не оставалось иного способа, какъ жениться и такимъ образомъ создать для себя семейную жизнь.

Въ домѣ княгини Одоевской и ея матери г-жи Ланской я познакомился съ дѣвицей Юліей Козловской, дочерью тайнаго совѣтника Козловскаго *) и его первой жены, урожденной графини Бальменъ. Я получилъ согласіе дѣвицы Козловской и ея отца, и наша свадьба была отпразднована 24 Апрѣля, немедленно послѣ Пасхи, такъ какъ время было дорого, и я долженъ былъ торопиться.

Мнѣ пришлось еще съѣздить въ Вильну, чтобъ представить мою жену моимъ родителямъ, и тогда-то я въ послѣдній разъ видѣлся съ моимъ отцомъ. Его силы быстро падали, и я говорилъ самъ себѣ, что уже не застану его въ живыхъ.

Около половины Іюля, я наконецъ выѣхалъ въ Персію черезъ Ставрополь и Тифлисъ; въ этомъ послѣднемъ городѣ я остановился на нѣсколько дней для того, чтобъ Персидскій чиновникъ, обязанный по

---

*) Этотъ Козловскій служилъ прежде въ гвардіи и командовалъ Преображенскимъ полкомъ, отъ котораго караулъ наряженъ былъ въ Михаиловскій замокъ въ ночь на 11 Марта 1801 года, но былъ умышленно замѣненъ карауломъ отъ Семеновскаго полка. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

установленному этикету встрѣтить меня на границѣ, успѣлъ пріѣхать на мѣсто. Въ Ставрополѣ я нашелъ радушный пріемъ у генерала Граббе. Командовавшій Кавказскою арміей, генералъ Головинъ имѣлъ постоянное мѣстопребываніе въ Тифлисѣ. Тамъ я встрѣтился съ моимъ пріятелемъ, генераломъ Коцебу, съ лицами главнаго штаба и съ другимъ моимъ товарищемъ по службѣ въ Генеральномъ Штабѣ, генераломъ Скалономъ, занимавшимъ въ то время должность гражданскаго губернатора.

Отъ Тифлиса я ѣхалъ на собственныхъ лошадяхъ и дѣлалъ небольшіе переѣзды. Въ Делижанскомъ ущельѣ, гдѣ было приступлено къ сооруженію очень хорошей шоссейной дороги, я воспользовался гостепріимствомъ полковника путей сообщенія Эспехо, завѣдывавшаго работами. Мы провели ночь въ саклѣ, которую онъ устроилъ для самаго себя и которая была на двѣ трети вырыта въ землѣ. Въ деревняхъ только и встрѣчаются постройки этого рода, потому что онѣ требуютъ мало строеваго лѣса, а въ жаркую пору прохладны. Во время ужина, полковникъ Эспехо кивнулъ мнѣ на двухъ состоявшихъ подъ его начальствомъ офицеровъ, которые, казалось, не понимали Французскаго языка, и сказалъ: Посмотрите, въ какое я поставленъ положеніе; въ обществѣ этихъ животныхъ я принужденъ проводить жизнь.

Изъ Эривани я съѣздилъ въ Эчмядзинскій монастырь, чтобъ сдѣлать визитъ Армянскому патріарху, и оттуда въ первый разъ увидѣлъ двѣ конусообразныя вершины Арарата, представляющія такое величественное зрѣлище, котораго не можетъ позабыть кто разъ его видѣлъ.

Я переѣхалъ черезъ Араксъ близъ Джульфы, а на другомъ берегу рѣки меня встрѣтилъ Персидскій михмандаръ. Отсюда мы продолжали наше путешествіе верхами; но за мною слѣдовалъ мой дормезъ, и мы подвигались впередъ по черепашьему, такъ какъ это требовала благопристойность: по Персидскимъ понятіямъ, чѣмъ выше человѣкъ поставленъ, тѣмъ медленнѣе долженъ онъ двигаться.

Въ Таврисѣ я видѣлся съ эмиромъ Низамомъ и послѣ путешествія, длившагося болѣе двадцати дней, прибылъ въ концѣ Октября вмѣстѣ съ женою въ Тегеранъ.

Библиотека "Руниверс"

IX.

Послѣ того, какъ шахъ былъ вынужденъ снять осаду Герата, онъ возвратился въ свою столицу, а изъ всѣхъ своихъ завоеваній Персы сохранили лишь ничтожный Горіанъ, находящійся на полдорогѣ между Месхедомъ и Гератомъ.

Первые дни, проведенные мною въ Тегеранѣ, были употреблены на то, чтобъ дѣлать и принимать визиты. Вскорѣ послѣ того я былъ принятъ въ торжественной аудіенціи и представилъ мои вѣрительныя грамоты е. в. шаху, къ которому приближаются не иначе, какъ называя его Кублей-Алемъ, то есть средоточіемъ вселенной. Впрочемъ эта аудіенція не представляла ничего выдающагося, кромѣ той особенности, что, на перекоръ нашимъ обычаямъ, тамъ благопристойность требуетъ, чтобы, разговаривая съ его величествомъ, не снимали съ головы шляпы.

Первый министръ назывался Гаджи-мирза-Агасси. Онъ былъ наставникомъ шаха и имѣлъ такое вліяніе на своего августѣйшаго ученика, что скорѣе онъ, чѣмъ Магометъ-шахъ, былъ дѣйствительнымъ правителелъ Персіи.

Гаджи-мирза-Агасси былъ просто мулла, ничего не понимавшій въ дѣлахъ государственнаго управленія. Такъ какъ онъ къ тому же отличался чрезвычайнымъ самодовольствомъ и безпримѣрнымъ упрямствомъ, то и считалъ себя способнымъ ко всему. Этотъ министръ, остававшійся въ милости все время моего пребыванія въ Персіи, имѣлъ самое прискорбное вліяніе на ходъ дѣлъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ мирза Массудъ—тотъ самый, который сопровождалъ Хозрева-мирзу во время его поѣздки въ Петербургъ. Онъ довольно хорошо говорилъ пофранцузски и былъ пріятенъ въ обхожденіи, но въ дѣлахъ онъ не имѣлъ никакого вліянія.

Уже съ перваго взгляда легко было убѣдиться, что мое положеніе въ Персіи будетъ крайне затруднительно. Вмѣсто того, чтобъ потакать воинственнымъ наклонностямъ шаха, какъ это дѣлалъ мой предшественникъ, я былъ вынужденъ во многихъ отношеніяхъ не одобрять его образа дѣйствій и говорить съ Персидскими министрами вовсе не тѣмъ языкомъ, къ какому они привыкли. Я долженъ былъ напрягать всѣ мои усилія, чтобъ уладить миролюбивое соглашеніе между кабинетами Сенъ-Джемскимъ и Тегеранскимъ, а такъ какъ Британскій уполномоченный уѣхалъ, не дождавшись моего пріѣзда, то всѣ мирныя предложенія должны были идти на Петербургъ прежде чѣмъ достигнуть Лондона и въ то время, какъ депеши находились въ пути, могли

Библиотека "Руниверс"

возникать и дѣйствительно возникали во множествѣ обстоятельства, которыя значительно видоизмѣняли положеніе обсуждаемаго вопроса.

Графъ Симоничъ съ своей стороны дѣлалъ все, что̀ отъ него зависѣло, чтобъ создавать новыя для меня препятствія. Онъ постоянно увѣрялъ шаха и его министровъ, что я назначенъ замѣнить его лишь на время и что ему сто̀итъ только съѣздить въ Петербургъ, тогда его образъ дѣйствій будетъ одобренъ Императоромъ, и все опять пойдетъ по старому. Онъ дошелъ до того, что внушилъ Гаджѣ-мирзѣ-Агассѣ странную мысль написать къ графу Нессельроде письмо и настоятельно просить, чтобъ въ Персію былъ снова назначенъ графъ Симоничъ, какъ единственный человѣкъ, стоявшій на высотѣ трудныхъ обстоятельствъ того времени.

Наши отношенія къ Сенъ-Джемскому кабинету были въ ту пору крайне натянуты, какъ это видно изъ дипломатической ноты отъ 27 Октября (9 Ноября) которая была вручена нашему кабинету маркизомъ Кланрикардомъ, по порученію лорда Пальмерстона, и въ которой перечислены всѣ причины неудовольствія Англіи. (См. *Correspondence relating to Persia and Afghanistan, presented to both hauses of Parliament*).

Но еще до полученія этой ноты, графъ Нессельроде, какъ-бы въ предупрежденіе тѣхъ объясненій, которыхъ требовалъ Сенъ-Джемскій кабинетъ, отправилъ Русскому посланнику въ Лондонѣ графу Поццо-ди-Борго депешу отъ 20 Октября (1 Ноября), содержаніе которой такъ важно, что я нахожу необходимымъ изложить его *in extenso*, чтобъ уяснить образъ дѣйствій, котораго держался императорскій кабинетъ съ самаго начала этихъ дипломатическихъ затрудненій.

Графъ Нессельроде къ графу Поццо-ди-Борго. С.-Петербургъ 20 Октября (1 Ноября) 1838.

Императоръ очень внимательно прочелъ депеши вашего сіятельства касательно двухъ свиданій, во время которыхъ лордъ Пальмерстонъ, говоря о теперешнемъ положеніи дѣлъ въ Персіи, высказалъ опасенія, внушенныя правительству Индійской Компаніи экспедиціей шаха противъ Герата.

По этому случаю, первый министръ ея Британскаго величества, завѣдующій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, не скрылъ отъ васъ, г-нъ графъ, что общественное мнѣніе въ Англіи считаетъ совершающіяся въ настоящее время въ Персіи событія послѣдствіемъ преобла-

Библиотека "Руниверс"

дающаго вліянія Россіи и приписываетъ нашему кабинету замыслы, угрожающіе безопасности Британскихъ владѣній въ Азіи.

Это обстоятельство такъ важно и можетъ оказать такое прискорбное вліяніе на наши отношенія къ Великобританіи, что мы, не колеблясь ни одной минуты, обращаемся къ Англійскому кабинету съ откровеннымъ и добровольнымъ объясненіемъ, чтобъ вполнѣ успокоить его на счетъ намѣреній и видовъ нашего правительства касательно положенія дѣлъ въ Азіи.

Политика, которой держится тамъ Императоръ, руководствуется такими же принципами, какъ и въ Европѣ. Будучи далека отъ всякой мысли о какихъ-либо насильственныхъ захватахъ, эта политика имѣетъ одну цѣль—охраненіе правъ Россіи и уваженіе къ законнымъ правамъ всѣхъ другихъ державъ.

Поэтому намѣреніе посягнуть на безопасность и спокойствіе Великобританскихъ владѣній въ Индіи никогда не приходило и никогда не придетъ на умъ нашему Августѣйшему Государю. Онъ желаетъ только того, что̀ справедливо и что̀ возможно. По этимъ двумъ мотивамъ, онъ не допускаетъ возможности какого-либо замысла, направленнаго противъ Британскаго владычества въ Индіи. Такой замыселъ былъ бы несправедливъ, потому что онъ ничѣмъ не вызванъ. Онъ былъ бы неосуществимъ по причинѣ отдѣляющихъ насъ громадныхъ разстояній, по причинѣ тѣхъ жертвъ, на которыя пришлось бы рѣшиться, и по причинѣ тѣхъ трудностей, которыя пришлось бы преодолѣть,—и все это для того, чтобъ привести въ исполненіе рискованный замыселъ, который никогда нельзя будетъ согласовать съ здравой и благоразумной политикой. Достаточно взглянуть на географическую карту, чтобъ разсѣять всякія опасенія по этому предмету и чтобъ внушить каждому безпристрастному и образованному человѣку убѣжденіе, что никакія враждебныя намѣренія по отношенію къ Англіи не могутъ руководить въ Азіи политикою нашего кабинета.

Вотъ, г-нъ графъ, что̀ Императоръ самъ объявилъ лорду Кланрикарду въ первомъ разговорѣ, который имѣлъ съ нимъ на пріемной аудіенціи, происходившей 16 (28) текущаго мѣсяца въ Царскомъ Селѣ. Этотъ посланникъ, конечно, сообщитъ своему правительству все, что̀ онъ услышалъ отъ нашего Августѣйшаго Государя. Довѣріе, съ которымъ мы охотно относимся къ представителю ея Британскаго величества, освобождаетъ насъ отъ необходимости присовокуплять какіе-либо коментаріи къ тому сообщенію, съ которымъ онъ обратится къ своему кабинету. Мы ограничиваемся ссылкою на это сообщеніе въ полной увѣренности, что лордъ Кланрикардъ оцѣнилъ по достоин-

Библиотека "Руниверс"

ству тѣ политическіе принципы, которые Императоръ соблаговолилъ изложить ему изустно.

Если Британское правительство отнесется къ этимъ принципамъ съ тѣмъ довѣріемъ, которое они должны внушать, то вамъ, г-нъ посланникъ, нетрудно будетъ разсѣять въ его глазахъ тѣ сомнѣнія, которыя внушилъ ему нашъ образъ дѣйствій во время послѣднихъ событій въ Персіи, а именно въ томъ, что̀ касается экспедиціи Магомета-шаха противъ Герата.

Чтобъ дать в. с. возможность возстановить въ ихъ настоящемъ свѣтѣ факты, которые, какъ кажется, были страннымъ образомъ извращены, я спѣшу сообщить вамъ изложенныя въ этой депешѣ подробности, уполномочивая васъ познакомить съ ея содержаніемъ Англійскій кабинетъ безъ малѣйшихъ исключеній.

Ему такъ же хорошо, какъ и намъ, извѣстна причина вражды, существующей между Персіей и Гератомъ, который составляетъ самую западную часть Афганистана. Эта вражда существуетъ издавна. Персидское правительство считаетъ себя въ правѣ требовать отъ этой страны уплаты дани и предъявляетъ на нее верховныя права, которыя, еще въ царствованіе Фета-Али-шаха, Аббасъ-мирза и Магометъ-мирза (нынѣ царствующій) поддерживали съ оружіемъ въ рукахъ до самыхъ стѣнъ Герата. Не смотря на предъявленіе такихъ правъ со стороны Тегеранскаго двора, Гератскіе Афганцы безпрестанно дѣлаютъ нашествія на Персидскія владѣнія, обращаютъ въ рабство жителей, которыхъ они захватываютъ въ восточныхъ провинціяхъ, и поддерживаютъ тамъ зародыши смутъ и мятежа.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что прекращенія этихъ разбоевъ настоятельно требуютъ безопасность и спокойствіе Персидскаго правительства. Оно, безспорно, въ правѣ употреблять для самообороны тѣ средства, къ которымъ прибѣгаетъ всякая независимая держава, и въ правѣ нападать съ оружіемъ въ рукахъ на тѣхъ сосѣдей, которые безпокоятъ его и оскорбляютъ. Поэтому, когда Персія вступала въ борьбу съ провинціей, соприкасающейся съ ея границами, она не рѣшала ничего такого, что́ выходило бы за предѣлы ея правъ, и не давала никакого основательнаго повода жаловаться какой-либо посторонней державѣ, не участвующей въ распряхъ между двумя сосѣдними странами. Тѣмъ менѣе могла она ожидать, что ея образъ дѣйствій раздражитъ и оскорбитъ Британское правительство, которое въ своихъ переговорахъ съ Тегеранскимъ дворомъ положительно обязалось не принимать ни ту ни другую сторону въ случаѣ, еслибы между Персами и Афганцами вспыхнула война.

Библиотека "Руниверс"

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, не подлежитъ сомнѣнію, что Магометъ-шахъ, рѣшаясь предпринять войну противъ Герата, дѣйствовалъ въ предѣлахъ своихъ правъ, въ качествѣ независимаго монарха, и что онъ нисколько не нарушилъ обязанностей, налагаемыхъ на него трактатами.

Однако, хотя эта война, какъ мы замѣтили, вполнѣ оправдывалась въ нашемъ мнѣніи и неоспоримыми правами, принадлежащими Персидскому правительству, и безпрестанными непріятностями, которыя оно терпѣло отъ хищническихъ набѣговъ необузданнаго народа, съ другой стороны мы, не колеблясь, указывали на несвоевременность и опасность всякой военной экспедиціи, предпринятой Персидскимъ правительствомъ при теперешнемъ безсиліи и истощеніи страны. Вмѣсто того, чтобъ толкать его на предпріятіе, которое въ нашихъ глазахъ не представляло никакихъ видовъ успѣха, мы сдѣлали все, что̀ отъ насъ зависѣло, чтобъ отговорить его отъ этого предпріятія и старались убѣдить его, что онъ долженъ предпочесть миролюбивое соглашеніе съ владѣтелемъ Герата такой войнѣ, конца которой нельзя было предвидѣть.

Въ этомъ смыслѣ были составлены всѣ инструкціи, которыми императорскій кабинетъ снабдилъ своего представителя при Тегеранскомъ дворѣ, лишь только ему сдѣлалось извѣстнымъ намѣреніе этого двора снова идти войною на Гератъ.

Въ 1836, точно такъ же какъ и въ 1837 г., совѣты нашего кабинета, проникнутые непритворнымъ миролюбіемъ и искреннимъ доброжелательствомъ, постоянно имѣли цѣлію упрочить внутреннее спокойствіе Персіи и сосѣднихъ провинцій путемъ соглашенія, которое положило бы конецъ ихъ раздорамъ и удержало бы Магомета-шаха отъ борьбы, не обѣщавшей никакого успѣха.

Зимой 1837 года прибытіе въ Тегеранъ уполномоченнаго отъ владѣтеля Герата заставило насъ вѣрить въ возможность мирнаго соглашенія между двумя противниками. Вслѣдствіе того, графу Симоничу было дано положительное приказаніе «употребить въ дѣло все его вліяніе, чтобъ склонить шаха на формальное мирное соглашеніе». Таковы подлинныя выраженія депеши, которую я послалъ, по приказанію Императора, этому уполномоченному 4 Мая 1837 года.

Хотя наши совѣты, къ сожалѣнію, остались безъ послѣдствій, мы тѣмъ не менѣе сознаёмъ, что употребили всѣ старанія, чтобъ предотвратить возобновленіе войны, прискорбный исходъ которой мы предвидѣли.

Русскій кабинетъ, конечно, нельзя упрекать въ томъ, что онъ внушилъ или поддерживалъ намѣреніе предпринять эту пагубную

Библиотека "Руниверс"

экспедицію. Если бы нужно было дать доказательство искренности нашихъ намѣреній и прочности нашихъ принциповъ, то было бы достаточно указать только на тотъ фактъ, что Императоръ потребовалъ отъ Персидскаго правительства отсылки сформированнаго изъ Русскихъ дезертёровъ баталіона въ такую минуту, когда намъ было хорошо извѣстно, что этотъ баталіонъ составлялъ главную силу въ тѣхъ войскахъ, которыя были собраны въ лагерѣ подъ Гератомъ. Именно съ цѣлію настоять на этомъ требованіи, нашъ уполномоченный испрашивалъ и получилъ разрѣшеніе отправиться туда, гдѣ находился шахъ.

По прибытіи въ лагерь, графъ Симоничъ нашелъ Персидскую армію въ очень затруднительномъ положеніи и не счелъ себя въ правѣ отказать въ своемъ содѣйствіи шаху, когда этотъ монархъ обратился къ нему съ настоятельной просьбой осмотрѣть осадныя работы.

Мы, конечно, не будемъ отвергать участія, которое принималъ генералъ Симоничъ въ этихъ работахъ. Всякій Англійскій офицеръ, будучи поставленъ въ такое же положеніе, безъ сомнѣнія поступилъ бы точно такъ же и оказалъ бы дружественному монарху содѣйствіе, о которомъ тотъ просилъ въ столь критическомъ положеніи.

Однако, даже еслибы шаху удалось выйдти съ торжествомъ изъ этого опаснаго положенія, даже еслибы городъ Гератъ былъ бы вынужденъ отворить передъ нимъ свои ворота, нашъ кабинетъ вовсе не имѣлъ намѣренія допустить съ этой стороны такого расширенія Персидскаго могущества, которое могло бы возбудить опасенія въ сосѣднихъ странахъ.

Мы были такъ далеки отъ такого намѣренія, что нашъ уполномоченный, въ ожиданіи удачнаго исхода осады, присовѣтовалъ Тегеранскому двору согласиться на мирную сдѣлку, въ силу которой Гератъ былъ бы уступленъ Персіей владѣтелю Кандагара, Когендилъ-хану. Уже были заведены съ этой цѣлію переговоры между этимъ послѣднимъ и Магометомъ-шахомъ при посредничествѣ нашего уполномоченнаго. Если бы это соглашеніе дѣйствительно состоялось, въ основѣ его было-бы положено непремѣнное условіе, чтобъ Афганистанъ былъ независимъ и чтобъ «шахъ формально обязался не дѣлать никакихъ посягательствъ ни на неприкосновенность страны, находящейся въ настоящее время подъ властію Сердарей, ни на спокойствіе племенъ, во главѣ которыхъ они стоятъ».

Такая мирная и безобидная сдѣлка, по всему вѣроятію, упрочила бы внутреннее спокойствіе Афганистана, положила-бы конецъ раздорамъ, такъ часто волновавшимъ эту страну и возвратила бы ей такое благоденствіе и спокойствіе, что она сдѣлалась-бы доступна для тор-

Библиотека "Руниверс"

говли и промышленности всѣхъ націй, заинтересованныхъ развитіемъ природныхъ богатствъ центральной Азіи.

Нашъ кабинетъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что средства этой страны такъ обширны, что могутъ быть предметомъ ничѣмъ не стѣсняемой торговой предпріимчивости всѣхъ странъ, которыя, не стараясь вытѣснять одна другую, должны соперничать одна съ другой путемъ свободной и честной конкуренціи. Съ нашей стороны, г-нъ посланникъ, мы считаемъ такую конкуренцію вполнѣ мирной и промышленной, но отнюдь не политической и не внушаемой чувствомъ непріязни.

При искренности и добросовѣстности нашего образа дѣйствій, намъ никогда не представится необходимость умалчивать о нашихъ замыслахъ и предпріятіяхъ, или скрывать ихъ.

Вотъ почему мы откровенно сознаемся передъ Англіей, что Русскій офицеръ недавно былъ отправленъ въ Кабулъ для собиранія свѣдѣній, относящихся къ торговлѣ. Такимъ образомъ, фактъ появленія этого агента, сообщенный вамъ лордомъ Пальмерстономъ, вполнѣ вѣренъ. Но причина и цѣль отправки этого агента, какъ кажется, были выставлены въ глазахъ Англійскаго министерства съ толкованіями, преувеличенія и лживость которыхъ мы считаемъ нужнымъ вывести наружу.

Для этого намъ достаточно будетъ замѣтить, что отправка г. Витковича въ Кабулъ была вызвана ничѣмъ инымъ, какъ прибытіемъ въ 1837 въ С.-Петербургъ отъ Доста-Магомета-хана агента съ цѣлію завязать торговыя сношенія съ Россіей. Чтобъ привести въ ясность, какія выгоды могло-бы доставить нашимъ торговцамъ такое предпріятіе и какія представляетъ оно обезпеченія въ странѣ, съ которой Россія не имѣла до тѣхъ поръ никакихъ сношеній, наше правительство рѣшилось предварительно послать туда уполномоченнаго съ письмомъ въ отвѣтъ на тѣ, съ которыми Достъ-Магометъ-ханъ обратился къ намъ по собственному почину.

Таково ясное и безъискусственное изложеніе тѣхъ обстоятельствъ, послѣдствіемъ которыхъ было кратковременное появленіе Русскаго путешественника въ Кабулѣ. Эта командировка не имѣла цѣлію ни заключенія торговаго трактата, ни какихъ либо политическихъ комбинацій, которыя могли-бы вызвать со стороны посторонней державы жалобы или подозрѣнія. Она не имѣла и не должна была имѣть никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ того, что познакомила насъ съ страной, отдѣленной отъ нашихъ границъ такимъ громаднымъ пространствомъ, что наше правительство было вынуждено дѣйствовать крайне осмотрительно, чтобъ предохранить нашихъ торговцевъ отъ рискованныхъ

Библиотека "Руниверс"

предпріятій, въ которыя они могли-бы вовлечься безъ предварительнаго знакомства со всѣми вѣроятностями успѣха.

Возстановивъ такимъ образомъ дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ, нашъ кабинетъ можетъ обратиться къ Лондонскому кабинету съ положительнымъ удостовѣреніемъ, что ни въ командировкѣ г-на Витке-вича въ Кабулъ, ни въ его инструкціяхъ, которыми онъ былъ снабженъ, не было рѣшительно ничего непріязненнаго къ Англійскому правительству и не было рѣшительно никакого намѣренія нарушать спокойствіе Британскихъ владѣній въ Индіи.

Если есть держава, которая могла-бы питать нѣкоторыя опасенія или предъявлять нѣкоторыя жалобы, то эта держава — Россія, такъ какъ ей небезъизвѣстно, съ какой неутомимой дѣятельностью Англійскіе путешественники возбуждаютъ волненія среди народовъ центральной Азіи и распространяютъ тревогу даже внутри тѣхъ странъ, которыя соприкасаются съ нашими границами.

Между тѣмъ, какъ съ нашей стороны мы не желаемъ ничего другаго, какъ участія, путемъ честной конкуренціи, въ выгодахъ, доставляемыхъ Азіатской торговлей,—стремящаяся къ исключительному владычеству и недовѣрчивая Англійская промышленность старается совершенно устранить насъ отъ участія въ тѣхъ выгодахъ, которыми желаетъ пользоваться безраздѣльно, и старается вытѣснить наши продукты со всѣхъ Средне-азіатскихъ рынковъ; доказательствомъ этого служатъ высказанныя Бёрнсомъ соображенія и стремленія тѣхъ Англійскихъ путешественниковъ, которые шли по его слѣдамъ въ направленіи къ Бухарѣ и до самыхъ воротъ Оренбурга.

Указывая на эти факты и на безпокойную предпріимчивость нѣсколькихъ частныхъ лицъ, дѣйствующихъ по своему собственному почину, мы, конечно, не хотимъ возлагать заслуженное ими порицаніе на ихъ правительство. Напротивъ того, мы увѣрены, что Британскій кабинетъ совершенно чуждъ указанныхъ нами тенденцій. Но, относясь съ справедливымъ довѣріемъ къ добросовѣстности Англійскаго правительства, и мы съ своей стороны въ правѣ ожидать, что оно отнесется съ такимъ-же довѣріемъ къ нашей.

Великобританія, точно такъ-же какъ и Россія, должна имѣть въ виду одну цѣль—поддержать внутреннее спокойствіе въ самомъ центрѣ Азіи и предохранить эту обширную часть свѣта отъ повсемѣстнаго кровопролитія. А чтобъ предотвратить такое несчастіе, необходимо тщательно охранять спокойствіе тѣхъ странъ, которыя отдѣляютъ Русскія владѣнія отъ Великобританскихъ. Упрочивать спокойствіе этихъ странъ, не вооружать ихъ одну противъ другой, возбуждая между ними взаимную ненависть, ограничиваться соперничествомъ въ

Библиотека "Руниверс"

сферѣ промышленности, а не вступать въ борьбу изъ-за политическаго вліянія, наконецъ,—и это главное,—уважать независимость тѣхъ промежуточныхъ странъ, которыя раздѣляютъ наши владѣнія: такова по нашему мнѣнію, та система, которой должны неизмѣнно держаться изъ обоюдныхъ интересовъ два кабинета для того, чтобъ предотвратить возможность столкновенія между двумя великими державами, которыя, желая жить въ дружбѣ, должны избѣгать соприкосновеній и столкновеній въ центрѣ Азіи.

Эти соображенія Императоръ поручаетъ вамъ, г-нъ графъ, сообщить Англійскому министерству съ самой полной откровенностью; надѣюсь, что они совершенно успокоятъ его на счетъ намѣреній нашего кабинета и выкажутъ въ ея настоящемъ свѣтѣ охранительную и безкорыстную политику нашего Августѣйшаго Монарха.

Послѣ исполненія этой первой обязанности, прошу васъ, г-нъ посланникъ, откровенно приступить къ обсужденію тѣхъ вопросовъ, которые болѣе тѣсно связаны съ теперешнимъ положеніемъ Персіи и на которые въ настоящую минуту обращено вниманіе Императора. Ваше сіятельство соблаговолите прежде всего напомнить лорду Пальмерстону, что между всѣми политическими вопросами, которые намъ приходилось улаживать вмѣстѣ съ Англіей, вопросы, касающіеся Персіи, были именно тѣ, въ которыхъ намъ удавалось достигнуть полнаго соглашенія между нашимъ кабинетомъ и Лондонскимъ, а это удавалось по той простой причинѣ, что наши обоюдные интересы по отношенію къ Персіи одинаковы, такъ какъ мы столько-же, сколько Англія, не желаемъ, чтобъ эта страна сдѣлалась театромъ политическихъ потрясеній, къ которымъ мы не могли-бы относиться безучастно. Будучи проникнутъ этимъ убѣжденіемъ, нашъ кабинетъ, еще до воцаренія теперешняго шаха, обратился къ Англійскому правительству по собственному почину съ предложеніемъ установить между Россіей и Великобританіей полное единомысліе касательно Персидскихъ дѣлъ съ цѣлію предохранить эту страну отъ бѣдствій, которымъ могли подвергнуть ее споры о наслѣдованіи престола и междоусобная война.

Результаты этого предложенія въ ту пору вполнѣ оправдали наши ожиданія. Оба кабинета,—какъ вамъ извѣстно, г-нъ графъ,—дѣйствовали съ той минуты съ общаго согласія и сообща, чѣмъ вполнѣ обезпечили успѣхъ своего вмѣшательства. Ихъ представителямъ были посланы въ Тегеранъ инструкціи, составленныя по взаимному соглашенію. Поддерживаемый обоими дворами, Магометъ-мирза вступилъ на престолъ и, не смотря на то, что внутреннему спокойствію Персіи грозили въ то время многочисленныя причины раздоровъ, оно ни на

Библиотека "Руниверс"

одну минуту не было нарушено, благодаря единодушію, съ которымъ дѣйствовали Россія и Великобританія.

Не лишнимъ будетъ, г-нъ графъ, напомнить лорду Пальмерстону содержаніе депеши, съ которой онъ обратился въ ту пору къ Англійскому посланнику въ С.-Петербургѣ и которую этотъ послѣдній передалъ намъ. Эта депеша приложена при семъ въ копіи. Съ этимъ документомъ въ рукахъ, соблаговолите, г-нъ посланникъ, увѣрить лорда Пальмерстона, что тѣ-же самыя чувства, которыми мы руководствовались въ 1834 году и которыя заставили насъ желать въ ту пору дружественнаго соглашенія съ Англіей касательно Персидскихъ дѣлъ, служатъ и въ настоящую минуту мотивомъ нашей политики и внушаютъ намъ увѣренность, что она приведетъ къ такимъ-же удовлетворительнымъ результатамъ, какъ и та, которая ей предшествовала.

За тѣмъ ваше сіятельство выразите безъ обиняковъ наше сожалѣніе о томъ, что въ настоящую минуту прерваны миролюбивыя сношенія между дворами Лондонскимъ и Тегеранскимъ, а также наше желаніе, чтобъ они были скорѣе возстановлены на прежнихъ основаніяхъ. Прибавьте къ этому, г-нъ графъ, что нашъ кабинетъ отнюдь не имѣетъ намѣренія принимать на себя роль судьи въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя Великобританія предъявляетъ противъ Персидскаго правительства. Впрочемъ эти обвиненія, какъ намъ не безъизвѣстно, относятся къ предметамъ второстепенной важности. Поэтому мы считаемъ себя въ правѣ надѣяться, что Персидское правительство могло бы безъ большаго труда придти съ Англійскимъ министерствомъ къ соглашенію касательно способа устранить эти затрудненія съ соблюденіемъ интересовъ обѣихъ сторонъ.

Но есть одно болѣе важное обстоятельство и одно болѣе серьозное соображеніе, которыя побуждаютъ насъ обратиться къ Британскому кабинету безъ всякихъ околичностей и дружески сообщить ему нашъ взглядъ на теперешнее положеніе дѣлъ въ Персіи.

Это положеніе, по нашему мнѣнію, усложняется и становится болѣе опаснымъ вслѣдствіе того, что Англія недавно стала въ угрожающее положеніе по отношенію къ Тегеранскому двору.

Дѣйствительно, и морская демонстрація, произведенная по приказанію Британскаго правительства въ Персидскомъ заливѣ, и занятіе острова Карака и распространившіеся слухи о скоромъ выступленіи на сцену Зелли-султана и тѣхъ Персидскихъ принцевъ, которые стали подъ покровительство Англіи,—все это такіе факты, которые неизбѣжно должны внушать Магомету-шаху серьозныя опасенія.

При такомъ положеніи дѣлъ, этотъ монархъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ дружбѣ Императора и просить его посредничества для

Библиотека "Руниверс"

того, чтобъ достигнуть миролюбиваго соглашенія и устранить тѣ опасенія, которыя внушены Тегеранскому двору послѣдними мѣрами Британскаго правительства.

Исполняя желаніе шаха, Императоръ, не колеблясь, обращается къ чувствамъ справедливости Англійскаго кабинета, чтобъ склонить его къ прекращенію такого порядка вещей, который,—въ случаѣ если бы онъ продлился,—подвергнулъ-бы внутреннее спокойствіе Персіи серьозной опасности, а тѣмъ самымъ сдѣлался-бы предметомъ безпокойствъ для самой Россіи и принудилъ-бы ее въ свою очередь принять мѣры обороны и предосторожности.

Чтобъ во время предотвратить всякія дальнѣйшія усложненія, послѣдствія которыхъ неминуемо были-бы печальны для Персіи, по нашему мнѣнію, нѣтъ болѣе вѣрнаго способа, какъ соглашеніе между представителями Россіи и Великобританіи и ихъ совокупное стараніе упрочить власть монарха, возведенію котораго на престолъ содѣйствовали оба двора.

И такъ, если Англія не намѣрена дѣйствовать въ настоящее время наперекоръ той цѣли, которой желала достигнуть въ 1834 году, если она не желаетъ возбуждать волненія, которыя старалась предотвратить въ ту пору: она, по нашему глубокому убѣжденію, должна-бы была немедленно поставить на прежнюю ногу свои сношенія съ Тегеранскимъ дворомъ, должна-бы была отозвать свою эскадру изъ Персидскаго залива и очистить островъ Каракъ, занятый въ настоящую минуту ея войсками.

Если бы Англія такимъ образомъ возстановила прежній порядокъ вещей, она нашла-бы съ нашей стороны готовность помогать ей въ ея стараніяхъ впредъ удерживать Персидское правительство въ тѣхъ предѣлахъ, которыхъ оно не должно-бы было переступать ради собственныхъ интересовъ, и заставить его впредъ не предпринимать экспедицій въ родѣ той, отъ которой оно теперь вынуждено отказаться.

Съ этой цѣлію нашему посольству въ Тегеранѣ будетъ дано приказаніе впредъ дѣйствовать сообща съ Англійскимъ посольствомъ, лишь только мы узнаемъ, что порученіе, возлагаемое въ настоящую минуту на ваше сіятельство, достигло своей цѣли и что Лондонскій кабинетъ согласился положить конецъ своимъ непріязненнымъ дѣйствіямъ по отношенію къ Персіи.

Нашъ образъ дѣйствій, г-нъ графъ, будетъ по необходимости согласоваться съ тѣмъ окончательнымъ рѣшеніемъ, которое будетъ принято Британскимъ правительствомъ. Конечно, отъ него одного будетъ зависѣть возстановленіе между Русскимъ и Великобританскимъ посольствами въ Тегеранѣ того единодушія въ цѣляхъ и въ образѣ дѣйствій,

Библиотека "Руниверс"

котораго мы такъ искренно желали достигнуть въ 1834 году и которое такъ много способствовало въ ту пору упроченію внутренняго спокойствія Персидской монархіи.

Если Англійское министерство, какъ мы искренно этого желаемъ, рѣшится вступить на этотъ путь, оно можетъ быть вполнѣ увѣрено, что найдетъ со стороны императорскаго представителя въ Тегеранѣ самую дѣятельную и самую добросовѣстную помощь. Полковникъ Дюгамель, назначенный нашимъ Августѣйшимъ Государемъ на мѣсто графа Симонича, такъ хорошо извѣстенъ умѣренностью своего характера, что одно его назначеніе уже служитъ самымъ яснымъ указаніемъ того образа дѣйствій, котораго ему приказано держаться, а его прежняя отличная служба есть самая надежная гарантія точности, съ которой онъ съумѣетъ исполнить предначертанія нашего правительства въ томъ, что̀ касается Персидскихъ дѣлъ.

Полковникъ Дюгамель, назначенный на мѣсто гр. Симонича шесть мѣсяцевъ тому назадъ, но по необходимости замедлившій отъѣздомъ, долженъ въ настоящую минуту находиться очень близко отъ мѣста своего назначенія. Его присутствіе неминуемо окажетъ полезное вліяніе на образъ дѣйствій шаха, если только Англія захочетъ съ своей стороны присоединить свои усилія къ нашимъ, чтобъ возвратить Персіи внутреннее спокойствіе, которое есть главное условіе ея существованія и вмѣстѣ съ тѣмъ служило-бы залогомъ мира для двухъ великихъ державъ, призванныхъ совокупно дѣйствовать на судьбы средней Азіи.

По приказанію Императора предлагаю вашему сіятельству настаивать на этихъ соображеніяхъ при свиданіи съ лордомъ Пальмерстономъ, вручивъ ему копію съ этой депеши. Мы позволяемъ себѣ надѣяться, что чувства, которыми она внушена, будутъ по достоинству оцѣнены Британскимъ кабинетомъ и что онъ отнесется къ этому сообщенію съ предупредительностью, соотвѣтствующей искренно-доброжелательнымъ намѣреніямъ нашего Августѣйшаго Государя. Примите и проч.

Нессельроде».

*

Чтобъ улучшить наши отношенія къ Великобританіи, я началъ съ того, что отозвалъ изъ Кабула поручика Виткевича и объявилъ шаху и владѣтелю Кандагара, что поручительство моего предмѣстника за исполненіе заключеннаго между ними договора не было утверждено Императоромъ. Затѣмъ я попытался и успѣлъ склонить Гаджи-мирзу-Агасси написать къ лорду Пальмерстону письмо̀ съ извиненіями, что̀ могло послужить первымъ шагомъ къ примиренію.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ я былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, и вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ ко мнѣ явился Виткевичъ, котораго я ждалъ съ нетерпѣніемъ и котораго поспѣшилъ обратно отправить въ С.-Петербургъ.

Хотя командировка Виткевича въ Кабулъ и была неумѣстною при тогдашнихъ обстоятельствахъ, однако у этого офицера нельзя отнимать той заслуги, что онъ исполнилъ возложенное на него порученіе съ успѣхомъ и съ похвальнымъ усердіемъ.

Виткевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ Польскихъ студентовъ Виленскаго университета, которые за участіе въ какомъ-то тайномъ обществѣ, въ бытность Новосильцева попечителемъ, служили простыми солдатами въ линейныхъ батальонахъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса. Живя на границахъ съ Азіей, онъ сталъ изучать языки Арабскій, Персидскій и Татарскій и достигъ такого теоретическаго и практическаго знакомства съ этими языками, что могъ безъ труда объясняться на нихъ. Не смотря на это, Виткевичъ, быть можетъ, еще прозябалъ-бы долго въ забвеніи, еслибы знаменитый А. Гумбольдтъ, во время своего научнаго путешествія по Уральскимъ горамъ, не остановился, благодаря счастливой случайности, въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ жилъ Виткевичъ. Разставленныя на полкѣ сочиненія обратили на себя вниманіе Гумбольдта; онъ пожелалъ познакомиться съ солдатомъ, который былъ знакомъ съ новѣйшими учеными сочиненіями, и Виткевичъ былъ ему представленъ. По возвращеніи въ Петербургъ Гумбольдтъ позаботился прежде всего объ исходатайствованіи помилованія этому замѣчательному молодому человѣку. Виткевича произвели въ офицеры; онъ служилъ впослѣдствіи адъютантомъ при генералъ-адъютантѣ Перовскомъ, а когда понадобилось отправить уполномоченнаго въ Афганистанъ, то тотчасъ вспомнили о немъ. Вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Петербургъ, Виткевичъ застрѣлился, и настоящая причина такого отчаяннаго поступка никогда не была обнаружена. Для нашихъ сношеній съ центральной Азіей, этотъ офицеръ былъ-бы неоцѣнимъ, и я очень сожалѣлъ о его преждевременной гибели.

На содержаніи моихъ депешъ отзывались тѣ непріятности, съ которыми мнѣ приходилось бороться, и эти депеши представляли положеніе дѣлъ далеко не въ розовомъ цвѣтѣ. Оттого-то графъ Нессельроде и находилъ, что я всему придаю слишкомъ мрачный оттѣнокъ. Въ ту пору я не находилъ съ его стороны того одобренія, которымъ онъ меня удостоивалъ во время моего завѣдыванія генеральнымъ консульствомъ въ Египтѣ.

Вотъ нѣсколько извлеченій изъ моей тогдашней переписки, которыя я привожу не для того, чтобъ оправдать себя отъ взведенныхъ

Библиотека "Руниверс"

на меня и, быть можетъ, заслуженныхъ обвиненій, а для того, чтобъ познакомить читателя съ ходомъ переговоровъ, веденіе которыхъ было возложено на меня, и для того, чтобъ объяснить, въ какомъ душевномъ настроеніи я тогда находился.

Изъ письма Л. Г. Сенявина отъ 21 Ноября 1838.

Съ первой минуты вашего вступленія въ должность, вы очутились въ крайне затруднительномъ положеніи. Не трудно было предвидѣть, что ваша роль въ началѣ будетъ нелегка, но довѣріе къ вашимъ дипломатическимъ способностямъ не позволяетъ ни на минуту усомниться въ томъ, что вы выйдете изъ этого затруднительнаго положенія съ успѣхомъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобъ поддержать вліяніе, которое мы пріобрѣли въ Персіи нашей послѣдней войной съ этимъ государствомъ. Это вліяніе съ выгодою для насъ отражается на другихъ Азіатскихъ народахъ,—я разумѣю тѣ народы, которые живутъ вблизи отъ нашихъ границъ, а не тѣ, на которыхъ обращалъ особенное вниманіе вашъ предмѣстникъ вслѣдствіе своихъ Наполеоновскихъ убѣжденій.

Изъ письма графа Нессельроде отъ 28 Января 1839.

Въ моихъ депешахъ и въ письмахъ Сенявина сказано все, что вамъ нужно и интересно знать. Но я не хочу отказать себѣ въ удовольствіи выразить вамъ, любезный генералъ, какъ мы довольны вашимъ дебютомъ и вашимъ образомъ дѣйствій. Продолжайте такъ, какъ вы начали, и я надѣюсь, что мы съ успѣхомъ выйдемъ изъ затруднительнаго положенія, въ которое такъ некстати вовлекъ насъ вашъ предмѣстникъ.

Изъ моего письма къ графу Орлову, написаннаго въ Январѣ 1839 года.

«Я прибылъ въ Персію въ очень интересную минуту. Ссора съ Англіей, непріязненная демонстрація, сдѣланная этой державой въ Персидскомъ заливѣ, неудача, которую потерпѣлъ Персидскій шахъ подъ Гератомъ, затруднительное положеніе Афганистана, которому грозило непріятельское нашествіе со стороны Индіи и который искалъ поддержки у Россіи, все это взятое вмѣстѣ представляетъ,—вы съ этимъ согласитесь, г-нъ графъ, такое запутанное положеніе дѣлъ, изъ котораго Персія можетъ выйти только при посредничествѣ нашего кабинета.

Я долго жилъ на Востокѣ и потому привыкъ имѣть дѣло съ дурно организованнымъ управленіемъ, но Персія далеко превосходитъ

Библиотека "Руниверс"

въ этомъ отношеніи Турцію. Финансы находятся въ полнѣйшемъ разстройствѣ, и бѣдность государственной казны доходитъ до крайнихъ предѣловъ; армія почти вовсе не существуетъ, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту; губернаторы отдаленныхъ провинцій повинуются настолько, насколько это имъ удобно, а народъ, я въ этомъ увѣренъ, отнесся бы съ полнѣйшимъ равнодушіемъ ко всякой перемѣнѣ династіи. Однимъ словомъ, я полагаю, что предпріимчивый авантюристъ могъ бы съ 4 или 5 тысячами человѣкъ пройти черезъ Персію отъ одного конца до другаго и повсюду предписывать свои законы».

«Въ сравненіи съ такимъ немощнымъ правительствомъ Турція кажется мнѣ могущественнымъ колоссомъ, а Египетскій паша, не смотря на то, что онъ не болѣе какъ паша, въ десять разъ могущественнѣе шаха изъ шаховъ, не смотря на то, что этотъ послѣдній находится въ родствѣ и съ луною и съ солнцемъ».

«Выдача организованнаго изъ нашихъ дезертёровъ батальона встрѣтила большія затрудненія оттого, что мѣстныя власти, вмѣсто того, чтобъ оказывать намъ искреннее содѣйствіе, дѣлали разныя придирки и создавали разныя препятствія. Тѣмъ не менѣе, находившихся въ Тегеранѣ дезертёровъ въ числѣ 400 человѣкъ я успѣлъ, недѣли двѣ тому назадъ, отправить подъ начальствомъ офицера, присланнаго съ этою цѣлію ген. Головинымъ, и я надѣюсь, что большая часть изъ нихъ достигнетъ нашей границы. Въ этомъ числѣ много Поляковъ, которые вообще вели себя очень хорошо».

Изъ моего письма къ Л. Г. Сенявину изъ Тегерана отъ 25 Февраля 1839.

«По мнѣнію поручика Витковича, изъ центральной Азіи могли бы устремиться на самыя образованныя части свѣта такія же массы варваровъ, какія выходили оттуда въ V-мъ столѣтіи, такъ какъ онъ не думаетъ, чтобъ Татарія и Туркестанъ были въ ту пору болѣе густо населены, чѣмъ въ настоящее время. Переселенія народовъ, по его мнѣнію, не были послѣдствіемъ заранѣе составленнаго плана, а были естественно изливавшимся потокомъ кочевниковъ, наводнявшимъ тѣ государства, которыя приходили въ упадокъ и въ которыхъ нравственно испорченное и изнѣжившееся населеніе совершенно утратило воинственный духъ».

«Хорасанъ представляетъ намъ и по сію пору живой образчикъ такого порядка вещей. Лишь только пружины управленія начинаютъ тамъ ослабѣвать, лишь только который нибудь изъ стоящихъ на окраинѣ степи городовъ или селеній представитъ перспективу легкаго завоеванія, Туркмены тотчасъ появляются и завладѣваютъ имъ.

Библиотека "Руниверс"

Если это предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ, другія племена устремляются въ томъ же направленіи, чтобъ также попытать счастія, и, если въ странѣ господствуетъ анархія, кочевники въ нѣсколько лѣтъ подчиняютъ своему владычеству обширныя страны».

«Такова грустная и даже, быть можетъ, лишенная основанія мысль Витковича, что варварство должно въ концѣ концевъ одержать верхъ надъ цивилизаціей и что Европа не избѣгнетъ вторичнаго нашествія варваровъ. Въ настоящую минуту Россія служитъ ей оплотомъ; но еслибы, по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій, Россія въ свою очередь стала приходить въ изнеможеніе, еслибы анархія проникла въ наше дорогое отечество, тогда,—говоритъ онъ,—потокъ варваровъ устремился бы на Западъ, потому что элементы для такого нашествія находятся на лице, и нигдѣ народонаселеніе не размножается такъ быстро, какъ среди кочевниковъ, которые бродятъ съ своими стадами между нашими границами и границами Китая».

«Теперь я перехожу къ Афганистану; такъ какъ это, безъ сомнѣнія, самый важный пунктъ, касательно котораго намъ предстоитъ выяснить наши сношенія съ Азіей».

«Еслибы можно было все переначать съизнова, я былъ бы того мнѣнія, что Россія никогда не должна мѣшаться въ дѣла Афганистана. Эта страна такъ отдалена отъ сферы нашего политическаго вліянія, что намъ нечего вести съ ней постоянныя сношенія, и мы не можемъ съ успѣхомъ поддерживать царствующихъ въ ней монарховъ. Но не смотря на эту невозможность, наше собственное достоинство не позволяетъ оставлять беззащитными тѣхъ, кто просилъ нашей помощи и положился на наше покровительство».

«Графъ Симоничъ былъ опрометчивъ и дѣлалъ ошибки, я этого не отвергаю; но въ сущности онъ держался того направленія, которое было ему указано императорскимъ министерствомъ. Помимо того, что покойный Родофиникинъ передалъ на словахъ Витковичу (онъ между прочимъ далъ ему понять, что наше правительство было расположено ссудить Досту-Магомету-хану два милліона наличными деньгами и два милліона товарами), достаточно пробѣжать инструкціи, данныя министерствомъ Витковичу, чтобъ убѣдиться, что мы въ ту пору намѣревались принять дѣятельное участіе въ Афганистанскихъ событіяхъ. Зачѣмъ было отправлять офицера въ Кабулъ, если эта миссія не должна была привести ни къ какимъ результатамъ? Вѣдь вы согласитесь, что наши торговые интересы только могли служить предлогомъ; въ сущности же они ничтожны и еще долго будутъ оставаться ничтожными».

Библиотека "Руниверс"

«Повѣрьте мнѣ, мой дорогой Сенявинъ, что этотъ вопросъ болѣе важенъ, чѣмъ какъ вамъ кажется въ Петербургѣ, и что онъ отзовется на восточныхъ провинціяхъ Имперіи. Когда Англичане упрочатъ свое вліяніе въ Хивѣ и въ Бухарѣ и станутъ посылать оттуда муллъ, чтобъ фанатизировать наши мусульманскія племена, тогда мы придемъ, быть можетъ слишкомъ поздно, къ сознанію, что было ошибкою дозволять Англичанамъ переходить Индъ и было ошибкой не поддержать во время братьевъ Баракзеевъ».

«Еслибы спросили моего совѣта, я сказалъ бы, что прежде всего слѣдуетъ овладѣть Хивой. Надо уничтожить это гнѣздо хищниковъ и обратить его въ Русскій передовой постъ. Съ 12 или 15 тысячами человѣкъ такая экспедиція непремѣнно имѣла бы успѣхъ и произвела бы въ Азіи громадное впечатлѣніе. Въ тоже время я высадилъ бы въ Астрабадѣ отрядъ изъ 6 или 8 тысячъ пѣхоты съ соотвѣтствующимъ числомъ пушекъ для того, чтобъ можно было употреблять эти силы въ дѣло, смотря по обстоятельствамъ. Эта демонстрація ободрила бы Персовъ и Афганцевъ, а еслибы Англичане удержали Каракъ,—чтò они, повидимому, и намѣрены сдѣлать,—мы удержали бы Астрабадъ. Наконецъ, въ видѣ первоначальной помощи, можно бы было выдать субсидіи сердарямъ Кабульскому и Кандагарскому».

«Вы скажете, что все это тоже, чтò объявленіе войны. Я не того мнѣнія. Напротивъ того, я думаю, что Англичане сдѣлаются болѣе сговорчивыми, когда увидятъ, что мы приняли такой тонъ, и что они поспѣшатъ очистить Каракъ и оставятъ въ покоѣ сердарей Кабульскаго и Кандагарскаго, лишь бы только мы съ нашей стороны очистили Астрабадъ».

«Издали Афганистанъ можетъ казаться очень интереснымъ съ своими сердарями, съ своимъ Шуджа-уль-Мулькомъ и съ своей Англо-Индійской арміей; но вблизи, на томъ разстояніи, на которомъ я его вижу, это положеніе вещей въ высшей степени печально, и мнѣ очень хотѣлось бы знать, чѣмъ долженъ я руководствоваться въ нашихъ сношеніяхъ съ Афганистаномъ».

Изъ письма Л. Г. Сенявина. Петербургъ, 18 Апрѣля 1839.

«Я не хочу отправить сегодняшняго курьера, не написавъ нѣсколько строкъ въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 25 Февраля, въ которомъ вы сообщаете мнѣ пріобрѣтенное Виткевичемъ на практикѣ убѣжденіе въ возможности Азіатскаго нашествія или вѣрнѣе въ возможности движенія Азіатцевъ въ западномъ направленіи. Эту же мысль высказываетъ Канкринъ. Чтò касается меня, я не утверждаю, что это никогда не можетъ случиться; но я убѣжденъ, что этотъ день

Библиотека "Руниверс"

настанетъ не скоро, тѣмъ болѣе, что Европейцы нашего времени имѣютъ важное преимущество передъ Европейцами среднихъ вѣковъ,—а именно порохъ, котораго тѣ не выдумали.

«Виткевичъ, какъ кажется, не подумалъ объ этомъ маленькомъ препятствіи, которое въ совокупности съ пушечными ядрами и съ картечью можетъ служить запрудой для потока. Что вы объ этомъ скажете?»

«Пока мы еще не вступили въ войну съ этими новыми Вандалами, я долженъ объявить войну лично вамъ за то, что вы пишете касательно командировки Виткевича въ Афганистанъ. Если вы дадите себѣ трудъ перечитать бумаги, хранящіяся въ архивѣ нашего посольства, вы легко придете къ убѣжденію, что министерство никогда не имѣло намѣренія создавать безъ всякой причины усложненія и затрудненія, къ сожалѣнію, возникшія противъ нашего желанія. Лишь только этотъ дьяволъ Гуссейнъ-али прибылъ въ Оренбургъ съ просьбой о помощи и покровительствѣ отъ имени своего августѣйшаго государя Доста-Магомета-хана, мы тотчасъ обратились къ Симоничу за свѣдѣніями: Что такое Афганистанъ? Что могли бы мы сдѣлать тамъ для нашей торговли? Какого рода *нравственное* покровительство могли бы мы оказать, не компрометируя себя передъ тѣми, кто находится подъ нашимъ покровительствомъ?»

«Онъ отвѣчалъ, что мы непремѣнно должны взять на себя гарантію сдѣлокъ, которыя могутъ быть заключены между Афганцами и Персіей, что это единственное средство утвердить наше вліяніе въ этой отдаленной странѣ, и т. д. Но въ инструкціи, которая была дана Симоничу во время командировки Виткевича, положительно сказано, что Афганистанъ находится такъ далеко отъ насъ, что мы не можемъ съ успѣхомъ вмѣшиваться въ тамошнія распри, что поэтому мы не можемъ обѣщать нашей гарантіи, не обдумавши серьозно такого шага; что мы ограничиваемся совѣтами, которые можетъ давать всякій, что мы вовсе не прочь завязать съ этими людьми торговыя сношенія, и т. д.»

«Стало быть, Виткевичъ отправился туда скорѣе съ цѣлію познакомиться съ мѣстностью, чѣмъ съ цѣлію все перевернуть верхъ дномъ для осуществленія замысла, который не существовалъ. Сверхъ того Симоничу было приказано отправить Виткевича только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ вполнѣ убѣжденъ, что это не будетъ безполезной попыткой. Я ничего не говорю о рѣшеніи, которое счелъ нужнымъ принять Симоничъ; результаты этого рѣшенія у васъ передъ глазами. Впрочемъ, извѣщая насъ о томъ, что онъ гарантировалъ исполненіе договора, заключеннаго между Персами и Кандагарцами, Симоничъ въ той же депешѣ предупреждалъ насъ, что Персы не исполнятъ условій этого договора, что они не пошлютъ Афганцамъ

Библиотека "Руниверс"

денегъ, потому что они сами безъ денегъ, что не пошлютъ имъ войскъ, потому что эти двѣ націи принадлежатъ къ различнымъ религіознымъ сектамъ и потому ненавидятъ одна другую, и что даже не пошлютъ имъ военныхъ припасовъ. Хороша роль гарантирующей державы при такихъ условіяхъ и на такомъ огромномъ разстояніи!»

«Надѣюсь, что послѣ этого вы не будете утверждать, будто Симоничъ держался того направленія, которое было ему указано министерствомъ. Впрочемъ дѣло сдѣлано, и только дай Богъ, чтобъ все это кончилось благополучно».

«Мы очень удивлены тѣмъ, что вы не имѣете никакихъ свѣдѣній о томъ, что̀ дѣлается въ этомъ проклятомъ Афганистанѣ. По извѣстіямъ, дошедшимъ до насъ изъ Лондона, Камрамъ-мирза поссорился съ находившимися въ Гератѣ Англичанами Поттингеромъ и Стоддартомъ и выгналъ ихъ оттуда, что сверхъ того Англо-Индійская армія встрѣтила препятствія при переходѣ черезъ владѣнія Синдскаго эмира, что Достъ-Магометъ ханъ окружилъ себя баррикадами, сколько могъ. Напротивъ того, Медемъ пишетъ намъ изъ Каира, что Англичане уже достигли Шикарпура».

Изъ письма Л. Г. Сенявина. Каменный Островъ, 15 Іюля 1839.

«Я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо отъ 7 Іюня; я прочелъ его съ удовольствіемъ и понялъ, какъ вамъ должно быть непріятно, что дѣла въ Персіи и въ Афганистанѣ не идутъ такъ, какъ было бы желательно. Но что же дѣлать? Иногда необходимо скрывать свое неудовольствіе. А насъ поставилъ въ такое затруднительное положеніе этотъ негодный Симоничъ, сдѣлавшійся въ концѣ концовъ комендантомъ крѣпости, которая еще не построена».

«Вспомогательная 60-ти тысячная армія, во̀ главѣ которой надѣялся стать шахъ, была бы,—согласитесь съ этимъ,—безполезна послѣ отступленія его Персидскаго величества и послѣ его возвращенія въ Тегеранъ. Но что̀ могло бы быть полезно если не для Персовъ, то по меньшей мѣрѣ для насъ, это занятіе Астрабада. Эта мысль была выдвинута впередъ и сильно поддержана, но она не встрѣтила одобренія. Послѣ этого не оставалось ничего другаго, какъ заниматься фразами, которыя, надѣюсь, доставлены вамъ въ достаточномъ выборѣ. Что же касается проекта оборонительнаго союза, то это было подогрѣтое блюдо соглашенія съ Турціей, и сверхъ того не забудьте, что Турецкій трактатъ (тотъ, который былъ заключенъ въ Ункіаръ-Скелесси) былъ заключенъ для *будущаго*, между тѣмъ какъ Персидскій трактатъ долженъ бы былъ служить для *настоящаго*. Во всякомъ случаѣ, мнѣ при-

Библиотека "Руниверс"

скорбно видѣть, что наше вліяніе въ Азіи сильно поколеблено; но что же могу я сдѣлать? Будемъ ожидать болѣе благопріятной минуты для его возстановленія».

Изъ письма Л. Г. Сенявина. Каменный Островъ, 1 Августа 1839.

«Что касается Витковича, то онъ лишилъ себя жизни вовсе не потому, что его имя появилось въ газетахъ, а изъ мизантропіи, изъ полонизма и вслѣдствіе давно принятаго имъ рѣшенія. Витковичъ очень хорошо исполнилъ данныя ему приказанія, и онъ нисколько не виноватъ въ томъ, что эти приказанія были нелѣпы. Поэтому застрѣлиться долженъ бы былъ Симоничъ, а не Витковичъ, который былъ только орудіемъ въ его рукахъ».

На одну изъ моихъ депешъ, въ которой я увѣдомлялъ о первыхъ военныхъ успѣхахъ Англо-Индійской арміи въ войнѣ съ Сердарями, о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ этой войны и о важномъ вредѣ, который отъ нея потерпитъ наше политическое положеніе, вице-канцлеръ отвѣчалъ мнѣ письмомъ отъ 29 Августа 1839, изъ котораго я прилагаю при семъ извлеченіе.

«Ваши депеши, любезный генералъ, не окрашены въ розовый цвѣтъ; онѣ конечно, не доставляютъ намъ удовольствія, но онѣ также и не удивляютъ насъ. Мы очень ясно предвидѣли, что намъ придется переживать непріятныя минуты. Мы никогда не обманывали себя на счетъ исхода Англо-Индійской экспедиціи; мы никогда не питали ни малѣйшей надежды на сопротивленіе Афганцевъ. Всѣ соображенія, которыя вы излагаете въ вашихъ послѣднихъ депешахъ касательно послѣдствія такого положенія дѣлъ, уже сто разъ приходили намъ самимъ въ голову; но когда заходила рѣчь объ отысканіи средства предотвратить эти послѣдствія, о томъ, чтобъ воспрепятствовать успѣхамъ Англичанъ и оказать помощь сердарямъ Кандагарскому и Кабульскому, я долженъ вамъ въ томъ признаться, мы становились въ тупикъ и тысячу разъ проклинали Симонича, его легкомысліе и его непредусмотрительность».

«Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ сильно скомпрометировалъ насъ и что ваша задача очень трудна; также не подлежитъ сомнѣнію, что наше вліяніе въ Азіи должно пострадать отъ этой путаницы. Это соображеніе важнѣе всѣхъ другихъ для Россіи, и на немъ должны сосредоточиваться всѣ наши помыслы. Дѣйствовать прямо на Афганистанъ и послать подкрѣпленія Сердарямъ—было положительно невозможно. Дѣйствовать посредствомъ Персовъ? Но осада Герата ясно доказала намъ, чего можно ожидать отъ такого союзника. Все, что мы могли бы предпринять съ этой стороны, потребовало бы

Библиотека "Руниверс"

отъ насъ громадныхъ жертвъ людьми и деньгами безъ всякаго удовлетворительнаго результата и, сверхъ того, вовлекло бы насъ въ войну съ Англіей, войну, которой Императоръ конечно не боится, но которую онъ не желалъ бы вызывать изъ-за столь отдаленныхъ интересовъ. Поэтому, чтобъ поднять наше значеніе въ Азіи, приходится обратить свои взоры въ другую сторону, и я надѣюсь, любезный генералъ, что скоро буду въ состояніи сообщить вамъ о такомъ предпріятіи, которое приведетъ насъ къ этой цѣли, не подвергая тѣмъ трудностямъ и опасностямъ, которыя встрѣтила бы военная экспедиція въ Афганистанѣ». Графъ Нессельроде присовокупилъ въ формѣ постскриптума слѣдующія слова: «*Придетъ время, что и на нашей улицѣ будетъ праздникъ*».

Предпріятіе, на которое былъ сдѣланъ намёкъ въ этомъ письмѣ, заключалось, какъ я впослѣдствіи узналъ, въ военной экспедиціи, которая должна была выступить слѣдующей зимой изъ Оренбурга въ Хиву подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Перовскаго. Однако, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ и какой-то по истинѣ роковой случайности, эта экспедиція не удалась. Мы были принуждены отступить, даже не видѣвши въ глаза непріятеля. Наши солдаты вынесли-бы безъ большаго труда самый суровый холодъ; но глубокіе снѣга, не позволявшіе ни людямъ, ни вьючнымъ животнымъ подвигаться впередъ, представили непреодолимое препятствіе, и идти далѣе не было возможности *). Черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ того, я переѣхалъ черезъ тѣже самыя степи и также въ серединѣ зимы; правда, что зимы не похожи одна на другую. Какъ-бы то ни было, но эта неудавшаяся экспедиція не только не подняла нашего нравственнаго значенія, какъ того ожидали, а лишь еще болѣе ослабила наше вліяніе. Вотъ извлеченіе изъ письма, написаннаго мною къ графу Нессельроде въ отвѣтъ на его письмо отъ 29 Августа.

Тегеранъ, 7 Октября 1839.

«Прошу васъ извинить меня, что мои депеши иногда отзываются грустью и даже раздражительностью; но могу васъ увѣрить, что, благодаря графу Симоничу, мое положеніе здѣсь столь же неясно, сколько затруднительно и что всякій другой на моемъ мѣстѣ долженъ бы былъ бороться съ тѣми же затрудненіями. Изъ всѣхъ, данныхъ Симоничемъ обѣщаній, я не могъ исполнить ни одного; а вслѣдствіе

*) Нынѣ извѣстно, что Хивинскій походъ 1839 года не удался, потому что В. А. Перовскій (вопреки предостереженіямъ самаго Государя) слишкомъ довѣрился ссыльному Поляку Ціолковскому, котораго онъ взялъ съ собою въ походъ и который поморилъ верблюдовъ. Неоглашенные еще эпизоды обольщеній крайне-поучительны. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

того шахъ питаетъ ко мнѣ нерасположеніе, полагая, что именно я возстановилъ противъ него императорское правительство. Сверхъ всего этого, графъ Симоничъ принялъ на себя роль Персидскаго банкира и, пользуясь капиталами находившимися въ его распоряженіи, онъ давалъ взаймы деньги всякому, кто ихъ спрашивалъ. Вы не можете себѣ представить, г-нъ графъ, сколько просьбъ этого рода было заявлено съ тѣхъ поръ, какъ я прибылъ въ Тегеранъ. Я постоянно отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, во-первыхъ потому, что всѣ находящіяся въ моемъ распоряженіи суммы имѣютъ спеціальное назначеніе и во вторыхъ потому, что всѣ эти ссуды ничѣмъ не обезпечены. Но послѣдствіемъ всего этого было то, что меня считаютъ человѣкомъ жаднымъ и неуслужливымъ. Наконецъ, графъ Симоничъ льстилъ самолюбію и самомнѣнію Персовъ, осыпая ихъ самыми неумѣренными похвалами, между тѣмъ какъ по моему мнѣнію, въ виду той отвратительной системы управленія, какая существуетъ въ Персіи, Русскій представитель унизилъ бы свое достоинство, если-бы сталъ хвалить что̀ достойно лишь хулы. Вотъ почему меня обвиняютъ въ гордости. Я не могу скрывать отъ васъ, г-нъ графъ, что я не пользуюсь личнымъ расположеніемъ ни шаха, ни его министровъ; но если я не буду въ состояніи снискать любовь Персовъ, по крайней мѣрѣ надѣюсь, заставлю ихъ уважать меня».

«Въ настоящую минуту вашему сіятельству уже должно быть извѣстно, что Персидское правительство согласилось на всѣ условія, которыхъ требовалъ лордъ Пальмерстонъ, и я полагаю, что Англійская миссія не замедлитъ своимъ возвращеніемъ въ Персію. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что Персидскіе министры дали свое согласіе съ заднею мыслію не исполнять всѣхъ своихъ обѣщаній, и самыя серьозныя препятствія, вѣроятно, встрѣтятся при заключеніи торговаго договора».

«Шахъ не придаетъ большой цѣны обладанію Горіаномъ по причинѣ хлопотъ и расходовъ, сопряженныхъ съ снабженіемъ этого мѣста припасами. Это служитъ новымъ доказательствомъ, что Персы не понимаютъ важности этого пункта; но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что они согласятся уступить его лишь послѣ того, какъ будетъ очищенъ островъ Каракъ, хотя это условіе и не включено въ формальный договоръ».

Между тѣмъ Англо-Индійская армія подвигалась впередъ, не встрѣчая серьозныхъ препятствій. Пройдя черезъ ущелье Байлана, которое ведетъ изъ долины Инда въ равнину Афганистана, Англичане заняли Гиснэ, Кандагаръ и Кабулъ. Сердари спаслись бѣгствомъ, и шахъ Шуджа-эль-Мулькъ былъ снова возведенъ на престолъ своихъ предковъ.

Библиотека "Руниверс"

Эти событія такъ важны, что о нихъ не слѣдовало-бы говорить мимоходомъ; но свѣдѣнія, которыя доходили до насъ, были неясны и противорѣчивы. И ходъ военныхъ дѣйствій въ Афганистанѣ, и причины, вызвавшія войну, и ея печальная развязка,—такая печальная, что по ея послѣдствіямъ ее можно сравнить лишь съ отступленіемъ Французской арміи въ 1812,—все это изложено очень ясно и вполнѣ безпристрастно въ сочиненіи г-на *Kaye*: *The war in Afghanistan*, которое долженъ читать и изучать всякій, кто интересуется восточными дѣлами.

На одну изъ моихъ депешъ, въ которой я описывалъ успѣхи Англо-Индійской арміи, я получилъ слѣдующій отвѣтъ графа Нессельроде отъ 7 (19) Ноября 1839.

«Развязка Афганистанскаго затрудненія должна была доказать вамъ, любезный генералъ, какъ было основательно съ нашей стороны нежеланіе держаться той ошибочной системы, въ которую старался вовлечь насъ вашъ предмѣстникъ съ такою опрометчивостью. Откажемся навсегда отъ этихъ далекихъ цѣлей, которыя не приведутъ насъ ни къ чему, кромѣ опасныхъ усложненій. Если бы мы держались той гарантіи, которую такъ легкомысленно обѣщалъ Симоничъ, если бы мы не отказались отъ нея, посудите сами, къ чему-бы это насъ привело. Внимательно слѣдя за движеніемъ Англійскихъ войскъ, мы замѣчаемъ, что Афганцы имѣли тысячу средствъ остановить ихъ въ горахъ и не дозволить имъ проникать въ Афганистанъ. Вмѣсто того, армія Доста-Магомета-хана разбѣжалась безъ выстрѣла. Если бы Афганцевъ стали поддерживать Персы, эти послѣдніе вѣроятно послѣдовали-бы ихъ примѣру, доказательствомъ чего служатъ безплодныя усилія овладѣть такимъ плохо укрѣпленнымъ городишкомъ, какъ Гератъ. Однако, таковы были союзники, которыхъ пришлось бы Россіи поддерживать не войсками,—чтò было-бы невозможно,—а милліонами, которые были-бы истрачены безъ всякой пользы. И такъ, мой любезный генералъ, оставьте сожалѣнія о прошломъ и рѣшительно придерживайтесь новой системы, которая совершенно отлична отъ системы вашего предмѣстника и которая изложена въ данныхъ вамъ инструкціяхъ. Она будетъ гораздо болѣе благопріятна для единственной цѣли, которую мы должны имѣть въ виду,—для внутренняго спокойствія Персіи, чѣмъ рискованныя предпріятія въ центральной Азіи. Чтобъ утвердить это спокойствіе на прочныхъ основаніяхъ, я всегда считалъ необходимымъ примиреніе съ Англіей. Поэтому мнѣ было очень пріятно узнать, что шахъ принялъ послѣднія предложенія лорда Пальмерстона, и я поспѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобъ внушить Англійскому министерству болѣе благосклонное къ Персіи расположе-

Библиотека "Руниверс"

ніе. Вы увидите, что усилія барона Брунова не остались безуспѣшными. Въ настоящую минуту наша главная цѣль—достигнуть того, чтобъ Макниль не былъ снова назначенъ посланникомъ въ Персію; я уже говорилъ объ этомъ съ лордомъ Кланрикардомъ и обращу на этотъ предметъ особое вниманіе нашего посла въ Лондонѣ. Если намъ удастся достигнуть замѣщенія этого задорнаго человѣка человѣкомъ разсудительнымъ, то я попрошу васъ стать съ этимъ послѣднимъ съ перваго разу въ хорошія отношенія. Это будетъ для васъ тѣмъ болѣе нетрудно, что миссія Брунова привела къ значительному улучшенію въ нашихъ сношеніяхъ съ Англіей, и что мы въ настоящую минуту въ состояніи добиться, чтобъ новому Англійскому послу въ Персіи было дано приказаніе откровенно улаживать вмѣстѣ съ вами всѣ вопросы, которые могли бы возникнуть въ этой странѣ. Въ этомъ отношеніи можно считать за благопріятное обстоятельство тотъ фактъ, что въ Персію отправлена Французская миссія. Это возбудитъ сильную зависть въ Англіи, которая въ настоящее время уже не въ дружескихъ отношеніяхъ къ Іюльскому правительству. Напротивъ того, не проходитъ дня, чтобъ между этими двумя морскими державами не возникали какія-нибудь новыя непріятности, и нѣтъ ничего невозможнаго что прежнюю горячую дружбу замѣнитъ полный разрывъ. Французская миссія составлена почти цѣликомъ изъ лицъ, которыя состояли при Французскомъ посольствѣ въ Петербургѣ и которыя выѣхали отсюда бо́льшею частію съ недоброжелательствомъ къ Россіи».

Привожу мой отвѣтъ на это письмо, отправленный въ Декабрѣ 1839 года:

«Я получилъ письмо, которымъ ваше сіятельство почтили меня отъ 7 (19) Ноября, и могу увѣрить васъ, что я вовсе не намѣренъ принимать на себя роль защитника Афганистана и нисколько не жалѣю о томъ, что мы не вступились за него. Поведеніе Сердарей было во всѣхъ отношеніяхъ такъ гнусно, что нѣтъ возможности чувствовать малѣйшее состраданіе къ ихъ участи; но я желалъ-бы только одного, чтобъ мы не заходили слишкомъ далеко въ нашемъ сочувствіи къ нимъ, и я остаюсь при томъ мнѣніи, что командировка Витkевича въ Афганистанъ была ошибкой, потому что эта миссія внушила Афганцамъ обманчивыя надежды и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудила опасенія Англіи».

«Я также раздѣляю мнѣніе вашего сіятельства, что Персидскому правительству всего болѣе нужны внутреннія улучшенія и административныя реформы, а не завоеванія и не слава. Поэтому, со времени моего прибытія въ эту страну, я постоянно старался изучить механизмъ Персидской администраціи и обнаружить раны, породившія сла-

Библиотека "Руниверс"

бость и изнуреніе, въ которомъ находится эта страна въ настоящую минуту. Разслѣдованія, которыми я занимался, послужатъ содержаніемъ для особаго труда, въ которомъ я постараюсь указать, какими средствами можно-бы было уничтожить самыя выдающіяся злоупотребленія. Если мои идеи будутъ одобрены императорскимъ министерствомъ и если мнѣ удастся склонить на ихъ сторону новаго Англійскаго посланника, который, какъ вы утверждаете, г-нъ графъ, не замедлитъ прибыть на свой постъ,—тогда наши совокупныя усилія, быть можетъ, принесутъ какую-нибудь пользу. Но я опасаюсь, что наши добрыя намѣренія будутъ парализованы упорствомъ и самомнѣніемъ Персидскихъ министровъ и въ особенности Гаджи, который, какъ я уже имѣлъ честь неоднократно писать вашему сіятельству, очень честный человѣкъ, но отвратительный администраторъ и къ тому-же преисполненъ высокаго мнѣнія о своей учености».

Въ доказательство, какъ сильно привлекали къ себѣ общее вниманіе событія, театромъ которыхъ былъ Афганистанъ, привожу извлеченіе изъ письма ко мнѣ г.-ад. Берга изъ Варшавы отъ 8 (20) Ноября 1839. «Англичане дозволили себѣ въ Афганистанѣ *Uebergriffe* *). Прощай наше вліяніе, которымъ, впрочемъ, мы никогда и не пользовались въ этой странѣ. Я не думаю, чтобъ Англичане,—какъ вы говорите въ вашемъ письмѣ отъ 23 Іюля,—ослабили себя, распространивъ такъ далеко свою власть. Ихъ владычество въ Индіи всегда было только нравственное, или, по меньшей мѣрѣ, не столько матеріальное, сколько нравственное; ихъ матеріальныя средства имѣли лишь второстепенное и вспомогательное значеніе. Но только матеріальная сила слабѣетъ отъ расширенія, между тѣмъ какъ нравственная сила отъ расширенія крѣпнетъ. Вы согласитесь съ тѣмъ, что находящіеся въ Индіи 100 тысячъ Англичанъ управляютъ населеніемъ изъ 180 или 200 милліоновъ не съ помощью матеріальной силы, а благодаря своему умственному превосходству. Поэтому я полагаю, что послѣдняя экспедиція Англичанъ на Кабулъ и на Гератъ укрѣпила ихъ нравственное владычество надъ Индіей и, стало быть, ихъ могущество въ Азіи не только не ослабѣло, но усилилось въ соразмѣрности. Для насъ мало утѣшительнаго въ томъ, что эта экспедиція вывела наружу ту истину, что мы не пользуемся никакимъ вліяніемъ въ центральной Азіи. Объ этихъ странахъ Англичане имѣютъ подробныя мѣстныя свѣдѣнія, и благодаря частымъ сношеніямъ съ этими народами, пріобрѣли на нихъ вліяніе. Мы-же не имѣемъ ни свѣдѣній объ этихъ странахъ, ни нуж-

---

*) Увлеченія, захваты.

Библиотека "Руниверс"

ныхъ познаній; мы не ведемъ тамъ торговли и не имѣемъ никакихъ сношеній съ мѣстнымъ населеніемъ, а потому и не можемъ имѣть никакого на него вліянія».

«Мнѣ кажется, что ссора Англичанъ съ Персами и всѣ статьи, которыми Англійскія газеты громили мнимые замыслы Русскихъ на Индію, были ничто иное, какъ придирки, придуманныя для того, чтобъ оправдать ихъ собственные честолюбивые замыслы и тѣ завоеванія, которыя они очень старательно подготовляютъ и такъ ловко приводятъ въ исполненіе».

Въ то время еще никто не могъ предвидѣть окончательнаго исхода войны, которая была предпринята противъ Афганцевъ; однако, вотъ что̀ я между прочимъ отвѣчалъ на приведенное письмо въ Февралѣ 1840.

«Что касается *Uebergriffe* Англичанъ въ Афганистанѣ, то я не вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе и полагаю, что они ослабили себя, зайдя слишкомъ далеко. Могу увѣрить васъ, что ихъ вліяніе въ этой обширной странѣ утверждено на очень непрочномъ фундаментѣ и что, если бы Россія того захотѣла, было-бы вовсе нетрудно принудить Англичанъ обратно перейти за Индъ и заставить болвана, возведеннаго ими въ званіе Кабулскаго шаха, убраться оттуда. Но дѣло въ томъ, что мы не желаемъ мѣшаться въ то, что̀ происходитъ на такомъ большомъ отъ насъ отдаленіи, и дѣйствуя такъ, императорскій кабинетъ быть можетъ, правъ. Только дай Богъ, чтобъ экспедиція въ Хиву удалась; я отвѣчаю вамъ, что она произведетъ впечатлѣніе въ Азіи».

Не смотря на миролюбивыя попытки, съ которыми Персидское правительство, по моему совѣту и при моемъ посредничествѣ, обратилось къ Сенъ-Джемскому кабинету, и не смотря на то, что изъ Петербурга меня увѣдомляли о скоромъ устраненіи затрудненій, возстановленіе добраго согласія между двумя дворами подвигалось медленно, и только въ Сентябрѣ 1841 года Англійскій посланникъ снова занялъ свой постъ въ Тегеранѣ.

Между тѣмъ наши старанія достигнуть этой цѣли не прекращались, и вотъ что̀ нашъ посолъ въ Лондонѣ баронъ Бруновъ писалъ мнѣ отъ 12 (24) Ноября 1840.

«Любезный генералъ, вы получите это письмо отъ Англійскаго офицера, котораго полковнику Шейлю приказано послать въ Тегеранъ съ письмомъ отъ лорда Пальмерстона къ мирзѣ-Агасси».

«По моему личному мнѣнію, этотъ шагъ можетъ открыть путь къ возвращенію Британскаго посольства и къ заключенію окончательнаго соглашенія между двумя сторонами».

«Изъ четырехъ спорныхъ пунктовъ, которые приходилось уладить, три уже считаются Британскимъ правительствомъ окончательно ула-

Библиотека "Руниверс"

женными. Остается уладить только 4-ый пунктъ касательно очищенія Горіана. Англійскій офицеръ отправляется въ Тегеранъ именно для того, чтобъ условиться о предварительныхъ распоряженіяхъ касательно этого очищенія и для того, чтобъ передать этотъ городъ Гератскимъ Афганцамъ. Если шахъ уладитъ это дѣло согласно съ тѣми желаніями, которыя поручено выразить Англійскому офицеру, то непосредственнымъ слѣдствіемъ этого будетъ примиреніе между двумя дворами, и тогда полковникъ Шейль возвратится въ Тегеранъ, а Англійскія войска немедленно очистятъ островъ Каракъ».

«Теперь отъ самого шаха зависитъ хорошо взвѣсить, чего требуютъ его выгоды. На мой взглядъ, непонятно, какую могъ-бы онъ извлечь пользу изъ обладанія Горіаномъ. Онъ не принесетъ ему никакой пользы въ качествѣ исходнаго пункта для новаго нападенія на Афганцевъ, такъ какъ для всякаго ясно, что еслибы онъ снова увлекся желаніемъ напасть на Гератъ, Англичане снова пришли-бы на помощь къ этому городу, и Персамъ это предпріятіе не удалось-бы точно также, какъ при первой попыткѣ».

«Съ другой стороны, если шахъ не имѣетъ намѣренія нападать на Гератъ и ограничится тѣмъ, что будетъ охранять себя отъ опасности, которая могла-бы угрожать ему со стороны Афганцевъ, то Горіанъ былъ-бы, по моему мнѣнію, очень слабой охраной; такъ какъ если Англичане будутъ поддерживать Афганцевъ и руководить ихъ дѣйствіями, то Горіанъ продержится недолго, а если послѣ взятія Горіана Афганцы будутъ продолжать военныя дѣйствія, то границы Персіи не только не будутъ ограждены отъ непріятельскаго вторженія, но будутъ подвергнуты этой опасности еще болѣе прежняго».

«Изъ-заудовольствія удержать въ своихъ рукахъ Горіанъ, шахъ рисковалъ-бы подвергнуть себя двойной опасности: 1-е, той, что у него отнимутъ этотъ городъ силой и 2-е, что онъ будетъ вовлеченъ въ распрю, въ которой на сторонѣ Афганцевъ будетъ то преимущество, что они получатъ тѣмъ или другимъ способомъ болѣе или менѣе существенную помощь отъ Англичанъ. По этимъ соображеніямъ я полагаю, что шахъ выказалъ бы политическое здравомысліе, еслибы сдѣлалъ видъ, что не по принужденію, а добровольно отказывается отъ обладанія городомъ, который ему ни на что не нуженъ и который можетъ быть скоро у него отнятъ, если онъ не воспользуется настоящимъ случаемъ, чтобъ уступить его подъ видомъ добровольной готовности. Попросту сказать, все это сводится къ очень простому соображенію: вопросъ въ томъ, что будетъ болѣе выгодно для шаха—очистить-ли Горіанъ и въ замѣнъ того достигнуть

Библиотека "Руниверс"

возвращенія Англійскаго посольства и уступки Карака, или-же отказаться отъ очищенія Горіана и вслѣдствіе того остаться въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Англіи, не получить обратно Карака и сверхъ того подвергаться опасности, что на Горіанъ будетъ сдѣлано нападеніе и что этотъ городъ будетъ у него отнятъ безъ всякаго вознагражденія и сверхъ того съ позоромъ для него».

«Мнѣ кажется, что всякій благоразумный человѣкъ не сталъ бы долго колебаться въ выборѣ того или другаго образа дѣйствій. Къ сожалѣнію, мнѣ извѣстно, любезный генералъ, что вы имѣете дѣло съ людьми очень неблагоразумными. Мнѣ также извѣстно, что ихъ самолюбіе было сильно задѣто, а въ подобныхъ случаяхъ самолюбіе плохой совѣтникъ. Поэтому я полагаю, что если Англійскій офицеръ, который будетъ посланъ въ Тегеранъ, захочетъ исполнить свое порученіе съ успѣхомъ, надо, чтобы и въ его словахъ, и въ его поступкахъ было много сдержанности и *dolcezza* *). Надо, чтобы онъ воздерживался и отъ угрозъ, и отъ рѣзкости въ обхожденіи и чтобы онъ обнаруживалъ дружелюбную готовность достигнуть скораго и ни для кого неунизительнаго соглашенія между двумя дворами. Если таково будетъ поведеніе Англійскаго агента, то я надѣюсь, что онъ съ успѣхомъ исполнитъ свою миссію».

«Совѣты, съ которыми вы обращались къ Тегеранскому двору съ цѣлію ускорить развязку настоящихъ затрудненій, вызвали здѣсь горячее одобреніе. Здѣсь считаютъ за очевидное доказательство вашего безпристрастія и добросовѣстности тотъ фактъ, что вы неоднократно выражали желаніе, чтобы возвращеніе Англійскаго посольства состоялось какъ можно скорѣе; этимъ вы ясно доказали, что вы не имѣете желанія пользоваться исключительнымъ вліяніемъ въ Персіи и что вы предпочитаете раздѣлять это вліяніе съ Англійскимъ посланникомъ, лишь бы усилія этихъ двухъ представителей направлялись къ поддержанію внутренняго и внѣшняго спокойствія Персіи».

«Я не расхожусь съ вами и въ томъ мнѣніи, что пока между Англіей и Персіей будутъ существовать отношенія, похожія на отношенія между двумя воюющими державами, поведеніе Англійскихъ агентовъ не будетъ соотвѣтствовать той миролюбивой системѣ, о которой я говорю. Вотъ почему васъ, конечно, долженъ удивлять тотъ фактъ, что въ то время, какъ Англійскіе министры выражаютъ мнѣ здѣсь свое миролюбивое расположеніе къ Персіи, Англійскіе эмиссары или агенты дѣйствуютъ на мѣстѣ въ иномъ, а иногда и противополож-

---

*) Сладости.

Библиотека "Руниверс"

номъ, направленіи. Агенты, о которыхъ вы говорите, получаютъ внушенія отъ правительства Остъ-Индской Компаніи. Въ средѣ этого правительства, къ сожалѣнію, существуетъ прискорбное противъ насъ предубѣжденіе. Въ Калькуттѣ еще дѣйствуютъ и думаютъ такъ, какъ дѣйствовали и думали въ то время, когда Витковичъ жилъ въ Кабулѣ, а Симоничъ въ Тегеранѣ. Отсюда возникаетъ множество противорѣчій между политикой Калькутты, гдѣ это предубѣжденіе существуетъ, и политикой Лондона, гдѣ оно исчезло. Всѣ мои усилія направлены къ тому, чтобы примирить эти разнородныя тенденціи, чтобы примирить тенденціи Калькутты, которая смотритъ на насъ какъ на враговъ, съ тенденціями Лондона, который считаетъ насъ за друзей. Я не теряю надежды достигнуть успѣха въ этомъ предпріятіи. Но когда вы примите въ соображеніе, что здѣсь идетъ дѣло объ устраненіи предубѣжденій, существовавшихъ въ теченіе многихъ лѣтъ, и что пройдутъ мѣсяцы, прежде чѣмъ миролюбивое внушеніе дойдетъ отсюда до Остъ-Индскаго правительства, вамъ будетъ не трудно понять, почему я выслушиваю здѣсь отъ лорда Пальмерстона увѣренія въ желаніи Англіи поддержать Персидскую монархію, между тѣмъ какъ Остъ-Индская Компанія нанимаетъ солдатъ для похода на Горіанъ».

«Нужно время и терпѣніе, чтобы изгладить слѣды этого зла. Я настойчиво къ этому стремлюсь въ сферѣ моей дѣятельности. Въ Европѣ положеніе дѣлъ много разъяснилось съ тѣхъ поръ, какъ начало устанавливаться доброе согласіе между Россіей и Англіей. Постараемся дѣйствовать точно также въ Азіи. Это будетъ ваша задача. Повѣрьте мнѣ, что здѣсь очень хорошо извѣстны прямота, честность и умѣренность вашего характера. Ваша миссія въ Египтѣ оставила здѣсь самыя лучшія и самыя лестныя для васъ воспоминанія. Теперь держите себя въ Тегеранѣ точно такъ, какъ въ Александріи. Мы пожнемъ самые обильные плоды отъ вашего благоразумнаго и искренняго старанія поставить наши отношенія къ Англіи на такую же ногу въ Азіи, на какую мы стараемся поставить ихъ въ Европѣ».

Это письмо было передано мнѣ докторомъ Ріакомъ, который былъ посланъ ко мнѣ полковникомъ Шейлемъ. Я сдѣлалъ все, что̀ отъ меня зависѣло, чтобы привести къ успѣшному окончанію возложенные на него переговоры, и во̀тъ въ какихъ выраженіяхъ я увѣдомлялъ объ этомъ барона Брунова.

«Въ отвѣтъ на письмо, которымъ вы почтили меня отъ 12 (24) Ноября 1840 и которое я получилъ двѣ недѣли тому назадъ, я съ удовольствіемъ могу сообщить вамъ, что несогласія, существовавшія между дворами Тегеранскимъ и Лондонскимъ, совершенно улажены.

Библиотека "Руниверс"

Шахъ вполнѣ согласился на требованіе лорда Пальмерстона: уже отправлено приказаніе очистить Горіанъ и передать его Гератскимъ Афганцамъ; однимъ словомъ, теперь уже ничто не препятствуетъ возвращенію Британскаго посольства въ Персію».

«Могу увѣрить васъ, г-нъ баронъ, что я горячо старался достигнуть этого результата и что, не окажи я Англійскому агенту поддержки какъ у шаха, такъ и у его министра, онъ едвали имѣлъ бы успѣхъ въ своихъ переговорахъ, такъ какъ его величество объявилъ, что въ этомъ дѣлѣ будетъ вполнѣ слѣдовать моимъ совѣтамъ. Я позволяю себѣ надѣяться, что въ своихъ депешахъ къ лорду Пальмерстону докт. Ріакъ отдаетъ мнѣ справедливость, и, что̀ еще болѣе для меня цѣнно, надѣюсь, что наконецъ императорское министерство будетъ довольно мною.»

«Еслибы я покинулъ теперь мой постъ, я удалился бы отсюда съ сознаніемъ, что принесъ какую-нибудь пользу, такъ какъ независимо отъ примиренія между кабинетами Лондонскимъ и Тегеранскимъ, которому я искренно содѣйствовалъ, могу увѣрить васъ, г-нъ баронъ, что, безъ моего вмѣшательства, шахъ отправилъ бы прошлымъ лѣтомъ свои войска на Багдадъ и вѣроятно овладѣлъ бы этимъ городомъ, что̀, согласитесь съ этимъ, еще болѣе усложнило бы восточный вопросъ, который и безъ того уже достаточно запутанъ».

«Вы говорите, г-нъ баронъ, что въ то время, какъ вы стараетесь изгладить старинныя предубѣжденія въ Европѣ, отъ меня будетъ зависѣть возстановить въ Азіи доброе согласіе между Россіей и Англіей. Я съ удовольствіемъ посвятилъ бы себя достиженію этой цѣли, но оно едвали возможно при недружелюбныхъ стремленіяхъ, которыми отличается Англійская политика въ этой части Азіи по волѣ Лондонскаго кабинета или по волѣ Остъ-Индскаго правительства».

«Если Англія будетъ безнаказанно дозволять себѣ самые дерзкіе захваты, а мы будемъ относиться къ этимъ безпрестаннымъ захватамъ съ безмолвной покорностью, то настанетъ, наконецъ, минута, когда мы отступимъ такъ далеко, что уже нельзя будетъ далѣе отступать. Установить на такой основѣ доброе согласіе между двумя правительствами было бы несогласно съ достоинствомъ Россіи и было бы нарушеніемъ самыхъ дорогихъ ея интересовъ».

«Пусть Англія, въ настоящую минуту, надѣюсь, вполнѣ успокоившаяся на счетъ нелѣпыхъ замысловъ, которые приписывались Россіи, отзоветъ свои войска по ту сторону Инда, предоставивъ шаху Шуджѣ довольствоваться его собственными ресурсами; пусть она отзоветъ изъ Герата Англійскихъ офицеровъ, которые говорятъ тамъ

Библиотека "Руниверс"

тономъ повелителей; пусть этотъ городъ будетъ нейтральнымъ пунктомъ между Англіей и Россіей и пусть онъ будетъ поставленъ внѣ всякаго вліянія той или другой изъ этихъ державъ; наконецъ, пусть она откажется отъ всякаго прямаго или косвеннаго воздѣйствія на Хиву и на Туркестанскихъ кочевниковъ: тогда будетъ нетрудно придти къ соглашенію и утвердить доброе согласіе между двумя правительствами на солидномъ и прочномъ фундаментѣ; вѣдь вы согласитесь, г-нъ баронъ, что если Англичане усматривали непріязненное дѣйствіе въ командировкѣ Виткевича въ Кабулъ, то мы имѣемъ столько же и даже болѣе резоновъ жаловаться на пребываніе Англійскихъ офицеровъ въ Хивѣ и на ихъ наглое вмѣшательство въ дѣла этого ханства».

Въ силу соглашенія, состоявшагося между Персидскимъ правительствомъ и Англійскимъ агентомъ, докт. Ріакъ прибылъ въ Горіанъ, и тамъ въ его присутствіи совершилась передача этой крѣпости въ руки Гератскихъ Афганцевъ. Но вслѣдствіе какого-то по истинѣ роковаго предопредѣленія, повидимому тяготѣвшаго надъ устраненіемъ Англо-персидскаго столкновенія, случилось новое непредвидѣнное обстоятельство, отъ котораго едва не пришлось переначинать все дѣло съизнова. Царствовавшій въ Гератѣ Камрамъ-мирза, поссорившись тѣмъ временемъ съ Англійскимъ агентомъ маіоромъ Годдомъ и опасаясь, чтобы его владѣнія не подверглись той же участи, какая выпала на долю Кабула и Кандагара, гдѣ Англичане говорили и дѣйствовали неограниченными повелителями, Камрамъ-мирза, говорю я, предложилъ по собственному почину Персидскому шаху подчиниться ему и признать надъ собою его верховную власть. Соображенія, вызванныя этимъ непредвидѣннымъ поступкомъ изложены въ слѣдующихъ двухъ письмахъ, которыя я послалъ генералу Головину въ Тифлисъ.

Тегеранъ, 2 Апрѣля 1841.

«Политическій горизонтъ снова омрачился совершенно неожиданнымъ образомъ».

«Гератскіе Афганцы совершенно разсорились съ Англичанами. Англійскій агентъ маіоръ Годдъ выѣхалъ изъ Герата, а Афганскій уполномоченный Магометъ-ханъ прибылъ сюда отъ Камрама-мирзы съ предложеніемъ подчиниться Персіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гератцы утверждаютъ, что они отправили военную экспедицію на Кандагаръ и даже поговариваютъ объ изгнаніи Англичанъ изъ Афганистана, пользуясь всеобщимъ неудовольствомъ, которое повсюду высказывается и противъ владычества иностранцевъ, и противъ владычества Англійскаго фаворита Шуджи-Эль-Мулька. Если вѣритъ Гератцамъ, то вся

Библиотека "Руниверс"

страна въ возстаніи, и Англичане не устоятъ противъ ненависти и негодованія, которыя они возбудили противъ себя своимъ самовольнымъ поведеніемъ; но я думаю, что въ этихъ словахъ много преувеличеній. Во всякомъ случаѣ я полагаю, что Британское правительство будетъ очень недовольно тѣмъ, что Гератскій владѣтель обратился къ Персидскому шаху съ изъявленіями покорности, такъ какъ политика Лондонскаго кабинета постоянно стремилась къ тому, чтобъ сдѣлать изъ Герата оплотъ для Англійскихъ владѣній въ Индіи противъ Россіи и противъ Персіи».

Тегеранъ, 30 Апрѣля 1841.

«Вамъ уже извѣстно, г-нъ генералъ, новое затрудненіе, возникшее въ Англо-персидскомъ вопросѣ вслѣдствіе добровольно изъявленной Гератскимъ владѣтелемъ готовности подчиниться Персидскому шаху. Благодаря этому обстоятельству, которое, конечно, крайне непріятно для Англіи, мы такъ же далеки отъ разрѣшенія этого труднаго вопроса, какъ и прежде».

«Докторъ Ріакъ, находившійся при очищеніи Горіана и при передачѣ его въ руки Гератскихъ Афганцевъ, возвратился сюда нѣсколько дней тому назадъ. Онъ также мраченъ, озабоченъ и боится за будущее. Онъ, кажется, убѣжденъ, что дѣла касательно Афганистана могутъ быть улажены прочно и къ удовольствію всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ лишь при искреннемъ и безкорыстномъ содѣйствіи Англіи, Россіи и въ особенности Персіи, которая заинтересована въ нихъ еще болѣе, чѣмъ Россія и Англія въ совокупности».

«Я всегда былъ того мнѣнія, что императорскій кабинетъ долженъ бы былъ одновременно вести переговоры и объ Афганскомъ вопросѣ, и о Персидскомъ и что лишь при совокупномъ веденіи тѣхъ и другихъ переговоровъ можно бы было достигнуть справедливаго рѣшенія, которое имѣло бы какіе-нибудь виды на прочность. До сихъ поръ этого не было сдѣлано; а нашему кабинету, быть можетъ, не дозволяли этого тѣ политическія условія, въ которыхъ находилась Европа въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ; но въ настоящую минуту старинныя предубѣжденія совершенно разсѣялись, мы стали на совершенно дружескую ногу въ нашихъ отношеніяхъ къ Англіи, и эта держава сама понимаетъ, что она одна не будетъ въ состояніи окончательно устроить судьбу Афганистана. Поэтому я полагаю, что теперь настало время обратиться къ Англіи съ предложеніями и достигнуть дружескаго соглашенія по всѣмъ спорнымъ вопросамъ».

Библиотека "Руниверс"

Это непредвидѣнное происшествіе, грозившее сдѣлать безполезными всѣ мои усилія, направленныя къ примиренію Персіи съ Англіей, причинило мнѣ много заботъ, которыя нашли для себя выраженіе въ письмѣ, отправленномъ мною въ Апрѣлѣ 1841 къ вице-канцлеру.

«Въ теченіи двухъ съ половиной лѣтъ, проведенныхъ мною въ Тегеранѣ въ качествѣ Русскаго посланника, мои депеши, къ сожалѣнію, никогда не были окрашены въ розовый цвѣтъ, а въ настоящую минуту сознаю, что онѣ носятъ на себѣ еще болѣе мрачную окраску, чѣмъ когда-либо. Но я былъ бы виновенъ, еслибы сталъ скрывать отъ императорскаго министерства настоящее положеніе дѣлъ. Оно таково, что возбуждаетъ во мнѣ самыя сильныя опасенія. Когда я такъ говорю, вы конечно не подумаете, что я забочусь лично о себѣ, такъ какъ я надѣюсь, что до моего отъѣзда отсюда я буду приводить въ движеніе Персидскую правительственную машину, и не о томъ идетъ рѣчь, чтобъ сдѣлать мое положеніе менѣе непріятнымъ. Если я такъ говорю, это потому, что въ моихъ глазахъ Персія находится наканунѣ кризиса. Внутренняя неурядица и шатость внѣшняго положенія неизбѣжно приведутъ къ кризису, который, я опасаюсь, отзовется на нашихъ Закавказскихъ провинціяхъ. Подобно тому какъ *statu quo*, которое Европейская дипломатія поддерживала въ теченіе шести лѣтъ между Египтомъ и Турціей, сдѣлалось невыносимымъ для обѣихъ сторонъ и было разрушено битвой при Низибѣ,—и Персія, со времени завоеванія Афганистана Англичанами, живетъ лишь непрочною и искусственною жизнью, которая окончится какой-нибудь сильной катастрофой».

«Вы не повѣрите, до какой степени здѣсь возбуждены умы противъ Англіи, такъ какъ здѣсь замѣчаютъ, что всѣ пожертвованія и всѣ уступки, сдѣланныя Персіей, большею частію по моимъ совѣтамъ, остались безъ послѣдствій».

«И островъ Каракъ, и нѣсколько другихъ острововъ въ Персидскомъ заливѣ по прежнему заняты Англичанами. Британское посольство ничѣмъ не выражаетъ своего намѣренія возвратиться сюда; Англійскіе эмиссары бродятъ по странѣ и возбуждаютъ въ ней волненіе; Англійское правительство поддерживаетъ деньгами и своимъ одобреніемъ возстаніе Агахана въ Керманской провинціи; Англичане стараются при помощи денегъ возбуждать волненія въ Хорасанѣ; они недавно подучили Хивинцевъ напасть на Гератъ; наконецъ, не смотря на увѣренія лорда Пальмерстона, положительно дознано, что никто другой, какъ Англичане оказывали до сихъ поръ покровительство укрывшимся въ Багдадѣ Персидскимъ принцамъ и что они дѣлали изъ этихъ принцевъ пугало противъ Персіи».

Библиотека "Руниверс"

«Послѣ этого, можемъ ли мы удивляться, что Персы не довѣряютъ Англичанамъ и что добровольное изъявленіе покорности со стороны Камрама-мирзы, внушивъ имъ надежду снова вступить въ обладаніе Гератомъ, было принято ими съ удовольствіемъ? Они ухватились за него, какъ за послѣднее средство спасенія».

«Мнѣ неизвѣстно, г-нъ графъ, какое рѣшеніе будетъ принято по этому случаю императорскимъ министерствомъ; но полагаю, что не ошибусь, сказавъ, что мы когда-нибудь будемъ горько раскаяваться, если потерпимъ, чтобъ Англичане утвердили свое владычество въ Гератѣ, какъ они утвердили его въ Кабулѣ и въ Кандагарѣ».

«Я хорошо знаю, что мои депеши и мои письма не могутъ быть пріятны вашему сіятельству; но развѣ мною были бы довольны, еслибы я писалъ не то, что̀ думаю? Даже, еслибы я сталъ молчать, событія выдали бы меня и заговорили бы громче и краснорѣчивѣе самого меня».

Библиотека "Руниверс"

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НА КАВКАЗѢ.

Воспоминанія А. Л. Зиссермана *).

XIV.

Однако не всё же война и служба...

Съ перваго дня пріѣзда въ Владикавказъ я попалъ въ какой-то водоворотъ безпрерывныхъ празднествъ и разнообразнѣйшихъ удовольствій, конечно, того особаго рода, который былъ свойственъ составу общества и мѣстнымъ условіямъ.

Началось съ открытія клуба баломъ; дальше пошли балы въ немъ каждый Вторникъ и Пятницу, по Воскресеньямъ обыкновенныя собранія; въ промежуткахъ вечера въ частныхъ домахъ. Всё это, начинаясь съ 8—9 вечера, оканчивалось не ранѣе 5—6 утра, часто даже въ 7—8, когда нѣкоторыхъ дамъ съ музыкой провожали домой, вызывая на улицахъ кучки недоумѣвающихъ зрителей... Широкость натуры проявлялась на полномъ просторѣ, и всё завершалось самой азартнѣйшей картежной игрой и разливнымъ моремъ вина.

Всё это веселье лишилось бы однако своего увлекательнаго характера, еслибы не домъ командира Тенгинскаго полка Алексѣя Петровича Опочинина. Кто изъ перебывавшихъ на Кавказѣ въ концѣ сороковыхъ и до конца пятидесятыхъ годовъ не зналъ дома Опочининыхъ во Владикавказѣ, этого воплощенія широчайшаго Кавказскаго гостепріимства? И самъ Алексѣй Петровичъ, и его супруга Варвара Яковлевна были само добродушіе, сама любезность, само веселье. Какая-то милѣйшая беззаботность, отсутствіе всякой серьозности, непрерываемое свѣтлое расположеніе духа, жажда удовольствій, развлеченій, желаніе быть окруженными весело настроенными лицами, слышать шутки, смѣхъ, однимъ словомъ, вѣчный праздникъ былъ принадлежностью этого дома; девизомъ его было: Man lebt nur ein Mal! [1])... Оттуда исходила инціатива всякихъ удовольствій, тамъ зарождались всѣ затѣи, тамъ онѣ заканчивались. Никакой серьозный человѣкъ, разъ попавшій въ кружокъ постоянныхъ посѣтителей дома Опочининыхъ, не могъ устоять противъ этого увлеченія, или, вѣрнѣе, запоя беззаботнѣйшаго веселья и дурачествъ! Къ тому же Алексѣй Петровичъ, довольно равнодушный къ военнымъ лаврамъ, въ экспедиціяхъ участія не принималъ, почти безвыѣздно пребывалъ во Владикавказѣ, и потому

*) См. Русскій Архивъ сего года кн. 1-я, стр. 67, 273 и 600.

[1]) Живешь всего одинъ разъ.

Библиотека "Руниверс"

излюбленный образъ жизни могъ идти безъ перерывовъ; каждый разъ расходившіеся гости могли, подобно Вестфальскому королю Жерому, повторять: Morgen wieder lustig [2])...

Зима 1857—58 г. была замѣчательная: съ 6 Ноября выпалъ снѣгъ, и въ теченіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ мы пользовались прекрасною санною дорогою. Такое рѣдкое явленіе въ той мѣстности способствовало всѣмъ затѣваемымъ увеселеніямъ и лишало ихъ монотоннаго однообразія. То мы въ цѣлой вереницѣ саней отправлялись въ Балту (первая станція по дорогѣ въ Тифлисъ) къ офицеру путей сообщенія Бениславскому обѣдать, гдѣ собравшіеся Осетины развлекали насъ національными плясками, пѣснями, хороводами, устраивая пирамиды съ ловкостью истыхъ гимнастовъ, а при возвращеніи вечеромъ въ Владикавказъ скакали съ десятками факеловъ, джигитовали, стрѣляли и проч. Въ другой разъ устроили пикникъ—поѣздку къ тому же Владиславу Бениславскому, типу истаго «Pana marschalka», элегантнаго ухаживателя за барынями и завзятаго мазуриста. Всѣ въ поѣздѣ были замаскированы, даже кучера и музыканты Тенгинскаго полка вымазали рожи сажей и надѣли полушубки шерстью вверхъ. Такъ тамъ обѣдали, плясали, дурачились безъ конца... Между прочимъ устроили базаръ и, шутя, собрали 250 р. въ пользу бѣдныхъ. На обратномъ пути, при факелахъ, поѣздъ сопровождался верхами Грузинской свадьбой, воспроизведенной вполнѣ, со всѣми оригинальными пріемами и обычаями, Грузинскими хоровыми пѣснями, стрѣльбой и проч. По возвращеніи въ городъ—прямо въ клубъ, продолжали танцы до 4-хъ, а затѣмъ карты до 7-ми утра!...

То вдругъ экспромтомъ усаживались въ нѣсколько саней и совершали набѣгъ въ Ардонъ, на командира Владикавказскаго казачьяго полка Шостака, заставляя бѣднаго старика, совсѣмъ не приготовленнаго къ такому сюрпризу, хлопотать объ угощеніи, музыкѣ, ночлегахъ. Или, также невзначай, появлялись въ аулъ какого-нибудь Осетинскаго аристократа и, послѣ нѣсколькихъ часовъ пированія на туземный ладъ, скакали обратно, обгоняли другъ друга и, не успѣвъ передохнуть и переодѣться, уже опять собирались въ клубѣ или у Опочининыхъ на всю ночь... Иной разъ въ большія сани, запряженныя пятью лошадьми, усаживались дамы, а къ этимъ санямъ привязывался цѣлый рядъ, одни за другими, 6—7 штукъ салазокъ, на которыхъ возсѣдали молодые офицеры, и такъ неслись по улицамъ, преслѣдуе-

---

[2]) Завтра опять весело.

Библиотека "Руниверс"

мые собаками, толпами зѣвакъ, опрокидывались, опять усаживались, шумъ, хохотня, остроты...

И въ такомъ родѣ, день изо-дня, мѣсяца три продолжался этотъ запой веселья, при чемъ, нужно однако сказать совершенно безпристрастно, ни разу ни лишне-выпившихъ, ни малѣйшаго неприличія, ни малѣйшей пересоленной вольности въ отношеніи дамъ не проявлялось, и даже картежная оргія, не взирая на крупные размѣры и разношерстность играющихъ, не вызвала ни одного недоразумѣнія или непріятности. Комическаго было много, особенно со стороны дамъ зрѣлаго возраста, но молодившихся quand même *) и пускавшихся въ плясъ, въ модный тогда танецъ «лансье»; но неприличнаго ни тѣни.

Въ настоящее время читателю, не изъ старыхъ Кавказцевъ, можетъ показаться страннымъ или, вѣрнѣе, непростительно пошлымъ «прожиганіемъ жизни» (новѣйшее словечко) такое препровожденіе времени въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ; но нужно перенестись за 28 лѣтъ назадъ и знать тогдашнія условія существованія на Кавказѣ военнаго общества, чтобы снисходительнѣе взглянуть на эти шалости. Людямъ, проводившимъ четыре-пять мѣсяцевъ зимою, въ холодъ, слякоть, въ дырявой палаткѣ, съ 4-го ч. утра до 5—6 пополудни, на рубкѣ лѣса, въ перестрѣлкахъ, въ какомъ-нибудь маленькомъ укрѣпленіи, изъ котораго никуда выйти нельзя и т. п., совершенно простительно, добравшись до штабъ-квартиры полка или города, гдѣ живутъ болѣе мирною общественною жизнью, забыться среди возможныхъ удобствъ и удовольствій, не очень соображаясь съ ихъ размѣрами. Вѣдь какое время это было! Сегодня танцы, дамское общество, веселье,—завтра ежеминутная опасность, голодъ, холодъ, тоска; сегодня роскошный ужинъ, деликатесы, грѣтый лафитъ и замороженное шампанское,—завтра сухарь, мутная гуща вмѣсто чаю, продымленная похлебка, вездѣ грязь, кучки измокшихъ, истомленныхъ солдатъ, да не рѣдко распеканія какого-нибудь желчнаго брюзги-командира; сегодня пикники, завтра прострѣленная грудь, раздробленная рука, или тифъ и промозглый госпиталь... Ну, и вырабатывались эти особые типы беззаботныхъ людей, для которыхъ всё трынъ-трава,—жизнь копѣйка!

Къ тому же, службѣ даже такія сумазбродныя, продолжительныя веселья не мѣшали. Я самъ тогда во Владикавказѣ, хотя и усердный участникъ всѣхъ этихъ баловъ, пикниковъ, маскарадовъ, каждый день нѣсколько часовъ посвящалъ дѣламъ комитета и въ теченіе мѣсяца достаточно ихъ изучилъ, какъ уже и сказано въ предыдущей главѣ.

*) Во что бы ни стало.

Библиотека "Руниверс"

Страдало, конечно, здоровье большинства; но кто же въ молодости о здоровьи думаетъ?...

Можетъ явиться другой, совершенно естественный вопросъ— откуда брались средства у военныхъ людей на такіе пиры съ лафитомъ и шампанскимъ? Отвѣтъ можно найти въ предшествовавшихъ главахъ. Полковые, батарейные и всякіе командиры имѣли свои источники доходовъ отъ продовольствія лошадей, отъ лазаретовъ, обмундированія и проч., инженеры отъ построекъ и ремонтовъ, путейцы отъ дорогъ и мостовъ, провіантскіе чиновники отъ поставщиковъ, доктора отъ госпиталей и т. п. Одна Военногрузинская дорога, съ такими благодѣтелями, какъ мѣняющій русла Терекъ, Бѣшеная балка, каменные обвалы, снѣжные завалы, подмытые берега,—чего стоила! А перевозка по этой дорогѣ провіанта? И эдакихъ, въ своемъ родѣ Калифорній, было по всѣмъ частямъ слава тебѣ Господи!...

Деньги расходовались съ легкостью, свойственной широкой Славянской натурѣ (въ чемъ ей и Грузинская не уступитъ...) вообще, а военнымъ людямъ въ особенности. «Leicht gewonnen, leicht zerronnen»*). Молодежъ же частью получала пособія отъ родныхъ, частью дѣлала долги, частью выигрывала въ карты и ставила послѣдній грошъ ребромъ, въ надеждѣ на будущія, лучшія времена.

«Гдѣ дрова рубятъ, тамъ щепки валятся», говоритъ пословица. «Гдѣ война, тамъ деньги валятся», можно перефразировать, и если это такъ происходитъ у болѣе цивилизованныхъ, строже контролируемыхъ народовъ Запада (кромѣ Прусаковъ впрочемъ), то намъ уже и совсѣмъ простительно было въ дореформенныя времена. Далъ бы Богъ только впредъ уже устранить это стародавнее зло!...

XV.

Во II-мъ томѣ «Двадцати пяти лѣтъ» я разсказывалъ о баронѣ Александрѣ Евстафьевичѣ Врангелѣ, оставившемъ Кавказъ въ 1855 г., тотчасъ по пріѣздѣ Н. Н. Муравьева. Баронъ былъ назначенъ начальникомъ 2-й гвардейской дивизіи, удостоился въ Петербургѣ весьма лестнаго вниманія, возведенъ въ званіе генералъ-адъютанта, всё это, само собою, благодаря князю Барятинскому, также точно оставившему Кавказъ, послѣ назначенія Муравьева главнокомандующимъ.

По поводу этихъ оставленій Кавказа княземъ Барятинскимъ и бар. Врангелемъ носились различные слухи и анекдоты, которымъ всѣ вѣ-

*) Легко пріобрѣтенное легко разсыпается.

Библиотека "Руниверс"

рили. Говорили, что Барятинскій былъ вытребованъ на встрѣчу Муравьева въ Душетъ, гдѣ за докладомъ долженъ былъ выслушать весьма колкія замѣчанія и намеки на безполезность дальнѣйшаго пребыванія въ краѣ, и еще много въ этомъ родѣ. Между тѣмъ всё это оказывается пустою болтовнею. Я читалъ въ военноученомъ архивѣ Главнаго Штаба собственноручныя письма Муравьева къ военному министру, въ которыхъ онъ описывалъ шагъ за шагомъ свой проѣздъ по Кавказу, свои впечатлѣнія и взгляды на дѣла, на начальствующихъ лицъ. Ни о комъ ни одного дурнаго слова; напротивъ, самые лестные отзывы. Козловскій (тогда командующій войсками на всей Кавказской линіи) расхваленъ съ крайними преувеличеніями; объ Евдокимовѣ я уже разсказывалъ, какъ лестно онъ отозвался; о баронѣ Вревскомъ (Ипполитѣ Александровичѣ) выразился, что это генералъ съ большими военными соображеніями; о бар. Врангелѣ, что это давно извѣстный своею прямотою и храбростью человѣкъ; о князѣ Барятинскомъ, что весьма желалъ удержать въ краѣ такого способнаго человѣка и предлагалъ ему дѣйствующій въ Азіятской Турціи корпусъ (вмѣсто князя Бебутова); но онъ отказался и, къ крайнему сожалѣнію, оставилъ Кавказъ. Объ единственномъ человѣкѣ, наказномъ атаманѣ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, генералъ-маіорѣ князѣ Эристовѣ, отзывъ Муравьева былъ неблагопріятный... «Атаманъ боленъ, а въ войскѣ всё скверно; нужно на это мѣсто человѣка энергическаго, опытнаго, дѣловаго». Вслѣдъ за этимъ Эристовъ былъ уволенъ, и на его мѣсто Муравьевъ вызвалъ изъ Варшавы генералъ-маіора *, командовавшаго долгое время Варшавскимъ жандармскимъ дивизіономъ, бывшаго прежде адъютантомъ у Паскевича. Милѣйшій, симпатичный, славный человѣкъ, любитель хорошо пожить, отлично игравшій въ преферансъ и проч., едва ли обладалъ хотя однимъ изъ тѣхъ качествъ, которыя самъ Муравьевъ указывалъ, какъ на необходимыя для атамана. Ни опытности, потому что откуда же Варшавскому жуиру и жандармскому командиру имѣть понятіе о Кавказскомъ казачьемъ войскѣ, съ его сложнымъ военно-судебно-административно-хозяйственнымъ управленіемъ, гдѣ въ одно и тоже время писали: «слушали, приказали» и по военному «приказы», обязательные къ исполненію безъ разсужденій? Ни энергіи, потому что она вовсе не была въ характерѣ очень добраго, но имѣвшаго эпикурейскія наклонности человѣка. Ни дѣловитости, потому что предшествовавшая служба не давала почвы для образованія этого качества. Однимъ словомъ,* прекрасный, честный былъ человѣкъ, повидимому и старавшійся войти въ свою роль, пользовавшійся общимъ расположеніемъ, но не атаманъ, какимъ самъ Муравьевъ изображалъ

Библиотека "Руниверс"

нужнаго на это мѣсто человѣка. Собственно атаманомъ, не de jure, но de facto, былъ его дежурный штабъ-офицеръ К....

Вотъ такъ-то большею частью и выходитъ разладъ между словомъ и дѣломъ! И неудивительно, ибо человѣку свойственно ошибаться. И ни въ чемъ не бываетъ такъ трудно избѣгнуть ошибки, какъ въ выборѣ людей на соотвѣтствующія мѣста. Н. Н. Муравьевъ былъ человѣкъ умный, опытный, но въ этомъ отношеніи очевидно плошалъ. Онъ, напримѣръ, выписалъ (кажется изъ отставки) генерала-майора Лукаша губернаторомъ въ Тифлисъ. Генералъ Лукашъ въ Польскую войну командовалъ гренадерскимъ полкомъ, на штурмѣ Варшавы отличился, получилъ Георгія на шею. Это онъ шелъ впереди полка съ пѣсельниками, «ахъ зачѣмъ было огородъ городить», и проч., — что̀ извѣстно давно изъ разсказовъ. Что̀ и говорить, молодецъ; но какое же это имѣетъ отношеніе къ дѣламъ Губернскаго Правленія вообще, а Тифлисскаго въ особенности? Какъ и слѣдовало ожидать, г. Лукашъ оказался далеко не героемъ при столкновеніи съ авторами разныхъ «слушали и приказали», возбудилъ множество забавныхъ объ себѣ анекдотовъ, и вслѣдъ за Муравьевымъ исчезли изъ Тифлиса Лукашъ, Лукашиха и Лукашонокъ, какъ шутники называли это тріо губернаторской семьи. Мѣстомъ успокоенія оказался, если не ошибаюсь, Московскій департаментъ Сената...

Такое же неудачное назначеніе сдѣлалъ Муравьевъ, посадивъ на мѣсто князя Барятинскаго начальникомъ штаба генералъ-майора Индреніуса. Это былъ хорошій, честный Шведъ, исправный начальникъ отдѣленія въ штабѣ, *чиновникъ* военнаго вѣдомства, но для должности начальника штаба Кавказской арміи требовалось кое-что большее. И Индреніусъ вслѣдъ за Муравьевымъ уѣхалъ губернаторствовать на своей Финляндской родинѣ...

Въ концѣ 1857 года, когда владѣтель Сванетіи Дадешкеліанъ убилъ Кутаисскаго генералъ-губернатора князя Гагарина, князь Барятинскій предложилъ это мѣсто барону Врангелю, и тотъ изъявилъ согласіе. Въ Генварѣ 1858 г. состоялось назначеніе, и баронъ выѣхалъ на Кавказъ. Ему нужно было остаться въ Владикавказѣ дня на два, чтобы устроить переѣздъ чрезъ горы, въ которыхъ за большими снѣгами трудно было перевезти экипажи, и онъ остановился у меня. Между прочимъ баронъ разсказалъ мнѣ, что хотя назначенъ Кутаисскимъ ген.-губернаторомъ, но, судя по послѣднимъ письмамъ изъ Тифлиса, ему, кажется, придется быть командующимъ войсками въ Прикаспійскомъ краѣ; въ такомъ случаѣ онъ желалъ бы, чтобы я опять служилъ при немъ.

Библиотека "Руниверс"

Я съ удовольствіемъ согласился на это предложеніе, и рѣшено было, что если состоится назначеніе барона въ Дагестанъ, то по пріѣздѣ въ Темиръ-ханъ-Шуру онъ тотчасъ сдѣлаетъ представленіе о назначеніи меня дежурнымъ штабъ-офицеромъ, а я между тѣмъ воспользуюсь промежуткомъ времени и съѣзжу въ отпускъ.

Послѣ отъѣзда барона Врангеля изъ Владикавказа потребовалъ меня къ себѣ генералъ Рудановскій.

Являюсь.

— По какому случаю баронъ Врангель останавливался у васъ?

«Безъ всякаго случая, ваше превосходительство; просто, какъ у бывшаго своего адъютанта».

— Вамъ, милостивый государь, *еще рано генералъ-адъютантовъ у себя принимать*! уже закипѣвъ и раскраснѣвшись, крикнулъ Самоваръ-паша.

Я чуть не фыркнулъ. Вѣдь можетъ же человѣкъ, вовсе не глупый и образованный, доходить до такой пошлости! Много времени спустя, я разсказывалъ барону Врангелю объ этой выходкѣ Рудановскаго, но онъ не повѣрилъ и считалъ ее плодомъ моего остроумія.

Чтобы не терять времени, я тотчасъ подалъ просьбу объ отпускѣ на три мѣсяца и предварительно поѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ надѣялся исходатайствовать себѣ командировку въ Петербургъ, чтобы воспользоваться казенными прогонами и курьерской подорожной, что́ значительно сокращало время переѣзда и избавляло отъ многихъ непріятностей въ путешествіи на почтовыхъ. Тогда такъ часто посылались изъ Тифлиса курьеры съ экстренными бумагами или порученіями въ Петербургъ, что я надѣялся, при помощи Романовскаго, успѣть въ этомъ.

Пріѣхавъ въ Тифлисъ, я остановился у начальника горной части полковника Иваницкаго. Это была личность, извѣстная на Кавказѣ въ пятидесятыхъ и первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Александръ Борисовичъ Иваницкій, дѣльный горный инженеръ, былъ назначенъ управлять Алагирскимъ заводомъ, устроеннымъ княземъ Воронцовымъ въ надеждѣ добывать серебро и свинецъ. Устроено все было прекрасно, съ немалыми пожертвованіями, съ поселеніемъ нѣсколькихъ сотъ семействъ, переведенныхъ съ Урала чернорабочихъ и проч.; но результатовъ не оказалось, и надежды не сбылись. Винить въ этомъ Иваницкаго, впрочемъ, нельзя было: «на нѣтъ суда нѣтъ». Нужно было, не полагаясь на увѣренія какого-то Грека-Чекалова, лучше удостовѣриться, есть ли серебряная руда и въ какомъ количествѣ, и тогда уже строить заводъ. Впрочемъ объ этомъ я и говорить подробно не могу, не зная хорошенько дѣла; но Иваницкій былъ человѣкъ вы-

Библиотека "Руниверс"

дававшійся по уму, обширному образованію и замѣчательной діалектикѣ. Пріятнѣе собесѣдника трудно было найти.

Въ 1855 году, имѣя отъ барона Вревскаго порученіе по возстановленію Православія въ горной Осетіи, я проѣзжалъ чрезъ Алагиръ и, по Кавказскому обычаю, прямо подъѣхалъ къ мѣстному начальнику. Александръ Борисовичъ, когда я весь запыленный представился и прибавилъ что баронъ Ипполитъ Александровичъ ему кланяется, принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ, оставилъ у себя ночевать, удержалъ еще сутки, показалъ заводъ, познакомилъ съ своими сослуживцами, очаровалъ меня и своимъ радушіемъ, и своею умною, еще болѣе остроумною рѣчью. Съ тѣхъ поръ мнѣ еще нѣсколько разъ пришлось бывать у него въ Алагирѣ, онъ въ свою очередь въ Владикавказѣ бывалъ у меня; я сблизился съ его зятемъ Д. В. Пиленко, и такимъ образомъ заключилось доброе знакомство.

Новый намѣстникъ князь Барятинскій перевелъ Иваницкаго въ Тифлисъ начальникомъ всей горной части на Кавказѣ. Здѣсь у Иваницкаго составился ближайшій кружокъ знакомыхъ изъ всей семьи Ѳадѣевыхъ, т.-е. извѣстнаго Ростислава, автора «Чѣмъ намъ быть» и мн. др. извѣстныхъ статей, его сестеръ, зятя Ю. Ф. Витте, тогда директора департамента государственныхъ имуществъ, племянницъ Ѳадѣева *), да постояннаго ихъ посѣтителя В. А. Инсарскаго,—все личности, достаточно извѣстныя не на одномъ Кавказѣ.

Къ Иваницкому, жившему на холостую ногу, иногда собирались по вечерамъ на «банкетъ», шуточно такъ-называемый, а собственно на чай и скромный ужинъ, на которомъ обязательно фигурировалъ жареный индюкъ и обиліе Кахетинскаго. За этими-то ужинами, далеко за полночь, самъ хозяинъ, Р. Ѳадѣевъ и Инсарскій изощрялись въ краснорѣчіи, большею частью юмористическаго свойства, съ примѣсью изрядной доли цинизма, котораго у первыхъ двухъ имѣлось въ достаточномъ количествѣ... Доставалось въ этихъ бесѣдахъ и сему и овому, предъ кѣмъ однако на другой день гнулись спины и сладко лепетали уста...

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ мною тогда въ квартирѣ Иваницкаго, случился эпизодъ, о которомъ не могу не упомянуть, чрезвычайной характерности ради.

Не задолго предъ этимъ временемъ въ Тифлисъ явился гвардейскій полковникъ Х., назначенный состоять при главнокомандующемъ.

---

*) Одна изъ этихъ племянницъ—Елена Петровна Блавацкая, ур. Ганъ, обогатила нашу печать своими необыкновенно занимательными разсказами объ Индіи и описаніемъ ея чудесъ, появляющимися въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, за подписью Радда-бай. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Х. занимался фотографіей, и Ѳадѣевъ съ Иваницкимъ устроили ему случай для практики по части академическихъ позъ; роль натурщицы приняла на себя г-жа ** Я не былъ приглашенъ присутствовать при самомъ фотографированіи, но видѣлъ послѣ карточки.

Признаюсь, хотя г-жа ** по ея похожденіямъ и тогда уже была достаточно извѣстна, хотя цинизмъ Ѳадѣева тоже не составлялъ для меня новости, послѣ многихъ его разсказовъ и бесѣдъ о быломъ близкихъ ему лицъ, но этотъ пассажъ съ фотографированіемъ поразилъ меня. Съ одной стороны такое паденіе, съ другой такое презрѣніе къ чувству родства, и со всѣхъ сторонъ такое равнодушіе къ скромнѣйшимъ требованіямъ не идеальной, а самой снисходительной нравственности!.. И съ какимъ беззаботнымъ смѣхомъ они всѣ тогда относились ко всей этой операціи, отъ которой мнѣ въ другой комнатѣ было неловко,—я же вовсе не причисляю себя къ Пуританамъ...

О результатахъ управленія А. Б. Иваницкимъ горною частью рѣшительно ничего сказать не могу. Да у насъ вѣдь вообще какъ-то ощутительные результаты бываютъ только по военной части: побьемъ, завоюемъ и оснуёмся; тутъ уже вопросительныхъ знаковъ ставить не приходится. По остальнымъ же частямъ, а особенно такимъ спеціальнымъ какъ горная, никогда не знаешь, что́ они собственно дѣлаютъ? Только и слышишь: «неисчерпаемыя богатства, нѣдра горъ, великая будущность страны», и проч. и проч.; но въ результатѣ всѣ неисчерпаемыя нѣдра оказываются экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ и карманами Русскаго народа...

Много говорилось на Кавказѣ и о сѣрѣ, и о каменномъ углѣ, и о мѣди, и о серебрѣ, даже о золотѣ въ р. Акстафѣ, и о богатѣйшихъ минеральныхъ источникахъ; но, не взирая на пребываніе въ краѣ, въ теченіи 25 лѣтъ, ученаго геолога Абиха, не взирая на горное управленіе, само собою, съ немалыми расходами казны, практическихъ, выгодныхъ результатовъ что-то не слыхать пока. Единственное исключеніе—нефтяные источники въ Баку и частью въ Кубанской области; но тутъ работала сама природа, затѣмъ частные люди; участіе же г. Абиха или горныхъ чиновниковъ едва ли въ чемъ выразилось.

Среди міра Тифлисскихъ сановниковъ, звѣздъ разной величины, получавшихъ блескъ свой отъ главнаго свѣтила—намѣстника, покойный А. Б. Иваницкій не былъ своимъ человѣкомъ и близкаго знакомства ни съ кѣмъ изъ нихъ не водилъ (кромѣ Витте и Инсарскаго, о чемъ я говорилъ выше); но всѣ имъ интересовались и внимательно слѣдили за нимъ: ибо онъ то являлся какъ бы приближеннѣйшимъ человѣкомъ къ князю Барятинскому, къ которому входилъ каждое утро,

Библиотека "Руниверс"

и въ теченіе часа изъ кабинета слышался звонкій его голосъ, смѣхъ, затѣмъ выходъ въ самомъ веселомъ настроеніи; то онъ опять какъ бы исчезалъ съ горизонта, и во дворцѣ объ немъ уже не было помина. Тотчасъ общее недоумѣніе, толки, догадки...

Такія пертурбаціи повторялись, кажется, раза два-три. Подавалъ ли самъ Иваницкій поводъ къ неблаговоленію, давъ въ потокѣ рѣчи лишнюю волю языку (что̀ отъ него весьма могло статься, и князь Барятинскій, желая намекнуть: «однако ты, любезный, не забывай предъ кѣмъ говоришь» переставалъ не только допускать его предъ себя, но даже обращать на него вниманіе; или князь просто, по свойственнымъ большому барину капризамъ, то приближалъ, то удалялъ Иваницкаго (что́ случалось и съ другими), положительно сказать не могу; помню только, что не разъ эти отношенія служили темой весьма оживленныхъ разговоровъ.

Такъ или иначе, но А. Б. Иваницкій былъ человѣкъ весьма умный, образованный, и жаль, что обстоятельства такъ сложились, что онъ не успѣлъ совершить ничего выдающагося, могущаго сохранить объ немъ на долго память на Кавказѣ.

Выше я упомянулъ объ академикѣ Абихѣ, и кстати сказать здѣсь еще нѣсколько словъ объ этомъ почтенномъ, ученомъ мужѣ и прекрасномъ человѣкѣ. При взглядѣ на него, совершенно невольно повторялись извѣстные стихи князя Вяземскаго:

Нѣмецъ къ мудрецамъ причисленъ,
Нѣмецъ дока до всего,
Нѣмецъ такъ глубокомысленъ,
Что провалишься въ него!

И, дѣйствительно, какъ будто объ г. Абихѣ это сказано; потому что, повторяю, это былъ почтенный, глубокомысленный мудрецъ. Но, въ этомъ *но*-то и вся штука для насъ, профановъ, по крайней мѣрѣ. Четверть вѣка провелъ академикъ на Кавказѣ, жалованъ въ генеральскій чинъ, украшенъ множествомъ крестовъ и звѣздъ, получалъ значительное казенное содержаніе съ прибавленіями, наконецъ уѣхалъ въ Вѣну, гдѣ и проживаетъ уже болѣе десяти лѣтъ для изданія, на казенный счетъ, на Нѣмецкомъ языкѣ геологическаго сочиненія о Кавказѣ. (А можетъ быть уже и издалъ?) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что книга выйдетъ капитальная, «составитъ цѣнный вкладъ въ науку»—Германскую; много такихъ же ученыхъ мужей, по поводу этой книги, напишутъ не одинъ томъ коментаріевъ, дополненій и критикъ; авторъ утвердитъ на незыблемомъ основаніи свою ученую славу и проч. Но причемъ же здѣсь казна матушка, причемъ польза для Кавказа, т.-е.

Библиотека "Руниверс"

польза осязательная, реальная? Не найдется ли знающій человѣкъ, который бы разъяснилъ это? Онъ можетъ быть увѣренъ въ большой благодарности всѣхъ интересующихся преуспѣяніемъ Кавказа.

Еще разъ повторяю: академикъ Абихъ, помимо своей учености, весьма почтенный, прекрасный человѣкъ, личнымъ знакомствомъ котораго я имѣю честь пользоваться; ни малѣйшаго намѣренія не имѣю ни порицать его дѣятельности, ни упрекать его въ чемъ-нибудь; очень быть можетъ, что онъ выполнялъ все, что̀ правительство могло отъ него требовать и что̀ входило въ сферу его академическихъ обязанностей; но я, подобно девяти десятымъ Кавказцевъ, съ которыми случалось говорить, ставлю вопросительный знакъ предъ всею этою ученою дѣятельностью, предъ всѣми этими казенными затратами. Ахъ еслибы гг. академики рѣшались иногда сойти съ Олимпа и бросить толпѣ нѣсколько разъяснительныхъ строчекъ!..

—

Поѣздка моя въ Тифлисъ не увѣнчалась успѣхомъ. Д. И. Романовскій какъ разъ въ это время подвергся остракизму (о чемъ разсказано въ предыдущихъ главахъ), а Д. А. Милютинъ, къ которому я обратился съ просьбой о командировкѣ, отвѣчалъ, что къ сожалѣнію первая командировка въ Петербургъ уже давно обѣщана самимъ главнокомандующимъ своему адъютанту Молоствову, ожидать же слѣдующей пришлось бы неопредѣленное время. При этомъ Дмитрій Алексѣевичъ предложилъ мнѣ занять мѣсто начальника горскаго отдѣленія въ штабѣ. (Тогда еще не было отдѣльнаго горскаго управленія, съ штатами и окладами цѣлаго министерства). Я поблагодарилъ за лестное вниманіе и доложилъ о состоявшемся съ барономъ Врангелемъ соглашеніи поступить къ нему дежурнымъ штабъ-офицеромъ.

Только въ послѣдствіи увидѣлъ я, какую глупость сдѣлалъ, не принявъ предложенія Д. А. Милютина, и до сихъ поръ даже не могу себѣ простить такого явнаго отсутствія всякой сообразительности. Ну и наказанъ же я былъ!

Возвратившись во Владикавказъ, я въ нѣсколько дней собрался и 25-го Февраля пустился въ путь на Сѣверъ.

XVI.

Путешествіе мое, предпринятое въ самое неудобное время, въ распутицу, было рядомъ мученій. Только тѣ, кто помнятъ ѣзду по нашимъ грунтовымъ дорогамъ, на перекладныхъ, раннею весною или осенью, могутъ себѣ представить, что̀ пришлось мнѣ испытывать.

Библиотека "Руниверс"

Дождь, рѣзкій холодный вѣтеръ, брызги грязи, перекладываніе изгаженныхъ вещей съ телѣги на телѣгу, влѣзаніе въ мокрой, тяжелой шубѣ въ этотъ *экипажъ* безъ подножки, безъ возможности облокотиться, отчего спина и плечи ныли и причиняли нестерпимую боль; переѣзды по пяти-шести верстъ въ часъ, ночлеги на станціяхъ, большею частію холодныхъ или угарныхъ, отличавшихся классическою неопрятностью и отсутствіемъ самыхъ скромныхъ предметовъ не только удобства, но хотя бы для утоленія голода. Въ довершеніе всего, ежедневно какія-нибудь препятствія, вынуждавшія останавливаться и терять десятки часовъ: то снесенная гать, то провалившійся мостикъ, то какія-то вдругъ появившіяся цѣлыя озера растаявшихъ снѣговъ, на такихъ мѣстахъ, гдѣ въ обыкновенное время даже признаковъ воды нѣтъ; то, наконецъ, невозможность перебраться черезъ Донъ или Днѣпръ, на которыхъ ледъ уже не выдерживалъ тяжести пѣшихъ людей, и т. п. безъ конца.

Отдохнувъ сутки въ Ставрополѣ, утопавшемъ въ грязи, я 2-го Марта поѣхалъ дальше. Болѣе трехсотъ верстъ до Дона сплошная необозримая степь, изрѣдка лишь оживляемая станицею; степь вообще не такая, какою восхищался Гоголь на своей милой Малороссійской родинѣ, гдѣ она лѣтомъ покрыта, какъ роскошнымъ ковромъ, массою прелестныхъ полевыхъ цвѣтовъ, среди сочной зеленой травы; нѣтъ, Донскія степи и лѣтомъ не таковы, большею частью очень скоро выгораютъ и принимаютъ самый безжизненный и скучный видъ, а въ Мартѣ это уныло-мертвенная, однообразная, озлобляющая путника мѣстность. Разстоянія кажутся безконечными, тѣмъ болѣе, что почтовые порядки на этомъ пространствѣ во время оно отличались извѣстнымъ по всей Россіи безобразіемъ, и станціонныя клячи уже однимъ видомъ своимъ приводили путника въ отчаяніе; вода вездѣ солоноватая, грязная, народъ на станціяхъ грубый; однимъ словомъ, воспоминаніе о путешествіи тамъ уже само по себѣ очень непріятно. Наконецъ, на самомъ берегу Дона пришлось съ десяти часовъ утра расположиться въ какой-то комнатѣ, наполненной массой народа, и ждать неопредѣленное время возможности перейти на другую сторону. Хорошо еще, что я предъ тѣмъ догналъ тоже ѣхавшаго изъ Владикавказа путейца Микулина, и мы по крайней мѣрѣ вдвоемъ дѣлили горе безконечными разговорами о дорогомъ нашемъ Кавказѣ, о только что прожитой веселой зимѣ и проч.

Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ насъ къ станціи подскакала тройка, раздался извѣстный возгласъ ямщика «курьерскихъ!», и въ комнату вошелъ Молоствовъ, адъютантъ князя Барятинскаго, которому, какъ я упомянулъ выше, была обѣщана первая командировка въ Пе-

Библиотека "Руниверс"

тербургъ. Однако тутъ и курьерская подорожная не помогла: казачій офицеръ, наблюдавшій за порядкомъ на берегу, и Молоствову объявилъ, что нѣтъ никакой возможности перебраться на другой берегъ, и что если ночью подморозитъ, къ разсвѣту можетъ быть и рискнетъ пустить насъ съ опытными проводниками и носильщиками. Молоствову ничего больше не оставалось какъ присосѣдиться къ намъ и предаться тому же безконечному чаепитію, а затѣмъ сну, на полу, на мокрыхъ шубахъ и буркахъ. Кстати же кости наши, а его особенно, въ этомъ весьма нуждались.

Ночью я нѣсколько разъ выходилъ справляться о морозѣ и къ великой радости чувствовалъ, какъ меня пробирало. Предъ разсвѣтомъ мы наскоро напились чаю и, благодаря любезности хорунжаго, пустились въ путь со всѣми обычными предосторожностями: баграми, досками, гуськомъ, съ опытными провожатыми. Въ Аксаѣ Молоствову тотчасъ же подали курьерскихъ, и онъ умчался; а мы съ Микулинымъ еще часа два прождали на берегу лошадей. Впрочемъ, Аксай, станица-городъ, не хуже иного губернскаго, и послѣ мертвенныхъ степей показался такимъ оживленнымъ, что мы не претендовали за эту задержку. Наконецъ, и намъ привели лошадей, и мы разъѣхались— Микулинъ на Воронежъ, я на Ростовъ.

За Ростовомъ встрѣтилъ я возвращавшагося изъ Орловской губерніи на Кавказъ барона Ипполита Александровича Вревскаго; въ каретѣ ѣхала его теща m-me Варпаховская съ племянницей, а въ какомъ-то открытомъ шарабанѣ онъ съ покойной женой своей и ея сестрой. Дорога была такая адская, что иначе нельзя было ѣхать какъ шагомъ и то рискуя опрокинуться или завязнуть. Узнавъ меня, баронъ приказалъ остановиться, я подошелъ, и мы нѣсколько минутъ поговорили. Я разсказалъ о послѣднихъ дѣлахъ на Лѣвомъ крылѣ, о слухахъ въ Тифлисѣ, о назначеніи барона Врангеля въ Дагестанъ и пр.

— Ну, а каковы дороги тамъ, къ Ставрополю?

«Все такія же, ужасныя; вообще не можетъ быть хуже времени для путешествія».

— Что же было дѣлать? Мнѣ нужно спѣшить на линію (т.-е. на Лезгинскую, гдѣ баронъ Вревскій былъ командующимъ войсками), нужно готовиться къ лѣтней экспедиціи и покончить съ многими дѣлами. Ну-съ, прощайте, желаю вамъ успѣха!

И распрощались, не думая конечно, что навсегда. Не прошло четырехъ мѣсяцевъ послѣ этого свиданія, и баронъ Вревскій, тяжело раненный на штурмѣ Лезгинскаго аула Китури, былъ вынесенъ изъ дѣла, отправленъ въ Телавъ и тамъ вскорѣ умеръ.

Библиотека "Руниверс"

Этотъ моментъ неудачнаго для насъ боя въ аулѣ (боя, между нами будь сказано, едва ли нужнаго для цѣлей отряда....) прекрасно переданъ въ картинѣ Мюнхенскаго художника Горшельта, нѣсколько лѣтъ проведшаго на Кавказѣ среди нашихъ отрядовъ. Никто изъ художниковъ такъ жизненно-вѣрно, такъ типично не схватывалъ Кавказской природы, людей, животныхъ, какъ Горшельтъ. Каждая фигура солдата, казака, горца, каждая лошадь, буйволъ, самый мелочной предметъ одежды, вооруженія и проч. совершеннѣйшіе chef-d'oeuvres. И какъ же блѣднѣютъ предъ нимъ всѣ прочіе, старые и новые художники, посвящавшіе Кавказу свои кисти! Къ тому же Горшельтъ былъ лихой парень, всегда дружилъ съ кружкомъ штабной молодежи, кутилъ съ ними на пропалую, научился джигитовать, и ничего педантически Нѣмецкаго въ немъ не замѣчалось. По возвращеніи въ Мюнхенъ, гдѣ онъ издалъ, кажется, цѣлый томъ своихъ Кавказскихъ записокъ съ рисунками и портретами, Горшельтъ сталъ болѣть и чрезъ нѣкоторое время умеръ.

Подъѣхавъ къ Екатеринославу, я очутился въ такомъ же положеніи какъ на Дону. «Переправы чрезъ Днѣпръ нѣтъ», говорили мнѣ уже за двѣ, за три станціи, и Богъ знаетъ, когда можно будетъ перебраться». Однакоже, «не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ»: на послѣдней станціи я встрѣтился съ какимъ-то землемѣромъ, который хотя и очень мрачными красками описывалъ всю опасность переправы, хотя и разсказалъ мнѣ о недавней гибели какой-то дамы съ двумя дочерьми и прислугой, пустившихся безъ проводниковъ въ экипажѣ и провалившихся подъ ледъ, однако указалъ мнѣ единственный способъ переправиться, именно: спросить на берегу лоцмана (?) Гаврилу, дать ему, не торгуясь, сколько запроситъ и довѣриться его искусству.

Я такъ и сдѣлалъ. Подъѣхавъ къ берегу, спросилъ лоцмана Гаврилу и попросилъ переправить меня на ту сторону. Сначала онъ рѣшительно отказался, особенно къ ночи (былъ уже 6-й часъ вечера), но послѣ сдался,—«только ради Кавказскаго офицера»,—и потребовалъ 5 р. Я накинулъ ему еще рубль, лишь бы благополучно добраться.

— Ничего, Богъ милостивъ, ваше благородіе; вотъ же сколько по васъ тамъ Черкесы стрѣляютъ, а ничего, живы остались!

Лоцманъ, отставной ундеръ, оказался краснобаемъ, но внушающимъ довѣріе. Онъ сейчасъ позвалъ двухъ человѣкъ своихъ помощниковъ съ досками и длинными баграми; забрали мои вещи, и всѣ трое пошли впереди; за ними я, мой человѣкъ и какая-то баба, слезно упросившая взять её съ собою; между каждымъ изъ насъ разстоянія не менѣе десяти шаговъ. Ширина Днѣпра въ этомъ мѣстѣ до 600 саж.,

Библиотека "Руниверс"

почти вся поверхность льда была покрыта на четверть водою, что и составляло главную опасность, потому что скрывало образовавшіяся уже кое-гдѣ полыньи.

Не скрою, ступилъ я на ледъ не безъ тревоги въ сердцѣ, хотя вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду, или просто проявлялъ какую-то глупую беззаботность, также, какъ бывало на Кавказѣ, когда я сплошь и рядомъ, въ опасныхъ мѣстахъ, пускался, и даже по ночамъ, въ дорогу безъ конвоя... Сильно струсилъ мой человѣкъ, молодой парень изъ кантонистовъ, взятый въ Владикавказѣ, гдѣ онъ въ Лебедевской гостинницѣ вертѣлъ ручку органа, услаждавшаго обѣдающихъ разными Лучіями, Лукреціями и проч. Мертвенно-блѣдная рожа и дрожащія губы ясно обнаруживали его душевное состояніе.

На томъ берегу стояла толпа народа; дальше виднѣлся городъ, слышенъ былъ звонъ, призывавшій къ вечернѣ, кое-гдѣ замерцали огоньки. Переходъ длился, полагаю, не менѣе 40, 45 минутъ; лоцманъ постоянно дѣйствовалъ багромъ, испытывая подъ водою прочность льда, кое-гдѣ клали доски, по которымъ мы осторожно переходили, затѣмъ ихъ опять снимали и несли дальше; время тянулось мучительно медленно, берегъ всё еще былъ далеко, и переправѣ казалось конца не будетъ, а между тѣмъ сумерки густѣли... Да, ускоренное сердцебіеніе, разныя тревожныя мысли появлялись, не взирая на желаніе казаться совершенно спокойнымъ... Однако всему бываетъ конецъ; кончилась и эта переправа чрезъ Днѣпръ, и моя тревога, и лихорадка моего Николашки, и причитанія арьергардной бабы. Расплатившись съ проводниками, я отправился въ гостинницу, и какое отрадное чувство душевнаго успокоенія послѣ минувшей опасности, и тѣлеснаго успокоенія послѣ мучительнаго путешествія испыталъ я, войдя въ приличную теплую комнату, въ которую внесли кипящій самоваръ,—трудно передать.

Еще три-четыре дня ѣзды, и я, наконецъ, очутился у цѣли, въ Херсонской губерніи, въ кругу родныхъ. Пришлось познакомиться съ мѣстнымъ, хотя преимущественно военнымъ, но архипровинціальнымъ обществомъ, производившимъ на меня, Кавказскаго человѣка, странное впечатлѣніе: крайняя бѣдность свѣдѣній и познаній внѣ ихъ обычныхъ житейскихъ дѣлъ, устарѣлые, улыбку вызывающіе взгляды на самые жизненные вопросы, подобострастное раболѣпіе предъ всякимъ начальствомъ...

Главная тема разговоровъ въ тѣ времена: освобожденіе крестьянъ, упраздненіе военныхъ поселеній, реформы въ военномъ вѣдомствѣ, всё же и въ жизнь глухой провинціи внесли необычное оживленіе; повсюду слышались разсказы о различныхъ происшествіяхъ, о волненіяхъ,

Библиотека "Руниверс"

о переселеніяхъ цѣлыхъ деревень къ Севастополю, гдѣ будто бы отводились даромъ земли и «кто прибудетъ къ назначенному дню, будетъ освобожденъ навсегда отъ власти помѣщика»... Дѣйствительно, крайнее невѣжество народа, возбужденнаго противъ пановъ и чиновниковъ съ одной стороны, нелѣпые разсказы разныхъ проходимцевъ съ другой, смущали тогда народъ, особенно въ южныхъ губерніяхъ, испытавшихъ страшныя тягости въ Крымскую войну, и было нѣсколько печальныхъ происшествій, вызвавшихъ вмѣшательство войскъ; были впрочемъ эпизоды и болѣе смѣшные чѣмъ серьозные.

Старое поколѣніе помѣщиковъ, чиновниковъ, офицеровъ, было почти безъ исключенія недовольно, предсказывало бѣдствія, чуть не гибель государства... Стоило только заикнуться о томъ, что пора покончить съ позорнымъ рабствомъ и старыми порядками, такъ рельефно обнаружившими свою несостоятельность въ Крымскую войну,—какъ поднимались озлобленные голоса, обвиненія въ подражаніи «Колоколу» и чуть ли не въ измѣнѣ отечеству. А между тѣмъ довольно было нѣсколькихъ мѣстныхъ же разсказовъ о порядкахъ военныхъ поселеній, о невѣроятномъ самодурствѣ какого-нибудь сатрапа графа Никитина, этого неограниченнаго владыки поселеній, и о продѣлкахъ его клевретовъ, чтобы, перекрестясь, искренно воскликнуть: Слава тебѣ Господи, слава Царю-освободителю, уже за одно избавленіе сотень тысячъ душъ отъ ужаснѣйшаго изъ видовъ рабства, отъ военныхъ поселеній!

Что̀ такое былъ графъ Никитинъ, можно судить по массѣ ходившихъ объ немъ разсказовъ, изъ которыхъ привожу два, болѣе сохранившихся у меня въ памяти.

Объѣзжаетъ онъ, напримѣръ, поселенія и входитъ въ госпиталь. Замѣтивъ въ цейхгаузѣ, въ углу, какую-то тряпку, обращается къ главному доктору грознымъ голосомъ:

— А это что, а?

Оробѣвшій докторъ молчитъ.

— *Ты* кто, кто, а?

«Статскій совѣтникъ Н.», отвѣчаетъ оторопѣвшій докторъ.

— Статскій совѣтникъ? *Сегодня ты статскій совѣтникъ, а завтра ты у меня фельдшеръ!*

Или: подходитъ къ какому-то зданію, только что выбѣленному къ пріѣзду начальства, и замѣчаетъ на окнахъ нѣсколько брызговъ известки.

— Это что, а? обращается грозный самодуръ къ генералъ-маіору Ш., начальнику округа.

Библиотека "Руниверс"

«Не успѣли вымыть, ваше сіятельство, очень было много работы; всѣ бабы были заняты».

— *А генеральшу свою не могъ послать окна помыть?*

И мертвое молчаніе кругомъ. И старый почтенный генералъ, по общимъ отзывамъ, прекрасный человѣкъ, чуть ли не единственный хорошій окружной начальникъ, съ судорожнымъ движеніемъ въ лицѣ, съ слезами на глазахъ, молчитъ...

И замѣчая такіе пустяки, придавая имъ важность государственныхъ дѣлъ, тотъ же Никитинъ не хочетъ видѣть, какъ кругомъ его грабятъ, сокъ выжимаютъ изъ поселянъ, обкрадываютъ казну; какъ отъ содержанія пары казенныхъ воробьевъ покупаютъ имѣнія въ нѣсколько сотъ душъ... Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

XVII.

Въ Петербургъ пріѣхалъ я въ началѣ Мая. Двѣ недѣли, проведенныя въ немъ прошли незамѣтно. Доктора-спеціалисты по ушнымъ болѣзнямъ производили какіе-то эксперименты, посовѣтывали какія-то втиранія, но ничего положительнаго не сказали; а между тѣмъ я торопился назадъ, къ службѣ, къ военнымъ дѣйствіямъ, которыя должны были въ концѣ Мая уже начаться со стороны Дагестана. Я съ непростительнымъ легкомысліемъ отнесся къ своей болѣзни; мысль о возможности оглохнуть мнѣ и въ голову не приходила, а на усилившійся шумъ въ ушахъ я не хотѣлъ обратить столько вниманія, чтобы изъ-за этого жертвовать обуревавшимъ меня честолюбіемъ.. Раскаяніе явилось слишкомъ поздно!

Въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ я познакомился съ Панаевымъ и Некрасовымъ, у нихъ же встрѣтился и съ Добролюбовымъ. Говорили о Кавказѣ, о военныхъ дѣйствіяхъ, о моихъ статьяхъ въ «Современникѣ»; само собою, первый разъ видя человѣка, да еще офицера, они ограничились обыкновенными любезностями, никакіе «вопросы» не были затронуты; разговоръ продолжался съ полчаса, вертясь на самыхъ обыкновенныхъ предметахъ. О Кавказѣ у всѣхъ оказались самыя смутныя понятія...

Въ одномъ знакомомъ домѣ вечеромъ встрѣтилъ я двухъ извѣстныхъ поэтовъ: Бенедиктова и Шевченку. Первый производилъ когда-то на насъ, юношей, немалое впечатлѣніе своими трескучими стихами, своими «очами темнѣе ночи» или «локонами, обвивавшимися какъ змѣи», вообще въ этомъ родѣ; второй былъ намъ менѣе извѣстенъ, хотя мы слышали о его ссылкѣ, его страданіяхъ, его своеобразной

Библиотека "Руниверс"

Малороссійской поэзіи и кое-что читали въ рукописи. Одѣтый въ какой-то оригинальный полуштатскій, полухохлацкій костюмъ, Тарасъ Григорьевичъ напоминалъ чистокровнаго Малоросса, какихъ на каждомъ шагу встрѣчаешь въ южныхъ и югозападныхъ губерніяхъ. Бывшій на этомъ вечерѣ пѣвецъ Артемовскій своимъ сильнымъ басомъ пропѣлъ нѣсколько Малороссійскихъ пѣсенъ, и нужно было видѣть Тараса, таявшаго отъ восторга...

Вотъ почти всѣ летучія воспоминанія о тогдашнемъ пребываніи въ Петербургѣ; объ остальномъ не стоитъ говорить,—все извѣстное, повторяющееся съ каждымъ пріѣзжимъ: Павловскъ, Штраусъ, пожираемый глазами разныхъ блѣднолицыхъ барынь, острова, театры, «Свадьба Кречинскаго» съ Самойловымъ и Садовскимъ и проч.

По моему расчету, уже никакъ не позже второй половины Апрѣля долженъ былъ состояться приказъ о моемъ назначеніи дежурнымъ штабъ-офицеромъ войскъ Прикаспійской области; между тѣмъ была вторая половина Мая, а въ Петербургѣ никакого представленія получено не было. Я терялся въ догадкахъ и сталъ тревожиться. Это еще болѣе торопило меня скорѣе возвращаться на Кавказъ, и потому 21 Мая я выѣхалъ. Благодаря прекрасной погодѣ, совершилъ я скоро и удобно обратный переѣздъ.

Не зная, что́ могло остановить мое назначеніе, я, до полученія отъ барона Врангеля извѣстій, не рѣшился ѣхать прямо въ Темиръ-ханъ-Шуру и предпочелъ остановиться въ Пятигорскѣ, откуда и послалъ тотчасъ письмо. Недоумѣніе мое продолжалось недолго: меня увѣдомили по порученію барона, что по измѣнившимся обстоятельствамъ мѣсто дежурнаго штабъ-офицера отдано другому и что если я желаю, то могу быть назначенъ состоять для особыхъ порученій... Какой неожиданный репримандъ!...

Не теряя времени, я написалъ къ Д. А. Милютину, что такъ какъ баронъ Врангель, по неизвѣстной причинѣ, не исполнилъ обѣщанія, даннаго безъ всякой съ моей стороны просьбы, то я за честь сочту исполнить желаніе Дм. Ал. и готовъ тотчасъ принять горское отдѣленіе въ штабѣ. Но, увы! и тутъ послѣдовалъ другое, еще болѣе обидное разочарованіе: генеральнаго штаба капитанъ Кравченко, по приказанію Дм. Ал., увѣдомилъ меня, что начальникомъ отдѣленія уже назначенъ другой, а если я желаю, то могу быть назначенъ приставомъ въ Сванетію.. (?!) Это послѣ того положенія, какое я занималъ на Лѣвомъ крылѣ и долженъ былъ за́нять въ Дагестанѣ! Очень, очень обидно было...

И по дѣломъ я былъ наказанъ. Мнѣ слѣдовало на столько знать барона Врангеля, этого рыцарски-галантнаго генерала, добрѣйшаго,

Библиотека "Руниверс"

любезнѣйшаго, но слабохарактернаго человѣка, вѣчно водимаго за носъ всякимъ приближеннымъ къ нему человѣкомъ, лишь бы человѣкъ имѣлъ склонность къ этому,—чтобы не довѣряться его обѣщаніямъ; слѣдовало, вмѣсто отпуска, ѣхать прямо въ Шуру, или же убѣдиться въ непрочности обѣщанія тотчасъ по назначеніи Врангеля въ Дагестанъ и не попадать въ такой просакъ, какъ отказъ отъ мѣста, предлагаемаго начальникомъ главнаго штаба...

Я очутился въ крайне-непріятномъ положеніи. Ѣхать въ Темиръ-ханъ-Шуру, состоять по особымъ порученіямъ, т.-е. тѣмъ же личнымъ адъютантомъ, вмѣсто должности дежурнаго штабъ-офицера, имѣвшей самостоятельный кругъ дѣйствій, подчиненныхъ, бо́льшее содержаніе, вообще немалое значеніе въ войскахъ,—казалось обиднымъ; принять мѣсто пристава въ Сванетіи еще обиднѣе, и тѣмъ болѣе, что это вело къ отказу отъ военныхъ дѣйствій въ ту именно минуту, когда они приняли самый рѣшительный характеръ. Оставалось одно: возвратиться въ полкъ ротой командовать. Я склонялся болѣе всего къ этому; но меня все смущала мысль, что, при описанныхъ выше неудовольствіяхъ со стороны Евдокимова и при явномъ нерасположеніи Рудановскаго, служба въ полку не дастъ никакого хода. Послѣ долгихъ колебаній, я рѣшился ѣхать въ Дагестанъ.

Пріѣхавъ чрезъ Владикавказъ въ Грозную, я не засталъ здѣсь генерала Евдокимова; онъ находился съ отрядомъ въ Аргунскомъ ущельѣ, у Шатоя, гдѣ строилось укрѣпленіе, будущая штабъ-квартира Навагинскаго полка, прокладывались дороги и проч. Съ большимъ огорченіемъ и крайнею досадою видѣлъ я, какъ сплетни и интриги оттерли меня отъ Евдокимова, и я лишенъ былъ участія въ этихъ славныхъ, чрезвычайно важныхъ по результатамъ послѣднихъ дѣлахъ на Лѣвомъ крылѣ. Занятіе всего Аргунскаго ущелья до верховьевъ было однимъ изъ жестокихъ ударовъ для поколебленной уже власти Шамиля и позволяло предвидѣть близкій конецъ борьбы.

Я считалъ долгомъ явиться къ генералу Евдокимову предъ окончательнымъ оставленіемъ Лѣваго крыла и отправился въ Воздвиженскую, а оттуда съ первой оказіей въ отрядъ. Благодаря любезности батарейнаго командира подполковника Тверитинова, я совершилъ поѣздку въ отрядъ и назадъ въ Грозную съ возможнымъ комфортомъ: верховая лошадь, конный вѣстовой, даже съ запасомъ закусокъ и вина въ кожаной сумкѣ, ночлегъ, коляска изъ Воздвиженской въ Грозную, все явилось къ моимъ услугамъ, хотя я уже уѣзжалъ совсѣмъ, и слѣдовательно ничего отъ меня полезнаго Тверитиновъ ожидать не могъ.

Вспомнилъ я теперь объ этой оригинально-типичной личности и не могу не сказать о Тверитиновѣ нѣсколькихъ словъ. Узналъ я его въ

Библиотека "Руниверс"

1854 году въ отрядѣ, гдѣ онъ былъ со своей батарeей, послѣ часто встрѣчалъ его въ Воздвиженской, то въ Грозной. Судя по образу жизни, слѣдовало думать, что это какой-нибудь милліонеръ, получающій сотню тысячъ годоваго дохода. Казалось, никакой другой заботы, никакого другаго дѣла у него не было, какъ только закуски, завтраки, обѣды, ужины, попойки, гости съ 8 утра до 2 час. ночи, изо дня въ день, безъ всякаго перерыва. Все лучшее, дорогое, что только можно было достать въ Грозной, Владикавказѣ или на ярмаркахъ въ Георгіевскѣ и Ставрополѣ, куда онъ неотмѣнно ѣзживалъ, покупалось Тверитиновымъ; тончайшія вина по 7—8 рубл. за бутылку, дорогіе консервы, деликатесы, выписываемые отъ Елисѣевыхъ, дорогія матеріи и уборы для жены, все это покупалось имъ и расходовалось самымъ щедрымъ образомъ. На, пей, ѣшь, веселись кто хочетъ! При этомъ, въ довольно грубой формѣ, прибаутки не-салоннаго свойства, обнаруживали ограниченный умъ и отсутствіе почти всякаго образованія; но за то широчайшее хлѣбосольство, душа на распашку и невѣроятная беззаботность не только о завтрашнемъ днѣ, но и о ближайшемъ часѣ. И все это отъ одной батареи, отъ одного фуражнаго довольствія и ремонта лошадей! Ибо ни за нимъ, ни за женой, ни родоваго, ниже благопріобрѣтеннаго не имѣлось. И вѣдь положительно никому не бросалось это особенно въ глаза, никто и не думалъ обращать на это вниманія, никакихъ даже частныхъ осужденій или толковъ не слышалось. Такъ это было обычно и какъ бы въ порядкѣ вещей; да и повода къ какимъ-нибудь офиціальнымъ мѣрамъ не представлялось: батарея въ исправности, всѣ орудія въ отрядѣ дѣйствуютъ и двигаются безъ задержекъ, не вызывая никакихъ замѣчаній. Послѣдствія однако оказались плачевныя: уже по окончаніи войны въ Чечнѣ, Тверитиновъ, подпавшій за что-то подъ слѣдствіе, брошенный женой, очутился во Владикавказѣ въ самомъ жалкомъ положеніи, безъ всякихъ средствъ существованія. Прежніе сослуживцы, помнившіе его щедрую хлѣбъ-соль, самымъ искреннимъ товарищескимъ образомъ предлагали ему кто даровое помѣщеніе, кто обѣды и проч.; но онъ, хотя видимо упавшій, все же еще сохранилъ на столько чувство собственнаго достоинства, что предпочелъ покончить съ собою и въ одно прекрасное утро пустилъ себѣ пулю въ лобъ...

Вступивъ въ ущелье Аргуна, я очутился въ мѣстности, напомнившей мнѣ молодые годы, Хевсурію, Тушетію. Въ I-мъ томѣ я много разсказывалъ объ Аргунѣ и моихъ странствованіяхъ въ его верховьяхъ, среди моихъ друзей Шатильскихъ Хевсуръ и ихъ сосѣдей Кистинъ. Послѣднее время, въ Чечнѣ, постоянно приходилось кружить около нижней части теченія, на плоскости; теперь же я ѣхалъ въ средней части, въ мѣстности впервыя увидѣвшей Русскія войска. И

Библиотека "Руниверс"

дѣйствительно, тѣснина, среди которой прорывается Аргунъ, послѣ соединенія двухъ его рукавовъ—Шаро и Чанты—въ одно русло, представляла неодолимыя препятствія для военнаго движенія; никакіе обходы, никакой артиллерійскій огонь и штурмы заваловъ, особенно при наступленіи лишь съ одной стороны, т.-е. вверхъ по ущелью отъ Воздвиженской, не были бы ручательствомъ успѣшнаго достиженія цѣли, еслибы предшествовавшими нашими дѣйствіями въ Чечнѣ непріятель вообще уже не былъ до крайности обезсиленъ и доведенъ до сознанія, что борьба напрасна, что сила Шамиля сломлена и покореніе Русскими страны неизбѣжно. Только потому показалось возможнымъ (почти безъ потерь, лишь съ напряженіемъ физическихъ силъ войска въ борьбѣ съ снѣгами, кручами и т. п.) пройти эту тѣснину. Предоставленное собственнымъ средствамъ, мѣстное населеніе защищалось какъ бы для очистки совѣсти; природа же, при всей грозной неприступности, безъ усиленія искусственными преградами, безъ достаточнаго числа защитниковъ, руководимыхъ умѣлымъ, стойкимъ человѣкомъ, уже не могла задержать отрядовъ достаточной численности, всѣми нужными средствами снабженныхъ и предводимыхъ такимъ генераломъ, какъ Евдокимовъ. За послѣдніе годы счастіе окончательно отвернулось отъ Шамиля, и условія измѣнились въ обратную сторону: у него не стало Хаджи-Мурата, Ахверды-Магома, Шуаибъ-муллы и др., этихъ самородковъ-полководцевъ, изумлявшихъ своею энергіею, отвагою, быстротою и внезапностью налетовъ, умѣніемъ держать въ рукахъ и воодушевлять къ отчаянному бою толпы непривычныхъ къ дисциплинѣ горцевъ. Духъ населенія, его вѣра въ свое боевое превосходство, въ неприступность лѣсовъ, исчезли; страшныя потери лучшихъ людей и разоренія навели уныніе; торжество мюридизма очевидно стало химерой. У насъ же силы утроились, преувеличенная осторожность и опасливость, послѣдствіе неудачъ 1843—45 годовъ исчезли; старые промахи научили другимъ пріемамъ; вмѣсто ограниченныхъ въ правахъ и свободѣ дѣйствій, мѣстныхъ генераловъ, явились командующіе войсками, съ большими правами и средствами; наконецъ явилась система дѣйствій, и ген. Евдокимовъ, настоящій человѣкъ на настоящемъ мѣстѣ.

Все это мнѣ ясно представилось при проѣздѣ по ущелью Аргуна, по тропинкамъ, надъ обрывами, между скалъ и сплошными лѣсами покрытыхъ горъ. Встрѣчались небольшія команды, рабочіе; очевидно, особой опасности не предвидѣлось, и мы уже распоряжались какъ дома. Когда я доѣхалъ до лагеря, раскинутаго въ болѣе нижней части ущелья, въ виду Шатоевскихъ ауловъ, и былъ принятъ ген. Евдокимовымъ,—на вопросъ его, что думаю о достигнутыхъ результатахъ,

Библиотека "Руниверс"

я поздравилъ его и высказалъ вышеозначенныя мои мысли. Николай Ивановичъ вполнѣ съ этимъ согласился. Не выдержалъ я и хвастнулъ еще тѣмъ, что, ровно десять лѣтъ назадъ, въ 1848 году, проходя съ Веревкинымъ изъ Шатиля и еще ранѣе, я инстинктивно уразумѣлъ все важное значеніе занятія Аргунскаго ущелья и полагалъ возможнымъ достигнуть этого одновременнымъ движеніемъ двухъ отрядовъ, одного отъ Шатиля внизъ, другаго отъ Воздвиженской вверхъ по ущелью, о чемъ подавалъ князю Воронцову записку. (См. I-й томъ.) Николай Ивановичъ съ большимъ любопытствомъ выслушалъ мой разсказъ объ этомъ эпизодѣ моей службы, совершенно согласился съ вѣрностью основной мысли, но рѣшительно отвергъ возможность въ то время, даже и такимъ способомъ, достигнуть цѣли; ибо силъ Шамиля тогда хватило бы преградить доступъ и двумъ отрядамъ одновременно. Однако польза такого одновременнаго движенія была и для Евдокимова столь очевидна, что по его требованію Тіонетскій окружной начальникъ съ 1500 человѣкъ милиціи двигался изъ Шатиля на встрѣчу отряду, что̀ и удержало большую часть населенія верхняго Аргуна отъ сопротивленія войскамъ.

Вообще ген. Евдокимовъ былъ въ отличномъ расположеніи духа, выказалъ чрезвычайную любезность, много говорилъ о минувшихъ и предстоявшихъ дѣйствіяхъ и проч. Я, признаться, уже съ нѣкоторымъ волненіемъ ожидалъ, не скажетъ ли: «ну, почтеннѣйшій, надѣюсь вы впредъ не дадите повода къ непріятнымъ жалобамъ и неудовольствіямъ; оставайтесь-ка по прежнему здѣсь, при мнѣ»,—да и впрямь, вѣдь это были такія пошлости, что, казалось, совѣстно говорить объ нихъ серьезно; но я ошибся...

— Вы куда же теперь, почтеннѣйшій, ѣдете? спросилъ меня Евдокимовъ.

«Въ Дагестанъ, ваше превосходительство, къ барону Врангелю для особыхъ порученій».

— Ну, желаю вамъ успѣха; можетъ, встрѣтимся гдѣ-нибудь въ горахъ.

Поклонъ, рукопожатіе, и я вышелъ изъ палатки.

Августовское солнце ярко свѣтило; лучи его золотили всѣ окрестныя горы, придавая всему ущелью какой-то привѣтливый видъ; въ лагерѣ замѣчалось большое оживленіе, и всѣ, какъ будто довольные хорошими дѣлами, видимыми успѣхами, казались весело настроенными. Тѣмъ печальнѣе настроеннымъ чувствовалъ я себя...

Къ вечеру возвратился я въ Воздвиженскую, переночевалъ у добряка Тверитинова, а на слѣдующій день уѣхалъ въ Грозную, откуда обыкновеннымъ почтовымъ путемъ, по Тереку, отправился въ Темиръ-ханъ-Шуру.

Библиотека "Руниверс"

ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ.

I.

Продажа слободы Михайловки.

Большая слобода Михайловка въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ принадлежала роду князей Голицыныхъ со временъ Петра I-го, который подарилъ своему сподвижнику князю Михаилу Михайловичу Голицыну за Полтавскую битву пятьдесятъ тысячъ душъ крестьянъ, въ томъ числѣ и эту слободу, въ послѣдствіи перешедшую по наслѣдству къ Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной, рожденной княжнѣ Голицыной *).

Она-то и задумала продать слободу, но не въ частныя руки, такъ какъ это имѣніе было малодоходное и не находилось покупателей по хорошей цѣнѣ, а въ государственныя имущества.

Это было въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда министромъ государственныхъ имуществъ былъ графъ Киселевъ.

Продажа эта была очень оригинальная и едвали не единственная въ своемъ родѣ: крестьянъ заставили купить самихъ себя и заложиться въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, которое выплатило г-жѣ Потемкиной одинъ милліонъ двѣсти тысячъ наличными, не испросивъ на это согласія самихъ Михайловскихъ крестьянъ, вовсе не желавшихъ этой покупки по такой высокой цѣнѣ, хотя къ нимъ и поступала во владѣніе вся земля, состоящая изъ 14.587 десятинъ, стоившая тогда не болѣе 360 тысячъ **). Къ тому же они въ землѣ не нуждались, такъ какъ почти всѣ были ремесленники, торговцы,

---

*) См. о ней въ „Перепискѣ Кристина съ княжной Туркестановой", приложенной къ Русскому Архиву 1882—1884 годовъ. П. Б.

**) Цѣнность земли въ то время при продажѣ не превышала 25 р. за десятину.

Библиотека "Руниверс"

хлѣбопашествомъ не занимались, сбывали свои произведенія, преимущественно сапоги, въ огромномъ количествѣ въ Турцію чрезъ Одессу и, исправно выплачивая помѣщицѣ оброкъ, не болѣе 9.000 рублей въ годъ, жили очень хорошо, а многіе даже зажиточно. При поступленіи же въ казну, имъ назначено было платить по 18 рубл. съ души, что составляло по числу 5.000 ревизскихъ душъ 90.000 рубл. въ годъ; но при этомъ они въ свое распоряженіе получали всѣ прочіе доходы съ имѣнія, такъ называемыя оброчныя статьи.

Для того, чтобы возвеличить цѣнность имѣнія, эти статьи дохода помѣщицею показаны невѣроятныя: нѣкоторыя не точно, а нѣкоторыя или вовсе не существующія, или только предполагаемыя. Доходъ съ имѣнія владѣлицею опредѣленъ былъ въ 125.628 рубл., крестьяне же признавали доходъ только въ 12.353 рубля.

Вся эта операція продажи Михайловскаго имѣнія поручена была по довѣренности отъ г-жи Потемкиной ея родному брату, князю Николаю Борисовичу Голицыну, который, нужно отдать ему справедливость, дѣйствовалъ энергично. Когда я ему говорилъ, что сумма, получаемая за Михайловку, черезъ чуръ велика, онъ отвѣчалъ: «Все свыше милліона достанется не намъ, а разойдется по министерству».

Коммиссія, составленная изъ членовъ Министерства Государственныхъ Имуществъ съ нарочито присланнымъ изъ Петербурга чиновникомъ, находила, что Михайловскіе крестьяне будутъ въ большой выгодѣ, получая съ имѣнія въ годъ слишкомъ 125 тысячъ дохода, а платя министерству только 90 тысячъ.

Но не такъ смотрѣли на это Михайловскіе крестьяне, которые прямо и объявили коммиссіи, что такой суммы они положительно платить не въ состояніи, не смотря на сладкія рѣчи чиновниковъ о томъ, что они будутъ вольные, а не господскіе и т. п. Крестьяне хорошо знали, что тогда за недоимку государственныхъ крестьянъ пороли въ расправѣ розгами, чего у нихъ въ Михайловкѣ не практиковалось, а потому и отказались получить свободу на такихъ условіяхъ.

Какъ ни настаивала коммиссія, чтобы крестьяне согласились на такую плату и дали бы подписку въ своевременномъ взносѣ причитающейся суммы, она не могла успѣть въ этомъ.

Между тѣмъ г-жа Потемкина поспѣшила совершить купчую крѣпость на Михайловское имѣніе, а Министерство Государственныхъ Имуществъ немедленно предписало Курской Палатѣ Государственныхъ Имуществъ принять имѣніе въ свое вѣдѣніе.

Михайловскіе крестьяне никакъ не ожидали, чтобы эта покупка могла состояться безъ ихъ согласія, такъ какъ собственно они и были покупателями, а потому и не признавали покупки.

Библиотека "Руниверс"

Въ такомъ положенiи находилось дѣло, когда проживавшiй въ селѣ Михайловкѣ чиновникъ отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ постоянно, чуть ли не каждый день, собиралъ сходки крестьянъ изъ всѣхъ домохозяевъ, домогаясь отъ нихъ получить подписку въ исправныхъ платежахъ. Это такъ надоѣло и возмутило крестьянъ, въ сущности очень мирныхъ и добродушныхъ (тѣмъ болѣе, что они должны были постоянно отрываться отъ своихъ занятiй и безъ толку терять время), что они сдѣлались съ чиновникомъ очень грубы и перестали исполнять его приказанiя, ссылаясь на то, что они господскiе, а не государственные. Одинъ разъ, выведенные изъ терпѣнiя, они даже заперли его въ квартирѣ и продержали, не выпуская до тѣхъ поръ, пока мѣстный становой не освободилъ его.

Въ это время я, ѣдучи въ Курскъ и проѣзжая сл. Михайловку, узналъ отъ становаго пристава, что министерскiй чиновникъ, жившiй въ Михайловкѣ, поскакалъ въ Курскъ съ донесенiемъ, будто Михайловскiе крестьяне бунтуютъ; при этомъ становой разсказалъ мнѣ, какъ онъ выручилъ запертаго чиновника, и прибавилъ, что бунта противъ властей между крестьянами вовсе не замѣтно.

Между тѣмъ Михайловскiе крестьяне, узнавъ о моемъ прiѣздѣ, пришли ко мнѣ со своимъ начальствомъ и обратились, какъ къ предводителю, съ просьбой вразумить ихъ, что̀ имъ дѣлать, такъ какъ они не знаютъ, чьи они: помѣщичьи или государственные, и прибавляя, что послѣдними они рѣшительно отказываются быть, ежели имъ придется ежегодно платить такую значительную сумму, какую имъ объявили, но что они согласны на меньшую сумму, которая значится въ составленномъ ими и представленномъ въ коммиссiю приговорѣ, которая не обратила на него никакого вниманiя.

Прежде всего я старался разъяснить имъ, что они не должны сопротивляться чиновнику въ законныхъ его требованiяхъ, а тѣмъ болѣе употреблять такое насилiе, какое они употребили, заперши его, за что̀ они могутъ быть по закону строго наказаны.

Крестьяне чистосердечно отвѣчали мнѣ, что они ничего худаго не желали сдѣлать чиновнику, но что онъ имъ «*дюже надоивъ сходками*», на которыхъ онъ требуетъ отъ нихъ подписки, что они обязуются платить такую сумму, которую они платить не въ силахъ.

Прiѣхавъ въ Курскъ, я увидался съ губернаторомъ Казадаевымъ и съ ревизовавшимъ въ это время Курскую губернiю по высочайшему повелѣнiю сенаторомъ Дурасовымъ, которые тотчасъ же сообщили мнѣ, что въ моемъ уѣздѣ бунтуютъ Михайловскiе крестьяне, какъ доноситъ управляющiй Палатой Государственныхъ Имуществъ, вслѣдствiе

Библиотека "Руниверс"

чего ими уже сдѣлано распоряженіе о вызовѣ войскъ для усмиренія бунтующихъ.

Я конечно, объяснилъ имъ, что только вчера былъ въ Михайловкѣ, проѣздомъ въ Курскъ, говорилъ съ крестьянами и нахожу, что войска совершенно ненужны, такъ какъ бунта никакого нѣтъ, а все волненіе происходитъ отъ чрезмѣрнаго требованія платы за ихъ освобожденіе, и подробно разсказалъ о вчерашнемъ моемъ пребываніи въ Михайловкѣ.

Тогда сенаторъ Дурасовъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, могу ли я ручаться, что безпорядковъ въ сл. Михайловкѣ не будетъ во время пріема этого имѣнія въ вѣдѣніе государственныхъ имуществъ и что крестьяне дадутъ подписку въ томъ, что они согласны поступить въ казну, какъ того требуетъ министерство.

Я отвѣчалъ, что поручусь вполнѣ, ежели только крестьянамъ будетъ сбавлена плата до суммы, значущейся въ ихъ приговорѣ.

«Это уже дѣло министерства», отвѣчалъ сенаторъ, «а я бы просилъ васъ принять на себя убѣдить крестьянъ, чтобы они были послушны передъ своимъ новымъ начальствомъ и согласились бы поступить въ государственные крестьяне; въ противномъ же случаѣ намъ придется послать туда войско. А просить о сбавкѣ платежей они всегда могутъ, будучи государственными».

Я и на это согласился, зная напередъ печальную участь, которая можетъ постигнуть крестьянъ въ случаѣ вызова войскъ.

Вслѣдствіе моего ручательства распоряженіе о посылкѣ войскъ въ сл. Михайловку было отмѣнено, а была составлена коммиссія, состоявшая изъ управляющаго Палатою Государственныхъ Имуществъ Колокольцова, жандармскаго полковника Горошковскаго и мѣстныхъ: окружнаго начальника Мерлина и исправника съ временнымъ отдѣленіемъ суда, подъ моимъ предсѣдательствомъ, какъ уѣзднаго предводителя.

Въ назначенный день, когда я пріѣхалъ въ сл. Михайловку, наша коммиссія была въ полномъ составѣ. Управляющій государственныхъ имуществъ и чиновники сообщили мнѣ, что крестьяне повидимому настроены неблагопріятно и что я напрасно отказался отъ содѣйствія войскъ.

Еще раньше было сдѣлано отъ исправника распоряженіе собрать въ этотъ день изъ всѣхъ домохозяевъ сходку на площадь противъ дома, куда мы должны были собраться.

Этотъ день, 6-го Іюня 1851 года, былъ назначенъ случайно; но ровно въ полдень должно было начаться затмѣніе солнца, которое

Библиотека "Руниверс"

въ этой мѣстности, при отличной, ясной погодѣ, было видно превосходно.

Нѣсколько ранѣе начала этого явленія я вышелъ на балконъ, выступавшій на площадь, на которой была собрана сходка. Подозвавъ къ себѣ нѣсколько наиболѣе вліятельныхъ крестьянъ, знавшихъ меня лично, какъ ихъ сосѣда по имѣнію, я объяснилъ имъ, для чего назначена коммиссія, въ которой я былъ предсѣдателемъ; объяснилъ имъ, какой отвѣтственности они бы подверглись за ихъ насиліе и поступокъ съ чиновникомъ министерства, если бы были присланы войска и если бы я не упросилъ сенатора и губернатора отмѣнить это распоряженіе, надѣясь на то, что крестьяне будутъ благоразумны и согласятся на мое предложеніе, которое заключается въ слѣдующемъ: «дать подписку только о согласіи своемъ перейти въ вѣдомство государственныхъ имуществъ», а о сбавкѣ уплаты назначенныхъ платежей они могутъ просить свое новое начальство, которое, вѣроятно, не оставитъ ихъ просьбы безъ удовлетворенія.

Крестьяне, бывшіе въ переднихъ рядахъ передъ балкономъ, хорошо слышавшіе мои слова и, какъ я уже сказалъ, знавшіе меня лично, послѣ нѣкотораго колебанія изъявили свое согласіе дать такую подписку; но стоявшая огромная толпа народа позади (къ тому же это день былъ базарный), не понявъ хорошо моего предложенія, начала шумѣть и выражать свое неудовольствіе криками: «не согласны!» Я желалъ вызвать крикуновъ поближе къ себѣ; но толпа тѣснилась, шумѣла, крикуновъ ко мнѣ не подпускали, и произошелъ ужасный безпорядокъ, такъ что мой голосъ былъ совершенно заглушенъ.

Въ это самое время я замѣтилъ начало солнечнаго затмѣнія.

Это явленіе, видѣнное мною въ первый разъ въ жизни, да еще при такой обстановкѣ, произвело на меня очень сильное впечатлѣніе, котораго я никогда не забуду. Среди яркаго и жаркаго солнечнаго дня, вдругъ начало темнѣть, какъ въ сумеркахъ, и холоднѣть, такъ что дрожь охватила меня. Пораженная толпа остановилась недоумѣвая; крикъ ея почти мгновенно смолкъ, и всѣ ясно услыхали пѣніе пѣтуховъ и жалобный лай собакъ; тутъ же въ толпѣ послышались рыданія и негромкія причитанья бабъ, которыя затѣмъ снова смолкли. Темнота дѣлалась все сильнѣе и сильнѣе. Происходило что-то необычайное и въ природѣ, и въ тысячной толпѣ, которая, объятая паническимъ страхомъ, окончательно оцѣпенѣла.

Воспользовавшись этой минутой и оправившись нѣсколько отъ перваго впечатлѣнія, я обратился къ толпѣ и сказалъ громкимъ голосомъ: «Смотрите, православные, затмѣвается солнце, а вы не хотите

Библиотека "Руниверс"

послушаться меня, когда я отъ всего сердца желаю вамъ счастья и добра».

Тутъ воцарилась почти полная темнота.

«На колѣни, молитесь Богу, чтобы Онъ вразумилъ васъ!» крикнулъ я. И вся толпа заколыхалась и стремительно опустилась на землю, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ и шепча молитвы. Картина была необычайная.

Между тѣмъ солнце начало проясняться, люди стали подниматься; заговорили сначала негромко, потомъ все громче и громче, съ какимъ-то восторженнымъ крикомъ: «мы всѣ согласны, мы вамъ вѣримъ, мы согласны, и все исполнимъ, что̀ вы намъ прикажете!» Я подозвалъ грамотныхъ выборныхъ для схода людей и объяснилъ имъ, какъ они должны составить приговоръ о переходѣ своемъ въ государственные крестьяне. Грамотные немедленно стали подписываться, а въ этой слободѣ ихъ было достаточно. Тѣмъ и окончился Михайловскій бунтъ.

Когда я возвратился въ коммиссію, которая тѣмъ временемъ смотрѣла на затмѣніе въ закопченыя стекла и ожидала результата моихъ переговоровъ, то управляющій Палатою Государственныхъ Имуществъ, Г. Д. Колокольцовъ, сказалъ мнѣ: «Ну, поздравляю васъ; вы поступили съ Михайловскими крестьянами, какъ Іисусъ Навинъ въ битвѣ съ Хананеями; онъ въ рѣшительную минуту остановилъ солнце, докончилъ битву, получилъ желаемую побѣду; вы въ рѣшительную минуту показали Михайловскимъ крестьянамъ затмѣніе солнца и получили желаемый приговоръ».

А, по правдѣ сказать, я никакъ не думалъ, что все такъ благополучно окончится: до затмѣнія солнца крестьяне были настроены совсѣмъ немиролюбиво, и я уже началъ было терять надежду, особенно, когда замѣтилъ многихъ пьяными.

Если бы Михайловскіе крестьяне могли предвидѣть, что черезъ 10-ть лѣтъ они будутъ освобождены высочайшею волею императора Александра Николаевича, то, пожалуй, и затмѣніе солнца и мои увѣщанія не подѣйствовали бы на ихъ согласіе. Но въ то время я былъ доволенъ, что дѣло обошлось безъ вмѣшательства войска, и мои сосѣди, Михайловскіе крестьяне, мало пострадали, такъ какъ уплата платежей была въ послѣдствіи имъ нѣсколько сбавлена.

Николай Рѣшетовъ.

Библиотека "Руниверс"

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА

Государыни Императрицы Екатерины Второй на права, вольности и преимущества благороднаго Россійскаго дворянства.

21 Апрѣля 1787 года.

(Изъ Полнаго Собранія Законовъ, № 16.187-й).

Божіею поспѣшествующею милостію Мы Екатерина Вторая Императрица и Самодержица Всероссійская, Московская, Кіевская, Владимирская, Новгородская, царица Казанская, царица Астраханская, царица Сибирская, царица Херсониса Таврическаго, государыня Псковская и великая княгиня Смоленская, княгиня Эстляндская, Лифляндская, Карельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская, и иныхъ; Государыня и Великая Княгиня Новогорода Низовскія земли, Черниговская, Рязанская, Полоцкая, Ростовская, Ярославская, Бѣлоозерская, Удорская, Обдорская, Кондійская, Витебская, Мстиславская и всея Сѣверныя страны Повелительница, и Государыня Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ князей и иныхъ наслѣдная Государыня и Обладательница.

Извѣстно всенародно, что въ семъ титулѣ нашего самодержавства не вмѣщены мнимыя или намъ неподвластныя царства, княженія, области, города или земли чуждыя; но паче означаются самыя обширныя наши владѣнія кратчайшими именованіями: ибо многочисленны суть.

Всероссійская Имперія въ свѣтѣ отличается пространствомъ ей принадлежащихъ земель, кои простираются отъ восточныхъ предѣловъ Камчатскихъ до рѣки и за рѣку Двину, падающую подъ Ригою въ Варяжской заливъ, включая въ свои границы 165 степеней долготы. Отъ устья же рѣкъ Волги, Кубани, Дона и Днѣпра, втекающихъ въ Хвалынское, Азовское и Черное моря, до Ледовитаго Океана простирается на 32 степени широты.

Таково есть существенное состояніе Россійской Имперіи въ семъ знаменитомъ столѣтіи, въ коемъ истекаетъ и настоящій 1785 годъ. И симъ образомъ въ истинной славѣ и величествѣ Имперіи вкушаемъ плоды и познаемъ слѣдствія дѣйствій намъ подвластнаго, послушнаго, храбраго, неустрашимаго, предпріимчиваго и сильнаго Россійскаго народа, когда вѣрою къ Богу, вѣрностію къ Престолу онъ управляемъ, когда трудъ и любовь къ отечеству соединенными силами стремятся преимущественно къ общему благу, и когда въ военномъ и гражданскомъ дѣлѣ примѣромъ предводителей поощрены подчиненные на дѣянія, хвалу, честь и славу за собою влекущія.

Библиотека "Руниверс"

Начальниковъ и предводителей таковыхъ Россія, чрезъ теченіе 800 лѣтъ отъ времени своего основанія, находила посреди своихъ сыновъ, наипаче же во всякое время свойственно было, есть, да помощію Божіею и пребудетъ вѣчно Россійскому дворянству отличаться качествами блистающими къ начальству. Сіе неопровергаемо доказывается самыми успѣхами, доведшими Имперію Россійскую до края нынѣшняго ея величества, силы и славы.

Да какъ тому и быть инако, когда знатнѣйшее и благороднѣйшее Россійское дворянство, входя въ службы военную или гражданскую, проходитъ всѣ степени чиноначалія, и отъ юности своей отъ нижнихъ узнаетъ основаніе службы, привыкаетъ къ трудамъ, и сіи нести твердо и терпѣливо; а научась послушанію, тѣмъ самымъ пріуготовляется къ вышнему начальству: не бысть бо въ свѣтѣ добрый начальникъ, который въ свое время самъ повиноватися не пріобыкъ? Достигаютъ же до вышнихъ степеней тѣ Россійскаго дворянства знаменитыя особы, кои отличаются или службою, или храбростію, или вѣрностію, или искусствомъ, или же тѣ, что̀ въ послушаніи терпѣливо пребывая, твердостію духа усердно преодолѣваютъ трудности и самое время, умножая опытами знаніе и способности свои въ частяхъ, званію ихъ предлежащихъ.

Обыкла Россія изстари видѣть службы, вѣрность, усердіе и труды всякаго рода, отъ престола предковъ нашихъ во всякое время изобильно награждаемые, почестьми украшаемые и отличностьми предпочитаемые. Сему свидѣтельства подлинныя находятся въ древнѣйшихъ поколѣніяхъ родовъ нашего вѣрнолюбезнаго подданнаго Россійскаго дворянства, которое, ежечасно бывъ готово подвизатися за вѣру и отечество и нести всякое бремя наиважнѣйшаго Имперіи и Монарху служенія, потомъ, кровію и жизнію пріобрѣтало помѣстья, съ оныхъ имѣло свое содержаніе, а умножая заслуги, получало въ награжденіе отъ самодержавной власти помѣстья въ вотчины себѣ потомственно.

Службою пріобрѣтенное и за вящщую службу въ награду полученное имѣніе долженствовало, какъ и свойственно есть, наипаче обращаться въ тѣхъ поколѣніяхъ нашего дворянства, кои отъ начала основанія Россіи до дней сихъ оказать могутъ превосходнымъ числомъ похвальныхъ своихъ предковъ, мужей разумныхъ, искусныхъ, храбрыхъ, въ трудахъ неутомленныхъ, съ непоколебимымъ усердіемъ ратоборствовавшихъ многообразно и въ случаяхъ различныхъ противу внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ вѣры Монарха и отечества. Но сіе ли едино въ пріобрѣтенномъ имѣніи есть доказательство древности родовъ ихъ службы и за оную награжденія? Похвальныя грамоты жалованы были прежде, послѣ и при недвижимомъ имѣніи. Онѣ суть наивящше утвердительные остатки того отличнаго подвига, за который хвала послѣдовала, какъ даръ наидрагоцѣннѣйшій благородной и честь прямо любящей душѣ. Прямо же честолюбивыя души отъ самой древности, гдѣ многочисленѣе, какъ не между Россійскимъ дворянствомъ обрѣтались? Не ихъ ли обязательства утверждалися за неустойку единымъ стыдомъ?

Библиотека "Руниверс"

Ибо стыдъ и поношеніе благороднымъ и честь любящимъ душамъ представлялись наитягостнѣйшимъ наказаніемъ, хвала же и отличность лучшею наградою. Образъ мысли таковой и соединенное съ онымъ умствованіе требовали, по умноженіи заслугъ, соразмѣрно тому и съ теченіемъ времени и перемѣною обычаевъ, отличія и отличностей изобильно. За похвальными и жалованными грамотами, на память всякаго рода, слѣдовали гербы, дипломы на достоинства и патенты на чины, совокупно съ наружными украшеніями. Въ честь добродѣтелямъ и заслугамъ установлены Всероссійскіе кавалерскіе ордены, какъ вообще надписи свидѣтельствуютъ. Орденъ Святаго Апостола Андрея Первозваннаго за вѣру и вѣрность, Святыя Великомученицы Екатерины за любовь и отечество, Святаго Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго за труды и отечество. И уже во днѣхъ нашихъ служба и храбрость начальствующихъ Россійскихъ воиновъ побудили насъ отличать побѣдителей знаками установленнаго для таковыхъ ордена Великаго Побѣдоносца Георгія; и учредить также орденъ Святаго Равноапостольнаго Князя Владимира въ награжденіе трудовъ въ военномъ и гражданскомъ званіи, приносящихъ общую пользу, честь и славу.

Къ вамъ обращаемъ наше слово, достойно знаменующіеся побѣдительнымъ орденомъ! Васъ хвалимъ, о потомки достойные предковъ своихъ! Сіи были основа величества Россіи, вы силу и славу отечества совершили шестилѣтними непрерывными побѣдами въ Европѣ, Азіи, Африкѣ, на сухомъ пути въ Молдавіи, Бессарабіи, Валахіи, за Дунаемъ, въ горахъ Балканскихъ, въ Крыму и въ Грузіи; на морѣ же, въ Мореѣ, въ Архипелагѣ, Чесмѣ, Метелинѣ, Лемносѣ, Негропонтѣ, Патрасѣ, Египтѣ, на Азовскомъ и Черномъ моряхъ, на рѣкахъ Днѣпрѣ и по великому теченію Дуная.

Удивительны безъ сомнѣнія будутъ потомкамъ сіи многочисленныя побѣды по краямъ вселенныя; но вѣчная слава заключеннаго въ Болгаріи, въ стану нашихъ войскъ при Кучукъ-Кайнарджи мира, Іюля 10 дня 1774 года, предводительствовавшимъ первую нашу армію генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ, проименованнымъ отъ насъ по сей войнѣ Задунайскимъ, съ Турецкимъ верховнымъ визиремъ, поставитъ удостовѣреніе о бытіи оныхъ выше забвенія и сомнительности.

Сей драгоцѣнный миръ, постановленіями своими доказывающій и прекратившій побѣдительную войну, доставилъ по желанію нашему великія выгоды Россіи и отверзъ путь къ вожделѣннымъ предметамъ, пользу и могущество оныя усиливающимъ.

Отъ блага, войною стяжаннаго, колико распространяется польза государства, доказываетъ уже то безкровопролитное пріобрѣтеніе скипетру нашему Херсона Таврическаго и Кубани, одержанное 8 Апрѣля 1783 года ревнительнымъ подвигомъ нашего генералъ-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина, который, удовлетворяя нашему повелѣнію, благоразумною предпріимчивостію своею явилъ отличную и навсегда незабвенную заслугу передъ нами и отечествомъ.

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ выгодъ отъ вѣтвей торговли, мореплаванія на Черномъ морѣ и той прибыли, что̀ приноситъ земля, сама по себѣ всякимъ плодородіемъ изобилующая, всеконечно почувствуетъ всякій Россіянинъ сугубое утѣшеніе въ душѣ своей, представя страну сію во времена Владимира, когда князь сей, просвѣтившися въ оной самъ крещеніемъ святымъ, принесъ оттуда спасительную Христіанскую вѣру во всю Россію, и воспоминая притомъ отъ древности до нашихъ временъ, колико царство и народъ сей, учинившійся нынѣ Россіи подвластнымъ, бѣдоносными нашествіями раздирали отечество, опустошеніями нарушая покой его; но теперь подвергнутый во область нашу, обратился съ помощію Божіею тотъ край, вмѣсто прежняго вреда, въ источникъ пользы.

Съ новыми выгодами и приращеніемъ нашей Имперіи, когда пользуемся всякою внутреннею и внѣшнею повсюду тишиною, мы подвигъ свой вящше и вящше устремляемъ къ непрерывному упражненію доставить нашимъ вѣрноподданнымъ во всѣхъ нужныхъ частяхъ внутренняго государственнаго управленія твердыя и прочныя постановленія, ко умноженію благополучія и порядка на будущія времена; и для того, вопервыхъ достойно находимъ простерти наше попеченіе къ нашему вѣрнолюбезному подданному Россійскому дворянству, имѣя въ памяти вышесказанныя его заслуги, ревность, усердіе и непоколебимую вѣрность Самодержцамъ Всероссійскимъ, намъ самимъ и престолу нашему оказанныя въ наисмутнѣйшія времена, какъ въ войнѣ, такъ и посреди мира. А подражая примѣрамъ правосудія, милосердія и милости въ Бозѣ почивающихъ, Россійскій престолъ украсившихъ и прославившихъ предковъ нашихъ, и движимы будучи собственною нашею матернею любовію и отличною признательностію къ Россійскому дворянству, по благоразсужденію и изволенію нашему императорскому, повелѣваемъ, объявляемъ, постановляемъ и утверждаемъ въ память родовъ, для пользы Россійскаго дворянства, службы нашей и Имперіи, слѣдующія статьи на вѣчныя времена и непоколебимо.

1. Дворянское названіе есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами, чѣмъ, обращая самую службу въ достоинство, пріобрѣли потомству своему нарицаніе благородное.

2. Не токмо Имперіи и престолу полезно, но и справедливо есть, чтобъ благороднаго дворянства почтительное состояніе сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо: и для того изстари, нынѣ да и пребудетъ на вѣки благородное дворянское достоинство неотъемлемо, наслѣдственно и потомственно тѣмъ честнымъ родамъ, кои онымъ пользуются, и слѣдственно

3. Дворянинъ сообщаетъ дворянское достоинство женѣ своей.

4. Дворянинъ сообщаетъ дѣтямъ своимъ благородное дворянское достоинство наслѣдственно.

5. Да не лишится дворянинъ или дворянка дворянскаго достоинства, буде сами себя не лишили онаго преступленіемъ, основаніямъ дворянскаго достоинства противнымъ.

Библиотека "Руниверс"

6. Преступленія, основанія дворянскаго достоинства разрушающія и противныя, суть слѣдующія: 1) нарушеніе клятвы, 2) измѣна, 3) разбой, 4) воровство всякаго рода, 5) лживые поступки, 6) преступленія, за кои по законамъ слѣдовать имѣетъ лишеніе чести и тѣлесное наказаніе, 7) буде доказано будетъ, что другихъ уговаривалъ или научалъ подобныя преступленія учинить.

7. Но понеже дворянское достоинство не отъемлется, окромѣ преступленія; бракъ же есть честенъ и закономъ Божіимъ установленъ: и для того благородная дворянка, вышедши замужъ за недворянина, да не лишится своего состоянія, но мужу и дѣтямъ не сообщаетъ она дворянства.

8. Безъ суда да не лишится благородный дворянскаго достоинства.

9. Безъ суда да не лишится благородный чести.

10. Безъ суда да не лишится благородный жизни.

11. Безъ суда да не лишится благородный имѣнія.

12. Да не судятся благородный окромѣ своими равными.

13. Дѣло благороднаго, впадшаго въ уголовное преступленіе и по законамъ достойнаго лишенія дворянскаго достоинства, или чести, или жизни, да не вершится безъ внесенія въ Сенатъ и конфирмаціи Императорскаго Величества.

14. Всякаго рода преступленія (благороднаго), коимъ 10 лѣтъ прошло, и чрезъ таковое долгое время они не сдѣлались гласны, и по онымъ производства не было: всѣ таковыя дѣла повелѣваемъ отнынѣ предать, если гдѣ объ нихъ взыскатели, истцы или доносители явятся, вѣчному забвенію.

15. Тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго.

16. Съ дворянами, служащими въ нижнихъ чинахъ нашихъ войскъ, поступать во всѣхъ штрафахъ такъ, какъ по нашимъ военнымъ правиламъ поступается съ оберъ-офицерскими чинами.

17. Подтверждаемъ на вѣчныя времена въ потомственные роды Россійскому благородному дворянству вольность и свободу.

18. Подтверждаемъ благороднымъ, находящимся въ службѣ, дозволеніе службу продолжать и отъ службы просить увольненія по сдѣланнымъ на то правиламъ.

19. Подтверждаемъ благороднымъ дозволеніе вступать въ службы прочихъ Европейскихъ намъ союзныхъ державъ и выѣзжать въ чужіе края.

20. Но какъ благородное дворянское названіе и достоинство изстари, нынѣ да и впредъ пріобрѣтается службою и трудами, Имперіи и престолу полезными, и существенное состояніе Россійскаго дворянства зависимо есть отъ безопасности отечества и престола: и для того во всякое таковое Россійскому самодержавію нужное время, когда служба дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякой благородной дворянинъ обязанъ, по первому позыву отъ самодержавной власти, не щадить ни труда, ни самого живота для службы государственной.

21. Благородный имѣетъ право по прозваніи своемъ писаться какъ помѣщикомъ его помѣстій, такъ и вотчинникомъ родовыхъ, наслѣдственныхъ и жалованныхъ его вотчинъ.

Библиотека "Руниверс"

22. Благородному свободная власть и воля оставляется, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ какого имѣнія, благопріобрѣтенное имъ имѣніе дарить, или завѣщать, или въ приданое, или на прожитокъ отдать, или передать, или продать, кому заблагоразсудитъ. Наслѣдственнымъ же имѣніемъ да не распоряжаетъ инако, какъ законами предписано.

23. Благороднаго наслѣдственное имѣніе, въ случаѣ осужденія и по важнѣйшему преступленію, да отдастся законному его наслѣднику, или наслѣдникамъ.

24. Понеже желаніе и хотѣніе наше было, есть и впредъ съ помощію Божіею непремѣнно будетъ, чтобъ Имперія Всероссійская управляема была издаваемыми отъ самодержавной нашей власти узаконеніями и постановленіями, для утвержденія правосудія, правды и безопасности имѣнія и имущества каждаго: находимъ справедливо снова запретить и строго подтвердить древнія о томъ запрещенія, да не дерзнетъ никто безъ суда и приговора, въ силу законовъ тѣхъ судебныхъ мѣстъ, коимъ суды поручены, самовольно отобрать у благороднаго имѣніе или оное разорять.

25. Правосудіе и возмездіе за преступленія ввѣрены въ каждомъ намѣстничествѣ единственно судебнымъ на то установленнымъ мѣстамъ; они выслушиваютъ жалобы истца и оправданія отвѣтчика, и чинятъ рѣшенія по законамъ, которымъ всякъ, какого бы рода и поколѣнія ни былъ, повиноватися обязанъ: и для того, буде благородный имѣетъ законное требованіе, или кто на благороднаго, то оное разобрать надлежитъ въ установленныхъ и на то власть имѣющихъ судебныхъ мѣстахъ предписаннымъ порядкомъ; ибо несправедливо и съ общимъ порядкомъ несходственно бы было, когда бы всякъ въ собственномъ своемъ дѣлѣ вздумалъ сдѣлаться судьей.

26. Благороднымъ подтверждается право покупать деревни.

27. Благороднымъ подтверждается право оптомъ продавать, что̀ у нихъ въ деревняхъ родится, или рукодѣліемъ производится.

28. Благороднымъ дозволяется имѣть фабрики и заводы по деревнямъ.

29. Благороднымъ дозволяется въ вотчинахъ ихъ заводить мѣстечки, и въ нихъ торги и ярмарки, согласно съ государственными узаконеніями, съ вѣдома генералъ-губернаторовъ и губернскихъ правленій, и съ наблюденіемъ, чтобы сроки ярмарокъ въ мѣстечкахъ ихъ соображены были со сроками въ другихъ окрестныхъ мѣстахъ.

30. Благороднымъ подтверждается право имѣть, или строить, или покупать домы въ городахъ, и въ оныхъ имѣть рукодѣліе.

31. Буде кто благородный желаетъ пользоваться городовымъ правомъ, да повинуется оному.

32. Благороднымъ дозволяется оптомъ продавать, или изъ указныхъ гаваней за моря отпускать товаръ, какой у кого родится, или на основаніи законовъ выдѣланъ будетъ; ибо имъ не запрещается имѣть, или заводить фабрики, рукодѣлія и всякіе заводы.

33. Подтверждается благороднымъ право собственности, дарованное милостивымъ указомъ отъ 28 Іюня 1782 года, не только на поверхности

Библиотека "Руниверс"

земли каждому изъ нихъ принадлежащей, но и въ нѣдрахъ той земли и въ водахъ, ему принадлежащихъ, на всѣ сокровенные минералы и произрастенія, и на всѣ изъ того дѣлаемые металлы, въ полной силѣ и разумѣ, какъ въ томъ указѣ изъяснено.

34. Подтверждается благороднымъ право собственности въ лѣсахъ, растущихъ въ ихъ дачахъ, и свободнаго ихъ употребленія въ полной силѣ и разумѣ, какъ въ милостивомъ указѣ 22 Сентября 1782 года изображено.

35. По деревнямъ помѣщичій домъ имѣетъ быть свободенъ отъ постоя.

36. Благородный самолично изъемлется отъ личныхъ податей.

37. Нашимъ вѣрноподданнымъ дворянамъ жалуемъ дозволеніе собираться въ той губерніи, гдѣ жительство имѣютъ, и составлять дворянское общество въ каждомъ намѣстничествѣ, и пользоваться нижеписанными правами, выгодами, отличностями и преимуществами.

38. Дворянство собирается въ губерніи по позыву и дозволенію генералъ-губернатора или губернатора, какъ для ввѣренныхъ дворянству выборовъ, такъ и для выслушиванія предложеній генералъ-губернатора или губернатора, всякіе три года въ зимнее время.

39. Собранію дворянства въ намѣстничествѣ дозволяется избрать губернскаго предводителя дворянства той губерніи, и для того собранію дворянства всякіе три года представить изъ уѣздныхъ дворянскихъ предводителей двухъ Государеву намѣстнику или правителю, и котораго изъ сихъ генералъ-губернаторъ или губернаторъ назначитъ, тому и быть губернскимъ предводителемъ дворянства той губерніи.

40. По силѣ 64 и 211 статей Учрежденій, уѣздный предводитель дворянства выбирается дворянствомъ того уѣзда чрезъ всякіе три года по баламъ.

41. По силѣ 65 статьи Учрежденій, Верхняго Земскаго Суда десять засѣдателей и двое засѣдателей Совѣстнаго Суда выбираются дворянствомъ тѣхъ уѣздовъ, кои составляютъ подсудное вѣдомство того Верхняго Земскаго Суда, чрезъ всякіе три года, и представлются отъ онаго правителю или губернатору, когда генералъ-губернатора на мѣстѣ нѣтъ. И буде за ними нѣтъ явнаго порока, то Государевъ намѣстникъ, или въ небытность его правитель намѣстничества, подтверждаетъ дворянскій выборъ.

42. Десять засѣдателей (Верхняго Земскаго Суда и засѣдатели Совѣстнаго Суда, Уѣзднаго Суда и Нижняго Земскаго Суда) выбираются чрезъ всякіе три года дворянствомъ тѣхъ уѣздовъ, кои составляютъ подсудное вѣдомство того Верхняго Земскаго Суда, изъ дворянъ на мѣстѣ живущихъ, или изъ тѣхъ, кои въ дворянскомъ спискѣ той губерніи написаны суть, но неотлучны по службѣ и должностямъ бываютъ.

43. По силѣ 66 статьи Учрежденій, уѣздный или окружной судья и земскій исправникъ или капитанъ выбираются дворянствомъ чрезъ всякіе три года и представляются отъ онаго правителю, и буде за нимъ нѣтъ явнаго порока, то губернаторъ подтверждаетъ дворянскій выборъ.

44. По силѣ 67 статьи Учрежденій, засѣдатели Уѣзднаго Суда и дворянскіе засѣдатели Нижняго Земскаго Суда выбираются дворянствомъ чрезъ

Библиотека "Руниверс"

три года и представляются правителю; и буде за ними нѣтъ явнаго порока, то губернаторъ подтверждаетъ дворянскій выборъ.

45. Собранію дворянства, буде выборъ всего дворянства по баламъ продолжителенъ и неудобенъ окажется, тогда дозволяется собранію дворянства представить кандидатовъ, изъ коихъ балотировать.

46. Въ случаѣ предложеній дворянству отъ генералъ-губернатора или губернатора, собраніе дворянства въ губерніи беретъ предложенія во уваженіе, и на оныя чинитъ по случаю или пристойные отвѣты или соглашенія, сходственныя какъ узаконеніямъ, такъ и общему добру.

47. Собранію дворянства дозволяется представлять генералъ-губернатору или губернатору о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ.

48. Подтверждается собранію дворянства дозволеніе дѣлать представленія и жалобы чрезъ депутатовъ ихъ какъ Сенату, такъ и Императорскому Величеству на основаніи узаконеній.

49. Собранію дворянства запрещается дѣлать положенія. противныя законамъ, или требованія въ нарушеніе узаконеній, подъ опасеніемъ за первый случай (то-есть за положенія противныя законамъ) наложенія и взысканія съ собранія пени 200 рублей; а за второй случай (то-есть за требованія въ нарушеніе узаконеній) уничтоженія недѣльныхъ требованій, что̀ поручается бдѣнію и иску губернскихъ стряпчихъ, по силѣ втораго предмета должности ихъ.

50. Собранію дворянства въ каждомъ намѣстничествѣ дозволяется въ губернскомъ городѣ имѣть домъ для собранія дворянства той губерніи.

51. Собранію дворянства каждой губерніи дозволяется въ намѣстничествѣ имѣть архиву.

52. Собранію дворянства каждой губерніи дозволяется имѣть печать.

53. Собранію дворянства каждой губерніи дозволяется избрать и имѣть своего собственнаго секретаря.

54. Собранію дворянства каждой губерніи дозволяется составить особливую казну своими добровольными складками, и оную казну употреблять имъ по общему согласію.

55. Да не взыщется на дворянствѣ вообще личное преступленіе дворянина.

56. Собраніе дворянства на судъ да не предстанетъ, но да защищается своимъ стряпчимъ.

57. Собраніе дворянства ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ стражѣ.

58. По силѣ 173 статьи Учрежденій, въ Верхній Земскій Судъ вносятся по апеляціи на уѣздные суды, дворянскія опеки и нижніе земскіе суды, всѣ дѣла, жалобы и тяжбы дворянскія и на дворянина, какъ гражданскія, такъ и уголовныя, дѣла касающіяся до вотчинъ, выгодъ, привиллегій, завѣщанія, до наслѣдства въ имѣніи и до права наслѣдованія, спорныя о владѣніи, тяжкія до безчестія и до права стряпчихъ касающіяся; такожъ и всѣ дѣла разночинцевъ тѣхъ, кои по правамъ апелляціи на уѣздные и нижніе земскіе суды непосредственно до Верхняго Земскаго Суда принадлежатъ.

Библиотека "Руниверс"

59. По силѣ 20 и 209 статей Учрежденій, при каждомъ Уѣздномъ Судѣ учреждается мѣсто подъ названіемъ: дворянская опека, для дворянскихъ вдовъ и малолѣтнихъ.

60. По силѣ 21 и 210 статей Учрежденій, въ дворянской опекѣ предсѣдаетъ уѣздный дворянскій предводитель, и засѣдаютъ уѣздный судья и его засѣдатели.

61. По силѣ 213 статьи Учрежденій, дворянской опекѣ поручается попеченіе не токмо о оставшихъ послѣ дворянскихъ родителей малолѣтнихъ сиротахъ и ихъ имѣній, но и о вдовахъ и ихъ дѣтяхъ.

62. Собранію дворянства запрещается избирать для тѣхъ должностей, кои по силѣ Учрежденій выборомъ наполняются, дворянина, котораго доходъ съ деревень ниже 100 рублей составляетъ, и который моложе 25 лѣтъ.

63. Въ собраніи дворянства дворянинъ, который самъ не владѣетъ деревнею и моложе 25 лѣтъ, присутствовать можетъ, но голоса не имѣетъ.

64. Въ собраніи дворянства быть можетъ дворянинъ, который вовсе не служилъ или, бывъ въ службѣ, до оберъ-офицерскаго чина не дошелъ (хотя бы оберъ-офицерскій чинъ ему при отставкѣ и былъ данъ); но съ заслуженными сидѣть не долженъ, ни голоса въ собраніи дворянства имѣть не можетъ, ни выбранъ быть способенъ для тѣхъ должностей, кои наполняются выборомъ собранія дворянства.

65. Собранію дворянства дозволяется исключить изъ собранія дворянства дворянина, который опороченъ судомъ, или котораго явный и безчестный порокъ всѣмъ извѣстенъ, хотя бы и судимъ еще не былъ, пока оправдается.

66. Возобновляемъ повелѣнія, блаженныя памяти предковъ нашихъ, изданныя по уничтоженіи (согласно съ прошеніемъ о томъ самихъ дворянъ) вреднаго государству мѣстничества, и снова повелѣваемъ предбудущимъ родамъ на память во всякой губерніи составить дворянскую родословную книгу, въ коей вписать дворянство той губерніи, дабы доставить каждому благородному дворянскому роду тѣмъ наипаче способіе продолжать свое достоинство и названіе наслѣдственно въ поколѣніе, непрерывно, непоколебимо и невредимо отъ отца къ сыну, внуку, правнуку и законному потомству, пока Богу угодно продлить имъ наслѣдіе.

67. Для составленія въ намѣстничествѣ дворянской родословной книги дворянство каждаго уѣзда избираетъ по одному депутату чрезъ всякіе три года по баламъ, дабы тѣ депутаты, обще съ губернскимъ предводителемъ дворянства той губерніи, имѣли попеченіе о дѣйствительномъ составленіи и продолженіи той дворянской родословной книги, по данному имъ для того наставленію.

68. Въ дворянскую родословную книгу въ намѣстничествѣ внести имя и прозваніе всякаго дворянина, въ той губерніи имѣніемъ недвижимымъ владѣющаго и дворянство свое доказательствами утвердить могущаго.

Библиотека "Руниверс"

69. Буде кто не внесенъ въ дворянскую родословную книгу той губерніи, тотъ не только не принадлежитъ къ дворянству той губерніи, но да и не пользуется общими преимуществами дворянства той губерніи.

70. Всякій благородный дворянинъ въ томъ намѣстничествѣ, гдѣ внесенъ въ родословную дворянскую книгу, имѣетъ право присутствовать по совершеннолѣтіи при собраніи дворянства той губерніи.

71. Дворянству каждаго намѣстничества повелѣваемъ дать жалованную грамоту за нашимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ государственной печати, въ которой прописать отъ слова до слова сіи здѣсь выше и ниже сего прописанныя общественныя и личныя дворянскія преимущества.

* * *

Остальныя статьи Грамоты (ихъ всѣхъ 92) заключаютъ въ себѣ подробности о дворянской родословной книгѣ по намѣстничествамъ. Сущность этого законодательнаго памятника содержится въ статьяхъ, которыя здѣсь перепечатаны. Надѣемся, что читатели не осудятъ насъ за эту перепечатку, такъ какъ намъ сдается, что большинство дворянъ (въ особенности не служащихъ по выборамъ) мало знакомы съ Жалованною Грамотою. Исторія ея составленія мало извѣстна. Есть предположеніе, что однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ Государыни былъ графъ П. В. Завадовскій, бывшій нѣкогда правою рукою у графа П. А. Румянцова и сохранившій къ нему всегдашнюю приверженность, такъ что даже воздвигнулъ ему богатый памятникъ въ селѣ своемъ Ляличахъ. Упоминаніе въ Грамотѣ про Румянцова и Потемкина имѣло свое значеніе. Грамота была разослана по намѣстничествамъ, подписанная Государынею и скрѣпленная графомъ Остерманомъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ПРЕДЛОЖЕНІЕ

Новосильскаго уѣзднаго предводителя дворянства I. Н. Шатилова чрезвычайному дворянскому собранію дворянъ Тульской губерніи 12-го Марта 1885 года.

Мм. гг.

По поводу предстоящей знаменательной для всего Русскаго дворянства годовщины, мы постановили во всеподданнѣйшемъ адресѣ Государю Императору выразить тѣ чувства, которыя вызываются въ дворянствѣ памятью объ этомъ историческомъ событіи и воспоминаніемъ тѣхъ незабвенныхъ для насъ словъ, которыми Государь Императоръ благоволилъ почтить Русское дворянство въ дни священнаго Своего коронованія.

Но памятованіе этой годовщины и Монархомъ сказанныя слова не должны ли въ насъ вызвать сознаніе: что самымъ достойнымъ празднованіемъ того дня, когда незабвенная Монархиня, дарованіемъ дворянскому сословію грамоты, возвысила его надъ другими сословіями, было-бы не только словомъ, но и дѣломъ доказать, что Русское дворянство, хотя и поступившееся многими дарованными ему сто лѣтъ тому назадъ особыми правами, тѣмъ не менѣе стоитъ на высотѣ своего призванія, и, признавая себя, какъ и въ тѣ дни, руководящимъ сословіемъ Россіи, оно не только готово на подвиги и жертвы въ дни испытаній Отечества, но желаетъ и ежечасно, въ кругу своей обычной дѣятельности, стоять на стражѣ отечественныхъ интересовъ, указывая другимъ сословіямъ вѣрный путь преуспѣянія страны, посредствомъ развитія ея благосостоянія, а слѣдовательно и укрѣпленія ея общественнаго строя?

Безпристрастная оцѣнка пережитаго столѣтія должна убѣдить насъ въ томъ, что, увлекаясь преимущественно служеніемъ Отечеству на административномъ и военномъ поприщахъ, мы слишкомъ часто забывали тѣ обязанности, которыя Провидѣніе и воля Царей возложили на насъ по отношенію къ той долѣ земли Русской, которую мы унаслѣдовали отъ предковъ нашихъ.

Уроки прошлаго не должны для насъ пройдти безслѣдно, а трезвый взглядъ на дѣйствительность убѣждаетъ насъ въ томъ, что самые жизненные интересы нашего Отечества, какъ страны по преимуществу земледѣльческой, суть интересы земледѣлія, и, что въ средѣ 90 милліоннаго Русскаго земледѣльческаго же населенія мы сохранимъ наше первенствующее значеніе и вліяніе только являя этому населенію примѣръ неустаннаго примѣненія труда и знанія къ воздѣлыванію нашей родовой земельной собственности.

Вотъ, милостивые государи, тѣ соображенія, которыя наводятъ меня на мысль, что достойно было бы Тульскаго дворянства ознаменовать день

Библиотека "Руниверс"

дарованія ему, наравнѣ съ остальнымъ дворянствомъ Россіи, особыхъ передъ другими сословіями правъ, такимъ постановленіемъ на пользу земледѣльческаго преуспѣянія нашей губерніи, которое обезпечило бы навсегда возможность извѣстному числу дворянскихъ дѣтей пріобрѣтать тѣ сельскохозяйственныя научныя и практическія познанія, безъ которыхъ въ настоящее время преуспѣяніе сельскохозяйственной промышленности немыслимо.

Съ этою цѣлью позволяю себѣ предложить ходатайствовать о разрѣшеніи установить по одной стипендіи отъ каждаго уѣзда въ Земледѣльческой Школѣ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, такъ чтобы стипендіи эти замѣщались не иначе, какъ изъ дворянъ Тульской губерніи, на тѣхъ условіяхъ выбора стипендіатовъ, которыя будутъ выработаны нашимъ депутатскимъ собраніемъ и очереднымъ дворянскимъ собраніемъ утверждены.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

ПО ПОВОДУ ПРАЗДНОВАНІЯ ОРЛОВСКИМЪ ДВОРЯНСТВОМЪ СТОЛѢТІЯ СО ДНЯ ПОЖАЛОВАНІЯ ДВОРЯНСКОЙ ГРАМОТЫ.

Въ 1766 году, когда понадобилось вызвать отъ дворянства депутатовъ въ образованную тогда временную коммиссію для составленія новаго уложенія, императрица Екатерина повелѣла: мѣстнымъ начальствамъ въ уѣздахъ собрать уѣздныхъ дворянъ и объявить, чтобы они изъ среды своей выбрали *предводителя* на два года, который владѣлъ бы въ уѣздѣ имѣніемъ и былъ не моложе тридцати лѣтъ. Этимъ выборнымъ лицамъ поручалось руководить дворянами при предстоящемъ избраніи депутатовъ въ помянутую коммиссію. Предводителямъ, если они не имѣли высшихъ титуловъ, пріобрѣтенныхъ службою, или унаслѣдованныхъ по рожденію, присвоивался титулъ «*почтенный*», тогда какъ городскимъ головамъ, руководившимъ выборами въ туже коммиссію депутатовъ отъ купцовъ, предоставлялся титулъ «*степенный*». Однакожъ и по истеченіи двухлѣтняго срока, на который предводители были выбраны, велѣно продолжать ихъ избраніе по прежнему, не ожидая о томъ особаго указа, а самый срокъ увеличенъ вскорѣ до трехъ лѣтъ. Такимъ образомъ по поводу отдѣльнаго, единичнаго случая (выбора депутатовъ въ коммиссію о новомъ уложеніи), появились у насъ въ первый разъ названіе и должность «*предводителей дворянства*». На нихъ вскорѣ возложены нѣкоторыя обязанности по общему управленію: предсѣдательство въ рекрутскихъ присутствіяхъ, принятіе, вмѣстѣ съ губернаторами и воеводами мѣръ про-

Библиотека "Руниверс"

тивъ эпидемическихъ болѣзней, съ учрежденія о губерніяхъ 1775 года предсѣдательство въ дворянскихъ опекахъ; наконецъ, когда дворянскою грамотою организованы были *дворянскія общества*, во главѣ ихъ поставлевы предводители дворянства. Сперва они были только *уѣздные;* но въ періодъ времени съ 1775 по 1785 годъ, въ нѣкоторыхъ намѣстничествахъ, какъ видно изъ тогдашнихъ правительственныхъ распоряженій, начали быть, неизвѣстно какимъ порядкомъ, избираемы *губернскіе предводители дворянства*, хотя объ учрежденіи этой должности не помѣщено въ Полномъ Собраніи Законовъ никакого отдѣльнаго узаконенія (см. Романовичъ Славутинскій «Дворянство въ Россіи», страницы 411—422). Такъ и въ Орловскомъ намѣстничествѣ дворянская грамота застала уже губернскаго предводителя, которымъ былъ тогда полковникъ Денисъ Владимировичъ *Давыдовъ*, родной дядя извѣстнаго партизана-поэта; но и до него два лица занимали эту должность: дѣйствительный камергеръ Александръ Иларіоновичъ *Ржевскій* (съ 1779 г.), первый по времени Орловскій губернскій предводитель, и капитанъ Вас. Ив. Танѣевъ (1782 г.). (см. Губернскій Служебникъ князя Туркестанова).

Въ годъ обнародованія Грамоты мѣста предводителей дворянства въ Орловскомъ намѣстничествѣ занимали слѣдующія лица:

Губернскій—полковникъ *В. Д. Давыдовъ*.

Уѣздные предводители:

Въ городѣ Орлѣ—*Цуриковъ* Алексѣй Ларіоновичъ, секундъ-маіоръ.
» » Болховѣ—*Лопухинъ* Алексѣй Ивановичъ, прапорщикъ.
» » Брянскѣ—*Тютчевъ* Николай Андреевичъ, родной дѣдъ извѣстнаго поэта Ѳ. И. Тютчева.
» » Дешкинѣ—(нынѣ село Мценскаго уѣзда) *Хомяковъ* Николай Яковлевичъ, гвардіи капитанъ.
» » Дмитровскѣ—незадолго предъ тѣмъ, въ 1782 году, возведенномъ на степень города изъ села, пожалованнаго послѣ Прутскаго похода Петромъ І-мъ бывшему Молдавскому господарю Дмитрію Константиновичу Кантемиру (въ Россія свѣтлѣйшему князю) *Кореневъ* Иванъ Семеновичъ, капитанъ.
» » Ельцѣ—*Лавровъ* Михаилъ Григорьевичъ, премьеръ-маіоръ.
» » Карачевѣ—*Батуринъ* Василій Ивановичъ, секундъ-маіоръ.
» » Кромахъ—*Похвисневъ* Михаилъ Аѳанасьевичъ, коллежскій ассесоръ.
» » Ливнахъ—*Лавровъ* Евгеній Ивановичъ, подпоручикъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ городѣ Малоархангельскѣ (возведенномъ на степень города въ одно время съ Дмитровскомъ)—*Мухортовъ* Ѳедоръ Яковлевичъ, секундъ-маіоръ.

» » Мценскѣ—*Карповъ* Семенъ Дмитріевичъ, подполковникъ.

» » Сѣвскѣ—*Шагаровъ* Алексѣй Ивановичъ, подполковникъ.

» » Трубчевскѣ—*Подлиневъ* Андрей Александровичъ, гвардіи капитанъ.

Начальствующими лицами въ Орловскомъ намѣстничествѣ въ 1785 году были:

Генералъ-губернаторъ Орловскій и Курскій, генералъ-поручикъ Францъ Николаевичъ Кличка.

Правитель намѣстничества (по нынѣшнему губернаторъ) д. ст. сов. Семенъ Александровичъ Неплюевъ.

Поручикъ его (по нынѣшнему вице-губернаторъ) коллежскій совѣтникъ Петръ Ивановичъ Новосильцовъ, котораго въ концѣ года смѣнилъ Захаръ Яковлевичъ Карнѣевъ, извѣстный Мартинистъ *).

Предсѣдателями палатъ были: Уголовной—надворный совѣтникъ Шеншинъ и Гражданской—бригадиръ Михаилъ Андреевичъ Стремоуховъ; на его мѣсто въ концѣ года поступилъ коллеж. совѣтн. Петръ Алексѣевичъ Ермоловъ—отецъ извѣстнаго генерала 1812 года. (См. Роспись чиновн. особъ въ государствѣ 1785 г.).

Таковъ былъ личный составъ предводителей дворянства и начальствующихъ лицъ въ Орловскомъ намѣстничествѣ, когда тамъ получена была «*Грамота на права, вольности и преимущества Благороднаго Россійскаго Дворянства*» (Полн. Собр. Зак. т. XXII, № 16.187). Она издана 21-го Апрѣля 1785 года, въ день празднованія рожденія Императрицы, которой исполнилось 56-ть лѣтъ. Какъ видно изъ тогдашнихъ газетъ, грамота сія, а равно и изданное въ одинъ съ нею день

---

*) З. Я. Карнѣевъ оставилъ по себѣ въ Орловскомъ обществѣ слѣдъ основаніемъ Масонской ложи, которую онъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ И. В. Лопухинымъ, помѣщикомъ села Ретяжи Кромскаго уѣзда, открылъ въ Орлѣ въ 1786 году подъ своимъ предсѣдательствомъ. Членами этой ложи были: самъ правитель намѣстничества Неплюевъ (вскорѣ потомъ, при усиленіи преслѣдованія Мартинистовъ, оставившій масонство), Н. Я. Свербѣевъ, члены палатъ—Нелединскій, Ржевскій и ассесоры Милоновъ и Е. В. Карнѣевъ, племянникъ вышеупомянутаго. Лопухинъ послѣ Новиковскаго дѣла былъ, по повелѣнію Императрицы, удаленъ изъ Москвы для безвыѣзднаго пребыванія въ имѣніи его, селѣ Ретяжи. Онъ вызванъ оттуда въ Петербургъ только по вступленіи на престолъ императора Павла, который сдѣлалъ его своимъ статсъ-секретаремъ и сенаторомъ; а Карнѣевъ оставленъ на службѣ и при Александрѣ I-мъ, удостоившемъ его милостивымъ расположеніемъ, былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, членомъ Государственнаго Совѣта и попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа (Лонгиновъ „Новиковъ и Московскіе Мартинисты“, стр. 215 и 216).

Библиотека "Руниверс"

съ нею Городовое Положеніе, получены при указахъ Сената въ Москвѣ только 10-го, а въ Смоленскѣ 20-го Мая. Примѣнительно къ этому можно полагать, что эти законоположенія первостепенной важности обнародованы были въ Орлѣ около двадцатыхъ чиселъ Мая; но ни здѣсь, ни въ другихъ мѣстахъ Имперіи они не вызвали со стороны тѣхъ сословій, до которыхъ касались, ни подобающихъ ихъ значенію благодарственныхъ заявленій, ни торжествъ. Только Москва приняла въ стѣнахъ своихъ съ великимъ восторгомъ Императрицу, неожиданно ее посѣтившую въ половинѣ Мая; да на пути въ древнюю столицу встрѣтили Государыню и принесли вѣрноподанническую благодарность за дарованіе грамоты особыя депутаціи въ Новгородѣ отъ Новгородскаго дворянства, съ губернскимъ предводителемъ генералъ-маіоромъ Веригинымъ во главѣ, и въ Вышнемъ-Волочкѣ отъ Тверскаго дворянства, съ губернскимъ предводителемъ бригадиромъ Карабановымъ. Благодарственныя молебствія совершены были въ Смоленскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Вологдѣ и Петрозаводскѣ—главномъ городѣ Олонецкой губерніи, гдѣ нѣтъ дворянства. Можетъ быть, подобныя заявленія происходили и въ нѣкоторыхъ другихъ намѣстничествахъ; но о нихъ не встрѣчается никакихъ намековъ ни въ тогдашнихъ газетахъ (коихъ издавалось всего двѣ—С.-Петербургскія и Московскія Вѣдомости), ни въ запискахъ современниковъ, даже у Болотова, который проживалъ въ то время въ Тульской губерніи и, какъ извѣстнò, съ большою точностію записывалъ все чтò обращало на себя вниманіе тогдашняго общества.

Изъ этого мы въ правѣ заключать, что знаменитая Екатерининская Дворянская Грамота встрѣчена была современниками довольно равнодушно. Въ Орлѣ такое равнодушіе покажется еще страннѣе, если сопоставить съ нимъ восторгъ, выказанный вскорѣ послѣ того Орловскими жителями, по поводу событія сравнительно ничтожнаго и зауряднаго—перевода присутственныхъ мѣстъ изъ прежняго помѣщенія близъ церкви Богоявленія во вновь построенное для нихъ каменное зданіе *на горѣ*. Торжество, по этому случаю происходившее 28 Іюня 1785 г. (день восшествія на престолъ) подробно описано въ № 63 «Московскихъ Вѣдомостей» за 1785 годъ. Оно состояло въ церемоніальномъ шествіи чиновниковъ изъ Богоявленской церкви, гдѣ совершена литургія, во вновь отстроенное *на горѣ* зданіе. На всемъ пути шествія тѣснился по сторонамъ народъ; улица усыпана была пескомъ; производилась пушечная пальба; чиновники шли попарно, въ мундирахъ новой формы, которая только что передъ тѣмъ дана была чиновникамъ и дворянамъ различныхъ по намѣстничествамъ цвѣтовъ. У дома присутственныхъ мѣстъ выстроенъ былъ *воинскій фрунтъ*, ко-

Библиотека "Руниверс"

торый при приближеніи шествія взялъ ружья на караулъ. «Пріятное было зрѣлище,—сказано въ статьѣ Московскихъ Вѣдомостей,—видѣть болѣе 200 человѣкъ, въ одинъ цвѣтъ облеченныхъ и въ порядкѣ шествующихъ». По занятіи чиновниками назначенныхъ подъ различныя губернскія учрежденія помѣщеній, тутъ же было составлено и отправлено Неплюевымъ въ Курскъ къ генералъ-губернатору Кличкѣ ходатайство о повергнутіи передъ Императрицею глубочайшей вѣрноподданнической благодарности за дарованіе средствъ къ постройкѣ помянутаго зданія. Въ 2 часа происходилъ парадный обѣдъ, а вечеромъ балъ у правителя намѣстничества. Вечеромъ устроена была иллюминація; новый домъ освѣщенъ плошками на счетъ служащихъ чиновниковъ, а *гора* на счетъ Магистрата. Изъ статьи Московскихъ Вѣдомостей не видно, однакожъ, чтобы, при столь торжественномъ праздновавіи сооруженія каменнаго дома для присутственныхъ мѣстъ, было хотя единымъ словомъ упомянуто о Дворянской Грамотѣ и о Городовомъ Положеніи, едва за мѣсяцъ передъ тѣмъ въ Орлѣ обнародованныхъ.

Вообще пріемъ, оказанный дворянствомъ Екатерининской Грамотѣ, былъ далеко не таковъ, какой за 23 года передъ тѣмъ сдѣланъ былъ состоявшемуся 18 Февраля 1762 года Манифесту Петра III «о вольностяхъ дворянства», хотя, по внутреннему своему значенію, Грамота стояла несравненно выше Манифеста. Тогда ликованія среди дворянъ были общія въ столицахъ и провинціяхъ. Сенатъ ходатайствовалъ о всемилостивѣйшемъ дозволеніи, «въ знакъ отъ дворянства благодарности за оказанную къ нимъ всевысочайшую милость о продолженіи ихъ службы по своей волѣ, гдѣ пожелаютъ, сдѣлать Его Императорскаго Величества *золотую статую*». Это ходатайство, однакожъ, отклонено, и есть извѣстіе, что Императоръ на него отвѣчалъ: «Сенатъ можетъ дать золоту лучшее назначеніе, а я своимъ царствованіемъ надѣюсь воздвигнуть болѣе долговѣчный памятникъ въ сердцахъ моихъ подданныхъ» (см. С. Соловьевъ, т. XXV, стр. 11). Различіе въ пріемѣ, сдѣланномъ отъ дворянства обоимъ государственнымъ актамъ до него относившимся, объясняется тѣмъ, что Манифестъ отмѣнялъ изстари существовавшую, особенно со временъ Петра I тягостную, *безсрочную* повинность служить безъ права выхода въ отставку. Это было настоящее *закрѣпощеніе* дворянъ государственной службѣ. Оно было такъ для нихъ отяготительно, такъ разстроивало помѣщичьи хозяйства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и экономическія силы Имперіи, что даже при императрицѣ Аннѣ, во время господства безпощадно-суроваго Бироновскаго режима, признано было, въ экономическихъ видахъ необходимымъ—ограничить обязательную для дворянъ службу двадцати-пяти-лѣтнимъ срокомъ и дозволить одному члену изъ каждой дворянской семьи оста-

Библиотека "Руниверс"

ваться на постоянномъ жительствѣ въ имѣніи для веденія хозяйства (Соловьевъ, т. XXII, стр. 175). Но и послѣ этой облегчительной мѣры положеніе помѣстныхъ дворянъ оставалось крайне тяжелымъ. Только съ полученіемъ Манифеста 18 Февраля 1762 г. каждый дворянинъ вздохнулъ свободнѣе и почувствовалъ *лично на себѣ* дарованную льготу. Хотя въ Екатерининской Грамотѣ (ст. 15) въ числѣ дарованныхъ дворянамъ *личныхъ преимуществъ* находилось одно, которое представляется намъ теперь несравненно болѣе важнымъ, чѣмъ отмѣна безсрочно-обязательной службы, а именно *освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія,* но для тогдашнихъ дворянъ льгота эта казалась не столь существенною, какъ уничтоженіе служебнаго закрѣпощенія: ибо помянутая позорная кара являлась для нихъ лишь отдаленною, рѣдкою возможностію, тогда какъ безсрочная служба составляла неизбѣжный удѣлъ каждаго дворянина.

Что касается Дворянской Грамоты, то императрица Екатерина поставила себѣ главною задачею не столько облегчить въ ней личное положеніе каждаго дворянина въ отдѣльности, сколько организовать дворянство, во всей его совокупности, какъ высшее, первенствующее въ государствѣ сословіе, призвать его къ участію въ мѣстномъ управленіи и судѣ и вообще привлечь его къ *добровольной* государственной, особенно военной, службѣ, такъ какъ послѣ Манифеста Петра III предстояла опасность недостатка въ потребномъ количествѣ офицеровъ для арміи. По вступленіи на престолъ, Екатерина II тотчасъ же убѣдилась, что помянутый Манифестъ, уничтожая обязательную для дворянъ службу, не заключаетъ въ себѣ другихъ болѣе необходимыхъ съ государственной точки зрѣнія и болѣе подобающихъ значенію дворянства правъ и преимуществъ; въ немъ даже не опредѣлено было съ достаточною ясностію, кто имѣетъ право называться дворяниномъ и какимъ образомъ дворянство пріобрѣтается. Поэтому Императрица рѣшила издать отъ своего имени жалованную дворянству Грамоту, въ которой восполнены были бы вышеозначенные недостатки.

Съ этою цѣлію образована, въ Февралѣ 1763 года, особая коммиссія, членами которой, подъ предсѣдательствомъ бывшаго канцлера графа Бестужева-Рюмина, были: гетманъ Разумовскій, канцлеръ графъ Воронцовъ, сенаторы кн. Я. Шаховской и Панинъ, генералъ-аншефы — графъ Захаръ Чернышевъ и князь Михаилъ Волконскій, и генералъ-адъютантъ графъ Григорій Орловъ. Дѣлопроизводителемъ въ нее назначенъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорій Николаевичъ *Тепловъ.* Коммиссія открыла 11 Февраля свои засѣданія во внутреннихъ покояхъ Ея Величества. Государыня вышла и, передавъ Теплову собственноручный указъ, приказала прочесть его во все-

Библиотека "Руниверс"

услышаніе. Въ этомъ указѣ повелѣвалось пересмотрѣть Манифестъ бывшаго Императора и въ заключеніе сказано: «Чтобы благоразумная политика была всему основаніемъ, то надлежитъ при распоряженіи правъ дворянства учредить такія статьи, которыя наивяще поощряли бы ихъ честолюбіе къ пользѣ и службѣ нашей и нашего любезнаго отечества» (Соловьевъ, т. XXV, стр. 274).

Наибольшимъ значеніемъ въ этой комиссіи пользовался ея дѣлопроизводитель Тепловъ, которому предоставлено право личнаго доклада Императрицѣ. Это былъ одинъ изъ способнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. Родившійся въ Псковѣ около 1720 г., когда тамошнюю архіерейскую каѳедру занималъ Ѳеофанъ Прокоповичъ,—онъ пользовался особеннымъ покровительствомъ этого знаменитаго архіепископа, который лично радѣлъ объ его воспитаніи. Впослѣдствіи Тепловъ былъ воспитателемъ юнаго гетмана Разумовскаго, путешествовалъ съ нимъ за границею и игралъ важную роль въ событіяхъ Екатерининскаго царствованія до самой своей смерти, послѣдовавшей 30 Марта 1779 года *). Имя этого замѣчательнаго человѣка связано съ Орловскою губерніею въ лицѣ его потомства: его сынъ тайн. сов. Алексѣй Григорьевичъ былъ около 1820 года Орловскимъ губернскимъ предводителемъ, послѣ Ѳ. А. Офросимова и передъ П. В. Милорадовичемъ.

Проектъ составленнаго комиссіею законоположенія о преимуществахъ дворянскаго сословія не былъ, однакожъ, утвержденъ Императрицею; она оставила его у себя. Копія съ него, вмѣстѣ съ протоколами комиссіи, хранится въ Государственномъ Архивѣ, съ собственнноручною надписью Теплова на оберткѣ дѣла. (Сборникъ Русск. Ист. Общества, томъ VII, стр. 266). Кто былъ редакторомъ Дворянской Грамоты 1785 года осталось неизвѣстнымъ. Она, какъ замѣчено выше, не произвела на тогдашнее дворянство того впечатлѣнія, какого слѣдовало ожидать. Только лучшіе, просвѣщеннѣйшіе дворяне того времени были способны понять всю важность и значеніе этого государственнаго акта. Замѣтимъ при этомъ, что грамота написана языкомъ яснымъ, правильнымъ, вполнѣ приличествующимъ важности ея содержанія и что только со времени ея изданія окончательно усвоены и освящены самыя выраженія *дворянинъ, дворянство.* До Петра I дворянство, въ составѣ своемъ неопредѣленное и нестройное, носило названіе *служилыхъ людей,* въ число которыхъ входили и такія высокія званія, какъ бояре и окольничіе. Петръ I, для обозначенія этихъ

*) Странно, что потомки Теплова не озаботятся обнародованіемъ его бумагъ, въ обиліи сохранившихся въ помѣстьи его, селѣ Молдавомъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

лицъ, ввелъ общее названіе *дворянинъ*, заимствованное отъ придворной должности, существовавшей подъ этимъ именемъ между саномъ *стольника и жильца*; но при преемникахъ Петровыхъ начали употреблять въ государственныхъ актахъ заимствованныя изъ Польши выраженія *шляхетство*, *шляхетскій*, хотя существительное *шляхтичъ* никогда не примѣнялось у насъ къ отдѣльному лицу.

Только черезъ 16 лѣтъ послѣ изданія Грамоты, при возстановленіи и подтвержденіи ея императоромъ Александромъ во всей ея силѣ и пространствѣ, дворяне единодушно выказали—какъ они успѣли по достоинству оцѣнить важность правъ и преимуществъ, этимъ законоположеніемъ имъ дарованныхъ. Въ кратковременное царствованіе императора Павла рядомъ послѣдовательныхъ указовъ отмѣнены были самыя существенныя постановленія Екатерининской Грамоты; но Александръ I, черезъ три недѣли по восшествіи своемъ на престолъ, прибывъ лично въ Общее Собраніе Сената и занявъ мѣсто предсѣдателя, приказалъ прочесть вслухъ три законодательные акта, имъ въ тотъ день подписанные: манифестъ о возстановленіи Дворянской Грамоты во всей ея силѣ и пространствѣ; таковой же о возстановленіи Городоваго Положенія и указъ объ уничтоженіи Тайной Экспедиціи. Въ дополненіе и разъясненіе манифеста о Грамотѣ, былъ утвержденъ Государемъ Сенатскій докладъ, въ которомъ, по предварительному высочайшему повелѣнію, подробно перечислены Сенатомъ тѣ преимущества дворянства, которыя, бывъ установлены Екатерининскою Грамотою, отмѣнены потомъ императоромъ Павломъ и возстановлены Александромъ I.

Права и преимущества сіи суть слѣдующія: 1) «Тѣлесное наказаніе да не коснется до дворянина» (въ отмѣну указа 3 Января 1797 г. коимъ повелѣвалось подвергать дворянъ, по судебнымъ приговорамъ, «торговой казни»); 2) Разрѣшеніе дѣтямъ дворянъ вступать въ гражданскую службу, не входя о томъ каждый разъ съ докладомъ къ Государю (въ отмѣну указовъ 4-го Октября 1799 и 30 Ноября 1800 г.); 3) Дозволеніе отставнымъ офицерамъ вступать въ гражданскую службу (въ отмѣну указа 12 Апрѣля 1800 г.); 4) Разрѣшеніе губернскихъ собраній дворянства (въ отмѣну указа 14 Октября 1799 г., коимъ они воспрещались); 5) Отмѣна установленной указомъ 30 Марта 1800 г. высылки мѣстными полиціями, подъ карауломъ, дворянъ, уклоняющихся отъ службы по выборамъ; 6) Отмѣна состоявшагося 4 Мая 1799 г. запрещенія «не принимать ни отъ кого, ни въ какихъ мѣстахъ прошеній, многими подписанныхъ». Этимъ запрещеніемъ косвенно отнималось предоставленное статьями 47 и 48 Дворянской Грамоты право губернскимъ собраніямъ дворянства входить

Библиотека "Руниверс"

съ представленіями о дворянскихъ нуждахъ къ намѣстникамъ, генераль-губернаторамъ, въ Сенатъ и даже къ Императорскому Величеству. 7) Возобновленіе (въ отмѣну указа 4-го Декабря 1796 г.) составленія въ каждой губерніи дворянской родословной книги и права разсматривать доказательства о дворянскомъ происхожденіи въ собраніяхъ депутатскомъ и губернскомъ дворянскомъ (Полн. Собр. Зак. т. XXVI, №№ 19810 и 19856).

Въ царствованіе императора Павла отмѣнено было также замѣщеніе, по выбору дворянства, должностей, поименованныхъ въ статьяхъ 42—44-й Грамоты, а именно: засѣдателей отъ дворянства въ Верхнемъ и Нижнемъ Земскихъ Судахъ, таковыхъ же въ Уѣздномъ Судѣ, уѣзднаго судьи и капитанъ-исправника. На всѣ эти мѣста повелѣно опредѣлять чиновниковъ отъ Герольдіи, а за дворянствомъ оставлено лишь избраніе въ чисто-сословныя должности предводителей дворянства губернскаго и уѣздныхъ и депутатовъ. Выборы эти должны были производиться по уѣздамъ, и дворянамъ воспрещено собираться для того въ губернскій городъ; при чемъ, для выбора губернскаго предводителя, установлено было указомъ 14 Октября 1799 года слѣдующее правило: «если дворянство каждаго уѣзда не подтвердитъ большинствомъ баловъ прежняго предводителя или онъ самъ откажется, то выбраннымъ уѣзднымъ предводителямъ дѣлать выборы въ губернскіе предводители *между собою*, по баламъ или *по жребію*».

Вслѣдствіе подтвержденія манифестомъ 2 Апрѣля 1801 года Екатерининской Грамоты во всей ея полнотѣ, возвращено дворянству и право выборовъ во всѣ вышепоименованныя должности, кромѣ, разумѣется, засѣдателей Верхняго Земскаго Суда, такъ какъ самое учрежденіе это было упразднено.

Возстановленіе Александромъ I Екатерининской Грамоты встрѣчено было повсемѣстно среди дворянъ восторженными заявленіями вѣрноподданнической благодарности. Празднества по этому случаю слѣдовали одно за другимъ. Конечно этому немало способствовало то обстоятельство, что манифестъ 2 Апрѣля полученъ вскорѣ послѣ манифеста о восшествіи на престолъ Александра Павловича. Въ тогдашней литературѣ, въ запискахъ современниковъ мы имѣемъ многочисленныя доказательства, что воцареніе этого еще молодаго, благодушнаго Государя во всѣхъ слояхъ общества ознаменовалось такими ликованіями, примѣра которымъ дотолѣ не бывало. Историкъ Александровскаго царствованія генералъ Богдановичъ говоритъ: «Всѣ видѣли въ Александрѣ I надежду Россіи. Знакомые и незнакомые, встрѣчаясь между собою, поздравляли другъ друга, какъ въ праздникъ

Библиотека "Руниверс"

Свѣтлаго Христова Воскресенія. Казалось, милліоны людей возродились къ новой жизни». (Ист. Имп. Александра, т. I, стр. 46).

Въ Орлѣ празднованіе возстановленія Дворянской Грамоты совпало съ губернскимъ собраніемъ дворянства для выбора въ тѣ должности, право замѣщенія которыхъ возвращено было дворянству. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1801 года (№ 48) событіе это описывается слѣдующимъ образомъ. По предварительнымъ извѣщеніямъ отъ гражданскаго губернатора Яковлева «Орловской губерніи благородное дворянство съѣхалось въ губернскій городъ въ такомъ числѣ, какого на прежнихъ бывшихъ выборахъ никогда не бывало. Стеченіе сіе тѣмъ знаменательнѣе, что и изъ высокопочтеннѣйшихъ особъ, заслугами Государю и Отечеству себя отличившихъ, всѣ въ здѣшней губерніи обитающіе при семъ случаѣ присутствовали». 16-го Мая дворяне съ своими предводителями собрались въ домъ, для выборовъ назначенный. Губернаторъ Яковлевъ вручилъ губернскому предводителю на имя всего дворянства предложеніе, въ которомъ прописаны были высочайшій манифестъ и вышеупомянутое разъясненіе къ нему Сената. Предложеніе это прочитано было во всеуслышаніе. «Дворянство,—говорится далѣе въ статьѣ «Московскихъ Вѣдомостей»,—пріявъ съ вѣрноподданническимъ благоговѣніемъ изліянную на него Всемилостивѣйшимъ Монархомъ милость и исполнясь неописанною благодарностію, шествовало надлежащимъ порядкомъ въ церковь Богоявленія, куда прибылъ и господинъ губернаторъ съ чиновниками губерніи». Здѣсь совершены были литургія и молебствіе Успенскаго монастыря архимандритомъ Мануиломъ *). Проповѣдь говорилъ соборный протоіерей. Затѣмъ принесена дворянами установленная присяга. Въ 5 часовъ пополудни того же дня начались выборы, которые продолжались два дня, а 18 Мая выбрана депутація дворянства, какъ для изъясненія Государю лично благоговѣйныхъ чувствъ благодарности Орловскаго дворянства за возстановленіе Дворянской Грамоты, такъ и для принесенія Его Величеству вѣрноподданическихъ поздравленій по случаю всерадостнаго восшествія на прародительскій престолъ.

Мы не знаемъ, изъ какихъ именно лицъ состояла депутація; но полагаемъ, что не ошибемся, сказавъ, что въ составъ ея вошли, кромѣ

---

*) Въ самомъ городѣ Орлѣ тогда еще не было епархіальнаго архіерея. Самостоятельная Орловская епархія учреждена только 6 Мая 1788 г., а до того времени она составляла викаріатство Московской митрополіи, во главѣ которой стоялъ въ 1785 г. одинъ изъ знаменитѣйшихъ Русскихъ іерарховъ — *Платонъ Левшинъ*, архіепископъ Московскій и Калужскій (съ 1787 г. митрополитъ). Отъ его имени епархіальными дѣлами въ Орловскомъ намѣстничествѣ завѣдывалъ викарій *Өеоктистъ Мочульскій*, проживавшій въ г. Сѣвскѣ. Первымъ самостоятельнымъ епископомъ Орловскимъ былъ *Аполлосъ Байбаковъ съ 1788 по 1798 г.* (Ю. В. Толстой. „Списки Архіереевъ“).

Библиотека "Руниверс"

тогдашняго губернскаго предводителя полковника Петра Иларіоновича *Сафонова,* кто либо изъ десяти предводителей уѣздныхъ *) и изъ упоминаемыхъ въ вышеприведенной статьѣ «Московскихъ Вѣдомостей» *высокопочтеннѣйшихъ особъ,* конечно первый изъ нихъ по знатности и богатству, дѣйств. тайный сов. *князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ.* Онъ былъ любимцемъ императора Павла и занималъ при немъ важнѣйшій въ Имперіи по гражданскому вѣдомству постъ генералъ-прокурора; уволенный отъ службы въ 1798 году, онъ поселился въ Малоархангельскомъ своемъ имѣніи; но вызванный вновь на службу Александромъ I вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, кн. Куракинъ назначенъ былъ въ 1807 году министромъ внутреннихъ дѣлъ, занималъ эту должность до 1811 года, а при Николаѣ I съ 1826 года по самую смерть, послѣдовавшую 30 Декабря 1829 года, былъ канцлеромъ Императорскихъ Россійскихъ Орденовъ.

Николай Ратынскій.
(Орловскій дворянинъ).

---

*) Изъ упраздненныхъ Павломъ I городовъ Орловской губ., Дмитровска, Малоархангельска и Дешкина, были возстановлены императоромъ Александромъ только два первые въ томъ же 1801 году, но уже послѣ возстановленія Дворянской Грамоты.

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ АРХАНГЕЛЬСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

ВЪ ОЗНАМЕНОВАНІЕ ИСПОЛНИВШАГОСЯ

300 лѣтія

ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСКА

Конкурсъ на составленіе исторіи города Архангельска въ торгово-промышленномъ отношеніи.

ПРЕМІЯ за лучшее сочиненіе 1200 РУБЛЕЙ,

изъ коихъ 200 руб. ассигнованы Архангельскимъ Статистическимъ Комитетомъ, а 1000 руб. пожертвованы Почетнымъ Членомъ его, Михаиломъ Константиновичемъ Сидоровымъ. Подробныя правила и программа конкурса Архангельскій Статистическій Комитетъ высылаетъ по первому требованію.

Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу въ конторѣ типографіи Московскаго Университета

НОВОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ КНИГИ:

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕНІЕ ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а равно для учительскихъ и ученическихъ библіотекъ: учительскихъ семинарій. городскихъ и народныхъ училищъ.

Цѣна 50 коп., съ пересылкой 65 коп. *Церковно-приходскія библіотеки и школы за пересылку не платятъ.* Книгопродавцамъ—обычная уступка.

„ЛЕКЦІИ ФИЛОСОФІИ“

Ѳ. А. Голубинскаго. Три выпуска. Цѣна 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА
НА
Русскій Архивъ
1885 года
(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ).

Русскій Архивъ выходитъ въ 1885 году **двѣнадцать разъ** въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ съ портретами и рисунками.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1885 году съ пересылкою и доставкою на домъ — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ открыта на Невскомъ Проспектѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мелье и „Новаго Времени“ и на Васильевскомъ острову, 2-л., д. 7-й, въ книжномъ складѣ Стасюлевича, гдѣ получать можно полное годовое изданіе 1884 года (цѣна 9 р.).

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

Библиотека "Руниверс"

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

6.

(Содержаніе Р. Архива 1877 г. см. на обор.).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

Библиотека "Руниверс"

Въ Конторѣ Русскаго Архива (Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175) можно получать полное годовое изданіе изъ 12 тетрадей Русскаго Архива 1877 года.

(Цѣна съ пересылкою 7 рублей, безъ пересылки 6 рублей).

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ „РУССКАГО АРХИВА" 1877 ГОДА.

Записки Фридриха Великаго о политическихъ отношеніяхъ его къ Россіи въ первой половинѣ XVIII-го вѣка.

Записки Малороссіянина Григорія Степановича Винскаго о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. Съ предисловіемъ А. И. Тургенева.

Филологическія занятія Екатерины Второй. Статья академика Я. К. Грота.

Записки оберкамергера графа Александра Ивановича Рибопьера (1781 — 1865), съ вступительнымъ предисловіемъ и примѣчаніемъ А. А. Васильчикова.

Очерки и воспоминанія. I. Московское семейство стараго быта. (Князья Оболенскіе). Статья князя П. А. Вяземскаго.

Записка Ипполита Оже (Hippolyte Auger) съ неизданнаго французскаго подлинника.

Первое взятіе Русскими войсками города Карса (Іюнь, 1828 года). Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго.

Контръ-адмиралъ Истоминъ. Очеркъ его жизни.

Плѣнъ графа Гордта въ Россіи (1759 — 1762). Извлечено изъ его Записокъ и дополнено Л. Н. Майковымъ.

Замѣчанія Французскаго короля Людовика XVI-го и княгини Е. Р Дашковой на книгу Рюльера о воцареніи Екатерины II-й.

Императрица Екатерина Вторая съ перепискѣ съ иностранцами. Статья Альфреда Рамбо, съ дополненіемъ о „Мѣдномъ всадникѣ" А. С. Пушкина.

Сардинія въ эпоху первой Французской революціи. Письма въ Россію князя Александра Михайловича Бѣлосельскаго - Бѣлозерскаго.

Воспоминанія о графѣ Ростопчинѣ. Статья князя П. А. Вяземскаго.

Авдотья Петровна Елагина, библіографическій очеркъ, статья издателя.

Разсказы объ адмиралѣ М. П. Лазаревѣ. Статья А. П. Хрипкова.

Изъ дневника, веденнаго Ю. Ѳ. Самаринымъ въ Кіевѣ въ 1850 году.

Самаринъ - ополченецъ. Изъ воспоминаній его дружиннаго начальника по ополченію 1855 года. В. Д. Давыдова.

Письма Ю. Ѳ. Самарина къ князю І. А. Мещерскому.

Автобіографическія замѣтки митрополита Платона.

Анекдоты прошлаго столѣтія (изъ книгъ Шерера). Извлечены И. В. Шпажинскимъ.

Дневникъ графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго, веденный въ Кадетскомъ Корпусѣ и во время путешествія по Россіи и за-границею (1779 — 1786).

По поводу книги Кастѣры о жизни Екатерины II-й. Разсказы и замѣчанія графа М. А. Дмитріева - Мамонова.

Людовикъ XVIII-й въ Россіи. Извлечено изъ его Записокъ. Д. Д. Рябининымъ.

Посольство министра внутреннихъ дѣлъ князя Алексѣя Борисовича Куракина къ Наполеону I-му, 1810-й годъ. (Новооткрытыя депеши).

Изъ Записокъ декабриста П. И. Фаленберга. (1812 — 1814 годы).

Второе Февраля 1836 года въ Петербургѣ. Разсказъ очевидца Д. А. Чаплина.

Разсказы объ Ярославской старинѣ Л. Н. Трефолева.

Библиотека "Руниверс"

ЧЕТЫРЕ ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ ГРАФА МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА ВИЛЕНСКАГО.

Первыя двѣ записки составлены слишкомъ полвѣка тому назадъ, но и до сихъ поръ не утратили значенія. Двѣ послѣднія содержатъ въ себѣ завѣтъ государственнаго человѣка. Сообщеніемъ этихъ записокъ въ Русскій Архивъ мы обязаны Ивану Петровичу Корнилову. П. Б.

I.

Всеподданнѣйшая записка Могилевскаго гражданскаго губернатора Муравьева о нравственномъ положеніи Могилевской губерніи и о способахъ сближенія оной съ Россійскою Имперіею.

Послана 22-го Декабря 1830 года *)

Не распространяясь о необходимости нравственнаго сближенія Бѣлоруссіи съ Россійскою Имперіею и о той степени отдаленія, которая еще и понынѣ между оными существуетъ, я обращаюсь къ главнымъ недостаткамъ и препонамъ (извлеченнымъ изъ внимательнаго наблюденія губерніи, управленію моему ввѣренной), отстраненіе коихъ могло бы по мнѣнію моему ускорить исполненіе благодѣтельнаго великаго намѣренія Вашего Императорскаго Величества.

Не смѣю входить въ подробное разсмотрѣніе причинъ, по которымъ край сей, издревле коренной Русскій, понынѣ, послѣ болѣе пятидесятилѣтняго нахожденія онаго подъ правленіемъ Россіи, еще отчасти чуждъ оной, когда большинство населенія Бѣлоруссіи было коренное Русское, кромѣ помѣщиковъ, которые суть пришельцы и число коихъ весьма ограничено.

---

*) Т. е. вслѣдъ за вспыхнувшимъ въ Варшавѣ мятежемъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Также не менѣе удивляться должно тому, что вѣра Православная, издревле здѣсь водворенная, теперь, подъ владычествомъ Россіи, не токмо что не распространяется, но напротивъ того пришельцы-католики постепенно увеличили свое вліяніе, и что Унитское исповѣданіе, введенное Римскимъ духовнымъ правительствомъ для удобнѣйшаго увлеченія изъ Православія въ Католицизмъ, во время Россійскаго управленія симъ краемъ совершенно сблизилось къ настоящей цѣли своего учрежденія и служитъ нынѣ дѣйствительнымъ предверіемъ къ безвозбранному переходу въ Католицизмъ, совершенно удаляясь даже въ наружныхъ своихъ обрядахъ отъ коренныхъ постановленій; что Католическое монашествующее духовенство, признанное во многихъ Католическихъ земляхъ для правительствъ вреднымъ, въ Бѣлоруссіи имѣетъ толикія привилегіи, управляя мнѣніемъ дворянства и получивши сверхъ того право быть источникомъ всего Бѣлорусскаго просвѣщенія и, наконецъ, что край сей, при всемъ своемъ маломъ образованіи, весьма медленно духомъ сближается съ Россіею, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже отъ оной отдаляется, какъ напротивъ того, въ первые годы присоединенія, принятыми мѣрами правительства, оный быстро къ сему сближенію стремился, что̀ ясно усмотрѣть можно даже изъ направленія тогдашняго производства дѣлъ, которое постепенно настаиваніемъ намѣстниковъ сближалось къ Россійскому порядку, и судныя дѣла, не взирая на то, что Литовскій Статутъ не былъ уничтоженъ, весьма часто производились на Русскомъ языкѣ и Россійскимъ порядкомъ, когда напротивъ съ 1796 года и нынѣ производство по Польскому порядку умножилось.

Можетъ быть, правительство имѣетъ на сіе свои причины, которыя частному начальнику не должны быть извѣстны; однакоже, какъ вѣрноподданный Вашего Императорскаго Величества, пекущійся о всемъ что̀ можетъ быть полезнымъ славѣ Августѣйшаго Престола Вашего, не смѣю скрыть своего мнѣнія, основаннаго на внимательномъ болѣе двухъ лѣтъ управленіи Могилевской губерніи, что правительству необходимо принять скорыя, рѣшительныя и самостоятельныя къ сему сближенію мѣры, до чего нынѣ еще достигнуть можно безъ большаго затрудненія; со временемъ же, по мѣрѣ большей образованности обывателей, сіе можетъ быть сопряжено съ нѣкоторыми препятствіями.

Способы къ достиженію сказанной цѣли по мнѣнію моему должны состоять:

I) Въ принятіи мѣръ къ возвышенію Православія и отстраненіи тѣхъ недостатковъ, которые въ управленіи онаго въ Бѣлоруссіи нынѣ встрѣчаются.

Библиотека "Руниверс"

а) Необходимо имѣть въ Бѣлоруссіи епископа просвѣщеннаго, дѣятельнаго, духомъ и дѣйствіями кроткаго, увлекающаго своими нравственными и умственными способностями, отнюдь не поражая умовъ и мнѣній крутыми и рѣзкими дѣйствіями.

б) Должно особенное обратить вниманіе на составъ, образованіе и нравственность Греческаго духовенства, ибо оное обстоятельствами поставлено среди владѣльцевъ исповѣданія Католическаго, съ удовольствіемъ ищущихъ случаевъ порицанія и униженія онаго.

в) При всей попечительности епархіальнаго начальства къ посвященію достойныхъ священниковъ, много остается приходовъ, въ которыхъ не имѣется комплекта; я полагалъ бы полезнымъ, чтобы мѣста сіи отчасти замѣщались духовенствомъ образованнымъ въ Россіи, чѣмъ самымъ со временемъ преобразовался бы духъ въ Бѣлоруссіи рожденнаго и воспитаннаго духовенства, невольнымъ образомъ несущаго отпечатокъ обычаевъ и мнѣній края.

г) По бѣдности поселянъ и иновѣрію владѣльцевъ, нисколько не участвующихъ въ подержаніи священниковъ, живущіе въ деревняхъ находятся по большей части въ весьма бѣдномъ положеніи и въ нравственномъ своемъ быту не соотвѣтствуютъ важности своего званія; въ Бѣлоруссіи же, болѣе нежели въ другихъ областяхъ государства, должно обратить вниманіе на сей важный предметъ, а въ особенности на нравственность духовенства. Но до сего достигнуть невозможно безъ нѣкоторыхъ пожертвованій; ибо безъ особыхъ выгодъ никто изъ священниковъ въ Россіи образованныхъ не согласится принять мѣста въ Бѣлоруссіи, какъ между тѣмъ сіе совершенно необходимо.

д) По той же самой причинѣ и церкви Православныя худо поддерживаются, и не соблюдается въ оныхъ должнаго благолѣпія; въ нѣкоторыхъ даже городахъ оныхъ вовсе не имѣется. Извѣстно, что помѣщики Римскаго исповѣданія не могутъ имѣть усердія къ поддержанію церквей Православныхъ, а поселяне по бѣдности своей не могутъ оказать никакого пособія. По мнѣнію моему должно возложить на обязанность и отвѣтственность самихъ владѣльцевъ нѣкоторое участіе въ вспомоществованіи прихожанамъ къ удержанію Православныхъ церквей въ должномъ приличіи, ограничивъ положительнымъ правиломъ степень починки, которая должна упадать на часть оныхъ; ибо никакого духовнаго капитала не будетъ достаточно, ежели всѣ мелочныя исправленія будутъ на оный отнесены.

е) Хотя строгое наблюденіе за нравственностію священниковъ должно наибольшее обращать вниманіе начальства, но не менѣе того наказаніе опредѣленное имъ указомъ 1808 года, отдачею виновныхъ въ рекруты, не должно быть по мнѣнію моему допущено въ Бѣлоруссіи;

Библиотека "Руниверс"

ибо оное, унижая званіе духовное, обращаетъ его въ посмѣшище прочимъ, и особенно вселяетъ неуваженіе во мнѣніи Католиковъ, которые, какъ члены рекрутскаго присутствія, сами участвуютъ въ семъ пріемѣ. Наказаніе сіе мнѣ кажется можно бы замѣнить иною мѣрою взысканія, менѣе посрамляющею духовное званіе, особенно въ Бѣлоруссіи, гдѣ управленіе Католической церкви, напротивъ того, старается смягчать наказаніе своего духовенства и тѣмъ возвышать санъ онаго. Хотя, въ теченіи двухъ лѣтъ управленія мною Могилевской губерніи, свидѣтельствовано въ рекрутскомъ присутствіи изъ духовнаго званія 37 человѣкъ, въ числѣ коихъ діаконовъ и священниковъ 12, но опытъ доказалъ, что сія мѣра наказанія, столь учащенная строгостію духовныхъ постановленій, нисколько не улучшила духовенства.

ж) Поддержавъ сколько возможно Греческое духовенство, необходимо однакоже, для бо́льшаго единства и осторожности въ дѣйствіяхъ онаго и отстраненія излишней рѣзкости въ способахъ наблюденія за прочими исповѣданіями, вмѣнить въ обязанность епархіальному начальству, чтобы оно, до зачатія оффиціальной переписки о предметахъ своевольныхъ дѣйствій Римскаго духовенства, входило предварительно въ совѣщаніе съ начальникомъ губерніи: ибо много можетъ предупредиться зла подручными дѣйствіями мѣстнаго начальства и прекратиться излишней оффиціальной переписки, въ таковыхъ случаяхъ всегда вредной.

II. Въ преграждeніи способовъ вреднаго вліянія Католическаго духовенства.

а) Прелатъ Могилевскій, хитрымъ умомъ, просвѣщеніемъ и фанатическимъ усердіемъ къ Католицизму, ежедневно болѣе выигрываетъ во мнѣніи края, стремясь поддержать всѣми возможными способами фанатическое вліяніе Римской церкви; по сей причинѣ удаленіе его изъ сей епархій есть совершенно необходимо. По мнѣнію моему въ семъ важномъ случаѣ правительству не должно нисколько медлить; назначеніе ему приличнаго мѣста въ столицѣ могло бы избавить Бѣлоруссію отъ непосредственнаго вліянія человѣка слишкомъ способнаго, имѣющаго въ рукахъ самое сильное орудіе, и за образъ чувствованія и дѣйствія коего не токмо что ручаться нельзя, но напротивъ того по всему должно его опасаться.

б) Унитское исповѣданіе, служащее предверіемъ и переходомъ въ Католицизмъ, не взирая на все попеченіе правительства къ возвышенію и доставленію оному независимо отъ Римской церкви существованія, есть и понынѣ еще вѣра презрѣнная въ Бѣлоруссіи: граждане и чиновники, достигнувшіе до нѣкотораго независимаго бытія, стыдятся оставаться въ оной и переходятъ въ Католическую. Пе-

Библиотека "Руниверс"

реходы сіи должно необходимо преградить положительнымъ закономъ, въ которомъ заключались бы и способы возможнаго за симъ наблюденія, ибо безъ того останутся, какъ и нынѣ, безъ должнаго дѣйствія.

в) Необходимо строго воспретить Католическимъ священникамъ служеніе въ церквахъ Унитскихъ и взаимно Унитскимъ въ церквахъ Католическихъ; ибо отъ сего утверждается во мнѣніяхъ народа, обращающаго болѣе вниманіе на одну наружность, понятіе о единствѣ вѣры Католической и Унитской, которое мнѣніе Католики и безъ того всѣми способами стараются внушить.

г) Отъ сего вліянія Католицизма даже наружные обряды Унитства сближаются съ Католическими, и потому необходимо положить сему преграду строгимъ взысканіемъ за малѣйшее отступленіе отъ коренныхъ обрядовъ Унитской церкви, предписавъ частый и строгій объѣздъ епархіи благомыслящему Унитскому епископу и постоянное ему въ оной пребываніе; ибо однѣ письменныя воспрещенія не могутъ противудѣйствовать сказаннымъ выше причинамъ.

д) Фанатическій духъ Католицизма, болѣе сосредоточенный въ монашествующихъ орденахъ, соединенный большею частію съ нѣкіимъ отчужденіемъ отъ всего Русскаго и стремящійся къ поддержанію національнзма, долженъ особенное строжайшее обратить вниманіе правительства.

е) Правительству слишкомъ извѣстно, сколь необходимо положить сему злу коренную преграду и лишить монашествующее духовенство права заниматься воспитаніемъ юношества. Уменьшеніе чрезмѣрнаго числа Католическихъ монастырей было бы также весьма полезно; но приступить къ сему должно постепенно, начиная преимущественно съ тѣхъ, которые занимаются воспитаніемъ юношества и окружены приходами Греческаго и Унитскаго исповѣданій; по мнѣнію моему достаточно сохранить монастыри въ городахъ и нѣкоторыхъ мѣстечкахъ. Предметъ сей по важности своей требуетъ пространнаго развитія, особенно въ способахъ приведенія въ исполненіе; ибо рѣшительная мѣра можетъ пробудить вниманіе и возродить ропотъ, въ семъ случаѣ всегда вредный, тѣмъ болѣе, что до сего можно достигнуть осторожными мѣрами безъ пораженія умовъ.

ж) По мнѣнію моему было бы также весьма полезно отнять у монастырей недвижимыя имѣнія, вознаградивъ ихъ ежегоднымъ денежнымъ окладомъ, ограничивъ между тѣмъ число монаховъ и годы вступленія въ оные. Отнятіе духовныхъ имѣній должно по всей справедливости распространено быть и на монастыри Греческаго исповѣданія. Можно удостовѣрительно сказать, что необходимое уменьшеніе Католическихъ монастырей, при благоразумномъ содѣйствіи мѣстнаго на-

Библиотека "Руниверс"

чальства, можетъ быть приведено въ исполненіе; но необходимо прежде сего удалить изъ епархіи прелата Щитта по причинамъ выше сего сказаннымъ, отличить знаками милости и Высочайшаго благоволенія чиновниковъ дворянства, которые наиболѣе имѣютъ вѣсу во мнѣніи края и съ усердіемъ готовы содѣйствовать всѣмъ преднамѣреніямъ правительства, и при томъ приступить къ исполненію сего, для меньшаго пораженія умовъ, не вдругъ, но постепенно.

з) Уничтоженіе духовныхъ училищъ при монастыряхъ и замѣщеніе оныхъ свѣтскими уже предположено благодѣтельнымъ правительствомъ, а потому и не стану распространяться о семъ важномъ, необходимомъ предметѣ; но полагаю однакоже, что преподаваніе предметовъ въ сихъ училищахъ на Русскомъ языкѣ весьма полезно и въ Могилевской губерніи возможно, ибо въ оной языкъ Русскій довольно общій всѣмъ сословіямъ. Достоинство и отличное усердіе къ благу службы нынѣ назначеннаго попечителя Бѣлорусскаго учебнаго округа безъ сомнѣнія преодолѣютъ тѣ затрудненія, которыя при введеніи свѣтскихъ училищъ могутъ еще по новости сего предмета встрѣтиться въ Могилевской губерніи; но не менѣе того должно избѣгать уничтоженія существующихъ учебныхъ заведеній прежде заведенія новыхъ, и ускорить устройство таковыхъ.

и) Необходимо оградить строгими, положительными законами, съ изложеніемъ и способовъ наблюденія, переходы изъ Греческаго и Унитскаго исповѣданій въ Католическое и правила объ исповѣданіи родившихся отъ родителей Греческой и Унитской вѣры. Законы сіи весьма часто нарушаются по недостатку опредѣлительныхъ способовъ должнаго за симъ наблюденія и невѣжеству Греческаго духовенства. Мнѣ кажется, что законъ сохраненія дочерямъ вѣры матери, а сыновьямъ отцовской не исполняется также и по неудобству своему; ибо различіе вѣръ между братьями и сестрами возраждаетъ семейныя несогласія, для избѣжанія которыхъ родители сами вынуждены отступать отъ силы онаго.

і) Исповѣдныя книги суть единственные указатели увлеченія изъ одной вѣры въ другую, а потому и необходимо подвергнуть таковыя большей точности и строгому контролю, не исключая и тѣхъ, которыя ведутся Католическими и Унитскими священниками, возложивъ преимущественно всю отвѣтственность на Греческое приходское духовенство, особенно за допущеніе большой части селенія (какъ сіе часто обнаруживается) къ неисполненію обрядовъ вѣры. Простой народъ въ Бѣлоруссіи еще въ такомъ находится невѣжествѣ, что мало постигаетъ различіе вѣръ, и ежели идетъ молиться безъ разбору въ церкви того или другаго исповѣданія или вовсе ни въ какія, и нако-

Библиотека "Руниверс"

нецъ переходитъ даже въ Католическую вѣру, то безъ всякаго сомнѣнія сему болѣе причиною безпечность и невѣжество самаго духовенства, которое нисколько не заботится внушать ему его обязанностей и въ концѣ года, а иногда даже по истеченіи продолжительнаго времени, доноситъ лишь, что такія-то лица не были у исповѣди, отчего возраждаются большія запутанныя дѣла, вовсе безполезныя: ибо въ существѣ своемъ сіе происходитъ, какъ выше сказано, отъ невѣжества Бѣлорусскихъ крестьянъ, нераченія и безпечности Греческаго, а еще болѣе Унитскаго духовенства, которымъ Католики нерѣдко пользуясь совращаютъ поселянъ въ свое исповѣданіе. Въ Бѣлоруссіи просвѣщенному епископу и духовенству предстоитъ весьма обширное поприще нравственнаго вліянія, дѣйствіями котораго могли бы сильно облегчиться правительству пути къ достиженію своей цѣли, и уменьшится надобность рѣзкаго примѣненія законовъ въ дѣлахъ совѣсти и вѣры.

к) Истинное отступленіе отъ Православія и Унитской вѣры болѣе замѣчается въ имѣніяхъ Католическому духовенству принадлежащихъ, а потому здѣсь должно возлагать и всю отвѣтственность прямо на оное. Я полагаю, что совращеніе изъ Унитства въ Католицизмъ должно подвергнуть не менѣе строгому взысканію; ибо рано или поздно, при постоянныхъ дѣйствіяхъ правительства, Уніаты должны быть обращены въ Православіе, и потому совращеніе оныхъ въ Католицизмъ столько же вредно, какъ и увлеченіе изъ Греческаго исповѣданія. Впрочемъ обращеніе Уніатовъ къ Православію можно бы привести въ исполненіе и нынѣ безъ большаго затрудненія, особенно въ селеніяхъ; ибо Бѣлорусскіе крестьяне по большей части еще столь невѣжествены, что мало постигаютъ различіе вѣръ; но для сего необходимо постоянное дѣйствіе и пребываніе благонамѣреннаго и дѣятельнаго Унитскаго епископа и таковаго Греческаго съ особенными нравственными качествами, способнаго къ снисходительному убѣжденію заблуждающихся.

л) Также таковое отчужденіе отъ Православія и Уніатства замѣчается между прислугою помѣщиковъ, которая, увлекаясь примѣромъ и внушеніемъ своихъ владѣльцевъ, принимаетъ Католическое исповѣданіе, и дѣти ихъ окрещаются въ оное домашними капелланами. Здѣсь способъ наблюденія и огражденія отъ сего зла весьма удобенъ, ибо при малѣйшемъ вниманіи приходскаго начальства сіе обнаружить можно; а потому по мнѣнію моему въ семъ случаѣ всю отвѣтственность возложить должно на самихъ помѣщиковъ, на приходскихъ священниковъ, допустившихъ до сего, и на общемъ основаніи на тѣхъ Католическихъ священниковъ, которые въ томъ участвовали.

Библиотека "Руниверс"

м) Законъ, вновь подтверждающій о преданіи суду совращающихъ изъ Православнаго исповѣданія, не есть по мнѣнію моему достаточенъ; ибо совращенный послѣ духовнаго увѣщанія отсылается къ суду въ судебныя мѣста, составленныя изъ тѣхъ же Католиковъ, и самые совратители подвергаются лишь взысканію той же Римской консисторіи, тайно способствующей таковымъ противузаконнымъ дѣйствіямъ и потому стремящейся къ закрытію виновныхъ. Я полагалъ бы полезнымъ, чтобы изобличенные въ томъ, а преимущественно совратители и тѣ священники, которые принимаютъ таковыхъ на исповѣдь безъ надлежащей справки, судимы были въ сосѣдственныхъ Россійскихъ губерніяхъ, законами гражданскими, какъ злонамѣренные нарушители государственныхъ постановленій при депутатѣ Католическомъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣсколько подобныхъ примѣровъ скоро положатъ преграду сему злу, столь вредному и унижающему достоинство правительства и господствующаго исповѣданія.

н) Какъ примѣры увлеченія или первоначально равнодушія къ обрядамъ Православной церкви встрѣчаются преимущественно тамъ, гдѣ фанатическій духъ Католицизма поддерживается монашествующимъ духовенствомъ и гдѣ таковые, живучи праздно въ домахъ помѣщичьихъ, исправляютъ требы въ каплицахъ: то и необходимо прекратить опасное вліяніе сихъ послѣднихъ, вредное въ отношеніи воспитанія ими въ сихъ домахъ юношества, овладѣнія совѣстію владѣльцевъ, подручнаго управленія имѣніями ихъ и увлеченія окружающей прислуги въ Католическую вѣру. А потому, кромѣ прянятыхъ уже мѣръ правительствомъ къ уменьшенію числа безнужныхъ каплицъ среди приходовъ Греческихъ и Унитскихъ, было бы не менѣе необходимо воспретить удержаніе при оныхъ монаховъ и опредѣлять къ богослуженію преимущественно священниковъ изъ бѣлаго духовенства, которое весьма рѣдко одушевляется фанатизмомъ вѣры, строго воспретивъ праздношатаніе монашествующихъ подъ видомъ домашнихъ капеллановъ.

о) Необходимо воспретить также устройство Католическихъ часовень, хотя и не для богослуженія созидаемыхъ, среди приходовъ Греческихъ и Унитскихъ, надъ водою и въ иныхъ мѣстахъ, также и возобновленіе крестовъ и распятій, гдѣ проповѣдывали миссіи. Всѣ сіи знаки наружнаго благочестія и поклоненія Католиковъ, возстановляемые иногда среди приходовъ Православныхъ и Унитскихъ, вселяютъ навыкъ и уваженіе къ обрядамъ Католическимъ, а потому весьма вредныя оставляютъ впечатлѣнія. Всѣ сіи наблюдательныя мѣры къ сожалѣнію нынѣ въ Бѣлоруссіи неудобоисполнимы, ибо ближайшіе мѣстные блюстители порядка, исправники и городничіе большею частію

Библиотека "Руниверс"

туземцы, о которомъ неудобствѣ будетъ сказано ниже сего въ своемъ мѣстѣ.

п) Есть даже нѣкоторыя Католическія церкви, которыхъ храмовые праздники и иные дни празднуются вообще всѣми исповѣданіями и привлекаютъ на поклоненіе большое стеченіе народа, какъ напримѣръ: въ Могилевѣ Бернардинская церковь Св. Антонія и Могилевскаго уѣзда въ мѣстечкѣ Бялыничахъ икона Божьей Матери и иныя въ губерніи часовни. Хотя весьма трудно принять положительныя мѣры для предупрежденія сего соединенія исповѣданій, но не менѣе того мнѣ кажется, что со временемъ, при благоразумномъ и постоянномъ дѣйствіи всѣхъ отраслей мѣстнаго управленія и особенно духовнаго, возможно бы достигнуть постепенно къ уменьшенію сего, безъ пораженія умовъ.

Всѣ изложенныя средства, могущія отнять у фанатическаго Римскаго духовенства способы распространять вредное свое вліяніе на край, готовый къ нравственному сближенію съ Россіею, ежели правительство приметъ къ тому постоянныя мѣры, требуютъ положительнаго разсмотрѣнія и точнаго опредѣленія времени, постепеннаго ихъ приведенія въ дѣйствіе, отстранивъ впрочемъ всякій фанатизмъ въ исполненіи и дѣйствуя постепенно, съ большою осторожностію и избѣгая сильнаго пораженія умовъ. Конечно весьма прискорбно, чтобы въ вѣкѣ просвѣщенномъ правительство вынуждено было принимать столь положительныя мѣры къ ограниченію однаго изъ христіанскихъ исповѣданій; но какъ опытъ доказалъ, что за онымъ неразлучно и вредное политическое вліяніе, то для блага края и всего государства не должно терять сего изъ виду, и все что̀ будетъ сдѣлано къ укрощенію Католическаго фанатизма въ Бѣлоруссіи будетъ безъ всякаго сомнѣнія служить къ скорѣйшему сближенію оной съ Россіею.

Изложенные выше способы дѣйствія не могутъ быть приведены въ исполненіе съ должнымъ успѣхомъ и не принесутъ настоящей пользы, доколѣ мѣстное гражданское начальство и прочія отрасли главнаго управленія не будутъ положительно стремиться къ той же цѣли, ибо единственно отъ гармоніи во всѣхъ частяхъ управленія Бѣлоруссіи зависитъ и самый успѣхъ къ достиженію предположеннаго.

Необходимые способы дѣйствія главнаго правительства и мѣстнаго управленія.

а) Въ большей части Могилевской губерніи, кромѣ части присоединенной въ 1793 году, языкъ Русскій уже столько общій всему населенію, что введеніе онаго въ производствѣ всѣхъ дѣлъ не можетъ встрѣтить никакого затрудненія; сіе доказывается тѣмъ, что во всѣхъ исполнительныхъ частяхъ управленія, входящаго въ сношенія со всѣми сословіями, оной употребляется безъ переводовъ.

Библиотека "Руниверс"

б) Въ дворянскомъ собраніи по текущей части употребляется также Русскій языкъ, но къ сожалѣнію выводовыя дѣла производятся по польски, затрудняя лишь просителей и самихъ производителей переводами опредѣленій дворянскаго собранія, которыя могли бы быть писаны по русски; зло сіе существуетъ еще потому, что не было обращаемо на оное должнаго вниманія; сіе можно прекратить безъ особаго правительственнаго распоряженія однимъ мѣстнымъ настояніемъ и наблюденіемъ.

в) Въ дворянскихъ опекахъ, которыя многіе годы оставались безъ должнаго наблюденія, часть дѣлъ производилась по польски; я сіе отмѣнилъ безъ всякаго затрудненія однимъ вниманіемъ и словеснымъ настояніемъ; теперь пишутъ уже въ оныхъ по русски. Со времени управленія моего Могилевскою губерніею, не принимаютъ ни въ Губернскомъ Правленіи, ни на мое имя просьбъ, писанныхъ по польски. Обычай сей утвердился безъ малѣйшаго ропота и затрудненія. Примѣры сіи доказываютъ, сколь легко совершенно ввести производство всѣхъ дѣлъ, даже и тяжебныхъ, на Русскомъ языкѣ.

г) Тяжебныя и исковыя дѣла, производящіяся нынѣ по Литовскому Статуту и на Польскомъ языкѣ, по мнѣнію моему должны бы немедленно приведены быть къ порядку Русскаго производства, и Литовскій Статутъ вовсе навсегда отмѣнить, сохранивъ лишь въ департаментахъ уголовномъ и гражданскомъ предсѣдателей по выборамъ дворянства; ежели же правительству неугодно вдругъ къ сему приступить, то можно до сего достигнуть постепенно, предоставя начальнику губерніи давать дѣламъ преимущественно направленіе порядка Россійскаго, что̀ можно исполнить безъ всякаго затрудненія, не возбуждая особаго вниманія; такимъ образомъ нечувствительно можно уменьшить вліяніе Польскихъ законовъ и замѣнить ихъ Русскими.

д) Доказательствомъ, что не будетъ предстоять затрудненій къ введенію порядка Русскаго производства въ дѣлахъ тяжебныхъ и исковыхъ, можетъ служить то, что, съ начала присоединенія края сего, намѣстники Бѣлоруссіи предуспѣли подручнымъ наблюденіемъ направить большую часть исковыхъ дѣлъ порядкомъ Русскимъ, и съ того времени до 1796 года всѣ обыватели Могилевской губерніи пріобыкли было къ оному, и Литовскій Статутъ рѣже нынѣшняго употреблялся.

е) Литовскій Статутъ, коего коренныя начала даютъ поводъ ожидать справедливѣйшаго производства дѣлъ, въ существѣ своемъ, по неопредѣлительности въ немъ способа процедуры и многихъ иныхъ ему собственныхъ недостатковъ (которые прежде присоединенія края постепенно исправлялись конституціями, утвержденными на сеймахъ) нынѣ уже вовсе недостаточенъ, и постановленія онаго, будучи попол-

Библиотека "Руниверс"

няемы и измѣняемы общимъ смысломъ законовъ, издаваемыхъ для всего государства, служатъ лишь поводомъ къ безконечнымъ проволочкамъ и запутанностямъ въ дѣлахъ, отъ которыхъ болѣе терпятъ бѣднѣйшіе.

ж) Несовершенство Литовскаго Статута, смѣсь сего производства дѣлъ съ Русскимъ порядкомъ, особенно въ высшихъ инстанціяхъ и употребленіе Польскаго языка, еще болѣе умножаютъ запутанность въ дѣлахъ; ибо часто просители, усмотрѣвъ, что тяжбы ихъ принимаютъ оборотъ невыгодный, подаютъ прошенія въ высшія инстанціи, и тогда нерѣдко способъ сужденія ихъ измѣняется.

з) Неимѣніе класса адвокатовъ, необходимаго для производства дѣлъ по Литовскому Статуту, чрезвычайно обременяетъ тяжущихся и въ особенности бѣднѣйшихъ.

и) Несуществованіе положительной черты между дѣлами, которыя должны производиться порядкомъ въ Учрежденіяхъ о губерніяхъ предписаннымъ и тѣми, которыя подлежатъ производству по Литовскому Статуту, чрезвычайно запутываетъ вообще весь ходъ дѣлъ по губерніи, а въ особенности земскія и городскія полиціи, отъ которой неопредѣлительности (происходящей отъ различія основаній Россійскихъ и Литовскихъ узаконеній, и которыя по сей причинѣ весьма трудно сблизить) очень часто дѣла принимаютъ произвольное, неправильное направленіе къ обремененію самихъ просителей, о чемъ представлено уже со всею подробностію высшему начальству отъ здѣшняго Губернскаго Правленія *).

Изложенныя выше сего нѣкоторыя изъ многочисленныхъ неудобствъ Польскаго порядка въ производствѣ дѣлъ столь сильно ощущаемы благоразумною частію обывателей Могилевской губерніи, что отмѣненіе Литовскаго Статута и введеніе Русскаго порядка не произведетъ значительнаго неудовольствія, а напротивъ того будетъ пріятно благомыслящимъ обывателямъ и преимущественно бѣднѣйшимъ, составляющимъ главнѣйшее населеніе губерніи, и въ особенности удобно будетъ сіе исполнить, ежели правительство предварительно знаками отличія и снисхожденія привлечетъ въ пользу свою болѣе значительныя лица въ губерніи.

і) Польза отъ введенія Русскаго порядка столь очевидна и необходима къ исполненію благодѣтельной цѣли Вашего Императорскаго

---

*) Всѣ исковыя дѣла и окончательное удовлетвореніе оныхъ посредствомъ традицій и эксдивизіи, кромѣ ослабленія общественнаго кредита, чрезвычайно обременительны тяжущимся и вредны благосостоянію края.

Библиотека "Руниверс"

Величества, что, по мнѣнію моему, сія мѣра есть одна изъ первыхъ, которую употребить должно для сближенія края сего съ Россіею, и къ оной должно приступить безъ всякаго промедленія, съ начала приготовляя къ тому умы и наконецъ рѣшительнымъ повелѣніемъ: ибо единственно чрезъ уравненіе политическихъ правъ возможно положить на вѣчныя времена основаніе слитію Бѣлоруссіи съ Россіею, что̀ и было уже въ виду правительства до 1796 года, какъ замѣтить можно изъ приведеннаго выше сего примѣра дѣйствія Бѣлорусскихъ намѣстниковъ. Для блага цѣлаго, въ семъ важномъ случаѣ, мнѣ кажется не должно даже входить въ сужденіе, которыя узаконенія лучше, Россійскія или Литовскій Статутъ: ибо первая цѣль есть совершенное слитіе края сего съ Россіею, и когда законами Русскими управляется все государство, то почему Бѣлоруссія будетъ отъ оныхъ изъята?

к) Введеніе на Русскомъ языкѣ производства дѣлъ по Литовскому Статуту было бы по мнѣнію моему совершенно вредно, ибо послужитъ къ большему утвержденію Литовскихъ законовъ въ Бѣлоруссіи, о которыхъ и память должно стараться изгладить: ибо при существованіи правъ и обрядовъ Литовскаго дѣлопроизводства, и при томъ на Польскомъ языкѣ, Бѣлоруссія никогда должнымъ образомъ не сольется съ Россіею, а напротивъ того постепенно болѣе будетъ утверждаться отчужденіе оной, ежели впрочемъ къ тому не примутся положительныя мѣры; вообще всѣ полумѣры въ столь важномъ случаѣ будутъ совершенно вредны.

л) Кромѣ прописанныхъ выше сего положительныхъ способовъ дѣйствій, отъ высшаго правительства зависящихъ, необходимо и мѣстному начальству постепенно стремиться къ той же цѣли, выводя изъ обыкновенія Польскія наименованія мѣстъ и лицъ и замѣняя ихъ Русскими; до сего можно достигнуть безъ малѣйшаго затрудненія, и возможность сего я испыталъ на опытѣ.

м) Необходимо должно замѣщать главнѣйшія мѣста управленія въ губерніи Русскими благонадежными чиновниками, и въ назначеніи оныхъ быть весьма осмотрительнымъ; также преимущественно опредѣлять Русскихъ исправниковъ, городничихъ и почтъ-экспедиторовъ, доставивъ имъ нѣкоторыя выгоды по службѣ, ибо безъ того затруднительно имѣть хорошихъ чиновниковъ. Въ семъ важномъ предметѣ правительству не должно дорожить никакими пожертвованіями; ибо рѣшительно можно сказать, что доколѣ главное управленіе губерніи, также земскія и городскія полиціи, будутъ составлены изъ туземцевъ и будутъ существовать Литовскія права́, то нельзя ожидать успѣха въ исполненіи преднамѣреній правительства, а потому и совершеннаго нравственнаго сближенія.

Библиотека "Руниверс"

н) По мнѣнію моему также было бы полезно дозволить вступать въ службу по свидѣтельствамъ дворянскаго собранія, утвержденнымъ (для предупрежденія злоупотребленій) начальникомъ губерніи; мнѣ кажется, что можно даже допустить, чтобы свидѣтельства сіи имѣли свою силу до полученія чина титулярнаго совѣтника, для дальнѣйшей же службы требовать, чтобы доказательства о дворянствѣ были утверждены герольдіею, въ которой справедливо требующаяся формальность, затрудняя и умедляя подобнаго рода дѣла, отъемлетъ нынѣ у Бѣлорусскихъ особенно бѣдныхъ дворянъ возможность вступать въ службу и достигать офицерскаго чина, а потому явная полагается преграда къ исполненію цѣли самаго правительства, и кромѣ того отъ сего нынѣ встрѣчается большое затрудненіе и недостатокъ въ дворянахъ, имѣющихъ право на занятіе должностей по выборамъ, которыя по сей причинѣ остаются вакантными или замѣщаются весьма часто во вредъ службы людьми недостойными; когда же облегчатся, согласно предположенію моему, способы ко вступленію въ коронную службу, тогда правительство скоро увидитъ большую часть здѣшняго дворянства на поприщѣ оной.

о) Вообще дѣйствія мѣстнаго начальства должны быть болѣе единообразны, строги, но справедливы, уклоняясь сколь возможно отъ сильнаго пораженія умовъ и въ особенности отличая достойнѣйшихъ. Свойство Поляковъ есть большое стремленіе къ тщеславію; должно онымъ пользоваться, и отличіемъ тѣхъ, которые болѣе имѣютъ вѣсу въ губерніи, можно значительно облегчить правительству способы къ достиженію своей цѣли, тѣмъ болѣе, что одно духовенство и весьма малая часть дворянскаго сословія сохраняютъ духъ отчужденія отъ Россіи; дворянство же, взятое въ общей массѣ, при малѣйшемъ положительномъ стремленіи къ сему правительства, при благоразумномъ содѣйствіи мѣстнаго начальства, будетъ соучаствовать во всѣхъ его преднамѣреніяхъ. Небольшое вниманіе и незначительные знаки благосклоннаго расположенія правительства, болѣе нежели другія какія мѣры, могутъ къ тому ихъ возбудить, не укосняясь между тѣмъ полагать преграду вредному вліянію монашествующаго Католическаго духовенства.

Великая Екатерина старалась всегда сблизить край сей водвореніемъ большаго числа Русскихъ семействъ, чрезъ пожалованіе имъ имѣній; но въ послѣдствіи большая часть оныхъ перешла въ руки туземцевъ. Мнѣ кажется, что какъ раздача въ потомственное владѣніе имѣній уже вышла изъ цѣли правительства, то оное должно замѣнить раздачею въ аренду Русскимъ казенныхъ имѣній на особомъ осно-

Библиотека "Руниверс"

ваніи, и на продолжительнѣйшее время съ тѣмъ, чтобы семейства Русскія могли бы въ оныхъ водворяться.

Кромѣ всѣхъ изложенныхъ выше сего способовъ къ достиженію сказанной цѣли, болѣе всего необходимо предварительно приготовить умы въ пользу правительства облегченіемъ обывателей въ несомыхъ ими неуравнительныхъ тягостяхъ, гораздо превышающихъ даже способы края. Я весьма далекъ отъ той мысли, чтобы должно было оказывать одной области государства преимущества противъ другихъ, особенно въ ущербъ прочихъ; однакоже есть случаи, въ которыхъ благодѣтельная попечительность правительства должна стремиться къ облегченію неуравнительныхъ тягостей края и оказать ему нѣкоторую помощь, служащую къ коренному улучшенію онаго и располагающую умы обывателей таковою отеческою попечительностію ко всѣмъ преобразованіямъ, которыя благоугодно будетъ правительству ввести.

Причины всеобщей бѣдности Бѣлоруссіи, а въ особенности нищеты и угнетеннаго положенія крестьянъ, происходятъ отъ столь многосложныхъ обстоятельствъ и собственнаго географическаго положенія губерніи, что изложеніе оныхъ требуетъ подробнаго развитія, также и тѣхъ пожертвованій, которыя необходимо правительству сдѣлать какъ для улучшенія собственнаго края, такъ преимущественно для расположенія умовъ въ его пользу: но я изложеніемъ оныхъ здѣсь воздерживаюсь, дабы не обременить протяжностію сей краткой записки, тѣмъ болѣе, что предметъ сей долженъ быть соображенъ съ общими средствами государства. Но не могу однакоже умолчать, что сіе совершенно необходимо, ежели правительству угодно приступить къ исполненію благодѣтельной цѣли сближенія Бѣлоруссіи съ Россіею.

Въ заключеніе всего обязаннымъ нахожусь доложить, что всѣ прописанныя выше сего мѣры, по мнѣнію моему, тогда только могутъ быть полезны, когда будутъ примѣнены съ должною осмотрительностію и постоянно соблюдаемы общими распоряженіями правительства: ибо въ противномъ случаѣ всякое противурѣчіе въ распоряженіяхъ, безнужное оскорбленіе мнѣній и умовъ, употребленіе полумѣръ тамъ, гдѣ должно дѣйствовать рѣшительно, и напротивъ того употребленіе рѣшительныхъ мѣръ, гдѣ требуется осторожность и предварительное пріуготовленіе мнѣній (которыми всегда весьма легко правительству направлять по своему произволу, особенно въ семъ краѣ) произведутъ болѣе вреда, нежели пользы.

Отличительная черта характера большей части обывателей сей губерніи есть покорность, спокойствіе, искательство, тщеславіе въ своемъ краѣ и временная самонадѣянность при малѣйшемъ сомнѣніи въ нерѣшительности правительства, и также безмолвная покорность

Библиотека "Руниверс"

при дѣйствіяхъ самостоятельныхъ. Основываясь на сихъ чертахъ характера народа или лучше сказать дворянства, здѣсь весьма незначительнаго и сверхъ того еще мало образованнаго, правительству должно соразмѣрять свои дѣйствія, опредѣливъ предварительно время приведенія въ исполненіе предположенныхъ средствъ и нисколько не укосняясь въ оныхъ. Тѣже лица, на которыя нельзя будетъ положиться и ихъ вліяніе будетъ найдено опаснымъ, можно подъ благовидными предлогами, польстивъ ихъ тщеславію, помѣстить на приличныя мѣста во внутрь Имперіи.

Впрочемъ правительство можетъ до всего достигнуть въ Бѣлоруссіи, лишь бы положительно къ сему приступило мѣрами осторожными, пользуясь характеромъ и тщеславіемъ дворянства, наградивъ знаками наружнаго отличія наиболѣе оному приверженныхъ. Для лучшаго приличія можно даже склонить многихъ къ поднесенію адресовъ правительству въ томъ смыслѣ, въ которомъ оному будетъ угодно: ибо вообще мнѣніе и духъ обывателей сей губерніи весьма легко могутъ быть направляемы въ пользу правительства и ежели они еще нѣсколько чужды, то единственно потому, что не было на сей важный предметъ обращаемо должнаго вниманія; словомъ, нужна единая священная воля Вашего Императорскаго Величества, предварительное начертаніе способовъ, постояннаго положительнаго плана дѣйствія, и направленіе всѣхъ отраслей управленія сего края къ одной и той же цѣли, и тогда рѣшительно можно удостовѣрить, что Могилевская губерная, въ самомъ непродолжительномъ времени, безъ малѣйшаго затрудненія, на вѣчныя времена нравственно сольется съ Россійскою имперіею.

II.

Записка 1831 года

объ учрежденіи приличнаго гражданскаго управленія въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ и уничтоженіи началъ, наиболѣе служившихъ къ отчужденію оныхъ отъ Россіи.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ управленія Могилевскою губерніею, вникая въ духъ и характеръ ея обывателей, я старался, по непрестаннымъ сношеніямъ оныхъ съ Литовскими губерніями, познать прочія отъ Польши возвращенныя области, вліяніе коихъ и на самую Бѣлоруссію столько еще значительно, что мятежныя въ оныхъ происшедшія событія произвели даже въ Бѣлоруссіи нѣкоторое колебаніе во мнѣніяхъ.

Библиотека "Руниверс"

Благодѣтельною волею всемилостивѣйшаго Государя главныя начала сего политическаго отчужденія Бѣлоруссіи уже пресѣчены, и нужны лишь окончательныя распоряженія Правительствующаго Сената для совершеннаго и точнаго исполненія оной.

Случаю угодно было, чтобы я былъ въ продолженіе болѣе трехъ мѣсяцевъ употребленъ, по волѣ бывшаго главнокомандующаго резервною арміею, къ содѣйствію въ прекращеніи мятежей въ Минской и Литовскихъ губерніяхъ и водворенію гражданскаго управленія въ Самогитіи, а потому, исполняя возложенную на меня обязанность, я старался со вниманіемъ слѣдовать за всѣми связями тайныхъ крамолъ мятежниковъ и сколько возможно вникать въ характеръ обывателей и истинныя причины, произведшія толикія бѣдствія.

Опытъ достаточно доказалъ, что совершенно необходимо безъ замедленія стараться общими правительственными распоряженіями уничтожить тѣ начала, которыя наиболѣе способствовали къ развитію мятежа, смирить умы мѣрами предусмотрительнаго и дѣятельнаго управленія и, пользуясь нынѣшнимъ утомленіемъ мнѣній, измѣнить весь составъ и порядокъ внутренняго управленія сими губерніями, основавъ оное на началахъ прочныхъ и соотвѣтственныхъ обстоятельствамъ, посредствомъ энергическихъ дѣйствій котораго могли бы всегда быть остановлены при самомъ началѣ всякія предпріятія и тайныя крамолы къ нарушенію тишины. Но какъ самый составъ общаго таковаго управленія для удобства дѣйствій долженъ наиболѣе быть сосредоточенъ, то я полагалъ бы необходимымъ:

1) Подчинить каждыя двѣ изъ сихъ губерній временно намѣстнику, который былъ бы снабженъ особыми инструкціями въ руководство тѣхъ преобразованій, которыя должны быть сдѣланы; ибо въ сихъ областяхъ наиболѣе нужны сосредоточенная власть и предусмотрительныя гражданскія политическія распоряженія, истекающія отъ высочайшей воли.

2) Дѣйствія намѣстника въ отношеніи совершеннаго усмиренія и преобразованія края не должны быть подвергнуты общему раздробительному распоряженію высшаго начальства, кромѣ обыкновенной текущей переписки, а зависѣть прямо отъ благодѣтельной воли его Императорскаго Величества, и по мѣрѣ надобности отъ высочайшаго соизволенія даются намѣстнику особыя наставленія и права̀.

3) Не смѣя входить въ подробности сего предположенія, полагалъ бы однакожъ, что для единообразнаго сосредоточенія всѣхъ распоряженій, касательно предстоящихъ коренныхъ преобразованій въ сихъ областяхъ, было бы полезно учредить особый комитетъ, котораго ме-

Библиотека "Руниверс"

торіи исполнялись бы съ высочайшаго утвержденія, кромѣ случаевъ не выходящихъ изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ.

4) Всѣ раздробленныя части управленія въ губерніяхъ должны, на основаніи Учрежденія о губерніяхъ, хотя временно совокуплены быть въ лицѣ намѣстника области и получать отъ него приличныя направленія, соотвѣтственно высочайше данной ему власти и инструкцій, кромѣ финансоваго управленія, получившаго уже вездѣ прочное и единообразное основаніе.

5) Гражданскіе губернаторы, опредѣленные въ сіи губерніи, должны быть коренные Русскіе и не имѣть родственныхъ связей въ тѣхъ губерніяхъ; нравственныя качества, усердіе къ благу службы, дѣятельность, способность и знаніе края должны служить руководствомъ въ назначеніи оныхъ.

6) Дѣйствія гражданскихъ губернаторовъ должны быть подчинены лишь наблюденію намѣстника, и права ихъ болѣе или менѣе распространены по мѣрѣ особой высочайшей воли; ибо благо службы въ таковыхъ важныхъ случаяхъ требуетъ умноженія власти и правъ по мѣрѣ встрѣчающихся мѣстныхъ политическихъ надобностей, которыя не всегда удобно впередъ опредѣлены быть могутъ.

7) Всѣ губернскіе чиновники должны быть преимущественно замѣщены изъ коренныхъ Русскихъ, извѣстныхъ своими нравственными свойствами, знаніемъ дѣла и совершенно обезпечены приличнымъ содержаніемъ.

8) Предоставя выгоду въ чинахъ и содержаніи и сдѣлавъ вызовъ благонамѣренныхъ лицъ изъ Россіи, никакого нѣтъ сомнѣнія, что съ пособіемъ намѣстника области и благонамѣреннаго губернатора чиновники изъ самыхъ лучшихъ фамилій, для блага отечества, примутъ на себя сіи обязанности.

9) Гражданскія палаты однѣ, по мнѣнію моему, могутъ сохранить своихъ предсѣдателей изъ туземцевъ, но съ тѣмъ, чтобы совѣтникъ и половинное число засѣдателей были бы назначены отъ короны. Уголовныя же Палаты должны быть безъ исключенія составлены изъ Русскихъ самоблагонамѣренныхъ чиновниковъ, ибо отъ справедливаго дѣйствія Уголовной Палаты много зависитъ порядокъ въ губерніи.

10) Какъ таковыми распоряженіями на счетъ чиновниковъ отъемлется на нѣкоторое время возможность туземцамъ занимать въ губерніяхъ своихъ коронныя мѣста, то и полезно было бы доставить имъ возможность служенія внутри Россіи, послѣ котораго, если нѣкоторые изъ нихъ окажутся достойными довѣрія начальства, то могутъ получить мѣста въ своей губерніи; но таковую мѣру, по мнѣнію моему, публиковать не должно. Предусмотрительность намѣстника мо-

Библиотека "Руниверс"

жетъ весьма легко косвеннымъ образомъ многихъ на сіе склонить и сіе даже необходимо относительно людей нѣсколько опасныхъ.

11) Почтовыя конторы и прочіе чиновники почтоваго вѣдомства должны также зависѣть отъ намѣстника области и немедленно замѣщены быть коренными Русскими: опытъ доказалъ, сколько даже мелочные почтовые чиновники, опредѣленные изъ туземцевъ, были вредны, ибо они съ удобствомъ со всѣхъ станцій болѣе или менѣе распространяли въ краю мятежныя извѣстія.

12) Полиціи въ городахъ и уѣздахъ должны быть также основаны совершенно на иныхъ началахъ. Въ народѣ, въ коемъ обыватели болѣе или менѣе раздѣляютъ преступныя намѣренія, необходимо сколько возможно раздробить и усилить вліяніе, наблюденіе и отвѣтственность полицій, избравъ для сего людей достойныхъ довѣрія правительства, и наконецъ возложивъ на самыхъ значительнѣйшихъ владѣльцевъ и даже ксендзовъ-плебановъ *), имѣющихъ наиболѣе вліяніе въ приходахъ своихъ, непосредственную строжайшую отвѣтственность за малѣйшее допущеніе въ оныхъ какихъ-либо безпорядковъ, злонамѣренныхъ скопищъ и крамолъ: опытъ доказалъ, что однимъ симъ способомъ полицейскаго парафіальнаго раздѣленія и управленія уѣзда, имѣющаго удобство раздробительности и строгой отвѣтственности, можно прочнымъ образомъ обезпечить спокойствіе края.

13) Главное полицейское управленіе въ уѣздахъ должно быть поручено предсѣдательству исправниковъ, назначенныхъ изъ самоблагонадежныхъ коренныхъ Русскихъ чиновниковъ, совершенно обезпеченныхъ въ своемъ существованіи; прочіе члены Земскаго Суда должны быть также изъ Русскихъ, и число ихъ умножено, соображаясь съ населеніемъ и обширностію уѣзда.

14) Для избѣжанія самоуправныхъ дѣйствій въ политическомъ наблюденіи за уѣздомъ, необходимо возложить на обязанность особаго дворянскаго чиновника, или самого предводителя, дѣлать обще съ земскимъ исправникомъ распоряженія на счетъ спокойствія и тишины въ уѣздахъ. Всѣ общія обыкновенныя распоряженія Земскаго Суда должны идти на извѣстномъ основаніи учрежденія о губерніяхъ.

15) Подробности сего парафіальнаго управленія, основаннаго на взаимной отвѣтственности главнѣйшихъ лицъ въ уѣздахъ и опредѣ-

---

*) Хотя въ общихъ политическихъ распоряженіяхъ необходимо уменьшить вліяніе ксендзовъ, но до того времени, не возлагая на нихъ служебныхъ обязанностей, должно воспользоваться ихъ вліяніемъ въ приходахъ и заставить отвѣчать за допущеніе противозаконныхъ скопищъ, ибо безъ участія ихъ ничего въ приходахъ обывателями не предпринимается.

Библиотека "Руниверс"

леніи правъ и обязанности инструкціями, требуютъ особаго изложенія, которое можетъ быть сдѣлано, ежели благоугодно будетъ правительству принять сію систему парафіальнаго полицейскаго управленія. Удобство сего управленія, временно введеннаго мною съ разрѣшенія г. главнокомандовавшаго въ Самогитіи, достаточно уже на опытѣ доказано.

16) Таковымъ образомъ устроенныя полицейскія управленія, непосредственно зависящія отъ благоразумной распорядительности намѣстника области и начальника губерніи, безъ всякаго сомнѣнія, произведутъ значительную пользу и пресѣкутъ зло при самомъ началѣ, ежели въ составъ оныхъ будутъ входить лица, соотвѣтствующія благонамѣренной цѣли учрежденія, и притомъ судъ и расправа за нарушеніе вѣрноподданнической присяги до нѣкотораго времени будетъ производиться по силѣ военныхъ законовъ, въ таковыхъ случаяхъ совершенно необходимыхъ; ибо всякій бунтъ есть моральное зло и болѣзнь, которую при самомъ началѣ должно пресѣкать и предупреждать мѣрами сильными.

17) Городскія правленія должны также быть составлены изъ коренныхъ Русскихъ, измѣнивъ совершенно составъ полицейскихъ командъ и внутренней стражи, которыя, доселѣ бывши наполнены туземцами, были въ уѣздахъ первымъ основаніемъ успѣха мятежниковъ.

18) Утвержденіе чиновниковъ, назначаемыхъ отъ выбора дворянства, не исключая даже и губернскаго предводителя, должно, не ограничиваясь двумя кандидатами, зависѣть отъ намѣстника, и онъ долженъ въ семъ случаѣ сообразоваться съ нравственнымъ и политическимъ расположеніемъ умовъ и въ особенности самихъ избранныхъ лицъ.

19) Судебныя присутственныя мѣста въ уѣздахъ должны такъ же, по мнѣнію моему, какъ и гражданскія палаты, частію составлены быть изъ коренныхъ Россійскихъ чиновниковъ, въ магистратахъ же и ратушахъ допущены къ засѣданію и именитые Евреи, усиленіе вліянія коихъ въ семъ краѣ для правительства нашего совершенно еще необходимо.

20) Канцеляріи всѣхъ полицейскихъ правительственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ и уѣздахъ, должны быть на первый случай по крайней мѣрѣ на половину наполнены Русскими; а въ особенности безъ исключенія должны быть ими заняты всѣ должности секретарей, столоначальниковъ и повытчиковъ, оставивъ лишь нѣсколько производителей изъ туземцевъ для переводовъ Польскихъ документовъ. Канцелярскіе сіи чиновники должны также быть обезпечены въ своемъ содержаніи и легко могутъ быть выписаны изъ Россіи, съ нѣкоторыми предоставленными выгодами на счетъ чиновъ.

Библиотека "Руниверс"

21) По причинѣ необходимаго бдительнаго присмотра за порядкомъ полицейскаго управленія, должно назначить начальнику губерніи по крайней мѣрѣ четырехъ благонадежныхъ Русскихъ чиновниковъ для особыхъ порученій, а къ намѣстнику по усмотрѣнію его, сколько надобность въ томъ востребуетъ по обширности ввѣренной ему области, обезпечивъ чиновниковъ сихъ какъ при намѣстникѣ, такъ и гражданскомъ губернаторѣ особымъ отличнымъ содержаніемъ и выгодами по службѣ; ибо отъ усердія, благонамѣренности и дѣятельности оныхъ во многомъ будетъ зависѣть успѣхъ новаго устройства и порядка въ губерніи.

22) Вообще всѣ чиновники, опредѣляемые въ губернію, какого бы они вѣдомства ни были, должны непосредственно зависѣть отъ намѣстника, который отвѣчаетъ за ввѣренную ему область предъ Государемъ, а потому и не можетъ быть стѣсняемъ въ назначеніи оныхъ, и помимо его никто опредѣленъ быть не долженъ. Награжденіе чиновниковъ должно также непосредственно производиться по его представленіямъ прямо къ Государю Императору; ибо тогда только можетъ быть успѣхъ въ управленіи губерніи, когда власть намѣстника будетъ сосредоточена.

23) Всякая губернія и область, до совершеннаго окончанія кореннаго преобразованія, должна имѣть опредѣлительное число постоянной военной силы, непосредственно зависящей въ губерніяхъ отъ начальниковъ оныхъ, а вообще въ области отъ намѣстника.

24) Команды сіи должны преимущественно состоять изъ легкой конницы, способной для содѣйствія полицейскому управленію и малаго числа пѣхоты. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ благовременною помощію оныхъ, всякое малѣйшее нарушеніе тишины и спокойствія будетъ при самомъ началѣ прекращено, и для сего нужно въ десятеро менѣе войскъ при соотвѣтственномъ гражданскомъ устройствѣ, нежели сколько употреблено было для укрощенія мятежей.

25) Независимо отъ общихъ мѣръ, принимаемыхъ высшимъ правительствомъ для наблюденія за умами обывателей, необходимо, чтобы намѣстникамъ и начальникамъ губерній даны были способы къ таковому же наблюденію за дѣйствіями обывателей, что̀ весьма легко устроить въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ; ибо самый характеръ Поляковъ къ сему способствуетъ, и притомъ въ оныхъ есть много населеній: раскольниковъ, Евреевъ, Татаръ, разныхъ иноземцевъ, туземцевъ, Кальвинистовъ, и наконецъ Прусскихъ выходцевъ, которые всегда съ усердіемъ готовы служить нашему правительству, лишь бы мѣстное начальство умѣло употребить оныхъ и, не полагаясь на неосновательныя извѣстія, обращало бы преимущественно вни-

Библиотека "Руниверс"

маніе на открытіе тайныхъ дѣйствій и внушенія лицъ зловредныхъ, предупреждая ихъ мѣрами благоразумными, не раздражая умовъ, до чего весьма легко достигнуть можно съ народомъ Польскимъ.

26) Важный предметъ предполагаемаго мною предварительнаго новаго преобразованія управленія въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ, здѣсь лишь вкратцѣ изложенъ въ главныхъ своихъ началахъ, которыя должны быть примѣняемы и даже измѣняемы по обстоятельствамъ мѣстнаго моральнаго и политическаго положенія областей.

27) Внимательный опытъ доказалъ необходимость сего преобразованія, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что безъ учрежденія помянутаго выше сего гражданскаго управленія нельзя отвѣчать за спокойствіе края, а еще менѣе приступать къ какимъ-либо кореннымъ политическимъ преобразованіямъ совершенно необходимымъ для уничтоженія всѣхъ элементовъ, произведшихъ толикія бѣдствія и упрочившихъ отчужденіе края сего отъ Россіи.

О политическомъ преобразованіи губерній отъ Польши возвращенныхъ и уничтоженіи тѣхъ началъ, которыя постепенно довели край сей до совершеннаго отчужденія отъ Россіи.

Не касаясь общихъ причинъ, ускорившихъ и приготовившихъ умы къ возстанію противозаконной власти, происходящихъ отъ общихъ правительственныхъ долговременныхъ распоряженій относительно Царства Польскаго, поддержанія духа полонизма во всѣхъ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ, образованія Польскаго и Литовскаго отдѣльнаго войска и иныхъ важнѣйшихъ причинъ, довольно уже извѣстныхъ правительству, обращусь лишь къ тѣмъ предметамъ, которые по мнѣнію моему собственно должны быть измѣнены въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ, не дерзая входить въ сужденіе общихъ правительственныхъ распоряженій, требующихъ государственнаго соображенія и потому превышающихъ способности и возможности мои.

1) Литва, какъ и Бѣлоруссія, получила въ послѣдствіи времени подтвержденіе правъ своихъ въ отношеніи удержанія въ оной законовъ Польскихъ и Литовскихъ, въ существѣ своемъ служащихъ лишь къ запутанности дѣлъ и отчужденію края сего отъ Россіи.

2) Уничтоженіе Литовскаго Статута, по крайней мѣрѣ въ способахъ процедуры, вовсе несообразныхъ съ существомъ хода дѣлъ во всемъ государствѣ, есть, по мнѣнію моему, совершенно необходимо и можетъ быть исполнено, а въ особенности нынѣ (знавши духъ Литовцевъ) безъ особаго затрудненія. Различіе мѣръ осторожности про

Библиотека "Руниверс"

тиву Бѣлоруссіи должно состоять только въ томъ, чтобы предварительно привести въ извѣстность весь многочисленный классъ скитающихся въ Литвѣ адвокатовъ, служившій основаніемъ къ распространенію мятежа и потому опасный и вредный. Адвокатовъ сихъ необходимо постепенно благоразумными мѣрами отвлечь къ разнымъ должностямъ внутрь Имперіи въ мѣста безопасныя, но отнюдь не въ столицы, гдѣ и безъ того слишкомъ много Поляковъ служитъ по разнымъ отраслямъ правительственнаго управленія.

3) Съ удаленіемъ адвокатовъ Литовское дворянство, въ существѣ своемъ мало образованное, а въ Самогитіи отличающееся особою грубостію и тупостію въ понятіяхъ, и наконецъ во всей Польшѣ всегда уступчивое и покорное при мѣрахъ благоразумной рѣшительности, безъ всякаго сомнѣнія безмолвно будетъ покорствовать и равнодушно смотрѣть на всѣ преобразованія, о которыхъ лишь могло говорить и думать, когда были люди способные внушать оному подобныя понятія.

4) Внимательное наблюденіе бывшаго мятежа въ Литвѣ достаточно обнаружило ничтожный характеръ Литовцевъ, и потому можно утвердительно сказать, что, при благоразумномъ и дѣятельномъ управленіи намѣстника, устройствѣ приличнаго полицейскаго внутренняго порядка и предварительнаго отстраненія главныхъ элементовъ, возродившихъ мятежъ въ Литвѣ, весьма удобно будетъ сдѣлать въ оной всѣ тѣ преобразованія, которыя угодны будутъ правительству, и Литовцы примутъ оныя едва-ли даже не съ бо́льшею покорностію, нежели въ Бѣлоруссіи, особенно послѣ случившихся событій. Но для сего необходимо:

5) Рѣшительно уничтожить гнѣздилище Литовскаго вольнодумства раскасированіемъ Виленскаго университета по разнымъ училищамъ во внутрь Имперіи, преобразовавъ постепенно всю учебную часть на основаніи Россійскихъ учебныхъ заведеній и отнявъ у духовенства право заниматься образованіемъ юношества. Все сіе должно предоставить благоразумному распоряженію намѣстника области и дать ему достаточныя средства и власть къ приведенію въ исполненіе сего предпріятія. Преобразованіе внутреннихъ училищъ въ Литовскихъ губерніяхъ, равно и духовныхъ, можетъ быть произведено постепенно, дабы тѣмъ временемъ не затруднить воспитанія юношества и не произвести безнужнаго ропота. Рѣшительное же раскасированіе и уничтоженіе навсегда Виленскаго университета можетъ быть приведено немедленно въ исполненіе; ибо университетъ сей теперь существуетъ лишь по одному имени, и большая часть воспитывавшагося въономъ юношества и даже много учителей разошлись и толпами пристали къ бунтовщикамъ.

Библиотека "Руниверс"

6) Мѣра сія, по мнѣнію моему, совершенно необходима, но по важности предмета требуетъ благоразумнаго примѣненія и исполненія

7) Виленскій университетъ, столь прославляемый въ общемъ мнѣніи Поляковъ, сколько я могъ замѣтить (имѣвши въ продолженіе нѣскольких мѣсяцевъ весьма часто случаи видѣть людей въономъ образованныхъ) вовсе не есть источникъ должнаго просвѣщенія. Литовское дворянство какъ бы по нѣкоему предубѣжденію посылаетъ туда своихъ дѣтей, которыя, проводя дни въ праздности и вольнодумствѣ, не обучаясь ничему основательному, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ праздношатанія, возвращаются домой, получивъ въ ономъ нѣкій наружный блескъ вреднаго полупросвѣщенія и рѣшительное основаніе вольдумства. Одно сословіе шляхты и разночинцевъ пріобрѣтало при томъ же вольнодумствѣ нѣкоторыя знанія, а въ особенности по части духовной, медицинской и адвокатской, также дѣти экономовъ, коммиссаровъ и прочихъ бѣднѣйшихъ сословій пользовались нѣкоторыми выгодами онаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣтали еще болѣе духа вольнодумства, безвѣрія и разврата.

8) Римское духовенство, пользуясь толикими привилегіями подъ правленіемъ Россіи, наиболѣе имѣетъ способовъ вредить оной чрезмѣрнымъ вліяніемъ своимъ на умы обывателей, которыхъ оно не престанетъ побуждать къ возстанію противъ правительства, доколѣ не будетъ лишено главныхъ къ сему способовъ богатствомъ своимъ и правомъ воспитывать юношество.

9) Никакія милости и благодѣянія правительства не въ силахъ привязать сословія сего къ Россіи; ибо Римское духовенство чувствуетъ, что отдѣльнымъ С.-Петербургскимъ коллегіальнымъ управленіемъ оно отчуждается отъ власти папы Римскаго, а потому со временемъ должно лишиться многихъ духовныхъ правъ, несовмѣстныхъ въ благоустроенномъ самостоятельномъ государствѣ.

10) Духовенство въ коренныхъ понятіяхъ своихъ связываетъ существованіе Католицизма съ независимостію Польши, и потому дотолѣ будетъ возбуждать обывателей къ мятежу, пока рѣшительными мѣрами (не касаясь впрочемъ до обрядовъ религіи) не уменьшится вліяніе его лишеніемъ тѣхъ богатствъ, которыя даютъ оному толикое надъ прочими преимущество и не отымется право вселять въ юныя сердца воспитывающихся отчужденіе отъ всего Русскаго.

11) Мѣры отнятія духовныхъ имѣній и лишенія права воспитывать юношества суть совершенно необходимы, но должны быть приведены въ исполненіе съ большою осторожностію и въ особенности въ Самогитіи, въ которой духовенство вліяніемъ своимъ пріобрѣло почти неограниченную власть надъ обывателями.

Библиотека "Руниверс"

12) По мнѣнію моему, къ сему приступить должно теперь, пока умы еще поражены и утомлены неудачею въ мятежѣ, лишая постепенно сихъ правъ тѣ монастыри и костелы, въ которыхъ по сдѣланному изысканію наиболѣе распространялся духовенствомъ духъ мятежа, и какъ въ таковыхъ преступныхъ дѣйствіяхъ едва ли хотя одинъ кляшторъ или костелъ не участвовалъ, то, дабы не поразить мнѣній крутою мѣрою, благоразумное мѣстное начальство можетъ обратить силу сего распоряженія на болѣе опасныя и вольнодумныя конгрегаціи, сначала будто бы временно лишивъ богатѣйшіе монастыри и кляшторы недвижимыхъ имѣній, когда же въ послѣдствіи времени къ сей мысли пріобыкнутъ, то рѣшительно отнять вообще всѣ духовныя имѣнія.

13) Таковымъ же образомъ можно поступить и относительно воспитанія юношества, замѣнивъ съ тѣмъ вмѣстѣ духовныя училища свѣтскими, на общемъ основаніи.

14) Кромѣ сихъ главныхъ двухъ предположеній, есть еще много иныхъ частныхъ мѣръ, которыя необходимо предпринять намѣстнику къ обезпеченію области отъ вреднаго вліянія Римскаго духовенства, какъ-то: ограниченіе числа онаго въ монастыряхъ и приходахъ, прекращеніе праздношатанія ихъ безъ надлежащихъ видовъ по губерніи, строгое воспрещеніе принимать въ сословіе свое разныя лица безъ вѣдома мѣстнаго начальства, часто весьма подозрительныхъ и даже изъ Царства Польскаго и проч. проч., которые безпорядки, допущаемые умышленно мѣстнымъ главнымъ Католическимъ духовенствомъ, вовсе независящимъ отъ гражданскаго управленія, умножаютъ самовольное вредное онаго вліяніе на умы обывателей.

15) Многочисленное сословіе шляхты, издревле буйное и развратное, не взирая на всѣ предоставленныя оному льготы, было, есть и всегда будетъ первымъ орудіемъ и оплотомъ мятежа, ежели не будутъ приняты рѣшительныя мѣры къ коренному преобразованію политическаго и гражданскаго бытія онаго.

16) Сіе сословіе тунеядцевъ, по большей части неосѣдлое и привыкшее къ праздношатанію, по духу и характеру своему всегда буйное, дотолѣ не будетъ спокойно, пока правительство не сдѣлаетъ оному надлежащаго разбора и не переселитъ въ отдаленныя охранныя пограничныя линіи тѣхъ изъ нихъ, которые, не имѣя осѣдлости и не доказавъ дворянства своего, мечтаютъ получить права и преимущества посредствомъ мятежей или иныхъ политическихъ переворотовъ.

17) Опытъ доказалъ, что въ Литовскихъ и Минскихъ мятежахъ неосѣдлая шляхта составляла самыя буйныя, постоянныя и злобныя толпища мятежниковъ, и даже во времена спокойныя большая часть

Библиотека "Руниверс"

разнаго рода преступленій въ губерніяхъ производится лицами изъ сего же сословія.

18) Сіе неосѣдлое сословіе людей, язва всякаго края, должно быть немедленно для благоустройства въ губерніяхъ, по сдѣланному разбору правъ ихъ на дворянство, частію, какъ выше сказано, переселено, а осѣдлые и не доказавшіе своего шляхетства въ герольдіи принуждены къ избранію приличнаго образа жизни, приписавъ тѣхъ, которые имѣютъ опредѣленную осѣдлость, но не доказали своего дворянства, къ разнымъ городскимъ обществамъ.

19) Для точнаго исполненія сего преобразованія, необходимо положить кратчайшій срокъ, послѣ котораго уже не допускать вновь образованія сего пагубнаго сословія изъ бродягъ и иныхъ лицъ, которыя по нынѣ оное безпрестанно умножаютъ. Важный предметъ сего преобразованія шляхты требуетъ отдѣльнаго изложенія, которое особо препровождено, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, къ управляющему министерствомъ юстиціи.

Кромѣ всѣхъ вышепоименованыхъ главныхъ предметовъ, долженствующихъ, по мнѣнію моему, войти въ составъ политическаго преобразованія губерній отъ Польши возвращенныхъ, есть еще много иныхъ второстепенной важности, которыя не должны однако выходить изъ цѣли и вниманія намѣстниковъ тѣхъ областей, какъ-то: введеніе Россійскихъ наименованій мѣстъ и должностей, писаніе на Россійскомъ языкѣ всѣхъ служебныхъ бумагъ, умноженіе Русскихъ семействъ въ Литвѣ, сколько возможно доставленіе имъ прочной осѣдлости, словомъ даже всѣхъ тѣхъ мелочныхъ оттѣнковъ, которые отдѣльно сами по себѣ не составляютъ, кажется, особой важности, но въ сложности съ прочими безъ всякаго сомнѣнія произведутъ въ послѣдствіи времени полезное вліяніе и будутъ служить къ истребленію существующаго еще понынѣ отчужденія сихъ областей отъ Россіи.

Важный предметъ, мною вкратцѣ здѣсь описываемый, требуетъ внимательнаго и подробнаго изложенія способовъ и времени постепеннаго онаго примѣненія; но какъ цѣль сего писанія есть лишь представленіе правительству настоящихъ элементовъ и недостатковъ наиболѣе способствовавшимъ, по мнѣнію моему, къ развитію мятежа въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ, и притомъ настоящая причина допущенія сего была и понынѣ еще есть недостатокъ въ коренномъ составѣ и образованіи мѣстнаго управленія (что можетъ быть на всякомъ шагу доказано неоспоримыми событіями): то и ограничиваюсь въ сей запискѣ изложеніемъ способа того управленія, которое по слабому разумѣнію моему совершенно необходимо къ огражденію края сего отъ подобныхъ же бѣдствій и къ упроченію на будущія

Библиотека "Руниверс"

времена посредствомъ политическихъ коренныхъ преобразованій спокойствія и совершеннаго слитія онаго съ Россійскою Имперіею.

III.

Записка о нѣкоторыхъ вопросахъ по устройству Сѣверо-Западнаго края.

Подана 14 Мая 1864 года.

1) Хотя внѣшній мятежъ въ Сѣверо-западномъ краѣ окончательно и подавленъ, но огонь тлѣетъ еще подъ пепломъ, и несомнѣнно, что, съ ослабленіемъ правительственныхъ мѣръ наблюденія, онъ опять возгорится еще съ вящшею силою; а потому, зная Польскую самонадѣянность и безуміе, можно ли допустить, какъ нѣкоторые полагаютъ, примиреніе съ Польскимъ элементомъ въ Сѣверо-западномъ краѣ и, принявъ обманчивую маску Польской покорности за чистосердечное чувство раскаянія и моленіе о помилованіи, обратиться къ прежней системѣ уступчиваго управленія?

2) Можетъ ли высшее правительство допустить, чтобъ край, въ которомъ 3—6 населенія вполнѣ Русскаго, исповѣдующаго Православную вѣру, могъ когда либо быть признанъ Польскимъ, и дозволить, какъ это было въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ, развиваться въ немъ Польскому элементу, совершенно чуждому и допущенному тамъ лишь по нашему малому предвидѣнію и недостатку уваженія къ собственной народности?

3) Не слѣдуетъ ли правительству разъ на всегда сознать прежнія ошибки въ управленіи Сѣверо-западнымъ краемъ, признать его окончательно Русскимъ, составляющимъ древнее достояніе Россіи, постановивъ непремѣннымъ правиломъ, чтобы въ краѣ отнюдь не было допускаемо ни малѣйшихъ признаковъ Польской пропаганды и принявъ дѣятельныя мѣры къ подавленію пришлаго Польскаго элемента и къ окончательному возстановленію Русской народности, отнюдь не дозволяя уклоняться отъ принятой въ семъ отношеніи системы?

4) Не должно ли, наконецъ, правительство убѣдиться, что одними мѣрами строгой справедливости, а отнюдь не снисхожденіемъ и уступками, можно удержать этотъ край и остановить безумные порывы Польской пропаганды и всегда враждебныхъ намъ Римско-католическаго духовенства и шляхетства?

Для утвержденія Русскаго владычества въ Сѣверо-западномъ краѣ необходимо принять слѣдующія главныя мѣры:

1) Упрочить и возвысить Русскую народность и Православіе такъ, чтобы не было и малѣйшаго повода опасаться, что край можетъ

Библиотека "Руниверс"

когда-либо сдѣлаться Польскимъ. Въ сихъ видахъ въ особенности заняться прочнымъ устройствомъ быта крестьянъ и распространеніемъ общественнаго образованія въ духѣ Православія и Русской народности.

2) Поддержать православное духовенство, поставивъ его въ положеніе независимое отъ землевладѣльцевъ, дабы совокупно съ народомъ оно могло твердо противостоять Польской пропагандѣ, которая, безъ сомнѣнія, еще нѣкоторое время будетъ пытаться пускать свои корни. Римско-католическое же духовенство поставить въ такое положеніе, чтобы оно не могло болѣе вредить своимъ фанатическимъ возбужденіемъ обывателей къ противодѣйствію постановленіямъ правительства, и для сего учредить за нимъ повсюду строжайшее наблюденіе и взыскивать неукоснительно за всякое отступленіе отъ законнаго порядка и въ особенности за манифестаціи въ смыслѣ Польской пропаганды.

3) Въ отношеніи общей администраціи принять слѣдующія мѣры: устроить такимъ образомъ правительственные органы въ краѣ, чтобы высшія служебныя мѣста и мѣста отдѣльныхъ начальниковъ, а равно всѣ тѣ, которыя приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, были замѣщены чиновниками Русскаго происхожденія.

Водворить Русскій элементъ въ краѣ всѣми возможными средствами, какъ-то: поселеніемъ тамъ Русскихъ крестьянъ, продажею Русскимъ лицамъ всѣхъ сословій конфискованныхъ, секвестрованныхъ и просроченныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ имѣній, изгнаніемъ изъ края всѣхъ тѣхъ, которые участвовали въ мятежѣ и крамолахъ и недопущеніемъ ихъ возвращаться на родину; ибо своимъ присутствіемъ они, безъ всякаго сомнѣнія, значительно усугубили бы зло, чему бывали неоднократные примѣры.

Наконецъ, само высшее правительство должно идти твердо и непоколебимо избраннымъ имъ путемъ, отнюдь не допуская въ краѣ Польскаго элемента, прекращая неукоснительно строгими мѣрами всякія даже малѣйшія попытки къ распространенію Польской пропаганды и имѣя въ виду, что хотя въ настоящее время революціонная организація и жондъ уже обезсилены и уничтожены въ Сѣверо-западномъ краѣ, но многіе изъ его агентовъ продолжаютъ дѣйствовать внѣ предѣловъ Западнаго края, въ столицахъ и внутри Имперіи.

Библиотека "Руниверс"

Мѣры въ отношеніи устройства быта крестьянъ.

1) Всѣ правительственные органы, какъ высшіе, такъ и мѣстные, должны быть неуклонно направлены къ тому, чтобы крестьяне были поставлены въ совершенно независимое положеніе отъ владѣльцевъ и не могли быть стѣсняемы ими въ средствахъ своего хозяйства, а для сего чтобы имъ были возвращены всѣ тѣ угодья, которыя у нихъ отняты съ 1857 года т.-е. со времени заявленія самими владѣльцами о ихъ желаніи упрочить бытъ крестьянъ.

2) Какъ инвентари съ 1846 года служили основаніемъ отношеній между помѣщиками и крестьянами и въ народѣ считаются единственнымъ указаніемъ для разбора взаимныхъ притязаній и по угодьямъ и по повинностямъ, и какъ при томъ сами помѣщики внесли въ уставныя грамоты крестьянскія повинности по инвентарямъ, измѣнивъ земельные надѣлы: посему справедливость требуетъ всѣмъ тѣмъ крестьянамъ, которые съ 1846 г. были обезземелены, возвратить хотя часть земли, которою они владѣли, дабы они могли построить на ней хату и имѣть по крайней мѣрѣ огородъ и небольшую запашку. Сею единственно мѣрою возможно было удержать помѣщиковъ отъ насильственной высылки крестьянъ въ мятежъ. При семъ нужнымъ считаю замѣтить, что отнятіе земельныхъ участковъ не только у временно-обязанныхъ крестьянъ, но и у старообрядцевъ, шляхты, вольныхъ людей и иныхъ, служило средствомъ побужденія ихъ къ участію въ мятежѣ; а потому правительство, не взирая на все противодѣйствіе землевладѣльцевъ, котораго теперь впрочемъ не существуетъ, должно удержать эту мѣру для будущаго спокойствія края.

3) Мировыя учрежденія не должны ни подъ какимъ видомъ отступать отъ начала правильной оцѣнки земельныхъ угодій, изъ угожденія помѣщикамъ и въ особенности нѣкоторымъ личностямъ; а напротивъ того дѣйствовать на точномъ основаніи закона и данныхъ имъ инструкцій, имѣя въ виду, что отдѣльные клочки земли, большею частію самаго дурнаго качества, отданные въ надѣлъ крестьянамъ, не могутъ быть оцѣнены какъ бы того желали сами помѣщики, привыкшіе брать съ крестьянъ непомѣрные оброки и потому жалующіеся на низкую оцѣнку.

4) Отнюдь не нарушать установленнаго правила, чтобы разверстаніе угодій дѣлалось не иначе какъ по полюбовному соглашенію, и оставлять пастбища въ общемъ владѣніи, если крестьяне сами не пожелаютъ отдѣльнаго выдѣла, предоставляя впрочемъ помѣщикамъ вхо-

Библиотека "Руниверс"

дить по сему предмету въ ближайшія соглашенія и даже денежныя сдѣлки съ крестьянами. Равнымъ образомъ сохранить правило о топливѣ и въ отношеніи крестьянъ-собственниковъ на тотъ срокъ, который установленъ вообще для временно-обязанныхъ крестьянъ. Эта мѣра совершенно необходима по исключительности политическаго положенія края, ибо крестьяне должны быть поставлены въ полную независимость отъ помѣщиковъ.

5) Въ Инфляндскихъ уѣздахъ ограничить размѣръ крестьянскихъ платежей, постановивъ, чтобы оные отнюдь не превосходили того, что́ крестьяне платили до составленія уставныхъ грамотъ, при чемъ допустить и самую оцѣнку земель, какъ это сдѣлано въ прочихъ Сѣверо-западныхъ губерніяхъ, не придерживаясь постановленія о густотѣ народонаселенія.

6) Скорѣе разрѣшить вопросъ о обезпеченіи вольныхъ людей, населяющихъ Западный край въ числѣ болѣе 70 т. душъ, которые находятся въ самомъ бѣдственномъ и стѣсненномъ положеніи; ибо они лишены правъ на землю и совершенно зависятъ отъ произвола владѣльцевъ, тогда какъ въ отношеніи повинностей они были въ одинаковомъ положеніи съ временно-обязанными крестьянами, которые получаютъ нынѣ отъ правительства полное огражденіе своихъ правъ.

7) Предоставить главному начальнику края, въ случаѣ невозможности для крестьянъ выплачивать, до окончанія дѣйствій повѣрочныхъ коммисій, огромные оброки, требуемые съ нихъ въ пользу помѣщиковъ по уставнымъ грамотамъ, отсрочивать таковые платежи, по усмотрѣнію дѣйствительной необходимости и безъ взысканія пеней.

Мѣры въ отношеніи народнаго образованія.

1) Обратить особенное вниманіе на устройство возможно большаго числа народныхъ школъ какъ въ селеніяхъ, такъ и въ городахъ. Въ этихъ школахъ преподавать самыя элементарныя знанія и преимущественно Русскую и Славянскую грамоту, первыя начала счисленія, молитвы, первоначальныя понятія о догматахъ Православной вѣры и обучать пѣнію на клиросѣ.

Школы эти преимущественно должны оставаться въ рукахъ духовенства, но гдѣ окажется нужнымъ, въ помощь духовнымъ лицамъ могутъ быть назначаемы и свѣтскія. Посему учреждать свѣтскія народныя школы слѣдуетъ только тамъ, гдѣ не будетъ возможности поручать оныя Православному духовенству. Содержаніе школъ въ селеніяхъ постепенно относить на счетъ сельскихъ обществъ, по мѣрѣ

Библиотека "Руниверс"

изъявленія ими на то желанія; учителями же и ихъ помощниками назначать, гдѣ окажется удобнымъ, сельскихъ писарей изъ семинаристовъ вызванныхъ изъ Великороссійскихъ губерній, дабы тѣмъ самымъ сократить излишніе расходы и дать наставникамъ болѣе приличное содержаніе.

Въ настоящее время, по сдѣланному вызову, уже прибыло въ Сѣверо-западный край изъ разныхъ Великорусскихъ губерній до ста воспитанниковъ семинарій; всѣ они размѣщены на должности частію сельскихъ писарей, частію учителей и исполняютъ свои обязанности отлично. Для удержанія этихъ семинаристовъ на означенныхъ мѣстахъ и для привлеченія въ большемъ числѣ желающихъ, необходимо предоставить имъ нѣкоторыя служебныя преимущества, о чемъ представляется особое соображеніе.

2) Въ городахъ можно учреждать двухклассныя училища съ бо́льшимъ развитіемъ знаній, но отнюдь не допуская обученія Польскому языку.

3) Разсмотрѣть вновь, гдѣ можно ожидать пользы отъ оставленія гимназій и прогимназій и трехклассныхъ училищъ, и гдѣ таковыя надобно упразднить; ибо въ краѣ ихъ слишкомъ много, а учащихся въ нихъ теперь очень мало, какъ это видно изъ прилагаемой вѣдомости. Они сто́ятъ правительству дорого и образуютъ только враговъ Россіи: въ нихъ сосредоточивалась постоянно Польская пропаганда, и даже православные, которые получили образованіе въ сихъ гимназіяхъ и училищахъ, съ особеннымъ чувствомъ озлобленія противъ Россіи содѣйствовали мятежникамъ.

Достаточно было бы оставить гимназіи въ губернскихъ городахъ и, по особымъ уваженіямъ, въ видѣ исключенія, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, преобразовавъ оныя совершенно и замѣстивъ всѣ преподавательскія мѣста учителями изъ Россіи. Деньги, которыя останутся отъ упраздненія излишнихъ гимназій и трехклассныхъ училищъ слѣдуетъ употребить на усиленіе вообще народнаго образованія въ селахъ и городахъ и на открытіе Русскихъ училищъ для приготовленія Русскихъ учителей, а также нѣсколькихъ женскихъ гимназій, совершенно необходимыхъ для распространенія Русской народности и уничтоженія частныхъ женскихъ пансіоновъ, въ коихъ сосредоточивается вредная язва Польской фанатической пропаганды между женщинами.

4) Ввести преподаваніе Жмудской грамоты Русскими буквами во всѣхъ школахъ Самогитіи. Подобные буквари теперь уже печатаются, и о распространеніи ихъ даны будутъ надлежащія наставленія.

Библиотека "Руниверс"

5) Въ гимназіяхъ и прочихъ высшихъ училищахъ прекратить преподаваніе Польскаго языка, какъ это уже сдѣлано во всѣхъ уѣздныхъ и народныхъ училищахъ и какъ это было до 1858 года.

6) Прекратить продажу Польскихъ букварей и вообще руководствъ для преподаванія на Польскомъ языкѣ, издаваемыхъ въ Варшавѣ и иныхъ городахъ съ революціонною цѣлью; ибо въ оныхъ намѣренно вездѣ распространяются мысли объ отдѣленіи Сѣверо-западнаго края отъ Россіи, и самыя дѣтскія игры, продаваемыя повсемѣстно, направлены къ тому, чтобы изучать Географію и Исторію Польши въ предѣлахъ 1772 года. Такіе буквари и игры перепечатываются, кромѣ Варшавы, во всѣхъ Западныхъ губерніяхъ, что́ слѣдуетъ строго запретить.

7) Обратить особенное вниманіе на правильное преподаваніе Русской исторіи и въ особенности исторіи Западной Россіи.

8) Въ Бѣлорусскомъ учебномъ округѣ назначить помощника къ попечителю, возложивъ на него постоянное наблюденіе на мѣстахъ за ходомъ народнаго образованія и поставивъ его въ ближайшія сношенія съ главнымъ начальникомъ края.

9) Такъ какъ въ Самогитіи, т.-е. въ Ковенской губерніи, требуется особенное наблюденіе и постоянный на мѣстахъ надзоръ за учебною частью, то посему слѣдуетъ назначить тамъ, въ помощь попечителю Виленскаго учебнаго округа, особаго инспектора, который бы слѣдилъ за успѣшнымъ развитіемъ Русскихъ школъ и заботился объ уничтоженіи вліянія на нихъ фанатическаго Католическаго духовенства.

10) Поручить министерству народнаго просвѣщенія немедленно командировать въ Сѣверо-западный край возможно большее число Русскихъ преподавателей въ гимназіи, съ оказаніемъ имъ надлежащаго пособія, и хотя временно, если они не пожелаютъ остаться въ Западномъ краѣ на постоянной службѣ; ибо необходимо безотлагательно извлечь народное образованіе изъ рукъ Польскихъ.

Мѣры въ отношеніи обезпеченія Православнаго духовенства.

1) Необходимость увеличенія содержанія Православному духовенству въ Сѣверо-западномъ краѣ есть одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ, подлежащихъ въ настоящее время разрѣшенію. Безъ содѣйствія Православнаго духовенства мы не можемъ надѣяться на прочное водвореніе Русской народности въ томъ краѣ. Духовенство наше

Библиотека "Руниверс"

лишено тамъ всѣхъ средствъ существованія, а прихожане слишкомъ бѣдны, чтобы помогать ему. Польскіе паны пренебрегаютъ и гнушаются имъ. Оно обречено на нищенство и теперь не получаетъ ни дровъ для отопленія, ни средствъ для обработыванія земельно-церковныхъ участковъ. Правительству непристойно оставлять духовенство свое въ столь уничиженномъ положеніи, равно какъ и церкви, которыхъ большая часть представляютъ самое печальное зрѣлище.

Предметъ этотъ такъ важенъ, что нѣтъ тѣхъ пожертвованій, которыхъ правительство не должно бы было для него сдѣлать. Еще разъ повторяю, что достоинство самаго правительства требуетъ возвысить духовенство приличнымъ содержаніемъ, а также возобновить старыя и построить новыя церкви. О первомъ предметѣ я уже входилъ въ сношеніе съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Сvнода и указалъ ему для сего источникъ. На возобновленіе и постройку Православныхъ церквей также обращено мною вниманіе; нужны только нѣкоторыя средства. Правительство не можетъ и не должно жалѣть этихъ средствъ, ибо это необходимо какъ въ матеріальномъ, такъ и еще болѣе въ моральномъ и политическомъ отношеніяхъ. Эти пожертвованія со стороны правительства будутъ непродолжительны, ибо скоро народъ Православный, вышедшій изъ подъ гнета Польскихъ пановъ, оперится и придетъ самъ на помощь Православію. Мы уже и теперь видимъ во многихъ мѣстахъ радушное съ его стороны содѣйствіе.

Для постройки церквей въ Литовскихъ губерніяхъ нужно отпустить, по примѣру Бѣлорусскихъ, до 500 т. руб. заимообразно, и тогда съ имѣющимися мѣстными средствами можно будетъ управиться этимъ дѣломъ.

2) Въ Вильнѣ учредить высшее духовное училище, въ видѣ добавочныхъ классовъ въ семинаріи, съ допущеніемъ въ оные свѣтскихъ учениковъ. Увеличить число училищъ для воспитанія дочерей священниковъ, учредивъ на первый разъ таковое въ г. Слонимѣ.

3) Вызвать изъ Россіи нѣсколько благонадежныхъ священниковъ, преимущественно для городовъ и нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ селъ, и замѣнить ими бывшихъ Уніатскихъ священниковъ, изъ коихъ нѣкоторые не должны оставаться на своихъ мѣстахъ.

Мѣры въ отношеніи устройства Римско-католическаго духовенства.

1) Немедленно упразднить, не дѣлая дополнительнаго изслѣдованія, Римско-католическіе монастыри, которые принимали большее или меньшее участіе въ возстаніи, допущеніемъ ли ухода монаховъ въ

Библиотека "Руниверс"

мятежъ, или распространеніемъ революціонныхъ прокламацій къ народу, или снабженіемъ шаекъ продовольствіемъ и оружіемъ. Предоставить главному начальнику края вмѣсто этихъ монастырей учредить приходы тамъ, гдѣ это окажется нужнымъ по числу населенія; зданія же монастырей принять въ распоряженіе правительства.

Мнѣ кажется, что эта мѣра послужила бы самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на послѣднюю аллокуцію папы, особенно, если вмѣстѣ съ этимъ будетъ упразднена Саратовская епархія и измѣненъ столь много сдѣлавшій намъ вреда конкордатъ. Можно было бы и всѣ Католическіе монастыри упразднить, какъ это сдѣлано въ нѣкоторыхъ Католическихъ странахъ, ибо они вообще представляли постоянный притонъ мятежникамъ. Нынѣ же сдѣлать соображеніе и распорядиться о переводѣ Тельшевскаго епископа со всѣмъ духовнымъ Римско-католическимъ управленіемъ изъ м. Ворни въ г. Ковну. До сихъ поръ епископъ Тельшевскій находился внѣ всякаго наблюденія начальства, и потому Римско-католическое духовенство въ Ковенской губерніи оказало большое фанатическое противодѣйствіе правительству. Перемѣщеніе это не представитъ затрудненія, ибо въ Ковно есть монастыри, которые будутъ подлежать упраздненію, и найдутся мѣстныя средства для покрытія нужныхъ по сему предмету расходовъ.

На будущее время не допускать поступленія въ монашество безъ согласія главнаго начальника края.

Всѣхъ клериковъ перевести въ семинаріи для окончательнаго обученія, не допуская вновь набирать таковыхъ въ монастыри, а въ семинаріяхъ опредѣлить комплектъ, свыше котораго не допускать пріема учениковъ.

2) Не дозволять учрежденія новыхъ филіальныхъ костеловъ и возобновленія существующихъ, безъ разрѣшенія главнаго начальника края. Равнымъ образомъ не учреждать новыхъ алтарей и каплицъ въ частныхъ домахъ и уменьшить нынѣ же число существующихъ, не дозволяя капелланамъ бродяжничать по краю.

Опредѣлить штатное число ксендзовъ въ приходахъ и болѣе того числа отнюдь не допускать. Вообще опредѣлять ксендзовъ въ приходы не иначе какъ съ согласія губернатора и съ ручательствомъ въ благонадежности со стороны самихъ прихожанъ и въ особенности болѣе значительныхъ землевладѣльцевъ прихода.

Библиотека "Руниверс"

Общія административныя мѣры.

1) Подтвердить окончательно о повсемѣстномъ введеніи Русскаго языка, какъ это нынѣ сдѣлано съ прекращеніемъ употребленія Польскаго языка во всѣхъ официальныхъ и служебныхъ сношеніяхъ, а также и въ наружныхъ изображеніяхъ всякаго рода, особенно въ мѣстахъ, посѣщаемыхъ народомъ.

2) Немедленно всѣ высшія служебныя должности по всѣмъ вѣдомствамъ, а также всѣ мѣста, имѣющія прикосновеніе съ народомъ, замѣстить Русскими чиновниками, прочія же должности замѣщать Русскими постепенно.

3) Вмѣнить въ строгую обязанность всѣмъ министерствамъ привести эти мѣры въ исполненіе командированіемъ изъ Россіи чиновниковъ вполнѣ благонадежныхъ и прекратить всякія въ этомъ отношеніи пререканія, какъ это нынѣ случается со стороны нѣкоторыхъ вѣдомствъ.

4) Заселять край Русскими сколько возможно сосредоточеннѣе. Заселеніе это производить, не отстраняя и старообрядцевъ, ибо они болѣе другихъ сохраняютъ Русскую народность.

Для заселенія назначать преимущественно конфискованныя и секвестрованныя имѣнія, а также земли оставшіяся послѣ шляхты, переселенной изъ болѣе опасныхъ для общественнаго спокойствія мѣстъ.

5) Скорѣе разрѣшить вопросъ о недозволеніи лицамъ Польской шляхты отыскивать дворянство.

6) Необходимо также образовать колоніи изъ отставныхъ солдатъ, которыхъ помѣщики оставляютъ безъ пріюта, изгоняя изъ селеній. Я уже сдѣлалъ распоряженіе о подобной колонизаціи въ Могилевской и Гродненской губерніяхъ, въ видѣ опыта.

7) Разрѣшить вопросъ о порядкѣ продажи секвестрованныхъ имѣній лицъ сосланныхъ на постоянное жительство во внутреннія губерніи.

8) Имѣя въ виду, что лица, высланныя изъ края въ видахъ административнаго взысканія по IV-й категоріи, составляютъ элементъ самый вредный для края и что возвращеніе ихъ могло бы имѣть самыя дурныя послѣдствія, я полагалъ бы отправить ихъ нынѣ же въ мѣстности для сего особо назначенныя правительствомъ и не дозволяя имъ возвращаться на родину въ теченіе самаго продолжительнаго срока, по моему мнѣнію, не менѣе 15 лѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

9) Всѣхъ лицъ Польскаго происхожденія, которыя отправлены на житье во внутреннія губерніи по политической ихъ неблагонадежности, по представленіямъ мѣстныхъ начальствъ ни въ какомъ случаѣ не возвращать ранѣе 5 лѣтъ, и при томъ если въ теченіи этого времени они не навлекутъ на себя новыхъ обвиненій.

10) Содержаніе тѣхъ и другихъ лицъ можетъ быть обращено на имѣнія ихъ, секвестрованныя и остающіяся безъ секвестра.

11) Мѣстность для водворенія всѣхъ лицъ высылаемыхъ изъ Западнаго края должна быть избрана совершенно отдаленная отъ остальнаго населенія Имперіи, какъ напр. Печорскій край, Зауральскіе уѣзды Пермской губерніи и нѣкоторыя части Тобольской, гдѣ большое изобиліе лѣса для постройки жилищъ; а можетъ быть, было бы полезно сосредоточить это населеніе и въ Омской области, гдѣ находятся наши войска, такъ что при малѣйшемъ покушеніи къ безпорядкамъ они могутъ быть немедленно прекращены. Переселенцы скоро свыкнутся съ краемъ, какъ свыкаются во всѣхъ другихъ странахъ лица, выселяемыя изъ оныхъ въ отдаленныя пустыни за политическія преступленія. Здѣсь надо имѣть прежде всего въ виду Россію и огражденіе ея отъ опасности заразы Польскою пропагандою; гуманность же можетъ быть вполнѣ соблюдена и въ Печорскомъ и въ другомъ краѣ, когда переселенцамъ будутъ доставлены всѣ средства къ жизни, кромѣ способовъ вредить Россіи. Впрочемъ, если найдутся другія уединенныя мѣстности болѣе удобныя и съ лучшимъ климатомъ, то и онѣ могутъ быть предоставлены для заселенія сказанными лицами.

12) Сдѣлать постепенное примежеваніе нѣкоторыхъ уѣздовъ Сѣверо-западнаго края къ Востоку, дабы такимъ образомъ слить сіи уѣзды съ Русскимъ народонаселеніемъ.

13) Дозволять ѣздить во внутреннія губерніи Россіи лицамъ Польскаго происхожденія по паспортамъ, выдаваемымъ не болѣе какъ на одинъ годъ съ положительнымъ обозначеніемъ въ оныхъ мѣста, которое кто полагаетъ избрать для жительства безъ права разъѣзда по всей Имперіи.

Такъ какъ уроженцы Западныхъ губерній постоянно пользовались фальшивыми видами, то установить выдачу имъ паспортовъ на особой бумагѣ съ надлежащими предосторожностями противъ подложныхъ подписей.

14) Строго держаться правила, чтобы въ Великороссійскихъ учебныхъ заведеніяхъ отнюдь не допускать Польскихъ воспитанниковъ болѣе $1/10$ всего числа учащихся, ибо опытъ указалъ, какой вредъ они принесли Россіи: всѣ мятежныя шайки были ими наполнены, и они увлекли даже многихъ Русскихъ. И теперь еще тюрьмы въ Сѣверо-запад-

Библиотека "Руниверс"

номъ краѣ наполнены студентами Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго и Кіевскаго университетовъ.

15) Обратить вниманіе, чтобъ главныя управленія въ столицахъ и другихъ городахъ не были наполняемы, какъ нынѣ, Польскими чиновниками, и въ особенности, чтобы отнюдь таковыхъ не было въ полицейскихъ и почтовыхъ должностяхъ. На службу же внутри Россіи опредѣлять лицъ Польскаго происхожденія не иначе, какъ по удостовѣренію въ ихъ политической благонадежности. Поляки знаютъ, что въ Западныхъ губерніяхъ теперь ничего сдѣлать не могутъ, и всѣ ихъ усилія стремятся къ распространенію Польской пропаганды внутри Имперіи, а это опаснѣе самаго мятежа въ западныхъ губерніяхъ. Поляки понимаютъ, что только такими дѣйствіями могутъ ослабить Россію.

Въ отношеніи Августовской губерніи необходимо нынѣ же рѣшить, какіе имѣетъ правительство окончательные виды для управленія оной, ибо продолжать тамъ двойственную систему управленія крайне неудобно, и желательно, чтобы центральное управленіе въ Варшавѣ сближалось сколь возможно съ видами не отдѣльнаго управленія отъ Россіи.

Имѣя въ виду, что Сѣверо-западный край не можетъ имѣть ничего общаго съ Царствомъ Польскимъ, ибо въ немъ господствуетъ и должна быть утверждена Русская народность, тогда какъ напротивъ того въ Царствѣ Польскомъ все должно остаться подъ вліяніемъ Польскаго элемента, я еще разъ возобновляю свое ходатайство о возстановленіи таможенной линіи на границѣ между Сѣверо-западнымъ краемъ и Царствомъ Польскимъ, дабы фактически положить рѣзкую черту между этими двумя противоположными началами, Русскимъ и Польскимъ. Я не полагаю, чтобъ Россія могла приписать это намѣренію правительства отказаться отъ Царства Польскаго. Оно останется навсегда нашимъ, какъ Финляндія, которая имѣетъ свои опредѣлительныя таможенныя границы. Между тѣмъ возстановленіе таможенной линіи между Царствомъ Польскимъ и Сѣверо-западнымъ краемъ могло бы прекратить всякую мысль въ обитателяхъ сего края, что они могутъ составлять когда либо одно цѣлое съ Царствомъ Польскимъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ вопросовъ, есть еще очень много второстепенныхъ, о которыхъ я здѣсь не упоминаю; изложилъ же я съ нѣкоторою подробностью только главнѣйшія указанія, болѣе съ цѣлію ознакомить съ тѣмъ направленіемъ, котораго я держался при управленіи ввѣреннымъ мнѣ краемъ, основываясь на долговременномъ опытѣ изученія онаго во время двухъ бывшихъ въ немъ революцій 1831 и 1863

Библиотека "Руниверс"

годовъ; продолженіе этой системы я считаю совершенно необходимымъ для прочнаго возстановленія Русской народности и Русскаго господства въ Сѣверо-западномъ краѣ.

Если всѣ изложенныя здѣсь соображенія удостоятся одобренія Вашего Императорскаго Величества, то необходимо, чтобы они были приняты къ точному и неизмѣнному руководству всѣми вѣдомствами, и чтобы о всѣхъ распоряженіяхъ своихъ, выходящихъ изъ обыкновеннаго хода текущихъ дѣлъ, они сообщали на предварительное заключеніе главнаго начальника края, которому болѣе всѣхъ могутъ быть извѣстны мѣстныя обстоятельства.

IV.

Лично представлена Государю Императору въ Петербургѣ 5 Апрѣля 1865 года.

Оставляя Сѣверо-западный край и сдѣлавъ въ ономъ согласно съ Высочайшими Вашего Императорскаго Величества указаніями всѣ тѣ распоряженія, которыя были необходимы для подавленія мятежа и упроченія въ ономъ Русской народности и Православія, безъ чего край этотъ при непрестанномъ систематическомъ (какъ это было въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ), крамольномъ направленіи Польскаго элемента, неминуемо отпадетъ отъ Россіи, осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству о необходимости, не взирая на всѣ возгласы Польской партіи и вообще враговъ Россіи, повелѣть не отступать отъ принятыхъ нынѣ въ управленіи тѣмъ краемъ началъ, подавляя всѣми имѣющимися въ распоряженіи тамошняго начальства средствами безпрерывно возникающую враждебную намъ Польско-Латинскую пропаганду.

Я знаю, что многіе осуждаютъ принятыя мною мѣры для подавленія въ краѣ Польскаго элемента; но это единственное средство къ удержанію края, и возможность этихъ мѣръ доказана уже на опытѣ; теперь уже почти повсюду въ краѣ Русскій элементъ господствуетъ, и необходимо только постоянное продолженіе въ теченіи еще нѣсколькихъ лѣтъ, безъ малѣйшаго ослабленія, принятой системы для окончательнаго подавленія враждебнаго намъ элемента и упроченія въ краѣ нашего владычества.

Главныя мѣры, которыя необходимо продолжать суть слѣдующія:

1) Не снимать военнаго положенія еще нѣсколько лѣтъ до совершеннаго прекращенія попытокъ Польско-заграничной эмиграціи къ возбужденію вновь крамольныхъ покушеній. Не должно полагаться

Библиотека "Руниверс"

на теперешнее спокойствіе въ краѣ, ибо въономъ кроются еще подъ пепломъ элементы мятежа.

2) Не отмѣнять установленнаго 5% сбора, какъ средства для удовлетворенія необходимыхъ расходовъ по политическому положенію края и выходящихъ изъ обыкновенныхъ, установленныхъ для всего государства; при томъ Поляки тогда только будутъ смирны, когда будутъ уменьшены ихъ матеріальныя средства; ихъ надобно, какъ говорится, *бить по карману*: тогда все будетъ спокойно. Возгласы о раззореніи края не имѣютъ основанія; денегъ много; лучшее доказательство—перекупъ имѣній мѣстными владѣльцами.

3) Не возвращать еще долгое время высланныхъ изъ Сѣверо-Западнаго края за политическія преступленія на житье въ Россію и не снимать съ имѣній ихъ секвестра, принявъ мѣры къ прекращенію постоянно производимой ими, помимо начальства, корреспонденціи съ западными губерніями, поддерживающей крамольныя ожиданія.

4) Не объявлять никому изъ сосланныхъ Поляковъ всемилостивѣйшаго прощенія, ибо возвращеніе ихъ послужитъ только къ возрожденію новыхъ безпорядковъ въ краѣ и нисколько ихъ не умиротворитъ. Все что можно сдѣлать, это допустить нѣкоторое смягченіе въ наказаніяхъ находящимся въ Сибири, и то не прежде какъ послѣ пятилѣтняго исполненія надъ ними приговора.

5) Заняться окончательнымъ устройствомъ крестьянскаго дѣла на тѣхъ началахъ, на которыхъ оно теперь уже производится, имѣя въ виду, что необходимо такъ обезпечить крестьянъ въ Западномъ краѣ, чтобъ они не имѣли нужды прибѣгать къ пособію отъ владѣльцевъ. Крестьянское населеніе составляетъ главный оплотъ нашего въ краѣ владычества, и оно должно быть поставлено въ полную независимость отъ владѣльцевъ-Поляковъ, всегда намъ враждебныхъ.

6) Должно стараться просвѣтить крестьянское населеніе, научая его Русской грамотности вмѣстѣ съ правилами Православной вѣры. Этотъ предметъ идетъ уже весьма успѣшно, и учреждено въ краѣ много сотенъ школъ, даже и на Жмуди. Крестьяне вездѣ съ охотою изучаютъ Русскую грамоту и сами просятъ о назначеніи Русскихъ учителей. Они принимаютъ уже радушное участіе въ устройствѣ Православныхъ церквей и гордятся названіемъ Русскихъ.

7) Утвержденіе Православія въ краѣ есть одна изъ самыхъ необходимыхъ основныхъ мѣръ; ибо Православіе соединено съ понятіемъ о Русской народности, какъ напротивъ того Католикъ и Полякъ составляютъ одно.

8) Независимо отъ устройства Православныхъ церквей, необходимо постоянно поддерживать наше духовенство, бдительно и строго слѣдя за дѣйствіями Католическаго, намъ всегда враждебнаго, духо-

Библиотека "Руниверс"

венства и укрощая безъ колебанія всѣ попытки онаго къ увлеченію изъ Православія. Для сего:

а) не дозволять имъ строить каплицъ и костеловъ безъ дозволенія гражданскаго начальства и въ особенности среди Православныхъ приходовъ.

б) не дозволять заводить школъ.

в) взыскивать съ ксендзовъ, когда они запрещаютъ смѣшанные браки.

г) не дозволять имъ разъѣзжать по уѣздамъ, внѣ своихъ приходовъ, и читать проповѣди безъ дозволенія и просмотра начальства.

д) не дозволять дѣлать имъ никакихъ процессій безъ разрѣшенія начальства.

е) строго наблюдать, чтобы не посвящали въ ксендзы безъ разрѣшенія гражданскаго начальства и чтобъ не назначать ксендзовъ въ приходы безъ согласія гражданскаго начальства и болѣе опредѣленнаго числа по спискамъ 1864 года.

ж) за всѣ отступленія отъ предписаннаго облагать штрафомъ ксендзовъ и ихъ начальство.

9) Продолжать принятую систему замѣщенія Польскихъ чиновниковъ Русскими, отнюдь не ослабляя этой мѣры, какъ совершенно необходимой для будущаго упроченія въ краѣ Русскаго начала.

10) Умножить вездѣ Русскія школы, обративъ вниманіе и на Евреевъ, которые готовы слѣдовать Польскимъ тенденціямъ; а потому ненадобно сливать Еврейскихъ школъ съ Польскими, но собственно Еврейскія школы преобразовать, придавъ имъ Русское направленіе, какъ это теперь уже дѣлается.

11) Ввести окончательно Русскія буквы въ Жмудскихъ букваряхъ и молитвенникахъ, сдѣлать тоже и въ отношеніи Латышской грамотности, какъ это уже исполнено въ нѣкоторыхъ школахъ въ Инфляндскихъ уѣздахъ.

12) Стараться правильнымъ преподаваніемъ исторіи уничтожить превратное и враждебное намъ направленіе, распространенное бывшими Польскими школами. Надобно всѣмъ и постоянно разъяснять, что край Сѣверо-Западный всегда былъ и есть Русскій, и что Польскій элементъ есть временно накинутый въ эпоху Польскаго владычества.

13) Эта мысль уже повсемѣстно развивается въ краѣ съ большимъ успѣхомъ; надобно только поддержать полезное сіе стремленіе, ибо только моральнымъ перерожденіемъ и уничтоженіемъ Польско-Латинской пропаганды можно упрочить наше владычество въ краѣ.

Библиотека "Руниверс"

КЪ ЗАПИСКАМЪ ГРАФА М. Н. МУРАВЬЕВА.

Примѣчаніе Андрея Николаевича Муравьева.

Весьма любопытно иногда знать такъ-называемое le dessous des cartes [1]), чтобы выяснить себѣ, какъ отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ могутъ произойти великія дѣла, и эта вставка послужитъ къ объясненію послѣдующаго текста. При нерасположеніи Государя къ Михаилу Николаевичу довольно странно внезапное его назначеніе въ Вильну, когда до такой степени о немъ забыли, не смотря на его присутствіе въ Петербургѣ, не смотря на его прежнюю многолѣтнюю дѣятельность въ Западномъ краѣ, что прежде вызвали даже брата его Николая Николаевича изъ Москвы, чтобы совѣщаться о военныхъ дѣйствіяхъ, и то только по внушенію вице-канцлера князя Горчакова, который не зналъ куда ему броситься, à quel saint se vouer [2]); потому что дипломатическая петля все болѣе и болѣе стягивалась на его шеѣ отъ постепенно болѣе грозныхъ нотъ Запада, и по этой причинѣ, въ эту роковую минуту, это былъ самый дѣйствительный совѣтникъ Государя.

За два дня до призванія брата случилось мнѣ быть въ Азіатскомъ департаментѣ, чтобы взять себѣ отпускъ въ Кіевъ у директора департамента генерала Игнатьева. По давнишнимъ связямъ онъ объяснился со мною откровенно о бѣдственномъ положеніи дѣлъ и сравнивалъ обѣщанную на 1-е Мая амнистію съ тою, которая была дана бунтовщикамъ Небесной Имперіи, такъ что совѣстно было рядомъ печатать ихъ въ газетахъ, какъ будто первая была заимствована отъ послѣдней.

— Покамѣстъ мой тупой родичъ будетъ въ Вильнѣ, говорилъ Игнатьевъ, нечего намъ ожидать тамъ добраго. Я возразилъ ему: «Покамѣстъ не будетъ посланъ туда братъ мой Михаилъ, знающій на

---

[1]) Исподъ дѣла.
[2]) Какому святому молиться.

Библиотека "Руниверс"

опытѣ тотъ край, не будетъ спасена Литва; ибо уже шла рѣчь о томъ, что если будутъ высадки Французовъ въ Курляндіи, то дѣло уже пропало».—«Какъ же это можетъ статься?» сказалъ Игнатьевъ. «Братъ твой ни за что не согласится, а особенно послѣ послѣднихъ неудовольствій по министерству».—Знаю, что онъ несогласенъ, отвѣчалъ я, «ибо я испытывалъ уже его мысль; но на все есть своя манера. Если только Государь безъ всякаго предваренія пошлетъ за нимъ фельдъегеря и скажетъ ему: Муравьевъ, отечество въ опасности, спасай его! то какъ конь ретивый и вѣрный сынъ отечества, онъ не можетъ отказаться».—«А это ты думаешь?» сказалъ Игнатьевъ. Въ эту минуту вошелъ курьеръ, требуя его къ вице-канцлеру съ бумагами, потому что тотъ немедленно ѣхалъ съ докладомъ къ Государю. «Вотъ удачная минута», сказалъ я; «воспользуйся ею!» И мы разстались.

Такъ и случилось. Князь Горчаковъ съ горяча подалъ эту мысль Государю, который однако призадумался, и въ первую минуту не могъ рѣшиться и посовѣтовался съ своими приближенными. Видя неминуемую опасность и не ожидая ничего добраго отъ такого посольства кромѣ гибели брату, крѣпко нелюбимому, они согласились, тѣмъ болѣе, что князь Горчаковъ и Зеленый, бывшій въ совѣтѣ, поддерживали эту мысль, хотя уже не съ враждебной стороны. Прямо съ совѣщанія князь Горчаковъ призвалъ Игнатьева и сказалъ ему съ торжествомъ: «Удалось! Сейчасъ ѣду предварить Муравьева».—«Что вы дѣлаете?» возразилъ Игнатьевъ. «Вы испортите все дѣло. Онъ навѣрно откажется, если будетъ предваренъ вами, и вы будете отвѣчать передъ Государемъ за ваше предложеніе. Пусть Государь дѣйствуетъ самъ собою и пошлетъ за нимъ фельдъегеря; самая неожиданность скорѣе его побѣдитъ».

Такъ все и было исполнено. Игнатьевъ разсказалъ мнѣ о послѣдующемъ по возвращеніи моемъ изъ Кіева, когда братъ уже совершилъ свое великое дѣло. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, онъ т.-е. Игнатьевъ пріѣхалъ ко мнѣ и, радостно обнявъ, сказалъ: «Какъ счастливо, что мы были первыми двигателями этого назначенія». Я никогда не разсказывалъ этого покойному брату, чтобы его не оскорбить; но мнѣ такъ совѣстно было передъ его семействомъ, которое какъ бы на смерть отпускало его въ Вильну, что я оставался въ Петербургѣ до самаго его отъѣзда.

Библиотека "Руниверс"

СТИХИ Н. А. НЕКРАСОВА ГРАФУ М. Н. МУРАВЬЕВУ.

Государственная заслуга графа М. Н. Муравьева такъ важна, общенародное сочувствіе къ нему было такъ велико, что даже люди, по направленію своей дѣятельности ему враждебные, считали долгомъ восхвалять его. Такъ поэтъ Некрасовъ, бывшій передъ тѣмъ издатель „Современника, обратился къ нему съ нижеслѣдующими стихами. Это было 27 Апрѣля 1865 года, въ Петербургскомъ Англійскомъ клубѣ (помѣщавшемся на Фонтанкѣ), гдѣ графу Муравьеву давали торжественный обѣдъ. По окончаніи пира, престарѣлый виновникъ торжества ушелъ на балконъ и закурилъ свою трубку. Возлѣ него оставалось нѣсколько человѣкъ наиболѣе къ нему близкихъ. Вдругъ подходитъ Некрасовъ и проситъ позволенія прочитать ему стихи. Стоя передъ Муравьевымъ, прочиталъ онъ свое произведеніе и спросилъ: „Ваше сіятельство позволите напечатать?"—„Это ваша собственность", сухо отвѣчалъ Муравьевъ „и вы можете располагать ею, какъ хотите".—„Но я бы просилъ вашего совѣта".—„Въ такомъ случаѣ не совѣтую". Некрасовъ такъ и сдѣлалъ, и стихи эти появляются только теперь въ печати. По свидѣтельству очевидца сцена была довольно неловкая; по счастію для Некрасова свидѣтелей было сравнительно немного. Говорили, будто Муравьевъ сказалъ Некрасову нѣсколько жесткихъ словъ о политическомъ его направленіи, но это не вѣрно, какъ помнитъ ясно сообщавшій намъ очевидецъ. П. Б.

27 Апрѣля 1865.

Бокалъ заздравный поднимая,
Еще разъ выпить намъ пора
Здоровье миротворца края...
Такъ много жъ лѣтъ ему... Ура!

*

Библиотека "Руниверс"

Пускай клеймятъ тебя позоромъ
Надмѣнный Западъ и враги;
Ты мощенъ Руси приговоромъ,
Ея ты славу береги!

*

Мятежъ прошелъ, крамола ляжетъ,
Въ Литвѣ и Жмуди миръ взойдетъ;
Тогда и самый врагъ твой скажетъ:
Великъ твой подвигъ.. и вздохнетъ.

*

Вздохнетъ, что, ставши сумасбродомъ
Забывъ присягу, свой позоръ,
Затѣялъ съ доблестнымъ народомъ
Поднять давно рѣшенный споръ.

*

Нѣтъ, не помогутъ имъ усилья
Подземныхъ ихъ крамольныхъ силъ.
Зри! Надъ тобой, простерши крылья
Паритъ архангелъ Михаилъ!

Библиотека "Руниверс"

РАЗСКАЗЫ И АНЕКДОТЫ ПРО ПЕТРА ВЕЛИКАГО *).

1.

Извѣстно, что Петръ Великій научился дѣлать нѣкоторыя хирургическія операціи. Онъ обыкновенно носилъ съ собою двѣ готовальни: одну съ математическими инструментами, для вымѣриванія разныхъ плановъ, а другую съ хирургическими. У многихъ онъ самъ вырывалъ больные зубы и, какъ извѣстно, сдѣлалъ операцію женѣ купца Борщта, которая была больна водяною. Еще въ молодости, когда ему было лѣтъ двадцать, Государь былъ въ очень короткихъ сношеніяхъ съ Тирмондомъ, искуснымъ хирургомъ, веселымъ старикомъ, который всегда находился при особѣ его величества и часто просиживалъ въ бесѣдахъ съ нимъ далеко за полночь. Тирмондъ былъ въ такой милости у Государя, что тотъ прощалъ ему очень важныя преступленія. Однажды Тирмондъ въ пьяномъ видѣ закололъ своего стараго вѣрнаго слугу. На другой день поутру онъ прибѣжалъ въ отчаяніи къ Царю, палъ предъ нимъ на землю и просилъ прощенія. Государь не хотѣлъ его слушать, пока онъ не встанетъ, и такъ какъ Тирмондъ продолжалъ лежать въ ногахъ, то Царь поднялъ его, обнялъ, поцѣловалъ и выслушалъ признаніе въ убійствѣ. Послѣ этого Петръ сказалъ, чтобы онъ не заботился и не печалился и просилъ бы только прощенія у Бога, да если остались послѣ убитаго жена или дѣти, то постарался бы дать имъ приличное содержаніе. Тирмондъ исполнилъ приказаніе Государя и ежегодно давалъ вдовѣ покойнаго по ея смерть значительную пенсію.

Штелинъ приводитъ въ своемъ собраніи подлинныхъ анекдотовъ про Петра Великаго слѣдующій разсказъ о хирургѣ Тирмондѣ, слышанный имъ отъ Шольца, штабъ-лѣкаря Измайловскаго полка. Тирмондъ умеръ лѣтъ семидесяти слишкомъ, оставивъ послѣ себя довольно молодую и красивую вдову съ большимъ приданымъ. Она еще при жизни мужа „имѣла немалую

*) Разсказы 3, 7, 10, 14, 16, 18, 19, 20 и 22 принадлежатъ Нартову и приводятся изъ рукописи XVIII-го вѣка. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

склонность къ любовнымъ дѣламъ", а теперь, сдѣлавшись свободною, влюбилась въ одного молодаго подлѣкаря, который въ этихъ дѣлахъ былъ гораздо болѣе свѣдущъ, нежели въ хирургіи. Она вышла за него замужъ и начала вести веселую жизнь: ѣздила четвернею въ каретѣ и своею роскошью обращала на себя общее вниманіе въ Москвѣ. Петру объ этомъ донесли, при чемъ въ особенно неблагопріятномъ свѣтѣ былъ выставленъ молодой супругъ. Государь, будучи однажды въ гостяхъ у одного боярина въ кругу близкихъ людей, послалъ за подлѣкаремъ. Тотъ, воображая, что Царь хочетъ принять его на мѣсто Тирмонда, пріѣхалъ великолѣпно разодѣтый, въ лучшемъ своемъ экипажѣ. Всѣ бросились къ окошкамъ смотрѣть, какъ онъ въѣзжаетъ во дворъ. Петръ сталъ распрашивать его о дѣлахъ и въ присутствіи всѣхъ людей подвергъ строгому экзамену, на которомъ обнаружилось незнаніе молодаго врача. Послѣ этого Государь приказалъ привести со двора мужиковъ-работниковъ и велѣлъ ему брить имъ всѣмъ бороды и только послѣ этого отпустилъ домой. Оскорбленные супруги покинули Москву и уѣхали въ Данцигъ, гдѣ еще нѣкоторое время продолжали роскошный образъ жизни, пока не промотали всего наслѣдства покойнаго Тирмонда, одинъ изъ друзей котораго видѣлъ ихъ въ послѣдствіи въ Данцигѣ во время Шведской войны: вдова знаменитаго хирурга должна была заниматься стиркой бѣлья, а достойный ея мужъ былъ маклеромъ.

2.

Вотъ что́ разсказывалъ Штелину, князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой о великодушіи Петра Великаго. Старикъ-фельдмаршалъ былъ въ то время еще капитаномъ Преображенскаго полка и стоялъ на караулѣ въ Московскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ была заточена Софья. Она жила въ комнатѣ со сводами и крѣпкими желѣзными рѣшетками. Преданные ей стрѣльцы подкопались подъ монастырь, проломали полъ въ этой комнатѣ, чтобы освободить царевну. Преслѣдуя враговъ ея, они искали и Трубецкаго и уже пришли къ тому мѣсту, гдѣ скрывался князь, которому не было уже спасенія; но одинъ изъ мятежниковъ, служившій нѣкогда брадобрѣемъ у князя и пользовавшійся его милостями, отвелъ своихъ товарищей въ сторону и тѣмъ спасъ князя. Въ послѣдствіи, когда бунтъ былъ усмиренъ, и участники переловлены, князь Трубецкой, будучи при Царѣ на мѣстѣ казни, увидалъ въ числѣ положенныхъ на плахи стрѣльцовъ своего спасителя и упалъ въ ноги Государю, прося его пощадить вѣрнаго слугу. Петръ приказалъ освободить стрѣльца и сталъ его распрашивать, какъ онъ спасъ князя отъ убійцъ. Разсказъ стрѣльца во всемъ сходился съ разсказомъ князя Трубецкаго, и Царь, высоко цѣня честность даже въ бунтовщикѣ, простилъ его и отдалъ его князю съ условіемъ, чтобы этотъ стрѣлецъ никогда не показывался въ Москвѣ. Князь Иванъ Юрьевичъ отослалъ его съ его женою и ребенкомъ въ одну изъ дальнихъ своихъ деревень, гдѣ далъ ему землю и освободилъ его и все его потомство отъ оброка.

Библиотека "Руниверс"

3.

Его величество хаживалъ въ Сардамѣ послѣ работы съ товарищами въ одинъ винный погребъ завтракать сельди, сыръ, масло, пить виноградное вино и пиво, гдѣ у хозяина въ прислугахъ находилась одна молодая, рослая и пригожая дѣвка. А какъ Государь былъ охотникъ до женщинъ, то и была она предметомъ его забавы. Чрезъ частое свиданіе познакомилась она съ нимъ, и когда Государь тамъ ни бывалъ встрѣчала и провожала его пріятно. Въ воскресный день поутру случилось ему зайти туда одному; хозяинъ и прочіе были тогда въ церкви. Онъ не хотѣлъ пропустить удобнаго времени, котораго было довольно (для того, что предики и служба продолжалась часа три), сѣлъ, завелъ съ нею полюбовный разговоръ, приказалъ налить себѣ бокалъ вина, который принимая одною рукою, а другой обнявъ ее, говорилъ: „здравствуй, красавица, я тебя люблю". Выпивъ, поцѣловалъ ее, потомъ попотчивалъ тѣмъ же виномъ ее, вынулъ изъ кармана кошелекъ, полный червонцевъ, и подарилъ дѣвкѣ на ленты. Дѣвка, принявъ подарокъ, смотрѣла на него пристально и продолжала къ нему рѣчь свою такъ: „Я вижу, ты, Питеръ, богатъ, и не простой человѣкъ!"

— Я присланъ сюда отъ Московскаго царя учиться корабельному мастерству, отвѣчалъ онъ.

— „Неправда! Я слышала, здѣсь говорятъ, что ты Царь".

— Нѣтъ, милая дѣвушка! Цари не плотничаютъ и такъ не работаютъ, какъ я: я отъ утра до вечера все на работѣ.

— „Это не мѣшаетъ. Сказываютъ, что ты учишься для того, чтобы послѣ учить свой народъ".

— Ложь, душа; не вѣрь.

Между тѣмъ прижималъ онъ ее къ себѣ крѣпче, а она продолжала любопытствовать и убѣждала, чтобы онъ сказалъ ей истину. Государь, желая скорѣе бесѣду кончить, говорилъ:

„Любовь не разбираетъ чиновъ. Я вижу, тебѣ хочется знать, кто я такой. Такъ вѣдай: я—Московскій дворянинъ.

— Тѣмъ хуже и неприличнѣе для меня, отвѣчала она: вольнаго народа свободная дѣвка не можетъ любить дворянина; я сердца своего ему не отдамъ.

При семъ словѣ хотѣлъ было онъ ее поцѣловать, но она, не допустивъ, пошла отъ него прочь. Государь, видя, что иначе раздѣлаться съ нею не можно, какъ сказать яснѣе, удержалъ и спросилъ ее:

„А Сардамскаго корабельщика и Русскаго Царя полюбила бы ты?" На сіе, улыбнувшись, весело вдругъ сказала: „Это, Питеръ, дѣло другое. Ему сердца не откажу и любить буду".

— Итакъ, люби же во мнѣ и того и другаго; только не сказывай никому, буде впредь видѣться со мною хочешь.

Библиотека "Руниверс"

Чтò она ему и обѣщала. Потомъ онъ далъ ей пятьдесятъ червонцевъ и пошелъ съ удовольствіемъ домой. Послѣ сего, во все пребываніе свое въ Сардамѣ, когда надобно было, имѣлъ ее въ своей квартирѣ и при отъѣздѣ на приданое пожаловалъ ей триста талеровъ.

Картина сего любовнаго приключенія нарисована была масляными красками въ Голландіи, на которой представленъ его величество съ тою дѣвкою весьма похожимъ. Сію картину привезъ Государь съ собою и въ память поставилъ оную въ Петергофскомъ дворцѣ, которую и понынѣ тамъ видѣть можно.

4.

Отправляясь изъ Москвы подъ Нарву въ 1700 году, Петръ остановился на пути у одного посадскаго, у котораго былъ сынъ, видный молодецъ лѣтъ восемнадцати. Юноша этотъ такъ понравился Государю, что онъ вознамѣрился имѣть его въ своей гвардіи, но, желая получить на то согласіе отца, предложилъ ему отдать сына на службу. Отецъ представляетъ Монарху, что одинъ только у него и есть, необходимъ ему въ его промыслѣ и проситъ не разлучать его съ сыномъ. „Ты не разумѣешь своей и сыновней пользы“, отвѣчаетъ Государь: „я его полюбилъ, слѣдовательно можешь ты надежно положиться во всемъ на меня. При томъ же ты не на вѣки разстанешься съ нимъ, но получишь его обратно и уже офицеромъ, а можетъ быть увидишь и при такой должности, что благодаренъ ко мнѣ останешься навсегда“. Нельзя было не уступить такой просьбѣ. Государь взялъ съ собою молодца, записалъ его въ Преображенскій полкъ и сдалъ его на руки генералу Вейде.

Извѣстно, что въ отсутствіе Петра наша армія была разбита подъ Нарвой. Молодой новобранецъ пропалъ безъ вѣсти. Несчастный отецъ его загрустилъ, бросилъ свое дѣло и совершенно опустился. Прошло одиннадцать лѣтъ. Вдругъ старикъ получаетъ письмо изъ Стокгольма, отъ князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго, который пишетъ, что сынъ его живъ и находится въ одномъ съ нимъ мѣстѣ. Обрадованный отецъ, узнавъ, что Государь въ Петербургѣ, спѣшитъ туда и подаетъ челобитную на полковника Преображенскаго полка Петра Михайлова, въ которой было написано, съ какимъ обнадеживаніемъ полковникъ взялъ у него сына, лишась котораго впалъ онъ въ печаль, отсталъ отъ промысла и пришелъ въ скудость; а какъ, наконецъ, извѣщенъ онъ, что сынъ его живъ и находится въ Швеціи въ плѣну, то и проситъ, выкупя его, возвратить ему и за убытки, понесенные имъ, наградить его. Эту челобитную подаетъ онъ Государю, бывшему на адмиралтейскихъ работахъ.

„Старикъ!“ говоритъ ему Государь, не принимая просьбы: „Ты знаешь, что есть на то учрежденныя мѣста; ты и долженъ подать челобитную куда она по содержанію своему слѣдуетъ, а меня не безпокоить. Ты долженъ вѣдать, что самому мнѣ во всякое дѣло входить, за множествомъ дѣлъ государственныхъ, не можно“.

Библиотека "Руниверс"

— „Вѣдаю, Государь, все сіе и знаю указы твои, чтобы самому тебѣ не подавать челобитенъ; но дѣло, о которомъ я прошу такого рода, что челобитной моей не приметъ никакое судебное мѣсто, ибо отвѣтчикъ никому не подсудимъ“.

„Кто-жъ бы онъ былъ такой?“ спросилъ удивленный Государь.

— „Ты самъ, надёжа Государь! И на тебя-то престарѣлый и удрученный печалію старецъ бьетъ челомъ“.

Съ этими словами старикъ, заливаясь слезами, напомнилъ Государю о своемъ сынѣ, котораго онъ взялъ у него съ обѣщаніемъ сдѣлать его счастье. Петръ принимаетъ челобитную и тутъ же, не говоря ни слова, пишетъ въ Сенатъ бумагу, въ которой, изложивъ дѣло, какъ оно происходило, не показывая только по именамъ истца и отвѣтчика, приказываетъ Сенату рѣшить дѣло по сущей правдѣ.

Сенатъ рѣшилъ, что отвѣтчикъ долженъ: 1) сына, изъ полону выкупя, возвратить отцу, 2) всѣ показанные отцомъ убытки возвратить же“.

Государь благодарилъ Сенатъ за справедливое и безпристрастное рѣшеніе и въ точности исполнилъ приговоръ, пожаловалъ сверхъ того молодаго человѣка въ офицеры и щедро наградилъ.

5.

Петръ Великій, о неустрашимости котораго на морѣ сохранилось столько разсказовъ, въ ранней молодости боялся воды, что̀ объясняютъ случаемъ, бывшимъ съ нимъ въ дѣтствѣ. Царица Наталья Кириловна имѣла обыкновеніе весною ѣздить по монастырямъ. Въ одно изъ такихъ путешествій она съ пятилѣтнимъ царевичемъ въ каретѣ переѣзжала черезъ ручей, который во время весенняго половодья превратился въ быструю и бурную рѣчку. Царица задремала, меленькій Петръ заснулъ у ней на рукахъ. Вдругъ они были разбужены шумомъ ручья, криками людей и водою вливавшеюся въ карету, которая наклонилась и готова была упасть на бокъ. Царевичъ, увидя блѣдность матери, воду въ каретѣ и общую суматоху, такъ испугался, что захворалъ лихорадкою. Это происшествіе произвело на Петра такое сильное впечатлѣніе, что съ этихъ поръ онъ не могъ хладнокровно смотрѣть на рѣку, озеро и даже прудъ, хотя и старался скрыть свое чувство.

Разсказываютъ, что онъ пересталъ бояться воды, благодаря стараніямъ близкихъ людей. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, занимавшій при Государѣ мѣсто дядьки, предложилъ однажды его величеству ѣхать на охоту. Хотя Государь не любилъ псовой охоты, но изъ уваженія къ князю согласился. Тотъ съ умысломъ направилъ охоту къ берегамъ рѣки Истры. Увидя рѣку, Петръ остановилъ коня и съ досадою спросилъ дядьку:

— „Куда ты завелъ меня?“

— „Къ рѣкѣ“, отвѣчалъ князь. „Ваше величество видите, какъ утомились лошади и запылились охотники: нужно лошадямъ дать отдохнуть и

Библиотека "Руниверс"

прохладиться, а людямъ вымыться. Родитель твой часто сіе дѣлывалъ и въ сей рѣчкѣ самъ купывался".

Съ этими словами князь, не дожидаясь отвѣта, заставилъ своего коня войти въ воду и, переѣхалъ на другой берегъ, сталъ приглашать къ тому же Государя. Между тѣмъ всѣ охотники, по заранѣе данному приказанію, раздѣлись и пошли въ рѣку. Юный Государь, стыдясь обнаружить страхъ, сдѣлалъ надъ собою усиліе, переправился черезъ рѣку и самъ былъ радъ своему успѣху.

Братъ его, царь Иванъ Алексѣевичъ, пригласилъ его вскорѣ послѣ этого къ себѣ въ село Измайлово, въ которомъ были пруды, удобные для купанья, а самъ тайно далъ приказаніе молодымъ придворнымъ, чтобы они, когда онъ будетъ съ Петромъ прогуливаться у прудовъ, стали шалить между собою и толкать другъ друга въ воду. Петръ сначала сердился на ихъ шутки, но потомъ, когда они, по данному знаку раздѣлись и, войдя въ воду, стали рѣзвиться и плескаться, самъ развеселился и, наконецъ, послѣдовалъ, по просьбѣ брата, ихъ примѣру. Съ этихъ поръ въ немъ изчезла боязнь воды.

*

Въ 1694 году Царь выѣхалъ изъ Архангельска въ Бѣлое море. Вдругъ поднялась страшная буря, такъ что всѣ бывшіе съ нимъ пришли въ ужасъ и стали молиться, приготовляясь къ смерти. Одинъ только молодой Царь не испугался. Давъ обѣтъ побывать, если будетъ возможность, въ Римѣ и поклониться мощамъ св. апостола Петра, своего покровителя, Государь подошелъ къ кормщику и ободрялъ спутниковъ, пришедшихъ въ отчаяніе. Этотъ кормщикъ былъ тамошній Нюхонскій крестьянинъ Антипъ Пановъ. Онъ только одинъ съ Царемъ не потерялъ присутствія духа. Когда Государь сталъ указывать ему, куда должно направить судно, то Пановъ грубо ему отвѣчалъ:

„Поди, пожалуйста, прочь; я больше твоего знаю и вѣдаю, куда правлю".

Онъ искусно направилъ судно въ Унскіе Рога и провелъ его между подводными камнями, которыми наполнена эта губа. Когда корабль остановился у берега, у монастыря Пертоминскаго, Государь подошелъ къ Антипу и сказалъ: „Помнишь-ли, братъ, какими словами ты отпотчивалъ меня?" Кормщикъ въ страхѣ упалъ въ ноги и просилъ прощенія, Царь поднялъ его и три раза поцѣловалъ въ голову, сказавъ при этомъ: „Ты не виноватъ ни въ чемъ, другъ мой, и я обязанъ еще благодарностью тебѣ за твой отвѣтъ и за твое искусство". Переодѣвшись въ другое платье, Петръ отдалъ все, бывшее на немъ и измоченное во время бури, Антипу на память и сверхъ того назначилъ ему пожизненную пенсію.

7.

Царь Петръ Алексѣевичъ, во младыхъ лѣтахъ въ 1698 году, будучи въ Лондонѣ, познакомился чрезъ Меншикова, который неотлучно при немъ въ путешествіи находился и въ роскоши и въ сладострастіи утопалъ, съ

Библиотека "Руниверс"

одною комедіанткою, по прозванію Кроссъ, которую во время пребыванія своего въ Англіи иногда для любовныя забавы имѣлъ, но никогда однакожъ сердца своего никакой женщинѣ въ оковы не предавалъ, для того, чтобы чрезъ то не повредить успѣхамъ, которыхъ Монархъ ожидалъ отъ упражненій, въ пользу отечества своего воспріятыхъ. Любовь его не была нѣжная и сильная страсть, но единственное только побужденіе натуры. А какъ, при отъѣздѣ своемъ, съ Меншиковымъ послалъ къ сей комедіанткѣ пятьсотъ гиней, то Кроссъ, будучи симъ подаркомъ недовольна, на скупость Россійскаго царя жаловалась и просила его, чтобы онъ Государю о семъ пересказалъ. Меньшиковъ просьбу ея исполнилъ, донесъ его величеству, но въ отвѣтъ получилъ слѣдующую резолюцію: „Ты, Меньшиковъ, думаешь, что и я такой же мотъ какъ ты! За пятьсотъ гиней у меня служатъ старики съ усердіемъ и умомъ; а эта худо служила...“

8.

Царевна Софья и послѣ заключенія своего въ монастырь продолжала дѣйствовать противъ брата. Замыслы ея каждый разъ были открываемы и разрушаемы бдительнымъ Государемъ, но онъ сильно негодовалъ на поступки сестры и неразъ хотѣлъ ее казнить. Однажды, перечисляя всѣ ея покушенія на его жизнь, пришелъ онъ въ такое раздраженіе, что рѣшилъ предать ее смерти, какъ главнаго своего врага. Францъ Лефортъ удержалъ его отъ этого, напомнивъ, что она сестра ему и что только Турки убиваютъ своихъ родныхъ. Тогда Государь отправился къ сестрѣ и долго разговаривалъ съ нею. Она поразила его своимъ умомъ и смягчила слезами. Выйдя отъ сестры, Петръ сказалъ Лефорту: „Она имѣетъ великій разумъ; но жаль, что столько зла.“

Но и послѣ этого объясненія съ братомъ Софья не переставала лукавить. Узнавъ о новомъ заговорѣ противъ себя, Петръ пріѣхалъ въ монастырь, вошелъ къ сестрѣ съ сверкающими отъ гнѣва глазами и требовалъ признанія. Не смотря на явныя улики, Софья не признавалась ни въ чемъ; она даже сама обвиняла Петра въ рѣзкихъ и колкихъ выраженіяхъ. Царь вышелъ изъ терпѣнія: „Умри, злодѣйка“, закричалъ онъ, бросившись на нее съ мечемъ. Въ это мгновеніе служанка царевны, двѣнадцатилѣтняя дѣвушка, бросается къ Государю, обнимаетъ ему ноги и говоритъ: „Что ты дѣлаешь, Государь! Вспомни, она родная тебѣ сестра.“ Эти слова заставили Петра одуматься. Онъ простилъ сестру, а заступницу ея поцѣловалъ въ голову и сказалъ: „Спасибо, дѣвочка; я тебя не забуду“.

9.

Когда Петръ Великій объявилъ боярамъ о намѣреніи своемъ послать ихъ сыновей за границу для ученія, то встрѣтилъ въ нѣкоторыхъ отцахъ противодѣйствіе, выразившееся въ такихъ рѣчахъ: „Гдѣ нашимъ ребятамъ

Библиотека "Руниверс"

спознать заморскія хитрости! Ихъ разума на то не хватитъ, и потому понапрасну только великій коштъ издержанъ будетъ".

— „Какъ?" горячо возражалъ Государь, „развѣ мы не отъ одного Творца произведены и не отъ одного праотца происходимъ? Развѣ мы одни гнѣвною природою лишены разсудка и ума? Развѣ въ насъ однихъ вложены сердца грубыя и выродочныя, неспособныя къ образованію и воздѣлыванію? Развѣ мы одни исключены отъ славы мудрости человѣческія? Нѣтъ, нѣтъ! Мнѣніе таковое была бы хула на Создателя и крайняя неблагодарность. Мы имѣемъ такія же руки, глаза и составъ тѣла, какіе имѣютъ и просвѣщенные народы, слѣдовательно имѣемъ равныя же съ ними и душевныя способности. Нуженъ только намъ къ тому руководитель и наше на оное согласіе, а тогда и возбудятся яко отъ сна душевныя наши дарованія".

10.

По кончинѣ перваго любимца, генералъ-адмирала Лефорта, мѣсто его заступилъ у царя Петра Алексѣевича графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, а по особливой милости Меньшиковъ; но онъ безпокоился еще тѣмъ, что видѣлъ себѣ противоборницу при его величествѣ Анну Ивановну Монсъ, которую тогда Государь любилъ и которая казалась быть владычицею сердца младаго Монарха. Сего ради Меньшиковъ предпріялъ и всячески старался о томъ, какимъ бы образомъ ее привесть въ немилость и совершенно разлучить. Анна Ивановна Монсъ была дочь Лифляндскаго купца, торговавшаго винами, чрезвычайная красавица, пріятнаго вида, ласковаго обхожденія, однакожъ посредственной остроты и разума, что слѣдующее происшествіе доказываетъ. Не смотря на то, что Государь нѣсколько лѣтъ ее при себѣ имѣлъ и безмѣрно обогатилъ, начала она такую глупость, которая ей служила пагубою. Она поползнулась принять любовное предложеніе Бранденбургскаго посланника Кейзерлинга и согласилась идти за него замужъ, если только царское на то будетъ благоволеніе. Представьте себѣ, не сумасшествіе-ли это? Предпочесть двадцатисемилѣтнему, разумомъ одаренному и видному Государю чужестранца, ни тѣмъ, ни другимъ не блистающаго! Здѣсь скажутъ мнѣ, что любовь слѣпа. Подлинно такъ, ибо она на самомъ верху благополучія дѣвицу сію нелѣпой и необузданной страсти покорила. Къ исполненію такого намѣренія положила она посовѣтывать о томъ съ Меншиковымъ и просила его, чтобы онъ у Государя имъ споспѣшествовалъ. Кейзерлингъ нашелъ случай говорить о томъ съ любимцемъ царскимъ, который внутренне сему радовался, изъ лукавства оказывалъ ему свое доброхотство, въ такомъ предпріятіи болѣе еще его подкрѣплялъ, изъясняя ему, что Государю, конечно, не будетъ сіе противно, если только она склонна; но что, прежде нежели будетъ онъ о семъ дѣлѣ его величеству говорить, надлежитъ ему самому слышать сіе отъ нея и письменно показать, что она желаетъ вступить въ бракъ съ Кейзерлин-

Библиотека "Руниверс"

гомъ. Для сего послалъ онъ къ ней вѣрную ея подругу Вейдель. чтобы она съ нею обо всемъ переговорила, которой призналась Монсъ чистосердечно. что лучше бы хотѣла выйти за Кейзерлинга, котораго любитъ. нежели за иного, когда Государь позволитъ. Меншиковъ, получивъ такую вѣдомость, не упустилъ самъ видѣться съ сею дѣвицею и отобрать подлинно не только мысли ея, но и письменно. Сколь скоро получилъ онъ такое отъ нея прошеніе, немедленно пошелъ къ Государю и хитрымъ образомъ сказывалъ ему такъ: „Ну, всемилостивѣйшій Государь! Ваше величество всегда изволили думать, что госпожа Монсъ васъ паче всего на свѣтѣ любитъ. Но что скажете теперь, когда я вамъ противное доложу?“ Перестань, Александръ, врать, отвѣчалъ Государь: я знаю вѣрно, что она одного меня любитъ, и никто инако меня не увѣритъ, развѣ скажетъ она то мнѣ сама.“

При семъ Меншиковъ вынулъ изъ кармана своеручное ея письмо и поднесъ Государю. Монархъ, увидя въ ономъ такую неожидаемую переписку, хотя и прогнѣвался, однако не совсѣмъ по отличной къ ней милости сему вѣрилъ. А дабы вяще въ дѣлѣ семъ удовлетвориться, то его величество, посѣтивъ ее въ этотъ же день, разсказывалъ ей безъ сердца о той вѣсти, какую ему Меншиковъ отъ нея принесъ. Она въ томъ не отрицалась. Итакъ Государь, изобличивъ ее невѣрностію и дурачествомъ, взялъ отъ нея алмазами украшенный свой портретъ, который она носила, и притомъ сказалъ: „Любить царя—надлежало имѣть царя въ головѣ, котораго у тебя не было. И когда ты обо мнѣ мало думала и невѣрною стала, такъ не для чего тебѣ уже имѣть мой портретъ“. Но онъ былъ такъ великодушенъ, что всѣ уборы, драгоцѣнныя вещи и все пожалованное оставилъ ей для того, чтобы она, пользуясь оными, со временемъ почувствовала угрызенія совѣсти, колико она противъ него была неблагодарна. Вскорѣ послѣ того вышла она замужъ за Кейзерлинга, но, опомнясь о неоцѣненной потерѣ, раскаивалась, плакала, терзалась и крушилась ежедневно такъ, что получила болѣзнь, отъ которой въ томъ же году умерла.

Такою-то хитростію и лукавствомъ генералъ-маіоръ Меншиковъ, свергнувъ съ себя опасное иго, сдѣлался потомъ игралищемъ всякаго счастія и былъ первымъ государскимъ любимцемъ, ибо при ней таковымъ еще не былъ. Послѣ сего приключенія государь Петръ Великій никакой уже прямой любовницы не имѣлъ, а избралъ своею супругою Екатерину Алексѣевну, которую за отличныя душевныя дарованія и за оказанныя его особѣ и отечеству заслуги при жизни своей короновалъ.

11.

Одинъ изъ многочисленныхъ заговоровъ на жизнь Петра Великаго былъ открытъ имъ совершенно случайно. Заговорщики тайно собрались вечеромъ въ одномъ домѣ. Государь, по своему обыкновенію, поѣхалъ ночью кататься въ саняхъ въ сопровожденіи деньщика Духнова. Пріѣхавъ къ Арбатскимъ воротамъ, онъ остановилъ лошадь и глубоко задумался. Прошло съ

Библиотека "Руниверс"

четверть часа. Наконецъ, деньщикъ рѣшился спросить: „Долголь, Государь, стоять намъ здѣсь?“ Петръ, какъ бы очнувшись отъ этого вопроса, произнесъ въ раздумьи: „Поѣхалъ было я; да надобно заѣхать не туда“.

Затѣмъ онъ поворотилъ лошадь, въѣхалъ въ Хлѣбный переулокъ и, остановясь у одного дома, вышелъ изъ саней, а деньщика послалъ къ караульному офицеру съ приказаніемъ, чтобы онъ съ двѣнадцатью гренадерами немедленно пришелъ въ этотъ домъ. Войдя въ домъ, онъ засталъ тамъ четырехъ стрѣльцовъ, пившихъ пиво.

— Что вы дѣлаете здѣсь, ребята? сказалъ Государь.

Можно себѣ представить, какъ смутило заговорщиковъ столь неожиданное посѣщеніе; они даже не могли произнести ни слова въ отвѣтъ на вопросъ Государя. Но послѣдній вывелъ ихъ самъ изъ затрудненія, сказавъ, что онъ, ѣздя по Москвѣ въ саняхъ, прозябъ и, видя огонь, заѣхалъ обогрѣться и очень радъ, что нашелъ здѣсь знакомыхъ. Ободренные милостивымъ обращеніемъ, они сказали, что званы хозяиномъ на пиво, что подтвердилъ и вошедшій въ это время хозяинъ. Послѣдній, наливъ стаканъ пива, поднесъ его Государю. Петръ выпилъ и продолжалъ бесѣдовать съ ними о разныхъ незначительныхъ предметахъ до самого того времени, когда, по его разсчету, долженъ былъ подойти караульный офицеръ съ командою. Тогда Государь сказалъ имъ, что обогрѣлся, и пошелъ изъ комнаты. Стрѣльцы хотѣли его проводить, но онъ затворилъ двери за собою.

Офицеръ съ командою былъ уже у воротъ. Государь приказалъ ему забрать гостей и привести ихъ въ Преображенскъ, а хозяину сказать, чтобы онъ и домашніе его подъ страхомъ смертной казни не смѣли никому разсказывать объ этомъ происшествіи.

На допросѣ они сознались въ умыслѣ на жизнь Государя.

12.

Въ глазахъ ревнителей закоснѣлой старины Петръ Великій былъ еретикомъ и разорителемъ старинныхъ обрядовъ и обычаевъ, которыхъ изувѣры не отличали отъ сущности самой вѣры. Одинъ изъ такихъ фанатическихъ приверженцевъ старины задумалъ убить Государя. По нѣкоторымъ извѣстіямъ это былъ Кикинъ, по другимъ кто-то изъ деньщиковъ государевыхъ. Въ числѣ другихъ лицъ онъ имѣлъ свободный входъ къ особѣ Государя. Нерѣдко эти люди оставались въ спальнѣ Государя до того времени, какъ онъ заснетъ, и тогда уже выходили изъ нея. Вотъ этотъ-то моментъ и былъ выбранъ злоумышленникомъ для приведенія своего намѣренія въ исполненіе. Когда Петръ заснулъ, онъ вынулъ заранѣе приготовленный пистолетъ и направилъ прямо въ сердце спящаго. Но произошла осѣчка, и злодѣй ушелъ, не возбудивъ ничьего подозрѣнія.

Чрезъ нѣсколько времени онъ дѣлаетъ вторичную попытку на цареубійство. Онъ перемѣняетъ кремень, тщательно удостовѣряется въ исправности курка и является къ Государю. Послѣдній опять оставляетъ его въ

Библиотека "Руниверс"

своей спальнѣ. Когда Государь уснулъ, злодѣй снова стрѣляетъ въ него, и снова осѣчка.

Это до такой степени поразило злоумышленника, что онъ увидѣлъ здѣсь явное дѣйствіе Промысла Божія; ему показалось, что если онъ сей же часъ не покается въ своемъ умыслѣ, то Правосудіе небесное немедленно покараетъ его. Онъ будитъ Государя.

— „Что сдѣлалось?“ былъ первый вопросъ Петра.

„Государь! Я посланъ тебѣ отъ Бога возвѣстить, что Онъ содержитъ тебя въ Своемъ покровительствѣ, и что никакая вражья сила, никакая адская злоба не сильны погубить, ни повредить тебѣ. Посмотри, Государь, продолжалъ злодѣй, показывая пистолетъ: сколь онъ хорошъ и никогда не осѣкался; но два раза мною, извергомъ, направляемъ былъ на отнятіе жизни твоей и въ оба раза осѣкался. Видя толь явное покровительство Божіе, спасающее тебя, рѣшился я возвѣстить тебѣ, не отлагая ни мгновенія. Теперь голова моя въ твоей волѣ, и я недостоинъ болѣе отяготить собою землю“.

Петръ, выслушавъ это, всталъ съ постели и сталъ ходить по комнатѣ, не говоря ни слова. Наконецъ онъ остановился и сказалъ:

„Пословъ не сѣкутъ, ни рубятъ. Покровительство Божіе раскаяніемъ твоимъ болѣе еще ощущаю. Богъ тебя проститъ“.

И послѣ этого Государь не лишилъ его своей милости.

13.

Извѣстно, что Петръ Великій былъ врагъ суевѣрій, старался при всякомъ удобномъ случаѣ разоблачать мнимыя чудеса и строго наказывалъ обманщиковъ. Не разъ ему приходилось принимать мѣры и противъ нелѣпаго толкованія естественныхъ явленій природы, какъ напримѣръ затмѣніе солнца. Въ 1705 году, во время великой Сѣверной войны случилось солнечное затмѣніе. Государь зналъ объ этомъ заранѣе и счелъ нужнымъ принять свои мѣры противъ злоумышленныхъ толкованій въ смыслѣ предвѣщанія военныхъ неудачъ. Съ этою цѣлію онъ разослалъ письма къ разнымъ лицамъ: адмиралу Ѳ. А. Головину, князю Ромадановскому, Нарышкину, ученымъ архіереямъ и друг., чтобы они старались распространить въ народѣ здравыя понятія о предстоящемъ явленіи. Такъ онъ писалъ Головину:

„Господинъ адмиралъ! Будущаго мѣсяца въ первый день будетъ великое солнечное затмѣніе; того ради изволь сіе поразгласить въ нашихъ людяхъ, что оное будетъ, дабы въ чудо не поставили; понеже когда люди про то вѣдаютъ прежде, то не есть уже чудо“.

Такія же предосторожности бралъ Петръ и при затмѣніи, которое случилось незадолго до Полтавской битвы.

Библиотека "Руниверс"

14.

Петръ Великій имѣлъ частое въ Варшавѣ свиданіе съ одною умною и доброю старостиною, которая, будучи въ родствѣ съ первыми Польскими магнатами, вѣдала политическую связь и разныя дѣла королевства, а особливо кардинала и примаса Родзіевскаго интриги и къ королю Шведскому наклонность, и Государю по дружеской привязанности многое открывала. Старостина, зная, что его величество жаловалъ иногда быть въ бесѣдѣ съ Польскими красавицами, пригласила къ себѣ нѣсколько госпожъ, женъ Польскихъ вельможъ, и сего знаменитаго гостя вечернимъ столомъ при огромной музыкѣ угощала. А какъ разговоръ нечаянно зашелъ о Карлѣ XII, предпріявшемъ вступить съ войсками черезъ Польшу въ Украинскія земли, и одна изъ нихъ, противной стороны Августа, слѣдовательно и Петра Великаго, бывъ по любовнымъ интригамъ съ королемъ въ ссорѣ, подъ видомъ учтивой шутки на счетъ обоихъ монарховъ нѣчто острое сказала, то Государь, обратясь къ ней, говорилъ: „Вы шутите, сударыня, за столомъ при всѣхъ; такъ позвольте мнѣ послѣ ужина пошутить съ вами наединѣ“. Сія экивочная рѣчь въ такое привела ее смятеніе, что послѣ не могла она ничего уже промолвить. Но Государь умѣлъ такъ сію загадку переворотить, смягчить и обласкать сію госпожу, что въ самомъ дѣлѣ былъ съ нею наединѣ, и послѣ имѣлъ ее своею пріятельницею.

15.

Вооружаясь противъ суевѣрія, осмѣивая и наказывая ханжей и обманщиковъ, Петръ Великій отличался набожностью и выражалъ ее всенародно. Нерѣдко случалось, что Государь по дорогѣ въ присутственное мѣсто, на работы, на ученье, на биржу и т. п., встрѣчалъ священника, несущаго Св. Дары больному. Петръ въ такихъ случаяхъ всегда сходилъ съ своей одноколки или саней и преклонялся предъ святыней. Какое бы дѣло ни было у него, онъ оставлялъ его, подходилъ къ священнику, бралъ его подъ руку и велъ къ больному. Народъ, по словамъ Штелина, слышавшаго объ этомъ отъ адмирала Головина, „при видѣ сего, поражался благочестивою набожностью Государя, проливалъ радостныя слезы и сопровождалъ его“. По совершеніи таинства, Царь подходилъ къ больному, поздравлялъ его и говорилъ, что если онъ принялъ причастіе съ истинною вѣрою, то Богъ исцѣлитъ его отъ болѣзни душевной и тѣлесной. „И я“, прибавилъ Государь, „не сомнѣваюсь увидѣть тебя въ скорости оздоровѣвшимъ и при должности.“

Великодушіе Монарха производило благодѣтельное волненіе въ больномъ, который дѣйствительно выздоравливалъ. Петръ присылалъ ежедневно навѣдываться къ больному и, если нужно, помогалъ деньгами, присылалъ своего врача, лѣкарства и т. п. Народъ такъ привыкъ вѣрить въ благодѣтельное вліяніе Государя, что говорилъ про такого больнаго: „онъ не умретъ; Государь его посѣщалъ“.

Библиотека "Руниверс"

16.

При всѣхъ трудахъ и заботахъ государственныхъ, Государь иногда любилъ побесѣдовать и съ красавицею, только не болѣе получаса. Правда, любилъ его величество женскій полъ, однакожъ страстно ни къ какой женщинѣ не прилѣплялся и утишалъ любовный пламень скоро, говоря: „Солдату утопать въ роскоши не надлежитъ; забывать службу ради женщины непростительно; быть плѣнникомъ любовницы хуже, нежели быть плѣнникомъ на войнѣ: у непріятеля скорая можетъ быть свобода, а у женщины оковы долговременны." Онъ посѣщалъ ту, которая ему встрѣтилась и нравилась, но всегда съ согласія ея и безъ принужденія; впрочемъ имѣлъ такія молодецкія ухватки и такъ пріятно умѣлъ обходиться съ женскимъ поломъ, что рѣдкая отказать бы ему могла. Видали мы сіе не токмо дома, но и въ чужихъ государствахъ, а особливо въ Польшѣ, когда онъ на такую охоту съ Августомъ ѣзжалъ.

Нечаянно случилось его величеству увидѣть одну дѣвушку пріятнаго и красиваго лица, Нарвскую урожденку, лѣтъ двадцати, которая жила во дворцѣ у надзирательницы царскаго бѣлья и должность бѣлошвейки отправляла. А какъ она по красотѣ одарена была и умомъ, то Государь, познакомясь съ нею, нерѣдко ее у себя имѣлъ. Сколь скрыто сіе ни дѣлалось, однако какимъ-то образомъ провѣдала о семъ Императрица. Сего ради, желая отличить отъ прочихъ сію фаворитку, вдругъ взяла ее къ себѣ въ верхъ и опредѣлила ее своею камеръ-юнгферою, да и наряжала ее лучше прочихъ. Его величество о такомъ происшествіи ничего не зналъ, ибо вскорѣ послѣ такой перемѣны случилось ему зайти въ комнаты своей супруги, гдѣ нечаянно и увидѣлъ свою знакомку. Такая незапная встрѣча удивила Монарха и внутренно была непріятна. Онъ не смотрѣлъ на нее и оборотился прочь. Государыня, примѣтя сіе, старалась его развеселить и съ видомъ благопріятнымъ доносила ему такъ: „Хотя эта дѣвушка вашему величеству и незнакома, и я не имѣла прежде времени ее вамъ представить; однако, находя ее для себя надобною, приняла въ камеръ-юнгферы. Я думаю, Государь, вы выборъ мой милостиво примете и не похулите: я около себя дурныхъ держать не люблю, а она хороша и умна". Государю представленіе такое было совѣстно, ибо Императрица сіе съ такою нѣжностію, ласкою и повиновеніемъ дѣлала, что онъ, не сказавъ на сіе ни слова, улыбнувшись, вышелъ вонъ (понеже онъ такую тонкость вмигъ понялъ); а послѣ сію дѣвушку никогда къ себѣ не зывалъ, да и вскорѣ послѣ того выдалъ ее за чиновнаго и богатаго Лифляндскаго дворянина, чтобъ тѣмъ доказать супругѣ своей, что камеръ-юнгфера ея не есть его такая любовница, къ которой бы онъ горячо былъ привязанъ.

Библиотека "Руниверс"

17.

Члены Воронежскаго магистрата, отказавшіе Петру Великому въ кислой капустѣ, рѣшительно считали смертнымъ грѣхомъ брить бороду и перемѣнить покрой платья. Они соглашались лучше платить штрафъ и нести гнѣвъ царскій, нежели совершить такое преступленіе. Государь никакъ не могъ уговорить ихъ къ тому и, не желая употреблять силу, предоставилъ дѣло времени и воспитанію молодаго поколѣнія.

Меншиковъ, желая угодить государю, велѣлъ приготовить для всѣхъ членовъ магистрата Нѣмецкое платье и наканунѣ Пасхи, передъ самою заутренею, призвавъ ихъ всѣхъ къ себѣ, объявилъ будто бы именной его величества указъ, чтобъ они тотчасъ же обрили бороды и одѣлись въ Нѣмецкое платье или же готовились въ ссылку, въ Сибирь. Тутъ же стояли и готовыя подводы, и Меншиковъ грозилъ немедленно отправить ихъ, не давши даже времени проститься съ женами и семействами, если они не послушаются царскаго указа.

Поднялся плачъ, бѣдняки на колѣнахъ умоляли Меншикова просить у Государя милости, говоря, что готовы сдѣлать все, но не „растлить образъ Божій“, что лучше согласны потерять головы, нежели бороды и т. п.

„Головъ вы не потеряете“, отвѣчалъ имъ Меншиковъ, „но просить Государя о перемѣнѣ его указа я тоже не смѣю, и такъ вы должны сейчасъ садиться въ кибитки“.

При этомъ словѣ вошли солдаты и готовились вести ихъ къ кибиткамъ. Предразсудокъ купцевъ былъ такъ великъ, что они съ плачемъ и рыданіемъ пошли садиться въ кибитки. Но одинъ изъ нихъ, помоложе, вспомнилъ про жену и сказавъ: „Буди воля Божія“, согласился разстаться съ бородой. Ему тотчасъ же ее обрили. Видя это, и другіе задумались и одинъ за другимъ послѣдовали примѣру товарища. Пока ихъ брили и наряжали въ Нѣмецкое платье, они ревѣли какъ дѣти, а Меншиковъ утѣшалъ ихъ, говоря, что нѣтъ никакого грѣха въ рѣзаньи волосъ; грѣхъ не исполнять заповѣди Христовы и Апостольскія, а они то и не хотѣли исполнить одну изъ нихъ, которая запрещаетъ противиться предержащей власти: „нѣсть бо власть, аще не отъ Бога“.

Когда все было готово, князь повелъ ихъ съ собою къ заутрени. Государь прибылъ раньше и не замѣтилъ вошедшихъ, но, нечаянно оглянувшись, увидѣлъ множество людей въ Нѣмецкихъ кафтанахъ. Онъ не узналъ ихъ и, подозвавъ Меншикова, спросилъ: „Что это за люди?“

— „Это члены здѣшняго магистрата, ваше величество.“

Государь такъ обрадовался, что тотчасъ же сошелъ съ крылоса и сталъ цѣловаться съ каждымъ изъ нихъ, говоря прежде времени: „Христосъ Воскресе“; благодарилъ ихъ, что они для праздника такъ его обрадовали и, оборачивая каждаго изъ нихъ, говорилъ: „Ахъ какіе молодцы! Посмотрите, пожалуйте, тѣ ли вы стали, какіе были прежде?“ А на другой день праздника пригласилъ ихъ къ столу и пилъ ихъ здоровье.

Библиотека "Руниверс"

Штелинъ заключаетъ этотъ анекдотъ слѣдующими словами: „Примѣръ сей доволенъ къ доказательству какъ того, что одинакое чувствованіе было у жителей и всѣхъ другихъ отдаленныхъ отъ столицы городовъ, такъ и того, колико желалъ Монархъ ихъ просвѣщенія".

18.

О царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, когда онъ привезенъ былъ обратно изъ чужихъ краевъ, Государь Толстому говоритъ такъ: „Когда бъ не монахини и не монахи, Алексѣй не дерзнулъ бы на такое зло неслыханное. Ой, бородачи! Многому злу корень старцы и попы. Отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами. Богъ—сердцевидѣцъ и судія вѣроломцамъ. Я хотѣлъ ему блага, а онъ всегдашній мнѣ противникъ".

На сіе Толстой его величеству отвѣчалъ: „Кающемуся милосердіе, а старцамъ пора обрѣзать перья и поубавить пуху."

На это повторилъ его величество: „Не будутъ летать скоро, скоро!" И потомъ, взмахнувъ головой къ верху и въ горести пожавъ плечами, велѣлъ позвать Ушакова и Румянцова, которымъ далъ по особой бумагѣ.

19.

Корабельные мастера подъ предводительствомъ баса Ивана Михайловича Головина сдѣлали пирушку, на которую приглашенъ былъ посторонній знатный чиновникъ, бывшій прежде стрѣлецкимъ головою и нѣсколько замѣшанъ въ ихъ бунтахъ, но чистосердечнымъ раскаяніемъ получилъ прощеніе, и потомъ за долговременную службу и особенно оказанныя услуги, обрѣлъ у его величества милость, а по отличному уму—любовь, и употребляемъ былъ въ важныя дѣла. На той пирушкѣ послѣ обѣда гости слишкомъ подвеселились и другъ друга частымъ подношеніемъ стаканъ за стаканомъ потчивали; то выше упомянутый человѣкъ, уклоняясь отъ хмѣля, сѣлъ противъ комелька и притворялся пьянымъ, дремлющимъ: шаталъ головою и снялъ съ себя парикъ, въ самомъ же дѣлѣ подслушивалъ рѣчи, которыя другіе подгулявшіе откровенно Государю говорили. Государь, похаживая взадъ и впередъ и увидя плѣшивую голову сидѣвшаго на стулѣ хитреца, подошелъ къ нему, ударилъ ладонью слегка по голому темю раза два и сказалъ: „притворство, господинъ N." Послѣ, оборотясь къ предстоявшимъ, говорилъ: „Эта голова ходила прежде за иною головою. Повисла; боюсь, чтобъ не свалилась съ плечъ." А притворщикъ, очнувшись и взглянувъ на Государя, отвѣтствовалъ тотчасъ: „Не опасайтесь, ваше величество! Она вамъ вѣрна и на мнѣ тверда; что было прежде, не то послѣ, теперь и впредъ."—„Видите, сказалъ Государь: онъ притворялся, а не пьянъ. Поднесите ему стакана три добраго флина [1]), такъ онъ поравняется съ нами и будетъ такъ же сорочить" [2]).

[1]) Флинъ—грѣтое пиво съ коньякомъ, съ леденцомъ и съ лимоннымъ сокомъ.

[2]) Сорочить, т. е. болтать какъ сорока.

Библиотека "Руниверс"

20.

Генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Брюсъ мужъ былъ ученый, упражнялся въ высокихъ наукахъ и чрезъестественному не вѣрилъ. Его величество, любопытствуя о разныхъ въ природѣ вещахъ, часто говаривалъ съ нимъ о физическихъ и метафизическихъ явленіяхъ. Между прочимъ былъ разговоръ о святыхъ мощахъ, которыя онъ отвергалъ. Государь, желая доказать ему нетлѣніе чрезъ Божескую благодать, взялъ съ собою Брюса въ Москву, а въ проѣздъ черезъ Новгородъ зашелъ съ нимъ въ соборную Софійскую церковь, въ которой находятся разныя мощи, и, показывая оныя Брюсу, спрашивалъ о причинѣ нетлѣнія ихъ. Но какъ Брюсъ относилъ сіе къ климату, къ свойству земли, въ которой прежде погребены были, къ бальзамированію тѣлесъ и къ воздержной жизни и къ сухояденію или пощенію, то Петръ Великій, приступя, наконецъ, къ мощамъ святаго Никиты, архіепископа Новгородскаго, открылъ ихъ, поднялъ ихъ изъ раки, посадилъ, развелъ руки и, паки сложивъ ихъ, положилъ; потомъ спросилъ: „Чтò скажешь теперь, Яковъ Вилимовичъ? Отъ чего сіе происходитъ, что сгибы костей такъ движутся, якобы у живаго, и не разрушаются, и что видъ лица его аки бы недавно скончавшагося?“ Графъ Брюсъ, увидя чудо сіе, весьма дивился и въ изумленіи отвѣчалъ: „Не знаю сего; а вѣдаю то, что Богъ всемогущъ и премудръ“. На сіе Государь сказалъ ему: „Сему-то вѣрю и я, и вижу, что свѣтскія науки далеко еще отстоятъ отъ таинственнаго познанія величества Творца, Котораго молю, да вразумитъ меня по духу. Тѣлесное, Яковъ Вилимовичъ, такъ привязано къ плотскому, что трудно изъ сего выдраться“.

21.

Вотъ какъ записанъ у Штелина извѣстный разсказъ о столкновеніи Петра съ патріархомъ, рѣшившимся печаловаться за опальнаго.

Бояринъ, родственникъ царицы, имѣлъ вотчину въ смежности съ деревнями, принадлежавшими Московскому Архангельскому собору. Крестьяне его, избалованные потворствомъ своего сильнаго господина, всегда обижали соборныхъ, вслѣдствіе чего между ними происходили частыя ссоры; жалобы потерпѣвшихъ оставались безъ вниманія. Однажды, послѣ такой ссоры, бояринъ, не входя въ разбирательство или, чтò еще вѣрнѣе, обманутый своимъ управителемъ, приказалъ, въ случаѣ сопротивленія соборныхъ крестьянъ, бить ихъ на смерть. Уполномоченный такимъ образомъ управитель еще болѣе сталъ притѣснять соборныхъ; произошла драка, на мѣстѣ которой осталось до десяти человѣкъ убитыхъ соборныхъ.

Въ это самое время Петръ Великій возвратился въ Москву изъ перваго своего заграничнаго путешествія. Соборяне, зная, что онъ прибудетъ въ соборъ для поклоненія гробу родителя своего и совершенія панихиды, заготовили челобитную и привезли тѣла убитыхъ крестьянъ въ Москву.

Библиотека "Руниверс"

Государь, действительно, прибылъ въ соборъ и послѣ панихиды, по обыкновенію, подошелъ къ гробницѣ для поклоненія. Увидя на ней бумагу, онъ спросилъ у протопопа:

„Что это за бумага?"

— „Отецъ твой", отвѣчалъ протопопъ: „проситъ тебя, Великій Государь, защитить отъ обидъ соборную церковь. Бояринъ твой убиваетъ до смерти крестьянъ, принадлежащихъ оной, и суда на него нѣтъ".

Государь беретъ бумагу и читаетъ. Доказательство на лицо: крестьяне приложили къ челобитной копію съ того письма, въ которомъ бояринъ приказывалъ своему управителю бить ихъ до смерти въ свою голову. Между тѣмъ, въ продолженіе панихиды и самыя тѣла убитыхъ были подвезены къ собору, чтобы Государь по выходѣ изъ него могъ увидѣть ихъ. Излишне было бы говорить, какъ это убійство и насиліе могло разгнѣвать Государя, особенно въ такое время, когда происходили розыски о стрѣлецкомъ бунтѣ и казни стрѣльцевъ. Петръ выходитъ изъ собора. Протопопъ указываетъ ему на тѣла убитыхъ. Видъ ихъ еще болѣе раздражаетъ Государя, и онъ тотчасъ же повелѣваетъ послать въ боярскую вотчину, которая была недалеко отъ Москвы, и привезти управителя ея со всѣми его бумагами. Самъ Государь отправляется прямо въ Константиновскую башню, въ которой производились розыски, и приказываетъ привести туда и боярина, на котораго жаловались крестьяне. Послѣднему между тѣмъ уже успѣли дать знать о томъ, что происходило въ соборѣ, и онъ уже повидался съ патріархомъ и упросилъ его ходатайствовать за себя. Когда бояринъ былъ приведенъ въ башню, Царь гнѣвно сталъ его допрашивать. Бояринъ не могъ оправдаться, и никто не осмѣлился просить за него. Одинъ лишь патріархъ отважился на это. Онъ взялъ образъ Богоматери, писанный св. Петромъ митрополитомъ и, войдя съ нимъ въ башню, возгласилъ:

„Сама Владычица Небесная ходатайствуетъ за несчастнаго".

Государь, еще болѣе раздраженный этимъ, сказалъ:

„Зачѣмъ пришелъ ты сюда съ иконою? Какое тебѣ здѣсь дѣло? Поди отсюда скорѣй и поставь сей святой образъ въ подобающее оному мѣсто. Вѣдай, что я боюся Бога и чту Пресвятую Его Матерь, можетъ быть, больше тебя и знаю, что воля Ея не различается отъ воли Сына Ея и Бога, Который, давъ мнѣ скипетръ, требуетъ отъ меня провосудія и защищенія ввѣреннаго мнѣ народа. Поди и знай лучше свою должность!"

22.

Государь пожаловалъ Нартову деревянный домъ близъ дворца, на углу Милліонной, гдѣ нынѣ палаты графа Брюса, захаживалъ къ нему часто, бесѣдовалъ у него съ художниками, разсматривалъ тутъ работы ихъ, разсуждалъ о разныхъ мастерствахъ и на токарномъ станкѣ тачивалъ, говоря: „Я долженъ у моего механика и токарнаго мастера урокъ свой кончить". А какъ его величество любилъ мыльню, то, указавъ на дворѣ его построить баню, нерѣдко въ оную съ деньщиками хаживалъ; для тренія и

Библиотека "Руниверс"

паренія употреблялъ токарнаго ученика Левонтьева, который былъ мужикъ дюжій. Нѣкогда Левонтьевъ поддалъ на каменку столь много, что его величество, будучи на верхнемъ полку, смѣючись, закричалъ ему: „Слушай, Левонтьевъ! Не зажарь насъ живыхъ, чтобы не сдѣлать насъ банными мучениками".—Не бось, Государь, отвѣчалъ деньщикъ: насъ старцы не любятъ.—„Ты отгадалъ, сказалъ Монархъ; однако не сдѣлай изъ насъ для нихъ копченой ряпухи."

23.

Въ древней Руси табакъ считался проклятымъ и богомерзкимъ зельемъ, употребленіе котораго было запрещено патріархомъ. Это запрещеніе было подтверждено указомъ царя Михаила Ѳедоровича въ 1634 г., съ угрозою строгаго наказанія. Потомъ этотъ указъ безъ измѣненія былъ внесенъ и въ Уложеніе. Петръ Великій, позволяя Англичанамъ ввозить табакъ въ Россію, не отмѣнилъ закона своего отца, но не приводилъ его въ исполненіе, такъ что табакъ мало по малу вошелъ во всеобщее употребленіе. Видя это, патріархъ возобновилъ древнее запрещеніе, но отъ этого привычка къ табаку не уменьшилась. Когда же Петръ отдалъ продажу табака на откупъ одному купцу за 15000 р., въ годъ, то патріархъ отлучилъ купца отъ церкви. Какъ же поступилъ Петръ? Не употребляя силы своей власти, не отмѣняя закона отца своего, онъ уговорилъ патріарха отмѣнить распоряженіе, представляя ему при этомъ, что употребленіе табаку въ Россіи позволено для иностранцевъ, пріѣзжающихъ и живущихъ въ ней, что остановить ихъ нельзя, а привычка у нихъ къ табаку такъ велика, что запретить имъ его употребленіе значило бы не пускать въ Россію. Патріархъ согласился снять отлученіе съ откупщика.

24.

Петръ Великій, устроивъ въ Воронежѣ корабельную верфь, часто пріѣзжалъ въ этотъ городъ. Однажды, въ великій постъ, бывши здѣсь, онъ потребовалъ кислой капусты. Тотчасъ было послано къ членамъ магистрата, состоявшаго изъ тамошнихъ купцевъ. Послѣдніе были въ собраніи и, посовѣтовавшись по этому поводу, рѣшили, что если одинъ разъ они дадутъ капусты, то ужъ и всегда не только Государю, но и всѣмъ, при немъ состоящимъ, придется отпускать ее, а тогда и у нихъ самихъ не хватитъ капусты. Вслѣдствіе этого они рѣшили отказать подъ тѣмъ предлогомъ, что у нихъ нѣтъ капусты. Государь послалъ одного изъ своихъ деньщиковъ осмотрѣть у нихъ погреба, и посланный нашелъ тамъ цѣлые чаны капусты. Петръ, призвавши членовъ магистрата къ себѣ, отечески попенялъ имъ за ихъ грубость и глупость, что они своему Государю, пекущемуся о ихъ благосостояніи, отказываютъ въ такой малости. Упавъ къ ногамъ его, они молили Царя простить имъ этотъ проступокъ. Государь милостиво простилъ ихъ, пригрозивъ однако, что если они впредъ сдѣлаютъ что-либо подобное, то страшились бы его гнѣва.

Библиотека "Руниверс"

АВТОБІОГРАФІЯ А. О. ДЮГАМЕЛЯ.

X *).

Въ концѣ 1839 года въ Персію прибыла Французская миссія.

Во главѣ этой миссіи находился графъ Сереси (Serecy). Она была очень многочисленна, и я никогда не могъ понять поводовъ, вызвавшихъ ея прибытіе, такъ какъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Франція не имѣетъ въ Персіи ни политическихъ, ни торговыхъ интересовъ. Я даже склоняюсь къ тому мнѣнію, что для правительства его величества Лудовика-Филиппа это служило лишь удовлетвореніемъ самолюбію, давая ему возможность утверждать, что Франція имѣетъ своихъ представителей повсюду и что нигдѣ во всемъ мірѣ ничего не дѣлается помимо ея вліянія.

Но отложивъ сторону эти соображенія, я долженъ сознаться, что прибытіе Французской миссіи прервало однообразіе нашего существованія и было въ нашей ссылкѣ настоящимъ даромъ фортуны. Эта миссія была сформирована съ большимъ тщаніемъ, и въ составѣ ея находилось нѣсколько молодыхъ людей съ несомнѣнными достоинствами и изящнымъ воспитаніемъ. Мы провели много пріятныхъ минутъ въ ихъ обществѣ, а я старался оказывать имъ самый любезный пріемъ и быть имъ полезенъ, всякій разъ какъ представлялся къ тому случай. Совѣтникомъ посольства былъ г-нъ де-Лавалеттъ, который въ послѣдствіи былъ посланникомъ въ Римѣ и который въ настоящее время управляетъ во Франціи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ числѣ военныхъ состоялъ при посольствѣ капитанъ главнаго штаба Бофоръ д'Отпуль (Beaufort d'Hautpoul), тотъ самый, который командовалъ Французскими войсками во время вмѣшательства въ Сирійскія дѣла, вызваннаго избіеніемъ Маронитовъ. Виконтъ д'Аршіакъ (d'Archiac) и г. Жераръ (Gerard), сынъ маршала того же имени, занимали должности секретарей; Де-ла-Гранжъ и одинъ Полякъ, по имени Казимирскій, исполняли обязанности драгомановъ; Фланденъ (Flandin) и Костъ (Coste) были прикомандированы къ миссіи, одинъ въ качествѣ живописца, а другой въ качествѣ архитектора; наконецъ, Евгеній Борэ (Eugène Boré) преслѣдовалъ исключительно религіозную цѣль; въ послѣдствіи онъ вступилъ въ орденъ Лазаристовъ.

Весной 1840 года шахъ отправился въ Испагань и, по установленному обыкновенію, я послѣдовалъ туда же въ сопровожденіи

---

*) См. выше стр. 82.

Библиотека "Руниверс"

всей миссіи. Впрочемъ я охотно воспользовался этимъ случаемъ, чтобы осмотрѣть древнюю столицу Персіи, хотя и утратившую прежнее великолѣпіе, но все еще во многихъ отношеніяхъ любопытную.

Поѣздка шаха въ сопровожденіи всего двора была вызвана не столько желаніемъ вникнуть въ положеніе, въ которомъ находились отдаленныя отъ центра его владычества провинціи, сколько намѣреніемъ ускорить взносъ податей или, другими словами, отобрать деньги у губернаторовъ, которые устраивали свои собственныя дѣла на счетъ управляемыхъ ими провинцій и вносили въ государственную казну лишь незначительную часть собранныхъ доходовъ. Эта разорительная система во всѣ вѣка была въ употребленіи въ Персіи: такъ какъ и шахъ, и его дворъ, и сопровождающія его войска содержатся на счетъ лежащихъ на ихъ пути провинцій, то этотъ способъ взысканія недоимокъ оказывается крайне обременительнымъ для плательщиковъ податей, и нерѣдко случалось, что губернаторы, желая избавиться отъ посѣщенія его величества, спѣшили внести въ казначейство числящіяся за ними въ долгу суммы.

Я нанялъ домъ съ садомъ въ Армянскомъ предмѣстіи Джульфѣ и прожилъ тамъ почти шесть мѣсяцевъ. Нигдѣ въ мірѣ я не находилъ такихъ великолѣпныхъ фруктовъ и въ такомъ изобиліи, какъ въ Испагани, и слѣдуетъ сознаться, что Персы достигли совершенства во всемъ, что̀ касается садоводства. Разведеніе плодовыхъ деревьевъ тѣсно связано съ разведеніемъ голубей, и потому среди каждаго сада находится обширная голубятня, доставляющая необходимое удобреніе, которое, по мнѣнію опытныхъ садоводовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и самое производительное. Тамъ, какъ и въ остальной Персіи, очень хорошо умѣютъ устроивать искусственное орошеніе полей, а чтобы предотвратить слишкомъ скорое превращеніе воды въ пары, ее нерѣдко проводятъ не по верху орошаемой почвы, а подъ землею, такъ что видны только перпендикулярныя углубленія, которыя похожи на настоящіе колодцы и указываютъ направленіе подземныхъ каналовъ.

Предмѣстіе Джульфа всегда служило мѣстопребываніемъ для дипломатическаго корпуса. Широкая улица, въ настоящее время находящаяся въ запустѣніи, до сихъ поръ носитъ названіе улицы пословъ, а надъ портиками полуразрушившихся зданій до сихъ поръ видны государственные гербы Голандіи, Испаніи, Англіи и проч., свидѣтельствующіе о томъ, что тамъ жили посольства тѣхъ державъ, съ которыми Персія поддерживала дружественныя сношенія. То была блестящая эпоха царствованія монарховъ изъ династіи Софіевъ, которую Шарденъ описалъ такими живыми красками. Какъ все измѣнилось съ тѣхъ поръ, и въ какомъ очевидномъ упадкѣ находится Персія въ настоящее

Библиотека "Руниверс"

время! Первый тяжелый ударъ былъ нанесенъ этой монархіи, какъ я уже имѣлъ случай ранѣе замѣтить, вторженіемъ Афганцевъ, которые все предавали огню и мечу, а вступившая послѣ того на престолъ династія Каджаровъ не дала ни одного монарха, который былъ бы способенъ залечить раны, нанесенныя странѣ Афганцами.

Помимо переговоровъ, имѣвшихъ цѣлію устранить Англо-Персидское столкновеніе, мнѣ пришлось еще много хлопотать о предотвращеніи разрыва между Персіей и Турціей.

Пограничныя дѣла служили поводомъ для непрерывныхъ пререканій между этими двумя державами, и было бы очень трудно рѣшить, кто былъ правъ, Персія или Турція. Такое положеніе вещей объясняется тѣмъ, что граница тянется отъ горы Арарата до Персидскаго залива, что подлѣ нея живутъ бо̀льшею частію Курды и другія безпокойныя племена, занимающіяся только хищничествомъ, что вожди этихъ племенъ, сообразуясь съ своими личными выгодами, признаютъ себя вассалами то Персіи, то Турціи, но не платятъ податей ни той, ни другой. Этотъ вопросъ еще усложняется тѣмъ, что гробница имамовъ Гуссейна и Гассана, сыновей того Али, котораго Персы считаютъ единственнымъ и настоящимъ преемникомъ Магомета, устраняя Абубекра, Омара и Османа, чтимыхъ Турками за калифовъ, что эта гробница, говорю я, находится въ Кербелаи, неподалеку отъ Багдада, на землѣ, принадлежащей Оттоманской имперіи. А такъ какъ Кербелаи очень часто посѣщается молельщиками, и всѣ зажиточные Персы приказываютъ перевозить туда свой прахъ для погребенія рядомъ съ гробницей имамовъ Гуссейна и Гассана, то понятно, какъ сильно желало правительство Магомета-шаха завладѣть святилищемъ, самымъ дорогимъ для секты Шіитовъ, къ которой принадлежатъ Персы.

Чтобы устранить эти непріятныя столкновенія, Порта командировала въ Тегеранъ чрезвычайнаго посла въ лицѣ Сарыма-эфенди; но всѣ мѣры, на счетъ которыхъ удалось достигнуть соглашенія, не помогали дѣлу. Поэтому, чтобъ достигнуть окончательнаго соглашенія, кабинеты Императорскій и Сенъ-Джемскій условились отправить смѣшанную коммиссію, которая должна была не только снять точный планъ съ спорной территоріи, но также провести, съ согласія заинтересованныхъ сторонъ, демаркаціонную линію, которая служила бы впредъ границей для двухъ смежныхъ имперій. Эта смѣшанная коммиссія была организована лишь послѣ моего отъѣзда изъ Персіи; ея занятія продолжались нѣсколько лѣтъ, и мы обязаны ей драгоцѣнными свѣдѣніями о странахъ, которыя до тѣхъ поръ были почти вовсе намъ неизвѣстны.

Библиотека "Руниверс"

Какъ бы Русскій представитель ни старался держать себя въ сторонѣ отъ внутреннихъ дѣлъ такого государства, какъ Персія, ему иногда по неволѣ приходится мѣшаться въ такія дѣла, которыя въ сущности его не касаются. Это замѣчаніе относится главнымъ образомъ къ тому, что̀ можно бы было назвать магометанскимъ духовенствомъ, которое составляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ элементовъ Персидскаго общества въ его теперешнемъ положеніи. Многочисленные муллы различныхъ чиновъ составляютъ по своей организаціи тѣсно сплоченное сословіе, настоящую іерархію, во главѣ которой поставлены Муштеиды. Эти послѣдніе пользуются репутаціей людей очень ученыхъ и святыхъ. Народъ уважаетъ ихъ и считаетъ своими естественными защитниками отъ тираніи и произвола правительственныхъ должностныхъ лицъ, а отсюда возникаютъ глухая борьба и постоянная рознь между властію свѣтской и властію духовной.

Эта непріязнь существуетъ не въ однихъ только низшихъ сферахъ. Шахъ раздѣляетъ ее вмѣстѣ съ послѣднимъ изъ своихъ чиновниковъ и, не смотря на свое благочестіе, спѣшитъ воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы унизить муллъ и дать имъ почувствовать свое могущество. Между Персидскими городами нѣтъ ни одного, въ которомъ муллы были бы такъ многочисленны и такъ вліятельны, какъ въ Испагани, а главный Испаганьскій Муштеидъ, по имени Сеидъ-имамъ-Багиръ, можетъ считаться если не по праву, то на самомъ дѣлѣ, главою всего Магометанскаго духовенства въ Персіи. На него-то правительство и рѣшилось направить первые удары, и можно сказать, что поѣздка, предпринятая шахомъ въ 1840 году въ Испагань, имѣла главнымъ образомъ въ виду сломить однимъ разомъ духовную власть, унизивъ того, кто считалъ себя равнымъ монарху. Однимъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ нашей поѣздки въ Испагань было зрѣлище борьбы, завязавшейся съ первыхъ дней нашего прибытія между Магометомъ-шахомъ съ одной стороны и высшимъ духовнымъ лицемъ съ другой.

Во время визита, который я изъ вѣжливости сдѣлалъ Сеиду, онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «Я очень радъ вашему посѣщенію, такъ какъ нуждаюсь въ вашемъ совѣтѣ и буду дѣйствовать по вашимъ указаніямъ. Вамъ также хорошо, какъ и мнѣ самому, извѣстно все что̀ здѣсь дѣлается, и я не буду повторять то, что́ вы уже знаете; но вы конечно повѣрите мнѣ, что мое сердце обливается кровью и что я болѣе не въ силахъ смотрѣть на бѣдственное положеніе моего народа. Я намѣренъ удалиться отсюда, навсегда покинуть Персію и искать убѣжища въ Египтѣ, гдѣ Мегеметъ-Али, безъ сомнѣнія, приметъ меня съ распростертыми объятіями. Покровительство, которое онъ

Библиотека "Руниверс"

въ теченіе стольких лѣтъ оказываетъ Персидскимъ молельщикамъ, отправляющимся на поклоненіе гробницѣ Пророка, служитъ для меня вѣрнымъ ручательствомъ за его любовь къ справедливости, за его благочестіе и преданность дѣлу Исламизма».

Муштеидъ затронулъ чрезвычайно щекотливый вопросъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобъ продолжать разговоръ въ томъ же тонѣ, я отвѣчалъ ему съ дипломатической осмотрительностью: что такой профанъ, какъ я, не можетъ давать совѣтовъ и указаній столь святой особѣ, какъ Сеидъ; что онъ получаетъ вдохновенія свыше и потому самъ долженъ всего лучше знать, что ему слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ; что, впрочемъ, къ немилости, въ которой онъ находится при дворѣ, онъ долженъ относиться равнодушно, такъ какъ его вліяніе основано на уваженіи и любви, которыя питаетъ къ нему народъ, независимо отъ непрочныхъ милостей, какими могъ-бы осыпать его монархъ. Но къ этому я присовокупилъ, что по собственному опыту могу увѣрить его только въ томъ, что народъ несравненно болѣе несчастливъ и болѣе угнетенъ въ Египтѣ, чѣмъ въ Персіи и что по этой причинѣ онъ не будетъ въ выгодѣ отъ предполагаемаго промѣна.

Оттого-ли, что это соображеніе подѣйствовало на Муштеида, или оттого, что въ глубинѣ души онъ былъ радъ такому предлогу, чтобъ не приводить въ исполненіе своей угрозы, тихонько шепнувъ на ухо своимъ приближеннымъ, что Русскій посланникъ умолялъ его остаться,—онъ не тронулся съ своего мѣста и предпочелъ спокойно дожидаться конца бури или, другими словами, отъѣзда шаха въ Тегеранъ.

Вліяніе, которымъ пользуется Сеидъ-имамъ-Багиръ, безпредѣльно. Его чтятъ, какъ святаго; а вода, которую онъ употребляетъ для своихъ омовеній, тщательно сохраняется и за тѣмъ разсылается въ маленькихъ скляночкахъ отъ одного конца Персіи до другаго въ качествѣ лѣкарства и предохранительнаго средства отъ всякихъ болѣзней *). Въ особенности женщины питаютъ къ Муштеиду глубокое уваженіе и считаютъ себя предназначенными для вѣчнаго блаженства, если имѣютъ счастіе попасть въ его гаремъ. Чтобъ дать вполнѣ ясное понятіе о могуществѣ Сеида, прибавлю еще одну черту: ему предоставлено право жизни и смерти, и при немъ состоитъ нѣсколько палачей, чтобъ приводить въ исполненіе постановляемые имъ приговоры.

Отправляясь съ визитомъ къ Муштеиду, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что его домъ построенъ среди обширнаго кладбища; но мое удивленіе еще усугубилось, когда я узналъ, что всѣ лица, по-

---

*) Точно такъ какъ нѣкогда у насъ въ Суздалѣ и его окрестностяхъ, помои и очески скопческаго лжехриста Кондратія Селиванова. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

хороненныя на этомъ кладбищѣ, были казнены по приказанію первосвященника, и что право быть похороненнымъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жилища Сеида считается у большинства преступниковъ началомъ искупленія ихъ вины и залогомъ будущаго блаженства.

Заведя рѣчь о Магометанскомъ духовенствѣ, я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о тѣхъ странствованіяхъ для богомолья, которыя всего болѣе въ ходу и которыя занимаютъ такое важное мѣсто въ духовныхъ дѣлахъ у Персіянъ. Эту священную обязанность исполняютъ съ особеннымъ усердіемъ женщины, главнымъ образомъ потому, что странствованія для богомолья сколько-нибудь разнообразятъ ихъ существованіе, а также потому, что они доставляютъ на нѣкоторое время возможность высвободиться изъ-подъ ярма супружеской жизни.

Четырьмя главными мѣстами богомолья служатъ для Персіянъ Мешедъ, Кумъ, Кербелаи и Мекка. Когда какое-нибудь высокопоставленное лицо захочетъ посѣтить одно изъ этихъ святилищъ, весь его домъ занимается приготовленіями къ странствованію въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Покупаютъ лошадей и муловъ, нанимаютъ болѣе значительное число служителей, приготовляютъ *тахтераваны* или носилки, которыя ставятся на спины двухъ муловъ, и наконецъ, ищутъ взаймы денегъ, чтобъ кошелекъ былъ туго набитъ, такъ какъ странствованіе для богомолья требуетъ очень большихъ расходовъ. Въ особенности женщины соперничаютъ въ этихъ случаяхъ между собою и стараются затмить одна другую милостынями, которыя онѣ раздаютъ на пути, приношеніями, которыя онѣ складываютъ на гробницахъ святыхъ, многочисленностью своей свиты и пышностью, съ которой онѣ путешествуютъ. Обычай требуетъ, чтобъ всѣ нищіе, приставшіе съ минуты отъѣзда или на пути къ каравану высокопоставленнаго лица, содержались на его счетъ, а это дѣлается столько же изъ благотворительности, сколько изъ тщеславія. Поэтому не трудно составить себѣ понятіе, какую массу денегъ поглощаютъ у страны такія благочестивыя поѣздки.

Въ главномъ городѣ Хорасана, Мешедѣ, находится гробница имама Ризы,—одного изъ двѣнадцати имамовъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ Магомета и пользующагося большимъ почетомъ между Шіитами. Поѣздка въ Мешедъ не изъ сáмыхъ долгихъ и утомительныхъ; но она нерѣдко бываетъ опасна по причинѣ хищническихъ набѣговъ, которымъ подвергается Хорасанъ со стороны Туркменовъ.

Кумъ находится только въ четырехъ дняхъ пути отъ Тегерана, на дорогѣ въ Испагань, и благочестивые люди стекаются туда толпами, чтобъ помолиться на гробницѣ дочери имама Ризы, Фатьмы.

Библиотека "Руниверс"

Кербелаи, находящійся неподалеку отъ Багдада, отличается въ глазахъ Персіянъ особою святостью, такъ какъ тамъ погребены смертные останки Гуссейна и Гассана,—сыновей того Али, котораго Шіиты считаютъ единственнымъ законнымъ преемникомъ Пророка.

Наконецъ, Мекка и Медина служатъ мѣстомъ благочестиваго поклоненія и цѣлью благочестивыхъ странствованій для всѣхъ мусульманъ безъ различія. Молельщики, идущіе въ Мекку, собираются въ Багдадѣ и переходятъ степь не иначе, какъ съ сильнымъ конвоемъ; но все-таки съ нихъ нерѣдко берутъ выкупъ Бедуины.

Религіозные праздники, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, менѣе часты у магометанскихъ народовъ, чѣмъ у тѣхъ, которые исповѣдываютъ Христіанство, и даже *Джумэ* или Пятница не имѣетъ такого значенія, какъ наше Воскресенье и не вызываетъ совершеннаго прекращенія работъ.

Всякому извѣстно, что во всѣхъ мусульманскихъ странахъ мѣсяцъ Рамаданъ посвящается посту, то есть, что до солнечнаго заката ничего не берутъ въ ротъ, ни даже капли воды, чтобъ утолить жажду, но когда наступитъ ночь, наѣдаются вдоволь и угощаютъ другъ друга съ самой изысканной роскошью. Въ это время самъ шахъ принимаетъ приглашенія отъ высокопоставленныхъ придворныхъ. Эта честь вовлекаетъ того, кто ея удостоился, въ значительные расходы, потому что въ такихъ случаяхъ стараются выставлять на показъ все, что есть лучшаго въ домѣ. Обычай требуетъ, чтобъ шаху подносили подарокъ. На этотъ предметъ требуется 200 или 300 *томановъ*, а иногда и много больше, смотря по состоянію хозяина дома. Шахъ—единственный человѣкъ во всемъ народѣ, имѣющій право смотрѣть на неприкрытыхъ женщинъ; поэтому его вводятъ внутрь гарема, между тѣмъ какъ его свиту угощаютъ во внѣшнихъ апартаментахъ.

Немедленно вслѣдъ за окончаніемъ Рамадана, лишь только показалась новая луна, справляютъ праздникъ Байрама, который продолжается три дня и во время котораго всѣ обмѣниваются визитами точно какъ у насъ въ Новый годъ и на Пасху.

Въ первый день Байрама при дворѣ даютъ большой *Селамъ*. Я изъ любопытства однажды смотрѣлъ на это торжество изъ сосѣдняго павильона, который былъ отданъ по этому случаю въ мое распоряженіе. Ровно въ полдень, шахъ, одѣвшись въ свой самый дорогой нарядъ и весь покрытый бриліантами и жемчугомъ, садится на тронъ изъ слоновой кости, который былъ отбитъ Надиромъ-шахомъ у Великаго Могола и который предназначенъ только для такихъ торжественныхъ случаевъ. Этотъ тронъ ставится въ кіоскѣ, который закрытъ съ трехъ сторонъ, но открытъ съ четвертой стороны. Противъ

Библиотека "Руниверс"

трона, на дворцовомъ дворѣ, выстраиваются на почтительномъ разстояніи и по старшинству государственные сановники, одѣтые въ свои парадныя одежды. Шахъ обращаетъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ къ тѣмъ, кого хочетъ отличить. Придворный поэтъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ и читаетъ стихи въ честь шаха, написанные нарочно для этого торжества; даже слоны фигурируютъ въ *Селамѣ* и становятся на колѣна, когда имъ приходится проходить передъ шахомъ. Этикетъ требуетъ, чтобъ въ продолженіе Селама шахъ выкурилъ три кальяна, и хотя Магометъ-шахъ никогда не куритъ, онъ тѣмъ не менѣе подчиняется необходимости и подноситъ кальянъ ко рту. Послѣ этого онъ встаетъ, воздухъ оглашается выстрѣлами изъ *замбурковъ*,—маленькихъ пушекъ, поставленныхъ на спинѣ верблюдовъ, и за тѣмъ всѣ расходятся. Такая же церемонія происходитъ въ гаремѣ, гдѣ женщины подходятъ къ шаху съ поздравленіями.

Черезъ шестьдесятъ дней послѣ Байрама, справляется празднованіе Курбанъ-Байрама, или Байрама Жертвоприношеній. Въ этотъ день, посѣтившіе Мекку богомольцы приносятъ жертву на горѣ Арафатѣ, и у мусульманскихъ народовъ нѣтъ другаго болѣе великаго праздника. За нѣсколько дней впередъ водятъ по улицамъ Тегерана верблюда, украшеннаго амулетами и побрякушками, а въ самый день Курбанъ-Байрама народъ толпами сопровождаетъ верблюда до мѣста жертвоприношенія. Обыкновенно кто нибудь изъ принцевъ крови или какое-нибудь высокопоставленное лице наноситъ верблюду первый ударъ, за тѣмъ чернь въ одно мгновеніе разрываетъ верблюда на куски, и каждый старается унести съ собою хоть небольшой кусокъ отъ мяса жертвы. Въ этотъ-же день, всякій имѣющій на то средства, закалываетъ одного или нѣсколькихъ барановъ. Эти жертвоприношенія считаются дѣломъ благочестивымъ и похвальнымъ, а въ домахъ людей богатыхъ закалываютъ множество барановъ и раздаютъ ихъ мясо нищимъ. Чтобъ понять значеніе этихъ благочестивыхъ подвиговъ, надобно знать, что, по ученію Корана, мостъ, тоньше волоса и уже острія сабли, проведенъ черезъ адъ и ведетъ въ рай. При переходѣ именно черезъ этотъ мостъ, правовѣрные большею частію оступаются и падаютъ въ бездонную пропасть. А бараны, приносимые въ жертву въ день Курбанъ-Байрама, оказываютъ очень важную услугу послѣдователямъ Магомета, замѣняя для нихъ верховыхъ лошадей: Персіяне убѣждены, что, усѣвшись верхомъ на одну изъ этихъ невинныхъ жертвъ, грѣшникъ безпрепятственно переѣдетъ черезъ опасный мостъ. Упомянутые праздники одинаково священны для всѣхъ мусульманъ безъ исключенія; но тѣ, которые называются праздниками

Библиотека "Руниверс"

луны Могаррема и учреждены въ воспоминаніе умерщвленія сыновей Али, Гассана и Гуссейна, справляются исключительно одними Шиитами и нигдѣ не обставлены такою пышностью, какъ въ Персіи. Это именно тѣ праздники, которые сильно возбуждаютъ религіозное рвеніе и поддерживаютъ въ народѣ фанатическую привязанность къ исповѣданію его вѣры; ставя Персіянъ въ изолированное положеніе среди всѣхъ другихъ Азіятскихъ народовъ, они придаютъ имъ совершенно особый національный отпечатокъ.

Въ первые десять дней луны Могаррема, всѣ одѣваются въ траурныя платья и присутствуютъ съ самымъ горячимъ рвеніемъ на драматико-религіозныхъ представленіяхъ, которыя даются на всѣхъ площадяхъ, на всѣхъ перекресткахъ и даже на внутреннихъ дворахъ частныхъ домовъ. Эти представленія однообразны съ одного конца Персіи до другаго и повторяются ежегодно безъ всякихъ измѣненій. Это — облеченная въ драматическую форму поэма о дѣяніяхъ святыхъ имамовъ Гассана и Гуссейна, о преслѣдованіяхъ, которымъ они подвергались, и наконецъ, объ ихъ мученической кончинѣ. Хотя эта драма всегда повторяется на одинъ и тотъ-же тонъ, она тѣмъ не менѣе чрезвычайно сильно приковываетъ къ себѣ вниманіе слушателей и производитъ на народъ все болѣе и болѣе глубокое впечатлѣніе по мѣрѣ того какъ представленіе, раздѣляющееся на десять актовъ и продолжающееся десять дней, приближается къ своей развязкѣ; въ концѣ концовъ она вызываетъ такія рыданія и такія слёзы, какихъ, конечно, еще никогда не заставляла проливать ни одна трагедія. И женщины и мущины толпами стекаются на эти драматическія представленія, которыя носятъ названіе *Тазіэ* и въ которыхъ тѣ, которые ихъ устраиваютъ въ поощреніе общественнаго благочестія, соперничаютъ между собою, стараясь затмить одни другихъ.

Мнѣ случалось присутствовать на Тазіэ въ домахъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ особъ; всѣ стѣны были обтянуты кашемировыми шалями, актеры (такъ какъ въ этихъ случаяхъ даже женскія роли исполняются мущинами) были одѣты въ очень дорогіе наряды, усыпанные самыми лучшими драгоцѣнными каменьями, а зрителей безъ различія классовъ угощали чаемъ, пилавомъ, шербетами, конфетами и разными другими лакомствами.

Намъ Европейцамъ эти представленія кажутся монотонными; въ особенности манера актеровъ декламировать на распѣвъ становится въ концѣ концёвъ невыносимой; но тѣ, которые хорошо понимаютъ мѣстный языкъ, увѣряютъ, что стихи, которые читаются въ этихъ случаяхъ, чрезвычайно изящны; а такъ какъ къ этому еще примѣшивается религіозное чувство, то и понятно, почему эти драма-

Библиотека "Руниверс"

тическія представленія имѣютъ великое значеніе для всего народа. Впрочемъ празднованіе Могаррема не ограничивается тѣмъ, что̀ мы разсказали о Тазіэ. Въ теченіе этого времени все населеніе находится въ возбужденномъ состояніи. Толпы дервишей ходятъ по городу, подвергая свое тѣло различнымъ истязаніямъ въ честь святыхъ имамовъ. Одни изъ нихъ бичуютъ себя самымъ безжалостнымъ образомъ до того, что изъ нихъ течетъ кровь; другіе втыкаютъ себѣ въ тѣло желѣзныя кольца, на которыя привѣшены колокольчики, произнося въ тактъ и въ теченіе цѣлыхъ часовъ имена Гассана и Гуссейна, а ихъ дикій вой оглашаетъ воздухъ даже ночью.

Во время праздниковъ Могаррема Персіяне только и занимаются тѣмъ, что публично проклинаютъ трехъ первыхъ калифовъ Абубекра, Омара и Османа, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти праздники много способствуютъ поддержанію той вражды и той ненависти, съ которыми Шіиты относятся къ Суннитамъ. Поэтому Турки, Афганцы, Бухарцы и вообще всѣ тѣ, кто принадлежитъ по своимъ вѣрованіямъ къ числу Суннитовъ, поступаютъ благоразумно, скрываясь въ теченіе Могаррема отъ глазъ народа, фанатическія страсти котораго возбуждены до крайности и который готовъ выместить на первомъ встрѣчномъ тѣ страданія, которымъ подвергались нѣкогда его высокочтимые имамы. Что касается Европейцевъ, то имъ не можетъ грозить никакая опасность въ эту пору всеобщаго возбужденія, и это, быть можетъ, потому, что въ Тазіэ одну изъ главныхъ ролей играетъ посолъ Франковъ, который вступается за Гассана и за Гуссейна и кончаетъ тѣмъ, что переходитъ въ магометанскую вѣру.

Праздники, о которыхъ я до сихъ поръ говорилъ, установлены по лунному календарю и потому справляются въ различные мѣсяцы, между тѣмъ какъ *Новрузъ* бываетъ всегда въ одинъ и тотъ-же день, а именно въ день весенняго равноденствія и соотвѣтствуетъ нашему новому году. Празднованіе этого дня перешло къ Персамъ отъ Гебровъ, а такъ какъ оно не справляется у другихъ магометанскихъ народовъ, то эти послѣдніе извлекаютъ отсюда предлогъ для обвиненія Персовъ въ идолопоклонствѣ. Поэтому, чтобъ согласовать это глубоко вкоренившееся въ странѣ обыкновеніе съ религіозными догматами, Персы придумали освятить Новрузъ тѣмъ, что стали праздновать въ этотъ день годовщину возведенія Али въ званіе калифа. Въ этотъ день родственники и друзья обмѣниваются подарками, и въ этотъ-же день, по установившемуся съ незапамятныхъ временъ обыкновенію, губернаторы провинцій и начальники племенъ присылаютъ монарху подарки звонкою монетой, кашемировыми шалями, вьючными животными, фруктами и съѣстными припасами разнаго рода, а шахъ

Библиотека "Руниверс"

съ своей стороны даритъ болѣе или менѣе цѣнные халаты или почетныя одѣянія въ знакъ своего высокаго благоволенія. Подарки, которыя дѣлаются шаху въ праздникъ Новруза, служили для древнихъ Персидскихъ царей однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода, и даже во времена Фетъ-Али-шаха этотъ источникъ доставлялъ государственной казнѣ значительныя суммы. Разсказываютъ, что въ 1808 году подарокъ отъ губернатора Испагани Хаджи-Магомета-Гуссейна-хана состоялъ изъ пятидесяти пяти муловъ, изъ которыхъ каждый былъ покрытъ прекрасной кашемировой шалью и несъ на себѣ тысячу тома-новъ (въ то время томанъ стоилъ тоже, что 4 рубля серебромъ). Но съ тѣхъ поръ произошла большая перемѣна, и оттого-ли, что страна обѣднѣла или оттого, что теперешній шахъ не умѣетъ держать въ страхѣ своихъ служителей, подарки въ день Новруза становятся съ каждымъ годомъ незначительнѣе.

Наконецъ, у Персіянъ есть также много зловѣщихъ дней, находящихся въ связи съ ихъ вѣрованіями или, вѣрнѣй, съ ихъ религіозными суевѣріями. Есть такіе зловѣщіе дни, въ которые ни одинъ Персіянинъ не возмется ни за какое самое ничтожное дѣло; а есть и такіе, въ которые каждый съ разсвѣтомъ покидаетъ свое городское жилище, какъ будто оно должно обрушиться на него, и возвращается домой лишь съ наступленіемъ ночи. У Персіянъ еще есть Рузъ-и-Кадръ, роковой день, который, по ихъ убѣжденію, рѣшаетъ участь каждаго на весь годъ.

Въ Константинополѣ и въ Египтѣ, Турки, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ Европейцами, усвоили до нѣкоторой степени лоскъ цивилизаціи. Я съ намѣреніемъ говорю лоскъ, потому что у нихъ все ограничивается внѣшностью, не проникая въ кровь и мозгъ народной массы. Но въ Персіи нѣтъ даже такого внѣшняго лоска, и когда, наконецъ, свыкнешься съ существующими тамъ обычаями, то поневолѣ сознаешь, что попалъ въ самую глубь Азіи. Въ подтвержденіе приведу нѣсколько случаевъ изъ моего пребыванія въ Тегеранѣ.

Въ 1839 году, Гуссейнъ-ханъ былъ отправленъ въ качествѣ посланника во Францію и въ Англію. Его высокій ростъ, красивая наружность и богатый костюмъ произвели въ Лондонскихъ и Парижскихъ салонахъ нѣкоторое впечатлѣніе, и газеты часто занимали своихъ читателей подробностями объ этой личности. Хотя политическая цѣль, съ которою былъ посланъ Гуссейнъ-ханъ, нимало не была достигнута, и хотя во время своего пребыванія въ Франкистанѣ онъ дѣлалъ только глупости и долги, однако, по возвращеніи въ Персію, онъ былъ очень хорошо принятъ шахомъ и въ теченіе нѣкотораго времени послѣ того былъ у него въ большой милости. Каково же было наше удив-

Библиотека "Руниверс"

леніе, когда намъ пришли сказать, что бывшій посланникъ Гуссейнъ-ханъ былъ наказанъ палочными ударами по пяткамъ. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ оказалось, что шахъ, подвергая своего слугу такому наказанію, не имѣлъ намѣренія наказать его за какой-нибудь важный проступокъ, прогнѣвившій монарха, а приказалъ бить его по пяткамъ только ради *тербижета,* т. е. его воспитанія. Дѣйствительно, царское благоволеніе до того вскружило Гуссейну-хану голову, что онъ сталъ держать себя высокомѣрно и задавать себѣ тонъ; поэтому шахъ, чтобы сдержать его заносчивость, счелъ нужнымъ подвергнуть его униженію. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Гуссейнъ-ханъ былъ въ немилости и не смѣлъ показываться при дворѣ. Наконецъ, шахъ послалъ ему халатъ, и это значило, что прошлое позабыто и что солнце благоволенія снова начинало блестѣть надъ его головой. Одѣвшись въ этотъ халатъ, служившій залогомъ помилованія и забвенія, Гуссейнъ-ханъ поспѣшилъ пасть ницъ у порога земнаго благополучія и вскорѣ былъ назначенъ гуоернаторомъ Іезда.

Такая же бѣда случилась съ мирзой-Али, сыномъ и помощникомъ мирзы Массуда. Мирза-Али, которому было съ небольшимъ двадцать лѣтъ, управлялъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ во время продолжительнаго отсутствія своего отца, задержаннаго по дѣламъ службы въ Корасанѣ. Подобно всѣмъ Персіянамъ, занимающимъ высшія мѣста, мирза-Али сталъ жить на широкую ногу, постоянно находя недостаточнымъ число своей прислуги и своихъ лошадей. Такъ какъ его жалованье было незначительно и къ тому же уплачивалось неакуратно, то онъ скоро попалъ въ денежныя затрудненія и сталъ прибѣгать ко всякимъ средствамъ, чтобы добыть денегъ. Не довольствуясь тѣмъ, что онъ присвоялъ себѣ подарки, которые были назначены другимъ лицамъ, и которые онъ, въ качествѣ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, долженъ былъ отправлять по назначенію, мирза-Али попытался и успѣлъ поддѣлать подпись шаха и сталъ продавать патенты на военные чины пенсіи и жалованья. Это продолжалось почти цѣлый годъ и могло произойти только въ Персіи. Наконецъ, доносы стали дѣлаться все чаще и чаще, и въ руки шаху попали несомнѣнныя доказательства плутней его юнаго министра. Тогда его гнѣву не было границъ; сначала онъ намѣревался задушить мирзу-Али, потомъ хотѣлъ, чтобы у него отсѣкли кисть правой руки; наконецъ, по разнымъ ходатайствамъ, молодой человѣкъ отдѣлался тѣмъ, что его наказали палками и заставили возвратить присвоенныя денежныя суммы.

Впрочемъ Магометъ-шахъ не всегда выказываетъ такую снисходительность. Онъ иногда подчиняется постороннимъ вліяніямъ до та-

Библиотека "Руниверс"

кой степени, что трудно его понять; но когда ему надоѣлъ какой-нибудь министръ, онъ подписываетъ его смертный приговоръ, какъ это и случилось не задолго до моего пріѣзда съ каймаканомъ, бывшимъ у него въ самой большой милости. Для такихъ характерныхъ людей, какъ Магометъ-шахъ, легче убить человѣка, чѣмъ заставить его повиноваться, такъ какъ для подписанія смертнаго приговора достаточно одной минуты гнѣвнаго раздраженія, а для того, чтобы подчинять нашей волѣ чужую волю надо постоянно упражнять способности и имѣть много энергіи.

Во время Гератской кампаніи, при шахѣ состоялъ домашнимъ секретаремъ мирза-эль-Наги, къ которому онъ очень благоволилъ, и который пользовался полнымъ его довѣріемъ. Но мирза-эль-Наги, подобно большинству Персіянъ, былъ человѣкъ продажный; онъ имѣлъ низость обмануть довѣріе своего государя и поступилъ на жалованье къ Англичанамъ. Письмо, адресованное имъ къ Англійскому министру, было перехвачено и попало въ руки шаху, который, рѣшившись погубить измѣнника, на время скрылъ свое негодованіе. Шахъ обходился еще ласковѣе прежняго съ своимъ фаворитомъ, осыпалъ его похвалами и приказалъ въ своемъ присутствіи надѣть на него почетную одежду. Мирза-эль-Наги воображалъ уже, что онъ достигъ апогея монаршей милости, какъ вдругъ шахъ позвалъ его къ себѣ, показалъ ему перехваченное письмо и спросилъ, извѣстно-ли ему имя автора. Мирза-эль-Наги поблѣднѣлъ и тщетно пытался оправдаться. Шахъ сдѣлалъ знакъ дежурнымъ феррахамъ; измѣнника задушили въ его глазахъ, а трупъ его тащили по улицамъ для того, чтобы онъ послужилъ предостереженіемъ для тѣхъ, кто вздумалъ бы подражать ему.

Многоженство, какъ всякому извѣстно, существуетъ въ Персіи точно такъ же, какъ и въ другихъ магометанскихъ странахъ. Кромѣ четырехъ законныхъ женъ, дозволенныхъ Кораномъ, и кромѣ наложницъ, которыхъ можно имѣть въ неограниченномъ числѣ, въ Персіи еще существуетъ разрядъ полузаконныхъ женъ, которыя называются *сигеями* и которыхъ берутъ на опредѣленное время. Церемоніи, сопровождающія заключеніе такихъ временныхъ браковъ, до крайности просты и въ сущности заключаются въ томъ, что разламываютъ кусокъ леденца и дѣлятся имъ съ муллой, приглашеннымъ въ качествѣ свидѣтеля, между тѣмъ какъ бракосочетаніе съ законными женами совершается съ большею торжественностью.

Хотя *сигеи* не пользуются такими же правами, какъ законныя жены, и какъ кажется, не могутъ садиться въ ихъ присутствіи, однако въ названіи *сигея* нѣтъ ничего презрительнаго или укоризненнаго, и дѣти, которыя родятся отъ такихъ браковъ, считаются законными

Библиотека "Руниверс"

дѣтьми и пользуются равными правами со всѣми другими. Если въ послѣдствіи они и уступаютъ первое мѣсто тѣмъ изъ своихъ братьевъ или сестеръ, которые родились отъ законныхъ женъ, то причина этого кроется не въ ихъ собственномъ происхожденіи, а въ низкомъ происхожденіи ихъ матерей, такъ какъ ни въ одной изъ Азіятскихъ странъ аристократія не пользуется такими привилегіями, какъ въ Персіи и нигдѣ такъ не цѣнятся преимущества знатнаго происхожденія. Многоженство очень распространено въ Персіи, и даже бѣдные люди, вынужденные по недостатку средствъ довольствоваться одной женой, нерѣдко разводятся съ устарѣвшей женой и женятся на молодой. Однако семьи Персидскія не многочисленнѣе нашихъ, и народонаселеніе скорѣе уменьшается, чѣмъ возрастаетъ.

Одно изъ самыхъ выдающихся исключеній составлялъ въ этомъ отношеніи покойный Фетъ-Али-шахъ, у котораго было болѣе пяти сотъ дѣтей и потомство котораго доходитъ въ настоящее время до трехъ тысячъ человѣкъ. Поэтому вовсе неудивительно, что Фетъ-Алишахъ не зналъ ни числа, ни именъ своихъ дѣтей, и что на придворнаго шута была возложена обязанность вести списки раждавшихся и умиравшихъ дѣтей, для того, чтобы онъ всегда былъ въ состояніи доставлять своему государю нужныя свѣдѣнія. Государство, очевидно, не въ состояніи давать содержаніе столькимъ принцамъ царской крови; оттого-то многіе изъ нихъ и влачатъ самое бѣдственное существованіе.

Все, что̀ касается внутренняго устройства гаремовъ, семейной жизни Персовъ и подначальнаго положенія, въ которомъ находятся жены по отношенію къ ихъ мужьямъ, скрыто отъ глазъ посѣщающихъ Персію иностранцевъ; это такія тайны, въ которыя онъ не въ состояніи проникнуть, а прикрывающая эти отношенія занавѣса можетъ быть частію приподнята лишь тѣми Европейскими дамами, которымъ, благодаря ихъ общественному положенію, удавалось проникнуть внутрь гаремовъ высокопоставленныхъ лицъ. Оттого-то и изложенныя ниже свѣдѣнія я добылъ не самъ, а чрезъ посредство моей жены. Она въ короткое время познакомилась съ Персидскимъ языкомъ и научилась выражаться на немъ не только правильно, но даже изящно; поэтому ей было легче, чѣмъ кому-либо другому, наблюдать и изучать все, что̀ касалось общественнаго положенія Персидскихъ женщинъ. Въ составѣ гаремовъ знатныхъ людей входятъ женщины четырехъ различныхъ національностей: 1) Персіянки, которыя обыкновенно берутся въ законныя жены и изъ которыхъ состоитъ любимая прислуга. 2) Грузинки, которыя славятся столько же своей красотой, сколько ограниченностью своего ума. Ихъ уже не привозятъ въ Персію съ тѣхъ поръ, какъ Грузія находится подъ Русскимъ

Библиотека "Руниверс"

владычествомъ, а тѣ изъ нихъ, которыя изрѣдка встрѣчаются въ гаремахъ, всѣ принадлежатъ къ прошлому поколѣнію. 3) Абиссинки. 4) Негритянки. Женщины этихъ двухъ послѣднихъ категорій, извѣстныя подъ общимъ названіемъ *черныхъ*, принадлежатъ къ разряду рабынь, и съ ними обходятся съ возмутительнымъ презрѣніемъ. На нихъ возлагаютъ самыя трудныя работы и ихъ едва относятъ къ разряду человѣческихъ существъ.

Въ проѣздъ чрезъ Таврисъ моя жена сочла долгомъ сдѣлать вѣжливый визитъ Навабъ-Алиже, первой женѣ Магомета-шаха и матери наслѣдника престола, нынѣ царствующаго подъ именемъ Нассръ-эдъ-Дина. Хотя эта женщина и не молода и не красива, и хотя ея супругъ не оказываетъ ей большаго вниманія, она все-таки занимаетъ первое мѣсто въ царскомъ гаремѣ, благодаря своему знатному происхожденію изъ рода Каджаровъ. Навабъ-Алиже не лишена ни ума, ни образованія. Она приняла мою жену съ безукоризненною вѣжливостью. Послѣ проведенныхъ вмѣстѣ нѣсколькихъ часовъ, моя жена пожелала удалиться; но Навабъ-Алиже настоятельно упрашивала ее остаться. Наконецъ, чтобъ найти предлогъ для возвращенія домой, моя жена сказала ей, что уже поздно и что я жду ея къ обѣду. Какъ, воскликнула она, вы обѣдаете сегодня съ вашимъ мужемъ! Отчего вы не сказали мнѣ этого раньше? Я ни за что́ не стала бы васъ удерживать. Это большое счастье; отправляйтесь же какъ можно скорѣе; я также два раза въ моей жизни была такъ счастлива, что обѣдала съ *центромъ міра (киблежи-алемъ*: это одно изъ тѣхъ названій, которыми обозначаютъ Персидскаго шаха).

Узнавъ, что моя жена говоритъ по-персидски, шахъ выразилъ желаніе, чтобъ она ему представилась, и эта аудіенція была назначена на одинъ изъ слѣдующихъ дней. Это была самая свѣжая новость; поднялась бѣготня взадъ и впередъ, и переполохъ былъ общій. Наконецъ, въ полдень, первый евнухъ его величества, въ сопровожденіи десятка другихъ евнуховъ, явился къ моей женѣ съ увѣдомленіемъ, что шахъ готовъ принять ее. Она надѣла Персидскую чадру— большой кусокъ матеріи, въ который она закуталась съ ногъ до головы, чтобъ не нарушать общепринятаго обычая, и послѣдовала за евнухомъ. Во главѣ кортежа находился отрядъ гвардіи съ музыкантами впереди; за нимъ слѣдовали феррахи, пичгедметы и скороходы въ шапкахъ, украшенныхъ перьями и въ костюмахъ, на которыхъ нашиты золотыя и серебряныя монеты; вслѣдъ за тѣмъ шли *гуламъ-бетегэ*— семи и осьми-лѣтніе мальчики-пажи, конюхи, которые вели за узду лошадей, и наконецъ евнухи. Моя жена сѣла въ карету, и тогда весь этотъ кортежъ двинулся впередъ съ оглушительными криками. Фер-

Библиотека "Руниверс"

рахи колотили направо и налѣво попадавшихся на пути ротозѣевъ, и такое грубое обхожденіе никого не удивляло: до такой степени оно было согласно съ установившимися въ подобныхъ случаяхъ обыкновеніями.

У входа въ андерумъ (внутренніе апартаменты) кортежъ остановился; только евнухи и пажи вошли въ дверь, которая была тотчасъ заперта вслѣдъ за ними, согласно съ установленнымъ обыкновеніемъ. Тамъ мою жену приняла и привѣтствовала сестра шаха и жена сердаря Ханъ-Баба-хана,—Русскаго подданнаго и богатаго землевладѣльца изъ Эриванской провинціи; затѣмъ она ввела мою жену въ апартаменты его величества. Тамъ мою жену ожидали мать шаха, всѣ его жены и сотня другихъ женщинъ, принадлежавшихъ къ числу родственницъ. Всѣ эти дамы приняли мою жену очень привѣтливо, а она съ своей стороны постаралась сказать каждой изъ нихъ какую-нибудь любезность. Въ числѣ ихъ находилась дочь имама Верди-мирзы, одного изъ принцевъ, укрывшихся въ Константинополѣ, у котораго сынъ былъ очень опасно боленъ. Моя жена съ участіемъ спросила о положеніи больнаго; но его мать очень холодно отвѣчала: я почему знаю; я уже давно его не видѣла; впрочемъ это—дѣло доктора и меня не касается.

Затѣмъ моя жена обратила вниманіе на очень хорошенькую пятилѣтнюю дѣвочку и обратилась къ матери шаха съ вопросомъ, кто мать этого красиваго ребенка. Когда ей указали на мать, эта послѣдняя торопливо возразила: О, нѣтъ, *астаферъ Аллахъ* (Боже сохрани), *малэ менъ нистъ*—она не моя дочь, а дочь ея величества,—и указала на мать шаха. Въ Персіи имѣютъ обыкновеніе дарить все, даже самыя дорогія свои привязанности.

Между тѣмъ какъ разговоръ продолжался въ этомъ тонѣ; мою жену угощали фруктами и вкусными шербетами.

Чрезъ четверть часа поднялась сильная тревога между дежурными женщинами, и въ этотъ самый моментъ одинъ изъ маленькихъ *гуламовъ* пришелъ возвѣстить: *Киблеи алемъ тешрифъ, миберендъ инджо*. то есть центръ міра намѣренъ удостоить васъ своимъ присутствіемъ. Это увѣдомленіе произвело общій переполохъ; всѣ позабыли и о правилахъ церемоніала, и о присутствіи иностранки въ гаремѣ. Мать шаха, которая обыкновенно держитъ себя очень надменно, торопливо сошла съ своего мѣста, чтобъ все приготовить согласно съ данными свыше приказаніями, а четыре жены шаха опрометью заняли четыре угла комнаты, гдѣ оставались, въ теченіе всей аудіенціи, неподвижными, какъ мраморныя статуи, устремивъ глаза въ полъ. Остальныя лица съ такой же торопливостью скучились въ углубленіи комнаты. Моя

Библиотека "Руниверс"

жена, также удалившаяся въ углубленіе подлѣ окна, очень забавлялась паническимъ страхомъ, который изображался на всѣхъ лицахъ. Наконецъ появился и центръ вселенной.

Магометъ-шаху было немного болѣе тридцати лѣтъ; онъ былъ средняго роста, скорѣе толстъ, чѣмъ худъ, и красивъ собою; у него были прекрасные глаза и большой носъ, какъ у всѣхъ Каджаровъ. Онъ былъ одѣтъ очень просто: на немъ былъ костюмъ низама изъ темно-зеленой шали; на его головѣ была Персидская шапка безъ всякихъ украшеній, а обутъ онъ былъ въ огромные ботфорты. Страдая застарѣлой подагрой, (которая и свела его, въ цвѣтѣ лѣтъ, въ могилу) онъ хромалъ, но передъ тѣмъ, чтобъ войти взялъ въ руки палку и постарался казаться легкимъ на ходу. Увидѣвъ мою жену, онъ поклонился ей по-европейски и, сѣвъ въ кресло, сказалъ ей: милости просимъ, г-жа мухта (т.-е. супруга уполномоченнаго); затѣмъ онъ знакомъ пригласилъ ее сѣсть на кресло противъ него, — это была такая прерогатива, которую придворный этикетъ не допускаетъ ни для какой женщины.

Хотя моя жена очень хорошо поняла сдѣланный ей шахомъ знакъ, она не рѣшалась сѣсть, пока мать шаха стояла. Замѣтивъ это, Магометъ-шахъ сказалъ своей матери по-турецки съ явнымъ нетерпѣніемъ: *сенъ-де-утуръ*, садись же, и тогда моя жена также сѣла на указанное ей мѣсто. Сказавъ нѣсколько словъ въ мою похвалу, шахъ спросилъ, какъ я поживаю. Моя жена отвѣчала, что я непрестанно молюсь о благоденствіи его величества и что высказанныя на мой счетъ похвалы она принимаетъ за доказательство его высокаго благоволенія. Шахъ былъ, повидимому, очень удивленъ тѣмъ, что моя жена говорила съ такимъ акцентомъ и въ такихъ оборотахъ рѣчи, которые общеприняты въ подобныхъ случаяхъ, и выразилъ это удивленіе своей матери. Я слышалъ, продолжалъ онъ, что Европейскія женщины почти также образованны, какъ мущины? Скажите же мнѣ, какъ идутъ дѣла Мегмета-Али въ Египтѣ? Моя жена разсказала ему, какимъ условіямъ четыре державы заставили подчиниться Египетскаго пашу.—Въ такомъ случаѣ, продолжалъ шахъ, вамъ также должно быть извѣстно, какъ идутъ дѣла Англичанъ въ Китаѣ?—Моя жена разсказала ему все, что знала, и ея разсказъ заставилъ шаха разсмѣяться.—Такъ какъ вы такъ много знаете, то скажите мнѣ, гдѣ больше жителей, въ Петербургѣ или въ Пекинѣ?—Моя жена отвѣчала ему, что о Пекинѣ мы имѣемъ мало свѣдѣній, но что по словамъ тѣхъ, кто тамъ бывалъ, Пекинъ еще многолюднѣе Петербурга.—Я знаю, что вы содержите тамъ посольство изъ муллъ. Развѣ Е. В. Императоръ полагается на своихъ муллъ?—Отчего же на нихъ не полагаться? отвѣчала моя жена: вѣдь наши муллы такъ же покорны Императору,

Библиотека "Руниверс"

какъ и всѣ другіе подданные, и конечно не стали бы заниматься *муллахъ-бази* — поповскими интригами. Такъ называютъ здѣсь народные мятежи, которые всегда возникаютъ по подстрекательству духовенства, составляющаго самый враждебный къ правительству классъ. Очень хорошо, сказалъ шахъ, я поступаю такъ же, какъ Русскій Императоръ—никогда не прощаю *муллахъ-бази*. Затѣмъ шахъ перенесъ разговоръ на Лондонъ, Вѣну, Парижъ, Берлинъ и въ особенности Петербургъ, засыпая мою жену распросами, на которые она отвѣчала такъ удовлетворительно, какъ могла. Затѣмъ онъ пододвинулъ свое кресло къ ея креслу и сказалъ ей въ полголоса съ коварной усмѣшкой: а что̀ думаете вы о томъ, какъ мы обходимся съ нашими женами; при этомъ онъ указалъ на своихъ женъ, которыя стояли неподвижными и какъ бы прикованными къ стѣнѣ и не смѣли разинуть рта. Должна ли я отвѣчать вашему величеству,—сказала моя жена,—такъ, какъ отвѣчали бы у насъ или такъ, какъ отвѣчали бы здѣсь?—Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ шахъ, скажите мнѣ откровенно ваше мнѣніе. — Въ такомъ случаѣ,—отвѣчала моя жена,—я скажу вамъ, что ваши обычаи отвратительны и что ни одна Европейская женщина не согласилась бы подчиниться имъ. Впрочемъ,—прибавила она, чтобъ позолотить пилюлю,—то, что̀ хорошо для одной страны, можетъ негодиться для другой, и вы, конечно, имѣете основательные доводы поступать такъ, какъ вы поступаете. — Это̀ правда, сказалъ шахъ, здѣсь такъ поступать безусловно необходимо.

Послѣ того шахъ еще много распрашивалъ мою жену о положеніи женщинъ въ Европѣ, объ ихъ воспитаніи и объ ихъ привязанности къ мужьямъ. Разговоръ не прерывался ни на минуту, такъ какъ шахъ хотя и не отличался большимъ умомъ, но былъ очень любознателенъ и обладалъ нѣкоторыми историческими и географическими познаніями. Наконецъ, моя жена попросила *мурагасса*, т.-е. позволенія удалиться, которое было ей дано и сопровождалось всякими любезностями; тогда она удалилась изъ гарема съ такимъ же церемоніаломъ, съ какимъ была туда введена.

Много времени спустя,—за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ мы покинули Персію, чтобъ никогда болѣе туда не возвращаться,—моя жена попросила вторичной аудіенціи у шаха, чтобъ проститься съ нимъ и съ его семействомъ. Ей былъ оказанъ точно такой же пріемъ, какъ и въ первый разъ. Когда она попросила его величество дать ей на память нѣсколько строкъ, написанныхъ его рукою, шахъ отнесся къ ея просьбѣ съ самой любезной предупредительностью. Онъ приказалъ принести бумагу и *калемданъ*, чернильницу, которую одна изъ его женъ подала ему, ставъ на колѣни, и на-

Библиотека "Руниверс"

писалъ твердою рукою слѣдующія строки, которыя мы хранимъ, какъ драгоцѣнный документъ. Вотъ буквальный переводъ: «Богъ. — *Канумъ* (супруга) уполномоченнаго министра намъ очень понравилась. Жаль, что, скоро пресытившись Персіей, она уже чувствуетъ желаніе возвратиться на родину. Эти строки написаны въ знакъ памяти (съ нашей стороны). Въ мѣсяцѣ Шевалѣ 1257 (въ Ноябрѣ 1841). Написано въ Тегеранѣ».

Все вышеизложенное ясно доказываетъ, какъ ничтожна роль, которую играютъ въ Персіи даже тѣ женщины, которыя принадлежатъ къ высшимъ сферамъ общества. Однако было-бы несправедливо обвинять Коранъ въ намѣреніи унизить женщину и ея общественное положеніе. Никогда подобная мысль не входила въ голову Магомета, который и по своей натурѣ, и по тѣмъ условіямъ, среди которыхъ жилъ, питалъ страстную любовь къ женскому полу. Доказательствомъ этого служатъ и уваженіе, съ которымъ онъ отзывается въ Коранѣ о женщинахъ, и признательность, которую онъ публично выражалъ красивой и богатой вдовѣ Кадиджѣ, которой былъ обязанъ своими первыми успѣхами, и 46 женъ и одалискъ, которыхъ Пророкъ почтилъ своимъ выборомъ, и его рыцарская любовь къ Зейнебѣ, и его смерть съ головою, опущенною на колѣни дочери Абубекра Аиши, и множество другихъ подробностей изъ его жизни. Если-же въ своихъ узаконеніяхъ онъ не возвысилъ женщину до равнаго положенія съ мущиной, причиной этого было то, что ни въ исторіи, ни въ нравахъ Азіи онъ не находилъ ничего, что могло бы внушить ему мысль о такомъ нововведеніи. Въ его время, точно такъ-же, какъ и теперь, можно было услышать слѣдующія слова Перса, обращенныя къ другому Персу въ то время, какъ этотъ послѣдній билъ свою сестру: «Зачѣмъ ты ее бьешь? Развѣ Богъ недостаточно наказалъ ее, создавши женщиной?» И Евреи, законы которыхъ послужили образцемъ для законовъ Могомета, и Арабы, и даже болѣе цивилизованные Греки и Римляне смотрѣли на женщину какъ на мебель, какъ на собственность, облагаемую налогомъ, и обходились съ ней сообразно съ этимъ взглядомъ. Въ Китаѣ и въ Индіи было еще хуже. Все равно, молода она или стара,—говорится въ кодексѣ Ману,—за мужемъ она, или нѣтъ, она должна безпрекословно исполнять приказанія своего господина и не осмѣливаться что-либо предпринимать по собственному почину. Палка и веревка были-бы наказаніемъ виновной. А развѣ эти понятія не могли распространиться по Европѣ, не будь божественнаго вліянія Евангелія?

При такомъ положеніи общества, только любовь сына къ матери или причудливая привязанность господина къ любовницѣ могла облег-

Библиотека "Руниверс"

чать положеніе самаго слабаго пола. Поэтому интересно прослѣдить исторію отместокъ, къ которымъ прибѣгалъ отъ времени до времени этотъ полъ, чтобъ уклониться отъ несправедливой суровости законовъ. Персія представляетъ въ этомъ отношеніи замѣчательный примѣръ. Случалось, что не только содержавшіяся въ гаремахъ женщины присвоивали себѣ власть своихъ повелителей и держали ихъ въ страхѣ, но даже въ менѣе знатныхъ семействахъ мало-по-малу распространялись втихомолку оппозиціонныя идеи, клонившіяся къ возстановленію равенства въ правахъ между лицами обоего пола и діаметрально противоположныя содержанію предписаній (*фахъ*), изданныхъ толкователями Корана. Въ этихъ идеяхъ, на ряду съ мусульманскими вѣрованіями, встрѣчаются остатки старыхъ предразсудковъ, унаслѣдованныхъ отъ Гебровъ. Результатомъ ихъ было нѣчто въ родѣ кодекса, который представляетъ странное смѣшеніе теорій, часто безнравственныхъ, но всегда вступающихся за правое дѣло; иначе и быть не могло у такого народа, у котораго страсти и недостатокъ просвѣщенія постоянно отзываются на понятіяхъ о нравственности. Но если Персидскія женщины очень дорожатъ этимъ кодексомъ, мало-по-малу созданнымъ ими самими, то это происходитъ не только оттого, что онъ развязываетъ имъ руки наперекоръ *фаху* и ихъ мужьямъ, но въ особенности потому, что всѣ ихъ вкусы, всѣ ихъ симпатіи и даже, можно сказать, всѣ ихъ причуды, за немногими исключеніями, вписаны въ этотъ кодексъ, освящены имъ и введены въ силу, благодаря привычкамъ, столь-же древнимъ, какъ и самъ Коранъ.

Постановленія этого кодекса сначала передавались на словахъ изъ устъ въ уста, и лишь впослѣдствіи возникла мысль изложить ихъ письменно. Миръ-Дамадъ, какъ кажется, былъ первый писатель, занявшійся собираніемъ всѣхъ относящихся до этого предмета свѣдѣній въ одно цѣлое. Но преждевременная смерть не дозволила ему докончить эту работу. Тогда Феть-Али-шахъ, замѣтившій, какое сильное вліяніе оказываютъ тайны этого женскаго кодекса на его собственный гаремъ, приказалъ одному изъ своихъ сыновей, Магомету-мирзѣ, привести въ ясность все, что было опаснаго въ этомъ ученіи. Принцъ поспѣшилъ исполнить приказаніе своего отца и издалъ по этому предмету парафразу въ Персидскихъ стихахъ подъ заглавіемъ *Адабъ-унъ-нисса*. Вотъ, какъ онъ выражается въ предисловіи: «Славной памяти Миръ-Дамадъ, вознамѣрившись приподнять темную завѣсу, скрывавшую отъ глазъ нечестивыя вѣрованія и тайныя продѣлки нашихъ женъ, сталъ слѣдить за ихъ поведеніемъ и собирать о нихъ свѣдѣнія отъ нѣкоторыхъ пожилыхъ Испаганьскихъ сплетницъ, которыя считались самыми опытными послѣдовательницами того уче-

Библиотека "Руниверс"

нія, которое онъ имѣлъ цѣлію развѣдать. Благодаря его умственнымъ усиліямъ, скоро были выведены наружу адскія хитрости и дьявольскія продѣлки нашихъ дражайшихъ половинъ,—этой гнусной расы!» Высказывая такое рѣзкое порицаніе, авторъ, вѣроятно, хотѣлъ успокоить свою совѣсть и внушить мулламъ и мужьямъ отвращеніе къ этому кодексу. *Адабъ-унъ-нисса* раздѣляется на шестнадцать главъ; это сочиненіе переведено Александромъ Ходьзко, который былъ въ ту пору консуломъ въ Гиланѣ и принадлежалъ къ числу лучшихъ оріенталистовъ. Но еслибы я сталъ излагать его содержаніе во всѣхъ подробностяхъ, я вышелъ-бы изъ предположенныхъ мною рамокъ.

Многочисленныя непріятности, которыя, какъ видно изъ всего предыдущаго, мнѣ приходилось выносить въ моихъ оффиціальныхъ сношеніяхъ, какъ отъ императорскаго министерства, такъ и отъ Персидскаго правительства; здоровье моей жены, которая не могла свыкнуться съ климатомъ и внушала мнѣ серьозныя опасенія; наконецъ, смерть моего отца, скончавшагося въ Петербургѣ 20 Декабря 1840 г. послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, и одиночество, въ которомъ находилась моя мать вслѣдствіе этого семейнаго несчастія,—всѣ эти поводы заставили меня просить о неотложномъ увольненіи отъ должности. На это графъ Нессельроде увѣдомилъ меня, что Императоръ соблаговолилъ изъявить согласіе на мое увольненіе, и что на мое мѣсто назначенъ графъ Медемъ. Но я конечно долженъ былъ дождаться прибытія моего преемника, которое замедлилось по различнымъ причинамъ. Тѣмъ временемъ я имѣлъ удовольствіе привѣтствовать возвращеніе Англійскаго посольства, которое прибыло въ Тегеранъ въ послѣднихъ числахъ Августа 1841 года. Я съ перваго разу сталъ въ самыя лучшія отношенія къ сэру Джону Макнилю и поддерживалъ его всѣмъ моимъ вліяніемъ въ сношенія съ Персидскими министрами о заключеніи торговаго договора.

Такъ какъ главнокомандующій Кавказской арміи счелъ нужнымъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, поставить санитарный кордонъ на Араксѣ, то, во избѣжаніе необходимости выдерживать карантинъ, я вздумалъ отплыть изъ Персидскаго залива въ Бомбей и возвратиться въ Европу переправившись черезъ Суэцъ. Британское правительство отнеслось къ этому намѣренію съ самой любезной предупредительностью и предоставило въ мое распоряженіе стоявшій въ Бендеръ-Буширѣ пароходъ, который долженъ былъ доставить меня въ Бомбей, ко времени отплытія тѣхъ пароходовъ, которые постоянно ходятъ на Суэцъ. Однако, замѣтивъ изъ писемъ, полученныхъ мною тѣмъ временемъ отъ графа Нессельроде, что мое намѣреніе ему не нравилось и что онъ (хотя и не основательно) опасался, чтобъ Британское

Библиотека "Руниверс"

правительство въ Индіи не отнеслось къ моему появленію въ Бомбеѣ съ подозрѣніями и съ неудовольствіемъ, я немедленно отказался отъ моего намѣренія и рѣшился возвратиться въ Россію тѣмъ-же путемъ, какимъ пріѣхалъ. 1-го Декабря я передалъ графу Медему должность, которую занималъ при Персидскомъ дворѣ, и черезъ нѣсколько дней послѣ того выѣхалъ въ Тифлисъ.

Наканунѣ моего отъѣзда, въ Тегеранѣ сталъ ходить неясный слухъ о пораженіи, нанесенномъ Англійской арміи въ Афганистанѣ. Впослѣдствіи это извѣстіе вполнѣ подтвердилось, а когда сдѣлались извѣстны всѣ ужасныя подробности отступленія Англичанъ сквозь ущелья Бейлана, для всѣхъ стало ясно, что это пораженіе приняло размѣры настоящей катастрофы.

Время года было позднее, и холодъ былъ очень силенъ въ горахъ Адербейджана. Однажды я былъ вынужденъ снять кузовъ кареты съ колесъ и спустить его, при помощи веревокъ, съ крутаго ската, покрытаго гололедицей. Еслибы меня не сопровождали шесть Донскихъ казаковъ, возвращавшихся домой по окончаніи срока своей службы при посольствѣ, то мнѣ пришлось бы бросить мой экипажъ. Вообще все это путешествіе было очень утомительно.

Мы остановились на нѣсколько недѣль въ Тифлисѣ, чтобъ отдохнуть, и я возвратился въ Петербургъ только въ Февралѣ 1842 года.

XI.

По кончинѣ батюшки, моя мать, будучи вынуждена уменьшить свои расходы, наняла маленькую квартиру на Фонтанкѣ, между мостами Аничкинымъ и Чернышовымъ, въ домѣ бывшемъ Баллина, а теперь Шварца, и прожила тамъ двадцать два года до самой смерти. Желая быть ближе къ моей матери, я, по возвращеніи въ Петербургъ, нанялъ на короткое время въ томъ же домѣ сосѣднюю съ ней квартиру, такъ какъ, прежде чѣмъ окончательно устроиться въ Петербургѣ, я намѣревался отвезти на минеральныя воды въ Германію мою жену, здоровье которой внушало мнѣ серіозныя опасенія. Вскорѣ послѣ моего прибытія въ Петербургъ, я былъ принятъ въ аудіенціи Его Величествомъ Императоромъ, и вотъ слово въ слово происходившій 19-го Февраля 1842 года разговоръ, которымъ почтилъ меня Его Величество.

Императоръ.—Здравствуйте, любезный генералъ; я прежде всего долженъ поблагодарить васъ за то, что вы такъ хорошо исполняли ваши обязанности въ Персіи. Вы очень хорошо поняли и исполнили

Библиотека "Руниверс"

мои желанія. Я читалъ всѣ ваши донесенія и былъ ими какъ нельзя болѣе доволенъ. Изъ всего, что̀ вы намъ сообщали, можно заключить, что Персія находится въ сильномъ упадкѣ.

Я.—Управленіе тамъ отвратительное; губернаторы провинцій дѣлаютъ, что̀ хотятъ; деньги не поступаютъ въ казну; но самое большое несчастіе для страны заключается въ томъ, что главный министръ шаха настоящій глупецъ.

Императоръ.—Онъ глупъ или лукавъ?

Я.—Онъ и то и другое. Это человѣкъ, который ничего не понимаетъ въ дѣлахъ управленія, который отдаляетъ отъ шаха всѣхъ способныхъ людей и причиняетъ неисчислимый вредъ странѣ.

Императоръ.—Говорятъ, что шахъ человѣкъ болѣзненный?

Я.—Онъ сильно страдаетъ подагрой, Ваше Величество, и можно опасаться, что поднявшаяся вверхъ подагра сдѣлается причиной его внезапной смерти.

Императоръ.—Какихъ онъ лѣтъ?

Я.—Ему только 37-мь лѣтъ, но онъ страдаетъ подагрой уже болѣе десяти лѣтъ. Это—наслѣдственная болѣзнь въ его семействѣ.

Императоръ.—А что̀ дѣлаетъ наслѣдникъ престола, тотъ изъ его сыновей, который пріѣзжалъ ко мнѣ на встрѣчу въ Эривань?

Я.—Онъ хорошенькій мальчикъ, но съ виду слабъ здоровьемъ.

Императоръ.—Какъ его воспитываютъ?

Я.—Не хорошо. Онъ находится на попеченіи муллы, который учитъ его писать и читать, и болѣе ничему. Мать шаха никогда не дозволяла учить его иностраннымъ языкамъ, и я полагаю, что когда онъ сдѣлается мущиной, онъ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ походить на своихъ предмѣстниковъ.

Императоръ.—Нельзя не сказать, чтобы для насъ это не было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выгодно.

Я.—Я полагаю, Ваше Величество, что Персія еще долго не будетъ страшной для Россіи и что намъ слѣдуетъ опасаться только одного, чтобы, вслѣдствіе слабости правительства, въ Персіи не воцарилась анархія.

Императоръ.—Въ этомъ отношеніи я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе. Я всего болѣе опасаюсь анархіи въ Персіи, потому что такой порядокъ вещей непремѣнно отразился бы на всемъ пространствѣ нашихъ Закавказскихъ провинцій. Какъ сильна Персидская армія?

Я.—На бумагѣ она состоитъ изъ 108 тысячъ человѣкъ; но, вслѣдствіе бѣдности государственной казны, правительство могло бы съ трудомъ собрать даже четвертую часть этой цифры.

Императоръ.—Все-ли это регулярныя войска?

Библиотека "Руниверс"

Я.—Да, Ваше Величество; это до нѣкоторой степени регулярныя войска, хотя ихъ рѣдко заставляютъ упражняться и хотя шахъ вообще очень мало ими занимается. Впрочемъ солдаты очень красивые мущины и, по примѣру организаціи Англійской арміи, каждый полкъ состоитъ только изъ одного батальона. Уже два года, какъ на службѣ у Персидскаго правительства состоятъ Французскіе инструкторы, и хотя имъ, къ моему крайнему удивленію, до сихъ поръ акуратно выплачивали жалованье, они еще ни разу не были приглашены приступить къ обученію хоть одного батальона.

Императоръ.—Не происходитъ ли это отъ недовѣрія?

Я.—Я полагаю, что это происходитъ отъ неумѣнья Персовъ пользоваться услугами Европейцевъ. Ваше Величество изволили прислать имъ нѣсколькихъ рабочихъ изъ Петербургскаго арсенала, и конечно эти люди могли бы быть очень полезны; но ими также не умѣли пользоваться: оказывался недостатокъ то въ желѣзѣ, то въ деревѣ, то въ углѣ.

Императоръ.—Въ такомъ случаѣ, Тегеранскій арсеналъ долженъ находиться въ состояніи упадка?

Я.—Такъ какъ первый министръ шаха заботится болѣе всего о работахъ въ арсеналѣ и такъ какъ большая часть государственныхъ доходовъ идетъ на это заведеніе, то нельзя сказать, чтобы эта часть находилась въ рѣшительномъ упадкѣ. У Персіянъ отъ 150 до 200 пушекъ; въ этомъ числѣ есть пушки очень большаго калибра, которыя было бы трудно перевозить по дурнымъ Персидскимъ дорогамъ. Но Хаджи воображаетъ, что чѣмъ громаднѣе величина пушки, тѣмъ лучше эта пушка дѣйствуетъ, а такъ какъ онъ сверхъ того считаетъ себя Персидскимъ Неемъ, то воображаетъ, что все знаетъ лучше всякаго другаго и потому не хочетъ выслушать ничьего совѣта.

Императоръ.—Извѣстно ли вамъ, что въ Афганистанѣ совершились важныя событія? Мѣстное населеніе, какъ кажется, возстало повсюду. Англичанамъ будетъ не легко возстановить въ этой странѣ ихъ поколебленное владычество. Вѣдь я не думаю, чтобы всѣ ихъ военныя силы въ Индіи превышали сто тысячъ человѣкъ.

Я.—Я не понимаю, какъ Англійское правительство, при своей осмотрительности, могло предпринять такое завоеваніе, которое не обѣщало ему никакихъ существенныхъ выгодъ и которое заставитъ его постоянно вмѣшиваться въ Средне-азіятскія дѣла.

Императоръ.—Я полагаю, что Англичане сдѣлали это единственно изъ зависти къ намъ. Тѣмъ не менѣе я могу по совѣсти сказать, что не сдѣлалъ имъ ничего такого, въ чемъ могъ бы себя упрекнуть,

Библиотека "Руниверс"

Я поступалъ въ моихъ отношеніяхъ къ Англіи вполнѣ добросовѣстно, и доказательствомъ этого могутъ служить всѣ инструкціи, которыя были даны графу Симоничу. Впрочемъ все случившееся доказываетъ, что въ здѣшнемъ мірѣ есть извѣстныя границы, которыхъ никогда не слѣдуетъ переступать.

Я.—Я не могу скрыть отъ Вашего Величества, что блестящій успѣхъ, съ которымъ сначала дѣйствовали Англичане въ Афганистанѣ, произвелъ въ этой части Азіи неблагопріятное для насъ впечатлѣніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ я полагаю, что реакція вызванная неудачами Англичанъ послужитъ къ нашей пользѣ.

Императоръ.—Въ виду всего, что̀ происходило въ Азіи въ послѣдніе три года, можно бы было просто обратиться къ этимъ народамъ со словами: Россія не приходитъ къ вамъ на помощь, потому что вы сами должны быть достаточно сильны для того, чтобы отражать иноземцевъ, нападающихъ на ваши земли. Но теперь я опасаюсь, чтобы обнаружившійся между Афганскими племенами духъ непокорности не перешелъ къ другимъ Азіятскимъ народамъ и въ особенности къ тѣмъ мусульманскимъ племенамъ, которыя живутъ вдоль береговъ Каспійскаго моря и давно уже ведутъ противъ насъ упорную борьбу. Проѣзжая по Закавказскимъ провинціямъ, вы вѣроятно слышали о Шамилѣ и о вліяніи, которымъ онъ пользуется въ средѣ своихъ единовѣрцевъ?

Я.—Конечно, Ваше Величество, слышалъ. Я полагаю, что мусульмане сознаютъ упадокъ своихъ религіозныхъ и общественныхъ на̀чалъ и ищутъ поддержки въ экзальтаціи фанатизма. Можно замѣтить, что точно такія же попытки дѣлаются на Востокѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Поэтому я очень желаю, чтобы намъ удалось удалить отъ шаха его перваго министра. Этотъ фанатикъ охотно принимаетъ нашихъ перебѣжчиковъ и посылаетъ эмиссаровъ въ наши Закавказскія провинціи; хотя онъ и не можетъ вызвать этимъ способомъ серіозной для насъ опасности, но онъ можетъ создать для насъ затрудненія, поддерживая среди мусульманскаго населенія безразсудныя надежды.

Императоръ.—Вы одно время намѣревались возвратиться чрезъ Индію, и я почти сожалѣлъ о томъ, что вы этого не сдѣлали, такъ какъ намъ было бы интересно знать, что̀ тамъ дѣлается; впрочемъ, вы, можетъ быть, поступили благоразумно, отказавшись отъ этого намѣренія.

Я.—Макниль, помня, какъ его хорошо приняли во время его проѣзда чрезъ Грузію, желалъ, чтобы я возвратился этимъ путемъ и тѣмъ доставилъ бы Британскому правительству случай принять такъ же любезно посла Вашего Величества. Но я не осмѣлился предпри-

Библиотека "Руниверс"

нять такое путешествіе безъ особаго на то разрѣшенія Вашего Величества.

Императоръ.—Повторяю вамъ, что вы хорошо поступили, несмотря на то, что Британское правительство отнеслось къ этому намѣренію благосклонно и изъявило готовность сдѣлать всѣ необходимыя для такого путешествія распоряженія. Впрочемъ, вамъ, вѣроятно, извѣстно, что Макниль будетъ отозванъ?

Я.—Да, Ваше Величество, я узналъ объ этомъ по возвращеніи въ Петербургъ.

Императоръ.—Я этимъ доволенъ. Онъ такъ запуталъ дѣла, что стоилъ этого, чтобы его отозвали.

Я.—Что̀ касается меня, Ваше Величество, то я былъ съ нимъ очень хорошъ и могу увѣрить Ваше Величество, что во время моего отъѣзда изъ Тегерана между двумя посольствами существовали самыя дружественныя отношенія.

Императоръ.—Въ Англіи также стали наконецъ отдавать справедливость добросовѣстности моего образа дѣйствій. Недовѣріе, которое тамъ питали къ Россіи, совершенно исчезло; даже могу сказать, что въ Лондонѣ отношенія между двумя правительствами еще болѣе близки, чѣмъ въ Тегеранѣ. Затѣмъ, любезный генералъ, еще разъ благодарю васъ за усердіе, съ которымъ вы мнѣ служили и повторяю вамъ, что я былъ очень вами доволенъ.

*

Я ждалъ только начала весны и былъ исключительно занятъ мыслію о путешествіи; но для этого послужило препятствіемъ неожиданно сдѣланное мнѣ предложеніе отправиться съ дипломатической миссіей въ Бухарестъ.

Чтобы взвѣсить поводы этой командировки слѣдуетъ припомнить нѣкоторыя обстоятельства изъ исторіи Дунайскихъ княжествъ.

Нашими трактатами съ Турціей были обезпечены широкія привилегіи въ пользу Молдавіи и Валахіи, а Адріанопольскій мирный договоръ призналъ за этими княжествами право на полную административную автономію. Хотя узы вассальной зависимости и не были разорваны, но верховенство Порты сдѣлалось почти номинальнымъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ княжества зависѣли не столько отъ Порты, сколько отъ Россіи, благодаря протекторату, возложенному на Русскихъ консуловъ въ Яссахъ и въ Бухарестѣ. Послѣ войны съ Турціей и почти до 1835 года Молдо-Валахія очень благоразумно управлялась графомъ Киселевымъ, носившимъ титулъ уполномоченна-

Библиотека "Руниверс"

го председателя дивановъ Молдавскаго и Валашскаго. Благодаря вѣжливости своего обхожденія, своему безкорыстію и просвѣщенной заботливости о благѣ страны, графъ Киселевъ пріобрѣлъ въ Дунайскихъ княжествахъ большую популярность и сдѣлался идоломъ всѣхъ классовъ населенія. Именно подъ его руководствомъ были составлены какъ для Валахіи, такъ и для Молдавіи, органическіе статуты, которые, какъ бы дурно ни отзывалась о нихъ враждебная Россіи партія, безъ сомнѣнія были лучше всего, что было до тѣхъ поръ сдѣлано для организаціи различныхъ отраслей администраціи въ этихъ княжествахъ. Въ силу Адріанопольскаго мирнаго договора, наши войска должны были очистить Дунайскія княжества послѣ уплаты этими последними нѣкоторой доли военной контрибуціи, и затѣмъ, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, господарей для этихъ двухъ провинцій должно было назначить на первый разъ императорское правительство съ согласія Порты. Вслѣдствіе этого, графъ Киселевъ провозгласилъ господарями Александра Гику и Михаила Стурдзу, перваго въ Валахіи, а втораго въ Молдавіи. Послѣ этого графъ Киселевъ окончательно покинулъ княжества, оставивъ дѣла управленія въ рукахъ туземныхъ князей.

Михаилъ Стурдза, безспорно, былъ однимъ изъ самыхъ умныхъ людей въ своемъ отечествѣ; ему нельзя было отказать въ замѣчательныхъ административныхъ способностяхъ; но ему ставили въ упрекъ его чрезмѣрное корыстолюбіе и давленіе, которое онъ производилъ на магистратуру, чтобы выигрывать процессы, въ которыхъ правда не всегда была на его сторонѣ.

Александръ Гика далеко уступалъ Стурдзѣ административными способностями. Онъ мало занимался дѣлами, былъ очень спѣсивъ и высокомѣренъ и потому не былъ способенъ примирить съ своею властію различныя политическія партіи, возбуждавшія волненіе въ Валахіи. Оттого-то, въ первые же годы его управленія возникли столкновенія между нимъ и общимъ собраніемъ, которое организовалось путемъ избранія и состояло бо́льшею частію изъ бояръ.

Эти столкновенія сдѣлались чрезвычайно серіозными въ началѣ 1842 года, когда общее собраніе, въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, изложило, хотя и въ почтительныхъ выраженіяхъ, настоящій обвинительный актъ противъ управленія господаря. Съ этой минуты началась борьба между законодательнымъ собраніемъ и исполнительною властью, и можно было предвидѣть, что князь Гика не будетъ въ состояніи удержать въ своихъ рукахъ власть. Жалобы, выраженныя общимъ собраніемъ, были большею частію вполнѣ основательны; но не менѣе того было несомнѣнно и то, что онѣ были высказаны не

Библиотека "Руниверс"

столько для того, чтобы уничтожить невыносимыя злоупотребленія, сколько для того, чтобы поколебать положеніе господаря, такъ какъ было немало честолюбцевъ, надѣявшихся замѣнить его.

Мнѣ было приказано немедленно отправиться въ Бухарестъ для того, чтобы выразить князю Гикѣ неудовольствіе, которое онъ вызвалъ со стороны императорскаго кабинета своимъ двусмысленнымъ и самовольнымъ поведеніемъ, для того, чтобы убѣдить его въ необходимости строгой провѣрки взводимыхъ на его правительство обвиненій и наконецъ для того, чтобы настоять на удаленіи нѣкоторыхъ его министровъ, обвиняемыхъ въ самыхъ вопіющихъ злоупотребленіяхъ.

Я выѣхалъ въ Бухарестъ въ половинѣ Мая, предварительно сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія для того, чтобы моя жена могла, отправиться на минеральныя воды въ Германію въ сопровожденіи моей сестры Луизы и моего брата Карла; я самъ намѣревался отправиться туда, лишь только исполню въ Валахіи возложенное на меня порученіе. Въ это время Русскимъ консульствомъ въ Яссахъ управлялъ г-нъ Коцебу, а генеральнымъ консульствомъ въ Валахіи г-нъ Дашковъ.

Я остановился въ Яссахъ только на одинъ или на два дня, такъ какъ тамъ мнѣ нечего было дѣлать, и затѣмъ отправился прямо въ Бухарестъ. Бояре, въ особенности тѣ, которые полагали, что имѣютъ одинакое съ князьями Стурдзой и Гикой право на званіе господаря, имѣли въ Петербургѣ многочисленныхъ приверженцевъ, такъ что о цѣли моей миссіи въ Бухарестѣ знали еще до моего пріѣзда. Поэтому вожди различныхъ партій стали стараться склонять меня на свою сторону и внушать мнѣ такое же нерасположеніе къ князю Гикѣ, какое они сами къ нему питали. Поднялась непрерывная суматоха; меня стали осаждать посѣтители съ утра до вечера, и я тогда узналъ, какъ велика склонность бояръ къ интригамъ, какъ они горячо гоняются за должностями и какъ въ нихъ сильно честолюбіе. За немногими исключеніями, эти бояре не внушаютъ къ себѣ уваженія, и я долженъ сознаться, что въ Молдо-Валахіи хотя женщины и отличаются легкостью поведенія, но вообще выше мущинъ. Онѣ болѣе образованы, чѣмъ мущины, и у нихъ болѣе душевнаго благородства.

Напротивъ того, я былъ очень холодно принятъ княземъ Гикою и его приближенными: онъ понималъ, что императорскій кабинетъ склонялся на сторону его политическихъ противниковъ и что его поведеніе не вызывало у насъ ничего кромѣ порицанія.

Хотя князь Гика и былъ обязанъ Россіи своимъ положеніемъ, но съ самаго вступленія на престолъ завелъ интриги противъ державы-покровительницы и искалъ сближенія то съ Франціей, то съ Англіей. Генеральные консулы этихъ двухъ державъ г-нъ Биллькокъ

Библиотека "Руниверс"

(Billecoq) и г-нъ Колькгунъ (Colquhoun), вмѣсто того, чтобы отклонять его предложенія, поспѣшили воспользоваться ими, такъ какъ преобладающее вліяніе ихъ Русскаго товарища низводило ихъ на второстепенную роль, и они были бы рады возникновенію такихъ событій, которыя могли поколебать это вліяніе и въ концѣ концовъ ослабить его. Князь Гика, воображавшій, что своими тайными происками онъ выказываетъ большую политическую ловкость, достигъ только того, что г-нъ Дашковъ перешелъ на сторону оппозиціи; понятно, что съ этого времени корреспонденція нашего генеральнаго консула съ императорскимъ министерствомъ отзывалась сильнымъ нерасположеніемъ къ господарю и совершенно охладила благосклонное до того времени расположеніе императорскаго кабинета. Вмѣстѣ съ тѣмъ г-нъ Дашковъ старался выставить болѣе блестящія, чѣмъ солидныя достоинства вождя оппозиціи Бибеско и этимъ расчистить путь для его возведенія на престолъ. Когда я прибылъ въ Бухарестъ, борьба уже разгорѣлась до того, что всѣ мои старанія примирить господаря съ большинствомъ бояръ, очевидно, не могли имѣть успѣха, а умѣренные совѣты, съ которыми я обращался къ той и къ другой сторонѣ, оставлялись безъ вниманія. Поэтому я ограничился добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ настоящаго положенія дѣлъ и, возвратившись чрезъ два мѣсяца въ Петербургъ, сообщилъ императорскому министерству, что, по моему глубокому убѣжденію, такъ дѣла не могутъ идти въ Валахіи и что если князь Гика не согласится на добровольное отреченіе отъ престола, необходимо войти въ соглашеніе съ Портой о его низложеніи и затѣмъ приступить къ избранію новаго князя, согласно съ органическимъ статутомъ.

Мое мнѣніе было одобрено. Порта безъ всякихъ затрудненій согласилась издать фирманъ о низложеніи князя Гики, и Бибеско, какъ и слѣдовало ожидать, былъ выбранъ господаремъ Валахіи.

*

Немедленно по возвращеніи въ Петербургъ я испросилъ годовой отпускъ для того, чтобы отправиться заграницу къ женѣ и отдохнуть отъ всѣхъ понесенныхъ трудовъ. Это было въ половинѣ Августа. Я засталъ жену въ Дрезденѣ, и такъ какъ я страдалъ завалами въ печени, то мы прежде всего отправились въ Маріенбадъ, гдѣ я пользовался водами въ теченіе четырехъ недѣль. Оттуда я направился чрезъ Прагу въ Вѣну. Изъ Вѣны я проѣхалъ въ Италію. Побывавъ въ Венеціи, Падуѣ, Болоньѣ, Флоренціи и Римѣ, я поселился на зиму въ Неаполѣ, гдѣ пробылъ три мѣсяца. Это путешествіе по Италіи оставило мнѣ неизгладимыя воспоминанія; въ особенности видъ Рима, этого вѣчнаго города, произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе.

Библиотека "Руниверс"

Въ первыхъ числахъ Марта 1843 мы отплыли на пароходѣ въ Марсель и прибыли туда благополучно послѣ непродолжительныхъ остановокъ въ Ливорнѣ и въ Генуѣ.

Изъ Марсели я отправился въ Парижъ, гдѣ пробылъ болѣе мѣсяца, а затѣмъ въ Эмсъ, гдѣ моя жена должна была, по совѣту докторовъ, выдержать вторичный курсъ лѣченія. Хотя срокъ моего отпуска еще не истекъ, мнѣ хотѣлось скорѣе возвратиться домой, и я направился вмѣстѣ съ женой (моя сестра и мой братъ уѣхали нѣсколько недѣль ранѣе) черезъ Дрезденъ, Берлинъ и Кенигсбергъ въ Курляндію, гдѣ мы всѣ условились съѣхаться въ имѣніи моей двоюродной сестры, баронессы Вольфъ, Юнгфернгофѣ. Тамъ получили мы извѣстіе, что матушка едва не отравилась мышьякомъ, который былъ положенъ, вѣроятно съ намѣреніемъ, въ поданный ей за обѣдомъ супъ. Она и ея горничная серьозно занемогли и спаслись отъ опасности лишь благодаря своевременно оказанной помощи; но сестра моей матери, моя тетка Шрейтерфельдъ, жившая вмѣстѣ съ нею съ той минуты, какъ овдовѣла, и также поѣвшая этого супу, умерла черезъ нѣсколько часовъ или вслѣдствіе слабости сложенія или вслѣдствіе испуга, такъ что всѣ старанія сохранить ея жизнь оказались безуспѣшными. Это заставило насъ сократить время нашего пребыванія въ Курляндіи и немедленно возвратиться въ Петербургъ. Я былъ такъ счастливъ, что засталъ матушку на пути къ выздоровленію и затѣмъ не разставался съ нею въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Съ этой минуты для меня какъ будто началась новая эпоха въ жизни. Наше семейство было въ то время въ полномъ сборѣ. Мой братъ Сергѣй, назначенный адъютантомъ къ Великому Князю Наслѣднику, нынѣ благополучно царствующему Императору, жилъ въ Петербургѣ со времени своего поступленія на службу. Мой братъ Карлъ женился вскорѣ послѣ того на внучкѣ княгини Ливенъ, дѣвицѣ Фитингофъ; а братъ Лудовикъ, вышедшій въ отставку изъ военной службы, также поселился въ Петербургѣ вмѣстѣ съ своей женой, урожденной Рахмановой; наконецъ, братъ Михаилъ, возвратившійся съ Каспійскаго моря, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ командовалъ крейсеромъ въ Астрабадскомъ заливѣ, былъ назначенъ командиромъ почтоваго парохода «Владиміръ» и съ тѣхъ поръ въ теченіе многихъ лѣтъ ходилъ взадъ и впередъ между Кронштадтомъ и Штетиномъ. Мы всѣ жили неподалеку другъ отъ друга, а маленькая гостиная матушки служила для всего семейства центромъ соединенія. По Воскресеньямъ и по Четвергамъ всѣ обѣдали у нея, а вечера мы почти всегда проводили тамъ же, чтобъ составлять ей партію въ ералашъ. Трудно было-бы найти другой семейный кружокъ, болѣе многочисленный и болѣе

Библиотека "Руниверс"

дружный, и матушка могла въ теченіе болѣе пятнадцати лѣтъ наслаждаться тѣмъ, что всѣ ея дѣти были подлѣ нея. Только гораздо позже смерть стала сокращать нашъ кружокъ, и у меня сжимается сердце, когда я вспоминаю о тѣхъ свѣтлыхъ дняхъ, которые уже никогда не воротятся.

Я былъ причисленъ къ генеральному штабу, но не несъ никакихъ особыхъ обязанностей, и потому имѣлъ много свободнаго времени. Я воспользовался этимъ досугомъ, чтобъ заняться политической экономіей, къ которой всегда чувствовалъ сильное влеченіе. Въ ту пору я имѣлъ случай встрѣчаться съ министромъ финансовъ графомъ Канкринымъ, единственнымъ настоящимъ министромъ финансовъ, какого никогда болѣе не имѣла Россія. Я хорошо знаю, что въ настоящее время вошло въ моду не отдавать справедливости графу Канкрину, потому что онъ никогда не пускался, очертя голову, въ примѣненіе теорій о свободѣ торговли; но чтобъ убѣдиться въ томъ, что его финансовая система была лучше системы его преемниковъ, достаточно сравнить, въ какомъ положеніи находились Русскіе финансы въ его время и въ какомъ они находятся теперь. При Канкринѣ промышленность и торговля процвѣтали, общественный кредитъ достигъ своего апогея, золото и серебро находились въ обращеніи на ряду съ банковыми билетами, которые можно было всегда размѣнять на звонкую монету; наконецъ, нашъ курсъ, при переводѣ денегъ за границу, постоянно стоялъ выше *пари*. Такъ какъ нѣтъ возможности отвергать очевидную истину и цвѣтущее положеніе, въ которомъ находилась въ ту пору Россія, то многіе пытались приписывать это цвѣтущее положеніе особенно благопріятнымъ обстоятельствамъ, при которыхъ графъ Канкринъ управлялъ финансами Имперіи. Но это не болѣе какъ рискованное предположеніе, неосновaнное ни на какихъ положительныхъ данныхъ. Въ бытность графа Канкрина министромъ, Россія выдержала войну съ Персіей, войну 1828 и 1829 съ Турціей и, наконецъ, въ 1831 войну съ Польскими мятежниками. Сверхъ того, революція 1830 года принудила Россію выставить значительныя военныя силы и заняться приготовленіями къ войнѣ; въ томъ-же году у насъ была холера, причинившая полный застой въ дѣлахъ, и наконецъ, если не ошибаюсь, въ 1833 или въ 1834 году, у насъ былъ такой повсемѣстный неурожай, какой рѣдко случался въ Россіи.

Въ чемъ-же, спрашиваю я, заключались тѣ обстоятельства, которыя, какъ нѣкоторые легкомысленно утверждали, были особенно благопріятны для графа Канкрина, и не справедливѣе-ли приписать его здравымъ политико-экономическимъ принципамъ и его практическому уму то быстрое развитіе народнаго богатства, которое произошло

Библиотека "Руниверс"

подъ его управленіемъ? Графа Канкрина можно основательно упрекать только въ томъ, что онъ замѣнилъ старыя ассигнаціи кредитными билетами и принялъ серебряный рубль за основную монетную единицу; но и эта ошибка не имѣла-бы важныхъ послѣдствій, еслибы государственный Совѣтъ не настоялъ, по предложенію князя Любецкаго, на выпускѣ рублевыхъ билетовъ и не принудилъ графа Канкрина дѣйствовать въ нѣкоторой мѣрѣ наперекоръ его собственнымъ убѣжденіямъ,—такъ какъ графъ Канкринъ постоянно противился этой мѣрѣ, утверждая, что рублевые билеты вытѣснятъ изъ обращенія звонкую монету. Къ тому-же графъ Канкринъ всегда настаивалъ на бережливости, какъ на самомъ дѣйствительномъ способѣ ввести порядокъ въ финансахъ, и съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на чрезмѣрныя траты, которыя дѣлались императоромъ Николаемъ для военныхъ силъ Имперіи. Однажды онъ даже подалъ прошеніе объ увольненіи и взялъ его назадъ только послѣ того, какъ ему было дано обѣщаніе уменьшить военные кадры. А вслѣдствіе того, что расходы постоянно превышали доходы, Канкринъ говорилъ своимъ приближеннымъ: чтобы мы ни дѣлали, а Россія всегда останется .... банкротомъ.

Когда я говорилъ ему о торговомъ балансѣ, который всѣ стали съ нѣкотораго времени называть химерою, графъ Канкринъ отвѣчалъ: Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе, что золото и серебро такой-же товаръ, какъ и всякій другой продуктъ; но во всякомъ случаѣ это самый лучшій изъ всѣхъ товаровъ, потому что онъ всегда находитъ покупателей. А когда ему говорили, что чрезмѣрно высокія охранительныя пошлины поощряютъ контрабанду, онъ постоянно возражалъ: Повѣрьте мнѣ, что о размѣрахъ контрабанды всѣ составляютъ себѣ очень преувеличенное понятіе. Кто занимается у насъ всѣхъ болѣе контрабандою?.....

Точно такъ-же, какъ Наполеонъ I, при всемъ своемъ геніи, не съумѣлъ оцѣнить примѣненіе пара къ мореплаванію, и Канкринъ не понялъ, какое важное значеніе должны были пріобрѣсти желѣзныя дороги. Онъ былъ явнымъ противникомъ желѣзныхъ дорогъ, и я нѣсколько разъ слышалъ отъ него, что желѣзныя дороги годны только для того, чтобъ уничтожать капиталы *(Kapitalien todt zu schlagen)*.

Въ нѣкоторомъ отношеніи онъ былъ правъ, такъ какъ въ Европѣ и въ Америкѣ желѣзныя дороги поглотили много милліардовъ и тѣмъ нарушили пропорцію, которая должна существовать между неподвижными и оборотными капиталами націй. Для всякаго очевидно, что когда слишкомъ большая часть сбереженій, составляющихъ избытокъ продуктовъ надъ потребленіемъ, находитъ постоянное помѣщеніе, доставляемое желѣзными дорогами: то для денежныхъ оборотовъ, требуемыхъ

Библиотека "Руниверс"

земледѣліемъ, промышленностью и торговлей, уже нѣтъ достаточныхъ средствъ. Отсюда происходятъ безденежье и дороговизна денегъ, затрудненія въ сдѣлкахъ, и наконецъ, денежные и торговые кризисы, которые въ послѣднее время такъ часто разражались на биржахъ тѣхъ странъ, въ которыхъ кредитъ утвержденъ на самомъ прочномъ фундаментѣ.

Еслибы не были изобрѣтены желѣзныя дороги, экономическое положеніе, вѣроятно, было-бы болѣе удовлетворительно. Но съ той минуты, какъ начали строить желѣзныя дороги на континентѣ, Россія не могла оставаться внѣ общаго движенія, такъ какъ иначе могла бы очутиться въ очень невыгодномъ положеніи по сравненію съ своими сосѣдями, и проживи гр. Канкринъ долѣе, онъ, я въ томъувѣренъ, самъ призналъ-бы необходимость избороздить Россію желѣзными путями.

Сочиненіе Тенгоборскаго объ Австрійскихъ финансахъ внушило мнѣ намѣреніе написать такое-же сочиненіе о Русскихъ финансахъ. Я собралъ и привелъ въ порядокъ матеріалы по этому предмету, какіе только былъ въ состояніи отыскать, и въ концѣ 1844 г. представилъ Императору, чрезъ военнаго министра, сравнительный обзоръ государственныхъ доходовъ во Франціи, въ Австріи, въ Пруссіи и въ Россіи.

Я знаю, что Императоръ, просмотрѣвъ мою записку, сказалъ князю Чернышову: Зачѣмъ Дюгамель берется за то, что̀ его не касается? Эти слова могли только охладить мое рвеніе къ труду. Вотъ такимъ-то образомъ императоръ Николай, вмѣсто того, чтобъ поощрять ученыя изслѣдованія, дѣйствовалъ—вслѣдствіе своего недовѣрчиваго и крутаго характера,—какъ гасильникъ просвѣщенія. Сколько благородныхъ стремленій были окончательно подавлены этимъ невыносимымъ формализмомъ, никому не дозволявшимъ выходить изъ сферы своей спеціальности, сколько талантовъ изсякли въ самомъ источникѣ, оттого что имъ не давали простора для развитія! И кто-же отъ этого болѣе всѣхъ пострадалъ, какъ не самъ императоръ Николай; ибо въ концѣ его царствованія, когда настали трудныя времена, онъ очутился въ одиночествѣ, не зная, на кого возложить свое довѣріе. Старые слуги государства мало-по-малу сошли со сцены, а чтобъ ихъ замѣнить, никого не подготовили.

Эта истина всего яснѣе обнаружилась въ томъ, что̀ касалось управленія финансами. Замѣнившій графа Канкрина, *Вронченко* былъ по крайней мѣрѣ такъ благоразуменъ, что не дѣлалъ никакихъ нововведеній и неуклонно шелъ по стопамъ своего предмѣстника. Поэтому въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ его управленія правительственная машина дѣйствовала какъ слѣдуетъ. Разстройство нашихъ финансовъ

Библиотека "Руниверс"

началось въ бытность министромъ г. *Брока*, а послѣ него *Княжевичъ* и *Рейтернъ* шли тѣмъ-же путемъ и сдѣлали это разстройство непоправимымъ. Нетрудно было бы указать нѣкоторыя изъ неблаговременныхъ мѣръ, которыя были приняты этими министрами, одна вслѣдъ за другою, и которыя лишь глубже раскопали пропасть, угрожающую поглотить достояніе государства; но этимъ мы опередили бы ходъ событій, и потому я намѣреваюсь возвратиться къ этому впослѣдствіи.

Что касается моей записки, то Вронченко, управлявшій въ ту пору Министерствомъ Финансовъ, доложилъ Императору, что она есть плодъ долгой и добросовѣстной работы и наполнена интересными данными; тогда Его Величество приказалъ изъявить мнѣ признательность за эту работу.

Въ концѣ 1845 г. я окончилъ другой трудъ, носившій заглавіе: *Исторія кредита и государственнаго долга въ Россіи*; этому мемуару я предпослалъ въ качествѣ эпиграфа слѣдующія слова, которыя я прочелъ въ одномъ изъ сочиненій Канкрина: *Für den Staatskredit, diese empfindliche alte Jungfer, muss mit Sorgfalt, jedoch ohne zu grosse Aengstlichkeit gesorgt werden.* (Съ государственнымъ кредитомъ, какъ съ сентиментальной старой дѣвой, слѣдуетъ обходиться осторожно, но безъ излишней робости). Тутъ были съ большой точностью описаны наши государственные долги въ эту эпоху; но съ тѣхъ поръ было сдѣлано столько внѣшнихъ и внутреннихъ займовъ, что мой трудъ уже не имѣетъ другаго интереса, кромѣ историческаго.

Семь лѣтъ подвизавшись на дипломатическомъ поприщѣ, я считалъ себя въ правѣ искать посланническаго мѣста при одномъ изъ Европейскихъ дворовъ; но чтобъ подвигаться впередъ въ дипломатической карьерѣ нужна болѣе, чѣмъ на всякомъ другомъ служебномъ поприщѣ, высокая протекція. Между тѣмъ оказался вакантнымъ постъ Русскаго посланника въ Стокгольмѣ, и я былъ помѣщенъ въ списокъ кандидатовъ; но Императоръ отдалъ предпочтеніе барону Крюднеру.

Убѣдившись, что графъ Нессельроде нерасположенъ горячо поддерживать мои служебные интересы и не желая играть жалкую роль просителя, я рѣшился подать прошеніе объ отставкѣ съ намѣреніемъ жить частнымъ человѣкомъ и заняться управленіемъ большаго помѣстья, принадлежавшаго моему тестю въ Подоліи. Но Императору не угодно было принять мою отставку, и онъ приказалъ передать мнѣ, что такъ какъ для меня имѣется въ виду болѣе высокій постъ, то я долженъ дождаться его и запастись терпѣніемъ.

Этимъ мѣстомъ моего назначенія, какъ я вскорѣ узналъ, была Восточная Сибирь, гдѣ я долженъ былъ замѣнить генерала Руперта въ званіи генералъ-губернатора. Многочисленныя жалобы, поступавшія

Библиотека "Руниверс"

на генерала Руперта, вызвали командировку сенатора Толстаго съ порученіемъ обревизовать управленіе этой части Имперіи, и можно было предвидѣть, что генералъ Рупертъ будетъ отставленъ. Дѣйствительно такъ и случилось. Но и на этотъ разъ я обманулся въ моемъ ожиданіи и, несмотря на формальное обѣщаніе Императора, бывшій въ ту пору министромъ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій добился того, что на предназначенное мнѣ мѣсто былъ назначенъ одинъ изъ его любимцевъ, Тульскій губернаторъ Муравьевъ. Это было чѣмъ-то въ родѣ личнаго для меня оскорбленія, и я, безспорно, имѣлъ право на какое-нибудь вознагражденіе. Поэтому я и былъ назначенъ въ концѣ 1847 года въ свиту Его Величества.

Лѣтомъ того-же года я предпринялъ вмѣстѣ съ женой поѣздку во внутреннія губерніи. Сначала мы отправились въ Полтавскую губернію, въ Линовичи, къ дядѣ моей жены съ материнской стороны, графу Бальмену, съ цѣлію отвезти туда двухъ двоюродныхъ сестеръ моей жены, дѣвицъ Сиверсъ, жившихъ у насъ въ домѣ въ теченіе почти цѣлаго года. Старшая изъ нихъ, Катерина страдала грудью, и суровый Петербургскій климатъ былъ вреденъ для ея здоровья; поэтому мы поспѣшили отвезти ее въ Малороссію, гдѣ она жила до того времени.

Изъ Линовичей мы отправились въ Зозово, въ Кіевскую губернію, къ другому дядѣ моей жены съ отцовской стороны отставному генера- Платону Козловскому.....

Библиотека "Руниверс"

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ СОБЫТІЙ 1861—1864 ГОДОВЪ.

Воспоминанія современника очевидца.

III *).

Левшинская полиція и политическія убійства.

Въ первой статьѣ моей «*Самоубійство генерала Герштенцвейга*», я сказалъ, что Варшавская полиція при Левшинѣ была деморализована въ высшей степени. Вотъ тому подтвержденія.

1) Въ началѣ Сентября 1863 года, генералы Шварцъ, Краснокутскій, Треповъ и Рожновъ собрались къ начальнику штаба генералу Минквицу и настаивали, чтобы онъ исходатайствовалъ разрѣшеніе у графа Берга поставить въ мужскихъ монастыряхъ военный постой для многихъ причинъ, изъ которыхъ назову двѣ: а) чтобы пресѣчь заговорщикамъ возможность собираться у ксендзовъ, и б) чтобы не допустить сбора баррикадистовъ въ монастыряхъ, на случай вспышки мятежа въ самой Варшавѣ, такъ какъ предполагалось собрать въ кляшторахъ всю уличную сволочь и начать повсемѣстный во всѣхъ костелахъ звонъ. Кажется, этихъ двухъ причинъ достаточно было, чтобы всякій вѣрноподданный Русскій согласился на предложенную мѣру. Минквицъ ухватился за эту мысль и обѣщался изготовить докладъ намѣстнику. Оберъ-полицеймейстеръ ген.-м. Левъ Ираклієвичъ Левшинъ сидѣлъ на этомъ совѣщаніи съ недовольною миною и что-то ворчалъ. Выйдя отъ Минквица, онъ тотчасъ же направился къ военному начальнику Варшавскаго отдѣла барону Корфу, гдѣ засталъ Варшавскаго коменданта князя Бебутова, не отличавшагося, также какъ и Корфъ, особенно твердою волею, и умѣлъ склонить ихъ обоихъ на свою сторону. Всѣ трое поѣхали къ намѣстнику и просили не разрѣшать

---

*) См. Р. Архивъ 1885, книга 1-я, стр. 102 и 416.

Библиотека "Руниверс"

военнаго постоя. Левшинъ доказывалъ, что занятіе монастырей войсками будетъ вторымъ актомъ насилія надъ костелами, якобы учиненнаго графомъ Ламбертомъ 3-го Октября 1861 года, и вызоветъ въ Европѣ новую бурю, притомъ-де ксендзы живутъ такъ тѣсно, что у нихъ рѣшительно негдѣ помѣстить ни одного солдата. Графъ Бергъ ничего не обѣщалъ до представленія доклада; а получивъ докладъ, послалъ фл.-ад. Михаила Николаевича Анненкова удостовѣриться, въ какой степени ксендзы живутъ тѣсно. Анненковъ представилъ подробную дизлокацію, поскольку ротъ или взводовъ можно помѣстить въ каждомъ монастырѣ. Графъ приказалъ занять монастыри войсками, согласно росписанію, составленному Анненковымъ.

— Впрочемъ, не торопитесь этимъ размѣщеніемъ, прибавилъ намѣстникъ, но постарайтесь все устроить къ концу этой недѣли.

Слова эти были горькою ироніею для Левшина и К°, потому что были произнесены въ Четвергъ; слѣдовательно все должно было окончиться черезъ день.

Военнымъ постоемъ были заняты монастыри: *Свѣнтокршижскій*, оба *Кармелитскіе* (на Краковскомъ Предмѣстьѣ и на Лѣшнѣ), *Бернардинскій* (въ которомъ схвачены четыре жандарма-вѣшателя), *Реформатскій*, *Капуцинскій*, *Августіанскій*, *Доминиканскій*, *Паулинскій* и *Францисканскій*. Въ нихъ войсками открыты подземные ходы: изъ Свѣнтокршижскаго монастыря въ домъ графа Замойскаго и на разныя улицы; въ одномъ изъ этихъ ходовъ, глубоко подъ землею, оказалось нѣсколько комнатъ темныхъ и сырыхъ, а за ними одна сухая и отлично меблированная, даже съ двойною кроватью подъ пологомъ. Вѣроятно тутъ бывали засѣданія «жонда». Отъ Капуциновъ шелъ подземный ходъ въ монастырь Фелиціанокъ; отъ Бернардиновъ въ разныя мѣста. Обо всѣхъ этихъ ходахъ Левшинская полиція *не знала*. Всѣ они заперты, и къ нимъ приставлены часовые. Въ Бернардинскомъ костелѣ, кромѣ четырехъ кинжалистовъ, найдено нѣсколько мѣшковъ съ особаго рода отравленными кинжалами. Это были зазубренныя стрѣлки, вершка въ три длиною. Убійца вонзалъ въ шею своей жертвѣ такую стрѣлку, поворачивалъ ее въ ранѣ и оставлялъ въ ней, а чтобы извлечь эту стрѣлку изъ шеи, нужно было рану въ четверо больше. Стрѣлки эти были въ артиллерійскомъ арсеналѣ обращены въ ломъ; но я успѣлъ спасти двѣ изъ нихъ, и одну, по приказанію графа Берга, намѣревался отправить въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей», какъ доказательство варварства террористовъ. Для этого надобно было, чтобы оберъ-полицеймейстеръ удостовѣрилъ подлинность оружія и приложилъ къ нему печать; когда я отдалъ Левшину стрѣлку, то онъ *потерялъ* ее. Но другую стрѣлку я не выпу-

Библиотека "Руниверс"

стилъ изъ рукъ и лично получилъ отъ Левшина требуемое удостовѣреніе. Стрѣлка эта вызвала въ послѣдствіи въ Европейской журналистикѣ цѣлую бурю изъ-за того, что газета «Opinion Nationale» перефразировала статью «Московскихъ Вѣдомостей» и заявила, будто эти стрѣлки употребляютъ Русскіе для убійства Поляковъ, чѣмъ будто бы «Московскія Вѣдомости», какъ «оффиціальная правительственная газета», и хвастается.

2) 13-го Сентября пойманъ въ Варшавѣ предводитель шайки *Янковскій*, при которомъ найдены бланки его *воеводскаго* званія, великое число разныхъ прокламацій, порохъ и т. п. Одинъ изъ плѣнныхъ мятежниковъ показалъ, что служилъ въ шайкѣ подъ начальствомъ этого самого Янковскаго. Полицеймейстеръ гвардейскій полковникъ *Россинскій* и коммиссаръ 1-го циркула *Дроздовичъ* сняли протоколъ съ Янковскаго; но Левшинъ передопросилъ его самъ и выхлопоталъ у графа Берга дозволеніе освободить его изъ-подъ ареста, на томъ будто бы основаніи, что у него былъ не порохъ, а *молотый цикорій* и что плакаты и прочія бумаги ему *неизвѣстно кѣмъ подброшены.* Левшинъ передалъ приказаніе графа Берга Россинскому; но тотъ самъ отправился къ намѣстнику, открылъ ему истину, и графъ приказалъ посадить въ Цитадель.... не Левшина, а Янковскаго! Честный Россинскій не могъ однакоже долго служить съ Левшинымъ и просилъ о возвращеніи его въ полкъ, что̀ Левшинъ и сдѣлалъ съ величайшею радостію.

3) На предмѣстьѣ Прагѣ, на станціи Петербурго-Варшавской желѣзной дороги, былъ расположенъ Московскій гренадерскій полкъ. Офицеры нерѣдко собирались по вечерамъ въ вокзалѣ и танцовали съ своими полковыми и другими приглашаемыми изъ Русскихъ дамами. Левшину, «въ виду народнаго траура», это не понравилось, и онъ просилъ барона Корфа о прекращеніи «этихъ неприличныхъ оргій». Къ счастію, Корфъ на этотъ разъ не только не согласился съ Левшинымъ, но, напротивъ, самъ сталъ появляться на этихъ вечерахъ и приглашать на нихъ другихъ.

4) Для усиленія полиціи графъ Бергъ прикомандировалъ къ ней, вопреки желанію Левшина, большое число лучшихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ изъ полковъ лейбъ-гвардіи, расположенныхъ въ Варшавѣ. Когда эти офицеры представлялись Левшину, онъ убѣждалъ ихъ «имѣть сердце» и руководствоваться сердцемъ при исполненіи возлагаемыхъ на нихъ важныхъ обязанностей. Въ тоже время упорно держались слухи, будто онъ говорилъ ксендзамъ: «Господа! Я православный; но молитесь обо мнѣ, потому что я желаю вамъ добра и дѣлаю въ вашу пользу все, что̀ отъ меня зависитъ; повѣрьте, что еслибы моя воля,

Библиотека "Руниверс"

то ни одинъ волосъ не упалъ бы съ вашей головы». (Вѣроятно бритыя головы ксендзовъ въ разсчетъ не принимались).

5) Въ числѣ прикомандированныхъ къ полиціи офицеровъ былъ поручикъ гвардейской артиллеріи *Владиміръ Васильевичъ Онопріенко*, прославившійся многими чрезвычайно важными открытіями и пріобрѣтшій тогда своими высоко-патріотическими и самоотверженными трудами большую извѣстность. 7-го Октября 1863 года онъ открылъ литографію «народоваго жонда», содержимую нѣкіимъ *Каэтаномъ Стрончевскимъ*. Онопріенко настигъ при этомъ хозяина вмѣстѣ съ рабочими, захватилъ камни и налитографированные на нихъ разные бланки, циркуляры и распоряженія «Жонда», «начельника мяста», «начельника полиціи народовой», фальшивые паспорты и, самое главное, авизаціи и билеты недавно наложеннаго мятежниками на край насильственнаго займа въ сорокъ милліоновъ злотыхъ (6 мил. рубл. сер.). Всего захвачено болѣе 120 разнаго наименованія формъ, отпечатанныхъ и сложенныхъ въ кипы, или готовыхъ къ тисненію. Бумаги, относившіяся до займа, не успѣли еще выйти изъ литографіи и захвачены всѣ до одной. Свѣдавъ объ этомъ, Левшинъ страшно возмутился, захотѣлъ придать этому подвигу Онопріенки видъ *ночнаго дебоширства*, поѣхалъ къ графу Бергу и нажаловался, будто Онопріенко, «въ пьяномъ видѣ и съ пьяною компаніею», безъ всякаго разрѣшенія и безъ участія полиціи, совершилъ ночное нападеніе на домъ и всполошилъ весь кварталъ, за что̀ и просилъ разрѣшенія посадить виновнаго *на три дня на гауптвахту*, съ отчисленіемъ отъ полиціи. Графъ Бергъ, предупрежденный уже Рожновымъ о важности открытія Онопріенки, приказалъ Левшину выдать ему въ награду 500 рублей и прислать его къ нему. Графъ лично благодарилъ Онопріенку и сказалъ, что дѣйствіе его считаетъ наравнѣ съ военными подвигами. Левшинъ однако приказалъ Онопріенкѣ *безъ приказанія не дѣлать самовольно обысковъ* по непосредственнымъ къ нему доносамъ. За открытіе литографіи Стрончевскаго, Онопріенко былъ приговоренъ «жондомъ» къ смерти и 12-го Сентября едва не поплатился жизнію, но успѣлъ схватить и обезоружить преступника въ ту минуту, какъ тотъ обнажалъ кинжалъ. Преступникъ оказался ремесленный подмастерье *Ягошевскій*, который и разстрѣлянъ на Гржибовской площади 18-го Сентября. Свѣдѣнія о подвигахъ Онопріенки были своевременно и подробно публикованы мною въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и другихъ газетахъ, за что̀ онъ и получилъ благодарственныя телеграммы: одну отъ чиновниковъ департамента полиціи исполнительной изъ Петербурга, другую отъ «Московскихъ дамъ», съ обѣщаніемъ вышить для него коверъ, и третью

Библиотека "Руниверс"

отъ нѣкоторыхъ лицъ Московскаго духовенства, съ высылкою ему Св. Евангелія *).

6) Деморализація Левшинской полиціи дошла до того, что агенты ея, 6-го Октября 1863 года, сами подожгли въ Варшавѣ зданіе такъ-называемой Ратуши, въ которой помѣщаются квартира оберъ-полицеймейстера, управленіе его, магистратъ и другія присутственныя мѣста. Огонь показался въ 12-ть часовъ полудня въ магистратскомъ архивѣ, на третьемъ этажѣ главнаго корпуса; чрезъ двадцать минутъ потомъ вспыхнулъ полицейскій архивъ, помѣщавшійся въ отдѣльномъ зданіи на другомъ дворѣ. Здѣсь пожаръ былъ непродолжителенъ, и зданіе быстро сгорѣло; но пожаръ въ главномъ корпусѣ продолжался до поздней ночи. Сгорѣли весь третій этажъ и часть бель-этажа. Только незначительная часть магистратскихъ дѣлъ и преимущественно строительные акты сдѣлались жертвою пламени; всѣ же прочія дѣла, со всѣми расчетами и казначейскими книгами магистрата, спасены. Всѣ деньги казначейства и имущество Ломбарда равномѣрно не понесли никакой потери. Изъ полицейскаго архива также уцѣлѣла значительная часть дѣлъ. Мятежники думали, что, истребя магистратъ съ его расчетами, помѣшаютъ сбору контрибуціи; но они крѣпко ошиблись: попытка не удалась и, кромѣ того, они причинили величайшій вредъ своей «ойчизнѣ» тѣмъ, что истребили много памятниковъ древности, драгоцѣнныхъ и уже незамѣнимыхъ, какъ напримѣръ грамотъ и привиллегій, жалованныхъ королями за нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ. Обгорѣлые куски пергамента, съ растопленными печатями, долго валялись въ грязи. Въ поджогѣ Ратуши оказались виновными маляръ *Владиславъ Внентовскій* и подмастерье бронзовыхъ дѣлъ *Яскульскій*, повѣшенные потомъ на гласисѣ цитадели 4-го Декабря. По ихъ показанію за поджогъ этотъ они получили отъ полицейскихъ чиновниковъ по 32 рубля сер. Эти два преступника были вмѣстѣ съ тѣмъ жандармами-кинжальщиками и участниками въ покушеніи на жизнь графа Берга, а Яскульскій даже начинялъ разрывнымъ составомъ Орсиніевскія бомбы. Подозрѣніе въ подкупѣ поджигателей Ратуши сильно падало, въ числѣ прочихъ, и на двухъ любимцевъ оберъ-полицеймейстера *Салерно* и *Стычаковскаго*, которыхъ графъ Бергъ приказалъ сослать въ отдаленныя Россійскія губерніи; но Левшинъ отстоялъ обоихъ: Стычаковскій остался въ управленіи оберъ-полицеймейстера, а Салерно былъ высланъ только въ Ригу,

*) Въ настоящее время полезная дѣятельность В. В. Оноприенки забыта и способности его пропадаютъ непроизводительно въ званіи начальника Варшавской пожарной команды.

Библиотека "Руниверс"

откуда въ послѣдствіи Треповъ возвратилъ его и вмѣстѣ съ Стычаковскимъ опредѣлилъ въ свое управленіе. Объ этихъ двухъ пріятеляхъ Левшина придется говорить еще неоднократно. Они что хотѣли, то и дѣлали съ толстымъ, неуклюжимъ и ни къ чему неспособнымъ Левшинымъ и никогда не скрѣпляли тѣхъ приказовъ и циркуляровъ оберъ-полицеймейстера, которыми предписывались какія-нибудь стѣснительныя мѣры, вызываемыя военнымъ положеніемъ. О Левшинѣ сложилась между Русскими даже поговорка: «плоть бодра, а духъ немощенъ».

7) Въ домѣ графа Замойскаго, изъ котораго были брошены въ графа Берга бомбы, найдено 8-го Октября 1863 года, болѣе полутора пуда боевыхъ патроновъ къ револьверамъ системы Лефоше и игольчатыхъ къ ружьямъ большаго калибра. Патроны эти найдены войсками, занявшими домъ послѣ покушенія на жизнь графа Берга. Левшинская полиція ничего объ этомъ *не знала*.

8) Полиція также ничего *не знала* о томъ, что въ печахъ пострадавшаго отъ пожара *магистратскаго архива* находилось много разнаго оружія и пороху. Левшинъ поспѣшилъ заявить намѣстнику, будто бы это оружіе есть то, которое *два года назадъ* (въ 1861 году), было отобрано при общемъ обезоруженіи жителей города Варшавы, но, *по оплошности такихъ-то покойниковъ, не было сдано въ арсеналъ своевременно.* Искусныхъ истопниковъ имѣлъ Левшинъ, если они топили въ печахъ архива *два года* и ухитрились не сжечь оружія и не воспламенить пороха!

9) Одинъ изъ политическихъ преступниковъ сдѣлалъ, 16-го Октября 1863 года, очень важныя показанія: открылъ почти весь «жондъ народовый», указалъ типографіи подпольныхъ газетъ и т. п. Предсѣдатель слѣдственной коммиссіи въ Цитадели полковникъ *Туголко* передалъ о томъ непосредственно графу Бергу, и вслѣдствіе этого произведены большіе аресты, между прочимъ членовъ «женскаго комитета». Въ числѣ арестованныхъ оказались всѣ тѣ лица, которыя находились уже подъ военнымъ судомъ въ 1861 и 1862 годахъ, были въ ссылкѣ и прощены графомъ Лидерсомъ и Сухозанетомъ. По тому же показанію, нѣкоторые революціонные памфлеты печатались въ типографіи «Газеты Польской» (Gazeta Polska) въ Варшавѣ и—о скандалъ! *въ типографіи «Полицейской Газеты»!!....* Архивъ «жонда» находился въ *архивѣ Варшавскаго Губернскаго Правленія.* Послѣдняя тайная типографія, по тому же указанію, была захвачена полицеймейстеромъ гвардіи полковникомъ *Косинскимъ*, вмѣстѣ съ семью типографщиками и чрезвычайно важными документами. Изъ переписки, при этомъ найденной видно, что типографія помѣщалась предъ тѣмъ въ монастырѣ Фелиціанокъ, въ комнатѣ гувернантки *Теклы Тра-*

Библиотека "Руниверс"

хановской; но, наканунѣ ревизіи у нея въ кельѣ, была вынесена на мѣсто сдѣланнаго открытія. Трахановская уже тогда судилась военнымъ судомъ за то, что указывала кинжальщикамъ тѣхъ лицъ, которыхъ нужно было убить. Изъ списка приговоренныхъ къ смерти, найденнаго у нея, тринадцать человѣкъ оказались уже убитыми. Она приговорена въ каторгу на пятнадцать лѣтъ. Левшинская полиція ни о чемъ этомъ *не знала*. И все осталось бы шито и крыто, еслибы Тухолко обратился прямо въ полицію.

10) Неспособность Левшина,—чтобъ не сказать болѣе—и злорадство его Польскихъ пріятелей выражались даже въ редактированіи его «Варшавской Полицейской Газеты». По рукамъ долго ходилъ № 257 этой газеты, въ которомъ планъ расположенія статей былъ слѣдующій:

а) Постановленіе Совѣта Управленія Царства Польскаго.
б) Объявленіе *о заблудившемся поросенкѣ* (sic!)
в) Всеподданнѣйшій адресъ Тобольскаго городскаго общества.
г) О выѣхавшихъ изъ Варшавы.
д) Распоряженія намѣстника Царства.
е) Военныя извѣстія... и т. д. до *сбѣжавшей коровы*.

Объявленіе *о поросенкѣ* помѣщено подъ рубрикою: «*часть оффиціальная*». Одинъ экземпляръ этого номера я своевременно отправилъ въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей».

11) По требованію того-же полковника Тухолки, 22 Января 1864 г., арестованъ владѣлецъ уксусной фабрики *Генрихъ Эккертъ*, жившій на Электоральной улицѣ. При обыскѣ квартиры его обратила на себя вниманіе одна каменная стѣна со слѣдами недавней побѣлки; при постукиваніи она издавала глухой гулъ. Когда ее разбили, найденъ нишъ, въ которомъ было скрыто: 10 адскихъ машинъ, одна Орсиніевская бомба, 12 отравленныхъ кинжаловъ большаго размѣра, три заряженные револьвера, патронныя сумы, большое число разныхъ боевыхъ патроновъ и капсюлей, множество разныхъ документовъ и бумагъ революціоннаго содержанія. Кромѣ того, въ другихъ мѣстахъ дома отысканы порохъ, мятежническіе мундиры и т. п. Левшинская полиція ничего объ этомъ *не знала*. Домъ Эккерта конфискованъ. Старикъ-хозяинъ едва-ли зналъ о храненіи въ домѣ его оружія; но оно принадлежало сыну его, находившемуся тогда въ шайкѣ мятежниковъ. Эккертъ, при первой женѣ, былъ уважаемъ и любимъ всѣми. Потомъ онъ женился на кухаркѣ-католичкѣ и прижилъ съ нею золото-сынка, который и погубилъ отца. Ксендзы начали дѣйствовать на эксъ-кухарку, увѣряя ее, что она погубила душу выходомъ въ замужество за лютеранина; они настояли, чтобы сынъ ея былъ крещенъ въ католичество и въ послѣднее время склонили и мать, и сына помогать

Библиотека "Руниверс"

«народовому жонду», безъ чего, по словамъ ксендзовъ, спасеніе души было немыслимо. Такимъ образомъ, все что пріобрѣлъ старикъ тяжкими трудами цѣлой жизни погибло въ одинъ день, по милости супруги-кухарки и сына-вѣшателя. Сей послѣдній схваченъ 2 Іюля 1864 года въ Сѣдлецкомъ уѣздѣ, у помѣщика *Новаковскаго*, самимъ участковымъ военнымъ начальникомъ, при чемъ Эккертъ сильно сопротивлялся и нанесъ военному начальнику три раны ножемъ. Убійца обратилъ на себя вниманіе тѣмъ, что былъ, въ крестьянской одеждѣ, на именинахъ у Новаковскаго, въ компаніи *графовъ Езерскаго, Залусскаго* и другихъ знатныхъ особъ уѣзда. На слѣдствіи выяснено, что Эккертъ былъ извѣстный Варшавскій кинжальщикъ, зарѣзавшій собственноручно, для практики, двухъ человѣкъ и бросавшій въ графа Берга бомбы, вмѣстѣ съ повѣшенными: *Красунскимъ, Вжентовскимъ* и *Яскульскимъ* и помилованными *Ляндовскимъ* и *Шмидтомъ*. Графъ Бергъ даровалъ жизнь и Эккерту, замѣнивъ смерть каторгою. Помѣщики *Новаковскій* и *Вернеръ*, за укрывательство у себя долгое время Эккерта, сосланы на жительство въ отдаленныя губерніи Имперіи.

12) Въ квартирѣ трехъ сестеръ: дѣвицъ, *Юліи*, *Варвары* и *Эмиліи Гузовскихъ*, въ Варшавѣ, во время генералъ-полицеймейстерства Трепова, 18 Марта 1864 года, найденъ весь послѣдній архивъ «жонда»: газеты, денежныя книги, громадная корреспонденція такъ называемыхъ «департаментовъ», «финансовъ», «военнаго», «внутреннихъ дѣлъ», «иностранныхъ дѣлъ», «полиціи и прессы», «статсъ-секретаріата Царства Польскаго», «статсъ-секретаріата Руси», цѣлыя горы прокламацій, распоряженій, бланковъ и бумаги съ водяными знаками «народоваго жонда», 928 облигацій отъ «жонда» на насильственный заемъ въ 2 милліона рублей; 297 топографическихъ картъ разныхъ уѣздовъ, пять печатей съ разными надписями, совершенно свѣжая краска, приготовленная для оттиска этихъ печатей—и, наконецъ, разныя квитанціи и отчеты въ расходѣ различнаго наименованія денежныхъ суммъ. Это было открытіемъ первостепенной важности, равнымъ открытію поручикомъ Оноприенкомъ литографіи Строичевскаго. Складъ этотъ существовалъ у Гузовскихъ болѣе года; но Левшинская полиція ничего о немъ *не знала*, и при ней немыслимо было-бы подобное открытіе.

13) Вся полиція въ Варшавѣ только и держалась офицерами и солдатами, прикомандированными къ ней изъ войскъ гвардіи; собственно-же полицейскіе чины не только не приносили ни малѣйшей пользы дѣлу, но нерѣдко оказывались даже вредными. Имѣя въ виду прекрасное содержаніе, молодежь кидалась въ штатъ полиціи и потомъ кутила, играла въ карты и развратничала. Въ Іюнѣ 1864 г. арестованъ и преданъ военному суду поручикъ мѣстной полиціи *Ощепальскій*

Библиотека "Руниверс"

(католикъ), уличенный нѣкоторыми уличными убійцами въ измѣнѣ. Изъ нихъ Армянинъ *Байндуровъ*, продававшій убійцамъ кинжалы и мѣщанинъ *Бернацкій*, убившій въ Виляновѣ жандармскаго унтеръ-офицера *Покоса*, уличили Ощепальскаго въ глаза и заставили сознаться, что онъ всегда предупреждалъ ихъ о предстоявшихъ обыскахъ и обо всякихъ секретныхъ мѣрахъ полиціи. Но самымъ важнымъ открытіемъ въ Варшавѣ правительство обязано гвардейцамъ. Многіе изъ простыхъ солдатъ обладали удивительною зоркостію и были физіономистами, чуть не ясновидящими. Такъ напримѣръ, изъ двухъ идущихъ рядомъ молодыхъ людей, которые не даютъ ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію, солдатъ задерживаетъ одного, и всегда удачно: непремѣнно при немъ что-нибудь да отыщется. 22 Января 1864 г. чиновникъ министерства путей сообщенія *Лавцевичъ*, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ порядочный, шелъ по улицѣ днемъ, какъ ходятъ тысячи человѣкъ, ничѣмъ особеннымъ не отличаясь, чтобъ обратить на себя вниманіе полиціи. Никто его не разыскивалъ. Сотни часовыхъ миновалъ онъ ежедневно, и никто не имѣлъ ни малѣйшаго повода его останавливать. Вдругъ солдатикъ—и на видъ-то невзрачный—ни съ того, ни съ сего, движимый однимъ инстинктомъ, остановилъ его вопросомъ: Куда, панъ, идешь?—Въ канцелярію.—А это что̀ у тебя за пазухою? И съ этимъ схватилъ его за рукавъ. Солдатъ самъ потомъ сознался, что за пазухою онъ ничего не замѣтилъ и спросилъ только наугадъ, «испужается онъ или нѣтъ?» Лавцевичъ дѣйствительно «испужался» и бросился бѣжать, но ушелъ недалеко. Онъ оказался весьма важнымъ государственнымъ преступникомъ; при немъ и въ квартирѣ его найдены чрезвычайно важныя бумаги, которыя повели къ раскрытію всей революціонной организаціи послѣдняго времени. Точно также шелъ по улицѣ сынъ декана Варшавскаго университета студентъ *Дуткевичъ*; солдатъ остановилъ его, и онъ оказался революціоннымъ коммисаромъ города Варшавы, съ номинаціею (патентомъ) на это званіе въ карманѣ. Далѣе, солдатъ арестовалъ ученика *Лукашевича*, чрезъ котораго открыты «начельникъ мяста» *Богуславскій* и сынъ его «статсъ-секретарь крулевства». Солдатъ замѣтилъ въ домѣ Эккерта новую стѣну, за которою хранились адскія машины. Солдатъ замѣтилъ оружіе въ колодцѣ дома Истомина, набросанное туда со страху преслѣдуемыми убійцами. Солдатъ задержалъ ѣхавшаго на извозчикѣ студента *Новицкаго*, при которомъ также найденъ патентъ на званіе революціоннаго коммиссара города Варшавы. Поводу къ арестованію Новицкаго также не было никакого; но солдатъ, провожая его въ участокъ, смотрѣлъ за нимъ въ оба, такъ что Новицкій не успѣлъ выбросить свой патентъ. Въ участкѣ Новицкаго раздѣли до̀ нага и ничего не нашли;

Библиотека "Руниверс"

но поимщикъ не зѣвалъ:—Теперь посмотрите ту бумажку, на которую панъ наступилъ, выбросивши изъ кармана, сказалъ рядовой. Бумажка оказалась упомянутымъ патентомъ.

Между тѣмъ, Левшинъ имѣлъ въ своемъ полицейскомъ управленіи сначала не мало прекрасныхъ людей; но онъ пренебрегалъ ими и предоставилъ «народовому жонду» всѣхъ ихъ перерѣзать, какъ будетъ подробно разсказано ниже. Остался однако одинъ —слѣдственный приставъ *Сущинскій*. Это замѣчательная личность. «Жондъ» въ одномъ изъ подпольныхъ листковъ даже сопоставилъ его имя съ именемъ графа Берга, говоря, что «въ Варшавѣ свирѣпствуютъ два представителя Царя: *Сущинскій и Бергъ*». Удивительно, какъ онъ давно уже не палъ подъ кинжаломъ. Сущинскій много насолилъ «жонду», также какъ и Онопріенко, и много выловилъ его членовъ. Имя Сущинскаго было страшно для злодѣевъ: на допросахъ они высказывали ему всю подноготную. Чѣмъ болѣе свирѣпствовалъ терроръ, тѣмъ былъ неумолимѣе для убійцъ несокрушимый духомъ и мужественный Сущинскій. Между тѣмъ онъ все время былъ *заброшенъ*, и Левшинъ держалъ его *въ черномъ тѣлѣ*. Мѣстное правительство и не знало истиннаго своего друга, честнаго и безкорыстнаго труженика, дѣятельно помогавшаго графу Бергу достигнуть миротворной цѣли. Въ концѣ концовъ Польская интрига, съ Левшинымъ во главѣ, восторжествовала и заставила само правительство наказать Сущинскаго за вѣрность ему: въ Декабрѣ 1863 года генералъ *Краснокутскій* привлекъ его къ дѣлу одной авантюристки *Леонтины Шимовой* и посадилъ въ Цитадель.

14) Лучшими уличителями Левшинской полиціи въ бездѣйствіи власти, и даже въ измѣнѣ, могутъ служить акты слѣдственной коммиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ полковника, а потомъ генералъ-маіора *Тухолки*. Какія громадныя открытія сдѣлалъ этотъ человѣкъ великаго ума и образованія, въ теченіи второй половины 1863 и всего 1864 годовъ! Онъ раскрылъ всю подноготную «народоваго жонда», обнаружилъ всѣхъ до одного членовъ революціонной организаціи, всѣхъ кинжальщиковъ, всѣ козни и помышленія. Кроткимъ обхожденіемъ съ арестованными и силою убѣжденія онъ доводилъ ихъ до полнаго раскаянія и указанія скрывавшихся преступниковъ. Полиція едва успѣвала арестовывать тѣхъ, на кого указывалъ Тухолко, и его неутомимой, благородной, истинно-русской дѣятельности, край обязанъ умиротвореніемъ. Тухолко указалъ полиціи на послѣдняго «начельника мяста Варшавы», студента одного изъ Русскихъ университетовъ *Вашковскаго*, который и арестованъ 10 Декабря 1864 года. Преступникъ сознался въ разныхъ злодѣяніяхъ и между прочимъ въ томъ, что собственноручно выносилъ изъ казначейства Земскаго Кре-

Библиотека "Руниверс"

дитнаго Общества украденные 31 милліонъ злотыхъ (4.650,000 рубл.). Онъ повѣшенъ на гласисѣ Цитадели 5 Февраля 1865 года.

15) Января 5 дня 1864 г. графъ Бергъ принималъ представленную Левшинымъ «городскую депутацію» со всеподданнѣйшимъ адресомъ «отъ жителей города Варшавы». Со стороны Левшина вся эта комедія была продѣлана такъ глупо и неумѣло, а можетъ быть и нарочно, что возмущала всякаго Русскаго человѣка. Изъ 200 тысячъ жителей Варшавы адресъ не подписали и 10%. Подписи собирались по участкамъ (циркуламъ), куда сгоняли для этого всякую сволочь. Изъ значительныхъ обывателей и купцовъ никто не подписался. Депутація, представленная Левшинымъ въ замокъ, состояла изъ нѣсколькихъ нечесаныхъ и немытыхъ Жидюгъ и торговцевъ съ лотковъ, и эту сволочь, согнанную съ улицъ, Левшину угодно было назвать «Варшавскимъ купечествомъ». Русскіе съ негодованіемъ спрашивали его, почему онъ не пріодѣлъ и не выполоскалъ хоть въ ринштокѣ этихъ «купцовъ?» Графъ Бергъ показалъ видъ, будто вѣритъ въ эту глупѣйшую комедію и произнесъ къ депутаціи рѣчь. Ему хотѣлось только, чтобы адресъ скорѣе напечатали въ «Варшавскомъ Дневникѣ».

Вслѣдъ за этимъ Левшинъ былъ смѣненъ, и генералъ-полицеймейстеръ края *Треповъ* вызвалъ на его мѣсто командира Кіевскаго гарнизоннаго баталіона полковника *барона Фредерикса*. Левшину однако оставлено 6 т. рубл. годоваго содержанія. Польскіе полицейскіе чиновники, въ знакъ благодарности за сочувствіе его Польской «справѣ», поднесли ему серебряный вызолоченный кубокъ, которымъ онъ похвасталъ предъ намѣстникомъ. Затѣмъ онъ далъ Полякамъ обѣдъ. Въ послѣдствіи Полякамъ стало жаль большаго расхода на кубокъ, и они вознамѣрились было сдѣлать на этотъ кубокъ вычетъ изъ жалованья *Русскихъ* полицейскихъ чиновниковъ; но тѣ сильно этому воспротивились, тѣмъ болѣе, что Поляки только свои имена вырѣзали на кубкѣ.

Приступаю къ самой трудной задачѣ—описанію политическихъ убійствъ, совершенныхъ въ Варшавѣ, при участіи или вслѣдствіе преступнаго бездѣйствія Левшинской полиціи.

Начну хоть съ убійства *Вихерта*.

1. Чиновникъ *Вихертъ*, жившій на Свѣнтокршижской улицѣ, былъ приговоренъ къ смерти «жондомъ народовымъ» за то, что, при содѣйствіи сестры своей, арестовалъ и передалъ въ руки полиціи одного изъ сборщиковъ податей на «народову справу». Исполнителями приговора, по собственному сознанію, оказались: жившій въ одномъ домѣ

Библиотека "Руниверс"

съ Вихертомъ сапожникъ *Бахлинскій,* подмастерье его *Голембіовскій, Янковскій* и два брата *Новицкіе;* пекарный подмастерье *Коханскій* и два полицейскіе дозорцы *Островскій* и *Новицкій.* Въ заговорѣ участвовали также жена Бахлинскаго, дворникъ *Качинскій* и двѣ служанки Вихерта *Яськевичъ* и *Бринеровичъ;* всего 12 человѣкъ. Изъ нихъ бѣжали изъ Варшавы: одинъ Новицкій, Коханскій и оба полиціанта Островскій и Новицкій. Въ Іюлѣ 1863 г., шайка эта ворвалась въ квартиру Вихерта и убила его самаго, сестру его, служанку и даже собаку, которая защищала своего господина. Убійство совершено поразительно звѣрскимъ образомъ; убійца какъ будто находилъ особенное наслажденіе мучить жертву: вонзивъ ножъ, онъ вертѣлъ имъ во всѣ стороны и расширялъ рану на столько, что въ нее могла войти рука. Такихъ ранъ найдено на Вихертѣ 9, на сестрѣ его 17 и на служанкѣ 11; собака, съ распоротымъ брюхомъ и выпущеными кишками, отползла отъ кровати своего господина подъ стулъ и тамъ издохла. Въ Августѣ мѣсяцѣ повѣшены на гласисѣ Цитадели: Бахлинскій, Голембіовскій и Янковскій, а въ Сентябрѣ и Коханскій, который оказался *Матвѣемъ Вильчинскимъ,* выходцемъ изъ Галиціи. Онъ былъ въ бандахъ, попался въ плѣнъ, бѣжалъ и поступилъ въ жандармы-вѣшатели. При немъ найденъ особой конструкціи отравленный ножъ, которымъ онъ совершалъ убійства. Замѣчательно, что какъ Бахлинскій, такъ и Вельчинскій по неумѣлости палача, мучились въ петлѣ— первый 16, а второй 14 минутъ. Это произошло отъ того, что «жондъ народо́вый» запретилъ палачамъ, подъ страхомъ смерти, употреблять для вѣшанія веревку съ кольцемъ, которая хотя и причиняла смерть мгновенную, но служила арканомъ для ловли собакъ на улицахъ. Палачи начали употреблять веревки новыя, которыя невсегда могли плотно затягиваться на шеѣ преступника. Прочіе соучастники убійствъ въ квартирѣ Вихерта наказаны ссылкою, а четверо бѣжавшихъ не отысканы.

2. Въ началѣ Августа тогоже 1863 г., ранены кинжалами: циркуловый коммиссаръ *Дроздовичъ* и чиновникъ полицейскаго управленія *Рихтеръ.* Убійцъ Левшинская полиція схватить *не успѣла* и отыскать потомъ *не умѣла.*

3. Въ томъ же мѣсяцѣ убиты чиновники управленія оберъ-полицеймейстера: *Скавронскій* и *Босакевичъ* и дозорцы *Бялый* и *Бляу.* Изъ убійцъ схваченъ только убійца Босакевича, типографскій ученикъ *Вагнеръ,* который и повѣшенъ на гласисѣ Цитадели 5 Сентября.

4. Въ концѣ Августа тогоже года, на Маршалко́вской улицѣ, въ 6 часовъ по полудни, раненъ ударомъ кинжала въ спину, ниже лопатки, старшій врачъ 3 гвардейской артиллерійской бригады, докторъ

Библиотека "Руниверс"

медицины *Мессершмидтъ.* Убійца неизвѣстенъ. Г. Мессершмидтъ раненъ, по поговоркѣ, «ни за што, ни про-што, такъ, за здорово-живешь». Онъ ничего не дѣлалъ дурнаго Полякамъ и не принималъ въ дѣлахъ ихъ ни малѣйшаго участія; убитъ по ошибкѣ кинжальщиковъ, а такихъ ошибокъ съ ихъ стороны было много.

5. Графъ Бергъ сдѣлалъ строгое распоряженіе чтобы во всей Варшавѣ, на всѣхъ улицахъ, во всякое время дня и ночи, ворота домовъ были заперты на замки, чтобы дворники находились у воротъ безотлучно и проходные дворы были совсѣмъ закрыты. Распоряженіе это поразило «жондъ» въ самое сердце, потому что пресѣкало возможность уличнымъ убійцамъ скрываться отъ преслѣдованія. «Жондъ» постановилъ отыскать составителя этого проекта и казнить его смертію. Проектъ былъ составленъ начальникомъ отдѣленія въ управленіи оберъ-полицеймейстера *Мирзою - Туганъ - Барановскимъ* (изъ Татаръ Августовской губерніи). Это былъ одинъ изъ умнѣйшихъ, образованнѣйшихъ и преданнѣйшихъ правительству людей. Левшинъ не любилъ этого человѣка, именно за умъ его и вѣрность. Любимцы Левшина, Салерно и Стычаковскій, разумѣется, и подавно дышали злобою къ Барановскому. Жизнь его постоянно была въ опасности; онъ получалъ много угрожающихъ писемъ съ изображеніемъ висѣлицы и началъ серьезно побаиваться за свою жизнь, послѣ убійства начальниковъ сыскной полиціи *Фелькнера* и *Ратайскаго.* Барановскій жилъ въ циркýлѣ извѣстнаго двуличностью циркулòваго коммисара *Скульскаго* (третьяго любимца Левшина) и постоянно просилъ у него казенной квартиры, хотя бы въ архивѣ, изъ одной комнаты, не смотря на то, что имѣлъ восьмерыхъ дѣтей, или же чтобы у его квартиры былъ учрежденъ полицейскій постъ. Левшинъ отказывалъ ему въ первой просьбѣ рѣшительно, а вторую откладывалъ до преобразованія полиціи; между тѣмъ, любимцевъ своихъ Салерно и Стычаковскаго онъ помѣстилъ незаконно въ зданіяхъ, занимаемыхъ полицейскими циркулами, и далъ имъ великолѣпныя квартиры. Барановскій, узнавъ о новой угрозѣ подземныхъ разбойниковъ, просилъ Левшина, чтобы проектъ его руки былъ ему возвращенъ; но Левшинъ не могъ его найти, потому что отдалъ по обыкновенію Стычаковскому и Салерно, а у тѣхъ онъ *закинулся куда-то.* 1 Сентября какой-то незнакомецъ-доброжелатель предостерегъ Барановскаго, что этимъ проектомъ онъ подписалъ себѣ смертный приговоръ. Вечеромъ Барановскій, въ кругу друзей своихъ, очень безпокоился на счетъ этого проекта и выразилъ опасеніе, что Стычаковскій и Салерно вѣроятно уже передали его «народòвому жонду». На другой день, утромъ, какой-то подмастерье бросился за нимъ съ кинжаломъ въ отхожее мѣсто, но Барановскій захлопнулъ

Библиотека "Руниверс"

дверь изнутри и погрозилъ убійцѣ револьверомъ. Незнакомецъ, увидя въ замочную скважину револьверъ, убѣжалъ. Барановскій отправился къ Левшину, опять просилъ о квартирѣ и о полиціантѣ, и въ сотый разъ получилъ отказъ. Къ вечеру однако, по настоянію генерала Рожнова, Левшинъ прислалъ къ нему одного изъ вновь назначенныхъ въ помощь полиціи солдатъ, человѣка неопытнаго и нерасторопнаго. Въ 7 часовъ вечера, того же 2 Сентября, прошелъ къ Барановскому какой-то полиціантъ, а съ нимъ еще человѣкъ пять-шесть. Солдатъ ни слова не сказалъ имъ и продолжалъ стоять въ воротахъ. Услыхавъ надъ головою своею, въ квартирѣ Барановскаго, шумъ и крикъ, часовой пошелъ дать знать объ этомъ въ циркулъ. Такъ было ему приказано. Когда изъ циркула пришли, то въ квартирѣ никого уже не застали, но нашли убитаго Барановскаго, съ собственноручнымъ проектомъ его на груди и израненныхъ жену его и 17-лѣтнюю дочь.

Дѣло было вотъ какъ. Полицейскій дозорца *Яросинскій* вошелъ къ Барановскому и вышедшей на встрѣчу женѣ его сказалъ, что присланъ отъ оберъ-полицеймейстера. Г-жа Барановская, хорошо знавшая Яросинскаго, пошла къ мужу въ кабинетъ звать его. Мужъ не хотѣлъ выходить; но жена начала уговаривать, чтобы онъ ничего не боялся, потому что пришелъ тотъ дозорца, который приходитъ къ нимъ постоянно. Несчастный вышелъ. Яросинскій, подавая ему бумагу, сказалъ: «проектъ и награда за него» — и въ тотъ же моментъ вонзилъ ему въ сердце кинжалъ по самую рукоятку. Жена и дочь бросились на помощь; но злодѣй, выхвативъ изъ ноженъ саблю, рубнулъ по головѣ одну и другую и спокойно вышелъ; товарищи ожидали его въ корридорѣ — и всѣ ушли безпрепятственно. Барановскій упалъ безъ крика и стона и въ туже минуту умеръ. Жену цѣлыя сутки нельзя было привести въ чувство; придя въ себя на мгновеніе, она тотчасъ же снова лишалась чувствъ при воспоминаніи о катастрофѣ. Она до безумія любила мужа, и когда узнала, что ему грозитъ опасность, то слѣдила за нимъ тайно до канцеляріи и обратно. Надобно же было случиться, что сама она вызвала его изъ кабинета на вѣрную смерть. Эта одна мысль убивала ее, и многіе сомнѣвались, чтобы она пережила это. Раны у матери на головѣ, а у дочери на срединѣ лба, видны и до сихъ поръ, по истеченіи почти двухъ лѣтъ. — Оберъ-полицеймейстеръ, донося объ этомъ убійствѣ графу Бергу, отъ 3 (15) Сентября № 79866, присовокупилъ, что оно совершено «неизвѣстнымъ человѣкомъ, одѣтымъ въ полицейское платье, и что если убійцею былъ дѣйствительно полиціантъ Яросинскій, то онъ *уже есть отставной*».

Библиотека "Руниверс"

Это, какъ видно изъ предыдущаго, уже *седьмая жертва* изъ подчиненныхъ Левшина. Между тѣмъ, Левшинъ не представлялъ къ наградамъ ни пострадавшихъ за вѣрность правительству чиновниковъ, ни осиротѣлыхъ семействъ, оставшихся послѣ убитыхъ отцовъ ихъ; но выхлопатывалъ награды орденами и деньгами любимцамъ своимъ, поименованнымъ выше, а самъ удостоился получить 30 Августа Станислава 1-й степени.

4 Сентября, въ 4 ч. по полудни, совершено погребеніе несчастнаго *Мирзы-Туганъ-Барановскаго*, съ надлежащими почестями. Графъ Бергъ строго приказалъ Левшину, чтобы почести эти были непремѣнно отданы покойному. Всѣ чиновники полиціи и магистрата сопровождали гробъ. Мы всѣ Русскіе хотѣли также быть на погребеніи, чтобы почтить память этого достойнаго человѣка; но оберъ-полицеймейстеръ и тутъ выкинулъ каверзу: распустилъ слухъ, что погребеніе назначено въ Четвергъ, распорядился похоронить покойнаго днемъ раньше, въ Среду, и потому на погребеніе попали только тѣ, которые случайно увидали погребальный ходъ и примкнули къ нему. Неудовольствіе за это на Левшина было всеобщее. По принятому имъ обычаю, онъ, изъ боязни «жонда народоваго», никогда не объявлялъ ни въ «Полицейской Газетѣ», ни листками на углахъ домовъ о днѣ погребенія жертвъ уличнаго разбоя. «Варшавскій Курьеръ», объявлявшій о смерти и часѣ погребенія каждаго сапожника, еще менѣе осмѣливался объявлять о жертвахъ террора. Такимъ образомъ никто никогда не зналъ о времени погребенія этихъ жертвъ: ихъ вывозили какъ самоубійцъ, на разсвѣтѣ, подъ надзоромъ полиціи, тайно, и хоронили, не оставляя никакихъ знакокъ на могилѣ. Ни одинъ ксендзъ не хотѣлъ хоронить этихъ несчастныхъ; а если заставляли ксендза, по наряду, сопровождать тѣло, то онъ гдѣ-то впереди бѣжалъ украдкою, тщательно кутаясь въ широкій плащъ. Такъ похоронили зарѣзанныхъ: *Минишевскаго*, извѣстнаго Польскаго писателя; такъ похоронили *Вихертовъ*, чиновниковъ *Фелькнера*, *Ратайскаго*, *Босакевича*, дозорцевъ *Бѣляго* и *Бляу* и множество другихъ; только *Скворонскаго* и *Барановскаго* похоронили какъ слѣдуетъ, и то потому только, что графъ Бергъ приказалъ, хотя также безъ объявленій. Раздирающая душу картина представлялась на кладбищѣ, когда опустили тѣло Барановскаго въ могилу. Семеро сиротъ малъ-мала меньше (мать и старшая дочь остались дома раненыя), протягивали къ гробу руки съ крикомъ и рыданіями.... Не было мужчины, который бы не прослезился....

Убійца Яросинскій такъ и не отысканъ.

6. Въ ночь съ 6 на 7 Сентября, четыре человѣка, вооруженные косами, напали на военномъ плацу (plac - broni), находящемся между

Библиотека "Руниверс"

Цитаделью и Повонзковскою заставою, на ѣхавшаго верхомъ казака и нанесли ему нѣсколько ранъ: но онъ успѣлъ отбиться и ускакать. Убійцы не отысканы.

7. 7 Сентября, въ 5 час. по полудни, при возвращеніи графа Берга съ прогулки, какой-то человѣкъ, стоя на балконѣ дома графа Замойскаго, находящагося въ самой узкой части Краковскаго Предмѣстья, махнулъ платкомъ; вслѣдъ затѣмъ раздались три штуцерныхъ выстрѣла изъ оконъ: одна пуля, какъ пущенная сверху, пробила у графа пальто сзади подъ воротникомъ, прошла около тѣла, не ранивъ и не контузивъ, и вылетѣла въ спинку экипажа; дыры сдѣланныя ею огромны. Другая пуля, пробивъ спинку экипажа, ударилась въ пружину подушки, на которой сидѣлъ адъютантъ ротмистръ *Валль* и увязла въ волосѣ ея. Третьей пули слѣдовъ не нашли. Вслѣдъ за выстрѣлами полетѣли изъ оконъ послѣдовательно пять Орсиніевскихъ бомбъ, которыя всѣ разорвались съ оглушительнымъ трескомъ; за бомбами были выброшены двѣ или три тарелки съ горючими матеріалами, которыя впрочемъ не причинили никакого вреда и только обсыпали экипажныхъ лошадей. Это былъ фосфоръ, который свѣтился на лошадяхъ еще въ 7 часовъ вечера. Ранены были семь казачьихъ лошадей конвоя (изъ которыхъ на другой день три пали) и обѣ экипажныя, хотя и легко. Экипажъ получилъ 17 пробоинъ. Изъ прохожихъ никто не убитъ и не раненъ, потому что ихъ совсѣмъ не было: по угламъ улицъ, пересѣкающихъ Краковское Предмѣстье, не доѣзжая дома Замойскаго, стояли жандармы-вѣшатели и съ 4-хъ часовъ по полудни направляли гуляющихъ въ боковыя улицы. Полиція этому не препятствовала и также находилась вдали отъ этого дома. — Въ одинъ моментъ домъ былъ окруженъ сначала конвойными линейцами, а потомъ пѣхотою и уланами съ Саксонской площади. Наказаніе послѣдовало жестокое, но необходимое и примѣрное: всѣ мужчины-жильцы до одного арестованы и отправлены въ Цитадель; бо̀льшая часть имущества ихъ выкинута изъ оконъ на улицу и сожжена, а домъ обращенъ въ казарму. Женщинамъ дозволено взять свое бѣлье, гардеробъ и деньги и идти куда угодно. Уцѣлѣвшая мебель обращена на омеблированіе солдатскихъ квартиръ; лавки и магазины запечатаны. Этою мѣрою графъ Бергъ скорѣе открылъ всѣхъ руководителей мятежа и умиротворилъ край, нежели содѣйствіями измѣннической полиціи. — По занятіи дома войсками, въ немъ много было найдено ружей, сабель, патронныхъ сумъ съ боевыми патронами, капсюлей, разной Польской военной одежды, печать «народоваго жонда», жестяная коробка съ синею типографскою краскою и горы разныхъ бумагъ, кромѣ того, на антресоляхъ, надъ квартирою сына Замойскаго, которую занималъ онъ послѣ высылки

Библиотека "Руниверс"

отца его за границу, найдена огромная лабораторія, въ которой начинялись Орсиніевскія бомбы и находились какъ разрывной составъ, такъ и капсюли одного калибра съ тѣми, которыя были на разорвавшихся бомбахъ. Въ этой лабораторіи запахъ пиротехническихъ матеріаловъ былъ слышенъ еще на десятый день по занятіи ея однимъ изъ военныхъ управленій. Самая незначительность вреда, причиненная разрывомъ такого большаго числа бомбъ, поддержанныхъ еще тремя выстрѣлами, доказываетъ, что бомбы были домашняго издѣлія, произведенія рукъ неопытныхъ школьниковъ. Сынъ Замойскаго не могъ не знать обо всемъ этомъ, такъ какъ лабораторія помѣщалась надъ его жилыми покоями. Полиція производила въ этомъ домѣ не разъ обыски, но *никогда ничего не находила*. При входѣ въ корридоръ лабораторіи висѣлъ не звонокъ, а цѣлый колоколъ, больше желѣзно-дорожныхъ платформенныхъ колоколовъ; безъ всякаго сомнѣнія, въ него звонили въ случаѣ опасности. Такіе звонки употребляются только на фабрикахъ; а какъ въ домѣ Замойскаго не было никакой фабрики, то арестованный сынъ Замойскаго и не могъ объяснить назначенія этого колокола. При обыскѣ у молодаго графа Замойскаго найдена подъ крышкою карманныхъ его часовъ сложенная въ 16 разъ тоненькая бумажечка, на которой микроскопическимъ почеркомъ была написана извѣстная «*программа революціи Людвига Мѣрославскаго*». Программа эта тогда же, по переводѣ на Русскій языкъ, была сообщена мною въ столичныя газеты. На основаніи этихъ данныхъ, сынъ Замойскаго былъ переведенъ изъ обыкновеннаго ареста въ Цитадели въ 10-й павильонъ, гдѣ содержатся политическіе преступники. Арестованные жильцы дома вскорѣ освобождены изъ Цитадели, какъ доказавшіе свою невинность. Компанію, работавшую въ означенной лабораторіи, составляли молодые люди: *Красусскій*, *Внентовскій*, *Яскульскій*, *Ляндовскій*, *Шмидтъ* и *Эккертъ*, изъ которыхъ первые трое повѣшены, какъ уличенные и въ другихъ убійствахъ, а послѣдніе сосланы въ рудники безъ срока, хотя Эккертъ былъ болѣе тяжкій преступникъ, нежели первые трое. На другой день послѣ разгрома, 8 Сентября, въ этомъ же домѣ изъ виннаго подвала купца *Крупецкаго* начался пожаръ: тамъ былъ зажженъ ромъ, и огонь показался изъ подвальныхъ оконъ, но прибывшею пожарною командою потушенъ безъ особеннаго вреда. Поляки, съ Левшинымъ во главѣ, доказывали, будто солдаты залѣзли въ подвалъ Крупецкаго, перепились тамъ мертвецки и въ пьяномъ видѣ зажгли ромъ. Свидѣтельство это, какъ обнаружило формальное слѣдствіе, оказалось гнуснѣйшею клеветою: солдатамъ нечего было лазить въ подвалъ, потому что они имѣли всѣ напитки въ лавкѣ на верху; но въ лавку никого не пустили, такъ какъ всѣ магазины и

Библиотека "Руниверс"

лавки не были преданы разгрому, но опечатаны, и у каждой двери было поставлено по два часовыхъ, въ подвалъ же попасть нельзя иначе, какъ чрезъ лавку. Ни одного солдата ни до пожара, ни послѣ не было пьянаго; даже во время тушенія пожара лавка не была разграблена, и оказались только разбитыми пожарною стражею нѣсколько бутылокъ,—слѣдствіе неизбѣжное при тушеніи всякаго пожара. Между тѣмъ, изъ подвала, о которомъ идетъ рѣчь, открыты, незамѣченные своевременно войсками, ходы въ Свѣнтокршижскій костелъ и на разныя улицы, и найденъ огромный отворенный сундукъ, принадлежавшій графу Замойскому, сундукъ, для разломки котораго потребовалось бы десять саперовъ, и изъ него унесено все, что̀ тамъ было. Очевидно, что кто-то знакомый забрался въ подвалъ съ ключемъ, вынулъ изъ сундука что̀ нужно и, на зло Москалямъ, поджегъ ромъ, чтобы домъ не доставался имъ. Подожгли же Ратушу, а она поважнѣе дома Замойскаго!

8. Сентября 9-го, въ 8 часовъ вечера, на Краковскомъ Предмѣстьи, противъ самой гауптвахты, тяжело раненъ отравленнымъ кинжаломъ, въ спину дежурный штабъ-офицеръ 10-го округа внутренней стражи, полковникъ *Георгій Максимовичъ Любушинъ*, человѣкъ ровно ни въ чемъ невиноватый предъ Поляками, потому что дѣла съ ними не имѣлъ, знакомствъ не водилъ, языка ихъ не зналъ и, кромѣ церкви и канцеляріи своего управленія, никуда не выходилъ. Убійцу своего несчастный не успѣлъ и замѣтить. Преосвященный Варшавскій Іоанникій совершалъ погребеніе, при чемъ покойному были отданы всѣ военныя почести, и на погребеніи присутствовали всѣ Русскіе. Варшавскія газеты не хотѣли напечатать, какъ позорящія Польскій народъ, объявленія о смерти и погребеніи Любушина; не хотѣли напечатать и благодарности товарищей и друзей покойнаго Варшавскому духовенству и всѣмъ прочимъ лицамъ, удостоившимъ проводить смертные останки мученика къ мѣсту вѣчнаго упокоенія. Благодарность эта впослѣдствіи появилась въ Русскихъ столичныхъ газетахъ. Безчестно-лживая Краковская газета «Часъ», описывая это убійство, осмѣлилась съ особымъ подобострастіемъ предъ «жондомъ», заявить, будто Любушинъ, по приговору «жонда», казненъ смертію за то, что предводительствовалъ грабежемъ при разгромѣ дома Замойскаго; но вышло, что самъ «жондъ» просилъ въ плакатѣ своемъ извиненія у вдовы Любушина въ смерти ея мужа, послѣдовавшей отъ *ошибки исполнителей*, прибавивъ, что «Польскій народъ» не питалъ къ покойному никакого враждебнаго чувства и не имѣлъ поводовъ приговаривать его къ смерти. Это было повторено и въ подпольной газетѣ «жонда». Очевидно, этотъ ударъ предназначался кому другому (впослѣдствіи ока-

Библиотека "Руниверс"

залось, что мнѣ, какъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ), и Любушинъ погибъ только изъ-за сходства мундировъ. О катастрофѣ въ домѣ Замойскаго Любушинъ ровно ничего не зналъ, потому что находился тогда на другомъ концѣ города, на всенощной въ соборѣ, слѣдовательно не могъ предводительствовать войсками; да это и не его было дѣло. Убійцею его оказался подмастерье *Леонидъ Цельнеръ*, который, вслѣдствіе уликъ въ этомъ преступленіи и собственнаго сознанія, разстрѣленъ 18 Сентября на площади Св. Александра.

9. Сентября 11-го, въ 9 ч. вечера, стоявшій на полицейскомъ посту на улицѣ Лѣшнѣ, прикомандированный къ полиціи рядовой лейбъ-гвардіи Волынскаго полка *Филиппъ Ефремовъ*, раненъ неопасно въ ляжку желѣзнымъ орудіемъ насаженнымъ на древко; злодѣй успѣлъ скрыться.

10. Сентября 23-го, въ Европейской гостинницѣ, въ 7½ ч. утра, убитъ двумя неизвѣстными убійцами прибывшій изъ Штутгардта Саксонскій подданный докторъ *Бертольди-Германи*. Убійцы вошли въ ворота, сказавъ дворнику, что идутъ въ 42-й номеръ къ доктору, звать его къ трудно-больному. Войдя въ номеръ, они бросились съ отравленными кинжалами на доктора, который пилъ кофе, пробили ему черепъ, нанесли три широкія и глубокія раны—двѣ въ грудь и одну въ животъ, и бросились бѣжать. Докторъ погнался за ними, имѣлъ силы сбѣжать съ третьяго этажа и сорвать съ одного изъ нихъ пальто, но на лѣстницѣ втораго этажа упалъ и умеръ. Кельнеры и швейцаръ видѣли убійцъ, бросившихъ кинжалы въ корридорѣ; видѣли, какъ полицеймейстеръ подполковникъ *Гемпель* гнался за ними съ револьверомъ и криками: «держите! ловите!»; но они не тронулись съ мѣста и дозволили убійцамъ разбить въ нижнемъ этажѣ окно и выскочить на улицу. Неболѣе, какъ черезъ пять минутъ, войска, расположенныя близъ этой гостинницы на Саксонской площади, окружили домъ, задержали всю прислугу, а черезъ часъ уже расположились въ немъ казарменнымъ образомъ, и этотъ огромный отель обращенъ въ казну со всѣмъ его имуществомъ. Гостинница принадлежала Польскому патріоту *Вамбаху*, и подъ нее были отданы огромные капиталы многихъ важныхъ лицъ. По слухамъ, докторъ Бертольди-Германи былъ членомъ революціонной партіи, и какъ онъ былъ раза два у графа Берга, то «жондъ» приказалъ ему убить или отравить намѣстника; но когда благородный Нѣмецъ на это не согласился, то «жондъ», боясь, чтобы Германи не измѣнилъ, зарѣзалъ его. Правительство также не довѣряло ему: полиція наканунѣ производила у него обыскъ, и хотя ничего не нашла, однако приказала ему выѣхать изъ Варшавы въ 24 часа. Германи хотѣлъ уѣхать на другой день въ 11 ч. утра, но въ 7½ ча-

Библиотека "Руниверс"

совъ того же утра былъ убитъ. Въ день обыска, т. е. наканунѣ убійства, за Германи слѣдилъ какой-то оборвышъ. Товарищъ Германи, докторъ *Килевейнъ* и жена его замѣтили это въ Саксонскомъ саду и обратили на преслѣдователя вниманіе Германи, который испугался, началъ выражать опасенія свои и предчувствіе и боялся идти домой. Килевейны проводили его до дверей самой гостинницы, и тогда только онъ успокоился. Изъ двухъ убійцъ доктора Бертольди-Германи пойманъ одинъ: кондиторскій прикащикъ шляхтичъ *Эмиліанъ Ходановскій*, который и повѣшенъ на площади предъ окнами Европейской гостинницы, 29 Ноября.

11. Октября 5-го, въ 2 часа по полудни, на Длугой улицѣ, среди толпы гуляющихъ, среди зѣвакъ-полиціантовъ Левшинской полиціи, начальникъ контрольнаго отдѣленія въ управленіи оберъ-полицеймейстера *Домбровскій* получилъ въ спину пять ударовъ кинжаломъ; убійца ушелъ безнаказанно. Домбровскій имѣлъ силы дойти до циркула, откуда былъ отправленъ въ больницу, гдѣ на третій день умеръ. И этотъ случай не былъ заявленъ въ мѣстныхъ газетахъ; Левшинъ, по обыкновенію, *забылъ* упомянуть о немъ въ «Полицейской Газетѣ», и даже въ суточномъ рапортѣ. Это тотъ самый Домбровскій, которому жители Калиша, въ 1861 г., устроили кошачью музыку и, выставивъ его изъ окна, заставили кричать: «Я шпіонъ! Я подлецъ!», какъ разказано мною во 2-й главѣ настоящихъ Записокъ.

12. Октября 7-го, въ 9 часовъ утра, на берегу р. Вислы найдено тѣло неизвѣстнаго званія человѣка, убитаго, по всѣмъ признакамъ, по повелѣнію подпольнаго «жонда».

13. Того же дня, въ 6 часовъ вечера, на улицѣ Александрія, раненъ 5-ю ударами кинжала стоявшій на посту рядовой л.-гв. Литовскаго полка, тремя неизвѣстными злоумышленниками. Одного изъ нихъ успѣлъ схватить старшій околоточный надзиратель *Василевичъ*; но преступникъ, нанеся ему два удара кинжаломъ въ щеку и шею, бѣжалъ.

14. Въ томъ же часу, на Маршалковской улицѣ, неизвѣстный убійца ранилъ кинжаломъ въ бокъ полицейскаго дозорцу *Гручковскаго* и бѣжалъ.

15. Октября 13-го, на углу Хмѣльной и Велькой улицъ, въ 6 ч. по полудни, обойный подмастерье *Юліанъ Хойнацкій* бросился съ кинжаломъ на стоявшаго на полицейскомъ посту рядоваго Самогитскаго гренадерскаго полка *Аѳанасія Филипова*, ранилъ его неопасно въ лице, но былъ задержанъ тутъ же рядовыми Колыванскаго пѣхотнаго полка; при слѣдствіи онъ выдалъ и остальныхъ своихъ товарищей: извощика *Францыска Тржаску*, сапожничьяго подмастерья *Петра Гур-*

Библиотека "Руниверс"

скаго и кузнечнаго подмастерья *Станислава Филькевича*. Преступники сознались, что были завербованы въ кинжальщики извощикомъ Тржаскою, получили отъ него кинжалы, съ жалованьемъ по $1\frac{1}{2}$ рубля въ сутки, и бросились на Филипова только «для практики и пріученія руки къ убійствамъ». Злодѣи повѣшены на Гржибовской площади 17 Октября въ 10 ч. утра.

16. Октября 15-го, въ 10 ч. утра, на Медовой улицѣ, противъ Апелляціоннаго Суда, раненъ начальникъ ревира *Станиславъ Мацѣевскій*, 70-лѣтній старикъ, въ шею и въ лицо, тремя ударами отравленной стрѣлки, которая описана мною выше и цѣлые мѣшки которыхъ были найдены въ Бернардинскомъ костелѣ, по занятіи его войсками. Убійца не схваченъ, хотя противъ Аппелляціоннаго Суда стоялъ полицейскій часовой. Кто изъ Варшавянъ, да изъ насъ Русскихъ, не зналъ этого почтеннаго старика Мацѣевскаго, ходившаго безсознательно, какъ маятникъ, туда и обратно, вдоль Медовой улицы? Этотъ человѣкъ столько же былъ причастенъ къ дѣламъ Польши, сколько и къ дѣламъ Бирманской имперіи. Скорѣе можно было подозрѣвать его въ преданности «жонду», нежели правительству. Добродушный старикъ неспособенъ былъ сдѣлать какое-нибудь зло; его не увольняли потому, что онъ дослуживалъ послѣдніе мѣсяцы своей 40-лѣтней службы до эмеритуры, и онъ не назначался ни для чего болѣе, какъ для дежурства по улицѣ, для порядка. Невинная кровь этого несчастнаго два дня не была смыта съ тротуара и блестѣла укоромъ въ глаза Полякамъ, убившимъ безъ разбора изъ-за угла. Непонятно, какъ могъ уйти преступникъ? Есть основаніе полагать, что его скрылъ Аппелляціонный Судъ. Старикъ Мацѣевскій болѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ и вышелъ въ отставку калѣкою. Редакція «Московскихъ Вѣдомостей», получивъ отъ меня вышеизложенныя свѣдѣнія, прислала 150 рублей для раздачи слѣдующимъ лицамъ, въ семействахъ зарѣзанныхъ полиціантовъ:

Станислава *Бляу* и Петра *Билаго* по 25 рублей — 50 руб. Раненымъ: начальнику ревира *Мацѣевскому* — 50 р.; полиціантамъ: Генриху *Градовскому* и Ивану *Василевичу* по 15 руб. — 30 р.; рядовымъ: л.-гв. Волынскаго полка Филипу *Ефремову* и Самогитскаго полка Аѳанасію *Филипову* по 10 руб. — 20 рублей.

17. Въ Варшавскомъ «Всеобщемъ Дневникѣ» 15 Октября появилась слѣдующая статья: «Люди злоумышленные рѣшились, въ одномъ изъ тайныхъ своихъ изданій, помѣстить статью, будто бы солдаты, расположенные въ здѣшнихъ монастыряхъ, дозволяютъ себѣ въ костелахъ, во время богослуженія, дѣлать разныя неприличія и будто бы подобный примѣръ, по ихъ словамъ, имѣлъ мѣсто въ костелѣ Августинскомъ. Какъ пріоръ этого монастыря, я считаю долгомъ совѣсти моей заявить, что означенное объявленіе было самою безчестною

Библиотека "Руниверс"

ложью и клеветою, брошенною на Русскихъ солдатъ, потому что подобный случай, во все время квартированія ихъ въ этомъ монастырѣ, никогда не имѣлъ мѣста, и солдаты, входя въ костелъ, ведутъ себя самымъ благопристойнымъ образомъ, какъ подобаетъ вести себя въ храмѣ Божіемъ всякому христіанину. 14 (26) Октября 1863 года. *Ксендзъ Д. Павловскій*». Эта статья вышла во Вторникъ, а въ Среду, 16-го Октября, пріоръ *Павловскій*, вмѣстѣ съ другимъ монахомъ того же монастыря, были отравлены «жондомъ народовымъ», и къ вечеру оба умерли.

18. Октября 21-го, совершено покушеніе на жизнь *Трепова*. Въ 9 ч. утра, когда генералъ, подъ руку съ дочерью, идя въ соборъ, вошелъ съ Театральной площади на Сенаторскую улицу, одинъ изъ молодыхъ людей, шедшихъ вслѣдъ за нимъ, нанесъ ему ударъ въ голову обоюдоострымъ топорикомъ (какой обыкновенно употребляется для колотья сахару); но топорикъ скользнулъ по галуну фуражки и только оцарапалъ лѣвое ухо. Треповъ быстро бросился на разбойника и обезоружилъ его, а когда тотъ началъ уходить, то генералъ бросилъ въ него топорикъ, который врѣзался ему въ спину, отчего преступникъ упалъ и случайно находившимся вблизи военнымъ писаремъ задержанъ, противъ обгорѣлаго зданія Ратуши. Другой разбойникъ, бросивъ кинжалъ подъ ноги дочери генерала, спасся бѣгствомъ; а третій, вбѣжавъ въ кондитерскую *Гронерта*, пропалъ на заднемъ дворѣ. При совершеніи этаго злодѣйскаго покушенія, на улицѣ, *по обыкновенію, не было ни одного полицейскаго дозорцы*. Улица какъ бы опустѣла; извощики тотчасъ же ударили по лошадямъ и пропали, такъ что крики Трепова и писаря «лови!» не принесли никакой пользы. Кондитерская запечатана за то, что имѣла открытыя на дворъ двери. Треповъ, какъ бы ничего не бывало, продолжалъ съ дочерью свой путь въ соборъ, откуда, по выслушаніи благодарственнаго молебна, тѣмъ же путемъ возвратился домой. Задержанный преступникъ назывался *Антонъ Аммеръ*, 19 лѣтъ, подмастерье кожевенной фабрики; онъ былъ тяжело раненъ и исходилъ кровью, потому что брошенный топорикъ глубоко врѣзался въ спину бездѣльника. Онъ назвалъ всѣхъ своихъ соучастниковъ, именно: 1) Кузнечнаго подмастерья *Іеронима Когутовскаго*, который былъ арестованъ на другой же день и отправленъ въ слѣдственную тюрьму, гдѣ вечеромъ удавился на ременномъ поясѣ своемъ, привязанномъ къ рѣшеткѣ окна. 2) Кузнечнаго работника *Іосифа Домбровскаго*, который вбѣжалъ въ кондитерскую Гронерта, откуда чрезъ окошко выскочилъ на дворъ, а потомъ чрезъ незапертую, вопреки приказанію, калитку выбѣжалъ на Данилевичевскую улицу, гдѣ и бросилъ свой кинжалъ; онъ также былъ арестованъ на

Библиотека "Руниверс"

другой день. 3) Столярскаго челядника *Дьякевича*; и 4) рабочаго на паровой мельницѣ *Куровицкаго*. Вербовалъ ихъ въ шайку работникъ кожевеннаго завода *Юліанъ Гольцендорфъ*, который платилъ имъ ежедневно отъ 30 до 50 коп. жалованья, а въ день посягательства на жизнь Трепова далъ имъ по одному рублю. Къ присягѣ на вѣрность «жонду» приводилъ ихъ неизвѣстный ксендзъ въ каретномъ сараѣ г-жи *Нарвойнъ*. Подстерегали они генерала Трепова изъ кондитерской Гронерта. Аммеръ и Домбровскій повѣшены на Театральной площади 1 Ноября, остальные убійцы не розысканы. Палацъ Бланка, въ которомъ находилась кондитерская Гронерта, обращенъ на надобности войскъ. Въ послѣдствіи Европейская гостинница и этотъ палацъ возвращены владѣльцамъ по ходатайству генерала Трепова.

19. Ноября 22-го, въ 6 часовъ вечера, на углу Кручей улицы и Іерусалимской аллеи, трое неизвѣстныхъ убійцъ бросились на оберъкондуктора Варшавско-вѣнской желѣзной дороги *Николая Жиленку* (Русскаго) и нанесли ему ударъ въ голову, но уже не кинжаломъ, а простымъ топоромъ, послѣ чего, бросивъ топоръ, вскочили на извощика и быстро уѣхали. Извощикъ, вѣроятно бывшій въ заговорѣ, не хотѣлъ остановиться, не смотря на то, что стоявшій на полицейскомъ посту гвардеецъ угрожалъ лошадямъ штыкомъ. Солдатъ былъ ненаходчивъ и не хватилъ штыкомъ кучера. Однако извощикъ потомъ задержанъ по номеру экипажа, который успѣлъ замѣтить часовой. Жиленко не убитъ, но тяжело раненъ, съ поврежденіемъ лобной кости. Въ плакатѣ «жонда» «*извѣстія и распоряженія полиціи народовой*», отъ 10 Декабря н. с. было заявлено, что надъ Жиленкою «имѣлъ быть приведенъ въ исполненіе приговоръ сокращеннаго суда, за то что онъ уличенъ былъ въ измѣнѣ (Русскій!) и начальствованіи шпіонами».

20. Тотъ же плакатъ заявилъ, что 15 (27) Ноября, «на основаніи приговора Революціоннаго Трибунала, исполнена смертная казнь чрезъ повѣшеніе надъ секвестраторомъ Варшавскаго уѣзда *Прессеромъ* за то, что онъ занимался экзекуціею податей, самъ старался о полученіи мѣста секвестратора и за шпіонство, на что̀ имѣлъ особенное письменное полномочіе отъ Москалей». Полиція тѣла Прессера отыскать не могла, хотя исчезновеніе его и подтвердилось.

21. Декабря 1-го, на улицѣ Валицовъ, въ 7 часовъ утра, найденъ убитый ударомъ кинжала въ грудь сынъ архитектора *Козубовскій*. Полиціи на мѣстѣ преступленія по обыкновенію не случилось, и тѣло лежало на тротуарѣ до полудня. Оберъ-полицеймейстеръ заявилъ, будто бы это убійство *не политическое*.

22. Декабря 3-го, на улицѣ Солецъ, подъ бревнами найдено тѣло неизвѣстнаго человѣка въ нищенской одеждѣ. Донесеніе полицейское

Библиотека "Руниверс"

только и говоритъ объ этомъ случаѣ, но не объясняетъ, есть ли на тѣлѣ знаки насилія или убійства. Вѣроятно и это убійство *не политическое,* и нищій самъ накатилъ на себя бревна.

23. Теперь я долженъ приступить къ самому щекотливому для меня случаю—покушенію на мою жизнь. Не подобаетъ лѣтописцу говорить о себѣ; но въ видахъ возстановленія исторической истины, я обязанъ привести этотъ случай, какъ дополняющій рядъ преступныхъ дѣйствій Левшинской полиціи.

Я пользовался въ Варшавѣ нѣкоторою извѣстностью. Когда въ Варшавѣ начались уличныя убійства, мои родные трепетали за мою жизнь, потому что я долженъ былъ ежедневно ходить съ Длугой улицы, гдѣ была моя квартира, въ канцелярію, помѣщавшуюся въ зàмкѣ. Не знаю, дошли ли до «Центральнаго Комитета» слухи о постоянной тревогѣ моихъ родныхъ, или по собственному почину «комитета», но въ Декабрѣ 1861 г. я нашелъ у себя на столѣ объявленіе, въ которомъ было сказано: «Гражданинъ *, маіоръ войскъ Московскихъ, можетъ быть совершенно спокоенъ: народъ его хранитъ (narod nad nim czuwa), и ни одинъ волосъ съ головы его не упадетъ». Подписано: «Центральный Комитетъ» и приложена его печать. Я не могъ доискаться, какимъ образомъ попалъ ко мнѣ этотъ плакатъ. Многіе изъ Русскихъ подозрѣвали въ этомъ ловушку, и только чрезъ два года я узналъ, что, во время борьбы «бѣлыхъ» съ «красными», меня дѣйствительно берегли «бѣлые», и каждый день по два или по три человѣка провожали меня незамѣтно до зàмка и обратно. Въ 1863 году, «красные» одолѣли, и вспыхнулъ мятежъ. Я былъ корреспондентомъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Инвалида» и сотрудникомъ «Варшавскаго Дневника», въ которыхъ, на основаніи донесеній начальниковъ войскъ, описывалъ дѣйствительное положеніе края и исходъ каждой стычки съ мятежниками, вопреки плакатовъ «жонда», который чуть не ежедневно заявлялъ о совершенномъ истребленіи Москалей, съ потерею съ своей стороны двухъ или трехъ человѣкъ ранеными, послѣ чего *«Польская армія въ найвенкшымъ поржондку цофнулась до лясу»*. Свѣдѣнія эти были діаметрально противуположны истинѣ, и ее нужно было возстановлять. Этого не могъ простить мнѣ «жондъ». Съ другой стороны, Поляки убѣждены, что Нѣмцы должны держать сторону ихъ, а отнюдь не Москалей, на томъ-де основаніи, что Поляки, подъ начальствомъ Яна Собіескаго, спасли Вѣну отъ Турокъ. Какъ носящій Нѣмецкую фамилію, я получилъ въ началѣ Сентября 1863 г. слѣдующій смертный приговоръ: «Гражданинъ *, маіоръ войскъ Московскихъ, за *измѣну* и *извращеніе фактовъ возстанія,* объявляется внѣ законовъ и приговаривается къ смертной казни. Предписывается

Библиотека "Руниверс"

всѣмъ властямъ военнымъ и гражданскимъ настоящій приговоръ привести въ исполненіе, на всѣхъ земляхъ Польскихъ, въ теченіи 10 лѣтъ, способомъ, какой представится удобнымъ». Подпись: «Революціонный Трибуналъ» и печать «жонда». Графъ Бергъ, прочитавъ этотъ приговоръ, строго приказалъ мнѣ ходить не иначе, какъ въ сопровожденіи казака. Убійцы долго подкарауливали меня; зарѣзали, по ошибкѣ, по сходству нашихъ мундировъ, полковника Любушина (какъ сказано выше) и, наконецъ, подстерегли меня 10 Декабря. Былъ день морозный и снѣжная вьюга. Я шелъ, въ 11 ч. утра, по Краковскому Предмѣстью изъ дома бывшаго Замойскаго въ замокъ, закутанный въ теплое пальто и башлыкъ и въ сопровожденіи саженнаго Донскаго казака, несшаго мой портфель. Вдругъ, у воротъ дома Гродзицкаго, предъ моими глазами блеснулъ кинжалъ, и я почувствовалъ сильный ударъ въ голову. Видя предъ собою убійцу, я мгновенно схватилъ его за плеча и закричалъ казаку: «руби его!» Но казакъ испугался, растерялся и трясся какъ въ лихорадкѣ. Убійца, видя, что казакъ ему не опасенъ, нанесъ мнѣ другой ударъ въ грудь; но тутъ, не помню, я ли повернулся, кинжалъ ли скользнулъ въ рукахъ убійцы, кинжалъ, разрѣзавъ одежду и кожу на груди, уперся въ мое лѣвое плечо. Въ тоже мгновеніе я вырвалъ кинжалъ изъ рукъ убійцы, а тотъ вскочилъ въ калитку дома Гродзицкаго, которую дворникъ обязательно открылъ предъ нимъ. Я бросился вслѣдъ за нимъ и увидалъ на дворѣ прогуливавшихся какихъ-то пять-шесть пановъ. «Держите, ловите его!» закричалъ я; но паны разступились и дали ему дорогу. Я пробѣжалъ за убійцею одинъ дворъ, другой и на третьемъ замѣтилъ, что онъ вбѣжалъ въ сѣни одноэтажнаго флигеля. Казакъ слѣдовалъ за мною. На первомъ дворѣ Русскій кучеръ сенатора Фундуклея, видя меня страшно-окровавленнаго и гонящагося за убійцею, примкнулъ ко мнѣ съ бывшею у него въ рукахъ лопатою. Вбѣжавъ въ сѣни, въ которыя скрылся убійца, я увидалъ, что онъ полѣзъ на чердакъ. Я бросился за нимъ. «Ваше благородіе, не лѣзьте туда: тамъ васъ могутъ дорѣзать», замѣтилъ мнѣ кучеръ. Я не послушался предостереженія. Тогда кучеръ сказалъ казаку: «Полѣзай за офицеромъ!»—«Я боюсь,» отвѣчалъ все еще дрожавшій казакъ. Кучеръ выхватилъ у него изъ ноженъ шашку и бросился за мною. Сначала въ мракѣ чердака мы ничего не могли замѣтить; но вслѣдъ за тѣмъ увидѣли въ слуховомъ окнѣ ноги преступника, вылѣзавшаго на крышу. Мы бросились за нимъ. Убійца, видя, что онъ открытъ и на крышѣ, быстро спрыгнулъ въ садъ графа Красинскаго, въ огромную кучу листьевъ, вѣроятно нарочно для этого случая заготовленную, показалъ намъ языкъ и скрылся.

Библиотека "Руниверс"

У меня позеленѣло въ глазахъ; отъ большой потери крови я почувствовалъ ужасную слабость и съ величайшимъ трудомъ, при помощи кучера, сошелъ съ крыши и чердака и прошелъ всѣ дворы. На улицѣ, по обыкновенію Левшинской полиціи, *не нашлось ни одного полицейскаго, ни одного извощика*, и потому болѣе версты я долженъ былъ идти въ зàмокъ пѣшкомъ, подъ руку съ казакомъ.

Едва я вошелъ въ переднюю, какъ графъ Бергъ, предупрежденный другими, самъ выбѣжалъ въ прихожую съ словами: Сколько разъ я говорилъ вамъ, чтобы вы ходили съ казакомъ!

— Я съ казакомъ и шелъ, ваше сіятельство.—Это значитъ съ тобою? обратился графъ къ казаку.—Точно такъ, ваше с—ство.— Ты видѣлъ, какъ маіора рѣзали?—Видѣлъ, ваше с—ство.—Почему же ты не защитилъ?—Я съ бумагами шелъ, ваше с—ство.—Предать его немедленно военному суду, сказалъ графъ начальнику главнаго штаба Минквицу и судить какъ за трусость въ военное время.

Въ тоже время графъ послалъ за врачемъ квартировавшаго въ зàмкѣ гвардейскаго баталіона, а меня взялъ въ свой кабинетъ. Немедленно явившійся врачъ раздѣлъ меня; а какъ рубаха моя была вся окровавлена, то великодушный графъ приказалъ подать собственную сорочку и помогалъ мнѣ надѣвать ее. Но покуда происходили сондированіе ранъ и промывка ихъ, и эта рубаха окровавилась; тогда подали другую сорочку графа, и въ ней, по перевязкѣ ранъ, графъ отослалъ меня въ своей каретѣ домой. Генералъ Минквицъ отправилъ кинжалъ въ аптеку Уяздовскаго военнаго госпиталя для анализированія. Кинжалъ оказался отравленнымъ. Когда моя жена приказала горничной выстирать рубаху, чтобы возвратить ее графу Бергу, горничная съ дерзостію отвѣчала: Стану я мыть эту кровь, когда ее велѣлъ пролить нашъ «Польскій жондъ». Разумѣется, горничная была немедленно разсчитана, и жена моя собственноручно вымыла сорочку; но вѣроятно на одномъ изъ пальцевъ у нея была царапина, въ которую и всосался ядъ, отчего не только палецъ, но вся рука до плеча распухла, и жена страдала ею недѣль шесть.

Между тѣмъ, ко мнѣ началъ съѣзжаться чуть не весь городъ (я говорю собственно о Русскихъ) и выказывать мнѣ сочувствіе; но ни оберъ-полицеймейстеръ, ни участковый полицеймейстеръ, ни циркуловый коммиссаръ ни разу ко мнѣ не заглянули и не спросили о примѣтахъ убійцы и вообще не приняли никакихъ мѣръ къ его обнаруженію. Въ числѣ первыхъ посѣтителей былъ знаменитый Оноприенко, который распросилъ меня подробно о примѣтахъ убійцы и сказалъ, что не заснетъ и не возметъ въ ротъ куска хлѣба, покуда не схватитъ разбойника. Онъ сдержалъ свое слово: въ тотъ же день онъ

Библиотека "Руниверс"

поймалъ одного кинжалиста, который при видѣ его, бросился бѣжать; когда же Онопріенко схватилъ его и приказалъ вести въ домъ Замойскаго, въ которомъ я квартировалъ, то убійца повалился ему въ ноги и упрашивалъ не возить его въ означенный домъ. Въ тотъ день я еще былъ на ногахъ и какъ взглянулъ на приведеннаго ко мнѣ убійцу, со мною сдѣлалось дурно. Убійца оказался сапожнымъ подмастерьемъ *Шиндлеромъ*. Онъ сознался, что нападалъ на меня вмѣстѣ съ другимъ подмастерьемъ *Шафранчикомъ*, который, при видѣ борьбы моей съ нимъ, убѣжалъ. Шиндлеръ прибавилъ, что приказаніе убить меня получилъ отъ инженера Варшавско-вѣнской желѣзной дороги *Стрыцкаго*; который, снабдилъ его кинжаломъ, вынувъ таковой изъ-подъ четвертой ступени лѣстницы Варшавскаго вокзала. Подъ означенною лѣстницею Онопріенко дѣйствительно нашелъ еще шесть кинжаловъ такой же формы, какой былъ отобранъ у Шиндлера. Стрыцкій былъ немедленно арестованъ, и при немъ найдена весьма обличавшая его переписка, и въ особенности требованіе изъ-за границы *высылки на 500 рублей яду курары для отравленія кинжаловъ*.

Къ вечеру ядъ началъ дѣйствовать. Меня уложили въ постель, въ которой я пролежалъ въ безпамятствѣ болѣе трехъ недѣль; вообще же проболѣлъ я около трехъ мѣсяцевъ. Я получилъ воспаленіе надкостной плевы на головѣ и на груди, перешедшее потомъ въ рожу; мнѣ обрили голову, которая распухла и почернѣла такъ же какъ и грудь. Три недѣли врачи не могли ручаться за мою жизнь и давали мнѣ морфинъ внутрь и снаружи. Спасенію моему, по словамъ ихъ, я обязанъ тому, что потерялъ большое количество крови, гоняясь за преступникомъ по чердакамъ и крышамъ, и долгое время оставаясь безъ перевязки. Отъ этого въ организмъ вошло относительно мало яду; иначе его дѣйствіе было бы смертельно.

Въ № 63-мъ 1864 года «Московскихъ Вѣдомостей» описаны подробно показанія нѣкоторыхъ преступниковъ, за что̀ именно я былъ приговоренъ ими къ смерти. Не считаю неудобнымъ хвалиться ими въ настоящей статьѣ. Но не могу не повторить объявленную мною тогда во всѣхъ газетахъ благодарность мою отъ 7-го Января 1864 года слѣдующаго содержанія: «Послѣ благодаренія Богу за чудесное спасеніе меня отъ смерти, при нападеніи на меня въ Варшавѣ, 10-го Декабря, убійцы и нанесеніи мнѣ двухъ ранъ отравленнымъ кинжаломъ, считаю священною обязанностію сердца заявить глубокую и искреннюю благодарность мою Русскому обществу въ Варшавѣ, которое, начиная отъ преосвященнѣйшаго архіепископа Іоанникія, поспѣшило изъявить мнѣ сочувствіе свое и навѣщало меня въ огромномъ числѣ въ теченіи всей болѣзни моей, безъ различія, былъ ли я съ кѣмъ знакомъ лично

Библиотека "Руниверс"

или нѣтъ. Я не жалѣю пролитой невинно крови, потому что цѣною ея я купилъ себѣ это сочувствіе, которымъ дорожу болѣе, нежели жизнію. При этомъ заявляю также безпредѣльную благодарность мою пользовавшимъ меня врачамъ: главному доктору Варшавскаго Уяздовскаго военнаго госпиталя д. с. с. *Андрею Алексѣевичу Боголюбову* и доктору штаба войскъ въ Царствѣ Польскомъ *Венедикту Петровичу Орлову*, учредителю нашей Русской школы. Наконецъ, благодарю отъ души и Русскія газеты, которыя выражали мнѣ сочувствіе свое, или прямо или передавая подробности несчастной катастрофы, сообщаемыя имъ гг. корреспондентами, благородное вниманіе которыхъ я принимаю глубоко къ сердцу. Особенно благодарю «Московскія Вѣдомости» за передовую статью ихъ обо мнѣ въ № 274 прошлаго года».

Домъ Гродзицкаго не конфискованъ однакоже, какъ было объявлено предъ тѣмъ за три дня, а только взыскано съ него контрибуціи 10 т. р. с. Сами Поляки удивлялись такой непослѣдовательности послѣ занятія домовъ Замойскаго, Европейской гостинницы и палаца Бланка. Левшинская полиція завѣдомо разстроивала всѣ распоряженія графа Берга и допустила, чтобы ворота въ домѣ Гродзицкаго были открыты для того, чтобы преступникъ могъ удобнѣе скрыться въ домѣ и вообще измѣннически смотрѣла на означенную благодѣтельную мѣру графа Берга.

Шиндлеръ повѣшенъ на гласисѣ Цитадели 31 Января 1864 г., а Шафранчикъ пойманъ и повѣшенъ почти черезъ годъ. Казака мнѣ удалось отстоять чрезъ Трепова и Минквица: графъ приговорилъ его къ 4-хъ недѣльному аресту на хлѣбѣ и водѣ.

Наконецъ, 24. На углу Вѣйской улицы и Александровской площади, 15 Декабря 1863, убитъ двумя ударами кинжаловъ въ грудь полицейскій дозорца *Галинскій*. Убійцы его: маркеръ *Броневскій* и шорный подмастерье *Фростъ* были схвачены почти черезъ годъ и повѣшены на гласисѣ Цитадели 4 Декабря 1864 г.

Это было послѣднее уличное убійство въ Варшавѣ, послѣ котораго вскорѣ Левшинъ, ко всеобщей радости Русскихъ, былъ смѣненъ.

Съ 1 Января 1864 г. сталъ твердою ногою на мятежную Польшу полицеймейстеръ Треповъ. Надъ народомъ Польскимъ стоялъ невидимый врагъ, неумолимый и кровожадный, болѣе жестокій, нежели Венеціанскій «Совѣтъ Десяти», врагъ, который, сорвавъ съ него послѣднюю рубаху, держалъ ножъ надъ его горломъ и только требовалъ: «денегъ и крови».... Врагомъ этимъ былъ насильственно навязавшійся народу «жондъ народовый». Край былъ покрытъ трауромъ, пепломъ и кровью. Онъ походилъ на дымящуюся окровавленную развалину. Духовенство католическое, въ которомъ народъ долженъ былъ находить

Библиотека "Руниверс"

утѣшеніе въ бѣдствіяхъ, разъѣзжало верхомъ впереди разбойничьихъ бандъ, съ крестомъ въ одной, съ петлею или кинжаломъ въ другой рукѣ. Оно разсѣкало собственноручно животы беременнымъ женщинамъ (ксендзы: *Бенвенуто*, *Бржоско* и др.) и благословляло,на безкровномъ жертвенникѣ Христа Спасителя, братоубійственный кинжалъ уличнаго убійцы, для того, чтобы онъ обагрялся невинною кровью человѣка-христіанина.

Бомба, брошенная въ графа Берга, растерзала *жондъ народовый*. Рукою Берга сорвана съ Польши опутывавшая ее революціонная сѣть, раздавленъ терроръ, и вырвана съ корнемъ мятежная организація. Графъ Бергъ, прогнавъ измѣнническую полицію, поставилъ во главѣ ея энергическаго дѣятеля. Польша опомнилась. Она поняла, что была только игралищемъ страстей, жертвою каверзъ дипломатіи; поняла, что она была пустымъ колоколомъ, въ которой поочередно ударяли праздным языкомъ то Наполеонъ III, то Пій IX, и хотя звукъ отъ этого и разносился по Европѣ, но какъ звукъ и погибалъ безслѣдно въ пространствѣ; поняла, что единственное спасеніе ея и благоденствіе заключаются въ могучей рукѣ ея законнаго Государя—и вотъ измученная, истерзанная собственными страстями, пала къ стопамъ своего Великаго Освободителя и молитъ о помилованіи!

Исторія слагается не въ настоящемъ, но въ далекомъ будущемъ, и слагается изъ сопоставленія очищаемыхъ критикою матеріаловъ. Я подаю для исторіи сырой матеріалъ. Если другіе очевидцы или современники волненій 1861—1864 гг. найдутъ мои замѣтки неполными или ошибочными, то да благоволятъ они принести свои матеріалы на алтарь исторіи, дабы она сама могла извлечь изъ нихъ истину во всей ея полнотѣ. Такимъ образомъ, и приговоръ обо всѣхъ поименованныхъ здѣсь личностяхъ не есть окончательный; потому что судъ о нихъ принадлежитъ отнюдь не современникамъ, но исторіи, и притомъ въ отдаленномъ будущемъ. А потому, и настоящія Записки пишутся не для современниковъ и ихъ суда, а для исторіи.

1 Мая 1865 года.
Варшава.

Библиотека "Руниверс"

ДВОЙНОЙ ВѢРООТСТУПНИКЪ.

Въ Октябрѣ 1738 года пріѣзжаетъ въ Лифляндію, въ Ригу, потомъ въ цвѣтущую въ тѣ времена Митаву, окончившій образованіе и все время служившій ксендзомъ въ Венгріи, *Михаилъ Ивановичъ Торнекъ*. Проживъ въ Митавѣ довольно долго, частію вслѣдствіе болѣзни, а частію и по неизвѣстнымъ причинамъ, онъ намѣревается посѣтить еще нѣкоторые Русскіе города. Для этого ему выдается епископомъ Ливонскимъ и Пильтенскимъ, номинатомъ Каменецкимъ, Венцеславомъ Гіеронимомъ Сѣраковскимъ «паспортъ», гдѣ и написанъ весьма лестный отзывъ о Торнекѣ: «Торнекъ въ нашей резиденціи священночестныхъ патеровъ, іезуитовъ Митавскихъ, благоговѣйно и порядочно, какъ священнику надлежитъ, со всѣми обходился... Онъ, вмѣстѣ съ милостію Божіею, въ тоже время пребывалъ у насъ здоровымъ и никакому худому повѣтрію неподлежащимъ и неподозрительнымъ», а потому мы «во всѣхъ государствахъ», въ какихъ бы ни пришлось ему побывать, а въ Россіи «какіе бы уѣзды ни случилось посѣтить» просимъ представителей всѣхъ властей «свободно его пропускать», и если при этомъ онъ «кому нибудь приклонится во имя христіанской всѣхъ любви, тому мы прилежно его рекомендуемъ, дабы благосклонно вездѣ его принимали»". Это свидѣтельство, составленное въ родѣ рекомендательнаго письма, въ концѣ скрѣплено еще каѳедральнымъ архидіакономъ, оффиціаломъ и вице-генераломъ Ливонской епископіи Іоахимомъ Геннеромъ и королевскимъ публичнымъ нотаріусомъ Адгуномъ Геничемъ.

Заручившись такимъ свидѣтельствомъ, Торнекъ ѣдетъ въ Данію, Швецію, Польшу, а въ началѣ Іюля 1739 года появляется въ Петербургѣ. По прибытіи его въ новую столицу, тамъ быстро разносится слухъ, что пріѣхалъ какой-то иностранецъ-ксендзъ для принятія Православія. И дѣйствительно, въ томъ же мѣсяцѣ приходитъ Торнекъ въ

Библиотека "Руниверс"

Синодъ, преклоняетъ колѣна свои предъ портретомъ государыни Анны Іоанновны и дѣлаетъ заявленіе предсѣдавшимъ членамъ Синода, что онъ, съ своимъ искреннимъ раскаяніемъ и съ глубокой вѣрой въ силу Всевышняго, проситъ ихъ принять его въ лоно Православія. При этомъ Торнекъ подаетъ Синоду оформенное какими-то неизвѣстными лицами свое прошеніе, гдѣ излагаетъ краткую исторію своей жизни и проситъ Синодъ по возможности скорѣе дать свою резолюцію.

Изъ краткаго «экстракта» настоящаго дѣла, хранящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, мы не можемъ подробно или буквально воспроизвести это прошеніе. По ходу дѣла видно, что подлинникъ его долженъ теперь находиться въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а копія съ этого прошенія въ Архивѣ Правительствующаго Синода. Однако и въ экстрактѣ выясняется общій смыслъ этого прошенія. Торнекъ пишетъ: «По совершеніи ученія въ моемъ отечествѣ, въ теченіи десяти лѣтъ, я сталъ исполнять обязанности проповѣдника. Пребывая тогда въ пріорствахъ и суперіорствахъ 20 лѣтъ, увидѣлъ я во всемъ монашескія страсти; поколебалась во мнѣ вѣра, появился во мнѣ рядъ сомнѣній, и я рѣшился путешествовать, безуклонно стремясь открыть истину. Такимъ образомъ объѣзжая Европу, посѣтилъ я тогда и Римъ, и другіе города. Затѣмъ, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль, отправился въ Россію, и прибывъ сюда, позналъ у васъ истину, данную Іисусомъ Христомъ и Его апостолами и узрѣлъ, что у васъ корень и начало всего, что все установлено по разуму Св. Отецъ, что въ вѣрѣ вашей неподвижно зиждутся священные уставы, древнѣйшіе чины и благословеніе. Вотъ почему я, пресвитеръ изъ ордена Св. Павла Перваго, *цесарійскій* подданный, пустынникъ изъ провинціи Венгерской, умоляю Св. Синодъ, принявъ меня по возможности скорѣе въ вѣру Греко-Россійскаго исповѣданія, опредѣлить на какую нибудь должность».

Синодъ на это конечно согласился и выразилъ Торнеку на столько своего благоволенія, на сколько возможно это при такомъ неслыханномъ дѣлѣ—ксендзъ-іезуитъ переходитъ въ Православіе!

Дана ли была Синодомъ какая должность Торнеку, этого въ экстрактѣ не находимъ; вѣроятнѣе, что нѣтъ. Неожиданно, чрезъ три мѣсяца, весь Петербургъ былъ поднятъ на ноги: по всѣмъ улицамъ и площадямъ его и «во всѣхъ пристойныхъ мѣстахъ», въ теченіи трехъ дней, были наклеены «листы», съ объявленіемъ: «ежели кто на ксендзѣ Торнекѣ имѣетъ долги или какія дѣла, то тѣ люди должны прибыть въ Главную Полицеймейстерскую Канцелярію и сдѣлать тамъ объ этомъ свои заявленія....» Какая причина такой странной, подозрительной справки о лицѣ недавно пріѣхавшемъ въ Россію съ благо-

Библиотека "Руниверс"

намѣренною цѣлью? Ужь не аферистъ ли онъ какой? Рѣшеніе этого загадочнаго дѣла послѣдовало скоро. Въ концѣ третьяго мѣсяца своего пребыванія въ Петербургѣ, а именно 21 Сентября, подается Торнекомъ другое прошеніе въ Синодъ, въ которомъ онъ пишетъ: «Привыкнуть къ Россійскому языку я не могъ, принять вѣру Греческаго исповѣданія я не намѣренъ, ибо познавать ее теперь я не въ силахъ». Въ концѣ онъ проситъ Синодъ выдать ему скорѣе его паспортъ и отпустить съ нимъ за границу «по водяному пути». Такимъ прошеніемъ Синодъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Были созваны члены Синода и, послѣ долгаго совѣщанія, постановили «призвать Торнека къ себѣ» и общимъ собраніемъ «блуднаго брата» поставить на путь истины. Но ксендзъ, представъ въ назначенное время предъ полнымъ собраніемъ Синода, остался «непреклоненъ». Тутъ начинается учащенная переписка между Синодомъ, Сенатомъ, Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ и Главной Полицеймейстерской Канцеляріей. Синодъ дѣлаетъ запросъ у Коллегіи, какъ нужно поступить при такихъ обстоятельствахъ съ такимъ лицомъ за подобное дѣяніе. Но Коллегія яснаго отвѣта на это не даетъ. Она не можетъ найдти статьи, по которой можно было бы, согласно нашимъ законамъ или законамъ международнымъ, наказать за подобный поступокъ. Мы знаемъ, что вообще всѣ слѣдствія у насъ производились въ тѣ времена не для *разъясненія* самаго дѣла и обстоятельствъ, а лишь для того, чтобъ открыть, *совершено ли* какое преступленіе или нѣтъ. Поэтому именно Коллегія и пишетъ: «въ такомъ человѣкѣ, который принять вѣру великую сначала пожелалъ, а затѣмъ отказался, мы находимъ много прелестности», почему и совѣтуемъ «состояніе такого ксендза сначала развѣдать, не совершено ли имъ другое преступленіе, а за симъ и совсѣмъ его изъ России выпустить». Но и это, не смотря на всѣ розыски, не увѣнчалось успѣхомъ. Поэтому Синодъ рѣшается писать Сенату, что «съ подобнымъ человѣкомъ ему чинить нечего, правилъ точныхъ онъ не имѣетъ», почему и представляетъ все это дѣло на разсмотрѣніе самаго Сената. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе говорили о Торнекѣ въ Петербургѣ; замять это происшествіе не было возможности; приходилось хлопотать по этому поводу и самому Миниху. Въ добавокъ Торнекъ подаетъ еще и другое прошеніе генералъ-фельдмаршалу маркизу де-Ботта-Адорно, Цесарскому посланнику, который пишетъ докладную записку въ Сенатъ, черезъ посредство Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, *о скорѣйшемъ* отправленіи означеннаго патера черезъ Ригу въ «Германію» и лично по просьбѣ самаго Торнека, чтобъ его кто нибудь сопровождалъ съ «барабаннымъ боемъ», «по кратчайшей дорогѣ», «до моря». Сенатъ, не вда-

Библиотека "Руниверс"

ваясь въ подробное разсмотрѣніе этого прошенія, отправляетъ его со всѣмъ дѣломъ обратно въ Синодъ. Чтó дѣлать съ такимъ неугомоннымъ человѣкомъ, никто въ Синодѣ не придумалъ, а между прочимъ требовалось по возможности быстрѣйшее рѣшеніе разыгравшагося дѣла. Поэтому Синодъ опять дѣлаетъ запросъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, «возможно ли не исполнить такое желаніе Торнека». Въ отвѣтъ на это Коллегія уже рѣшается посовѣтовать Синоду поступить съ ксендзомъ какъ съ иностранцемъ, съ «ябедникомъ», не приносящимъ пользы своимъ политическимъ «двоедушіемъ». Приказавъ Главной Полицмейстерской Канцеляріи «учинить публикацію о долгахъ ксендза» и «чтó по публикѣ явится о томъ сообщить Синоду», Коллегія посылаетъ сему послѣднему остроумный совѣтъ: «превратнаго человѣка не токмо что отсюду должно отпустить, но и выслать подлежитъ», но не съ барабаннымъ боемъ, а «съ солдатомъ, подъ конвоемъ, до города Риги, дабы онъ болѣе здѣсь не шатался». Тогда же получается Синодомъ отвѣтъ отъ Главной Полицмейстерской Канцеляріи, «что по всей публикѣ, по объявленію о долгахъ и дѣлахъ ксендза и понынѣ никто не явился». Обрадованный этимъ Синодъ, слѣдуя совѣту Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, принимаетъ съ своей стороны мѣры, клонящіяся именно къ тому, чтобы Торнекъ былъ изгнанъ изъ Россіи «со срамомъ и стыдомъ». И дѣйствительно, 21 Декабря, за подписью государыни Анны Іоанновны, выходитъ *указъ*, по которому Торнекъ отправляется этапнымъ порядкомъ «съ провожатымъ» до города Риги и отпускается за границу безъ всякаго паспорта и отзыва.... *).

Это происходило, когда въ Россіи стояли на высотѣ власти Нѣмецкіе временщики, и духовенство наше не только не было у кормила управленія, а находилось подъ гнетомъ порабощавшихъ *всѣхъ и вся* Нѣмцевъ. Герцогъ Курляндскій, вассалъ Польши, обладавшій въ Лифляндіи городомъ Венденомъ, а впослѣдствіи и регентъ Россіи, Биронъ и его соучастники согласовались въ дѣйствіяхъ и стремленіяхъ своихъ съ главой Священной Римской Имперіи, императоромъ Германскимъ. Всевозможные наши договоры съ Римской куріей приносили свои плоды, и Уніатскій вопросъ расширялъ все далѣе и далѣе свое значеніе. Вообще пропаганда католической вѣры появлялась отдѣльными группами отъ вершины до подножія нашей народности, но съ своимъ преобладающимъ элементомъ скорѣе въ Малороссійскомъ и западномъ краяхъ, чѣмъ въ другихъ, иногда рѣзко проявляя всю

*) Моск. Архивъ Министер. Юстиціи „Дѣла Сената по Синоду“, кн. 28 (790), стр. 1047.

Библиотека "Руниверс"

свою силу и свое терпѣніе, глубокое знаніе и единодушное стремленіе къ цѣли. И до нашихъ дней на Югѣ Россіи вы проѣзжаете рядъ селеній съ церквами построенными подъ вліяніемъ католическаго духа. И что же, именно въ тотъ годъ, когда тянулись секретные переговоры у насѣ съ Римской куріей, при посредствѣ дворовъ Варшавскаго и Вѣнскаго, при помощи Версальскаго, пріѣзжаетъ въ Петербургъ, именно въ тотъ городъ, въ которомъ рѣшались вопросы Польши, ксендзъ, для принятія во всеуслышаніе Православія. Въ этой комедіи самая патетическая сторона происходитъ именно, когда члены Синода «увѣщевали» Торнека не отказываться отъ своего заявленія, и Торнекъ оставался «непреклоннымъ». Какъ хотите, здѣсь непремѣнно кроется необъяснившаяся тайна. Тутъ проглядываютъ попытки Римской куріи расширить власть свою. На первыхъ строкахъ катехизиса католической пропаганды занимаетъ мѣсто ихъ заповѣдь о томъ, что должно латинизировать не только южную Русь, но и сѣверную. Изъ дѣла видно, что Торнекъ прибылъ въ Россію не incognito, что хлопоталъ за него и посланникъ, и что онъ, достаточно обладая средствами для путешествія по Европѣ, вдругъ пріѣзжаетъ именно въ Россію, гдѣ и мотивируетъ свой пріѣздъ желаніемъ найдти себѣ хлѣбъ насущный въ нашей странѣ. Если бы онъ дѣйствительно намѣревался принять Православіе, то могъ бы это сдѣлать и въ Венгріи; если бы онъ стремился въ тоже время «познать истину», то посѣтилъ бы онъ и патріарха Константинопольскаго. Отсюда невольно возникаютъ вопросы, какимъ же образомъ выдавались Торнеку рекомендательныя письма для посѣщенія разныхъ «уѣздовъ» въ Россіи? Неужели онъ, объѣзжая Европу и представляясь различнымъ властямъ и разному эпархіальному начальству, излагалъ имъ мотивы и причины своего путешествія? Почему онъ, подавъ прошеніе Синоду о принятіи его въ Православіе и получивъ неуклончивый отвѣтъ, откладываетъ чуть не на три мѣсяца; и послѣ, отрѣкшись, проситъ черезъ посредство маркиза Ботты скорѣе отправить его за границу, въ Германію, «съ барабаннымъ боемъ» и т. д.?

Все вмѣстѣ взятое невольно заставляетъ думать, что причиною поѣздки Торнека не было желаніе принять Православіе, а въ его путешествіи была политическая тайна, что это былъ особаго рода замыселъ, къ которому сопричастны Римскій папа, Биронъ и другіе.

Д. Сапожниковъ.

Библиотека "Руниверс"

МНѢНІЕ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА ПО ПОВОДУ НАМѢРЕНІЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ОТПРАВИТЬ НА ПАРИЖСКУЮ ВСЕМІРНУЮ ВЫСТАВКУ 1867 ГОДА ЦЕРКОВНЫЯ ДРЕВНОСТИ ИЗЪ МОНАСТЫРСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ РИЗНИЦЪ И КНИГОХРАНИЛИЩЪ.

При отношеніи вашего сіятельства отъ 23 сего Мая за № 3102, препровождена ко мнѣ копія съ проэкта программы, составленной Археологическимъ Обществомъ, о предметахъ, которые предполагается назначить на Парижскую выставку, и между прочимъ о такихъ, которые находятся въ церквахъ и въ церковныхъ и монастырскихъ ризницахъ, и требуется по сему предмету отъ меня мнѣніе.

Благочестіе къ святынѣ въ православной церкви и въ православномъ народѣ выше и тверже, нежели въ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ. Крестъ, Евангеліе, евхаристическіе сосуды, освященные и употребленные въ церковномъ богослуженіи, признаются священными въ такой степени, что прикасаться къ нимъ имѣютъ право токмо священнослужители. Иконы, церковныя облаченія и принадлежности алтаря, какъ предметы освященные, охраняются отъ неприличнаго для нихъ мѣста и отъ смѣшенія съ мірскими предметами. Особенно чтутся облаченія, одежды и другіе предметы, бывшіе въ употребленіи святыхъ и преподобныхъ отцевъ, и покровы мощей ихъ, которые естьли выносятся изъ церквей и ризницъ, то для возложенія на больныхъ, въ надеждѣ исцѣленія отъ святыни. Чувство благоговѣнія къ святынѣ такъ строго, что нѣкоторые, увидѣвъ иконы и кресты новые, неосвященные, выставленные въ лавкахъ, приходятъ къ архіерею и просятъ прекратить сію выставку, какъ несовмѣстную съ достоинствомъ церковныхъ предметовъ.

19*

Библиотека "Руниверс"

Но что такое выставка, частная ли или всемірная? Начальный и существенный характеръ ея есть коммерческій. Это большой рынокъ, на которомъ произведенія ремеслъ и художествъ выставлены на показъ, чтобы пріобрѣсти онымъ одобреніе для увеличенія сбыта ихъ, или чтобы ихъ продать. Уже въ программѣ для выставки нестройнымъ представляется смѣшеніе предметовъ, слишкомъ разнородныхъ: кресты, Евангелія, облаченія, панагіи, палаши, шпаги, кинжалы, чарки, разсольники, ножи и вилки. Не больше ли это тяжело будетъ для православнаго взора на самой выставкѣ? Представимъ, что православные придутъ въ праздникъ въ Успенскій соборъ, и не будетъ вынесено Евангеліе царей Іоанна и Петра; придутъ въ Синодальную ризницу, и не найдутъ облаченій святителей Петра и Фотія; придутъ въ ризницу Сергіевой Лавры, и не найдутъ древнихъ покрововъ святыхъ мощей преподобнаго Сергія. И что̀ въ объясненіе сего отсутствія имъ скажутъ? Сіи предметы теперь въ Парижѣ на выставкѣ. Православное благочестивое чувство оскорбится симъ, какъ бы перенесеніемъ сосудовъ Іерусалимскаго храма въ Вавилонъ.

По таковымъ соображеніямъ я полагаю, что не должно назначать на Парижскую всемірную выставку древнихъ церковныхъ предметовъ. И чтобы яснѣе было, къ какимъ предметамъ относится сіе мнѣніе, для сего при семъ прилагается выписка изъ исторической программы предполагаемаго Русскаго археологическаго отдѣла на Парижской выставкѣ 1867 года, о предметахъ, которые не должны быть назначены на выставку.

Что̀ касается до предметовъ того же рода, находящихся въ общественныхъ хранилищахъ свѣтскаго вѣдомства и въ частныхъ собраніяхъ археологическихъ предметовъ, рѣшеніе конечно зависѣть будетъ отъ начальствующихъ надъ хранилищами и отъ владѣющихъ археологическими собраніями.

Желательно, чтобы всѣ поступили по одному правилу. Не безъ заботы можно думать о томъ, если неоцѣненныя и невозвратимыя археологическія сокровища, какъ напримѣръ Остромирово Евангеліе и Изборникъ Святославовъ, исторгнутые изъ своихъ хранилищъ, понесутся по длиннымъ, разнообразнымъ дорогамъ и войдутъ въ лабиринтъ Парижской всемірной выставки.

Въ Англіи и Германіи едва-ли поступятъ съ тамошними важнѣйшими древностями такъ, какъ предполагается поступить въ Россіи. Одинъ Московскій художникъ послалъ на Лондонскую выставку мра-

Библиотека "Руниверс"

орное грудное изображеніе Христа Спасителя, и оно, послѣ выставки, ъ трудомъ отыскано тамъ въ подвалѣ, повре́жденное.

Парижская выставка требуетъ историческихъ характерныхъ прозведеній. Соотвѣтствуютъ ли сему требованію Изборникъ Святославовъ, вкладная грамота, договорная грамота и проч.? Если въ Изборикѣ Святославовомъ, находящаяся въ началѣ его, картина имѣется ъ виду, какъ произведеніе древняго искусства, то это напрасно. Это же не подлинникъ, а недавняя копія. Подлинная киртина была похицена, когда рукопись была еще въ Воскресенскомъ монастырѣ, поэмъ явилась въ частныхъ рукахъ и теперь находится въ Императоркой Библіотекѣ или въ Оружейной Палатѣ. По сему полагаю, что Ізборникъ Святославовъ можетъ оставаться въ покоѣ въ Синодальной иблiотекѣ.

Мая 30-го 1866 г.

Сообщилъ архимандритъ Леонидъ.

Бывшій вице-президентъ Императорской Академіи Художествъ князь агаринъ имѣлъ также намѣреніе выписать изъ Москвы старинные церковые предметы и образовать изъ нихъ особую выставку въ академическихъ ілахъ въ Петербургѣ; но это намѣреніе не было исполнено какъ и то, ротивъ котораго отозвался митрополитъ Филаретъ. Благочестивое церовное чувство руководствуется конечно побужденіемъ разумнымъ, не желая тдѣлять предметъ древности отъ того, что̀ онъ выражаетъ: древностью редмета лишь усугубляется благоговѣніе къ нему, которое не должно мѣіать живому пониманію археолога. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ВЪ „ВѢЧНУЮ ПАМЯТЬ“ ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ АЛЕКСАНДРУ, АРХІЕПИСКОПУ ЛИТОВСКОМУ И ВИЛЕНСКОМУ.

Телеграммой изъ Вильны дано знать, что въ прошлое Воскресенье, 28-го минувшаго Апрѣля, въ 6 ч. 12 м. по полудни, не стало преосвященнѣйшаго Александра, архіепископа Литовскаго и Виленскаго. Кто имѣлъ большое счастіе лично и близко знать этого благодушнѣйшаго іерарха, тотъ не могъ при его жизни и не можетъ по его преставленіи не питать къ нему чувствъ благоговѣйнаго почтенія и самой глубокой, самой задушевной признательности за то доброе и благодѣтельное вліяніе, которымъ онъ духовно связывалъ съ собою на всю жизнь каждаго, сколько-нибудь приближавшагося къ нему. Онъ былъ весь олицетворенная простота, доброта, искренность, привѣтливость, любовь и нестяжательность; былъ весь безъискусственный, неподдѣльный, истинно-добрый, безкорыстно-доброжелательный и въ тоже время необыкновенно-прямой человѣкъ. И теперь живо помню, какъ во время управленія Сѣверо-западнымъ краемъ графа Э. Т. Баранова (столько же честнѣйшей и благороднѣйшей души человѣка) въ одинъ изъ проѣздовъ чрезъ Вильну покойнаго Государя, тотчасъ послѣ параднаго обѣда, за которымъ преосвященнѣйшій Александръ, тогда еще епископъ Ковенскій, викарій Литовскій, сидѣлъ рядомъ съ Государемъ и съ обычною своею искренностію и прямотою успѣлъ сообщить ему всю правду о неустановившемся еще положеніи такъ называемаго „Русскаго дѣла“ въ краѣ,—помню, какъ послѣ этого обѣда, зайдя къ преосвященному и выслушавъ все, что̀ успѣлъ онъ передать Государю, я былъ до изумленія пораженъ его разсказомъ и—долженъ признаться,—не могъ удержаться отъ восклицанія: „Какъ, преосвященнѣйшій! Да развѣ можно такъ говорить съ Государемъ?!“—„А, развѣ можно не говорить правды Государю? Если я не угодилъ Его Величеству, то я вѣдь монахъ: пускай прикажетъ уволить меня на покой“.

Въ небольшой замѣткѣ нельзя завѣдомыми фактами подтвердить, что всѣ выше приведенные хвалебные эпитеты почившему служатъ простымъ и правдивымъ выраженіемъ его духовной сущности и его духовнаго образа.

Библиотека "Руниверс"

Кто изъ насъ, служившихъ въ то историческое время въ Ковнѣ и Вильнѣ, не скажетъ, какими для всѣхъ истинными праздниками были нечастые пріѣзды почившаго въ его Ковенскую епархію: все и вся сбиралось у него, или около него, все было ему душевно-своимъ, всѣмъ онъ былъ душевно-родной? Кто не помнитъ той прощальной литургіи, которую совершалъ преосвященнѣйшій Александръ въ Ковенскомъ Александровскомъ соборѣ, передъ отъѣздомъ своимъ на самостоятельную каѳерду епископа Минскаго, когда едва окончившій со слезами на глазахъ свое сердечное прощальное съ паствою слово іерархъ слушалъ обращенную къ нему прощальную же рѣчь соборнаго священника отца Н. А. Введенскаго на текстъ „облязи съ нами“: плакалъ слушавшій, плакалъ говорившій, плакалъ губернаторъ, плакали всѣ власти, плакалъ старъ и младъ, а дамы просто рыдали. Не меньше всѣхъ насъ плакалъ и недавно упредившій преосвященнаго Александра въ селеніяхъ праведныхъ знаменитѣйшій изъ Сѣверо-западныхъ іерарховъ, сотрудникъ митрополита Іосифа (Сѣмашки), жившій на покоѣ въ Пожайскомъ близъ Ковны монастырѣ, архіепископъ Антоній (Зубко).

Кстати на память потомству слѣдуетъ записать еще одну подробность. Уже здѣсь въ Петербургѣ, когда новопреставившійся былъ вызванъ для присутствованія въ Св. Синодѣ, разсказывалъ онъ мнѣ, какъ встрѣтился онъ съ усопшимъ въ маститой старости архіепископомъ Антоніемъ, когда по назначеніи въ архіепископа Литовскаго и Виленскаго впервыя пріѣхалъ въ Пожайскій монастырь и прямо изъ соборнаго монастырскаго храма прошелъ къ старцу, который уже не могъ выходить. Спѣшно направился онъ въ келію, стремясь прямо къ его креслу, чтобы обнять любимаго старца, со словами: „Здравствуйте, ваше высокопреосвященство!“ Мгновенно старецъ поднялъ и опустилъ обѣ руки ему на плечи и, что̀ называется, какъ ребенокъ закатился въ рыданіяхъ; у гостя градомъ полились слезы. „Да успокойтесь же, владыко“, говорилъ онъ. „Еслибы вы знали, какъ я васъ люблю“, едва могъ прошептать старецъ и сталъ несчетно цѣловать стариннаго друга.

Кому изъ людей, близко знавшихъ архіепископа Александра неизвѣстно, до чего доходила его нестяжательность? Онъ былъ безсребренникъ въ истинномъ значеніи этого слова. Могу свидѣтельствовать всѣми, его знавшими, что пока онъ жилъ въ Вильнѣ, въ санѣ епископа Ковенскаго и викарія Литовскаго, у него было такъ мало средствъ и такъ много обязательныхъ взносовъ въ кассы всѣхъ православныхъ братствъ, не считая помощи лично обращавшимся къ нему бѣднякамъ, что оставалась буквально одна праздничная, да и то довольно поношенная ряса. Когда онъ ѣздилъ по тогдашней своей Ковенской епархіи, и многіе изъ мѣстныхъ Польскихъ помѣщиковъ, вмѣсто почтовыхъ, выставляли ему лучшихъ лошадей со своихъ конюшенъ, бѣднякъ-архіерей считалъ своею обязанностію платить чужимъ кучерамъ вдвое больше противъ прогоновъ и самъ какъ-то съ глазу на глазъ признался мнѣ, что не въ шутку побаивался, какъ

Библиотека "Руниверс"

ему быть, если не достанетъ у него денегъ на весь переѣздъ. Не скрою и того, что̀ слышалъ отъ почтеннѣйшихъ людей изъ духовенства Минской епархіи. Тамъ получалъ почившій сравнительно много, едва-ли не вчетверо болѣе противъ того, что̀ получалъ, будучи викаріемъ; но за то такъ много раздавалъ нуждающимся и разсылалъ своимъ бѣднымъ родственникамъ по Ярославской губерніи, что когда застигло его нежданное перемѣщеніе на каѳедру архіепископа Донскаго, ему пришлось сдѣлать заемъ на переѣздъ въ Новочеркаскъ. Въ какой нуждѣ жилось ему въ Новочеркаскѣ, свидѣтельствуетъ собственноручное его письмо ко мнѣ, для оглашенія котораго въ печати еще не настало время. Но, Боже мой! – Можно-ли умолчать о томъ, съ какимъ искреннимъ смиреніемъ, простотою и спокойствіемъ, по моей же просьбѣ, онъ передалъ мнѣ въ этомъ письмѣ скудость матеріальныхъ условій, въ какихъ приходилось ему, да и его преемникамъ приходится, жить на Донской и Новочеркаской каѳедрѣ.

Не даромъ новопреставившійся архіепископъ въ мірѣ носилъ фамилію Добрынина.

Какъ на выдающуюся черту архіерейскаго его служенія слѣдуетъ указать на то, что едва-ли кто и когда-либо изъ Всероссійскихъ іерарховъ, освятилъ столько храмовъ, сколько пришлось освящать преосвященнѣйшему Александру. Въ то время, когда онъ былъ викаріемъ Литовскимъ, началось и совершилось изумительно-быстрое движеніе католиковъ въ Православіе во всей тогдашней Литовской митрополіи. И увы!—кто не помнитъ, какими клеветами заграничная, да и не одна заграничная печать сопровождала это движеніе и клеймила позорными выдумками имена такихъ ревнителей православнаго дѣла, какъ напр. К. П. Фонъ-Кауфманъ и князь Н. Н. Хованскій?

Въ заключеніе нельзя не припомнить, что преосвященнѣйшему Александру первому выпала счастливая доля сдѣлаться возстановителемъ православныхъ братствъ въ Сѣверо-западномъ краѣ. Здѣсь къ слову приходится оговорить одну, такъ сказать, историческую неточность. Наша современная печать обыкновенно признаетъ первымъ изъ возстановленныхъ братствъ Виленское Свято-Духовское. Такъ еще недавно читали мы, что „по изданіи... основныхъ правилъ для учрежденія православныхъ церковныхъ братствъ, первое откликнулось Виленское Свято-Духовное братство, которое, по инициативѣ блаженной памяти митрополита Іосифа и его достойныхъ сподвижниковъ, возобновило свою дѣятельность въ 1865 году". *) То правда, что по „изданіи правилъ" первое откликнулось Виленское Свято-Духовское братство, но и то неоспоримо, что раньше его въ эпоху возрожденія братствъ первымъ во всемъ Сѣверо-западномъ краю возникло и начало свою благотворную дѣятельность Ковенское Свято-Никольское братство, открытое преосвященнымъ Александромъ 6-го Декабря 1864 года. При-

*) „Мысли Бѣлорусса о братствахъ, священника Флора Сосновскаго". *Русскій Вѣстникъ*, Мартъ 1885, стр. 241.

Библиотека "Руниверс"

бавлю, что и мысль объ открытіи братства, и приведеніе ея въ исполненіе, все это было плодомъ личной „инициативы“ нынѣ приснопоминаемаго нами добраго архипастыря.

Онъ быстро двинулъ и расширилъ дѣятельность этого дѣтища своей души при помощи друзей и энергическихъ сотрудниковъ своихъ, между которыми первое, по ревности къ дѣлу, мѣсто по всей справедливости принадлежало И. Я. Шульгину. Это былъ тогда директоръ Ковенской мужской гимназіи, а потомъ помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, вскорѣ по увольненіи изъ этой должности скончавшійся въ Москвѣ (а по настоянію членовъ Ковенскаго братства и при энергическомъ содѣйствіи тогдашняго Ковенскаго губернатора, князя М. А. Оболенскаго, похороненный на Ковенскомъ городскомъ кладбищѣ). По почину И. Я. Шульгина и по настойчивому ходатайству преосвященнаго Александра графъ М. Н. Муравьевъ отпустилъ 10 т. рубл. въ распоряженіе братства на перестройку въ православный храмъ стоявшаго впустѣ рядомъ съ гимназіей и грозившаго разрушеніемъ упраздненнаго послѣ мятежа 30-хъ годовъ подоминиканскаго костела. Быстро изъ этого костела была превосходно отстроена нынѣ составляющая украшеніе города братская церковь во имя четырехъ Московскихъ святителей и чудотворцевъ: Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, отличающаяся оригинальнымъ и едва-ли не единственнымъ въ Россіи иконостасомъ. Не въ десять конечно тысячъ обошлось устройство этого храма, но эту тайну И. Я. Шульгинъ никому никогда не сообщалъ и такъ и унесъ ее съ собою въ могилу. На первыхъ порахъ всѣ городскіе братчики энергически трудились на пользу братства. Завелась братская школа съ пріютомъ для найденышей и подкидышей. Крайне нуждавшимся православнымъ бѣднякамъ осмотрительно раздавались пособія. Явилось и измѣнявшееся число постоянныхъ ежемѣсячныхъ пенсіонеровъ братства. Одинъ только мудрый и не щадившій трудовъ и средствъ своихъ безсребренникъ же, Смоленскій уроженецъ, Ковенскій старожилъ и казначей братства, давно умершій о. протоіерей Ковенскаго собора, З. П. Сухановъ въ каждомъ засѣданіи членовъ совѣта братства постоянно предупреждалъ, что ему грозитъ банкротство, потому что на его кассѣ кромѣ текущихъ расходовъ тяготѣетъ превосходящій его средства долгъ. Долгъ этотъ образовался случайно. Одинъ изъ братчиковъ, извѣстный въ Ковенской губерніи торговецъ, А. А. Аржановъ пожертвовалъ для братской церкви колоколъ въ 10 пудовъ. Въ тоже время (и также по телеграфу) и для православнаго храма въ Бобруйскѣ, если не ошибаюсь, былъ заказанъ колоколъ въ 80 пудовъ. Вдругъ, къ удивленію всѣхъ Ковенскихъ братчиковъ, на Ковенской станціи желѣзной дороги оказался колоколъ въ 80 слишкомъ пудовъ. Вскорѣ дѣло разъяснилось весьма просто: какой-то телеграфистъ гдѣ-то перепуталъ заказы. Ковенское братство подъ предсѣдательствомъ бывшаго тогда Ковенскимъ губернаторомъ А. Г. Казначеева (теперь сенатора) рѣшилось просить А. А. Аржанова уплатить за присланный колоколъ; а стоимость лишнихъ противъ его пожертвованія семидесяти слишкомъ пу-

Библиотека "Руниверс"

довъ зачислить въ безпроцентный долгъ на братствѣ, съ тѣмъ, чтобы оно по мѣрѣ своихъ средствъ покрывало его. А. А. Аржановъ безотговорочно согласился. Къ началу 1867 года средства братства оказывались до крайности скудныя. Кого можно было пригласить изъ иногороднихъ, всѣ были уже приглашены въ братчики и исправно высылали свои вклады. Вотъ говѣли почти всѣ мы, служившіе тогда въ Ковнѣ, на Страстной. Сходимся во Вторникъ или въ Среду къ преждеосвященной обѣднѣ и видимъ, что у стѣны за правымъ клиросомъ стоитъ плащаница, сравнительно съ этою ветхою въ аршинъ съ небольшимъ, какою мы пользовались заимообразно у Ковенскаго собора, роскошная. „Откуда? Что стòитъ?“ шепчемся. „Да выписалъ А. А. Аржановъ. „Пожертвовалъ?“—„Нѣтъ, а выписалъ, зная, что въ ней есть нужда“.—„Гдѣ же взять 150 рубл.?“—„Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же взять, если въ кассѣ братства было что-то не болѣе 2 рубл., а ежемѣсячнымъ пенсіонерамъ нужно было платить 45 рубл.?“—„Неужели же откажемся отъ плащаницы?“ говоритъ тогда губернаторъ, тотъ же А. Г. Казначеевъ: „черезъ два дня она намъ нужна. Иванъ Яковлевичъ (обращаясь къ Шульгину, какъ къ церковному старостѣ) обойдите скорѣе церковь съ блюдомъ на плащаницу“. Шульгинъ обошелъ, и собрано было больше, чѣмъ нужно. Наступилъ и свѣтлый праздникъ. Отца казначея очень заботило, чѣмъ и какъ уплàтить пенсіонерамъ. И вотъ отъ 30 Апрѣля 1867 года за № 184 братство получило изъ Вильны письменное предложеніе своего предсѣдателя, т.-е. преосвященнѣйшаго Александра, со вложеніемъ письма митрополита Филарета (который въ самый день открытія братства былъ избранъ нами въ почетные его члены, но одинъ изъ всѣхъ тогда же избранныхъ іерарховъ отвѣчалъ на это избраніе молчаніемъ).

Въ свое время оба эти письма были напечатаны въ годичномъ отчетѣ братства. Считаю позволительнымъ въ „вѣчную память“ обоимъ перепечатать эти письма.

Преосвященный Александръ отъ 30-го Апрѣля 1867 года, № 184, писалъ такъ:

Въ Совѣтъ Ковенскаго Свято-Никольскаго братства.

„Его высокопреосвященство, высокопреосвященнѣйшій Филаретъ, митрополитъ Московскій и Коломенскій, при письмѣ своемъ отъ 15-го Апрѣля *), на мое имя препроводилъ въ распоряженіе мое и Ковенскаго братства пятьсотъ рублей въ пользу церквей, устрояемыхъ и благоустрояемыхъ братствомъ. Препровождая при семъ эти пятьсотъ рублей и копію замѣчательнаго письма въ Совѣтъ братства, позволяю думать, что братство Свято-Никольское за такое вниманіе и сочувствіе къ его дѣятельности почтитъ высокознаменитаго іерарха Русской Православной церкви соотвѣт-

---

*) Непонятно, почему письмо, подписанное 15-го Апрѣля, слишкомъ поздно было получено преосв. Александромъ.

Библиотека "Руниверс"

ственнымъ благодарственнымъ адресомъ, а деньги (500 рубл.) употребить согласно съ назначенiемъ.

На подлинномъ подписано: Александръ, епископъ Ковенскiй.

На копiи съ письма митрополита Филарета рукою преосв. Александра написана помѣтка: „Получ. 29 Апрѣля.“ Вотъ дословный текстъ копiи:

„Преосвященнѣйшiй владыко,

„Достопочтенный о Господѣ братъ,

„Христосъ воскресе!“

„Помяните сихъ дней слово: *простимъ вся воскресенiемъ* и, простивъ мнѣ вину молчанiя, примите въ мирѣ мое мирное слово.

„Христосъ воскресе! Простираю объятiя и цѣлованiя мира, любви и сорадованiя къ вамъ и, въ лицѣ вашемъ, къ предводимому нами Ковенскому Свято-Никольскому братству. Да будетъ полна и совершенна наша радость о воскресшемъ Господѣ и какъ, по священному слову, *радость Господня есть сила наша*, то и да будетъ она дѣйствительно нашею силою къ охраненiю, укрѣпленiю и расширенiю Православiя въ области вашего дѣйствованiя.

„Вашего преосвященства

„Покорнѣйшiй слуга

„Филаретъ, м. Московскiй“.

№ 152, 15 Апрѣля 1867.
Его преосвященству
Александру, епископу Ковенскому.

Я видѣлъ подлинное письмо. Оно писано на почтовомъ листѣ большаго формата и окончено на второй его страницѣ, а на третьей сдѣлана слѣдующая приписка:

„Представляются въ распоряженiе вашего преосвященства и братства посылаемые при семъ пятьсотъ рублей, въ пользу церквей имъ устрояемыхъ и благоустрояемыхъ“.

„Въ числѣ оныхъ 200 рублей отъ благотворителя, который имѣющую получить пособiе церковь проситъ помолиться о упокоенiи душъ рабовъ Божiихъ Валентина и Татiаны“.

„Ф. м. М.“

Имена эти тогда же внесены въ синодикъ братства. Какъ братчикъ-учредитель и бывшiй дѣлопроизводитель его, тогда же я снялъ точныя копiи съ приведенныхъ выше писемъ.

Н. Новиковъ.

С.-Петербургъ
1-го Мая 1885.

Библиотека "Руниверс"

ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ.

II *).

Сеймское судоходство.

Въ Щигровскомъ уѣздѣ жилъ помѣщикъ М. А. Пузановъ, считавшійся въ то время хорошимъ хозяиномъ и краснорѣчивымъ ораторомъ. На губернскихъ выборахъ въ Курскѣ въ концѣ 30-хъ годовъ онъ предложилъ проэктъ объ устройствѣ судоходства по р. Сейму, какъ извѣстно, впадающему въ Десну, а сія послѣдняя въ Днѣпръ. Рѣка Сеймъ теченіемъ своимъ захватываетъ лучшіе по хлѣбородію уѣзды Курской губерніи, которая, по неимѣнію хорошихъ путей сообщенія, затруднялась тогда сбытомъ хлѣба, вслѣдствіе чего, по избытку его, онъ былъ очень дешевъ.

Предложеніе Пузанова заключалось въ томъ, чтобы устроить по Сейму судоходство и, какъ онъ говорилъ, облагодѣтельствовать тѣмъ всю губернію; на устройство же этого судоходства требовалось, однако, по его разсчетамъ, около милліона рублей. Извѣстно, что во время крѣпостнаго права всѣ раскладки по повинностямъ съ дворянскихъ имѣній дѣлались по числу ревизскихъ душъ, считавшихся за каждымъ помѣщикомъ. Дворяне сообразили, что это не очень много на 500 тысячъ помѣщичьихъ крестьянъ, тѣмъ болѣе, что раскладка предполагалась не разомъ, а съ разсрочкой на нѣсколько лѣтъ, включая при томъ въ эту сумму, кромѣ устройства судоходства, и содержаніе его въ исправности.

Дворянство увлеклось предполагаемыми выгодами отъ сбыта своихъ произведеній и поручило Пузанову хлопотать объ утвержденіи его проэкта и, при содѣйствіи бывшаго тогда Курскаго губернатора Михаила Николаевича Муравьева, хлопоты эти увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Проэктъ не только былъ утвержденъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, но, въ снисхожденіи на просьбы дворянъ, разрѣшено именовать Сеймское судоходство «Александрійскимъ», въ честь императрицы Александры Ѳеодоровны.

---

*) См. выше, стр. 149.

Библиотека "Руниверс"

Закипѣла работа по тихимъ берегамъ Сейма. Устроивались шлюзы, сносились мельницы и плотины, отводилась луговая земля по берегамъ рѣки для бичевниковъ и тому подобныхъ сооруженій. Инженеры начали работы. Графъ Клейнмихель, какъ начальникъ путей сообщенія и богатый Курскій помѣщикъ по имѣніямъ своей жены, принималъ дѣятельныя мѣры и зорко слѣдилъ за успѣхомъ инженерныхъ работъ.

Наконецъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, работы по Александрійскому судоходству окончились. Затрачено на него было болѣе милліона рублей.

Пузановъ получилъ камергера. Остановка вышла только за движеніемъ судовъ. Нужно было, чтобы суда вывозили Курскій хлѣбъ и пеньку, а привозили бы изъ-за Днѣпра лѣсъ и другія произведенія, въ которыхъ нуждалась Курская губернія. Но этого-то и не случилось. За все время существованія Александрійскаго Сеймскаго судоходства одинъ только разъ пришелъ къ Курску не то пароходъ, не то барка съ досками и тёсомъ, и то не совсѣмъ благополучно. Тѣмъ и окончилось судоходство, отъ котораго такъ много ожидали. И вышло, что гора родила мышь.

Однако сборы на Сеймское судоходство продолжались съ дворянскихъ имѣній еще нѣсколько лѣтъ. Нужно было содержать инженеровъ, рабочихъ, исправлять шлюзы, бичевники и тому подобное. Словомъ сказать, расходы большіе, а пользы никому и никакой, кромѣ развѣ инженеровъ. Какъ быть? Дворяне обыкновенно съѣзжаются на выборы въ три года разъ, причемъ они имѣютъ право разсуждать, между прочимъ, о своихъ пользахъ и нуждахъ. Въ 1849-мъ году были выборы, и тогда-то, наконецъ, былъ возбужденъ вопросъ о совершенной безполезности и даже вредности Александрійскаго Сеймскаго судоходства.

Сначала обратились съ запросомъ къ камергеру Пузанову, почему по р. Сейму не ходятъ пароходы? Онъ отвѣчалъ, что онъ не повиненъ въ отсутствіи предпринимателей и капиталистовъ, которые бы рѣшились устроить суда для перевозки и рискнуть своими средствами на это предпріятіе; что его идея и проектъ однако осуществились, чему можетъ служить доказательствомъ устроенное судоходство; но, чтобы вполнѣ окончить это предпріятіе, нужно самимъ господамъ дворянамъ начать пользоваться судоходствомъ. Но такъ какъ для этого опять нужны были большія затраты, то господа дворяне и слышать объ этомъ не хотѣли, испытавши горькимъ опытомъ, какую выгоду принесли ихъ пожертвованія. Сдѣлано постановленіе просить объ уничтоженіи только на бумагѣ, а не на практикѣ существующаго судоходства.

Библиотека "Руниверс"

Спустя нѣкоторое время пріѣхалъ въ Курскъ управляющій путями сообщенія графъ Клейнмихель. Губернскимъ предводителемъ былъ въ то время своякъ его Аркадій Аркадіевичъ Нелидовъ. Уѣздные предводители были по какому-то дѣлу въ сборѣ въ Курскѣ во время пріѣзда Клейнмихеля и, пользуясь его пребываніемъ, просили Нелидова узнать о судьбѣ Сеймскаго судоходства, такъ какъ уже послѣдовало представленіе о желаніи дворянства его уничтожить. Нелидовъ сообщилъ намъ, что онъ говорилъ объ этомъ графу Клейнмихелю; но тотъ ему отвѣчалъ, что по службѣ своей онъ обязанъ созидать и сооружать, а никакъ не уничтожать существующее. Тогда уѣздные предводители сами рѣшились обратиться къ графу. Онъ принялъ насъ очень любезно; но, когда мы стали объяснять ему всю ничтожность и безполезность этого судоходства, о которомъ онъ самъ, вѣроятно, хорошо зналъ, то онъ замѣтилъ: «Господа! Какъ я могу приступить къ этому? Вы забываете, какое имя носитъ это судоходство? Имя нашей обожаемой Императрицы.» — «Совершенно вѣрно, ваше сіятельство», возразилъ я; «но мы потому-то и просимъ, что несуществующее судоходство недостойно носить столь высокое имя». Графъ быстро обратился ко мнѣ и сказалъ: «Вы мнѣ дали новую идею, которой я постараюсь воспользоваться.»

Въ этотъ же вечеръ мы были приглашены къ Нелидову, у котораго остановился графъ Клейнмихель. Было большое сборище гостей. При этомъ не могу не вспомнить объ одномъ эпизодѣ. Въ числѣ приглашенныхъ былъ студентъ Московскаго университета Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ съ своей хорошенькой невѣстой мамзель Хрущовой. Такъ какъ у Нелидова все происходило неиначе, какъ по программѣ, то и въ этотъ вечеръ значилось, что передъ началомъ танцевъ будетъ играть на фортепіано Рубинштейнъ, тогда едва еще начинавшій свое музыкальное поприще. Собрались гости; не всѣ однако были любителями музыки. Во время игры Рубинштейна, можетъ быть и хорошей, но слишкомъ продолжительной, слушатели видимо начали скучать. Графъ Клейнмихель, бывшій тутъ же, увидавъ меня, взялъ подъ руку и направился въ другую комнату, говоря: «Какъ это странно, что Аркадій Аркадіевичъ занимаетъ своихъ гостей бренчаньемъ какого-то мальчишки». Тогда не предполагали, конечно, въ этомъ мальчишкѣ будущей знаменитости музыкальнаго міра.

Затѣмъ разговоръ опять направился на Сеймское судоходство. «А я вамъ очень, очень благодаренъ», сказалъ графъ, «что вы высказали вашу мысль на счетъ того, что судоходство это не достойно носить имя Императрицы; иначе я бы находился въ крайнемъ затрудненіи, какъ доложить Императору, что судоходство необходимо уничтожить».

Библиотека "Руниверс"

Вскорѣ послѣ этого послѣдовало высочайшее повелѣніе уничтожить всѣ сооруженія по р. Сейму и, по просьбѣ дворянъ, обратить весь оставшійся капиталъ на содержаніе воспитанниковъ изъ дворянъ въ пансіонѣ при Курской гимназіи. Всѣ дворяне были очень довольны, что перестали, наконецъ, платить на судоходство, чего нельзя было, впрочемъ, сказать объ инженерахъ, оставленныхъ за штатомъ, да Щигровскаго помѣщика Михаила Александровича Пузанова, котораго всѣ стали называть водянымъ эксъ-камергеромъ.

III.
Какъ взыскивалъ недоимки Курскій губернаторъ М. Н. Муравьевъ.

Въ Курскую губернію назначенъ былъ въ концѣ 30-хъ годовъ губернаторомъ М. Н. Муравьевъ, какъ говорили тогда, для исправленія губерніи. Его предшественникъ, Павелъ Николаевичъ Демидовъ, не былъ дѣловымъ губернаторомъ, но какъ человѣкъ очень богатый, жилъ въ Курскѣ роскошно и давалъ безконечные балы и обѣды *). Разсказывали, что былъ у него метрдотель Французъ, который распоряжался его домашнимъ хозяйствомъ, и вмѣсто жалованья получалъ 10% съ затрачиваемой суммы на угощенія, причемъ Демидовымъ требовалось, чтобы гости угощались на славу. Можно себѣ представить, сколько тратилъ денегъ этотъ Французъ. Курскіе дворяне очень любили Демидова за его роскошныя угощенія; да къ тому же онъ былъ къ нимъ снисходителенъ по взысканію казенныхъ недоимокъ, которыя къ пріѣзду Муравьева достигли громадныхъ размѣровъ; ибо многіе дворяне имѣли обыкновеніе никогда не платить податей, разсчитывая на милостивые манифесты, часто объявляемые по разнымъ случаямъ.

Не такъ на это дѣло посмотрѣлъ вновь прибывшій губернаторъ М. Н. Муравьевъ. Прежде всего обративъ вниманіе на взысканіе недоимокъ, онъ предписалъ полиціи дѣйствовать энергично и, въ случаѣ неуплаты кѣмъ бы то ни было, немедленно приступать къ продажѣ имуществъ, на основаніи законовъ, въ случаѣ же уклоненія полицейскихъ чиновниковъ и неисполненія его предписаній, отрѣшалъ ихъ отъ должности. Вѣдомости объ уплатѣ недоимокъ со всѣхъ уѣздовъ еженедѣльно поступали прямо къ Муравьеву, и по нимъ онъ могъ судить о дѣйствіяхъ полиціи.

Вотъ какъ однажды самъ М. Н. Муравьевъ поступилъ съ одной Обоянской помѣщицей, по фамиліи, кажется, Ступиной. Пріѣзжаетъ къ

*) По словамъ Кристина, П. Н. Демидовъ платилъ отъ себя большія деньги Курскимъ чиновникамъ за то, чтобы они не брали взятокъ (Р. Архивъ 1884, III, 156, въ приложеніи).

Библиотека "Руниверс"

нему дама въ каретѣ, запряженной шестеркой. Губернаторъ принимаетъ ее и внимательно выслушиваетъ жалобу на исправника и становаго, которые, по ея словамъ, хотятъ разорить ее: составили опись и за недоимку приступаютъ къ продажѣ такихъ предметовъ, которые ей необходимы, какъ напр. экипажи, лошади и т. п.; чего-де никогда не бывало въ уѣздѣ. Она обѣщалась имъ уплатить всю недоимку осенью, когда продастъ хлѣбъ, но, такъ какъ ей не внемлятъ, то она и рѣшилась просить его превосходительство заступиться за нее и отмѣнить распоряженіе полиціи.

Справившись по вѣдомости, Муравьевъ увидалъ, что эта госпожа изъ тѣхъ, что̀ несомнѣнно дожидаются милостиваго манифеста, ибо она уже нѣсколько лѣтъ вовсе не платила податей. Тогда Муравьевъ попросилъ ее обождать въ гостиной, пока онъ сдѣлаетъ свои распоряженія. Затѣмъ онъ немедленно приказалъ полицеймейстеру отправиться на площадь, и тамъ съ барабаннымъ боемъ продать съ аукціона карету и лошадей г-жи Ступиной; кучера и форейтора прислать обратно къ его подъѣзду, а деньги, вырученныя отъ продажи, также доставить къ нему. Часа черезъ два полицеймейстеръ въ точности исполнилъ приказаніе губернатора и принесъ вырученныя съ аукціона деньги, по полученіи которыхъ Муравьевъ написалъ Обоянскому исправнику, что часть недоимки отъ г-жи Ступиной, на такую-то сумму, поступила въ уплату, и запечатанный пакетъ на имя исправника передалъ ожидавшей его распоряженій г-жѣ Ступиной, сказавъ ей при этомъ, что, вѣроятно, исправникъ по прочтеніи этой бумаги не будетъ такъ много взыскивать съ нея недоимки. Г-жа Ступина разсыпалась въ благодарностяхъ и направилась къ выходу вполнѣ довольная. Можно себѣ представить ея удивленіе, когда у подъѣзда она не нашла своей кареты, а кучеръ и форейторъ встрѣтили ее пѣшкомъ. При этомъ случился и полицеймейстеръ, который и сообщилъ ей о распоряженіи губернатора. Пораженная барыня хотѣла возвратиться для объясненія съ Муравьевымъ, но ея не приняли.

Послѣ этого случая и рѣшительныхъ дѣйствій полиціи многіе неплательщики, не дожидаясь милостиваго манифеста, стали уплачивать недоимку, а Муравьевъ получилъ высочайшую благодарность за успѣшное взысканіе въ Курской губерніи податей и недоимокъ.

Вообще управленіе губерніею М. Н. Муравьевымъ отличалось рѣзкостью дѣйствій, о чемъ долго послѣ вспоминали чиновники, служившіе при немъ.

Н. Рѣшетовъ.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО КЪ С. П. ШЕВЫРЕВУ *).

1.

Передъ вами Бенедиктовъ, живая грамота и живая рекомендація. Сведите его съ Баратынскимъ, Хомяковымъ, Павловымъ и скажите имъ всѣмъ мой дружескій поклонъ [1]).

Сердечно васъ благодарю, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ, за вашу прекрасную статью о Дмитріевѣ. Вы очень вѣрно, живо и художественно характеризовали поэта, человѣка, современника Державину и Бенедиктову,—живое столѣтіе, въ глазахъ коего Пушкинъ успѣлъ родиться, созрѣть и умереть. Жаль только, что «Московскія Вѣдомости» немногими читаются или, правильнѣе, многими не читаются. Я совѣтовалъ Краевскому перепечатать вашу статью въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ», хотя и они читаются немногими, и прихожане ихъ развѣ однѣ

Набожныя лани,
Звѣришки бѣдныя, безъ связей, безъ подпоръ.

Плохо приходится намъ старожиламъ: такъ смерть и перебираетъ нашихъ. Вѣкъ Карамзина и Дмитріева смѣняется вѣкомъ Сенковскаго и Булгарина. Поляки въ Кремлѣ, и періодъ Самозванцевъ твердо и торжественно означается въ исторіи литературы нашей. Бодрствуйте и сохраняйте свято и ненарушимо преданія и вѣру предковъ, вы, поколѣніе среднее и цвѣтущее; а на насъ стариковъ не надѣйтесь: мы доживаемъ свой вѣкъ бобылями изъ милости и Христа-ради. Можемъ за васъ только молиться Богу, а помогать вамъ уже не въ силахъ [2]).

---

*) Сообщены старшимъ сыномъ Шевырева Борисомъ Степановичемъ и печатаются съ дозволенія князя Павла Петровича Вяземскаго. П. Б.

[1]) Поэтъ Бенедиктовъ въ 1835 году выступилъ съ книжкою звонкихъ стиховъ своихъ. Онъ служилъ тогда мелкимъ чиновникомъ въ Министерствѣ Финансовъ. Кн. Вяземскій (служившій тамъ же) съ неизмѣннымъ сочувствіемъ относился къ нему.

[2]) Князь Вяземскій прожилъ еще слишкомъ сорокъ лѣтъ, сохраняя неувядающее дарованіе и, напротивъ, крѣпчая и свѣжѣя въ литературной силѣ. Шевыревъ скончался 14 лѣтъ ранѣе его. Обоимъ пришлось дожить вѣкъ въ чужихъ краяхъ.

Библиотека "Руниверс"

Я слышалъ, что заботливостью М. П. Погодина снята была маска по кончинѣ Дмитріева. Хорошо было бы заказать бюстъ его и поднести Московскому университету. Откройте подписку въ Москвѣ, а я стану здѣсь подбирать подписчиковъ. И въ такомъ случаѣ слѣдовало бы заказать эту работу здѣсь въ Академіи Русскому художнику.

Сдѣлайте одолженіе, спросите М. П. Погодина, получилъ ли онъ письмо мое, писанное къ нему еще лѣтомъ? Я узнаю, къ сожалѣнію моему, что онъ сердился за неисправное напечатаніе стиховъ Пушкина: «Герой». Тутъ вины моей не было: я тогда сидѣлъ безъ глазъ и поручилъ корректуру Коркунову; но и онъ, кажется, не виноватъ, а списокъ былъ неисправенъ. Присланный же изъ Москвы списокъ оставался у Жуковскаго. Неужели загробный журналъ Пушкина не означится и вашимъ именемъ? Дайте что-нибудь намъ въ «Современникъ». А я опять помышляю о своей «Старинѣ и Новизнѣ». Не кинете ли чего-нибудь и въ мою суму? Простите. Съ искреннимъ почтеніемъ вамъ душевно преданный Вяземскій.

С. Петербургъ, 29 Октября 1837.

2.

С. Петербургъ, 25 Іюня 1841.

Читаю «Москвитянинъ» съ большимъ удовольствіемъ, и вообще онъ здѣсь хорошо принятъ. Продолжайте, и мы будемъ имѣть журналъ. Только, ради Бога, будьте осторожны, бдительны, зорки, догадливы. Помните припѣвъ Пушкина

Не спи казакъ: во тьмѣ ночной
Чеченецъ бродитъ за рѣкой.

то-есть жандармы бродятъ за рѣкой или: Булгаринъ бродитъ за рѣкой. Ваша благонамѣренность и добросовѣстность не спасутъ васъ. Все можно перетолковывать, а толковники сыщутся. Боюсь, напримѣръ, за вашу послѣднюю статью о Христіанской Философіи. Тутъ могутъ быть для васъ опасны Чеченцы Православія. Не забывайте, что и

Монахи бродятъ за рѣкой.

Журналисту нуженъ необыкновенно тонкій тактъ. Въ Москвѣ очень трудно въ этомъ отношеніи издавать журналъ. Вы тамъ руководствуетесь благоразуміемъ и совѣстью, и думаете, что довольно. Ни чуть! Есть еще тысяча другихъ необходимыхъ условій. Позвольте мнѣ еще одно замѣчаніе. Въ вашей критикѣ, то-есть въ вашемъ способѣ из-

Библиотека "Руниверс"

ложенія, желалъ бы я болѣе разнообразія. Все что̀ вы говорите дѣльно, умно и хорошо сказано; но вы всегда говорите съ каѳедры. На каѳедру можно иногда взбираться, но когда разбираемая книга того сто́итъ. Напримѣръ, въ критикѣ о Курдюковой vous l'avez pris trop au sérieux [3]). Сами же вы сказали, что эта фарса и прекрасно опредѣлили что̀ фарса и что̀ комедія. Но фарсою и трактуйте ее. Мятлевъ мастеръ врать стихами и прозою, и ему захотѣлось поврать о томъ о семъ, обо всемъ и о прочемъ, и онъ выбралъ Курдюкову сосудомъ вранья своего, какъ Байронъ Чайльдъ-Гарольда сосудомъ поэзіи своей. Разумѣется, Курдюковой характеръ не выдержанъ, но чортъ-ли въ ней и чортъ-ли въ ея характерѣ? Тутъ одинъ Мятлевъ на сценѣ, который почти всегда забавно и часто очень остроумно дурачится. А о планѣ, о цѣли онъ и не помышляетъ. Я ничего не пишу; но если бы когда-нибудь пробудилась рука моя, то охотно принесу вамъ дань.

3.

Умомъ и сердцемъ благодарю васъ за статью о Пушкинѣ. Читая такія статьи, перестаешь отчаяваться въ Русской литературѣ и отдыхаешь отъ падающихъ на насъ обваловъ *громадныхъ* критиковъ нашихъ. Замѣтили-ли вы выраженіе «Отечественныхъ Записокъ»: *громадный* талантъ Лермонтова? Что за пустая должно быть голова, въ которой вмѣщаются и изъ которой валятся такія громадныя нелѣпости!

Царское Село, 22 Сентября 1841.

Кстати о Лермонтовѣ. Вы были слишкомъ строги къ нему. Разумѣется, въ талантѣ его отзывались воспоминанія, впечатлѣнія чужія; но много было и того, что̀ означало сильную и коренную самобытность, которая въ послѣдствіи одолѣла бы все внѣшнее и заимствованное. Дикій поэтъ, то-есть неучъ, какъ Державинъ напримѣръ, могъ быть оригиналенъ съ перваго шага; но молодой поэтъ, образованный какимъ бы то ни было ученіемъ, воспитаніемъ и чтеніемъ, долженъ неминуемо протереться на свою дорогу по тропамъ избитымъ и сквозь рядъ нѣсколькихъ любимцевъ, которые пробудили, вызвали и, такъ сказать, оснастили его дарованіе. Въ поэзіи, какъ въ живописи, должны быть школы. Оригинальность, народность великія слова; но можно о нихъ много потолковать. Не принимаю ихъ за безусловныя заповѣди.

---

[3]) Вы слишкомъ придали ей важности.

Библиотека "Руниверс"

4.

10-е Іюня 1842 г.

Вы, безъ сомнѣнія, письменно уже знаете m-r Marmier, извѣстнаго литератора и сѣвернаго путешественника, коего статьи читали въ Revue des Deux Mondes и въ Revue de Paris. Теперь прошу васъ познакомиться съ нимъ лично. Онъ намъ здѣсь очень понравился любезностью и простодушіемъ своимъ. Надѣюсь, что и вы оцѣните и полюбите его. Онъ пробудетъ въ Москвѣ дней десять и жаждетъ видѣть все и всѣхъ. Помогите ему въ этомъ дѣлѣ и будьте ему, по возможности, указателемъ и путеводителемъ. Познакомьте его съ Московскою древностью и съ Московскимъ и Русскимъ грядущимъ, то-есть съ нѣкоторыми изъ вашихъ цвѣтущихъ и разцвѣтающихъ дарованій.—Передъ отъѣздомъ М. П. Погодина изъ Петербурга я далъ ему маленькую памятную записку о моемъ «Адольфѣ» и «Фонъ-Визинѣ» для переговора съ книгопродавцемъ Салаевымъ. Онъ обѣщался справиться и увѣдомить меня о томъ что̀ узнаетъ. Нынѣ слышу, что Михаилъ Петровичъ отправился за границу. Не знаете ли, успѣлъ ли онъ что сдѣлать по моей просьбѣ?

5.

С.-Петербургъ, 16-е Октября 1842 г.

Графъ S-t Priest, авторъ книги De la Royauté, желаетъ, чтобы Русскій журналъ поговорилъ о ней. Желаніе это передано мнѣ отцемъ его, который теперь здѣсь, а я передаю его вамъ. Если нѣтъ вамъ времени и охоты заняться подробною рецензіей этой книги, не передадите ли вы этотъ трудъ Хомякову или кому-нибудь изъ молодыхъ вашихъ университетскихъ сочленовъ, слѣдующихъ за развитіемъ историческихъ вопросовъ? Авторъ заслуживаетъ вашего вниманія, потому что онъ полу-Русскій по матери, урожденной кн. Голицыной, родился и едва ли не образовался въ Россіи и перевелъ на Французскій языкъ Недоросля, напечатаннаго въ Théâtre Étranger. Отецъ его, нынѣшній перъ Франціи, былъ въ нашей службѣ и губернаторомъ въ одной изъ Новороссійскихъ губерній. Сдѣлайте одолженіе, потѣшьте родительское самолюбіе автора и познакомьте Русскихъ читателей съ книгою его.

Библиотека "Руниверс"

6.

С.-Петербургъ, 22-го Января 1843 г.

Почему печатаете вы *этѣ*, напримѣръ: *изъ этѣхъ авторовъ* (№ 11, стр. 111, статья о Линде)? Потому, вѣроятно скажете вы, что пишутъ и говорятъ *тѣ*, а не *ти*; но мало ли есть узаконенныхъ уклоненій и измѣненій, которыя должно принять за давностью? А то, право, отъ этихъ или *этѣхъ* безпрерывныхъ перемѣнъ въ правописаніи такъ сбиваешься съ толку, что въ тупикъ приходишь передъ каждымъ словомъ и не знаешь, какъ писать. Во всѣхъ языкахъ признаютъ обыкновенно правописаніе извѣстныхъ писателей и слѣдуютъ ему безусловно. У насъ Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ держались одного правописанія, т.-е. Карамзинскаго; къ чему измѣнять его? Давно сказано, что общепринятое употребленіе—тиранъ. Эта тиранія сносна и даже полезна. А вы заводите анархію: что̀ журналъ, то новое правописаніе, и тѣмъ кончится, что не оставятъ ниже единаго живаго слова. Войдите въ положеніе обучающагося юношества: у семи нянь дитя безъ глазъ, а у васъ безъ грамоты, за избыткомъ и разнородіемъ грамотѣевъ. Я уже, слава Богу, не дитя; а право у меня рябитъ въ глазахъ и въ памяти отъ множества правописаній, и я задумываюсь надъ каждымъ словомъ. Всѣ мои вѣрованія, преданія и обычаи потрясены и смѣшаны.

7.

10-го Марта 1843 г.

Поручаю благосклонности меломана, журналиста и Москвича подательницу сихъ строкъ m-lle Merti. Знаю, что вы, по просьбѣ моей и Булгакова, уже помѣстили нѣсколько доброжелательныхъ строкъ о ней въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Благодарю и покорнѣйше прошу довершить доброе начало.—Вотъ вамъ литературный коммеражъ: баронъ Розенъ жалуется на издателей «Москвитянина», котораго они ему не присылаютъ, тогда какъ онъ далъ напечатать въ немъ и безденежно повѣсть, за которую предлагали ему здѣсь 500 рублей. Читали ли вы въ Revue des deux Mondes статью Marmier о Троицкомъ монастырѣ? Спросите ее у Булгакова. Надобно бы вамъ собраться съ Московскими православниками и пощелкать его за промахи и недоброжелательство. Онъ меня поддѣлъ своимъ добродушіемъ. Ужъ нельзя Французу не поврать и не поумничать! Да къ тому же есть и желчь, хотя и жиденькая и разведенная водицею. Составьте ваши замѣчанія и пришлите мнѣ, а я могу ихъ облечь во Французскую редакцію и переслать въ Парижъ.

Библиотека "Руниверс"

8.

6-го Апрѣля 1844 г.

Сынъ мой проситъ меня изъ Константинополя прислать ему «Описаніе войны великаго князя Святослава Игоревича противъ Болгаръ и Грековъ», изданное Чертковымъ. Я безуспѣшно искалъ этой книжки въ здѣшнихъ лавкахъ и обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою доставить мнѣ ее въ возможной скорости. Я также просилъ васъ или М. П. Погодина, или г-жу Павлову, не помню кого именно, о высылкѣ мнѣ Московскихъ автографовъ, которыхъ требуютъ отъ меня изъ Царьграда и изъ Берлина. Помогите мнѣ и въ этомъ. Сдѣлайте одолженіе, передайте мою благодарность г-ну Бодянскому за его пріятный подарокъ, а также и новому сослуживцу вашему, Кавелину, которому буду писать особенно.

9.

С.-Петербургъ, 17-го Января 1845.

Приношу «Москвитянину» смиренную лепту, которую швырнулъ я въ лобъ Булгарину по случаю его статьи о Крыловѣ. Надѣюсь, что въ «Москвитянинѣ напечатаете вы и объявленіе о памятникѣ Крылову и пригласите Московскую публику отозваться на Петербургскій вызовъ. Тутъ главное: допущеніе и освященіе нравственнаго или умственнаго начала, что грамотою, что стихами, одними стихами, можно и на Руси дослужиться до высшей народной, государственной награды и стать, хотя и по смерти, рядомъ съ великими полководцами, фельдмаршалами, Георгіевскими и Андреевскими кавалерами. Это великій и первый шагъ въ этомъ родѣ. Памятники Державина, Карамзина не имѣютъ такого сильнаго значенія; да къ тому же они поставлены въ захолустьяхъ, въ тѣни, а этотъ будетъ торчать, колоть глаза на большой Петербургской дорогѣ, на солнцѣ. Здѣшняя литературная сволочь очень нападаетъ на мое объявленіе. Этимъ заправщикамъ и поставщикамъ всѣхъ литературныхъ предпріятій досадно видѣть, что обошлись безъ нихъ.

10.

26-го Марта 1847.

Имя графа Сюзора должно вамъ быть уже извѣстно по Петербургскимъ журналамъ. Онъ ѣдетъ въ Москву, и я поручаю его благосклонности вашей. Онъ очень добрый и порядочный человѣкъ и мно-

Библиотека "Руниверс"

гими въ жизни испытаніями и превратностями заслуживаетъ сочувствія и участія.

Я было крѣпко и опасно прихворнулъ. Теперь остается только нѣкоторая слабость и уныніе духа, Скажите Павлову, что первое письмо его къ Гоголю очень умно, но слишкомъ зло и жестоко, а слѣдовательно нѣсколько и несправедливо. Вообще наши критики смотрятъ на Гоголя, какъ смотрѣлъ бы баринъ на крѣпостнаго человѣка, который въ домѣ его занималъ мѣсто сказочника и потѣшника и вдругъ сбѣжалъ изъ дома и постригся въ монахи. Баринъ не спрашиваетъ, по призванію ли свыше онъ это сдѣлалъ, ради ли спасенія души своей? Ему до того нѣтъ дѣла. Онъ подаетъ въ судъ явочное прошеніе, требуетъ обратно потѣшника своего и мысленно уже по возвращеніи его сѣчетъ его на конюшнѣ своей за то, что онъ смѣлъ предпочесть чтеніе *Отче Нашъ* чтенію или разсказу про Ивана-дурачка. Сказываютъ, что и вы строго судите новую книгу Гоголя. Я всегда былъ того мнѣнія, что вы, Хомяковъ и другіе слишкомъ преувеличивали достоинство его, придавали ему произвольно значеніе, которое было ему не въ мѣру, и такимъ образомъ производили вредное дѣйствіе и на общее мнѣніе, и на него самого. Равно и теперь полагаю, что вы неправы, если не сочувствуете книгѣ его. Разумѣется, въ ней много странностей, излишествъ, натяжекъ, натугъ; но все это было и въ прежнихъ твореніяхъ его, въ которыхъ вы видѣли преобразованіе, возрожденіе, преображеніе литературы нашей. Въ Гоголѣ много истиннаго, но онъ самъ не истиненъ; много натуры, но онъ самъ не натураленъ; много здраваго, бодраго, но онъ самъ болѣзненъ. Былъ таковымъ прежде: таковъ и нынѣ.

11.

С.-Петербургъ, 7-го Ноября 1848.

Я еще не благодарилъ васъ, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ, за вашъ внимательный и благосклонный разборъ моего «Ф. Визина». Надѣюсь, что молчанія моего вы не приписываете неблагодарности. Но за внѣшними революціями и за внутреннею холерою, право, какъ-то не писалось. Не стану хвалить вашъ разборъ, потому что такою похвалою я косвенно себя похвалю, а это не годится и неприлично. Скажу вамъ одно и скажу искренно, что, прочитавъ ваши замѣчанія, я почувствовалъ, что книга моя имѣетъ нѣкоторое достоинство. Вы меня законнымъ образомъ разрѣшили полюбить мой трудъ. Разумѣется и безъ того, по чувству родительской любви, я питалъ къ нему нѣкоторую слабость, но теперь смотрю на него съ сознательностью,

Библиотека "Руниверс"

и этимъ я вамъ обязанъ. Отъ здѣшнихъ критикъ я ровно ничего не пріобрѣлъ. Въ нашихъ критикахъ вообще замѣчательно удивительное мастерство не понимать автора, котораго они разбираютъ. Въ нихъ ни самъ себя не узнаешь, ни ихъ не разгадаешь. Въ вашей критикѣ, напротивъ, авторъ себя повѣряетъ и какъ въ чистомъ зеркалѣ видитъ себя, ближе и вѣрнѣе знакомится съ собою. Помните, вы нѣкогда оказали подобную заслугу и Гёте. Послѣ вашего разбора новаго его Фауста онъ лучше понялъ твореніе свое. Если и Гёте пришлось благодарить васъ за такое пособіе, то легко можете вообразить себѣ, сколько, я недостойный и смиренный обязанъ вамъ благодарностью и самодовольствіемъ. Надѣюсь, если Богъ дастъ приступить мнѣ ко второму изданію, воспользоваться вашими замѣчаніями. Позволю себѣ на этотъ разъ маленькое оправданіе. Я не столько нападалъ на смѣшеніе Славянскаго языка съ Русскимъ, сколько на безъискусное сочетаніе того и другаго, которое обыкновенно ограничивалось вставками словъ: *паче, паки* и тому подобными, съ цѣлью будто тѣмъ возвысить и облагородить слогъ. Можетъ быть, я не довольно пояснилъ и опредѣлилъ мое замѣчаніе и обвиненіе. Это такъ. Но нельзя не признаться, что въ Ф. Визинѣ и Шишковѣ (который тогда еще здравствовалъ и на котораго я цѣлилъ) болѣе галицизмовъ, несмотря на ихъ славянизмы, нежели напримѣръ въ Карамзинѣ, Жуковскомъ и Пушкинѣ. Все дѣло въ сметливости и во вкусѣ. Примѣръ, выведенный вами въ защиту Ломоносова, прекрасенъ и убѣдителенъ. Но проза Ломоносова ни духомъ, ни формами не есть ни чисто-Русская, ни чисто-Славянская.

12.

31 Декабря 1848.

Титовъ пишетъ мнѣ изъ Константинополя, что онъ съ большимъ удовольствіемъ читалъ статью вашу *о дѣдушкѣ и пѣстунѣ трикраты-Антонскомъ, какъ называли его въ пансіонѣ,* что напоминаетъ мнѣ какіе-то мои шуточные стихи:

Тремя помноженный Антонъ,
А на закуску Прокоповичъ,

а въ риѳму выходилъ тутъ Василій Львовичъ. Титовъ продолжаетъ: «Я благодаренъ Шевыреву за то, что онъ поставилъ и ему, и нашему пансіону памятникъ во вкусѣ mémoires d'outre-tombe». Жаль, что вы въ статьѣ своей не упомянули и о томъ, что по зимамъ едва ли не до 1812 года Жуковскій живалъ въ его казенномъ домикѣ, ко-

Библиотека "Руниверс"

торый выходилъ въ Газетный переулокъ. Мнѣ этотъ домъ очень памятенъ, потому что тутъ началось мое сближеніе съ Жуковскимъ. Возвращаясь съ бала или съ веселаго ужина, часу въ шестомъ утра, я заѣзжалъ къ нему, находилъ его или еще въ постели, или уже вставшаго тогда, когда я еще не ложился. Безпорядочные мои наѣзды смущали тишину и святость иноческой обители и вѣроятно не очень нравились отцу-игумену. Но впрочемъ, кажется, у Жуковскаго былъ отдѣльный подъѣздъ.—Ожидаю съ нетерпѣніемъ разбора вашего послѣднимъ стихотвореніямъ и переводу Одиссеи Жуковскаго. Признаюсь, я большой профанъ въ таинствахъ гекзаметра; но мнѣ кажется, что онъ у Жуковскаго нѣсколько однообразенъ. Большею частію это двѣ половины дактилей, сшитыя въ одинъ стихъ. Но, не смотря на это, переводъ его прелесть, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Русскому выраженію и какъ Русское созданіе; а о вѣрности и достоинствѣ труда въ отношеніи къ подлиннику судить не мнѣ.

13.

С.-Петербургъ, 27 Ноября 1855.

Вручитель этихъ строкъ, протоіерей изъ г. Ельца, Лука Ефремовъ, добрый пастырь Христова стада; онъ основалъ въ городѣ своемъ пріютъ для бѣдныхъ, куда подкидываются незаконнорожденныя дѣти, и онъ также ихъ призираетъ. Для усиленія доходовъ на это истинно-богоугодное заведеніе назначилъ онъ для этой цѣли продажу книги имъ изданной и самимъ имъ написанной, а именно: Басни въ стихахъ. Помогите ему, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ, въ успѣхѣ этого предпріятія и дайте ходъ баснямъ его, вызывая на покупку добрыхъ и благочестивыхъ людей и напишите о книгѣ и объ авторѣ нѣсколько строкъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Это совершенно по вашей части: дѣло ума и дѣло сердца.—Мы съ вами не сходились даже и письменно съ тѣхъ поръ, какъ сблизились поприщами нашими. Но не менѣе того я не сомнѣваюсь, что вы и молча привѣтствовали меня и доброю мыслью, и добрымъ пожеланіемъ при вступленіи моемъ на вашъ путь *). Впрочемъ я привѣтствовалъ васъ общимъ привѣтомъ въ соборномъ посланіи моемъ къ вашему ректору. Надѣюсь, что онъ вамъ передалъ изъявленіе моихъ чувствъ. Я все надѣялся побывать въ Москвѣ еще осенью, а вотъ и зима, но я все ни съ мѣста. Впрочемъ не теряю надежды. Поздравляю васъ съ допущеніемъ

*) Т.-е. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

неограниченнаго числа студентовъ во всѣ университеты и съ президентомъ Академіи графомъ Блудовымъ. Можете сказать намъ: Богъ въ помощь! Нельзя отъ души не поблагодарить Авр. Серг.; онъ хотя и съ одною ногою, а не ковыляя, бодро и прямо, идетъ путемъ просвѣщенія. Дай Богъ ему сохранить довѣренность благонамѣреннаго и благожелающаго Царя, и можно надѣяться, что со временемъ, съ осторожностью и постояннымъ терпѣніемъ, сотрутся черныя пятна, которыя затемняли лучи нашего просвѣщенія. Чѣмъ вы теперь особенно занимаетесь? Что́ думаете вы о новомъ журналѣ Каткова? Если вы съ нимъ въ хорошихъ сношеніяхъ и имѣете на него вліяніе, будьте ему благоразумнымъ и хранительнымъ руководителемъ. Я очень уважаю способности, дарованія молодой школы Московскихъ литераторовъ, убѣжденъ въ ихъ добросовѣстности и благонамѣренности, но боюсь за ихъ неопытность, можно даже сказать за ихъ невинность. Они мало свыклись съ жизнью, мало натерты жизнью и обстоятельствами, а витаютъ въ какомъ-то тридесятомъ царствѣ, небываломъ государствѣ. Если вы съ нимъ и не въ короткихъ сношеніяхъ, передайте ему мои слова въ предосторожность.

Въ Москвѣ проскакиваютъ иногда такія неловкости, что со стороны могутъ онѣ показаться предосудительностями. Другіе не хотятъ и не могутъ вѣрить, чтобы умные люди могли такъ проболтаться спроста и видятъ умыселъ тамъ, гдѣ одно невѣдѣніе и отсутствіе инстинкта: что́ можно сказать и чего сказать не можно и не должно.

14.

С.-Петербургъ, 28 Декабря 1855.

Сдѣлайте милость, не тревожьтесь и успокойте другихъ. Мы *пушки на* васъ не наведемъ (Подражаніе Армфельду). И съ чего это взяла Москва? Здѣсь и въ поминѣ и въ помышленіи не было. Аврамъ Сергѣевичъ очень обижается, что Московскій университетъ могъ ожидать отъ него такого пассажа и что нужно было заступленіе свыше для отвода громоваго удара. Нечего было ограждать и спасать, потому что никто не думалъ напасть. Надѣюсь, что выборъ всѣмъ угодитъ; а потому выборомъ и не спѣшатъ. Къ сожалѣнію кругъ избираемыхъ очень ограниченъ. Вѣроятно есть люди, но они неизвѣстны; другіе и были бы хороши, но не входятъ и приблизительно въ узаконенную мѣрку; а пока есть мѣрка, нельзя вовсе ею пренебрегать, особенно въ Москвѣ, гдѣ стеченіе условій и уваженій, говоря канцелярскимъ языкомъ, должно быть принято въ соображеніе.

Библиотека "Руниверс"

Передалъ я Аврааму Сергѣевичу и то, что̀ вы пишите мнѣ о «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Кажется дѣло въ томъ, что онъ введенъ былъ въ заблужденіе. Ему писали, что профессоръ Лѣшковъ отказывается отъ редакторства, и вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Назимовъ и графъ Закревскій ходатайствовали предъ нимъ за Корша. Министръ теперь и жалѣетъ о случившемся; но помочь бѣдѣ, кажется, поздно. Впрочемъ Московскій университетъ все же можетъ дать редакціи то направленіе, которое онъ признаѐтъ лучшимъ. Совѣтъ можетъ составить изъ нѣкоторыхъ профессоровъ родъ верховной домашней цензуры и наблюдать за ходомъ газеты; а пуще всего желательно, чтобы профессора приняли дѣятельное участіе въ газетѣ, и каждый изъ нихъ обогащалъ ее по своей части дѣльными и разнообразными статьями.

Сколько могу, радъ буду стараться за Трушковскаго [1]); но духовная цензура не свой братъ.

15.

С.-Петербургъ, 28-го Февраля 1856.

Вы, вѣроятно уже знаете изъ газетъ, что уважаемый въ Греціи писатель Крокидасъ переводитъ на Греческій языкъ Исторію Государства Россійскаго. А вотъ предъ вами и самъ переводчикъ. Поручаю его вашему благосклонному пріему. Постарайтесь навербовать ему нѣсколько подписчиковъ между ученой братіи и свѣтскихъ библіофиловъ. Такое предпріятіе, особенно въ настоящихъ обстоятельствахъ, заслуживаетъ сочувствія и ободренія съ Русской стороны. Царская фамилія и здѣшнее общество оказали этому дѣлу благопріятное вниманіе. Надѣюсь, что и Москва не останется въ этомъ случаѣ совершенно равнодушною. Если имѣете возможность, дайте ему средство представиться митрополиту Филарету, который, можетъ быть, подпишется на нѣсколько экземпляровъ для семинарій. Познакомьте его и съ княземъ Оболенскимъ: онъ хотѣлъ чего-то поискать въ Архивѣ. Однимъ словомъ надѣюсь, что вы, по возможности, угладите ему и уладите всѣ пути. Если намъ не посчастливилось на полѣ брани помочь нашимъ единовѣрцамъ, то поможемъ имъ на полѣ письменномъ. А вы все еще сидите сиротами [2]). Потерпите. Святое мѣсто пусто не будетъ; а мы постараемся такъ замѣстить его, чтобы вы сказали намъ спасибо. Что это васъ не видать въ «Русскомъ Вѣстникѣ»? Или вы себя бережете для «Русской Бесѣды»?

---

[1]) Племянникъ Гоголя и тогдашній издатель его сочиненій.
[2]) Т. е. безъ попечителя учебнаго округа послѣ А. Н. Бахметьева.

Библиотека "Руниверс"

16.

С.-Петербургъ, 17-го Апрѣля 1856.

Я говорилъ графу Блудову о вашихъ академическихъ предположеніяхъ. Разумѣется, онъ будетъ по возможности содѣйствовать исполненію ихъ. Не сомнѣваюсь въ добромъ расположеніи и готовности нашего министерства. Но предваряю васъ, что въ этомъ дѣлѣ встрѣтятся и затрудненія. Академики втораго отдѣленія, т. е. собственно Русскаго, не получаютъ опредѣленнаго содержанія.

Всю правду доложу:
Изъ чести лишь одной я въ домѣ здѣсь служу [1]).

А получаютъ они какія-то маленькія на-водки, поденную, задѣльную, за каждое присутствіе въ академическихъ засѣданіяхъ. Оно очень неблаговидно, неприлично, пожалуй даже и нелѣпо, я совершенно согласенъ; но скажу, что̀ же дѣлать, когда и пока оно такъ? Другая запятая: если и будете получать содержаніе, то нельзя получать его въ отпуску, а вы хотите оставаться въ Москвѣ. Это два препятствія, если не признавать ихъ непреодолимыми, то все же нельзя не признать ихъ въ оффиціальномъ порядкѣ довольно затруднительными. Впрочемъ попытка не штука, а спросъ не бѣда. Увидимъ послѣ, что̀ будетъ, а мы рады стараться. Наконецъ, вы съ попечителемъ. Не могу сказать, что знаю коротко сенатора Ковалевскаго, но знаю довольно, чтобы удостовѣрить, что онъ человѣкъ умный, образованный, съ Русскими сочувствіями, съ Русскимъ одушевленіемъ, любитъ просвѣщеніе и вообще *литературенъ*. На служебномъ поприщѣ своемъ онъ всегда считался въ числѣ отличныхъ и пользовался общественнымъ уваженіемъ. Здѣшній Сенатъ теряетъ въ немъ одного изъ своихъ лучшихъ дѣятелей; слѣдовательно можно надѣяться, что Московскій Университетъ не будетъ съ нимъ въ убыткѣ. Вотъ все, что̀ пока могу сказать о немъ, но говорю по совѣсти и по убѣжденію. Не можете ли вы достать мнѣ чрезъ Аксаковыхъ полнаго списка *Бродяги*, въ первобытномъ и натуральномъ видѣ, т. е. до обряда обрѣзанія ветхозавѣтной цензуры. Великая княгиня Марія Николаевна желаетъ имѣть такой списокъ. Кстати объ обрѣзаніи: что̀ это приключилось съ Хомяковымъ [2])? А вотъ умеръ и бѣдный Чаадаевъ. Жаль мнѣ его. Москва безъ

---

[1]) Стихъ изъ „Опаснаго Сосѣда". П. Б.

[2]) Передъ Пасхою этого 1856 года А. С. Хомякову по именному высочайшему повелѣнію запрещено носить бороду. Это запрещеніе было вызвано его появленіемъ въ простонародномъ платьѣ на публичномъ обѣдѣ, который Москва давала бывшему его начальнику графу Д. Е. Остенъ-Сакену. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

него и безъ Хомяковской бороды, какъ безъ двухъ родинокъ, которыя придавали особенное выраженіе лицу ея.

17.

Петергофъ, 3-го Августа 1856.

Читаю теперь Записки о жизни Гоголя, въ двухъ томахъ. До высшей степени занимательное и грустное чтеніе. Какъ видны въ письмахъ его болѣзненныя страданія души и тѣла! Тутъ весь ключъ ко всей жизни его, авторской и духовной. Онъ неясно смотрѣлъ на себя; все хотѣлось ему создать что-нибудь совершенное и чрезвычайное, а между тѣмъ не хватало силъ, ни тѣлесныхъ, ни авторскихъ, то есть творческихъ. Въ уныніи своемъ онъ все надѣялся на чудо; отъ того всѣ таинственныя предсказанія его о томъ, чѣмъ неожиданно кончатся его «Мертвыя Души». Я увѣренъ, что онъ изъ нихъ никакъ не могъ бы выпутаться. «Да и вообще въ драмѣ Гоголь не мастеръ», сказалъ Жуковскій Чижову: это совершенная правда и точное опредѣленіе таланта его. Московскіе пріятели много повредили ему, расширивъ до-нельзя значеніе его. Это и его, и ихъ спутало. Вообще въ письмахъ своихъ онъ для меня гораздо выше и интереснѣе, нежели въ своихъ твореніяхъ; хотя и цѣню ихъ высоко, но не ищу midi à quatorze heures или правильнѣе quatorze heures à midi, какъ тò дѣлали другіе. Очень хотѣлось бы мнѣ по поводу этой книги сказать мое полное и правдивое слово о Гоголѣ. Гдѣ найти статью К. Аксакова, упоминаемую въ этой книгѣ и въ которой онъ говоритъ, что публика не пойметъ «Мертвыхъ Душъ»? Кажется мнѣ вопервыхъ, что тутъ за глубина, которой не каждому дано измѣрить и изслѣдовать? Это галлерея людей болѣе или менѣе больныхъ обще-человѣческими болѣзнями и въ особенности Русскими болячками; портреты писаны бойкою кистью и красками чрезвычайно живыми и яркими; вотъ и все, а если и скрывается въ этомъ твореніи тайный смыслъ (une arrière-pensée), т. е. если авторъ предполагалъ заключить въ немъ тайный смыслъ и все кончить какимъ-то coup de théâtre, то тѣмъ хуже. Это-то и доказало бы, что въ немъ не было творческаго начала, которое, какъ жизнь, развивается постепенно и послѣдовательно. «Мертвыя Души» тоже чтò «Ревизоръ» — рядъ мастерскихъ отдѣльныхъ сценъ; но клубка, но ядра тутъ нѣтъ.

18.

С.-Петербургъ, 4 Января 1857.

Я все къ вамъ съ тѣмъ же вопросомъ: чтò вы ничего не печатаете? Подайте свой голосъ противъ этой реставраціи, этого апоѳе-

Библиотека "Руниверс"

оза памяти Бѣлинскаго, которому всѣ журналы наши поютъ нынѣ акаѳисты и панихиды, даже и «Русская Бесѣда» называетъ его столь сильнымъ дѣятелемъ въ нашей литературѣ. Да развѣ *баррикадники*, которые ломаютъ мостовую, развѣ они дѣятели? Бѣлинскій былъ ничто иное какъ литературный бунтовщикъ, который, за неимѣніемъ у насъ мѣста бунтовать на площади, бунтовалъ въ журналахъ. Разумѣется, я никогда не имѣлъ терпѣнія дочитывать до конца ни одной изъ его ужасно-длинно-много-пустословныхъ статей, и никогда послѣ не приходило мнѣ въ голову заглядывать въ нихъ; но помню и живо храню тогдашнее впечатлѣніе. Бѣлинскій въ свое время всегда казался мнѣ какимъ-то пьянымъ Полевымъ,—Полевымъ, бѣлены объѣвшимся. Въ Полевомъ была по крайней мѣрѣ Русская смѣтливость. Въ Бѣлинскомъ ничего не было Русскаго. Нельзя спускать этой недобросовѣстности нашей литературы. Такія мнѣнія двусмысленныя, двуличныя развращаютъ литературные нравы и совращаютъ съ пути молодое поколѣніе. Тутъ цензурѣ дѣлать нечего; но должна за нее дѣйствовать высшая, нравственная, Катоновская цензура. Грустно, что у насъ такъ мало, такъ превратно понимаютъ свое дѣло. Всѣ болѣе или менѣе хотятъ выѣзжать на *скандалѣ*, кто на такомъ, кто на другомъ.

19.

С.-Петербургъ, 16 Февраля 1858.

Мы занимаемся пересмотромъ цензурнаго устава и всѣхъ временныхъ и случайныхъ наростовъ, которые его опаршивѣли и ошелудивѣли *). Вамъ это дѣло знакомое и близкое. Сдѣлайте одолженіе, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ, помогите мнѣ въ этомъ дѣлѣ и сообщите мнѣ ваши соображенія по этому предмету. Разумѣется, не возлагаю на васъ полнаго разсужденія, а накидайте мысли ваши, какъ онѣ придутъ вамъ въ голову, и если можно, поспѣшите этимъ сообщеніемъ, потому что дѣло къ спѣху. Скажите, что̀ нужно для правильнаго дѣйствія цензуры и что̀ нужно отстранить etc. Однимъ словомъ, скажите что̀ угодно. У васъ въ этомъ дѣлѣ должны быть свои мнѣнія и опытность; стало быть, голосъ вашъ мнѣ очень будетъ полезенъ. По дѣлу «Московскихъ Вѣдомостей» вышло не такъ, какъ вы хотѣли, но по крайней мѣрѣ и не такъ, какъ вы не хотѣли. Я очень согласенъ съ вами въ мнѣніи о важности сей газеты: она не должна быть выраженіемъ партіи, а однимъ посредникомъ всего полезнаго и благонамѣреннаго. Но гдѣ найти безстрастныхъ представителей пользы и благонамѣренности? Мы еще не все высказали что̀ высказать нужно на общепонятномъ языкѣ, а уже вкарабкались на разныя пло-

*) Князь Вяземскій былъ главнымъ дѣятелемъ по составленію нынѣ дѣйствующаго цензурнаго устава (но не его дополненій. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

щадки Вавилонской башни и городимъ дичь, каждый въ свое удовольствіе. Кто это печатаетъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» письма Пушкина? Въ нихъ много неумѣстнаго и неприличнаго. Пушкинъ еще слишкомъ намъ современенъ, чтобы выносить соръ изъ его избы. Многія выходки его личныя, родственныя, нѣсколько кощунскія, оскорбляютъ чувство приличія и уваженія къ самой памяти его. Мало ли чтó братъ могъ говорить на-единѣ съ братомъ; но изъ того не слѣдуетъ, чтобы онѣ тоже сказалъ на площади, а печать—тоже площадь. Жена его, дочери, сыновья его еще живы: къ чему раздѣвать его при нихъ на-голó? Боюсь, чтобы не вышло тутъ новой цензурной тревоги. Да если и не будетъ цензурной, то не должно возбуждать и нравственной тревоги. Сдѣлайте одолженіе, передайте это Соболевскому или кому подобаетъ и предостерегите отъ меня цензора Крузе. Что же вы все молчите? Скажите примирительное, спокойное слово въ этой словесной передрягѣ. Передовыхъ людей, перескочившихъ пространство, у насъ развелось слишкомъ много. Пора послушать тѣхъ, которые тутъ прошли, наглядѣлись, оглядѣлись, надумались. Этихъ голосовъ вовсе нѣтъ. О послѣднихъ книжкахъ Жуковскаго все еще ничего добросовѣстнаго не сказано, а о Полежаевѣ и какомъ-то Станкевичѣ витійствуютъ на пропалую.

20.

15 Августа 1860, Лѣсная дача.

По словамъ Плетнева (нынѣ сосѣда моего по дачѣ) я все поджидалъ васъ сюда на пути въ чужіе краи. Жаль, если вы отмѣнили поѣздку свою, а еще хуже если обстоятельства заставили отмѣнить. Человѣку хорошо обновлять иногда воздухъ своего внѣшняго и внутренняго жилья. Это придаетъ силу, бодрость, укрѣпляетъ и растворяетъ легкія. Да и Россію иногда какъ-то чище любишь издали; а то право поневолѣ тошно бываетъ смотрѣть на нее сквозь наши обличительные журналы, не смотря на то, что нашъ пріятель Хомяковъ съ предсѣдательскаго своего мѣста даетъ этой новой литературѣ право гражданства. Какъ при словахъ его должна была вздрогнуть тѣнь прежняго предсѣдателя, тремя помноженнаго Антона и на закуску Прокоповича! Меня въ наше время не столько бѣситъ нечестная литература, сколько честная, которая труситъ предъ первою и оставляетъ себѣ всегда лазейку, изъ которой перемигивается съ нею. Это вѣрнѣйшій признакъ нравственнаго упадка литературы и близорукости тѣхъ, которые этимъ промышляютъ. Они думаютъ, что тѣмъ задобрятъ противниковъ своихъ, но ошибаются. Они Неаполитанскіе, заискивающіе милости, послы въ Туринѣ. Но Чернышевскіе и Кавуры неуступчивы, и ихъ не проведешь. Tout ou rien, вотъ ихъ лозунгъ.

Библиотека "Руниверс"

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

ИЗЪ МАНЦОНИ.

Высокаго предчувствія
Порывы и томленье,
Души, господства жаждущей,
Кипящее стремленье
И замысловъ событіе
Несбыточныхъ какъ сонъ:

Все испыталъ онъ! Счастіе,
Побѣду, заточеніе,
И все судьбы пристрастіе,
И все ожесточеніе.
Два раза брошенъ былъ во прахъ
И два раза на тронъ!...

Явился: два столѣтія
Въ бореніи жестокомъ,
Его узрѣвъ, смирились вдругъ,
Какъ предъ всесильнымъ рокомъ.
Онъ повелѣлъ умолкнуть имъ
И сѣлъ межъ нихъ судьей!

Исчезъ, и въ ссылкѣ довершилъ
Свой вѣкъ неимовѣрный—
Предметъ безмѣрной зависти
И жалости безмѣрной,
Предметъ вражды неистовой,
Преданности слѣпой!...

Библиотека "Руниверс"

Какъ часто предъ кончиной дня —
Дня безотрадной муки—
Потупивъ молніи очей,
Крестомъ сложивши руки,
Стоялъ онъ, и минувшее
Овладѣвало имъ.

Онъ зрѣлъ въ умѣ: подвижные
Шатры, равнины боевъ,
Рядовъ пѣхоты длинный блескъ,
Потоки конныхъ строевъ—
Желѣзный міръ и дышущій
Велѣніемъ однимъ!..

О, подъ толикимъ бременемъ
Въ немъ сердце истомилося,
И духъ упалъ.... Но сильная
Къ нему рука спустилася
И къ Небу, милосердая,
Его приподняла!....

(Сообщено И. С. Аксаковымъ).

*

Послѣдняя строфа относится къ благочестію, которое обнаружилось въ Наполеонѣ въ послѣдніе мѣсяцы его жизни: свою столовую въ Лонгвудѣ обратилъ онъ въ молельню, гдѣ еженедѣльно служилась обѣдня. Когда, не задолго до смерти, онъ передавалъ аббату подробности относительно своихъ похоронъ, находившійся тутъ же молодой медикъ Антомарки позволилъ себѣ улыбнуться. Наполеонъ строго замѣтилъ ему неприличіе этой улыбки и высказалъ свою вѣру въ Бога. (См. Тьеръ, Исторію Консульства и Имперіи). П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ГРАФИНѢ Ю. Ѳ. БАРАНОВОЙ.

Дрезденъ, 2 (14) Марта 1827.

Чтò вдругъ вооружило вашу руку перомъ, Василій Андреевичъ, спросите вы. Вотъ чтò, Юлія Ѳедоровна. Необходимость попросить васъ сдѣлать доброе дѣло, за которое прошу васъ приняться тотчасъ по полученіи письма моего. И вотъ какое доброе дѣло.

Подлѣ Дрездена, въ паркѣ, рядомъ съ домомъ сумасшедшихъ, въ которомъ заключенъ ея братъ, живетъ Батюшкова, сестра вашей монастырской, которая теперь должна оставить монастырь *). Она писала къ Государынѣ Императрицѣ о сестрѣ своей и просила ее взять во дворецъ на основаніи Луниной и княжны Хованской. Въ письмѣ своемъ вѣроятно она не выразилась ясно. Я послалъ это письмо къ Государынѣ; она сочла, что Батюшкова просила ее оставить сестру ея въ монастырѣ *пепиньеркой*, и отвѣчала мнѣ, что готова это сдѣлать, но что родственники Батюшковой желаютъ ее взять, и что она напередъ хочетъ знать расположеніе сестры, чтобы выпустить ее или оставить *пепиньеркой*. Но Батюшкова просила не объ этомъ, и въ этомъ нѣтъ никакой выгоды; лучше ей перейти къ роднымъ. Но чтò заставило ее принести Государынѣ такую просьбу? Весьма печальныя обстоятельства. Братъ ея, покровитель семьи, теперь хуже чѣмъ мертвый. Сама она пожертвовала всѣмъ: отечествомъ, семействомъ, обществомъ и здоровьемъ, чтобы служить несчастному безумцу. Родные, которые желаютъ взять ея сестру, или недостаточны сами и обременены семействомъ, какъ напримѣръ сенаторъ Батюшковъ и двѣ другія сестры ея **), или сами въ такихъ обстоятельствахъ, что имъ не до заботы о молодой дѣвушкѣ, которая входитъ въ свѣтъ и которой нужно имѣть какое-нибудь счастіе молодости: таковы обстоятельства Екатерины Ѳедоровны Муравьевой. Молодая Батюшкова была въ монастырѣ изъ первыхъ; почему не имѣть ей того же, чтò было сдѣлано для Хованской и Луниной? Милость Государыни обезпечила бы судьбу

---

*) Это была единоутробная сестра поэта, дѣвица Александра Николаевна, скончавшаяся потомъ въ умопомѣшательствѣ. Жуковскій хлопочетъ за сводную сестру ея Юлію Николаевну, въ послѣдствіи Зиновьеву (рожденную отъ простолюдинки).—Мы уже имѣли случай замѣтить, что списокъ добрыхъ дѣлъ Жуковскаго, пожалуй, длиннѣе списка его словесныхъ произведеній.

**) Шипилова и Гревницъ.

Библиотека "Руниверс"

ея навсегда. Будучи пепиньеркой, она должна ограничить свое будущее стѣнами монастыря; такое будущее не представляетъ особеннаго счастія. Въ семьѣ же родныхъ своихъ она была бы болѣе или менѣе имъ бременемъ. Если она стòитъ милости Государыни, то надобно ей доставить эту милость. Прибавлю еще одно: братъ ея заслужилъ общее уваженіе Россіи, и теперешняя болѣзнь его, вѣроятно неизлѣчимая, есть слѣдствіе раны, имъ полученной въ первой войнѣ съ Французами. Имя же его стоитъ въ спискѣ людей, которые дѣлаютъ честь отечеству и знакомы Европѣ. Милость, оказанная сестрѣ такого человѣка и сестрѣ, которая сама по себѣ ея заслуживаетъ, была бы въ тоже время и справедливостью, и Россія поблагодарила бы свою Царицу. Такого рода милости дружатъ подданныхъ съ трономъ. Объ этомъ я писалъ Вилламову; онъ вѣроятно покажетъ Императрицѣ письмо мое. Но одинъ способъ хорошъ, а два лучше.

Вотъ объ чемъ прошу васъ и знаю, что ваше сердце мнѣ откликнется. Поѣзжайте съ письмомъ моимъ въ монастырь къ вашей матушкѣ *), изъясните ей вашимъ милымъ, сердечнымъ языкомъ то, чтò я къ вамъ пишу и постарайтесь устроить судьбу Батюшковой. Объ этомъ прошу васъ и для ея брата, который изъ своего заточенія не можетъ уже быть покровителемъ сироты, ему оставленной на попеченіе; но его судьба есть нѣкоторымъ образомъ оставленное ей наслѣдство и даетъ ей особенное право на милость царскую. Я увѣренъ, что ваша матушка приметъ къ сердцу то, о чемъ къ вамъ пишу. Мнѣ же будетъ большимъ счастіемъ имѣть васъ товарищемъ и въ этомъ важномъ для меня добрѣ, такъ какъ вы мой товарищъ и на долго въ жизни.

Теперь вы понимаете, чтò могло заставить меня писать къ вамъ такъ для васъ неожиданно. О главномъ же нашемъ общемъ дѣлѣ я не почиталъ и не почитаю за нужное входить въ разсужденія. Планъ ученія для Великихъ Княженъ тотъ же, какъ и для Великаго Князя, съ тою только естественною разницею, что предметовъ ученія должно быть гораздо менѣе. Я теперь готовлю уроки для него, слѣдовательно готовлю и для нихъ. Ваше дѣло между тѣмъ идетъ впередъ. И для нихъ, и для него теперь нужно одно: сдѣлать какъ можно болѣе успѣховъ въ языкахъ; это дѣлается. Уроки же начнутся по плану, со времени моего возвращенія. Болѣзнь моя была болѣе добро, нежели зло: она ничего не остановила, а мнѣ дала средство ко многому приготовиться и все болѣе обдумать.

(Сообщено графомъ Алексѣемъ Павловичемъ Барановымъ).

---

*) Юліи Ѳедоровнѣ Адлербергъ, тогдашней начальницѣ Смольнаго монастыря.

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ САПЕРА ТРИДЦАТЫХЪ И СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

Въ настоящее время, когда минныя загражденія въ такомъ ходу, не лишнее будетъ припомнить начало этого дѣла у насъ въ Россіи.

Еще въ двадцатыхъ годахъ д. ст. с. баронъ Шиллингъ, сколько извѣстно, первый началъ заниматься опытами приспособленія гальванизма къ вожженію минъ. Говорятъ, что опыты его были даже удачны въ нѣкоторой степени; но какъ онъ не хотѣлъ передать свой секретъ инженерному вѣдомству, то дѣло это заглохло. Только генералу Шильдеру (начальнику инженеровъ гвардейскаго корпуса), всегда пылкому и страстному ко всѣмъ открытіямъ и нововведеніямъ по сапёрному дѣлу, не спалось отъ этой мысли.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ пользовался громкою извѣстностію членъ Петербургской Академіи Наукъ Якоби; онъ пріобрѣлъ её своими обширными познаніями и открытіями по части гальванизма.

Императоръ Николай Павловичъ, самъ будучи отличнымъ сапёромъ и инженеромъ, пожелалъ воспользоваться познаніями и опытностію г. Якоби для приспособленія гальванизма къ минному искусству и повелѣлъ съ этою цѣлью образовать особую команду при гвардейскомъ сапёрномъ баталіонѣ, въ составъ коей вызваны были съ каждой сапёрной бригады по одному офицеру и отъ баталіона—по одному унтеръ-офицеру. Приказано было назначить офицеровъ наиболѣе знакомыхъ съ физикой и химіей и хотя нѣсколько объяснявшихся по-французски, такъ какъ имъ предстоятъ занятія съ г. Якоби, а тотъ по-русски не говорилъ. Команда собралась въ началѣ Апрѣля 1840-го года. Я, въ чинѣ подпоручика, былъ командированъ въ нее отъ 3-й сапёрной бригады. Нижніе чины помѣщены были въ казематахъ Петропавловской крѣпости; въ нихъ-же и въ крѣпостныхъ рвахъ указано было вести занятія и первоначальные опыты. Команда только впослѣдствіи названа была «гальваническою», но въ началѣ именовалась: «особо составленною по Высочайшему повелѣнію командою». Намъ приказано было держать въ тайнѣ свои занятія, такъ какъ въ

Библиотека "Руниверс"

то время нигдѣ въ Европѣ способъ зажженія минъ гальванизмомъ не былъ еще извѣстенъ. Съ полнымъ усердіемъ мы принялись за дѣло; сообщенія г. Якоби насъ чрезвычайно интересовали и расширили наши познанія; мы безпрестанно бывали у него. Квартира его была на Васильевскомъ островѣ; нѣсколько большихъ залъ были наполнены разными аппаратами; по стѣнамъ и потолку протянуты проволоки. Для опыта зажженія пороха онъ пріѣзжалъ къ намъ въ крѣпость. Начальникъ гвардейскихъ инженеровъ генералъ Витовтовъ очень часто присутствовалъ при томъ. Зимой дѣло, такъ сказать, наладилось, а къ веснѣ слѣдующаго года представился случай выказать наши успѣхи. Мосту на шоссе подъ Нарвой, сильнымъ напоромъ огромныхъ льдинъ, угрожала опасность. По докладѣ о томъ Государю, Его Величество приказалъ обратиться къ генералу Витовтову. Была послана въ Нарву часть команды, въ распоряженіе полковника путей сообщенія Бульмеринга; въ непродолжительное время ледъ былъ раздробленъ взрывами, и мостъ спасенъ. Въ началѣ лѣта опыты зажженія подводныхъ минъ уже смотрѣлъ военный министръ князь Чернышовъ. По докладѣ Императору о видѣнныхъ имъ успѣхахъ, Государь сказалъ: «Пусть докажутъ на дѣлѣ—взорвутъ затонувшій фрегатъ на фарватерѣ у Кронштата».

Съ этою цѣлью составлена была высшая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Шильдера, отъ корпуса путей сообщенія—генералъ Саблуковъ, отъ горнаго вѣдомства—полковникъ Соболевскій и не помню, кто отъ флота. Въ распоряженіе этой коммиссіи поступила вся гальваническая команда. Даны были два парохода: одинъ для личнаго состава, другой—для аппаратовъ; отъ командира Кронштатскаго порта могли спрашивать, сколько потребуется, барказовъ и водолазовъ съ колоколами. Поѣздки для этого изъ Петербурга были чрезвычайно пріятны и интересны съ умнымъ, занимательнымъ генераломъ Шильдеромъ; только отвага его, доходившая часто до безумія, пугала его товарищей, и насъ молодежь тѣшила, когда онъ, съ сигарой во рту, садился на пороховые боченки. Въ теченіе 2-хъ или 3-хъ недѣль судно было разорвано на мелкія части, и фарватеръ очищенъ.

Затѣмъ приказано было намъ каждому написать свое мнѣніе: въ какихъ случаяхъ войны, на сушѣ и на водѣ, можетъ быть употребленъ открытый способъ зажженія минъ и какъ его приспособить. Генералъ Витовтовъ остался очень доволенъ нашими отвѣтами и, кажется, они отданы въ инженерный штабъ.—Мы были представлены къ наградѣ, минуя орденъ Св. Станислава, къ ордену Св. Анны, на основаніи статута этого ордена. Генералъ-инспекторъ инженеровъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ потребовалъ къ себѣ насъ 4-хъ офицеровъ, каж-

Библиотека "Руниверс"

даго обнялъ, поцѣловалъ и прикололь на груди нашей поднесенный ему орденъ. Награда и милостивое вниманіе Великаго Князя глубоко тронули насъ. Послѣ того рѣшено было отправить команду по сапёрнымъ бригадамъ, для введенія тамъ гальваническаго способа. Витовтовъ, бывшій въ то время начальникомъ инженеровъ гвардейскаго корпуса, предложилъ мнѣ, по окончаніи занятій въ своей бригадѣ, перейти въ гвардейскіе сапёры или въ гвардейскіе инженеры; я избралъ послѣднее.

Въ Августѣ 1841 года я отправился въ Кіевъ съ своими унтеръ-офицерами и съ разными аппаратами, на перекладныхъ тройкахъ. Шоссе до Кіева тогда не существовало. Въ Кіевѣ для команды былъ отведенъ прекрасный домъ на Крещатикѣ, принадлежавшій когда-то корпусному командиру Красовскому. Въ теченіи зимы съ собранными отъ батальоновъ офицерами и унтеръ-офицерами проходилась теорія; съ весны начались опыты. Хотя дѣло это всё еще держалось въ тайнѣ, но трескъ пороховыхъ взрывовъ не могъ не возбудить любопытства. Генералъ-губернаторъ Бибиковъ и корпусный командиръ Кайсаровъ просили нашего командира сапёрной бригады г.-м. Баранова показать имъ опыты. Корпусный командиръ приказалъ прибыть изъ лагеря всѣмъ свободнымъ отъ службы офицерамъ. Гальваническая батарея и при ней присутствующіе стояли въ бесѣдкѣ дворцоваго сада, надъ крутымъ берегомъ Днѣпра. По командѣ: «пли!» взлетѣлъ каменомётъ на противуположномъ берегу Днѣпра, въ разстояніи около $^1/_2$ версты отъ насъ; за нимъ—мина, одна, другая, а потомъ поднялся въ срединѣ Днѣпра огромный столбъ воды. Нечего говорить, какъ это заинтересовало всѣхъ. Способъ зажженія былъ объясненъ только генералъ-губернатору и корпусному командиру. Послѣ этого любопытство въ городѣ такъ было возбуждено, что со мной пожелалъ познакомиться Кіевскій викарій преосвященный Іеремія. При свиданіи объяснилось, что онъ былъ нашимъ законоучителемъ въ Корпусѣ, гдѣ мы всѣ его безъ души любили и уважали. Долго онъ бесѣдовалъ о гальванизмѣ, и я предложилъ сдѣлать небольшой опытъ въ его саду, въ Михайловскомъ монастырѣ, на что̀ онъ отвѣчалъ: «Погодите, вотъ пріѣдетъ митрополитъ; я его спрошу». Митрополитъ прибылъ; но преосвященный, при посѣщеніи его, болѣе не заводилъ о томъ рѣчи. Я слышалъ, будто-бы митрополитъ ему отвѣчалъ: «Не идетъ духовному лицу увлекаться любопытствомъ». Послѣ того воззрѣнія перемѣнились: въ 1863 году я видѣлъ Кіевскаго митрополита, съ любопытствомъ осматривавшаго подъ Кіевомъ сапёрные работы и взрывы.

Болѣе всѣхъ мучило любопытство дамъ. Бригадный командиръ уступилъ ихъ просьбамъ и дозволилъ мнѣ произвести взрывы на томъ-

Библиотека "Руниверс"

же мѣстѣ, какъ было при генералъ-губернаторѣ. Предвидя, что дамы настойчиво захотятъ войти въ тайны волшебнаго жезла, какъ онѣ называли нашу, невидимую ими, гальваническую батарею, я поставилъ батарею въ нѣсколькихъ шагахъ подъ горою и приказалъ набросать на нее солдатскія шинели въ безпорядкѣ, а проводники отъ нея провести въ ящикъ, который висѣлъ на груди унтеръ-офицера. По окончаніи взрывовъ, какъ и надо было ожидать, начались настоятельныя просьбы показать волшебный жезлъ. Долго я отнѣкивался; наконецъ, приказалъ открыть ящикъ, и каково было удивленіе и вмѣстѣ удовольствіе дамъ, когда онѣ нашли въ немъ только конфекты.

Ожидали прибытія въ Кіевъ Великаго Князя Михаила Павловича, для смотра саперной бригады и бывшихъ тогда въ полномъ ходу крѣпостныхъ работъ. Мнѣ поручено было изъ минной галлереи заложить усиленный горнъ, для чего избранъ былъ валъ Звѣринскаго укрѣпленія, который, по мнѣнію Великаго Князя, долженъ былъ быть снесенъ. Работы шли, однако, подъ руководствомъ опытнаго минёра, капитана Голикова, практиковавшагося въ подземной войнѣ въ кампанію 1828—1829 гг. въ Турціи. Мина заложена. Наступалъ, наконецъ, грозный часъ; назначенъ былъ день прибытія Великаго Князя въ лагерь. Наканунѣ мнѣ не спалось всю ночь; на разсвѣтѣ побѣжалъ я съ своимъ гальванёромъ испытать, не нарушено-ли дѣйствіе проводниковъ; оказалось все въ исправности. Самъ Голиковъ, хладнокровнѣйшій изъ смертныхъ, волновался, что̀ можно было замѣтить только изъ того, что чаще обыкновеннаго вынималъ изъ кармана серебряную табакерку и побольше бралъ щепотку табаку.

По осмотрѣ сапёрныхъ работъ, Его Высочество подошелъ къ мѣсту, гдѣ я стоялъ съ батареей. Тутъ были всѣ, что̀ только было военнаго въ Кіевѣ и множество частныхъ лицъ. Поговоривъ съ строителемъ крѣпости о Звѣринскомъ укрѣпленіи, Великій Князь далъ мнѣ знакъ головою. Я скомандовалъ моему гальванёру: «Изготовсь!» «Пли!» — и ничего не послѣдовало. Великій Князь взглянулъ на меня вопросительно; глаза всей публики впились въ меня. Я былъ спокоенъ, такъ какъ замѣтилъ, что взрывъ не послѣдовалъ по торопливости моего сконфуженнаго гальванёра (унтеръ-офицера): онъ слегка только приложилъ проводникъ къ батареѣ. Я хладнокровно ему сказалъ: «Не торопись, приложи сильнѣе. Изготовсь! Пли!» Земля дрогнула подъ ногами, и огромный столбъ земли и бѣлаго дыму поднялся къ небу, а съ нимъ и я улетѣлъ въ седьмое небо! Слезы выступили у меня на глазахъ. Его Высочество сказалъ: «спасибо, спасибо тебѣ!» Товарищи бросились поздравлять. Это была одна изъ счастливѣйшихъ минутъ моей жизни.

Библиотека "Руниверс"

Каждый пойметъ мое волненіе наканунѣ и восторгъ при удачномъ исполненіи. Что, если-бы отъ какой-нибудь несчастной случайности не послѣдовало взрыва въ присутствіи всего начальства и этой многочисленной публики? Объ этомъ страшно было и вспомнить. Я тотчасъ донесъ обо всемъ генералу Витовтову и получилъ отъ него благодарность за укорененіе въ бригадѣ дѣла, такъ его интересовавшаго.

Близился къ концу срокъ, назначенный для введенія въ бригадѣ гальваническаго способа вожженія, и я мечталъ о скоромъ переводѣ въ гвардейскіе инженеры и объ отъѣздѣ въ Петербургъ. Скоро я уѣхалъ туда, но не къ той цѣли. Родственникъ мой, генералъ Д. получилъ въ командованіе лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ. Великій Князь очень благоволилъ къ нему, какъ къ любимцу покойнаго брата своего Цесаревича Константина Павловича, во времена котораго онъ былъ полковымъ адъютантомъ. При посѣщеніи Ораніенбаума, входя въ его семейныя дѣла, когда Д. сказалъ, что желалъ-бы, чтобы я служилъ въ его полку, Великій Князь милостиво сказалъ: «я переведу его къ тебѣ». По полученіи о томъ извѣщенія, я обратился за совѣтомъ къ бригадному моему командиру, нельзя ли просить объ оставленіи меня въ сапёрахъ; но тотъ замѣтилъ, что неловко молодому офицеру уклоняться отъ изъявленной милости Его Высочества.

Такъ я разстался съ благороднѣйшею сапёрною службою, которая очень заинтересовала меня и которую я страстно полюбилъ.

И. Старицкій.

Библиотека "Руниверс"

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Въ послѣднее время все чаще и чаще стали появляться записки и воспоминанія разныхъ лицъ, чрезвычайно важныя для будущей исторіи Россіи. Характеристикою важнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей, подробностями о ходѣ различныхъ дѣлъ, картинами общественной жизни и т. д. эти мемуары знакомятъ съ эпохой гораздо рельефнѣе, чѣмъ одни акты государственныхъ архивовъ.

Въ числѣ появившихся записокъ немало относящихся до Кавказа, этой почти terra incognita для большинства Русскаго общества. Весь обширный, богатый, разнообразный, дорого стоющій Россіи край между Чернымъ и Каспійскимъ морями, не взирая на желѣзныя дороги, пароходныя сообщенія и нѣсколько мѣстныхъ періодическихъ изданій, все еще для большинства Русской публики покрытъ туманомъ. Понятія у многихъ, даже пишущихъ и печатающихъ, еще такъ смутны, что для нихъ всѣ туземцы Черкесы, соловьи поютъ тамъ, гдѣ одинъ вездѣсущій воробей представляетъ чуть ли не все пернатое царство, а розы цвѣтутъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и бурьянъ въ рѣдкость. За отсутствіемъ всѣмъ доступныхъ, популярныхъ сочиненій о Кавказѣ, значеніе мемуаровъ еще усиливается; но и въ нихъ нерѣдко попадаются ошибочные взгляды и отзывы, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ дѣломъ, или принятія на вѣру чужихъ разсказовъ, или подъ вліяніемъ личныхъ впечатлѣній.

Имѣя слабость считать себя болѣе или менѣе компетентнымъ знатокомъ Кавказа, почти всѣхъ его главныхъ дѣятелей и событій за продолжительный періодъ времени до второй половины шестидесятыхъ годовъ, душевно привязанный къ этому краю, въ которомъ провелъ лучшіе годы жизни, я не пропускаю ничего, появляющагося объ немъ въ печати, и не могу отказать себѣ въ невольномъ побужденіи указывать на ошибки, неточности, особенно на ложные взгляды. И теперь я взялся за перо по поводу помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ отрывка изъ записокъ генерала П. Д. Рудакова (Декабрь 1883) и статьи Д. И. Романовскаго (Февраль 1881). Оба автора покойники.

Генералъ Рудаковъ былъ артиллеристъ, пришедшій за Кавказъ съ 18 артиллерійскою бригадою, въ первую Восточную войну и оставившій записки о дѣйствіяхъ въ Азіатской Турціи. Начало записокъ напечатано въ „Р. Старинѣ“, но продолженіе авторъ уничтожилъ предъ смертью. Онъ говоритъ о Н. Н. Муравьевѣ и князѣ М. С. Воронцовѣ, лицахъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательныхъ, историческихъ, и рисуетъ ихъ крайне оши-

Библиотека "Руниверс"

бочно. Въ назначеніи Муравьева на Кавказъ авторъ находитъ подтвержденіе тому, что императоръ Николай нерѣдко ошибался въ выборѣ людей. „За что столько милостей человѣку, въ жизни своей еще ничего особеннаго не сдѣлавшему?“ говоритъ Рудаковъ при упоминаніи о наградахъ, данныхъ Муравьеву при новомъ назначеніи.

Очевидно, авторъ вовсе не зналъ біографіи Муравьева. Если императоръ Николай нерѣдко ошибался въ выборѣ людей (а кто же и не ошибается?..), то при назначеніи Муравьева именно ошибки въ вину ему ставить нельзя. Н. Н. Муравьевъ получилъ рѣдкое въ то время, основательное образованіе, былъ однимъ изъ выдающихся офицеровъ генеральнаго штаба и въ чинѣ капитана совершилъ замѣчательную рекогносцировку Закаспійскаго края до Хивы; по достоинству оцѣненный такимъ человѣкомъ какъ А. П. Ермоловъ, Муравьевъ получилъ въ командованіе Эриванскій полкъ и былъ виднымъ дѣятелемъ въ Турецкую войну 1828—1829 г., разбивъ съ небольшимъ отрядомъ Турокъ подъ Ахалцыхомъ. Онъ отличался въ 1831 г. въ Польскую войну. Его экспедиція въ Константинополь въ помощь султану противъ Египетскаго хедива, если не дала случая выказать военныхъ талантовъ, заявила однако объ недюжинныхъ дипломатическихъ способностяхъ Муравьева, умѣньи поддержать на Востокѣ престижъ Россіи и вообще ладить съ Азіятцами. Командованіе двумя корпусами (5 и грен.) во времена Николая Павловича доказывало основательное знаніе фронтовой и хозяйственной частей. Такимъ образомъ, можно безъ преувеличенія сказать, что въ тѣ времена Муравьевъ, среди высшихъ генераловъ Русской арміи, былъ звѣздою первой величины—и по образованію, и по твердому характеру, и по абсолютному безкорыстію. Императоръ Николай лучшаго выбора сдѣлать не могъ, тѣмъ болѣе, что для дѣйствій на Кавказѣ, и въ военномъ, и въ гражданскомъ отношеніи, знакомство съ краемъ, можно сказать, есть conditio sine qua non, а Муравьевъ отлично зналъ край, его обычаи и нравы, многихъ вліятельныхъ людей, наконецъ, Татарскій и частью Грузинскій языки *).

Что выборъ не вполнѣ оправдалъ надеждъ, это вѣрно; но это былъ уже такой несчастный періодъ нашей исторіи... Кто же и оправдалъ тогда надежды Россіи? Не Паскевичъ ли подъ Силистріей, не Меншиковъ ли подъ Альмой, не Горчаковъ ли на Дунаѣ и подъ Севастополемъ, не Несельроде ли въ дипломатіи, или Долгоруковъ въ распоряженіяхъ военнаго министерства?.. Питомцы временъ Екатерины исчезли со сцены къ концу царствованія императора Александра I, а въ 30 лѣтъ слѣдующаго царствованія ихъ мѣста заняли люди другаго типа, не соотвѣтствовавшаго такимъ обстоятельствамъ, какія были вызваны положеніемъ Россіи въ Восточную войну. Самъ государь Николай Павловичъ, отыскивая по списку генера-

*) Читатели Русскаго Архива въ непродолжительномъ времени получатъ любопытную автобіографію Н. Н. Муравьева. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ловъ человѣка для назначенія на какой-то высшій постъ, вынужденъ былъ сказать: „вотъ, напроизводилъ сотни генераловъ, а какъ понадобился человѣкъ, то ни одного годнаго не оказывается“... И между весьма немногими въ то время, повторяю, Муравьевъ былъ именно одинъ изъ лучшихъ, образованнѣйшихъ генераловъ, единственнымъ крупнымъ недостаткомъ котораго была нѣкоторая отсталость отъ духа времени и упорство во взглядахъ, не соотвѣтствовавшихъ измѣнившимся условіямъ, что̀ дѣлало его тяжелымъ, несимпатичнымъ.

Точно также покойный Рудаковъ высказалъ еще болѣе ошибочный взглядъ и о князѣ Воронцовѣ. Вычисляя его достоинства и недостатки авторъ записокъ ограничиваетъ первыя—вѣжливостью обращенія, роскошнымъ образомъ жизни и благородною наружностью (какъ видите, не особенно много). За то въ исчисленіяхъ недостатковъ онъ не скупится: „Воронцову не доставало прямоты характера, привычки къ постояннымъ трудамъ (?!), способности выбирать довѣренныхъ людей и основательнаго знанія потребностей края; коваренъ, *лѣнивъ* (??!); легкомысленъ (?!) и поверхностенъ въ дѣлахъ серьезныхъ“. (?!).

Представимъ себѣ государственнаго человѣка съ такими качествами, управляющаго 35 лѣтъ Новороссійскимъ и Кавказскимъ краями, при обширной власти и полнѣйшемъ довѣріи монарховъ, и предъ нами должна бы возстать картина полнѣйшаго хаоса, мерзости запустѣнія и конечной гибели двухъ громадныхъ областей, изъ которыхъ каждая равна цѣлому большому государству. На самомъ же дѣлѣ оказывается совсѣмъ другое: все что̀ мы видимъ въ Новороссійскомъ краѣ и на Кавказѣ лучшаго, въ смыслѣ культурномъ, есть почти исключительный плодъ дѣятельности князя М. С. Воронцова. И на солнцѣ пятна есть. И у князя Воронцова были недостатки, какъ есть они у всякаго человѣка, даже у міровыхъ геніевъ; но приписывать *лѣнь*, легкомысліе и т. п., ему, этому извѣстному работнику, трудившемуся постоянно, не взирая на свое богатство, на свои старые годы и слабое здоровье, дѣйствительно такой отзывъ большое легкомысліе.

Но этимъ еще не ограничиваются обвиненія: „Князь Воронцовъ, заразившись англоманіей, задался несбыточными мечтами о равенствѣ“.

Кто хоть немного зналъ князя, тотъ только улыбнется, читая эти слова; ибо такой до мозга костей аристократъ, для котораго туземные князья, ханы, мелики и агалары составляли чуть не культъ поклоненія, потому только, что они аристократія, вдругъ *обвиняется въ стремленіяхъ къ равенству!*... Дальше: „Чуждый правильнаго понятія о настоящемъ положеніи Кавказскаго солдата, онъ (Воронцовъ) задумалъ облегчить военный бытъ его и тѣмъ много повредилъ дисциплинѣ“. Эти слова не болѣе какъ резюме взгляда Н. Н. Муравьева, выраженнаго въ его извѣстномъ письмѣ къ Ермолову, того самаго Муравьева, котораго авторъ записокъ такъ строго осуждаетъ.

Покойный Рудаковъ познакомился съ Кавказскимъ солдатомъ въ Азіятской Турціи, въ лицѣ такихъ легендарныхъ героевъ, какъ Нижегород-

Библиотека "Руниверс"

скіе драгуны, Эриванскіе и Грузинскіе гренадеры, или Ширванскіе мушкетеры, и неужели же онъ, свидѣтель Башкадыклярa, Кюрукъ-Дара и штурма Карса, нашелъ въ нихъ упадокъ дисциплины? Et voilà comme on écrit l'histoire!

Я немножко лучше знакомъ съ Кавказскимъ солдатомъ временъ князя Воронцова, потому что именно въ тотъ періодъ и гораздо раньше Восточной войны былъ баталіоннымъ адъютантомъ, командовалъ ротой и занималъ еще разныя другія должности въ строю; я могу сказать положительно, что улучшеніе матеріальнаго положенія войскъ при князѣ Воронцовѣ было дѣломъ гуманности, справедливости и благоразумія: пусть справятся по спискамъ о больныхъ и умершихъ за времена до князя Воронцова и при немъ. Что же касается дисциплины, то Гергебиль, Салты, походы князя Аргутинскаго, зимнія экспедиціи въ Чечнѣ и уже упомянутыя выше сраженія съ Турками, гдѣ одинъ дрался противъ пяти, побѣждая лишь беззавѣтной храбростью, достаточно показываютъ, была ли она въ упадкѣ. Есть дисциплина и дисциплина: одна такая, какую внѣдряли прибывшіе на Кавказъ въ 1854 году генералы Трегубовы, Неѣловы и друг. въ войскахъ внутри Россіи расположенныхъ, и такая, которую внушали намъ Воронцовы, Бебутовы, Аргутинскіе, Фрейтаги, Барятинскіе, Евдокимовы, едва ли когда-нибудь приказавшіе выпороть солдата, да еще за потерянную пуговицу или распоротый въ походѣ кафтанъ. У первыхъ дисциплина дѣйствительно была образцовая, если превращеніе солдата въ отупѣвшее существо, въ манекенъ, считать за идеалъ войска; для нихъ нашъ Кавказскій солдатъ, болѣе расторопный, развитой, не дрожащій при одномъ приближеніи начальства, дѣйствительно могъ казаться распущеннымъ. Но войска нужны не для тѣхъ цѣлей, какія представлялись большинству генераловъ въ Россіи, и Крымская война вынудила отказаться отъ убійственной системы, превращавшей солдатъ въ автоматовъ, и принять такую, которая на Кавказѣ давно сама собою установилась и имѣла результатомъ геройскіе подвиги.

Оставляю безъ возраженій остальные пункты обвиненія противъ князя Воронцова, потому что это завлекло бы меня въ повтореніе уже прежде высказаннаго мною на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ и въ другихъ изданіяхъ, гдѣ я не отвергалъ нѣкоторыхъ недостатковъ князя Михаила Семеновича; но est modus in rebus, а говорить о лицахъ историческихъ слѣдуетъ лишь то, что можно подтвердить фактически, а не по слухамъ или мимолетнымъ, непровѣреннымъ наблюденіямъ....

О статьѣ генерала Романовскаго поговоримъ въ слѣдующій разъ.

А. Зиссерманъ.

Май 1885.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ КУРІОЗОВЪ МОЕЙ БИБЛІОТЕКИ.

Theatrum oder Schauplatz des Erdbodens worin die Landttafell der gantzen Weldt mit sambt eine derselben kurtze Erklärung zu sehen ist durch Abrahamum Ortelium.

Подъ этимъ заглавіемъ изданъ въ Брюсселѣ въ 1572 году географическій атласъ, состоящій изъ 46-ти картъ съ короткими къ нимъ объясненіями на старо-нѣмецкомъ языкѣ, но текстъ самихъ географическихъ картъ по-латыни.

Любопытна здѣсь карта Россійской Имперіи или Московіи (auctore Antonio Jenkensono Anglo, edita Londini 1562). „Россія (Russen) не вполнѣ вся внесена на этой картѣ (гласитъ объяснительный текстъ), такъ какъ королевства Польское и Литовское въ ней не достаютъ, которыя также принадлежатъ къ имени Руссовъ. Но здѣсь мы только изобразили земли подлежащія власти герцога Московіи, какъ мы обыкновенно его называемъ (самъ же онъ въ своемъ титулѣ зоветъ себя Русскимъ Императоромъ). Его царство разстилается съ самаго Сѣвернаго моря на Югъ къ границамъ Польши, Литвы и Каспійскаго моря, такъ какъ онъ немного лѣтъ тому назадъ завладѣлъ городомъ Астраханью на рѣкѣ Волгѣ, которая впадаетъ въ Каспійское море. Съ восточной стороны границу Татарской земли составляетъ рѣка Обь и Китай-море (?); на Западѣ достигаютъ владѣнія Московскаго Царя до Швеціи и Лифляндіи, и можно опасаться, что послѣднюю окончательно завоюетъ, такъ какъ въ послѣдніе года часть оной уже занялъ“. Любопытно, по большей или меньшей подробности въ означеніи городовъ, судить о знакомствѣ Европы въ XVI вѣкѣ съ Россіей, знакомствѣ очевидно основанномъ на торговыхъ сношеніяхъ; такъ напримѣръ, наибольшее число населенныхъ мѣстъ встрѣчается здѣсь на берегахъ Бѣлаго моря, гдѣ между прочимъ Архангельскъ названъ Св. Михаиломъ; а за Москвою къ Югу является совершенно пустое пространство, занятое скачущимъ верхомъ Крымскимъ Татариномъ.

Въ особенности любопытна эта карта по случаю нашихъ новѣйшихъ Закаспійскихъ завоеваній и Афганскаго вопроса. Встрѣчаются тутъ имена Мешхеда (Meshet), Бухары (Boghar), Карши (Kirshy), Уранча (Urgene),

Библиотека "Руниверс"

Кара-Кули (Caracol), Ташкентъ, Самаркандъ и два Corasam, изъ которыхъ одинъ Гератъ, а другой должно быть Хива. Ясно становится также измѣненіе теченія Аму-Дарьи (Oxus древній, здѣсь Ougus съ притокомъ Ардокъ), образовавшее въ XII вѣкѣ Аральское море, котораго на нашей картѣ совсѣмъ не существуетъ. Ougus течетъ прямо широкимъ разливомъ въ Красноводскій заливъ Каспійскаго моря. Рѣка Sur, соединившись съ притокомъ Амовъ, впадаетъ на самомъ Сѣверѣ у Самоѣдіи въ Китай-озеро, изъ котораго вытекаетъ въ свою очередь рѣка Обь.

Встрѣчаются на картѣ объяснительныя надписи. Кромѣ изображенія Ивана Васильевича, сидящаго подъ царскимъ шатромъ, медвѣдей въ Пермской области, верхомъ скачущихъ Татаръ, Персіянъ, верблюдовъ и Ногайскихъ юртъ, представлены еще въ углу съ права четыре рисунка.

1) На самомъ Сѣверѣ истуканъ „Злата-Баба“ Олугорской и Обдорской; она чрезъ жреца своего даетъ знать (вопрошающимъ ее), что дѣлать и куда ѣхать и предсказываетъ исходъ предпріятій. 2) Калмыки на колѣняхъ предъ высокой палкой съ висящимъ флагомъ въ родѣ хоругви; надпись гласитъ, что они это красное знамя обоготворяютъ вмѣсто солнца; живутъ они въ палаткахъ и питаются всякими гадами, змѣями и червями. 3) Картина относится повидимому къ казакамъ (Уральскимъ по мѣстности) и представляетъ чудо, совершившееся около 300-тъ лѣтъ тому назадъ, когда цѣлая орда со скотомъ, верблюдами и овцами своими вдругъ всѣ окаменѣли. 4) Картина относится къ религіи Киргизовъ, а именно какъ жрецъ, по убіеніи скотины, смѣшиваетъ кровь и навозъ ея съ землей и, собравъ это въ чашу, влѣзаетъ на дерево и опрыскиваетъ этимъ народъ; а когда кто умираетъ, вмѣсто того, чтобы хоронить, вѣшаютъ его на дерево.

„Коразанъ (малый) былъ завоеванъ въ 1558 году Персидскимъ царемъ. Самаркандъ былъ нѣкогда столица всей Татаріи, а нынѣ груда развалинъ съ тѣхъ поръ, какъ сына Тамерлана побѣдилъ Турецкій султанъ Баязидъ и въ золотыхъ цѣпяхъ увезъ его за собой въ плѣнъ“.

„Отъ Мангусты до Шейсурамы разстояніе въ двадцать дней, но чрезъ безводную пустыню, отъ Шейсурамы же до Богоръ (Бухарія) въ тридцать дней растоянія на Востокъ отъ Китайской границы, а отъ этой границы до Камбалу (Кабулъ) три мѣсяца пути“.

Откуда взяты эти подробности, сказать трудно; но во всякомъ случаѣ онѣ не лишены интереса, какъ примѣры ученыхъ познаній XVI вѣка.

Д. Шеппингъ.

Библиотека "Руниверс"

ОТЗЫВЪ А. С. ХОМЯКОВА О К. Д. КАВЕЛИНѢ.

А. С. Хомяковъ велъ постоянную переписку съ Алексѣемъ Владимировичемъ Веневитиновымъ (младшимъ братомъ поэта), продолжавшуюся съ 1827 по 1860 годъ. Переписка эта изобилуетъ любопытными намеками на современныя политическія обстоятельства и на явленія въ области словесности, науки и искусствъ. А. В. Веневитиновъ жилъ въ Петербургѣ и по своимъ служебнымъ и родственнымъ связямъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ представителями большаго свѣта и высшаго управленія. Нерѣдко его Московскіе пріятели, А. С. Хомяковъ, А. И. Кошелевъ, И. В. Киреевскій, С. П. Шевыревъ, М. П. Погодинъ и другіе обращались къ нему съ разными порученіями. Когда служба или обстоятельства заставляли Москвичей этого круга переселяться въ Петербургъ или даже просто бывать тамъ, то А. С. Хомяковъ обыкновенно писалъ о нихъ А. В. Веневитинову особыя письма. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ показываютъ, какъ заботливо оберегалъ онъ Московскую трудолюбивую молодежъ отъ опасныхъ сторонъ жизни въ Невской столицѣ. Вотъ, напримѣръ, что представляло подобныя опасности.

„Мы съ тобою уже въ родѣ старичковъ", читаемъ въ одномъ такомъ письмѣ о Юріѣ Ѳедоровичѣ Самаринѣ, „и должны быть охраною для младшихъ. Петербургъ имѣетъ свои соблазны (въ смыслѣ séduction, а не „scandale). Поддержи въ Самаринѣ его Московскіе, т.-е. общечеловѣческіе, „интересы и постарайся, чтобы не погибъ для науки человѣкъ, который „отъ природы назначенъ для умственнаго труда. Доброе дѣло само себя „награждаетъ, и легко можно бы составить въ Петербургѣ кружокъ съ характеромъ Московскимъ, въ которомъ бы вамъ, т.-е. людямъ неиспортившимся въ общей порчѣ, было бы и отрадно, и привольно. Такой кружокъ „возстановилъ бы многихъ, утратившихъ отчасти свою лучшую натуру, и, „я увѣренъ, получилъ бы вскорѣ нравственный авторитетъ. Это, по настоящему, твое бы было дѣло по той причинѣ, что ты уцѣлѣлъ болѣе „всѣхъ другихъ. Лифляндія и Курляндія имѣютъ свои центры въ Петербургѣ, а Москва, т.-е. Русь, не имѣетъ. Къ несчастію, мы бы вамъ часто „подсылали новыхъ сотрудниковъ, потому что каждый день увлекаетъ отъ „насъ кого-нибудь изъ лучшихъ, притянутыхъ Невскимъ водоворотомъ".

Изъ числа подобныхъ писемъ особенно любопытны тѣ, которыя Хомяковъ писалъ по поводу поѣздокъ въ Петербургъ А. Н. Попова, Д. А. Валуева, Ю. Самарина и недавно умершаго К. Д. Кавелина. Эти имена вполнѣ оправдываютъ слѣдующія слова Хомякова въ томъ же письмѣ, изъ

Библиотека "Руниверс"

котораго приведена выдержка: „Кажется, не осрамились мы высылкою къ „вамъ этого образчика Московской молодежи, и вы должны сознаться, что „старушка Москва не оскудѣла дѣтьми, достойными ея“.

А вотъ въ какихъ выраженіяхъ отзывался Хомяковъ о человѣкѣ, недавняя кончина котораго побуждаетъ дорожить воспоминаніями о немъ.

„Любезный Алексѣй! Вотъ тебѣ еще рекомендательное письмо. По„пова я къ тебѣ адресовалъ ради его пользы. Кавелина (Константина Дми„тріевича) адресую столько же ради его пользы, сколько и пользы общей. „Онъ въ Петербургѣ не проѣздомъ, а на службу. По разнымъ обстоятель„ствамъ онъ не можетъ оставаться въ Москвѣ для окончанія своей диссер„таціи на магистра и долженъ ѣхать въ Питеръ. Цѣль его кончить диссер„тацію тамъ и пріѣхать опять сюда для диспута. Часть его диссертаціи „ты вѣроятно знаешь. Она была въ „Юридическихъ Запискахъ“ [1]) и мо„жетъ считаться истинно подвигомъ ученымъ. Хвалить его нечего, онъ „самъ себя уже похвалилъ дѣломъ; но кромѣ ума и знаній, я скажу, что „онъ человѣкъ славный, весьма способный къ любви, къ труду и ко всему „доброму. Мнѣ жаль, что Москва его рано отдаетъ: надобно бы еще усто„яться слишкомъ молодому характеру (въ лучшемъ смыслѣ молодому) и „молодымъ убѣжденіямъ. Но, каковъ онъ есть, онъ для васъ великое пріобрѣтеніе. Donnez lui quelques bons coups d'épaule et poussez le s'il est „possible [2]). Служба должна такими людьми дорожить. Помѣсти его къ Па„нину [3]). Сверхъ этого будь къ нему друженъ и привѣтливъ. Обстоятель„ства дали его характеру нѣсколько раздражительности или, лучше сказать, „недовѣрчивости [4]). Онъ не легко вѣритъ, чтобы его любили. Впрочемъ, этотъ „недостатокъ въ немъ не силенъ и нисколько не мѣшаетъ въ сношеніяхъ „пріятельскихъ“.

(Сообщено М. А. Веневитиновымъ).

---

[1]) Изданіе П. Г. Рѣдкина.

[2]) Окажи ему поддежку своимъ содѣйствіемъ и толкай его впередъ (т.-е. по службѣ), если это возможно.

[3]) Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ былъ въ то время министромъ юстиціи.

[4]) Отцомъ своимъ (извѣстнымъ способникомъ Магницкаго) Кавелинъ похвалиться не могъ. Мать его, сколько намъ извѣстно, была Англичанка. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ АРХАНГЕЛЬСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

ВЪ ОЗНАМЕНОВАНІЕ ИСПОЛНИВШАГОСЯ

300 лѣтія

ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСКА

Конкурсъ на составленіе исторіи города Архангельска въ торгово-промышленномъ отношеніи.

ПРЕМІЯ за лучшее сочиненіе 1200 РУБЛЕЙ,

изъ коихъ 200 рубл. ассигнованы Архангельскимъ Статистическимъ Комитетомъ, а 1000 рубл. пожертвованы Почетнымъ Членомъ его, Михаиломъ Константиновичемъ Сидоровымъ. Подробныя правила и программа конкурса Архангельскій Статистическій Комитетъ высылаетъ по первому требованію.

ИННОКЕНТІЙ МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ.

Сочиненіе Ивана Платоновича Барсукова. Большой томъ, отпечатанный на прекрасной бумагѣ и прекраснымъ шрифтомъ, съ портретами и рисунками. Книга эта, равно любопытная и поучительная какъ для людей съ высшимъ образованіемъ, такъ и для всякаго грамотнаго простолюдина, одобрена Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Сѵнодѣ для пріобрѣтенія въ библіотеки. Цѣна 5 рублей. Главный складъ въ Странноприимномъ Домѣ графа Шереметева у Сухаре-Башни, въ Канцеляріи Совѣта.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА
НА
Русскій Архивъ
1885 года
(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ).

Русскій Архивъ выходитъ въ 1885 году **двѣнадцать разъ** въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ съ портретами и рисунками.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1885 году съ пересылкою и доставкою на домъ — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ открыта на Невскомъ Проспектѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мелье и „Новаго Времени“ и на Васильевскомъ острову, 2-л., д. 7-й, въ книжномъ складѣ Стасюлевича, гдѣ получать можно полное годовое изданіе 1884 года (цѣна 9 р.).

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

Библиотека "Руниверс"

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

7.

(Содержаніе Р. Архива 1878 г. см. на обор.).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ 1878 ГОДА.

ТРИ БОЛЬШІЯ КНИГИ.

Получать можно въ Конторѣ Русскаго Архива по два рубли за каждую (съ пересылкою).

КНИГА ПЕРВАЯ.

Переписка **Петра Перваго** съ патріархомъ **Адріаномъ**.—**Императрица Елисавета Петровна** и ея записочки къ В. И. Демидову.—Письма **Екатерины Второй** къ князю Д. М. Голицыну.—Письма **князя Потемкина** къ Екатеринѣ Второй.—Московскія безобразія прошлаго вѣка: Драка въ Чудовомъ монастырѣ.—Нѣмецъ-драчунъ.—Русское наслѣдство во Франціи прошлаго вѣка.—Воспоминанія **принца Евгенія Виртембергскаго**.—Письмо **Н. В. Гоголя** къ П. В. Нащокину.—Записка **графа Ѳ. В. Ростопчина** о политическихъ отношеніяхъ Россіи въ 1800 году съ отзывами и замѣчаніями **императора Павла Петровича**.—Православіе на Востокѣ. Три записки, составленныя въ 1848 году.—Воспоминаніе о Николаѣ Васильевичѣ Путятѣ.—Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ. Статья **И. С. Аксакова**. — Письма **императора Александра Павловича** къ его воспитателю князю Н. И. Салтыкову.—Археологическая прогулка по Московскимъ улицамъ **А. А. Мартынова**.—Воспоминанія **В. М. Еропкина**: Походъ 1831 года.—Служба въ гвардіи.—Костя Булгаковъ.—Записки **Марьи Сергѣевны Мухановой**.—Сергій Максимиліановичъ на водахъ въ Виши). **Д. Д. Филимонова**.—Посланіе **С. Т. Аксакова** къ А. И. Казначееву (о настроеніи Русскаго общества въ 1814 году).—Письмо **графа Ѳ. В. Ростопчина** о состояніи Россіи въ концѣ Екатерининскаго царствованія (1794). — Графъ В. А. Перовскій (Очеркъ его жизни, посланіе въ стихахъ и письмо къ нему **В. А. Жуковскаго**.—Письмо графа В. А. Перовскаго къ Ю. Ѳ. Самарину въ 1849 году).—Письма **Екатерины Второй** къ ея сватьѣ Гессенъ-Дармштадской ландграфинѣ **Каролинѣ**.—Воспоминанія доктора **К. К. Зейдлица** о Турецкомъ походѣ 1829 года.—Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ (Бартоломей.—Графиня Девьеръ.—Князь В. Ѳ. Одоевскій.—Дегай.—Д. В. Дашковъ.—Графъ М. Ю. Вьельгорскій.—Служебный экзаменъ.—Дантесъ.—С. В. Салтыковъ.—Князь А. Д. Салтыковъ.—Князь И. А. Лобановъ - Ростовскій).—Письмо **И. Ѳ. Крузенштерна** къ **О. М. Рибасу** (На случай войны съ Англіею). 1800.

КНИГА ВТОРАЯ.

Записка **И. И. Неплюева** объ устройствѣ Яицкаго (нынѣ Уральскаго) казачьяго войска.—Хивинскій походъ 1839 года, письма **графа В. А. Перовскаго** въ Москву къ А. Я. Булгакову.—Письма (**С. Т. Аксакова, князя В. Ѳ. Одоевскаго, М. И. Глинки, А. С. Хомякова, О. М. Бодянскаго, В. И. Даля** къ С. П. Шевыреву); записка о введеніи въ Московскій университетъ Новогреческаго языка; путевыя впечатлѣнія **С. П. Шевырева** отъ Москвы до Флоренціи.—Изъ записокъ **А. С. Лашкарева** (бѣгство короля Людовика изъ Голандіи въ 1810 году).—Преданія о Демидовыхъ и о Демидовскихъ заводахъ, **Т. Толычовой**.—Письма **императрицы Маріи Ѳеодоровны** къ оберъ-камергеру князю А. М. Голицыну.—Воспоминанія **Сергѣя Павловича Шипова**.—Князь В. А. Черкасскій. Воспоминанія **П. А. Безсонова**.—О послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ князя Черкасскаго (съ выдержками изъ его писемъ).—Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ (Князь А. Ѳ. Голицынъ.—Императоръ Николай Павловичъ на музыкальномъ вечерѣ у Львова.—О православной церкви въ Неаполѣ,—Князь А. Я. Лобановъ-Ростовскій.—Графы Штакельберги).—Письмо **великаго князя Александра Павловича** къ С. И. Плещееву (1797). Сообщено **В. М. Еропкинымъ**.—Бумаги **Екатерины Второй**: а) Письмо къ фельдмаршалу князю Голицыну по поводу кончины великой княгини Натальи Алексѣевны (1776); б) Записочка къ гетману графу Разумовскому объ его сынѣ графѣ Андреѣ; в) Замѣтки по Крымскимъ дѣламъ; г) Письмо къ неизвѣстному лицу о Фридрихѣ Великомъ; д) Историческія и автобіографическія замѣтки.—Изъ писемъ **архимандрита Фотія** къ графинѣ А. А. Орловой. Сообщилъ **Д. Д. Благово**.—Предписаніе **И. А Вельяминова** полковнику Ладинскому о поимкѣ царевича Александра. — Письма **графа В. А. Перосснаго** къ А. Я. Булгакову (Походъ противъ Коканцевъ и взятіе Акъ-Мечети).—Письма **А. С. Хомякова** къ А. Ѳ. Гильфердингу.—Пушкинскій „Пророкъ" въ Польскомъ переводѣ.—Похожденія монаха **Палладія Лаврова**.—**Гриммъ** и госпожа **д'Эпинэ**. **Я. К. Грота**.—Новыя подробности зиъ молодой жизни **А. П. Ермолова**.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ.

1850 годъ *).

Печатаются съ Высочайшаго соизволенія.

1.

Не могу выразить чувство благодарности, которое произвело въ душѣ моей милостивое и любезное письмо Вашего Императорскаго Высочества: въ немъ высказывается все Ваше милое сердце. И я и жена вмѣстѣ цѣлуемъ написавшую его руку. Мой добрый Рейтернъ самъ выражаетъ свои чувства передъ Вашимъ Высочествомъ письменно. Благоволите прочитать его письмо; еще болѣе: если возможно, покажите его Государынѣ Императрицѣ и Государынѣ Великой Княгинѣ. Въ немъ онѣ найдутъ сердце всего моего семейства, полное горячею привязанностію къ нимъ и къ святому Царскому дому. А Ваша особенная милость ко мнѣ трогаетъ меня несказанно. Въ концѣ Вашего письма Вы говорите о тѣхъ минутахъ, которыя мы провели *особенно вмѣстѣ*. О, эти минуты останутся для меня незабвенны! Жаль, что ихъ было такъ мало. Жаль, что онѣ не могутъ періодически возвращаться каждый день и сдѣлаться привычкою. Онѣ улетѣли слишкомъ быстро; я только могъ почувствовать ихъ прелесть и только чутьемъ понять, какое высокое было бы для меня благо, еслибы языкъ привыкнулъ говорить свободнѣе, еслибы всѣ мысли о настоящемъ, всѣ желанія и надежды для будущаго, все, чему вѣришь

---

*) См. Р. Архивъ сего года кн. I-я стр. 7, 242 и 526.

Библиотека "Руниверс"

что̀ почитаешь святымъ и истиннымъ, мало по-малу высказалось ясно и перешло изъ любящаго сердца въ другое, столь открытое и доступное всему чистому, человѣческому, высокому, царскому и святому Божію. Но земное счастіе дается не на долго. Вообще это короткое пребываніе въ Варшавѣ оставило глубокое впечатлѣніе на сердцѣ моемъ. Но со времени моего возвращенія сюда, пришелъ я въ какой-то разладъ, который все еще не кончился: я все хворалъ, и была минута, въ которую я очень близко подошелъ къ началу опасной болѣзни—къ водяной въ груди. Теперь это прошло, и я не боленъ, но и еще не совсѣмъ въ порядкѣ; Гугертъ велитъ быть осторожнымъ. И моя бѣдная жена часто и жестоко страдаетъ; опасности нѣтъ, но жизнь вовсе разрушена: половина ея проходитъ въ душевномъ и тѣлесномъ недугѣ. Не могу Вамъ описать, какія изъ всего этого выходятъ для меня тяжкія минуты; прошу Бога для себя и для нея только объ одномъ, чтобы не оказаться недостойными того испытанія, которому Онъ подвергнулъ нашу слабую, бѣдную душу.

Читали ли Вы письмо, которое я написалъ къ Его Высочеству Константину Николаевичу? *) Я желалъ бы знать Ваше мнѣніе о той мысли, которую я сообщилъ ему, сообщилъ только потому, что она пришла мнѣ въ голову. Не знаю, имѣетъ ли она какую-нибудь основательность въ такъ называемомъ политическомъ отношеніи. Политика не ставитъ никогда въ счетъ причинъ чисто-религіозныхъ, чисто-нравственныхъ; для нея мало значатъ требованія верховной правды; la raison d'état—вотъ ея единственный компасъ. Но мнѣ кажется, что теперь нѣтъ спасенія для порядка общественнаго ни въ чемъ иномъ, какъ въ очищеніи доктринъ, управляющихъ дѣйствіями правительствъ; а другаго къ тому средства нѣтъ, какъ подчиненіе этихъ доктринъ Христіанству и тѣмъ самымъ оживленіе Христіанства въ народахъ, изъ которыхъ одни утратили его отъ развратныхъ ученій, допущенныхъ правительствами, а другіе не имѣютъ его, а если и имѣютъ, то имѣютъ мертвое отъ пренебреженія правительствъ о его распространеніи. Въ наше время былъ бы благотворнымъ и животворнымъ дѣйствіемъ такой всеобщій, совокупный актъ государей Европы, въ которомъ бы выразилось ихъ благоговѣніе передъ Спасителемъ, Подателемъ всѣхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ. Теперь и въ мысли не приходитъ, чтобы султанъ могъ отказаться исполнить требованіе *всѣхъ* государей Европы объ освобожденіи Гроба Христова и Его Града,

*) Жуковскій говоритъ конечно о письмѣ, которое напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1867 года (стр. 1436 и слѣд.) и въ которомъ онъ развиваетъ мысль о томъ, чтобы Іерусалимъ объявленъ былъ принадлежащимъ всей Христіанской Европѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ болѣе, что ни *одинъ* исключительно, а *всѣ вмѣстѣ* Европейскіе государи сдѣлались бы только стражами этой святыни и что сборное войско, на то употребленное ими, могло бы быть въ тоже время и союзнымъ султану. Вызовъ на такой святой союзъ принадлежитъ Русскому Царю, какъ представителю Православія. Наше время требуетъ такого пробудительнаго всеобщаго акта. Враги святыни и порядка работаютъ явно и тайно. Ихъ явныя нападенія могутъ еще быть отражаемы силою, но сила побѣждаетъ на минуту; тайныя же дѣйствія непобѣдимы: они, какъ смертельная эпидемія, разлитая въ атмосферѣ, отъ которой нѣтъ другаго спасенія, какъ *очищеніе* этой атмосферы.

И весьма замѣчательно то, что въ наше время всѣ эти отравительныя дѣйствія имѣютъ какой-то характеръ филантропическій: демонъ зла гуляетъ по свѣту подъ маскою человѣколюбца. Напримѣръ, Вы конечно читали въ газетахъ описаніе казни Манниговъ, мужа и жены. По поводу этой казни были самыя отвратительныя сцены разврата и скотства въ безчисленной толпѣ всякаго народа, собравшагося полюбоваться зрѣлищемъ конвульсій, съ какими кончили жизнь на висѣлицѣ злодѣи. Эти сцены послужили поводомъ нѣкоторымъ чувствительнымъ филантропамъ для новыхъ декламацій противъ смертной казни. И вмѣсто того чтобы нападать на уродливое, варварское, отвратительное *совершеніе* казни, начали нападать на *самую казнь*, которая не иное что, какъ представитель строгой правды, преслѣдующей зло и спасающей отъ него порядокъ общественный, установленный самимъ Богомъ. Говорятъ: смертная казнь безполезна, ибо она никого не пугаетъ, не воздерживаетъ отъ злодѣйства и не исцѣляетъ злодѣя. Это совершенная ложь. Смертная казнь, какъ *угрожающая* вдали своимъ мечемъ, какъ *мысль* о возможной погибели, какъ *привидѣніе*, преслѣдующее преступника, ужасна своимъ невидимымъ присутствіемъ, и мысль о ней конечно воздерживаетъ многихъ отъ злодѣйства. Но *зрѣлище* смертной казни—такое зрѣлище, какимъ обыкновенно забавляютъ (это слово здѣсь у мѣста) праздный народъ, столь жадно ищущій сильныхъ чувственныхъ потрясеній, отвратительно само по себѣ, безнравственно по своему впечатлѣнію и не только не исполняетъ своей цѣли, то-есть не ужасаетъ, не остерегаетъ, не пробуждаетъ совѣсти преступника тайнаго и не воздерживаетъ человѣка, способнаго на явное преступленіе, напротивъ дѣлаетъ, такъ сказать, привлекательною потѣхою ужасъ казни, которая для зрителей получаетъ занимательность трагедіи, а для казнимаго уничтожаетъ спасительный ужасъ послѣдней его минуты, заставляя его кокетствовать передъ людьми своею фальшивою неустрашимостію и отвлекая его

Библиотека "Руниверс"

отъ мысли о Богѣ, передъ судилище Котораго онъ долженъ явиться такъ скоро.

И здѣсь, какъ и во всемъ (особенно въ томъ, что̀ *теперь* передъ нашими глазами творится) причина зла заключается въ отсутствіи *святаго*, то есть въ отсутствіи того животворнаго элемента, безъ котораго все земное не иное что, какъ матеріальный, минутно-живущій и совершенно-разрушающійся наконецъ феноменъ. Эшафотъ, на которомъ совершается смертная казнь, есть мѣсто, на которомъ неумолимое *земное правосудіе* казнитъ преступленіе, а *Божіе милосердіе* принимаетъ въ свое лоно кающуюся душу. Отлучите *послѣднее* отъ *перваго*, и спасительно-грозный, величественный актъ земной казнящей правды (жертва, всенародно приносимая правдѣ небесной) обращается въ отвратительную оргію толпы. Изъ тысячи охотниковъ, сбѣжавшихся на публичный праздникъ казни, конечно не болѣе десяти (и именно такихъ, для которыхъ подобное зрѣлище не нужно для предостереженія ихъ отъ злодѣйства) возвращаются съ растроганнымъ сердцемъ, съ высокою мыслію о жизни, правдѣ и смерти; на всѣхъ остальныхъ зрѣлище производитъ дѣйствіе болѣе или менѣе безнравственное и вредное. И оно не можетъ быть иначе. Что̀ отвратительнѣе этой висѣлицы, на которой нѣсколько минутъ бьется въ конвульсіяхъ живой человѣкъ и на которую глядитъ толпа, съ любопытствомъ ожидая, какъ этотъ живой, движущійся, сдѣлается мертвецомъ неподвижнымъ. Еще отвратительнѣе Французская гильотина: тутъ все, поражающее душу, исчезаетъ; человѣкъ, созданіе Божіе, отдается во власть машинѣ, которая безжалостно, какъ представитель неумолимаго, безчувственнаго фатума, рѣжетъ ему голову; нѣсколько палачей, рабовъ машины, укладываютъ ея работу въ коробъ, омываютъ съ нея кровь, которой ручьи, пробираясь по камнямъ мостовой, мало-по-малу втекаютъ въ каналы, мѣшаются тамъ съ грязью, и все кончено; толпа расходится, и каждый равнодушно принимается за свою ежедневную работу. Гдѣ въ этихъ зрѣлищахъ святое? Гдѣ тутъ Богъ, Его правда, святыня власти Имъ установленной, величіе и сила закона? Все уничтожается матеріальностію самаго акта, котораго ужасъ производитъ даже какое-то пріятное чувственное раздраженіе, будучи общимъ пиромъ многочисленной толпы. Здѣсь кстати привести Русскую пословицу: *на людяхъ и смерть* (и смертная казнь) *красна*.

Что же дѣлать? спросите Вы. Уничтожить казнь? Нѣтъ. *Страхъ* казни есть тоже въ народѣ, что̀ *совѣсть* въ каждомъ человѣкѣ отдѣльномъ. Не уничтожайте казни, но дайте ей образъ величественный, глубоко-трогающій и ужасающій душу; удалите отъ ея совершенія все чувственное; дайте этому совершенію характеръ таинства, чтобы

Библиотека "Руниверс"

при этомъ совершеніи всякій глубоко чувствовалъ, что здѣсь происходитъ нѣчто принадлежащее къ высшему разряду, а не варварскій убой человѣка, какъ быка на бойнѣ; сдѣлайте, чтобы казнь была не однимъ механическимъ дѣйствіемъ общественной машины или просто ариѳметическимъ вычитаніемъ одной цифры изъ общей суммы; сдѣлайте, чтобы казнь была не однимъ актомъ правосудія *гражданскаго*, но и актомъ любви *христіанской*, чтобы она, уничтожая преступника, врага *гражданъ*, возбуждала состраданіе къ судьбѣ его въ сердцахъ его *братьевъ*, чтобы его земная погибель была общимъ горемъ, чтобы всякій видѣлъ, что неумолимое правосудіе, заботясь о спасеніи порядка общественнаго уничтоженіемъ его возмутителя, не менѣе заботится о спасеніи души осужденнаго; наконецъ, главное, сохраните для *вѣчности* душу несчастнаго, котораго законъ вашъ убиваетъ *во времени*, давъ ему возможность взглянуть съ умиленіемъ въ глаза неизбѣжной смерти и помогая смягчиться душѣ его для покорности и покаянія. Но какъ это сдѣлать? Средство простое. Совершеніе казни *не должно быть зрѣлищемъ публичнымъ*, оно должно быть окружено таинственностію страха Божія; мѣсто, на которомъ совершается казнь, должно быть навсегда недоступно толпѣ; за стѣною, ограждающею это мѣсто, толпа должна видѣть одинъ только крестъ, подымающійся на главѣ церкви, воздвигнутой Богу милосердія въ виду человѣческой плахи. Эта неприступность и таинственность будутъ дѣйствовать на душу зрителя (ничего не видящаго и все воображающаго) гораздо сильнѣе и въ тоже время гораздо спасительнѣе и нравственнѣе всѣхъ конвульсій висѣлицы и криковъ колесованія. Съ той минуты, какъ преступникъ осужденъ и услышалъ свой приговоръ изъ устъ правосудія, онъ становится принадлежащимъ одному суду Божію; его послѣднія минуты, какъ для спасенія души его, покидающей землю, такъ и для благотворнаго поученія на землѣ остающимся, должны быть освящены религіею. Казнь преступника должна пробуждать не одинъ страхъ наказанія (котораго впрочемъ она и не пробуждаетъ въ своемъ теперешнемъ отвратительномъ видѣ); она должна пробуждать всѣ высокія чувства души человѣческой: вѣру, благоговѣніе передъ правдою, состраданіе, любовь христіанскую. Преступникъ осужденъ на смерть, и день, въ который онъ долженъ покинуть свѣтъ, ему объявленъ; этотъ день возвѣщенъ и народу. Пускай никанунѣ этого дня призовутся христіане на молитву о душѣ умирающаго брата; пускай во всѣхъ церквахъ слышится голосъ христіанъ, умоляющихъ Бога, чтобы грѣшникъ приступилъ съ покаяніемъ къ концу своему, принялъ смерть съ покорностію на очищеніе души, и чтобы милосердіе Божіе не отвергло души его. Такое призваніе на молитву конечно произведетъ

Библиотека "Руниверс"

общее глубоко-нравственное впечатлѣніе; ибо тутъ молитва будетъ не одинъ благоговѣйный обрядъ церковнаго богослуженія, но и сильно потрясающее душу приготовленіе къ событію ужасному, которое должно на другой день совершиться. Не можетъ быть, чтобы такая молитва кѣмъ-нибудь могла быть услышана или произнесена равнодушно. Между тѣмъ въ темницѣ и потомъ на мѣстѣ казни все должно принять характеръ примирительно-христіанскій. Осужденный знаетъ, что онъ не будетъ преданъ на поруганіе любопытной толпы, что онъ изъ уединенія темницы перейдетъ черезъ церковь безъ всякой тревоги въ уединеніе гроба (тревоги, столь многихъ приведшей къ отчаянію и къ самоубійству); сердце его легче расмягчится, и въ эти минуты, оставленный на произволъ собственнаго размышленія, онъ несомнѣнно приготовится къ присутствію Божію на послѣдней исповѣди. Если же онъ и не смягчится въ эти первыя минуты, то весьма вѣроятно, что при переходѣ отъ темницы къ церкви, гдѣ будетъ готова для него Чаша Причащенія, произойдетъ въ немъ тотъ внутренній спасительный переворотъ, который былъ бы невозможенъ въ присутствіи толпы, развлекающей, стыдящей и окаменяющей душу своимъ обиднымъ и безжалостнымъ любопытствомъ. На пути отъ церкви къ мѣсту казни онъ будетъ провожаемъ пѣніемъ молящихся о душѣ его, и это пѣніе умолкнетъ только въ минуту его смерти. И тогда, какъ все это будетъ совершаться внутри ограды, вокругъ которой собрана будетъ толпа народа (и конечно толпа эта будетъ многочисленная: съ утра долженъ созвать ее колоколъ погребальный), двери ограды должны быть заперты; изъ-за нея будетъ слышно только одно умоляющее пѣніе. Не будетъ кроваваго зрѣлища для глазъ; но будетъ таинственное, полное страха Божія и любви христіанской зрѣлище для души. Никакіе тѣлесные глаза не увидятъ того, что̀ въ одну подобную минуту увидитъ воображеніе. А когда пѣніе вдругъ замолчитъ, что̀ скажетъ воображенію это молчаніе? Съ какимъ чувствомъ разойдется толпа? И нѐ получитъ ли здѣсь смертная казнь высокаго знаменованія, спасительнаго для ея жертвы, поучительнаго для ея свидѣтелей?...

Но я долженъ остановиться и смиренно просить у Вашего Высочества прощенія моему многословію. Мысли, которыя здѣсь мною выражены, давно были въ головѣ моей, и мнѣ хотѣлось ихъ сообщить Вамъ. Но на что̀ могутъ быть полезны эти мысли, я не знаю. Онѣ могли бы быть приведены въ исполненіе въ Россіи; но въ Россіи нѣтъ смертной казни; за то есть въ ней элементъ вѣры, которымъ можно всегда пользоваться во благо общее. Въ Англіи также могло бы правительство легко произвести эту необходимую перемѣну въ одномъ изъ главнѣйшихъ актовъ верховной власти; въ Англіи (говорю о народѣ,

Библиотека "Руниверс"

а не о правительствѣ, теперь столь гнусномъ въ Пальмерстонѣ) живо благоговѣніе ко всему святому. Но во Франціи и теперь во всей Германіи подобное измѣненіе невозможно. Чтò теперешнія правительства Германіи? Не иное чтó, какъ жалкое рабство и трусость передъ привидѣніемъ народа, который существуетъ только въ грязныхъ листахъ газетчиковъ, убійцъ и развратителей общаго мнѣнія. Когда поднялась эта гидра революціи (повидимому страшное чудовище, а на самомъ дѣлѣ огромное чучело, сколоченное изъ адвокатовъ, докторовъ, Жидовъ, газетчиковъ и честолюбивыхъ профессоровъ), все оцѣпенѣло. Какой изъ государей Германіи попытался отважить свою жизнь за свои права, съ которыми такъ тѣсно слито народное благо? И кто изъ нихъ даже и теперь, когда революція отбита (но еще не разбита и далеко не убита), отважится выступить впередъ и провозгласить словомъ и дѣломъ свое уваженіе къ святому въ лицо богохульному вѣку? Ужасъ все еще царствуетъ, все еще испугавшее всѣхъ чучело кажется живымъ чудовищемъ и, наконецъ, они сдѣлаютъ то, что въ него подлинно вольется жизнь, и оно ихъ всѣхъ растерзаетъ. И къ этому параличу страха присоединяется, наконецъ, тифусъ своекорыстія. Чтò изъ этого выйдетъ?...

Съ трепетомъ сердца и съ упованіемъ на Бога въ эту минуту думаю, что Ваше ожиданіе благополучно совершилось, что Ваше семейство умножилось *). Прошу Васъ убѣдительно не замедлить сообщеніемъ мнѣ этой вѣсти, ожидаемой всѣмъ моимъ семействомъ съ глубокою за Васъ молитвою къ Богу, хранящему Васъ, насъ и Россію.

4 (16) Генваря 1850.
Баденъ-Баденъ.

2.

Благослови Васъ Богъ и дай Россіи радоваться новорожденнымъ царевичемъ Алексіемъ, какъ нѣкогда она радовалась царемъ Алексіемъ, отцемъ Петра, столь же достойнымъ любви народной въ своемъ смиренномъ хранительномъ величіи, сколько его сынъ въ своемъ величіи творческомъ.

Жуковскій.

Баденъ-Баденъ.
1850. Генваря 27-го.

*) 1-го Января 1850 года родился Его Императорское Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ.

Библиотека "Руниверс"

3.

Я получилъ милостивое письмо Вашего Императорскаго Высочества въ Карлсру, на желѣзной дорогѣ, въ минуту моего проѣзда въ Висбаденъ, куда я ѣхалъ для говѣнья. Оно было самымъ радостнымъ отвѣтомъ на мое послѣднее письмо и новымъ доказательствомъ, что на Васъ во всемъ и всегда можно положиться, какъ на каменную гору: Вы ничего не оставите безъ вниманія, всегда готовы сдѣлать все то доброе, что̀ найдете возможнымъ, не только доброжелательны по сердцу, но и въ дѣлѣ милости соблюдаете строгую точность, которая значитъ одно и тоже, что̀ уваженіе долга,—истинно-царское качество, которое всегда меня въ Васъ радовало и которое для Васъ и для насъ всѣхъ будетъ источникомъ прочнаго блага. Въ настоящемъ случаѣ приношу Вашему милому и милостивому Императорскому Высочеству мою живѣйшую благодарность.

Другая часть Вашего письма, въ которомъ выражено мнѣніе Ваше на счетъ моего Радовица, болѣзненно тронула мое сердце. Вашей свѣтлой душѣ и высокой душѣ Государя (предъ которымъ я осмѣлился искренно высказать мнѣніе ему противорѣчащее) прилично и легко оцѣнить *по правдѣ* высокій характеръ Радовица. Вамъ ли имѣть предубѣжденія? И по личнымъ свойствамъ, и по высокому мѣсту, на которое онъ, нашъ Царь, и Вы поставлены Промысломъ, Вы должны быть выше предубѣжденій; *правда*, *правда* и *правда*, вотъ что̀ Вашъ хлѣбъ насущный. Радовицъ Вамъ извѣстенъ только съ той стороны, съ которой показываютъ его всѣ противъ него предубѣжденные; Вы имѣете его изъ десятыхъ рукъ, которые порядочно измяли его портретъ, ими представленный на Ваше разсмотрѣніе; противъ него всѣ кричатъ и всѣ пишутъ, потому что онъ не принадлежитъ никакой партіи, и эти совокупные крики кажутся голосомъ правды, потому что онъ еще ни разу не поднялъ руки, чтобы взять перо и отвѣчать на какое бы то ни было обвиненіе. Теперь всеобщій вопль провозглашаетъ его поборникомъ революціи; а онъ отъ подошвы до головы врагъ революціи и анархистовъ. Еще будучи депутатомъ Франкфуртскаго красноколпачнаго парламента, былъ онъ записанъ на первой строкѣ въ спискѣ, составленномъ убійцами Лихновскаго и Ауерсвальда. Если онъ будетъ теперь опрокинутъ, это будетъ торжествомъ анархистовъ и республиканцевъ. Не онъ будетъ причиною войны, если она загорится (но она не загорится), а ненавистный эгоизмъ, которому ничто не свято. Положите руку на сердце Австріи и спросите у нея: сдѣлала ли она хотя шагъ для пожертвованія чѣмъ-нибудь общему

Библиотека "Руниверс"

благу, и не она ли одна была главною причиною того, что революція Германская не была отвращена въ свое время? Въ Радовицѣ видятъ какого-то всемогущаго создателя тѣхъ обстоятельствъ, которыя всѣ произведены именно тѣми событіями, которыя онъ такъ ясно предвидѣлъ, такъ ясно предсказалъ (прочитайте хотя теперь его книгу: Gespräche aus der Gegenwart) и которыя такъ напрасно предупредить старался (прочитайте его брошюру: Deutschland und Friedrich-Wilhelm IV). Вы получили отъ меня и книгу, и брошюру. Если Вы еще ихъ не прочитали, то Вы не имѣете еще настоящаго свидѣтельства о Радовицѣ и судите о немъ только по враждебнымъ обвиненіямъ; для правдиваго же суда нужно выслушать и обвиненнаго. Въ книгѣ Радовица представитель его собственныхъ мнѣній есть Вальдгеймъ, а въ брошюрѣ Вы найдете свидѣтельство о его дѣйствіяхъ до 1848. Нѣтъ, не онъ произвелъ тѣ запутанныя обстоятельства, въ которыхъ теперь, какъ въ неводѣ, бьются Германскія правительства. Вспомните, когда онъ призванъ въ Берлинъ? Не въ такую ли минуту, когда, послѣ приведенія въ нѣкоторый порядокъ дѣлъ и послѣ возстановленія потерянной силы, все опять опрокинулось и стало на край бездны? Кто же въ эти рѣшительныя минуты спасъ Германію, если не Пруссія, которая задушила бунтъ и въ Саксоніи, и въ Баденѣ? Въ эту *рѣшительную* минуту *средства* общаго спасенія были именно тѣ, которыя предложила *тогда* Пруссія: надлежало изъ того, что̀ было *тогда на лице*, извлечь то добро, которое въ *тогдашнихъ данныхъ* обстоятельствахъ было *одно* возможно, дабы чрезъ то *приготовить лучшее* въ будущемъ, но тогда и теперь еще невозможное. Все съ тѣхъ поръ опять перепуталось. Кто главная къ тому причина? Не вѣдаю: я не политикъ. Но признаюсь, не могу безъ отвращенія смотрѣть на дѣйствія Баваріи, Саксоніи, Ганновера и Австріи, только что спасенной безкорыстнымъ могуществомъ Русскаго Царя, у котораго она не погрудилась занять его великодушнаго безкорыстія. Пруссія же пошла своимъ путемъ, противъ котораго въ началѣ не протестовалъ никто (кромѣ Баваріи и Виртемберга). Можетъ ли она всякую минуту, не утративъ своего достоинства, покоряться шаткости другихъ правительствъ? И на это не могу отвѣчать, ибо въ этомъ дѣлѣ я не судья. Знаю одно, что Радовицъ не махіавелистъ и не радикалъ, онъ защитникъ чистой монархіи, не конституціонной, которая однако обхватила всю Германію. Но это сдѣлано не имъ; это есть фактъ, котораго не уничтожишь, отрицая его; этотъ фактъ можетъ только самъ себя уничтожить. Такъ по крайней мѣрѣ я понимаю политику Радовица. Вы можете это знать лучше меня. Я стою только за характеръ Радовица и потому позволяю себѣ представить Вамъ мое о немъ письмо;

Библиотека "Руниверс"

оно дастъ Вамъ понятіе о *человѣкѣ*. Я писалъ объ немъ чистую правду по моему убѣжденію. Политическая часть письма моего не моя; я выразилъ чужое, слышанное. Не могу держаться никакой партіи. Здѣсь могу только въ этомъ отношеніи повторить то, что̀ говоритъ въ Mariage de Figaro почтенный Bridoison: je ne sais qu'en dire; voici ma façon de penser *).

На этомъ письмѣ не означено числа.

4.

Отдаленіе—жестокій мучитель; а я подъ старость сталъ мнителенъ. Ваше молчаніе меня пугаетъ; мое не совсѣмъ еще охладѣвшее воображеніе строитъ изъ него разныя чудовища; мнѣ чудится, что Вы лишили меня своего благоволенія, что нашлись люди, которые что-нибудь сказали не въ мою пользу. Хотя у меня и нѣтъ мнѣ извѣстныхъ враговъ, но люди вообще охотники вредить и просто отъ скуки. Вы станете надо мною смѣяться; но прошу Васъ объ одномъ: не считайте меня ни безгрѣшнымъ, ни неспособнымъ на грѣхъ. Такой привилегіи не могу отъ Васъ требовать; но всякій разъ, когда услышите отъ кого бы то ни было что-нибудь обо мнѣ недоброе, не вѣрьте этому на чужое слово и всегда вытребуйте меня на допросъ. Этого съ меня будетъ довольно. Теперь же приходитъ мнѣ на умъ и то, что можетъ быть мои послѣднія письма и въ нихъ мои Іерусалимскія мечты могли навлечь на меня Ваше неудовольствіе. Это однако несбыточно: въ моихъ политическихъ мечтахъ нѣтъ ничего злонамѣреннаго; я сообщаю ихъ Вамъ безъ оглядки и не имѣю никакихъ arrières-pensées. Однимъ словомъ, я въ тревогѣ, и письмо отъ Вашего Высочества было бы для меня оживительнымъ лекарствомъ. Съ самаго моего возвращенія изъ Варшавы, я все болѣе или менѣе хворалъ и теперь не вовсе еще оправился. Завтра, чтобъ нѣсколько себя промять, ѣду во Франкфуртъ, дабы повидаться тамъ съ Радовицемъ. По возвращеніи постараюсь тотчасъ написать Вашему Высочеству обѣщанное объ немъ письмо.

Теперь же, пока я еще не побывалъ во Франкфуртѣ и ничего о состояніи дѣлъ не могъ ни отъ кого слышать, хочу сообщить Вашему Высочеству то, что̀ мнѣ, неполитику и неохотнику до политики, съ нѣкотораго времени приходитъ въ голову. Пишу это *теперь*, *до* со-

*) Не знаю что̀ сказать о томъ: вотъ мой образъ мыслей.

Библиотека "Руниверс"

бытія, дабы послѣ увидѣть: пророкъ ли я или нѣтъ. Дѣло о приближающемся рейхстагѣ въ Эрфуртѣ. Онъ долженъ открыться въ последней половинѣ Марта. Радовица, который первый подалъ идею этого рейхстага, обвиняютъ въ союзѣ съ революціею и ждутъ отъ рейхстага мятежныхъ послѣдствій. Находя совершенно несправедливыми всѣ обвиненія, падающія на голову Радовица, въ котораго всѣ партіи со всѣхъ сторонъ бросаютъ свои стрѣлы и который всегда былъ и теперь есть поборникъ чистой монархіи, я однако съ своей стороны признаюсь, что эта идея рейхстага всегда мнѣ казалась непонятною, и я полагалъ, что она можетъ возобновить сцены Франкфуртскаго парламента. Но чтобы вполнѣ быть справедливымъ, надлежитъ возвратиться къ той эпохѣ нашего времени, въ которую родилась эта идея рейхстага. Что̀ было тогда въ Германіи? Король Прусскій отклонилъ отъ головы своей бумажную императорскую корону, поднесенную ему Франкфуртомъ; въ самомъ парламентѣ раздоръ и явное возстаніе лѣвой стороны, произведшее скоро потомъ вспышку бунта на Югѣ; одинъ только призракъ дѣйствующей власти, въ лицѣ благороднаго эрцгерцога-правителя, призракъ конечно, но этотъ призракъ предохранилъ Германію отъ совершеннаго распаденія на анархическіе удѣлы. А что̀ въ это время была Австрія? Воскрешенная побѣдами Радецкаго, которыя еще не всю Италію усмирили, она трепетала передъ Кошутомъ, и еще никто не могъ предвидѣть, спасетъ ли ее Россія? Между тѣмъ она первая подала примѣръ покорности бунту и приняла непроизвольно конституцію, предписанную ей обстоятельствами, которыя были сильны только потому, что не имѣлось смѣлости съ ними бороться. Эта конституція выбросила ее изъ Германскаго Союза, и она не протестовала противъ этого исключенія, ибо не могла произнести (и по старой привычкѣ *не хотѣла*) рѣшительнаго слова, понеже стояла на краю бездны и трепетала передъ Кошутомъ. Что̀ было бы съ нею и со всею Германіею безъ Россіи? Но Русское спасеніе пришло гораздо позже. Въ такихъ грозныхъ обстоятельствахъ весьма естественно, что Пруссіи надлежало выступить впередъ и придумать какое-нибудь спасительное образованіе. Нельзя было еще явно бороться съ революціею, которая тогда еще была въ полной силѣ (благодаря безсилію всеобщей робости, давшей этому привидѣнію сдѣлаться живымъ чудовищемъ); надлежало однако спѣшить ее обуздать и, на первый случай, не вступая съ нею въ союзъ, произвести такое постановленіе, которое, не раздражая общаго обезумленнаго ею мнѣнія, приготовило бы твердый порядокъ въ послѣдствіи. И родился союзъ трехъ королей, съ нимъ и призваніе на рейхстагъ всѣхъ членовъ Союза и всей Германіи. Эта идея рейхстага

Библиотека "Руниверс"

есть произведеніе тогдашнихъ обстоятельствъ, и въ ней конечно можно было видѣть зародышъ новыхъ смутъ революціонныхъ; но она была вынуждена силою обстоятельствъ. Между тѣмъ какъ Пруссія такъ рѣшительно и съ согласія союзниковъ своихъ опредѣлила тотъ путь, по которому хотѣла идти съ ними, обстоятельства перемѣнились: Россія спасла Австрію и умертвила съ Венгерскимъ бунтомъ главнаго союзника анархіи. Съ этою побѣдою (которая взбѣсила главнаго разбойника Пальмерстона) перемѣнились и отношенія Сѣвера къ Пруссіи. Отъ нея отшатнулись и Ганноверъ, и спасенная ею Саксонія; Австрія, возвратившая силу свою, наконецъ, *ясно* выразила свое намѣреніе—не выходить изъ Германскаго Союза. При такихъ обстоятельствахъ идея рейхстага конечно сдѣлалась парадоксомъ, и можно теперь же предсказать, что она не будетъ приведена въ исполненіе. Такъ! Но Пруссія, вышедшая впередъ и рѣшительно выразившая передъ лицемъ современниковъ свое намѣреніе и уже далеко ушедшая на пути ею начертанномъ, можетъ ли обратиться назадъ тогда, какъ этого обратнаго пути не явно еще предписываетъ сила обстоятельствъ? Это было бы противно ея достоинству. Она можетъ съ достоинствомъ уступить *только необходимости*, а не покориться *только возможному*. И эта необходимость наступитъ въ тотъ часъ, когда откроется рейхстагъ, совершенно теперь ненужный, но для Пруссіи неизбѣжный. Когда онъ откроется, будетъ очевидно, что приговоры его не могутъ быть обязательны для Германіи; тогда Пруссія, не оскорбляя своего достоинства, можетъ сказать во всеуслышаніе: пиръ былъ готовъ, гости приглашены, но никто изъ нихъ не пожаловалъ; честь приложена, отъ убытка Богъ избавилъ. Такъ скажетъ она въ слухъ, а про себя (какъ мнѣ сдается) будетъ рада, что ей пришлось сказать это.

Между тѣмъ всѣ эти приготовленія къ рейхстагу произвели уже *великое добро:* они пробудили Австрію, которая теперь видитъ, что уже ей по старому обычаю нельзя спать сномъ эгоизма. Съ нею отряхаютъ съ себя плесню этого эгоизма и другія южныя державы Германіи; во всѣхъ газетахъ предсказываютъ рожденіе южной анти-сѣверной конституціи; Австрія просится снова въ Германію; къ ней пристаютъ всѣ королевства; однимъ словомъ, минута открытія рейхстага будетъ встрѣчею Сѣвера, представляемаго Пруссіею, съ южной Германіею, представляемою Австріею. Эта встрѣча будетъ *не ссора, а соглашеніе;* это будетъ бракъ Сѣвера съ Югомъ, и дѣтищемъ этого брака будетъ прежній Союзъ Германскій (nouvelle édition, revue, corrigée et augmentée); но Союзъ Германскій—не прежній гнилой трупъ, а живая хранительная и образовательная власть, которая раздавитъ анархію и утвердитъ

Библиотека "Руниверс"

установленные ею троны. Вотъ Вамъ мой пророческій сонъ. Скоро узнаемъ, простой ли онъ бредъ или что̀ иное.

Баденъ-Баденъ.
1850. Февраля 14 (26).

5.

Если Ваше Императорское Высочество получили мое последнее письмо и благоволили его прочитать, то весьма легко поймете, какъ мнѣ было радостно получить Ваши милостивыя строки. Это письмо Ваше, столь полное благоволѣнія, смѣю сказать столь дружеское, глубоко тронуло всю мою душу. Прошу Васъ одинъ разъ навсегда простить мнѣ мою мнительность; она есть въ одно время и знакъ моей къ Вамъ привязанности, и страхъ потерять Вашу милость, и моя старость, и то отдаленіе, въ которомъ я такъ давно осужденъ жить отъ Васъ и отъ отечества. Благодарю и за моего Рейтерна, для котораго Ваше столь милостивое о немъ воспоминаніе было радостію сердца. Мы любимъ въ Васъ не одного царева наслѣдника, которому принадлежимъ по нашей присягѣ, но и чистую, правдивую, высокую, боголюбивую, человѣческую душу.

Если уже пошло на просьбы, то осмѣливаюсь, pour l'acquît de ma conscience, положить къ стопамъ Вашего Императорскаго Высочества просьбу другаго рода о человѣкѣ, котораго я не знаю въ лицо, но о которомъ проситъ меня одинъ мой Московскій пріятель *), описывающій весьма живо его жалостное положеніе. Дѣло идетъ о Рахмановѣ, поручикѣ кавалергадскаго полка. Вотъ его исторія, конечно извѣстная и Вашему Императорскому Высочеству. Рахмановъ надѣлалъ множество долговъ и за это былъ обойденъ въ производствѣ и не будетъ допущенъ къ производству, пока долги его вполнѣ уплачены не будутъ. Но долги неоплатные; а источникъ этихъ долговъ, какъ пишутъ ко мнѣ, одно плутовство ростовщиковъ. Рахмановъ сдѣлалъ ихъ почти ребенкомъ, когда учился въ юнкерской школѣ; онъ давалъ росписки, эти росписки росли, какъ снѣговой клубъ и сдѣлались лавиною векселей, которые Рахмановъ долженъ былъ дать на себя при своемъ вступленіи въ службу. (Такъ описываютъ мнѣ это дѣло, о которомъ я самъ не имѣю никакого понятія). Кредиторы, вооруженные законными векселями, требуютъ немедленной уплаты, отчего все имѣніе отца Рахманова должно исчезнуть, и все его семейство впадетъ въ нищету. Московскій мой знакомецъ, описывая все это, говоритъ:

*) Павелъ Воиновичъ Нащокинъ, котораго очень любилъ Пушкинъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

«Праздная молва такъ огласила несчастнаго Рахманова, что въ обѣихъ «столицахъ смотрятъ на него, какъ на чудовище, не вникая и не зная, «въ чемъ наиболѣе состоитъ вина его. Молодой человѣкъ, тѣмъ оглу-«шенный, впалъ въ уныніе и близокъ къ отчаянію. Милостивое воз-«зрѣніе на судьбу его нашего благодушнаго Цесаревича могло бы спасти «его. Ему необходимо удалиться изъ Петербурга, дабы порицающая «его молва могла умолкнуть. Нельзя ли исходатайствовать у Государя «Наслѣдника милости, чтобы Рахмановъ, при возвращеніи ему про-«изводства, былъ выпущенъ въ армію? Притомъ нельзя ли, чтобы по-«кровительствомъ Его Высочества было принято въ разсужденіе пред-«ложеніе Рахманова отца къ удовлетворенію кредиторовъ его сына, «представленное на разсмотрѣніе жандармскому генералу Полозову?» Получивъ это письмо, я счелъ себя не въ правѣ отказаться отъ представленія о немъ Вашему Императорскому Высочеству. Предаю это дѣло на приговоръ Вашего столь свѣтлаго разума и Вашего несказанно-благостнаго сердца.

Поздравляю Васъ и Россію еще съ царевичемъ. Во всѣхъ этихъ начинающихъ рости внукахъ царевыхъ вижу въ будущемъ усердныхъ сотрудниковъ Царя на *внутреннемъ* образованіи нашего великанскаго царства, которое, какъ я безпрестанно о томъ мечтаю, будетъ не Европа, не Азія, будетъ особенный міръ, будетъ Россія, самобытная, ни отъ чего внѣшняго независимая въ своемъ благоденствіи. Сохрани Богъ Васъ и нашего Царя съ его обоими семействами—домашнимъ и народнымъ!

1 (13) Марта 1850.
Баденъ-Баденъ.

6.

Изъ моего письма къ фельдмаршалу *) вышла статья, которая весьма пригодилась въ газеты: она напечатана въ Allgemeine Zeitung. Прилагаю здѣсь этотъ печатный листъ. Эта статья родилась неожиданно: писавъ къ фельдмаршалу, я вдругъ прогнѣвался на Пальмерстона, и гнѣвъ мой теперь напечатанъ для всей Европы. Русская муха брыкнула въ Англійскаго слона. Но если эта муха залѣзетъ ему въ ухо, то, какъ ни тихо ея жужжанье, она не будетъ ему по сердцу и хотя на минуту потревожитъ эту огромную животину.

---

*) Паскевичу.

Библиотека "Руниверс"

Здѣсь слышно о путешествіяхъ, предпринимаемыхъ царскою фамиліею. Куда и когда? Благоволите сдѣлать мнѣ милость, меня о томъ увѣдомить. Не прошу письма отъ Васъ; напротивъ, прошу Васъ приказать написать мнѣ объ этомъ Толстому, который, не въ подражаніе, а въ примѣръ фельдмаршалу, на три письма моихъ не удостоилъ меня отвѣтомъ. Благоволите наказать его за эти фельдмаршальскія ухватки приказаніемъ написать ко мнѣ отъ Вашего имени.

13 (25) Апрѣля 1850.
Баденъ-Баденъ.

7.

Наконецъ, мнѣ кажется, что могу наконецъ утвердительно сказать Вашему Высочеству, что я ѣду въ Россію: всѣ мои распоряженія сдѣланы. Я писалъ, чтобы мнѣ наняли домъ въ Дерптѣ; еще не имѣю отвѣта, но скоро надѣюсь его получить. Однимъ словомъ, если Богу будетъ угодно, въ половинѣ Іюля новаго стиля оставлю Баденъ и къ началу нашего Августа надѣюсь быть въ Дерптѣ. Отъ купанья въ морѣ Гугертъ жену избавляетъ. Одно можетъ остановить меня, тоже что́ остановило въ 1848 году—холера, если она окажется вдоль моей дороги или, отъ чего сохрани насъ Боже, явится въ томъ мѣстѣ, куда я желаю отвезти мое семейство. Въ такомъ случаѣ напередъ прошу Ваше Высочество быть моимъ ходатаемъ передъ всемилостивѣйшимъ Государемъ Императоромъ. Хотя и имѣю отъ Его Величества разрѣшеніе на безсрочное пребываніе за границею до полнаго исцѣленія жены моей; но меня тянетъ на родину. Въ концѣ нынѣшняго года Москва будетъ праздновать серебряную свадьбу Императора Русскаго съ его Русью; неужели и этого праздника не видать мнѣ? Однимъ словомъ, только непобѣдимая необходимость можетъ остановить мое возвращеніе. Позвольте при этомъ случаѣ предварительно представить Вамъ одну просьбу. Я состою въ свитѣ Вашего Высочества; благоволите, при отправленіи Вашемъ въ Москву на этотъ праздникъ, причислить меня къ Вашему двору; въ это время я *долженъ* быть близко Васъ, въ Кремлѣ, гдѣ я *первый* изъ всѣхъ приближенныхъ къ Вашему семейству встрѣтилъ Васъ новорожденнымъ, когда покойная Императрица переносила Васъ въ отведенную Вамъ первую квартиру на здѣшнемъ свѣтѣ. Съ этой минуты я никогда иначе не являлся *вмѣстѣ съ Вами* въ Москвѣ, какъ *Вашимъ*. Если на этомъ Русскомъ праздникѣ, до котораго дай мнѣ Богъ дожить, явлюсь постороннимъ, то это дастъ мнѣ грустное чувство сиротства, отъ котораго прошу Васъ меня старика избавить. Я не прошу

Библиотека "Руниверс"

никакого особеннаго званія при дворѣ Вашемъ, а только желаю, чтобы Вы меня *на время* Вашего пребыванія въ Москвѣ причислили къ *своимъ*.

Обращаюсь къ начатой мною пѣснѣ и прошу Васъ позволить мнѣ ее допѣть до конца. Мое длинное письмо о Радовицѣ дошло уже вѣроятно до Васъ *). Не знаю, имѣли ли Вы время и терпѣніе прочитать его. Я для того написалъ это письмо, чтобы дать Вамъ возможность судить о Радовицѣ и съ *бѣлой* стороны; Вы судили о немъ только съ *черной*. Храни Васъ Богъ отъ предубѣжденій: безпристрастіе на Вашемъ высокомъ мѣстѣ есть важнѣйшая (одна изъ самыхъ необходимыхъ) добродѣтель; безъ нея нѣтъ справедливости. Прилагаю здѣсь мое письмо, напечатанное въ Нѣмецкомъ переводѣ; для чего я его напечаталъ, увидите изъ предисловія; само по себѣ разумѣется, что никто не знаетъ, къ кому оно писано. Сколько моя близорукость мнѣ позволяетъ видѣть кругомъ себя, мнѣ болѣе и болѣе становится яснымъ, что политика, которой слѣдуетъ Радовицъ, есть не только самая честная, но и самая необходимая въ настоящее время. Не повторяя того, что̀ сказано въ моей брошюрѣ, прибавлю: Германія стоитъ на краю бездны; чѣмъ удержать ее отъ паденія? Соединеніемъ силъ въ одну плотную массу. Что̀ сдѣлано государями Германіи для этого предмета послѣ всего того что̀ было ими упущено *сперва* для отвращенія, *потомъ* для побѣжденія напавшей на нихъ революціи? Ровно ничего. Спорятъ о первенствѣ, и все тутъ; а дѣло идетъ о существованіи. Одинъ Прусскій король отъ всѣхъ въ сторонѣ; въ его самоотверженныхъ предложеніяхъ видятъ эгоизмъ, потому что сами эгоисты. Вся бѣда отъ того, что теперь, когда надобно *всѣмъ* устремить совокупно свои силы на то, чтобы устроить и обезопасить *общее* отечество и его общимъ могучимъ бытіемъ оградить и упрочить собственное, частное,—каждый ставитъ себя *центромъ* и изъ своего *отдѣльнаго* выводитъ *общее*. Это кажется патріотизмомъ; а на самомъ дѣлѣ есть въ настоящую минуту самый бѣдственный эгоизмъ; маскою этого патріотизма хотятъ закрыть уродливое лицо династической спѣси. «Погибни Германія», думаетъ про себя и говоритъ на дѣлѣ Баварскій король, «а я не признаю гегемоніи Прусской, хотя бы мнѣ опять пришлось поддаться покровительству Франціи». Таковъ языкъ и другихъ. И все ужасное, что̀ случилось такъ недавно, не только забыто, но признано небывшимъ.

*) Оно напечатано въ Сочиненіяхъ Жуковскаго (т. VI-й, Спб. 1878 подъ заглавіемъ: „Іосифъ Радовицъ".

Библиотека "Руниверс"

А между тѣмъ революція только устранена силою, но не убита; она надѣла шапку-невидимку и бродитъ въ толпѣ народной, нашептывая всѣмъ и каждому свои разрушительныя доктрины, и въ особенности она свиститъ въ уши солдату. Теперь общая безопасность лежитъ единственно на плечахъ военной силы и ею держится. Но нельзя же всей Германіи навсегда остаться въ осадномъ положеніи: лѣкарство было бы тогда хуже самой болѣзни. Въ Германіи однако только двѣ надежныя арміи: Прусская и Австрійская. Кто же поручится, что на нихъ не подѣйствуетъ разрушительная отрава тайныхъ обольщеній, которымъ съ одной стороны сильно помогаетъ періодическое тисненіе, а съ другой и ошибки самыхъ правительствъ и совершенное отсутствіе всякой обуздательной власти. Противъ всего этого одно средство спасенія—*единство, единство*, основанное не на революціонныхъ базахъ, но и не на той трясинѣ, на которой стоялъ покойный Германскій Союзъ, такъ легко опрокинутый однимъ щелчкомъ анархіи. Тогда составится центральная прочная сила, которая будетъ противоборствовать революціи какъ въ цѣлой Германіи, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ Германскомъ. Это анархисты знаютъ лучше всѣхъ, и потому они всѣми силами противудѣйствуютъ Пруссіи. А то, чтò предлагаетъ Пруссія есть теперь самое спасительное и единственно возможное. Говорю *теперь*, потому что мимо этого *теперь*, черезъ которое не перепрянешь, нельзя получить надлежащаго *послѣ*. Вотъ почему весьма ошибаются тѣ, которые видятъ въ дѣйствіяхъ Пруссіи союзъ съ революціею, представляемою огрызкомъ парламента, то есть такъ называемою *Готскою партіею*. Этого союза нѣтъ.

Вотъ чтó говоритъ Радовицъ Гагерну: «Вы хотите *единства* Германіи, и мы хотимъ *единства* Германіи; разница между нами та, что вы употребляете для достиженія вашей цѣли революцію, не заботясь о томъ чтò выйдетъ послѣ—монархія или республика, лишь бы только признать основаніемъ всему самодержавіе народа. А мы для достиженія нашей цѣли хотимъ истребить революцію, утвердить монархію на элементѣ *Божіей милости* и сохранимъ самобытность историческую всѣхъ государствъ Германіи съ законною свободою всѣхъ и каждаго, но не съ анархическимъ безумствомъ народнаго самодержавія».

Все это въ чистой противуположности съ революціею. Но случившагося нельзя (говорю и не должно) отвергать, между прочимъ и потому, что оно уже случилось; надобно имъ овладѣть во благо. Все забываютъ, въ какую минуту Радовицъ былъ призванъ въ Берлинъ и въ какомъ состояніи были дѣла, когда, основываясь на обстоятельствахъ, онъ сдѣлалъ планъ единства Германіи; *тогда* все еще было

Библиотека "Руниверс"

опрокинуто, и хотя уже Пруссія вырвалась изъ когтей анархіи, но и ея положеніе было весьма критическое. Вотъ картина этой минуты: Франкфуртскій парламентъ и съ нимъ призракъ центральной власти при послѣднемъ издыханіи; Австрія въ тенетахъ Венгріи, и всѣ вѣроятности успѣха на сторонѣ послѣдней; въ Дрезденѣ бунтъ; Баденъ и Пфальцъ бунтуютъ. Въ этихъ обстоятельствахъ гегемонія Пруссіи, возстановившей свое могущество, должна была представиться какъ вѣрное и единственное средство спасенія. Но Пруссія, предложивъ ее, не воспользовалась затруднительными обстоятельствами Австріи, Саксоніи и Баваріи; она дала имъ время опериться, чтобы непринужденно вступить въ предлагаемый ею союзъ; а между тѣмъ защитила падающій тронъ Саксонскаго сосѣда и очистила Баденъ и Пфальцъ отъ мятежа, который безъ нея обхватилъ бы весь Югъ Германіи. За это Саксонія измѣнила заключенному съ Пруссіею союзу, Баварія разругала усмирителей Пфальца; а Австрія, спасенная Россіею, гордо, повелѣваетъ Пруссіи признать ея первенство въ несуществующемъ Германскомъ Союзѣ и безусловно прекратить свои, уже одобренныя другими правительствами, дѣйствія, сама же хочетъ невозможнаго, то есть вступленія въ Германскій Союзъ со всѣми своими не-Германскими провинціями, съ 8-ю милліонами Нѣмецкихъ и 27-ю милліонами не-Германскихъ подданныхъ: все равно еслибы Россія съ своими Балтійскими провинціями соединила всѣ Русскія и ввела ихъ въ Союзъ Германскій для подчиненія ихъ общему законодательству Германскому. Такая претензія Австріи неисполнима; она дѣлаетъ невозможнымъ Союзъ Германскій на прежнемъ основаніи и служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что Пруссія не вытѣсняетъ Австріи изъ союза, а напротивъ, предполагаетъ единственное средство сохранить ее для союза.

Нельзя безъ негодованія смотрѣть на этотъ хаосъ эгоизма, спѣси, суетности и упрямства, которыя именуютъ такъ безстыдно патріотизмомъ. Опытъ никого не учитъ; всѣ дѣйствія опредѣляются характеромъ и страстями дѣйствователей. Здѣсь убѣждаешься, что эти такъ называемые *практическіе люди* также вредны, какъ и эти *теористы*; разница между ними та, что первые *минутѣ настоящей* и *прошедшему* жертвуютъ *постоянными правилами* (которыхъ, можетъ быть, и не имѣютъ), а послѣдніе—*теорическимъ правиламъ* и *идеѣ будущаго* жертвуютъ *настоящимъ* и *прошедшимъ*. И тѣ и другіе равно враги добра и порядка; и тѣ и другіе слѣдуютъ только своему личному.

Чѣмъ болѣе думаю о томъ, чтó на Германской политической сценѣ творится, тѣмъ яснѣе кажется мнѣ, что дорога, избранная Пруссіею и указанная ею другимъ, есть самая прямая и вѣрная. Единство

Библиотека "Руниверс"

Германіи и съ нимъ ея сила будутъ упрочены только тогда, когда и внѣшняя политика, и внутренняя исполнительная власть будутъ сосредоточены въ одномъ представляющемъ ихъ лицѣ (которое не будетъ ни Прусскій король, ни Австрійскій императоръ, а Германскій сборный воевода), когда не будетъ ни особенной Прусской, Австрійской, Баварской, Любекской и пр. внѣшней политики, ни Прусской, Баварской, Австрійской, Франкфуртской арміи, а будетъ Германская политика и Германская армія. Если *одно* лице будетъ представителемъ *цѣлой* Германіи, унизится ли отъ этого достоинство каждаго Германскаго государя въ особенности? Нимало! Только сосредоточится ихъ внѣшнее дѣйствіе, утратится только ненужный суетный блескъ личнаго представительства, за то прекратятся всѣ интриги личнаго эгоизма и мелочныя дипломатическія сплетни. Тоже можно сказать и объ арміи. Каждое государство, по мѣрѣ силы своей, имѣй свою армію, присягающую въ вѣрности своему государю; общая армія никому не присягаетъ: она составляетъ союзъ частныхъ присяжныхъ армій подъ однимъ общимъ знаменемъ. Въ этой сборной арміи не исчезаютъ имена ея отдѣльныхъ частей, и слава подвиговъ національныхъ не пропадаетъ въ славѣ общей; но предводительство такой арміи необходимо должно принадлежать главному воеводѣ. И если Прусскій король, какъ сильнѣйшій въ союзѣ (при невозможности для Австріи остаться въ немъ) имѣетъ право на званіе Германскаго воеводы, то это не дѣлаетъ его властителемъ, а только представителемъ общей воли, которая тѣмъ успѣшнѣе можетъ быть исполняема, чѣмъ сильнѣе будетъ тотъ, кому будетъ ввѣрено ея исполненіе. Теряетъ ли тутъ что-нибудь личное достоинство государей Германскихъ?

Не входя въ дальнѣйшія объясненія (которыхъ нашлось бы еще много) прибавлю одно, что̀ можетъ Вамъ показаться парадоксомъ. Теперь, въ половинѣ 1850 года (когда все опрокинуто, ничто не возстановлено, и никакого добра еще не сдѣлано, когда еще одни только вредныя послѣдствія случившагося очевидны), теперь, говорю, можно *радоваться* тому что̀ случилось. Да, радоваться, если только догадаются, *какъ* извлечь пользу изъ недавнихъ бѣдственныхъ событій. Постараюсь объяснить эту странную мысль. Французская революція болѣе шестидесяти лѣтъ дѣлаетъ свои хирургическіе эксперименты надъ тѣломъ Франціи; всѣ степени ею пройдены; черезъ какія мытарства должна была пройти Франція въ продолженіе полувѣка, чтобы, наконецъ, дойти до ея теперешняго завиднаго положенія! Сперва энтузіазмъ, произведенный идеями свободы, изъ него бѣшеный и кровожадный республиканскій терроризмъ, потомъ пошлый развратъ директоріи, могущество, единовластіе и военный деспотизмъ Наполеона, бу-

Библиотека "Руниверс"

мажная конституція Людовика XVIII-го, неискренній коституціализмъ Карла X-го, который не возстановилъ монархіи, а только дразнилъ оппозицію и, наконецъ, произвелъ народное самодержавіе, взбросившее однимъ пинкомъ Людовика-Филиппа на тронъ, а другимъ пинкомъ сбившее его съ трона, чтобы посадить на обломки этого трона національное собраніе, вызванное изъ болота *неограниченныхъ выборовъ* (vote universel), изъ котораго въ тоже время выскочило и чудовище коммунизма. Вотъ всѣ инстанціи Французской революціи, которой послѣднею инстанціею будетъ разрушеніе общества. Эту-то революцію, жеваную и пережеваную въ продолженіе 60-ти лѣтъ, выплюнула Франція на Германію. И это уже не революція 1789 года, когда всѣхъ обуялъ сильный и самъ по себѣ благородный энтузіазмъ; это революція во всемъ ея отвратительномъ развитіи, революція, которой ужаснулись бы въ 1789 году, которая всѣмъ ненавистна въ 1850 году, которая могла произойти только потому, что она есть необходимое послѣдствіе всего предыдущаго, послѣднее кольцо длинной, неразрывной цѣпи. И нужно было пройти 60-ти годамъ, чтобы, наконецъ, изъ этихъ колецъ составилась та цѣпь, которая теперь опутала и давитъ Францію. И эта-то послѣдняя революція, безъ энтузіазма, съ разувѣреніемъ, съ однимъ своекорыстнымъ развратомъ не реформаторовъ, ищущихъ чего-то лучшаго, а анархистовъ, которые въ общей бѣдѣ ищутъ только собственнаго блага, безъ вѣры въ равенство и братство, которыя потеряли свой прежній смыслъ или, правильнѣе сказать, выразили во всей наготѣ свою безсмыслицу, досталась совсѣмъ *готовая* Германіи, которой уже не нужно 60 лѣтъ для разочарованія; ибо очарованія не было, а было просто обезьянство, были однѣ подражательныя метафизическія фразы, которыми пытались гальванически произвести тоже вдохновеніе, которое нѣкогда произведено было кипучимъ краснорѣчіемъ Мирабо и братіи. И уже менѣе нежели въ два года вдохновительныя слова тогдашняго времени, перешедшія въ теперешнее изношенными и обвѣтшалыми, потеряли всю свою силу. Теперь никто уже не вѣритъ революціи: она сбита съ ногъ, но сбита съ ногъ только потому, что ея ноги слабы, а не потому, чтобы ее побѣдили мужествомъ и благоразуміемъ. Я возвращаюсь къ своему слову: *надобно радоваться*, что все недавно случившееся *было*; никакая сила правительствъ, никакія учрежденія, никакія доказательства словесныя и письменныя не обнаружили бы такъ очевидно всего безумства народнаго самодержавія, всеобщихъ выборовъ, неограниченной свободы тисненія, права народныхъ собраній, клубовъ, гражданской гвардіи и прочихъ такъ называемыхъ благопріобрѣтеній (Errun-

Библиотека "Руниверс"

genschaften), какъ именно сами эти пріобрѣтенія, обратившія въ гибельный *опытъ* безумныя *теоріи*, казавшіяся до опыта благотворными. Еслибы *сила* отвратила *событіе* и съ нимъ убѣдительный опытъ, осталось бы *всеобщее убѣжденіе*, что положена насильственно преграда. Теперь самъ опытъ (удовлетворивъ, благодаря революціи, всѣмъ анархическимъ требованіямъ) доказалъ нелѣпость и вредность революціонныхъ пріобрѣтеній. И послѣдствія могутъ быть таковы (если только поймутъ указанія опыта), что изъ всеобщаго зла выйдетъ само собою таящееся въ немъ благо. То, чтó случилось, можно назвать сыпью, выгоняющею наружу болѣзнь изъ одержимаго ею тѣла; не вгоняйте сыпи во внутрь, съ нею вгóните и болѣзнь и произведете смерть. Не отрицайте того, чтò было, но овладѣйте имъ для возстановленія и спасенія. Пруссія, кажется мнѣ, поняла то, чтó надлежитъ дѣлать: она прокладываетъ дорогу *благу*, не *мѣшая* революціи сдѣлаться самоубійцею, напротивъ способствуя всѣми силами этому самоубійству. Она видитъ сыпь и даетъ ей созрѣть и помогаетъ этому созрѣнію искусственными средствами, чтобы уничтожить болѣзнь и произвести радикальное выздоровленіе. Ея противники видятъ также сыпь, но они только о томъ заботятся, чтобы прогнать ее (то есть опять вогнать во внутрь тѣла), дабы тѣло *казалось чистымъ*, а чтò будетъ послѣ, о томъ не помышляютъ. Это *послѣ* будетъ новая революція, будетъ коммунизмъ. Единство Германіи въ смыслѣ Пруссіи есть гробъ революціи, возстановленіе монархіи, постепенное уничтоженіе представительнаго правительства въ его теперешнемъ смыслѣ, огражденіе самобытности всѣхъ державъ Германскихъ большихъ и малыхъ, единство Германіи, скажу болѣе, есть твердый миръ всей Европы. Германія, *сильный центръ Европы*, по своему федеративному характеру, не можетъ разливаться завоевательно на внѣшность; потому же самому она не будетъ доступна и завоевателямъ извнѣ, которые и между собою не будутъ имѣть возможности заводить войну, ибо не будетъ для нихъ поля сраженія, которымъ всегда была раздѣленная на части Германія. Бéрегъ! Берéгъ!

Жуковскій.

14 (26) Іюня 1850. Баденъ.

Библиотека "Руниверс"

8.

Третьяго дня было отправлено мною письмо къ Вашему Императорскому Высочеству, а нынче пишу опять. Причина, меня къ тому побуждающая, кажется мнѣ указаніемъ Промысла, и мнѣ кажется, что я необходимо долженъ воспользоваться этимъ указаніемъ. Вчера, тоесть ровно за двадцать пять дней до назначеннаго мною отсюда выѣзда, слѣдственно за столько времени, что могу успѣть къ Вашему Высочеству написать и получить отвѣтъ Вашъ, я услышалъ слѣдующее: «25-тилѣтіе царствованія благословеннаго Императора будетъ праздновано и въ Петербургѣ Ноября 20-го 1850-го, въ день восшествія на престолъ, и въ Москвѣ Августа 22-го 1851-го, въ день коронаціи». Спѣшу предложить мой вопросъ Вашему Императорскому Высочеству: правда ли это? Если правда, благоволите обратить на слѣдующее Ваше вниманіе съ тѣмъ милостивымъ участіемъ, какое Вы мнѣ такъ постоянно, такъ неизмѣнно оказываете и, разсмотрѣвъ то, о чемъ я пишу къ Вамъ, дать мнѣ скорый отвѣтъ и Вашъ совѣтъ, которому, какое-бы ни было Ваше мнѣніе, безусловно послѣдую.

У меня, какъ я писалъ, все готово къ отъѣзду въ Россію. Главное однако, что меня болѣе всего рѣшило *теперь* возвратиться, есть праздникъ 25-тилѣтія царствованія Государя Императора; не быть на этомъ праздникѣ было бы для меня незамѣнимою утратою. Безъ этой для меня столь важной причины я бы непремѣнно еще на зиму остался въ Баденѣ или гдѣ-нибудь въ Бернскомъ кантонѣ Швейцаріи, гдѣ теперь все уладилось; а для чего бы остался, благоволите обратить вниманіе на слѣдующее: 1-е здоровье жены поправилось, но она еще далека отъ исцѣленія; пробыть ей еще зиму въ здѣшнемъ климатѣ и будущею весною повторить курсъ лѣченія было бы спасительно. Теперь же я долженъ буду возвратиться въ Россію съ печальною перспективою, что, можетъ быть, черезъ годъ или черезъ два надобно будетъ опять подыматься всѣмъ домомъ для новаго путешествія. 2-е и самому мнѣ было бы полезно остаться на зиму въ умѣренномъ климатѣ. Вотъ моя исторія. Еще въ 1847 началась было у меня болѣзнь, которая ни болѣе, ни менѣе какъ водяная въ груди; тогда Коппъ во время принялъ меня въ руки, и все прошло. Я былъ здоровъ до нашей поѣздки въ Швейцарію; тамъ я себѣ повредилъ, надсадивъ грудь тѣмъ, что съ своими 66-ю годами на плечахъ взлѣзъ вкруть на гору, на которую за 30 лѣтъ передъ тѣмъ было для меня совсѣмъ нетрудно вскарабкаться. Возвратясь въ Баденъ, я почувствовалъ слѣды этого разстройства; Гугертъ мнѣ помогъ, и поѣздка въ Варшаву была мнѣ

Библиотека "Руниверс"

въ прокъ; но возвращеніе оттуда въ самую мерзкую погоду мнѣ повредило и такъ, что Гугертъ началъ бояться того же, чего боялся Коппъ въ 1847—водяной въ легкихъ. Теперь (продолживъ во всю зиму пользованье) беру ванны, пью Францбрунскую воду и чувствую себя совсѣмъ оправившимся. Но мнѣ нужна большая осторожность, и меня, признаюсь, нѣсколько пугаетъ быстрый переломъ дѣсятилѣтней тихой домашней жизни на подвижную жизнь въ Петербургскомъ свѣтѣ нынѣшнею зимою. Въ мои лѣта надобно давать тѣлесной машинѣ время *укрѣпиться* послѣ ея разстройства; этотъ процессъ въ ней происходитъ медленно, процессъ же разстройства скачетъ галопомъ. Наконецъ, 3-е оставшись здѣсь, я бы сберегъ безъ всякаго перерыва всю осень, зиму и весну на окончаніе нѣкоторыхъ работъ, которыя начаты, которыя однако со времени возвращенія изъ Варшавы шли шагомъ черепахи и которыя *надолго* будутъ *остановлены* путешествіемъ и первымъ временемъ возвращенія въ Россію, когда мнѣ надобно будетъ всѣмъ домашнимъ бытомъ заводиться.

А какія мои работы? спросите Вы. 1-е. Я началъ переводить *Иліаду*. Правда, переведено не болѣе 300 стиховъ изъ первой и второй пѣсни; но если я могъ, живучи въ Баденѣ безъ всякаго разсѣянія, въ совершенномъ уединеніи, менѣе нежели во сто дней перевести XII пѣсней Одиссеи, которая труднѣе для перевода нежели Иліада, то въ шесть мѣсяцевъ, если Господь сохранитъ отъ бѣды и болѣзни, переведу *всю Иліаду*. Для этого нужна только спокойная, неразсѣянная жизнь. Прошу Ваше Высочество никому, совершенно никому, не говорить объ этомъ предпріятіи, ибо оно можетъ легко и не удасться. Но меня радуетъ мысль оставить твердый памятникъ моей поэтической жизни, даровавъ моему отечеству всего Гомера такимъ, каковъ онъ есть. Это мнѣ удалось въ Одиссеѣ (не назовите этого чванствомъ). Нѣтъ! Нѣмцы, знатоки Русскаго и Греческаго языка, говорятъ мнѣ и печатаютъ, что мой переводъ лучше Фоссова, а Фоссовъ лучшій изъ всѣхъ извѣстныхъ переводовъ Гомера. Это меня тянетъ къ переводу Иліады. Все мое прочее забудется. Но если мой переводъ Гомера, если Гомеръ получитъ черезъ меня на Руси ту привлекательность, благодаря которой онъ живетъ уже три тысячи лѣтъ въ памяти людей, то вмѣстѣ съ нимъ и я останусь живъ на долгія времена въ памяти моей Россіи. Только ненадобно откладывать: мнѣ 67-й годъ; въ лампадѣ жизни есть еще масло, и она еще горитъ безъ дыму и смрада; но свѣжаго масла уже въ нее не подливается; надобно дорожить остающимся.—2-е. *Другой* мой трудъ (также начатой и лежащій у меня на сердцѣ) принадлежитъ Вамъ и Вашимъ дѣтямъ: это курсъ всемірной исторіи по моей методѣ, и историческій атласъ, который я выдамъ съ

Библиотека "Руниверс"

указаніемъ, какъ употреблять его въ преподаваніи. Многіе изъ знающихъ дѣло, которымъ я показывалъ начало моей работы, ее весьма одобряютъ; я самъ совершенно увѣренъ въ практической дѣльности моей методы. Для исполненія нужно имѣть досугъ и помощниковъ (я не разъ вздохнулъ здѣсь о моемъ почтенномъ другѣ Плетневѣ). 3-е. *Третій* трудъ, о которомъ не говорю, ибо онъ еще только одна идея, будетъ моею лебединою пѣснію, если Богу угодно, чтобы я его исполнилъ. Есть и *четвертый* трудъ, объ немъ также ни слова; онъ будетъ главнымъ содержаніемъ остающейся мнѣ жизни.

Здѣсь исчислено все главное, побуждающее меня желать остаться нынѣшнюю зиму за границею въ какомъ-нибудь углу, огороженномъ отъ демона анархіи. Въ Баденѣ подъ щитомъ Пруссіи пока тихо. Простите, что вхожу въ такія подробности: я отъ Васъ далеко; боюсь вредныхъ мнѣ толкованій; хочу, чтобы для Васъ и черезъ Васъ для всемилостивѣйшаго Государя Императора все было ясно.

Итакъ, въ заключеніе, благоволите милостиво дать мнѣ добрый совѣтъ: что̀ дѣлать? Если подлинно будетъ въ Москвѣ *второй* праздникъ царской коронаціи въ Августѣ 1851-го, то я могу отложить мое возвращеніе въ Россію до начала Іюня 1851-го, ибо имѣю высочайшее позволеніе жить за границею безсрочно. Если, напротивъ, будетъ только *одинъ* въ нынѣшнемъ Ноябрѣ праздникъ двадцатипятилѣтія по вступленіи на престолъ, то я поѣду въ нынѣшнемъ Іюлѣ. У меня все готово къ отъѣзду. Вашъ отвѣтъ рѣшитъ. Благоволите только объяснить Его Императорскому Величеству то, что̀ здѣсь мною представлено на Ваше благоусмотрѣніе.

16 (28) Іюня 1850 г.
Баденъ-Баденъ

9.

Пишу въ самый день рожденія Государя Императора и мысленно приношу Вашему Императорскому Высочеству усерднѣйшее мое поздравленіе. Сохрани намъ его Богъ еще на многіе годы! Мой тостъ заздравный будетъ за него: многія лѣта Царю и благодарность ему отъ всѣхъ Русскихъ за то величіе, въ какомъ онъ стоитъ посреди всѣхъ государей Европы, на радость своему народу и на славу въ потомствѣ.

Это письмо будетъ вручено Вашему Высочеству Рейфомъ, который имѣетъ счастіе быть лично Вамъ извѣстенъ; представляю Вамъ въ немъ крестнаго отца моей Одиссеи, можетъ быть и моей Иліады

Библиотека "Руниверс"

(смотря по тому, какой будетъ отъ Васъ отвѣтъ на послѣднее письмо мое). Если Вамъ будетъ угодно его распросить обо мнѣ, то онъ дастъ Вашему Высочеству самыя офиціальныя обо мнѣ извѣстія. Я жду весьма спокойно Вашего рѣшительнаго отвѣта; онъ будетъ во всякомъ случаѣ мнѣ пріятный. Если Вы скажете: *пріѣзжай!* обрадуюсь, ибо возвращусь на родину и къ Вамъ; если скажете: *оставайся*! также обрадуюсь; у меня будетъ девять мѣсяцевъ спокойныхъ, неразсѣянныхъ для работы. Многое могу кончить, если Богъ дастъ здоровья и сохранитъ отъ бѣдъ.

На длинное мое письмо о Радовицѣ отъ Вашего Высочества нѣтъ отвѣта; я его и не жду и даже не думаю, чтобы Вы имѣли время прочитать мое писаніе (которое теперь уже имѣете и печатное): Вы загромождены государственными работами. Подкрѣпи Васъ Богъ и помоги Вамъ извлечь изъ теперешнихъ трудовъ Вашихъ свѣтъ опыта и правилъ на всю Вашу жизнь. Сердце мое согрѣвается и прыгаетъ отъ радости, когда я слушаю, какъ всѣ наши Русскіе говорятъ объ Васъ, о чистотѣ и надежности Вашего характера, о Вашей кроткой твердости, о Вашей благоговѣйной привязанности къ Государю и о его нѣжной къ Вамъ любви... Все это залогъ благоденствія Вашего и нашего.

Послѣ того, какъ я послалъ мою печатную брошюру о Радовицѣ къ Вашему Высочеству, мнѣ пришло въ голову, что Вы можете, наконецъ, на меня и разсердиться за мою докучливость и за мое упорство противорѣчить Вашему мнѣнію. Подумавъ однако, я успокоился, и напротивъ увѣрился, что пріобрѣту большее право на Ваше уваженіе, тѣмъ большее, что, позволяя себѣ искренно выражать мнѣніе несогласное съ мнѣніемъ Государя и Вашимъ, я тѣмъ только доказываю мою довѣренность къ великодушному правдолюбію Его Величества и къ Вашей доступности всему чистому, человѣческому. Какая моя цѣль? Сказать *мою* правду о Радовицѣ, на котораго неимовѣрно нападаетъ вся печатная шайка партій; сказать только для того, чтобы *сказать*, чтобы угодить самому себѣ безъ всякихъ постороннихъ видовъ, ни политическихъ, ни другихъ, а просто для нѣкоторыхъ избранныхъ душъ, которыя умѣютъ постигать все высокое и благоговѣютъ передъ всѣмъ, что̀ свято и чисто и между которыми мой Царь и Вы стоите на одномъ изъ самыхъ первыхъ мѣстъ. Это письмо написано собственно для Васъ. Въ политической части письма я хотѣлъ сжать въ немногихъ страницахъ все что̀ теперь составляетъ политику Пруссіи и что̀ мною извлечено изъ словъ самого Радовица, хотя выражено моими. Въ этихъ моихъ словахъ по крайней мѣрѣ Вы его найдете такимъ, каковъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ, безъ всякой arrière-

Библиотека "Руниверс"

pensée. Взглянувъ на число, выставленное въ моей брошюрѣ, Вы увидите, что она уже устарѣла. Хотя происшествія перемѣнили походку и идутъ теперь шагами черепахи, но многое уже перемѣнилось, и на театрѣ политики и въ судьбѣ Радовица: этотъ бѣдный потерялъ младенца-дочь, которая родилась посреди бурь революціи, была ему утѣхою несказанною и вдругъ исчезла, какъ падучая звѣздочка. Когда эта дочка умирала въ Эрфуртѣ, отецъ былъ прикованъ въ Берлинѣ, къ Данаидиной бочкѣ политическихъ безотрадныхъ работъ. Когда онъ на минуту съѣздилъ въ Эрфуртъ, чтобъ похоронить умершую и потомъ опять возвратился къ безплодной работѣ своей въ Берлинъ, занемогла смертельно его жена; но, чувствуя смерть, она написала къ нему: «*не пріѣзжай, пока всего не кончишь; что̀ бы ни было, оставайся на своемъ мѣстѣ, а меня оставь на моемъ*». Богъ спасъ ее чудомъ. Когда я послалъ ему свою печатную брошюру, онъ отвѣчалъ мнѣ: «*То, что̀ ты написалъ, не перемѣнитъ общаго мнѣнія. Я благодарю тебя только за то, что подобное обо мнѣ свидѣтельство останется въ рукахъ сыновей моихъ*». Теперешняя политическая его дѣятельность ему не на радость: онъ льетъ воду въ Данаидину бочку.

Можно теперь спросить: чего можетъ Пруссія ожидать отъ своего союза, который таетъ и скоро растаетъ въ ничто? Вѣроятно и въ самой Пруссіи никто не надѣется, чтобы союзъ состоялся. Онъ былъ въ началѣ, въ тогдашнихъ данныхъ обстоятельствахъ предложенъ какъ лучшее средство устроить разстроенную Германію. Пиръ былъ приготовленъ, званые гости не всѣ пожаловали, и изъ собравшихся за столомъ многіе въ самомъ началѣ обѣда встали и ушли, не поблагодаривъ, а разбранивъ угостителя. Вопросъ: можетъ ли Пруссія сойти съ избраннаго ею пути (на который многіе вмѣстѣ съ нею вступили) только потому, что этого требуетъ Австрія, сойти, когда всѣ другіе, указываемые ей пути, не ведутъ никуда, когда Австрія для себя выражаетъ однѣ свои претензіи, а для другихъ ничего ясно выразить не можетъ, никакого возможнаго соглашенія не представляетъ, а хочетъ, напротивъ, невозможнаго, то-есть вступленія въ Германскій Союзъ со всѣми 27-ю милліонами не-Германскихъ своихъ подданныхъ? Что̀ же изъ этого, наконецъ, выдетъ? То, что возобновится *прежній Германскій Союзъ*, но только на прочнѣйшихъ основаніяхъ, и этимъ Германія будетъ обязана Пруссіи, которая, своею твердостію не покидать избраннаго ею пути, принудитъ своихъ противниковъ дать болѣе безкорыстное направленіе общему дѣлу, и изъ этого процесса выйдетъ Германія болѣе сильная, болѣе соединенная, нежели какою бы она вышла изъ Австрійской химической реторты съ примѣсью всякой всячины отъ Баваріи, Виртемберга и пр., которые ни-

Библиотека "Руниверс"

чего такъ не желаютъ какъ истолочь въ своей иготи мелкія династіи, спасенныя честностію Пруссіи, обвиняемой въ замыслахъ грабительства. Было бы великое счастіе для Германіи, когда бы въ оные дни, когда королю Фридриху Вильгельму IV поднесли императорскую корону, на-скоро выкроенную изъ золотой бумаги, во Франкфуртѣ, мѣсяца на три (не болѣе) влѣзъ въ него его покойный дѣдушка Фридрихъ II: онъ бы разомъ изъ бумажнаго золота короны сдѣлалъ бы желѣзное золото диктаторства. Тогда (если бы дѣдушка, кончивъ дѣло свое, обратно вылѣзъ изъ внука и оставилъ его на утвержденномъ имъ тронѣ), внукъ, на умиленіе своего времени и благодарность всѣхъ временъ, воцарилъ бы съ собою чистую правду, и Германія узнала бы его такимъ, каковъ онъ подлинно есть. Но внукъ не имѣетъ силы своего дѣда; онъ неспособенъ для достиженія цѣли великой употреблять средства неправды; онъ потому и не будетъ имѣть въ настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ успѣха; онъ долженъ сказать о себѣ, какъ Шекспировъ Гамлетъ: Die Welt ist aus den Fugen gesprungen. Weh mir, dass ich sie zu ordnen berufen bin *)! Но онъ правъ! Успѣха нѣтъ, когда онъ достигнутъ неправдою; какъ бы ни блистателенъ былъ его призракъ въ настоящемъ, будущее все обратитъ его въ ложь.

Для меня всѣ эти дипломатическіе толки и сплетни, всѣ эти важныя умствованія политическихъ зодчихъ о томъ, какъ бы урвать тотъ или другой клочекъ настоящей, мгновенной, такъ называемой *практической выгоды* смѣшны и отвратительны. Во всѣхъ этихъ многомудрыхъ толкахъ одно забыто: святая Божія правда, истинное прочное благо, основанное на любви христіанской, на самоотверженіи, на безкорыстномъ признаніи своего и чужаго права, вѣра въ добро и тому подобное; все это признано романическимъ, сентиментальнымъ соромъ и выметено изъ палаты дипломатическихъ совѣщаній помеломъ опытнаго ума государственнаго, для котораго только то имѣетъ существенность, что̀ можетъ быть ощупано рукою. Не такова должна быть политика въ наше време; не лордъ Пальмерстонъ съ братіею должны быть ея проповѣдниками; она вышла изъ тѣсныхъ границъ личной эгоистической пользы; широкое поприще ея дѣйствій должно быть общее всемірное благо. Никто лучше нашего великаго Царя и благодушнаго короля Прусскаго этого не знаетъ; но и тотъ и другой это знаютъ каждый *на своемъ мѣстѣ*, у каждаго *свой* горизонтъ; но небо надъ

*) Міръ выскочилъ изъ своей колеи. Горе мнѣ, что я призванъ привести его въ порядокъ.

Библиотека "Руниверс"

обоими одно. Прусская политика, имѣющая въ виду устроеніе сильнаго единства Германіи, должна быть особенно (если не ошибаюсь) соотвѣтственна выгодамъ Россіи. Устройся это единство, тогда Россія, по своему географическому положенію, ограждена отъ всѣхъ завоевательныхъ замысловъ Запада; ибо Германія *цѣлая*, но составленная изъ *разнородныхъ* частей, именно потому и не можетъ быть *завоевательнымъ* государствомъ: она будетъ только сильна для *отраженія* внѣшняго и внутренняго врага, она будетъ сильнымъ всесвязующимъ центромъ всего Европейскаго міра. Конечно, при сильномъ единствѣ Германіи, Россія не можетъ имѣть успѣха въ своихъ завоевательныхъ замыслахъ на Германію. Но Россія не можетъ имѣть такого рода замысловъ; она достигла той высоты, на которой ей всякое новое пріобрѣтеніе должно казаться презрительнымъ. За то она будетъ и отъ всякаго столкновенія съ Западомъ на всѣ времена избавлена; ибо Германія, сильная своимъ единствомъ, не будетъ уже, какъ была, всегдашнимъ полемъ сраженія для своихъ враждующихъ сосѣдовъ. Однимъ словомъ, единство Германіи кажется мнѣ особенно желаннымъ для Россіи. И въ этомъ отношеніи, если уже (какъ по всему видно) это единство по Прусскому плану не устроится, надобно желать, чтобы Пруссія до самаго нельзя осталась на избранной ею дорогѣ, дабы затормозить заносчивыя претензіи Австріи, которая ищетъ не общей пользы, а своего отдѣльнаго могущества, которое для насъ по сосѣдству менѣе выгодно, нежели могущество *всей* Германіи *совокупно*. Непосредственное протекторство Россіи въ Германіи (о коемъ начинаютъ воспѣвать снова журналы) не должно быть предметомъ ея исканія; Россія по своему положенію есть уже естественный протекторъ не одной Германіи, но и всей Европы, протекторъ по одному своему могучему *бытію*, безъ всякой необходимости вмѣшиваться въ домашнія сплетни государствъ, протекторъ въ такія только минуты, когда надобно на вѣсахъ *общаго* дѣла положить свой вѣсъ въ чашу правды, дабы на сторону зла не сдѣлалось перевѣса. Наша сила, наше величіе, наше внутреннее благоденствіе и въ нихъ самое наше вліяніе на внѣшнее, находится на высотѣ Кремля, посреди нашего Русскаго народа, который ждетъ своихъ всѣхъ благъ отъ христіанскаго самодержавія. Единство Германіи, обезпечивъ Россію отъ Европы, дастъ этому благому самодержавію всю нужную ему свободу и весь необходимый ему досугъ для совершенія его великой миссіи, для досозданія этого чуднаго особеннаго міра, котораго имя, съ благоговѣніемъ произносимое въ сердцѣ моемъ, есть *Россія*.

Но basta! Если я дамъ себѣ волю говорить объ этомъ предметѣ, то письмо мое никогда не допишется.

25 Іюня (7 Іюля) 1850. Баденъ-Баденъ.

Библиотека "Руниверс"

10.

Наконецъ, письмо Вашего Императорскаго Высочества въ рукахъ моихъ! Не могу сказать Вамъ, какъ оно меня обрадовало и тронуло. По своей привычкѣ, долго не получая отъ Васъ отвѣта на вопросъ, требовавшій отвѣта немедленнаго, я принялся крѣпко тревожиться, и мнѣ пришло въ голову, что я, надоѣвъ Вамъ своими длинными письмами о предметѣ для Васъ непріятномъ, наконецъ навлекъ на себя Ваше неудовольствіе своимъ упорствомъ, во мнѣніи Вашему несоотвѣтственномъ. Виноватъ: такого неудовольствія и особенно на меня Вы имѣть неспособны; передъ Вами и сердце, и мысли мои всегда будутъ на-голо, и этимъ я только могу передъ Вами выиграть. Но чего не придумаешь въ отдаленіи? Отдаленіе великій и зловредный мистификаторъ: оно пугаетъ воображеніе чудовищами, особливо когда сердце любитъ. Но Ваше милое и милостивое письмо было для моего любящаго Васъ сердца тоже, что первый лучъ разсвѣта для больнаго, который всю ночь провалялся въ безсонницѣ на постелѣ. Теперь на душѣ спокойно и весело, хотя къ несчастію я долженъ Вамъ объявить, что всѣмъ моимъ сборамъ и надеждамъ возвратиться въ Россію нынѣшнимъ годомъ надлежитъ снова обратиться въ ничто: я еще прежде полученія Вашего письма долженъ былъ рѣшиться на эту жертву. Его (то есть Вашего письма) замедленіе было для меня тревожно только относительно къ тому, что я не зналъ, какъ Вы расположены ко мнѣ. Благодаря Бога, эта тревога для меня теперь не существуетъ. И я бы давно извѣстилъ о моихъ обстоятельствахъ Ваше Высочество, еслибы имѣлъ въ рукахъ письменное свидѣтельство Гугерта, которымъ хотѣлъ объяснить и подкрѣпить передъ Вами тѣ поводы, которые произвели теперешнее мое намѣреніе (хотя впрочемъ это по Вашей ко мнѣ довѣренности и не нужно; но les points sur les i ничему не мѣшаютъ). Наконецъ, Гугертъ рѣшился дать мнѣ это свидѣтельство, которое здѣсь прилагаю въ оригиналѣ и изъ котораго Вы ясно увидите, въ чемъ дѣло. Гугертъ утвердительно говоритъ, что исцѣленіе моей жены будетъ *полное*, если она продолжитъ свое лѣченіе и осенью до самаго нельзя (и дѣйствительно дѣло идетъ лучше). Столь же утвердительно говоритъ онъ и обо мнѣ. Я теперь не боленъ; но во мнѣ осталось расположеніе къ болѣзни, которая два раза уже начиналась и которой возвращеніе можетъ быть для меня весьма опасно, благодаря моимъ 67 годамъ; почему мнѣ и необходимо провесть слѣдующую зиму на покоѣ, въ умѣренномъ климатѣ, наблюдая большую осторожность. Такимъ образомъ съ горемъ

Библиотека "Руниверс"

сердца прощаюсь съ Вами до будущаго Мая. Если милость Божія сохранитъ меня отъ болѣзни, то надѣюсь довольно поработать; а какія могутъ быть мои работы, о томъ я также писалъ къ Вамъ. Прошу Васъ опять не говорить никому о моемъ поползновеніи на Иліаду: предпріятіе слишкомъ огромное въ 67 лѣтъ. Помогите мнѣ Вашею молитвою передъ Богомъ и будьте милостивымъ за меня предстателемъ передъ Государемъ, моимъ высокимъ благотворителемъ. Въ Вашемъ совѣтѣ *возвратиться* вижу Ваше драгоцѣнное ко мнѣ благоволеніе, и сердце мое отозвалось на этотъ совѣтъ всѣми своими чувствами; но конечно Вы примите мою *невозможность* послѣдовать этому совѣту въ *моемъ* смыслѣ: она есть для меня горестная необходимость, совершенно противная моему желанію. Если время Вамъ дозволитъ, утѣшьте мою душу двумя строчками отвѣта; впрочемъ я уже не буду тревожиться и Вашимъ молчаніемъ: сердце Ваше неизмѣнно, и я ему вѣрю вполнѣ.

11.

Вотъ уже цѣлый годъ умчался съ тѣхъ поръ, какъ въ этотъ самый день, простясь съ Вашимъ Высочествомъ наканунѣ, я молился за Васъ въ Русскомъ соборѣ въ Варшавѣ. Невѣроятно скоро летитъ время. Гдѣ-то найдетъ Васъ письмо мое? Примите мое сердечное поздравленіе и вмѣстѣ съ нимъ повтореніе благодарности за тѣ незабвенныя моему сердцу минуты, которыми Вы наградили меня во время пребыванія моего въ Варшавѣ и за всѣ знаки драгоцѣнной Вашей милости, кото́рые Вы оказали мнѣ, такъ несказанно облагодѣтельствовавъ моего шурина и такъ порадовавъ рыцарское сердце отца его. Воспоминаніе объ Васъ есть утѣшительный свѣтъ, проникающій всю мою жизнь. Вы принадлежите самымъ дѣятельнымъ днямъ моего прошедшаго; Вы даете покой моему настоящему, и Вамъ же ввѣрено заранѣе мое будущее въ судьбѣ дѣтей моихъ. Не сѣтуйте на меня, что я еще на зиму остался въ Баденѣ: видите сами теперь, что это къ лучшему. Что́ бы я теперь дѣлалъ въ Петербургѣ? Васъ тамъ нѣтъ; Государыня Императрица уѣзжаетъ скоро въ Варшаву. Всѣ бы эти первые мѣсяцы были для меня разбиты въ дребезги, и я бы не могъ ни за что̀ приняться. А работы много; времени же остается мало: шестьдесятъ семь лѣтъ, скоро стукнетъ шестьдесятъ восемь; это, можетъ, будетъ первый звонокъ, по которому отворятся двери, чтобы отправляющійся въ путь осмотрѣлся вокругъ себя, собралъ свой дорожный скарбъ и съ своимъ мѣшкомъ отправился садиться въ вагонъ. Успѣю ли я собрать свой скарбъ, не знаю; но буду стараться со-

Библиотека "Руниверс"

брать что могу. На это воля Божія. Теперь все мое вниманіе обращено на моихъ дѣтей, на то единственно, чтобы указать имъ настоящую дорогу жизни и приготовить ихъ идти по этой дорогѣ, на которой уже самъ я не буду имъ товарищемъ. Я уже началъ учить свою дочь по своей методѣ *по-русски* и *счету*, и скоро начнется мой систематическій курсъ. Для всего этого долженъ я самъ приготовлять матеріалы; а глаза, руки и ноги служатъ плохо; свѣжа еще голова и живо желаніе. Жена разсказываетъ дочери священную исторію. Павелъ Васильевичъ еще шалберитъ на свободѣ; но въ немъ оказывается желаніе учиться, которому я однако удовлетворять не спѣшу: послѣ пойдетъ лучше и успѣшнѣе. Не могу Вамъ сказать, сколько прелести въ этомъ занятіи, въ этомъ короткомъ, безпрестанно увеличивающемся и стѣсняющемъ узелъ любви знакомствѣ съ душею дѣтей. Приготовительное воспитаніе должно принадлежать родителямъ; но это рѣдко бываетъ возможно. Мнѣ Богъ даровалъ эту возможность; могу вполнѣ, безъ всякой разсѣянности, посвятить всю мою дѣятельность этому святому, блаженному дѣлу. Само по себѣ оно блаженное, но оно и самое значительное для собственной моей жизни; оно есть самое лучшее приготовленіе къ переходу въ жизнь иную: самъ я уже лучшимъ не буду, могила возьметъ меня такимъ, каковъ я теперь только съ болѣе яснымъ знаніемъ моего недостоинства; по крайней мѣрѣ буду стремиться къ тому, чтобы заранѣе дать сердцу дѣтей тѣ благія привычки чувствовать и мыслить, которыя служатъ подпорою всей нашей жизни въ будущемъ, когда только присоединится къ нимъ вѣра въ Спасителя дѣятельная, всю нашу жизнь проникающая. Для произведенія этого въ дѣйствіе съ успѣхомъ я имѣю въ головѣ планъ, который недавно мнѣ представился, который весьма увеселяетъ мои мысли, который, если бы онъ исполнился, могъ бы принести и пользу отечеству. Когда обдумаю его лучше, представлю Вамъ на разсмотрѣніе.

Изъ всего сказаннаго выше Вы видите, что если Богъ позволитъ мнѣ еще нѣсколько времени пожить на Его свѣтѣ, я могу провести это время съ пользою для семейства, которая не останется безъ слѣдовъ и послѣ меня. Помилуй только Богъ меня отъ болѣзни и прекрати страданія моей бѣдной жены, которыя такъ много портятъ въ ходѣ семейной жизни, но конечно сами по себѣ должны быть смиренно признаваемы за благо; ибо та воля, которая ихъ посылаетъ, есть благая воля, и послѣдствія всегда доказываютъ, какая правда заключается въ терпѣніи нашего сердца.

Позвольте заключить это письмо просьбою. Прилагаю здѣсь письмо, полученное мною отъ нашего пріятеля Коппа. Осмидесяти-

Библиотека "Руниверс"

лѣтній или семидесяти пяти лѣтній старикъ еще имѣетъ, какъ видите, честолюбіе. И онъ стоитъ того, чтобы это честолюбіе было удовлетворено. Жизнь его есть неразрывная цѣпь благотворительной дѣятельности; онъ всегда былъ образецъ безкорыстія. Какъ медикъ, онъ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ не только въ Германіи, но и во всей Европѣ. Русскому Царю прилично быть чтителемъ прямаго достоинства не въ одномъ отечествѣ, но и въ цѣломъ свѣтѣ; это есть принадлежность той высокой роли, которую наша Россія играетъ между всѣми державами земными. Сдѣлайте ваше дѣло: почтите заслуженнаго благороднаго старца, а въ немъ порадуйте и меня, исходатайствовавъ ему отъ Государя знакъ отличія *по случаю его юбилея* (Владимира онъ имѣетъ; Анну на шею, и хорошо бы еслибы съ бриліантами). Прошу васъ объ этомъ убѣдительно. Юбилей празднуется 23-го Октября н. ст.; титулъ Коппа: Geheimer Medicinal-Rath Doctor Kopp. Онъ живетъ въ Ганау; но я былъ бы весьма обрадованъ, если бы мнѣ поручено было передать ему и дипломъ, и орденъ.

Августа 30 (Сентября 11) 1850.
Баденъ-Баденъ.

12.

21 Сентября 1850.

Прежде нежели я получилъ послѣднее милостивое письмо Вашего Императорскаго Высочества, наполнившее мою душу новымъ сладкимъ чувствомъ благодарности, я уже зналъ, что Государыня Императрица предпринимаетъ путешествіе въ Варшаву и уже рѣшился туда ѣхать и написалъ къ моему шурину Рейтерну, чтобы приготовилъ мнѣ квартиру и даже назначилъ день своего выѣзда изъ Бадена. И Гугертъ далъ мнѣ позволеніе на эту поѣздку. Но дня за три до назначеннаго мною срока для выѣзда произошла въ моемъ здоровьи перемѣна, которая заставила Гугерта произнести свое veto и потребовать рѣшительно, чтобы я остался. Не буду докучать Вашему Высочеству подробностями; въ двухъ словахъ скажу, что мой старый врагъ, который два раза въ прошлыя времена выгонялъ меня изъ Россіи, взгомозился и что мнѣ надобно сидѣть дома покойно, чтобы ему не дать надо мною воли, которая въ мои теперешнія лѣта можетъ быть губительна. И такъ съ сокрушеніемъ сердца я долженъ отказать себѣ въ счастіи увидѣть мою несравненную Императрицу, къ которой вся душа моя всѣми своими воспоминаніями неизмѣнно привязана. При мысли объ ней сердце согрѣвается. Въ моей къ ней привязанности есть что-то молодое, юношеское. Она была для меня всегда идеаломъ женской пре-

Библиотека "Руниверс"

лести. Я никогда не имѣю сновъ, никогда никого во снѣ не вижу, а ее одну вижу часто, и сонъ остается незабытымъ по пробужденіи, чего ни съ какими другими снами моими не бываетъ. Когда я и жена вспоминаемъ нашу съ нею встрѣчу въ Ниренбергѣ, душа наполняется несказанно-сладкимъ чувствомъ, котораго я не умѣю выразить словами: въ памяти объ этомъ миломъ, величественномъ присутствіи, объ этомъ добродушіи, тогда соединенномъ съ глубокою материнскою грустію, заключается для насъ сокровище сердца, котораго мы никогда, никогда не потеряемъ. Сожалѣніе о томъ, что я не могу быть въ Варшавѣ, уменьшается для меня тѣмъ, что (какъ пишетъ ко мнѣ мой шуринъ) Государыня будетъ жить въ двухъ часахъ ѣзды отъ Варшавы, въ Скерневицахъ. И такъ я бы долженъ былъ ежедневно употреблять четыре часа на желѣзную дорогу для минутнаго свиданія съ Государынею: это не по моимъ лѣтамъ. Но я однако все бы поѣхалъ, если бы Гугертъ не бросилъ на шею мою арканъ своего запрещенія. По крайней мѣрѣ утѣшаетъ меня та мысль, что я не даромъ проведу эту зиму въ Баденѣ (если буду самъ и мои будутъ здоровы и если опять не повѣетъ на насъ вихорь революціонный). О томъ, что̀ я дѣлаю теперь и какіе мои планы по пріѣздѣ въ Россію, буду писать къ Вашему Высочеству на досугѣ. Если позволитъ Богъ, то и послѣдніе годы моей жизни могутъ быть не безъ пользы для отечества.

Прошу Ваше Высочество въ добрую минуту сообщить содержаніе этого письма Государынѣ Императрицѣ; будьте передъ нею истолкователемъ моего сердца, привязаннаго къ ней всѣми своими чувствами; я смѣло полагаюсь на ея вѣрную душу и думаю, что ея милость ко мнѣ не измѣнилась и не измѣнится.

21 Сентября (8 Октября) 1850. Баденъ-Баденъ.

*

Прошу Васъ прочитать это со вниманіемъ:

Кончивъ мое письмо, я еще разъ перечиталъ Ваше съ тѣмъ же чувствомъ благодарности; но одно въ немъ выраженіе заставило меня грустно призадуматься. Выражая милостиво сожалѣніе Ваше, что я *не буду*, Вы говорите: меня крайне огорчило, что вы *перемѣнили* ваше благое намѣреніе *наконецъ* возвратиться во-свояси. Изъ этихъ словъ я долженъ заключить, что Вы думаете, что я *произвольно* откладываю свое возвращеніе въ отечество. Не могу допустить мысли, чтобы Вы полагали, что я говорю не то, что̀ есть. Когда же мои причины подлинно тѣ, какія мною представлены на Ваше разсмотрѣніе, то Ваше Высочество сами согласитесь, что я обязанъ остаться; тѣмъ болѣе,

Библиотека "Руниверс"

что я въ прошломъ году исполнилъ свой долгъ и имѣлъ счастіе представиться Государю Императору, отъ котораго получилъ милостивое разрѣшеніе остаться за границею столько, сколько этого потребуетъ болѣзнь жены моей. Если бы я не засталъ въ Варшавѣ Государя, я поѣхалъ бы въ Петербургъ. Подумайте, что я (уже не связанный никакою службою) теперь, на старости лѣтъ, отецъ семейства. Я долженъ быть тамъ, гдѣ оно, и въ кругу его я еще служу отечеству и Государю, заботясь о воспитаніи дѣтей моихъ. Сынъ мой будетъ добрымъ, вѣрнымъ Русскимъ; за это могу поручиться, если Богу угодно будетъ продолжить еще на десятокъ лѣтъ жизнь мою. Теперь моя главная забота состоитъ въ томъ, чтобы сохранить моимъ дѣтямъ ихъ отца и ихъ мать. Въ моей вѣрной любви къ моему Царю, къ его семейству и къ моему несравненному благодушному Цесаревичу не можетъ быть никакого сомнѣнія: въ шестьдесятъ семь лѣтъ нельзя перемѣниться, и я имѣю право на довѣренность, что и вблизи, и вдали, и на лицо, и заочно, я вполнѣ сохраню чувство Русскаго, которое въ тоже время есть и чувство личной благодарности. Я же, живучи за границею, не имѣю въ виду какихъ-нибудь наслажденій житейскихъ. Правда, меня окружаютъ теплый воздухъ Юга и прелестная природа, они радуютъ чувство и глаза; но я пользуюсь ими какъ *необходимымъ лекарствомъ*, живу же совершеннымъ отшельникомъ. Жена почти не видитъ общества. Кто ее встрѣчаетъ, тотъ не скажетъ, чтобы она была больна; но никто не видитъ того, что̀ дѣлается у меня дома. Меня утѣшаетъ мысль, что, если позволитъ Богъ въ эту зиму, благодаря совершенному моему уединенію, могу много наработать; а мнѣ откладывать своихъ работъ нельзя: шестьдесятъ семь лѣтъ. Голова еще свѣжа, но глаза начинаютъ худо служить: одинъ изъ нихъ въ чистой отставкѣ; да и слухъ, кажется, тупѣетъ. Что̀ если мнѣ назначено быть въ послѣдніе годы мои и глухимъ, и слѣпымъ? Я уже выдумалъ машину для письма въ случаѣ слѣпоты; теперь надобно подумать, какъ себѣ помочь, если къ слѣпотѣ пристанетъ глухота. Я не скажу, чтобы это меня ужасало. Воля Божія! Не знаю однако, что̀ буду, если бѣда подлинно наступитъ. Богъ поможетъ! И такъ, одинъ разъ навсегда: войдите вполнѣ въ мое положеніе и не изъясняйте его иначе какъ въ моемъ смыслѣ. Вашъ шестидесяти-семи-лѣтній Жуковскій имѣетъ право жить какъ велятъ ему его обстоятельства, не тревожа себя страхомъ, чтобы его дѣйствія могли быть изъяснены Государемъ и Вами невыгоднымъ для него образомъ. Будьте, какъ всегда были, моимъ добрымъ ангеломъ, моимъ земнымъ упованіемъ и въ настоящемъ, когда я еще здѣсь, и въ будущемъ моего семейства, когда меня не будетъ.

Библиотека "Руниверс"

АВТОБІОГРАФІЯ А. О. ДЮГАМЕЛЯ.

XII *).

Мы стояли на порогѣ того, печальной памяти, 1848 года, въ теченіе котораго революціонный духъ распространялся съ непреодолимою силою все далѣе и далѣе, расшатывая троны и внося смуту во всѣ международныя сношенія.

Толчокъ былъ, какъ всегда, данъ Франціей. Февральская революція, низвергнувшая съ престола Лудовика Филиппа и его династію, и установившая во Франціи республиканскую форму правленія, послужила прелюдіей для цѣлаго ряда политическихъ волненій, которыя потрясли Европу въ самыхъ ея основаніяхъ. Король Піемонта Карлъ Альбертъ, полагая, что настала благопріятная минута для изгнанія Австрійцевъ изъ Италіи, объявилъ Австріи войну и вторгнулся въ Ломбардію. Венгры, съ своей стороны, не замедлили потребовать удовлетворенія за старыя обиды и возстали противъ Габсбургскаго дома. Смуты самаго серьознаго характера вспыхнули въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Прагѣ, въ Дрезденѣ и въ другихъ мѣстахъ; а во Франкфуртѣ собрался Германскій парламентъ, который зашелъ такъ далеко, что вознамѣрился измѣнить внѣшній видъ Германіи и замѣнить Германскій Союзъ основанною въ центрѣ Европы и прочно-организованною конституціонною имперіей.

Среди всѣхъ этихъ потрясеній, одна Россія оставалась твердой и непоколебимой какъ утесъ, о который разбиваются яростно стремящіяся волны Океана. И народы, и цари устремили свои взоры на Россію, отъ которой ожидали своего спасенія. Отъ императора Николая стала зависѣть судьба народовъ, и онъ никогда еще не находился въ положеніи, болѣе достойномъ зависти. Именно въ ту пору онъ достигъ апогея своего могущества и своей славы, и какъ прискорбно подумать, что онъ не могъ удержаться на этой высотѣ!

Сначала шла рѣчь объ отправленіи меня въ Копенгагенъ чтобъ поздравить короля Фридриха VII отъ имени Императора съ восшествіемъ на престолъ; когда я готовился къ отъѣзду, приказано мнѣ состоять въ качествѣ военнаго агента при фельдмаршалѣ Радецкомъ, командовавшемъ Австрійскою арміей въ Ломбардіи. Но неблагопріятныя извѣстія, получавшіяся въ Петербургѣ одно вслѣдъ за

---

*) См. Р. Архивъ 1885, книга 1-я, стр. 179 и 489 и выше, стр. 82 и 222.

Библиотека "Руниверс"

другимъ изъ Дунайскихъ княжествъ, гдѣ духъ неповиновенія дѣлалъ быстрые успѣхи, заставили правительство отказаться отъ намѣренія отправить меня въ Италію, и я былъ окончательно командированъ въ Яссы и въ Бухарестъ, чтобъ предотвратить, если еще не было поздно, взрывъ революціоннаго движенія въ этомъ сопредѣльномъ съ нами краю.

Я выѣхалъ изъ Петербурга 1-го Апрѣля и, чтобъ скорѣе прибыть на мѣсто, ѣхалъ и ночью, и днемъ. Въ Яссахъ я видѣлся съ княземъ Стурдзой и хотя въ Молдавіи было замѣтно нѣкоторое броженіе умовъ, Стурдза держалъ бразды правленія твердою рукою, и не было основанія опасаться, что его увлекутъ.

Въ Бухарестѣ положеніе дѣлъ было гораздо болѣе натянуто. Князь Бибеско достигъ власти при помощи либераловъ и, изъ желанія пріобрѣсти популярность, ухудшилъ и ослабилъ свое положеніе. Достигнувъ званія господаря, онъ нашелся вынужденнымъ подавлять революціонныя стремленія при всякомъ ихъ проявленіи; нѣкоторыхъ строгихъ мѣръ, вызванныхъ обстоятельствами, было достаточно для того, чтобъ вся партія юной Валахіи отвергнулась отъ него и чтобъ ея вожди стали считать его за ренегата и измѣнника.

Г. Туманскій замѣнилъ Коцебу въ качествѣ консула въ Яссахъ, между тѣмъ какъ этотъ послѣдній замѣнилъ Дашкова въ качествѣ генеральнаго консула въ Бухарестѣ. Этотъ выборъ не былъ удаченъ. Карлъ Коцебу былъ по характеру интриганъ. Онъ не любилъ Бибеско уже потому, что своимъ возвышеніемъ Бибеско былъ обязанъ не ему, а Дашкову; и потому онъ охотно выслушивалъ всѣ сплетни, направленныя противъ господаря. Недовольные скоро убѣдились, что князь не могъ разсчитывать на искреннюю и энергическую поддержку со стороны Русскаго генеральнаго консула, а отъ этого усилились ихъ смѣлость и ихъ происки, съ цѣлію возбудить смуты. При этомъ и нравственность Коцебу не была чиста отъ упрековъ. Въ душѣ игрокъ, онъ проводилъ ночи за зеленымъ столомъ, и эта необузданная страсть была причиной, что онъ постоянно находился въ денежныхъ затрудненіяхъ, что̀ вредило его офиціальному положенію.

Понятно, что, при возбужденномъ состояніи умовъ, очень косо смотрѣли на прибытіе представителя самодержавнаго государя, желавшаго поддержать порядокъ и уваженіе къ законамъ. Меня стали осыпать оскорбленіями и въ стихахъ, и въ прозѣ; меня стали изображать въ карикатурахъ съ цѣлію сдѣлать и ненавистнымъ, и смѣшнымъ; меня, очевидно, желали вывести изъ терпѣнія и раздражить, но этого не достигли. Ко всѣмъ, какъ къ князю, такъ и къ боярамъ, я обращался въ сдержанныхъ выраженіяхъ и старался объяснить имъ, какую опасность навлекла бы на ихъ страну всякая

Библиотека "Руниверс"

революціонная попытка. Но къ моимъ предостереженіямъ относилась безъ вниманія вся молодежъ, обучившаяся въ Парижѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ и впитавшая въ себя демагогическія теоріи того времени. Между тѣмъ каждая почта приносила извѣстіе о какой-нибудь новой побѣдѣ, одержанной революціонерами надъ законными властями, о какомъ-нибудь новомъ паденіи трона, который съ трескомъ рушился при радостныхъ возгласахъ толпы. Недовольные собирались на совѣщанія у генеральныхъ консуловъ Французскаго и Англійскаго, и эти два консульства сдѣлались настоящими очагами мятежа.

Зачинщики, замышлявшіе ниспроверженіе установленнаго порядка вещей, приняли за правило льстить тѣмъ изъ приближенныхъ господаря, которые сочувствовали ихъ влеченіямъ, и дѣйствовали съ ними заодно, а между тѣмъ осыпали бранью правительство покровительствующей державы, которая, по ихъ словамъ, не имѣла иной цѣли, кромѣ ихъ порабощенія. Все что̀ было сдѣлано Россіей для обезпеченія за Дунайскими княжествами многочисленныхъ льготъ,—и кровь, которую мы проливали, и сокровища, которыя мы тратили—все считалось ни во что̀ въ ту минуту, когда всѣ молодыя головы были въ бреду и когда только безразсудства Французскихъ революціонеровъ казались достойными подражанія.

Вскорѣ послѣ моего прибытія въ Бухарестъ, фельдъегерь привезъ мнѣ извѣстіе, что отрядъ войскъ сосредоточивался въ Леово на Прутѣ подъ начальствомъ генерала Герштенцвейга, а на случай, если бы положеніе дѣлъ сдѣлалось серьознымъ и недопускающимъ отлагательства, мнѣ предоставлялось право пригласить генерала Герштенцвейга перейти Прутъ и приступить къ военному занятію княжествъ.

Давая мнѣ такое доказательство полнаго довѣрія, Государь возлагалъ на меня страшную отвѣтственность: я не могъ не сознавать, что выборъ между миромъ и войной будетъ зависѣть отъ рѣшенія, на которомъ я остановлюсь, и что изъ пользованія предоставленнымъ мнѣ правомъ могутъ возникнуть страшныя усложненія. Я принялъ твердое рѣшеніе не прибѣгать къ этому послѣднему средству иначе, какъ въ случаѣ крайней необходимости; я все еще надѣялся, что, въ тайнѣ доведя до свѣдѣнія недовольныхъ о томъ, какъ намѣрено дѣйствовать въ извѣстномъ случаѣ императорское правительство, я, быть можетъ, удержу ихъ отъ исполненія ихъ замысловъ, которыми они увлекались съ такою прискорбною непредусмотрительностью.

Положеніе князя Бибеско становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе шаткимъ: онъ уже не зналъ, къ какимъ святымъ слѣдуетъ обращаться съ молитвами; разразившаяся надъ Европой революціонная буря отняла у него всякую энергію и, еще ни съ кѣмъ не

Библиотека "Руниверс"

сражавшись, онъ уже чувствовалъ себя побѣжденнымъ. Если бы онъ могъ положиться на преданность двухъ батальоновъ Валашской милиціи, стоявшихъ гарнизономъ въ Бухарестѣ, и если бы онъ съ энергіей сталъ въ ихъ главѣ, онъ, вѣроятно, успѣлъ бы предотвратить приближавшуюся грозу; но Бибеско былъ менѣе всего одаренъ воинскими способностями: солдаты почти вовсе не знали его въ лице, а офицеры были болѣе или менѣе заражены революціоннымъ духомъ.

Выстрѣлъ изъ пистолета, направленный въ господаря во время его прогулки, но не попавшій въ цѣль, послужилъ какъ бы сигналомъ для революціоннаго движенія, которое уже давно въ тайнѣ готовилось. Заговорщики тотчасъ шумно собрались передъ княжескимъ дворцомъ. Эта демонстрація имѣла полный успѣхъ. Бибеско былъ до такой степени испуганъ и деморализованъ, что подписалъ всѣ условія, какихъ отъ него потребовали; но онъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что его положеніе невыносимо и, чрезъ нѣсколько дней, выѣхалъ съ семействомъ въ городъ Кронштадтъ, въ Трансильванію, не встрѣтивъ никакого препятствія со стороны вожаковъ, которые, напротивъ того, радовались тому, что почва разчистилась подъ ихъ ногами и что они могли безпрепятственно приступить къ осуществленію своихъ химерическихъ утопій.

Тотчасъ было учреждено временное правительство, составленное изъ корифеевъ революціонной партіи, какъ то изъ Степана Голеско, Ивана Гики, Эліадеса, Телля, Братіано и другихъ людей такого же пошиба.

Однимъ изъ первыхъ актовъ этого импровизированнаго правительства было сожженіе органическаго устава, дарованнаго Дунайскимъ княжествамъ Россіей; это было сдѣлано съ цѣлію доказать самымъ несомнѣннымъ образомъ, что движеніе было направлено главнымъ образомъ противъ державы - покровительницы. Лишь только увидѣлъ я, къ какой развязкѣ вела эта прискорбная вспышка, я поспѣшилъ выѣхать изъ Бухареста, пока еще не были прерваны сообщенія, и направился прямо въ Леово; мнѣ казалось, что настало время для вооруженнаго вмѣшательства, чтобы предотвратить распространеніе возстанія въ Молдавіи и еще далѣе.

Это было въ половинѣ Іюня, и я засталъ ген. Герштенцвейга въ Леово. Я сообщилъ ему, въ какомъ положеніи находились дѣла въ Валахіи, какъ дурно было тамъ настроеніе умовъ, какія враждебныя къ Россіи стремленія обнаруживались со всѣхъ сторонъ, и какъ было необходимо положить этому конецъ вооруженной силой.

Генералъ Герштенцвейгъ, знавшій содержаніе данныхъ мнѣ инструкцій, безъ всякихъ затрудненій изъявилъ готовность исполнить

Библиотека "Руниверс"

изложенное мною письменно приглашеніе вступить въ Молдавію и, чрезъ нѣсколько дней послѣ того, одна дивизія пѣхоты, одна гусарская бригада съ соотвѣтствующимъ числомъ пушекъ и нѣсколько сотенъ казаковъ перешли Прутъ, направляясь къ городу Берладу. Что касается лично меня, я уѣхалъ въ Яссы, откуда могъ болѣе удобно вести переписку съ императорскимъ министерствомъ.

И генералъ Герштенцвейгъ, и я самъ, мы увѣдомили военнаго министра о предстоящемъ вступленіи нашего обсерваціоннаго корпуса въ Молдавію, а чрезъ нѣсколько дней послѣ того извѣстили его, что переходъ нашихъ войскъ чрезъ Прутъ уже состоялся. При полученіи первой изъ этихъ депешъ, въ умѣ Императора возникли колебанія, и къ ген. Герштенцвейгу былъ отправленъ фельдъ-егерь съ приказаніемъ пріостановиться военнымъ занятіемъ страны до новыхъ распоряженій. Въ ту пору еще не былъ изобрѣтенъ электрическій телеграфъ. Отъ Петербурга до Леово 2.000 верстъ, и какъ ни быстра фельдъ-егерская ѣзда, но эта отмѣна прежнихъ приказаній запоздала и застала ген. Герштенцвейга уже занявшимъ Берладъ.

При мысли, что онъ дѣйствовалъ на перекоръ намѣреніямъ Императора и навлекъ на себя его неудовольствіе, ген. Герштенцвейгъ чувствовалъ себя глубоко-несчастнымъ и совершенно растерялся. Я поспѣшилъ къ нему въ Берладъ для того, чтобы объяснить, что если была сдѣлана ошибка, то она должна быть приписана никому другому, какъ мнѣ, такъ какъ его корпусъ перешелъ границу по моему формальному требованію; что я беру на себя всю отвѣтственность за эту мѣру; что если мы сдѣлали ошибку, приступивъ къ оккупаціи, то мы рискуемъ сдѣлать новую и болѣе важную ошибку, если сдѣлаемъ попятный шагъ и перейдемъ обратно за Прутъ. Поэтому я умолялъ его, прежде чѣмъ принять въ этомъ отношеніи какое-либо рѣшеніе, дождаться отвѣта на наши вторыя депеши, такъ какъ курьеръ съ отвѣтомъ на эти депеши долженъ прибыть скоро и такъ какъ нѣтъ никакой опасности провести еще нѣсколько дней въ ожиданіи.

Всѣ мои доводы и всѣ мои мольбы остались безплодными: ген. Герштенцвейгъ упорно стоялъ на своемъ и перевелъ войска обратно за Прутъ, не принимая въ соображеніе, какое дурное впечатлѣніе онъ произведетъ въ странѣ такимъ торопливымъ отступленіемъ. Лишь только онъ достигъ Леово, прибылъ второй фельдъ-егерь, наскоро отправленный изъ Петербурга съ новыми инструкціями, въ которыхъ ген. Герштенцвейгу давали знать, что такъ какъ Русскія войска уже вступили въ Молдавію, то они и должны тамъ оставаться. Это былъ громовой ударъ для старика, безъ того обремененнаго недугами. Во-

Библиотека "Руниверс"

образивъ, что онъ запятналъ свою репутацію и впалъ въ немилость у Императора, въ припадкѣ отчаянія онъ застрѣлился.

Мои предсказанія оправдались, и нашъ оккупаціонный корпусъ снова занялъ свои прежнія позиціи подлѣ Берлада; тѣмъ не менѣе печальный конецъ ген. Герштенцвейга произвелъ на меня крайне тяжелое впечатлѣніе, такъ какъ я научился цѣнить его личныя достоинства и чувствовалъ къ нему искреннее уваженіе.

Достигшая въ Валахіи власти демагогическая партія дѣлала тѣмъ временемъ все, что̀ могла, чтобы вовлечь всю страну въ революціонное движеніе. Съ этой цѣлію были разосланы по округамъ наемные эмиссары, которые старались увлечь главнымъ образомъ поселянъ, возбуждая ихъ противъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ и внушая имъ надежду, что они сами могутъ сдѣлаться землевладѣльцами. Всѣ эти разрушительные замыслы находили явное покровительство у Оттоманскаго правительства. Жившій въ одно время со мною въ Бухарестѣ Талаатъ-эффенди не скрывалъ своихъ симпатій къ противникамъ князя Бибеско. Но дѣла приняли еще худшій оборотъ, когда Солимань-паша былъ возведенъ съ званіе султанскаго коммиссара. Вслѣдствіе ли данныхъ ему Оттоманскимъ правительствомъ инструкцій или по своему личному усмотрѣнію, этотъ высокій сановникъ явно поддерживалъ зачинщиковъ смуты и даже не замедлилъ одобрить отъ имени султана конституцію, которая была обнародована кучкою демагоговъ. Тогда случилось то, что̀ обыкновенно случается въ революціонныя эпохи. Всѣ тѣ, которые, по своему происхожденію, состоянію и общественному положенію, могли что либо потерять и тѣмъ самымъ навлечь на себя ярость толпы, поспѣшили эмигрировать и отправились искать убѣжища большею частію въ Трансильваніи, въ городахъ Кронштадтѣ и Германштадтѣ.

Власть осталась въ рукахъ людей, которымъ были ненавистны всѣ, кто занималъ какое-либо высокое общественное положеніе и которые дѣйствовали подъ вліяніемъ самыхъ опасныхъ идей; состоявшія на жалованьѣ у правительства газеты сдѣлались проводниками самыхъ разрушительныхъ доктринъ и не отказывали себѣ въ удовольствіи ежедневно осыпать грубою бранью и Россію, и наше правительство.

На Европу какъ будто разомъ обрушились всѣ бѣдствія: въ томъ же несчастномъ году холера разразилась почти повсюду и произвела въ Россіи страшныя опустошенія. Въ Яссахъ, гдѣ я жилъ въ ту пору, появленіе этого бича было не менѣе ужасно и, хотя эпидемія господствовала тамъ только ровно одинъ мѣсяцъ, все-таки число ея жертвъ было очень велико. Все населеніе какъ будто оцѣпенѣло отъ ужаса, и казалось, насталъ конецъ міру.

Библиотека "Руниверс"

Мои безпрестанныя жалобы на неправильный образъ дѣйствій Солимана-паши наконецъ заставили Порту отозвать его и замѣнить Фуадомъ-эффенди, которому было приказано содѣйствовать за одно со мною возстановленію законнаго порядка въ Валахіи и даже прибѣгать къ вооруженной силѣ въ случаѣ, еслибы иначе нельзя было образумить зачинщиковъ мятежа.

Кроатскій ренегатъ Омеръ-паша командовалъ Турецкими войсками, между тѣмъ какъ начальство надъ нашимъ экспедиціоннымъ корпусомъ было ввѣрено ген. Лидерсу, только что возвратившемуся изъ-за границы, гдѣ онъ провелъ въ отпуску нѣсколько мѣсяцевъ.

Я отправился въ Галацъ для личныхъ переговоровъ съ Фуадомъ-эффенди, который незадолго предъ тѣмъ прибылъ изъ Константинополя, и за тѣмъ я отправился вмѣстѣ съ нимъ на пароходѣ въ Журжево.

Политическія усложненія принимали очень серіозный оборотъ, такъ какъ перешедшія черезъ Дунай Оттоманскія войска намѣревались идти на Бухарестъ. Депутація отъ временнаго правительства прибыла къ Фуаду-эффенди въ Журжево съ намѣреніемъ склонить его на сторону революціонной партіи. Неосмотрительность, съ которою постоянно высказывался Солиманъ-паша и его болѣе нежели двусмысленное поведеніе до такой степени скомпрометировали Порту, что въ Валахіи никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы Оттоманское правительство могло рѣшиться на энергическія мѣры для подавленія возстанія.

Но оттого-ли что Фуаду-эффенди были даны на этотъ предметъ болѣе эластическія инструкціи, оттого-ли, что мое присутствіе въ Журжевѣ удержало его отъ всякихъ соглашеній съ вожаками революціонной партіи, всѣ предложенія временнаго правительства были имъ отвергнуты, и Турецкія войска двинулись на Бухарестъ.

Я сопровождалъ Оттоманскую армію и, когда она находилась уже на небольшомъ разстояніи отъ столицы, открылись новые переговоры, которые также не привели ни къ чему. Тогда Омеръ-паша двинулъ противъ города свою армію въ боевомъ порядкѣ, и вслѣдъ за тѣмъ началась ружейная пальба, и воздухъ огласился пушечными выстрѣлами. Главный бой происходилъ подлѣ одной казармы, въ которой батальонъ Валашской милиціи укрылся за баррикадами и откуда Турецкія войска были встрѣчены довольно сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Пушки скоро справились съ этимъ призрачнымъ сопротивленіемъ и, послѣ длившагося одинъ часъ сраженія, Бухарестъ, вообще не принадлежащій къ укрѣпленнымъ городамъ, уже былъ въ рукахъ Турковъ. Временное правительство исчезло, а его члены, три мѣсяца державшіе въ страхѣ всю страну, разбѣжались въ разныя стороны.

Библиотека "Руниверс"

О новой фазѣ, въ которую вступили дѣла въ Валахіи, я поспѣшилъ увѣдомить генерала Лидерса, стоявшаго въ ту пору съ своимъ корпусомъ въ окрестностяхъ Фокшанъ. Для того, чтобъ Турки не могли считать себя единственными распорядителями будущей судьбы этого княжества, Русскимъ войскамъ было приказанно идти въ Бухарестъ, куда они и прибыли дней черезъ десять послѣ Турковъ.

Въ виду одновременной оккупаціи Валахіи двумя арміями и въ виду того, что революція посѣяла въ странѣ сѣмена анархіи, было въ высшей степени необходимо организовать какое бы то ни было правительство. Поэтому, по состоявшемуся между Фуадомъ-эффенди и мною соглашенію, мы предложили возвести боярина Константина Кантакузена въ званіе каймакана или намѣстника господаря и дать ему временно всѣ необходимыя полномочія до той поры, когда возстановленіе порядка и спокойствія позволятъ приступить къ избранію настоящаго господаря.

Фуадъ-эффенди, впослѣдствіи занимавшій постъ посла при различныхъ дворахъ, бывшій министромъ иностранныхъ дѣлъ и великимъ визиремъ, въ сущности началъ запасаться нужными для дипломатическаго поприща познаніями лишь въ Дунайскихъ княжествахъ, такъ какъ до тѣхъ поръ занималъ лишь второстепенныя должности. Онъ держалъ себя какъ человѣкъ хорошаго общества, очень хорошо объясняясь по-французски, но не обладалъ глубокими свѣдѣніями ни по какой отрасли знаній. Подобно большинству Турковъ, занимающихъ дипломатическіе посты при Европейскихъ дворахъ, онъ отличался не столько солиднымъ образованіемъ, сколько внѣшнимъ лоскомъ цивилизаціи. Онъ былъ чрезвычайно фальшивъ, и нельзя было полагаться на его увѣренія въ преданности, которыя онъ всегда былъ готовъ расточать.

Начальникъ Турецкихъ войскъ Омеръ-паша, напротивъ того, былъ нѣсколько грубоватъ характеромъ, и у него иногда вырывались выраженія, поражавшія своей противуположностью съ двоедушіемъ его гражданскаго товарища. Онъ хорошо владѣлъ Нѣмецкимъ языкомъ и былъ всецѣло поглощенъ тѣмъ, что̀ касалось его военнаго поприща. Я неоднократно имѣлъ случай присутствовать при военныхъ упражненіяхъ, которыя производились Турецкими войсками подъ надзоромъ Омера-паши, и долженъ сознаться, что эти войска сдѣлали замѣчательные успѣхи со времени нашей послѣдней войны съ Турціей и что Оттоманская армія улучшилась во многихъ отношеніяхъ.

Съ этими-то двумя лицами, которыя такъ не походили одинъ на другаго характеромъ, я долженъ былъ вести дѣловыя сношенія въ теченіе слишкомъ двухъ лѣтъ, дѣлая все, что̀ отъ меня зависѣло, чтобъ устра-

Библиотека "Руниверс"

нять безпрестанно возникавшія затрудненія и предотвращать столкновенія между войсками Русскими и Оттоманскими.

Моя жена покинула Петербургъ вскорѣ послѣ меня и послѣ того, какъ тамъ были первые случаи заболѣванія холерой. Направляясь ко мнѣ, она поѣхала въ Малороссію и прожила довольно долго сначала въ Линовичахъ у своего двоюроднаго брата, графа Бальмена, а потомъ въ Лозовѣ, у своего дяди генерала Козловскаго. Она пріѣхала ко мнѣ только въ Ноябрѣ, и я началъ принимать большое общество. Зима прошла среди большаго оживленія; съѣзжались на танцы то къ генералу Лидерсу, то къ Фуаду-эффенди, то ко мнѣ: Бухарестское общество очень жадно къ удовольствіямъ и развлеченіямъ, и всѣ заботились о томъ, какъ-бы пріятно провести время

Въ Дунайскихъ княжествахъ спокойствіе было возстановлено, по меньшей мѣрѣ съ виду; но за то междоусобная война вспыхнула съ удвоеннымъ ожесточеніемъ въ Венгріи и въ Трансильваніи. Не будучи въ состояніи потушить волненіе, которое усиливалось съ каждымъ днемъ, Австрія наконецъ рѣшилась, хотя и въ ущербъ своей гордости, обратиться за помощью къ императору Николаю, а всегда отличавшійся рыцарскимъ великодушіемъ Императоръ, видя, что одинъ изъ его старыхъ союзниковъ борется съ революціей, не сталъ выторговывать какихъ-либо вознагражденій за свою поддержку и приказалъ цѣлой арміи двинуться на помощь къ императору Францу-Іосифу, который только что вступилъ на престолъ въ очень молодыхъ лѣтахъ вслѣдствіе добровольнаго отреченія его дяди и его отца отъ престола.

Впослѣдствіи, когда, во время Крымской войны, Австрія отплатила самой низкой неблагодарностью за оказанную ей нами безкорыстную помощь, ставъ на сторонѣ нашихъ враговъ, мнѣ часто приходилось слышать, какъ порицали императора Николая за то, что онъ проливалъ кровь нашихъ солдатъ для приведенія Венгріи въ покорность и не потребовалъ отъ Австріи никакихъ гарантій, то-есть не потребовалъ отъ нея формальнаго обязательства, что она будетъ дѣйствовать съ нами за одно въ случаѣ, еслибы составилась коалиція противъ Россіи.

Судить о событіяхъ послѣ того, какъ они совершились, не трудно. Но въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ принимать въ расчетъ слѣдующія соображенія. Каждый часъ раздумья могъ имѣть послѣдствіемъ распаденіе монархіи, и Австрія находилась въ такомъ критическомъ положеніи, что только своевременное прибытіе дивизіи генерала Панютина, торопливо отправленной по желѣзной дорогѣ изъ Кракова въ Градчинъ, въ Моравію, и столько-же дѣятельное, сколько блестящее участіе, принятое этой дивизіей въ сраженіи при *Передѣ*, помѣшали

Библиотека "Руниверс"

Георгею овладѣть Вѣной. Самые ярые революціонеры, и въ томъ числѣ много Поляковъ, собрались въ Венгріи, а ихъ окончательный успѣхъ отозвался-бы какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ нашихъ западныхъ провинціяхъ. Поэтому слѣдуетъ признать, что императоръ Николай не сдѣлалъ большой ошибки, когда пошелъ на встрѣчу опасности и предпочелъ бороться съ революціонными идеями въ Венгріи, а не въ собственныхъ владѣніяхъ.

Въ то время, какъ еще велись переговоры о нашемъ вооруженномъ вмѣшательствѣ въ Австрійскія дѣла, и этимъ вопросомъ были заняты всѣ умы, я обратился къ военному министру князю Чернышову съ слѣдующимъ письмомъ отправленнымъ изъ Бухареста 29 Апрѣля 1849 года.

«Ваше сіятельство! Здѣсь всѣ умы сильно озабочены важными событіями, которыя совершаются въ Венгріи, несомнѣнными успѣхами, которыхъ достигло въ послѣднее время возстаніе Мадъяръ, и наконецъ убѣжденіемъ, къ которому, по видимому, пришелъ Вѣнскій кабинетъ, что безъ помощи Россіи онъ не будетъ въ состояніи привести возмутившихся подданныхъ къ покорности. Въ качествѣ воспитавшагося въ школѣ вашего сіятельства, стараго офицера Генеральнаго Штаба, я со вниманіемъ и участіемъ слѣдилъ за всѣми превратностями этой междоусобной борьбы, составляющей для Австріи вопросъ жизни или смерти, и, расчитывая на снисходительность вашего сіятельства, осмѣливаюсь изложить мои мысли о томъ, какое слѣдуетъ дать направленіе военнымъ операціямъ въ случаѣ нашего вмѣшательства въ Венгерскія дѣла. Я очень хорошо сознаю, что, касаясь этого вопроса, выхожу изъ сферы предоставленныхъ мнѣ правъ; но я не осмѣлился-бы касаться его, еслибы близость къ театру войны и свѣдѣнія, почерпнутыя мною изъ разговоровъ съ нѣсколькими образованными Австрійскими офицерами, не побудили меня изложить вашему сіятельству то, что́ я здѣсь узналъ». Къ этому письму была приложена слѣдующая замѣтка:

«По непосредственнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Ольмюца начальникомъ 5-го армейскаго корпуса, видно, что Австрійское правительство, будучи озабочено оборотомъ, который приняли дѣла въ Венгріи, желало-бы нашего вмѣшательства въ Трансильваніи для того, чтобъ произвести диверсію въ пользу арміи князя Виндишгреца, которая каждый день отступаетъ. Предложенный Вѣнскимъ кабинетомъ планъ военныхъ операцій заключался въ отправкѣ 15-ти-тысячнаго корпуса, который долженъ проникнуть въ Трансильванію со стороны Валахіи, между тѣмъ какъ другой такой-же корпусъ направился-бы черезъ Молдавію и Буковину къ Быстрицѣ».

Библиотека "Руниверс"

«Вопросъ о вмѣшательствѣ или о невмѣшательствѣ такъ важенъ при теперешнемъ положеніи Европы, что онъ безъ сомнѣнія заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны императорскаго кабинета, и я думаю, что не стоило-бы усложнять общее положеніе дѣлъ для того, чтобъ достигнуть лишь очень незначительныхъ результатовъ, а это непремѣнно случилось-бы, еслибъ вмѣшательство было предпринято въ намѣченныхъ Австрійскимъ кабинетомъ границахъ и согласно съ его указаніями».

«Будь Австрія въ состояніи одна справиться съ тѣми затрудненіями, въ которыхъ находится въ настоящее время, то это, конечно, было-бы лучше всякаго умиротворенія, достигнутаго при содѣйствіи вспомогательной арміи. Но если положеніе Австріи таково, что оно можетъ привести къ распаденію этой монархіи; если намъ ясно видно, что эта держава не имѣетъ достаточныхъ средствъ, чтобъ подавить Мадьярское возстаніе; если есть основаніе опасаться, что въ Венгріи утвердится демократическое правительство и что эта провинція сдѣлается гнѣздомъ анархіи, которая будетъ постоянно угрожать внутреннему спокойствію сосѣднихъ странъ: въ такомъ случаѣ на насъ, быть можетъ, лежитъ обязанность вмѣшаться ради началъ порядка и правительственной прочности и ради нашей собственной безопасности».

«Но если будетъ рѣшено вмѣшаться, надо это сдѣлать съ такими военными силами, чтобъ успѣхъ не могъ быть ни минуту сомнителенъ, и съ математической увѣренностью, что Венгрія будетъ приведена въ покорность въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Въ этомъ случаѣ, вотъ, по моему мнѣнію, какой планъ военныхъ дѣйствій всего скорѣе привелъ-бы къ цѣли».

«Чтобъ наше вмѣшательство въ Венгерскія дѣла было успѣшно и дало рѣшительные результаты, слѣдуетъ употребить на это не менѣе двухъ армейскихъ корпусовъ, то-есть около 80 тысячъ человѣкъ. Во вторыхъ, наше вмѣшательство должно произойти съ Сѣвера, а не изъ Валахіи, гдѣ мы не имѣемъ никакого базиса для военныхъ операцій. 4-ый корпусъ, главная квартира котораго находится въ Дубнѣ, и одинъ изъ армейскихъ корпусовъ, стоящихъ въ настоящее время въ Царствѣ Польскомъ, на границахъ Галиціи, могли-бы войти въ составъ арміи, назначенной дѣйствовать противъ Венгріи».

«Каменецъ-Подольскъ, Дубно, Люблинъ и Кельце почти образуютъ внѣшнюю черту круга, центръ котораго находится между Школе (Skolé) и Дуклой (Doukla) на границахъ Венгріи. Поэтому войска, принадлежащія къ двумъ вышеупомянутымъ корпусамъ, могли-бы быть концентрически направлены изъ губерній Подольской и Волынской и

Библиотека "Руниверс"

изъ Царства Польскаго къ Школэ и къ Дуклѣ. Такъ какъ имъ пришлось-бы пройти длину радіусовъ одного и того-же круга, то они достигли-бы почти въ одно и тоже время вышеупомянутыхъ пунктовъ—Дуклы и Школэ, находящихся у входа въ горныя ущелья. Именно оттуда идутъ единственныя хорошія дороги изъ Галиціи въ Венгрію: одна изъ Дуклы черезъ Бартфельдъ въ Кашанъ, а другая изъ Школэ черезъ Верецкэ въ Мункачъ. Мункачъ и Кашанъ соединены хорошей дорогой. Эти два пункта отстоятъ одинъ отъ другаго на семь почтовыхъ станцій или отъ пяти до шести переходовъ».

«Только послѣ прибытія двухъ корпусовъ въ Кашанъ и въ Мункачъ можно будетъ окончательно установить планъ военныхъ дѣйствій, основанный на томъ, какія позиціи будетъ въ ту пору занимать непріятель. Впрочемъ, по моему мнѣнію, главною цѣлію военныхъ операцій и настоящимъ стратегическимъ пунктомъ долженъ быть Дебречинъ, а Мункачъ—укрѣпленный зáмокъ, который придется блокировать, но который не преграждаетъ пути. Въ этомъ пунктѣ сходятся дороги, ведущія и изъ Кашана, и изъ Мункача».

«Одно появленіе Русской восьмидесяти-тысячной арміи на равнинахъ Дебречина окончитъ войну въ пользу Австріи. Дѣйствительно, это движеніе отдѣлитъ занимающія Трансильванію Венгерскія войска отъ главной арміи мятежниковъ, или принудитъ ихъ очистить это княжество и отступить черезъ Арадъ къ Чегедину; тогда мы обойдемъ и атакуемъ съ тылу линію Тиссы, принудимъ Мадъярскую армію двинуться къ намъ на встрѣчу и вступить съ нами въ бой въ окрестностяхъ Дебречина; или же эта армія будетъ принуждена оставаться въ оборонительномъ положеніи между Дунаемъ и Тиссой, а это такая позиція, въ которой мятежники, будучи атакованы съ одной стороны Русскими, а съ другой Австрійцами, вѣроятно будутъ въ концѣ-концевъ истреблены, если не положатъ оружія».

«Что касается войскъ 5-го корпуса, занимающихъ въ настоящее время Дунайскія княжества, то они могли-бы много содѣйствовать успѣху кампаніи, оставаясь во второй линіи; если же ихъ двинули-бы немедленно въ Трансильванію, они, быть можетъ, подверглись-бы опасности быть подавленными превосходствомъ непріятельскихъ силъ. Поэтому я полагаю, что только послѣ того, какъ наша армія перейдетъ черезъ Венгерскую границу со стороны Галиціи, можно будетъ двинуть корпусъ изъ 24 батальоновъ пѣхоты и изъ одной кавалерійской дивизіи черезъ ущелья Гемеша и Оитоса на Кронштадтъ, оттуда въ страну Чеклеровъ и потомъ въ Клаузенбургъ. Задача этого корпуса должна заключаться въ томъ, чтобъ привести въ покорность Чеклеровъ, очистить Трансильванію отъ мятежниковъ, если они

Библиотека "Руниверс"

уже не были вынуждены очистить страну вслѣдствіе движенія Русской арміи на Дебречинъ, и, наконецъ, прикрывать лѣвый флангъ, а впослѣдствіи и тылъ нашей арміи».

Я получилъ отвѣтъ ранѣе, чѣмъ ожидалъ. Князь Чернышовъ счелъ своимъ долгомъ представить эту записку Императору и увѣдомилъ меня о ея полученіи письмомъ отъ 17 Мая, извѣщая меня, что Его Величество изволилъ ознакомиться въ Варшавѣ съ планомъ военныхъ дѣйствій, намѣченнымъ мною для Русской арміи, назначенной дѣйствовать въ Венгріи, и милостиво отнесся къ этому доказательству моего усердія.

Въ то время, какъ Австрійская имперія была жертвою междоусобной войны, а Русская армія собиралась вдоль границы, готовая вмѣшаться въ борьбу по первому сигналу, данному Императоромъ, я былъ вынужденъ безпрестанно бороться съ Оттоманскимъ коммиссаромъ, явно усиливавшимся подорвать вліяніе, которое мы пріобрѣли въ княжествахъ.

Чтобъ противодѣйствовать этому вліянію и чтобъ организовать въ княжествахъ преданную ему партію, Оттоманское правительство не останавливалось ни передъ какими средствами. Турецкіе послы при Европейскихъ дворахъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ относились съ особымъ благоволеніемъ къ обучившимся за-границей молодымъ Молдаванамъ и Валахамъ, которые впослѣдствіи всѣ играли дѣятельную роль въ революціи. Въ тоже время всѣ недовольные жители двухъ княжествъ находили благосклонный пріемъ въ Константинополѣ. Наконецъ, въ довершеніе всего, Фуадъ-эффенди не переставалъ проповѣдывать милосердіе по отношенію къ тѣмъ мятежникамъ, которые были арестованы и преданы суду, а дѣлалъ онъ это по очень понятной причинѣ: всѣ эти зачинщики смутъ слѣдовали внушеніямъ, которыя они втайнѣ получали изъ Константинополя.

Выраженія, вырывавшіяся изъ устъ Фуада-эффенди, когда онъ находился среди своихъ приближенныхъ, натурально передавались мнѣ и, быть можетъ, скорѣе были отголоскомъ тайныхъ намѣреній Порты, чѣмъ его личныхъ убѣжденій. Уже давно, сказалъ онъ однажды, я выведенъ изъ терпѣнія и надѣюсь, что мое правительство также скоро потеряетъ терпѣніе. Черезъ десять лѣтъ въ княжествахъ уже не будетъ рѣчи о Русскихъ, такъ какъ все зависитъ отъ народныхъ массъ, а эти массы будутъ на нашей сторонѣ, а не на сторонѣ своихъ притѣснителей. На обѣдѣ, данномъ моему коллегѣ Англійскимъ генеральнымъ консуломъ, произносились тосты за свободу и за конституцію. Наконецъ, во время мнимаго инспекторскаго объѣзда, Омеръ-паша постарался, насколько это зависѣло отъ него, распространять револю-

Библиотека "Руниверс"

ціонныя идеи; поселянамъ онъ давалъ понять, что они въ концѣ-концовъ достигнутъ всѣхъ выгодъ, обѣщанныхъ имъ конституціей и что султанъ на все согласится, лишь только состоится удаленіе Русскихъ. Служившіе въ рядахъ Турецкой арміи Валашскіе ренегаты получили приказаніе переодѣваться поселянами; подъ предлогомъ раскрытія административныхъ злоупотребленій, они на самомъ дѣлѣ старались возбудить народныя массы. Однимъ словомъ, Омеръ-паша, при всякихъ обстоятельствахъ, выражался скорѣе какъ человѣкъ, занимавшійся пропагандою, чѣмъ какъ начальникъ арміи.

Признаки предстоящаго разрыва съ Турціей умножались въ такомъ числѣ, что я счелъ моимъ долгомъ предостеречь императорское министерство отъ явно враждебныхъ замысловъ Оттоманской Порты.

Вотъ что̀ писалъ я графу Нессельроде 27 Февраля 1849 г.

«Уже недѣли двѣ, какъ въ словахъ и въ образѣ дѣйствій Омера-паши обнаруживается такая рѣзкая перемѣна, что едва-ли можно предположить, чтобъ онъ не находился подъ вліяніемъ того, что́ замышляютъ въ Константинополѣ. Въ прошлое Воскресенье онъ собралъ своихъ высшихъ офицеровъ на военный совѣтъ и явно поставилъ имъ вопросъ о возможности войны съ Россіей. Когда одинъ изъ пашей замѣтилъ, что находящіяся въ княжествахъ Турецкія войска очутятся въ весьма невыгодномъ положеніи, если военныя дѣйствія начнутся внезапно, Омеръ-паша съ самонадѣянностью возразилъ: въ такомъ случаѣ мы обнародуемъ конституцію, водрузимъ знамя свободы и будемъ имѣть два съ половиной милліона союзниковъ, которые будутъ сражаться за насъ. Благосклонный пріемъ, который всѣ Валашскіе бѣглецы, сначала укрывшіеся въ Трансильваніи, находятъ теперь въ Виддинѣ, откуда паша отправляетъ ихъ съ рекомендательными письмами въ Константинополь, этотъ пріемъ, не только свидѣтельствуетъ о симпатіяхъ Порты къ революціонной партіи, но, какъ мнѣ кажется, также указываетъ на тайное намѣреніе воспользоваться, въ случаѣ надобности, услугами этихъ бѣглецовъ. Во всемъ этомъ наше вниманіе возбуждено не только отдѣльными случаями, а цѣлой системой замысловъ, враждебныхъ Россіи».

*

Изъ всего предшествующаго видно, какъ были натянуты отношенія между правительствомъ султана и державой-покровительницей и что со дня на день можно было опасаться взрыва.

Тогда-то императорскій кабинетъ рѣшился отправить въ Константинополь генералъ-адъютанта Граббе для того, чтобъ договориться съ Оттоманской Портой о заключеніи дополнительной конвенціи, ко-

Библиотека "Руниверс"

торая отвѣчала бы требованіямъ ненормальнаго положенія, созданнаго въ княжествахъ послѣдними событіями.

Вотъ содержаніе этого акта, подписаннаго 19 Апрѣля (1 Мая) 1849 г. и носящаго названіе Балта-Лиманской конвенціи.

Статья 1-я. Въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, созданныхъ послѣдними событіями, оба императорскія правительства пришли къ соглашенію, что, въ замѣнъ установленнаго регламентомъ 1831 года способа избранія господарей Молдавскаго и Валашскаго, эти высокіе сановники будутъ назначены е. в. султаномъ способомъ специально установленнымъ на этотъ разъ по соглашенію между двумя правительствами, съ цѣлію ввѣрить управленіе этими провинціями такимъ кандидатамъ, которые всѣхъ болѣе этого достойны и которые пользуются самой лучшей репутаціей между своими соотечественниками. Точно также на этотъ разъ два господаря будутъ назначены только на семь лѣтъ, и оба правительства предоставляютъ себѣ, за годъ до истеченія срока теперешняго соглашенія, обсудить внутреннее положеніе княжествъ и заслуги, оказанныя обоими господарями для того, чтобъ принять съ общаго согласія дальнѣйшее рѣшеніе.

Статья 2-я Органическій регламентъ, дарованный княжествамъ въ 1831 году, останется въ силѣ за исключеніемъ тѣхъ перемѣнъ и видоизмѣненій, необходимость которыхъ доказана опытомъ, а именно въ томъ, что́ касается ординарныхъ и экстраординарныхъ собраній бояръ. Такъ какъ эти собранія (по ихъ составу и по бывшему до сихъ поръ въ употребленіи способу избранія ихъ членовъ) неоднократно служили поводомъ для прискорбныхъ столкновеній и даже для открытаго неповиновенія, то ихъ созваніе будетъ отложено, а два правительства предоставляютъ себѣ войти въ соглашеніе касательно ихъ возстановленія на основахъ, обдуманныхъ съ надлежащею зрѣлостью, въ такое время, когда они найдутъ, что эта мѣра можетъ быть приведена въ исполненіе безъ вреда для поддержанія внутренняго спокойствія въ княжествахъ. Ихъ совѣщательныя обязанности будутъ временно возложены на совѣты или диваны, составленные изъ самыхъ знатныхъ и самыхъ достойныхъ довѣрія бояръ и изъ нѣсколькихъ членовъ высшаго духовенства. Главныя занятія этихъ совѣтовъ будутъ состоять въ распредѣленіи налоговъ и въ разсмотрѣніи ежегоднаго бюджета обоихъ княжествъ.

Статья 3-я. Для того, чтобъ приступить со всей необходимой зрѣлостью къ органическимъ улучшеніямъ, которыя требуются теперешнимъ положеніемъ княжествъ и вкравшимися въ нихъ административными злоупотребленіями, будутъ учреждены два повѣрочныхъ комитета, одинъ въ Яссахъ, а другой въ Бухарестѣ, составленные изъ бояръ, самыхъ достойныхъ довѣрія по ихъ характеру и способностямъ; на эти комитеты будетъ возложена обязанность пересмотрѣть существующіе законы и указать тѣ измѣненія, которыя могли-бы всего лучше придать мѣстной администраціи правильность и единство, въ которыхъ она часто нуждалась.

Библиотека "Руниверс"

Труды этихъ комитетовъ будутъ представлены въ сколь можно скорѣйшемъ времени на разсмотрѣніе Оттоманскаго правительства, которое, войдя въ соглашеніе съ Русскимъ правительствомъ и удостовѣряясь въ ихъ обоюдномъ одобреніи, дастъ упомянутымъ измѣненіямъ свою окончательную санкцію, которая будетъ обнародована въ обычной формѣ гатти-шерифа е. в. султана.

Статья 4-я. Такъ какъ смуты, недавно столь глубоко взволновавшія населеніе княжествъ, доказали, что необходимо дать ихъ правительствамъ поддержку вооруженной силы, способной быстро подавлять всякое инсуррекціонное движеніе и заставлять уважать установленныя власти, то два императорскихъ правительства условились продлить пребываніе нѣкоторой части Русскихъ и Оттоманскихъ войскъ, занимающихъ въ настоящее время страну; а именно для того, чтобъ предохранить границы Молдавіи и Валахіи отъ внѣшнихъ случайностей, рѣшено оставить тамъ покуда отъ 25 до 35 тысячъ человѣкъ отъ каждой изъ двухъ державъ.

Послѣ возстановленія спокойствія на упомянутыхъ границахъ, съ обѣихъ сторонъ будетъ оставлено въ обѣихъ странахъ по 10,000 человѣкъ до окончанія работъ по введенію органическихъ улучшеній и до упроченія въ обѣихъ провинціяхъ внутренняго спокойствія. За тѣмъ войска двухъ державъ совершенно очистятъ княжества, но все-таки расположатся такъ близко отъ нихъ, что будутъ въ состояніи немедленно снова въ нихъ вступить въ томъ случаѣ, если этой мѣры снова потребуютъ какія-либо возникшія въ княжествахъ серьозныя замѣшательства. Независимо отъ этого, будетъ приложено стараніе къ немедленному окончанію переустройства мѣстной милиціи такъ, чтобъ она, по своей дисциплинѣ и по своему наличному составу, служила достаточнымъ ручательствомъ для поддержанія законнаго порядка.

Статья 5-я. Въ продолженіе оккупаціи, два правительства будутъ содержать въ княжествахъ одного Русскаго экстраординарнаго коммиссара и одного Оттоманскаго. На этихъ спеціальныхъ агентовъ будетъ возложена обязанность наблюдать за ходомъ дѣлъ и сообща обращаться къ господарямъ съ указаніями и совѣтами всякій разъ, какъ они усмотрятъ какія-либо важныя злоупотребленія или какія-либо мѣры, вредныя для спокойствія страны. Эти экстраординарные коммиссары будутъ снабжены одинакими, составленными по соглашенію между двумя правительствами, инструкціями, въ которыхъ будутъ опредѣлены ихъ обязанности и степень ихъ вмѣшательства въ дѣла княжествъ. Два коммиссара также должны будутъ придти къ соглашенію касательно выбора членовъ повѣрочныхъ комитетовъ, учреждаемыхъ въ княжествахъ, какъ это сказано въ статьѣ 3-й. Каждый изъ нихъ будетъ увѣдомлять свое правительство о трудахъ этихъ комитетовъ, присовокупляя свои собственныя замѣчанія.

Статья 6-я. Продолжительность для такого порядка вещей назначена семилѣтняя, а по истеченіи этого срока два правительства предоставляютъ себѣ принять въ соображеніе то положеніе, въ которомъ будутъ тогда находиться княжества, и принять дальнѣйшія мѣры, ко-

Библиотека "Руниверс"

торыя сочтутъ самыми умѣстными и самыми благопріятными для упроченія на долгое время благосостоянія и спокойствія этихъ земель.

Статья 7-я. При этомъ подразумѣвается, что настоящій актъ, вызванный исключительными обстоятельствами и утвержденный на опредѣленный срокъ, не уничтожаетъ ни одного изъ договоровъ, заключенныхъ двумя правительствами относительно княжествъ Валахіи и Молдавіи, и что всѣ прежніе трактаты, подкрѣпленные отдѣльнымъ актомъ Адріанопольскаго мирнаго договора, сохраняютъ свою силу и значеніе.

*

Съ перваго взгляда ясно, что Балта-Лиманская конвенція далеко не установляла чего-либо прочнаго, что это было нѣчто въ родѣ легкаго замазыванія раны и что главнымъ образомъ имѣлось въ виду устранить настоятельную опасность. Въ ту пору всѣ умы были заняты вопросомъ объ окончательномъ выборѣ господаря для Валахіи, вопросомъ, который, судя по письмамъ изъ Константинополя, долженъ былъ получить немедленное разрѣшеніе. Надо было видѣть, какъ это извѣстіе взволновало всѣхъ честолюбцевъ: каждый изъ претендентовъ употреблялъ въ дѣло всѣ находившіяся въ его распоряженіи средства, чтобъ достигнуть успѣха въ своей кандидатурѣ.

Всѣмъ, кто старался что̀ нибудь вывѣдать отъ меня, я отвѣчалъ, что мнѣ были совершенно неизвѣстны намѣренія императорскаго министерства, что выборъ господаря вѣроятно произойдетъ въ Константинополѣ по предварительному соглашенію между Оттоманскимъ министерствомъ и императорской миссіей; что, по моему мнѣнію, между самыми знатными боярами не было ни одного, который соединялъ бы въ себѣ качества, необходимыя для занятія этого мѣста съ пользою для страны и что, по его трудности, я даже не понимаю, какъ при настоящихъ обстоятельствахъ могутъ здравомыслящіе люди домогаться онаго.

Тѣмъ не менѣе званія господаря домогались очень многіе: Кантакузенъ, Константинъ Суцо, Александръ Гика, Георгій Филипеско и Стирбей выступили кандидатами. Всѣ эти соискатели старались выдвинуть себя впередъ въ ущербъ одинъ другому, и признаюсь, что низость характера, выказанная по этому случаю многими изъ нихъ, внушила мнѣ самое сильное отвращеніе. Но чтобы быть справедливымъ, слѣдуетъ также знать, что печальное политическое положеніе сдѣлало Молдо-Валашскихъ бояръ такими, какими мы ихъ видимъ теперь. Невозможно, чтобы народъ, котораго тянутъ въ разныя стороны двѣ сосѣднія державы и который, по вульгарному выраженію, привыкъ въ теченіе многихъ столѣтій *manger à deux râteliers*, невозможно, говоримъ мы, чтобы при

Библиотека "Руниверс"

такихъ обстоятельствахъ этотъ народъ не впалъ, наконецъ, въ совершенную деморализацію.

Было очевидно, что система управленія съ господарями во главѣ, и безъ того уже всегда оказывавшаяся негодной, не соотвѣствовала положенію страны и что нельзя было надѣяться, чтобы Дунайскія княжества могли впредъ управляться при этой системѣ, не подвергаясь безпрестаннымъ переворотамъ. Въ этомъ отношеніи были согласны между собою люди всѣхъ партій и всѣхъ мнѣній за исключеніемъ тѣхъ, которые изъ честолюбія добивались званія господаря.

Однако переговоры о выборѣ господаря еще не зашли въ ту пору такъ далеко, какъ полагали въ Бухарестѣ. Только въ концѣ Апрѣля, Русскій посланникъ въ Константинополѣ, г. Титовъ увѣдомилъ меня, что кандидатуры на званіе Валашскаго господаря ограничивались двумя лицами—каймаканомъ Кантакузеномъ и Стирбеемъ, и спрашивалъ моего мнѣнія о томъ, которому изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе. Я поспѣшилъ отвѣчать, что если идетъ рѣчь о выборѣ между Кантакузеномъ и Стирбеемъ, то по моему мнѣнію должно отдать предпочтеніе первому изъ нихъ по той простой причинѣ, что назначеніе Стирбея тотчасъ возстановило-бы противъ него всю очень многочисленную партію, которая относилась враждебно къ князю Вибеско, и потому, что Стирбей былъ тотъ изъ двухъ братьевъ, который былъ менѣе любимъ. Наконецъ, другое соображеніе, также говорившее въ пользу Кантакузена, заключалось въ томъ, что онъ исполнялъ въ теченіе почти восьми мѣсяцевъ обязанности каймакана къ удовольствію всѣхъ и вышелъ изъ этого неблагодарнаго и труднаго положенія такъ хорошо, какъ только было возможно.

Но прежде нежели мой отвѣтъ былъ полученъ г. Титовымъ, Оттоманскіе министры,—по причинамъ, которыя извѣстны имъ однимъ,—сочли нужнымъ ускорить разрѣшеніе вопроса о выборѣ господаря, предложивъ Стирбея для Валахіи и Григорія Гику для Молдавіи, такъ какъ и въ этомъ случаѣ Порта хотѣла выказать свой авторитетъ и наказать князя Стурдзу за его мнимую преданность Россіи.

Хотя это предложеніе было принято г. Титовымъ только *ad referendum* и подъ условіемъ одобренія со стороны императорскаго кабинета, но въ Константинополѣ очень хорошо знали, что вопросы о лицахъ были въ глазахъ Россіи второстепенными, и что мы были готовы согласиться на всякій исходъ, обѣщавшій обезпеченіе порядка и общественнаго спокойствія въ княжествахъ.

Поэтому Стирбей и Григорій Гика были утверждены въ званіи господарей. Выборъ перваго изъ нихъ былъ въ высшей степени непопуляренъ, и ему пришлось съ самаго начала вести борьбу съ силь-

Библиотека "Руниверс"

ной оппозиціей. Что же касается Гики, то онъ обладалъ многими прекрасными частными качествами; это былъ человѣкъ любезный въ полномъ смыслѣ этого слова, но онъ едва ли былъ способенъ управлять въ эпоху политическихъ бурь. Къ тому-же онъ былъ поставленъ въ фальшивое положеніе своими связями съ либеральной партіей, которая видѣла въ немъ одного изъ вождей своихъ. Онъ пробылъ на своемъ посту только нѣсколько лѣтъ и, впадши въ глубокую меланхолію, кончилъ тѣмъ, что лишилъ себя жизни въ припадкѣ умопомѣшательства.

Въ моей перепискѣ съ вице-канцлеромъ, я часто настаивалъ на ненормальномъ положеніи, созданномъ трактатами для Молдо-Валахіи, и не переставалъ повторять, что мы попали въ западню и что слѣдуетъ искать изъ нея выхода не по прежде проложенной дорогѣ. Въ концѣ концовъ я собралъ эти идеи, разбросанныя въ различныхъ депешахъ, и изложилъ ихъ въ запискѣ о тогдашнемъ положеніи Дунайскихъ княжествъ, посланной графу Нессельроде 1 Октября 1849 г. Ея содержаніе изложено вслѣдъ за симъ безъ малѣйшаго пропуска и хотя съ тѣхъ поръ протекло около двадцати лѣтъ, я не нахожу нужнымъ что-либо въ немъ измѣнять, какъ какъ все, что̀ я предвидѣлъ, къ несчастію оправдалось на дѣлѣ слишкомъ скоро и вполнѣ.

Записка о положеніи Дунайскихъ княжествъ.

«Зародышъ того критическаго и ненормальнаго положенія, въ которомъ находятся въ настоящее время Молдавія и Валахія, кроется въ Адріанопольскомъ мирномъ трактатѣ. Тѣмъ, что княжества были поставлены подъ покровительство Россіи, а за Портой была оставлена лишь чисто-номинальная верховная власть, былъ созданъ такой противоестественный порядокъ вещей, который долженъ былъ рано или поздно принести горькіе плоды».

«Въ теченіе первыхъ лѣтъ послѣ заключенія Адріанопольскаго мирнаго трактата, можно было не сознавать всѣхъ трудностей положенія, такъ какъ въ то время Турція чувствовала прежде всего потребность залечить нанесенныя ей войною раны и потому какъ будто совершенно потеряла изъ виду княжества. Но дѣла мало-по-малу приняли иной оборотъ. Съ одной стороны нашептыванія иностранныхъ державъ, съ завистью смотрѣвшихъ на преобладающее вліяніе Россіи, съ другой то обстоятельство, что мы были поставлены въ необходимость обращаться къ Турціи за султанскими фирманами для смѣщенія съ должностей, для новыхъ назначеній на должности и для распоря-

Библиотека "Руниверс"

женій о ссылкѣ, доказали Портѣ, что оставленный по Адріанопольскому трактату нетронутымъ принципъ верховенства былъ по своему существу очень растяжимъ и могъ доставить Турціи, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, случай снова занять утраченное ею положеніе въ княжествахъ».

«Между тѣмъ разразилась страшная политическая гроза 1848 года, потрясшая все общественное зданіе Европы въ самыхъ его основаніяхъ, и можно-ли удивляться тому, что это потрясеніе сильно отозвалось на Молдавіи и Валахіи, гдѣ разрушительныя теоріи уже давно пустили глубокіе корни, благодаря слабымъ и непредусмотрительнымъ правителямъ? Демократическія и революціонныя начала, одержавшія верхъ прежде всего во Франціи, распространялись подобно разрушительному потоку, все далѣе и далѣе. Троны повсюду расшатывались, и господари болѣе всѣхъ могли опасаться за свое положеніе».

«Однако, несмотря на слабость правительственныхъ властей въ княжествахъ и не смотря на обнаружившееся тамъ со всѣхъ сторонъ вредное настроеніе умовъ, образъ дѣйствій императорскаго правительства, вѣроятно, навелъ бы страхъ на недовольныхъ и предотвратилъ бы взрывъ революціи, еслибы Турція не поощряла зачинщиковъ смутъ и явно, и тайно, и еслибы она не толкала страну въ революціонную пучину. Въ этомъ случаѣ Порта руководствовалась только своею слѣпою ненавистью къ Россіи, не обращая вниманія на то, что торжество демократическихъ началъ на какомъ-либо пунктѣ ея обширныхъ владѣній грозило бы ей самой важной опасностью, такъ какъ оно возбудило бы къ возстанію всѣхъ другихъ подвластныхъ ей христіанъ. Создать затрудненія для Россіи и снова пріобрѣсти въ княжествахъ вліяніе, утраченное Турецкимъ правительствомъ, было единственнымъ руководящимъ правиломъ его политики. Коварные замыслы Турціи скоро принесли свои плоды. Революціонное движеніе вспыхнуло въ Валахіи, и если ея примѣру не послѣдовала Молдавія, то лишь благодаря благовременному вступленію Русскихъ войскъ въ это княжество. Съ этой минуты вопросъ о княжествахъ сталъ усложняться и запутываться съ каждымъ днемъ. Болѣе чѣмъ двусмысленный образъ дѣйствій Сулеймана-паши, явно вступавшаго въ сдѣлки съ революціонерами; его замѣщеніе Фуадомъ-эфенди, который хотя и дѣйствовалъ съ виду болѣе правильно, но питалъ не менѣе горячую симпатію къ партіи юной Валахіи; военное занятіе Бухареста Турками; почти одновременно съ этимъ состоявшееся вступленіе Русскихъ войскъ въ Валахію; происшедшія отсюда столкновенія между двумя оккупаціонными арміями; наконецъ, обнаружившееся между султаномъ и державой-покровительницей разномысліе

Библиотека "Руниверс"

касательно наказанія виновниковъ смутъ—все это случилось еще такъ недавно и такъ хорошо всѣмъ извѣстно, что не требуетъ подробнаго описанія».

«Поэтому мы прямо перейдемъ къ Балта-Лиманской конвенціи, заключенной съ цѣлію регулировать въ высшей степени ненормальный порядокъ вещей и положеніе до такой степени натянутое, что война могла вспыхнуть въ княжествахъ по поводу малѣйшаго столкновенія. При помощи краткаго анализа этой конвенціи постараемся разрѣшить вопросъ о томъ, не возстановила ли Турція своими каверзами нѣкоторой части тѣхъ прерогативъ, которыя она утратила войною».

«Въ силу Адріанопольскаго мирнаго договора, Турція не только отказалась отъ права держать войска въ княжествахъ, но было сверхъ того положительно постановлено, что ни одинъ вооруженный Турокъ не долженъ осмѣливаться переходить черезъ Дунай. Теперь Туркамъ было предоставлено право держать въ княжествахъ до 10 тысячъ человѣкъ такъ долго, какъ это окажется нужнымъ для возстановленія порядка. Въ силу того же договора, княжества должны были пользоваться вполнѣ независимой внутренней администраціей, а Порта не должна вмѣшиваться въ дѣла страны. Теперь Портѣ предоставлено право имѣть въ княжествахъ коммиссара, пока будетъ длиться военная оккупація, а этотъ коммиссаръ, естественно, будетъ пользоваться болѣе или менѣе преобладающимъ вліяніемъ. Адріанопольскій договоръ имѣлъ въ виду предохранить княжества отъ денежныхъ вымогательствъ Порты, назначивъ одинъ разъ навсегда, въ какомъ размѣрѣ должна была уплачиваться подать каждымъ изъ двухъ княжествъ. Но теперь званіе господаря пріобрѣтается въ Константинополѣ съ торговъ, и вышеупомянутое благотворное постановленіе отмѣнено на практикѣ, такъ какъ никогда еще не выжималось изъ Молдавіи и Валахіи денегъ болѣе методически, чѣмъ съ тѣхъ поръ, какъ стали выдавать господарямъ суммы на покрытіе расходовъ, сопряженныхъ со вступленіемъ въ должность,—суммы, равняющіяся своими размѣрами тѣмъ, которыя они заплатили за свое назначеніе въ должность. Наконецъ, выборъ кандидатовъ также предоставленъ Портѣ, а происшедшее съ двумя новыми господарями даетъ поводъ думать, что революціонное дѣло, начатое интригами Порты, поведется далѣе именно тѣми, кого она поставила во главѣ управленія. Итакъ, Балта-Лиманская конвенція (за исключеніемъ нѣкоторыхъ, вызванныхъ обстоятельствами, измѣненій) возстановила, по меньшей мѣрѣ по внѣшнему виду, тотъ порядокъ вещей, который существовалъ до революціи; но выше приведенныя соображенія ясно доказываютъ, что эта конвенція, хотя и была подписана Турками не-

Библиотека "Руниверс"

охотно, однако дала имъ такія права, какихъ они были навсегда лишены Адріанопольскимъ трактатомъ».

«Теперь возникаетъ вопросъ, будутъ ли князья Молдавіи и Валахіи въ состояніи впредъ держаться на своихъ мѣстахъ сами собою? Мы положительно думаемъ, что нѣтъ, такъ какъ не слѣдуетъ позабывать, что Валашская революція провела глубокую черту разграниченія между прошедшимъ и будущимъ, и что то, что было возможно до этой эпохи, уже не будетъ возможно послѣ революціонной бури, выказавшей слабость правительства господарей во всей ея наготѣ. И на что могли бы опереться эти князья, чтобъ заставить уважать свою власть? Не на любовь ли и преданность управляемыхъ? Но достаточно достигнуть званія господаря, чтобъ всѣхъ превратить въ завистниковъ и враговъ, которые, вмѣсто того, чтобъ поддерживать князей, думаютъ только о томъ, какъ бы ихъ свергнуть. Не на туземную ли милицію? Никоимъ образомъ, и это по очень простой причинѣ: военная дисциплина и избирательная форма правленія, по нашему мнѣнію, несовмѣстимы. Понятно, что вѣрность и преданность войскъ переходятъ отъ отца къ сыну и къ его потомкамъ въ тѣхъ странахъ, которыя управляются въ теченіе многихъ столѣтій одною и тою же династіей. Но можно ли, напримѣръ, предположить, чтобъ Молдавская милиція, изъявлявшая готовность умереть за князя Стурдзу, была бы готова сдѣлать тоже для князя Гики, тогда какъ каждому солдату извѣстно, что этотъ послѣдній былъ въ теченіе всей своей жизни политическимъ противникомъ перваго и, наконецъ, достигъ его паденія, благодаря своей систематической оппозиціи и своимъ интригамъ? Всякій согласится съ тѣмъ, что такая преданность несвойственна человѣческому сердцу, и этимъ объясняются, но не оправдываются дѣйствія Валашской милиціи во время революціи. Это войско, безъ сомнѣнія, осталось бы вѣрнымъ князю Александру Гикѣ, но оно присутствовало при паденіи Бибеско, не пошевельнувъ пальцемъ, чтобъ защитить его».

«Поэтому, чтобъ не пасть при первомъ дуновеніи народнаго неудовольствія, князьямъ приходится разсчитывать только на страхъ, внушаемый Россіей. Но развѣ Россіи, въ концѣ концовъ, не надоѣстъ непріятная роль, которую ей придется брать на себя въ этихъ случаяхъ? Надо сознаться, что очень непріятно быть вынужденнымъ постоянно стоять на-готовѣ для военнаго занятія княжествъ и постоянно ожидать новыхъ усложненій въ нашихъ отношеніяхъ къ Турціи и къ остальной Европѣ. Но что же сдѣлать, чтобъ выйти изъ такого положенія? Остается выбирать между тремя путями, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, каждый представляетъ очень важныя неудобства».

Библиотека "Руниверс"

1) «Отказаться отъ всѣхъ нашихъ правъ протекторства надъ Дунайскими княжествами и допустить, чтобъ Порта управляла ими точно такъ же, какъ она управляетъ прочими своими провинціями. Это значило бы разорвать нашими собственными руками трактаты, написанные остріемъ нашего меча и отказаться отъ правъ, купленныхъ цѣною нашей крови, пролитой въ битвахъ безъ числа. Такая уступка нанесла бы смертельный ударъ уваженію, которымъ пользуется Россія и навсегда отдалила бы отъ нея христіанское населеніе Востока, возлагающее на нее всѣ свои надежды».

2) «Образовать изъ Молдавіи и Валахіи независимое королевство и вручить верховную надъ нимъ власть какому-нибудь принцу, принадлежащему къ одному изъ царствующихъ въ Европѣ домовъ. Турція, вѣроятно, согласилась бы безъ затрудненій на такую сдѣлку, такъ какъ она понимаетъ, что не можетъ съ успѣхомъ бороться противъ Россіи въ княжествахъ, а также сознаетъ, что эти послѣднія только причиняютъ ей заботы, но не доставляютъ существеннаго усиленія ея могуществу. Мы даже думаемъ, что морскія державы старались расположить Турцію въ пользу такого разрѣшенія вопроса. Россія отъ этого частію лишилась бы своихъ средствъ воздѣйствія на Турцію, но за то она освободилась бы отъ обременительной обязанности оказывать свое покровительство такому народу, который видитъ въ этомъ покровительствѣ угнетеніе и думаетъ, что можетъ безъ него обойтись. Но будетъ ли это королевство въ состояніи держаться собственными силами, и не будетъ ли это новый образчикъ Греческаго королевства, которое чувствуетъ себя стѣсненнымъ внутри своихъ границъ и прозябаетъ, будучи лишено начала жизненности?»

«Если политическія потрясенія, которыми ознаменовались роковые 1848 и 1849 годы, что либо ясно намъ доказали, то именно то, что государства третьяго разряда неспособны существовать въ виду страшныхъ успѣховъ, съ которыми духъ анархіи распространяется въ средѣ народныхъ массъ. Не имѣя ни достаточной полиціи для надзора за заговорщиками, ни достаточныхъ военныхъ силъ для подавленія возстаній въ минуту ихъ взрыва, мелкія государства всегда будутъ жертвами тѣхъ отважныхъ демагоговъ, которые мечтаютъ только о ниспроверженіи существующаго порядка. Поразительными примѣрами этой истины служатъ великое герцогство Баденское, великое герцогство Тосканское и Церковная Область. Въ каждомъ изъ этихъ государствъ нужно было прибѣгать къ иностранному вмѣшательству, чтобъ возстановить нарушенный порядокъ: и въ Римѣ, точно такъ же какъ въ Карлсруэ и во Флоренціи, военная оккупація считается единственной гарантіей противъ новыхъ попытокъ республиканской партіи. Молдаво-Валаш-

Библиотека "Руниверс"

ское королевство будетъ находиться въ состояніи безсилія по тѣмъ же причинамъ, по которымъ были безсильны только что названныя нами государства. Такъ какъ мы будемъ вынуждены безпрестанно вмѣшиваться въ его внутреннія дѣла для того, чтобъ предотвратить анархію у самой нашей границы, то мы ничего не выиграемъ ни для безопасности нашихъ границъ, ни для облегченія затрудненій, причиняемыхъ намъ княжествами въ настоящее время; мы только лишимся удобнаго мѣста для военныхъ операцій на случай войны съ Турціей».

3) «Поэтому нѣтъ лучшаго способа устранить всѣ затрудненія, какъ присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Россіи, и можно быть увѣреннымъ, что надѣленныя естественными богатствами княжества скоро достигли-бы, подъ справедливымъ и твердымъ управленіемъ, высокой степени благосостоянія. Но присоединеніе этихъ странъ къ Россіи могло-бы состояться не иначе какъ вслѣдствіе войны; вотъ почему мы и полагаемъ, что, какія-бы ни дѣлались усилія для сохраненія мира, война неизбѣжна, что она можетъ вспыхнуть скоро или нескоро, но во всякомъ случаѣ вспыхнетъ непремѣнно, такъ какъ она коренится въ описанномъ нами положеніи Дунайскихъ княжествъ» *).

*

Между тѣмъ наше вооруженное вмѣшательство въ Венгерскія дѣла принесло тѣ результаты, какихъ мы были въ правѣ ожидать. Военныя дѣйствія инсургентовъ были немедленно парализованы, и главнокомандующій Мадьярской арміи Гёрги нашелся вынужденнымъ, во избѣжаніе безполезнаго кровопролитія, положить оружіе; онъ сдался въ плѣнъ графу Ридигеру, командовавшему однимъ изъ нашихъ армейскихъ корпусовъ. Мадьяры очевидно маневрировали такъ, чтобъ сдаться на капитуляцію Русскимъ военнымъ властямъ, а не Австрійскимъ, и это обстоятельство сильно раздражило Австрійское самолюбіе. Но когда фельдмаршалъ Паскевичъ, донося объ этой капитуляціи Императору, написалъ въ своемъ рапортѣ: «*Ваше Величество, Венгрія у*

---

*) Много лѣтъ спустя послѣ того, второе изъ указанныхъ мною соображеній частію осуществилось на дѣлѣ, хотя соединенныя подъ властію одного государя Молдавія и Валахія остались данницами Турціи вмѣсто того, чтобъ образовать независимое королевство. Признаюсь, я не ожидалъ, чтобъ кто-либо изъ Гогенцоллерновъ или какой другой членъ одного изъ царствующихъ домовъ согласился сдѣлаться вассаломъ султана. Но, несмотря на такое самоотверженіе и смиреніе, развѣ можно позавидовать положенію принца Карла Румынскаго? Онъ съ трудомъ держится, и я сомнѣваюсь, чтобъ ему удалось сдѣлаться основателемъ династіи. Рано или поздно сила обстоятельствъ потребуетъ присоединенія Дунайскихъ княжествъ къ двумъ сосѣднимъ имперіямъ, такъ что Молдавія и Великая Валахія достанутся Россіи, а Малая Валахія—Австріи, и рѣка Ольта будетъ границей между этими двумя государствами.

Библиотека "Руниверс"

Вашихъ ногъ»,—тогда гнѣву Вѣнскаго кабинета не было границъ, и можно сказать, что именно съ тѣхъ поръ наши отношенія къ Австріи стали портиться, раздраженіе и непріязнь замѣнили дружелюбіе, существовавшее между двумя правительствами болѣе тридцати лѣтъ. Въ теченіе всей кампаніи, какъ это часто бываетъ между союзниками, въ особенности, когда во главѣ одной изъ союзныхъ армій стоитъ такой тщеславный, придирчивый и дорожащій своимъ авторитетомъ начальникъ, какимъ былъ Паскевичъ,—между Русской арміей и Австрійской администраціей безпрестанно возникали столкновенія, и только благодаря изворотливости и здравомыслію генерала Берга, отправленнаго въ главную квартиру Австрійской арміи въ качествѣ Русскаго коммиссара, эти столкновенія улаживались и не помѣшали совокупному дѣйствію двухъ армій.

Вмѣсто того, чтобъ быть признательнымъ генералу Бергу за то, что онъ умѣлъ съ большимъ тактомъ водворять согласіе между союзными арміями и тѣмъ направлять ихъ къ одной цѣли, фельдмаршалъ Паскевичъ, напротивъ того, остался имъ крайне недоволенъ; онъ постоянно выдавалъ генерала Берга за человѣка, исключительно преданнаго интересамъ Австріи и безжалостно чернилъ его въ мнѣніи императора Николая. Ему нетрудно было внушить такія-же предубѣжденія Великому Князю Константину Николаевичу, который, будучи въ ту пору еще очень молодымъ человѣкомъ, принималъ подъ начальствомъ Паскевича участіе въ Венгерской кампаніи.

Когда, по возвращеніи изъ похода, Великій Князь отправился прямо въ Петергофъ, гдѣ находился въ то время дворъ, и когда, послѣ перваго изліянія сердечныхъ чувствъ, супруга барона Петра Мейндорфа, пользовавшаяся въ ту пору добрымъ расположеніемъ Императрицы, спросила у него: «Какія-же извѣстія привезли Ваше Высочество о генералѣ Бергѣ?» Великій Князь отвѣчалъ ей сердито: «Не спрашивайте меня о Бергѣ....»

Вслѣдъ за возстановленіемъ тишины въ Венгріи и въ Дунайскихъ княжествахъ, спокойствіе было возстановлено и въ Трансильваніи.

Оттоманскій коммиссаръ Фуадъ-эффенди испросилъ дозволеніе отправиться въ Петербургъ подъ тѣмъ предлогомъ, что ему необходимо категорически объясниться на счетъ будущаго положенія Молдавіи и Валахіи, а я воспользовался этимъ отсутствіемъ моего коллеги, чтобъ отправиться въ отпускъ также въ Петербургъ. У меня было нѣсколько приступовъ перемежающейся лихорадки, и я надѣялся, что перемѣна климата будетъ мнѣ полезна. Это было въ концѣ Ноября. Я направился въ Петербургъ черезъ Яссы, Черновицы и Варшаву. Это былъ лучшій путь въ то позднее время года, такъ какъ въ ту пору

Библиотека "Руниверс"

еще не было желѣзныхъ дорогъ, и я могъ воспользоваться шоссейными дорогами, которыми соединены названные города.

Во время моего проѣзда черезъ Варшаву, я представился фельдмаршалу Паскевичу и начальнику его штаба князю Горчакову, которые оба очень желали знать, какъ идутъ дѣла въ княжествахъ. Въ Петербургѣ я засталъ Фуада-эффенди, который опередилъ меня нѣсколькими днями. Я пробылъ тамъ около двухъ мѣсяцевъ въ средѣ моихъ родныхъ, а въ концѣ Марта уже снова былъ въ Бухарестѣ.

Лѣтомъ я жилъ подлѣ самого города въ домѣ, принадлежавшемъ князю Константину Кантакузену. Нашей ближайшей сосѣдкой была Элиза Филипеско, урожденная княжна Бибеско; ея садъ былъ смеженъ съ нашимъ садомъ. Это была очень образованная и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная женщина. И моей женѣ, и мнѣ очень нравилось ея общество, и мы видались каждый день. Даже послѣ нашего отъѣзда изъ Валахіи, я постоянно переписывался съ ней, и могу сказать, что въ настоящее время это единственныя узы, связывающія меня съ этой страной. Ея мужъ Александръ Филипеско, прозванный Вульпаки, потому что его старика-отца называли Вульпе (волкомъ), пользовался среди своихъ соотечественниковъ заслуженнымъ уваженіемъ, но, пустившись въ разныя неудачныя спекуляціи, сильно разстроилъ и свое собственное состояніе, и состояніе своей жены. Онъ умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, еще въ молодыхъ лѣтахъ, быть можетъ отъ огорченія, а его вдова, успѣвшая кое-что спасти изъ своего приданаго, переѣхала въ Парижъ и вполнѣ посвятила себя воспитанію единственнаго сына. Хотя съ тѣхъ поръ я уже никогда болѣе не встрѣчался съ г-жею Элизою Филипеско и хотя насъ раздѣляло громадное разстояніе, однако отъ того нисколько не ослабѣли связывавшія насъ взаимныя чувства дружбы и уваженія, и я всю жизнь буду хранить нѣжное и почтительное о ней воспоминаніе.

Въ день рожденія Императора, 25 Іюня, я устроилъ на занятой мною виллѣ роскошное празднество, на которое пригласилъ лицъ всякаго званія. Тутъ было все и для всѣхъ классовъ общества—и фейерверкъ, и иллюминація, и танцы, и ужинъ; вмѣстѣ съ тѣмъ празднику благопріятствовала прекрасная погода, и гости разъѣхались только на разсвѣтѣ.

Въ Августѣ я предпринялъ вмѣстѣ съ женою, ради удовольствія, поѣздку въ Малую Валахію, которая тянется вдоль склона Карпатскихъ горъ и безспорно составляетъ самую живописную часть Дунайскихъ княжествъ. Мы отправились сначала въ Кронштадтъ, въ Трансильванію, оттуда въ Германштадтъ, потомъ, возвратившись въ Малую Валахію черезъ Темешское ущелье, мы посѣтили бо́льшую часть

Библиотека "Руниверс"

Греческихъ монастырей, помѣщающихся въ настоящихъ дворцахъ, среди самой восхитительной мѣстности; послѣ того мы поѣхали въ Банатъ, въ Мегадію, гдѣ находятся минеральныя воды, всего чаще посѣщаемыя Валахами, благодаря близости къ границѣ, и возвратились въ Бухарестъ черезъ Оршову, Турно-Северинъ и Крайову.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія изъ этой поѣздки, я тяжко заболѣлъ перемежающеюся лихорадкой, которая была чрезвычайно упорна и мучила меня до самаго отъѣзда изъ Валахіи. Эта лихорадка не покидала меня и послѣ моего возвращенія въ Петербургъ, и я вполнѣ отдѣлался отъ нея только въ слѣдующемъ году, когда выдержалъ курсъ лѣченія въ Карлсбадѣ. Даже въ Карлсбадѣ, въ то время, какъ я употреблялъ тамошнія воды, у меня были два приступа лихорадки, но это были послѣдніе; поэтому я имѣю основаніе полагать, что воды этого благотворнаго источника составляютъ лучшее цѣлебное средство противъ застарѣлыхъ лихорадокъ, которыя заносятся изъ долины Нижняго Дуная. Въ Молдавіи и Валахіи лихорадкой занемогаютъ не только иностранцы, но и мѣстные жители, и наши войска сильно отъ нея пострадали; хотя пріемы хины и останавливаютъ ее, но она часто и почти неизбѣжно возобновляется.

Я возвратился въ городъ лишь только нашелъ это возможнымъ, но мои силы не возстановлялись. Я обратился къ графу Нессельроде съ просьбой уволить меня отъ должности, такъ какъ можно было предвидѣть, что мое здоровье можетъ быть возстановлено только при перемѣнѣ климата. Между тѣмъ, къ намъ пришло извѣстіе, что дядя моей жены ген. Козловскій овдовѣлъ. Уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, онъ испросилъ у Императора дозволеніе оставить свое имѣніе въ пожизненное пользованіе своей женѣ безъ нарушенія правъ, предоставленныхъ моей женѣ завѣщаніемъ, написаннымъ прежде того въ ея пользу. Такъ какъ жена ген. Козловскаго умерла прежде своего мужа, то право пожизненнаго пользованія уничтожалось само собою, и моя жена дѣлалась прямой наслѣдницей своего дяди. Вмѣстѣ съ тѣмъ насъ увѣдомили, что понесенная ген. Козловскимъ утрата до такой степени разстроила его умственныя силы, что онъ ничѣмъ болѣе не занимался, что отъ того страдало его хозяйство и что моей женѣ, какъ всѣхъ болѣе заинтересованной въ томъ, чтобъ его имѣніе не пришло въ разореніе, слѣдовало взять Зозовское имѣніе въ аренду. Поэтому было рѣшено, что моя жена немедленно отправится въ Кіевскую губернію къ своему дядѣ и что я пріѣду туда-же, лишь только это окажется возможнымъ. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ того состоялось мое увольненіе отъ должности, которую я передалъ г. Халчинскому, замѣнившему г. Коцебу въ званіи генеральнаго консула въ Бухарестѣ.

Библиотека "Руниверс"

Я выѣхалъ изъ Валахіи въ Декабрѣ 1850 года, пробылъ дней десять въ Зозовѣ, гдѣ нашелъ мою жену, и затѣмъ, заключивъ формальный арендный контрактъ на 9 лѣтъ, вмѣстѣ съ нею выѣхалъ въ Петербургъ. Арендная плата была первоначально установлена въ размѣрѣ 10 тыс. рубл. сер.; но впослѣдствіи, въ виду признанной невозможности извлекать изъ имѣнія такой доходъ, она была съ обоюднаго согласія понижена на 8 тыс. руб. Дорбгой меня снова стала мучить лихорадка, и я прибылъ въ Петербургъ совершенно больной.

XIII.

Я провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ, но мое здоровье не поправлялось; поэтому я рѣшился взять четырехъ-мѣсячный отпускъ для поѣзки за-границу, чтобъ предпринять лѣченіе минеральными водами и, какъ было выше замѣчено, вылѣчился въ Карлсбадѣ. Почти въ то самое время, какъ я садился на почтовый пароходъ, который шелъ въ Штеттинъ, моя жена снова отправилась въ Кіевскую губернію, такъ какъ на нашихъ рукахъ было дѣло, требовавшее большаго умѣнья за него взяться: мы должны были извлекать изъ имѣнія ту сумму, которую обязались уплачивать дядѣ Козловскому.

Изъ Штеттина я отправился черезъ Берлинъ и Дрезденъ въ Карлсбадъ, гдѣ пробылъ шесть недѣль.

Я возвратился въ Петербургъ тѣмъ же путемъ, какимъ изъ него уѣхалъ—черезъ Берлинъ и Штеттинъ, на почтовомъ пороходѣ, которымъ командовалъ мой братъ. Во время переѣзда стояла прелестная погода. Моя жена пріѣхала ко мнѣ черезъ шесть недѣль послѣ того и привезла съ собою своего племянника, сына одной изъ ея кузинъ, барона Генриха Лоринггофена, двѣнадцати-лѣтняго мальчика, отецъ котораго просилъ насъ помѣстить его въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Мальчикъ былъ принятъ въ эту школу по прошествіи года и сталъ приходить къ намъ по Воскресеньямъ и въ праздничные дни. Онъ скоро сдѣлался въ нашемъ домѣ общимъ любимцемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ произведенъ въ офицеры Гродненскаго гвардейскаго гусарскаго полка и, выйдя въ отставку, исполняетъ въ настоящее время обязанности мироваго посредника въ Полтавской губерніи, гдѣ умѣлъ снискать на этой должности общее уваженіе.

Во время моего пребыванія въ княжествахъ я былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 15-го Декабря 1851 года былъ возведенъ въ званіе сенатора. Такимъ образомъ я вступилъ не совершенно новое поприще, къ которому вовсе не былъ подготовленъ, такъ какъ ни-

Библиотека "Руниверс"

когда не изучалъ правовѣдѣнія. Но пословица говоритъ: *à force de forger, on devient forgeron*, такъ и я, благодаря тщательному изученію дѣлъ, по которымъ мнѣ приходилось высказывать мнѣніе и благодаря старанію ближе съ ними ознакомиться, успѣлъ освоиться со Сводомъ Законовъ и пріобрѣсти репутацію способнаго сенатора, вліявшаго на мнѣнія сотоварищей. Я исполнялъ сенаторскія обязанности въ теченіи девяти лѣтъ. Я присутствовалъ съ начала въ Межевомъ Департаментѣ, потомъ въ 1-мъ отдѣленіи 3-го департамента и, наконецъ, въ 2-мъ отдѣленіи 3-го Департамента, гдѣ былъ назначенъ первоприсутствующимъ послѣ смерти князя Мещерскаго.

Лѣтомъ, во время сенатскихъ вакацій, я уѣзжалъ въ Кіевскую губернію, а потомъ, когда мы купили въ Подольской губерніи имѣніе Носковцы, я отправлялся туда къ женѣ, которая пристрастилась къ агрономіи и уѣзжала на Югъ съ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дней.

Здѣсь я долженъ сказать нѣсколько словъ о моемъ тестѣ, тайномъ совѣтникѣ Козловскомъ, который очень ко мнѣ расположился и питалъ искреннюю ко мнѣ привязанность. Онъ вступилъ въ военную службу въ царствованіе императрицы Екатерины II-й и командовалъ батальономъ гвардейскаго Преображенскаго полка во время катастрофы 12-го Марта 1801 года: на него была возложена обязанность охранять личную безопасность Наслѣдника престола; наконецъ, онъ участвовалъ въ битвѣ при Аустерлицѣ во главѣ того же полка, надъ которымъ былъ назначенъ начальникомъ. Затѣмъ, въ 1809 году, вслѣдствіе какихъ-то столкновеній съ командовавшимъ гвардейскимъ корпусомъ, Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, мой тесть оставилъ военную службу и сталъ жить жизнію частнаго человѣка, что продолжалось до самой его смерти. Онъ былъ три раза женатъ. Его первая жена, урожденная графиня Софья Бальменъ, имѣла много дѣтей, но моя жена была единственная изъ рожденныхъ отъ перваго брака дѣтей, оставшаяся въ живыхъ. Во второмъ бракѣ, мой тесть былъ женатъ на княжнѣ Мещерской, которая умерла вслѣдствіе первыхъ родовъ, а ея ребенокъ скоро также послѣдовалъ за нею въ могилу. Наконецъ, третьей женой моего тестя была г-жа Григорьева, отъ которой онъ имѣлъ дочь Екатерину и двухъ сыновей, Михаила и Александра, не считая тѣхъ дѣтей, которыя умерли въ раннемъ возрастѣ.

Мой тесть былъ въ ту пору очень старъ, и лишь только онъ узналъ, что по моимъ служебнымъ обязанностямъ я долженъ былъ постоянно жить въ Петербургѣ, онъ уполномочилъ меня наблюдать за администраціей Брацлавскаго староства и дѣлить доходы по-ровну между моей женой и остальными тремя его дѣтьми. Но его физическія силы видимо слабѣли и, пролежавъ въ постели въ теченіе нѣсколькихъ не-

Библиотека "Руниверс"

дѣль, онъ умеръ отъ старости 1-го Марта 1853 г. Въ теченіе всей его болѣзни моя жена и я постоянно находились подлѣ него; моя жена присутствовала при его послѣднемъ издыханіи и закрыла ему глаза.

За недѣлю до смерти, когда онъ былъ еще въ здравомъ умѣ, онъ позвалъ меня къ себѣ и вручилъ мнѣ свое завѣщаніе изъ опасенія, какъ онъ говорилъ, чтобы этотъ документъ не пропалъ во время суматохи, которая послѣдуетъ за его смертію, но въ сущности потому, что онъ опасался, чтобы этотъ документъ не былъ уничтоженъ которымъ-нибудь изъ его сыновей, еслибы попалъ въ ихъ руки. Его двое сыновей, хотя и находились еще въ малолѣтствѣ, не внушали ему довѣрія, а въ послѣдствіи ясно доказали своимъ поведеніемъ, что отецъ цѣнилъ ихъ по достоинству и что на нихъ нельзя было полагаться. Этимъ завѣщаніемъ мой тесть отказывалъ своей женѣ домъ, въ которомъ онъ жилъ на Дворцовой набережной. Брацлавское староство, до истеченія срока, на который было отдано это помѣстье, тоесть до 1877 г., должно было управляться однимъ изъ его двухъ сыновей, по достиженіи ими совершеннолѣтія, а доходы должны были дѣлиться между сонаслѣдниками по закону; наконецъ, хранившіеся въ банкѣ капиталы, предоставленные въ пожизненное пользованіе его женѣ, должны были раздѣлиться послѣ ея смерти по ровну между четырьмя дѣтьми, такъ что моя жена получала на свою долю сто тысячъ рублей и восьмую долю доходовъ съ Брацлавскаго староства.

Я взялъ на себя всѣ хлопоты касательно похоронъ, и смертные останки моего тестя погребены на Смоленскомъ кладбищѣ, гдѣ слишкомъ за тридцать лѣтъ предъ тѣмъ похоронена его первая жена. Его вдова, никогда не пользовавшаяся хорошимъ здоровьемъ, пережила его недолго: она умерла 1-го Апрѣля слѣдующаго года вслѣдъ за помолвкой ея дочери Екатерины за г-на Томилова.

Я уже ранѣе упоминалъ о двухъ кузинахъ моей жены, дѣвицахъ Сиверсъ, которыя жили довольно долго у насъ въ Петербургѣ и которыхъ мы отвезли въ 1847 г. обратно въ Малороссію. Старшая изъ нихъ Екатерина, страдавшая чахоткой, умерла вскорѣ послѣ того, между тѣмъ какъ младшая Александрина вышла замужъ за офицера Воронежскаго кадетскаго корпуса Гаршина. Это былъ бракъ по любви; но счастіе молодыхъ супруговъ было непродолжительно. Александрина Гаршина родила 17-го Января 1850 г. дочь, у которой моя жена была крестною матерью и которой было дано имя Юлія. Но во время вторичной беременности, здоровье Александрины Гаршиной сильно разстроилось вслѣдствіе какой - нибудь неосторожности, или вслѣдствіе того, что она также носила въ себѣ зародыши той болѣзни, которая похитила ея сестру въ цвѣтѣ молодости. Она дожила только

Библиотека "Руниверс"

,о разрѣшенія отъ бремени и умерла вмѣстѣ съ новорожденнымъ ре-)енкомъ. На своемъ смертномъ одрѣ она выразила желаніе, чтобы моя кона взяла къ себѣ и воспитала ея единственную дочь, и мы съ тѣхъ поръ читали за священный долгъ исполненіе предсмертной воли покойной. Мы условились съ г. Гаршинымъ, что онъ отвезетъ свою дочь въ Линовицы къ графу Бальмену, а моя жена пріѣдетъ туда за нею, а затѣмъ слѣдующей осенью мы возмемъ ее съ собою въ Петербургъ.

Вскорѣ послѣ смерти моего тестя, въ то время, какъ я былъ занятъ утвержденіемъ его завѣщанія и исполненіемъ его послѣдней воли о всѣхъ ея подробностяхъ, моя жена отправилась въ Линовицы, а оттуда вмѣстѣ съ маленькой Юліей Гаршиной въ Зозово, куда и я прибылъ вскорѣ послѣ нея. Дѣвочкѣ было тогда три съ половиной года, и я до сихъ поръ помню, какъ въ пріѣздъ мой я засталъ ее сидящей на землѣ и занятой игрушками. Мы съ ней скоро ознакомились, а такъ какъ я очень люблю дѣтей, то она очень скоро привязалась ко мнѣ. Этотъ ребенокъ скоро сдѣлался идоломъ и для моей жены, и для меня. Съ этой минуты наша жизнь получила опредѣленную цѣль. Намъ было кого любить, и мы знали, для кого будемъ трудиться; словомъ, пополнился пробѣлъ, который мы чувствовали въ нашей жизни.

Около этого времени моя жена пріобрѣла Зозовку, смежную съ Зозовомъ деревню, которую дядя Козловскій продалъ много ниже ея настоящей цѣны по причинѣ безпрестанной нужды въ деньгахъ, и которую моя жена выкупила въ качествѣ близкой наслѣдницы на основаніи предоставленнаго ей закономъ права. Какъ Зозово, такъ и Зозовка представляли много удобствъ для овцеводства, благодаря своимъ обширнымъ пастбищамъ. Мы купили въ Полтавской губерніи нѣсколько тысячъ мериносовъ и десятка четыре барановъ, выбранныхъ съ особымъ вниманіемъ, и мы были удовлетворены тѣмъ, что шерсть нашихъ овецъ улучшалась съ каждымъ годомъ и продавалась по цѣнѣ все болѣе и болѣе высокой.

Я не буду говорить ни о посылкѣ князя Менщикова въ Константинополь, ни о новомъ занятіи Дунайскихъ княжествъ нашими войсками, ни о разрывѣ съ Турціей, ни о коалиціи, составленной противъ насъ Англіей, Франціей и Піемонтомъ, ни о войнѣ, которая была перенесена съ береговъ Дуная на Крымскій полуостровъ, такъ какъ я не принималъ въ этихъ событіяхъ никакого участія и могъ бы ссылаться только на чужія слова. Я нахожу, что сочиненіе Кинглека *Вторженіе въ Крымъ* принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя всего лучше освѣщаютъ событія того времени и всего лучше объясняютъ, какія средства были пущены въ ходъ для того, чтобы вызвать войну и склонить Россію къ уступкамъ.

Библиотека "Руниверс"

XIV.

Мои сенаторскія обязанности заставляли меня жить въ Петербургѣ; но я пользовался лѣтними мѣсяцами, во время которыхъ для сенаторовъ наступало вакаціонное время, чтобъ отправляться сначала въ Зозово, а потомъ въ Носковцы. Что касается моей жены и нашей дѣвочки, то онѣ постоянно проводили половину года въ деревнѣ съ большой пользой для ихъ здоровья. Но положеніе Россіи было въ ту пору такое печальное, что оно налагало отпечатокъ грусти на всѣ умы. Наши порты Балтійскаго и Чернаго морей были блокированы Французскими и Англійскими флотами, съ которыми мы не были въ состояніи бороться, и наша отпускная торговля была доведена до самыхъ незначительныхъ размѣровъ. Крымъ сдѣлался цѣлію самыхъ энергическихъ усилій со стороны состоявшейся противъ насъ коалиціи. Севастополь еще держался, но можно было предвидѣть, что въ концѣ концевъ эта крѣпость будетъ взята непріятелемъ. Находившаяся на нашемъ правомъ флангѣ Австрія причинила намъ своей нечестной политикой еще болѣе вреда, нежели наши явные враги и заставила насъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, очистить княжества. Изъ великихъ державъ только одна Пруссія держалась по отношенію къ намъ благосклоннаго нейтралитета; но можно ли было поручиться, что подъ давленіемъ извнѣ она не будетъ вынуждена дѣйствовать сообща съ нашими врагами? Подвергшись нападенію со всѣхъ сторонъ, и въ Европѣ, и въ Азіи, и даже на берегахъ Тихаго океана, въ Камчаткѣ, Имперія истощалась въ усиліяхъ сдерживать за-разъ столько враговъ. При такомъ положеніи вещей естественно возникалъ вопросъ, нѣтъ-ли возможности сдѣлать такую диверсію, которая внушила-бы Англіи опасенія за ея владѣнія въ Индіи и принудила-бы ее отозвать изъ Крыма часть ея войскъ.

Я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые постоянно мечтаютъ о дальнихъ военныхъ экспедиціяхъ и всегда готовы пускаться на рискованныя предпріятія. Но если когда-нибудь было дозволительно сдѣлать исключеніе изъ этого внушаемаго осмотрительностью правила, то конечно тогда, когда Россія боролась изъ-за своего существованія. Будучи сильно озабоченъ этою мыслію, я сталъ собирать всѣ географическія и топографическія свѣдѣнія о дорогахъ, ведущихъ изъ Россіи въ Индію, и составилъ записку, въ которой обсуждалъ вопросъ о вторженіи Русской арміи въ Индію какъ относительно операціонной линіи, которой слѣдовало-бы держаться, такъ и относительно союзовъ, которые слѣдовало-бы заключить. Эта записка помѣ-

Библиотека "Руниверс"

ченная 14-мъ Іюня 1854 г., была вручена мною въ Петергофѣ Великому Князю Наслѣднику, нынѣ благополучно царствующему Императору, который соблаговолилъ благосклонно принять ее и обѣщалъ познакомиться съ ея содержаніемъ. Изложеннымъ мною идеямъ не было дано никакого хода, и мнѣ извѣстно только то, что моя записка положена въ секретные архивы Главнаго Штаба, гдѣ вѣроятно находится и до сихъ поръ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, а именно въ 1857 г., въ Индіи вспыхнуло противъ Британскаго правительства одно изъ самыхъ страшныхъ возстаній, упоминаемыхъ въ Исторіи, которое было подавлено Англіей съ большимъ трудомъ. Огонь, вѣроятно, уже давно таился подъ пепломъ, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это возстаніе вспыхнуло-бы ранѣе, еслибы населеніе Индіи могло разсчитывать на военную демонстрацію со стороны Россіи; и кто можетъ рѣшить, каковъ былъ-бы окончательный исходъ этой страшной борьбы? То, что мы воздержались въ эту критическую минуту отъ всякаго вмѣшательства, было для Англіи настоящимъ даромъ фортуны. Между тѣмъ дѣла шли все хуже и хуже; почти каждый курьеръ привозилъ извѣстіе о какой-нибудь неудачѣ, испытанной нашими войсками. Императоръ Николай былъ сильно этимъ встревоженъ, такъ какъ онъ не могъ не сознавать, что его придирчивая политика, его несдержанность и высокомѣріе были главной причиной обрушившихся на его Имперію бѣдствій. Его гордость была унижена, его самолюбіе было оскорблено, и онъ не видѣлъ никакой возможности съ честію выйти изъ борьбы, которую онъ затѣялъ такъ неблагоразумно; ежеминутныя заботы, наконецъ, разстроили его желѣзное здоровье, и этотъ одаренный Геркулесовской силой монархъ не вынесъ непродолжительной болѣзни.

Я жилъ въ ту пору въ Петербургѣ и помню, какъ были всѣ поражены этимъ неожиданнымъ событіемъ. Объ императорѣ Николаѣ искренно жалѣлъ его народъ, видѣвшій въ немъ какъ-бы воплощеніе славы и могущества Россіи. Нѣкоторые изъ его недостатковъ съ избыткомъ выкупались его хорошими качествами, и никогда еще тронъ не былъ занятъ болѣе благороднымъ рыцаремъ, болѣе честнымъ человѣкомъ. Онъ никогда не соглашался на какія-либо сдѣлки съ революціей, и даже либерализмъ внушалъ ему подозрѣнія. Въ качествѣ самодержца всей Россіи, императоръ Николай рано пришелъ къ убѣжденію, что для Имперіи не было иного спасенія, какъ въ союзѣ съ консервативными принципами и въ теченіе всего тридцати-лѣтняго царствованія никогда не уклонялся отъ предначертаннаго пути. Онъ умеръ настоящимъ христіаниномъ, сохранилъ до своего послѣдняго

Библиотека "Руниверс"

издыханія ясность ума, а въ своемъ прощаніи съ императрицею, съ дѣтьми и со служителями еще разъ доказалъ, какая была у него возвышенная и чистая душа.

XV.

Когда императоръ Александръ II вступилъ на престолъ, онъ находился по отношенію къ союзнымъ державамъ въ совершенно иномъ положеніи, чѣмъ его отецъ и могъ принять такія условія, на которыя императоръ Николай никогда не могъ-бы согласиться.

Севастополь былъ взятъ, но въ сущности въ руки непріятеля досталась лишь куча развалинъ, и всѣ его попытки прииикнуть внутрь Крыма остались безуспѣшными: союзники могли удаляться отъ берега моря лишь на нѣсколько переходовъ, потому что только ихъ флотъ могъ доставлять имъ съѣстные припасы, военные снаряды и все, въ чемъ можетъ нуждаться армія во время войны; но находившіяся въ ихъ распоряженіи транспортныя суда были крайне недостаточны, а страна сама по себѣ не доставляла никакихъ ресурсовъ.

Послѣ предварительныхъ переговоровъ, было условлено собрать въ Парижѣ конгресъ и обсудить на немъ условія, на которыхъ было-бы возможно заключить миръ. Уполномоченными со стороны Россіи были графъ Орловъ и баронъ Бруновъ.

Парижскій мирный договоръ былъ вскорѣ подписанъ, такъ какъ всѣ державы съ нетерпѣніемъ желали выхода изъ ненормальнаго положенія, которое разрушило всѣ старые международные союзы и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ держало Европу въ неизвѣстности на счетъ того, что ее ожидаетъ.

Россія выпуталась изъ своего затруднительнаго положенія, быть можетъ, лучше, чѣмъ можно было ожидать. Тѣмъ не менѣе въ душѣ каждаго, кому дорого достоинство Россіи, осталось глубокое раздраженіе вслѣдствіе нейтрализаціи Чернаго моря, наложеннаго на Россію запрещенія содержать на этомъ морѣ болѣе установленнаго числа мелкихъ военныхъ судовъ и исправленія нашей Бессарабской границы, т.-е. уступки небольшаго клочка земли у низовьевъ Дуная и Прута.

Что касается статьи договора о проведеніи новой границы въ Бессарабіи, то она была предложена и поддержана преимущественно Австріей, точно будто эта держава желала оправдать предсказаніе князя Шварценберга, что Австрія удивитъ Европу своей неблагодарностью. Впрочемъ я не думаю, чтобъ Австрійскіе государственные люди поступили въ этомъ случаѣ разсчетливо. Еслибы Австрія оста-

Библиотека "Руниверс"

валась союзницей Россіи, она не лишилась бы владѣній въ Италіи и не потерпѣла-бы пораженія при Садовой, такъ что она дорого поплатилась, доставивъ себѣ удовольствіе унизить свою старинную союзницу. Окончившаяся война дала намъ немало тяжелыхъ уроковъ и раскрыла намъ глаза на множество недостатковъ въ нашей военной и нашей внутренней организаціи, такъ что императоръ Александръ нашелся вынужденнымъ заняться съ первыхъ дней своего царствованія введеніемъ самыхъ необходимыхъ реформъ. Ошибка заключалась только въ томъ, что хотѣли сдѣлать слишкомъ много за-разъ и что предположенныя реформы не всегда подготовлялись съ надлежащимъ тщаніемъ. Но еще болѣе прискорбно было то, что большую строгость, которая была характеристической особенностью царствованія императора Николая, замѣнило такое полное ослабленіе власти, что можно было опасаться совершенной дозорганизаціи общества. Въ то время, какъ слабость правительства доходила до неслыханной степени, вредныя тенденціи дѣлали быстрые успѣхи, и настроеніе умовъ становилось все болѣе и болѣе дурнымъ.

Въ эту первую эпоху своего царствованія, императоръ Александръ,—по натуральной-ли склонности или изъ желанія пріобрѣсти популярность—вполнѣ погрузился въ пучину либерализма и въ послѣдствіи лишь мало-по-малу сталъ излѣчиваться отъ своего пристрастія къ демократическимъ влеченіямъ и, наконецъ, убѣдился, что самодержавіе и либерализмъ несовмѣстимы.

Правительственная мѣра, болѣе всѣхъ другихъ прославившая царствованіе императора Александра и наложившая на это царствованіе особый отпечатокъ, безспорно заключалась въ отмѣнѣ крѣпостной зависимости. Это учрежденіе, находившееся въ противорѣчіи съ идеями того времени, уже отжило и не могло долѣе существовать. Императоры Александръ I и Николай I оба помышляли объ освобожденіи сельскаго населенія, но Александру II принадлежитъ та честь, что онъ смѣло приступилъ къ разрѣшенію этого труднаго вопроса и довелъ дѣло до конца.

Можно только пожалѣть о томъ, что къ вопросу о личной свободѣ Императоръ счелъ нужнымъ присовокупить, въ качествѣ неизбѣжнаго дополненія, обезпеченіе крестьянина земельнымъ участкомъ въ видахъ предохраненія отъ пролетаріата. Стараніе опредѣлить законодательнымъ путемъ то, что слѣдовало предоставить добровольному соглашенію обѣихъ сторонъ, чрезвычайно усложнило вопросъ и посягнуло на право собственности, нарушать которое нельзя безопасно. Я очень хорошо знаю, что изъ желанія загладить насиліе этого государственнаго переворота (такъ какъ иначе и нельзя назвать обо-

Библиотека "Руниверс"

бравіе цѣлаго класса въ пользу другаго) постоянно повторялось, что крестьянинъ не пожелалъ-бы свободы безъ земельнаго надѣла, и дѣлалась ссылка на аксіому, такъ глубоко вкоренившуюся въ умахъ Русскихъ крестьянъ: мы принадлежимъ помѣщику, но земля принадлежитъ намъ. Наконецъ, чтобъ говорить правду, существовало опасеніе, что отказать крестьянамъ въ надѣлѣ землей значило-бы вызвать важныя волненія, которыя, быть можетъ, нельзя было-бы подавить.

Я не берусь рѣшать, имѣли-ли эти опасенія серьезное основаніе или же правительство подчинилось вліянію неосновательныхъ опасеній; но можно положительно утверждать, что освобожденіе крестьянъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно было обнародовано, создало сильный антагонизмъ между помѣщикомъ и его бывшими вассалами и посѣяло сѣмена глубокой ненависти между двумя сословіями. Оскорбляя одно изъ этихъ сословій въ самыхъ законныхъ его интересахъ, не удалось удовлетворить и другаго сословія, такъ какъ крестьянинъ, воображающій, что имѣетъ право на всю землю, остается недоволенъ доставшимся ему участкомъ. Сверхъ того, нельзя скрывать отъ себя и того обстоятельства, что производительность земли, а вмѣстѣ съ нею и богатство Имперіи, сильно пострадали отъ уничтоженія рабства. Уже ничто не обязываетъ крестьянина работать, чувствуется недостатокъ въ рабочихъ силахъ, и огромныя пространства земли остаются невоздѣланными. Это всего болѣе замѣтно въ Малороссіи, гдѣ населеніе отличается такою лѣнью, которая вошла въ пословицу. Поэтому, быть можетъ, только черезъ четверть столѣтія производительность земли достигнетъ тѣхъ размѣровъ, какіе она имѣла до 1861 года. А между тѣмъ было вовсе не трудно избѣжать этихъ неудобствъ, поступивъ въ остальной Россіи также, какъ было поступлено въ Балтійскихъ провинціяхъ, гдѣ крѣпостное право было уничтожено сорокъ лѣтъ тому назадъ. Тамъ экономическія условія не подверглись никакимъ потрясеніямъ, право собственности осталось неприкосновеннымъ, и продажная цѣна земель постоянно возвышается, между тѣмъ какъ эта цѣна значительно понизилась повсюду, гдѣ эманципація совершилась по новому способу. Вмѣстѣ съ тѣмъ ничто не мѣшаетъ крестьянамъ Балтійскихъ провинцій сдѣлаться собственниками, и многіе изъ нихъ дѣйствительно сдѣлались ими, но не въ силу указа, изданнаго ихъ государемъ, а благодаря своему трудолюбію и бережливости. Мнѣ небезъизвѣстно, что значительная часть Русской періодической печати, ультра-демократическія тенденціи которой не составляютъ ни для кого тайны, часто оплакивала судьбу крестьянъ Латышей и Эстонцевъ. Это такая тема, на которую редакторы журналовъ плетутъ не стѣсняясь и съ явнымъ удовольствіемъ все, что вздумается.

Библиотека "Руниверс"

Но еслибы, не довольствуясь пустыми, лишенными смысла декламаціями, постарались вникнуть въ суть этого дѣла, то скоро пришлибы къ убѣжденію, что уничтоженіе крѣпостной зависимости въ Балтійскихъ провинціяхъ совершилось съ большей осмотрительностью, не вызвало никакихъ безпорядковъ и не нарушило ничьихъ интересовъ, и что еслибы въ остальной Россіи руководствовались тѣмъ, что было сдѣлано въ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи, то удалось-бы избѣжать многихъ разочарованій.

Манифестъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права появился лишь 19 Февраля 1861, но уже за три года передъ тѣмъ этотъ жгучій вопросъ былъ поставленъ на очередь, и имъ были заняты всѣ умы. По приказанію Императора, во всѣхъ губерніяхъ были организованы комитеты для составленія проэктовъ, примѣнимыхъ къ каждой особой мѣстности; но безъ этой работы можно-бы обойтись, такъ какъ засѣдавшая въ Петербургѣ редакціонная коммиссія не обратила почти никакого вниманія на желанія, выраженныя мѣстными комитетами.

Какъ въ Россіи, такъ и за-границей, печать взялась за этотъ вопросъ, и академикъ Воловской напечаталъ въ *Revue des deux Mondes* за 1859 и 1860 годы нѣсколько замѣчательныхъ статей касательно уничтоженія въ Россіи крѣпостнаго права. Ничего лучшаго не было написано на эту тему и, еслибы идеи Воловскаго были приняты, удалось бы во многихъ случаяхъ избѣжать ложнаго пути. Но весьма вѣроятно, что между членами редакціонной коммиссіи, которые всѣ были заражены предвзятыми идеями, ни одинъ не далъ себѣ труда и прочесть эти статьи. Къ тому-же Воловской былъ Полякъ, а это былъ достаточный мотивъ, чтобъ относиться къ нему съ недовѣріемъ.

Многіе изъ старыхъ преданныхъ слугъ Императора были озабочены оборотомъ, который принимали пренія объ освобожденіи крестьянъ. Между прочими, князь Васильчиковъ, находившійся въ ту пору на смертномъ одрѣ, умолялъ Императора дѣйствовать не торопясь. Къ несчастію, нѣкоторые ярые демократы, носившіе болѣе или менѣе окраску коммунизма, захватили это дѣло въ свои руки и пользовались прискорбнымъ вліяніемъ на умъ Императора, который остался глухъ къ болѣе безкорыстнымъ предостереженіямъ.

Наконецъ, манифестъ появился, и немедленно вслѣдъ затѣмъ волненія возникли въ разныхъ мѣстахъ. Но хорошо или дурно былъ разрѣшенъ вопросъ, во всякомъ случаѣ его нельзя было перерѣшить; это былъ уже совершившійся фактъ.

По крайней мѣрѣ Императоръ долженъ-бы былъ позаботиться о томъ, чтобъ законъ, введенный манифестомъ 19 Февраля и составлявшій какъ бы переходъ отъ старыхъ разрушавшихся порядковъ къ

Библиотека "Руниверс"

лучшей будущности, сдѣлался истиной и послужилъ краеугольнымъ камнемъ для новаго зданія. Но именно этого-то и не было сдѣлано. Нѣсколько указовъ, изданныхъ впослѣдствіи и въ особенности безчисленное множество циркуляровъ министра внутреннихъ дѣлъ, внесли въ законъ 19 Февраля глубокія видоизмѣненія, а въ западныхъ губерніяхъ, во время вспыхнувшаго въ 1863 Польскаго возстанія, этотъ законъ просто обратился въ мертвую букву.

Демократическая партія, идеи которой были усвоены Императоромъ въ вопросѣ объ эманципаціи, пріобрѣла съ той минуты, къ сожалѣнію, преобладающее вліяніе на государственныя дѣла, и Богъ знаетъ, до чего-бы она дошла, еслибы отвратительное покушеніе 4 Апрѣля 1866 наконецъ не раскрыло Императору глаза и не убѣдило его въ опасности такого положенія.

XVI.

Однимъ изъ постоянныхъ стремленій императора Николая было стараніе ввести въ его обширной Имперіи единство языка и единство вѣры. Но если принять въ соображеніе, что эта Имперія, образовавшаяся мало-по-малу путемъ завоеваній, заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ двадцать разноплеменныхъ народовъ, то придется сознаться, что такая попытка должна быть безплодна и что объединеніе встрѣтитъ непреодолимыя препятствія. Желая ввести всѣхъ своихъ подданныхъ въ лоно православной церкви, императоръ Николай предпринялъ такое дѣло, которое превышало его силы, и которое въ концѣ концевъ вовлекло его въ худшее изъ всѣхъ гоненій—въ гоненіе за вѣру. Сначала были стѣснены въ отправленіи своихъ религіозныхъ обрядовъ и подвергнуты гоненіямъ разнаго рода старовѣры, раздѣляющіеся на множество самыхъ разнообразныхъ сектъ. Несмотря на это, число старовѣровъ не только не уменьшилось, но постоянно увеличивается, потому что, кромѣ тѣхъ, которые оффиціально признаны старовѣрами, есть почти столько-же втайнѣ сочувствующихъ ихъ ученію.

Въ Балтійскихъ провинціяхъ, гдѣ крестьяне исповѣдуютъ лютеранскую вѣру, православное духовенство прибѣгало ко всякимъ дозволеннымъ и недозволеннымъ мѣрамъ, чтобъ пріобрѣтать послѣдователей, и эти провинціи были въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ жертвами опаснаго умственнаго возбужденія, вызваннаго священниками и поощряемаго правительствомъ. Но религіозное усердіе императора Николая обрушилось главнымъ образомъ и съ чрезвычайной стремительностью

Библиотека "Руниверс"

на тѣхъ изъ его подданныхъ, которые принадлежали къ Греко-уніатскому культу и которые оставались въ общеніи съ Римомъ.

Начали съ того, что заручились содѣйствіемъ Греко-уніатскаго епископа Симашки, котораго склонили на свою сторону при помощи почетныхъ отличій и щедрыхъ пожалованій, въ полной увѣренности, что вслѣдъ за пастыремъ и стадо безъ сопротивленія возвратится въ лоно церкви. Однако скоро пришлось убѣдиться, что эти ожиданія были ошибочны, такъ какъ Греки-уніаты, не отказываясь отъ культа восточной церкви, вовсе не желали прерывать свои сношенія съ Римомъ и отвергать верховенство папы. Чтобъ заставить Грековъ-уніатовъ отказаться отъ ихъ вѣры, были употреблены въ дѣло неслыханныя насилія. Православные священники ходили по деревнямъ съ угрозами на устахъ, между тѣмъ какъ раздававшаяся въ изобиліи водка должна была смягчать сопротивленіе упорствующихъ. Одному Богу извѣстно, сколько было причинено въ ту пору страданій для того, чтобъ насиловать совѣсть этихъ несчастныхъ, и насильственное обращеніе Греко-уніатовъ въ православіе составляетъ, безспорно, одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ царствованія Николая *).

Повидимому, правительство достигло того, чего желало. Въ западныхъ провинціяхъ Греко уніатская церковь была уничтожена, а приверженцы этой церкви были волей или неволей причислены къ православнымъ. Но между ними было немало такихъ, которые, несмотря на уступки, вырванныя у нихъ угрозами и притѣсненіями, все-таки оставались въ глубинѣ души привязанными къ ихъ прежней вѣрѣ. Они втайнѣ посѣщали католическія церкви, когда надзоръ за ними ослабѣвалъ и когда они могли это дѣлать, не подвергаясь никакой опасности. Но въ доносахъ не было недостатка; тогда употреблялись въ дѣло новыя строгости, и не только остававшіеся вѣрными религіи своихъ отцовъ, но даже совершавшіе для нихъ таинства католическіе священники подвергались преслѣдованіямъ, какъ нарушители закона.

Подобные случаи, сопровождаемые увеличивавшими виновность обстоятельствами, возобновились въ 1858 г. въ одномъ изъ уѣздовъ Витебской губерніи, и было рѣшено, что на мѣсто происшествія будетъ отправленъ сенаторъ для производства строгаго изслѣдованія и для того, чтобы принудить непокорныхъ возвратиться въ лоно православной церкви.

Велико было мое удивленіе, когда я узналъ, что выборъ правительства, для приведенія въ исполненіе его намѣреній, палъ на меня; между тѣмъ какъ я, въ качествѣ католика, былъ послѣдній изъ тѣхъ,

*) Почтенный авторъ, будучи искреннимъ католикомъ, лишенъ возможности судить безпристрастно объ этомъ дѣлѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

на кого благоразуміе дозволяло возлагать подобныя порученія. Поэтому я рѣшительно отказался отъ порученія, которое поставило бы меня въ крайне ложное положеніе, заставляя меня или заглушать голосъ моей совѣсти, или нарушать долгъ службы, и всѣ эти доводы я изложилъ тѣмъ, кому слѣдовало. Императоръ былъ такъ великодушенъ, что понялъ мое отвращеніе отъ роли, которую хотѣли на меня наложить, и на мое мѣсто назначенъ сенаторъ Щербининъ.

Въ томъ же 1858 году я имѣлъ несчастіе лишиться моего брата Карла, который умеръ отъ болѣзни сердца, оставивъ послѣ себя неутѣшную вдову. Онъ былъ моложе меня восемью годами, но никогда не пользовался хорошимъ здоровьемъ и еще ребенкомъ былъ такъ опасно боленъ, что едва не умеръ.

Существуетъ обыкновеніе посылать сенаторовъ для ревизіи тѣхъ губерній, въ которыхъ административный механизмъ дѣйствуетъ неправильно и откуда приходитъ много жалобъ на превышенія власти, совершаемыя правительственными чиновниками. Сенаторы, на которыхъ возлагаются такія ревизіи, пользуются довольно широкими правами, и эти ревизіи обыкновенно имѣютъ послѣдствіемъ увольненіе губернатора и чиновниковъ, уличенныхъ въ злоупотребленіяхъ. Въ концѣ 1859 г. мнѣ было поручено, по приказанію Императора, произвести ревизію въ Олонецкой губерніи, въ которой губернаторомъ былъ генералъ-маіоръ Волковъ. Въ этой лѣсистой губерніи, лѣсами пользовались промышленники, устроившіе тамъ пильные заводы и уплачивавшіе таксу въ пользу правительства. Подъ тѣмъ предлогомъ, что лѣсопромышленники не исполняютъ своихъ контрактовъ и тѣмъ нарушаютъ интересы казны, губернаторъ подвергъ владѣльцевъ лѣсопильныхъ заводовъ такимъ формальностямъ, которыя были не только стѣснительны, но даже совершенно неисполнимы; въ тоже время нѣкоторые изъ старшихъ мастеровыхъ были заключены въ тюрьму, гдѣ съ ними обходились самымъ возмутительнымъ образомъ. Со всѣхъ сторонъ стали хоромъ раздаваться жалобы, а между губернаторомъ и начальникомъ Палаты Государственныхъ Имуществъ Лизандеромъ, въ вѣдомствѣ котораго находились казенные лѣса и лѣсопильные заводы, возникли рѣзкія разногласія.

Бывшій въ ту пору министромъ государственныхъ имуществъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ горячо принялъ сторону находившагося на мѣстѣ своего подчиненнаго, между тѣмъ какъ министръ внутреннихъ дѣлъ покровительствовалъ губернатору. Стало быть, произошло столкновеніе между двумя министерствами, и въ этомъ случаѣ было естественно возложить на лицо, независящее ни отъ того, ни отъ

Библиотека "Руниверс"

другаго министерства, обязанность разъяснить вопросъ и возстановить гармонію между отраслями управленія.

Я выбралъ человѣкъ десять между сенатскими секретарями и отправился въ Петрозаводскъ въ послѣднихъ дняхъ Декабря 1859 г. Ревизія длилась шесть мѣсяцевъ, такъ какъ не только присутственныя мѣста губернскаго города, но и присутственныя мѣста уѣздныхъ городовъ были въ самой большой подробности обревизованы мною и состоявшими при мнѣ чиновниками.

Я имѣлъ случай проѣзжать по Олонецкой губерніи во всѣхъ направленіяхъ и долженъ сознаться, что никакъ не ожидалъ увидѣть страну такою богатой и цвѣтущей. Земледѣліе, конечно, не приноситъ большихъ доходовъ въ большей части этой губерніи, лежащей подъ 60-мъ градусомъ широты. Но тамъ есть много другихъ источниковъ богатства, какъ-то доходъ лѣсовъ и каменоломенъ, рыбная ловля въ озерахъ и въ рѣкахъ, охота и, наконецъ, бичевая тяга, такъ какъ чрезъ Олонецкую губернію проходитъ одинъ изъ главныхъ водныхъ путей сообщенія, соединяющій Каспійское море съ Балтійскимъ и носящій названіе Маріинской системы. Въ живописныхъ мѣстоположеніяхъ также нѣтъ недостатка; въ топографическомъ и геологическомъ отношеніяхъ Олонецкая губернія есть продолженіе Финляндіи; даже одна часть ея населенія Финскаго происхожденія и носитъ названіе Корелъ. Сивачскій водопадъ имѣетъ Европейскую извѣстность, и я посѣтилъ его подобно другимъ путешественникамъ.

Нигдѣ въ Россіи мнѣ не приходилось видѣть столько прекрасныхъ селеній, столько красивыхъ деревенскихъ избъ. Впрочемъ, какъ говорятъ, тоже самое можно видѣть въ губерніяхъ Вологодской и Архангельской и вообще въ сѣверныхъ губерніяхъ, такъ какъ, независимо отъ встрѣчающихся на Сѣверѣ обильныхъ источниковъ обогащенія, запасъ строевыхъ лѣсовъ дозволяетъ строить болѣе просторныя и болѣе удобныя жилища.

Въ болотахъ, которыхъ очень много, кроются желѣзныя руды въ значительномъ количествѣ. Добываемое изъ этихъ рудъ желѣзо расплавливается въ устроенныхъ въ Петрозаводскѣ плавильныхъ печахъ, и изъ него выдѣлываютъ тамъ пушки и другіе снаряды для арміи и для флота. Это громадное заведеніе, составляющее само по себѣ цѣлый городъ, управлялось въ ту пору полковникомъ Фелькнеромъ съ большимъ талантомъ и знаніемъ дѣла. Однако существовало опасеніе, что съ уничтоженіемъ обязательныхъ работъ, которыя были возложены на нѣкоторую часть сельскаго населенія, можетъ увеличиться заработная плата, и отъ того могутъ быть парализованы старанія администраціи продавать продукты по прежней цѣнѣ. Оправдались-ли эти

Библиотека "Руниверс"

опасенія вслѣдствіе эманципаціи, мнѣ неизвѣстно, такъ какъ мои служебныя обязанности отвлекли мое вниманіе совершенно въ иную сторону.

Не могу также не упомянуть о прекрасныхъ гидравлическихъ работахъ, которыя производились въ окрестностяхъ Вытегры подъ руководствомъ полковника Лебедева. Чтобы устранить разныя задержки и препятствія при отправленіи въ Петербургъ барокъ, при помощи которыхъ столица ведетъ свою вывозную торговлю, сооружались новые огромныхъ размѣровъ шлюзы въ замѣнъ старыхъ. Совокупность этихъ работъ представляла грандіозный планъ, дѣлавшій столько же чести тому, кто его задумалъ, сколько исполнителямъ.

Въ Петрозаводскѣ, гдѣ я жилъ всего дольше, общество раздѣлялось на два стана, какъ это почти всегда бываетъ въ губернскихъ городахъ. Чтобы не давать повода думать, что я склоняюсь на сторону однихъ въ ущербъ другимъ, я рѣшился ни къ кому не ѣздить, но принимать всякаго, кто пожелалъ бы видѣть меня или что-либо мнѣ передать. Всѣхъ болѣе надоѣдалъ мнѣ своими посѣщеніями генералъ Волковъ. Хотя онъ былъ совершенно неправъ, но хотѣлъ во что бы то ни стало убѣдить меня въ противномъ, а мои продолжительныя съ нимъ дѣловыя бесѣды доказали мнѣ только то, что онъ былъ не на своемъ мѣстѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ жилъ не въ ладахъ со своей женой, и скандальныя сцены между супругами постоянно слѣдовали одна вслѣдъ за другой. Я рѣшился просить министра внутреннихъ дѣлъ объ его отозваніи въ Петербургъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, и послѣ его отъѣзда мнѣ было легче разъяснить немало разныхъ дѣлъ, остававшихся до тѣхъ поръ во мракѣ.

Между тѣмъ какъ состоявшіе при мнѣ чиновники доканчивали ревизію присутственныхъ мѣстъ губернскаго города, я занялся составленіемъ отчета, который обыкновенно вручается въ собственныя руки Императору послѣ возвращенія въ столицу. Когда все было готово, я сѣлъ на пароходъ, ходившій по Онежскому озеру, проѣхалъ по Свири, соединяющей Онегу съ Ладогой и чрезъ двое сутокъ вышелъ на берегъ на Невской набережной послѣ самого благополучнаго переѣзда.

Послѣ нѣсколькихъ дней ожиданія, я былъ принятъ Государемъ Императоромъ въ Царскосельскомъ дворцѣ. Представляя мой отчетъ, я позволилъ себѣ доложить Его Величеству, что единственный вопросъ, котораго я не осмѣлился касаться въ этомъ рапортѣ, относится къ положенію раскольниковъ, которые очень многочисленны въ Олонецкой губерніи, такъ какъ мнѣ казалось, что, будучи католикомъ, я поступлю благоразумнѣе, если не буду касаться этого щекотливаго вопроса, но что тѣмъ не менѣе я собралъ всѣ матеріалы, при помощи которыхъ можно бы было приступить къ этой работѣ, еслибы это

Библиотека "Руниверс"

было угодно Его Величеству. Государь приказалъ мнѣ не оставлять этого вопроса неразъясненнымъ и донести ему обо всемъ, что я узналъ по этому предмету, и по прошествіи двухъ недѣль я представилъ Его Величеству дополнительную записку.

Комитету Министровъ было поручено разсмотрѣніе этой бумаги, которая вызвала противъ меня настоящую бурю. Между министрами было немало фанатиковъ, которые стали обвинять меня въ намѣреніи подвергнуть священнослужителей православной церкви незаслуженному порицанію и въ стараніи выставить сектантовъ въ слишкомъ благопріятномъ для нихъ свѣтѣ. И все это, будто бы, потому, что, будучи католикомъ, я питалъ вражду къ православной церкви. Дѣло дошло до того, что ко мнѣ обратились съ оффиціальнымъ запросомъ о томъ, кто составлялъ упомянутую бумагу и сколько католическихъ чиновниковъ состояло при мнѣ во время производства ревизіи? Я немедля отвѣчалъ, что составленіе бумаги, вызвавшей столь горячія возраженія, было мною поручено одному православному Русскому, извѣстному своимъ религіознымъ усердіемъ и что изъ состоявшихъ при мнѣ чиновниковъ былъ только одинъ католикъ, котораго я съ намѣреніемъ держалъ въ сторонѣ отъ всего, что касалось этого дѣла.

Этимъ дѣло кончилось, но случай этотъ служитъ новымъ доказательствомъ, какъ опасно говорить въ Россіи правду, если эта правда затрогиваетъ страсти и предразсудки высокопоставленныхъ лицъ.

XVII.

Съ 1-го Сентября я снова вступилъ въ исполненіе моихъ сенаторскихъ обязанностей, но не на долго. Въ первыхъ числахъ Января 1861, военный министръ генералъ Сухозанетъ, съ которымъ я вовсе не былъ лично знакомъ, пригласилъ меня къ себѣ для того, чтобъ предложить мнѣ мѣсто г.-губ. Западной Сибири, которое опорожнилось вслѣдствіе того, что занимавшій его въ теченіе почти десяти лѣтъ ген. Гасфортъ подалъ прошеніе объ увольненіи. Хотя мои домашнія дѣла и должны были пострадать вслѣдствіе огромнаго разстоянія, отдѣляющаго Сибирь отъ моего имѣнія въ Подоліи, въ которомъ заключалось все мое состояніе, но сдѣланное мнѣ, по приказанію Императора, предложеніе было такъ для меня лестно, что я не могъ отвѣчать на него отказомъ, и 13 Января состоялось мое оффиціальное назначеніе на новую должность.

Желая воспользоваться санной дорогой до мѣста моего назначенія, я окончилъ какъ можно скорѣе мои приготовленія къ отъѣзду.

Библиотека "Руниверс"

Что касается моей жены, то она должна была сначала отправиться въ Подолію, чтобъ тамъ устроить наши дѣла насколько возможно лучше, и затѣмъ пріѣхать ко мнѣ осенью въ Омскъ.

Однажды, военный министръ, у котораго я былъ по какимъ-то дѣламъ, повелъ меня въ свой кабинетъ и сказалъ мнѣ: «Вамъ конечно извѣстно, что нѣтъ человѣка, на котораго не взводили бы какихъ-нибудь обвиненій, и вы, подобно всѣмъ другимъ, не составляете исключенія изъ этого общаго правила. Такъ напримѣръ, обо мнѣ говорятъ: Сухозанетъ хорошій военный министръ, но онъ слѣпъ. О Б....ѣ говорятъ: онъ хорошій генералъ-губернаторъ, но воръ. А про васъ говорятъ, что вы были бы хороши для вашего мѣста, но слишкомъ неподвижны». Я отвѣчалъ, что не могу понять, въ чемъ и какъ я заслужилъ упрекъ въ неподвижности, что изъ моего служебнаго списка видно, какъ много я разъѣзжалъ для службы Императору, и что если въ теченіе девяти послѣднихъ лѣтъ, когда я засѣдалъ въ Сенатѣ, я не двигался съ мѣста, то это потому, что того требовало исполненіе моихъ судейскихъ обязанностей.

Такъ какъ я въ теченіе всей моей жизни интересовался сношеніями Россіи съ Востокомъ и въ особенности съ центральной Азіей, то я уже давно имѣлъ случай познакомиться съ воинственными влеченіями всѣхъ нашихъ генералъ-губернаторовъ—какъ того, который управлялъ Оренбургскимъ краемъ, такъ и тѣхъ, которые управляли Сибирью Восточной и Западной. Всѣ они мечтали о военныхъ экспедиціяхъ, а въ предлогахъ для войны не могло быть недостатка: мы были на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ въ столкновеніяхъ съ кочевыми племенами, которыя тревожили насъ своими набѣгами и которыхъ считали нужнымъ подвергать заслуженному наказанію. Но если генералъ-губернаторы всегда искали случая повоевать, то это влеченіе превратилось въ настоящую жажду завоеваній съ тѣхъ поръ, какъ генералъ Муравьевъ былъ возведенъ въ званіе графа Амурскаго за присоединеніе къ Россіи Амура и Уссурійскаго края. Это выходящее изъ ряда вонъ отличіе вскружило всѣмъ головы; каждый желалъ отвоевать какой-нибудь клочекъ территоріи и надѣялся получить за это титулъ, который передастъ своему потомству. Я, напротивъ того, былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что расширеніе нашихъ границъ со стороны Средней Азіи не доставитъ намъ никакихъ выгодъ, а вызоветъ лишь новыя затрудненія и ослабитъ Россію. Поэтому, когда я откланивался Императору передъ моимъ отъѣздомъ на новое мѣсто, я не преминулъ высказать Его Величеству мои убѣжденія касательно этого предмета. «Ваше Величество», сказалъ я Императору, «еслибы мнѣ пришлось остаться десять лѣтъ на томъ посту,

Библиотека "Руниверс"

на который я призванъ Вашимъ довѣріемъ, то я счелъ бы себя оправдавшимъ это довѣріе только въ томъ случаѣ, еслибы не отодвинулъ границъ Вашей имперіи ни на одинъ дюймъ». Если мнѣ не удалось выполнить эту программу до конца, то виною этого былъ не я, а замѣстившій Сухозанета въ качествѣ военнаго министра генералъ Милютинъ, который видѣлъ въ военныхъ экспедиціяхъ и въ трескучихъ бюллетеняхъ, издаваемыхъ по поводу этихъ экспедицій, средство обращать на себя вниманіе Императора и укрѣплять свое вліяніе на умъ Его Величества.

Я выѣхалъ изъ Петербурга въ послѣдній день Февраля, покинувъ матушку съ глубокой горестью въ душѣ: она была очень преклонныхъ лѣтъ, ея здоровье стало быстро слабѣть, и тайное предчувствіе говорило мнѣ, что я болѣе не увижу ея. Я направился черезъ Москву, Казань и Пермь на Тюмень, гдѣ вступилъ въ исполненіе моей новой должности, такъ какъ это былъ первый городъ Тобольской губерніи, представляющійся взорамъ того, кто ѣдетъ изъ Петербурга. Тюмень—довольно хорошенькій городокъ, ведущій значительную торговлю, служа мѣстомъ отправки для судовъ и пароходовъ, совершающихъ рейсы по большимъ рѣкамъ Западной Сибири. Тюмень и Ирбитъ—два главныхъ складочныхъ мѣста для торговли между Азіатской Россіей и Европейской и если когда-нибудь осуществится предположеніе соединить Пермь съ Тюменью желѣзною дорогой, то Тюмень неизбѣжно расширится въ ущербъ Ирбиту, и тогда можно будетъ безъ преувеличенія утверждать, что Уральскіе горы все равно что не существуютъ.

Какъ въ Тюмени, такъ и въ лежавшихъ на моемъ пути городахъ Ялуторовскѣ и Ишимѣ, я посѣщалъ тюрьмы, госпитали и школы, обревизовалъ присутственныя мѣста и разсмотрѣлъ множество поданныхъ мнѣ прошеній. Но было бы ошибочно думать, что всѣ эти просьбы требовали уничтоженія дѣйствительныхъ и несомнѣнныхъ злоупотребленій. Русскіе вообще, а Сибиряки въ особенности, чрезвычайно склонны къ жалобамъ и къ преувеличенію тѣхъ золъ, жертвами которыхъ они себя выдаютъ, а получивъ девять разъ отказъ, они и въ десятый разъ возобновляютъ свои жалобы въ надеждѣ, что они, наконецъ, введутъ васъ въ заблужденіе и чего-нибудь добьются. Эта истина ярко бросалась мнѣ въ глаза во время моего пребыванія въ Олонецкой губерніи. Императоръ проѣзжалъ эту губернію двумя годами ранѣе меня и, какъ слѣдовало ожидать, ему было подано множество прошеній. Всѣ эти просьбы были, по обыкновенію, переданы въ Коммиссію Прошеній, которая, разсмотрѣвъ ихъ, отослала обратно тѣ, которыя были неосновательны, увѣдомляя просителей о причинѣ от-

Библиотека "Руниверс"

каза. Не смотря на это, всѣ эти просители не считали свое дѣло проиграннымъ, и когда я прибылъ на мѣсто, ко мнѣ поступили тѣже самыя жалобы, на счетъ которыхъ Коммиссія Прошеній, въ качествѣ высшей инстанціи, уже постановила окончательное рѣшеніе.

Наконецъ, я прибылъ въ Омскъ 23 Марта вечеромъ и на другой же день принималъ всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ и военныхъ, число которыхъ очень значительно, такъ какъ Омскъ служитъ не только главной квартирой для отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, но и мѣстопребываніемъ высшаго административнаго совѣта, завѣдующаго дѣлами этой части Сибири.

Видъ Омска произвелъ на меня такое же тяжелое впечатлѣніе, какое онъ производитъ на всякаго, кто пріѣзжаетъ туда въ первый разъ, потому что, въ особенности въ ту пору, это была настоящая канура. Но это впечатлѣніе изглаживается, когда тамъ проживешь нѣсколько времени: тамошнее общество многочисленно и довольно хорошо составлено, и въ этомъ отношеніи Омскъ могъ бы выдержать сравненіе съ лучшими изъ нашихъ губернскихъ городовъ.

Будучи привыченъ къ работѣ, я очень скоро ознакомился со всѣми подробностями гражданскаго управленія, которое распадается въ Сибири на множество самыхъ разнородныхъ отраслей. Чтобъ исполнять всѣ мои служебныя обязанности, у меня не было ни одного свободнаго дня въ недѣлѣ и ни одного свободнаго часа во дню.

Въ началѣ Мая я предпринялъ мой первый инспекторскій объѣздъ въ Киргизскую степь. Я поѣхалъ сначала въ Семипалатинскъ на лѣвый край этой степи и доѣхалъ до крѣпости Вѣрной; на возвратномъ пути я снова переѣхалъ черезъ Иртышъ въ Павлодарѣ и направился черезъ Байянъ-Аулъ, Каракалли, Акмолъ и Кокчетавъ въ Петропавловскъ, откуда возвратился въ Омскъ, объѣхавъ весь правый край степи.

Мнѣ очень хотѣлось осмотрѣть собственными глазами Киргизскую степь, чтобъ составить себѣ понятіе о выгодахъ, какія можно извлекать изъ этихъ обширныхъ равнинъ, такъ какъ мнѣ показалось, что въ Петербургѣ были въ ходу странныя мнѣнія на счетъ богатства и красоты этой страны. Ошибочныя понятія въ этомъ отношеніи были распространены нѣкоторыми путешественниками, которые, увидѣвъ покрытыя снѣгомъ горы, вообразили, что тамъ Россія найдетъ настоящее Эльдорадо. Неоднократно разъѣзжая по Киргизской степи вдоль и поперегъ, я полагаю, что я въ состояніи высказать безпристрастное мнѣніе и начну съ того, что тѣ части этой степи, которыя принадлежатъ къ Западной Сибири, много лучше тѣхъ, которыя смежны съ Оренбургской губерніей. Не смотря на это, даже въ

Библиотека "Руниверс"

тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются самыя благопріятныя условія и роскошныя пастбища, эта степь не годится для земледѣлія и всегда будетъ населена исключительно кочевыми племенами. Недостатокъ въ топливѣ и въ особенности въ строевомъ лѣсѣ также будетъ служить однимъ изъ главныхъ препятствій для густаго заселенія страны осѣдлыми жителями. Только въ нѣкоторыхъ благопріятныхъ мѣстностяхъ въ Семипалатинской области, какъ-то въ Заилійскомъ краѣ, въ Копальскомъ округѣ, на берегахъ рѣки Лепсы, по опушкѣ, которая тянется вдоль нашей границы съ Китаемъ и, наконецъ, въ одной части Кокчетавскаго округа, составляющей какъ-бы продолженіе Тобольской губерніи, земледѣліе могло бы достигнуть процвѣтанія; но по сравненію съ громаднымъ пространствомъ степи, это не болѣе какъ оазисы среди пустыни.

Единственное средство крѣпче привязать эти степи къ Россіи— завести земледѣльческія колоніи тамъ, гдѣ почва годится для земледѣлія и поощрять переселеніе Русскихъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній въ степь посредствомъ освобожденія ихъ на опредѣленное число лѣтъ отъ податей и отъ рекрутской повинности. Это предложеніе было мною сдѣлано, но ему не было дано дальнѣйшаго хода. До сихъ поръ правительство довольствовалось тѣмъ, что поселило въ степи нѣсколько казацкихъ полковъ, размѣстивъ ихъ по различнымъ станицамъ или селеніямъ. Но казаки по природѣ такъ лѣнивы и такъ не любятъ заниматься земледѣліемъ, что это осѣдлое населеніе не добываетъ достаточныхъ средствъ для собственнаго пропитанія, и если бы ихъ не удерживали тамъ силою, эти казацкіе поселенцы покинули-бы массами степь, перешли-бы обратно черезъ Иртышъ и возвратились-бы въ свои прежнія жилища, что ясно доказываетъ, что степь вовсе не такая всѣмъ изобилующая страна, какою ее описываютъ. Исключеніе составляютъ только тѣ казаки, которые поселены на лѣвой степной окраинѣ, гдѣ, благодаря плодородію почвы и въ особенности изобилію воды, ихъ станицы превратились въ цвѣтущія колоніи.

Не слѣдуетъ опускать изъ виду и того обстоятельства, что по мѣрѣ увеличенія осѣдлаго населенія, все болѣе и болѣе стѣсняются въ своихъ средствахъ существованія кочевники, которымъ нужны для стадъ обширныя пастбища. Это обстоятельство служитъ постоянной причиною вражды между двумя племенами, которыя было-бы такъ необходимо соединить въ одно цѣлое. Если къ проистекающему отсюда различію интересовъ присовокупить вѣроисповѣдное различіе, то станетъ ясно, что нечего полагаться на преданность Киргизовъ, не смотря на то, что они очень любятъ вѣрноподданическія заявленія. Пока мы будемъ сильны, Киргизы будутъ покорны; но еслибы наше могу-

Библиотека "Руниверс"

щество потерпѣло малѣйшую неудачу, они обратятся противъ насъ. Тѣмъ болѣе необходимо, чтобъ мы не расширяли чрезмѣрно нашихъ владѣній и тѣмъ не ослабляли себя.

Въ виду неудовлетворительнаго положенія, въ которомъ находились въ ту пору Русскіе финансы и въ которомъ они, къ несчастію, находятся до сихъ поръ, Императоръ приказалъ всѣмъ министрамъ заботиться о возможномъ сокращеніи расходовъ на администрацію; а что касается меня, то я сталъ преслѣдовать эту цѣль со всѣмъ рвеніемъ, на какое былъ способенъ, будучи убѣжденъ, что это была самая лучшая услуга, какую я могъ оказать моему отечеству. Прежде всего я предложилъ отложить въ сторону проэктъ моего предмѣстника о постройкѣ форта на рѣкѣ *Чу* выше Пичпека, хотя отпускъ необходимыхъ для этого сооруженія суммъ уже былъ разрѣшенъ. Я не видѣлъ никакой существенной пользы въ сооруженіи этого форта, и мое предложеніе было принято. Но главное вниманіе я обратилъ на расходы по содержанію находившихся подъ моимъ начальствомъ войскъ, такъ какъ содержаніе солдатъ, стоявшихъ гарнизонами въ различныхъ мѣстахъ степи, стоило казнѣ чрезвычайно дорого.

Въ силу какой-то странной аномаліи, торги на снабженіе войскъ провіантомъ производились въ Омскѣ, и поставщики провіанта обыкновенно прибавляли къ существовавшимъ въ Тобольской губерніи цѣнамъ на зерновые хлѣба расходы на перевозку этого хлѣба въ Копалъ и въ Вѣрное, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они покупали хлѣбъ на мѣстѣ его потребленія. Это была чрезвычайно выгодная торговая операція, изъ которой извлекали для себя пользу всѣ, кромѣ казны, на счетъ которой она производилась.

Я привелъ это дѣло въ порядокъ и въ первомъ-же году моего управленія послалъ на мѣсто довѣреннаго офицера съ порученіемъ закупить изъ первыхъ рукъ необходимое количество хлѣба безъ заключенія контрактовъ и не стѣсняя продавцевъ никакими формальностями: они должны были доставить въ магазины муку по условленной цѣнѣ и немедленно получить деньги.

Этимъ способомъ я сберегъ въ теченіе трехъ лѣтъ болѣе 150 тысячъ рубл. по сравненію съ первоначальными смѣтами, и только въ 1864 и 1865 годахъ, вслѣдствіе опустошеній, произведенныхъ саранчей, я былъ вынужденъ прибѣгнуть къ прежней системѣ—закупить муку въ губерніяхъ Тобольской и Томской и затѣмъ отправить ее въ Копалъ и въ Вѣрное.

Когда я проѣзжалъ черезъ Петропавловскъ, я нашелъ этотъ городъ на половину разрушеннымъ вслѣдствіе страшнаго пожара, вспыхнувшаго тамъ въ первыхъ числахъ Іюня. Я испросилъ у правительства

Библиотека "Руниверс"

пособіе въ размѣрѣ 10,000 рубл. для тѣхъ жителей, которые лишились всего своего имущества; въ другихъ Сибирскихъ городахъ собирались добровольныя пожертвованія въ пользу погорѣльцевъ, и городъ сталъ мало-по-малу вставать изъ развалинъ, а многіе изъ сгорѣвшихъ деревянныхъ домовъ были замѣнены кирпичными.

Послѣ Томска и Тюмени, Петропавловскъ самый значительный торговый городъ Западной Сибири и одно изъ большихъ складочныхъ мѣстъ для торговли съ Средней Азіей. Этому городу можно предсказать хорошую будущность.

По возвращеніи въ Омскъ я снова принялся съ усердіемъ за работу. За исключеніемъ нѣкоего Почекунина, имѣвшаго очень дурное вліяніе на моего предмѣстника и много повредившаго ему въ общественномъ мнѣніи, я оставилъ на мѣстахъ прежнихъ чиновниковъ, такъ какъ смѣна служащихъ цѣлыми массами приноситъ чаще вредъ, нежели пользу, и къ тому-же въ Сибири не легко найти способныхъ людей въ замѣну тѣхъ, которыхъ приходится увольнять.

Я принялъ за правило быть доступнымъ во всякомъ часу дня для всѣхъ, кому было нужно меня видѣть и по утрамъ обыкновенно принималъ всѣхъ просителей. Въ числѣ жалобъ, которыя дошли до меня этимъ путемъ, было много такихъ, которыя не имѣли никакого законнаго основанія; но тѣмъ, что я выслушивалъ всякія изъявленія неудовольствія, я заставлялъ полицейскихъ чиновниковъ быть осмотрительными въ ихъ дѣйствіяхъ, такъ какъ они знали, что о всякомъ ихъ противозаконіи будетъ доведено до моего свѣдѣнія. 30 Августа того-же года я былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи, во время пребыванія Императора въ Ливадіи, въ Крыму.

Моя жена пріѣхала ко мнѣ только 10 Октября, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ окончательно настала зима. Наша маленькая Юлія росла и хорошѣла съ каждымъ днемъ, и ей только что минуло десять лѣтъ. Нужно было серьозно позаботиться о ея образованіи, и мы дали ей всѣхъ лучшихъ учителей, какихъ можно было найти на мѣстѣ, что̀ было дѣломъ нелегкимъ въ особенности по части музыки, къ которой она имѣла замѣчательныя способности.

Зимой я предпринялъ инспекціонную поѣздку въ Тобольскую губернію. Я посѣтилъ Тару, Тобольскъ, Тюмень и Туринскъ, откуда заѣхалъ на Ирбитскую ярмарку, продолжающуюся съ 1 Февраля по 1 Марта. Пермскій губернаторъ Лашкаревъ прибылъ туда, чтобъ видѣться со мною. Стеченіе народа тамъ было очень велико: послѣ Нижегородской ярмарки Ирбитская самая важная въ Россіи по числу совершающихся тамъ торговыхъ сдѣлокъ, въ особенности касательно чайной торговли. По выѣздѣ изъ Ирбита, я вторично проѣхалъ черезъ

Библиотека "Руниверс"

Тюмень и направился черезъ Курганъ и Петропавловскъ къ Омску, куда прибылъ по послѣднему санному пути, послѣ мѣсячнаго отсутствія. Вскорѣ послѣ того я получилъ извѣстіе о смерти моей матери, которая скончалась въ Петербургѣ 4 Апрѣля скорѣе отъ старости, чѣмъ отъ болѣзни.

Здѣсь я долженъ упомянуть объ одномъ случаѣ, который хотя и не важенъ самъ по себѣ, но возбудилъ много толковъ въ Петербургѣ и вызвалъ отправку слѣдственной коммиссіи, во главѣ которой былъ поставленъ генералъ Сколковъ. Нѣкій литераторъ Михайловъ, осужденный на каторжныя работы за преступные происки и за сочиненія самаго возмутительнаго свойства, былъ отправленъ изъ Тобольска къ мѣсту своего назначенія за нѣсколько дней до моего прибытія въ этотъ губернскій городъ. Этотъ Михайловъ, считавшійся за передоваго человѣка демократическою партіей, которая такъ многочисленна въ Россіи, пользовался большою извѣстностью среди молодежи; женщины были отъ него въ восторгѣ и съ жадностью бросались на его сочиненія, находя ихъ безподобными. Состоявшійся надъ нимъ приговоръ надѣлалъ много шуму, и лишь только онъ прибылъ въ Тобольскъ, нѣкоторая часть общества поспѣшила оказать ему любезности всякаго рода. Его стали посѣщать въ тюрьмѣ, точно будто онъ былъ мученикомъ за самое святое дѣло; нѣкоторыя изъ должностныхъ лицъ, злоупотребляя своимъ оффиціальнымъ положеніемъ, дозволяли ему выходить изъ тюрьмы и оставляли его у себя обѣдать. Однимъ словомъ, ему оказывали такое вниманіе, на которое онъ не имѣлъ никакихъ правъ; а когда онъ былъ окончательно отправленъ къ мѣсту своего назначенія, его поклонники до того дошли въ забвеніи приличій, что устроили ему на большой дорогѣ овацію и, прощаясь съ нимъ, пили за его здоровье. Отъ моего свѣдѣнія были тщательно скрыты всѣ преступныя манифестаціи, вызванныя продолжительнымъ пребываніемъ Михайлова въ Тобольскѣ. Ни губернаторъ Виноградскій, обнаружившій въ этомъ случаѣ свое крайнее безсиліе, ни начальникъ полиціи, ни высшій жандармскій офицеръ не сказали мнѣ объ этомъ ни слова, и всѣ эти противозаконныя дѣйствія обнаружились лишь гораздо позже вслѣдствіе отправленнаго въ Петербургъ доноса, авторомъ котораго, по всему вѣроятію, былъ адъютантъ высшаго начальника жандармовъ Л—ой, находившійся въ ссорѣ съ своимъ начальникомъ.

Всѣ лица, замѣшанныя въ дѣло о Михайловѣ, конечно погрѣшили скорѣе по неблагоразумному увлеченію, чѣмъ съ предвзятымъ намѣреніемъ. Какъ было ранѣе мною замѣчено, настроеніе умовъ въ Россіи было въ ту пору такъ дурно, какъ только можно себѣ представить; въ то время многіе воображали, что дѣйствуютъ въ видахъ

Библиотека "Руниверс"

общей пользы, становясь въ оппозицію къ правительству и нося на рукахъ каждаго писателя, проповѣдывавшаго анти-соціальныя и ультра-демократическія теоріи. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что черезъ Сибирь уже въ теченіи ста или слишкомъ ста лѣтъ постоянно проходили тысячи ссыльныхъ, и населеніе привыкло смотрѣть на нихъ, какъ на достойныхъ сожалѣнія и состраданія несчастныхъ, а въ лицѣ Михайлова видѣли сверхъ того человѣка политическаго и литератора. Наконецъ, рекомендательное письмо отъ Петербургскаго генералъ-губернатора князя Суворова въ пользу Михайлова,—хотя и написанное въ весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ,—было передано сопровождавшими этого государственнаго преступника жандармами Тобольскому губернатору и совершенно сбило этого послѣдняго съ толку.

Обвиненія, падавшія на Тобольскія городскія власти, были такъ очевидны, что ихъ нельзя было ни опровергать, ни даже смягчать. Поэтому всѣ лица, замѣшанныя въ этомъ непріятномъ дѣлѣ, были уволены отъ службы, а гражданскій губернаторъ Виноградскій, предсѣдатель губернскаго правленія, прокуроръ, начальникъ жандармовъ и начальникъ полиціи отданы подъ судъ. На мѣсто Виноградскаго назначенъ бывшій губернаторъ Кяхтинскаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Деспотъ-Зеновичъ *).

Въ Маѣ слѣдующаго (1862) года я отправился въ Томскую губернію—единственную изъ губерній Западной Сибири, съ которою я еще не былъ знакомъ. Такъ какъ я намѣревался проѣхать до границъ Китая и посѣтить Алтайскіе рудники и заводы, то я взялъ съ собою жену и маленькую Юлію. Мы отправились черезъ Каинскъ и Колывань прямо въ Томскъ, гдѣ г. Асташевъ оказалъ намъ роскошное гостепріимство въ прекрасномъ домѣ, въ которомъ онъ жилъ. Г. Асташевъ, старикъ свыше 70-ти лѣтъ, былъ всѣмъ обязанъ самому себѣ; онъ нажилъ огромное состояніе золотыми пріисками и былъ въ ту пору самымъ богатымъ человѣкомъ во всей Томской губерніи. Впрочемъ онъ дѣлалъ прекрасное употребленіе изъ своего состоянія, содержа на свой счетъ пріютъ, въ которомъ воспитывалось около ста бѣдныхъ дѣвушекъ. Всѣ благотворительныя учрежденія получали отъ него большія денежныя пособія, и никто не зналъ, какъ было велико число тѣхъ, кому онъ помогалъ.

Обязанности главнаго начальника Алтайскихъ заводовъ и обязанности Томскаго гражданскаго губернатора соединялись въ то время

---

*) Со временемъ историкъ обязанъ будетъ доискиваться, чья именно рука дѣйствовала въ этихъ назначеніяхъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

въ особѣ генерала О—го. По первой изъ этихъ должностей онъ былъ подчиненъ Императорскому Кабинету, а по второй министру внутреннихъ дѣлъ и генералъ-губернатору. Эта комбинація была ошибочна во всѣхъ отношеніяхъ; она была главной причиной того, что Томская губернія всегда управлялась хуже всѣхъ остальныхъ Россійскихъ губерній. Генералъ О—ій, будучи исключительно озабоченъ тѣмъ, что̀ касалось Алтайскихъ заводовъ и проводя половину года въ Барнаулѣ, поневолѣ долженъ былъ небрежно относиться къ дѣламъ гражданскаго управленія и предоставлять ихъ кому-нибудь другому.

Хотя между начальниками заводовъ было немало офицеровъ, знающихъ свое дѣло, способныхъ и заслуженныхъ, однако управленіе Алтайскимъ горнымъ округомъ имѣло вообще очень дурную репутацію по причинѣ роскоши, въ которой жило большинство должностныхъ лицъ и которая нисколько не соотвѣтствовала размѣру казеннаго жалованья. Такъ какъ разработка рудниковъ находилась въ непосредственномъ вѣдѣніи Императорскаго Кабинета, то я не имѣлъ никакого права мѣшаться въ дѣла этого управленія; однако, въ виду упорныхъ слуховъ о злоупотребленіяхъ, которыя совершались тамъ въ ущербъ казнѣ, я пожелалъ знать, въ чемъ заключались эти злоупотребленія, и вотъ что̀ я узналъ изъ устъ одного достойнѣйшаго офицера, бывшаго долгое время начальникомъ одного изъ главныхъ заводовъ. Лѣтомъ всѣ начальники заводовъ съѣзжаются въ Барнаулъ для того, чтобъ условиться насчетъ работъ, которыя должны производиться въ слѣдующемъ году, и для того, чтобъ составить смѣту расходовъ, которые потребуются на эти работы, какъ то: на разработку рудъ, на рубку лѣса, на превращеніе дровъ въ уголь, на перевозку всѣхъ этихъ предметовъ и, наконецъ, на плату рабочимъ, и сообразно съ этой смѣтой Императорскій Кабинетъ разрѣшаетъ отпускъ необходимыхъ денежныхъ суммъ. Но такъ какъ эти смѣты всегда составляются въ очень широкихъ размѣрахъ, то въ результатѣ выходитъ, что къ концу года издержано на добываніе металловъ, на топливо, на заработную плату и на перевозку менѣе того, что̀ было установлено въ первоначальной смѣтѣ; эти остатки обращались въ деньги и распредѣлялись между всѣми должностными лицами соразмѣрно съ важностью занимаемой каждымъ изъ нихъ должности, между тѣмъ какъ при всякой хорошо организованной системѣ управленія они должны поступать на расходы слѣдующаго года.

Въ послѣдствіи я предложилъ, чтобъ управленіе Алтайскими заводами было подчинено мнѣ, какъ мѣстному генералъ-губернатору; но Кабинетъ не согласился на это, потому что многіе изъ членовъ Кабинета и во главѣ ихъ генералъ Соколовскій были сильно заинтересо-

Библиотека "Руниверс"

ваны сохраненіемъ прежнихъ порядковъ. Отсюда видно, что злоупотребленія въ этой сферѣ управленія возникли издавна и что генералу О—му, при всемъ добромъ желаніи, было-бы трудно вполнѣ ихъ искоренить; однако онъ могъ-бы уменьшить ихъ до болѣе скромныхъ размѣровъ, такъ какъ всякому извѣстно, какое вліяніе имѣетъ въ подобныхъ случаяхъ примѣръ начальника, умѣющаго внушать къ себѣ уваженіе. Но О—ій и не могъ имѣть никакого нравственнаго вліянія на своихъ подчиненныхъ, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что онъ участвовалъ вмѣстѣ съ другими въ обираніи казны, предоставляя себѣ,—само собою разумѣется,—львиную долю. Оттого-то мнѣ рѣдко случалось встрѣчать человѣка, который внушалъ-бы такое общее презрѣніе, даже и въ средѣ тѣхъ, кто дѣйствовалъ съ нимъ сообща. Въ Томскѣ я былъ заваленъ жалобами болѣе чѣмъ гдѣ либо; но слѣдуетъ сознаться, что населеніе этого города состоитъ изъ такого сброда бродягъ, что еслибы мѣстная полиція и была лучше организована, ея задача все-таки была-бы одной изъ самыхъ трудныхъ и самыхъ тяжелыхъ.

Конечно меня не могло на все достать, и я взялъ съ собою нѣсколько чиновниковъ и поручилъ имъ обревизовать тѣ присутственныя мѣста, на которыя мнѣ было указано, какъ на самыя неудовлетворительныя по составу служащихъ. Я потребовалъ отъ предсѣдателя палаты гражданскаго и уголовнаго суда барона Ш.... выхода въ отставку, такъ какъ это была продажная душа, для которой не было ничего святаго. Нѣкоторыя дѣла о банкротствахъ тянулись чрезвычайно долго, и между прочимъ дѣло о банкротствѣ нѣкоего Горохова на нѣсколько милліоновъ. Но это послѣднее дѣло было такъ дурно ведено съ самаго начала и такъ запутано нѣсколькими сенатскими указами, что у меня были совершенно связаны руки, и я не могъ добиться его окончанія, не смотря на мое доброе желаніе.

Я воспользовался предоставленнымъ въ мое распоряженіе пароходомъ, чтобъ отправиться въ городъ Нарымъ, лежащій на Оби, слишкомъ въ 400 верстахъ къ Сѣверу отъ Томска, такъ какъ въ лѣтнюю пору нѣтъ возможности проѣхать туда сухимъ путемъ. Обь представляетъ огромную водную артерію; всѣ низменности были затоплены на большомъ разстояніи, и самый городъ Нарымъ походилъ на островъ, едва возвышающійся надъ поверхностью водъ. Тамъ имѣетъ свое мѣстопребываніе чиновникъ, которому подчинены Остяки—племя въ высшей степени хилое и бѣдное. Такъ какъ охота на пушныхъ звѣрей уже нѣсколько лѣтъ утратила свое прежнее значеніе, то Остяки почти исключительно занимаются рыбной ловлей. Но тамъ, точно такъ-же какъ и въ Березовѣ, Русскіе торговцы, благодаря своимъ капиталамъ

Библиотека "Руниверс"

и большему умственному развитію, жестоко обижают мѣстныхъ жителей, которые—настоящія дѣти природы и скоро совсѣмъ исчезли бы съ лица земли, еслибы о нихъ не заботилось правительство.

На переѣздъ до Нарыма, внизъ по теченію рѣки, я употребилъ только 24 часа, но на возвратный путь до Томска потребовалось вдвое болѣе времени, такъ какъ приходилось плыть противъ теченія. На половинѣ дороги между Нарымомъ и Томскомъ видно устье Чулыма—другой большой рѣки, которая течетъ отъ границы Восточной Сибири и впадаетъ въ Обь. Чулымъ судоходенъ до Ачинска въ половодіе, и вѣроятно будетъ судоходенъ все лѣто, если по немъ будутъ ходить пароходы, приспособленные для такого плаванія. Въ послѣдствіи я поручилъ состоявшему при мнѣ морскому офицеру изслѣдовать теченіе Чулыма, и я увѣренъ, что эта водная артерія будетъ пріобрѣтать съ каждымъ годомъ все болѣе важное значеніе какъ для перевозки товаровъ, такъ и для перевозки ссыльныхъ, отправляемыхъ въ Иркутскъ и въ Нерчинскъ.

На пути изъ Томска я завернулъ въ Маринскій уѣздъ, смежный съ Восточной Сибирью и полюбопытствовалъ осмотрѣть одинъ изъ золотыхъ пріисковъ, находящихся въ *тайгѣ*. Этимъ названіемъ обозначаютъ въ Сибири обширныя пространства, совершенно необитаемыя. Тайга, о которой здѣсь идетъ рѣчь, тянется отъ послѣдняго населеннаго пункта Маринскаго уѣзда, Тиссула, до вершинъ Алтая. Тамъ были найдены довольно богатыя залежи золотоносныхъ песковъ; это настоящая *terra incognita*, о которой правительство имѣетъ крайне неполныя свѣдѣнія. Имѣются лишь туманныя свѣдѣнія о томъ, что раскольники завели тамъ поселенія въ недоступныхъ мѣстахъ и что много каторжниковъ, бѣжавшихъ изъ мѣстъ заключенія, бродятъ тамъ на удачу, ища способа втайнѣ добраться до населенныхъ пунктовъ.

Я пробылъ въ Томскѣ долѣе, нежели предполагалъ, для того, чтобъ оказать гостепріимный пріемъ Французскому послу при Пекинскомъ дворѣ г-ну Бурбулону и его супругѣ, возвращавшимся сухимъ путемъ во Францію. Чтобъ облегчить иностранному дипломату путешествіе по Сибири, я послалъ къ нему на встрѣчу одного изъ моихъ адъютантовъ, котораго отдалъ въ его распоряженіе. Но такъ какъ г-нъ Бурбулонъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, медлилъ своимъ прибытіемъ, а мнѣ оставалось немного времени для предположенныхъ мною поѣздокъ, то я рѣшился отправиться въ Кузнецкъ, не дожидаясь прибытія Французскаго посла и поручилъ моей женѣ принять г-на Бурбулона въ Томскѣ и затѣмъ пріѣхать ко мнѣ въ Барнаулъ, откуда мы предполагали продолжать наше путешествіе вмѣстѣ.

Библиотека "Руниверс"

Рудокопный Алтайскій округъ, состоящій изъ уѣздовъ Кузнецкаго, Бійскаго и Барнаульскаго, образуетъ самую богатую и самую живописную часть Западной Сибири. Эта поѣздка оставила мнѣ неизгладимыя воспоминанія, и какъ на этотъ разъ, такъ и въ послѣдствіи, въ 1864 и 1866 годахъ, я съ истиннымъ удовольствіемъ подъѣзжалъ послѣ объѣзда Киргизской степи къ главному городу рудокопнаго округа Барнаулу, который казался мнѣ оазисомъ среди пустыни. Этотъ городъ носитъ на себѣ совершенно Европейскій отпечатокъ; онъ чистъ, хорошо обстроенъ, и въ немъ можно найти избранное общество. Хотя администрація Алтайскихъ горныхъ заводовъ находилась внѣ моего вѣдомства, однако всѣ состоявшіе при ней инженерные офицеры всегда оказывали мнѣ предупредительный и любезный пріемъ, и я не могу не выразить имъ за это горячей признательности. По пути изъ Томска въ Кузнецкъ я проѣзжалъ черезъ Салаиръ. Количество добываемаго тамъ серебра незначительно; но за то тамъ найдены, на разстояніи 14 верстъ отъ города, залежи каменнаго угля, который добывается съ выгодой, а попытка плавить серебро при помощи каменнаго угля дала удовлетворительные результаты.

Построенный на лѣвомъ берегу Томи, Кузнецкъ лежитъ среди одной изъ самыхъ плодородныхъ мѣстностей, а такъ какъ жизнь тамъ очень дешева, то тамъ поселились на постоянное жительство многіе изъ тѣхъ, которые живутъ казенной пенсіей. Надъ городомъ господствуетъ возвышенность, на которой воздвигнуто укрѣпленіе. Тамъ служатъ благодарственный молебенъ въ годовщину того дня, когда пытавшіеся взять эту крѣпость приступомъ Калмыки были отражены. Со времени этого событія протекло почти цѣлое столѣтіе, и когда посмотришь, какую ничтожную роль играютъ съ тѣхъ поръ Калмыки и какъ сильно распространяется тамъ съ каждымъ днемъ Русскій элементъ, нельзя не признать громадныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ Сибирью въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ. Какъ на берегахъ Иртыша, такъ и въ Барабинской степи и во многихъ другихъ мѣстахъ встрѣчаются мѣстности, которыя носятъ названія крѣпостей, редутовъ, передовыхъ постовъ и т. д., указывая на роль, которую исполняли эти пункты въ недавнемъ прошломъ; а теперь тамъ не встрѣчается никого, кромѣ мирныхъ земледѣльцевъ, занятыхъ воздѣлываніемъ своихъ полей.

Обревизовавъ присутственныя мѣста, я отправился въ Барнаулъ, куда прибылъ въ одно время съ моей женой, которая, дождавшись проѣзда г-на Бурбулона черезъ Томскъ, тотчасъ поѣхала ко мнѣ.

Все золото, добываемое промываніемъ золотыхъ розсыпей въ обѣихъ частяхъ Сибири, доставляется въ Барнаулъ; оно превращается тамъ въ слитки и отправляется оттуда на Петербургскій монетный

Библиотека "Руниверс"

дворъ. Эта операція чрезвычайно интересна. Мы также присутствовали при разработкѣ серебряныхъ рудъ: Алтайскій горный округъ ежегодно доставляетъ этотъ металлъ Императорскому Кабинету, въ количествѣ 1000 пудовъ. Однимъ словомъ, намъ показали все, что стòило вниманія; для всѣхъ насъ это пребываніе въ Барнаулѣ было поучительно, и я всегда буду съ искреннимъ удовольствіемъ вспоминать объ этомъ городѣ и о генералѣ Фрезѣ, который принялъ насъ съ изысканной любезностью.

Изъ Барнаула мы направились къ Бійску. Носящій это названіе, обширный округъ тянется до границъ Китая и заключаетъ въ себѣ склоны горъ, на которыхъ Калмыки пасутъ стада. Торговля съ этими кочевниками сосредоточена въ рукахъ Бійскихъ купцовъ, и именно оттуда выходили миссіонеры, обращающіе язычниковъ въ христіанство.

За Бійскомъ начинается подъемъ на Алтайскія горы; это—дикая страна, напоминающая Альпы. Тамъ встрѣчаются большія озера, изъ которыхъ берутъ свое начало Бійя и Катунь и, соединившись вмѣстѣ, образуютъ самую большую изъ рѣкъ Западной Сибири—Обь.

Чтобъ укрѣпить новообращенныхъ въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, были основаны въ Алтаѣ монастыри мужской и женской, а въ послѣдствіи, именно въ 1866, архимандритъ Владиміръ былъ поставленъ во главѣ этой миссіи, которую Императрица приняла подъ свое покровительство. Теперь есть основаніе надѣяться, что обращеніе въ христіанство будетъ вестись болѣе успѣшно, чѣмъ прежде. Идолопоклонники вообще расположены къ принятію христіанства, между тѣмъ какъ почти не было примѣра, чтобъ магометанинъ принялъ крещеніе. При томъ влеченіи къ расширенію, которое составляетъ характеристическую особенность Русскаго элемента, земледѣльческое населеніе Бійскаго округа постоянно пытается завладѣть Калмыцкими землями, хотя это и запрещено закономъ. Эти отважные піонеры, состоящіе большею частію изъ сектантовъ, смѣло проникаютъ внутрь степи, съ цѣлію найти тамъ еще невоздѣланныя земли, уклониться отъ надзора гражданскихъ властей и пользоваться болѣе широкой свободой при исполненіи ихъ религіозныхъ обрядовъ.—Изъ Бійска мы повернули на Змѣиногорскъ, одинъ изъ главныхъ центровъ добыванія металловъ въ Алтаѣ. Тамъ-то,—слишкомъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ,—Демидовъ открылъ первыя жилы сереброносной руды. Добываніе серебра продолжается тамъ и до сихъ поръ, только руда оказывается уже далеко не такой богатой, какой была прежде. Мы спустились въ одну изъ шахтъ по очень удобной лѣстницѣ, выдолбленной въ утесѣ для императора Александра І-го, который намѣревался посѣтить Алтай·

Библиотека "Руниверс"

скіе заводы, но не привелъ этого намѣренія въ исполненіе по непредвидѣннымъ препятствіямъ.

Изъ Змѣиногорска мы отправились въ Усть-Каменогорскъ, гдѣ оставили наши кареты для того, чтобъ совершить переѣздъ черезъ горы въ направленіи къ Бухтармѣ въ болѣе легкихъ экипажахъ. Трудно найти болѣе разнообразные пейзажи, болѣе живописную мѣстность и болѣе роскошную флору, чѣмъ на склонѣ этихъ горъ. Въ казацскихъ станицахъ, гдѣ мы останавливались мѣнять лошадей, все дышетъ благосостояніемъ и избыткомъ. На станціяхъ насъ окружали женщины и дѣвушки, предлагавшія намъ въ изобиліи плоды и медъ.

Бухтарма сама по себѣ не имѣетъ большаго значенія, но ея не можетъ миновать тотъ, кто направляется въ Зырянскъ, гдѣ въ настоящее время находится самая богатая руда, отъ разработки которой въ нѣкоторой мѣрѣ зависятъ результаты добыванія серебра въ Алтаѣ. Къ сожалѣнію, тамъ нѣтъ топлива, и добытый металлъ сначала отправляется колеснымъ путемъ до береговъ Иртыша въ Бухтарму, потомъ спускается внизъ по теченію рѣки до Усть-Каменогорска и, наконецъ, снова везется на колесахъ въ Змѣиногорскъ, Локтевскъ, Барнаулъ и пр., гдѣ и обращается въ слитки. Впрочемъ, Зырянская руда заключаетъ въ себѣ столько серебра, что всѣ эти расходы по перевозкѣ покрываются съ избыткомъ.

Для возвратнаго пути мы предпочли водяное сообщеніе и отплыли изъ Бухтармы на тѣхъ баркахъ, на которыхъ перевозятъ ископаемый матеріалъ. На этомъ разстояніи Иртышъ течетъ промежъ двухъ остроконечныхъ утесистыхъ горъ, и его воды бѣгутъ до того быстро, что стоило большихъ усилій, чтобъ тянуть барки противъ теченія. Изъ Усть-Каменогорска дорога идетъ черезъ Семипалатинскъ къ Омску, куда мы возвратились въ концѣ Іюля.

Библиотека "Руниверс"

ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ.

IV *).

Княгиня Александра Борисовна Мещерская.

Княгиня Александра Борисовна Мещерская, рожденная княжна Голицына, родная сестра знаменитой Татьяны Борисовны Потемкиной, жила до 1862-го года со своимъ мужемъ въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ, въ своемъ имѣніи, слободѣ Анновкѣ. У нея было также другое имѣніе въ Крыму, куда она ежегодно ѣзжала проводить зиму; но на лѣто она возвращалась въ слободу Анновку.

Домъ, въ которомъ жила княгиня Мещерская въ Анновкѣ, былъ очень оригиналенъ по своей постройкѣ. Снаружи онъ казался какимъ-то безобразнымъ, одноэтажнымъ, длиннымъ, деревяннымъ строеніемъ, съ пристройками и надстройками со всѣхъ сторонъ, на видъ онъ былъ очень невзраченъ и покрытъ камышемъ, но за то внутри отдѣланъ роскошно. Несмотря на то, что комнаты были обширныя, съ трудомъ можно было двигаться въ нихъ, такъ какъ онѣ были сплошь заставлены всевозможной, нужной и ненужной мебелью хорошей роботы. Княгиня была большая любительница мебели, которую дѣлали по ея указанію ея собственные столяры съ заграничныхъ рисунковъ.

Мужъ ея, князь Сергѣй Ивановичъ, жилъ въ отдѣльномъ флигелѣ, приходилъ въ домъ только къ обѣду и вообще, что̀ бы ни дѣлалось въ домѣ, ни во что̀ не вмѣшивался, а просилъ только объ одномъ, чтобы его оставили въ покоѣ и не тревожили во флигелѣ.

По видимому, супруги жили дружно. Дѣтей у нихъ не было; за то княгиня была всегда окружена собачками и воспитанницами. И

---

*) См. выше, стр. 300.

Библиотека "Руниверс"

тѣхъ и другихъ сбирали въ большомъ количествѣ съ разныхъ мѣстъ. Собачки добывались большею частью самыхъ рѣдкихъ породъ, а дѣвочекъ брали преимущественно за хорошенькія личики. Послѣднихъ княгиня учила свѣтскимъ манерамъ, и старшія воспитанницы учили младшихъ разнымъ наукамъ. Насколько онѣ успѣвали въ нихъ, судить было трудно; но онѣ всѣ говорили по-французки. Нѣкоторыхъ воспитанницъ за вѣрную службу выдавала княгиня замужъ и давала имъ даже приданое; другихъ же, наиболѣе изящныхъ и красивыхъ, передавала или уступала сестрѣ своей, Татьянѣ Борисовнѣ, у которой онѣ всегда устраивались и въ послѣдствіи дѣлали карьеру. Такъ напримѣръ одна изъ нихъ, дѣвица Фіалковская, дочь бѣднаго Поляка, управлявшаго имѣніемъ княгини Мещерской, переданная княгиней г-жѣ Потемкиной, благодаря своей необыкновенной красотѣ, вышла замужъ въ Петербургѣ за очень богатаго золотопромышленника Сибиряка.

Но воспитанницы составляли второстепенное занятіе Александры Борисовны. Главное дѣло княгини, которому она посвящала все время—это были собачки. Она ихъ страстно любила, чего не только не скрывала, но старалась выказать всѣмъ и каждому. Казалось, что самая чадолюбивая мать не можетъ такъ заниматься дѣтьми, какъ она занималась собачками. Къ каждой была приставлена одна изъ воспитанницъ, которая отвѣтствовала передъ княгиней за все, могущее случиться съ наблюдаемымъ ею существомъ. Каждая воспитанница обязана была изучать характеръ и наклонности той собачки, за которой она наблюдала, и при малѣйшей опасности должна была доносить княгинѣ о всѣхъ замѣченныхъ ею перемѣнахъ въ нравѣ, увлеченіяхъ и тому подобныхъ явленіяхъ собачьей жизни: княгиня тотчасъ же принимала свои мѣры, согласно обстоятельствамъ. Все это дѣлалось съ такою важностью и торжественностью, какъ будто дѣло касалось дѣйствительно очень серьезныхъ предметовъ. Если случалось, что какая нибудь собачка заболѣвала, то княгиня и весь домъ приходили въ уныніе, и разговоръ шелъ исключительно о бѣдной страдалицѣ; всѣ воспитанницы и прислуга ходили на цыпочкахъ, чтобы не обезпокоить какую нибудь болящую Мими или Жужу; и какъ велико было уныніе, такъ велика бывала и радость, когда больная оправлялась. Потому-то князь Сергѣй Ивановичъ жилъ отдѣльно во флигелѣ, ссылаясь на затруднительность совмѣстнаго сожительства съ собаченками.

Какъ-то мнѣ случилось высказать княгинѣ, что я очень не долюбливаю маленькихъ комнатныхъ собаченокъ, не приносящихъ никакой пользы. Нужно было видѣть, какъ обидѣлась княгиня! Она съ негодованіемъ стала доказывать мнѣ, что «нужно не имѣть сердца» (ея подлинное выраженіе), «чтобы не любить этихъ лучшихъ созданій Бо-

Библиотека "Руниверс"

жіихъ». «Посмотрите», говорила она, «какъ онѣ умны, послушны, вѣрны, признательны и т. д.» Все это она высказывала съ такой энергіей и силою, съ такимъ желаніемъ убѣдить меня, что я дѣйствительно убѣдился, что княгиня любитъ этихъ маленькихъ лучшихъ созданій Божіихъ гораздо больше, чѣмъ своихъ хорошенькихъ воспитанницъ.

Это разное отношеніе къ собачкамъ и воспитанницамъ выказалось очень ясно, когда, отправляясь въ Крымъ на зиму, княгиня должна была отказаться отъ мысли взять съ собою свою любимую собаченку, совсѣмъ ослѣпшую отъ дряхлости и еле ходившую: боялись, что она не въ состояніи будетъ перенести потерю этого комфорта, который ее окружалъ въ домѣ, и разныхъ неудобствъ путешествія; поэтому рѣшено было ее оставить въ Анновкѣ на попеченіе одной воспитанницы, Любовь Григорьевны, очень милой дѣвушки, которую конечно не спросили, пріятно ли ей будетъ провести зиму глазъ на глазъ съ издыхающей моськой. Обязанности Любовь Григорьевны были конечно не маловажны; она должна была каждую почту посылать княгинѣ бюллетени о состояніи здоровья моськи со всѣми подробностями, а равно и не покидать ея ни днемъ, ни ночью. Но, не смотря на всѣ заботы и попеченія, собачка издохла, и бѣдная Любовь Григорьевна чуть сама не заболѣла отъ горя, съ трепетомъ ожидая возвращенія хозяйки. Трупъ сохранялся на ледникѣ въ особомъ гробикѣ до пріѣзда княгини, которую долженъ былъ на станціи встрѣтить управляющій и приготовить къ постигшему ея несчастію. Въ саду былъ сдѣланъ склепъ, гдѣ съ подобающей честью похоронена была моська; княгиня и весь домъ облеклись въ трауръ, а надъ моськой воздвигнутъ памятникъ, который я самъ видѣлъ.

Въ княгининомъ домѣ порядки были не такіе, какъ у другихъ помѣщиковъ стараго времени крѣпостнаго права. Люди, служившіе лично ей, т. е. лакеи, повора, горничныя и т. д., были не изъ крѣпостныхъ; ихъ нанимали изъ вольныхъ людей. Нѣкоторые изъ нихъ были Поляки; всѣ были очень приличны, а горничныя даже изящны, всѣ получали по тогдашнему времени хорошее жалованье; у всѣхъ были отдѣльныя комнаты, имъ готовился особый столъ. Они были очень довольны своимъ положеніемъ и потому старались во всемъ угождать княгинѣ и въ особенности ея собачкамъ, что̀ было самое главное. Княгиня говорила, что она не можетъ пользоваться услугами крѣпостныхъ людей, что ей противно видѣть въ нихъ рабство, униженность, вслѣдствіе чего она нанимала чужихъ людей; но при этомъ она забывала, конечно, что болѣе тысячи душъ ея крѣпостныхъ работали на нее въ полѣ и на сахарномъ заводѣ.

Въ слободѣ Анновкѣ не было церкви, и княгиня рѣшилась ее выстроить. По ея заказу былъ сдѣланъ какимъ-то знаменитымъ архите-

Библиотека "Руниверс"

ктором планъ храма изящной архитектуры. Планъ этотъ черезъ посредство Татьяны Борисовны Потемкиной былъ показанъ покойному императору Николаю Павловичу, который пожертвовалъ на постройку 25 тысячъ рублей, присланные въ полное распоряженіе владѣлицы. Постройка церкви началась, и хотя, кромѣ императорскаго, стекались и другія пожертвованія со стороны, но ихъ оказалось слишкомъ мало для сооруженія такого великолѣпнаго зданія, вслѣдствіе чего было рѣшено сократить храмъ въ размѣрахъ и во всѣхъ деталяхъ; его урѣзали до неузнаваемости. Наконецъ, выстроилась небольшая церковь какой-то странной, неизвѣстной архитектуры. Внутренность церкви была также очень оригинальна: она была раздѣлена стеклянною перегородкою, проходящею черезъ всю церковь и алтарь; одна часть церкви была предназначена для народа и для всѣхъ прочихъ смертныхъ, другая для княгини Александры Борисовны. Ея отдѣленіе было нѣсколько возвышено противъ пола общей церкви, черезъ что оно казалось какъ бы отдѣльнымъ сооруженіемъ; оно было великолѣпно отдѣлано, въ немъ былъ особый иконостасъ, сообщенія же съ общей церковью, гдѣ стояла толпа, не было, только изъ алтаря была маленькая дверь. Подъѣздъ къ этому отдѣленію былъ особый, предназначенный исключительно для княгини, ея свиты и знакомыхъ. Мнѣ случалось бывать въ этомъ отдѣленіи во время службы. Оттуда очень удобно было наблюдать за всѣми молящимися въ церкви и за тѣмъ, что̀ дѣлалось въ алтарѣ; но нельзя было хорошо слышать, что̀ пѣлось и читалось. Впрочемъ для княгини Александры Борисовны это не было лишеніемъ: она всегда молилась по Французско̀му молитвеннику, такъ какъ по-русски понимала плохо.

Другую сестру Александры Борисовны, Софью Борисовну Полторацкую, съ ея мужемъ Константиномъ Марковичемъ Полторацкимъ, мнѣ случалось встрѣчать въ Петербургѣ у ея сестры, Татьяны Борисовны Потемкиной, у которой они проживали на покоѣ послѣ губернаторства въ Ярославлѣ.

Про Софью Борисовну мнѣ разсказывали ея знакомые, хорошо знавшіе ее въ Ярославлѣ, что во время губернаторства она была знакома съ тѣми только дамами, которыя говорили по-французски. Конечно, этихъ только дамъ она приглашала на свои балы, на которыхъ фигурировалъ, какъ распорядитель танцевъ, Французъ-парикмахеръ, ежедневно причесывавшій Софью Борисовну, на что̀ не безъ ехидства указывали тогда не говорившія по-французски Ярославки *).

*) У нея въ Ярославлѣ кончала вѣкъ ея гувернантка Наузевиль, столь часто упоминаемая въ перепискѣ Кристина съ княжной Туркестановой. (Р. Архивъ 1883 и 1884). П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ отставки Ярославскаго губернатора К. М. Полторацкаго, супруга его, Софья Борисовна, добилась случая представиться покойному государю Николаю Павловичу, тогда какъ мужа ея онъ не пожелалъ видѣть. Государь встрѣтилъ ее словами. «Обо всемъ можете просить, Софья Борисовна; съ удовольствіемъ исполню, только не о вашемъ мужѣ». Ей ничего болѣе не оставалось, какъ раскланяться и удалиться. Тогда говорили, что Полторацкій, бывши губернаторомъ въ Ярославлѣ, самъ взятокъ не бралъ; но брали его чиновники, къ которымъ онъ былъ слабъ, почему и составилась о немъ неблагопріятная репутація, вѣроятно дошедшая и до Государя.

V.

Князь Андрей Борисовичъ Голицынъ.

На правомъ гористомъ берегу р. Оскола, въ живописной мѣстности Ново-Оскольскаго уѣзда, расположено небольшое село Холки съ маленькою приходскою церковью, вблизи которой находятся пещеры на подобіе Кіевскихъ, но только не столь обширныя; онѣ довольно хорошо сохранились въ мѣловомъ грунтѣ.

О происхожденіи этихъ пещеръ не осталось никакихъ лѣтописей; преданія же передавали разно: кто говорилъ, что эти пещеры въ отдаленныя времена выкопаны разбойниками; а кто, что отшельниками-монахами, и что тутъ когда-то былъ даже монастырь.

Въ этомъ же Ново-Оскольскомъ уѣздѣ, въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ, проживалъ князь Андрей Борисовичъ Голицынъ, когда-то богатый помѣщикъ, но разорившійся откупами, человѣкъ очень набожный; онъ былъ мистикъ и любилъ все святое и святыя мѣста. Ему почему-то представилось, что Холковскія пещеры непремѣнно были устроены святыми отцами, и онъ сталъ посѣщать ихъ, поставилъ тамъ образа и усердно молился въ нихъ Богу. Простой народъ также последовалъ примѣру князя. Въ пещерахъ пѣлись молебны, что̀ было на руку мѣстному причту, такъ какъ приходъ былъ бѣдный. Между прочимъ князь съ таинственностью сообщалъ своимъ знакомымъ о какихъ-то видѣнныхъ имъ снахъ и откровеніяхъ на счетъ этихъ пещеръ. Однажды, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ с. Холки, князь привезъ съ собою большую бутыль, наполнилъ ее водою изъ тутъ же протекавшей рѣки Оскола, поставилъ ее въ пещерѣ и изрекъ: «По вѣрѣ моей превратится вода эта въ вино, которое будетъ исцѣлять больныхъ и страждущихъ!».

Библиотека "Руниверс"

Пещеры эти всегда запирались, и ключь отъ нихъ хранился у священника... Но сотворилось чудо: вода стала пахнуть виномъ, т.-е. по мнѣнію вѣрующихъ стала превращаться въ вино. Главное же чудо состояло въ томъ, что воды изъ бутылки не убавлялось, хотя всѣмъ было извѣстно, что эту жидкость давали многимъ больнымъ (разумѣется, за извѣстную плату).

И повалилъ къ пещерамъ народъ не только изъ окрестностей, но и изъ отдаленныхъ мѣстъ. Слухъ о чудесной водѣ, превращающейся въ вино, быстро росъ, вода раскупалась, а бутыль все полна. Дошелъ слухъ о бутыли и до Курскаго преосвященнаго Иліодора, который, объѣзжая свою паству, заѣхалъ въ с. Холки и встрѣтился тамъ съ княземъ Андреемъ Борисовичемъ; но, хотя онъ и былъ пріятельски знакомъ съ нимъ, однако бутыль изъ пещеры съ цѣлительной водой приказалъ вынести. Это впрочемъ не помѣшало вѣрующимъ и болящимъ притекать въ с. Холки, гдѣ еще долго послѣ того отъ церковнослужителей можно было получать цѣлительную воду, всегда пахнущую виномъ. Когда же у князя Андрея Борисовича спрашивали о бутыли, то онъ отвѣчалъ, что, еслибы преосвященный оставилъ бутыль въ пещерахъ, вода навѣрное пріобрѣла бы еще болѣе чудодѣйственную силу. Говоря это, князь видимо убѣжденъ былъ въ истинѣ своихъ словъ.

Въ 1852-мъ году князь Андрей Борисовичъ заѣхалъ ко мнѣ въ деревню. Начавъ бесѣду о разныхъ предметахъ болѣе или менѣе божественнаго свойства, онъ разсказалъ такой случай. Когда онъ былъ флигель-адъютантомъ у покойнаго императора Александра I-го и пользовался его особеннымъ довѣріемъ, Государь, какъ онъ говорилъ, любилъ бесѣдовать съ нимъ именно о религіозныхъ предметахъ. Одинъ разъ, это было въ Вѣнѣ, во время извѣстнаго конгресса 1815 года, когда онъ находился одинъ при Государѣ, вдругъ послышался громъ, окно внезапно растворилось, и передъ ними предсталъ какъ-бы духъ въ образѣ человѣка, въ которомъ и Императоръ, и князь тотчасъ же узнали пророка Илію. Пророкъ Илія обратился къ Государю и потребовалъ отъ него записную книжку, которую онъ всегда носилъ при себѣ. Взявши ее въ руки, Илія начерталъ въ ней нѣсколько словъ, отдалъ обратно Государю и исчезъ также внезапно, какъ и появился.

При этомъ разсказѣ князя Голицына присутствовалъ одинъ мой знакомый Арк. Дм. Карповъ, видѣвшій моего гостя въ первый разъ. Онъ обратился къ нему съ вопросомъ: «Позвольте узнать, князь, на какомъ языкѣ говорилъ пророкъ Илія?»—«На неизвѣстномъ намъ, отвѣчалъ князь Андрей Борисовичъ, «однако рѣчь его была вполнѣ доступна нашему пониманію».—«Что же это были за слова, которыя онъ

Библиотека "Руниверс"

начерталъ въ записной книжкѣ Императора?»—«Императоръ не сообщилъ мнѣ ничего о нихъ, но только приказалъ, чтобы въ Вѣнѣ я никому не разсказывалъ о видѣнномъ. Въ этотъ же день было засѣданіе конференціи, на которомъ была рѣшена судьба многихъ государствъ».

Едва успѣлъ князь окончить свой разсказъ, какъ послышался громъ, и началась давно уже приближавшаяся гроза. При первомъ ударѣ Карповъ обратился къ князю Голицыну и серьезно сказалъ ему: «Князь, нельзя ли вамъ какъ нибудь упросить пророка Илью теперь же пожаловать къ намъ на бесѣду? Кстати и громъ гремитъ: онъ уже выѣхалъ, и ему не было бы трудно завернуть къ намъ.»—«Не всѣ мы удостоены его лицезрѣть,» колко отвѣчалъ князь и тотчасъ же сталъ сбираться уѣзжать, принявъ обиженный видъ.

Въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, сосѣднемъ съ Ново-Оскольскимъ, жилъ помѣщикъ П. М. Т......въ, человѣкъ очень ловкій, который видалъ иногда князя Андрея Борисовича въ Воронежѣ у преосвященнаго Антонія. Подмѣтивъ умонастроеніе князя, Т......въ не замедлилъ разсказать ему, что въ его рукахъ находится драгоцѣнная святыня, доставшаяся ему случайно, именно: большой крестъ со вложенными въ него мощами однаго святаго, особенно чтимаго княземъ. Разумѣется, этотъ разсказъ подѣйствовалъ на князя, и онъ возъимѣлъ страстное желаніе увидѣть этотъ крестъ и приложиться къ нему; но такъ какъ для этого нужно было заѣхать къ Т......ву въ деревню, то князь и отправился туда. Дѣйствительно Т.......въ показалъ ему большой серебряный крестъ, въ которомъ заключались святыя мощи. Во что бы то ни стало, захотѣлъ князь пріобрѣсти крестъ и сталъ упрашивать Т. ....ва уступить ему это сокровище за какую угодно цѣну. Долго не соглашался Т.....въ, говоря, какъ бы съ обидою, что князь болѣе, чѣмъ кто либо другой, можетъ понять, что такая святыня не продается; однакоже, послѣ нѣкотораго колебанія и усиленныхъ просьбъ, онъ согласился отдать ему крестъ за очень высокую цѣну (за пять тысячъ рубл.), прибавляя при этомъ, что потому только рѣшается на эту уступку именно ему, князю, что чувствуетъ себя слишкомъ грѣшнымъ и недостойнымъ, чтобы обладать такою святынею.

Князь былъ въ восхищеніи отъ пріобрѣтеннаго сокровища, уложилъ крестъ въ дорогой кіотъ, всегда возилъ его съ собой и показывалъ благочестивымъ и вѣрующимъ людямъ, которые съ благоговѣніемъ къ нему прикладывались. Но какъ-то князь замѣтилъ, что на концѣ креста образовалась трещина, которую непремѣнно нужно было задѣлать, иначе мощи могли бы выпасть. Собираясь ѣхать въ Воронежъ, онъ по обыкновенію не забылъ взять съ собою и крестъ и, прі-

Библиотека "Руниверс"

ѣхавши туда, немедленно обратился къ лучшему серебряныхъ дѣлъ мастеру, прося тотчасъ же при немъ исправить поврежденіе въ крестѣ. Мастеръ, осмотрѣвши его, замѣтилъ, что крестъ этотъ его работы и сдѣланъ по заказу П. М. Т.......ва, по образцу креста, находящагося въ одной приходской церкви въ самомъ же Воронежѣ, присовокупя при томъ, что онъ удивляется, почему крестъ какъ бы расщепленъ въ этомъ мѣстѣ; а при внимательномъ осмотрѣ мастеръ убѣдился, что крестъ былъ разломанъ умышленно и потомъ пригнутъ, вслѣдствіе чего и явилась трещина. Тогда князь сообщилъ ему, какая святыня заключается въ этомъ крестѣ. Съ удивленіемъ выслушавъ разсказъ, мастеръ принялся за исправленіе поврежденія, для чего и снялъ надломленную пластинку, и... о ужасъ!... Что̀ предстало ихъ взорамъ?!... Вмѣсто мощей внутри креста была положена сухая косточка отъ крылушка курицы. Можно вообразить отчаяніе князя! Не знаю, починилъ ли мастеръ крестъ, но больше князь его съ собою не возилъ. Объ этомъ случаѣ мнѣ разсказалъ родной братъ князя Андрея Борисовича, князь Николай Борисовичъ, выдавая за истину.

VI.

Ратники.

Въ 1855-мъ году, во время Крымской войны, какъ извѣстно, было сформировано ополченіе. Когда объявленъ былъ въ Курской губерніи высочайшій манифестъ о наборѣ ратниковъ, то прежде всего нужно было гг. дворянамъ избрать въ губернскомъ дворянскомъ собраніи начальника ополченія отъ губерніи и отъ каждаго уѣзда по одному начальнику дружины (въ чинѣ штабъ-офицера) и 12-ть оберъ-офицеровъ. Хотя дворянъ изъ отставныхъ военныхъ, жившихъ въ Курской губерніи, было немало, но, когда приступили къ выборамъ, то ихъ оказалось недостаточно для укомплектованія ополченія офицерами. Пришлось обратиться къ отставнымъ штатскимъ чиновникамъ и таковыхъ по выборѣ въ ополченіе переименовать въ военные чины. Во время выборовъ случалось много курьезовъ.

По правдѣ сказать, при всемъ патріотическомъ настроеніи того времени, мало находилось желавшихъ идти по своей волѣ офицерами въ ополченіе; а потому многіе дворяне явились на выборы съ докторскими свидѣтельствами о своихъ тѣлесныхъ немощахъ: иные вдругъ захромали, другіе жаловались на удушье и на сильнѣйшіе ревматизмы, препятствующіе службѣ; одинъ предлагалъ посмотрѣть ему въ ротъ, гдѣ

Библиотека "Руниверс"

не было зубовъ; а нѣкто, отставной уланскій поручикъ Чернявскій, жившій въ нашемъ уѣздѣ, откровенно заявилъ, что онъ готовъ съ удовольствіемъ поступить въ ополченіе, только не пѣшее, а конное, такъ какъ онъ по своей тучности и сильному потѣнію лишенъ возможности двигаться пѣшкомъ, тогда какъ верхомъ можетъ ѣздить неутомимо. Много нужно было умѣнья уѣзднымъ предводителямъ, чтобы набрать для дружинъ полное число офицеровъ, что было необходимо. Наборъ ратниковъ былъ не такъ затруднителенъ, благодаря тому, что въ ратники разрѣшено было принимать людей болѣе зрѣлаго возраста, а именно до 45 лѣтъ включительно; имъ оставляли бороду и волоса на головѣ, почему они и показались Французамъ подъ Севастополемъ такими страшными, въ особенности, когда приходилось имъ схватываться въ рукопашную.

Труднѣе было одѣть ратниковъ въ данный короткій срокъ изъ отпущенныхъ 12-ти рублей на обмундировку на человѣка: нужно было сдѣлать каждому кафтанъ по образцу съ кушакомъ, штаны, полушубокъ, высокіе сапоги, фуражку съ крестомъ, ранецъ, бѣлье и другія мелкія принадлежности. Но при тогдашней дешевизнѣ матеріаловъ въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ удалось не только одѣть ихъ по формѣ, но оказался еще излишекъ, который и переданъ былъ начальнику дружины, на могущія встрѣтиться надобности.

Еще до сформированія нашей Ново-Оскольской № 49 дружины, изъ Кіевскаго арсенала была прислана тысяча старыхъ кремневыхъ ружей. Когда я ихъ осмотрѣлъ, то многія оказались поломаными; при доставкѣ же ихъ, въ бумагѣ Кіевскаго арсенала лаконически значилось: «Посылаются ружья, хотя и старыя, но безопасныя для употребленія» (буквальное выраженіе). Вѣроятно предполагалось, что ихъ не будетъ разрывать въ рукахъ у стрѣляющихъ; но являлась увѣренность, что они окажутся безопасными и для непріятеля, такъ какъ изъ нѣкоторыхъ положительно не было никакой возможности стрѣлять: они были большею частью съ сломанными замками и ложами, и ихъ скорѣе можно было считать не за огнестрѣльное оружіе, а за холодное, ибо на нихъ находились штыки, хотя также не совсѣмъ исправные. Съ такимъ-то оружіемъ приходилось отправляться на войну нашимъ ратникамъ. Разумѣется, были приняты мѣры, чтобы, по возможности, до похода исправить эти ружья и, дѣйствительно, что было возможно, то было сдѣлано.

Для обученія же ратниковъ были присланы изъ гарнизонныхъ батальоновъ унтеръ-офицеры, которымъ пришлось обучать военному дѣлу не только ратниковъ, но и офицеровъ, поступавшихъ на службу изъ чиновниковъ. Очень занятно было смотрѣть на эти ученья.

Библиотека "Руниверс"

Не смотря на то, что наборъ ратниковъ былъ произведенъ въ Мартѣ мѣсяцѣ, Ново-Оскольская дружина № 49, подъ командою начальника дружины, переименованнаго изъ коллежскихъ совѣтниковъ въ полковники, князя Николая Борисовича Голицына, уже въ началѣ Мая выступила въ походъ къ Севастополю.

Кромѣ формированія ратниковъ, Курская губернія въ это время была объявлена на военномъ положеніи въ отношеніи доставки провіанта и другихъ предметовъ для войскъ; ей назначено было отъ завѣдывающаго продовольствіемъ арміи генерала Анненкова доставить въ Крымъ съ каждой ревизской души по два пуда хорошо испеченныхъ и высушенныхъ сухарей, по образцамъ, и по полумѣрѣ крупъ въ мѣшкахъ. Съ болѣе чѣмъ милліоннаго населенія Курской губерніи образовалось громадное количество провіанта, которое нужно было доставить къ мѣсту назначенія на разстояніе болѣе 1500 верстъ. Исполнить эту операцію точно и въ назначенный срокъ было довольно затруднительно для обывателей; однакоже, послѣ многихъ препятствій, обозы пришли на мѣста въ Крымъ съ разныхъ мѣстъ Курской губерніи. Въ Крыму въ это время скопились такія огромныя массы сухарей, доставленныхъ почти одновременно изъ другихъ губерній, что не нашлось закрытыхъ помѣщеній; а потому, поневолѣ, пришлось ихъ сваливать въ кучи и складывать въ видѣ скирдовъ, гдѣ они отъ дождей превратились въ матеріалъ, годный развѣ только для питанія мышей. Такимъ образомъ этотъ способъ пріобрѣтенія провіанта для арміи оказался непрактичнымъ и невыгоднымъ для казны, которая въ послѣдствіи, должна была бы заплатить за все по справочнымъ цѣнамъ, ежели бы дворяне не отказались отъ уплаты.

Сверхъ доставки сухарей, на Курскую губернію было еще возложено заготовить подвижной паркъ для подвозки и доставки провіанта и другихъ надобностей на мѣсто военныхъ дѣйствій. Отъ каждаго уѣзда назначено по сту лошадей, запряженныхъ въ телѣги тройками, управляемыми погоньщиками. Все это было сформировано; но скоро послѣдовало новое распоряженіе отъ того же генерала Анненкова, чтобы парка не отправлять, лошадей раздать тѣмъ, у кого были взяты, а телѣги и сбрую продать.

Курскіе ополченцы, имѣя во главѣ избраннаго дворянствомъ, начальника Курскаго ополченія, бывшаго въ отставкѣ генерала Дмитрія Николаевича Бѣлевцова, пришли къ Севастополю изъ ополченцевъ первыми, въ числѣ 15-ти дружинъ, отъ каждаго уѣзда по одной. Нѣкоторыя дружины вскорѣ пошли въ дѣло. Много ратниковъ оказалось послѣ войны убитыми и умершими отъ тифа. Въ томъ числѣ, отъ

Библиотека "Руниверс"

формированной въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ дружины № 49 изъ 1,200 ратниковъ возвратилось на родину не болѣе 400-тъ человѣкъ.

Мнѣ, какъ уѣздному предводителю этого уѣзда, пришлось формировать и снаряжать эту дружину на войну, а потомъ, по возвращеніи ея, принимать обратно. Уцѣлѣвшихъ велѣно было «обратить въ первобытное состояніе». Радостно встрѣтили мы ихъ и помянули при этомъ воиновъ, положившихъ животъ свой за Вѣру, Царя и Отечество; а затѣмъ жизнь потекла своимъ обычнымъ порядкомъ, въ чаяніи новыхъ вѣяній.

Многіе изъ Ново-Оскольскихъ ратниковъ имѣли Георгіевскіе кресты, всѣмъ же выданы были серебряныя медали за защиту Севастополя. Многіе изъ нихъ были ранены. Одинъ въ особенности обращалъ на себя вниманіе: совсѣмъ еще молодой малый съ руками, отрѣзанными по локоть. Всего примѣчательнѣе была причина, по которой онъ лишился обѣихъ рукъ. Вотъ что̀ разсказывалъ онъ самъ и что̀ подтверждали его товарищи: когда непріятелемъ была перебита артиллерійская прислуга въ одной батареѣ, то его прикомандировали, въ числѣ другихъ, къ этой батареѣ и тутъ же научили заряжать орудіе, давъ ему, какъ здоровому и сильному парню, въ руки банникъ. Дѣйствовалъ онъ имъ съ большимъ усердіемъ; но случилось одинъ разъ, что онъ не успѣлъ еще вынуть банникъ изъ дула орудія, какъ его же товарищъ поспѣшилъ приложить фитиль къ затравкѣ, вслѣдствіе чего послѣдовалъ выстрѣлъ, и несчастный упалъ съ оторванными руками, когда же очнулся на перевязочномъ пунктѣ, то обѣ руки были отрѣзаны по локоть.

Одинъ изъ возвратившихся ратниковъ, Георгіевскій кавалеръ изъ села Слоновки, государственный крестьянинъ, вскорѣ женился на вдовѣ-солдаткѣ того же села, которую увѣдомили черезъ волостное правленіе, что мужъ ея, солдатъ Иванъ Соломата, убитъ на войнѣ. Проходитъ мѣсяца четыре-пять. Супруги живутъ очень счастливо. Но каково же было ихъ изумленіе, когда въ одинъ прекрасный день приходитъ въ отпускъ Иванъ Соломата, первый мужъ солдатки! Тутъ оказалось, что была ошибка: что былъ другой солдатъ, отданный изъ той же волости, также называвшійся Иваномъ Соломатою и дѣйствительно убитый на войнѣ, о чемъ и было сообщено изъ полка. Обратились къ священнику. Тотъ оправдывался тѣмъ, что имѣлось свидѣтельство изъ волостнаго правленія о смерти Ивана Соломаты.

Какъ бы то ни было, нельзя же было двумъ мужьямъ владѣть одной женой. Нужно было рѣшить, кому должна принадлежать жена. И ратникъ, и солдатъ, каждый признавалъ за собою свое право на жену,

Библиотека "Руниверс"

но пока еще не ссорились между собой, а порѣшили миролюбиво, чтобы быть женѣ общей, до рѣшенія ихъ дѣла.

Ратникъ, вѣроятно, признавая меня еще за свое начальство, предложилъ солдату прежде всего обратиться ко мнѣ на судъ. Тотъ согласился. Явились, прихвативши съ собой и общую жену. Узнавъ, въ чемъ дѣло и понимая, какъ оно можетъ затянуться, я захотѣлъ окончить его поскорѣе, не давая огласки и безъ консисторскаго разбирательства, тѣмъ болѣе, что кромѣ случая никто не былъ тутъ виновенъ. Прежде всего я спросилъ у жены, которая оказалась еще довольно красивой женщиной, къ какому мужу она желаетъ поступить? Не зная, какъ можетъ рѣшиться дѣло, хитрая баба давала уклончивые отвѣты, по которымъ я однако могъ заключить, что она очень довольна своимъ положеніемъ, такъ какъ оба мужа и жалѣютъ ея, и угождаютъ ей, такъ что она не знаетъ, кому отдать предпочтеніе. Пришлось объяснить ей, что второй мужъ ей данъ по ошибкѣ, которую нужно исправить, для чего есть только одно средство: именно ратнику слѣдуетъ поскорѣе жениться, ей же возвратиться къ солдату. Она ничего противъ этого не возразила; но видно было, что и ратника ей было жаль. Тутъ я спросилъ у нея: нѣтъ ли у нея подходящей невѣсты для ратника? На что̀ она немедленно отвѣчала, что есть: сестра ея родна̀я—«гарна дивчина». При этомъ предложеніи ратникъ, пріятно улыбнувшись, замѣтилъ, что онъ съ удовольствіемъ готовъ жениться на сестрѣ своей жены и въ такомъ случаѣ согласенъ отказаться отъ жены. Воспользовавшись его согласіемъ, я тутъ же передалъ жену солдату безповоротно, въ вѣчное и ненарушимое владѣніе, за что̀ получилъ отъ него низкій поклонъ съ пожеланіемъ всякаго благополучія. Ратнику же я объявилъ, чтобы онъ поспѣшилъ вѣнчаться, о чемъ, съ своей стороны, походатайствовалъ у священника, чтобы онъ не препятствовалъ второму браку ратника и дѣйствовалъ бы такъ, какъ будто перваго и не было, такъ какъ онъ самъ могъ бы за него отвѣчать, обвѣнчавъ жену отъ живаго мужа. Священникъ не возразилъ, и свадьба скоро состоялась.

Недѣли черезъ двѣ явились ко мнѣ молодые. Новая жена ратника, дѣйствительно, оказалась «гарной дивчиной». Видно было, что оба очень довольны своимъ положеніемъ, причемъ ратникъ сообщилъ мнѣ, что безъ содѣйствія своей первой жены эта за него, пожалуй, и не пошла бы; но «ужъ она дюже меня расхвалила», прибавилъ ратникъ съ увѣренностью и самодовольствіемъ.

Библиотека "Руниверс"

VII.

Недорозумѣнія.

Покойный мой отецъ разсказывалъ мнѣ. Когда онъ былъ уѣзднымъ предводителемъ въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ Воронежской губерніи, въ то время, при проѣздѣ покойнаго императора Александра Павловича черезъ городъ Воронежъ, ему представлялись всѣ уѣздные предводители. Между ними былъ почтенный старикъ, Павловскій уѣздный предводитель Клыковъ; онъ былъ въ мундирѣ временъ Павла Петровича, рѣзко отличавшемся отъ другихъ дворянскихъ мундировъ. Государь, подошедши къ нему, спросилъ: «Это мундиръ моего отца?»

— «Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество», наивно отвѣчалъ Клыковъ, «это собственный мой».

Государь, улыбнувшись, отошелъ отъ него и ничего не сказалъ.

Этотъ анекдотъ мнѣ случилось почему-то разсказать, бывши въ 1851 году въ Петербургѣ, за обѣдомъ у Татьяны Борисовны Потемкиной. Въ числѣ обѣдавшихъ подлѣ меня сидѣла уже немолодая фрейлина М. П. Сумарокова, которая, въ свою очередь, передала мнѣ, понизивъ нѣсколько голосъ, такъ что я одинъ только могъ слышать ея разсказъ, что съ императоромъ Александромъ Павловичемъ, какъ ей за достовѣрное разсказывали, было еще подобное недоразумѣніе.

Однажды Государь шелъ по Невскому Проспекту; погода была превосходная, и гуляющихъ было множество. Между прочими встрѣтился ему одинъ изъ придворныхъ (кажется, она назвала фамилію Н—а).

Государь, увидавши его, спросилъ: «А что супруга ваша гуляетъ?» — «Никакъ нѣтъ, Ваше Величество», нѣсколько сконфузившись, отвѣчалъ Н....., «она уже *перестала*».

*

Въ 40-хъ годахъ лѣтомъ ѣхалъ императоръ Николай Павловичъ изъ Курска на Харьковъ. Въ то время по дорогѣ была сильнѣйшая пыль. На одной изъ промежуточныхъ станцій по Обоянскому уѣзду впереди императорскаго экипажа выскакиваетъ на дорогу ухарская тройка, запряженная въ телѣжку и скачетъ впереди Императора.

Николай Павловичъ имѣлъ обыкновеніе ѣздить всегда въ открытомъ экипажѣ, и пыль неслась ему прямо въ лицо.

Замѣтивъ ѣхавшую впереди тройку, Государь приказываетъ догнать ее. Но не тутъ-то было! Чѣмъ быстрѣе ѣхала коляска Го-

Библиотека "Руниверс"

сударева, тѣмъ шибче скакала впереди тройка и поднимала еще больше пыли. Скачка эта продолжалась до самой станціи, гдѣ нужно было перемѣнять лошадей. Подъѣхавши къ станціи, Государь немедленно приказываетъ позвать къ себѣ скакавшаго на тройкѣ. Оказывается, что это мѣстный становой приставъ Миллеръ, хромой, щедушный чиновникъ. Государь, окинувши его взглядомъ, спрашиваетъ, для чего это онъ скакалъ передъ его экипажемъ и пылилъ ему прямо въ глаза?

«По долгу службы», отвѣчаетъ Миллеръ: «считалъ священною обязанностью сопровождать Ваше Императорское Величество по своему стану».—«А, такъ ты хотѣлъ сопровождать меня подъ карауломъ», сказалъ Государь и велѣлъ на этой же тройкѣ отправить его въ Курскъ къ губернатору съ приказаніемъ посадить его на три дня на гауптвахту за неумѣстную ретивость по службѣ.

Вскорѣ послѣ гауптвахты, этотъ самый Миллеръ поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій къ тому же Курскому губернатору А. П. Устимовичу. Всѣ, знавшіе Миллера, удивлялись его повышенію, такъ какъ онъ не пользовался вообще хорошей репутаціей. Одинъ мѣстный острякъ такъ выразился о Миллерѣ: «Что же тутъ удивительнаго, что Миллеръ попалъ въ чиновники особыхъ порученій? Когда онъ запылилъ глаза императору Николаю Павловичу, то ему, конечно, ничего не стоило пустить пыль въ глаза губернатору Устимовичу».

Николай Рѣшетовъ.

Библиотека "Руниверс"

ПУБЛИЧНЫЕ КОНЦЕРТЫ И БАЛЫ ВЪ СТОЛИЦАХЪ.

Еще въ 1120 году великій князь Святополкъ Владимировичъ, одержавъ побѣду надъ Болгарами, переправился, въ виду непріятеля, черезъ Волгу на лодкахъ, при шумныхъ звукахъ барабановъ, трубъ и флейтъ. При великомъ князѣ Василіѣ Іоанновичѣ полки наши имѣли своихъ музыкантовъ и трубачей, а при Іоаннѣ Грозномъ, который самъ отлично зналъ напѣвы и даже сочинялъ церковную музыку, музыкальность возрасла до того, что толпы „*скомороховъ*" ходили изъ села въ село увеселять народъ своимъ искусствомъ. Музыка входила въ число увеселеній высшаго сословія, и царь Ѳеодоръ Іоанновичъ имѣлъ уже обыкновеніе по вечерамъ, отдыхая отъ занятій, слушать музыку и пѣсни въ теремахъ царицы. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и сынѣ его, Россія, начавъ перенимать иностранные обычаи, завела у себя, между прочимъ, и иностранную музыку. Однимъ изъ горячихъ любителей ея былъ бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ-Юрьевъ. Когда патріархъ Никонъ приказалъ отобрать Латинскіе органы и сжечь ихъ за Москвой-рѣкой, изъ опасенія, что музыка послужитъ къ развращенію нравовъ, бояринъ Романовъ-Юрьевъ не выдалъ своихъ инструментовъ. Запрещеніе патріарха, впрочемъ, не имѣло важныхъ послѣдствій, что̀ видно изъ того, что тогда же знаменитый ближній бояринъ А. С. Матвѣевъ, завѣдывавшій Посольскимъ Приказомъ, вызвалъ изъ Германіи актеровъ, музыкантовъ и танцовщиковъ. Къ этому времени относится у насъ и первое драматическое примѣненіе музыки, какъ искусства, къ театральнымъ представленіямъ.

На ассамблеяхъ при Петрѣ Великомъ большею частію игралась музыка духовая, состоявшая изъ трубъ, фаготъ, гобоевъ, волторнъ и при нихъ литавръ и тарелокъ. Хотя высшее общество того времени считало еще неприличнымъ предаваться музыкальнымъ занятіямъ, и изъ Русскихъ свѣтскихъ дамъ только княгини Кантемиръ и Черкасская, да графиня Головкина умѣли играть на фортепіано, тѣмъ не менѣе концерты въ Петербургѣ и Москвѣ были не рѣдкостью. Прусскій посланникъ Мардефельдъ, превосходно игравшій на лютнѣ, не разъ концерта̀ми своими забавлялъ публику. Гер-

Библиотека "Руниверс"

цогъ Гольштейнъ-Готторпскій Карлъ Ульрихъ, пріѣхавшій въ Россію въ 1721 г., привезъ съ собой капеллу, состоявшую изъ одного фортепіано, нѣсколькихъ скрипокъ, одного viole d'amour, одного альта, одного віолончеля, одного контрабаса, двухъ флейтъ и двухъ волторнъ. Прекрасная игра музыкантовъ и новость инструментовъ восхищали Русскихъ, и въ Великій Постъ 1722 года почти вся Москва собиралась къ герцогу слушать ораторіи. Въ дни Новаго Года, Свѣтлаго Воскресенія или имянинъ Государыни, герцогъ обыкновенно до разсвѣта являлся съ своими музыкантами подъ окно императрицы и серенадами приносилъ ей свои поздравленія.

Петръ Великій особенно заботился объ улучшеніи военной музыки и для того выписывалъ изъ Германіи композиторовъ, чтобы они обучали молодыхъ солдатъ, которые въ послѣдствіи всякій день отъ 11 до 12 часовъ утра должны были играть на Адмиралтейской башнѣ. При Екатеринѣ I-й ассамблеи уничтожились; но за то очень часто давались частные балы, на которыхъ играла музыка, постепенно входившая въ употребленіе между Русскими людьми. Обыкновеніе давать концерты при императорскомъ дворѣ относится ко времени Анны Іоанновны; по ея повелѣнію выписана труппа Итальянскихъ артистовъ подъ управленіемъ извѣстнаго въ то время композитора Франческо Араіи. Съ того времени въ штатахъ императорскаго двора стала полагаться должность „концертмейстера", въ вѣдѣніи котораго и должна была состоять придворная музыка, т.-е. оркестры бальный и оперный. Въ составѣ придворной музыки находились тогда приглашенные изъ-за границы извѣстные музыканты Монтонисъ и Далаіо, много способствовавшіе устройству оперы въ Петербургѣ.

Въ 1755 г. графъ Разумовскій образовалъ въ своемъ Глуховѣ музыкальную капеллу. Въ 1759 году вмѣсто уволеннаго Араіи ко двору приглашенъ Нѣмецкій композиторъ Раупахъ. Онъ давалъ концерты въ увеселительномъ дворцѣ Петергофа. Въ концертахъ этихъ принималъ участіе и великій князь Петръ Ѳеодоровичъ, который, по восшествіи на престолъ, имѣлъ въ виду привлечь самыхъ лучшихъ артистовъ Европы. Екатерина признавалась, что она лишена музыкальнаго слуха; тѣмъ не менѣе, въ концѣ 1763 года, въ Петербургъ былъ вызванъ изъ Вѣны композиторъ Сторцеръ въ должность главнаго распорядителя концертовъ. Чрезъ два года прибылъ въ Петербургъ на трехлѣтіе извѣстный Галуппи, получавшій жалованія по 4-ре тыс. рублей въ годъ. Придворные оркестры были имъ доведены до совершенства. Въ 1783 году былъ данъ во вновь открытомъ каменномъ (нынѣ Большомъ) театрѣ первый концертъ нѣкіимъ Тоди, при весьма возвышенныхъ цѣнахъ за мѣста.

Первое законоположеніе по части концертовъ вышло при Екатеринѣ II-й. Въ указѣ отъ 12-го Іюля 1783 года (пунктъ 1-й, § 17-й) повелѣвалось: „Всякую недѣлю однажды или дважды, въ назначенный день или когда приказано будетъ, давать концерты во дворцѣ". Въ § 26-мъ того же указа говорится: „Въ театральныхъ залахъ давать для приращенія доходовъ дирекціи театральной концерты и ораторіи".

Библиотека "Руниверс"

Въ это же время получаетъ извѣстность обучавшійся въ Венеціи пѣвчій Дмитрій Степановичъ Бортнянскій. Придворный пѣвческій хоръ подъ его руководствомъ приведенъ былъ „въ блестящую стройность и согласіе“.

Въ послѣдніе годы XVIII вѣка развитіе музыкальнаго искусства проявилось еще въ постановкѣ на театральной сценѣ нѣсколькихъ народныхъ оперъ. Сама Государыня сочинила пять такихъ оперъ въ видахъ поощренія талантовъ и искусствъ. Изъ этихъ оперъ особенно отличалось тогда представленіе подъ названіемъ „Начальное Управленіе Олега“. Произведеніе было поставлено съ большимъ вкусомъ и роскошью на эрмитажномъ театрѣ.

Все что̀ было лучшаго по музыкальной части въ чужихъ краяхъ вызывалось въ Петербургъ, и первые таланты находились въ составѣ императорскихъ оркестровъ; а *Музыкальный Клубъ*, существовавшій въ 1772 году, много содѣйствовалъ распространенію вкуса и любви къ музыкѣ въ столичномъ обществѣ. Въ это время въ Россіи уже появились собственные композиторы, капельмейстеры и виртуозы, достигшіе даже славы, какъ-то: Березовскій, Булахъ, Иванъ Хондошкинъ, Богдановичъ и другіе. Главнымъ оркестромъ управлялъ извѣстный композиторъ Козловскій, сочинившій знаменитый „Польскій“ на слова Державина: „Громъ побѣды раздавайся“.

При Павлѣ, въ указѣ отъ 22-го Декабря 1796 года на имя князя Юсупова, было повелѣно: „музыкантовъ заводить“, чтобы были „пѣвцы и пѣвицы для стола и концертовъ“ и „ораторіи духовныя въ теченіи Великаго Поста, кромѣ первой и послѣдней недѣли, давать позволить“. Послѣ сего указа, въ теченіе двадцати лѣтъ не было издаваемо никакихъ отдѣльныхъ отъ театра распоряженій по этой отрасли искусствъ и увеселеній. Въ это время дирекція императорскихъ театровъ въ особо нанятомъ домѣ на Невскомъ Проспектѣ давала въ лѣтнее время публичные балы съ платою по два рубля за входъ, причемъ отчисляла съ каждаго проданнаго билета 25 коп. въ пользу инвалидовъ. Кромѣ баловъ и концертовъ, дававшихся при дворѣ и отъ дирекціи театровъ, концерты разрѣшались: благотворительнымъ обществамъ, дворянскимъ собраніямъ, а также артистамъ, пѣвцамъ и пѣвицамъ, капельмейстерамъ, репетиторамъ, какъ пріѣзжающимъ, такъ и постоянно въ столицахъ проживающимъ. Для такихъ концертовъ стали преимущественно опредѣляться дни въ теченіи Великаго Поста. Лишь по особымъ уваженіямъ, а равно иностраннымъ музыкантамъ, извѣстнымъ по своимъ дарованіямъ или же признававшимся дирекціей „за искуснѣйшихъ“, публичные концерты дозволялись и въ остальное время года. Въ этотъ періодъ времени и до тридцатыхъ годовъ вкусъ публики къ музыкальнымъ произведеніямъ и ихъ исполненію успѣлъ сдѣлать значительные шаги впередъ. Русская опера, имѣвшая въ своемъ репертуарѣ порядочное количество оригинальныхъ и переводныхъ оперъ, при весьма талантливыхъ исполнителяхъ, баловала общество, которое уже имѣло въ средѣ композиторовъ нѣкоторыхъ любимцевъ. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ го-

Библиотека "Руниверс"

ахъ предпочитались въ Петербургѣ произведенія Боальдье, Мегюля, Россини, Моцарта, Шрамбельта и Херубини.

При Николаѣ въ Петербургѣ учредились Музыкальная Академія подъ правленіемъ Львова и Академія Пѣнія, подъ руководствомъ М. Ю. Віельорскаго. Впрочемъ оба учрежденія скоро закрылись. Государь отлично понималъ музыку, какъ это видно изъ Записокъ Львова (въ Р. Арх. 1884 г.). Безъ него конечно былъ бы затертъ иностранцами геніальный Глинка.

По распоряженіямъ при Николаѣ Павловичѣ относительно устройства ъ столицѣ музыкальнаго и опернаго дѣла можно заключить о желаніи не тставать въ этомъ отношеніи отъ нашихъ западныхъ учителей. Рядомъ ъ дѣйствіями правительства музыкальная потребность въ Русскомъ обществѣ развивалась настолько быстро, что, въ виду существовавшихъ, потребовалось разъяснительное законоположеніе. 7-го Марта 1834 года состоялось высочайшее повелѣніе, чтобы на публичныхъ концертахъ, которые аются артистами, не подлежавшими вѣдомству императорскихъ театровъ, ромѣ инструментальной музыки и пѣнія ничего другаго не допускалось. Въ публичныхъ концертахъ артистовъ императорскихъ театровъ дозволено было ставить живыя картины, а въ концертахъ благотворительныхъ обществъ допускались сверхъ музыки и живыхъ картинъ: лотерреи, томолы, аллегри, барры, ярмарки и аукціоны, а также декламированіе лирическихъ сочиненій и отрывковъ изъ поэмъ, но во всякомъ случаѣ не иначе акъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія правительства. При этомъ, въ акихъ концертахъ, представленія драматическими артистами театральныхъ ьесъ или сценъ, хотя бы и не въ костюмахъ, а равно и самое ихъ чтеніе, воспрещались. Участіе артистовъ какъ Итальянской, такъ и другихъ перныхъ труппъ казенныхъ театровъ зависѣло отъ разрѣшенія дирекціи.

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ ограниченнѣе становились права частыхъ лицъ, артистовъ и всякихъ обществъ въ дѣлѣ концертовъ, баловъ всякихъ публичныхъ музыкальныхъ исполненій или увеселеній. 1-го Февраля 1846 года состоялось новое высочайшее повелѣніе, по которому для аловъ съ лотереями и для концертовъ, назначавшихся разными благотворительными обществами и заведеніями, было опредѣлено извѣстное время: ля первыхъ съ 1-го Октября въ продолженіе зимы кромѣ послѣднихъ шести недѣль предъ Великимъ Постомъ, а для послѣднихъ Великій Постъ, но съ ѣмъ однакожъ, чтобы тѣ общества и заведенія предварительно сносились съ театральною дирекціей о назначеніи дней для таковыхъ баловъ и концертовъ. Въ 1854 году артистамъ Итальянской труппы, по высочайшему повелѣнію, было вовсе запрещено принимать участіе какъ въ частныхъ, такъ и даваемыхъ благотворительными обществами концертахъ. Лица не принадлежавшія къ сословію артистовъ и музыкантовъ или пѣвцовъ не имѣли права давать какіе бы то ни было публичные концерты. Пріѣзжавшіе артисты, которымъ дирекція дозволяла давать концерты въ ихъ пользу, обязаны были участвовать безвозмездно на одномъ изъ концертовъ дирекціи, если то признавалось нужнымъ; а общества и заведенія вообще могли давать

Библиотека "Руниверс"

концерты или балы всего только по одному въ годъ, на что̀ тогда же вышло особое высочайшее повелѣніе.

Эти стѣснительныя мѣры, въ виду развитія искусства и потребностей въ жизни общества, порождали съ одной стороны случаи нарушенія установленныхъ правилъ, съ другой—ходатайства во всѣ административныя учрежденія и часто на высочайшее имя, что̀ побудило установить новыя правила о концертахъ, публичныхъ балахъ и другихъ увеселеніяхъ въ столицахъ, которыя и были высочайше утверждены 7-го Марта того же 1854 года. Публичные концерты и балы могли даваться только съ разрѣшенія дирекціи императорскихъ театровъ или же при особыхъ случаяхъ съ дозволенія высочайшаго. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1854 года г-жа Александрова ходатайствовала о дозволеніи дать танцовальный вечеръ съ аллегри въ залѣ Дворянскаго Собранія. Директоръ театровъ со своими соображеніями представилъ это дѣло министру императорскаго двора. По всеподданнѣйшему о томъ докладу, состоявшемуся 6-го Апрѣля, Александровой было высочайше разрѣшено, въ видѣ изъятія, дать вечеръ, но не въ тотъ день Святой Недѣли, какъ она о томъ просила, не въ Среду, а въ Пятницу, такъ какъ въ Среду долженъ былъ состояться въ театрѣ концертъ Лагранжа. Въ томъ же году высочайше дозволено было С.-Петербургскому Благородному Собранію „дать въ послѣдній разъ“ балъ въ пользу недостаточныхъ семействъ воиновъ, назначенныхъ для защиты столицы и Прибалтійскихъ губерній.

Дирекція уже не имѣла на службѣ при своихъ театрахъ „композиторовъ“, и таковые замѣнены „инспекторами музыки“, которые завѣдывали оркестрами болѣе со стороны полицейской. Ноября 5-го 1856 года состоялось высочайшее повелѣніе, запрещавшее входить съ ходатайствами объ изъятіяхъ изъ установленныхъ правилъ о концертахъ и балахъ въ столицахъ, а высочайшее повелѣніе 1863 года распространило постановленіе это и на окрестности столицъ: Петергофъ, Царское Село, Петровскій Паркъ и на другія мѣста за заставами. Въ томъ же году дирекціи предоставлено было право взимать съ концертовъ и т. п. увеселеній, какъ могущихъ вредить ея сборамъ, плату по обоюдному условію, но не болѣе четвертой части чистаго сбора. При этомъ разрѣшеніи никакими иными распоряженіями или закономъ не былъ указанъ дирекціи способъ контролированія этихъ сборовъ, почему на практикѣ при исполненіи этой повинности господствовалъ произволъ, дошедшій до того, что одновременно за музыкальные вечера, устраивавшіеся въ садахъ, трактирахъ и гостинницахъ, взималось и до двухъ тысячъ рублей за три мѣсяца, и по 15 рублей за цѣлый годъ.....

Но вопреки этимъ стѣсненіямъ, положеніе нашего музыкальнаго дѣла было хорошо. Уже многіе композиторы и ихъ исполнители заявили, во второй половинѣ текущаго столѣтія, свои искусства и таланты. Въ наши дни, не смотря на чисто-реальное направленіе искусствъ и художествъ, вкусъ къ изящному, поэтическому и высокому въ музыкальномъ отношеніи, повидимому, водворился у насъ окончательно, и канцелярскія стѣсненія по этой части уже не могутъ не оскорблять общественнаго мнѣнія.

С. Танѣевъ.

Библиотека "Руниверс"

ЛЮБОПЫТНЫЯ ПОКАЗАНІЯ О НѢКОТОРЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЯХЪ МОСКОВСКАГО ОБРАЗОВАННАГО ОБЩЕСТВА ВЪ НАЧАЛѢ ПРОШЛАГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

Случайно попало намъ въ руки нѣсколько сшитыхъ вмѣстѣ бумагъ, образующихъ такъ называемое „дѣло" и начинающихся помѣтою знаменитаго графа Закревскаго на обложкѣ: „Отданы князю Долгорукову *) 28 Августа 1858 года". Вслѣдъ за этою помѣтою идетъ перечисленіе бумагъ: „1) записка о разныхъ неблагонамѣренныхъ толкахъ и неблагонамѣренныхъ людяхъ, 2) списокъ подозрительныхъ людей въ Москвѣ, 3) списокъ женщинъ вольнаго обращенія изъ оберъ-офицерскихъ званій, 4) письмо, полученное съ городской почты о дѣйствіяхъ по Москвѣ съ біографіями: графу Строгонову, Корнилову и Крапоткину". За тѣмъ отмѣчено неизвѣстною намъ рукою: „4-е отдалъ г. Корнилову 4 Апрѣля 1874." Такимъ образомъ въ дѣлѣ недостаетъ письма съ біографіями. Но и въ сохранившемся видѣ оно имѣетъ значеніе историческое. Нѣкоторыя изъ лицъ, нижепоименованныхъ, еще здравствуютъ и прочитаютъ съ улыбкою эти отзывы. Доставляя высшему правительству столь превратныя показанія, графъ Закревскій, такъ сказать, самъ готовилъ себѣ отставку, которая и послѣдовала весною 1859 года (послѣ того какъ онъ не только позволилъ своей дочери, отъ живаго мужа, выйти за мужъ за другаго, но и содѣйствовалъ этому браку). Увольненіе отъ должности графа Закревскаго было для Москвы большимъ событіемъ; да и вообще, въ исторіи внутреннихъ нашихъ дѣлъ, оно было началомъ развинчиванія старой правительственной машины. П. Б.

№ 1-й.

По разнымъ слухамъ и секретнымъ негласнымъ дознаніямъ можно предположить, что такъ называемые Славянофилы составляютъ у насъ тайное политическое общество. Славянофилы появились послѣ Польской революціи, въ видѣ литературнаго общества любителей Русской старины. Центръ этого общества—Москва. Литературные органы его: 1. *Русская Бесѣда*, редакторъ Кошелевъ; главные сотрудники: Хомяковъ, Аксаковъ и Самаринъ. 2. *Сельское Благоустройство*, отдѣлъ Русской Бесѣды; редакторъ и сотрудники тѣже. Денежный двигатель общества—Кокоревъ, поддержанный множествомъ купцовъ новаго поколѣнія, которыхъ Славянофилы всячески къ себѣ привлекаютъ.

Общество Славянофиловъ развиваетъ общинныя или демократическія начала. Оно составлено отъ лицъ разныхъ сословій, дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ, людей духовнаго званія и ученыхъ.

---

*) Т. е. тогдашнему шефу жандармовъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Вредное по своему составу и началамъ, общество это надѣется на какое-то покровительство и смѣло распространяетъ кругъ своихъ дѣйствій. Прежде оно имѣло своимъ органомъ одно періодическое изданіе, «Московскій Сборникъ», выходившій непостоянно и остановленный изданіемъ въ 1853 году [1]). Кромѣ помянутыхъ двухъ журналовъ необходимо обратить строгое вниманіе высшей цензуры и на слѣдующіе издаваемые также въ Москвѣ:

1. *Русскій Вѣстникъ*. Редакторы Катковъ и Леонтьевъ. Цензоръ Фонъ-Крузе.

2. *Атеней*. Редакторъ Коршъ, сотрудники Кетчеръ и другіе. Цензоръ тотъ же.

3. *Московскія Вѣдомости*. Редакторъ Коршъ.

Всѣ эти изданія расходятся въ большомъ числѣ экземпляровъ, читаются пылкою, неопытною молодежью и даютъ направленіе общему мнѣнію. Элементы, которые могутъ послужить неблагонамѣреннымъ людямъ, чтобы произвести переворотъ въ государствѣ, слѣдующіе:

1. *Крестьянскій вопросъ*—орудіе для возбужденія крестьянъ противъ помѣщиковъ, а послѣднихъ противъ правительства.

2. *Безсрочно-отпускные нижніе чины*.

3. *Раскольники*. Имъ стараются внушать, что они напрасно надѣются на милосердіе Царя, а должны ожидать всего отъ перемѣны образа правленія.

4. *Фабричный народъ*. Этотъ классъ людей давно подготовляется уже къ безпорядкамъ разными иностранными механиками и мастерами на фабрикахъ.

5. *Театральныя представленія*. Актеръ Щепкинъ, на одномъ изъ своихъ вечеровъ, подалъ мысль, чтобы авторы писали піесы, заимствуя сюжеты изъ сочиненій Герцена и дарили эти піесы бѣднымъ артистамъ на бенефисы.

6. *Распространеніе сочиненій Герцена*. Въ прошедшемъ году, во время ярмарки въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ продолженіе зимы, одинъ изъ сыновей Щепкина уѣзжалъ нѣсколько разъ изъ Москвы и, какъ говорятъ, развозилъ нѣсколько тысячь экземпляровъ запрещенныхъ сочиненій на Русскомъ языкѣ. Въ настоящее время, какъ слышно, тайные агенты заняты распространеніемъ изданной Герценомъ книги—Толкованіе Евангелія.

21-го Августа 1858 [2]).

---

[1]) Злосчастное тогдашнее ослѣпленіе власти карало и правыхъ, и виноватыхъ. Хомякова спасло отъ ссылки случайное упоминаніе графа Блудова въ разговорѣ съ графомъ Орловымъ о томъ, что онъ богатый помѣщикъ. П. Б.

[2]) Число и годъ написаны графомъ Закревскимъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

№ 2-й.

Списокъ подозрительныхъ лицъ въ Москвѣ.

(1859).

Аксаковъ Константинъ Тимофѣевичъ, магистръ словесности *Аксаковъ Иванъ Тимофѣевичъ*, коллежскій совѣтникъ	на Кисловкѣ, въ д. Пуколовой.	Славянофилы и издатели журнала «Парусъ».
Хомяковъ Алексѣй Степановичъ отставной ротмистръ.	На Собачьей площадкѣ въ собств. д.	Славянофилъ.
Кошелевъ Александръ Ивановичъ, надворный совѣтникъ.	На Поварской въ собств. домѣ.	Славянофилъ и издатель журнала «Сельское Благоустройство».
Армфельдъ Александръ Осиповичъ, д. ст. с. и профессоръ.	Въ Воспитательномъ домѣ.	Славянофилъ.
Масловъ Степанъ Алексѣевичъ, д. с. с.	На Петровкѣ въ Салтык. пер. д. Буравцовыхъ.	Славянофилъ.
Катковъ Михаилъ Никифоровичъ, коллежскій совѣтникъ.	Мясницкой час., въ Армянскомъ пер.	Западникъ и издатель журнала «Русскій Вѣстникъ».
Кокоревъ Василій Александровичъ, коммерціи совѣтникъ.	Мясницкой ч. 4 кв. въ собст. домѣ.	Западникъ, демократъ и возмутитель, желающій безпорядковъ.
Мамонтовъ Иванъ Ѳедоровичъ, купецъ 1-й гильдіи.	На Земляномъ валу, въ собст. домѣ.	Другъ Кокорева и товарищъ его во всѣхъ предпріятіяхъ.
Степановъ Петръ Ивановичъ, прапорщикъ.	Прѣснен. ч. 1 кв. въ д. Сычевой.	Помощникъ Кокорева по сочиненію статей.
Кетчеръ Николай Яковлевичъ, коллежскій совѣтникъ.	Въ 3-й Мѣщанской, въ собст. домѣ.	У него бываютъ сборища съ неблагонамѣренными замыслами.
Якушкинъ Евгеній Ивановичъ, подполковникъ.	Мѣщанской ч. 1 кв. въ д. Абакумовой.	Сынъ ссыльнаго Якушкина, прикосновеннаго къ 14 Декабря 1825.
Солдатенковъ Козьма Терентьевичъ, почетн. гражданинъ.	Рогожской ч. у Сергія, въ соб. д.	Раскольникъ, западникъ, пріятель Кокорева, желающій безпорядковъ и возмущеній.
Погодинъ Михаилъ Петровичъ, д. с. с.	На Дѣвичьемъ полѣ, въ соб. д.	Корреспондентъ Герцена, литераторъ стремящійся къ возмущенію.

Библиотека "Руниверс"

Фонъ-Крузе Николай Өедоровичъ, надв. сов.	На Никитской, въ д. Рихтера.	Цензоръ, пріятель всѣхъ западниковъ и славянофиловъ, другъ Каткова, корреспондентъ Герцена, готовый на все и желающій переворотовъ.
*Павловъ Николай Филиппович*ъ тит. сов.	Мясницкой ч. на Срѣтенкѣ, въ д. Голицыной.	Литераторъ, корреспондентъ Герцена и готовый на все.
Князь Оболенскій Юрій Александровичъ.	На Арбатѣ, въ д. Лопыревскаго.	Корреспондентъ Герцена.
Князь Голицынъ Николай Николаевичъ.	Въ номер. Челышева на Театрал. площади.	Корреспондентъ Герцена.
Щепкинъ Михаилъ Семеновичъ, актеръ.	Срѣтенской ч. на Малой Дмитровкѣ въ Воротницкомъ пер., въ д. Щепотьевой.	Желаетъ переворотовъ и на все готовый.
Щепкинъ Николай Михайловичъ, отставной поручикъ и временный купецъ, книгопродавецъ.	(тамъ же)	Дѣйствуетъ одинаково съ отцомъ.
Геръ Осипъ, Московскій купецъ.	Той же части, 4 кв. въ св. домѣ.	Агентъ Кокорева и на все готовый.
Апельротъ Германъ Яковлевичъ, тит. сов.	Сущевской ч. 2 кв. въ св. д.	
Пикулинъ Павелъ Яковлевичъ, колл. сов.	Тверской ч. на Петровкѣ, д. Кондратьевой.	Желаетъ безпорядковъ и готовъ на все.
Самаринъ Юрій, колл. асс.	На Тверской, въ собств. домѣ.	Славянофилъ и литераторъ, желающій безпорядковъ и на все готовый.
Козловъ, преподаватель Русской словесности въ школѣ межевыхъ топографовъ.	На Тверской въ д. Гурьева.	Изъ числа вертепниковъ.
Котляревскій Александръ, студентъ кончившій курсъ по математическому факультету.	Тверской ч., въ д. Челышева, въ номерахъ 2 отд. № 67.	Изъ числа вертепниковъ, но принималъ въономъ участіе менѣе другихъ.
Разсадинъ Иванъ, учитель географіи въ школѣ межевыхъ топографовъ.		Изъ числа вертепниковъ, готовый на все.
Сатинъ Николай, колл. регистраторъ.		
Бабстъ Иванъ надв. сов.	Въ Калачномъ пер. въ д. Моллера.	
Китара Модестъ колл. сов.	Въ Коммерческой Практической Академіи.	

Библиотека "Руниверс"

Бумагу подъ номеромъ 3-мъ составляетъ *списокъ женщинъ вольнаго обращенія, преимущественно изъ оберъ-офицерскихъ дочерей, получившихъ воспитаніе въ институтахъ и учебныхъ заведеніяхъ.* Опуская этотъ скорбный листъ, замѣтимъ на немъ помѣту графа Закревскаго: «Получ. 5 Іюня 1857 отъ Сичинскаго». Это былъ Московскій полицеймейстеръ, получившій громкую извѣстность по дѣлу Маріи Бредау. Онъ былъ Грекъ родомъ, вывезенный съ одного изъ острововъ Эгейскаго моря адмираломъ Гейденомъ въ 1827 году. Вышедши въ отставку по увольненіи графа Закревскаго, онъ женился на богачкѣ и поселился въ Самарской губерніи, гдѣ и умеръ загадочно. Онъ велъ свои Записки.

*

Къ секретному дѣлу пришиты въ копіяхъ слѣдующія три письма графа Закревскаго къ тогдашнему предсѣдателю Государственнаго Совѣта князю Орлову.

1.

Москва, 6-го Февраля 1858.

Любезный другъ князь Алексѣй Ѳедоровичъ. Ты знаешь о моей перепискѣ съ княземъ Долгоруковымъ на счетъ Кокорева и о Высочайшемъ повелѣніи, которое послѣдовало по поводу этой переписки. Посылаю тебѣ теперь копію съ моего отношенія къ князю Долгорукову объ исполненіи Высочайшей воли и со всѣхъ приложеній. Ты увидишь, что безразсудныя рѣчи Кокорева имѣютъ уже отголосокъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ. Хорошо, если это кончится одними толками и не будетъ имѣть болѣе важныхъ послѣдствій. Предполагая, что митингъ 19 Февраля состоится, Кокоревъ и Погодинъ, какъ мнѣ извѣстно, приготовили уже новыя рѣчи и для сочиненія ихъ ѣздили въ подмосковную Мамонтова, пріятеля и товарища Кокорева. Дѣлая Кокореву внушеніе, чтобы онъ взялся за умъ и поменѣе болталъ, я сказалъ ему, что презираю неблагонамѣренныя на мой счетъ выходки его и пишущихъ и непишущихъ его друзей, которые между прочимъ разгласили здѣсь, что меня смѣнятъ къ Марту мѣсяцу. Въ подтвержденіе этихъ слуховъ посылаю подлинное письмо ко мнѣ князя Сергія Михайловича. Я увѣренъ, что пропущенное цензурою въ Нордѣ 2-го Февраля нелѣпое письмо Московскаго корреспондента отъ 2-го (14) Января идетъ изъ Кокоревскаго же источника и удивляюсь умышленной, по всему вѣроятію, оплошности Петербургской цензуры, которая разрѣшаетъ для публики подобныя статьи, компрометирующія не только личности, но и самое правительство.

Библиотека "Руниверс"

2.

21-го Января 1859. Москва.

Любезный другъ князь Алексѣй Ѳедоровичъ. Ты желалъ знать мое мнѣніе на статью *Миліардъ въ туманѣ*, помѣщенную въ 5 и 6 №№ «Петербургскихъ Вѣдомостей» нынѣшняго года. Прилагаю его. Кокоревъ дѣйствительно туманитъ публику. Давно бы пора унять этого вреднаго честолюбца, который, при стеченіи счастливыхъ обстоятельствъ, выскочивъ изъ цѣловальниковъ и пріобрѣтя своимъ кабацкимъ богатствомъ значеніе въ обществѣ, особливо въ народѣ, и связи между литераторами, не въ первый уже разъ смѣетъ печатать свои уроки правительству.

Князь Сергій Михайловичъ совершенно безнадеженъ. Я видѣлъ его вчера; онъ весь распухъ. Вода поднимается къ головѣ.

3.

1-го Марта 1859. Москва.

Любезный другъ князь Алексѣй Ѳедоровичъ. Третьяго дня прибылъ сюда Кокоревъ и вчера у больнаго старика Аксакова, при нѣсколькихъ посѣтителяхъ, говорилъ, что военный министръ призывалъ къ себѣ генералъ-лейтенанта Хрулева и именемъ Государя спрашивалъ его: сколько нужно войска въ случаѣ войны,—и что Хрулевъ отвѣчалъ: для Австріи довольно бы 50 т., но для Европы надо не менѣе 500 т. Не хочу вѣрить этому. Развѣ въ Петербургѣ мало васъ, давно служащихъ, съ которыми можно говорить о семъ, и развѣ не между вами теперь главнокомандующій дѣйствующею арміею, чтобы прибѣгать къ совѣту генерала, бывшаго только дивизіоннымъ командиромъ? Но если, къ несчастію, это правда, то спрашиваю: имѣлъ ли право генералъ говорить о томъ откровенно откупщику?

Библиотека "Руниверс"

ВЛАДИМИРО-МАРІИНСКІЙ ПРІЮТЪ НА ОЗЕРѢ МСТИНѢ.

(Читано въ павиліонѣ Пріюта 1-го Іюня 1885 года).

Тверской губерніи, верстахъ въ двадцати отъ Вышняго Волочка и въ десяти отъ Николаевской желѣзной дороги (станція Зарѣчье, нынѣ получившая названіе *Академической*), на мысу, омываемомъ съ одной стороны озеромъ, а съ другой вытекающею изъ него рѣкою Мстою, еще недавно стоялъ опустѣлый старинный домъ, въ которомъ живалъ Петръ Великій во время своихъ разъѣздовъ по такъ называемой Вышневолоцкой водяной системѣ. Тутъ нѣкогда были шлюзъ и пропускъ судовъ, нынѣ перемѣщенные на двѣ версты далѣе. Въ прошломъ году мѣсто это съ тремя десятинами земли передано изъ Министерства Путей Сообщенія въ собственность Императорской Академіи Художествъ. Президенту Академіи, Великому Князю Владиміру Александровичу угодно было устроить здѣсь лѣтнее помѣщеніе для слабыхъ здоровьемъ учениковъ Академіи. Попечителемъ пріюта назначенъ владѣлецъ сельца Новоалександровскаго (на берегу того же озера) Василій Александровичъ Кокоревъ. Приспособленіе забытой усадьбы къ новому ея назначенію двинулось быстро: прошлымъ лѣтомъ жило въ пріютѣ десять человѣкъ молодыхъ художниковъ; нынѣшнее уже *двадцать девять* человѣкъ помѣщено въ полномъ довольствѣ и толкбвомъ благоустройствѣ. Рядомъ съ обновленнымъ зданіемъ и службами возникъ превосходный павильонъ, своеобразная художественная храмина, высокая, звонкая и свѣтлая, вся снаружи и внутри убранная узорочными украшеніями простонародныхъ Русскихъ построекъ. Изъ нея можно обозрѣвать во всѣ стороны тамошнюю живописную мѣстность. Государь Великій Князь (посѣтившій незадолго передъ тѣмъ деревню Пушкина и помолившійся на его могилѣ въ Святогорскомъ монастырѣ) изволилъ, 1-го Іюня нынѣшняго года, навѣстить пріютъ молодыхъ художниковъ, носящій имя его и его супруги. Когда Великій Князь обозрѣлъ павильонъ, то съ его позволенія, въ собраніи учениковъ, художниковъ, мѣстныхъ властей и другихъ лицъ, прибывшихъ на торжество, издателемъ „Русскаго Архива" прочитаны были нижеслѣдующія строки.

*

Здоровая и живописная мѣстность, усердною любовью къ Русскому искусству выбранная въ лѣтній отдохновительный пріютъ для воспитанниковъ Императорской Академіи Художествъ, даетъ не только

Библиотека "Руниверс"

просторъ художественной мечтѣ и творческому замыслу, но и полна живыхъ воспоминаній и любопытныхъ преданій историческихъ. Эти преданія восходятъ къ сѣдой древности. Испоконъ вѣку шелъ въ здѣшнихъ мѣстахъ великій водный путь, соединяющій дальнія страны Азіятскаго Востока и нѣкогда высокопросвѣщеннаго Юга со странами Сѣвера. Это знаменитый, такъ называемый у лѣтописца Нестора «путь изъ Варягъ въ Греки», по которому ходили на Царьградъ воинственныя дружины нашихъ предковъ и сообщались Греческія произведенія прибрежнымъ жителямъ Балтійскаго моря (еще въ Екатерининской Дворянской Грамотѣ называемаго «Варяжскимъ»). Съ другой стороны этимъ же путемъ скудному Сѣверу

Вѣнчанна класами хлѣбъ Волга подавала.

Еще Святая Великая Княгиня Ольга устроивала погосты по рѣкѣ Мстѣ. Неисчислимы грузы народнаго труда, поднятые и разнесенные по лицу земли здѣшними водами. Сколько было тутъ изстари движенія и столкновенія людскаго, напримѣръ во времена Новгородскія, при усиленіи Москвы, въ походы Іоанна Грознаго и царя Алексѣя Михайловича. По здѣшнимъ полямъ и до сихъ поръ плугъ и соха натыкаются на черепа и человѣческія кости. Воображенію художника есть надъ чѣмъ разгуляться. Въ старину воды и лѣса было гораздо больше нынѣшняго, и разнообразныя суда, всевозможные челноки, косныя лодки и душегубки сновали здѣсь чаще, нежели теперь, по открытіи новыхъ путей. Можно себѣ представить, какъ оживлялась эта сторона, какими зычными криками, какими чудными пѣснями оглашалась она, когда тянулись по Мстѣ боевыя дружины въ походахъ на Чудь бѣлоглазую, на Нѣмцевъ-алюторовъ.

Но старинный водный путь нашъ не безпрерывенъ. Его преграждали такъ называемые волоки, эти Вышніе и Нижніе Волочки съ разгрузками и нагрузками, въ которыхъ проклинали судьбу свою древніе торговцы и военачальники. На помощь невзгодамъ судоходства явился опытъ вѣковъ и благодѣтельная наука со своими шлюзами и каналами. Вслѣдъ за основаніемъ Петербурга, геніальный хозяинъ и творецъ новой Русской исторіи занялся здѣшнимъ краемъ и началъ усовершенствовать водяное сообщеніе, которымъ исключительно кормился его «парадизъ», какъ называлъ онъ новую свою столицу. Онъ сумѣлъ найти (1706) простаго Новогородскаго мельника, Сибиряка родомъ, Михаила Ивановича Сердюкова, которому и обязана Россія первоначальнымъ устройствомъ знаменитой Вышневолоцкой водяной системы. Петръ принималъ живѣйшее участіе въ трудахъ даровитаго человѣка, часто останавливался у него въ домѣ, близко зналъ

Библиотека "Руниверс"

его семью и въ особенности любилъ одну изъ его дочерей (бабку извѣстнаго секретаря Екатерины Великой, Храповицкаго). Но своимъ участіемъ и наблюденіемъ Петръ не стѣснялъ Сердюкова и, отвлекшись другими дѣлами, предоставилъ всю эту водную сѣть въ его полное вѣдѣніе, а многія мѣста и въ собственность (которая въ послѣдствіи была выкуплена казной у наслѣдниковъ Сердюкова). Геніальность великаго Государя выразилась между прочимъ въ довѣріи, которое умѣлъ онъ оказывать избраннымъ лицамъ, не муча ихъ мелкою отвѣтственностью и оберегая отъ поѣдучаго крапивнаго сѣмени, то-есть отъ усложненнаго бумагопроизводства. Сердюковъ уполноводилъ озеро Мстино. Онъ впустилъ въ него воды отъ множества мелкихъ сосѣднихъ рѣчекъ (изъ которыхъ одна носитъ поэтическое имя Городолюбинки) и образовалъ запасное водохранилище, откуда посредствомъ шлюза, или открываемаго и запираемаго затвора, наполняется рѣка Мста, несущая потомъ драгоцѣнныя скопленія народнаго труда къ Ильменю и далѣе къ Петербургу. Въ домѣ, гдѣ теперь устроенъ Владимиро-Маріинскій пріютъ, живалъ Петръ Великій, полный геніальныхъ замысловъ и творческихъ зачинаній во благо страны своей. При немъ въ Петербургѣ возъ сѣна продавался по шести серебряныхъ рублей. Какъ было жить при такой дороговизнѣ? Государь мучился заботой обезпечить своему городу подвозъ жизненныхъ средствъ. Покинуть Петербургъ—нельзя; вернуться въ Москву—противно всей душѣ. Изобразить Петра въ этихъ хозяйственныхъ думахъ, на берегу завѣтнаго озера, въ той бесѣдкѣ, которая и до сихъ поръ носитъ его имя, вотъ задача для художника-психолога.

Все въ мірѣ ветшаетъ, мѣняется и требуетъ обновленія. Рѣки мелѣютъ, лѣса истребляются. Чрезъ полвѣка послѣ Петра начались здѣсь новыя работы, потребовались новыя приспособленія и улучшенія. Екатерина Вторая, на свой ладъ, была тоже великою хозяйкою. Она провѣдала, что въ Вѣнѣ томится въ заключеніи нѣкто Герардъ, искусный водный инженеръ, подвергшійся при Маріи-Терезіи преслѣдованію за свою вѣрность лютеранству. Какъ скоро удалось ему бѣжать изъ Вѣнской тюрьмы, наше правительство приняло его на службу, и его трудами произведено много сооруженій, какъ здѣсь, такъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Ровно сто лѣтъ тому назадъ государыня Екатерина Алексѣевна плавала по здѣшнимъ водамъ и останавливалась въ теперешнемъ Пріютѣ, окруженная блестящимъ дворомъ, но внимательная и привѣтливая къ народу, знавшая его нужду, понимавшая его душу. Подобно Петру Великому, и она постоянно заботилась объ удешевленіи жизненныхъ средствъ, ежедневно требовала себѣ справки о цѣнахъ и не покидала мысли о томъ, что дешевизна жизни,

Библиотека "Руниверс"

тѣсно связанная съ прочнымъ благосостояніемъ и внутреннимъ спокойствіемъ государства, должна быть однимъ изъ главныхъ предметовъ правительственной охраны. Переписка Екатерины съ Новгородскимъ губернаторомъ Сиверсомъ полна заботъ о Вышневолоцкой системѣ.

Но не одни историческія преданія могутъ плодотворно занять художника, который полюбитъ здѣшнюю мѣстность. Картины народнаго и рыбацкаго быта, нравы, обычаи и занятія здѣшнихъ жителей такъ и напрашиваются на полотно. На величавомъ просторѣ, въ тиши и обезпеченности Владимиро-маріинскаго Пріюта, подъ впечатлѣніями своеобразныхъ красотъ здѣшней мѣстности, съ ея живыми видами, задумчивыми рощами, зелеными волнующимися склонами, можетъ спокойно созрѣвать художественное творчество. Кругомъ поля, да лѣса, да храмы Божіи, да тихая сельская благодать!

Оживотворять свѣтомъ художественнаго сознанія родныя преданія и черпать свои вдохновенія преимущественно въ своей землѣ, не торопиться въ пріобрѣтеніи громкаго успѣха, а вдумчиво усовершенствовать себя, такова задача современнаго Русскаго искусства.

Счастлива мысль, которой не свѣтила
Людской молвы хвалебная весна!
Заботливо рядиться не спѣшила
Въ листы и въ цвѣтъ ея младая сила,
Но корнемъ въ глубь врывалася она.
И ранними, и поздними дождями
Вспоенная, внезапно къ небесамъ
Она взойдетъ, какъ ночь, темна вѣтвями,
Какъ ночь въ звѣздахъ усыпана цвѣтами—
Краса землѣ и будущимъ вѣкамъ.

Дай Богъ, чтобы достиженію этой высокой задачи содѣйствовалъ здѣшній Пріютъ, учрежденіе котораго является новымъ знакомъ живаго попеченія объ Академіи Художествъ ея Августѣйшаго Президента, ему же сердечная благодарность и многая лѣта!

Библиотека "Руниверс"

ПОПРАВКИ.

1.

Въ Майской книгѣ Русскаго Архива, въ статьѣ «Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ» Зиссермана, на стр. 134-й и 135-й, говорится о братѣ моемъ Ростиславѣ Андреевичѣ Фадѣевѣ въ выраженіяхъ пятнающихъ память достойнѣйшаго человѣка, заслужившаго уваженіе всѣхъ порядочныхъ людей. Я заявляю, что во всемъ этомъ разсказѣ нѣтъ ни слова правды, и ничего подобнаго *никогда* не было. Многіе изъ тогдашняго Тифлисскаго общества умерли (въ томъ числѣ Иваницкій и Инсарскій), но многіе еще живы и конечно подтвердятъ мои слова. Особа, о похожденіяхъ которой при этомъ упоминается, была въ то время, т.-е. въ 1858 году, за тридесять земель отъ Тифлиса, куда возвратилась не ранѣе какъ два или три года спустя, а именно уже въ шестидесятыхъ годахъ.

Надежда Фадѣева.

2.

Весьма благодаренъ я за указаніе ошибки въ моемъ примѣчаніи къ прекрасному письму Жуковскаго о сестрѣ поэта Батюшкова, (см. выше, стр. 322). Въ ошибку эту ввело меня непровѣренное мною показаніе одного почтеннаго лица, находящагося въ родствѣ съ дядею поэта, извѣстнымъ сенаторомъ Павломъ Львовичемъ. Вѣроятно, семейное преданіе позабыло, что мачиха поэта происходила, хотя изъ захудалаго, но стариннаго дворянскаго рода Теглевыхъ. Обиднаго тутъ, кажется, ничего нѣтъ, и если я упомянулъ о ней, то единственно для того, чтобы оттѣнить доброту Жуковскаго, который былъ тоже незнатнаго происхожденія и потому еще болѣе могъ сочувствовать положенію сироты, сестры своего друга.

Библиотека "Руниверс"

Но въ поправкѣ своей на мое примѣчаніе («Новое Время», 4-го Іюня 1885 г.), г. Батюшковъ находитъ, что слово *простолюдинка* употреблено мною съ злобнымъ умысломъ. Никакого умысла у меня быть не могло. Между тѣмъ нахожу я у него показаніе вовсе невѣрное, а именно: никогда не входилъ я съ нимъ ни въ какія соглашенія о біографіи его сводного брата. Я написалъ эту біографію («Русскій Архивъ» 1867 г.), по бумагамъ М. Н. Муравьева, сообщеннымъ мнѣ его внучкою Е. Н. Бибиковой, по разсказамъ графа Д. Н. Блудова, по свѣдѣніямъ отъ П. А. Пушкиной и по собственнымъ разысканіямъ въ печатныхъ источникахъ. Никогда не получалъ я отъ г. Батюшкова бумагъ объ его предкахъ, и все его участіе ограничивалось тѣмъ, что онъ пожелалъ приложить къ труду моему литографію съ портрета, который мною же былъ ему сообщенъ. Съ тѣхъ поръ я не перестаю сочувствовать заботамъ по собиранію свѣдѣній о славномъ поэтѣ и, сколько могъ, содѣйствовалъ улучшенію новаго изданія его сочиненій, котораго жду съ нетерпѣніемъ.

*

Послѣ этого возраженія, напечатаннаго въ «Новомъ Времени» (10-го Іюня 1885), до смѣшнаго неугомонный въ своей раздражительной обидчивости г. Батюшковъ утверждаетъ («Гражданинъ», № 47) будто я желалъ намекнуть на незаконное яко бы происхожденіе его сестры!

Столь краснорѣчивое свидѣтельство логической состоятельности избавляетъ меня отъ дальнѣйшихъ возраженій. П. Б.

3.

Просимъ извиненія у *Николая Николаевича* Новикова за опечатки, попавшія въ статью объ архіепископѣ Александрѣ: на стр. 299-й, вмѣсто «наша радость» и «нашею силою» слѣдуетъ *ваша радость* и *вашею силою*.

Библиотека "Руниверс"

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Письма Екатерины Великой къ Гримму. Бумаги генералъ-прокурора графа А. Н. Самойлова: письма къ нему **Екатерины II-й, Павла Петровича** и другихъ лицъ.—Воспоминаніе о князѣ А. Н. Волконскомъ **В. В. Ильина.**—Наши сношенія съ Китаемъ (1848—1860), по неизданнымъ источникамъ. Статья **П. В. Шумахера.**—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой.**—1831 годъ (Переписка съ отцомъ.—Ѳ. М. Остолигъ.—Мѣры въ усмиренной Польшѣ.—Великая княгиня Елена Павловна.—Крестовоздвиженская община).—Мое знакомство и переписка съ С. А. Соболевскимъ. Статья **Я. Ф. Березина-Ширяева.**—Письма **Александра и Льва Сергѣевичей Пушкиныхъ** къ С. А. Соболевскому.—Запросы **Дидерота** о внутреннемъ состояніи Россіи въ письмѣ къ президенту Коммерцъ-Коллегіи графу Миниху. 1774 года.—Графъ Моцениго. Эпизодъ изъ первой Турецкой войны при Екатеринѣ II-й, въ разсказѣ **графа С. Р. Воронцова.**—Бумаги графа Н. И. Панина. 1770 годъ. а) Убійство генералъ-аншефа Леонтьева б) Письма **графа Н. И. Панина** къ графу А. Г. Орлову во время Морейской экспедиціи (съ письмомъ въ Москву отъ графа А. Г. Орлова о Чесменской побѣдѣ. в) **Его же** письма къ фельдмаршалу графу Румянцеву. г) Служебный журналъ **графа П. И. Панина** по отторженію Татаръ отъ Турецкаго подданства.—Путешествіе **Саввы Текели** въ Россію въ 1787 и 1788 годахъ. Статья **Н. А. Попова.**—Разсказы изъ недавней старины (М. В. Велинскій.—Императоръ Николай Павловичъ.—Бунтъ Сибирскихъ раскольниковъ.—К. С. Безносиковъ.—Кутневичъ.—Тюфневъ.—Г. И. Невельской).

ИННОКЕНТІЙ МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ.

Сочиненіе Ивана Платоновича Барсукова. Большой томъ, отпечатанный на прекрасной бумагѣ и прекраснымъ шрифтомъ, съ портретами и рисунками. Книга эта, равно любопытная и поучительная какъ для людей съ высшимъ образованіемъ, такъ и для всякаго грамотнаго простолюдина, одобрена Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Сѵнодѣ для пріобрѣтенія въ библіотеки. Цѣна **5** рублей. Главный складъ въ Страннопріимномъ Домѣ графа Шереметева у Сухаревой Башни, въ Канцеляріи Совѣта.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1885 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ).

Русскій Архивъ выходитъ въ 1885 году **двѣнадцать разъ** въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ съ портретами и рисунками.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1885 году съ пересылкою и доставкою на домъ — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ открыта на Невскомъ Проспектѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мелье и „Новаго Времени“ и на Васильевскомъ острову, 2-л., д. 7-й, въ книжномъ складѣ Стасюлевича, гдѣ получать можно полное годовое изданіе 1884 года (цѣна 9 р.).

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

Библиотека "Руниверс"

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

8.

(Содержаніе Р. Архива 1879 г. см. на обор.).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
Страстномъ бульварѣ.
1885.

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ 1879 ГОДА.

ТРИ БОЛЬШІЯ КНИГИ.

Получать можно въ Конторѣ Русскаго Архива по два рубли за каждую (съ пересылкою).

КНИГА ПЕРВАЯ.

Петръ Первый.—Первые годы единодержавія (1689—1694). Сочиненіе **М. П. Погодина**.—Біографія графа Семена Романовича Воронцова. **Д. Д. Рябинина**, *съ гравированнымъ на стали портретомъ*.—Донесеніе **князя Путятина** Екатеринѣ II-й о разговорѣ съ Брауншвейгскою герцогинею.—Общественное воспитаніе въ Россіи. Статья **А. С. Хомякова**.—Три послѣднія стихотворенія **князя П. А. Вяземскаго**.—Изъ письма **С. П. Шевырева** къ А. П. Елагиной о свиданіи съ Гёте (1829).—Спасеніе жизни императора Николая Павловича, записка **Н. И. Надеждина**, съ предисловіемъ **П. И. Мельникова**.—Переписка **Екатерины Великой съ графомъ С. Р. Воронцовымъ** по поводу враждебныхъ замысловъ Пруссіи и Англіи противъ Россіи. 1788—1789. — Стихотворенія **Константина Сергѣевича Аксакова** (1842—1850).—С.-Петербургскій городской голова въ прошломъ столѣтіи. Жизнь А. П. Березина.—Знакомство съ П. А. Мухановымъ. Изъ воспоминаній **Я. Ф. Березина-Ширяева**.—Письма **А. С. Хомякова** къ графу А. П. Толстому и къ С. Т. Аксакову.—Графъ Сергѣй Степановичъ Ланской. Изъ воспоминаній **П. И. Мельникова**.—Изъ письма графа **Нессельроде** къ барону Тюилю въ Римъ (1816) касательно соединенія церквей. Сообщено **С. М. Соловьевымъ**.—Лондонскій священникъ Я. И. Смирновъ (автобіографическое показаніе).—Разсказъ **графа Н. И. Панина** о воцаніи Екатерины Великой (изъ записокъ барона Ассебурга), съ предисловіемъ **Л. Н. Майкова**.—Письмо **великой княгини Маріи Θеодоровны** къ князю Потемкину (1786).—Письма **А. С. Хомякова** къ графинѣ А. Д. Блудовой (1849—1855).—„На взятіе Варшавы“ (1831), стихотвореніе **Θ. И. Тютчева**.—Изъ писемъ **князя П. А. Вяземскаго** къ великому князю Михаилу Павловичу, по поводу кончины и похоронъ А. С. Пушкина, съ переводомъ и примѣчаніями.—„Къ ненашимъ“ (1844), стихотвореніе **Н. М. Языкова**.—Изъ писемъ князя **П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову**.—Urbi (Граду), стихотвореніе **К. С. Аксакова**.—Письмо **князя В. Θ. Одоевскаго** къ пріятелю-помѣщику (1850).

КНИГА ВТОРАЯ.

Первыя Русскія поселенія на Сибирскомъ Востокѣ. Статья **П. В. Шумахера**.—Семенъ Гавриловичъ Зоричъ. Статьи **М. И. Мещерскаго** и **А. Н. Корсакова**, *съ портретомъ Зорича*.—Новонайденныя стихотворенія **Θ. И. Тютчева**, съ предисловіемъ **И. С. Аксакова**.—Секретная коммиссія въ Холмогорахъ. Замѣтка **Г. П. Данилевскаго**.—Ап. А. Гр. Эпиграмма **М. А. Дмитріева**.—Братья Потемкины. Частныя письма изъ Петербурга и Москвы на Кавказъ и въ Молдавію (1785—1791). Съ предисловіемъ и примѣчаніями **А. О. Круглаго**.—Московскія улицы: Моховая, Воздвиженка, Знаменка, Волхонка. **А. А. Мартынова**.—Графъ А. А. Толстой о постановкѣ трагедіи „Смерть Іоанна Грознаго“: его письма къ Ростиславу и къ В. Д. Давыдову.—Письмо **Д. В. Давыдова** къ Н. Н. Раевскому, 1810 года, съ послѣсловіемъ **В. Д. Давыдова**.—Недавняя старина. Поѣздка въ Сербію **Г. А. Деволлана**.—Графъ В. А Перовскій: его бумаги и письма. (Сообщилъ профессоръ **И. В. Помяловскій**).—Письма **князя П. А. Вяземскаго** къ А. С. Пушкину (1823—1831), съ предисловіемъ и примѣчаніями.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Бумаги **князя Потемкина**.—Разсказы о Херасковѣ, изъ Записокъ **Ю. Н. Бартенева**.—Записка **Г. Н. Кольчугина**, бывшаго членомъ Французскаго муниципальнаго правленія въ Москвѣ въ 1812 году.—„Уединенный Пошехонецъ“. Первый провинціальный журналъ въ Россіи. Статья **Л. Н. Трефолева**.—Фельдмаршалъ графъ Румянцовъ. Современный разсказъ о немъ.—Изъ воспоминаній **Н. И. Андреева**. (Воспно-сиротскій корпусъ.—1812-й годъ.—Смоленская и Бородинская битвы).—Разсказы изъ недавней старины. (Случаи путешествій по Россіи императоровъ Александра и Николая Павловичей. — Архіепископъ Августинъ. — Графъ Клейнмихель) **И. С. Листовскаго**.—**Алексѣй Степановичъ Хомяковъ**: Воспоминанія объ А. С. Хомяковѣ. **А. И. Кошелева**.—Письма **А. С. Хомякова**: къ А. И. Кошеле-

Библиотека "Руниверс"

ТРИ ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ КЪ ГЕНЕРАЛЪ-РЕКЕТМЕЙСТЕРУ И. И. КОЗЛОВУ.

1.

Иванъ Ивановичъ! Сказываютъ или, лучше сказать, я изъ сенатскаго доклада усмотрѣла, что одна дворянка — имя ея Кузминъ [1]) знаетъ—призналась, что она мужа убила. Также на себя сказываетъ, что дѣтей двое, коихъ она имѣетъ, не мужнины; и мужнина родня сверхъ того весьма ищетъ, чтобъ дѣти были признаны незаконными, а Сенатъ отослалъ то разсмотрѣть Юстицъ-Коллегіи. Пожалуй, навѣдайся о семъ дѣлѣ; ибо весьма сей примѣръ страшенъ, и если всѣхъ тѣхъ дѣтей, кои во время ссоры между мужьями съ женами рождены, сдѣлать беззаконными, то останется мало законныхъ, и родня, корысти ради, всякія дѣла зачинать можетъ. Выправьтеся о семъ да покажите мнѣ что̀ найдете.

Числовой помѣты на этомъ письмѣ нѣтъ. Отъ „недреманнаго ока" великой Государыни не укрылось частное дѣло мужеубійства. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какой былъ дальнѣйшій ходъ этого дѣла. Со временемъ будутъ, конечно, разработаны и разъяснены дѣла, въ рѣшеніи которыхъ Екатерина принимала личное участіе. П. Б.

2.

Иванъ Ивановичъ! Посмотри пожалуй что̀ въ Главномъ Магистратѣ дѣлается по приложенной просьбѣ и возми мѣры къ скорѣйшему рѣшенію по самой справедливости онаго дѣла, сирѣчь, если самъ власти довольно не имѣешь для защищенія правды, мнѣ доложи.

Екатерина.

---

[1]) Извѣстный статсъ-секретарь, поступившій къ Екатеринѣ въ 1764 году; онъ служилъ прежде въ артиллеріи и былъ вѣроятно указанъ графомъ Орловымъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Если въ прочихъ резолюціяхъ находишь что сумнительное, т
обожди до моего пріѣзда, дабы мы съ тобою изъяснились.

Помѣта: „Полученъ изъ походу 30 Маія 1763 году“ [1]).

3.

Иванъ Ивановичъ! Глядя на знатность конторы и дабы нынѣ і
безъ того страдающій кредитъ въ комерціи болѣе не повреждался
повелѣваю вамъ не мѣшкавъ снять наложенныя въ домѣ купца Иван
Владимирова отъ Мануфактуръ-Конторы, по челобитнымъ его мачих
и сестры замужней, печати. И оставьте со всѣми имѣніями домъ въ
его вѣдомствѣ и управленіи, объявя при томъ ему наше повелѣніе
дабы онъ немедленно о всемъ движимомъ и недвижимомъ имѣніи и
наличныхъ и въ долгахъ находящихся деньгахъ и товарахъ подал
мнѣ запечатавъ, персонально, не утая ничего, вѣрную роспись, п
которой я разсмотря сама ихъ раздѣлю. И въ томъ возми съ нег
съ надлежащимъ обязательствомъ подписку.

Екатерина.

Царское Село,
Сентября 6 ч. 1763 г.

Сложено и надписано: „Генералу-рекетмейстеру Козлову“.

*

Сообщены въ „Русскій Архивъ“ въ подлинникахъ родною внукою получившаго эти письма И. И. Козлова, дочерью славнаго поэта-слѣпца Александрою Ивановною Козловой. Козловъ оставался генералъ-рекетмейстеромъ, т.-е. у пріема прошеній, до 16 Октября 1769 года. П. Б.

---

[1]) Т.-е. во время богомольнаго путешествія въ Ростовъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

А. Т. КНЯЗЕВЪ [1]).

Трудолюбецъ прошлаго вѣка.

За девять лѣтъ до обнародованія „грамоты на права, вольности и преимущества благороднаго Россійскаго дворянства“, 26-го Февраля 1776 года, генералъ-прокуроръ князь А. А. Вяземскій, писалъ въ Москву ко второму члену Межевой Канцеляріи Анисиму Титовичу Князеву: „Ея Императорское Величество Высочайше мнѣ указать соизволила препоручить вамъ, справясь въ Разрядномъ Архивѣ, сдѣлать для Ея Величества выписки: 1) какія есть узаконенія касательно дворянства; 2) какія бывали дворянскія службы и какія нынѣ есть; 3) выбрать изъ Разряднаго Архива доказательства на дворянства, и все это не замедлить сюда доставить“.

Этотъ документъ дозволяетъ намъ съ достовѣрностію предполагать объ участіи Князева въ предварительныхъ трудахъ по составленію пожалованной Россійскому дворянству грамоты. Кромѣ того, А. Т. Князевъ, по свидѣтельству Болотова, сочинилъ „всѣ межевыя узаконенія и инструкціи“ (III, 673), а дѣло межеванія было въ то время „новое и многотрудное“ и для всего государства весьма полезное.

Для насъ же, Любителей Древней Письменности, Князевъ дорогъ и любезенъ какъ родословъ, предварившій на этомъ поприщѣ труды знаменитаго Миллера, которому только въ 1777 году императрица Екатерина поручила написать о Русскомъ дворянствѣ. И, можетъ быть, труды нашего Князева были не безполезны и для самого Миллера [2]).

---

[1]) Эта статья была читана въ засѣданіи Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности, бывшемъ 19-го Апрѣля текущаго года. Въ томъ же засѣданіи членъ-учредитель Общества Н. Н. Селифонтовъ прочелъ о заслугахъ А. Т. Князева по межевой части.

[2]) Трудъ Миллера, подъ заглавіемъ *Извѣстіе о Дворянахъ Россійскихъ*, былъ изданъ Иваномъ Рахманиновымъ, въ С.-Петербургѣ, въ 1790 году. Въ то время автора этой книги уже не было въ живыхъ. Кромѣ А. Т. Князева, въ его фамиліи родословіемъ занимался статскій совѣтникъ Максимъ Матвѣевичъ Князевъ, какъ это видно изъ нижеслѣдующей замѣтки, сообщенной мнѣ намѣстникомъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры архимандритомъ Леонидомъ: „На одной копіи съ *разрядной книги* XVII вѣка есть надпись такого содержанія: сей оригиналъ былъ данъ по имянному указу въ 1772 году изъ библіотеки Ея Величества статскому совѣтнику Максиму Матвѣевичу Князеву для сочиненія *родословной книги*, съ которой и сія книга подлинникомъ списана, которая поднесена въ знакъ усерднаго высокопочитанія его высокопревосходительству господину тайному совѣтнику, сенатору и разныхъ орденовъ кавалеру Матвѣю Васильевичу Дмитріеву-Мамонову—придворной конторы отъ секретаря Спасенова 1793 года.“

Библиотека "Руниверс"

„Исторія“, говорилъ нѣкогда профессоръ Т. Н. Грановскій, „можетъ быть равнодушна къ орудіямъ, которыми она дѣйствуетъ, но человѣкъ не имѣетъ права на такое безпристрастіе. А потому да будетъ же воздано каждому по заслугамъ: признательность разнороднымъ труженикамъ, въ потѣ лица работавшимъ на человѣчество, удовлетворившимъ какому нибудь изъ его требованій“.

Родной правнукъ А. Т. Князева, камергеръ двора Е. И. В. Дмитрій Валеріановичъ Князевъ, чрезъ посредство Николая Николаевича Свищова, доставилъ намъ бумаги своего прадѣда, которыя даютъ намъ поводъ и возможность помянуть почтеннаго труженика наканунѣ столѣтняго юбилея со дня обнародованія достопамятнаго государственнаго акта.

Источники наши скудны біографическими подробностями. Изъ нихъ мы можемъ почерпнуть свѣдѣнія, и то далеко неполныя, о внѣшнемъ теченіи жизни А. Т. Князева. Изъ современниковъ же его только Болотовъ и Державинъ отозвались о немъ живымъ словомъ. Дворянскій родъ Князевыхъ ведетъ свое начало изъ Костромы. Въ поколѣнной росписи прошлаго столѣтія мы видимъ, что предокъ ихъ „Михайла Князевъ служилъ по Костромѣ, гдѣ испомѣщенъ еще до 1627 г., чему понынѣ, т. е. въ 1747 году, минуло болѣе 120 лѣтъ. Умре; отъ него пошли Князевы“. Въ 8-й степени этого родословія находимъ Тита, отца нашего Анисима, про котораго лаконически замѣчено: „Титъ умре. Былъ въ приказномъ чину; а по указу 1714 года и по Генеральному Регламенту въ укоризну того ставить не велѣно“. Сынъ его Анисимъ пошелъ по стопамъ отца своего. Въ 1741 году онъ вступилъ въ Вотчинную Коллегію копіистомъ. Здѣсь онъ проявилъ удивительное трудолюбіе: состоя „у Собранія для генеральнаго межеванія“, онъ собралъ и списалъ болѣе 50-ти тысячъ тетрадей изъ Писцовыхъ и Межевыхъ книгъ. Съ 17-го Февраля 1752 года онъ трудился въ Собраніи „при сочиненіи Межевой Инструкціи, и за свои труды и поведеніе удостоился получить лестный отзывъ начальства, изъ котораго видимъ, что „поступалъ онъ добропорядочно“ и что „сверхъ сочиненія оной Инструкціи“, порученныя ему въ Вотчинной Коллегіи „интересныя дѣла исправлялъ нелѣностно и со всякимъ усердіемъ, и Собраніе прилежными его трудами довольно, и что онъ „состоянія и житія добраго, воздержнаго и безпорочнаго, и ни въ какихъ штрафахъ и подозрѣніяхъ не бывалъ, и худыхъ поступокъ за нимъ не присмотрѣно, и во все то время оставя челобитчиковъ дѣла, отъ которыхъ бы надлежащую аксиденцію получать могъ всегда“. Кромѣ прямыхъ обязанностей на Князева возлагались и другія порученія. Такъ, въ 1753 году ему было поручено состоять при ассессорѣ Ляпуновѣ „для заготовленія и покупки матеріаловъ, принадлежащихъ къ строенію Ея Императорскаго Величества дому“.

Между тѣмъ, познанія Князева въ вотчинныхъ и межевыхъ дѣлахъ обратили на него вниманіе, а потому, когда 27-го Февраля 1755 года учреждена была при Правительствующемъ Сенатѣ Главная Межевая Канцелярія, то онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для занятія въ оной должно-

Библиотека "Руниверс"

сти секретаря. Предметомъ же вѣдомства этой канцеляріи было дѣло „новое и многотрудное", и для всего государства весьма полезное.

Кромѣ многотрудныхъ своихъ обязанностей по Межевой Канцеляріи, Князевъ несъ секретарскую должность и въ Рекетмейстерской Конторѣ, нынѣшней Коммиссіи Прошеній.

Въ 1764 году, высокій постъ генералъ-прокурора занялъ князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій, въ этомъ званіи соединявшій въ себѣ власть трехъ нынѣшнихъ министровъ: финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, и въ теченіе долгаго времени чрезъ руки этого замѣчательнаго государственнаго человѣка проходили всѣ внутреннія дѣла Имперіи. Познаніе, трудолюбіе, способности Князева не могли укрыться отъ проницательныхъ взоровъ князя Вяземскаго, искавшаго всюду людей способныхъ и достойныхъ, и *способнаго* ихъ ободрить и укрѣпить. Нѣтъ сомнѣнія, что, узнавши ближе Князева, онъ счелъ обязанностью обратить на сего скромнаго труженика вниманіе Великой Екатерины, которая свое довѣріе къ Анисиму Титовичу выразила порученіемъ ему разобрать всѣ бумаги своего умершаго статсъ-секретаря Козицкаго (*Осмнадцатый Вѣкъ*, I, 168). Съ своей стороны и князь Вяземскій оказывалъ Князеву довѣріе не только въ дѣлахъ государственныхъ, но и въ своихъ частныхъ. Слѣдующее письмо генералъ-прокурора служитъ тому свидѣтельствомъ:

„При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, просилъ я васъ, чтобы вы приняли на себя трудъ разсмотрѣть дѣло мое по Костромской моей деревнѣ съ господами Бекорюковыми, въ разсужденіи сего и потребныя объясненія вамъ доставилъ. Сего ради покорно нынѣ васъ прошу, ежели вы то дѣло разбирали, сообщите мнѣ откровенно мысли ваши, правъ ли я или виноватъ противъ господъ Бекорюковыхъ, дабы я могъ или развязаться съ ними, или въ случаѣ ихъ правости по надлежащему ихъ удовлетворить".

Въ 1766 году мы видимъ Князева уже оберъ-секретаремъ Правительствующаго Сената. Въ это время была учреждена знаменитая Коммиссія о сочиненіи проекта новаго уложенія. Екатерина сама пріѣхала въ Сенатъ, чтобы объявить манифестъ объ учрежденіи Коммиссіи и о созваніи въ оную депутатовъ. Сенатъ почелъ долгомъ, отъ лица всѣхъ подданныхъ, принести Государынѣ благодарность, и старшій изъ сенаторовъ, престарѣлый графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, въ своей рѣчи между прочимъ сказалъ: „Мы же, какъ исполнители всевысочайшей воли Вашего Императорскаго Величества, надъ нами съ кротостію и съ духомъ премудрости царствующей Императрицы нашей и Государыни, пребудемъ въ покорности сердецъ нашихъ вѣрными и послушными рабами, повергая себя подъ покровъ и милосердіе щедротъ Вашего Императорскаго Величества". (Полѣновъ, *Сборникъ Р. И. Общества* IV, 1—2).

Нашъ Князевъ имѣлъ счастіе быть участникомъ въ этомъ важнѣйшемъ дѣяніи Екатерины Великой. Дворяне Крапивенскаго уѣзда почтили его избраніемъ въ свои депутаты въ эту достопамятную коммиссію. Не-

Библиотека "Руниверс"

редъ нами наказъ, доселѣ еще не изданный, озаглавленный такъ: „Во исполненіе въ силу Высочайшаго Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшей нашей Государыни по публикованному манифесту о выборѣ въ Коммиссію для сочиненія проекта Новаго Уложенія, выбранному по балламъ Крапивенскаго уѣзду бывшими при томъ всѣми дворянами Правительствующаго Сената господину оберъ-секретарю Анисиму Князеву о представленіи въ Коммиссію нижеслѣдующихъ нашихъ пунктовъ“. Наказъ этотъ подписали: коллежскій совѣтникъ Петръ Афросимовъ, секундъ-маіоръ Петръ Сухотинъ; капитаны Данило Хрипковъ, Михайло Лопатинъ, Семенъ Буколовъ; поручики Иванъ Ждановъ, Козьма Якунинъ, прапорщикъ Михайло Ламиносовъ, вахмистръ Никифоръ Кузовлевъ, гвардіи подпрапорщикъ Алексѣй Проселковъ, дворянинъ Алексѣй Мясной, поручики: Степанъ Плужниковъ, Іевъ Елагинъ, прапорщикъ Тихонъ Минаевъ, подпоручикъ Иванъ Сухотинъ, предводитель и подпоручикъ Александръ Кирѣевъ“. (14 Мая 1767). Помѣщичій бытъ прошлаго вѣка выступаетъ въ подлинныхъ чертахъ своихъ въ этой замѣчательной бумагѣ. Тутъ слышится умная, дѣловая Русь, съ требованіемъ грамотности „подлому народу“, и въ тоже время съ заботою и о томъ, чтобы сапоги были дешевле.

1. Крапивенское дворянство всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества проситъ. Въ Крапивенскомъ уѣздѣ, между живущими въ томъ уѣздѣ помѣщики, немалое число однодворцовъ и пашенныхъ городовыхъ солдатъ, и разныхъ званій старыхъ службъ, живущихъ въ городѣ и въ уѣздѣ, и владѣютъ противу помѣщичьихъ крестьянъ съ великимъ излишествомъ землею; а у многихъ помѣщиковъ, за малоимѣніемъ земли, крестьянской дворъ меньше десятины землею владѣетъ, а сѣнныхъ покосовъ и лѣсныхъ угодьевъ многіе же ничего не имѣютъ, отъ чего тѣ крестьяне живутъ въ самой бѣдности,—дабы повелѣно было оныхъ однодворцовъ и прочихъ старыхъ службъ вывесть на постороннія земли, по близости въ Воронежскую или Бѣлгородскую губерніи, и тамо ихъ поселить, гдѣ еще много такихъ пространныхъ и незаселенныхъ мѣстъ имѣется, а земли ихъ продать живущимъ въ томъ уѣздѣ помѣщикамъ, а деньги имъ для поселенія отдать.. И отъ того казеннаго убытку, да и имъ отягощенія не будетъ; а та земля, которая нынѣ лежитъ въ пустѣ и никакова плода обществу не приноситъ, а будетъ она въ земледѣліи, и отъ того великое умноженіе будетъ хлѣба, а и здѣшнія ихъ земли будутъ также плодъ приносить обществу.

2. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просимъ высокоматерняго милосердія, дабы повелѣно было, по прежнимъ указамъ, какъ о томъ до 749 года, курить вино и провозить, по выписямъ того года, было узаконено, въ города и въ другіе уѣзды, кто куда пожелаетъ, для своихъ собственныхъ расходовъ, а корчемникамъ за преступленіе чинить жесточайшее наказаніе, дабы чрезъ то оное пресѣчено было.

3. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просимъ Вашего высокоматерняго къ отечеству милосердія повелѣть умень-

Библиотека "Руниверс"

шить положенную цѣну нынѣ за продаваемую соль, какъ то въ прошлыхъ годахъ продажа оной была по двадцати по пяти коп. пудъ, а нынѣ въ продажѣ по сороку копѣекъ, отъ чего мы нѣкоторые, также и крестьяне наши, претерпѣваемъ крайнюю нужду, и по той дороговизнѣ есть многіе такіе, что и пищу употребляютъ безъ соли.

4. Всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ: при всѣхъ церквахъ быть ученымъ священникамъ для проповѣди и утвержденія во исповѣданіи вѣры закона Божія, а во отвращеніи злыхъ дѣлъ, также и въ знаніи законовъ Вашего Императорскаго Величества, отъ чего будетъ въ томъ всенародная польза, на довольномъ денежномъ жалованьѣ, и при нихъ церковному причету; а гдѣ есть церковныя земли, то оныя продать, а дьячкамъ и пономарямъ обучать крестьянскихъ мужеска пола дѣтей, отъ семи лѣтъ, грамотѣ и писать, на содержаніи отцовъ ихъ, отъ чего впредъ, уповательно, подлой народъ просвѣщенный разумъ имѣть будетъ.

5. Всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ: за границы выпускъ желѣза, сала и кожъ повелѣно бъ было уменьшить, для того что по многимъ мѣстамъ въ Россіи желѣза пудъ по рублю продается, а сала по два рубли, а въ свѣчахъ по два рубли по сороку копѣекъ; также и сапоги, которые продавались по пятидесяти копѣекъ, нынѣ оные и больше покупаемъ, отъ чего несемъ немалое отягощеніе.

6. Всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ: изъ Россіи за границы пропускъ всякаго хлѣба запретить, для неурожая нынѣ онаго по многимъ мѣстамъ, отъ чего весьма дорогими цѣнами покупка происходитъ; а для будущаго, отъ чего Боже сохрани, неурожая, Ваше Императорское Величество не соизволитъ ли повелѣть въ каждомъ городѣ быть магазейну, въ которые, на казенныя деньги, егда дешевая цѣна хлѣбу будетъ, то оный покупать, а во время неурожая оной продавать, отъ чего во всей Россіи дороговизны хлѣба быть не можетъ; также и всякаго лѣсу за границы пропускъ запретить.

7. Всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ: за отданныхъ въ рекруты людей и крестьянъ подушныхъ денегъ и прочихъ поборовъ не взыскивать, и изъ подушнаго окладу оныхъ выключить; также, которые люди и крестьяне по винамъ осуждены будутъ въ ссылку безъ зачету помѣщикамъ въ рекруты, и отъ того помѣщики несутъ себѣ великую тягость, а паче, за невыключеніемъ изъ подушнаго окладу, отъ платежа за нихъ подушныхъ денегъ и прочихъ поборовъ, и дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно тѣхъ ссылочныхъ людей и крестьянъ зачитать тѣмъ помѣщикамъ, чьи тѣ были, въ рекруты, да изъ подушнаго оклада оныхъ исключать.

8. Всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ: имѣется у насъ въ дачахъ нашихъ малыя рѣки и озерка, съ которыхъ платимъ за рыбную ловлю ежегодно положенной денежной окладъ, а нынѣ въ тѣхъ рѣкахъ и озеркахъ рыбы весьма мало; также и въ

Библиотека "Руниверс"

разныхъ уѣздахъ имѣемъ же деревни, и для смотрѣнія подъ экономіею изъ одной въ другую переѣзжаемъ, а въ иныхъ деревняхъ и много лѣтъ не бываемъ, а по природной нашей привычкѣ, во всѣхъ мѣстахъ имѣемъ бани, за которыя ежегодно платимъ по одному рублю, и многія деревни наши весьма отъ городовъ отдалены, то для онаго платежа посылаемъ нарочныхъ,—и дабы Вашимъ Высочайшимъ повелѣніемъ и высокоматернимъ милосердіемъ повелѣно бъ было тотъ платежъ съ рыбныхъ ловель, гдѣ меньше десяти рублевъ, такожъ и за бани, сложить.

9. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просимъ: доколѣ будетъ генеральное межеваніе земель, опредѣлить въ нашъ городъ геодезіи офицера, которому по просьбамъ нашимъ межевать, а оному офицеру быть подъ повелѣніемъ того города канцеляріи, на жалованьи той канцеляріи секретарскомъ.

10. Всеподданнѣйше просимъ Вашего Императорскаго Величества: находимъ за полезно быть обществу, если будетъ Вашимъ Высочайшимъ указомъ повелѣно, бывшія монастырскія деревни продать, положа каждую мужеска пола душу по тридцати рублевъ, отъ чего послѣдуетъ въ казнѣ приращеніе, и цѣлому обществу можетъ быть польза: 1) оныя взятыя деньги отдать въ банкъ и получать на то проценты, а Коллегіи Экономіи съ ея служителями не будетъ, то употребленная на ихъ жалованье сумма останется въ казнѣ; 2) которую землю на монастырскіе расходы пахивали, не токмо оную по многимъ мѣстамъ, но и свою крестьянскую землю многіе крестьяне не пашутъ, а употребили себя въ прочія безполезныя обществу работы, а оная земля въ пустѣ остается, и отъ немалаго уменьшенія въ хлѣбопашествѣ нынѣ въ цѣломъ государствѣ немалая дороговизна хлѣба оказалась.

11. Въ городахъ воеводамъ и товарищамъ быть на опредѣленномъ жалованьѣ, а воеводъ и товарищей выбирать того уѣзду изъ дворянъ тѣмъ помѣщикамъ, кого они похотятъ; а егда по тому уѣзду явится кто изъ нихъ въ подозрѣніи, то тѣмъ же помѣщикамъ на его мѣсто выбрать другова и о смѣнѣ онаго въ Правительствующій Сенатъ репортовать; а въ уѣздныхъ городахъ секретарямъ не быть, а быть съ приписью подъячимъ, безъ рангу оберъ-офицерскаго.

12. Весьма обществу полезно, чтобъ форму суда отмѣнить, для долговремяннаго въ дѣлахъ рѣшенія, а ябедникамъ пресѣченія.

13. Откупщиковъ коронныхъ не повелѣно ль будетъ отмѣнить, для того, что они многіе города съ уѣздами отдали отъ себя другимъ, получа съ нихъ отъ тѣхъ мѣстъ противу своего откупа почти такуюжъ сумму барыша? Къ томужъ и вино оные откупщики получаютъ изъ казны по десятилѣтней сложной цѣнѣ, за ведро по сороку по осми копѣекъ, а подрядъ онаго вина въ нашемъ городѣ по семидесяти копѣекъ; къ тому же за недостаткомъ берутъ изъ другихъ мѣстъ, съ прибавкою вышеписанной цѣны, отъ чего немалой и явной казнѣ убытокъ, и уповательно, что и въ прочихъ мѣстахъ такой же казенной убытокъ чинится, и за недостаткомъ положенной на ту сумму въ жалованьѣ могутъ понести нужду,—то для вышеписанныхъ резоновъ, не повелѣно ль будетъ къ смотрѣнію оной питейной продажи опредѣ-

Библиотека "Руниверс"

лить на вѣру того уѣзда изъ отставныхъ штабъ или оберъ-офицеровъ съ ихъ жалованьемъ? И уповательно, что чрезъ рачительное ихъ стараніе и смотрѣніе будетъ казенная прибыль, какъ о томъ выше написано, что перекупныя деньги будутъ въ казнѣ, да тѣмъ же опредѣленнымъ, яко то въ томъ уѣздѣ живущимъ, способъ довольно смотрѣть о корчемствѣ и винное куреніе—все оное пресѣчено быть можетъ. Да онымъ штабъ и оберъ-офицерамъ за полезное находимъ въ тѣхъ уѣздахъ есть довольный способъ смотрѣть объ искорененіи воровъ и разбойниковъ, и для того надлежитъ быть въ командѣ ихъ соцкимъ, пятидесяцкимъ и десяцкимъ.

14. Бѣглыхъ людей и крестьянъ, ежели кто сами владѣльцы будутъ принимать или, по ихъ письмамъ, прикащики и старосты, и крестьяне, то править съ нихъ самихъ помѣщиковъ на годъ за каждую душу за пріемъ по триста рублевъ, за женскую вполы. А ежели прикащики, старосты и крестьяне будутъ принимать безъ вѣдома своихъ помѣщиковъ, то такимъ чинить наказаніе: прикащиковъ и старостъ, годныхъ въ службу, бивъ плетьми и написавъ въ солдаты, а негодныхъ бивъ кнутомъ, послать на поселеніе съ зачетомъ въ рекруты, и изъ подушнаго окладу таковыхъ выключить; а крестьянъ, за содержаніе бѣглыхъ, негодныхъ бить кнутомъ, а годныхъ бить плетьми, и править со всѣхъ живущихъ въ ономъ селѣ или деревнѣ крестьянъ вышеписанную сумму денегъ, и обидимаго удовольствовать; такожъ и за подговоръ къ побѣгу поступать по вышеписанному жъ.

15. Казенныя засѣки, которыя находятся въ вѣдомствѣ Тульской оружейной канцеляріи, и къ нимъ опредѣляютъ изъ оной канцеляріи для смотрѣнія помѣщиковыхъ крестьянъ, которые къ тѣмъ засѣкамъ дачами прикосновенны, и въ томъ тѣ помѣщики несутъ противу неприкосновенныхъ помѣщиковъ излишнее отягощеніе и платятъ за тѣхъ своихъ крестьянъ казенные поборы и своихъ доходовъ не получаютъ, и не имѣютъ оные крестьяне свободнаго времени на нихъ и на себя работать: и для вышеписаннаго резона повелѣно бъ было опредѣлить надъ тѣми засѣками смотрѣніе имѣть изъ отставныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, такожъ и пристойное число рядовыхъ, а помѣщиковыхъ крестьянъ отъ того свободить.

16. Для скорѣйшаго рѣшенія, а злодѣевъ искорененія, въ страхъ другимъ, не повелѣно ль будетъ по прежнему быть въ уѣздныхъ городахъ розыскамъ и эксекуціямъ? А увѣщанія не повелѣно ль будетъ отмѣнить для того, что подлой народъ неученъ и незнающій закона, и отъ увѣщанія истины не объявитъ, отъ чего умножилось разныхъ злодѣевъ? А повелѣно бъ было по прежнему розыскивать.

17. Для умноженія и приращенія государственнаго денежнаго доходу, не повелѣно ль будетъ уравнить всѣхъ однодворцевъ и всякихъ разныхъ званій старыхъ службъ, которые въ подушной окладъ положены, а ландмиліціи не содержать; такожъ черносошныхъ и прочихъ тому подобныхъ, положенныхъ же въ подушной окладъ, да и вѣдомства Коллегіи Экономіи и Главной Дворцовой и Конюшенной Канцелярій всѣхъ крестьянъ, противу помѣщичьихъ оброчныхъ крестьянъ, съ

Библиотека "Руниверс"

каждой написанной по ревизіи мужеска пола души оброчить по два рубли на годъ, кромѣ подушнаго съ нихъ сбору?

18. Во всѣхъ городахъ надлежитъ быть полиціямъ, а полицемейстеру въ торговые дни быть на торговыхъ площадяхъ, гдѣ привозъ и продажа хлѣбу и прочему бываетъ, которому прилѣжно смотрѣть, чтобъ мѣры и вѣсы справедливы были, такожъ обману и обидъ отъ купцовъ крестьянамъ не было; ему жъ, полицеймостеру, и въ рядахъ почасту бывать и смотрѣть, чтобъ купцы во время продажи своихъ товаровъ вѣсили и мѣрили справедливо, такожъ негоднаго товару за годной не продавали и въ томъ никого бъ не обманывали, и противу положенныхъ по тарифу на всѣ товары цѣнъ чрезвычайнаго барыша не брали бъ и тѣмъ для своей ненасытной алчбы напрасной убытокъ обществу не чинили бъ; а егда кто противу вышеписаннаго преступитъ, съ таковыми чинить яко съ законопреступниками.

19. Во всѣхъ Великороссійскихъ городахъ купечество упражняются въ землепашествѣ и въ прочихъ крестьянскихъ работахъ, такожъ и въ самомалѣйшихъ торгахъ, отъ чего обществу никакой пользы не признавается, которые до нихъ не принадлежатъ; а надлежитъ таковымъ быть мастеровымъ разныхъ художествъ, и для лучшаго въ томъ успѣха и дѣйствія быть въ каждомъ городѣ цѣхамъ, да хотя небольшія и фабрики имъ содержать. Жены жъ ихъ и дочери всегда почти праздно время препровождаютъ, то надлежитъ онымъ тонко прясть хлопчатую бумагу, ленъ и шерсть, изъ чего тонкія и хорошія полотны и сукна могутъ быть, такожъ изъ своихъ нитокъ кружева плесть и прочее, что̀ до полу ихъ касается; въ тѣхъ ремеслахъ надлежитъ имъ для общей пользы упражняться, дабы чрезъ то изъ-за границъ полотенъ, кружевъ, чулокъ и колпаковъ разныхъ званій и прочему вывозъ пресѣчь, то все будетъ дешево, что̀ для общества весьма полезно.

20. Во всемъ государствѣ дворовымъ людямъ и крестьянамъ никакими товарами въ городахъ и уѣздахъ не торговать, а упражняться единственно крестьянамъ въ земледѣльствѣ и въ разныхъ принадлежащихъ до нихъ работахъ, отъ чего умножится хлѣбъ, ибо оной торгъ принадлежитъ до купечества.

21. Содержатели изъ купечества разные фабрики и заводы многочисленно имѣютъ за собою во владѣніи крестьянъ; а чтобъ они на тѣхъ своихъ фабрикахъ и заводахъ прилежно старались, чтобъ изъ-за границъ шелковыхъ разныхъ тканныхъ матерій, такожъ суконъ, полотенъ, фарфору, хрусталю и прочаго весьма разныхъ многихъ товаровъ вывозъ пресѣчь, того еще отъ нихъ общей въ томъ пользы нѣтъ, а покупаемъ все привезенное изъ-за границъ дорогими цѣнами. А оные заводчики и фабриканты ни въ какую службу не употребляются, да и дворы ихъ отъ постою свобождены, а живутъ единственно во увеселительныхъ своихъ роскошахъ и лѣности, а данныя свои деньги за покупныя деревни, уповательно, давно съ крестьянъ ихъ работами и доходами получили: то для вышеписанныхъ резоновъ, есть ли они противу вывозныхъ разныхъ товаровъ на своихъ заводахъ и фабрикахъ такою добротою, а всего нужнѣе для земледѣльцовъ косъ сѣнокосныхъ (которыя покупаютъ весьма дорогими цѣнами привезенныя

Библиотека "Руниверс"

изъ-за границъ) дѣлать не будутъ, и за то отъ всѣхъ ихъ деревни отнять и приписать къ дворцовымъ.

22. Во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ всякія дѣла рѣшить, а аппелляціи для переносу отмѣнить; а есть ли кто рѣшеніемъ не будетъ доволенъ, то для разсмотрѣнія и рѣшенія быть при Правительствующемъ Сенатѣ одному департаменту, въ которомъ объ ономъ просить, и чрезъ то всѣ обиженные удовольствованы быть могутъ; а долговременное продолженіе, какъ то нынѣ отъ аппелляціи происходитъ, не будетъ. И егда вышеписанное Высочайшею Вашего Императорскаго Величества конфирмаціею апробовано будетъ, то уже Государственной Юстицъ-Коллегіи Судному Приказу быть не надлежитъ.

23. Ежели кто чужими насильно завладѣетъ всѣми цѣлыми деревнями, землями, людьми и крестьянами, сами владѣльцы или, безъ вѣдома ихъ, прикащики и старосты, и крестьяне собою самовольно: то съ помѣщиковъ править завладѣнныхъ, за мужескую душу на годъ по сту рублевъ, за женскую въ полы, а за землю, за десятину за годъ по десяти рублевъ. А егда о томъ помѣщикъ не вѣдалъ, то вышеписанное положеніе деньги взыскивать съ того села или деревни съ прикащика, старостъ и крестьянъ и отдать обидящему, и въ силу указовъ учинить прикащику, старостѣ и крестьянамъ наказаніе.

24. Кто дерзнетъ продать чужія движимыя и недвижимыя имѣнія, а тотъ купитъ оныя не завѣдомо, а по просьбамъ о той неправильной продажѣ, по рѣшенію дѣла тѣ имѣнія отдавать законному наслѣднику. А съ того движимаго имѣнія во время владѣнія по той продажѣ тѣмъ владѣльцамъ дѣвки и вдовы выданы будутъ за его крестьянъ: то ихъ съ мужьями не отдавать, а платить за то неправильному продавцу и законному его имѣнію наслѣднику за выводъ за каждую по двадцати рублевъ, а съ того, кто чужое продалъ, взыскать тому покупщику данныя всѣ его деньги и съ убытки, какъ съ него, такъ и съ наслѣдниковъ его, а ему за то учинить по указамъ наказаніе.

25. Весьма жъ обществу полезно будетъ, егда изъ Государственной Вотчинной Коллегіи во всѣ губерніи и провинціи имѣющіяся тамо тѣхъ уѣздовъ писцовыя и переписныя книги, такожъ и всякія, что по оной Коллегіи до общества дѣла имѣются, разосланы будутъ изъ той Коллегіи: для того, что многіе помѣщики весьма отъ Москвы отдалены и по бѣдности своей, въ силу законовъ, о справкѣ и объ отказѣ за собою движимаго и недвижимаго имѣнія, такожъ и о прочихъ дѣлахъ, просить о томъ не въ состояніи, а по близости въ губерніяхъ и провинціяхъ можетъ каждый свое удовольствіе получить и отъ большаго убытка избѣгнуть. И для вышеписаннаго резону въ тѣхъ провинціальныхъ канцеляріяхъ рѣшеніе чинить, и тогда Государственной вотчинной Коллегіи быть не принадлежитъ.

Вышеописанный сочиненный нами депутату наказъ въ Коммиссію на Высочайшую конфирмацію Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшей нашей Государынѣ Матери Отечества въ Высочайшее соизволеніе всеподданнѣйше подносимъ, и во всѣхъ Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества повелѣніяхъ, яко вѣрные подданные рабы и ревнители Отечеству, всеподданнѣйше повинуемся.

Библиотека "Руниверс"

Таковъ подлинный наказъ у господина Крапивенскаго дворянства депутата Анисима Князева въ Коммиссію сочиненія проекта Новаго Уложенія принятъ, а ему по его требованію дана съ того сія копія засвидѣтельствованная выбранными въ Коммиссію разобранія наказовъ господами депутатами въ Санктпетербургѣ Апрѣля 29 дня 1768 года.

Шлишелбурскаго дворянства депутатъ графъ Романъ Воронцовъ.
Серпейскаго дворянства депутатъ графъ Александръ Строгановъ.
Клинскаго дворянства депутатъ Петръ Орловъ.
Города Смоленска депутатъ Иванъ Пискаревъ.
Ассессоръ Дмитрій Офросимовъ.

Черезъ десять лѣтъ послѣ участія Князева въ знаменитой коммиссіи, мы видимъ его въ Москвѣ, занимающимъ должность втораго члена Главной Межевой Канцеляріи. Въ это время пріѣхалъ въ Москву по своимъ межевымъ дѣламъ Андрей Тимоѳеевичъ Болотовъ и узналъ стороною, что въ Межевой Канцеляріи Князевъ «самая важная и хитрая особа», и что онъ ворочаетъ всею канцеляріею и дѣлаетъ что хочетъ. Эти свѣдѣнія побудили Болотова явиться къ Князеву. «Я его никогда еще не видывалъ», пишетъ Болотовъ, «и любопытенъ былъ видѣть, какъ онъ меня приметъ; но признаюсь, что не ожидалъ ничего хорошаго». Но Болотовъ ошибся. Когда объ немъ доложили Князеву, то онъ любезно принялъ Болотова въ своемъ кабинетѣ и спросилъ: «Не тотъ ли я Болотовъ, который такъ много по экономическимъ своимъ сочиненіямъ сдѣлался извѣстенъ въ Петербургѣ и по всей Россіи?» И лишь только я сказалъ, что это я, какъ бросился меня цѣловать, говоря: «А! батюшка Андрей Тимоѳеевичъ, какъ я радъ, что имѣю удовольствіе васъ видѣть,—такъ давно уже я васъ по сочиненіямъ вашимъ знаю и желалъ съ вами познакомиться». «Легко можно заключить», замѣчаетъ Болотовъ, «что таковой ласковый и неожидаемый пріемъ былъ для меня крайне пріятенъ, и я чувствовалъ себя на вершокъ больше выросшимъ... Онъ только и твердилъ, что такихъ людей, какъ я въ Россіи очень мало, и что онъ желалъ бы, чтобъ ихъ было больше, и чтобъ многіе изъ дворянъ нашихъ мнѣ подражали» (III, 673, 677).

Анисимъ Титовичъ Князевъ былъ большой охотникъ до книгъ и до дѣлъ ученыхъ (III, 678). До насъ дошла любопытная переписка Князева съ княземъ Вяземскимъ, которою была заинтересована Великая Екатерина. 26 Февраля 1776 года князь Вяземскій писалъ Князеву:

«Ея Императорское Величество Высочайше мнѣ указать соизволила препоручить вамъ, справясь въ Разрядномъ Архивѣ, сдѣлать для Ея Величества выписки: 1-е) какія есть узаконенія касательно дворянства; 2-е) какія бывали дворянскія службы и какія нынѣ есть? 3-е) выбрать изъ Разряднаго Архива доказательства на

Библиотека "Руниверс"

дворянства, и все оное не замедля сюда доставить. А чтобъ въ означенномъ Архивѣ все вамъ потребное давали, писалъ я къ его сіятельству князю Петру Михайловичу Волконскому, а также и о томъ, чтобъ употреблять вамъ архивскихъ служителей». Вслѣдъ за симъ князь Вяземскій снова писалъ Князеву: «Ея Императорское Величество Высочайше указать соизволила, чтобъ сдѣлали реестръ по алфавиту именъ всѣхъ фамилій съ объясненіемъ отъ куда каждый родъ происходитъ, и какъ наискорѣе возможно доставили сюда съ нынѣшнимъ нарочно отправляемымъ курьеромъ. Сіе извѣстіе нужно для любопытнаго свѣдѣнія Ея Величества, отъ куда каждая фамилія имѣетъ свое начало, то-есть изъ какой націи? А для облегченія въ трудѣ вашемъ, писалъ я къ его сіятельству князю Петру Михайловичу Волконскому, чтобъ сдѣлалъ вамъ нужное вспоможеніе въ потребныхъ выправкахъ».

«Въ Разрядномъ Архивѣ», писалъ Князевъ князю Вяземскому, «я уже третій день безысходно и пополудни до 9-ти часовъ бываю; чистосердечно вашему сіятельству признаюся и всенижайше отвѣтствую. На 1-е. Какія прежде касательно дворянства узаконенія были, сыскать весьма трудно или паче и невозможно по притчинѣ той, что всѣ старинныя дѣла, слѣдовательно вообще съ ними и тогдашнихъ временъ законы, бывшимъ въ 7134 (1626) году пожаромъ поглощены. Сколько же изъ самомалѣйшихъ остатковъ и послѣдующихъ времянъ производимыхъ дѣлъ примѣтить можно, то въ государствѣ Россійскомъ слово *дворянство* не есть всеобщее, но оно въ древности, даже до состоянія въ 722 году о рангахъ табели, ничего другаго не означало какъ чинъ сопряженный съ должностью, въ чемъ на первый случай доказательствомъ послужитъ подносимая у сего о прежнихъ чинахъ записка; впротчемъ же какія на сіе еще есть доказательства, а равномѣрно когда найдутся древнія узаконенія, присовокупя къ тому и новѣйшія, доставить не умедлю. На 2-е. О прежнихъ и нынѣшнихъ дворянскихъ службахъ, какія они бывали и есть, Всевысочайше повелѣнное свѣдѣніе доставится немедленно. На 3-е. Доказательства на дворянство большею частію подвержены таковой же темнотѣ какъ и бывшія объ нихъ узаконенія; при самыхъ выѣздахъ изъ другихъ государствъ почти нигдѣ не сказано о словѣ *дворянство*, а говорено такъ напримѣръ: «выѣхалъ мужъ благородный, мужъ почтенный, мужъ взрачный, высокотѣлесный, вывелъ съ собою воиновъ» и протчее сему подобное. Пребывающіе жъ въ Россіи восходили по степенямъ, какъ въ предписанной подносимой у сего запискѣ означается, и сіе все доставленіемъ неумедлится жъ».

Въ другомъ письмѣ Князевъ пишетъ князю Вяземскому:

«Разрядный Архивъ даже и по сей часъ меня еще держитъ, но при всемъ томъ чрезъ два дня несомнѣнно заготовленныя бумаги отправлю. Высочайше повелѣнныя бумаги, составленныя цѣлою книжкою, подношу у сего. Въ концѣ самомъ осмѣлился я приложить мое примѣчаніе, служащее къ родословнымъ, которое неблагоугодно ль будетъ вашему сіятельству выслушать? Между тѣмъ, сколько краткость времени дозволила, примѣтилъ я въ Разрядномъ Архивѣ множество та-

Библиотека "Руниверс"

кихъ бумагъ, которыя совсѣмъ до того Архива не принадлежатъ, а слѣдуютъ до другихъ мѣстъ, въ которыхъ несумнѣнно ихъ ищутъ, но не зная сыскать не могутъ. Милостивый государь! Препровождаемыя бумаги съ самаго начала праздника даже по сейчасъ вынудили меня затвориться въ домѣ съ шестью приказными межевыми, не включая еще разрядныхъ, и весь праздникъ сдѣлали мнѣ упражненіе, каждый день отъ шести часовъ утра даже до полуночи, а иногда и далѣе. Сіе самое столь меня ослабило, что я никакъ не могу теперь ничего сказать нужнаго по межевымъ планамъ, въ чемъ нижайше и прошу великодушно мнѣ простить и пр.»

Труды Князева были оцѣнены княземъ Вяземскимъ, который писалъ ему: «Отдавая надлежащую справедливость въ похвальномъ исправленіи препоручаемыхъ вамъ дѣлъ и принося мою благодарность за скорое доставленіе сюда алфавитнаго списка дворянскимъ фамиліямъ, прошу принять на себя трудъ, справясь въ Разрядномъ Архивѣ, прислать ко мнѣ реестръ тѣмъ бумагамъ, которыя по мнѣнію вашему до того Архива не принадлежатъ, съ означеніемъ и тѣхъ мѣстъ, куда бы оныя по существу своему слѣдовали».

Въ Румянцовскомъ Музеѣ хранится составленный Князевымъ *Выборъ изъ Законовъ о Дворянствѣ*, на 146 листахъ. Объ этой рукописи Востоковъ замѣчаетъ: «Собиратель, жившій въ царствованіе императрицы Екатерины II, выбралъ законы сіи изъ Московскаго Разряднаго Архива. Позднѣйшій изъ приводимыхъ имъ указовъ относится къ 1765 году». Въ этомъ сборникѣ находятся родословная слѣдующихъ родовъ: Имеритинскаго царя Арчила, Сибирскихъ князей, князей Вяземскихъ, князей Пронскихъ, князей Татевыхъ, князей Нерецкихъ, князей Гундоровыхъ, Шереметевыхъ, Бестужевыхъ, Вышеславцовыхъ, Великогагиныхъ, Водорицкихъ, Карбашевыхъ, Григоровыхъ, Волковыхъ, Карауловыхъ, Спасителевыхъ (*Описаніе Румянцовскаго Музеума*. Спб. 1842 № CCXXVIII). Эти работы повели Князева къ составленію *Гербовника*, доселѣ еще неизданнаго. Рукописный экземпляръ этого труда, переплетенный въ бирюзовый бархатъ, въ настоящее время хранится въ библіотекѣ Казанскаго университета, и по замѣчанію Артемьева, этотъ Гербовникъ есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ рукописей Казанскаго университета, какъ оригиналъ, поднесенный составителемъ самой Императрицѣ. Въ библіотеку Университета онъ поступилъ вмѣстѣ съ прочими книгами свѣтлѣйшаго князя Потемкина. Рукопись озаглавлена: «Собраніе фамильныхъ гербовъ, означающихъ отличія благородныхъ родовъ, частно снятые съ печатей и приведенное въ алфабѣтный порядокъ. Всеподданнѣйше подносится статскимъ совѣтникомъ Анисимомъ Князевымъ. Въ С.-Петербургѣ Декабря мѣсяца 1785 года». Въ одномъ изъ изображеній, сдѣланныхъ кругомъ заглавія, въ красномъ кругломъ щитѣ, подъ зо-

Библиотека "Руниверс"

лотою короною, представленъ вензель Императрицы Екатерины II; щитъ обведенъ лавровымъ вѣнкомъ; слѣва подъ щитомъ скипетръ и пальмовая вѣтвь; справа—держава и труба, съ которой спускается свитокъ съ надписью: *Всемилостивѣйше пожалованная Дворянству грамота. 1785, Апрѣля 21.*

Въ посвятительномъ письмѣ Князевъ между прочимъ пишетъ:

«Вашему Императорскому Величеству благоугодно было въ 1776 году повелѣть мнѣ изъ всѣхъ (по Разрядному Архиву) дворянскихъ родословныхъ сдѣлать алфавитъ, съ показаніемъ ихъ выѣздовъ, и отъ чего каждый получилъ свое названіе, потомъ выбрать узаконенія, касающіяся до дворянства, вмѣстя тутъ же какія бывали дворянскія службы и какія нынѣ есть; равно и доказательства на дворянства и ихъ права. Все сіе въ томъ же году представлено отъ меня чрезъ г. генералъ-прокурора. Отъ древнѣйшихъ временъ, въ числѣ преимуществъ дворянскихъ непослѣднимъ было имѣть гербы, и они навсегда, даже донынѣ, остаются въ почтеніи и очевидными знаками заслугъ къ своему государю и отечеству каждаго дворянскаго рода. Уважая таковую знаменитость, и пользоваться ими дозволено не инаково, какъ по утвержденію владѣющихъ государей и за ихъ подписаніемъ: такъ точно и въ государствѣ Россійскомъ установлено. Составляя предписанные алфавитъ и выборъ изъ законовъ, примѣтилъ я: при подачѣ прежнихъ родословныхъ представлены были гербы отъ самомалѣйшей части дворянскихъ родовъ, такъ что всѣхъ ихъ не больше 18, но и тѣ съ Польскими гербовниками повѣряемы, по однимъ только собственнымъ показаніямъ; а чтобъ подлинно принадлежали подавателямъ родословныхъ, или бы и выѣхавшимъ ихъ предкамъ, на то доказательство не представлено. По бывшему моему въ дѣлахъ упражненію, имѣя переписку со многими дворянскими фамиліями, находя сей случай удобнымъ, старался я, сколько можно, собрать гербы по употребленію на печатяхъ, оставляя подробное описаніе, для чего ихъ имѣть нужно, и каждый внесенный въ нихъ знакъ преемникамъ получавшаго, какое дѣлаетъ живое и ближайшее свидѣтельство и удовольствіе, да и память вѣчную заслугами предковъ ихъ. Не дерзаю помѣщать и о томъ, какимъ вѣчнымъ монументомъ милосердія ко прославленію имянъ и благополучнаго царствованія Вашего Величества останутся они во всѣхъ дворянскихъ родахъ, которые не имѣли тому утвержденія и которые давно желаютъ, но получить счастія не удостоились, есть ли тѣмъ наградятся, и особливо при нынѣшнемъ составленіи всѣмъ дворянскимъ родомъ книги, каковой прежде не бывало».

Артемьевъ сличалъ гербы, срисованные Князевымъ съ гербами, помѣщенными въ *Общемъ гербовникѣ дворянскихъ родовъ* и замѣтилъ во многихъ большую разницу, какъ въ размѣщеніи геральдическихъ знаковъ, такъ и въ цвѣтѣ полей щитовъ. (Артемьевъ, *Описаніе рукописей,*

Библиотека "Руниверс"

хранящихся въ библіотекѣ Казанскаго университета. Спб. 1882, стр. 14—19).

Этимъ ограничиваются всѣ наши свѣдѣнія о достопочтенномъ Анисимѣ Титовичѣ Князевѣ.

Про дальнѣйшее его существованіе знаемъ только, что въ 1788 году онъ познакомился съ Державинымъ, который послѣ своего Тамбовскаго губернаторства, «шатаясь по Москвѣ праздно», сошелся съ «острыми и дѣльными головами, извѣстными всему государству»: отставнымъ вице-президентомъ Камеръ-Коллегіи Моисеевымъ, Соляной Канцеляріи Совѣтникомъ Шапкинымъ и главнымъ судьей въ Межевой канцеляріи Князевымъ. Въ *Запискахъ* Державина сохранились о нихъ слѣдующія свѣдѣнія. «Они прочитывали Державину всѣ ихъ дѣла и объясненія, какъ бы требуя его одобренія, въ которыхъ, по справедливости сказать, много было основательнаго ума и остроты, а паче свѣдѣнія въ законахъ; но недоставало мягкости въ нравахъ и пріятности въ объясненіяхъ. Моисеева слогъ былъ кудреватъ и надъ мѣру плодовитъ, Шапкина дерзокъ и даже обиденъ, Князева крючковатъ, двухсмысленъ, наполненъ софизмами». (*Сочиненія Державина*, Спб. 1871, VI, стр. 605—606).

Въ спискѣ «особъ», подписавшихся въ С.-Петербургѣ на сочиненіе Миллера *Извѣстіе о Дворянахъ Россійскихъ*, вышедшей въ свѣтъ въ 1790 году, мы видимъ и «его высокородіе Анисима Титовича Князева». Изъ этого видно, что онъ послѣдніе годы своей жизни провелъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ скончался и, какъ говорятъ, погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Точнаго же извѣстія о времени кончины Князева у насъ не имѣется.

Фамилія Князевыхъ процвѣтаетъ и доселѣ. Правнуки Анисима Титовича съ честію проходятъ государственныя и придворныя должности.

Николай Барсуковъ.

19 Апрѣля 1885 г.
С.-Петербургъ.

Библиотека "Руниверс"

ДОСТОПАМЯТНЫЯ МИНУТЫ ВЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Записка Алексѣя Ираклiевича Левшина.

Судьбѣ угодно было допустить меня къ участiю въ одномъ изъ величайшихъ дѣлъ въ жизни народа Русскаго. Участiе это было не довольно продолжительно и не довольно ясно для публики, чтобы доставить мнѣ историческую извѣстность; но совѣсть моя говоритъ мнѣ, что я былъ полезенъ моему отечеству въ этомъ дѣлѣ тѣмъ, что началъ имъ заниматься тогда, когда всѣ его боялись, и что я одинъ изъ первыхъ, ухватившись за нить Арiадны, мнѣ неожиданно попавшуюся подъ руку, пустился въ лабиринтъ, котораго всѣ страшились и который почитали безвыходнымъ, потому что съ начала XIX столѣтiя многiе входили въ него, но скоро возвращались назадъ, послѣ первыхъ шаговъ.

И въ настоящую минуту (начало 1860 года) изъ лабиринта этого никто еще не вышелъ побѣдителемъ, а я силою обстоятельствъ задержанъ на пути; но теперь шествiе производится съ такою торжественностiю, дорога такъ уже освѣщена, и пройденное пространство ея такъ велико, что гораздо опаснѣе возвращаться, нежели идти впередъ.

Каковъ бы ни былъ исходъ этого путешествiя, я считаю полезнымъ описать первые шаги на немъ правительства Русскаго. Пишу не для печати, а для друзей и семейства моего; пишу не исторiю, а краткую отрывистую лѣтопись; пишу потому, что знаю многiя подробности дѣла, вообще весьма мало извѣстныя, которыя со смертiю моею могутъ скрыться отъ потомства.

*

Въ Апрѣлѣ 1856 года Государь Императоръ поѣхалъ въ Москву и при представленiи предводителей тамошняго дворянства сказалъ имъ краткую рѣчь слѣдующаго содержанiя *).

*) Рѣчь эта была въ тотъ же день записана предводителями, но тѣмъ не менѣе въ публикѣ ходили по рукамъ два экземпляра, одинъ исправленный, другой въ сыромъ видѣ, то-есть какъ Государь говорилъ, безъ приготовленiя; въ этомъ видѣ я передаю слова его со списка, подписаннаго предводителями.

Библиотека "Руниверс"

«Слухи носятся, что я хочу объявить (въ нѣкоторыхъ спискахъ *сдѣлать*) освобожденіе крѣпостнаго состоянія. Это несправедливо, а отъ этого было нѣсколько случаевъ неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ. Вы можете сказать это всѣмъ, направо и налѣво. Я говорилъ тоже самое предводителямъ, бывшимъ у меня въ Петербургѣ. Я не скажу вамъ, чтобы я былъ совершенно противъ этого; мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, что со временемъ это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнѣнія со мною; слѣдовательно гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу».

Приключеніе это было вовсе неожиданно, тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе годы царствованія Николая I-го, при введеніи инвентарей въ западныхъ губерніяхъ, нынѣшній Императоръ, тогдашній Наслѣдникъ, защищалъ права дворянъ; а потому Московская новость разнеслась по Петербургу съ быстротою необыкновенною, хотя всѣ передавали ее другъ другу шепотомъ. Самая мысль объ освобожденіи крестьянъ считалась тайною. Не смотря на то, что въ минувшее царствованіе нѣсколько разъ начинали заниматься этимъ предметомъ; но всѣ комитеты, разсуждавшіе о томъ и подготовлявшіе работы, были секретные. Тайна была нужна и страшна потому, что боялись преждевременнаго открытія ея милліонамъ крѣпостныхъ людей. Къ тому же въ понятіяхъ наибольшей части пожилыхъ людей, не исключая многихъ членовъ высшаго правительства, освобожденіе крестьянъ должно было неминуемо породить безпорядки, кровопролитіе и требованіе политической свободы или конституціи. Послѣ этого легко себѣ представить, что рѣчь Государя Московскимъ предводителямъ была громовымъ ударомъ для большинства публики и свѣтлымъ лучемъ надежды для немногихъ.

Я принадлежалъ къ числу послѣднихъ по воспитанію въ Университетѣ и вынесеннымъ оттуда убѣжденіямъ, по долговременному служенію моему при двухъ начальникахъ, которые заботились, сколько могли, объ освобожденіи крестьянъ (князѣ Воронцовѣ и графѣ Киселевѣ) въ минувшія два царствованія и, наконецъ, по неоднократнымъ путешествіямъ моимъ за границу и сношеніямъ съ учеными разныхъ странъ. При нынѣшнемъ состояніи просвѣщенія въ Россіи и при отсутствіи у насъ чувствованія *законности*, мы конечно не можемъ признать отечества нашего готовымъ къ конституціонному правленію; но можно ли и помышлять о немъ въ государствѣ, гдѣ есть болѣе 20 милліоновъ рабовъ? Можно ли устроить что-либо прочное, пока это постыдное состояніе существуетъ? И религія, и здравый смыслъ указываютъ, что освобожденіе крестьянъ есть первый и необходимый шагъ ко всѣмъ улучшеніямъ. Что касается до меня, то я носилъ въ себѣ это убѣж-

Библиотека "Руниверс"

деніе съ университетской скамьи, и такъ былъ имъ полонъ, что еще въ 1828 году, будучи въ Парижѣ, въ собраніи иностранцевъ, со всѣхъ концовъ міра собравшихся на обѣдѣ Общества, издававшаго журналъ La Revue Encyclopédique, я провозгласилъ тостъ за освобожденіе крестьянъ въ Россіи. Убѣжденіе въ необходимости этого переворота ни на минуту не оставляло меня, а потому рѣчь, сказанную Государемъ въ Москвѣ, я принялъ какъ драгоцѣнный перлъ, о сохраненіи котораго всякій благомыслящій человѣкъ долженъ былъ пещись по мѣрѣ силъ своихъ.

Я былъ тогда товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ должность эту я вступилъ только въ Январѣ 1856 г., слѣдовательно въ Апрѣлѣ не могъ еще положительно знать идей министра Ланскаго по предметамъ, не входившимъ въ кругъ обыкновеннаго управленія, тѣмъ болѣе, что, до назначенія моего въ эту должность, я не былъ знакомъ съ Ланскимъ и не знаю до сихъ поръ, по какому поводу онъ предложилъ мнѣ быть его помощникомъ; а потому, прочитавъ рѣчь Московскую, я спросилъ его очень осторожно, читалъ ли онъ ее и что̀ объ ней думаетъ? Министръ, слывшій нѣкогда (во времена Александра I-го) либераломъ, отвѣчалъ мнѣ: «читалъ и весьма сожалѣю, что рѣчь эта была сказана». Я возразилъ, что не совсѣмъ такъ думаю, потому что послѣднія слова Государя составляютъ истину, которой отвергать нельзя. На этомъ разговоръ нашъ прекратился. Для перваго раза я не хотѣлъ вдругъ болѣе высказываться; но нѣсколько дней спустя, я предложилъ министру спросить Государя, точно ли онъ то говорилъ въ Москвѣ, что̀ написано и по рукамъ ходитъ. Министръ послушалъ моего совѣта, и Императоръ отвѣчалъ ему съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ: «Да, говорилъ точно то, и не сожалѣю о томъ». Нетерпѣніе или неудовольствіе въ отвѣтѣ объясняется тѣмъ, что вопросъ Ланскаго былъ не первый, и что Царю надоѣло отвѣчать. Свѣдѣніе это было для меня важно, потому что я желалъ дѣйствовать, или приступить къ разработкѣ пущенной въ ходъ идеи и для того долженъ былъ оффиціальнымъ путемъ удостовѣриться въ точности слуховъ и разсказовъ. Когда министръ передалъ мнѣ результатъ своихъ переговоровъ, я счелъ должнымъ сдѣлать еще шагъ впередъ и сказалъ ему: «Вы видите, что Государь говорилъ объ освобожденіи не безъ намѣренія, и что вамъ слѣдуетъ слова его принять къ соображенію и руководству, дабы соотвѣтственно имъ дѣйствовать по вашему министерству».

Отвѣта я не получилъ и не добивался его.

Здѣсь слѣдуетъ войти въ разсмотрѣніе, отчего Александръ II-й, бывшій при отцѣ защитникомъ старинныхъ дворянскихъ правъ, вдругъ проявилъ себя довольно торжественно освободителемъ крестьянъ? Мно-

Библиотека "Руниверс"

гіе думаютъ, что Николай на смертномъ одрѣ взялъ съ него клятву заняться этимъ великимъ дѣломъ, въ которомъ самъ онъ имѣлъ нѣсколько неудачъ, не смотря на свою желѣзную волю. Послѣдующія обстоятельства и настойчивость, съ которою Александръ II-й двигаетъ это дѣло теперь и которой публика, по мягкости его характера, вовсе не ожидала, заставляютъ думать, что тутъ есть какая-нибудь внѣшняя дѣйствующая причина и даетъ правдоподобіе предположенію о клятвѣ или словѣ, данномъ сыномъ умирающему родителю.

Зная, что, по званію моему и по обще принимаемой нашими министрами осторожности не допускать своихъ товарищей къ лицу Государя иначе, какъ въ крайнихъ случаяхъ, я долго, и можетъ быть никогда, не буду имѣть случая работать съ Его Величествомъ, я рѣшился дѣйствовать до времени въ тѣни, имѣя въ виду только не дать погибнуть великому намѣренію посреди противорѣчій и корыстныхъ дѣйствій многихъ совѣтниковъ царскихъ. Въ такой рѣшимости моей я руководствовался однимъ священнымъ желаніемъ быть полезнымъ моему отечеству, не смотря на то, что ожидалъ нарѣканій, преслѣдованій, даже ненависти отъ публики и потерь имущественныхъ по личному положенію помѣщика. Задавшись этою мыслію, я дѣйствовалъ изъ-за кулисъ, выдвигая вездѣ впередъ министра и ни на минуту не помышляя воспользоваться его недостатками и выставить себя предъ Государемъ. Совѣсть моя увѣряетъ меня, что я неуклонно исполнялъ наложенный мною на себя обѣтъ, пока видѣлъ возможность приносить какую-нибудь пользу. Надѣюсь, что всѣ сослуживцы мои повторятъ тоже. Знаю, что нѣкоторые скажутъ и даже говорили мнѣ, что я неловко и неумно дѣйствовалъ и что я въ этомъ дѣлѣ, при искусныхъ маневрахъ, могъ уничтожить своего начальника и заступить его мѣсто. Не знаю, было ли это удобоисполнимо; но интриги, происки и искусство подкапываться подъ ближняго не сродны моему характеру. Званіе честнаго человѣка я предпочитаю званію министра.

Руководствуясь всегда такими правилами, я началъ искать случаевъ, въ которыхъ министръ могъ бы напоминать Государю его желаніе освободить крестьянъ, и такъ сказать, подогрѣвать его. Это было тѣмъ нужнѣе, что ни прежде, ни послѣ Московской рѣчи никакихъ приказаній не было отдаваемо для движенія дѣла, и я боялся, чтобы оно не заснуло.

Въ это время у меня на рукахъ была записка Государственнаго Совѣта объ ограниченіи раздробленія дворянскихъ населенныхъ имѣній, по которой министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ дать мнѣніе. Написавъ его, я счелъ полезнымъ для главной цѣли моей, отъ имени министра, сочинить докладъ Государю, слѣдующаго содержанія.

Библиотека "Руниверс"

«Въ Государственномъ Совѣтѣ производится дѣло объ ограниченіи раздробленія дворянскихъ населенныхъ имѣній. Оно начато уже давно, но въ послѣдніе годы ходъ его по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ былъ остановленъ во избѣжаніе толковъ, которые во время военныхъ обстоятельствъ могли быть неблагопріятны. Занявшись нынѣ симъ дѣломъ, я представилъ на дняхъ по оному въ Государственный Совѣтъ мое мнѣніе, изъ котораго одно обстоятельство позволяю себѣ имѣть счастіе повергнуть благоусмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества, по связи его съ предметомъ, о которомъ вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, угодно было выразить мнѣ въ руководство нѣкоторые будущіе виды ваши. Я разумѣю здѣсь мысль о постепенномъ стремленіи къ освобожденію крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ.»

«Предметъ этотъ имѣетъ величайшую важность для Россіи и хотя намѣренія въ Бозѣ почившаго родителя вашего въ семъ отношеніи были постоянны и непоколебимы, но, сколько я могу судить по дѣламъ ввѣреннаго мнѣ министерства, донынѣ еще не начертанъ путь къ цѣли, имъ указанной, и не обсуждены мѣры, которыя должны постепенно подвигать правительство впередъ. При наступающемъ періодѣ мира и спокойствія можно будетъ удобнѣе заняться столь важнымъ дѣломъ и начертать по возможности общій и послѣдовательный планъ дѣйствій, если Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ это повелѣть. Между тѣмъ, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ упускать ни одного случая, могущаго, прямо или хотя косвенно, соотвѣтствовать намѣреніямъ правительства. Въ этихъ видахъ, независимо отъ предполагаемаго воспрещенія всякихъ сдѣлокъ, могущихъ раздроблять имѣнія менѣе ста душъ, я представилъ Государственному Совѣту мнѣніе мое о томъ, чтобы при открытіи мелкопомѣстнаго наслѣдства, которое по составу своему не подлежитъ раздробленію, обязывать наслѣдниковъ продавать такое имѣніе лицамъ, имѣющимъ уже во владѣніи своемъ крестьянъ не менѣе 100 душъ, или по крайней мѣрѣ такимъ, которыхъ имѣнія, по соединеніи съ покупаемымъ, могутъ достигнуть сей нормы (въ 100 душъ), или иной, какую бы Совѣтъ положилъ».

«Основаніемъ этому мнѣнію моему послужила мысль о томъ, что, при составленіи новаго закона, можно достигнуть двухъ цѣлей, то-есть не только остановить раздробленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и побудить къ совокупленію нынѣ существующихъ малыхъ имѣній въ большія; ибо, не говоря объ исключеніяхъ, признано уже несомнѣннымъ, что участь крестьянъ, принадлежащихъ владѣльцамъ достаточнымъ, лучше участи тѣхъ, которые остаются въ рукахъ мелкопомѣстныхъ; въ этомъ убѣжденіи предпринято и сочиненіе новаго проекта закона.»

Библиотека "Руниверс"

«Думаю, что предлагаемая мною мѣра будетъ полезна и при исполненіи общаго предположенія объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ; постепенный переводъ ихъ изъ полнаго рабства въ состояніе болѣе ограниченное и со временемъ свободное будетъ гораздо удобнѣе и сноснѣе для владѣльцевъ достаточныхъ, нежели для помѣщика мелкаго, который бѣдностію своею вынужденъ всякій день и даже всякій часъ работы своего крестьянина взвѣшивать заранѣе и на такомъ доходѣ основывать всѣ разсчеты своей жизни и содержаніе своего семейства.»

«Позволяю себѣ довести эти мысли до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества не для испрошенія имъ преждевременнаго высочайшаго одобренія, или какого-либо разрѣшенія по дѣлу, разсматривающемуся въ Государственномъ Совѣтѣ; а для того, чтобы получить повелѣніе о томъ, долженъ ли я постоянно стремиться къ главной цѣли освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ и представлять частныя мѣры къ достиженію оной, или ожидать общаго плана.»

«Нѣтъ сомнѣнія, что въ законодательствѣ нашемъ есть немало такихъ постановленій, которыхъ послѣдовательное и даже не коренное, а частное измѣненіе или исправленіе могло бы въ разныхъ отношеніяхъ подвигать правительство впередъ на пути, имъ избранномъ; однакоже и сіи измѣненія должно дѣлать систематически, въ одномъ общемъ направленіи.»

«Дозвольте мнѣ, Всемилостивѣйшій Государь, въ заключеніе этого доклада, выразить откровенно мысль, которая по разумѣнію моему должна служить основою столь великаго и столь труднаго дѣла: начавъ его, нельзя ни останавливаться, ни слишкомъ быстро идти впередъ; надо дѣйствовать осторожно, но постоянно, не внимая возгласамъ какъ пылкихъ любителей новизны, такъ и упорныхъ поклонниковъ старины; *а прежде всего надо начертать планъ постепенныхъ дѣйствій* правительства, въ руководство постановленнымъ отъ него властямъ».

Министръ принялъ этотъ докладъ безъ жара, но довольно охотно и поднесъ его 9-го Апрѣля 1856 года. Высочайшая резолюція, карандашемъ написанная на самомъ докладѣ, была слѣдующая: «Постепенныя мѣры въ этомъ смыслѣ должны быть предпринимаемы, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо заняться и *общимъ планомъ*, дабы дѣйствовать систематически и съ должною осторожностію».

Вслѣдствіе словъ этихъ, которыми я былъ искренно обрадованъ, я нашелъ необходимымъ сосредоточить въ моихъ рукахъ всю секретную переписку объ освобожденіи крестьянъ, происходившую во время царствованія императора Николая, и написалъ отъ имени министра

Библиотека "Руниверс"

о томъ новый докладъ Государю, который кончался слѣдующими словами: «на что́ имѣю счастіе предварительно испрашивать Высочайшаго «соизволенія съ цѣлію вести это дѣло, согласно изустному повелѣнію «Вашего Императорскаго Величества, въ возможной тайнѣ, и для того «поручить его, подъ моимъ личнымъ руководствомъ, попеченію лица, «котораго правила и прежняя служба внушали бы особое довѣріе».

Послѣднія слова приведены здѣсь для того, чтобы показать, какъ Государь, министръ и всѣ мы боялись огласить дѣло прежде времени и тѣмъ возбудить въ крестьянахъ какія-либо неумѣренныя надежды.

Докладъ былъ утвержденъ 20-го Апрѣля, и вслѣдствіе того Ланской отнесся къ главноуправляющимъ 1-мъ и 2-мъ Отдѣленіями Собственной Его Величества Канцеляріи о доставленіи ему всей переписки, происходившей въ царствованіе Николая по части освобожденія крестьянъ. Масса этихъ бумагъ была очень значительная; читать ихъ, разбирать и дѣлать изъ нихъ выборки долженъ былъ я одинъ: ибо только этимъ путемъ можно было дѣйствительно сохранить тайну. Для переписки бумагъ моихъ избралъ я только одного писца, Ѳедорова, замѣчательнаго по молчаливости и меланхоліи своей. Онъ переписывалъ всѣ бумаги, онъ скрѣплялъ ихъ иногда, подписывалъ описи и проч., словомъ игралъ роль тайнаго секретаря министра; я вездѣ оставался за кулисами, во 1-хъ, потому, что не считалъ приличнымъ, будучи товарищемъ министра, выставлять себя секретаремъ или правителемъ канцеляріи; во 2-хъ, желалъ избѣжать вопросовъ, которые могли мнѣ дѣлать по этому предмету мои знакомые. Между тѣмъ я, раздѣляя съ Ѳедоровымъ труды, велъ самъ, или помогалъ ему въ веденіи журналовъ исходящаго и входящаго, а весь маленькій архивъ нашъ хранился за моимъ ключемъ въ комнатѣ совѣта министерства, гдѣ я постоянно занимался. Этимъ способомъ тайна была вполнѣ сохранена до той минуты, когда должно ею было подѣлиться съ другими.

При чтеніи дѣлъ эпохи Николая 1-го, я увидѣлъ необходимость приготовить для Государя краткій историческій обзоръ крѣпостнаго права въ Россіи; для этого нужно было пересмотрѣть все законодательство Русское съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича, и если не прочитать, то пройти со вниманіемъ все Собраніе Законовъ. Трудъ огромный; главную его часть, то-есть выписки изъ Собранія Законовъ, я возложилъ на двухъ чиновниковъ *), давъ имъ наставленіе какъ работать, но я не сообщилъ имъ цѣли, для которой заставилъ ихъ трудиться: я все относилъ къ инвентарямъ западныхъ губерній, пересмотромъ которыхъ мы должны были заняться вслѣдствіе представле-

*) Лоде и Беклемишевъ.

Библиотека "Руниверс"

ній мѣстныхъ начальниковъ. Секретная часть исторической записки, то-есть изложеніе результатовъ всѣхъ комитетовъ, собиравшихся при Николаѣ I-мъ, осталась за мною и не могла идти скоро, потому что я былъ занятъ другими дѣлами по званію товарища министра. Между тѣмъ Ланской сталъ понуждать меня, усвоивъ себѣ вполнѣ благую мысль Государя и боясь, чтобы другіе изъ приближенныхъ не опередили его въ этой работѣ; но я двигалъ ее, независимо отъ моего историческаго труда, другими путями.

Вѣрный моему намѣренію ловить на ходу всѣ дѣла, которыя могли бы содѣйствовать главной цѣли освобожденія, я остановилъ въ Іюнѣ записку Государственнаго Совѣта по новому проекту закона *о духовныхъ завѣщаніяхъ* и написалъ докладъ Государю, въ которомъ указалъ, что въ этомъ проектѣ есть статьи явно противорѣчащія великой мысли освобожденія крестьянъ. Въ немъ подтверждалось *запрещеніе увольнять помѣщичьихъ людей съ землею (не только родовыхъ, но и благопріобрѣтенныхъ) посредствомъ духовныхъ завѣщаній.*

Любопытно замѣтить, что запрещеніе это вошло, такъ-сказать, вкралось въ законодательство наше въ царствованіе Александра I-го и Николая I-го, двухъ государей, постоянно желавшихъ освобожденія крестьянъ.

При первоначальномъ учрежденіи вольныхъ хлѣбопашцевъ (въ 1803 году) не было установлено ограниченій для увольненія въ это сословіе. Потомъ въ 1804 году запрещено было отпускать *духовными завѣщаніями* людей, принадлежащихъ къ имѣніямъ *родовымъ*, по тому уваженію, что, на основаніи общаго правила, родовымъ имѣніемъ никто въ завѣщаніи располагать не можетъ. Такое ограниченіе имѣло основу юридически справедливую и не противорѣчило первоначальному закону о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Но въ 1831 году Государственный Совѣтъ нашелъ нужнымъ произнести запрещеніе утверждать акты, относящіеся до увольненія крѣпостныхъ людей съ землею, *когда оные составлены не по правиламъ, для свободныхъ хлѣбопашцевъ изданнымъ, и безъ соблюденія особаго обряда, на сей предметъ установленнаго.* Здѣсь ограниченіе, повидимому, относилось только къ формѣ, а не къ сущности, и прямое запрещеніе располагать крестьянами благопріобрѣтеннаго имѣнія, посредствомъ духовнаго завѣщанія, не выражено; но изложеніе закона было таково, что оно привело къ значительному ограниченію права помѣщиковъ отпускать на волю благопріобрѣтенныхъ крестьянъ, и тѣмъ отняло много силы у первоначальной мысли императора Александра I-го.

Въ Сводѣ Законовъ изд. 1842 года правило это еще рѣшительнѣе изложено, а именно слѣдующимъ образомъ: «Крѣпостные люди

Библиотека "Руниверс"

«лично по одиночкѣ и съ семействами могутъ быть увольняемы крѣ-«постными и домашними духовными завѣщаніями; но запрещается «увольнять крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы по духовнымъ завѣ-«щаніямъ помѣщиковъ, хотя бы крестьяне сіи принадлежали къ бла-«гопріобрѣтенному ихъ имѣнію».

Такимъ образомъ маленькая дверь, отворенная императоромъ Александромъ I-мъ къ выходу крестьянъ на свободу, постепенно притворялась. Въ новомъ проектѣ закона (1856 г.) о духовныхъ завѣщаніяхъ ограниченія при увольненіи крестьянъ становились еще полнѣе.

Соображенія эти были представлены Государю 22 Іюня и удостоены его одобренія, а потому переданы на обсужденіе сочинителю проекта новаго закона о духовныхъ завѣщаніяхъ графу Блудову.

Между тѣмъ все готовилось къ коронаціи и къ отъѣзду для того въ Москву. Мнѣ предстояло управлять текущими дѣлами въ Петербургѣ, и когда министръ объявилъ мнѣ о томъ, то я, не ослѣпляясь призракомъ значенія, которое впрочемъ нисколько не давало мнѣ власти дѣйствовать, отвѣчалъ ему, что гораздо полезнѣе было бы мнѣ ѣхать въ Москву для того, чтобы во время коронаціи говорить съ предводителями объ освобожденіи крестьянъ, узнать подробнѣе мнѣнія ихъ о томъ и подготовить ихъ хотя слегка къ движенію. Дѣйствительно случай, имѣвшійся въ виду, былъ необыкновенно благопріятенъ для достиженія такой цѣли. Созывать представителей дворянства въ Петербургъ для однихъ только предварительныхъ разговоровъ было преждевременно, неполитично и даже опасно, тѣмъ болѣе, что правительство хотя опредѣляло цѣль, но не знало, какими путями пойдетъ къ ней; въ эту минуту надо было учиться, вывѣдывать, а не учить или наставлять кого-либо. Въ Москвѣ же можно было говорить съ предводителями мимоходомъ, безъ всякой оффиціальности, на праздникахъ, балахъ и другихъ собраніяхъ, которые ежедневно должны были повторяться. Ланской согласился съ моими предположеніями, довелъ ихъ до свѣдѣнія Государя и получилъ его соизволеніе. Вслѣдствіе того я прервалъ кабинетную работу мою и отпросился въ мѣсячный отпускъ въ свои деревни, изъ которыхъ воротился въ Москву къ 15 Августа.

Тотчасъ по прибытіи моемъ начались у меня давно задуманные разговоры и бесѣды съ пріѣхавшими предводителями дворянства и съ нѣкоторыми начальниками губерній. Министръ принималъ ихъ, предварялъ о нашихъ намѣреніяхъ и потомъ передавалъ ихъ мнѣ для подробныхъ совѣщаній. Разсчитывая на это заранѣе, я помѣстился въ одномъ домѣ съ нимъ, хотя семейство мое все было въ Москвѣ и жило на особой квартирѣ.

Библиотека "Руниверс"

Большая часть представителей поземельныхъ владѣльцевъ вовсе не была готова двинуться въ новый путь, никогда не обсуждала крѣпостнаго состоянія съ точки освобожденія, и потому при первомъ намекѣ о томъ изъявляла удивленіе, а иногда непритворный страхъ. Очевидно, что такія бесѣды, хотя многократно повторенныя, не подвинули меня далеко впередъ. Только предводители и нѣкоторые дворяне западныхъ губерній, а особенно Ковенской, Гродненской и частью Виленской смѣло вступили со мною въ разговоръ о томъ, чего всѣ прочіе боялись. Это не удивило меня; я и прежде зналъ по дѣламъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, что помѣщики помянутыхъ трехъ губерній *), живя въ сосѣдствѣ съ свободными земледѣльцами чужихъ государствъ и нашихъ Остзейскихъ губерній, не боятся освобожденія и даже готовы идти ему навстрѣчу. Вслѣдствіе этого начались у насъ совѣщанія съ прибывшимъ въ Москву генералъ-губернаторомъ тѣхъ губерній генераломъ Назимовымъ, и мы на словахъ рѣшили, что онъ будетъ первымъ дѣятелемъ на новомъ поприщѣ; что, пользуясь неразрѣшеніемъ вопросовъ и представленій объ измѣненіи инвентарныхъ положеній въ краѣ, ему ввѣренномъ, министерство поручитъ ему собрать предводителей и объявить имъ, чтобы они указали необходимыя улучшенія въ устройствѣ крестьянъ, не стѣсняясь прежними постановленіями и инструкціями. Этимъ путемъ надѣялись привести дворянство трехъ западныхъ губерній къ тому, что оно сдѣлаетъ первый шагъ и первое произнесетъ слово *освобожденія*. Проектъ, такимъ образомъ начертанный, былъ словесно доложенъ Государю и предварительно одобренъ имъ; но какъ все это дѣлалось посреди празднествъ, и я боялся писать и докладывать такія важныя дѣла подъ звуками бальной музыки или неумолкавшихъ народныхъ криковъ ура, то положено было исполнительныя бумаги написать въ Петербургѣ послѣ нѣкоторыхъ справокъ въ архивѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. 26-го Октября былъ представленъ Государю министромъ внутреннихъ дѣлъ написанный мною докладъ слѣдующаго содержанія:

«Вашему Императорскому Величеству извѣстно, что дѣло о введеніи инвентарей для крестьянскихъ работъ въ губерніяхъ, отъ Польши восприсоединенныхъ, начатое съ 1840-хъ годовъ, донынѣ не кончено».

«Въ Декабрѣ 1852 года, по распоряженію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, Дм. Гавр. Бибикова, изданы были общія инвен-

---

*) Но послѣдствія показали, что они имѣли въ виду только освобожденіе крестьянъ, безъ земли, подобно Остзейскимъ помѣщикамъ.

Библиотека "Руниверс"

тарныя правила, долженствовавшія служить руководствомъ для помѣщичьихъ имѣній въ 6-ти западныхъ губерніяхъ, а именно: Минской, Гродненской, Ковенской, Виленской, Витебской и Могилевской. Но какъ, прежде приведенія ихъ въ дѣйствіе, они признаны были совершенно неудобными, то для пересмотра и исправленія ихъ учреждены были въ 1854 году мѣстные губернскіе комитеты, подъ предсѣдательствомъ начальниковъ губерній. Эти комитеты, занявшись преимущественно критическимъ разборомъ и опроверженіемъ означенныхъ правилъ, составили свои новыя предположенія, болѣе или менѣе съ ними несогласныя, но исключительно по такимъ только предметамъ, до коихъ правила тѣ касались. А какъ въ сихъ послѣднихъ заключались одни только общія и поверхностныя указанія на счетъ взаимныхъ соотношеній помѣщиковъ и крестьянъ, безъ всякаго обсужденія средствъ къ устройству крестьянскаго сословія на прочныхъ началахъ; то и произошло, что труды упомянутыхъ комитетовъ, не выходившихъ изъ начертаннаго прежними правилами круга, оказываются далеко несовершенными и неполными. Исправленіе ихъ и утвержденіе весьма трудно министерству принять на себя по разнообразію, а частію по недостатку данныхъ. Между тѣмъ, при совѣщаніяхъ объ этомъ предметѣ съ прибывшими въ Москву по случаю Высочайшаго коронованія губернскими предводителями дворянства вышесказанныхъ губерній, я замѣтилъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ готовность въ дѣлѣ семъ идти далѣе указанныхъ имъ прежде границъ и заняться разсмотрѣніемъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ въ видахъ, клонящихся къ освобожденію сихъ послѣднихъ. Если имъ предоставить, не стѣсняясь прежними указаніями и нынѣ существующими условіями, обсудить вопросъ о крѣпостныхъ людяхъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ: то, надѣяться можно, что они, въ желаніи споспѣшествовать благимъ намѣреніямъ Вашего Императорскаго Величества, придумаютъ предположенія, которыя могли бы послужить къ новому и прочному устройству крестьянъ, безъ чувствительныхъ потерь и для помѣщиковъ».

«Какъ изъ словъ предводителей, такъ и изъ другихъ собранныхъ мною свѣдѣній я заключаю, что въ западныхъ губерніяхъ Россіи, особенно въ тѣхъ, которыя лежатъ при границахъ Австріи, Пруссіи и въ сосѣдствѣ съ Остзейскими губерніями, идея о свободѣ крестьянъ гораздо болѣе развита въ умахъ помѣщиковъ и гораздо доступнѣе крестьянамъ, нежели во внутренности Россіи. Пользуясь сими обстоятельствами, я осмѣливаюсь испрашивать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія инвентарныя правила губерній Ковенской, Виленской и Гродненской, донынѣ остающіяся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ неутвержденными, возвратить на мѣсто

Библиотека "Руниверс"

чрезъ генералъ-губернатора и поручить губернскимъ предводителямъ, при содѣйствіи уѣздныхъ предводителей и опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ помѣщиковъ, вновь заняться обсужденіемъ сего дѣла, не стѣсняясь прежними постановленіями и откровенно представить министерству внутреннихъ дѣлъ свои соображенія, къ прочному устройству крестьянъ клонящіяся».

«Нѣтъ надобности, при возвращеніи инвентарныхъ правилъ, *прямо* говорить, для чего это дѣлается. Можно надѣяться, что предводители сами поймутъ цѣль сего распоряженія, а ближайшія наставленія и разрѣшенія можетъ имъ дать изустно и съ должною осторожностью генералъ-губернаторъ Назимовъ, съ которымъ я имѣлъ по сему предмету нужныя объясненія въ Москвѣ и который изъявилъ полную готовность содѣйствовать министерству, не предвидя на первый разъ особыхъ препятствій къ началу дѣла. Ему же можно поручить приуготовить и губернаторовъ означенныхъ губерній къ содѣйствію дворянству, когда будетъ оно составлять новыя предположенія, соотвѣтственныя намѣреніямъ правительства. Предметъ такъ важенъ, что если бы нѣкоторые изъ губернаторовъ оказались не совсѣмъ готовыми къ занятію имъ, то можно было бы, не обижая ихъ, перевести въ другія губерніи и замѣнить ихъ лицами, болѣе благонадежными и способными неусыпно слѣдить за ходомъ дѣла и помогать оному, вызывая довѣріемъ къ себѣ откровенныя, не офиціальныя совѣщанія съ ними дворянства; а между тѣмъ они наблюдали бы и за тѣмъ, чтобы сіи совѣщанія не приняли направленія противнаго общему благу государства».

«Инвентарныя правила губерній Минской, Могилевской и Витебской я полагалъ бы оставить въ нынѣшнемъ положеніи, пока мѣстныя нужды укажутъ необходимость дать имъ какой-либо ходъ и пока министерсто соберетъ болѣе свѣдѣній о большей или меньшей готовности каждой изъ сихъ губерній къ разрѣшенію общаго вопроса о помѣщичьихъ крестьянахъ.»

Докладъ высочайше утвержденъ въ тотъ же день (26-го Октября 1856 г.), а 3-го Ноября копія съ него послана генералъ-губернатору Назимову при отношеніи министерства внутреннихъ дѣлъ подъ № 8.

Бумаги эти должно считать первымъ рѣшительнымъ шагомъ на новомъ пути къ неизвѣстной, но необходимой будущности. Мнѣ казалось, что такимъ путемъ мы скорѣе выйдемъ изъ тьмы затрудненій и получимъ возможность взвѣсить выгоды и невыгоды обоихъ сословій, которыхъ участь предлежала новому устройству. Конечно, нельзя было ожидать, чтобы дворяне съ перваго раза отказались отъ всѣхъ вы-

Библиотека "Руниверс"

годъ своихъ, да въ томъ не было и нужды; но мы надѣялись, что они укажутъ на матеріялы для постройки новаго зданія.

Въ тоже время великая княгиня Елена Павловна представила Государю *записку*, въ которой, излагая готовность свою приступить къ освобожденію крестьянъ, ей принадлежащихъ въ Полтавской губерніи, она просила: во 1-хъ указать общія начала, на которыхъ могутъ помѣщики приступать къ такому преобразованію, во 2-хъ, дозволить ей войти по сему предмету въ совѣщаніе съ тѣми изъ Полтавскихъ дворянъ, которые убѣждены въ необходимости заняться освобожденіемъ своихъ крестьянъ.

Записка эта была мною внимательно прочитана, и заключенія по ней представлены Государю съ слѣдующими соображеніями.

«Въ подробной запискѣ, доставленной отъ государыни великой княгини, заключаются многія мысли и предположенія о способахъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ. Подобныхъ предложеній было сдѣлано много прежде, и нынѣ довольно получается съ разныхъ сторонъ; но до сихъ поръ ни одно изъ нихъ не остановило на себѣ вниманія правительства потому, что всѣ они основаны болѣе на теоріи, нежели на практикѣ.»

«При разсмотрѣніи важнѣйшей политической задачи объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, во всѣхъ странахъ прежде всего рождался вопросъ о томъ, съ землею или безъ земли должно послѣдовать освобожденіе. И въ томъ и другомъ смыслѣ Европа представляетъ примѣры исполненія; и тотъ и другой видъ освобожденія имѣютъ свои выгоды и невыгоды; каждый изъ нихъ былъ предлагаемъ и разсматриваемъ въ комитетахъ, бывшихъ у насъ въ царствованіе въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая I-го».

«Прежде нежели я позволю себѣ повергнуть какое-либо мое по сему предмету мнѣніе высочайшему благоусмотрѣнію, я считаю нужнымъ представить Вашему Императорскому Величеству приготовляемый уже мною, но еще не конченный, историческій обзоръ того, что̀ было въ Россіи предпринимаемо въ видахъ разрѣшенія этого труднаго вопроса. Только по совокупномъ обсужденіи всѣхъ прежнихъ распоряженій и соображеній правительства можно будетъ приступить къ обсуженію и опредѣленію общихъ началъ, по которымъ предстоитъ дѣйствовать на будущее время.»

«Между тѣмъ можно бы, кажется, допустить слѣдующую временную мѣру: дать помѣщикамъ права представлять правительству проекты для освобожденія ихъ крестьянъ, не стѣсняясь существующими законоположеніями, а Министерству Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшить равнымъ образомъ, не ограничиваясь установленными двумя видами ос-

Библиотека "Руниверс"

вобожденія (т.-е. вольныхъ хлѣбопашцевъ и обязанныхъ крестьянъ) при разсмотрѣніи предлагаемыхъ условій имѣть въ виду только то, чтобы они, не нарушая основныхъ началъ государственнаго управленія, достаточно ограждали крестьянъ отъ произвола и давали имъ возможность преуспѣвать въ благосостояніи при новомъ устройствѣ ихъ быта. Изъ такихъ практическихъ указаній, по моему мнѣнію, скорѣе можно вывести что либо общее, нежели изъ предложеній, основанныхъ на усмотрѣніяхъ. Въ такомъ смыслѣ я позволилъ себѣ предварительно отзываться всѣмъ предводителямъ дворянства и тѣмъ помѣщикамъ, которые обращались ко мнѣ съ вопросами по сему предмету.»

«Изданіе такого дозволенія законодательнымъ порядкомъ, или обнародованіе онаго, конечно могло бы подать поводъ къ превратнымъ толкамъ и возбудить неумѣстное движеніе въ умахъ; но можно воспользоваться первымъ случаемъ или первымъ вызовомъ какого-либо частнаго лица, которое будетъ просить объ освобожденіи своихъ крестьянъ внѣ существующихъ правилъ и, разрѣшивъ его просьбу утвердительно, если она того заслуживать будетъ, объявить, что и другимъ подавать подобныя прошенія дозволяется съ тою главною цѣлію, чтобы наименѣе стѣснять дворянство въ распоряженіи его собственностію».

«Еслибы на сихъ основаніяхъ государынѣ великой княгинѣ, по совѣщанію съ извѣстными ея высочеству благомыслящими помѣщиками Полтавской губерніи, угодно было составить проектъ освобожденія крестьянъ, ея высочеству и имъ принадлежащихъ, то онъ могъ-бы послужить для многихъ другихъ владѣльцевъ благодѣтельнымъ примѣромъ, а для правительства полезнымъ указаніемъ.

Докладъ этотъ выражаетъ истинное, *неопредѣленное* *) положеніе правительства въ отношеніи къ вопросу освобожденія въ данный моментъ. Любопытно замѣчать эти моменты для того, чтобы потомъ видѣть скачки и прыжки послѣ медленнаго и робкаго шествія.

Императоръ одобрилъ мысли министра 19-го Октября, а 26-го числа подписалъ отвѣтъ великой княгинѣ, въ томъ же смыслѣ мною написанный. Вотъ онъ:

«Прочитавъ врученную мнѣ вашимъ императорскимъ высочествомъ при отъѣздѣ изъ С.-Петербурга (она отправилась тогда за границу, гдѣ пробыла до осени слѣдующаго года) записку, пріятнымъ долгомъ себѣ поставляю благодарить васъ за человѣколюбивое намѣ-

---

*) Слово это употреблено мною въ началѣ разсказа съ тою цѣлью, чтобы читатель записки не удивлялся, встрѣчая далѣе противорѣчія въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ правительственныхъ лицъ.

Библиотека "Руниверс"

реніе ваше дать свободу крестьянамъ вашимъ, пріобрѣтеннымъ покупкою въ Полтавской губерніи. Не могу нынѣ положительно указать общихъ основаній для руководства вашего въ семъ случаѣ. Рѣшеніе этого вопроса подчинено многимъ и различнымъ условіямъ, которыхъ значеніе можетъ быть опредѣлено только опытомъ; и потому, не спѣша начертаніемъ общихъ законоположеній для новаго устройства многочисленнѣйшаго сословія въ государствѣ, я выжидаю, чтобы благомыслящіе владѣльцы населенныхъ имѣній сами высказали, въ какой степени полагаютъ они возможнымъ улучшить участь своихъ крестьянъ на началахъ, для обѣихъ сторонъ неотяготительныхъ и человѣколюбивыхъ».

«Въ сихъ видахъ я не только согласенъ, но желаю, чтобы нѣкоторые избранные вами и одушевленные чувствомъ общаго блага помѣщики Полтавскіе или смежныхъ губерній сбирались негласнымъ образомъ подъ вашимъ покровительствомъ для обсужденія и составленія проекта тѣхъ правилъ, на которыхъ они желаютъ дать своимъ крестьянамъ свободу и которыя въ свое время будутъ мнѣ представлены на утвержденіе.»

«Я увѣренъ, что побуждаемые великодушными намѣреніями вашего высочества и руководимые проницательнымъ умомъ вашимъ, они произведутъ трудъ полезный, который, будучи основанъ на справедливости, послужитъ для многихъ другихъ владѣльцевъ примѣромъ, а правительству облегченіемъ въ постоянномъ стремленіи его разрѣшить одну изъ важнѣйшихъ задачъ государственнаго управленія».

Между тѣмъ историческая записка моя о крѣпостномъ состояніи въ Россіи приходила къ концу. Я не имѣлъ времени написать ее подробнѣе, да и не находилъ этого нужнымъ: она писалась не для публики, а для Государя и царскаго семейства, а потомъ для тѣхъ государственныхъ людей, которымъ пришлось бы разсуждать объ этомъ важномъ предметѣ волею или неволею. Всѣ эти лица не любятъ длинныхъ бумагъ и рѣшительно не имѣютъ времени читать ихъ. Давать имъ въ руки слишкомъ длинные фоліанты я считаю даже опаснымъ; они ихъ пробѣгаютъ и прочитываютъ изъ нихъ нѣкоторыя мѣста на удачу, причемъ важнѣйшіе факты и сужденія часто остаются вовсе незамѣченными. Притомъ и главная цѣль записки моей была та, чтобы познакомить Государя съ совокупностію и послѣдовательностію мѣръ, какія принимало Русское правительство на этомъ пути, особенно въ послѣдніе два царствованія; выписки и ссылки на печатную исторію Россіи я считалъ лишними, и потому упомянулъ о древнемъ періодѣ самымъ краткимъ образомъ.

Библиотека "Руниверс"

См. приложенiе I-е. Записка эта прилагается здѣсь отдѣльно *).

Она поднесена Государю министромъ 20-го Декабря, при докладѣ, въ которомъ выражена необходимость составить особый комитетъ или коммиссiю для разсмотрѣнiя всѣхъ сторонъ великаго дѣла освобожденiя.

Въ докладѣ этомъ было мною сказано.

«Получивъ высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣнiе постоянно заниматься участiю помѣщичьихъ крестьянъ, я счелъ необходимостiю прежде всего составить историческое обозрѣнiе крѣпостнаго права въ Россiи и тѣхъ мѣръ, какiя уже были принимаемы для ослабленiя вредныхъ его дѣйствiй. Трудъ этотъ, основанный на несомнѣнныхъ фактахъ, оконченъ нынѣ въ такомъ видѣ, чтобы онъ могъ быть удостоенъ прочтенiя Вашимъ Величествомъ безъ обремененiя подробностями, и чтобы онъ потомъ могъ служить введенiемъ въ это дѣло для всякаго государственнаго человѣка, которому поручено будетъ обсуждать оное отдѣльно или совокупно съ другими лицами. Осмѣливаюсь при семъ поднести его на высочайшее усмотрѣнiе».

«Изъ него видно, что крѣпостное право въ Россiи имѣло три перiода жизни, довольно явственные».

«Первый, въ которомъ оно образовалось, развивалось и постепенно входило, или лучше сказать вкрадывалось въ законодательство: этотъ перiодъ объемлетъ все XVII-е и начало XVIII-го столѣтiя».

«Во второмъ оно укрѣплялось и узаконивалось пожалованiемъ множества крестьянъ частнымъ лицамъ; такъ прошла большая и послѣдняя часть XVIII-го столѣтiя».

«Въ третьемъ перiодѣ, т. е. съ началомъ XIX-го столѣтiя крѣпостное право стало упадать, будучи постоянно сокращаемо распоряженiями императоровъ Александра I-го и Николая I-го. Человѣколюбивые виды обоихъ сихъ государей породили много мѣръ полезныхъ; еще большее число было прiуготовлено, но неисполнено потому, что встрѣчены препятствiя внѣшнiя и внутреннiя, отвращенiе которыхъ было или трудно, или вовсе невозможно, и вслѣдствiе того вамъ, Всемилостивѣйшiй Государь, осталась наибольшая забота. Осмѣливаюсь

*) Сочинитель книги: *Матерiялы для исторiи упраздненiя крѣпостнаго права въ Россiи* говоритъ, что записка была слабаго содержанiя и ни къ какимъ заключенiямъ не привела. Эта записка не могла и не должна была имѣть никакого цвѣта, ибо составляла историческое извлеченiе. Ни цѣль, ни время не позволяли въ ней вмѣстить какiя-либо заключенiя, а что она была не безъ достоинства, тому служитъ доказательствомъ то, что издатель той книги перепечаталъ слово въ слово большую ея часть въ видѣ собственныхъ изысканiй! См. I-й томъ „Матерiаловъ“ отъ стр. 41 до 59.

Библиотека "Руниверс"

это говорить потому, что благія начинанія августѣйшихъ предшественниковъ Вашихъ были только опыты на поприщѣ новомъ и скользкомъ, что опыты сіи были часто прерываемы происшествіями неожиданными, и что оба въ Бозѣ почившіе императора шли впереди общественнаго мнѣнія, которое, особенно въ первые годы столѣтія, не только не заботилось объ участи крѣпостныхъ людей, но еще полагало эту заботу безвременною, и потому содѣйствіе монаршимъ видамъ было холодное, медленное, упорное. Послѣдствіе всѣхъ сихъ обстоятельствъ есть то, что до настоящаго времени не опредѣлены ни основанія, ни планъ для будущихъ постепенныхъ дѣйствій, между тѣмъ нужда въ нихъ день отъ дня становится настоятельнѣе.»

«Чувствуя это, я однакоже считаю долгомъ моимъ доложить Вашему Императорскому Величеству, что поспѣшностію нельзя вознаградить времени потеряннаго: въ дѣлѣ такой важности съ постоянною и неусыпною дѣятельностію нужно соединить послѣдовательность и крайнюю осторожность. Россія такъ велика и состоитъ изъ областей столь разнородныхъ по хозяйственнымъ, политическимъ и даже географическимъ отношеніямъ, что нельзя во всѣхъ концахъ ея одновременно и однообразно освободить помѣщичьихъ крестьянъ, хотя бы и былъ избранъ для сего наилучшій планъ дѣйствій; а сознавая эту истину, нельзя не предложить слѣдующихъ вопросовъ къ разрѣшенію: съ чего начать, къ чему и въ какія періоды стремиться?»

«Многое можно сказать въ отвѣтъ на сіи вопросы, но разрѣшить ихъ нынѣ положительно и вдругъ ни одинъ добросовѣстный человѣкъ не возьметъ на себя. Тутъ нужны пренія, разностороннія взгляды, обсужденіе всѣхъ отношеній благопріятныхъ и противныхъ. Тутъ нуженъ совѣтъ, комитетъ или иное собраніе небольшаго числа лицъ, убѣжденныхъ въ необходимости идти къ новому порядку, не останавливаясь ни на минуту, но вмѣстѣ съ тѣмъ лицъ готовыхъ углубляться во всѣ возраженія и противорѣчія для того, чтобы, не пугаясь ихъ, отклонить всѣ дурныя послѣдствія мѣръ недостаточно обдуманныхъ.»

«Такой комитетъ долженъ быть не временнымъ, но постояннымъ, не только разсуждающимъ, но и дѣйствующимъ; онъ не долженъ останавливаться на вопросахъ ему предложенныхъ, но самому себѣ ихъ предлагать, или сбирать въ публикѣ и разрѣшать. Въ трудахъ и занятіяхъ своихъ комитетъ долженъ представлять Вашему Императорскому Величеству отчеты не въ формахъ обыкновенныхъ, не въ графахъ и цифрахъ, а поднесеніемъ для прочтенія подлинныхъ журналовъ своихъ или выписокъ изъ нихъ.»

Библиотека "Руниверс"

«Смѣю думать, что и этотъ, такъ сказать, верховный комитетъ недостаточенъ. Лица, которыя въ составъ его войдутъ, не могутъ быть спеціалистами въ вопросахъ, относящихся до внутренняго управленія помѣщичьими крестьянами, до хозяйственныхъ и полицейскихъ отношеній ихъ между собою и къ помѣщику; а потому нужно прибѣгать къ составленію временныхъ, такъ сказать, техническихъ комитетовъ изъ составителей проектовъ объ освобожденіи крестьянъ, изъ благонамѣренныхъ помѣщиковъ и нѣкоторыхъ представителей дворянства. Ни числа, ни времени дѣйствій симъ послѣднимъ комитетамъ назначать нельзя: это надо предоставить усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы призывы въ такіе комитеты онъ могъ дѣлать частію отъ себя, частію отъ имени Вашего Императорскаго Величества.»

«Но по моему мнѣнію весьма полезно, чтобы для общей связи дѣла, одинъ изъ членовъ верховнаго комитета былъ участникомъ во всѣхъ низшихъ комитетахъ или руководителемъ ихъ, а въ высшемъ комитетѣ ихъ представителемъ».

Ланской не очень охотно соглашался на учрежденіе особаго комитета, надѣясь подготовить проектъ закона подъ своимъ руководствомъ. Я никакъ не могъ уступить ему по многимъ причинамъ:

Во 1-хъ, я не хотѣлъ взять на мою совѣсть рѣшеніе такого огромнаго и даже страшнаго вопроса безъ преній, возраженій, разносторонних обсужденій, тѣмъ болѣе, что я не смѣлъ даже никого призвать на совѣщаніе: ибо дѣло считалось самымъ секретнымъ. Разговоры же мои съ самимъ министромъ немного могли просвѣтить меня: я не могъ не чувствовать, что вліяніе мое на него въ этомъ дѣлѣ слишкомъ велико *), и что слѣдовательно сужденія наши были бы односторонни.

2. Не зная главныхъ основаній, какія будутъ приняты, я считалъ составленіе какого либо подробнаго проекта трудомъ потеряннымъ.

3. Я былъ увѣренъ, что никакого проекта своего Ланской не могъ бы отстоять въ Государственномъ Совѣтѣ или комитетѣ, а товарищи его не подарили бы ему ни малѣйшаго промаха, и на первыхъ невѣрныхъ шагахъ согнали бы со сцены его и меня съ нимъ,

---

*) За то въ общемъ бюрократическомъ управленіи министерствомъ, въ назначеніи лицъ и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ личность начальника должна была проявляться передъ публикою, Ланской избѣгалъ моей помощи и желалъ, чтобы я оставался за кулисами. Я этому не противодѣйствовалъ, потому что слишкомъ былъ занятъ вопросомъ освобожденія, боялся прежде времени разсориться съ нимъ и отойти отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

а за тѣмъ отбросили бы все дѣло въ дальній ящикъ. Я опасался, что и Государя собьютъ съ пути, или заставятъ вовсе отложить его намѣреніе. Ходъ этого дѣла при императорѣ Николаѣ давалъ опасеніямъ моимъ основательность. Никто не сомнѣвается, что этотъ государь имѣлъ желѣзную волю, и однакоже въ 30 лѣтъ ничего не сдѣлалъ для исполненія самого пламеннаго желанія своего.

Въ концѣ доклада я приготовлялъ себѣ многотрудную, но полезную роль посредника между комитетами высшимъ и низшимъ, и правителя дѣлъ сего послѣдняго, но не счелъ приличнымъ назвать себя. Мнѣ казалось, что Государь или Ланской сами должны были найти нужнымъ меня назначить. Въ предположеніи моемъ я ошибся только въ отношеніи къ себѣ [1]), но основательность главной мысли моей подтверждена въ послѣдствіи опытомъ и исполнена назначеніемъ изъ членовъ главнаго комитета генерала Ростовцова президентомъ редакціонныхъ коммиссій. Что касается до предложенія объ открытіи особаго комитета по освобожденію крестьянъ, то оно встрѣтилось съ мыслію Государя, по которой комитетъ въ послѣднихъ числахъ Декабря или первыхъ Января и открытъ.

Президентомъ его назначенъ *князь Орловъ*, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ и всѣхъ высшихъ комитетовъ; а правителемъ дѣлъ Бутковъ, государственный секретарь и неизбѣжный помощникъ князя Орлова во всѣхъ предсѣдательствуемыхъ имъ учрежденіяхъ.

Въ члены избраны:

Графъ Блудовъ, главноуправляющій законодательнымъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, членъ Государственнаго Совѣта, членъ Комитета Министровъ, президентъ Академіи Наукъ, президентъ комитета пріютовъ и проч. [2]).

---

[1]) Сочинитель книги: Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго права въ Россіи, говоритъ: *„Ланской не умѣлъ или не хотѣлъ предоставить Левшину роль правителя дѣлъ главнаго комитета по крестьянскому дѣлу“*. Если онъ не съумѣлъ, то это потому, что не надѣялся одолѣть сильное вліяніе противниковъ, а особенно предсѣдателя комитета министровъ князя Орлова, который не любилъ Ланскаго и во всякомъ случаѣ желалъ имѣть въ новомъ дѣлѣ правителемъ человѣка наименѣе либеральнаго, а ему близкаго, и скорѣе враждебнаго министру внутреннихъ дѣлъ, нежели ему подчиненнаго. Всѣ эти качества соединялъ въ себѣ государственный секретарь Бутковъ, а потому онъ и занялъ мѣсто, которое по пріуготовительнымъ занятіямъ принадлежало Левшину.

Если Ланской *не хотѣлъ* его имѣть въ главномъ комитетѣ, что также, судя по послѣдствіямъ, правдоподобно, то вѣроятно потому, что уже въ немъ начинала проявляться зависть и что онъ боялся выдвигать его изъ-за кулисъ, будучи подстрекаемъ противъ него завистниками въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

[2]) Въ царствованіе Николая была принята привычка, до нынѣ сохраняемая, назначать во всѣ комитеты однихъ и тѣхъ же лицъ, нисколько не соображая ни умствен-

Библиотека "Руниверс"

Графъ Адлербергъ, министръ двора и проч.

Князь Гагаринъ, членъ Государственнаго Совѣта.

Ланской, министръ внутреннихъ дѣлъ.

Князь Долгоруковъ, шефъ шандармовъ.

Генералъ Муравьевъ, министръ государственныхъ имуществъ, министръ удѣловъ, управляющій межевымъ корпусомъ, состоящій въ трехъ министерствахъ и проч. и проч.

Чевкинъ, главноуправляющій путями сообщеній.

Баронъ Корфъ, членъ Государственнаго Совѣта, въ послѣдствіи добровольно удалившійся и замѣненный *графомъ Панинымъ*, министромъ юстиціи.

Генералъ Ростовцовъ.

Министръ финансовъ *Брокъ.*

Съ открытіемъ комитета (хотя вначалѣ секретнаго) вопросъ объ освобожденіи сдѣлался предметомъ общихъ разговоровъ и толкованій въ публикѣ; тогда посыпались съ разныхъ сторонъ проекты. Одинъ изъ нихъ, болѣе другихъ замѣченный, былъ доставленъ Государю генераломъ Ростовцовымъ, а сочиненъ кажется г. Позеномъ *). Онъ не имѣлъ на себѣ подписи и лично отданъ Государемъ министру внутреннихъ дѣлъ съ тѣмъ, чтобы онъ чрезъ два дня возвратилъ его съ своимъ мнѣніемъ. Ланской исполнилъ приказаніе и послалъ проектъ обратно при докладной запискѣ отъ 29-го Декабря, въ которой выразилъ я слѣдующія мысли:

«Представляя обратно полученный мною отъ Вашего Императорскаго Величества проектъ объ освобожденіи крѣпостнаго сословія въ Россіи, долгомъ считаю всеподданнѣйше доложить, что въ этомъ проектѣ, хотя и есть мысли очень справедливыя, но средства предлагаемыя къ достиженію цѣли, по моему разумѣнію, неудобоисполнимы по слѣдующимъ причинамъ:

1) «Главными основаніями проекта приняты существующіе два закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ и объ обязанныхъ крестьянахъ, и предполагаемое третье постановленіе о гипотечной системѣ. Время и опытъ доказали, что первые два закона не заключаютъ въ себѣ тѣхъ элементовъ, которые могли бы побудить значительное число дворянъ ими воспользоваться, а потому дѣйствіе ихъ донынѣ осталось ничтож-

ныхъ, ни физическихъ силъ членовъ; изъ этого и вышло, что всѣ высшія управленія находятся въ рукахъ секретарей, а члены, отуманенные множествомъ и разнообразіемъ занятій, болѣе собираются для подписанія журналовъ, нежели для обсужденія дѣлъ.

*) Въ послѣдствіи времени г. Позенъ вмѣстѣ съ княземъ Кочубеемъ подали Императору другой проектъ, болѣе удобоисполнимый.

Библиотека "Руниверс"

нымъ въ отношеніи къ массѣ помѣщичьихъ крестьянъ. Что касается до новаго постановленія о гипотечной системѣ, то, не отрицая пользы ея и даже необходимости, я думаю, что введеніе оной потребуетъ немалыхъ измѣненій въ общемъ законодательствѣ и что много пройдетъ времени прежде, нежели эта система привьется къ нравамъ и обычаямъ нашего дворянства.»

2) «Во всякомъ случаѣ, при указанныхъ сочинителемъ проекта основаніяхъ, освобожденіе можетъ быть производимо только частными отдѣльными дѣйствіями тѣхъ помѣщиковъ, которые сами пожелаютъ прибѣгнуть къ средству, указанному правительствомъ; но не будетъ ничего общаго, ничего обязательнаго. Слѣдовательно, операція освобожденія можетъ протянуться десятки лѣтъ, а можетъ быть и цѣлое столѣтіе. Между тѣмъ вѣкъ идетъ впередъ; понятія о свободѣ созрѣваютъ, и возможность опасности становится съ каждымъ днемъ правдоподобнѣе, хотя, благодаря Бога, въ настоящую минуту и незамѣтно еще въ помѣщичьихъ крестьянахъ ничего кромѣ пробудившагося ожиданія. Временемъ этимъ надо пользоваться, дабы имѣть всю нужную силу и спокойствіе для направленія дѣла послѣдовательнымъ образомъ.»

3) «Что касается до частныхъ вызывовъ дворянъ на освобожденіе своихъ крестьянъ, которые необходимы при системѣ предлагаемой сочинителемъ проекта *), то на нихъ полагаться нельзя. Покойный императоръ Александръ I-й и въ Бозѣ почившій августѣйшій родитель Вашего Императорскаго Величества ждали такихъ вызывовъ, но не дождались, кромѣ двухъ-трехъ маловажныхъ исключеній. Именемъ Вашимъ, Всемилостивѣйшій Государь, я многимъ говорилъ, что имъ слѣдуетъ отозваться на отеческій призывъ Монарха, особенно послѣ того, что̀ Вамъ благоугодно было изустно сказать о семъ предводителямъ Московской губерніи и нѣкоторымъ другимъ, при представленіи ихъ здѣсь въ С.-Петербургѣ. Въ отвѣтъ на такое приглашеніе самые благомыслящіе отвѣчали мнѣ, во 1-хъ, что они не считаютъ себя въ правѣ давать примѣры собратіямъ своимъ, во 2-хъ, что они не знаютъ основаній, на которыя правительство полагаетъ совершить сію перемѣну и безъ того не могутъ ни на что̀ рѣшиться, хотя остаются

---

*) Здѣсь является противорѣчіе съ тѣмъ, что̀ было доложено Государю по случаю письма великой княгини Елены Павловны, но этому не слѣдуетъ удивляться; мы уже сказали выше что дѣло освобожденія крестьянъ шло безъ опредѣленнаго плана, то повинуясь нетерпѣливымъ толчкамъ, то будучи задерживаемо противниками великой мысли. Въ 1856 году искали ощупью примѣра для подражанія, а въ 1857 году боялись, чтобы противодѣйствія не остановили всего дѣла, и потому спѣшили двинуть его рѣшительнымъ образомъ, безповоротно.

Библиотека "Руниверс"

убѣжденными, что освобожденіе ихъ крестьянъ необходимо. Тоже мнѣ изустно сообщилъ князь Радзивилъ, Прусскій генералъ и вмѣстѣ Могилевскій помѣщикъ».

4) «Слѣдуетъ также принять въ соображеніе, что частныя увольненія селъ и деревень могутъ совершаться безвредно и даже съ пользою только тогда, когда они рѣдки и служатъ примѣрами другимъ; но, когда они станутъ учащаться, когда изъ 10-ти смежныхъ имѣній будутъ по одиночкѣ освобождены 5 или 6, то остальные потребуютъ свободы силою.»

5) «Сочинитель проекта говоритъ очень справедливо, что нужна гласность для того, чтобы были положительно извѣстны намѣренія правительства; но онъ не объясняетъ, какого рода гласность онъ разумѣетъ. По моему мнѣнію обыкновенной гласности или обнародованія въ этомъ дѣлѣ допустить нынѣ еще нельзя, а изъявленіе видовъ правительства должно быть таково, чтобы оно вызвало результаты, цѣли соотвѣтствующіе и чтобы оно было обращено только къ дворянству, на которое надо возложить обсужденіе подробностей будущаго новаго порядка. Основанія дѣла должны быть указаны высшимъ правительствомъ; развитіе ихъ могутъ исполнить только губернскіе комитеты дворянства; высшая центральная власть никогда не развяжетъ многихъ малыхъ узловъ, извѣстныхъ только практическимъ хозяевамъ».

«Наконецъ, мнѣ кажется, что въ этомъ дѣлѣ, котораго важнѣе едва ли что̀ можетъ быть во внутреннемъ управленіи и которое весьма многосложно, надо всячески стараться упрощать его, а не усложнять огромными финансовыми операціями, къ которымъ сочинители проектовъ объ освобожденіи большею частію прибѣгаютъ, потому что, увлекаемые теоріями, хотятъ вдругъ сдѣлать крѣпостнаго крестьянина не только лично свободнымъ, но и собственникомъ земли. Желаніе это согласно съ наукою, но исполненіе его не требуетъ такой поспѣшности, какъ освобожденіе личности человѣка отъ рабства или полнаго произвола надъ нимъ другаго человѣка. Жизнь народовъ измѣряется вѣками, и потому одно поколѣніе не должно брать на себя того, что̀ лучше можетъ быть исполнено послѣдующимъ поколѣніемъ. Конечно одновременное надѣленіе освобожденныхъ крестьянъ всею нужною для ихъ существованія землею не можетъ быть совершено иначе, какъ выкупомъ земли у дворянъ посредствомъ финансоваго оборота огромнѣйшаго размѣра, но способъ этотъ при неосторожности можетъ запутать государственные финансы до такой степени, что произведетъ другой пагубный переворотъ (въ государствѣ). Наконецъ, нельзя забыть здѣсь и того правила науки государственнаго хозяйства, которое утверждаетъ, что гораздо полезнѣе давать средства людямъ пріобрѣ-

Библиотека "Руниверс"

тать собственность своими трудами, нежели надѣлять ихъ имуществомъ на счетъ государства, безъ всякой съ ихъ стороны заботы, и тѣмъ ввергать ихъ въ безпечность, къ которой помѣщичій крестьянинъ и безъ того пріученъ крѣпостнымъ правомъ».

Подписавъ эту записку, Ланской сказалъ мнѣ: «Думаю, что замѣчанія наши основательны; но если Государь спроситъ меня, какой по моему мнѣнію ходъ слѣдуетъ дать дѣлу освобожденія,—что я буду отвѣчать? Я уже не имѣю права теперь сказать, что неготовъ къ отвѣту, хотя краткому». Требованіе было справеливо, и хотя я уклонялся отъ представленія какого-либо проекта прежде открытія преній въ комитетѣ, однако теперь долженъ былъ высказать свои основныя мысли въ самомъ сжатомъ видѣ и потому, удержавъ отправленіе Государю доклада уже изготовленнаго, я на другой же день представилъ министру къ подписанію дополнительный докладъ слѣдующаго содержанія *):

«Повергая замѣчанія мои на врученный - мнѣ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ послѣднюю Пятницу проектъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ высочайшему благоуваженію, я не позволяю себѣ думать, чтобы самъ могъ *рѣшительно* представить свой проектъ, болѣе близкій къ совершенству; но, имѣя въ виду, что Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, уже угодно было приказать избраннымъ Вами лицамъ войти въ сравнительное разсмотрѣніе разныхъ представленныхъ по тому же предмету предположеній, я съ своей стороны осмѣливаюсь предложить къ обсужденію слѣдующія первоначальныя мѣры:

«1) Чтобы успокоить или дать правильное направленіе происходящему нынѣ колебанію въ умахъ, полезно было бы объявить дворянству, чрезъ губернскихъ предводителей, что Ваше Императорское Величество рѣшились улучшить участь помѣщичьихъ крестьянъ постепеннымъ сближеніемъ ихъ съ другими свободными сословіями государства».

«2) Въ объявленіи семъ указать главныя основанія, на которыхъ Ваше Величество полагаете совершить столь великое дѣло. Въ выборѣ этихъ основаній, я смѣю думать, что на первый разъ можно ограничиться дарованіемъ крестьянамъ личной свободы и права общественной собственности на землю, находящуюся подъ поселеніемъ, т.-е. домами, огородами и небольшимъ выгономъ. Такое общественное владѣніе усадебною землею не помѣшаетъ строеніямъ оставаться въ

*) Оба доклада, помѣченные 29 и 30 числами Декабря 1857 года, отправлены вмѣстѣ. Государь передалъ ихъ уже прямо отъ себя въ новоучрежденный комитетъ по крестьянскому дѣлу.

Библиотека "Руниверс"

частной собственности каждаго крестьянина, какъ въ городахъ. Между тѣмъ, это устройство дастъ крестьянину, такъ-сказать, вѣчное гнѣздо и избавитъ его съ перваго шага отъ возможности быть изъ него изгнаннымъ по произволу помѣщика».

«3) Въ настоящую минуту я не имѣю убѣжденія. чтобы было необходимо вездѣ положить дворянству вознагражденіе за личность крестьянина; но если оно окажется необходимымъ, то вмѣстѣ съ вознагражденіемъ за уступленную подъ усадьбами землю, оно можетъ быть возложено на самихъ крестьянъ съ разсрочкою на банковыхъ правилахъ на 37 или болѣе лѣтъ, но безъ сложныхъ финансовыхъ оборотовъ».

«4) Пріобрѣтеніе крестьянами пахатныхъ земель отъ помѣщиковъ должно предоставить времени и взаимнымъ ихъ условіямъ, примѣняясь къ тому порядку, какой уже установленъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, но измѣняя его соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ каждой губерніи».

«5) Подробныя правила для приведенія въ исполненіе сихъ и другихъ правительствомъ указанныхъ основаній поручить составить дворянству въ губернскихъ комитетахъ, давъ имъ на совершеніе сего труда два или одинъ годъ сроку».

«6) Составленныя губернскими комитетами предположенія разсмотрѣть совокупно здѣсь въ С.-Петербургѣ въ особомъ верховномъ комитетѣ, о составленіи потораго я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше представить въ особой докладной запискѣ отъ 20 числа сего мѣсяца».

Не мнѣ судить, дурны или хороши эти мысли. Въ настоящую минуту *) и публика еще не можетъ оцѣнить удобоисполнимость ихъ. Здѣсь слѣдуетъ только замѣтить, что мысли эти были первыми краеугольными камнями въ основаніи новаго зданія. Можетъ быть, иные камни отбросятся, другіе обдѣлаются; но думаю, что остатки ихъ сохранятся въ фундаментѣ новой постройки.

Въ послѣдствіи времени, то-есть шесть мѣсяцевъ позднѣе, идеи, здѣсь изложенныя, были развиты мною гораздо подробнѣе и рѣшительнѣе и представлены министромъ въ главный комитетъ; но зародышъ ихъ здѣсь. Онъ обозначился на-скоро, преждевременно, а потому и носитъ на себѣ печать недозрѣлости.

Начало дѣйствій главнаго комитета по крестьянскому дѣлу совпадаетъ съ началомъ 1857 года; но первая половина его прошла безъ важныхъ послѣдствій. Нѣкоторые изъ членовъ, и въ томъ числѣ президентъ, дѣлу вовсе не сочувствовали, но имѣли въ виду какъ бы по-

---

*) Въ началѣ 1860 года.

Библиотека "Руниверс"

мѣшать или затруднить его, не сознаваясь въ томъ предъ Государемъ; другіе принесли комитету жаркое убѣжденіе о необходимости положить предѣлъ крѣпостному праву, но не знали какъ за то взяться; нѣкоторые изъ нихъ откровенно сознавались въ незнаніи предмета и просили уволить ихъ. Сюда принадлежатъ Ростовцовъ и Корфъ. Послѣдній изъ нихъ и былъ, спустя нѣсколько времени, уволенъ; но первому суждено было противъ воли сдѣлаться главнымъ дѣятелемъ и положить животъ свой въ этомъ трудѣ. Производитель дѣлъ комитета, какъ уже сказано, не только не сочувствовалъ великому предпріятію, но съ сущностію вопроса вовсе не былъ знакомъ, а пріобрѣсти нужную для того опытность канцелярскими справками было невозможно. Вообще составъ комитета былъ весьма неудачный, и потому немудрено, что онъ первое полугодіе только смотрѣлъ на звѣря, ему указаннаго, и ходилъ около него, не зная, съ какой стороны къ нему приступить *).

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1857 г. появились въ немъ первыя три мнѣнія: князя Гагарина, Ростовцова и Корфа. Всѣ трое занялись разсужденіями о разныхъ обстоятельствахъ второстепенныхъ; но князь Гагаринъ явно выразилъ мысль *даровать помѣщикамъ* право освобождать крестьянъ цѣлыми селеніями безъ условій и земли. Такого предположенія нельзя было оставить безъ протеста на первомъ шагу, а потому въ письменномъ отзывѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 14-го Іюня 1857 года были мною высказаны слѣдующія мысли.

«Прочитавъ три мнѣнія гг. членовъ секретнаго комитета о помѣщичьихъ крестьянахъ и разсматривая каждое изъ трехъ мнѣній отдѣльно, я нахожу:

«1) Въ мнѣніи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Гагарина обращено вниманіе на одинъ изъ самыхъ основныхъ вопросовъ, съ котораго и слѣдовало, какъ мнѣ кажется, начать рѣшеніе этого дѣла, *вопросъ о землѣ.* Предложеніе по сему предмету князя Гагарина выражается слѣдующими краткими словами: *даровать помѣщикамъ право освобождать крестьянъ цѣлыми селеніями безъ условій и земли.* Не думаю, чтобы было удобно правительству допустить повсемѣстно исполненіе этой мысли; но долгомъ почитаю сказать, что она прежде всѣхъ другихъ должна быть подробно и со всѣхъ сторонъ обсуждена въ комитетѣ: ибо изъ нея должны истекать, или на ней основываться, всѣ прочія мѣропріятія къ освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ. Она такъ важна, что

---

*) Въ промежуткахъ президентъ занимался заложеніемъ своихъ или жены своей имѣній въ опекунскій совѣтъ, чѣмъ возбудилъ всеобщій страхъ; во всей Россіи о томъ говорили и спѣшили подражать ему.

Библиотека "Руниверс"

до окончательнаго рѣшенія объ ней, я считаю излишнимъ входить въ разсмотрѣніе будущихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами».

«Что касается до ограниченія власти помѣщиковъ въ предѣлахъ нынѣ дѣйствующаго порядка, то въ этомъ отношеніи въ мнѣніи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Гагарина, равно какъ и въ мнѣніяхъ другихъ членовъ есть много предложеній весьма полезныхъ и удобоисполнимыхъ; но они стоятъ на второмъ планѣ, и потому должны составить второстепенное занятіе наше.»

«2. Въ мнѣніи генералъ-адъютанта Ростовцова поземельный вопросъ не разсматривается, но предлагаются многія важныя улучшенія и измѣненія въ законахъ, для смягченія участи крестьянамъ. Повторю здѣсь тоже, что сказалъ выше: всѣ частныя улучшенія должны состоять на второмъ планѣ, и намъ предлежитъ прежде всего заняться опредѣленіемъ общихъ основаній, на которыхъ долженъ совершиться постепенный переходъ крѣпостныхъ людей въ свободные.»

«Между тѣмъ отдавая должную справедливость многимъ предположеніямъ генералъ-адъютанта Ростовцова, не могу не высказать моего откровеннаго мнѣнія о тѣхъ, которые, предшествуя другимъ, могли-бы по моему убѣжденію, привести правительство въ затрудненіе.»

а.) Къ этому разряду я причисляю мысль объ изданіи теперь манифеста или указа, въ которомъ было-бы сказано, что никто *не имѣетъ причины опасаться за свою собственность, что въ законахъ о помѣщичьихъ крестьянахъ не сдѣлано никакой перемѣны* и проч.»

«Такого рода объявленіе можетъ возбудить негодованіе и порицаніе съ разныхъ сторонъ *). Крестьяне, не понимая цѣли его, но руководствуясь побужденнымъ уже чувствомъ нетерпѣнія, будутъ толковать его въ свою пользу и во многихъ мѣстахъ потребуютъ отъ помѣщиковъ перевода ихъ въ свободные хлѣбопашцы или въ обязанные поселяне.»

«Помѣщики, зная, что правительство ищетъ измѣненія и улучшенія въ положеніи ихъ крестьянъ, увидятъ въ этомъ объявленіи только прикрытіе намѣреній, противоположныхъ ихъ выгодамъ; слѣдовательно, правительство, вмѣсто успокоенія усугубитъ ихъ подозрѣнія.»

---

*) Долгомъ считаю при семъ случаѣ откровенно объяснить комитету, что въ минувшемъ году, когда начали разнымъ образомъ толковать слова, произнесенныя Государемъ Императоромъ Московскимъ предводителямъ, я, съ соизволенія Его Величества, счелъ нужнымъ послать губернаторамъ циркуляръ, имѣвшій цѣлію успокоеніе умовъ и, такъ сказать, поясненіе высочайшихъ словъ. Хотя мѣра сія была вынуждена обстоятельствами и вѣроятно имѣла полезныя послѣдствія, но тѣмъ не менѣе она возбудила порицаніе въ публикѣ: одни говорили, будто я скрываю намѣренія верховной власти; другіе увѣряли, что правительство, испуганное первыми шагами своими, быстро пошло назадъ.“

Библиотека "Руниверс"

«Безпристрастная и неимѣющая прямаго участія въ дѣлѣ часть публики будетъ обвинять верховную власть въ обратномъ шествіи къ возстановленію крѣпостнаго права. А послѣдствія дѣла всѣмъ вообще сословіямъ покажутъ, что въ указѣ или манифестѣ была сокрыта правда.»

«в.) Учрежденіе особой канцеляріи для разсмотрѣнія вопросовъ объ освобожденіи крестьянъ и для управленія свободными хлѣбопашцами мнѣ кажется не только неудобоисполнимо, но убыточно и слѣдовательно противоположно общимъ видамъ правительства, выражаемымъ по разнымъ другимъ отраслямъ управленія» *).

«Канцелярія можетъ исполнять приказанія, но отнюдь не обсуждать предложенія и факты, требующіе величайшей осмотрительности, спеціальной опытности и непремѣнныхъ преній.»

«Канцелярія не можетъ управлять сотнями тысячъ крестьянъ, безъ открытія въ губерніяхъ новыхъ палатъ, конторъ или подобныхъ учрежденій, и безъ опредѣленія въ нихъ множества новыхъ чиновниковъ съ жалованьемъ, пенсіями, чинами и проч.»

«И почему же Министерство Государственныхъ Имуществъ, управляющее уже милліонами поселянъ и имѣющее на мѣстахъ всѣ нужныя учрежденія, хуже будетъ распоряжаться, нежели какая-либо отдѣльная канцелярія?»

«Не нахожу умѣстнымъ теперь размножать мои частныя замѣчанія по предметамъ не подлежащимъ скорому исполненію, и предоставляю себѣ выразить ихъ при подробныхъ сужденіяхъ каждой статьи отдѣльно.»

«3.) Дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ Корфъ, не входя въ подробности будущаго положенія крестьянъ, предлагаетъ прежде всего способъ къ собранію свѣдѣній, необходимыхъ для разрѣшенія этого труднаго вопроса, а именно: пригласить дворянство по губерніямъ высказать свое мнѣніе о средствахъ къ достиженію цѣли, Государемъ Императоромъ предположенной, и приглашеніе это сдѣлать не указомъ во всенародное извѣстіе, а циркуляромъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ губернскимъ предводителямъ. Способъ этотъ я считаю основательнымъ и надежнымъ. Не возбуждая никакихъ толкованій

---

*) Императоръ Николай, имѣя правиломъ всѣ нити управленія притягивать къ своей особѣ, учредилъ нѣсколько отдѣленій собственной канцеляріи, законодательное, высшей полиціи, управленія женскими учебными заведеніями, государственными имуществами и проч. Съ того времени форма эта пошла въ моду, и всѣ лица, искавшія имѣть непосредственный докладъ у Государя, добивались мѣстъ управляющихъ сими отдѣленіями. Въ настоящемъ случаѣ Ростовцовъ, какъ говорятъ, имѣлъ въ виду помѣстить одного изъ своихъ пріятелей (Позена); самъ онъ не нуждался въ сближеніи съ Государемъ, находясь при его особѣ съ давняго времени и пользуясь его особенною привязанностію.

Библиотека "Руниверс"

въ низшихъ слояхъ народа, воззваніе такого рода, обращенное къ дворянству, *успокоитъ* его, указавъ мѣру пожертвованій, къ которымъ оно должно готовиться, *польститъ* самолюбію его, показавъ, что Государь съ довѣріемъ приглашаетъ его къ участію въ великомъ дѣлѣ, *положитъ печать молчанія* на тѣхъ которые желали бы высказать свое неудовольствіе или ропотъ; наконецъ, если-бы крестьяне какимъ либо способомъ и узнали, что правительство занимается дѣятельно улучшеніемъ ихъ участи, то и тогда мысль о томъ, что дворяне помогаютъ въ этомъ дѣлѣ правительству, смягчитъ, если не уничтожитъ, *подозрѣнія ихъ противъ помѣщиковъ*.»

«Но для того, чтобы эта мѣра принесла истинную пользу, я, основываясь на отзывахъ многихъ дворянъ, съ которыми по долгу званія моего говорилъ о семъ предметѣ, полагаю, что нужно *во первыхъ*, предлагаемый барономъ Корфомъ шестимѣсячный срокъ продолжить до одного года; *во вторыхъ*, дать наставленія губернаторамъ, чтобы они помогали въ этомъ порученіи предводителямъ дворянства; *въ третьихъ*, указать дворянству, какихъ главныхъ началъ должно оно придерживаться въ сужденіяхъ своихъ: безъ того выйдетъ пестрота и такое разнообразіе, изъ котораго трудно будетъ составить что̀ либо общее. Основанія, которыя я здѣсь разумѣю, не должны быть, немногочисленны, ни подробны; но необходимо предрѣшить слѣдующіе вопросы:

«a.) Останется ли вся земля по прежнему во владѣніи помѣщика?»

«b.) Если останется право владѣнія, то должно-ли быть ограничено право пользованія крестьянъ землею, имъ отведенною, то есть можетъ ли помѣщикъ безусловно удалить съ своей земли освобожденныхъ поселянъ, или долженъ подчиниться законнымъ ограниченіямъ?»

«c.) Можетъ-ли помѣщикъ ожидать отъ правительства какого либо вознагражденія за личность крестьянина и за землю, если законъ обяжетъ его надѣлять оною освобожденныхъ крестьянъ.»

«Трудно предположить, чтобы большинство дворянства рѣшило эти вопросы противъ себя; а какъ другая сторона, т.-е. крестьяне, къ обсужденію сихъ вопросовъ призваны быть не могутъ, то и слѣдуетъ прежде всего ихъ рѣшить. Все остальное выльется изъ нихъ само собою и будетъ обсуждено въ губерніяхъ лучше и основательнѣе, нежели здѣсь. Во всякомъ случаѣ за правитетьствомъ останется право пересмотра, отмѣны и новаго указанія.»

«По полученіи изъ губерній мнѣній дворянства, для разсмотрѣнія и соглашенія ихъ нужно будетъ учредить при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ особую коммиссію изъ лицъ, спеціально знакомыхъ съ симъ предметомъ, и приглашать въ оную по мѣрѣ нужды того или другаго

Библиотека "Руниверс"

изъ предводителей *). Когда же и эта предварительная работа будетъ окончена, тогда только внести дѣло въ общій комитетъ на окончательное обсужденіе.»

«Все это потребуетъ времени, а дабы оно между тѣмъ не проходило даромъ для комитета нашего, то онъ можетъ заняться разсмотрѣніемъ частныхъ мѣръ и тѣхъ измѣненій въ законахъ, которыя необходимы при всякомъ новомъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, на какихъ бы началахъ оно ни было основано. Здѣсь-то найдутъ мѣсто разныя отдѣльныя предположенія, выраженныя всѣми тремя членами».

«Личныя мои соображенія по этой части, равно какъ и отвѣты на предложенные мною въ сей запискѣ вопросы, я представлю, когда будетъ приступлено къ подробному обсужденію ихъ».

Поднявъ при семъ случаѣ главный вопросъ въ дѣлѣ,—вопросъ о землѣ,—и коснувшись его только мимоходомъ, министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ представить объ немъ свое рѣшительное мнѣніе, что̀ и исполнено представленіемъ его въ комитетъ 26-го Іюля 1857 года. Мнѣніе это заслужило одобренія многихъ лицъ безпристрастныхъ, и при томъ оно заключало въ себѣ первый ясный очеркъ системы, по которой мы съ министромъ полагали идти впередъ, а потому оно помѣщается здѣсь во всей полнотѣ.

«Сообщивъ комитету мнѣніе мое о необходимости немедленнаго разрѣшенія вопросовъ, составляющихъ главное основаніе мѣръ, которыя предлежитъ правительству принять, для необходимаго устройства участи помѣщичьихъ крестьянъ, я обязаннымъ себя нахожу высказать личные мои отвѣты на тѣ вопросы».

«*Вопросъ 1-й.* Останется ли (при новомъ порядкѣ) вся земля по прежнему во владѣніи помѣщиковъ?»

«*Вопросъ 2-й.* Если останется право владѣнія за помѣщикомъ, то должно ли быть ограждено право крестьянъ пользоваться землею, имъ отведенною, то-есть, *можетъ ли помѣщикъ безусловно удалить съ своей земли освобожденныхъ поселянъ, или долженъ подчиниться законнымъ ограниченіямъ?*»

«Вопросы эти неразрывно связаны: второй изъ нихъ составляетъ послѣдствіе перваго, а потому и должны они быть разрѣшены совокупно».

«Смотря на нихъ съ точки юридической и вмѣстѣ съ точки правды, чуждой условій политическихъ и административныхъ, нельзя не отвѣчать положительно, что право собственности на землю, прі-

*) Можно приглашать въ нее извѣстныхъ благомысліемъ своимъ помѣщиковъ, хотя бы они не имѣли никакого оффиціальнаго званія.

Библиотека "Руниверс"

обрѣтенное пожалованіемъ отъ верховной власти или покупкой на точномъ основаніи законовъ,—неотъемлемо; но, при полномъ неограниченномъ развитіи сего права, изъ него истекаетъ правомѣрная возможность для каждаго владѣльца земли удалить съ нея всѣхъ поселенныхъ на ней, но не принадлежащихъ ему крестьянъ».

«Здѣсь проявляется столкновеніе юридическихъ правъ владѣльцевъ съ политическими обязанностями правительства пещись объ общемъ спокойствіи и противиться тому, что̀ можетъ нарушить оное, обративъ милліоны людей въ безпріютныхъ бродягъ. Мнѣ скажутъ: этого не будетъ, потому что владѣльцу земли нужны руки для ея обработыванія. Я буду отвѣчать, что хотя это и можно считать общимъ правиломъ, но во многихъ обстоятельствахъ и во многихъ губерніяхъ точный хозяйственный разсчетъ показываетъ, что не только при уничтоженіи или сокращеніи крѣпостнаго права, но даже при полномъ его дѣйствіи (въ законныхъ предѣлахъ) владѣльцу земли гораздо выгоднѣе не имѣть на ней обязательныхъ работниковъ, нежели сохранять ихъ; слѣдовательно онъ при первой возможности будетъ искать средства избавиться отъ нихъ и тѣмъ развязать себѣ руки».

«Что же дѣлать при такомъ противодѣйствіи частныхъ интересовъ общему? Какъ сохранить ненарушимость права собственности, не потрясая общаго спокойствія? Поступить такъ, какъ было поступлено въ другихъ государствахъ при подобныхъ обстоятельствахъ; сдѣлать тоже, или почти тоже, что̀ сдѣлало и наше правительство въ одной части Имперіи, а именно въ Остзейскомъ краѣ, послѣ постепенныхъ испытаній,—то-есть сохранить *право собственности на землю за помѣщикомъ, а за крестьянами право пользоваться землею, подъ непремѣннымъ условіемъ платы за нее деньгами или работою.* На первый разъ установленіе такого новаго порядка будетъ достаточно; оно отвратитъ бродяжничество, оно оградитъ освобожденныхъ крестьянъ отъ произвола, а съ другой—сохранитъ помѣщику рабочія руки тамъ, гдѣ онѣ ему необходимы. Новый узелъ этотъ еще болѣе скрѣпится обоюдными выгодами, когда крестьяне сдѣлаются владѣльцами жилищъ своихъ или усадьбъ, какъ это объясняется ниже. Затѣмъ можно будетъ помышлять о томъ, чтобы доставить имъ возможность, въ послѣдствіи времени, выкупить или пріобрѣсти въ собственность ту землю, которая при освобожденіи будетъ оставлена за ними *только въ условномъ пользованіи.* Въ этомъ періодѣ, о сокращеніи котораго теперь нѣтъ еще необходимости, ни достаточной возможности правительству опредѣлительно заботиться, крестьяне будутъ по собственному усмотрѣнію выкупать поля, имъ отведенныя помѣщикомъ, частями или цѣлостію, въ собственное или общественное пользованіе.

Библиотека "Руниверс"

При мысли объ общественномъ пользованіи рождается предположеніе, что оно наиболѣе свойственно нашему крестьянину. Хотя въ экономическихъ видахъ и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ родъ пользованія землею невыгоденъ, но онъ ближе всякаго другаго къ нравамъ нашимъ и къ исторической жизни народа Русскаго; а потому на первое время должно его допустить, какъ средство удобнѣйшее къ исходу. Между тѣмъ время и опытъ рѣшатъ, въ какой степени правы публицисты новой школы, доказывающіе, что вся Европа должна подражать намъ и идти ко введенію общественнаго владѣнія землями».

«3) *Третій* изъ предложенныхъ мною основныхъ вопросовъ заключается въ томъ, *могутъ ли помѣщики надѣяться получить отъ правительства какое-либо вознагражденіе какъ за личность освобожденныхъ крестьянъ, такъ и за земли, имъ отведенныя*».

«Вопросъ этотъ подраздѣляется на двѣ части: 1-я люди и 2-я земля».

«1) Смотря съ точки юридической, нельзя опять не сознать, что право собственности помѣщика на личность крестьянъ не подлежитъ спору *); но вознагражденіе за потерю сей собственности какъ для правительства, такъ и для крестьянъ невозможно. Всѣ проекты финансовыхъ оборотовъ, которые были для сего предмета придуманы и приняты, поздно или рано лопнули-бы какъ мыльные пузыри, оставивъ за собою послѣдствія самыя губительныя для государства вообще, а для помѣщиковъ въ особенности. Гораздо удобнѣе ни той, ни другой сторонѣ не обманывать себя, и теперь же прямо и рѣшительно взглянуть на предметъ, представляющійся въ чудовищномъ образѣ, вспомнивъ, что ни въ одной странѣ рабство не было выкупаемо правительствомъ. Остзейскіе дворяне также добровольно и безвозмездно отказались отъ крѣпостнаго права на крестьянъ».

«Впрочемъ это чудовище не такъ страшно, какъ съ перваго взгляда кажется. Во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ земля имѣетъ внутреннюю цѣнность по плодородію своему, освобожденіе крестьянъ безъ земли вовсе не будетъ разорительно; а для нѣкоторыхъ владѣльцевъ тѣхъ мѣстностей оно даже принесетъ выгоду, въ весьма скоромъ времени. Не таково будетъ вліяніе новаго порядка для губерній сѣверныхъ,

---

*) Здѣсь можно было бы, для оправданія необходимости, сказать, что крѣпостное право на крестьянъ никогда не было положительно установляемо въ Россіи правительствомъ, но постепенно вкралось въ законодательство наше. Оправданіе это слабо, ибо въ теченіи XVIII столѣтія государи наши постоянно жаловали не земли, а людей, съ принадлежащими къ нимъ землями; пожалованіе это переходило въ продажу, и всѣ покупки такихъ или иныхъ имѣній совершены на основаніи новѣйшихъ законовъ. И къ чему вводить себя или другихъ въ заблужденіе софизмами, которые отнюдь не могутъ поправить дѣла?

Библиотека "Руниверс"

гдѣ весь доходъ извлекается изъ физическихъ и нравственныхъ силъ человѣка, независимо отъ земли, составляющей предметъ несравненно меньшей цѣнности. Здѣсь, при освобожденіи крестьянъ, помѣщики не найдутъ достаточнаго вознагражденія въ оставшихся у нихъ земляхъ. и потеря ихъ будетъ невозвратна, кромѣ сохраненія лѣсовъ или особыхъ угодій, не требующихъ рукъ для обработки. Какъ бы это ни было справедливо, однако нельзя правительству въ семъ жизненномъ вопросѣ для цѣлаго народа дѣйствовать по началамъ различнымъ: нельзя Ярославскаго или Вологодскаго крестьянина заставить выкупить свою свободу, если она будетъ безвозмездно дарована жителямъ Курской или Воронежской губерніи. Итакъ, слѣдуетъ искать другаго общаго для всей Имперіи способа, который, по тягучести своей, далъ бы возможность помочь этому затрудненію».

«Есть предметъ, который для поселянина важнѣе нивы, его питающей: это жилище, укрывающее его отъ непогодъ и сосредоточивающее въ себѣ всѣ домашніе его интересы. Дать ему свободу безъ нивы можно; дать ее безъ жилища, безъ гнѣзда, безъ увѣренности, что оно будетъ согрѣвать его и семью, пока они живы, и между тѣмъ оставить его привязаннымъ къ одному мѣсту, было бы не совсѣмъ человѣколюбиво. Принявъ это за истину, надо идти къ тому, чтобы съ освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ дать имъ право собственности на осѣдлость или усадьбу, то-есть на жилище съ принадлежащими къ нему строеніями, съ огородомъ и хотя небольшимъ выгономъ для мелкаго скота. Величина такого участка зависитъ отъ многихъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Эту собственность, этотъ участокъ со всѣмъ, на немъ находящимся, крестьяне должны пріобрѣсти не иначе, какъ покупкою, а образъ уплаты, сроки и другія условія могутъ быть обсуждены и указаны только по губерніямъ. Вотъ обстоятельство, при которомъ, не нарушая началъ, можно выравнивать вознагражденіе помѣщиковъ за предстоящія имъ потери. Въ губерніяхъ черноземныхъ количество усадебной земли можно уменьшить до послѣдней крайности и плату за нее, равно и за строенія, на ней находящіяся, положить въ дѣйствительной или самой умѣренной ихъ стоимости, имѣя въ виду, что въ этихъ странахъ жилища плохи, малоцѣнны, земли же дороги, а крестьяне бѣдны деньгами и не въ состояніи вынести высокихъ платежей; да и нѣтъ къ тому побудительной причины, потому что здѣсь освобожденіе ихъ не разоритъ помѣщиковъ. Напротивъ того, въ губерніяхъ сѣверныхъ усадьбы цѣнны, земли не плодородны, а доходъ помѣщиковъ состоитъ въ оброкѣ съ личныхъ силъ крестьянъ, которые большею частію зажиточны и легко добываютъ деньги; а потому здѣсь количество усадебной земли

Библиотека "Руниверс"

можно увеличивать и стоимость ея вмѣстѣ съ строеніями довести до того, чтобы помѣщикъ могъ быть достаточно вознагражденъ за потерю крестьянъ, составляющихъ главный его капиталъ».

«Всѣ сіи уплаты по справедливости должны быть правительствомъ обезпечены присоединеніемъ ихъ къ государственнымъ податямъ или инымъ способомъ, еслибы оказалась въ томъ нужда».

«Нѣтъ сомнѣнія, что уплаты такого рода должны быть раздѣлены на сроки довольно продолжительные, но и самое освобожденіе не можетъ послѣдовать вдругъ, а должно быть также производимо въ сроки; слѣдовательно одно совпадаетъ съ другимъ, а губернскіе комитеты укажутъ подробности перехода».

«Вышеобъясненное различіе экономическихъ обстоятельствъ губерній потребуетъ для этого перваго періода освобожденія установить и различные сроки; но я думаю, что предѣлы его могутъ быть опредѣлены отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ».

«Въ установленныхъ такимъ образомъ неотяготительныхъ годовыхъ взносахъ за усадьбу крестьянинъ будетъ видѣть выкупъ личной его свободы, между тѣмъ какъ она вовсе не вошла въ оцѣнку, и станетъ съ терпѣніемъ и послушаніемъ выжидать времени освобожденія, стараясь всячески быть исправнымъ въ ежегодныхъ уплатахъ долга. Между тѣмъ онъ привыкнетъ къ мысли о свободѣ прежде, нежели ее получитъ; слѣдовательно первый страшный моментъ проявленія этого ощущенія вовсе исчезнетъ, а нынѣшнее тревожное ожиданіе его превратится въ положительную надежду и дастъ ему нравственныя силы, которыхъ онъ теперь не имѣетъ. До истеченія этого перваго періода не должно и объявлять крестьянина освобожденнымъ по имени; но на самомъ дѣлѣ надо между тѣмъ перевести его мѣрами законодательными изъ раба въ человѣка, только крѣпкаго землѣ, дабы потомъ окончательно его освободить» *).

«2) Вторая часть разсматриваемаго мною третьяго вопроса, т.-е. *о вознагражденіи за землю*, послѣ всего вышесказаннаго, можетъ считаться разрѣшенною. Земли, которыми крестьяне будутъ только пользоваться, не владѣя ими вполнѣ, и за это платить помѣщику деньгами или работою, не могутъ считаться отчужденными, а потому не вызываютъ никакого и ни съ чьей стороны денежнаго вознагражденія

*) Въ этомъ первомъ или переходномъ періодѣ обязанности крестьянъ къ помѣщику останутся подъ наблюденіемъ правительства; затѣмъ освобожденный крестьянинъ будетъ вступать съ своимъ бывшимъ господиномъ въ добровольныя условія. Тогда можно разрѣшить и передвиженіе народонаселенія, въ началѣ ограниченное, а потомъ полное. Все это подробно разсмотрится въ положеніяхъ губернскихъ.

Библиотека "Руниверс"

помѣщику. За земли, уступленныя дворянствомъ съ усадьбами освобожденнымъ крестьянамъ, сіи послѣдніе выплатятъ, какъ объяснено, въ сроки, всю опредѣленную сумму».

«Слѣдовательно, ни одна часть этого переворота не требуетъ со стороны правительства прямыхъ денежныхъ расходовъ или выпуска какихъ-либо особаго рода бумагъ».

«Излишнимъ считаю входить здѣсь въ разсмотрѣніе подробныхъ правилъ для устройства будущей участи помѣщичьихъ крестьянъ: скажу только одно, что предъ нами въ этомъ отношеніи есть собственные наши опыты и факты для подражанія, или, по крайней мѣрѣ, для примѣненія; а потому мы можемъ дѣло постепенно устроивать, не прибѣгая ни къ новымъ теоріямъ, ни къ примѣрамъ чужихъ государствъ, гдѣ окончательное разрѣшеніе этого вопроса большею частію совершалось насиліемъ и непредвидѣнными политическими переворотами. У насъ, напротивъ того, въ трехъ Остзейскихъ губерніяхъ освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ исполнено тихо, послѣдовательно въ теченіи полувѣка, при содѣйствіи какъ правительства, такъ и дворянства. Въ началѣ были сдѣланы ошибки, приняты мѣры неудобныя; но онѣ исправлялись, законоположенія измѣнялись и, наконецъ, въ минувшемъ 1856 году для Эстляндской губерніи издано третье и окончательное положеніе о крестьянахъ. Такое же скоро будетъ обнародовано и для Лифляндской губерніи. Самыя эти ошибки, самая послѣдовательность исправленій и мѣры переходныя дороги и поучительны для дальнѣйшаго движенія дѣла въ Имперіи» [1].

«Вслѣдствіе сихъ сужденій, я полагалъ бы нужнымъ, передавая въ губерніи дворянству къ исполненію великую, но незнакомую ему задачу, послать всякому губернскому предводителю по одному экземпляру высочайше утвержденныхъ положеній для Остзейскихъ губерній, какъ первыхъ, то есть *переходныхъ, такъ и окончательныхъ*, въ полномъ ихъ составѣ, или еще лучше въ извлеченіяхъ главныхъ правилъ, дабы не возродить мнѣнія, что вездѣ надо дѣлать все то, что было сдѣлано въ Прибалтійскомъ краѣ. Къ этому можно еще присовокупить историческое описаніе того хода, какимъ это дѣло подвигалось впередъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ. И то, и другое послужитъ руководствомъ во многихъ отношеніяхъ. Самое указаніе предметовъ, которыми надо заняться и которые уже обсуждены въ Остзейскихъ положеніяхъ, будетъ очень полезно» [2].

---

[1] Положеніе Курляндское съ перваго раза привилось удачнѣе другихъ и, будучи постоянно совершенствуемо распоряженіями мѣстныхъ властей, не было измѣнено въ законодательномъ порядкѣ съ 1819 года.

[2] Нельзя не упомянуть здѣсь, хотя кратко, объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ кре-

Библиотека "Руниверс"

«Но въ заключеніе я долженъ высказать мнѣніе мое о томъ, что дѣло, нами начинаемое, такъ огромно, важно и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разнообразно, что нельзя двигать его одновременно во всѣхъ концахъ Россіи: не достанетъ на то ни времени, ни силъ однихъ и тѣхъ же лицъ. А потому я полагалъ бы производить *введеніе* новаго порядка постепенно по губерніямъ, или по районамъ, начавъ съ губерній западныхъ и пограничныхъ, которыя по сосѣдству съ странами, гдѣ крѣпостное состояніе уже уничтожено, болѣе подготовлены къ принятію свободы, какъ въ нравственномъ, такъ и въ экономическомъ смыслѣ. Для перваго опыта на изложенномъ мною основаніи, могутъ быть взяты губерніи: Ковенская, Гродненская и Виленская, подчиненныя одному генералъ-губернатору *), который по высочайшей волѣ уже приготовляетъ все къ необходимому измѣненію.»

«Говоря здѣсь о постепенномъ *введеніи* новаго порядка по губерніямъ, я не разумѣю однакоже, чтобы и *составленіе* мѣстныхъ *проектовъ* надобно было начать въ такой же послѣдовательности. Тутъ другая точка зрѣнія: задача должна быть одновременно задана дворянству всѣхъ губерній, дабы оно повсемѣстно знало, къ чему должно идти по указанію верховной власти. Указаніемъ этимъ не должно медлить: вездѣ распространяются слухи о намѣреніяхъ правительства, никому неизвѣстныхъ, и потому толкуемыхъ во всѣхъ возможныхъ видахъ; а разсѣваютъ тѣ слухи или недоброжелатели, или люди, руководимые личными ихъ интересами. Владѣльцы опасаются мѣръ крутыхъ и слишкомъ рѣшительныхъ; крестьяне ожидаютъ перемѣны ихъ быта; всѣ остаются въ недоумѣніи и вмѣстѣ въ тревожномъ духѣ. Одно средство успокоить: высказать откровенно (не публикѣ, а дворянству), чего правительство желаетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложить основанія, на которыхъ оно допускаетъ движеніе къ предназначенной имъ цѣли.»

Представляя читателю произнести приговоръ надъ этимъ основнымъ проектомъ освобожденія крестьянъ, я считаю нужнымъ объяснить побужденія, руководившія меня при составленіи его.

1) Будучи чистосердечнымъ и добровольнымъ поборникомъ освобожденія, я, однакоже, не считалъ ни справедливымъ, ни прилич-

---

дитнымъ учрежденіямъ. Они занимаютъ важное мѣсто въ этомъ вопросѣ; но для разрѣшенія ихъ уже собраны многія данныя въ трудахъ секретныхъ комитетовъ, предшествовавшихъ нашему. Когда будетъ нужно, я объясню подробно, почему полагаю, что займы помѣщиковъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ не помѣшаютъ достиженію цѣли.

*) Это служитъ доказательствомъ, что порученіе, данное генералу-Назимову, не было тайною для главнаго комитета, какъ думаетъ сочинитель Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія въ Россіи; см. томъ I, стр. 123.

Библиотека "Руниверс"

нымъ достоинству правительства обратить всю тягость приговора на одно дворянство, тѣмъ болѣе, что оно не можетъ быть обвиняемо въ законномъ существованiи крѣпостнаго права въ Россiи. Если въ распоряженiяхъ царя Бориса Годунова о прикрѣпленiи крестьянъ къ землѣ и было участiе или влiянiе землевладѣльцевъ, то нельзя наказывать потомковъ за дѣйствiя предковъ *). Съ другой стороны, хотя я и не нахожу возможнымъ, особенно въ нынѣшнее время, образовать изъ безчисленнаго и большею частiю неимущаго дворянства Русскаго стройное сословiе съ политическими правами, но считаю опаснымъ для правительства раздражать его: ибо, по относительному просвѣщенiю своему, оно у насъ замѣняетъ то, что во Францiи извѣстно было подъ именемъ tiers-état.

2) Зная Россiю по изученiю и жизни моей въ многоразличныхъ ея мѣстностяхъ и будучи практическимъ хозяиномъ въ разныхъ губернiяхъ, я не считалъ возможнымъ произвести въ ней освобожденiе крестьянъ однообразными способами.

3) Сочиняя мой проектъ подъ влiянiемъ общаго убѣжденiя, что неосторожныя дѣйствiя на первыхъ шагахъ могли произвести страшные взрывы, а съ другой стороны видя недостатокъ прiуготовленiя къ такому великому перевороту въ лицахъ правительственныхъ, я полагалъ должнымъ начать введенiе новаго устройства не вдругъ повсемѣстно, а частями или районами съ тою цѣлiю, чтобы въ то самое время, когда въ однѣхъ губернiяхъ вводился бы новый порядокъ, другiя сосѣднiя съ ними присматривались и приготовлялись къ нему исподволь. Я не заблуждался въ томъ, что эта постепенность могла имѣть свои невыгоды, но боязнь видѣть въ народѣ вспышки отъ поспѣшности и недоразумѣнiй болѣе всего меня страшила. Теперь (въ 1860 году) вижу, что я ошибался и не подозрѣвалъ въ народѣ Русскомъ того терпѣнiя и благоразумiя, съ которымъ онъ ожидаетъ рѣшенiя своей участи. Дай Богъ, чтобы онъ продолжалъ такъ вести себя, и въ такомъ случаѣ одновременное и повсемѣстное введенiе новаго законодательства будетъ несомнѣнно полезнѣе, нежели тотъ порядокъ, который я предполагалъ. Выигрышъ во времени, не говоря о другихъ удобствахъ, есть уже огромное благо.

4) Произвести въ Россiи освобожденiе крестьянъ безъ земли мнѣ казалось невозможнымъ; я зналъ привязанность ихъ къ осѣдлости своей, а потому ни Англiйское законодательство, ни другiя по-

---

*) А чѣмъ виноваты тѣ дворяне, которыхъ отцы и дѣды получили крестьянъ по пожалованiю отъ государей? Тутъ уже не было недоразумѣнiй: жаловались не земли а души съ принадлежащими къ нимъ землями.

Библиотека "Руниверс"

добныя, въ этомъ отношеніи, не взялъ я за образецъ. Съ другой стороны, я не видѣлъ возможности вдругъ сдѣлать освобожденныхъ крестьянъ собственниками всей земли, въ ихъ пользованіи находящейся, полагая это не только излишнимъ, но даже вреднымъ по слѣдующимъ причинамъ.

а) Во всѣхъ почти имѣніяхъ помѣщичьихъ (за исключеніемъ немногихъ промышленныхъ) находится столько земли, что изобиліе ея поощряетъ къ дурному хлѣбопашеству, то есть къ нераціональной затратѣ труда, а иногда и капитала. Изъ этого положенія мы не выйдемъ, пока нужда не заставитъ насъ пещись о качествѣ, а не о количествѣ пашни; пока мы не убѣдимся въ необходимости ограничить наше земледѣліе размѣрами, соотвѣтствующими сбыту и потребностямъ торговли; нынѣ-же мы наполняемъ наши гумна хлѣбами, которые гніютъ и уничтожаются мышами и разными насѣкомыми отъ невозможности во̀ время обдѣлать и продать ихъ. Вслѣдствіе сихъ обстоятельствъ я полагаю, что повсемѣстное удержаніе за освобождаемыми крестьянами *полнаго* ихъ нынѣшняго надѣла землею не только излишне, но даже вредно въ отношеніи къ экономіи народной.

б) Никто конечно отрицать не будетъ, что крестьяне не могутъ вдругъ выкупить всѣхъ своихъ земель, а правительство, въ нынѣшнемъ положеніи финансовъ, ничѣмъ помочь имъ не можетъ, кромѣ выпуска новыхъ бумажныхъ денегъ, или подобныхъ кредитныхъ знаковъ, которые и безъ того уже такъ сильно тяготятъ насъ.

в) При сохраненіи за крестьянами полнаго надѣла земли, они не будутъ имѣть надобности работать у помѣщиковъ, и сіи послѣдніе (по крайней мѣрѣ на первое время) останутся безъ рукъ, или руки рабочія будутъ такъ дороги, что хлѣбопашество сдѣлается убыточнымъ, что̀ было-бы вредно для государства вообще. Удержаніе же за владѣльцами земли права требовать отъ крестьянъ обязательнаго труда, хотя на нѣкоторое время и будетъ необходимо, но оно не можетъ и не должно быть продолжительно. И теорія, и практика доказали негодность этого положенія въ хозяйственномъ и въ политическомъ отношеніяхъ.

г) Замѣнъ обязательнаго труда опредѣленнымъ отъ правительства оброкомъ могъ бы на первое время быть важнымъ шагомъ впередъ, но оброкъ будетъ всегда представляться крестьянамъ только иною формою крѣпостнаго права; при томъ взысканіе оброка, а особенно при большомъ надѣлѣ земли, часто будетъ сопряжено съ большими затрудненіями и потребуетъ безпрерывнаго вмѣшательства правительства.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ эти обстоятельства побудили меня искать средней точки между безземельнымъ и полноземельнымъ состояніемъ крестьянина. Мнѣ казалось, что я ее нашелъ въ надѣленіи земледѣльца, на первый разъ, усадьбою. Это средство ограждало бы его отъ возможности быть изгнаннымъ изъ жилища и произвело бы между имъ и землевладѣльцемъ взаимную потребность другъ въ другѣ, не составляя однакоже безусловной зависимости; ибо вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовало бы установить правила пользованія отведенною крестьянамъ землею подъ хлѣбопашество на основаніяхъ подобныхъ, но не совсѣмъ такихъ, какія въ Остзейскихъ провинціяхъ приняты въ послѣднее время для крестьянскихъ участковъ, составляющихъ Bauerland. На переходное время, условія помѣщиковъ съ крестьянами полагалъ я оградить контролемъ или постановленіями правительства; по окончаніи же сего періода я не находилъ опасности въ добровольныхъ сдѣлкахъ.

Между тѣмъ были бы открыты вспомогательныя кредитныя учрежденія, для выкупа земли по добровольному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами въ количествѣ и цѣнѣ, подъ обезпеченіемъ правительства.

Словомъ, выкупъ былъ по моимъ соображеніямъ крайнею и неизбѣжною цѣлію всего дѣла; *но для* достиженія этой цѣли нужны были нѣкоторое время и *терпѣніе*. Въ послѣднемъ мы Русскіе чувствуемъ всегдашній недостатокъ; сверхъ того мы непривычны къ послѣдовательности въ нашихъ дѣйствіяхъ. Изъ обоихъ недостатковъ происходитъ то, что какъ правительство, такъ и частные люди считаютъ вообще, что если начатое ими предпріятіе, каково бы оно ни было, не исполнится скоро, то нельзя надѣяться на его окончаніе. Поспѣшность наша, прерываемая иногда совершенными застоями, производитъ неурядицу или нестройность въ цѣломъ и, возбуждая безпрерывныя перемѣны, лишаетъ Русскаго человѣка всякаго довѣрія къ прочности учрежденій государственныхъ.

Многіе, особенно изъ помѣщиковъ, упрекаютъ меня въ выдумкѣ *усадебнаго* *) положенія крестьянъ, отзываясь, что оно нигдѣ въ другихъ государствахъ не существовало и у насъ *не нужно*. Этого послѣдняго возраженія не могу я никакъ признать основательнымъ, ибо положеніе нашихъ крестьянъ и исторія ихъ совсѣмъ иныя, нежели въ

*) Генералъ Ростовцовъ въ Мартѣ 1858 года говорилъ мнѣ также, что эта мысль, внесенная въ рескрипты, послужитъ только затрудненіемъ въ новой организаціи; но въ началѣ 1860 года я узналъ, что Редакціонныя Коммиссіи вмѣстѣ съ своимъ предсѣдателемъ приняли эту мысль за опорную точку въ своихъ работахъ. Дѣятельнѣйшій сотрудникъ Ростовцова, Милютинъ, сообщилъ мнѣ о томъ.

Библиотека "Руниверс"

западной Европѣ или въ Остзейскихъ губерніяхъ. Скажу болѣе: я думаю, что наши крестьяне не приняли бы свободы безъ осѣдлости, или, лучше сказать, принявъ свободу, не уступили бы своихъ жилищъ и стали бы защищать ихъ силою; тогда поневолѣ пришлось бы помѣщикамъ отъ нихъ отказаться. Оставляю времени доказать, хороша ли моя идея или дурна, но мнѣ кажется, что она можетъ послужить твердою ступенью для перехода къ дальнѣйшей организаціи и будетъ очень пріятна крестьянамъ. Только не должно ничего давать даромъ, дабы не поддерживать лѣности [1]) и не возбуждать въ крестьянахъ новыхъ требованій.

Въ томъ же Іюлѣ мѣсяцѣ 1858 года, въ одномъ изъ засѣданій главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, была высказана мысль, что для достиженія цѣли освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ слѣдовало бы обратиться къ пересмотру и пополненію существующихъ двухъ законовъ: 1) о свободныхъ хлѣбопашцахъ 20-го Февраля 1803 года и 2) объ обязанныхъ крестьянахъ 2-го Апрѣля 1842 года. Предложеніе это указало мнѣ необходимость представить комитету результатъ прежде произведеннаго мною изученія обоихъ узаконеній; вслѣдствіе чего министръ внутреннихъ дѣлъ послалъ 29-го Іюля 1858 года въ комитетъ записку слѣдующаго содержанія.

«Въ одномъ изъ засѣданій нашего комитета высказана была мысль, что для достиженія цѣли освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ слѣдовало бы обратиться къ пересмотру и пополненію существующихъ двухъ законовъ: 1) *о свободныхъ хлѣбопашцахъ* 20-го Февраля 1803 года и 2) *объ обязанныхъ крестьянахъ* 2-го Апрѣля 1842 года.»

«Мысль эта побудила меня заняться особымъ тщательнымъ изученіемъ обоихъ узаконеній, вслѣдствіе чего я долгомъ считаю представить комитету слѣдующія мои соображенія и замѣчанія.»

I. «Законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ» [2]).

«Въ первые годы текущаго столѣтія, то-есть болѣе 50-ти лѣтъ назадъ, частный человѣкъ, графъ Румянцовъ, первый подалъ государю

---

[1]) На этотъ предметъ слѣдовало, какъ мнѣ кажется, обратить особенное вниманіе; ибо крѣпостное состояніе такъ пріучило сельское сословіе наше къ безпечности, что необходимо пробудить въ немъ заботливость, и лучшій для того моментъ именно теперь: возвращая ему свободу, можно возложить на него и обязанность болѣе пещись о себѣ и о своей будущности.

[2]) Я сохраняю здѣсь историческое названіе закона, которое недавно замѣнено другимъ, не совсѣмъ точнымъ: *свободные хлѣбопашцы* названы государственными крестьянами, *на собственныхъ земляхъ поселенными*; но подъ это названіе подходятъ нѣкоторые однодворцы и другіе земледѣльцы, всегда бывшіе вольными, тогда какъ прежнее названіе означало исключительно крестьянъ, освобожденныхъ помѣщиками.

Библиотека "Руниверс"

просьбу, въ которой, изъяснивъ, что пришло время помышлять объ уничтоженіи рабства, просилъ дозволенія дать свободу небольшой части своихъ крестьянъ. Государственный Совѣтъ одобрилъ эту мысль, но не нашелъ возможнымъ обнародовать ее въ видѣ закона, а положилъ полезнымъ издать ее въ видѣ рескрипта на имя графа Румянцова, съ распространеніемъ даруемаго ему дозволенія на другихъ, что и исполнено 20-го Февраля 1803 г.».

«Для частнаго человѣка и для того времени фактъ этотъ былъ блистательный и обѣщалъ быть особенно полезнымъ какъ примѣръ; но ожиданія не оправдались, примѣръ оказался недостаточно убѣдительнымъ, послѣдователей было мало, и самъ графъ Румянцовъ сохранилъ до конца дней большую часть своихъ крестьянъ въ прежнемъ крѣпостномъ состояніи, въ которомъ перешли они потомъ къ его наслѣдникамъ, а отъ нихъ къ разнымъ стороннимъ лицамъ.»

«Съ 1803 до 1857 года, то-есть болѣе нежели въ полвѣка, поступило въ «свободные хлѣбопашцы во всей Имперіи только 145 тыс. ревизскихъ душъ.»

«Причины такого неуспѣшнаго хода дѣла понять не мудрено.»

«1) Помѣщикъ, отпускающій своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, долженъ лишиться и земли, и людей. Такого рода пожертвованіе возможно въ двухъ главныхъ случаяхъ: или когда крестьяне такъ богаты, что могутъ деньгами все вознаградить помѣщику, или когда самъ владѣлецъ ихъ находится въ исключительныхъ обстоятельствахъ въ отношеніи къ обществу и семейству, то-есть когда онъ старъ, бездѣтенъ, равнодушенъ ко всѣмъ своимъ родственникамъ и сверхъ того имѣетъ свободные капиталы для существованія; ибо надежда на условленные платежи отъ уволенныхъ хлѣбопашцевъ слишкомъ не прочна: это доказано опытами. Увольненіе же ихъ по смерти владѣльца воспрещается. Словомъ, чтобы приступить къ такому подвигу, надо не только отложить всѣ матеріальные разсчеты, но побуждаться сильнымъ чувствомъ христіанскаго человѣколюбія и самоотверженія. Такія побужденія составляютъ исключеніе изъ общихъ правилъ и, слѣдовательно, не могутъ служить основою законодательства».

«2) Въ постановленіи 20-го Февраля 1803 года вмѣняется въ обязанность помѣщику «всю уступленную крестьянамъ дачу раздѣ-«лить такъ, чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ въ виду свой опредѣ-«ленный участокъ, на который и планъ долженъ быть ему выданъ «за подписаніемъ уѣзднаго землемѣра и помѣщика; если же помѣ-«щикъ предоставляетъ самимъ крестьянамъ произвести раздѣлъ усту-«пленной имъ въ собственность земли на участки, то обязанъ, при «заключеніи условія, объяснить, въ какой именно срокъ и на какомъ

Библиотека "Руниверс"

«основанiи должны они сей раздѣлъ сдѣлать». Правило это, вовсе неудобоисполнимое, составлено съ видимымъ намѣренiемъ ввести фермерское хозяйство, которое въ нѣкоторыхъ деревняхъ невозможно и нашимъ поселянамъ вовсе непонятно. Министерство Государственныхъ Имуществъ дѣлало опыты сего раздѣленiя земель въ Самарской губернiи, причемъ встрѣтило огромныя затрудненiя, и если въ нѣкоторыхъ деревняхъ достигло цѣли, то это потому, что заводило тѣ поселенiя на степяхъ вовсе пустыхъ, гдѣ не было старожиловъ и гдѣ селились только охотники-пришлецы изъ другихъ губернiй; но и тутъ нѣкоторыя мѣстности, по топографическому положенiю своему, не дали возможности нарѣзать всѣмъ хозяевамъ отдѣльные участки земли».

«И какихъ издержекъ стоитъ такая разверстка земли для помѣщика? Сколько на это нужно времени и прiуготовительныхъ свѣдѣнiй, чтобы не обидѣть одного хозяина предъ другимъ, или всѣхъ вмѣстѣ! Что касается до крестьянъ, то положительно можно сказать, что они этого порядка не понимаютъ, справедливо боятся, и слѣдовательно противятся ему. Если же они когда либо берутся его вводить безъ помѣщика, то никогда его не исполняютъ, и онъ остается только на бумагѣ. Въ этомъ надѣлѣ земли соединено столько сельскохозяйственныхъ вопросовъ, что разрѣшенiе ихъ доступно лишь тѣмъ хозяевамъ, которые въ высокой степени соединяютъ свѣдѣнiя теоретическiя съ практическими».

«3) Формальности, соединенныя съ отпускомъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы, такъ многосложны и продолжительны, что одна боязнь ихъ встрѣтить побуждаетъ часто помѣщиковъ отказываться отъ благой цѣли увольненiя. Формальностей было довольно при первомъ изданiи закона, но въ послѣдствiи времени число ихъ постепенно было умножаемо. Въ архивахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ хранятся сотни дѣлъ объ отпускѣ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы, и большая ихъ часть остались неоконченными за смертiю помѣщиковъ послѣ двухъ, трехъ, пятилѣтней переписки и безпрерывныхъ требованiй объ исправленiи такой или другой формальности».

«4) Странно видѣть, что законоположенiе это, вылившееся изъ идеи чисто-человѣколюбивой, налагаетъ на помѣщиковъ запрещенiе увольнять крестьянъ *всякимъ инымъ способомъ* *). Въ немъ сказано: «всякiе другiе акты на увольненiе крѣпостныхъ людей съ землею, «составленные не по правиламъ, въ предшедшихъ статьяхъ изложен-

---

*) Предмета этого мы коснулись съ одной стороны; здѣсь обсуждается законъ со всѣхъ сторонъ.

Библиотека "Руниверс"

«нымъ, совершать запрещается». Трудно понять такое существенное противорѣчіе въ направленіи закона».

«5) Въ подкрѣпленіе ограниченія, далѣе постановлено: «запре-«щается увольнять крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы по духов-«нымъ завѣщаніямъ помѣщиковъ, хотя бы сіи крестьяне принадлежали «къ благопріобрѣтенному ихъ имѣнію». Здѣсь очевидно не только ограниченіе, но и уничтоженіе права, общими законами даруемаго. Всякое благопріобрѣтенное имѣніе можетъ быть духовнымъ завѣщаніемъ отказано, уступлено, подарено по произволу завѣщателя, но принадлежащіе къ нему люди не могутъ получить свободы. Эта статья конечно не только не подвинула законодательства по этому предмету впередъ, но отодвинула его рѣшительно назадъ».

«6) Послѣдній параграфъ закона говоритъ, что «уволенные крестьяне, въ случаѣ неустойки, возвращаются въ крѣпостное состояніе». Нетрудно понять, что на самомъ дѣлѣ такое возвращеніе невозможно, и при томъ оно противно общему закону, по которому человѣкъ, сдѣлавшійся правильно или неправильно свободнымъ, въ крѣпостное состояніе возвращенъ быть не можетъ; а потому въ послѣдующемъ постановленіи 1840 года Мая 29, вошедшемъ въ Сводъ Законовъ въ т. IX, въ разрядъ III-й, въ ст. 1080, сказано: «Если «подлежащими къ возврату помѣщику при пересмотрѣ дѣла признаны «будутъ не лица безъ земли, а населенныя недвижимыя имѣнія, то «вознагражденіе владѣльца опредѣляется на основаніи правилъ, по-«становленныхъ въ законахъ гражданскихъ»».

«Такое исправленіе, по неясности своей, служитъ только къ большей запутанности».

«Если законъ основанъ на началахъ, несогласныхъ съ бытомъ помѣщиковъ и крестьянъ, если въ немъ столько противорѣчій съ самимъ собою и съ другими законами, если онъ сопряженъ съ столькими формальностями, къ чему исправлять его? И что̀ въ немъ останется послѣ исправленій? Онъ отжилъ свой вѣкъ и принадлежитъ только исторіи законодательства. Всякій трудъ надъ нимъ будетъ трудомъ потеряннымъ и даже вреднымъ, потому что отклонитъ отъ разсмотрѣнія предмета съ истинной точки зрѣнія».

«II. *Постановленіе объ обязанныхъ крестьянахъ*».

«Недостаточность закона 1803 года о вольныхъ хлѣбопашцахъ признана правительствомъ еще въ 1826 году, а потому были послѣдовательно учреждаемы комитеты для замѣны этого постановленія другимъ полнѣйшимъ и удовлетворительнѣйшимъ. Первый изъ сихъ комитетовъ, учрежденный 6-го Декабря 1826 года, пріуготовилъ трудъ замѣчательный, который, еслибы былъ исполненъ, уже оказалъ бы

Библиотека "Руниверс"

теперь послѣдствія очень видимыя и полезныя; но онъ былъ обреченъ на бездѣйствіе по случаю временныхъ обстоятельствъ».

«Комитетъ 1835 года не оставилъ по себѣ никакихъ слѣдовъ. Комитетъ 1839 года составилъ положеніе объ обязанныхъ крестьянахъ, изданное 2-го Апрѣля 1842 года, которое и слѣдуетъ разсмотрѣть здѣсь подробно».

«Нѣтъ сомнѣнія, что въ немъ устранены нѣкоторыя неудобства правилъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, что положеніе это менѣе требуетъ пожертвованій отъ помѣщиковъ, давая имъ право сохранять за собою владѣніе землею, и потому оно доступнѣе для владѣльцевъ населенныхъ имѣній; но оно представляетъ другія неудобства и затрудненія, а именно»:

«1) Въ немъ сказано, «что помѣщики и обязанные крестьяне сохраняютъ заключенные ими между собою договоры «*на всегда ненарушимо*». Послѣднія два слова разрушаютъ все остальное; ничего вѣчнаго въ мірѣ нѣтъ, а тѣмъ менѣе позволительно считать вѣчными экономическія отношенія двухъ сословій, которыя ни тому, ни другому неизвѣстны. Какъ же можно помѣщику добровольно, безъ крайней нужды, давать на себя и на потомство обязательство, котораго ни настоящее достоинство, ни послѣдствія не испытаны, и которое во всякомъ случаѣ по отношенію къ денежнымъ выгодамъ обѣщаетъ скорѣе потерю, нежели выигрышъ,—по крайней мѣрѣ, на первое, можетъ быть продолжительное, время? Этого одного условія достаточно для того, чтобы уничтожить дѣйствіе закона, или обратить его въ мертвую букву».

«2) Правда, что таже статья закона заключаетъ въ себѣ, далѣе, противорѣчіе такое, которое отчасти потрясаетъ предыдущее правило *ненарушимости всегдашняго обязательства* и предоставляетъ «право «особыми частными условіями дѣлать измѣненія въ надѣлѣ землею и «повинностяхъ на опредѣленные сроки, съ обоюднаго согласія.... но «не иначе, какъ съ предварительнаго утвержденія правительства». Это противорѣчіе болѣе связываетъ и пугаетъ, нежели даетъ свободы новымъ условіяхъ, не разрѣшая нисколько вопроса о томъ, въ чемъ же заключается ненарушимость *всегдашнихъ договоровъ*».

«3) Законъ этотъ не установляетъ никакой послѣдовательности въ переходѣ отъ полнаго рабства къ полной личной свободѣ; для всякаго владѣльца земли такой быстрый переходъ страшенъ не столько по боязни его за жизнь и спокойствіе, сколько потому, что онъ вдругъ лишается всякой возможности побуждать бывшихъ своихъ крестьянъ къ исполненію обязанностей, ими на себя принятыхъ. Всякій знаетъ,

Библиотека "Руниверс"

что наша нынѣшняя земская полиція въ этомъ отношеніи не можетъ представить никакого обезпеченія».

«4) Между тѣмъ и для крестьянъ законъ этотъ не менѣе страшенъ тѣмъ, что, указывая на всегдашнія ненарушимыя условія съ помѣщикомъ, не даетъ имъ надежды имѣть когда-либо право перейти въ другое мѣсто, къ другому владѣльцу или въ иное сословіе. Какая же это свобода? При крѣпостномъ правѣ онъ могъ, по крайней мѣрѣ, деньгами откупиться отъ помѣщика на полную волю; при новомъ порядкѣ онъ не видитъ къ тому никакой возможности».

«5) Мы знаемъ изъ архивныхъ справокъ, что законъ этотъ во многихъ отношеніяхъ не полонъ, потому что для разъясненія и пополненія его выжидали отзывовъ владѣльцевъ населенныхъ имѣній; а они ни къ чему не приступали, потому что боялись сдѣлать первый шагъ въ сферу вовсе неясную, неопредѣленную и для нихъ стѣснительную».

«Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что законъ этотъ, равно какъ и предшествовавшее ему постановленіе о вольныхъ хлѣбопашцахъ, имѣютъ два недостатка, обоимъ имъ равно принадлежащіе, а именно:

«Во 1-хъ, и тотъ, и другой, ограничивая одною только формою освобожденіе крестьянъ, лишаетъ владѣльца населеннаго имѣнія права прибѣгнуть къ какому-либо иному способу, для него и для крестьянъ, можетъ быть, выгоднѣйшему. Способы эти, при многоразличности мѣстныхъ условій, неизчислимы. Ограничивать ихъ можно только однимъ отрицательнымъ условіемъ, чтобы они были не противны общимъ законамъ и чтобы не исполнялись безъ утвержденія правительства».

«2) И тотъ, и другой законы даютъ право, но не обязываютъ никого изъ владѣльцевъ населенныхъ имѣній, отпускать своихъ крестьянъ. Правило это, какъ выраженіе благоразумной осторожности со стороны правительства, могло быть достаточнымъ и похвальнымъ въ свое время. Смѣю думать, что теперь на немъ нельзя останавливаться: вопервыхъ, потому, что вѣкъ идетъ впередъ, и съ нимъ понятія народа постепенно измѣняются, особенно въ такомъ чувствительномъ вопросѣ; вовторыхъ, ожиданія правительства на вызовы со стороны дворянства не оправдались, и съ 1803 года дѣло почти не подвигалось. Впрочемъ, смотря на него съ этой точки зрѣнія, можно даже спросить: есть-ли основаніе правительству предполагать, чтобы большинство дворянства (не говоря уже объ общей его массѣ) захотѣло добровольно отказаться отъ выгодъ, ему доставляемыхъ крѣпостнымъ состояніемъ, и промѣнять вѣрную дѣйствительность на гадательную будущность? Частныя исключенія не составляютъ общаго правила; а при томъ я долженъ заявить комитету, или, лучше ска-

Библиотека "Руниверс"

зать, повторить здѣсь однажды уже сказанное, что весьма многіе благомыслящіе помѣщики, готовые приступить къ освобожденію своихъ крестьянъ, объявляли мнѣ, что они не желаютъ и не считаютъ себя въ правѣ давать примѣры своимъ собратамъ, тѣмъ болѣе, что примѣры сего рода могутъ быть очень гибельны для ихъ сосѣдей».

«Между тѣмъ время течетъ, прежнія понятія замѣняются новыми, нетерпѣніе крѣпостныхъ крестьянъ возрастаетъ, дворянство остается въ тревожномъ ожиданіи чего-то новаго, и потому многія хозяйственныя предпріятія останавливаются. Эта нерѣшительность должна неминуемо отразиться на многихъ отрасляхъ народной промышленности».

«Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что намъ нельзя останавливаться на старыхъ законахъ, нельзя быть равнодушными зрителями общаго, неизбѣжнаго движенія, и что слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, приступить къ немедленному обсужденію началъ, на которыхъ это великое дѣло должно быть основано и двинуто впередъ» *).

Прежде составленія какого-либо плана дѣйствій комитетъ нашелъ нужнымъ предложить своимъ членамъ къ разсмотрѣнію и разрѣшенію слѣдующій рядъ вопросовъ:

1) Можно-ли дозволить крѣпостнымъ людямъ вступать въ браки безъ согласія помѣщика?

2) Можно-ли дать помѣщичьимъ крестьянамъ право пріобрѣтать собственность безъ согласія помѣщика?

3) Можно-ли ограничить права помѣщиковъ относительно разбора споровъ и жалобъ между ихъ крестьянами?

4) Въ какой мѣрѣ можно ограничить права помѣщиковъ относительно наказанія крестьянъ?

5) Должно-ли лишить помѣщиковъ права переселять крестьянъ въ Сибирь?

6) Слѣдуетъ-ли ограничить право помѣщиковъ относительно отдачи крестьянъ въ рекруты?

7) Должно-ли лишить помѣщиковъ права вмѣшательства въ отправленіи крестьянами повинностей и податей?

8) Какія принять мѣры для болѣе точнаго опредѣленія повинностей крѣпостныхъ крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ?

9) Можно ли допустить жалобы крѣпостныхъ крестьянъ на ихъ помѣщиковъ?

10) Можно ли дать помѣщичьимъ крестьянамъ право выкупаться на волю за особо опредѣленную цѣну?

---

*) Около этого же времени Великій Князь Константинъ Николаевичъ назначенъ членомъ Главнаго Комитета.

Библиотека "Руниверс"

11) Какія мѣры должно принять нынѣ же для уменьшенія числа дворовыхъ людей?

12) Какія принять мѣры для большаго успѣха въ заключеніи взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами?

13) Не слѣдуетъ-ли принять нынѣ-же нѣкоторыя мѣры для облегченія крѣпостнаго состоянія и взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами?

14) Какимъ порядкомъ приступить къ исполненію тѣхъ облегчительныхъ мѣръ, кои комитетомъ будутъ окончательно избраны и Государемъ утверждены.

Вслѣдъ за сими 14-ю вопросами, въ которыхъ до поземельныхъ или главныхъ основаній дѣла комитетъ вовсе не коснулся, послѣдовалъ другой рядъ вопросовъ *), болѣе существенныхъ, а именно:

1) Должно-ли приступить теперь къ общимъ мѣрамъ для освобожденія крѣпостнаго сословія, или слѣдуетъ ограничиться однѣми частными и переходными мѣрами?

2) Если будетъ разрѣшено приступить къ общимъ мѣрамъ, то слѣдуетъ-ли при этомъ сохранить помѣщикамъ право полной собственности на земли, или же отдать крестьянамъ земли, коими они пользуются, или только земли усадебныя и огородныя, съ вознагражденіемъ или безъ вознагражденія помѣщиковъ?

3) Слѣдуетъ-ли допустить общинное начало въ распоряженіи и пользованіи крестьянами землей, или же оно должно быть уничтожено и замѣнено личнымъ и отдѣльнымъ пользованіемъ каждаго крестьянина?

4) Если будетъ рѣшено приступить къ мѣрамъ переходнымъ, то слѣдуетъ-ли сверхъ нынѣшнихъ способовъ освобожденія крестьянъ цѣлыми селеніями (въ свободные хлѣбопашцы и обязанные поселяне) по условіямъ и съ землею, даровать помѣщикамъ право освобождать ихъ цѣлыми селеніями безъ условій и безъ земли?

---

*) Вопросы эти были посланы ко всѣмъ членамъ комитета, въ томъ числѣ и къ Великому Князю Константину, который, написавъ отвѣты, прислалъ ихъ ко мнѣ съ запискою слѣдующаго содержанія: „Я весьма-бы желалъ посовѣтоваться съ вами по этому важному дѣлу, которое вамъ ближе чѣмъ кому-либо извѣстно, и потому прошу васъ потрудиться съ возвращеніемъ моихъ отвѣтовъ доставить ваши соображенія, или, что̀ еще лучше, пріѣхать ко мнѣ въ Стрѣльну для изустнаго обсужденія“. Исполнить этого я не могъ, потому что былъ тогда въ отпуску; по возвращеніи я тотчасъ поѣхалъ къ Великому Князю, но нужда во мнѣ миновалась, а между тѣмъ какими-то интригами, которыхъ я проникать не старался, его поставили противъ меня, и онъ болѣе не призывалъ меня. Отвѣты его я сохранилъ и прилагаю къ моимъ запискамъ для того, чтобы сравнить ихъ съ новымъ положеніемъ объ освобожденныхъ крестьянахъ, когда оно будетъ издано въ видѣ закона. Вліяніе его въ комитетѣ велико, но будетъ ли въ дѣйствіяхъ его послѣдовательность? (Іюль 1860 г.).

Библиотека "Руниверс"

5) Должно-ли ограничиться пересмотромъ и улучшеніемъ законовъ объ обязанныхъ хлѣбопашцахъ, или можно допустить совершеніе условій между помѣщиками и крестьянами по обоюдному ихъ соглашенію, безъ постановленія особыхъ для этого подробностей, съ утвержденія, или безъ утвержденія высшаго правительства?

6) Какимъ порядкомъ приступить къ обработкѣ тѣхъ законоположеній, которыя должны быть составлены объ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ: предоставить-ли это дворянству каждой губерніи, или же остáвить на обязанности правительства?

7) Слѣдуетъ-ли принять теперь же, до освобожденія крѣпостнаго состоянія, нѣкоторыя мѣры для облегченія или умягченія онаго?

8) Во всѣхъ сихъ случаяхъ нужно-ли предварительно: а) учредить особое отдѣленіе въ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи? б) ожидать усиленія значенія мѣстной власти и в) издать особый указъ для успокоенія помѣщиковъ и крестьянъ.

Изъ вышеприведенныхъ свѣдѣній читателю уже извѣстны мнѣнія министра внутреннихъ дѣлъ по главнѣйшимъ изъ сихъ вопросовъ, которые были имъ большею частію предрѣшены; о предметахъ меньшей важности излишнимъ считаю помѣщать здѣсь то, что̀ было мною написано. Всякій видитъ, что, не опредѣливъ главныхъ основаній дѣла, излишне было заниматься такими мелочами, какъ дозволеніе крестьянину жениться безъ согласія помѣщика и тому подобными.

Но нельзя умолчать здѣсь объ одномъ обстоятельствѣ, имѣющемъ значеніе въ томъ смыслѣ, что оно характеризуетъ лицо, игравшее въ это время и на этомъ поприщѣ почти главную роль, а именно министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго.

Получивъ помянутые вопросы, онъ передалъ ихъ мнѣ съ однимъ только порученіемъ отстаивать права дворянства на исключительное владѣніе населенными имѣніями.

Полагая возможнымъ отнести такое правило къ землямъ, не выкупленнымъ крестьянами, и не находя въ немъ препятствія къ выкупу, я безпрекословно исполнилъ требованіе. Пока я дѣйствовалъ на поприщѣ освобожденія, мы послѣдовательно держались этой мысли, тѣмъ болѣе, что она гармонировала съ мнѣніями и первыми циркулярами Ланскаго; когда же я вышелъ изъ министерства, онъ сдѣлался гонителемъ дворянства и преслѣдовалъ всѣхъ возражавшихъ и дѣйствовавшихъ безъ раболѣпства въ смыслѣ противномъ.

Собравъ отвѣты на вышеизложенные вопросы, комитетъ составилъ, наконецъ, планъ для дѣйствій своихъ, исполненіе котораго, смотря по расположенію къ дѣлу членовъ комитета и министровъ, могло продолжиться на нѣсколько десятковъ лѣтъ и дойти до той эпохи

Библиотека "Руниверс"

когда волканъ вспыхнулъ бы неожиданно, и узелъ не развязался бы *сверху*, а лопнулъ *снизу*.

Планъ этотъ, не смотря на неудовлетворительность, былъ принятъ Государемъ съ благодарностію и утвержденъ *) имъ 18-го Августа 1857 года, въ надеждѣ чего-либо лучшаго и болѣе положительнаго въ будущемъ. Изложеніе этого замѣчательнаго акта темно, растянуто, наполнено повтореніями и указываетъ намѣреніе, затянувъ дѣло, усыпить Государя, при невозможности отвратить его отъ непреклонной рѣшимости идти къ цѣли.

Вотъ главнѣйшія мысли и положенія, извлеченныя изъ журнала 18-го Августа 1857 года.

Послѣ тщательнаго и подробнаго обсужденія всѣхъ вообще обстоятельствъ, до настоящаго дѣла относящихся, комитетъ пришелъ къ положительному убѣжденію, что нынѣ невозможно приступить къ общему освобожденію въ Россіи крѣпостныхъ крестьянъ; что они вовсе не приготовлены къ полученію внезапно и вдругъ свободы; что общее объявленіе ихъ свободными разстроитъ вѣковыя отношенія ихъ къ помѣщикамъ и можетъ поколебать спокойствіе и порядокъ въ государствѣ и проч.

Руководствуясь сими убѣжденіями, комитетъ полагалъ весь порядокъ дѣйствій, для освобожденія крѣпостнаго сословія въ Россіи, раздѣлить на три періода.

Первый періодъ долженъ быть *пріуготовительный*. Въ продолженіе онаго правительство должно всячески смягчить и облегчить крѣпостное состояніе, открыть помѣщикамъ всѣ способы и возможность увольнять крестьянъ по взаимнымъ съ ними соглашеніямъ и собрать всѣ вообще матеріалы, свѣдѣнія и данныя, необходимые для постановленія тѣхъ мѣръ, кои должны быть въ послѣдствіи приняты къ освобожденію крѣпостнаго сословія.

Второй періодъ долженъ быть *переходный*. Въ это время правительство должно принять мѣры къ освобожденію крѣпостнаго сословія, но не по взаимному уже соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ, а обязательному, только не вдругъ, а постепенно, шагъ за шагомъ. Въ этомъ періодѣ крестьяне должны постоянно пріобрѣтать личныя права людей свободнаго состоянія, оставаясь болѣе или менѣе крѣпкими землѣ.

---

*) Государь надписалъ на немъ: „Исполнить, относительно же разногласія раздѣляю мнѣніе большинства. Да поможетъ намъ Богъ вести это важное дѣло съ должною осторожностію къ желаемому результату. Искренно благодарю гг. членовъ за первый ихъ трудъ и надѣюсь и впередъ на ихъ помощь и дѣятельное участіе во всемъ, что касается до сего жизненнаго вопроса. 18-го Августа 1857 года".

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ, *третій* или послѣдній періодъ долженъ быть *окончательный*, когда крестьяне, получивъ права личныя, будутъ поставлены въ отношеніяхъ своихъ къ помѣщикамъ, какъ люди совершенно свободные.

Съ перваго взгляда на этотъ планъ дѣйствій, нельзя не сказать, что онъ основателенъ и изложенъ по правиламъ здравой логики; но, вникая въ подробности, мы видимъ, что для исполненія его предназначалось, по крайней мѣрѣ, полстолѣтія, и что изъ членовъ комитета никто не пережилъ бы перваго періода, а слѣдовательно о второмъ и третьемъ не было и надобности много толковать; достаточно было указать на нихъ въ туманной дали, дабы очертить раму картины, что̀ и сдѣлано въ журналѣ 18-го Августа.

Но первый періодъ представлялъ много занятій Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, а потому въ комитетѣ возбуждена была мысль: не опредѣлить-ли сему министерству какой-либо срокъ для собранія всѣхъ требуемыхъ отъ него свѣдѣній и матеріаловъ. Комитетъ, по тщательномъ обсужденіи сего предположенія, нашелъ, что важнѣйшія и даже можетъ быть самыя практическія данныя должны быть извлечены министерствомъ изъ взаимныхъ условій, кои могутъ быть заключаемы между помѣщиками и крестьянами, и что назначеніе какого-либо срока можетъ воспрепятствовать успѣху сихъ условій.

Дѣйствительно, назначеніе срока въ такомъ дѣлѣ было невозможно; но съ другой стороны обязанность министерства извлекать свѣдѣнія и данныя для установленія будущаго общаго устройства изъ частныхъ взаимныхъ условій помѣщиковъ съ крестьянами (каковыхъ условій могло быть и вѣроятно было бы очень мало, ибо никто не былъ къ нимъ обязанъ) растягивало первый періодъ до весьма отдаленной будущности. Это было бы только повтореніе и столь же безуспѣшное двухъ вышесказанныхъ законовъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ, въ которыхъ правительство также искало данныхъ для общаго устройства съ 1803 года и донынѣ не нашло искомаго.

Кромѣ того, на министра внутреннихъ дѣлъ возлагалось тѣмъ же журналомъ принятіе разныхъ мѣръ по смягченію или облегченію крѣпостнаго сословія и собраніе разныхъ другихъ свѣдѣній, мнѣній и предположеній изъ всѣхъ концевъ Россіи; вслѣдствіе чего комитетъ опредѣлилъ:

«Когда означенные выше свѣдѣнія и факты будутъ собраны, тогда, *и только тогда*, правительство можетъ приступить къ опредѣленію и указанію всѣхъ мѣръ *переходныхъ*».

Библиотека "Руниверс"

Нить длинная, особенно для того, кто знаетъ, съ какою цѣлію полагали ее тянуть. Тутъ не доставало только одной Французской пословицы, которую вѣроятно про себя повторяли при подписаніи журнала нѣкоторые члены комитета: «après moi le déluge» [1]).

Въ заключеніи комитетъ торжественно говоритъ, обращаясь къ Государю:

«Такимъ образомъ дѣло общаго освобожденія крѣпостнаго сословія не будетъ упущено изъ вида правительствомъ; оно будетъ готовиться къ этому дѣлу, будетъ собирать свѣдѣнія, будетъ обработывать матеріалы; однимъ словомъ, будетъ идти постепенно и осторожно, какъ указано Вашимъ Императорскимъ Величествомъ».

Замѣтимъ здѣсь, что хотя основанія, предложенныя министромъ внутреннихъ дѣлъ 26-го Іюля, и не были разсмотрѣны подробно въ этомъ планѣ, но идея объ осѣдлости, нигдѣ до того не проявлявшаяся, принята въ немъ всѣми членами безспорно первымъ правиломъ; разсуждали только о томъ, дать ли осѣдлость безусловно, или на добровольныхъ условіяхъ помѣщика съ крестьянами, и въ этомъ отношеніи принято мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ [2]), то-есть мое.

Послѣ утвержденія журнала 18-го Августа многіе изъ участниковъ въ составленіи его ласкали себя надеждою, что дѣло уснетъ; но послѣдствія показали, что Государь вовсе неодинаково съ ними думалъ, и что дѣлу предстоялъ такой скачекъ, такое salto mortale, отъ котораго все государственное управленіе могло пойти вверхъ дномъ.

Выше сказано, что, по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ генералъ-губернаторомъ Виленской, Ковенской и Гродненской губерній, съ Высочайшаго соизволенія, поручено было, въ Ноябрѣ 1856 года, чрезъ посредство инвентарныхъ комитетовъ тѣхъ губерній, заняться пересмотромъ инвентарныхъ правилъ для управленія помѣщичьими имѣніями, не стѣсняясь прежними инструкціями. Вслѣдствіе этого генералъ-адъютантъ Назимовъ въ Октябрѣ 1857 года представилъ какъ отзывы тѣхъ комитетовъ, такъ и собственное свое по нимъ мнѣніе. И то, и другое было выражено мною въ докладѣ Государю слѣдующимъ образомъ.

«Съ соизволенія Вашего Императорскаго Величества, по сношенію съ генералъ-адъютантомъ Назимовымъ и чрезъ его посредство, поручено было въ Ноябрѣ 1856 года инвентарнымъ комитетамъ трехъ губерній, Виленской, Ковенской и Гродненской, заняться пересмотромъ

---

[1]) Послѣ меня хоть все погибай.

[2]) См. мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ 26 Іюня 1857 г., листъ 48.

Библиотека "Руниверс"

инвентарныхъ правилъ для управленія помѣщичьими имѣніями, не стѣсняясь при семъ прежними инструкціями. Вслѣдствіе сего распоряженія генералъ-адъютантъ Назимовъ представляетъ нынѣ какъ отзывы тѣхъ комитетовъ, такъ и собственное свое по нимъ мнѣніе».

«Отзывы комитетовъ не опредѣлительны, но они выражаютъ большинствомъ своимъ одинъ весьма важный фактъ, а именно: сознаніе дворянствомъ тѣхъ губерній, что пришло время положить конецъ крѣпостному состоянію, что надо замѣнить его добровольными соглашеніями помѣщиковъ съ крестьянами и что до сей радикальной перемѣны лучше не трогать существующихъ инвентарей. Средствъ къ достиженію такой важной цѣли комитеты не излагаютъ, да и не могли этого сдѣлать, не зная, до какой степени позволитъ имъ правительство идти новымъ путемъ; они только указываютъ на сосѣдственныя съ ними Прибалтійскія губерніи и особенно на Курляндскую».

«Генералъ-губернаторъ находилъ нужнымъ, для подробнѣйшаго обсужденія предположеній дворянства, прежде всего учредить одну общую для трехъ губерній коммиссію, частію изъ дворянъ и частію изъ чиновъ отъ правительства, которой поручить: подвергнуть тщательному разбору всѣ испытанные на дѣлѣ способы устройства крестьянъ въ чужихъ земляхъ, равно какъ въ Царствѣ Польскомъ и Остзейскихъ губерніяхъ, разсмотрѣть всѣ выгоды и невыгоды каждаго способа, взвѣсить и подробно разсмотрѣть всѣ мѣстныя обстоятельства трехъ губерній и, наконецъ, постановить главныя основанія новаго устройства крестьянскаго состоянія и сопряженныхъ съ нимъ измѣненій въ устройствѣ полицейской, судебной и кредитной частей. Если основанія, выработанныя въ сей коммиссіи, были бы удостоены Высочайшаго утвержденія, то они могли-бы быть въ послѣдствіи переданы въ мѣстные губернскіе комитеты, по избранію дворянства, для составленія полнаго и окончательнаго положенія на указанныхъ основаніяхъ».

«Такое мнѣніе было бы совершенно основательно, если бы не былъ уже учрежденъ здѣсь въ Петербургѣ общій секретный комитетъ для опредѣленія началъ, на которыхъ должно совершиться общее освобожденіе крестьянъ помѣщичьихъ. Нынѣ, когда сей комитетъ дѣйствуетъ и имѣетъ туже цѣль, учрежденіе особой центральной коммиссіи для трехъ губерній было-бы такъ сказать среднею и излишнею инстанціею, тѣмъ болѣе, что она не могла бы опредѣлить главныхъ основаній безъ верховнаго комитета, а подробныя положенія и въ томъ, и въ другомъ случаѣ должны быть возложены на губернскіе комитеты».

Библиотека "Руниверс"

«Между тѣмъ существующій здѣсь секретный комитетъ, журналомъ Высочайше утвержденнымъ 18-го Августа, сдѣлалъ уже свое постановленіе о постепенномъ ходѣ дѣла по освобожденію крѣпостнаго состоянія и въ числѣ мѣръ, въ первомъ или пріуготовительномъ періодѣ, возложено на министра внутреннихъ дѣлъ собраніе всѣхъ данныхъ и свѣдѣній для опредѣленія правилъ, по которымъ правительство будетъ дѣйствовать во второмъ періодѣ, и для того поручено мнѣ сноситься не только съ губернаторами, предводителями, но и съ опытными помѣщиками. Мнѣ кажется, что намѣреніе комитета. Высочайшимъ утвержденіемъ облеченное, еще скорѣе исполнится составленіемъ для сего особыхъ комитетовъ по всѣмъ губерніямъ, а тѣмъ болѣе по тѣмъ, гдѣ дворянство само на то вызывается и идетъ. такъ сказать, на встрѣчу правительству. Допущеніе этого въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской, подъ особымъ надзоромъ и попеченіемъ генералъ-губернатора и губернаторовъ, представляетъ еще особыя удобства отъ того, что сіи губерніи окружены Русскими и иностранными областями, въ которыхъ крестьяне уже освобождены лично, а потому идея о свободѣ не есть новость и знакома какъ дворянамъ, такъ и крестьянамъ. Ни тѣ, ни другіе не боятся ея, а напротивъ убѣждены въ возможности ею пользоваться безъ потерь и сильныхъ потрясеній. Обстоятельствомъ этимъ казалось бы надо воспользоваться для блага цѣлой Имперіи: ибо, какъ я имѣлъ уже счастіе однажды докладывать Вашему Императорскому Величеству, такъ и теперь считаю долгомъ повторить, что введеніе новаго устройства помѣщичьихъ крестьянъ, какъ бы ни было оно осторожно подвигаемо впередъ, не возможно произвести одновременно во всѣхъ концахъ Россіи; а если это справедливо, то, откуда удобнѣе начать дѣло, какъ не съ того предѣла Имперіи, на которомъ все къ тому подготовлено и гдѣ нужда въ новомъ порядкѣ настоятельнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, по многимъ обстоятельствамъ? Начавъ съ Запада, можно было бы очень удобно подвигаться мѣрными и обдуманными шагами къ Востоку. Представляемая мною мѣра нисколько не противорѣчитъ и не останавливаетъ распоряженій, Высочайше одобренныхъ для дѣйствій въ первомъ періодѣ великаго предпріятія».

«Всѣ сіи соображенія побуждаютъ меня повергнуть настоящее предположеніе мое благоусмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества, тѣмъ болѣе, что всѣ сношенія съ генералъ-адьютантомъ Назимовымъ по изъясненнымъ здѣсь обстоятельствамъ начаты съ Высочайшаго соизволенія».

«Не смѣю обременять вниманіе Вашего Величества подробностями

Библиотека "Руниверс"

учрежденія губернскихъ комитетовъ; разсмотрѣніе ихъ подлежитъ общему секретному комитету, здѣсь учрежденному»

Докладъ этотъ поднесенъ Государю Императору 18-го Октября 1857 г. и по Высочайшему повелѣнію переданъ на разсмотрѣніе секретнаго комитета.

Отзывы комитетовъ Ковенскаго, Гродненскаго, особенно Виленскаго, какъ я сказалъ выше, были не опредѣлительны. Можно сказать, что они были уклончивы и выказывали гораздо менѣе желанія приступить къ дѣлу, нежели мы надѣялись, по многимъ частнымъ отзывамъ, изустнымъ и письменнымъ, тамошнихъ помѣщиковъ; но я счелъ долгомъ моимъ воспользоваться хотя слабою готовностію ихъ, дабы выдти изъ безконечнаго круга, начертаннаго секретнымъ комитетомъ въ журналѣ 18-го Августа, и *ускорить* дѣйствія.

Повторю слово *ускорить*, а не измѣнить плана, мною прежде начертаннаго въ докладахъ министра внутреннихъ дѣлъ, то есть, чтобы комитеты пріуготовительные открыть вездѣ, а дѣйствія начать только въ трехъ западныхъ губерніяхъ и подвигаться постепенно отъ Запада къ Востоку.

Дуренъ или хорошъ былъ этотъ планъ, рѣшитъ время. Можетъ быть, я и ошибался отъ излишней осторожности; но повторяю мою мысль для того, чтобы съ полною откровенностію показать будущему читателю моихъ записокъ истинный ходъ дѣла.

Въ то самое время, когда докладъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 18-го Октября разсматривался въ комитетѣ, прибылъ въ Петербургъ генералъ-адьютантъ Назимовъ. Онъ не привезъ ничего новаго, ничего положительнаго, но требовалъ, чтобы ему были даны наставленія какъ дѣйствовать, объясняя, что безъ точныхъ указаній ему неприлично возвратиться въ свои губерніи. Секретный комитетъ разсуждалъ о требованіи этомъ и, можетъ быть, даже весьма основательно медлилъ, не чувствуя себя готовымъ сказать что-либо новое, болѣе опредѣлительное послѣ журнала 18-го Августа; но Государь, почти всякій день встрѣчая генерала Назимова и слыша повторенія, что ему не дано еще отвѣта, пришелъ въ нетерпѣніе и приказалъ, чтобы въ теченіе осьми дней вопросъ былъ рѣшенъ. Тогда комитетъ встрепенулся и въ просонкахъ поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ вмѣстѣ съ министромъ государственныхъ имуществъ составить въ теченіе *трехъ дней* проектъ рескрипта, въ которомъ указать генералу Назимову, на какихъ именно основаніяхъ онъ долженъ приступить къ дѣлу? *) Порученіе это министръ Ланской передалъ мнѣ. Я рѣзко от-

*) Сочинитель много разъ упомянутой книги: „*Матеріалы для исторіи* и проч." говоря объ этомъ обстоятельствѣ, справедливо выражается: „Какая-то невѣдомая таин-

Библиотека "Руниверс"

вѣчалъ, что подобный актъ не можетъ быть составленъ съ такою поспѣшностію, что въ немъ заключается будущность Россіи, что я не принимаю на свою совѣсть всѣхъ послѣдствій такой опрометчивости, тѣмъ болѣе, что комитетъ съ 26-го Іюля до Ноября не разсмотрѣлъ представленныхъ нами началъ; что мнѣ не было дано возможности ни съ кѣмъ разсуждать объ нихъ и что я имѣлъ нужду въ подкрѣпленіи моихъ убѣжденій преніями, отзывами людей, понимающихъ дѣло.

Начальникъ мой отвѣчалъ мнѣ: «Вы знаете, какъ дѣло шло: знаете, что я отмѣнить Высочайшаго повелѣнія не могу; теперь дѣлайте, что слѣдуетъ. Въ помощь вамъ будутъ присланы два чиновника, одинъ отъ министерства нашего, другой отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ». Вслѣдъ за симъ онъ удалился отъ меня.

Извѣстіе это поразило меня, какъ громовой ударъ: я долго не могъ понять, какъ люди государственные приступаютъ къ такому великому и страшному дѣлу съ такою легкостію. Правда, что въ теченіе 40-лѣтней службы моей я видѣлъ много примѣровъ подобной вѣтренности, но никогда не встрѣчалъ такого важнаго вопроса къ разрѣшенію и никогда лично не былъ поставленъ обстоятельствами въ такое страшное затрудненіе. Я не боялся послѣдствій ошибки въ смыслѣ служебномъ, зная, что, по общему правилу нашему, тутъ всѣ промахи покрылись-бы Высочайшимъ повелѣніемъ; но я долго не могъ успокоить совѣсть мою въ томъ, что принимаю участіе въ такой неосмотрительности. Много разъ вопрошалъ я себя, что̀ мнѣ дѣлать. Недоумѣніе мое трудно было разрѣшить; сущности дѣла я сочувствовалъ всѣми силами души моей и всячески старался двигать его впередъ: слѣдовательно, не могъ я отойти отъ него въ тотъ самый моментъ, когда оно получало рѣшительное движеніе. Между тѣмъ долженъ сказать еще то, что главныя основанія, мною придуманныя въ докладѣ 26-го Іюля, относились наиболѣе къ губерніямъ Великороссійскимъ и, по убѣжденію моему, были трудно примѣнимы къ тѣмъ областямъ, для которыхъ требовали отъ меня указаній.

На другой день явились ко мнѣ помощники, гг. Беклемишевъ и Лоде, и спросили, что̀ имъ дѣлать. Я отвѣчалъ имъ: Намъ велѣно написать такой-то рескриптъ; но совѣсть моя препятствуетъ мнѣ взять на себя это дѣло по причинамъ вышеизложеннымъ. Правда, что у меня многое для того подготовлено, кое-что придумано; но я считаю «дѣло не созрѣвшимъ, потому что оно не было подвергнуто обсужде-

---

ственная сила толкала дѣло въ другую сторону, на новые невѣдомые пути." (Томъ 1-й стр. 138.)

Библиотека "Руниверс"

нію, и потому передаю вамъ мои матеріалы. Теперь у меня рука не подымается обратить ихъ въ форму законодательнаго документа; потомъ, можетъ быть, я готовъ буду вамъ помогать.» Оба лица, данныя мнѣ въ сотрудники, были люди просвѣщенные и съ предметомъ знакомы, а потому они доставили мнѣ первую пріятную возможность войти въ критическій разборъ моихъ предположеній и, не смотря на мое упорство, постепенно вовлекли меня въ общую съ ними работу, продолжавшуюся не болѣе 48 часовъ. Взявъ за основаніе докладъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 26-го Іюля и мысли мною вышеизложенныя въ разныхъ другихъ докладахъ и запискахъ, мы составили не рескриптъ, а обзоръ основаній, на которыхъ онъ долженъ быть написанъ. Трудъ этотъ былъ представленъ на соглашеніе двумъ министрамъ, Ланскому и Муравьеву; каждый изъ нихъ сдѣлалъ на него свои замѣчанія, указанія, исправленія, и послѣ нѣсколькихъ перемѣнъ, за которыми Баклемишевъ и Лоде скакали по городу какъ курьеры, оба министра представили за своимъ подписаніемъ въ главный комитетъ, 6-го Ноября 1857 года, записку слѣдующаго содержанія.

«При начертаніи проектовъ положеній для крестьянъ, поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, дворянскія сословія Виленской, Ковенской и Гродненской губерній должны будутъ имѣть въ виду слѣдующія главныя начала.

1) Вся земля признается [1]) *неприкосновенною* собственностію помѣщика.

2) Уничтоженіе крѣпостной зависимости крестьянъ должно быть совершено постепенно, чрезъ предварительное установленіе переходнаго состоянія срокомъ не свыше 8 до 12 лѣтъ.

3) Въ видахъ предотвращенія вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи, увольненіе крестьянъ изъ личной крѣпостной зависимости должно быть сопряжено съ обращеніемъ въ собственность ихъ усадьбъ, находящихся въ ихъ пользованіи, съ небольшими участками усадебной земли отъ полудесятины до десятины [2]).

4) Права свободнаго состоянія и собственности на усадьбы съ землею, къ нимъ принадлежащею, могутъ быть пріобрѣтены крестьянами не иначе, какъ по взносѣ ими, въ опредѣленное § 2-мъ число

[1]) Это выраженіе не согласуется съ послѣдующими предположеніями.

[2]) Это не относится до дворовыхъ людей и до всѣхъ тѣхъ, которые и нынѣ не имѣютъ осѣдлости.

Библиотека "Руниверс"

лѣтъ, выкупа, сумма коего не должна превышать цѣнности пріобрѣтаемыхъ ими въ собственность участка земли и усадьбы *).

5) Вся остальная затѣмъ земля, оставаясь неприкосновенною (?) собственностью помѣщика, должна быть раздѣлена, по способу пользованія оною, на господскую и на отведенную крестьянамъ.

6) Земля, однажды отведенная крестьянскому обществу, не можетъ быть присоединяема къ господскимъ полямъ, но должна оставаться въ постоянномъ неотъемлемомъ пользованіи крестьянъ, за отбываніе ими барщинныхъ повинностей, или плату денежнаго или вещественнаго оброка. Количество сей земли будетъ опредѣлено по мѣстнымъ обстоятельствамъ и обычаямъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы она была по возможности нарѣзываема въ мѣстахъ, близкихъ къ усадьбамъ, и была удобна для хлѣбопашества.

7) Со введеніемъ новаго порядка, продажа, дареніе и всякое отчужденіе крестьянъ безъ земли, равно и переселеніе крестьянъ противъ воли ихъ въ другія имѣнія, должны быть прекращены; а съ другой стороны крестьянамъ, до окончательнаго вступленія ихъ въ свободное состояніе, не можетъ быть дозволено, безъ разрѣшенія помѣщика, на землѣ коего они водворены, удаляться изъ имѣнія для перехода къ другому помѣщику, или для избранія инаго рода жизни.

8) Отправленію барщины или платѣ оброка могутъ подлежать лишь тѣ крестьяне, которые надѣлены землею; въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне раздѣляются на хозяевъ и безземельныхъ работниковъ, эти послѣдніе не могутъ быть требуемы на работу иначе, какъ за опредѣленную плату.

9) Размѣръ оброка и барщинныхъ повинностей долженъ быть положительно опредѣленъ, согласно съ пространствомъ и качествомъ отведенной крестьянамъ земли.

10) Барщинныя работы должны быть отправляемы на основаніи особыхъ урочныхъ положеній.

11) Въ случаѣ неисправности во взносѣ оброка, помѣщику имѣетъ быть предоставлено право обращать неисправнаго плательщика на барщину, а неисправнаго барщинника лишать тягловаго участка или поселка (фермы).

12) Въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ существуетъ общинное устройство, слѣдуетъ, не нарушая онаго, сохранить каждому семейству право на надѣлъ землею, съ возможнымъ по мѣстнымъ обстоя-

---

*) Уплата сія можетъ быть произведена деньгами, или особыми работами, независимо отъ тѣхъ, которыя крестьяне обязаны отбывать за земли, имъ отведенныя по § 6.

Библиотека "Руниверс"

тельствамъ и удобствамъ ограниченіемъ удобренія и передѣлки полей. Тамъ же, гдѣ земля, отведенная въ пользованіе крестьянъ, раздѣлена на поселки (фермы), съ хозяевами и батраками (Knechte), надлежитъ принять мѣры къ возможному обезпеченію осѣдлости батраковъ и къ положительному опредѣленію отношеній ихъ къ хозяевамъ.

13) Обращеніе крестьянъ въ дворовые, со введеніемъ новаго положенія, слѣдуетъ прекратить и вмѣстѣ съ тѣмъ принять мѣры къ постепенному уменьшенію, а въ послѣдствіи и къ уничтоженію, этого класса людей, посредствомъ обращенія ихъ въ крестьянъ съ надѣломъ ихъ землею, или перечисленія ихъ въ свободныя состоянія, за взносъ опредѣленнаго выкупа или за службу въ теченіи извѣстнаго числа лѣтъ *).

14) Крестьяне должны подлежать платежу лишь тѣхъ казенныхъ податей и земскихъ сборовъ, которые причитаются собственно на нихъ по числу ревизскихъ лицъ мужскаго пола и по пространству состоящей во владѣніи и въ пользованіи ихъ земли; подати же за дворовыхъ, пока таковые существуютъ, и сборы, опредѣленные самимъ дворянствомъ, должны быть платимы помѣщиками изъ собственныхъ средствъ.

15) Распредѣленіе казенныхъ и земскихъ податей между крестьянами должно быть предоставлено самимъ обществамъ, съ утвержденія помѣщиковъ; отвѣтственность за исправный взносъ казенныхъ податей должна быть возложена на самыя общества съ круговою порукою всѣхъ членовъ оныхъ; но на помѣщика возлагается обязанность понуждать ихъ тому на общихъ законныхъ основаніяхъ.

16) Для порядка отправленія крестьянами рекрутской повинности должны быть опредѣлены особыя правила, по коимъ поставка рекрутъ была бы предоставлена самимъ обществамъ, съ утвержденія помѣщика.

17) Помѣщикамъ можно предоставить право, во время переходнаго состоянія, сдавать нерадивыхъ и порочныхъ крестьянъ, по соглашенію съ обществомъ, въ рекруты и отдавать въ распоряженіе Губернскаго Правленія, но не иначе, какъ съ утвержденія особыхъ уѣздныхъ присутствій, о коихъ изъяснено ниже.

18) Завѣдываніе мірскими дѣлами и мірскую расправу слѣдуетъ предоставить мірскимъ сходамъ или составленнымъ изъ крестьянъ мірскимъ судамъ, подъ наблюденіемъ и съ утвержденія помѣщиковъ.

19) Нужно принять мѣры къ постепенному учрежденію и развитію народныхъ училищъ.

---

*) Подробности по сему предмету должны быть развиты на мѣстѣ.

Библиотека "Руниверс"

20) Въ видахъ обезпеченія народнаго продовольствія и исправнаго поступленія податей, должно быть обращено вниманіе на лучшее устройство мірскихъ магазиновъ и учрежденіе общественныхъ запашекъ и мірскихъ капиталовъ.

21) Внутреннее полицейское управленіе въ каждомъ обществѣ и всѣ права и обязанности вотчинной полиціи необходимо предоставить помѣщикамъ.

22) Для надзора за введеніемъ и соблюденіемъ новыхъ правилъ и для разбора недоразумѣній, могущихъ возникнуть между помѣщиками и крестьянами слѣдуетъ учредить особыя уѣздныя присутствія, примѣняясь къ тѣмъ, какія существуютъ въ Остзейскихъ губерніяхъ».

Записка эта послужила основаніемъ всѣхъ рескриптовъ, генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ данныхъ о мѣрахъ къ освобожденію крестьянъ; а рескрипты составили основу всего законодательства по сему предмету, и потому да будетъ позволено мнѣ остановить читателя указаніемъ источниковъ, изъ которыхъ извлечены мысли для составленія прочитанной имъ сейчасъ записки двухъ министровъ.

Пункты 1, 2, 3 и 4 взяты изъ составленнаго мною доклада 26-го Іюля 1857 года.

5 и 6 составляютъ подражаніе положеніямъ Остзейскимъ, которыя на первыхъ порахъ намъ казались достойными подражанія, потому что сущность ихъ и подробности въ исполненіи были мало извѣстны. Самъ Государь указывалъ на Курляндію, какъ на примѣръ.

8-й предложенъ г. Беклемишевымъ, долго жившимъ въ Курляндіи, которой желали подражать многіе западные помѣщики.

7, 9, 10—необходимое развитіе началъ принятыхъ въ первыхъ пунктахъ.

Въ 12-мъ пунктѣ помѣщена идея о сохраненіи общиннаго устройства, ясно указанная мною въ докладѣ 26-го Іюля; конецъ сего пункта дополненъ г-мъ Лоде.

Остальныя статьи записки съ 13 до 22-й и послѣдней включительно составляютъ произведеніе общихъ нашихъ совѣщаній, то-есть двухъ министровъ и трехъ редакторовъ.

Вхожу въ эти подробности для того, чтобы сдѣлать извѣстнымъ, какую степень участія я имѣлъ въ первоначальномъ ходѣ великаго дѣла, и отличить то, что̀ мнѣ не принадлежитъ, а равно и то, что̀ сдѣлано мною совокупно съ другими.

Въ тоже время и тѣми же лицами была сочинена и представлена въ секретный комитетъ другая записка о томъ, какъ составить губернскіе комитеты и центральную коммиссію для трехъ губерній,

Библиотека "Руниверс"

Ковенской, Гродненской и Витебской. Въ концѣ этой записки было сказано.

«Принимая въ соображеніе, что, несмотря ни на какія мѣры предосторожности, воля правительства вѣроятно не останется тайною возможно будетъ принять только слѣдующія мѣры для предупрежденія превратныхъ толковъ въ народѣ»:

«a) Не публиковать рескриптовъ въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ, ни въ какихъ-либо иныхъ, кромѣ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ оффиціальной его части, изъ которой (по прежнимъ распоряженіямъ) другимъ журналамъ или газетамъ запрещаются всякія перепечатки».

«b) Туже предосторожность принять относительно журналовъ Царства Польскаго».

На этихъ основаніяхъ, большею частію принятыхъ секретнымъ комитетомъ, былъ составленъ въ немъ первый и всѣмъ извѣстный рескриптъ генералъ-губернатору Назимову, подписанный Государемъ 20-го Ноября; но изъ предосторожности въ него включены только тѣ предметы, которые должны были остаться неизмѣнными и имѣть силу закона; всѣ прочія обстоятельства и подробности были отнесены въ наставленіе отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ, въ концѣ котораго именно сказано, что если губернскіе комитеты, по мѣстнымъ уваженіямъ, признаютъ неудобнымъ принять которыя либо изъ соображеній министра, то онъ проситъ объяснить подробно причины, препятствующія принятію оныхъ.

Отношеніе это, которое, разумѣется, было поднесено комитетомъ на Высочайшее утвержденіе, послано секретно 21-го Ноября 1857 г. подъ № 36, за подписью министра Ланскаго и моею скрѣпою *). Хотя товарищи министровъ и не скрѣпляютъ бумагъ, кромѣ какъ когда управляютъ департаментами, но я священнымъ долгомъ себѣ поставилъ подписать этотъ актъ, составляющій краеугольный камень будущаго законодательства объ освобожденіи крестьянъ. Я сдѣлалъ это съ

*) Покойный П. И. Мельниковъ, служившій тогда при С. С. Ланскомъ, утромъ этого дня, получилъ отъ него приказаніе напечатать это *роковое* отношеніе для разсылки по губерніямъ. По случаю праздника Мельниковъ не нашелъ работниковъ въ типографіи, о чемъ и доложилъ министру; тогда Ланской приказалъ ему, во что бы ни стало, къ вечеру доставить извѣстное число экземпляровъ. Работа была изготовлена, и отношеніе немедленно послано на Николаевскую желѣзную дорогу для отсылки, хотя бы съ товарнымъ поѣздомъ. На другой день Ланской сказалъ Мельникову: „Вы вѣроятно удивлялись моей вчерашней торопливости; а вѣдь нынче ночью было мнѣ приказаніе помедлить, но я могъ отвѣчать, что уже поздно".

Нерѣшительность и колебательность естественно давали поводъ къ обходамъ и кривымъ дѣйствіямъ. Тутъ производились захваты въ расплохъ. Вотъ отчего великое дѣло и пострадало недостаткомъ простоты и искренности. Припомнимъ отзывъ одного изъ даровитѣйшихъ его противниковъ, что оно должно было разорить обѣ стороны, такъ какъ большинство дѣятелей работало не изъ настоящаго христіанскаго братолюбія, а въ выгоду чиновничества и въ хвастовство передъ Западною Европою. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

гордостію, самодовольствіемъ и убѣжденіемъ, что основная часть этого труда принадлежитъ мнѣ, и что я былъ первымъ и долгое время единственнымъ работникомъ на полѣ, указанномъ Россіи рѣчью Государя Московскимъ предводителямъ дворянства. Впрочемъ я не заблуждался и на первое время ничего не ожидалъ отъ собратій моихъ помѣщиковъ, кромѣ проклятій.

Обѣ эти бумаги отправлены по секрету; но какъ полный секретъ въ такомъ случаѣ не былъ ни возможенъ, ни полезенъ, то мы съ министромъ полагали извѣстить о новомъ движеніи всѣхъ губернаторовъ конфиденціально, для собственнаго ихъ свѣдѣнія и сообщенія изустно тѣмъ помѣщикамъ и другимъ лицамъ, которые обратились бы къ нимъ съ вопросами по доходящимъ до нихъ слухамъ. Министръ такъ и предложилъ комитету; но тамъ вдругъ родилась у кого-то *) мысль составить изъ этого циркуляра общій вызовъ всему дворянству. Вслѣдствіе того составленъ въ комитетѣ, поднесенъ на Высочайшее утвержденіе и присланъ къ министру внутреннихъ дѣлъ для республикованія циркуляръ слѣдующаго содержанія:

«Въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской, учрежденные тамъ изъ предводителей дворянства и помѣщиковъ особые, для разсмотрѣнія инвентарныхъ правилъ, комитеты *признали необходимымъ*, для улучшенія и упроченія быта помѣщичьихъ крестьянъ, освободить ихъ изъ крѣпостной зависимости».

«Государь Императоръ, узнавъ съ особымъ удовольствіемъ о такомъ благородномъ намѣреніи представителей дворянства означенныхъ трехъ губерній, рескриптомъ, даннымъ 20-го сего Ноября Виленскому военному, Гродненскому и Ковенскому генералъ-губернатору изволилъ разрѣшить дворянству оныхъ приступить къ составленію надлежащихъ по этому предмету проектовъ, учредивъ для сего въ каждой губерніи особые изъ дворянъ-помѣщиковъ комитеты, и одну общую для всѣхъ трехъ губерній коммиссію, съ тѣмъ, чтобы они, при этой работѣ, руководствовались началами, Его Императорскимъ Величествомъ въ рескриптѣ указанными».

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, я, съ соизволенія Его Величества, сообщилъ означенному генералъ-губернатору нѣкоторыя мои соображенія въ пособіе и руководство губернскимъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ».

«Сіи бумаги имѣю честь, въ копіи, препроводить къ вашему превосходительству для вашего, милостивый государь, свѣдѣнія и соображенія на случай, еслибы дворянство ввѣренной вамъ губерніи изъявило подобное желаніе».

---

*) Сочинитель книги: „Матеріалы для исторіи" и проч. приписываетъ эту мысль Великому Князю Константину Николаевичу, что весьма правдоподобно.

Библиотека "Руниверс"

Циркуляръ этотъ испугалъ меня; ибо, вопервыхъ, онъ вызывалъ косвенно все Русское дворянство на общее преждевременное движеніе; во-вторыхъ, заключалъ въ себѣ неправду, которая вовсе не была нужна и, вѣроятно, вкралась отъ поспѣшности. Комитеты Ковенскій, Гродненскій и Виленскій вовсе не говорили о неизбѣжности освобожденія, и, слѣдовательно министръ не могъ сказать въ циркулярѣ на всю Имперію, что тѣ *комитеты признали необходимымъ освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.*

Въ противоположность моему мнѣнію, министръ такъ спѣшилъ разсылкою этого циркуляра, что мимо меня послалъ его въ типографію и приказалъ въ теченіе ночи отпечатать. Когда я пріѣхалъ къ нему поутру, всѣ экземпляры были уже готовы, и я, прочитавъ одинъ изъ нихъ, не обинуясь, объявилъ, что признаю эту публикацію преждевременною, неосмотрительною и несогласною съ истиннымъ положеніемъ дѣла, а потому не могу скрѣпить циркуляра. Ланской, уже начинавшій тяготиться слухами о томъ, что дѣло освобожденія веду болѣе я, нежели онъ, отвѣчалъ мнѣ положительно, что онъ избавляетъ меня отъ скрѣпы всѣхъ вообще бумагъ, и что товарищу министра это не совсѣмъ и прилично. Въ настоящемъ случаѣ я принялъ его слова къ исполненію безпрекословно, потому что самъ того желалъ, но прочія бумаги по крестьянскому дѣлу продолжалъ подписывать, пока увидѣлъ, что мы не знаемъ, куда идемъ, и пока убѣдился, что въ комитетѣ имѣютъ намѣреніе все дѣлать наперекоръ Ланскому, не уважая его мнѣніями, а онъ не имѣетъ ни достаточно энергіи въ характерѣ, ни дара слова для поддержанія ихъ.

На другой день по отправленіи циркуляра, 24-го Ноября, члены комитета спохватились, что сдѣлали оплошность, и присылали въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ узнать, нельзя-ли остановить циркуляръ; но онъ уже былъ отправленъ на почту.

Можетъ быть, эта опрометчивость и была полезна тѣмъ, что двинула дѣло повсемѣстно вопреки убѣжденіямъ комитета; но тогда никто изъ людей осторожныхъ не оправдывалъ этой мѣры: ибо никто не смѣлъ надѣяться, что народъ Русскій такъ благоразумно и терпѣливо будетъ ожидать окончательнаго разрѣшенія своей участи. Если дальнѣйшій ходъ дѣла будетъ также благополученъ, какъ до сихъ поръ былъ, то я скажу: слава Богу, что меня не послушали! Тѣмъ не менѣе, для исторической истины, заношу этотъ фактъ въ мои записки такъ, какъ онъ былъ.

Между тѣмъ въ комитетѣ уже давно лежало представленіе наше о томъ, чтобы разрѣшить Петербургскому дворянству составить предначертаніе для управленія помѣщичьими имѣніями сообразно съ про-

Библиотека "Руниверс"

ектами, составленными въ Ямбургскомъ и Петербургскомъ уѣздахъ. Эти два уѣзда сочинили свои предположенія не въ видахъ освобожденія, но въ видахъ предупрежденія слишкомъ рѣшительныхъ мѣръ правительства; тѣмъ не менѣе они составляли улучшеніе прежняго и могли быть утверждены въ видѣ опыта, пока еще не было избрано новаго пути. Но послѣ рескрипта и наставленій, данныхъ Назимову, комитетъ, уступая настояніямъ Государя, долженъ былъ и Петербургской губерніи дать такое же направленіе, вслѣдствіе чего были составлены такой же рескриптъ и такое же пояснительное отношеніе отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ Петербургскому генералъ-губернатору [1]; но какъ здѣсь обстоятельства были менѣе подготовлены, и дворянство вовсе не намекало на освобожденіе, то сдѣланы нѣкоторыя соотвѣтственныя измѣненія въ выраженіяхъ министерскаго наставленія. Слова: *уничтоженіе крѣпостной зависимости* замѣнены слѣдующими: *устройство сословія помѣщичьихъ крестьянъ*, положеніе *свободное* названо *окончательнымъ;* а освобожденіе *улучшеніемъ и прочнымъ устройствомъ.*

Разсылка по губерніямъ всѣхъ помянутыхъ бумагъ не давала права ожидать повсемѣстнаго движенія дворянства; напротивъ того, можно было думать, что огромное большинство помѣщиковъ, видя въ новыхъ намѣреніяхъ правительства разстройство своего хозяйства, будетъ ожидать новыхъ и болѣе положительныхъ побужденій; но и тутъ судьба дала дѣлу толчекъ совершенно неожиданный, который много ускорилъ общее движеніе.

Рескрипты двумъ генералъ-губернаторамъ, отношенія къ нимъ министра и циркуляръ его отъ 24-го Ноября были получены въ Нижнемъ-Новгородѣ во время съѣзда всего дворянства для выборовъ. Губернаторомъ тамъ былъ старикъ Муравьевъ, либералъ временъ Александра I-го, бывшій въ ссылкѣ по дѣлу 14 Декабря 1825 г. Сочувствуя воззванію правительства, онъ уговорилъ весьма многихъ дворянъ сдѣлать патріотическую выходку и написать немедленно Государю адресъ, которымъ просить дозволенія заняться освобожденіемъ крестьянъ по Нижегородской губерніи. Что задумано, то немедленно исполнено, и адресъ присланъ съ нарочнымъ [2]) въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ Императоромъ съ восторгомъ, а потому велѣно немедленно послать Муравьеву такой же рескриптъ и отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ, какіе были посланы Назимову и Игнатьеву. Теперь это уже не составляло труда, ни повода къ совѣщаніямъ, а потому рескриптъ Нижегородскому губернатору подписанъ 24 Декабря и посланъ къ нему съ его-же нарочнымъ.

---

[1]) И тотъ, и другое посланы 5-го Декабря 1857 года.
[2]) Нарочный этотъ былъ Стевенъ.

Библиотека "Руниверс"

Несмотря на увлеченіе, съ которымъ Нижегородское дворянство въ этомъ случаѣ отозвалось на общій вызовъ правительства, послѣдствія показали, что оно дѣйствовало безсознательно, что порывъ его былъ болѣе театральный, нежели на разсужденіи основанный: получивъ рескриптъ, они прислали сюда благодарить Государя двухъ депутатовъ *), которые объявили, что они находятъ рескриптъ неудобоисполнимымъ, что они полагали отпустить крестьянъ безъ земли и проч.

Несмотря на то, примѣръ Нижегородскаго дворянства такъ былъ значителенъ, что Государь послѣ него сталъ уже съ нетерпѣніемъ ожидать вызова Московскаго дворянства, и такъ какъ его долго не было, то подъ рукою замѣчено генералъ-губернатору графу Закревскому неприличіе этой медленности для второй столицы. Волею и неволею Москвичи отозвались въ первой половинѣ Января 1858 г., а потому и Закревскому посланъ такой-же рескриптъ 16-го Января.

О послѣдующихъ за тѣмъ вызовахъ дворянства и отвѣтныхъ рескриптахъ не будемъ говорить. Это были уже дѣйствія нормальныя, болѣе или менѣе запоздалыя, и имѣли своимъ источникомъ не энтузіазмъ, а невозможность какой-либо губерніи отстать отъ другихъ, и напоминанія, дѣланныя отъ министерства губернаторамъ. Чистосердечнаго, на убѣжденіи основаннаго вызова освободить крестьянъ не было ни въ одной губерніи; но всѣми выше описанными маневрами правительство пріобрѣло возможность сказать торжественно крестьянамъ помѣщичьимъ, что владѣльцы ихъ сами пожелали дать имъ свободу. Достиженіе этой цѣли не было необходимо: ибо ни одинъ крестьянинъ, конечно, не повѣритъ тому, кто ему скажетъ, что помѣщикъ увольняетъ его и устроиваетъ по собственному желанію; но во всякомъ случаѣ эта форма для начала дѣла была самая приличная.

Что касается до медленности, съ какою приходили вызовы дворянства изъ губерній, то я не только не позволялъ себѣ упрекать ихъ въ томъ, но находилъ это весьма естественнымъ. Гдѣ и какъ могло дворянство вдругъ просвѣтиться и изучить всѣ стороны этого важнаго вопроса, когда до появленія рескриптовъ не было дозволено ни писать, ни даже громко говорить объ освобожденіи крестьянъ во всѣхъ концахъ Россіи?

Къ этому слѣдуетъ прибавить еще двѣ причины, задерживавшія помѣщиковъ на пути къ новому порядку: вопервыхъ, предвидѣніе уменьшенія доходовъ и слѣдовательно необходимость въ пожертвованіяхъ; вовторыхъ, неизвѣстность будущаго положенія при увѣрен-

*) Эти депутаты были: генер. Шереметевъ и А. Я. Потемкинъ.

Библиотека "Руниверс"

ности, что всѣ старыя привычки и вся старая обстановка помѣщичьяго быта должны разрушиться.

Нѣтъ сомнѣнія, что все это кончится вознагражденіями, улучшеніями, умноженіемъ спокойствія и народнаго богатства; но плоды эти пожнутъ дѣти. Безпристрастный историкъ долженъ принять это обстоятельство къ соображенію.

Въ концѣ 1857 года министръ, не предупредивъ меня, счелъ должнымъ представить Государю о пожалованіи мнѣ бриллiантовыхъ знаковъ ордена Св. Александра. Награду эту я принялъ безъ особеннаго удовольствія: трудившись надъ крестьянскимъ вопросомъ изъ одной любви къ человѣчеству, я не хотѣлъ, чтобы труды мои были приписаны видамъ честолюбія; а обвиненія этого я не могъ избѣжать при общемъ на меня неудовольствіи, именно за это дѣло, большинства собратій моихъ дворянъ. По принятому обычаю я просилъ позволенія благодарить Государя. Онъ встрѣтилъ меня весьма ласково и началъ разговоръ изъявленіемъ благодарности за усердное содѣйствіе мое по дѣлу освобожденія крестьянъ. Я отвѣчалъ ему, что считаю особеннымъ для себя счастіемъ возможность, исполняя волю его, вмѣстѣ исполнять и сердечное желаніе мое, которое я таилъ въ душѣ моей съ самой молодости. Затѣмъ я поздравилъ его съ началомъ великаго подвига, который считаю особенно важнымъ, потому что, приступивъ къ нему, правительство не можетъ уже идти назадъ. Онъ отвѣчалъ совершеннымъ согласіемъ и потомъ перешелъ къ нѣкоторымъ незначительнымъ подробностямъ.

Недѣли двѣ послѣ былъ большой балъ при дворѣ. Государь подошелъ ко мнѣ и началъ спрашивать, что̀ мы теперь дѣлаемъ по крестьянскому вопросу. Я счелъ долгомъ воспользоваться этимъ случаемъ и объяснить, что хотя правительство и высказало свои основныя начала въ рескриптахъ, но что для разрѣшенія подробностей дѣла намъ много не достаетъ свѣдѣній, и что въ этомъ нужно содѣйствіе публики и литературы; что если нельзя передать вопросъ этотъ безусловнымъ сужденіямъ журналистики *), то можно бы правительству, хотя исключительно въ оффиціальныхъ своихъ журналахъ, печатать статьи, вызывающія мнѣнія по труднѣйшимъ обстоятельствамъ дѣла, а потомъ отвѣты на такіе выводы и дальнѣйшую полемику продолжать помѣщать въ тѣхъ же журналахъ. Какъ дѣло касалось преимущественно Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, я указывалъ прежде другихъ на жур-

*) Тогда никто еще не смѣлъ и помышлять о тѣхъ облегченіяхъ въ цензурѣ, которыя нынѣ (1860 г.) допущены. Очень понимаю, что осторожность моя теперь покажется неумѣстною боязнію.

Библиотека "Руниверс"

налъ этого министерства, полагая, что такимъ путемъ правительство всегда могло держать вопросъ въ своихъ рукахъ и руководить гласность по своему усмотрѣнію. Въ заключеніе я доложилъ, что приготовилъ въ такомъ смыслѣ одну статью, которая можетъ быть пропущена только съ Высочайшаго одобренія. Государь одобрилъ мою мысль и приказалъ мнѣ доставить ему мою статью чрезъ министра Ланскаго.

Нѣсколько дней спустя, это было исполнено, и статья представлена. Императоръ прочелъ ее, замѣтилъ, что въ ней одно или два мѣста слишкомъ рѣзки, и въ заключеніе надписалъ на ней, что содержаніе ея *совершенно согласно съ его мнѣніями*, но что во всякомъ случаѣ ее должно просмотрѣть въ главномъ комитетѣ, куда она и была послана.

Допущеніе гласности въ крестьянскомъ вопросѣ не могло уже встрѣчать препятствій послѣ обнародованія рескриптовъ. Между тѣмъ 8-го Января 1858 года и самый секретный комитетъ сдѣлался явнымъ и названъ *Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу,* о чемъ данъ указъ Правительствующему Сенату, распубликованный во всѣхъ вѣдомостяхъ. Государь самъ себя назначилъ предсѣдателемъ комитета, а князю Орлову велѣно предсѣдательствовать только въ случаѣ его отсутствія. Члены остались всѣ тѣже, которые выше мною указаны. Графъ Панинъ уже прежде къ нимъ присоединился; въ тоже время при этомъ комитетѣ, изъ четырехъ его членовъ, образована коммиссія для предварительнаго разсмотрѣнія разныхъ проектовъ. Въ коммиссію поступили: Ланской, графъ Панинъ, Муравьевъ и Ростовцовъ.

По выслушаніи статьи, мною Государю представленной, комитетъ нашелъ, что въ ней нѣтъ ничего новаго для него *), что впрочемъ она слишкомъ рѣзка и что во всякомъ случаѣ лучше оффиціальнымъ путемъ объявлять публикѣ то, что нужно, нежели путемъ, мною предложеннымъ. Какъ чтеніе моей статьи, такъ и рѣшеніе объ ней комитета не были занесены въ журналъ; а потому Ланской, по окончаніи засѣданія, взялъ статью назадъ и возвратилъ мнѣ. Такимъ обра-

*) Она была писана не для комитета, а для публики, которая тогда еще не знала многаго, извѣстнаго секретному комитету. Впрочемъ, каково бы ни было мое предположеніе, я не могъ ожидать большаго сочувствія въ комитетѣ. Предсѣдатель и секретарь его вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами видѣли во мнѣ главнаго виноватаго въ первомъ движеніи крестьянскаго вопроса (въ этомъ они были совершенно правы) и не считали меня способнымъ содѣйствовать ихъ видамъ (и это было основательно). Великій Князь Константинъ или, лучше сказать, окружавшіе его ультра-прогрессисты, находили меня неимѣющимъ достаточно энергіи, чтобы идти съ ними впередъ, не заботясь о послѣдствіяхъ,—и это-правда. Такова обыкновенно бываетъ судьба людей умѣренныхъ; но имъ остается въ утѣшеніе мысль, что они никому не приносили въ жертву своихъ убѣжденій.

Библиотека "Руниверс"

зомъ я сохранилъ у себя документъ весьма любопытный для моего семейнаго архива: ибо на запискѣ моей остались собственноручныя замѣтки и общее заключеніе объ ней Государя.

Но то, что́ не было принято по моему мнѣнію и представленію Ланскаго, то вскорѣ допущено вліяніемъ Великаго Князя Константина Николаевича и окружающихъ его, и съ гораздо большею свободою для всѣхъ безъ исключенія журналовъ. Малаго не хотѣли дать, а многое дали. Это показываетъ, какая шаткость была во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства. Впрочемъ, говоря: *многое,* я имѣю цѣлію не охуждать допущенную гласность, а только сказать, что она допущена безъ последовательности, безъ обдуманнаго плана, на авось, подъ вліяніемъ угожденія брату царскому, или при выходѣ изъ засѣданія, когда члены комитета, утомленные несоразмѣрною съ ихъ силами работою и побуждаемые голодомъ, спѣшили домой къ обѣду.

А можетъ быть, комитетъ вовсе и не былъ спрошенъ о томъ, можно ли допустить журналамъ свободу обсуждать крестьянскій вопросъ; можетъ быть, это случилось по дѣйствію какихъ-нибудь невидимыхъ пружинъ, которыя съ нѣкотораго времени часто толкаютъ правительство Русское въ пути, ему невѣдомые. Это даетъ поводъ къ грустнымъ размышленіямъ о будущей судьбѣ Россіи.

Какъ бы то ни было, но въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года, то-есть, когда только открылась въ журналахъ хотя не совсѣмъ умѣренная, но полезная для дѣла полемика, Министерство Народнаго Просвѣщенія, по положенію Главнаго Комитета, издало два циркуляра противъ свободы печатанія статей о крестьянскомъ вопросѣ; т.-е. послѣ одного шага, сдѣланнаго впередъ, вдругъ дѣлаются два назадъ. Не лучше ли было бы идти тихими, но мѣрными шагами все впередъ, какъ я предлагалъ?

Послѣдній изъ двухъ запретительныхъ циркуляровъ изданъ вслѣдствіе помѣщенія въ «Современникѣ» статьи профессора Кавелина,— статьи, вовсе не возмутительной и во многихъ предметахъ близко подходящей къ смыслу рескриптовъ; но въ ней заранѣе осуждалось правительство, если оно въ окончательномъ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ поступитъ несогласно съ мыслями автора. Преждевременное осужденіе это, и въ выраженіяхъ рѣзкихъ, было непозволительно; а потому, когда цензоръ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ г. Тройницкій прочелъ эту статью, то не рѣшился пропустить ее и принесъ ко мнѣ, какъ товарищу министра, на разрѣшеніе, а я не усумнился отказать въ позволеніи ее напечатать вполнѣ. Статья была безъ подписи; входить въ торгъ съ редакторомъ объ исправленіи нѣкоторыхъ мѣстъ было бы неудобно, а потому отказъ мой былъ категорическій. Если

Библиотека "Руниверс"

бы я зналъ, что статья писана Кавелинымъ, моимъ добрымъ знакомымъ, человѣкомъ разсудительнымъ, умѣреннымъ, то я тотчасъ бы написалъ ему частнымъ образомъ два слова, онъ бы пріѣхалъ ко мнѣ, и мы въ полчаса сдѣлали бы статью его совершенно позволительною. Вмѣсто того, редакторъ журнала, получивъ отказъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, обратился къ предсѣдателю цензурнаго комитета и попечителю университета князю Щербатову, который далъ безусловное дозволеніе напечатать ту статью [1]).

Лишь только она показалась въ публикѣ, закоснѣлые любители крѣпостнаго права бросились на нее и начали крики, очень скоро дошедшіе до Государя. Впрочемъ, тутъ было еще иное побужденіе. Кавелинъ былъ въ числѣ преподавателей Наслѣдника престола, опредѣленный къ этой должности по рекомендаціи тайнаго совѣтника Титова, назначеннаго по настоянію Императрицы главнымъ воспитателемъ будущаго царя, вопреки военной партіи, которая искала свергнуть и Титова, и всѣхъ рекомендованныхъ имъ наставниковъ. Случай этотъ былъ самый удобный, и интрига вполнѣ удалась. Государь, придя въ Совѣтъ Министровъ, показалъ имъ эту статью, и съ гнѣвомъ объявивъ князю Горчакову, что Кавелинъ рекомендованъ Титовымъ, обратился къ Ланскому съ приказаніемъ узнать, кто пропустилъ эту статью [2]). Возвратясь изъ Совѣта, Ланской тотчасъ прислалъ книжку «Современника» при запискѣ; я все передалъ Тройницкому, и дѣло тотчасъ объяснилось, вслѣдствіе чего министръ послалъ Государю оправдательный докладъ, на которомъ послѣдовало Высочайшее повѣленіе: передать дѣло шефу-жандармовъ для дальнѣйшихъ розысканій. Черезъ нѣсколько дней публика узнала, что князю Щербатову объявленъ Высочайшій выговоръ; Титовъ, Кавелинъ и другіе преподаватели Наслѣдника получили увольненія отъ своихъ мѣстъ, а воспитаніе Наслѣдника опять перешло въ руки военныхъ надзирателей.

Не смотря на запрещенія, журналы постоянно наполнялись статьями по крестьянскому вопросу, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ это время литература оказала великую услугу Россіи разносторонними воззрѣніями и объясненіями предмета, который не далѣе, какъ за годъ до этой эпохи, составлялъ полную тайну, совершенную terra incognita. Но, къ сожалѣнію, тутъ, какъ и во всѣхъ вопросахъ

[1]) Сочинитель книги: *„Матеріалы и т. д.“* помѣщаетъ (стр. 245, томъ 1-й) содержаніе сей статьи, но выпускаетъ тѣ мѣста, которыя подвергали статью запрещенію.

[2]) Сочинитель книги: *„Матеріалы“* и проч. говоритъ, что изъ всего этого сперва думали сдѣлать большую непріятность Ланскому, полагая, что статья пропущена цензоромъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Это болѣе нежели правдоподобно.

Библиотека "Руниверс"

политическихъ, не было должнаго безпристрастія. Журналисты и литераторы, принадлежа большею частію къ числу людей, не владѣющихъ крестьянами, обращали весьма мало вниманія на возможность облегчить потери землевладѣльцевъ при введеніи новаго порядка. Имѣя самыя благородныя побужденія, они стремились къ цѣли, не останавливаясь на затрудненіяхъ и на пожертвованіяхъ; а когда помѣщики присылали имъ возраженія, они отказывались ихъ печатать. Это произвело въ дворянствѣ раздраженіе. При объѣздѣ мною, по званію товарища министра, нѣкоторыхъ губерній, дворяне и предводители обращались ко мнѣ съ жалобою на журналы; я отвѣчалъ имъ, что правительство не можетъ заставить журналиста принимать тѣ статьи, которыя противны его плану или его воззрѣніямъ; мнѣ отвѣчали, что въ государствѣ, гдѣ есть цензура, она должна руководить журналистику, а если это невозможно, то пусть правительство дастъ дворянамъ органъ для защиты отъ нападеній демократовъ; я же имъ указывалъ на Журналъ Землевладѣльцевъ, основанный частными людьми съ этою именно цѣлію, но они его не знали, ибо періодическое изданіе это только-что начиналось. Впрочемъ, оно не имѣло самостоятельности; главные редакторы его были люди не очень даровитые, и имъ трудно было завербовать бойкихъ сотрудниковъ; талантливые люди всѣ сгруппировались въ противномъ лагерѣ, частію изъ убѣжденія, частію потому, что блестящая и соблазнительная для образованнаго человѣка мысль объ освобожденіи крестьянъ quand même сдѣлалась вмѣстѣ и мыслію модною: всякій литераторъ боялся прослыть плантаторомъ, защищая дворянство.

Если бы правительство имѣло какой-нибудь твердый планъ для своихъ дѣйствій въ дѣлѣ столь важномъ; еслибъ оно искало способовъ добросовѣстно просвѣтиться въ подробностяхъ, ему неизвѣстныхъ, то оно дало бы полемикѣ этой полный просторъ, предоставляя высказываться обѣимъ партіямъ и обуздывая ту и другую въ крайностяхъ, и особенно въ личностяхъ. Тогда, вмѣсто раздраженія, оно произвело бы свѣтъ необходимый для него и полезный для всѣхъ сословій. При существованіи цензуры это было возможно. Но такой трудъ требовалъ въ высшемъ слоѣ правительства того, чего тамъ не было, то есть согласія и послѣдовательности. Вмѣсто того, Главный Комитетъ продолжалъ колебаться и ходить то шагъ впередъ, то шагъ или два назадъ. Все это отражалось въ ходѣ журналистики, и послѣ нѣсколькихъ вспышекъ или проявленія статей весьма смѣлыхъ, въ теченіе 1858 года, мы увидѣли слѣдующія явленія: 1) Журналъ «Сельское Благоустройство», основанный Кошелевымъ и проч. исключительно для разсмотрѣнія крестьянскаго вопроса со стороны прак-

Библиотека "Руниверс"

тической, на 2-мъ нумерѣ 1859 года былъ запрещенъ. 2) «Въ Русскомъ Вѣстникѣ» крестьянскій отдѣлъ погасъ и т. д.

И все это произошло по причинамъ, независящимъ отъ журналистовъ, то-есть отъ мелкихъ притѣсненій цензуры, раздробленной и усложненной до невѣроятія.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что высшій начальникъ цензуры, министръ народнаго просвѣщенія не былъ членомъ Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, а комитетъ сочинялъ для него циркуляры, которые онъ долженъ былъ подписывать. Министру внутреннихъ дѣлъ уже давно было запрещено давать какіе либо циркуляры по крестьянскому дѣлу иначе, какъ сочиненные въ комитетѣ. Это происходило отъ того, что комитетъ ему не довѣрялъ и не уважалъ его; хотѣли его раздражить и заставить выдти; но онъ, благодаря безстрастію своему, все переносилъ равнодушно и тотчасъ утѣшался, возвращаясь въ великолѣпный домъ министерскій, или на дачу, для него устроенную съ возможнымъ комфортомъ и со множествомъ цвѣтовъ, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ.

Пестрота Главнаго Комитета, несогласіе членовъ его въ воззрѣніяхъ на порученное ему дѣло и происходившее изъ того противодѣйствіе ихъ другъ другу не должны удивлять насъ: въ другомъ государствѣ, гдѣ люди дорожатъ своими мнѣніями и своею репутаціею, подобное собраніе лицъ не могло-бы осуществиться. Бывъ назначены верховной властью къ разсмотрѣнію подобнаго дѣла, они бы прежде всего ощупали другъ друга, опросили, вывѣдали убѣжденія каждаго и затѣмъ составили-бы программу дѣйствій, которую-бы поднесли Государю на утвержденіе. Если бы онъ ея не принялъ, они всѣ, или частію, отошли бы прочь, почитая безчестіемъ дѣйствовать вопреки совѣсти. Почему не сдѣлалъ того же князь Орловъ? Онъ стоялъ такъ высоко, что ничего-бы не потерялъ, а напротивъ выигралъ бы въ глазахъ Государя и всей публики, если бы сказалъ: я не убѣжденъ въ своевременности освобожденія крестьянъ и потому не могу съ полнымъ усердіемъ и безпристрастіемъ двигать этого дѣла; я гожусь вамъ, Государь, на что-либо иное. Мы спрашиваемъ, почему не сдѣлалъ этого князь Орловъ, или иной членъ комитета, не раздѣлявшій мысли Государя? Потому, что въ Россіи никто и ни отъ чего не отказывается, никто своимъ мнѣніемъ не дорожитъ и думаетъ только, какъ угодить Царю и получить за то какую либо награду. Пока наши государственные люди будутъ такъ дѣйствовать, не быть добру: въ этомъ-то и заключается корень неустройства въ Россіи.

Сравнивая разныя лица между собою, можно быть еще снисходительнымъ къ человѣку, который подавляетъ свою совѣсть, отказы-

Библиотека "Руниверс"

вается отъ своихъ мнѣній, потому что ему нужно мѣсто для физическаго существованія; но можно ли тѣмъ путемъ сколько-нибудь оправдать Орлова, Панина и подобныхъ имъ? Неужели они не знаютъ, что ихъ при жизни и по смерти ожидаетъ неумолимый судъ исторіи? Такое ослѣпленіе, такое униженіе и добровольная кабала могутъ быть объяснены только отсутствіемъ всякой самостоятельности.

Упрекъ этотъ не относится къ Ланскому: онъ дѣйствовалъ добросовѣстно и честно исполнялъ великія желанія Государя, насколько умѣлъ. Не слѣдуетъ упрекать и тѣхъ членовъ, которые постоянно и прямо возражали неумѣреннымъ порывамъ Великаго Князя, какъ то дѣлалъ князь Гагаринъ. Чевкинъ присталъ явно къ Великому Князю. Прочія играли роли ничтожныя и либо молчали, либо соглашались съ большинствомъ, то изъ угожденія, то изъ равнодушія. Муравьевъ почти не скрывалъ своего противодѣйствія новому движенію и потерялъ уваженіе въ обоихъ лагеряхъ *). *** его искренно ненавидѣлъ съ прежняго времени; большая часть общества также его не любила, а потому желаніе его прослыть защитникомъ дворянства не было удовлетворено.

Здѣсь долженъ я возвратиться назадъ и сказать, что, по обнародованіи рескриптовъ генераламъ-губернаторамъ, я, предвидя множество новыхъ занятій, представилъ проектъ учрежденія подъ моимъ предсѣдательствомъ особаго комитета или коммиссіи, которая бы разсматривала и подготовляла проекты положеній губернскихъ, для представленія въ Главный Комитетъ. Я тогда не предвидѣлъ, что Главный Комитетъ изъ среды себя изберетъ такую-же коммиссію; но какъ члены знали, что эта четырехличная коммиссія, состоя изъ министровъ, не можетъ посвятить много времени подробному разсмотрѣнію всѣхъ ожидаемыхъ проектовъ, то и мое предположеніе утверждено опредѣленіемъ Государственнаго Совѣта отъ 4-го Марта. Учрежденіе это мы назвали *Земскимъ Отдѣломъ*. Непремѣннымъ членомъ, завѣдующимъ всѣми дѣлами, избралъ я еще прежде приглашеннаго мною изъ Министерства Государственныхъ Имуществъ г. Соловьева; въ члены совѣщательные предлагалъ я взять одного юриста и одного публициста изъ Остзейскихъ чиновниковъ, писавшаго нѣсколько статей объ освожденіи крестьянъ въ Европѣ. Ланской, уже возбуждаемый противъ меня врагами моими, тонко отклонилъ мой выборъ, объявивъ мнѣ, что въ эти должности Государь самъ предоставилъ себѣ назначеніе и уже указалъ ему два лица изъ своей свиты, а именно генерала Исакова и флигель-

*) Это нисколько не умаляетъ его заслугъ, оказанныхъ впослѣдствіи во время Польскаго возстанія.

Библиотека "Руниверс"

адъютанта графа Бобринскаго. Ни тотъ, ни другой дѣла не постигали, хотя послѣдній много спорилъ и явно шелъ къ безземельному освобожденію. Милютинъ былъ указанъ мнѣ въ члены самимъ министромъ.

Двусмысленное поведеніе Ланскаго въ отношеніи ко мнѣ, безхарактерность его и ежедневно увеличивающееся надъ нимъ давленіе Главнаго Комитета болѣе и болѣе парализировали меня: вся моя дѣятельность, все мое усердіе къ дѣлу постепенно исчезали. Не чувствуя себя полезнымъ, я сталъ постоянно помышлять о томъ, чтобы просить увольненія, и откровенно сказалъ о томъ Ланскому лѣтомъ 1858 г.; но онъ рѣшительно остановилъ меня и объявилъ, что самъ намѣренъ удалиться, получивъ на дняхъ оскорбительныя отъ Государя замѣчанія на одну изъ своихъ записокъ; затѣмъ предложилъ мнѣ выдти изъ министерства вмѣстѣ. Откровенный отвѣтъ его возбудилъ во мнѣ сочувствіе и представилъ мнѣ благовидный исходъ; я принялъ предложеніе съ полною готовностію. Между тѣмъ я имѣлъ нужду съѣздить въ свои деревни и просилъ 6-ти недѣльнаго отпуска. Ланской предложилъ мнѣ взять командировку для обзора дѣйствій губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, съ тѣмъ, чтобы при семъ случаѣ посѣтить и свои имѣнія. Я отвѣчалъ, что если принимать командировку, то надо ѣхать не туда, гдѣ мои деревни, а въ тѣ губерніи, которыхъ комитеты наименѣе подвигаются, и потомъ уже посвятить нѣсколько дней своимъ домашнимъ дѣламъ. На этомъ мы остановились; а какъ губерніями, наиболѣе отставшими отъ другихъ на пути къ освобожденію крестьянъ, оказались Калужская, Смоленская, Орловская, Владимирская, то я и отправился въ нихъ.

Здѣсь выказалъ я обычный мой недостатокъ предусмотрительности и разсчета въ охраненіи моего служебнаго положенія. Недостатокъ этотъ, пагубный въ Россіи не только малымъ чиновникамъ, но и государственнымъ людямъ, проявлялъ я не разъ, потомъ раскаявался, но все-таки впадалъ опять въ тотъ же противъ себя проступокъ. Мнѣ самому страннымъ кажется, что, будучи человѣкомъ дѣятельнымъ, я всегда чувствовалъ въ себѣ какое-то упорство и неспособность отстаивать свои личные интересы по службѣ, а особенно пускаться въ дальновидные разсчеты того, что̀ можетъ со мною случиться, если я поступлю такъ или иначе. Словомъ, я не способенъ не только интриговать, но даже обставливать себя укрѣпленіями противъ интригъ. Правда, что всѣ повышенія и лестныя для меня назначенія къ мѣстамъ я получалъ безъ всякаго ходатайства съ моей стороны; но съ другой стороны, враги мои всегда находили возможность вредить мнѣ; да и судьба не баловала меня на поприщѣ служебномъ,

Библиотека "Руниверс"

давая мнѣ отъ времени до времени сильные толчки, останавливавшіе меня надолго въ неподвижномъ состояніи посреди служебнаго поприща.

Еслибы я былъ похитрѣе, я бы не принялъ командировки, предложенной мнѣ Ланскимъ, во 1-хъ потому, что при шаткости видовъ правительства въ крестьянскомъ дѣлѣ я не могъ давать положительныхъ отвѣтовъ на многіе вопросы губернаторамъ и дворянамъ; во 2-хъ, я долженъ былъ предвидѣть, что враги мои, умножаясь въ числѣ и силѣ, могли въ отсутствіе мое еще болѣе вооружить противъ меня министра. Послѣдняя мысль и приходила мнѣ въ голову; но я думалъ, что, при рѣшительномъ намѣреніи нашемъ совокупно удалиться, никому уже не будетъ надобности насъ ссорить. Послѣдствія показали, что я опять ошибся.

Пока я, объѣзжая губерніи, бесѣдовалъ съ начальниками и дворянами въ Калужской и Смоленской губерніяхъ и уговаривалъ скорѣе приступать къ дѣлу, Нижегородскій губернаторъ Муравьевъ [1]) перессорился съ дворянствомъ и донесъ, что тамошній комитетъ по крестьянскому дѣлу не слушается его указаній, бездѣйствуетъ, не исполняетъ своихъ обязанностей. Донесеніе это доложено Государю, и вслѣдствіе того дано мнѣ Высочайшее повелѣніе отправиться въ Нижній-Новгородъ, разобрать причины ссоры и доложить о томъ лично Императору, который самъ долженъ былъ прибыть въ Нижній дней черезъ десять. Получивъ это повелѣніе на пути во Владиміръ, я тотчасъ поскакалъ прямо въ Нижній.

Муравьевъ [2]) принялъ меня со всѣми знаками уваженія и почестями, въ полной надеждѣ найти во мнѣ своего безусловнаго защитника по извѣстному всѣмъ сочувствію моему къ дѣлу освобожденія; но тутъ рѣчь шла не о началахъ, не о цѣли, къ которой оба мы шли, а о способахъ дѣйствія и о томъ, справедливо-ли возводимое на дворянство Нижегородское, и особенно на членовъ комитета, обвиненіе Муравьева. Тутъ былъ я не защитникъ какой-либо идеи, а судья, который долженъ былъ указать правыхъ и виноватыхъ. Стать мнѣ на сторонѣ Муравьева было бы выгоднѣе, потому что онъ отстаивалъ дѣло человѣколюбивое и близкое къ сердцу Государя, потому что онъ былъ старинный пріятель министра, который желалъ его поддержать; но святая истина и безпристрастіе побудили меня презрѣть этими обстоятельствами. Прочитавъ всѣ журналы комитета и всю переписку его съ губернаторомъ, я увидѣлъ, что все дѣло состояло въ личностяхъ

---

[1]) Александръ Николаевичъ.

[2]) Губернаторъ Нижегородскій.

Библиотека "Руниверс"

и въ желаніи Муравьева поднести Государю, при въѣздѣ въ Нижній, донесеніе, что комитетъ уже окончилъ свои занятія; но это было невозможно. Комитетъ многое уже сдѣлалъ, но многаго не додѣлалъ и не могъ все порѣшить въ краткій срокъ, ему назначенный. Муравьевъ настаивалъ, комитетъ объяснялъ невозможности; Муравьевъ рѣзко и не совсѣмъ приличнымъ образомъ подтверждалъ, комитетъ отвѣчалъ грубостями. Словомъ, завязалась ссора, которая сдѣлала всѣхъ виноватыми. Особенною пищею для нея послужило то, что предсѣдатель комитета, губернскій предводитель Болтинъ былъ человѣкъ безхарактерный и недостойный уваженія: онъ съ коварствомъ молчалъ въ засѣданіяхъ, уклонялся отъ подписи журналовъ, а потомъ все переносилъ губернатору, надѣясь отъ него милости и награды. Такимъ поведеніемъ онъ заслужилъ всеобщее негодованіе дворянства.

Царь съ Царицею и свитою прибыли въ Нижній по Волгѣ на пароходѣ; оба мы съ Муравьевымъ встрѣтили ихъ на пристани. Увидѣвъ меня, Государь подалъ мнѣ руку и спросилъ, давно-ли я тутъ? Посѣтивъ соборы и войдя во дворецъ, онъ тотчасъ потребовалъ меня къ себѣ, посадилъ и сдѣлалъ вопросъ: ну, скажите, что̀ вы здѣсь нашли? Я отвѣчалъ ему: ничего важнаго, Государь, но нашелъ, что обѣ враждующія стороны виноваты передъ Вашимъ Величествомъ въ томъ, что уклонились отъ пути долга и вдались въ ссоры и личности. Губернаторъ хотѣлъ Вамъ угодить и кончить дѣло къ Вашему пріѣзду, а комитетъ не могъ исполнить его требованій и давалъ неприличныя и грубыя объясненія. Президентъ не умѣлъ поддержать своей роли и содѣйствовалъ болѣе къ развитію ссоры, нежели къ примиренію. Впрочемъ, дѣло идетъ впередъ, многое сдѣлано и если Вы дозволите продолжить данный комитету срокъ на полтора мѣсяца, то работа его будетъ готова *).

Онъ отвѣчалъ мнѣ, что вовсе не требуетъ такой поспѣшности, что напрасно губернаторъ горячился, что впрочемъ онъ радъ слышать, что дѣло идетъ впередъ; потомъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ о лицахъ и о подробностяхъ дѣла. Чрезъ четверть часа онъ меня отпустилъ и позвалъ къ себѣ губернатора, который ожидалъ у дверей моего выхода. Что̀ говорилъ Государь съ Муравьевымъ, того не знаю; но мнѣ извѣстно, что̀ на другой же день семейство Муравьева и ближніе его приверженцы стали интриговать противъ меня чрезъ Императрицу и фрейлинъ, представляя Государю, будто я сдѣлался вра-

*) Справедливость моихъ словъ доказана тѣмъ, что Нижегородскій комитетъ представилъ свой проектъ положенія прежде всѣхъ другихъ губерній.

Библиотека "Руниверс"

гомъ освобожденія и уговаривалъ дворянство не спѣшить составленіемъ положенія и усиливать требованія на крестьянскую работу.

Къ послѣднему обвиненію нашли поводъ весьма благовидный. Дня за три до пріѣзда Государя въ Нижній, были у меня всѣ члены губернскаго комитета и, между прочими разговорами, объявили мнѣ, что они сдѣлали постановленіе о томъ, чтобы требовать съ тягла по 87 или 88 рабочихъ дней въ году. Я поздравилъ ихъ съ такимъ умѣреннымъ рѣшеніемъ, присовокупивъ, что Петербургскій комитетъ на первый разъ предполагалъ просить 102 дня и что Нижегородцы превзошли его великодушіемъ. Каково же было мое удивленіе, когда я послѣ узналъ, что члены комитета Нижегородскаго, выйдя отъ меня, пошли въ свое присутствіе и требовали, перемѣнивъ журналъ, опредѣлить 102 дня рабочихъ? Послѣ этого урока я уже далъ себѣ слово ничего дворянству и комитетамъ не говорить, кромѣ толкованія рескриптовъ.

Все это передано въ Петербургъ и принято къ свѣдѣнію, для употребленія противъ меня лицами, направлявшими въ мое отсутствіе дѣйствія Ланскаго *).

Еще задолго до отъѣзда моего изъ Петербурга, я замѣтилъ, что Ланской изъ защитника дворянства, какимъ онъ торжественно провозглашалъ себя въ первые два года своего управленія, началъ преслѣдовать дворянъ въ массѣ, поддаваясь вліянію Великаго Князя Константина и особенно Милютина, который приготовлялся заступить мое мѣсто и на котораго самъ я указывалъ Ланскому, какъ на человѣка, весьма способнаго и талантливаго, не смотря на излишне-демократическія стремленія его. Не разъ говорилъ я министру, что онъ напрасно принимаетъ такое направленіе, что я самъ имѣю невысокое понятіе о моихъ собратіяхъ дворянахъ, но что не должно требовать отъ нихъ невозможнаго; что несправедливо воображать, будто они могутъ вдругъ сдѣлаться демократами, съ удовольствіемъ обречь себя на лишенія и идти съ такою же поспѣшностію къ указанной имъ цѣли, какъ теоретики, ничѣмъ не владѣющіе; что надобно имѣть къ нимъ снисхожденіе и терпѣніе. Съ другой стороны, каково бы ни было это сословіе, оно правительству нужно: ибо въ немъ заключается наибольшая масса мыслящихъ людей. По моему мнѣнію не было бы ни пользы, ни нужды раздражать его. Пока оно еще не отвыкло отъ по-

---

*) На этомъ основаніи сочинитель „Матеріаловъ“ сдѣлалъ заключеніе, будто я вовсе отказывался отъ объясненій съ дворянствомъ по крестьянскому дѣлу, или говорилъ имъ такія рѣчи, которыя скорѣе задерживали, нежели побуждали движеніе вопроса.

Библиотека "Руниверс"

виновенія самодержавной власти, можно ласковымъ словомъ, улыбкою, взявъ его дружелюбно за руку, вести впередъ *). И въ чемъ же заключается главная цѣль правительства? Въ томъ, чтобы достигнуть исполненія великаго намѣренія съ наименьшими потрясеніями, а вовсе не въ томъ, чтобы измѣнить убѣжденія дворянъ и доказать имъ, что имъ будетъ гораздо выгоднѣе не имѣть крестьянъ. Предоставьте это времени.

Возвращаясь отъ общихъ сужденій къ моему разсказу, замѣчу, что Государь видимо былъ доволенъ тѣмъ, что я вывелъ его изъ необходимости дѣлать выговоръ представителямъ Нижегородскаго дворянства, тѣмъ болѣе, что истинно великолѣпная встрѣча, сдѣланная ему при пріѣздѣ въ Нижній, во время ярмарки, располагала его къ удовольствію, а не къ гнѣву. Отпуская меня изъ кабинета, онъ спросилъ меня: видѣли-ли вы, какъ меня приняли здѣсь? Я отвѣчалъ: «видѣлъ, Государь, и не удивляюсь; народъ Русскій привыкъ любить своихъ царей; это составляетъ Вашу силу, которой и враги Ваши не могутъ отнять у Васъ».

На другой день было общее представленіе всѣхъ властей губернскихъ и дворянства. Обойдя всѣхъ съ личными вопросами, онъ возвратился къ дворянству и сказалъ ему слѣдующую рѣчь.

«Я радъ, господа (сказалъ Государь), что могу лично благодарить васъ за усердіе, которымъ Нижегородское дворянство всегда отличалось. Гдѣ отечество его призывало, тамъ оно было изъ первыхъ. И въ минувшую тяжкую войну вы откликнулись первыми и поступили добросовѣстно: ополченіе ваше было изъ лучшихъ. И нынѣ опять благодарю васъ за то, что вы же первые отозвались на мой призывъ въ важномъ дѣлѣ объ улучшеніи крестьянскаго быта. Поэтому самому я хотѣлъ васъ отличить и принялъ депутатовъ вашихъ, генерала Шереметева и Потемкина. Я поручилъ имъ благодарить васъ и передать вамъ мои виды и желанія; не сомнѣваюсь, что они это исполнили. Вы знаете цѣль мою, общее благо; ваше дѣло согласить въ этомъ важномъ дѣлѣ частныя выгоды свои съ общею пользою. Но я слышу съ сожалѣніемъ, что между вами возникли личности, а личности всякое дѣло портятъ; это жаль: устраните ихъ; я надѣюсь на

*) Такъ я думалъ тогда; такъ думаю и теперь (въ 1860 году), когда эта возможность уже потеряна, и дворянство безбоязненно становится въ оппозицію съ правительствомъ. Между тѣмъ сочинитель „Матеріаловъ для исторіи крѣпостнаго состоянія" не безъ основанія говоритъ, что губернскіе комитеты, не смотря на медленность въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, дѣйствовали съ возможнымъ по обстоятельствамъ усердіемъ и во многихъ мѣстахъ съ энтузіазмомъ къ святому дѣлу.

Библиотека "Руниверс"

васъ; надѣюсь, что ихъ болѣе не будетъ, и тогда общее дѣло это пойдетъ. Я знаю, что вы трудились усердно, что уже многое вами сдѣлано; идите впередъ. Сегодня оканчивается срокъ вашимъ занятіямъ; но, зная, что трудъ вашъ еще не готовъ, я согласенъ продлить этотъ срокъ до 1-го Октября; но къ Октябрю вы кончите, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Не такъ-ли господа? Я полагаюсь на васъ, я вѣрю вамъ, вы меня не обманите... Путь указанъ, не отступайте отъ началъ, изложенныхъ въ моемъ рескриптѣ, отъ данной вамъ программы; трудъ вашъ будетъ разсмотрѣнъ въ Главномъ Комитетѣ; но я дозволилъ вамъ представить его чрезъ двухъ избранныхъ вами членовъ, которымъ вы поручите объяснить выводы свои, въ той мѣрѣ, какъ это будетъ согласоваться съ общимъ благомъ. Господа, дѣлайте такъ, чтобы было и вамъ хорошо, и другимъ не худо; думайте о себѣ, думайте и о другихъ. Я вамъ вѣрю и надѣюсь, что вы оправдаете мое къ вамъ довѣріе. Исполнивъ и окончивъ трудъ этотъ добросовѣстно, вы мнѣ еще разъ докажете любовь свою и преданность и то безкорыстное стремленіе къ общему благу, которымъ Нижегородцы всегда отличались.... Считаю себя счастливымъ, что, послѣ 21 года послѣдняго моего здѣсь пребыванія, опять нахожусь нынѣ посреди васъ».

Съ удовольствіемъ услышалъ я эти слова и порадовался тому, что мнѣ удалось защитить дворянство отъ напрасныхъ нападковъ и что ему, на основаніи моего доклада, дана отсрочка для окончанія дѣла.

Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ представленія во дворцѣ, многіе дворяне съ губернскимъ предводителемъ пріѣхали меня благодарить за мое заступничество передъ Государемъ.

Такое окончаніе порученія, мнѣ даннаго въ Нижнемъ Новгородѣ, вовсе не соотвѣтствовало ни ожиданіямъ Ланскаго (пріятеля Муравьева), ни тѣмъ, которые во время отсутствія моего овладѣли имъ. Они назвали мои дѣйствія двусмысленными *), ретроградными и приняли эту тему для сочиненія мнѣ прощальной пѣсни. Но они не хотѣли понять, что я, имѣя одну съ ними цѣль, освобожденіе крестьянъ, никогда не былъ согласенъ въ средствахъ къ достиженію этой цѣли. Они дѣйствовали съ ожесточеніемъ противъ дворянства и считали необходимымъ его давить; а я находилъ, что его надо щадить, снисходить къ нему и вести его хотя силою, но впередъ, осыпая путь цвѣтами. Я имѣлъ въ виду одинъ вопросъ освобожденія и желалъ разрѣ-

*) Заключеніе это повторилъ сочинитель „Матеріаловъ", который впрочемъ очень правильно описалъ холодность моихъ отношеній къ Ланскому и мой выходъ изъ министерства.

Библиотека "Руниверс"

шить его съ наименьшимъ потрясеніемъ остальнаго порядка; противники же мои, при самомъ первомъ шагѣ, задались идеями демократическими. Они меня записали въ отсталые, а я призналъ ихъ нивеллёрами и никогда не думалъ подчиняться ихъ образу мыслей. Что касается до Ланскаго, то я вовсе не искалъ угождать ему и показалъ притязанія его пріятеля Муравьева къ Нижегородскому дворянству въ настоящемъ свѣтѣ, именно потому, что я не хотѣлъ быть въ двусмысленномъ положеніи противъ самого себя; по той же причинѣ я и вовсе отошелъ отъ этого святаго дѣла. Убѣжденія мои донынѣ остались тѣже, какія были. Пусть время докажетъ, ошибался ли я, или нѣтъ.

Другими словами: я считалъ необходимымъ всѣ рѣчи Императора, сказанныя дворянству разныхъ губерній во время путешествія его по Россіи въ 1858 году, обратить въ истину дѣйствительную; противники мои направляли дѣло такъ, чтобы слова Государя остались ложью. По моему мнѣнію: или не слѣдовало ихъ говорить, или, сказавъ, надо было исполнить. Не должно унижаться предъ царями, но надо беречь ихъ и по возможности содѣйствовать тому, чтобы дѣла и слова ихъ представлялись народу въ гармоніи, въ простомъ, но лучезарномъ свѣтѣ *).

Изъ Нижняго Царь послалъ меня во Владиміръ, куда онъ собирался чрезъ два дни, узнать о томъ, что̀ тамъ дѣлаетъ комитетъ и дворянство. Ничего замѣчательнаго въ направленіи умовъ я не нашелъ; но встрѣтилось обстоятельство, довольно затруднительное для меня.

---

*) Не такъ поступилъ Ланской, руководимый Милютинымъ и Соловьевымъ, когда онъ, въ концѣ Іюня 1859 года, по закрытіи (я въ это время былъ уже внѣ министерства и путешествовалъ по Швейцаріи) губернскихъ комитетовъ, подалъ Государю докладъ, возбудившій его гнѣвъ противъ дворянства. Какая цѣль руководила сочинителей этого доклада? Если они думали раздражить Государя противъ дворянъ, а дворянство противъ Государя, и тѣмъ усилить элементы будущаго безпорядка, то они были правы; но я, зная ихъ, не могу предполагать въ нихъ такого дурнаго намѣренія, и скорѣе думаю, что они безъ плана обдернулись. Когда докладная записка эта потомъ стала ходить по городу, и князь Орловъ доложилъ о томъ Государю, который былъ крайне недоволенъ такою гласностію (потому что замѣчанія его на запискѣ, весьма непріятныя для дворянства, ставили его въ явное противорѣчіе съ словами, имъ сказанными депутатамъ разныхъ комитетовъ), то всѣ составители и исправители доклада, по возможности, стали отпираться отъ него, ссылаясь на начальника отдѣленія, на поспѣшность, на многодѣліе и докладывая, что впрочемъ все въ докладѣ сказанное есть сущая правда, извлеченная изъ актовъ. Но правдою можно играть какъ мячемъ: можно бросать его въ стѣну, отъ которой онъ отскакиваетъ, и въ стекло, которое онъ разбиваетъ. Желательно бы знать имя не того, кто писалъ докладъ, но того, кто выдалъ копію его съ замѣтками Императора. Тутъ уже конечно нельзя указать ни на Милютина, ни на Соловьева, но, вѣроятно, подъ ними былъ добрый человѣкъ, который желалъ, чтобы дворянство знало, какъ Государь объ немъ думаетъ. Такихъ добрыхъ людей немало.

Библиотека "Руниверс"

Государь принялъ дворянство довольно сухо и въ заключеніе своей рѣчи сказалъ имъ, что отдаетъ на судъ дворянства поступки одного изъ его членовъ, а именно бывшаго уѣзднаго предводителя Кошанскаго, и поручаетъ произнести надъ нимъ приговоръ.

Этотъ г. Кошанскій, извѣстный взяточникъ, переселилъ небольшую деревню свою съ насиліемъ крестьянъ и тѣмъ разорилъ ихъ, а потомъ представилъ нѣсколько человѣкъ къ ссылкѣ въ Сибирь. Крестьяне жаловались, дѣло было разбираемо въ Петербургѣ, и по докладу министра внутреннихъ дѣлъ высочайш повелѣно Кошанскаго отставить отъ званія предводителя, имѣніе его взять въ опеку и запретить ему выѣздъ изъ деревни. Это было уже наказаніе, административнымъ порядкомъ произведенное; а потому дворянство не поняло, чего отъ него требуетъ Государь, и, проводивъ его, обратилось ко мнѣ чрезъ губернскаго предводителя съ просьбою вразумить его, что̀ ему дѣлать. Къ счастію, я не былъ во дворцѣ при этой рѣчи, а потому отвѣчалъ, что, не бывъ свидѣтелемъ этого обстоятельства и не получивъ никакихъ приказаній, я не считаю себя въ правѣ толковать слова Императора.

Затѣмъ выѣхалъ я въ Москву, гдѣ встрѣтилъ Ланскаго, который объявилъ мнѣ, что наканунѣ былъ онъ у Государя, объяснился съ нимъ, примирился и успокоился. Подъ этимъ вліяніемъ, или по приличію, онъ не выразилъ мнѣ неудовольствія за то, что я дѣйствовалъ въ Нижнемъ несогласно съ его видами. Въ тотъ же день мы разстались, и я отправился въ южныя губерніи оканчивать мое порученіе.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, въ началѣ Октября, я встрѣченъ былъ моимъ министромъ уже весьма холодно. При отъѣздѣ моемъ я передалъ завѣдываніе дѣлъ Земскаго Отдѣла Соловьеву, чиновнику, который съ первыхъ шаговъ службы своей находился подъ моимъ начальствомъ по Департаменту Сельскаго Хозяйства, когда я былъ тамъ директоромъ. Я узналъ непріятный, сварливый и раздражительный его характеръ, за что̀ и дѣлалъ ему иногда отеческія замѣчанія, но не терялъ его изъ виду и направлялъ его къ повышенію, уважая его способности, свѣдѣнія и усердіе къ своимъ обязанностямъ. Занимаясь въ теченіи 10-ти или 15-ти лѣтъ работами кадастра, или переложеніемъ подати съ душъ государственныхъ крестьянъ на землю и другіе доходы и переѣзжая съ этою цѣлію изъ губерніи въ губернію, онъ изучилъ бытъ Русскаго крестьянина во всѣхъ подробностяхъ; а потому еще до открытія въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ такъ называемаго Земскаго Отдѣла, я, какъ уже сказано выше, пригласилъ его къ себѣ изъ Министерства Государственныхъ Имуществъ и назначилъ ближайшимъ моимъ помощникомъ, то-есть непремѣннымъ чле-

Библиотека "Руниверс"

номъ комитета. Зная его раздражительный характеръ, я не заблуждался и заранѣе ожидалъ отъ него непріятныхъ вспышекъ; но я надѣялся на привычку его быть моимъ подчиненнымъ и исполнять мои приказанія; съ другой стороны, я видѣлъ въ немъ тѣ свѣдѣнія и опытность, которую замѣнить мнѣ было бы трудно. При томъ я никогда не боялся людей умныхъ и считалъ грѣхомъ противъ совѣсти и противъ отечества брать въ подчиненные къ себѣ чиновниковъ неспособныхъ потому только, что съ ними спокойнѣе и безопаснѣе можно служить. Я всегда думалъ и думаю, что отъ такихъ именно выборовъ правительство Русское въ послѣднія тридцать лѣтъ падало все ниже и ниже, и что Россія много отъ того страдаетъ. Опускаясь по лѣстницѣ неспособностей, никуда нельзя придти, кромѣ какъ въ пропасть.

Я зналъ честолюбіе Соловьева, но не зналъ таланта его къ интригамъ и при томъ, не предполагая долго оставаться въ министерствѣ, особенно послѣ соглашенія моего о томъ съ Ланскимъ, я не имѣлъ ни права, ни возможности заботиться о томъ, что́ будетъ при новомъ начальникѣ; но я указывалъ Ланскому себѣ преемника въ Милютинѣ, а этому послѣднему, зная близкія его отношенія къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, совѣтовалъ заранѣе принимать мѣры къ такому назначенію.

При возвращеніи моемъ въ Петербургъ я нашелъ уже иную обстановку. Ланской опять укрѣпился и о выходѣ не помышлялъ; Милютинъ, всегда имѣвшій на него вліяніе по превосходству своихъ способностей, уже завѣдывалъ нѣкоторыми дѣлами, относившимися къ званію товарища министра; а Соловьевъ, привыкшій во время моего отсутствія работать непосредственно съ министромъ, уже тяготился моимъ начальствомъ и старался подавать доклады безъ моего вѣдома. На Милютина я не имѣлъ права сѣтовать, потому что занятія его заключались въ завѣдываніи нѣкоторыми организаціонными комитетами, которые во время моего отсутствія открыты и уже значительно подвинули свои работы впередъ, а потому передача мнѣ предсѣдательства могла быть рѣшительно вредна, да и меня поставила бы въ затрудненіе. Относительно Соловьева я прямо сказалъ министру, что такъ дѣло идти не должно, и что я прошу его дать приказаніе моему помощнику безъ меня ничего не докладывать. Онъ исполнилъ мое желаніе. Соловьевъ явился ко мнѣ съ объясненіями и извиненіями, но уклоненія скоро опять возобновились; а между тѣмъ сношенія министра съ Главнымъ Комитетомъ установились такія, что Соловьеву слѣдовало помогать правителю дѣлъ комитета, то есть Буткову и его помощнику Жуковскому, и входить съ ними въ соглашенія или испрашивать разрѣшенія. Такой порядокъ былъ устроенъ именно для того,

Библиотека "Руниверс"

чтобы отклонить меня отъ дѣла. Видя всѣ эти интриги и холодность ко мнѣ министра, я написалъ ему письмо и просилъ его рѣшительно доложить Государю объ увольненіи меня отъ должности товарища. Я писалъ ему холодно и безъ раздраженія; онъ отвѣчалъ мнѣ ласково и просилъ остаться, обѣщая, что все сгладится.

Хотя я и не вѣрилъ вполнѣ искренности его объясненій, но какъ я не рѣшилъ еще самъ съ собою, какое дать направленіе дальнѣйшей моей службѣ, то согласился остаться, выжидая благопріятнѣйшаго обстоятельства къ исходу.

Между тѣмъ я совсѣмъ охладѣлъ къ крестьянскому дѣлу, потому что по-маленьку всѣ нити его ускользнули отъ меня: я ограничился только предсѣдательствомъ въ засѣданіяхъ Земскаго Отдѣла при разсмотрѣніи проектовъ, поступавшихъ изъ губерній, и предсѣдательствомъ въ совѣтѣ министерства, куда министръ, изъ боязни противодѣйствія, почти не передавалъ важныхъ дѣлъ.

Въ такомъ положеніи провелъ я мѣсяца полтора, будучи недоволенъ самъ собою и окружавшими меня обстоятельствами. Наконецъ, министръ говоритъ мнѣ въ концѣ Января, что Государь мною недоволенъ, что до него дошли слухи, будто я противодѣйствую дѣлу освобожденія, и что мнѣ надо принимать мѣры, то есть удалиться. Я тотчасъ отвѣчалъ ему: Вы давно знаете мой планъ; я два или три раза уже просилъ васъ и словесно, и письменно объ увольненіи; теперь фальшивое положеніе мое кончается. Завтра получите вы отъ меня письмо, которое настоятельно прошу доложить Государю. Послѣ оказалось, что старикъ или солгалъ, или передалъ мнѣ слова Государя въ превратномъ видѣ, подъ вліяніемъ лицъ, интриговавшихъ противъ меня и желавшихъ видѣть скорѣе мое удаленіе. Это объяснится ниже отвѣтомъ Государя на мое письмо и прощальнымъ разговоромъ его со мною.

По возвращеніи моемъ домой, я тотчасъ написалъ и на другой день послалъ мое письмо.

Чрезъ нѣсколько дней Ланской возвратилъ мнѣ мое письмо съ слѣдующею на немъ собственноручною надписью Царя:

«Вы (то есть министръ) можете его успокоить тѣмъ, что я никогда не сомнѣвался и не сомнѣваюсь въ чистотѣ его намѣреній и, напротивъ того, благодарю его за всѣ его труды во время служенія подъ вашимъ начальствомъ».

Прочитавъ это, я пріѣхалъ къ министру и сказалъ: Очень радъ, что Государь не сомнѣвается въ искренности моихъ дѣйствій; это для меня всего дороже, но гдѣ-же увольненіе? Ланской отвѣчалъ мнѣ: Государь проситъ васъ повременить, пока онъ найдетъ вамъ преемника.

Библиотека "Руниверс"

По прошествіи двухъ недѣль я опять обратился къ Ланскому и просилъ объявить мнѣ мое увольненіе: «Государь еще не нашелъ вамъ преемника; я опять доложу».

Еще двѣ недѣли спустя, я получилъ опять такой же отзывъ, и потому настоятельно просилъ избавить меня отъ моего мѣста и разрѣшить мнѣ выѣздъ за границу. Между тѣмъ я прекратилъ всѣ занятія мои по министерству.

Эта медленность въ исполненіи самой простой просьбы объясняется тѣмъ, что Государь не поручалъ Ланскому говорить мнѣ объ удаленіи, что онъ не имѣлъ въ виду никого на мое мѣсто, что кандидата, представленнаго Ланскимъ, Милютина, онъ не хотѣлъ принять, а потому искалъ инаго мнѣ преемника. Положительно говорили, что онъ предлагалъ графу Ламберту, но тотъ отказался; говорили о Валуевѣ, котораго министръ государственныхъ имуществъ находилъ необходимымъ въ то время на мѣстѣ директора департамента и удержалъ.

Несомнѣнно то, что Государь не находилъ подъ рукою мнѣ преемника по своему выбору и потому только 2-го Апрѣля меня уволилъ съ оставленіемъ въ званіи сенатора, а Милютину поручилъ исправлять должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ *временно*. Слово это Государь своеручно подчеркнулъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я уволенъ въ отпускъ за границу, и мнѣ въ званіи сенатора сохранено содержаніе товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

Объ окладѣ этомъ была у меня особая переписка съ министромъ. Я просилъ его доложить Государю, что прошу этого жалованья не потому, чтобы былъ бѣденъ, а потому, что такъ поступали со всѣми товарищами, которыхъ увольняли по просьбамъ; противное дѣйствіе въ отношеніи ко мнѣ дало-бы поводъ думать, что я изгнанъ за проступокъ. Потомъ, когда Ланской спросилъ меня, слѣдуетъ ли ему просить объ оставленіи мнѣ моего оклада во время отпуска за границу, я отвѣчалъ: не слѣдуетъ; это было бы несправедливо, ибо, не будучи бѣденъ и не принося во время отпуска никакой пользы службѣ, я не долженъ ничего получать.

Получивъ указъ объ увольненіи, я пріѣхалъ проститься къ Ланскому, а онъ весьма дружелюбно предложилъ мнѣ: не хотите-ли вы, чтобы я испросилъ вамъ позволеніе представиться Государю на отъѣздѣ вашемъ. Самъ просить этого я не могъ, боясь отказа, но предложеніе принялъ съ удовольствіемъ и вскорѣ затѣмъ получилъ разрѣшеніе представиться Императору. Онъ принялъ меня весьма милостиво и благодарилъ за службу по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Я отвѣчалъ, что такой лестный отзывъ Его Величества меня много утѣшаетъ; ибо я думалъ, что онъ на меня гнѣвается. Онъ возразилъ

Библиотека "Руниверс"

весьма откровенно: «Нѣтъ, что я вамъ теперь говорю, то я надписалъ «и на письмѣ вашемъ; но не скрою, что мнѣ на васъ многое говорили, и я этимъ вздорамъ не вѣрилъ. Одно мнѣ показалось правдо«подобнымъ,—то, что вы, объѣзжая въ прошедшемъ году нѣкоторыя «губерніи, не давали положительныхъ наставленій по крестьянскому «дѣлу ни губернаторамъ, ни дворянамъ, которые къ вамъ обращались «съ вопросами».

Отвѣтъ мой былъ слѣдующій:

«Это правда, Государь; но прошу Васъ принять въ соображеніе, «что я и самъ не имѣлъ ни наставленій, ни указаній, кромѣ рескрип«товъ Вашихъ, на которые я исключительно и указывалъ. Смѣю ду«мать, что и въ настоящую минуту *) правительство еще не опредѣ«лило тонкостей дѣла, а потому подробныя наставленія и теперь еще «невозможны. При томъ я находилъ даже опаснымъ вдаваться въ «подробныя сужденія о дѣлѣ. Изъ письма моего, Вами читаннаго на «дняхъ, вы изволили видѣть, какое употребленіе Нижегородское дво«рянство сдѣлало изъ моихъ объясненій. Какъ же мнѣ было не опа«саться лишнихъ разговоровъ? При томъ я былъ посланъ исключи«тельно для побужденія дворянства къ открытію комитетовъ тамъ, «гдѣ они не были еще открыты».

Царь отвѣчалъ мнѣ: «Впрочемъ, въ этомъ вы правы; и мои слова «часто перетолковывали и давали имъ совсѣмъ превратный смыслъ».

Затѣмъ Государь спросилъ меня, куда я ѣду лѣчиться. «Я не боленъ, Ваше Величество, а ѣду лечить дочь и самъ отдохнуть».—«Желаю счастливаго пути!» Затѣмъ онъ подалъ мнѣ руку и отпустилъ меня.

Этимъ заключилась служба моя по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

Предъ отъѣздомъ моимъ я посѣтилъ Ростовцова. Онъ предложилъ мнѣ вступить въ члены такъ называемой редакціонной коммиссіи по крестьянскому дѣлу, которую тогда назначено было открыть подъ его предсѣдательствомъ. Я положительно отказался по слѣдующимъ причинамъ: 1) Я столько имѣлъ по этому дѣлу непріятностей, что совершенно охладѣлъ къ нему. 2) Шаткость дѣйствій правительственныхъ не давала мнѣ надежды на благополучный исходъ его. 3) Товарищами моими въ коммиссіи должны были быть, между прочими, тѣ лица, которые интриговали противъ меня. 4) При двусмысленныхъ отношеніяхъ Ланскаго къ Ростовцову, котораго публика назначала министромъ внутреннихъ дѣлъ, я боялся, чтобы не сказали, что я съ первымъ разсорился для того именно, чтобы скорѣе передаться новому восходящему свѣтилу.

*) То-есть въ Апрѣлѣ 1859 года.

Библиотека "Руниверс"

Въ концѣ Апрѣля 1859 года я уѣхалъ въ Парижъ и Швейцарію [1]). Возвратившись въ Октябрѣ, засѣлъ я въ Сенатѣ, гдѣ и теперь сижу, передвигаясь изъ департамента въ департаментъ по мановенію невидимаго жезла министра юстиціи, или его директора канцеляріи.

Вотъ служба истинно блаженная для чиновника, состарѣвшагося въ трудахъ и равнодушіи ко благу отечества! Служба скучная для того, кто привыкъ къ дѣятельности административной и еще имѣетъ силы, которыя желалъ бы посвятить на пользу общую.

Іюля дня 1860.
Дача на Аптекарскомъ Острову.

Восемь лѣтъ послѣ.

Не разъ грустилъ я, вспоминая о томъ, что прежде времени отошелъ отъ святаго дѣла освобожденія крестьянъ; грустилъ, что болѣе очевидные труды заступившихъ меня на этомъ поприщѣ лицъ отодвинутъ мое имя въ полное забвеніе и лишатъ дѣтей моихъ драгоцѣннаго наслѣдства; а потому Высочайшій рескриптъ, полученный мною 8-го Апрѣля 1868 года, по случаю 50-лѣтняго юбилея моей службы, при орденѣ Св. Владимира 1-й степени, прочелъ я со слезами благодарности тому, кто наградилъ мою добросовѣстную службу.

Я долженъ упомянуть объ обстоятельствѣ, которымъ сопровождалась эта милость.

Когда министръ юстиціи доложилъ о приближеніи моего юбилея, Государь приказалъ заготовить мнѣ благодарственный рескриптъ, болѣе ничего; но когда рескриптъ былъ поднесенъ къ подписанію, то Царь, прочитавъ его, сказалъ: «Правда, но такого рескрипта безъ приложенія послать нельзя; прибавьте, что жалую ему орденъ Владимира 1-й степени» [2]).

Полтора мѣсяца спустя, то-есть 20-го Мая того же 1868 года, я былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта совершенно неожиданно.

А. Левшинъ.

---

[1]) Передъ отъѣздомъ я послалъ Ростовцову послѣдній трудъ мой по крестьянскому дѣлу

[2]) А я прибавлю отъ себя: не орденъ, а слова рескрипта вызвали мои слезы.

Библиотека "Руниверс"

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

„Изъ столкновенія мнѣній рождается истина".

Будущіе историки эпохи, нами переживаемой, должны будутъ посвятить Кавказу не мало страницъ: почти вѣковая борьба Россіи съ тамошними туземцами сама по себѣ уже достаточно серьозный предметъ въ исторіи Русскаго государства; но, кромѣ того, характеристика главныхъ дѣйствовавшихъ тамъ лицъ, различныя мѣропріятія военно-административнаго свойства, колебанія во взглядахъ на цѣли и средства, личныя отношенія и проч. тоже будутъ приняты историками во вниманіе, какъ рисующія вообще состояніе Русскихъ правящихъ классовъ въ данное время. Наши историческіе сборники: „Русскій Архивъ", „Русская Старина", „Историческій Вѣстникъ" и проч. дадутъ обильный источникъ матеріаловъ и, послѣ офиціальныхъ документовъ, это будутъ матеріалы самые солидные, особенно когда они исходятъ отъ столь повидимому авторитетныхъ лицъ, какъ Д. И. Романовскій, читавшій въ Петербургѣ публичныя лекціи о Кавказской войнѣ, или вообще отъ генераловъ, занимавшихъ высшіе посты и подвизавшихся въ журналистикѣ.

Но, именно, вслѣдствіе важности для историка подобныхъ матеріаловъ, мнѣ кажется нелишнимъ указывать на замѣчаемыя въ нихъ ошибки, недоразумѣнія или пропуски. Почтенные авторы, безъ сомнѣнія, знаютъ, что „не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ", а потому и не могутъ принять замѣчаній за пустое желаніе полемизировать съ ними.

Г. Романовскій начинаетъ свою статью *) сѣтованіемъ, „что общество отнеслось холодно къ кончинѣ фельдмаршала князя Барятинскаго, что и высказалось ясно отсутствіемъ статей въ газетахъ и вообще въ литературѣ о дѣйствительныхъ заслугахъ покойнаго и о той общественной пользѣ, которую онъ принесъ въ своей жизни". Но, вопервыхъ, въ газетахъ были статьи самого же автора вышеприведенныхъ строкъ, моя въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" и, кажется, еще въ одной или двухъ газетахъ, кромѣ „Рус-

*) „Р. Старина" 1881 г. кн. 2-я.

Библиотека "Руниверс"

скаго Инвалида“, гдѣ, такъ сказать, обязательно помѣщаются некрологи высшихъ военныхъ лицъ; во вторыхъ, общество и литература заняты были въ то время (1879 г.) преимущественно вопросами, имѣющими связь съ гражданскимъ развитіемъ государства, упроченіемъ благосостоянія народныхъ массъ, устраненіемъ удручающихъ насъ безчисленныхъ недуговъ и беззаконій и проч. и проч., такъ что до чисто-спеціально-военныхъ заслугъ кого бы то ни было имъ было мало дѣла, и ужъ скорѣе однимъ военнымъ сферамъ и ихъ органамъ слѣдуетъ поставить въ упрекъ такое равнодушіе къ памяти покорителя Кавказа. Вѣдь не надо забывать, что князь Барятинскій, главнокомандующій и князь Барятинскій-намѣстникъ Кавказскій, совершенно два различныя лица: какъ главнокомандующій, онъ безспорно оказалъ государству одну изъ величайшихъ заслугъ покореніемъ Кавказа и пріобрѣлъ полное право на памятникъ, чего въ такой степени нельзя сказать объ немъ, какъ о намѣстникѣ; а общество и литература (не военныя) только въ этомъ отношеніи придали бы болѣе значенія его дѣятельности и посвятили бы ему свое вниманіе. Я принадлежу къ самымъ искреннимъ, горячимъ поклонникамъ князя Барятинскаго, но это не можетъ затемнить въ глазахъ моихъ истину и заставить закрыть глаза предъ его дѣятельностью въ качествѣ намѣстника. Насколько онъ былъ привлекателенъ, какъ главнокомандующій, насколько его предположенія къ покоренію Кавказа были основательны, насколько энергіи проявилъ онъ въ приведеніи ихъ въ исполненіе: настолько же, какъ намѣстникъ, былъ онъ—обыкновенный смертный, одержимый обыкновенными слабостями, присущими большинству людей *).

Болѣе подробный очеркъ того времени еще впереди; онъ, безъ сомнѣнія, съ достаточною убѣдительностью подтвердитъ мой, надѣюсь, совершенно безпристрастный взглядъ, а пока этого довольно, чтобы видѣть причины нѣкотораго равнодушія гражданской литературы къ заслугамъ покойнаго фельдмаршала, хотя и дѣйствительнаго покорителя Кавказа. Наконецъ, нужно сказать и то, что оставленіемъ, повидимому, безъ особой побудительной причины, весною 1861 года, Кавказа, ранѣе окончательнаго покоренія всего края въ западной его части, и затѣмъ пребываніе въ теченіи восемнадцати лѣтъ внѣ всякой дѣятельности, большею частью за границей, тоже немало способствовало забвенію и нѣкоторому равнодушію, выразившемуся въ обществѣ послѣ кончины князя, послѣдовавшей

---

*) Я вовсе не хочу сказать этимъ, что въ качествѣ намѣстника князь Барятинскій ничего не сдѣлалъ для Кавказа; напротивъ, ему обязаны мы, напримѣръ, прекраснымъ шоссейнымъ путемъ между Тифлисомъ и Владикавказомъ, еще болѣе впрочемъ улучшеннымъ уже при Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ; ему обязанъ Тифлисъ прекраснымъ Александровскимъ садомъ и т. д. Но эти и еще другіе почтенные памятники дѣятельности намѣстника не уравновѣшиваютъ другихъ, болѣе многочисленныхъ и важныхъ предпріятій и дѣлъ, сопряженныхъ съ крупными затратами и развитіемъ бюрократизма и синекурства до значительныхъ размѣровъ.

Библиотека "Руниверс"

къ тому же въ печальное время недавно пережитыхъ нами смутъ, когда общее вниманіе было отвлечено въ другую сторону.

Перехожу теперь къ нѣкоторымъ неточностямъ, встрѣченнымъ въ статьѣ Д. И. Романовскаго.

Авторъ говоритъ, что князь Барятинскій въ 1835 году для участвованія въ экспедиціи былъ прикомандированъ къ Кабардинскому пѣхотному полку, а 21-го Сентября, начальствуя надъ сотней казаковъ, раненъ въ упоръ ружейною пулею въ правый бокъ. Это не совсѣмъ такъ. Князь былъ прикомандированъ къ Черноморскому конному полку; поэтому-то онъ и начальствовалъ казачьей сотней, съ которою, въ числѣ другихъ четырехъ сотенъ, 21-го Сентября былъ посланъ изъ лагеря на подкрѣпленіе къ отступавшей (послѣ сожженія аула Бгана-Хабль), колонны командира Кабардинскаго полка полковника Пирятинскаго, причемъ для усиленія цѣпи въ лѣсу сотня была спѣшена, и тутъ-то князь Барятинскій былъ раненъ *пистолетнымъ* выстрѣломъ. Говорю это на основаніи оффиціальныхъ данныхъ.

Къ Кабардинскому полку князь Барятинскій былъ прикомандированъ лишь во второй пріѣздъ свой на Кавказъ, въ 1845 году, и командовалъ 3-мъ баталіономъ. При занятіи Андійскихъ высотъ 14-го Іюня (а не Іюля, какъ сказано въ „Русской Старинѣ") князь шелъ впереди съ двумя ротами, которыя и совершили блестящее дѣло на глазахъ всего отряда. 3-я карабинерная и 7-я егерская роты превзошли въ этотъ день самыя восторженныя убѣжденія всѣхъ цѣнителей доблести Кабардинцевъ; но поплатились они дорого: князь Барятинскій раненъ въ ногу, командиръ 7-й роты поручикъ Маевскій убитъ наповалъ, оплакиваемый, въ буквальномъ значеніи этого слова, солдатами, любившими его какъ отца; командиръ 3-й карабинерной (а не 7-й егерской, какъ сказано у г. Романовскаго) штабсъ-капитанъ Нейманъ тяжело раненъ, и много другихъ еще выбыло изъ строя. Нейманъ, на вопросъ князя Воронцова, какъ онъ себя чувствуетъ, приподнялся на носилкахъ и сказалъ: „А что̀, ваше сіятельство, и теперь скажете, что̀ Куринцы дерутся лучше Кабардинцевъ?"

Д. И. Романовскій, рисуя характеръ покойнаго фельдмаршала, указываетъ на странную черту, что онъ усиленно занимался дѣлами по ночамъ, когда никто, кромѣ самыхъ приближенныхъ, не могъ этого видѣть, и какъ только показывался кто-либо не-приближенный, онъ прекращалъ занятія, какъ бы не желая показывать своихъ трудовъ, въ противоположность многимъ фатамъ, рисующимся своими якобы страшными трудами. Авторъ статьи объясняетъ эту черту характера князя Ал. Ив. отвращеніемъ и *ненавистью* его правдивой натуры ко всякому шарлатанству. Въ правдивости натуры князя Барятинскаго никто, мало-мальски знавшій его, не сомнѣвается, но въ *отвращеніи* и даже *ненависти* (?) къ шарлатанамъ обвинять его невозможно въ виду противурѣчивыхъ фактовъ. Кто же не помнитъ нѣкоторыхъ шарлатановъ, которые благодушествовали на Кавказѣ въ 1857—61 гг., и къ тому же въ высшихъ гражданскихъ сферахъ? Да и гораздо раньше, еще въ командованіе полкомъ, шуты или вѣрнѣе шарла-

Библиотека "Руниверс"

таны, въ родѣ извѣстнаго Тараса Павловича, жевавшаго сѣно, чтобы убѣдить князя какъ строго онъ бережетъ его интересы и не покупаетъ для полковыхъ лошадей у Кумыковъ, зря, плохаго сѣна, и нѣкоторыхъ другихъ господъ, не испытывали на себѣ ненависти князя, хотя, должно думать, онъ понималъ ихъ шарлатанство; но по добротѣ своей, по снисходительности къ людскимъ слабостямъ, по нѣкоторой даже презрительности къ нимъ, и по общей наклонности всѣхъ почти магнатовъ держать разныхъ шутовъ, замѣчалъ только смѣшную сторону и оставлялъ ихъ въ покоѣ.

Разсказъ о томъ, что князь Барятинскій по сдачѣ полка оставался нѣкоторое время въ Хасавъ-юртѣ и говорилъ: „Я радъ, что могу быть и ходить теперь человѣкомъ, а не Индѣйскимъ пѣтухомъ“, т.-е. не распекать, не замѣчать неисправностей и проч., едва ли вѣренъ; потому что князь *тотчасъ* по сдачѣ полка барону Е. И. Майделю уѣхалъ въ Россію и потому еще, что, бывъ дѣйствительно требовательнымъ по службѣ командиромъ, онъ не могъ бы придавать этому какой-то смѣшной, напускной педантичности, не нанося тѣмъ ущерба авторитету власти полковаго командира: это было вовсе не въ характерѣ князя, совершенно серьозно относившагося къ разнымъ служебнымъ этикетамъ и обязанностямъ.

Авторъ разбираемой статьи говоритъ, что первымъ военнымъ дѣломъ, совершеннымъ княземъ Барятинскимъ въ качествѣ самостоятельнаго начальника отряда, былъ набѣгъ на аулъ Зандакъ въ Ауховскомъ обществѣ и придаетъ этому дѣлу особое значеніе, какъ диверсіи, отвлекшей силы Ауха отъ поддержки Шамиля, у котораго мы тогда въ Дагестанѣ осаждали укрѣпленный аулъ Салты; при этомъ Романовскій прибавляетъ, что до того времени Шамиль еще не имѣлъ большихъ неудачъ, а потому напрягалъ всѣ усилія, чтобы затруднить осаду.

Набѣгъ на Зандакъ былъ самый обыкновенный набѣгъ, какихъ командиры Кабардинскаго полка и начальники войскъ на Кумыкской плоскости производили ежегодно десятки, и никакою диверсіею противъ Шамиля послужить не могъ. Горцевъ Лѣваго фланга Кавказской линіи, въ томъ числѣ Ауховцевъ (вѣтвь Чеченскаго племени) Шамиль весьма рѣдко призывалъ въ Дагестанъ, развѣ въ особенно важныхъ, чрезвычайныхъ обстоятельствахъ и преимущественно когда онъ предпринималъ наступательныя дѣйствія; потому что въ Дагестанѣ не было для нихъ запасовъ продовольствія, потому что Чеченцамъ съ Лѣваго фланга всегда грозили Русскія вторженія и потому что для гарнизоновъ осажденныхъ нами укрѣпленій и для поддерживающихъ гарнизоны Шамилевыхъ партій достаточно было однихъ горцевъ Дагестана. Тоже было и въ 1847 году; а такъ какъ послѣдній нашъ штурмъ на Салты и бѣгство изъ него горцевъ было 14-го Сентября, т.-е. въ тотъ самый день, когда князь Барятинскій сдѣлалъ набѣгъ на Зандакъ и когда Ауховцы все равно къ осажденнымъ на помощь поспѣть не могли (ибо отъ Ауха до Салтовъ и для конныхъ горцевъ двое сутокъ хода), то очевидно, что набѣгъ на Зандакъ никакой дѣйствительной диверсіи не составлялъ. Одобреніе же распоряженій князя

Библиотека "Руниверс"

Барятинскаго во время этого движенія генераломъ Фрейтагомъ и княземъ Воронцовымъ относилось, конечно, только къ благоразумной осторожности, избавившей насъ отъ совершенно лишнихъ потерь, ограничившихся двумя убитыми рядовыми, двумя офицерами и 16-ю нижними чинами ранеными. Къ тому же, набѣгъ не имѣлъ успѣха; ибо мы были заранѣе открыты и должны были торопиться отступленіемъ, чтобы предупредить занятіе Ауховцами дорожки въ лѣсной чащѣ, гдѣ потеря увеличилась бы въ нѣсколько разъ.

Что касается того, будто Шамиль до того времени (до 1847 г.) еще не имѣлъ большихъ неудачъ, то это недоразумѣніе: вскорѣ по принятіи званія имама онъ былъ на голову разбитъ генераломъ Клюки-фонъ-Клугенау подъ Гоцатлемъ; въ 1837 г. потерпѣлъ онъ пораженіе отъ отряда генерала Фези, бывъ атакованъ имъ въ Тилитлѣ, и когда увидѣлъ невозможность спастись, вступилъ въ переговоры, выдалъ аманатовъ, принялъ присягу на Коранѣ въ покорности Россія и этимъ только способомъ спасся, обманувъ недальновиднаго Фези; въ 1839 году разбитый генераломъ Граббе подъ Аргуани, Шамиль заперся въ Ахульго, гдѣ былъ доведенъ до того, что выдалъ сына въ аманаты, потерявъ всѣхъ своихъ лучшихъ помощниковъ и тысячи самыхъ отчаянныхъ мюридовъ, едва спасся бѣгствомъ, спустившись на веревкахъ со скалъ на плотѣ, заранѣе приготовленномъ на Андійскомъ Койсу, и самымъ жалкимъ бѣглецомъ явился въ Шатой. Въ Куиши онъ осенью 1846 г. княземъ Бебутовымъ разбитъ на голову, потерялъ орудіе и свой багажъ. Развѣ это не значитъ испытать неудачи? Что мы не умѣли и не имѣли довольно средствъ извлечь изъ этихъ неудачъ Шамиля положительные результаты, это вѣрно; но это совсѣмъ другой вопросъ и факта неудачъ Шамиля до 1847 года не уничтожаетъ.

Въ статьѣ Д. И. Романовскаго (стр. 278) говорится, что императоръ Николай, послѣ неудачныхъ попытокъ быстраго покоренія Кавказа, предпочелъ слѣдовать систематическимъ дѣйствіямъ, которыя и начались *съ пріѣздомъ князя Воронцова на Кавказъ*. Нѣтъ, онѣ начались не съ пріѣздомъ князя Воронцова (Мартъ 1845 г.), а съ зимы на 1846 годъ, послѣ несчастной экспедиціи лѣтомъ 1845 года въ Андію и Дарго, гдѣ мы едва спасли сильно пострадавшій отрядъ отъ совершенной гибели. Только эта крупная неудача убѣдила, наконецъ, въ невозможности „сокрушить однимъ ударомъ“ власть Шамиля и вынудила начать систематическія дѣйствія.

Далѣе (стр. 280) авторъ, касаясь вопроса о возможности дѣйствовать въ Чечнѣ и лѣтомъ (что многими авторитетными лицами отвергалось въ виду громадныхъ потерь 1840, 1842, 1844 и 1845 годовъ, понесенныхъ нами въ Чеченскихъ лѣсахъ), говоритъ, что князь Барятинскій, какъ только вступилъ весною 1851 года въ должность начальника Лѣваго фланга, въ подтвержденіе своей мысли о необходимости дѣйствовать въ Чечнѣ и лѣтомъ, произвелъ туда нѣсколько набѣговъ въ Іюнѣ и Сентябрѣ съ успѣхомъ. Это совершенно вѣрно, что движенія были произведены и посѣвы Чеченцевъ уничтожены; но это потому стало возможнымъ, что предварительно

Библиотека "Руниверс"

въ теченіи трехъ зимъ нашими отрядами, подъ начальствомъ генераловъ Козловскаго и Нестерова, были вырублены тутъ лѣса, и лѣтомъ отряды уже двигались по широкимъ просѣкамъ, не давая возможности непріятелю поражать насъ въ лѣсной чащѣ. Противники дѣйствій лѣтомъ въ Чечнѣ были правы въ свое время, *до систематической рубки лѣсовъ* зимою, которыя и составили главную часть начатыхъ съ 1846 года сначала въ Малой, а съ 1849—50 въ Большой Чечнѣ дѣйствій; о дѣйствіяхъ же лѣтомъ, послѣ вырубки зимою просѣкъ, не было и рѣчи, потому что тогда не былъ рѣшенъ самый вопросъ о зимнихъ экспедиціяхъ, противъ которыхъ въ прежнія времена приводились тоже многіе основательные, повидимому, доводы. О необходимости же рубки лѣсовъ писали еще А. П. Ермоловъ и Вельяминовъ, производившіе ихъ частью, насколько позволяли ихъ ограниченныя средства. А дѣйствовать лѣтомъ въ Чечнѣ и даже рубить лѣтомъ лѣса предлагалъ еще баронъ Розенъ въ 1832 году. Императоръ Николай и графъ Чернышовъ считали тогда же нужнымъ въ Іюлѣ и Августѣ истреблять у Чеченцевъ жатвы, чтобы вынудить ихъ къ покорности. Слѣдовательно, мысль дѣйствовать лѣтомъ въ Чечнѣ была не новостью.

Д. И. Романовскій, въ личныхъ бесѣдахъ съ Шамилемъ въ Петербургѣ осенью 1859 года, старался разъяснить вопросъ: почему въ 1855 году, когда войска наши были связаны блокадою Карса, а Омеръ-паша сдѣлалъ высадку въ Имеретію, Шамиль не сдѣлалъ никакой диверсіи со стороны горъ? Имамъ далъ слѣдующій отвѣтъ: „Вы сами говорите, что я въ 1853 и 1854 годахъ безпокоилъ васъ (т.-е. Русскихъ) довольно; но вмѣсто всякой благодарности я постоянно получалъ изъ Константинополя замѣчанія, что дѣлаю свои нападенія или не во́-время, или не туда куда слѣдуетъ. Вслѣдствіе того я въ 1855 году ограничился только увѣдомленіемъ въ Константинополь о полной готовности моей безотлагательно двинуться тогда и туда, куда мнѣ будетъ указано, но до полученія этого я самъ никуда не двинусь. Никакихъ указаній я послѣ этого уже не получалъ, потому и вся дѣятельность моя въ 1855 году ограничилась одними сборами“.

Шамиль былъ весьма умный и почтенный человѣкъ, но это не мѣшало ему придерживаться общей человѣческой слабости признавать себя всегда правымъ и сваливать вину на другихъ. Гдѣ и когда былъ полководецъ, признававшій себя виновнымъ въ неудачахъ? Виноватымъ былъ большею частью мертвый, а въ крайнемъ случаѣ безгласный подчиненный. Шамиль не могъ сослаться на такихъ и свалилъ вину на Константинополь, откуда, конечно, ни возраженій, ни оправданій не предвидѣлось. Между тѣмъ, вопросъ, почему онъ ничего не сдѣлалъ въ 1855 году, разрѣшается самымъ простѣйшимъ образомъ: *онъ не могъ* ничего сдѣлать. Въ 1853 и 1854 годахъ Шамиль сдѣлалъ три попытки наступленія, для чего напрягъ до крайней возможности свои средства; изъ этихъ попытокъ двѣ окончились полнѣйшею неудачею и пораженіемъ, посрамившими горцевъ въ собственныхъ глазахъ, а одна весьма сомнительнымъ успѣхомъ, не имѣвшимъ въ сущности для нашего положенія на Кавказѣ никакого значенія. Первое на-

Библиотека "Руниверс"

шествіе было на Правый флангъ Лезгинской кордонной линіи, гдѣ нѣсколько атакъ Шамилевскихъ скопищъ на маленькое недостроенное укрѣпленіе Месельдигеръ разбились о мужество двухъ ротъ Мингрельскаго полка, и это дало время подоспѣть изъ Дагестана отряду князя Аргутинскаго, который и прогналъ Шамиля обратно въ горы. Потери горцевъ были значительны, отъ недостатка продовольствія поднялся въ его толпахъ ропотъ, и многіе бѣжали еще ранѣе, а уходъ безъ всякаго результата и добычи произвелъ въ горахъ скверное впечатлѣніе. Второе нашествіе имамъ сдѣлалъ въ Іюлѣ 1854 года на Лѣвый флангъ Лезгинской линіи, т.-е. на Кахетію, и успѣхъ заключался въ томъ, что его толпы успѣли захватить въ плѣнъ сотню душъ, въ томъ числѣ семейство князей Чавчавадзе и Орбеліяни. Происшествіе это было крайне непріятно всѣмъ намъ, о плѣнныхъ княгиняхъ искренно жалѣли всѣ безъ исключенія Русскіе; но въ смыслѣ военно-политическомъ это былъ не болѣе какъ дерзкій, удачный набѣгъ, не имѣвшій никакого вліянія ни на положеніе наше на Кавказѣ вообще, ни противъ Турецкой арміи въ частности, что́ доказывается блистательной побѣдой, одержанной въ томъ же Іюлѣ мѣсяцѣ княземъ Бебутовымъ при Кюрюкъ-Дара. Тревогу въ Тифлисѣ нападеніе на Кахетію дѣйствительно произвело немалую, но это была фальшивая тревога, истекавшая изъ совершеннаго незнанія тогдашняго временнаго начальника края (генерала Реада) мѣстныхъ обстоятельствъ; тревога эта, впрочемъ, вѣдь тоже ничѣмъ не стѣснила дѣйствій противъ Турокъ и только намозолила напрасно ноги двумъ-тремъ баталіонамъ, двигавшимся въ попыхахъ то туда, то сюда....

Обѣ эти попытки Шамиля потревожить насъ со стороны Грузіи еще можно, пожалуй, принять за диверсіи въ пользу Турокъ, не имѣвшія однако результата; но третью, о которой я сейчасъ скажу, вовсе нельзя отнести ни къ диверсіи, ни вообще къ чему-нибудь, имѣющему отношеніе къ тогдашней восточной войнѣ. Это была уже чисто мѣстная, Кавказская затѣя, болѣе интересовавшая Шамиля, ближе стоявшая къ его интересамъ, чѣмъ какія-то тамъ комбинаціи съ Турціей и высшей политикой, о которой почтенный имамъ имѣлъ весьма смутныя понятія. Дѣло было въ томъ, что наши успѣшныя дѣйствія послѣднихъ лѣтъ въ Чечнѣ, особенно въ бытность начальникомъ ея князя Барятинскаго, чрезвычайно усилили эмиграцію оттуда Чеченцевъ, селившихся подъ защитой нашихъ укрѣпленій. Эти поселенія были бѣльмомъ на глазу имама; онъ ихъ называлъ не иначе какъ разбойниками, богоотступниками и готовъ былъ пожертвовать чѣмъ угодно, чтобы истребить ихъ и отвадить другихъ отъ соблазна и послѣдованія ихъ примѣру. Къ этому особенно подбивали его Чеченскіе наибы, терявшіе массу подчиненныхъ, наилучше вооруженныхъ людей, которые превращались въ слугъ Русскихъ и содѣйствовали нашимъ отрядамъ совершать удачныя набѣги и движенія. Болѣе всего вызвалъ противъ себя озлобленіе Шамиля и всего синклита наибовъ аулъ Истису, поселившійся на Кумыкской плоскости, у подножія Качкалыковскаго хребта, подъ охраной двухъ полевыхъ

Библиотека "Руниверс"

редутиковъ, вооруженныхъ каждое пушкой и занятыхъ одной ротой Кабардинскаго полка. Нѣсколько разъ внезапно нападали наибы съ значительными партіями на Истису, убивали нѣсколько человѣкъ, отгоняли скотъ, но рѣшительнаго удара нанести имъ не удавалось. Истисунцы были бдительны и защищались молодцами. Сюда-то Шамиль и рѣшилъ осенью 1854 года направить ударъ, чтобы истребить это гнѣздо измѣнниковъ и возстановить сильно поколебленное вліяніе свое въ Чечнѣ.

3-го Октября съ сборищемъ, какого никто изъ старожиловъ Кавказскихъ еще не видѣлъ, не менѣе 15—20 тысячъ человѣкъ, при нѣсколькихъ орудіяхъ, нагрянулъ Шамиль на Истису и былъ наголову разбитъ горстью богатырей Кабардинскаго полка, подъ начальствомъ полковаго командира барона Николаи. Сотнями труповъ было усѣяно все пространство кругомъ аула; по всѣмъ горамъ Дагестана, въ самыхъ трущобахъ верховій Койсу, понеслись вопли, стоны и проклятія за напрасную гибель людей, сложившихъ головы вдали отъ родныхъ ауловъ, за чуждое имъ дѣло, на потѣху злорадно относившихся къ Лезгинамъ Чеченцевъ!...

Я не вдаюсь въ подробности дѣла и всѣхъ предшествовавшихъ ему обстоятельствъ; не говорю здѣсь также о значеніи его для насъ, о томъ что̀ могло произойти въ случаѣ удачи Шамиля. Все это придало бы моимъ замѣткамъ слишкомъ обширный, неудобный для критической статьи размѣръ, да интересующіеся предметомъ читатели найдутъ все подробно въ моей „Исторіи Кабардинскаго полка“. Здѣсь я веду рѣчь къ тому, что послѣ разгрома 3-го Октября 1854 года Шамиль былъ въ такомъ, можно сказать, жалкомъ положеніи, такъ униженъ, такъ нравственно убитъ, что и думать не могъ о какихъ-нибудь новыхъ попыткахъ наступленія, хотя бы ему написалъ объ этомъ не только Омеръ-паша, но и самъ Калифъ-Абдулъ-Меджидъ. Вѣдь на Истису онъ пришелъ съ сыномъ, со всѣми главными наибами, со всѣми безъ остатка способными для дальнихъ наступательныхъ движеній подвластными горцами, съ своею артиллеріею, послѣ долгихъ сборовъ, грозно хвастливыхъ слуховъ, распущенныхъ вездѣ о предстоящихъ великихъ подвигахъ... И вдругъ такое пораженіе, гибель столькихъ людей, такой срамъ и ликованіе среди отшатнувшихся въ большинствѣ Чеченцевъ!

Первую ночь послѣ этого пораженія старый владыка горъ провелъ безъ сна, задумавшись, въ глубокомъ молчаніи; это мы сейчасъ же знали отъ лазутчиковъ. Ему должна была представиться параллель блистательныхъ удачъ 1843 года, когда и крѣпчайшіе аулы и Русскія укрѣпленія падали подъ его штурмующими Лезгинскими толпами, и такое постыдное пораженіе подъ дряннымъ аульчикомъ, нѣсколько часовъ до прибытія барона Николаи отбивавшимся отъ десятковъ тысячъ горцевъ. Онъ не могъ не видѣть, что въ теченіи послѣднихъ лѣтъ уже исчезъ религіозный энтузіазмъ, исчезло и благосостояніе населенія горъ, что страшныя потери людьми, разореніе ауловъ, гнётъ и безпощадно-жестокое управленіе его убили душу народа, превративъ его въ толпу тупыхъ, забитыхъ, страхомъ казни двигаемыхъ на убой людей, въ добавокъ враждующихъ между собою. Увлеченіе,

Библиотека "Руниверс"

вѣра въ будущее—исчезли вмѣстѣ съ матеріальными силами; дальнѣйшая борьба представлялась все болѣе и болѣе трудною. Въ довершеніе всего, вслѣдъ за этимъ, на Лѣвый флангъ Кавказской линіи, вмѣсто распущеннаго Шамилемъ слуха объ уходѣ почти всѣхъ Русскихъ войскъ противъ Турокъ, прибыли два баталіона изъ Дагестана, три баталіона изъ Владикавказа, нѣсколько сотенъ казаковъ и орудій, составился значительный отрядъ подъ начальствомъ барона А. Е. Врангеля, и началась зимняя экспедиція, совершенно также, какъ было и до войны съ Турціей. Рубились просѣки новыя, расчищались старыя и истреблялись десятки ауловъ съ громаднѣйшими запасами, а Чеченское населеніе вынуждалось или бѣжать, спасаться въ лѣса, терпя холодъ и голодъ, или выселяться подъ защиту Русскихъ. На призывъ къ Шамилю о помощи, о защитѣ, раздавались только давно потерявшія вѣру росказни и обѣщанія.

Ну, гдѣ же, спрашивается, въ подобномъ положеніи Шамиль могъ предпринять что нибудь противъ насъ для угрозы нашему положенію? Развѣ онъ не видѣлъ, что мы не только достаточно сильны отразить его нападенія, но даже и побить его жестоко. Сознаться въ этомъ было больно самолюбію Шамиля, вотъ онъ и взвалилъ причину бездѣятельности на Константинополь...

Не могу согласиться также съ взглядами автора, что „какъ ни великъ самъ по себѣ срокъ 64-хъ-лѣтъ, который продолжалась Кавказская война, но обсуждая и оцѣнивая всѣ трудности, которыя приходилось преодолѣвать Россіи, такой срокъ отнюдь нельзя считать продолжительнымъ“. Вопервыхъ, самый счетъ времени въ 64 года ошибоченъ: не говоря о старинныхъ, въ XVI столѣтіи, нашихъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ, или о походахъ Петра I и графа Зубова, мы вѣдь въ первую же Турецкую войну 1769—74 г. двинули на Кавказъ войска и почти безпрерывно вели войну съ горцами, то западной, то восточной части края. Кабардинскій полкъ, напримѣръ, прибылъ на Кавказъ въ 1776 году, занялъ и построилъ крѣпость Св. Георгія, на которую горцы нѣсколько разъ нападали, имѣлъ съ ними постоянныя стычки; въ 1783 была послана колонна за Сунжу захватить Шахъ-Мансура, перваго фанатика-проповѣдника священной войны, и эта колонна потерпѣла полное пораженіе отъ Чеченцевъ, а затѣмъ Шахъ-Мансуръ, собравъ большія толпы, двинулся въ Кабарду, чтобы соединить всѣ горскія племена для изгнанія Русскихъ съ Кавказа; встрѣченный отрядомъ командира Кабардинскаго полка Нагеля, онъ, въ свою очередь, былъ разбитъ и бѣжалъ за Кубань; въ 1788 туда ходилъ генералъ Текели, прошелъ за Лабу и Бѣлую къ Анапѣ, разорилъ Черкескіе аулы, устроилъ по Кубани полевыя укрѣпленія; а въ слѣдующемъ году подобную же экспедицію совершилъ генералъ Бибиковъ, но потерпѣлъ неудачу подъ Анапой и едва спасъ остатки своего отряда. Что же все это, какъ не Кавказская война? Почему считать ее только съ 1800 года, когда за Кавказъ былъ посланъ Кабардинскій полкъ въ добавокъ къ находившемуся уже тамъ съ 1799-го г. 17 егерскому полку? Еслибы мы дѣлили войну на два періода:

Библиотека "Руниверс"

Кавказскій и Закавказскій, то еще можно было бы сказать что Закавказская война началась съ 1800 и окончилась въ 1859, слѣдовательно длилась 59 лѣтъ, а не 64; Кавказская же, начавшись съ 1770-го, длилась до 1864, слѣдовательно 94 года. Приходится, однимъ словомъ, срокъ войны на Кавказѣ считать въ 94 года, а не въ 64,—срокъ весьма немаленькій...

Трудности, которыя приходилось намъ преодолѣвать, дѣйствительно громадны и разнообразны, объ этомъ никакого спора быть не можетъ; но не однѣ эти трудности были причиной, что война длилась болѣе 90 лѣтъ, или, даже соглашаясь съ принятымъ счетомъ, хотя бы 60 лѣтъ. Въ теченіи двухъ третей этого длиннаго періода самая цѣль войны не была ясно сознана; никакой системы веденія войны не существовало. Мало того: что̀ ни новый начальникъ, даже не главный, а частный, то начиналась новая не система, уничтожавшая предшествовавшую, а „усмотрѣніе“ или, проще сказать, ни цѣли, ни системы, ни настойчиваго преслѣдованія какого-нибудь опредѣленнаго плана не было, а было одно „личное усмотрѣніе“. Само собою, если усмотрѣніе исходило отъ умнаго человѣка, то оно приносило пользу, въ противномъ случаѣ вредъ. Къ этому нужно прибавить постоянное отсутствіе достаточнаго числа войскъ и всѣхъ матеріальныхъ средствъ для успѣшныхъ дѣйствій и крайне нераціональное увеличеніе того и другого исподоволь, „чрезъ часъ по ложкѣ“, когда много удобныхъ моментовъ уже было пропущено. Можно положительно сказать, что еслибы въ последній періодъ войны съ 1856 по 1859 г. не было въ распоряженіи князя Барятинскаго всей массы войскъ, составлявшихъ тогда Кавказскую армію, съ 13 и 18-ю пѣхотными дивизіями (до 300 тысячъ человѣкъ): то, не взирая на весьма крупные, уже заранѣе достигнутые успѣхи наши, нанесшіе сильный ударъ и власти Шамиля, и благосостоянію горцевъ, не взирая на полное знаніе княземъ и края, и всѣхъ обстоятельствъ, связанныхъ съ дѣломъ покоренія, не взирая на его блестящія соображенія, энергію, умѣніе выбрать соотвѣтствующихъ помощниковъ, распорядиться обильными средствами и проч., не взирая на все это, мы едва ли въ 1859 году покончили бы съ восточнымъ, а въ 1864 съ западнымъ Кавказомъ. Съ того момента, какъ самая цѣль была ясно обозначена, система почти съ точностью опредѣлена и средства усилены—сомнѣній въ окончательномъ успѣхѣ уже быть не могло: оставался еще вопросъ о времени, когда раздастся послѣдній выстрѣлъ, и этотъ вопросъ разрѣшилъ покойный фельдмаршалъ такъ блистательно, что даже участники послѣднихъ дѣлъ были озадачены...

На стр. 297 почтенный авторъ, вспоминая о героѣ рядовомъ Архипѣ Осиповѣ, ошибочно называетъ взорванное имъ укрѣпленіе „Головинскимъ“. Это было „Михайловское“.

Далѣе, на стр. 298, г. Романовскій, между прочимъ, говоритъ: „съ 1846 года мы не имѣли неудачъ въ войнѣ съ горцами.“ Дѣйствительно съ 46 года наступилъ переломъ и именно вслѣдствіе большей систематичности въ дѣйствіяхъ нашихъ; но чтобы мы не имѣли неудачъ, этого нельзя сказать: были неудачи, и даже весьма чувствительныя. Смѣлый походъ Ша-

Библиотека "Руниверс"

миля съ 12 тысячами человѣкъ и нѣсколькими орудіями за Терекъ въ Кабарду и безнаказанное почти возвращеніе оттуда, не взирая на преслѣдовавшіе и сторожившіе его отряды наши, нельзя не считать нашей неудачей. Въ 1847 году князь М. С. Воронцовъ лично подступилъ къ Шамилевскому укр. Гергебилю и, послѣ неудавшагося штурма, стоившаго намъ большихъ жертвъ, вынужденъ былъ отступить. Это ужъ неудача крупная. Послѣдовавшее за тѣмъ взятіе Салты если нельзя, конечно, считать нашей неудачей, то и для Шамиля это не было неудачей, а даже нѣкоторымъ образомъ торжество: 52 дня осады, два кровавыхъ отбитыхъ штурма, болѣе 2-хъ тысячъ человѣкъ потери и овладѣніе ауломъ, изъ котораго непріятель послѣ такой геройской защиты ушелъ, —какъ хотите, это для насъ было успѣхомъ, послѣ котораго можно было сказать: „еще одна такая побѣда, и дѣло будетъ проиграно"; для горцевъ же это было своего рода торжествомъ... Наконецъ, въ 1849 году, напрасная, продолжительная осада княземъ Аргутинскимъ Чоха, отъ котораго пришлось отступить безъ результата, хотя средства были даны обильныя и даже осадныя орудія изъ Эривани привезены, не можетъ же не быть сочтено за нашу неудачу. Такъ понимали ее и князь Воронцовъ, и покойный Государь Николай, да сознавалъ неофиціально и самъ князь Аргутинскій.

На стр. 302-й говорится: „Въ Іюлѣ 1856 г., когда бывшій тогда на Кавказѣ главнокомандующій Н. Н. Муравьевъ *просился* объ увольненіи съ Кавказа, новымъ главнокомандующимъ назначенъ князь Барятинскій." Могу увѣрить, что генералъ Муравьевъ и не думалъ *проситься* объ увольненіи. За два мѣсяца до своего отозванія, онъ проѣзжалъ чрезъ Владикавказъ, куда пригласилъ Н. И. Евдокимова изъ Грозной и подробно обсуждалъ предположенія свои о предстоявшихъ осенью дѣйствіяхъ въ Чечнѣ, требуя отъ Евдокимова соображеній. Составленная по приказанію Николая Ивановича по этому предмету записка была послана въ Тифлисъ, и еще 4-го Іюля полученъ отвѣтъ генерала Муравьева съ окончательнымъ рѣшеніемъ о томъ, что̀ онъ намѣренъ предпринять въ Чечнѣ и съ требованіемъ свѣдѣній о размѣрѣ нужныхъ на это средствъ. Еслибы самъ Муравьевъ просился и ожидалъ увольненія, то онъ бы прямо о̀бъявилъ, что предположенія и распоряженія о будущихъ дѣйствіяхъ зависятъ отъ новаго главнокомандующаго, а не занимался бы ими и не рѣшалъ бы ихъ такъ положительно. Но вотъ еще доказательство, что онъ не просился и даже не ждалъ увольненія. Въ томъ же Іюлѣ мѣсяцѣ я провелъ нѣсколько дней въ Кисловодскѣ, гдѣ познакомился съ братомъ главнокомандующаго М. Н. Муравьевымъ (тогда мин. госуд. имуществъ), и тотъ въ разговорѣ постоянно выражался въ такомъ родѣ: „вотъ, братъ Николай Николаевичъ все это измѣнитъ", или „вѣроятно обратитъ вниманіе" и т. п. При этомъ самъ Михаилъ Николаевичъ принималъ всякія почести и даже обѣщалъ многимъ написать объ ихъ службѣ и усердіи къ брату, какъ вдругъ получено было извѣстіе о назначеніи князя Барятинскаго, и Михаилъ Николаевичъ въ тотъ же день уѣхалъ изъ Кисловодска и Пятигорска.

Библиотека "Руниверс"

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ о взглядѣ покойнаго графа Евдокимова на возможность окончанія войны, но не скораго (стр. 301-я). Самъ Д. И. Романовскій говорилъ объ этомъ предметѣ съ графомъ Евдокимовымъ весною 1856 г., и весьма естественно, что тогда взглядъ Евдокимова былъ еще далеко не тотъ, какъ годомъ, даже полугодомъ позже. Во 1-хъ, онъ только въ Февралѣ прибылъ на Лѣвый флангъ, вовсе ему незнакомый; во 2-хъ, онъ разсчитывалъ на тѣ крайне ограниченныя средства, какія были въ его распоряженіи и предвидѣлись отъ *щедротъ* Н. Н. Муравьева, задавшагося мыслью обходиться однимъ батальономъ вмѣсто пяти, ста рублями вмѣсто десяти тысячъ и т. д. При этомъ понятно, что Н. И. Евдокимовъ полагалъ нужнымъ десять лѣтъ только на выходъ изъ лѣсной полосы Чечни, что впрочемъ было бы равносильно смертельному удару сопротивленію Шамиля. Когда же, съ пріѣздомъ князя Барятинскаго, предъ Евдокимовымъ развернулась совсѣмъ другая перспектива средствъ, власти и полномочій, въ званіи командующаго войсками Лѣваго крыла отъ Сулака до Кубани, то и взгляды его измѣнились, и онъ уже не десять лѣтъ считалъ срокомъ *окончанія войны*, а 5, много 6-ть. Я былъ достаточно близокъ въ то время къ нему и говорю это положительно. Упрекнуть графа Евдокимова въ недостаточной настойчивости дѣйствій—все равно что упрекнуть Шамиля въ слишкомъ мягкой, гуманной администраціи... Помилуйте, а вѣдь это былъ общій кликъ всѣхъ его противниковъ, имя же имъ легіонъ, что онъ варваръ, „бурбонъ", живодеръ, никакого сожалѣнія къ войскамъ не имѣющій, замучилъ, уничтожилъ ихъ и т. д. Осенью 1858 г. князь Барятинскій вытребовалъ генерала Евдокимова въ Тифлисъ и между прочимъ выразилъ, что замѣчаетъ какую-то медленность въ его дѣйствіяхъ; но это было чистѣйшее недоразумѣніе, и участники занятія Аргунскаго ущелья и тѣхъ гигантскихъ работъ, которыя тогда производились войсками, той службы трудовой, безустанной, какую мы тогда несли, могутъ разсказать, можно ли было еще болѣе усилить и поспѣшить дѣйствіями.

Повторяю, велика заслуга фельдмаршала князя Барятинскаго предъ Россіей, онъ ждетъ себѣ памятника въ Тифлисѣ, на Гунибской площади, какъ покоритель Кавказа; но и сотрудникамъ его, и войскамъ вѣчная слава: безъ нихъ не достигъ бы никто результата такого скораго.

А. Зиссерманъ.

Библиотека "Руниверс"

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ П. А. ВИСКОВАТОВУ.

Моя замѣтка по поводу статьи въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ о Лермонтовѣ вызвала со стороны г. Висковатова отвѣтъ, полный явнаго раздраженія, брани и даже такихъ словъ: „Да, видно еще не скоро прекратится у насъ въ литературѣ страсть *праздныхъ писакъ*, *восхваляя самихъ себя*, унижать тѣхъ, кѣмъ гордится наша родина“.

Я рѣшительно не могу понять, почему иные господа не въ силахъ вынести малѣйшаго критическаго отношенія, малѣйшаго замѣчанія, невиннѣйшей шутки въ отношеніи ихъ литературныхъ работъ. Стόитъ только указать на какую-нибудь ошибку, заявить несогласіе съ ихъ взглядами, чтобы они тотчасъ, съ пѣною у рта, обрушились на дерзкаго заподозрѣвателя ихъ непогрѣшимости.

Предоставляю кому угодно подвергнуть мою замѣтку („Р. Архивъ“, 1885, вып. 5-й) строжайшему разбору, и пусть мнѣ укажутъ хоть одно неприличное слово въ отношеніи г-на Висковатова, страдающаго, по видимому, обидчивостью шестнадцатилѣтней институтки. Пусть мнѣ укажутъ, въ чемъ выразилось желаніе унижать Лермонтова, *какъ поэта*; въ чемъ восхваленіе себя? Неужели сомнѣніе въ дѣйствительности какой-то отчаянной роли головорѣза, какимъ г. Висковатовъ желалъ Лермонтова представить, есть униженіе его, какъ поэта. Неужели личное мнѣніе мое, что стихотворенія *не-Кавказскія* мнѣ больше нравятся тѣхъ, въ которыхъ герои Хаджи-Абреки и проч., есть униженіе поэта? Мнѣніе это не мѣшаетъ мнѣ восторгаться Лермонтовымъ, его картинами Кавказской природы, его прелестными стихами и знать ихъ почти наизусть.

Ну, можно ли, въ пылу полемической раздражительности, съ единственною цѣлью бросить въ противника грязью, дойти до того, чтобы инсинуировать предъ всей читающей Россіей: вотъ-де, смотрите, такой-то, имярекъ, унижаетъ того, кѣмъ гордится наша родина? Не хорошо...

Г-нъ Висковатовъ гораздо лучше бы сдѣлалъ, давъ отвѣтъ на мои замѣчанія по существу, спокойно, съ убѣдительными доказательствами въ рукахъ. Только такимъ способомъ цѣль всякой критической замѣтки мо-

Библиотека "Руниверс"

жетъ быть достигнута, а руганью, вымышленными обвиненіями и тому подобными недостойными выходками едва-ли можно убѣдить читателей, которые сколько нибудь вдумываются въ смыслъ прочитаннаго.

Все что г. Висковатовъ говоритъ въ своемъ отвѣтѣ („Ист. Вѣст.", Іюнь 1885 г., стр. 713) въ потвержденіе отчаянной храбрости Лермонтова, я вовсе не желаю оспаривать, тѣмъ болѣе что статей его въ „Русс. Стар." и въ „Русск. Мысли" не читалъ, и словамъ барона Россильона не вѣрить не имѣю никакого основанія. Я писалъ свою замѣтку только по поводу статьи въ „Ист. Вѣстникѣ", гдѣ выводы основывались на реляціяхъ, а имъ-то именно я и не вѣрю, все равно какимъ бы генераломъ они ни писались: потому что, по собственному долголѣтнему опыту, знаю цѣну реляцій и опять ссылаюсь въ этомъ отношеніи на военныхъ людей, служившихъ во время войнъ въ штабахъ. Да и сама реляція генерала Галафѣева, на которую г. Висковатовъ ссылается, указываетъ, что Лермонтовъ *состоялъ при немъ* и ни о какихъ командахъ головорѣзовъ не упоминаетъ.

О томъ, кто, когда и какъ въ бояхъ выказываетъ мужество и упрочиваетъ за собою репутацію храбрости, я распространяться не намѣренъ. Г. Висковатовъ говоритъ (стр. 714), что *ему случалось не разъ видѣть* офицеровъ и солдатъ, которые въ первомъ же бою выказывали мужество и проч. Очевидно г. Висковатовъ человѣкъ военный, не разъ уже участвовавшій въ бояхъ: ему и книги въ руки. Мнѣ остается лишь сознаться въ грубѣйшемъ промахѣ: я почему-то считалъ его невоеннымъ и позволилъ себѣ невиннѣйшую шутку, назвавъ его штатскимъ писателемъ, что такъ жестоко оскорбило г. Висковитова, и за что онъ десятокъ разъ весьма язвительно говоритъ по моему адресу: „считающій себя военнымъ писателемъ". На это я, вовсе не претендующій на извѣстность писателя, конечно, ничего не скажу; но вотъ что, по меньшей мѣрѣ, странно: г. Висковатовъ находитъ, что теперь уже нѣтъ двухъ лагерей—штатскихъ и военныхъ (слѣдуетъ понимать писателей?), а есть только образованные и необразованные, умѣющіе и неумѣющіе и т. д., чего я будто бы не хочу знать, и все еще говорю о штатскихъ и военныхъ писателяхъ (стр. 716). Но я уже говорилъ, что слово „штатскій" употребилъ только въ видѣ шутки, и вовторыхъ, какъ это, теперь уже нѣтъ военныхъ писателей? Должно быть наши извѣстные генералы Лееръ, Драгомировъ, Гродековъ, Куропаткинъ и др. не военные писатели? Всѣ они только образованные люди, такіе же писатели, какъ вообще беллетристы, публицисты и т. п., однимъ словомъ специалистовъ, военныхъ писателей нѣтъ. И какіе это образованные и необразованные писатели? Могутъ быть ученые, просвѣщенные, образованные *въ большей или меньшей степени,* но совсѣмъ необразованнаго писателя я себѣ представить не могу. Помилуйте, разъ человѣкъ настолько владѣетъ перомъ, чтобы литературно изложить свои мысли, и разъ мысли эти не пошлость, не абсурдъ, а приняты редакціею журнала, то уже едва ли можно его считать необразованнымъ; а то пришлось бы къ образованнымъ причислять

Библиотека "Руниверс"

только первоклассныхъ ученыхъ и писателей, которыхъ вообще и вездѣ не очень много.

Г. Висковатовъ называетъ съ моей стороны придирчивостью, что я нашелъ неумѣстнымъ считать прапорщика Дорохова самовластнымъ учредителемъ охотничьей команды, переданной имъ Лермонтову, и увѣряетъ, что онъ писалъ это въ смыслѣ принятаго выраженія: капитанъ Н. Н. передалъ роту такому-то и т. п. Это и я знаю, что такъ пишется; да дѣло не въ томъ, а во всемъ тонѣ статьи, изъ которой ясно видно, въ какомъ смыслѣ авторъ желалъ выставить Дорохова и его команду", *сформированную храбрецомъ Дороховымъ изъ людей, въ кафтанахъ едва прикрывающихъ наготу тѣла, забывшихъ, къ какой принадлежатъ народности*, и пр. Однимъ словомъ, г. Висковатовъ желалъ поэтизировать на тотъ ладъ, какимъ во время оно поэтизировалось все о Кавказѣ, и ставитъ Лермонтова на одну доску съ Дороховымъ. Я вовсе не придираюсь, я только обращаю поэзію въ прозу и нахожу совершенно лишнимъ изображеніе Лермонтова головорѣзомъ, потому что Россія дорожитъ имъ *какъ поэтомъ*, а не какъ лейбъ-гусаромъ или поручикомъ Тенгинскаго полка, совершившимъ чудеса храбрости.

Также точно письмо Лермонтова, что „шесть часовъ дрались штыками, что шесть сотъ тѣлъ остались на мѣстѣ, что рѣчка дымилась кровью" и т. д. есть чистая поэзія, но, само собою, совершенно безобидная, продуктъ увлеченія и, даже, можно сказать, дань тогдашнему времени, когда какъ будто нельзя было не фантазировать на Кавказскія темы. Развѣ это можетъ малѣйшимъ образомъ унижать великаго поэта?

Чего же г. Висковатовъ такъ сердится?

Наконецъ, къ одному и тому же предмету одинъ можетъ относиться восторженно-поэтически, другой трезво-прозаически; для этого достаточно иногда разницы въ лѣтахъ. Но зачѣмъ же „стулья ломать", зачѣмъ бросать въ противника обвиненіями, слишкомъ тяжкими, конечно, еслибы имъ кто-нибудь повѣрилъ? Не хорошо...

Вотъ гдѣ г. Висковатовъ обнаруживаетъ мой промахъ, что Лермонтовъ не въ 1840 г. въ первый разъ попалъ въ дѣло съ горцами, я склоняю повинную голову. Точно также изобличеніе меня въ невѣжествѣ по части ботаники (ибо я смѣшалъ дикій виноградъ съ не-дикимъ) готовъ принять безропотно, хотя рѣшительно не помню въ окрестностяхъ Грозной и того дикаго винограда, о которомъ разсказываетъ г. Висковатовъ, и хотя *въ лѣсахъ* Гуріи, Мингреліи или Самурзакани мнѣ случалось видѣть обвившійся вокругъ деревьевъ виноградъ, на которомъ были черныя ягоды. Быть можетъ, я смѣшалъ этотъ виноградъ съ тѣмъ дикимъ, который въ Западной Европѣ, да и у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, употребляется для украшенія, какъ вьющееся растеніе.

Въ заключеніе не могу не выразить сожалѣнія, что г. Висковатовъ не захотѣлъ коснуться моихъ „изумительныхъ" сужденій по поводу Кавказскихъ поэмъ Лермонтова. Напрасно. Смѣю увѣрить г. Висковатова, что

Библиотека "Руниверс"

мнѣ случалось встрѣчать немало людей, высказывавшихъ такія же сужденія, и притомъ людей, достаточно образованныхъ и, подобно мнѣ, восторгающихся Лермонтовымъ. Почему бы не указать намъ ошибочность нашего взгляда, почему бы не научить насъ, профановъ, пониманію истиннаго смысла Кавказскихъ поэмъ? Это было бы полѣзнѣе и важнѣе для памяти великаго поэта, чѣмъ восхваленія его головорѣзничества à la Дороховъ, или придаванія серьезнаго значенія генеральскимъ реляціямъ и такимъ словамъ, какъ шестичасовая драка штыками, шесть сотъ тѣлъ на мѣстѣ и пр. Для самой подробнѣйшей біографіи Лермонтова всё же будетъ лишнимъ баластомъ—скакалъ ли онъ на бѣломъ конѣ, или на гнѣдомъ, чтó писалъ генералъ тотъ или другой въ реляціи, ходатайствуя о награжденіи Станиславомъ или Анной, съ бантомъ или безъ онаго; но все, чтò можетъ послужить къ разъясненію его поэзіи, къ указанію всѣхъ ея красотъ, однимъ словомъ, все касающееся Лермонтова, *какъ поэта*, будетъ у мѣста, будетъ прочитано съ интересомъ и пользою, и послужитъ лишь къ вящшей славѣ его.

Іюнь 1885 года.

А. Зиссерманъ.

КЪ БІОГРАФІИ ПРОФЕССОРА Н. И. НАДЕЖДИНА *).

Николай Ивановичъ Надеждинъ родился въ 1804 г. и умеръ въ 1856 г. Онъ былъ преподавателемъ Русской и Латинской словесности въ Рязанской Духовной Семинаріи (1824—1826 г.), профессоромъ теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи въ Московскомъ Университетѣ (1831—1835 г.), и съ 1842 г. редакторомъ „Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ и исполнителемъ особыхъ порученій министра. Кромѣ редактированья означеннаго журнала, онъ съ Января 1831 г. до 1836 г. издавалъ „Телескопъ, журналъ современнаго просвѣщенія“ съ прибавленіями подъ заглавіемъ „Молва, журналъ модъ и новостей“. Въ 1848 г. (въ продолженіе всего года) онъ редактировалъ „Географическія Извѣстія“, журналъ Географическаго Общества, членомъ котораго онъ былъ. Н. И. оставилъ много ученыхъ статей и нѣсколько изслѣдованій по исторіи, географіи, этнографіи, словесности, философіи и др. Автобіографія его была напечатана съ прибавленіями П. Савельева въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1856 г. Здѣсь можно найти указаніе ученыхъ работъ Надеждина. Нѣкоторыя изъ писемъ къ нему заграничныхъ ученыхъ помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“.

Эпоха *Московской жизни* Надеждина совсѣмъ не затронута его другомъ и біографомъ Савельевымъ; мало останавливается на ней и

---

*) Въ Рязани открылась съ прошлаго года Ученая Архивная Комиссія, печатающая отдѣльными тетрадями журналы своихъ засѣданій, и въ приложеніяхъ къ этимъ журналамъ разнаго рода историческія бумаги. Спѣшимъ привѣтствовать это прекрасное начинаніе и позволяемъ себѣ сдѣлать извлеченіе изъ напечатанныхъ при журналѣ отъ 30 Марта 1885 года писемъ славнаго Н. И. Надеждина, съ объясненіемъ А. П. Доброклонскаго. Въ этихъ письмахъ изображается даровитый профессоръ тридцатыхъ годовъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

самъ Надеждинъ въ своей автобіографіи; но сохранилась цѣлая связка еще не изданныхъ писемъ Надеждина и другихъ лицъ къ нему,—писемъ, относящихся къ этой именно эпохѣ.

Письма самого Надеждина почти всѣ адресованы къ Е. В. К—ой, страстно имъ любимой дѣвушкѣ, и большинство ихъ имѣетъ видъ дневника. Онѣ относятся къ 1834 и 1835 годамъ. Въ нихъ авторъ описываетъ почти исключительно свое внутреннее состояніе—страсть, кипящую ключемъ, надежды, опасеніе, отчаяніе, приступы ревности и т. п. Видно, что въ эти годы почти весь интересъ его былъ сосредоточенъ на его отношеніяхъ къ любимой особѣ. Не говоря о содержаніи, въ самомъ языкѣ этихъ писемъ отражается та жизненная буря, какую испытывалъ авторъ. Самъ онъ выступаетъ, какъ пылкая, нервная, болѣзненная, но вмѣстѣ благородная и въ высшей степени симпатичная натура. Вотъ напр. что пишетъ онъ 31 Августа (1833 или 1834 года) изъ Данкова, гдѣ былъ для ревизіи учебныхъ заведеній.

«Теперь я на Рязанской, на моей родной землѣ! По утру, часовъ въ пять, въѣхалъ я въ ея границы. И что же? Какая неожиданная, изумительная странность! Я не испыталъ и сотой доли того чувства, которымъ ждалъ насладиться, переступивъ рубежъ моей родной стороны! Бывало, когда случалось мнѣ издали завидѣть гору, лѣсъ или главу колокольни, о которой зналъ, что она принадлежитъ къ Рязанской губерніи..., сердце мое билось..., душа загоралась... Теперь я напрасно усиливался, напрасно принуждалъ себя радоваться, когда услышалъ: «вотъ граница Тулы и Рязани!» Что̀ бы это значило? Конечно не отупѣніе чувства: ибо я слишкомъ чувствую, что чувствую... Не измѣнилась душа, но измѣнились ея отношенія къ предметамъ прежней любви, измѣнилась и любовь ея!... Я постигаю теперь, что любовь истинная, любовь вѣчная, можетъ быть не къ вещи внѣшней, матеріальной, бездушной, а къ ея внѣшнему смыслу, къ ея идеѣ..., къ воспоминаніямъ, съ нею сопряженнымъ..., къ надеждамъ, ею возбуждаемымъ... Тогда въ моей родинѣ заключалось для меня все, такъ какъ для младенца все заключается въ его колыбели... Кто меня любилъ, кромѣ родныхъ моихъ? Кого и я могъ любить, кромѣ ихъ? И я долго жилъ этою младенческою, этою инстинктуальною, этою первою любовью каждаго человѣка... А теперь... Неужели сбывается надо мной высокое божественное изреченіе нашей религіи, возвѣщающее каждому изъ насъ срокъ и пору, когда должно оставить отца своего и матерь?... Но холодная дрожь пробѣжала по моимъ жиламъ... Что если... если я, разлюбивъ все, что̀ любилъ доселѣ, не прилѣплюсь ни къ чему опустѣвшею душей моею?...»

Библиотека "Руниверс"

Въ письмѣ изъ Алексина (Тульской губ.) 18 Авг. тогоже года:

«Сейчасъ выѣзжаю изъ Алексина. Городишка дрянной, но мѣстоположеніе имѣетъ преживописное: на горѣ, надъ Окою, которая изгибается вокругъ прелестною голубою лентою. Кстати объ Окѣ. Вчера, выѣзжая изъ Серпухова, когда я завидѣлъ эту рѣку, лелѣявшую мое дѣтство своими струями—единственную эпоху, когда я былъ счастливъ, увѣряю васъ, сердце мое забилось, какъ живое... Лжетъ Лукопёръ [1]), увѣряя, что натура, лѣпя мой скудельный составъ изъ черствой глины, забыла подбросить въ него чувства... Нѣтъ! Я могу еще и теперь чувствовать... Кровь вся хлынула во мнѣ туда, гдѣ у людей бываетъ сердце: и что-то загорѣлось, зажглось, закипѣло... Неужели это что-то—не сердце?... Безъ всякаго фарса, я вышелъ изъ коляски, сбѣжалъ съ берега, припалъ къ рѣкѣ, напился и умылся ея водою!.. Ахъ!.. моя добрая, моя родная Ока! Она, по-прежнему, чиста, свѣтла, прозрачна! Она все таже, какъ была въ то время, когда я бывало лежалъ на берегу ея, въ дѣтской, счастливой безпечности, подобно струямъ ея, чистъ, свѣтелъ и прозраченъ. Еслибы волны ея имѣли сознаніе и память, то какъ удивилась бы она, отразивъ въ себѣ нынѣ лицо мое? Она бъ не узнала меня; она бъ плеснула въ меня съ негодованіемъ, какъ въ дерзкаго незнакомца, возмутившаго незванымъ приходомъ ея спокойное теченіе!... Или, правда, нѣтъ! Я напрасно безпокоюсь! Это не тѣ волны, которыя видали меня прежде, во время оно... Тѣхъ давно уже нѣтъ... Онѣ смѣшались съ Каспійскимъ моремъ и теперь, можетъ быть, стонутъ, разбиваясь объ утесистые берега его, или глохнутъ, запертыя въ подводныхъ пещерахъ... Не одному же мнѣ суждена эта злосчастная доля... въ природѣ все живетъ и гибнетъ... Но, можетъ быть эти волны, на пути своемъ, были перехвачены лучами солнца и газовой дымкой паровъ вознеслись къ небесамъ...; можетъ быть, оттуда онѣ возвратились снова на землю жемчужными каплями росы и освѣжили своею благодатною прохладою пышную красоту гордой розы, дѣвственную прелесть скромной лиліи... и въ природѣ все гибнетъ и оживаетъ снова... Будетъ ли это со мной?...»

Въ другомъ письмѣ изъ Тулы, 22 Августа, онъ такъ говоритъ о характерѣ человѣческой жизни:

«Въ короткое время моего путешествія (для ревизіи) сердце мое удивительно какъ расшевелилось... Оно перебѣгаетъ безпрестанно, вверхъ и внизъ по лѣстницѣ разнообразныхъ ощущеній—разумѣется, не пылкою стремительною фугою, а какимъ-то легкимъ, непримѣтнымъ движеніемъ, подобнымъ колебанью ртути въ барометрѣ... и вотъ жизнь

[1]) Профессоръ Өедоръ Лукичъ Морошкинъ? П. Б.

Библиотека "Руниверс"

наша... жизнь въ истиннѣйшемъ ея значеніи! Это не иное что, какъ безпрестанная перемѣна... Перемѣна? Слово это ужасно звучитъ для сердца, созданнаго для вѣчности, жаждущаго вѣчности... Какъ? Неужели нѣтъ возможности оковать для себя эту безпрестанную измѣняемость, этотъ волнующійся потокъ, чрезъ который, по выраженію одного древняго скептика-философа, два раза перейти невозможно?... Черная мысль мелькнула въ душѣ моей... Въ природѣ бываетъ пора, когда движеніе, составляющее ея жизнь, оковывается и оковывается надолго... Это пора зимняго оцѣпенѣнія... Неужели и душѣ нашей только въ зимнюю, лютую пору, можно ожидать успокоенія? Неужели одно только состояніе, одно только чувство можетъ быть для насъ прочно, неизмѣняемое чувство холоднаго безотраднаго отчаянія?... Да! барометръ останавливается недвижимо тогда лишь, когда ртуть замерзаетъ... Но нѣтъ!... Нѣтъ!... Сегодня я чувствую себя расположеннымъ вѣрить... Прочь глупая метафизика, разочаровывающая прелесть жизни своими черствыми, холодными, костлявыми понятіями! Пусть жизнь наша остается тѣмъ, чѣмъ она есть! Пусть сущность ея будутъ составлять движеніе, колебаніе, перемѣна!... Съ этимъ словомъ можно и должно примириться... Развѣ море—этотъ великій символъ вѣчности въ природѣ—не колышется безпрестанно; развѣ нѣтъ въ немъ ежедневнаго прилива и отлива? И между тѣмъ оно всегда одно и тоже.... Не варіаціи ли составляютъ прелесть, очарованіе музыки? Лишь бы только одна тема, одинъ неизмѣнный мотивъ господствовалъ въ нихъ и управлялъ ихъ игрою! И такъ пусть душа моя волнуется, пусть играетъ, пусть плещетъ своими чувствованіями!... Только чтобы солнце, золотящее ихъ, не затмѣвалось... Только, чтобы вихорь, сынъ тучъ, не набѣгалъ на нихъ и не разбивалъ лучезарнаго животворнаго лика, отражающагося въ каждой ихъ каплѣ!...»

Отъ 23 Августа (изъ Крапивны, Тульской губерніи).

«.... Мущина созданъ для жизни эксцентрической, внѣшней: вотъ почему онъ не можетъ такъ постоянно, такъ безвыходно, запираться у себя дома—въ чувствѣ, какъ женщина... Вамъ, напротивъ, нѣтъ другой жизни, какъ только въ самихъ себѣ... въ васъ нѣтъ и не должно быть ничего, кромѣ сердца. . вы не назначены ни для жизни ума, ни для жизни воли... И за то какъ вы счастливы!... Блаженство человѣческое состоитъ въ полномъ развитіи чувствъ—развитіи, ничѣмъ не ограниченномъ, ничѣмъ не возмущаемомъ, ни трескомъ мыслей, ломающихся въ вѣчныхъ сомнѣніяхъ, ни кипѣніемъ желаній, вѣчно борющихся съ препятствіями и вѣчно ими одолѣваемыхъ. Участь Фауста, участь Манфреда—вотъ что ожидаетъ насъ-мущинъ въ будущемъ, на краю поприща, если мы отважимся насладиться вполнѣ жизнію,

Библиотека "Руниверс"

по нашему... А вашей катастрофой можетъ быть судьба г-жи Жюль...; а эта судьба, при всемъ своемъ ужасѣ, не есть ли судьба завидная?... Истаять въ чувствѣ до совершеннаго исчезновенія не гораздо ли счастливѣе, не гораздо ли достойнѣе насъ, чѣмъ перегорѣть въ горнилѣ страстей—и потомъ дожидаться уничтоженія, черною, обожженною головнею, въ родѣ Феррагуса?... А эта единственная наша перспектива, если мы не захочемъ прожить вѣкъ свой Видамами Памье!.. [2]) Женщина можетъ быть мученицею жизни; но мученичество награждается вѣнцомъ славы, безсмертною пальмою вѣчнаго блаженства... Жизнь мущины есть жизнь осужденника, приговореннаго къ вѣчной пыткѣ, у позорнаго столба, къ вѣчному колесованію на эшафотѣ свѣта... и онъ не имѣетъ того единственнаго утѣшенія, которое озлащаетъ страданія мучениковъ, сказать: я невиненъ въ моихъ бѣдствіяхъ... Да! онъ самъ зиждетъ для себя эти бѣдствія, влекомый непреодолимымъ рокомъ своего назначенія; онъ гибнетъ жертвою дерзости, которая составляетъ сущность его природы; онъ наказывается, подобно Спартанскому дитяти, за кражу небеснаго огня,—кражу непроизвольную, но вынужденную, кражу, которая ему приказана свыше, которая составляетъ долгъ его... Согласитесь, что мы достойнѣе сожалѣнія, чѣмъ вы женщины, хотя вы и болѣе жалуетесь на судьбу вашу... Согласитесь, и наградите насъ, отдавъ справедливость должную нашей наружной жестокости, тупости, холодности чувства. Мы, право, не меньше можемъ, не меньше умѣемъ чувствовать, хотя чувства наши, повидимому, не такъ ярки, не такъ огнедышащи, какъ ваши... Намъ рѣдко удается быть дома, въ себѣ... Но за то, когда мы бываемъ тамъ, бываемъ всѣмъ существомъ нашимъ... Раскаленное желѣзо вовсе не бросаетъ искръ отъ себя...; но бойтесь къ нему прикоснуться: оно пламеннѣе самаго пламени...»

Изъ характеристикъ, встрѣчающихся въ письмахъ Надеждина, заслуживаютъ вниманія слѣдующія.

Характеристика Пинскаго: «Это человѣкъ странный, но гордый и честный... Онъ меня (Надеждина) уважаетъ и слѣдовательно любитъ. У него любовь неразлучна съ уваженіемъ; или, лучше, онъ не можетъ любить никого, а можетъ только отдавать справедливость... Обращеніе безпрестанное съ кнутомъ, плетьми и Сибирью ожесточило его по наружности; но въ фондѣ много добра... Онъ смертельный врагъ взятокъ.»

Воспоминаніе о Фовитскомъ, членѣ Совѣта Военныхъ Училищъ: «Этотъ Фовитскій—человѣкъ, кажется, добрый... Онъ самъ изъ семи-

[2]) ?

Библиотека "Руниверс"

наристовъ; былъ 16 лѣтъ учителемъ Александрова и жилъ въ Варшавѣ. Потомъ сдѣланъ былъ начальникомъ военныхъ училищъ Царства Польскаго... Во время революціи его задержали плѣнникомъ въ Варшавѣ, гдѣ онъ и пробылъ до возстановленія тишины... Я съ нимъ сблизился... Мы, семинаристы, скоро сходимся другъ съ другомъ. У насъ есть какое-то франкмасонство...» [3])

Воспоминаніе о Н. Ф. Павловѣ и его повѣстяхъ: «....Теща Павлова М. и ея дочери знали Н. Павлова съ маленьку. Жизнь этого человѣка довольно странна. Онъ сынъ крѣпостнаго [4]) и маленькій съ сестрою отданъ былъ въ театральную школу. Тамъ дарованія его обратили на себя вниманіе Кокошкина, бывшаго директора театра, который дозволилъ ему ходить въ университетъ и потомъ, какъ ему, такъ и сестрѣ его, выхлопоталъ увольненіе отъ театральной службы, къ которой обязываются всѣ учащіеся и воспитывающіеся въ школѣ. Впрочемъ, до этого увольненія Н. Павловъ, ходя въ университетъ, игралъ на театрѣ; и теперь враги его сохраняютъ афишу спектакля, даннаго въ пользу его и покойнаго актера Сабурова. Еще до окончанія университетскаго курса, но уже по увольненіи отъ театра, лѣтъ 18 отъ роду, Павловъ влюбился въ одну молоденькую дѣвочку, воспитанницу одной богатой старухи Квашниной-Самариной, обольстилъ эту дѣвушку въ буквальномъ смыслѣ, и такимъ образомъ заставилъ ее за себя выдать... Но бракъ ихъ былъ несчастливъ. Что-то черное проскользнуло между ними, и Павловъ разлюбилъ свою жену, которая черезъ годъ умерла съ печали... Эта исторія бросаетъ весьма мрачную тѣнь на жизнь Павлова; но я имѣю причины вѣрить, что здѣсь было больше несчастія, чѣмъ гнусности... Павловъ выбралъ себѣ другую дорогу; онъ хотѣлъ утвердиться на паркетѣ, заставить забыть свое холопское происхожденіе, чтó, разумѣется, невозможно... Вѣроятно, старуха, выдавшая за него свою воспитанницу, была изъ первыхъ разочаровательницъ его глупыхъ мечтаній и тѣмъ опостылила ему жену, которая, конечно, была невинна... По крайней мѣрѣ, такъ заключаю я изъ обстоятельствъ катастрофы... Жена Павлова сдѣлалась больна, а онъ не былъ съ нею; она настоятельно требовала его видѣть; Павловъ отказывался, наконецъ пріѣхалъ и засталъ ее уже мертвою... Мнѣ всегда казалось, что его повѣсть «Имянины» есть исторія собственной его жизни; и объ немъ я говорилъ, что онъ дѣ-

---

[3]) Про этого Фовитскаго писалъ Жуковскій, желая опредѣлить его преподавателемъ Польской исторіи къ покойному Государю, см. Р. Архивъ 1884, III, 118.

[4]) И Грузинки, которую привезъ съ собою изъ Персидскаго похода графъ Валерьянъ Зубовъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

лаетъ изъ своей жизни романъ... Нынѣшній образъ жизни Павлова нечистъ: онъ живетъ на чужой счетъ; говорятъ, что онъ обыгрываетъ простяковъ въ карты; но я скорѣе думаю, что его содержатъ старыя барыни, въ него влюбленныя... Все это, конечно, гнусно... Но я не столько по убѣжденію, сколько, увлекшись споромъ, защищалъ его и въ этомъ, говоря, что онъ теперешнею своею жизнію мститъ свѣту, который жестоко оскорбилъ его... Изъ этой же мести я изъяснялъ желчь, разлитую въ его повѣстяхъ... Я говорилъ, что онъ понялъ гнусность жизни и, какъ философъ, платитъ ей тою же монетою... Самъ по себѣ Павловъ не имѣетъ сердца; но у него есть умъ, и онъ слишкомъ дорожитъ по крайней мѣрѣ репутаціей честнаго человѣка, чтобъ дозволить себѣ гнусную выдумку, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ принесть ему никакой выгоды. Н. Павловъ въ этомъ отношеніи благороднѣе и скромнѣе всѣхъ Сабуровыхъ на свѣтѣ...» [5])

Воспоминаніе о Глинкѣ и Жуковскомъ: «Вчера я провелъ вечеръ весьма замѣчательно, въ сладкомъ умиленіи, посвященномъ воспоминанію лучшихъ минутъ, проведенныхъ съ тобою, моя Л. Я обѣдалъ у Пинскаго, гдѣ игралъ въ вистъ до 11 часовъ вечера. Въ 11 отправился къ Жуковскому, у котораго условились мы съѣхаться съ княземъ Одоевскимъ. Я нашелъ у него извѣстнаго музыканта Глинку. Онъ сочиняетъ оперу: Иванъ Сусанинъ, изъ Русскихъ мотивовъ... [6]) Вещи чудесныя!... Музыка настроила мое воображеніе къ сладостной мечтательности... Предо мною сидѣлъ Жуковскій... Его простодушная любезность усиливала очарованіе вечера и подливала теплоты сердцу... Я весь переселился въ міръ фантазіи... Говорили очень мало, больше слушали... Глинка играетъ и поетъ. Онъ пѣлъ нѣкоторые романсы Жуковскаго, имъ положенныя на музыку... Сначала онъ выбралъ весьма неудачно. Знаешь этотъ мрачный романсъ:

Свѣтитъ мѣсяцъ... На кладбищѣ
Дѣва въ черной власяницѣ...

Мнѣ стало ужасно тяжело... Свѣтъ помутился въ глазахъ моихъ; кровь била въ голову... Раздирающая музыка довершила пытку. Но раздались свѣтлые торжественные аккорды:

Сто красавицъ черноокихъ
Возсѣдали на турнирѣ;
Всѣ цвѣточки полевые...
Лишь моя одна, какъ роза!

---

[5]) Надеждинъ имѣетъ въ виду того Сабурова, къ которому относятся извѣстные стихи въ Онѣгинѣ. П. Б.

[6]) Т. е. „Жизнь за Царя“. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

О! какъ запрыгало у меня сердце!.. Какъ отхлынула и закипѣла кровь!.. «Лишь моя одна, какъ роза», повторялъ я въ восхищеніи, билъ такту, не помня самъ себя и разсмѣшилъ даже окружающихъ... Сладкая гармонія разлилась въ моей душѣ и превратила бурный восторгъ въ кроткое умиленіе, когда Глинка запѣлъ, наконецъ, одинъ романсъ Дельвига—не помню начала. Въ памяти моей врѣзались только слѣдующія слова:

Ты мнѣ сказала люблю!
И тихая радость слетѣла
Въ мрачную душу мою.

... Я не помню слѣдующаго куплета; знаю только, что въ немъ говорится, что отнынѣ счастливый юноша почерпаетъ въ душѣ своей возлюбленной

Каждую свѣтлую мысль,
Высокое каждое чувство.

... Глинка пѣлъ этотъ романсъ съ особеннымъ чувствомъ: онъ самъ сговоренъ и весною женится... Счастливецъ! Можно ему такъ пѣть!... Но и я—я былъ такъ счастливъ въ ту минуту, что слушалъ его съ неописаннымъ наслажденіемъ... Я отъ души говорилъ потомъ съ Жуковскимъ и благодарилъ его въ пламеннѣйшихъ выраженіяхъ за небесные звуки его лиры.... Добрый старикъ (ибо онъ уже старикъ!) былъ самъ тронутъ.... Мы ужинали въ три часа ночи и говорили все о моемъ путешествіи (за границу, куда собирался тогда Надеждинъ).... Жуковскій, который много ѣздилъ самъ, давалъ мнѣ совѣты, исполненные пріязни...»

Характеристика молодежи высшаго круга:

«... С. Аксаковъ пишетъ мнѣ о твоемъ (Е. К.) братѣ Александрѣ. Онъ попалъ въ весьма дурное общество. Его нравственность уже заражена... Il fréquente des mauvais lieux—я не смѣю объяснить тебѣ это... Но ты угадаешь, что это вещь ужасная, особенно для мальчика его лѣтъ... Онъ можетъ потерять навсегда свое здоровье и потеряться даже въ своей будущности. Аксаковъ всячески старается разлучить съ Александромъ сына своего (Константина), дабы и онъ не заразился его примѣромъ... Ахъ, какъ это ужасно!.. Вотъ они эти Ч—іе и Г—ы,—эти мальчишки, съ которыми ты любишь шутить и забавляться. Они завели его... Это просто негодяи... Аксаковъ Константинъ, который дѣтски чистъ и невиненъ, почувствовалъ къ нимъ отвращеніе и рѣшительно отказался отъ ихъ общества. Александра онъ любилъ душевно и потому не хочетъ вдругъ съ нимъ разста-

Библиотека "Руниверс"

ваться... Въ свѣтѣ на это смотрятъ сквозь пальцы; это считается такъ—шалостью..; но я знаю, чѣмъ оканчиваются эти шалости... Я знаю, какія бываютъ отсюда слѣдствія... Не помнишь ли ты, разъ передъ вашимъ баломъ, маменька заговорила о кн. О—ъ, братѣ гр. З—ой, что̀ былъ прежде студентомъ и теперь солдатомъ? Она сбиралась пригласить его на свой балъ, и говорила, что онъ очень забавный шутъ... Я не сказалъ ни слова, но втайнѣ дрожалъ отъ негодованія. Этотъ забавный шутъ мнѣ извѣстенъ. Если бы я имѣлъ сестру или дочь, я бы не пустилъ его къ порогу дома моего. Это просто бездѣльникъ... И онъ слыветъ забавнымъ шутомъ! Вотъ отъ чего ваши свѣтскія дѣвчонки бываютъ такими дурными женами, скверными матерями, негодными женщинами въ полномъ смыслѣ... Онѣ учатся у подобныхъ забавниковъ...»

Какъ профессоръ, Николай Ивановичъ былъ любимъ студентами. Кругъ знакомыхъ его въ Москвѣ былъ очень великъ; здѣсь мы встрѣчаемъ семейство С. Т. Аксакова, который былъ ему «добрѣйшимъ» и «искреннѣйшимъ другомъ», Бѣлинскаго, Гоголя, Максимовича, Н. Павлова, актера Щепкина и др.; въ Петербургѣ онъ познакомился еще съ Глинкой, Жуковскимъ, Княжевичами и другими; тамъ же засталъ онъ и старыхъ своихъ знакомыхъ, напр. ректора Петербургской Духовной Семинаріи, архим. Макарія. Познакомившись съ семействомъ К—ыхъ въ Москвѣ, Н. И. поселился у нихъ на жительство и сильно увлекся одной изъ дочерей К—а, Е—й. Мать, воспитанная въ аристократическихъ традиціяхъ, ни за что не хотѣла выдать дочь за бѣднаго профессора университета, по происхожденію кутейника. Напрасно Н. И. указывалъ ей на многіе примѣры подобныхъ неравныхъ браковъ въ фамиліяхъ князей Гагариныхъ и Трубецкихъ; напрасно говорилъ, что упорство ея можетъ убить дочь, полюбившую его; напрасно въ подтвержденіе этого ссылался на примѣръ Тютчевой, принесенной въ жертву такой же дворянской спѣси. Мать оставалась непреклонною [1]). Н. Ив—ъ рѣшился тогда перемѣнить свою службу: онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, добиться увольненія изъ университета и, согласно желанію Е. К., сдѣлаться губернаторомъ, вице-губернаторомъ или, въ крайнемъ случаѣ, прокуроромъ

---

¹) Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ передаетъ другое. По его словамъ Е. В. К. рѣшилась бѣжать съ Надеждинымъ; условленъ былъ ночной часъ; но профессоръ, долго прождавъ появленія дѣвушки на бульварѣ, уѣхалъ домой. Вслѣдъ за тѣмъ она вышла съ узелкомъ, готовая къ бѣгству. Это обстоятельство остудило пылкую ученицу Надеждина. Сколько намъ извѣстно, ее увезли въ чужіе края, гдѣ и выдали за мужъ; но дружба и уроки даровитаго профессора не пропали: изъ нея вышла замѣчательная писательница. П. Б.

²) См. письмо къ С. Т. Аксак. 26 Марта 1835 г.

Библиотека "Руниверс"

суда. Распространявшіяся въ Москвѣ сплетни на счетъ его отношеній къ Е. К. и особенно пущенная въ ходъ клевета, что будто онъ добивается руки Е. К. исключительно изъ-за матеріальныхъ разсчетовъ, побудили его ускорить выполненіемъ своихъ намѣреній. Онъ подалъ въ университетъ просьбу объ отставкѣ. «Изумленіе было всеобщее... всѣ терялись въ догадкахъ, искали объясненія», «рубили вправо и влѣво, и вкось и вкривь», но только не многіе знали истинную причину этой просьбы [8]). Въ университетскомъ совѣтѣ было постановлено «просить министра народнаго просвѣщенія о достойномъ вознагражденіи Надеждина за труды и сверхъ того изъявить желаніе, чтобы ему предписано было докончить настоящій курсъ». Онъ взялъ отпускъ, чтобы лично похлопотать въ Петербургѣ о полной отставкѣ отъ университета. Аксаковъ отговаривалъ его отъ этого; директоръ департамента при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія совѣтывалъ вообще не бросать службы въ этомъ министерствѣ. Но другіе, напримѣръ, Княжевичи, одобряли Надеждина за его намѣреніе. Полученные въ Петербургѣ слухи еще болѣе утвердили его въ этомъ намѣреніи. Одинъ молодой человѣкъ департамента юстиціи сообщилъ Надеждину вѣрное извѣстіе, что въ Петербургѣ «о Московскихъ молодыхъ профессорахъ, въ числѣ коихъ онъ занималъ первое мѣсто, имѣютъ весьма дурное понятіе, какъ о людяхъ неблагонадежныхъ и опасныхъ... Одинъ Шевыревъ, благодаря своей женитьбѣ, ускользаетъ отъ этой опалы..., а Погодинъ тутъ же, не смотря на свое лукавство, хитрости и дезертирство». Николай Ивановичъ и рѣшился окончательно «сбросить съ себя синюю профессорскую шкуру». Послѣ колебаній министръ народнаго просвѣщенія согласился дать ему желаемую отставку, но «чтобы не потерялось ни минуты его службы (для производства его въ чинъ), предписывалось университету уволить его, когда онъ потребуетъ и до того числа производить ему жалованье». На этомъ не останавливались желанія Надеждина; ему хотѣлось еще поступить на гражданскую службу. Пинскій и Аксаковъ отговаривали его отъ намѣченнаго имъ вице-губернаторства, говоря, что жалованье вице-губернатору всего 6000 р., а надо поддерживать свое званіе, проживать вдвое больше; притомъ же, хотя «получить мѣсто вице-губернатора легко, да удержать его трудно». Александръ Княжевичъ съ своей стороны даже улыбнулся, когда услыхалъ отъ Надеждина, что тотъ хочетъ служить гдѣ-нибудь въ губернскомъ городѣ, а не въ столицѣ. Подъ вліяніемъ всего этого Николай Ивановичъ, повидимому, сталъ колебаться и склоняться болѣе

---

[8]) Дневникъ 24 Марта—15 Мая.

Библиотека "Руниверс"

къ мысли о томъ, чтобы остаться въ Петербургѣ. Чтобы скорѣе приложить себѣ дорогу къ видной карьерѣ, онъ рѣшился предпринять путешествіе по западной Европѣ. Съ нимъ собирался Дмитрій Княжевичъ съ своимъ сыномъ и Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ, но чрезъ нѣсколько времени этотъ послѣдній отдумалъ. Сборы уже подходили къ концу, какъ вышло приказаніе никому не выѣзжать за границу безъ Высочайшаго позволенія. Боясь, что ему, какъ подозрительному профессору и опасному журналисту, не будетъ дано это дозволеніе, онъ рѣшился ѣхать какъ бы въ отпускъ, а не съ полной отставкой. Это ему дѣйствительно удалось, и онъ, окончивъ въ Московскомъ университетѣ курсовые экзамены, отправился за границу вмѣстѣ съ Д. Княжевичемъ. Намѣченный имъ путь лежалъ по Сѣверной Германіи, Рейну, Швейцаріи, Франціи и верхней Италіи. За все это время, какъ и за время хлопотъ Надеждина въ Петербургѣ объ отставкѣ, въ редакціи «Телескопа» занимались молодые люди, недавно вышедшіе изъ Университета: Станкевичъ, Ефремовъ, Клюшниковъ и др. [9]). Совсѣмъ прекратить изданіе этого журнала, какъ повидимому думалъ Надеждинъ, не хотѣлось особенно Ив. Кирѣевскому и Погодину [10]). Возвратившись изъ заграничнаго путешествія, предпринятаго съ цѣлью скорѣе добиться хорошаго чиновническаго мѣста, Н. Ив. однако продолжалъ еще работать на научномъ поприщѣ. Вопросъ о женитьбѣ на Е. К. пересталъ его занимать. Путешествіе ли охладило въ немъ страстный пылъ, или другія обстоятельства помѣшали поддерживать близкія связи съ Е. К-ой, объ этомъ ничего не говорятъ сохранившіяся письма.

---

[9]) Письмо Апрѣля 22-го 1835 года.
[10]) Письмо Аксакова 26 Марта 1835 года.

Библиотека "Руниверс"

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Въ „**Архивѣ князя Воронцова**“, кн. XXX, стр. 122, сказано, что сынъ великаго Суворова былъ помолвленъ съ принцессою Катериною-Фредерикою-Вильгельминою-Бенигною Биронъ (род. 1781†1839). Дѣйствительно, молодой князь Суворовъ просилъ (14-го Января 1800 г.) соизволенія императора Павла на этотъ бракъ, и рескриптомъ отъ 14-го Февраля того года Государь изъявилъ на то согласіе. (См. *Милютинъ*. Исторія войны 1799 года. С-Петерб. 1857 т. II, стр. 490 и т. III, стр. 640, № 31).

Но въ томъ же 1800 году 11 (23) Іюля эта принцесса Биронъ вышла за князя де Роганъ-Гемене̇ (de Rohan Guéménée), генералъ-маіора Австрійской службы.

Почти въ тотъ же день, 13 (25) Іюля 1800 г., происходила въ Петергофѣ при дворѣ свадьба князя Суворова съ Еленою Александровною Нарышкиною (двоюродною сестрою будущаго фельдмаршала князя Воронцова). Что̀ было причиною разстройства брака князя Суворова съ принцессою Биронъ, неизвѣстно. Вѣроятно ея капризный и непостоянный характеръ.

К. А. Л.

*

Въ Москвѣ, въ сороковыхъ годахъ, докторъ медицины, заслуженный профессоръ и академикъ Герасимъ Ивановичъ Кораблевъ, практиковалъ съ большимъ успѣхомъ.

Тамъ же, въ тоже время, вели торговлю два купца, однофамильцы Константиновы, изъ которыхъ одинъ весьма обширную, второй же незначительную. Однажды приглашаютъ Герасима Ивановича къ опасно заболѣвшей женѣ Константинова втораго. Когда Кораблевъ подалъ первоначальную помощь, хозяинъ дома, провожая его, вручилъ ему два золотыхъ. Герасимъ Ивановичъ положилъ ихъ на ладонь лѣвой руки и говоритъ: „Ты Константиновъ, да не тотъ! Возьми-ка одинъ золотой обратно; пожалуй понадобится опять позвать доктора, такъ золотой-то пригодится!“... Съ тѣмъ и уѣхалъ.

Новое время принесло намъ немало хорошаго, но и у стараго времени есть чему поучиться.

Николай Левашовъ.

*

Библиотека "Руниверс"

Въ Парижѣ въ нынѣшнемъ году вышла любопытная для Русскихъ читателей книга: „La vie intime de Voltaire aux Délices et à Fernay, 1754—1778, d'après des lettres et des documents inédits, par Lucien Percy et Gaston Maugras". Вотъ что̀ говорится въ ней про Вольтерову исторію Петра Великаго: „Вольтеръ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не сознаться, какъ писалъ онъ эту исторію. Однажды нѣкто г. Констанъ попросилъ у него прочитать эту книгу: „Съ ума вы сошли", замѣтилъ ему Вольтеръ. Если хотите узнать что-нибудь, берите книгу Лакомба, который не получалъ ни медалей, ни мѣховъ".

Оказывается, что извѣстные стихи Пушкина княгинѣ Голицыной, которые кончаются двустишіемъ:

Но вижу васъ и, вѣрой одаренъ,
Молюсь тремъ Граціямъ въ одной богинѣ,

суть подражаніе экспромту Вольтера, который сказанъ имъ (1759) красавицѣ-женѣ пастора Верна:

Oui, j'en conviens, chez moi la trinité
Jusqu'à présent n'avait du tout fortune;
Mais j'aperçois les trois Grâces en une:
Vous confondez mon incrédulité.

Конечно, подражаніе безмѣрно граціознѣе подлинника.

Въ 1765 году пріѣзжаетъ въ Ферней графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ съ молодою супругой своей, ур. графиней Салтыковой. Для нихъ устраиваются представленія на домашнемъ театрѣ Вольтера. Играютъ „Меропу", съ такою пышностью, какъ никогда и въ Парижѣ. Вольтерова племянница щеголяетъ въ Шуваловскихъ бриліантахъ цѣнностью въ двѣсти тысячъ экю. На такую же сумму было украшеній на мадамъ де-Флоріанъ, когда она играла Нинину. Графъ Шуваловъ написалъ Вольтеру благодарственное письмо, изъ Турина, отъ 16-го Октября 1765 г., въ которомъ ложится во прахъ передъ великимъ человѣкомъ. Письмо это противно читать Русскому человѣку. Да и поплатились же Шуваловы за свои увлеченія всѣмъ чужеземнымъ!

Библиотека "Руниверс"

МНОГО ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Въ Казанской губерніи, въ двадцати верстахъ отъ Лаишева, на высокомъ и обрывистомъ берегу рѣки Камы, лежитъ село Шуранъ, бывшій владѣлецъ котораго въ концѣ прошлаго столѣтія пріобрѣлъ ему мрачную извѣстность. Не мало жертвъ пало отъ руки этого злодѣя, какъ передаетъ народный говоръ. Всѣ боялись его, боялись встрѣчи съ нимъ, чтобы не напомнить о своемъ существованіи. Главною задачею его было обогащеніе, и съ этою цѣлію онъ со своею дворнею дѣлалъ набѣги на небогатыхъ помѣщиковъ, грабилъ ихъ, пріурочивалъ ихъ земли къ своимъ, а самихъ противъ воли привозилъ къ себѣ. Куда затѣмъ исчезали несчастные, было неизвѣстно. Говорили, будто подъ двухъ-этажнымъ домомъ были склепы и подвалы, гдѣ томились голодомъ и умирали эти жертвы его алчности. Жестокость его была неописанная. Говорили, напримѣръ, что онъ упражнялся такою, придуманною, имъ казнью: къ тяжелому бревну привязывали человѣка въ объемъ руками и ногами и съ крутаго утеса Камы спускали въ ея желтыя воды. Конечно про его злодѣянія знала прислуга, но раболѣпно молчала. Слухи о нихъ не могли не доходить до власти; но уѣздная власть сама трепетала предъ нимъ, а съ губернскою у него велись свои счеты. Была у него дочь, единственная. Надо было ее учить, и нашелся одинъ отважный молодой человѣкъ, не убоявшійся Шуранскаго дома и принявшій предложеніе давать уроки дѣвицѣ.

Дѣвушка не могла не замѣчать поведенія отца и тяготилась своимъ положеніемъ. Она готова была промѣнять богатство на нищету, лишь бы вырваться изъ этого дома крови и убійствъ. Молодые люди полюбились другъ другу и сговорились бѣжать, такъ какъ иного способа избавиться отъ ужасной обстановки не представлялось. Но, къ злополучію несчастныхъ, побѣгъ былъ открытъ; ихъ схватили и доставили къ неумолимому судьѣ. Никто болѣе ихъ не видѣлъ. Наконецъ, съ перемѣною ли начальства, или слухъ о злодѣяніяхъ дошелъ до высшей власти, пошли допросы, прислуга все открыла, и злодѣй понесъ достойную казнь. Разсказывали, что при обыскѣ у него въ подвалахъ дома найдено было нѣсколько скелетовъ, а въ одномъ изъ отдѣленій два скелета вмѣстѣ, какъ полагали, несчастной дочери и ея жениха. Долго домъ этотъ оставался въ неизмѣнномъ видѣ. Никто изъ наслѣдниковъ тамъ не жилъ, и только проѣзжающіе путники интересовались посмотрѣть на внутреннюю обстановку, да послушать разсказовъ проводника объ ужасномъ быломъ этого запустѣлаго дома. Чрезъ полвѣка, уже въ 1848 году, наслѣдники, сломавъ верхній этажъ дома и измѣнивъ его физіономію, приспособили его для жилья.

И. Листовскій.

Библиотека "Руниверс"

ву, Ю. Ѳ. Самарину, М. С. Мухановой, Е. И. Попову, С. Т. Аксакову, Е. С. Шеншиной.—О кончинѣ А. С. Хомякова. Письмо сосѣда-помѣщика. — Воспоминанія графини Антонины Дмитріевны Блудовой (заговоръ Тистельвуда въ Лондонѣ въ 1820 г.).—Письмо князя **П. А. Вяземскаго** къ К. С. Аксакову (1857).—Записки **Николая Степановича Ильинскаго** (Н. И. Рязановъ.—Сперанскій въ царствованіе Павла.—Нарышкинское дѣло. — Обольяниновъ. — Случаи Павловскаго времени. — Дольскій. — Радищевъ. — Графъ Завадовскій. — Чиновничье жалованье.—Розенкамфъ).—Декабристъ въ Сибири. Письмо **И. И. Пущина** къ Е. А. Энгельгарду. Съ предисловіемъ **Я. К. Гро а**.—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой** (Госпожа Сталь.—Графъ Г. А. Строгоновъ.—Эрцгерцогиня Александра Павловна).

Годовыя изданія РУССКАГО АРХИВА 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 годовъ со всѣми приложеніями получать можно по **6** рублей съ пересылкою. 1881 годъ, съ большимъ портретомъ Екатерины Великой и двумя книгами „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“, продается по **8** рублей. Русскій Архивъ 1884 года **9** рублей. Остальные года разошлись всѣ.

*

Книги изданныя при Русскомъ Архивѣ:

ЗАПИСКИ Л. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТА. Полное изданіе безъ пропусковъ. М. 1867. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ. Записки М. А. Дмитріева. М. 1869. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ. М. 1873. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

JOURNAL TENU PAR LA PRINCESSE TOURKESTANOW ET LETTRES DE CHRISTIN A UNE DAME DE SA CONNAISANCF. Ц. 1 р. 50 к.

FERDINAMD CHRISTIN ET LA PRINCESSE TOURKESTANOW. Correspondence historique 1813—1819. Три тома этой исторической переписки продаются по 5 рубл. съ перес.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1885 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ).

Русскій Архивъ выходитъ въ 1885 году **двѣнадцать разъ** въ годъ **книжками** отъ 7 до 10 листовъ съ **портретами и рисунками.**

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1885 году съ пересылкою и доставкою на домъ — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ открыта на Невскомъ Проспектѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мелье и „Новаго Времени“ и на Васильевскомъ острову, 2-л., д. 7-й, въ книжномъ складѣ Стасюлевича, гдѣ получать можно полное годовое изданіе 1884 года (цѣна 9 р.).

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

Библиотека "Руниверс"